Ф.И.Успенский

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
VI – IX вв.

Москва
«Мысль»

ББК 63.3(0)4
У-77

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Основой настоящей публикации являются следующие издания:
История Византийской империи Ф. И. Успенского.
Т. 1. СПб., б. г.;
История Византийской империи Ф. И. Успенского.
Т. 2. Первая половина. Л., 1927

При подготовке текста из книг
были изъяты иллюстрации и комментарии к ним
В оформлении книги использованы
элементы византийских мозаик
(на форзацах — с изображениями
Юстиниана и Феодоры)

© Издательство «Мысль». 1996
© В. В. Красновский. Оформление. 1996
© Т. В. Мальчикова. Составление
и подготовка текста. 1996

ISBN 5-244-00838-2

Предисловие

Я весьма сожалею, что поздно приступил к печатанию работы, которую задумал не менее 25 лет назад. Часто возникает сомнение, удастся ли довести дело до конца, так как приближаюсь к пределу жизни. В продолжение сорокалетних занятий разными отделами Византии я имел случай останавливаться на многих вопросах, и многие отделы обрабатывались в разное время и с разными целями. Но когда наступила пора суммировать доселе приготовленное, сказалась в разных отделах разность настроения и неодинаковость общей идеи. Происходит ли это от условий возраста или от условий постепенного расширения кругозора? К сожалению, я не решаюсь ответить на этот вопрос, т. е. боюсь погрешить против дела. Несомненно, 20 лет назад я говорил смелей, делал более обобщений и заключений, не так осторожен был в приговорах: теперь мне часто приходилось смягчать выражения, сглаживать резкость мысли, переделывать целые главы, чтобы подогнать их к новому настроению. К пользе ли это для дела? Опять не могу высказаться положительно. Есть, однако, некоторые подробности, на которых должно отразиться с пользой то обстоятельство, что слишком замедлилось появление в печати моей работы.

С 1895 г. живя в Константинополе, я имел случай изучать людей, предками которых создавалась история Византии, непосредственно знакомиться с памятниками и вникнуть в психологию константинопольского патриархата, который во многом несет ответственность за то, что большинство подчиненных культурному влиянию Византии народностей доселе находится в столь жалком положении. Так как духовенство и монашество всегда занимали первенствующее место в истории Византии, то, конечно, немаловажное значение имеет то обстоятельство, в каком освещении излагать церковные дела. Может быть, не живя столько времени среди греков и не изучая непосредственно жизнь патриархата, было бы невозможно и мне отрешиться от теоретических построений и фикций, которыми нас так обильно наделяют в школе. Между тем реальный взгляд на вселенский патриархат, бросающий отлучения на славянские народы, нарушающие его филетическую политику, в высшей степени благовременно установить нам как для русской церковной политики, так и для нашего народного самоопределения, хотя бы ввиду того соображения, что не за горами тот момент, когда он политическим ходом вещей и успехами католической и протестантской пропаганды будет доведен до положения александрийского или иерусалимского патриархата, т. е. когда потеряет почти весь Балканский полуостров и значительную часть восточных кафедр. Затем только продолжительное пребывание на Востоке и соединенные с тем путешествия по Малой Азии, Сирии и Палестине могли для меня выяснить исторические судьбы Византийской империи, которая для своего существования связана более с Востоком, чем с Западом. Разумею не только то, что как константинопольская империя, так и заменившая ее турецкая главными

своими материальными силами (военными людьми и доходами) обязаны Востоку и всегда зависели от преданности восточных провинций, но и действительные традиции и исторические факты Ни один из славянских государей не совладал с заманчивой мыслью основать в Европе империю на месте греко-византийской; ни одно из европейских княжений, основанных в Европе после IV крестового похода — будь во главе его франки или местные греки — не имело продолжительной истории и не привлекло к себе народных симпатий, а между тем в Никейской империи сохранилась и созрела идея восстановления Византийской империи в XIII в. Урок истории должен быть строго проверен и взвешен теми, кто в настоящее время ожидает дележа наследства после «опасно больного» на Босфоре.

Так как настоящее издание не может быть рассматриваемо как коммерческое предприятие и не вызвано ни служебными, ни карьерными целями, то нахожу уместным объяснить здесь, что фирма «Брокгауз-Ефрон» своим согласием издать «Историю Византийской империи» в том виде, в каком она появляется перед публикой в настоящее время, немало повлияла на мое окончательное решение приступить к приготовлению текста для издания, т. е. решиться на предприятие, чс осуществлению которого всегда находились трудноустранимые затруднения.

Поступающая в руки читателя книга не имеет целью заменить существующие старые и новые истории Византии. Это не есть исчерпывающее изложение всех событий, входящих в круг более чем тысячелетней империи,— она заключает поэтому не шесть или семь томов, а три. Не конкурируя и не пытаясь заменить изданные истории Византии, я, однако, питаю заветную мысль дать соотечественникам цельную систему в такой области, которую считаю наиболее важной после отечественной истории для национального самосознания культурного русского обывателя. С этой целью и в желании быть общедоступным я не полагал необходимым дать большой научный аппарат ни в подстрочных примечаниях, ни в конце глав. Ссылки на пособия и цитаты источников допускались в той мере, в какой считалось необходимым, чтобы пытливый читатель не лишен был возможности при желании овладеть тем материалом, который был в распоряжении автора: источники указываются там, где даются оригинальные выводы на основании специального их изучения; пособия показаны руководящие, по которым легко найти указания на литературу предмета. Не давать больших подстрочных примечаний—это было условие и со стороны издателя, которое я нашел имеющим основания. Может быть, я много привел мест в русском переводе из документов и литературных произведений описываемого времени, но мне всегда казалось, что это всего лучше вводит в эпоху и передает настроения общества.

Автор пытался приложить все старание, чтобы этот труд, результат продолжительной, настойчивой и — да будет позволено присоединить— небезуспешной научной деятельности русского профессора, был достоин своей цели и предмета. Я родился в 1845 г. и могу закончить это последнее научное предприятие к семидесятилетнему периоду жизни, когда человеку свойственно подводить итог всему пережитому и суммировать результаты своей деятельности. Легко понять, что мне хотелось дать такое чтение в руки русского читателя, которое, с одной стороны,

своей строгостью и серьезностью давало бы ему идею о продуманной и тщательно взвешенной системе, а с другой — оставило бы добрую память об авторе, который, решаясь издать в свет составленную им историю Византии, подчинялся внутреннему влечению, исходящему из того убеждения, что утверждение знаний о Византии и выяснение наших к ней отношений в высшей степени обязательно для русского ученого и не менее полезно как для образования, так и для направления на верный путь русского политического и национального самосознания. Пусть читатель вдумается в содержание глав, посвященных южным славянам, и поищет там иллюстраций к переживаемым ныне печальным событиям на Балканском полуострове!

Ф. Успенский

Константинополь. Октябрь 1912 г

Введение

Сходства и различия в историческом развитии Запада и Востока

В науке давно уже назрела потребность выразить в простых и общедоступных формах разнообразие исторических явлений. К этому приводит не только известное свойство ума отыскивать сходства и различия в наблюдаемых фактах и размещать их по определенным категориям, к этому настоятельно побуждает также до колоссальных размеров разрастающийся исторический материал.

Можно приходить в ужас пред мыслью о том удручающем количестве фактов, с каким придется иметь дело нашим потомкам. Исторический материал нарастает с каждым поколением, изобретающим новые средства для увеличения и разработки его, но еще более он развивается по внутреннему содержанию и по объему, захватывая погибшие цивилизации и открывая погребенные под землей исторические памятники. Настоит поэтому серьезная потребность произвести род хозяйственного инвентаря в полученном нами от предков историческом наследстве, освободить наши склады от обветшалых предметов и годные к употреблению вещи распределить по отделам и группам.

Указанная потребность сознана в науке, и многие заняты в настоящее время группировкой материала по его ценности и внутреннему значению. Являются многочисленные попытки объяснить смысл исторических фактов, отыскать причинную связь между событиями, указать общие схемы развития народов. Эти попытки сопровождались весьма важным и успокоительным приобретением, дающим возможность без страха и опасения смотреть на умножение исторического материала; они показали: 1) что в области безмерно накопившихся фактов и наблюдений над жизнью человеческих обществ существуют известного рода последовательность и закономерность, которая заставляет думать об общих законах, управляющих всемирной историей; 2) что колоссальное накопление исторических фактов не затемняет, но разъясняет существо этих общих законов. Таким образом, есть полное основание надеяться, что количество фактов, как бы оно ни могло в будущем возрасти, не поработит человеческого ума, ибо наука постепенно приобретает средства распознавать существенное и несущественное в разнообразии явлений, давать цену одним и отбрасывать другие факты, употреблять в дело те, которые служат проявлением общих законов исторического развития, и только отмечать остальные. Одним словом, получается в том успокоительный вывод, что, хотя история до бесконечности раздвигается по своему объему, но в то же время она сокращается по своему содержанию в смысле подведения разнообразных фактов к единству идеи.

Мы уже отвыкли относиться к истории как к сборнику более или менее занимательных фактов из военной и дипломатической жизни народов, и нас более теперь не удовлетворяют картинные описания; мы ждем от истории разъяснения законов развития человеческого общества, ответа на вопрос о том, как зарождаются в человечестве новые понятия, идеи и учреждения, отчего крепнут и слабеют народы. Широкие требования к истории достаточно оправдываются уже и тем, что исторические вопросы ныне разрабатываются учеными археологами, антропологами, историками искусства, юристами и экономистами, и что историк не может строить своей системы без знакомства с обширным кругом наук, подготовляющих материал для его выводов.

Далеко не все отделы всемирной истории одинаково разработаны. И прежде всего существует громадная разница в этом отношении между западноевропейской и восточноевропейской историей. Изучение последней шло гораздо медленнее; во всех отделах истории, которые не имеют ближайшего отношения к Западу, господствует много произвольного и не обоснованного на тщательной обработке материала, который к тому же не вполне общедоступен, а частью и не издан. Вследствие этого постепенно получавшие в науке преобладание теоретические построения о ходе всемирной истории оказываются не совсем пригодными к разъяснению событий восточноевропейской истории. Сказанным объясняется необходимость особой главы, которая должна служить введением в историю Византии.

Представляет ли собой византийская история медленный процесс упадка и разрушения, лишена ли она всякой оригинальности, смены идей, борьбы за идеалы, или же, напротив, можно усматривать в ней проявление тех же законов, под влиянием которых жили и другие народы и государства? Есть ли история Византии неправильно развивавшийся член всемирной истории, или же, напротив, она представляет собой органически развивающееся тело? Отрицательный взгляд на Византию высказывался многими даже из тех, кто специально занимается ее историей. Меньшинство, и то только в позднейшее время, начало указывать в Византии такие стороны, которые могут характеризовать живой и развивающийся организм. Признаки развития и смены идей обнаружены как в литературе, так и в искусстве, в обычаях и учреждениях. Мало-помалу народилась потребность выразить в определенной формуле отношение византийской истории к всемирной и показать, какое же место принадлежит Византии в истории человечества.

Чтобы наметить искомую формулу, необходимо прибегнуть к сравнениям и сопоставлениям, а для этого важно указать тот круг исторических явлений, где между сравниваемыми фактами были бы наибольшая связь и взаимоотношение. Само собой разумеется, легче поддаются анализу факты западноевропейской истории, как факты вполне установленные и объясненные как по их значению и вытекающим из них последствиям, так и по преемственной связи и зависимости одного от другого. Это в особенности можно сказать о начальном периоде средних веков или о тех столетиях, когда новые народы постепенно занимали территории древнего Рима и полагали начатки своей государственности. Исходные моменты западноевропейской истории, иначе говоря, начальный период средней истории занимал внимание многих

европейских ученых, и выводы последних дают готовый материал для наших целей. Остановимся на этих выводах.

Существует научная теория, по которой как характер нынешней французской нации, так и особенности политического устройства и быта французов объясняются преемством от народа, который жил прежде них на почве Франции. Это были кельты или галлы, давшие и стране имя Таллия. Имеется весьма живая характеристика этого племени в сочинении Юлия Цезаря, который 9 лет провел между галлами, успел хорошо узнать их и написал историю своих войн с ними. Он описывает галлов как народ в высшей степени легкомысленный, падкий до новостей, всегда действующий под первым впечатлением. Более всего они увлекались собой, отличались необыкновенным национальным тщеславием, заносчивостью и хвастливостью. Война была любимым их занятием, они вели войну для войны и военной славы. Бывало, раненый галл сам расширял рану, чтобы она казалась шире. Военное дело и искусство говорить громкие фразы — самые выразительные черты галлов. В политическом устройстве их древние указывают такие черты, которые сближаются с французскими. Галльское сословие военных людей, или всадников (equites), напоминает рыцарей, брейры, или племенные-князья, содержащие многочисленную дружину, иногда доходящую до 10 000, сходны с средневековыми баронами. Клиентальные отношения одного племени к другому похожи на феодальную зависимость; могущественный класс духовенства, владеющего светскою властью, напоминает римское папство. Все эти черты дали происхождение теории, которая объясняет многие факты французской истории заимствованиями от кельтов. Заключения о близком сродстве нынешних французов с древними кельтами сделались, можно сказать, общим местом. И тем любопытнее эта научная, а в некоторых случаях и политическая теория, что прямой физиологической преемственности между этими двумя народами нельзя установить.

Как бы то ни было, самая блестящая характеристика французов, какую можно только указать, сделана под влиянием Цезаря. Такова страница Токвиля «Старый порядок и революция»: «Из всех явлений французской истории наиболее странным и наиболее необыкновенным кажется сам французский народ. Был ли когда на свете народ, более исполненный контрастов и более способный вдаваться в крайности, более руководящийся чувствами и менее принципами, стоящий то много выше, то много ниже общего уровня человечества, народ столь неизменный в главных своих чертах, что его легко можно узнать в рассказах Цезаря, и столь переменчивый в своих ежедневных помыслах и наклонностях, что нередко он сам для себя становился неожиданным зрелищем, и сам, не менее иностранцев, принужден изумляться при виде собственных дел своих; народ, более привязанный к своему дому и к своим привычкам и, вместе с тем, более способный все изменять и идти на край света, коль скоро он вышел из обычной своей колеи; непокорный по самой своей натуре и уживающийся с произвольным и насильственным правлением одного лица гораздо охотнее, чем с разумным и свободным правлением лучших граждан; никогда не свободный настолько, чтобы нельзя было поработить его, и никогда не порабощенный так, чтобы он не мог свергнуть с себя иго; не знающий границы ни в рабстве, ни

в свободе; годный на все, но стоящий на высшей степени совершенства только в военном деле; народ, более преклоняющийся перед случаем, перед силой, перед успехом и блеском, чем перед истинной славой; более способный к героизму, чем к добродетели; к гениальности, чем к здравомыслию; к составлению колоссальных замыслов, чем к совершению великих предприятий: самая блестящая и самая опасная нация в Европе, попеременно возбуждающая к себе удивление, ненависть, жалость, страх, но никогда не равнодушие».

Нет сомнения, что эта блестящая характеристика французов, в значительной доле подсказанная Цезарем, представляет собой известное научное увлечение; во всяком случае, Токвиль и те историки, которые следуют его направлению, видят во французской истории развитие тех основных народных начал, которые характеризуют древних кельтов. Ни влияние Рима, ни германские поселения в Галлии, ни католическая Церковь не имеют с этой точки зрения существенного значения в построении французской истории и французских учреждений.

Такова сила фактов, представляющихся наблюдению при сравнении кельтов с французами, что перед ними не устоял высочайший авторитет прошлого века в исторической науке, Моммсен. В его характеристике древних кельтов можно между строками читать приговор современным французам: «При многих солидных и еще более блестящих качествах кельтская нация лишена той глубокой нравственной основы, на которой зиждется все великое и прекрасное в человеческом развитии. Кельты сильны двумя качествами: военным делом и красным словом. Такие свойства хорошего солдата и плохого гражданина объясняют нам тот исторический факт, что кельты поколебали все государства, но сами не основали ни одного. Что бы они ни начинали, все расплывалось, как весенний снег, и нигде им не суждено было создать своей культуры. В сильном круговороте всемирной истории, который безжалостно сокрушает все народы, не крепкие и не гибкие, подобно стали, кельты не могли долго держаться. Судьба их — исчезнуть, подобно дрожжам будущего развития, в политически превосходящей их национальности». Можно легко догадываться, что отрицательные качества кельтов у Моммсена противополагаются положительным свойствам германской нации, которая, как более крепкая и гибкая, дала перевес германским народным началам в новой истории. Таким образом, в общих чертах легко предугадать главные течения, господствующие в науке по отношению к западной истории. Особенности кельтского характера многих подкупают в пользу того мнения, что французская история со всеми ее отличиями в верованиях, в военном деле, в праве, в сословных отношениях и т. п. может быть объяснена из быта кельтов. Придерживающиеся такого воззрения, которое приобретает характер национальной французской теории, нашли себе весьма сильную поддержку в выводах романской школы, по которой сущность средневекового исторического развития сводится в главных чертах к истории романизации новых народов.

Рядом с этим направлением стоит другое, которое усматривает основные черты всего строя западной истории, не исключая и французской, в особенностях быта и характера жизни древних германцев. К счастью для этой школы, которую можно назвать немецкой, знаменитый римский историк Тацит (между 98—100 гг. христианской эры)

описал германцев не только в подробностях их быта, но, что еще важнее, с замечательным сочувствием и восхвалением их народных черт. В высшей степени любопытно то, что у Тацита действительно можно находить такие свойства быта германцев, которые прямо могут быть применены к немцам средних веков. Особенно имеется в виду описание дружинного быта. «Окружать себя толпой избранных юношей считается достоинством, украшением во время мира, охраной на войне. Почет и слава не только в своем колене, но и у соседних народов тому, кто отличается числом и храбростью дружины. Во время сражения для предводителя считается позором не превосходить всех храбростью, и для дружины постыдно отставать от предводителя. Ибо ожидает бесславие и позор на всю жизнь того, кто остался на поле сражения живым, потеряв предводителя. Защищать и оборонять его, своими подвигами возвеличивать его славу считается священною обязанностью. Предводители сражаются из-за славы, дружина — за предводителя. Если родное племя цепенеет в продолжительном мире и праздности, знатные юноши стремятся к тем, которые ведут войну, ибо не люб этому народу покой, в опасностях легче приобретается слава, да и нельзя иначе содержать большую дружину, как насилием и ввйной. Дружинники получают от предводителя коня и кровавую победоносную фра-мею, жалованьем не пользуются, но имеют готовое содержание и помещение».

Приведенное место—находка для тех, кто пожелал бы генетически объяснить происхождение средневековых учреждений: отношение сеньора к вассалу, рыцарство и вообще тот характер личных отношений, которым так отличается средневековое устройство.

Из предыдущего можно усмотреть, что история французов и германцев основаниями своими покоится на двух теориях: с одной стороны, что романизованные кельты определили характер французов, а с другой— что тацитовские германцы заключают в себе существенные элементы для объяснения германской истории. В смысле исторической эволюции эти национальные школы представляют в себе сильно уязвимые места. Если существенные особенности средневекового строя даны формами жизни кельтов или германцев, то зачем понадобился длинный период развития в 8 или 9 веков, чтобы этим формам развиться в средневековый феодализм? Почему же сеньоры и вассалы с наследственными привилегиями и с присягой на верность частному лицу появляются в X в.? Наконец, существует такая научная теория, которая вообще не придает существенного значения индивидуальным отличиям и характеристикам народов; в основе ее лежит мысль, что все народы проходят одинаковые стадии развития. Сравнительно-исторический метод, берущий аналогии в разных местах и из различных эпох, принес уже много важных научных результатов и стал применяться во всех ученых литературах. Для дальнейших целей наших он имеет особенную важность, и потому позволим себе указать существенные выводы, добытые представителями этого направления.

Прежде всего, говорят приверженцы упомянутого направления, нужно считать большой ошибкой то мнение, по которому история развития европейского человечества обрывается с падением Западной Римской империи и вновь начинается через некоторый период времени

в истории новоевропейских народов. Эти новые народы не принесли с собой никаких культурных элементов, которых бы не было в Римской империи. Все, что представляли они в себе оригинального и самобытного, в общем было слишком слабо и неустойчиво и не могло противостоять правильно организованным и хорошо приспособленным общественным формам римской жизни. Напрасно, далее, думают, что Рим душил и теснил своих подданных. Напротив, императорский период благоприятствовал развитию провинций, вызвал в них богатую производительность и торговлю и сослужил высокую воспитательную роль для новых народов. Эти последние, осев в пределах империи, воспользовались готовыми формами общежития и стали к ним применяться. Типические особенности западной истории, например феодализм, рыцарство, зависимый труд земледельца и т. п., были подготовлены римским развитием, а не даны кельтами или германцами. Это направление, придающее главное значение в новоевропейском развитии римскому влиянию и отрицающее всякие перерывы в исторической эволюции, имеет особенный интерес по своим прикладным выводам. История западноевропейского развития и западной культуры признается всеобщим типом, с которым должны сообразоваться все исторические народы. Одинаковый напор варваров на рейнские и дунайские границы должен сопровождаться и одинаковыми последствиями на Востоке и Западе. Вся историческая эволюция новоевропейской истории направляется одним и тем же путем и проходит те же стадии. С этой точки зрения и феодализм есть всеобщий закон, которого не может миновать ни один исторический народ.

Нетрудно понять, что германская и кельтская теории основываются, по существу, на весьма несложных наблюдениях. В X в. во всех западных государствах наблюдается один общий уклад внутренней жизни: деревня и помещичья усадьба находятся между собой в тех же зависимых отношениях в Германии, равно во Франции и в других странах; помещик везде одинаково стремится стать государем. В этой тенденции мы видим утверждение того порядка вещей, который известен под именем феодализма, и который действительно служит самым существенным и всеобщим признаком западного развития. Господство и всеобщность феодализма на Западе в средние века, несомненно, были главным мотивом для западных ученых в построениях ими всей своей истории. Известия Тацита о германской дружине, об особом обряде вступления в дружину, наконец, о верности членов дружины своему предводителю так хорошо гармонировали с отношениями вассала к сеньору, с обрядом посвящения в рыцари и проч., что естественно было видеть начатки средневековых учреждений у германцев времен Тацита. Точно так же представляемая Цезарем картина политической борьбы у кельтов, в которой более могущественные князья, владея тысячами военных людей, достигали принципата, и в которой клиентельные отношения целых племен и сословий так напоминают феодальную зависимость целых территорий, естественно должна была подкупать в пользу предположения, что основы феодализма скрываются в быту кельтов, описанных Цезарем. Что касается романской теории, объяснение характерных явлений западноевропейского развития в ней исходит из признания всеобщности некоторых исторических законов.

Представители романской теории, или романисты, настаивают на том положении, что новые народы не могли ничего противопоставить римской культуре и невольно подчинились тем условиям быта, которые находили среди романизованных населений Италии, Галлии, Испании и частью Германии. Ничего не противопоставив романскому влиянию, новые народы ничего своего не привнесли в историю. Рим естественным путем пришел бы к той форме быта, какая характеризует средние века. Такое положение весьма пригодно к устранению крайностей упомянутых национальных теорий, но само по себе оно также не объясняет всего разнообразия явлений в истории. В основу этого положения поставлен закон естественного развития европейского человечества. В той мере, как новые народы воспринимали плоды римской образованности, они становились гибким и послушным материалом, который был формируем романизмом по его собственным склонностям.

Если поставим вопрос шире и будем вести речь о всемирной истории, то найдем, что указанные теории удовлетворительны для объяснения лишь частных историй, а не всеобщей. Успехами изучения всеобщей истории мы обязаны исключительно западным ученым. Понятно, что западноевропейские теории имеют и у нас широкое применение, влияя на разработку даже нашей собственной истории. Нужно ли говорить, что национальные теории представляют собой выражение национальных и политических тенденций; можно ли сомневаться, что в оценке факторов, влияющих на развитие европейской истории, западная наука дала преобладание тем, которые выражают западные народные начала? Но, конечно, нетрудно доказать, что западная история не вполне одно и то же, что европейская история, а тем более не всеобщая, и что в последней могут оказаться важными такие факторы, которые не имеют принципиального значения в первой. Если мы пожелаем установить общие схемы новоевропейского развития, то должны будем отнестись с одинаковым вниманием к фактам западно- и восточноевропейской истории, иначе наше построение будет односторонне и неверно. Так, если бы мы, желая указать особенности исторического развития славянского племени, собрали для этого материал только в польской истории, то наша теория была бы не верна в том отношении, что истории других славян могут представлять такие стадии развития, каких нет у поляков.

Западная историческая наука в своих построениях отправляется из двух, собственно говоря, наблюдений: одно дано изучением Западной Римской империи и отношений ее к новым народам, другое получается из истории германцев, французов, англичан и др. после эпохи Великого переселения; но этих наблюдений недостаточно для заключений об общих законах европейского развития. Кто считает их достаточными, тот смотрит на народы негерманской и нероманской расы как на ненужный служебный придаток, с которым не стоит много церемониться. В западных исторических системах нет места наблюдениям над историей Византийской империи и ее отношений к новым народам и над историей греков и славян, персов, арабов и других восточных народов после падения Западной империи. Самым очевидным и бесспорно важнейшим наследием, завещанным древним миром средним и новым векам, нужно признать самый факт существования в Европе романских народностей. Нынешние итальянцы, французы, испанцы и румыны не суть, конечно,

потомки старых римлян, но они и не германские готы и лангобарды, не франки и не свевы и вестготы, это олатыненные, т. е. романизованные, германцы. Что разлагающийся якобы Рим императорской эпохи заключал в себе громадный запас жизненных сил, это видим из того, что новые народы не выказали сопротивления культурному римскому влиянию, и все были увлечены потоком романизации.

Нельзя думать, что романизация была распространяема только оружием и насилием; нет, римская власть давала и преимущества, которыми не могли не дорожить новые народы. Не вся сила римской политики заключалась в знаменитом девизе: divide et impera, т. е. умей разделить интересы подвластного населения и тогда легко будет управлять. Стало уже известно, что Рим многим и поступался в пользу подвластных населений, стараясь сделать малозаметной утрату национальной свободы и переход под чуждую власть. Принято говорить, что заслуга Римской империи состоит в том, что она романизовала новые народы. Это значит, что империя открывала новым народам доступ к тем благам культуры, которые были выработаны совокупными усилиями эллино-римского мира; это значит, что Рим предоставлял своим подданным свободный доступ к образованию, к почетным должностям и поощрял их предпринимать административные, экономические и политические реформы в их собственных областях. Галлия и Испания давали Риму императоров, выставляли ученых и поэтов. Латинский язык становится господствующим языком образованных сословий в провинциях; римская вера сменяет народные верования, жертвенник Рима и Августа делается политическим и религиозным центром в городах варварских. Римское право и римская система землевладения без особенной борьбы завоевывают себе твердое положение в варварских землях. Но нужно быть осторожным при оценке области действия романизации. Римские постройки, театры, бани и т. п. памятники римской пластики, архитектуры и живописи находятся по всей области римского политического влияния до Трира, Страсбурга и Майнца. Здесь были опорные пункты, здесь стояли легионы, на долю которых падает значительная часть успехов распространения римского языка у германцев. Прочно также было римское влияние на Дунае, и тем любопытнее следы его на Балканском полуострове, что римское здесь господство было не так продолжительно. Итак, романизация должна быть признана могущественным фактором истории западных народов; но она, во-первых, не в состоянии объяснить строй западноевропейской истории, во-вторых, она не простирается на всю Европу.

В то время, как Запад в лице нынешних романских и романизованных народов воспринимал и усваивал себе разнообразные влияния Рима, Восток обнаружил значительное упорство в этом отношении, выставив против романизации поток местных особенностей: особую культуру, язык, право, словом, национальные особенности. На первом месте стоит, конечно, Греция, хотя и слабая политической силой, но гордая своей старой культурой, некогда возобладавшей даже в Риме, имевшая свой развитой язык и вековые исторические традиции. Рядом с Грецией нужно поставить восточные римские провинции: Малую Азию, Сирию, Палестину, Месопотамию и Египет. Не в том, конечно, нужно искать причину ослабления романизации в названных областях, что они меньше

подвергались прямым воздействиям латинского языка или римского права, а в том, что греки, египтяне, сирийцы и другие народы оказались в состоянии выдержать борьбу с романским течением, выставив в отпор ему не менее жизненные национальные культурные течения. В той же степени была неудачна романизация в отношении к тем славянам, которые входили в сношения с империей. Славянам предстоял выбор между римско-католическими влияниями и противоположными им; что выбор их склонился не в пользу романизма, этим, с одной стороны, определился характер их истории, с другой — намечались особенности исторического развития целой половины европейского человечества.

Восточная империя, отделившись от Западной, прежде всего отмечает свои исторические тенденции принятием греческого языка своим официальным языком, этим уже дано было внешнее выражение преобладанию эллинских элементов над романскими. Далее, Восточная империя разрешает проблему, которой не удалось разрешить Западной,— она ужилась с новыми варварскими элементами, вступив с ними в такой род соединения, который не удался на Западе. Наконец, Восточная империя по своему этнографическому составу и по своим учреждениям представляет в себе протест против того утверждения, что тип, по которому сложилась западноевропейская история, есть универсальный тип. И, конечно, было бы ошибочно строить теории исторического развития народов, исходя исключительно из фактов западной истории и пренебрегая восточноевропейской, т. е. целой половиной подлежащего изучению материала. Восточная империя перестает быть продолжением римской с VII и в особенности с VIII в., она становится с тех пор представительницей византинизма. На этой ступени развития она может быть сравниваема с Римской империей Карла Великого; как последняя образовалась из сочетания национальных германских начал и романских элементов, так и Византийская империя произошла из взаимодействия греко-римских и разнообразных варварских элементов. Формальный параллелизм главных фактов западноевропейской и византийской истории может подкупить в пользу того мнения, что формы западного развития вполне соответствуют восточным. Но стоит обратить внимание на подробности, и дело получает совсем иной вид.

В отношениях новых народов к империи нужно различать двоякого рода случаи: или варвары насильно врывались в имперские области и располагались в них на временное или постоянное жительство, или же поселение совершалось по взаимному соглашению и договору. В последнем случае народ свободно располагался или в завоеванной им области, или в такой, которая ему была указана императорским правительством на известных условиях. Главной задачей империи в том и в другом случае было установить с варварами более или менее сносный род сожительства, соседства или союза. От фактического порабощения новых народностей, неудержимо напиравших на рейнские и дунайские границы, империя отказалась уже в IV в. Самым критическим моментом нужно считать начало V в., когда Восток и Запад одинаково находились в руках варварских предводителей. Это было время правления детей Феодосия Великого Аркадия и Пшория, но во главе стояли Руфин и Стилихон. Тогда в первый раз готы начинают смелые нападения на Италию. Аларих и Атаульф в 410 г. взяли Рим и сделались обладателя-

ми империи, тогда же другие варвары прорываются за Рейн и овладевают Галлией. Аларих не остается в Риме («варвары боялись городов, как могил»). Атаульф униженно просит императора дать ему руку сестры его и указать, каким образом готы могут служить интересам Рима. А Феодорих Великий писал императору: «Богу угодно было, чтобы я научился правительственной науке в вашей империи. Наше королевство—подражание вашему; мы превосходим другие народы тем, что подражаем вам».

Империя несколько раз лежала у ног варварских победителей задолго еще до так называемого падения Западной империи, но престиж имени Римской империи наводил чары на завоевателей и гнал их из побежденного Рима. С этой точки зрения отношения одинаковы как на Востоке, так и на Западе. Разница та, что лишенный преимущества быть столицей империи Рим с половины V в. теряет свой престиж, и на том месте, где была империя, начинают зарождаться этнографические группы, которым предстояло выработать формы политической жизни. Между тем, столица Восточной империи пережила крушение Рима и должна была на Востоке и Западе продолжать по отношению к варварам дело империи. Несмотря на сильный поток романизации, увлекший своим течением новые народы, Запад теряет связь со своим центром и переносит исторический пульс на окраины, в кельто-германские и германские области. На Востоке Константинополь оставался политическим, культурным и религиозным центром, к которому постоянно притекали свежие силы и у которого никто не мог оспаривать его первостепенного значения. Задача обновления древней империи принятием новых народов разрешилась на Востоке гораздо благоприятнее, чем на Западе. В этом отношении главнейше имеется в виду славянская колонизация. Византийская империя не только нашла способ воспринять в себя новые этнографические элементы, т.е. поставить варваров в такое положение, в котором бы они с наибольшей пользой служили целям империи, но еще представила опыт согласования романизма и эллинизма с началами, воспринятыми от новых народов.

Около времени падения Западной империи на Востоке был составлен особый законник, в котором римские правовые воззрения согласованы и применены к потребностям восточных провинций империи. В VIII в. составлен другой законодательный памятник, в котором не столько римское право применено к потребностям славянских населений, сколько переделан закон о сельском сословии согласно с новыми началами, внесенными в империю новыми подданными. Оба названные памятника имеют общее значение; они показывают, с одной стороны, какие преграды выставил Восток романизации, с другой—оба они служа г выражением византинизма и показателем заключающихся в нем понятий. Так называемый сирийско-римский законник, открытый в 1880г., имел широкое распространение на Востоке от VI до XIV в. Если припомним, что в том же VI в. Юстиниан предпринял задачу редактировать старое римское законодательство и собрать объяснения римских юристов, и если результаты его деятельности — Пандекты и кодекс— не получили абсолютного применения в Византийской империи, то виной тому был, между прочим, указанный выше сирийский закон-Ник. Он составил собой непреодолимую преграду для распространения

Юстинианова кодекса, так как был более практичен, а главное, применен к потребностям и интересам восточных народов. Таким образом, распространению римского права на Востоке была положена преграда в конце V в.

Подобная же переработка римского права в интересах разноплеменного состава империи наблюдается и в последующие периоды. Особенный интерес в этом отношении имеют следы славянского обычного права в византийском законодательстве. В законодательстве VIII в. являются совершенно неожиданные и труднообъяснимые из римского права новшества: свободное крестьянское сословие и свободное мелкое землевладение. Закон применен к потребностям населения, живущего в общине и владеющего общинной землей. Эти новшества в греческом законодательном памятнике, изданном византийским императором, характеризуют византинизм и показывают, что в нем заключены и славянские правовые воззрения, и следы славянского быта.

Итак, отдавая должное романизации в процессе образования западноевропейской государственности, мы, с другой стороны, не можем не придавать значения византинизму как организующему началу исторического развития на юго-востоке Европы. Будем справедливы и согласимся, что, если романизм формирует франкское государство и лежит важным фактором в империи Карла В. и Оттонов, если римские правовые воззрения оказывают очень сильное действие во всей истории Запада, то, с своей стороны, византинизм становится идеалом славянского царства, к которому стремятся передовые славянские народы; с Юга византинизм доходит до Киева и Москвы, по византийским началам складывается историческая жизнь восточноевропейских народов. В связи с византинизмом стоит распределение Европы на две половины: православную и католическую. Словом, византинизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы; этот принцип заправляет развитием многих народов до настоящего времени и выражает особый склад верований и политических учреждений, и, можно думать, особый вид организации сословных и земельных отношений.

Когда мы обсуждаем какое-либо событие политической, военной или дипломатической истории, всегда можем, разложив его на составные части, доискаться, до некоторой степени, причин, давших ему известное направление. Так, можем указать некоторые причины неуспеха Франции в войне с Пруссией, или до некоторой степени объяснить неудачный поход Наполеона I на Россию, или, наконец, наметить, хотя бы в общих чертах, причины наших неудач в войне с Японией. Но гораздо труднее дается понимание фактов, относящихся до внутренней истории. Здесь гораздо сложнее составные элементы, меньше заметна личная инициатива; здесь, наконец, не так легко определить причины, производящие то или иное сочетание фактов. Разумеем народные верования, обычаи, формы общественной жизни, умственное движение, прогресс и упадок и т.п. Сколько, в самом деле, данных нужно принять в соображение, чтобы объяснить себе, почему Франция так быстро оправилась после беспримерной в летописях войны?

И, между тем, фактам и явлениям, относящимся до истории культуры, нельзя не придавать решительного преимущества там, где

речь идет о сравнительной оценке развития двух половин Европы. Убедительная сила их заключается в том, что сравнению могут подвергаться факты одной и той же категории, и притом не в одной, а в последовательных стадиях развития, от первичной формы до вполне законченной. Можно сравнивать философское и религиозное движение на Западе и Востоке, искусство и литературу, наконец, формы общественности и государственное и церковное устройство.

Мы возьмем для сравнения ряд фактов, относящихся к развитию общественности на Западе и Востоке; это даст нам случай высказать несколько соображений по поводу того исторического направления, которое переносит центр тяжести в истории на изучение экономических факторов народного хозяйства. Названное направление, или школа, оказало большую услугу в особенности тем, что выяснило первоначальные основания, на которых покоится средневековый общественный и политический склад. Сведя эти основания к неумолимому закону политической экономии, она придала, как кажется, слишком важное значение этому закону в ущерб наблюдениям, получаемым из истории Восточной Европы.

Западные летописи, законодательства и частные акты открывают одно замечательное явление средневековой жизни, которое одинаково повторяется во всех слоях общества. Более слабые в экономическом отношении, равно как ниже других стоящие по своим гражданским правам люди, дабы избежать разного рода житейских невзгод, поголовно стремятся отыскать себе защитника в лице богатого и сильного соседа. Это весьма распространенный акт коммендации, которым лица низших сословий и состояний принимали на себя добровольную, по-видимому, зависимость, на самом же деле вступали в кабалу. Одни вступали в зависимость к королю, другие — к частным лицам. Кто искал защиты, тот обязывался к послушанию и разного рода повинностям и службе; кто обещал защиту, тот давал согласие оберегать интересы защищаемых. Этот обычай был таким общераспространенным и так согласовался с условиями жизни, что тогдашние законы, по-видимому, не допускали иного состояния, как зависимое. «Каждый,— говорится в одном распоряжении Карла Великого,— имеет право после смерти своего господина рекомендовать себя другому». Или еще: «Всем дозволяется держать в своей коммендации свободных людей». Люди благородного происхождения и вообще привилегированные классы также не были свободны от этого акта коммендации с тою лишь разницей, что, когда знатный германец вступает в личную зависимость короля и дает ему присягу на верность, он выигрывает этим, ибо получает большие преимущества по военной службе, на его долю перепадает много благ по Управлению провинциями, по почетным назначениям и т. п. Точно так же пользуются уже от него преимуществами и выгодами и те лица, которые находятся у него в коммендации.

Таково всеобщее явление, происхождение и последствия которого в высшей степени важны для всей истории западного развития. В сфере Земельных отношений оно постепенно направляется к тому, чтобы подвести все крестьянское население в зависимое от помещика-землевладельца состояние. На всем пространстве Европы, куда простиралась (Романизация, к VIII в. складывается один и тот же тип социальный

и экономический: помещичья усадьба и кругом нее зависимые от помещика крестьянские селения, жители которых находятся в коммендации у помещика, отбывая разные натуральные и денежные повинности в его пользу. Часто бывали случаи отпущения на волю; из этого ясно, что существовало и обратное течение в жизни, которое возводило людей к свободе; но обстоятельства времени были так неблагоприятны, что свободный опять должен был искать себе господина и защитника. «Если тебе случится, — говорится в одном памятнике,— для защиты своих прав гражданских прибегнуть под покровительство Церкви или кого найдешь удобным, то имеешь к тому полную свободу».

В объяснении этой черты западного развития ученые не сходятся. Одни приписывают ее национальной особенности германцев, другие — кельтов, третьи объясняют влиянием римской политической и экономической системы. Римская земельная система императорской эпохи характеризуется господством крупного владения. В каждом значительном римском хозяйстве одна часть земли выделялась под помещичью усадьбу, а другая была разделяема на мелкие участки, которые были сдаваемы в арендное содержание. Управление хозяйством и крестьянским населением было поручаемо надзирателю, т. к. сам помещик жил в городах и в свою виллу редко заглядывал. Устройство римской помещичьей усадьбы (лат. villa) сделалось образцом для средневекового хозяйства. Право собственности на землю принадлежит помещику, в факте обработки чужой земли лежит идея зависимости. Кто сел на чужую землю и стал обрабатывать ее, тот вступил в зависимое положение к владельцу земли. Таким образом, римский патронат сменяется в занимающий нас период коммендацией.

Но вопрос несколько изменится, если обратить внимание на то обстоятельство, что в основании общего стремления к кабале со стороны отдельных лиц и целых классов лежат условия экономической тягости и недостатка средств к осуществлению гражданских прав. Те, которые относят указанное явление на счет римского влияния, правы лишь в том отношении, что усмотрели сходство в организации римской виллы и средневековой помещичьей усадьбы, но едва ли верно предположение о генетической связи той и другой систем. Один из видных представителей этой школы, англичанин Сибом[1], который последовательно провел свою теорию от начала истории до XIX в., нашел в акте коммендации и в системе римской виллы оправдание современного аграрного строя Англии. Он написал ученую книгу, в которой доказывает, что весь процесс социального развития, который только можно проследить по памятникам, состоит в постепенном освобождении земледельца от крепостной зависимости к господину, доказывая, что, чем дальше идти в глубь истории, тем дело было хуже. За 2000 лет история знает один тип крестьянского сословия—зависимый от помещика и сидящий на чужой земле; эволюция же заключается в том, что узы зависимости постепенно ослабевают и к XIX в. почти повсеместно разрушаются.

Позволим себе здесь историческую справку. Период великих потрясений и переворотов, истребления или изгнания целых народов, тот период, когда кочующий военный стан не мог располагаться в занятой стране на продолжительное время, а часто должен был уступать ее новому, более сильному кочующему войску — ужели возможно смотреть

на этот-период как на смену одной земельной системы другою? В эпоху переселения народов история имеет дело с кочующими войсками, у которых социальные отношения строились, конечно, не на поземельном владении. Организация германского войска основывалась на родовых отношениях; из них же должна быть объясняема и история их после переселения. Но всего труднее было бы примирить занимающую нас систему с тем наблюдением, почерпаемым из средневековых памятников, что акт коммендации есть переход из свободного состояния в несвободное, что, следовательно, был довольно значительный контингент свободных состояний, который терял свою свободу посредством коммендации.

Кто не слыхал о германской марке, т. е. о немецкой свободной деревенской общине, представляющей семейно-родовую и территориальную административную и судебную единицу? В истории германской марки следует искать объяснения того порядка вещей, который побуждал свободного человека жертвовать своей независимостью; здесь же, с другой стороны, находит себе применение тот экономический закон, который требовал «соединения хозяйственных сил», организации крупных хозяйственных предприятий, «подчинения больших масс свободных мелких землевладельцев воле одного крупного собственника».

У нас в 40-х годах прошлого века община была открыта Гакстга-узеном, у немцев подобное же открытие сделал Маурер. Он выяснил, что марка есть свободная немецкая община. Она была основой социальной жизни германцев и много времени после эпохи переселения, в марковом устройстве жил многочисленный класс свободных земледельцев. Члены марки составляли между собой союзы по общинному владению землей, по отбыванию государственных повинностей и составляли из себя целые селения или деревни. «Свободные деревни,— говорит Маурер,— первоначально были весьма распространены повсюду. Эти деревни стали постепенно утрачивать свободу по мере того, как отдельные члены переходили в несвободное состояние». История разложения крестьянской общины в Германии весьма поучительна с точки зрения тех разрушительных сил, которые стремились к раздроблению, ослаблению и подчинению ее. Для Европы в настоящее время это имеет скорее научный и исторический интерес, у нас же в России — интерес современности, ибо и в законодательстве, и в науке, и в литературе вопрос об общине играет важную роль.

Процесс разрушения германской марковой системы составляет такое отдаленное прошлое, что о нем можно говорить с полным беспристрастием. С экономической стороны мелкому землевладению был нанесен сильнейший удар изменениями в условиях сельского хозяйства, последовавшими при Каролингской династии. В больших поместьях духовных и светских землевладельцев по собственному почину Карла В. Начинает практиковаться система больших запашек, расчистки лесов, Поднятия новин, требовавшая более сложных орудий обработки и вызывавшая искусственную организацию хозяйства с помощью труда зависимого населения. Было бы несправедливо утверждать, что крестьянская община не нашла в самой себе средств приспособления к изменившимся Условиям. Замечаются частные и соединенные предприятия крестьян, относящиеся к увеличению запашек и обработке незанятых земель,

которые могли бы развиться до крупных размеров, если бы само правительство не положило тому предела. С другой стороны, происходит изменение в старой системе поселений небольшими погостами или отдельными хуторами: крестьяне скучиваются в больших деревнях. Эти явления в германской марке вызывались, конечно, необходимостью конкуренции с большими производствами продуктов в богатых усадьбах. Но артельные предприятия в общине не могли быть такими успешными, как у соседнего землевладельца, располагавшего капиталом, громадным количеством рабочих рук и усовершенствованными орудиями. Расширялась колонизационная деятельность марки, но с основанием новых хозяйств не выигрывала экономическая ее сила. В конце концов, оказалась бедность, потом пошли недоимки, долги. Свободный член марки был вынужден выходить из общин и вступать в зависимое положение к богатому соседу. Это направление в общественной жизни должно быть сведено к своим первоначальным и простым причинам: крайняя бедность и невозможность пропитания, недостаток защиты от притеснений сильных соседей, тяжелые подати, воинская повинность и, наконец притеснения от местного сеньора-землевладельца, который творит неправый суд. Таковы были обстоятельства, точно указываемые в тогдашних кабальных и запродажных актах, которые приводили к коммендации.

Весь строй государства приближался к тому состоянию, в котором не оставалось места другим формам быта, кроме зависимости. В самой деревенской общине этот процесс выразился в обнищании одних и в непомерном обогащении других. На счет обедневшей массы возвышаются богатые крестьяне, которые становятся во главе общины и влияют на дела ее. Было нарушено равенство в земельных наделах, вследствие чего пострадал принцип равенства между членами марки. Соседние землевладельцы стали увеличивать свои поместья приобретением участков в общинной земле, а члены деревенской общины не в состоянии были дать отпора их притязаниям. Как скоро среди марки появлялась помещичья усадьба, эта последняя необходимо должна была стремиться к широким хозяйственным предприятиям, основывающимся на организации зависимого труда и капитала. Тогда в марке появлялись господская усадьба и зависимая от нее земля, рабы и крепостные крестьяне, сидящие на земле помещика. Этим решалась навсегда участь свободной деревенской общины. Переход маркового устройства в зависимое происходил иногда с соблюдением всех законных условий, т. е. члены общины вступали в отдельные договоры с землевладельцем, и вся марка правильно и законно входила в помещичью усадьбу.

Отмеченный социальный процесс происходил на глазах истории, своего большого напряжения он достигает в VIII и IX вв. Для существа дела, конечно, безразлично, как относится к нему та или другая научная школа: как к обычаю германской защиты, или кельтской клиентелы, или как к перешедшей в средневековую Западную Европу системе устройства римской виллы. Для нас гораздо важнее та наглядная понудительная сила экономических условий, которая разрушительно действовала на мелкое землевладение. И нужно заметить, что современники не только видели, как складываются земельные и социальные отношения, но и понимали, какие из того последуют результаты. В законах и распоряжени-

ях Карла Великого очень выразительно отмечены жалобы бедных людей на хищничество сильных, которые отнимают у них участки и лишают свободы. Каролинги пытались защитить слабых против сильных, запрещали «графам, викариям и судьям скупать имущество бедных под обманным предлогом, тем более отнимать насильно и похищать его»; высказывали желание, чтобы «графы не понуждали свободных людей к рабскому труду»; объявляли недействительными кабальные записи, по которым свободные люди отдавали себя в коммендацию. Но императорские предписания не достигали цели. Посылаемые в провинцию ревизоры (миссы) доносили, что «безчисленное множество народа находится в угнетении, лишено имущества и свободы, и что графы и другие чиновники дурно исполняют законы». Но теперь уже дознано, что серьезной и решительной борьбы с возникающей земельной аристократией, о злоупотреблении которой здесь говорится, Каролинги не предприняли. Карл и сам был заботливый хозяин, и в его собственных поместьях происходили те же порядки, что у других крупных собственников[2].

К тому же результату, т. е. к уравнению свободных земледельцев с рабами и подведению того и другого состояния в класс крепостных крестьян, вело усиление служилого сословия, как военного, так придворного и административного. Это сословие выросло и окрепло на пожалованиях населенными землями. При Карле Великом оно начинает только заявлять свои политические сословные тенденции, а при его преемниках без помехи осуществляет их. Землевладелец стремится быть придворным и административным органом, последние выбирались непременно из землевладельцев. Государственная служба, в особенности военная, вознаграждалась земельными пожалованиями (бенефиция). Дальнейшее социальное преобразование совершается под влиянием помещичьих притязаний служилого сословия. В общих чертах оно развивалось под влиянием системы бенефиций. Слово «бенефиция» латинского происхождения и сравнительно поздно заменилось германским феод или фьеф (feodum, fevum = fief). Известно, что бенефиция сначала обозначала временное и отчуждаемое владение. Она пережила довольно длинный период в этом состоянии непрочного владения, зависевшего от доброй воли жаловавшего; бенефиция приобретает значение важного социального фактора тогда, когда она делается наследственною в одном роде. Тогда на почве бенефициального владения начинается образование крупных поместий, развивающееся в двух направлениях: с одной стороны, округляются пожалованные земли, с другой — уничтожается чересполосица в виде мелких крестьянских участков, владельцам которых было не под силу бороться с крупным соседом. В особенности Церковь приобретала громадные земельные владения этим путем, так как церковная собственность и люди, принадлежащие Церкви, пользовались освобождением от государственных податей и повинностей.

Как мы видели, Каролинги старались приостановить падение мелкой поземельной собственности и поддержать свободных поселян. Но вмешательство правительственной власти имело роковое значение для крестьянской общины. Каролинги одной рукой восстановляли общину, Другой же наносили ей тяжкие удары. Известно, что до развития городовой жизни, до того времени, как торговля и промышленность

сделались важным общественным фактором, земледелие служило единственным ресурсом в финансовой системе государства. В половине VIII в. произошло изменение в военном деле, пехота перестает играть первую роль, потребовалась военная служба на коне, вследствие чего значительно повысились расходы по военной службе. Государству негде было взять людей, бывших в состоянии нести конную службу; ресурс, из которого брались земельные пожалования, иссяк; крестьянская община подорвана в своих средствах. Тогда Каролинги решились по-заимствоваться церковными земельными владениями и провели знаменитую секуляризацию (отчуждение церковных имуществ). Это была радикальная мера, приведшая многие монастыри в бедность и возвратившая государству чуть ли не треть всей тогдашней Франции. Но ввиду того, что эта мера была вызвана военными потребностями времени, она и послужила главнейше для военных целей. Отнимаемые от Церкви земли поступали в бенефиции светским лицам—с тою лишь разницей против предыдущей практики, что теперь бенефиция жаловалась за военную службу и под условием обязательного ее исполнения. Начало, положенное Карлом Мартелом и Пипином, было применяемо Карлом В. и сыном его Людовиком. И всякий раз, когда государство ощущало потребность в людях или в деньгах, оно снова обращалось к тому же источнику и снова раздавало участки церковных земель служилым людям.

Виновником этой радикальной меры, положившей на Западе основание феодализму, считается Карл Мартел. Ближайшие его потомки смотрели на его поступок как на величайшую несправедливость, за которую победитель арабов и спаситель всего западного христианства осужден в загробной жизни на вечное мучение. Есть средневековый рассказ («Видение Евхерия»), в котором повествуется, что раз к орлеанскому епископу по имени Евхерий явился во сне ангел и повел его обозревать загробные пространства. В аду они заметили Карла Мар-тела, и ангел объяснил, что франкский король наказан за вред, причиненный им Церкви. Проснувшись, Евхерий сообщил об этом св. Бонифацию и аббату С.-Дени Флодоарду. Все трое отправились к гробнице Карла и, когда открыли ее, тела не нашли, а видели только огненного змея, вылетевшего из гробницы. Тогда все убедились, что Карл действительно мучился в аду. Важно в этом рассказе то, что он появился в IX в. и составлен с целью устрашить детей Людовика Благочестивого, желавших снова наложить руку на церковные имущества.

Правовое значение бенефиции совпадает с актом коммендации. Что коммендация делала с крестьянской общиной, подчиняя свободных людей власти помещика, то же делала бенефиция с владеющими классами. Именно, здесь нарождаются рядом с бенефицией сюзеренные и вассальные отношения. Припомним, что Каролинги воспользовались раздачей бенефиций для военных целей. Давая бенефицию служилому человеку, король требовал от него коммендации, вследствие которой становился сюзереном или сеньором, а получивший бенефицию — вассалом. Эти новые слова, сюзерен и вассал, характеризуют VIII и IX вв. Всякий свободный мог быть вассалом, но, с другой стороны, нет такого высокого общественного положения, которое бы не было совместимо с именем вассала. В 757 г. баварский герцог Тассило дал вассальную

присягу королю Пипину, скоро затем такую же присягу дает князь славянского племени бодричей. Акт вступления в вассальные отношения заключался в следующем. Желавший сделаться вассалом должен был при торжественном собрании вассалов своего будущего сюзерена дать ему присягу на верность, для чего являлся с непокрытой головой и без оружия, преклонялся пред будущим сюзереном и целовал ему руку; последний возлагал руку на его голову и, выслушав присягу на верность, наделял его бенефицией. С тех пор устанавливались личные отношения верности между сюзереном и вассалом, эти отношения были выше всяких других. Главнейше вассал обязывался к военной службе по требованию и в интересах сеньора; количество людей, с которыми он должен был являться на войну, зависело от большей или меньшей доходности бенефиции; затем вассал должен был обращаться к суду сеньора во всех случаях, когда у него возникали дела с вассалами того же сеньора. Но за исполнением этих обязанностей вассал был вполне независим в своих владениях; там он был сюзереном, ибо мог иметь собственных вассалов и подвассалов. В VIII в. узы сеньората и вассалитета еще были не прочны; бенефиция жаловалась временно, всякое нарушение обязательств могло сопровождаться отнятием бенефиции и расторжением вассальных отношений. Натурально, что сильно заявляла себя тенденция достигнуть пожизненности и наследственности в праве владения бенефицией, и эта тенденция увенчалась успехом при детях Карла Великого (843).

Отношения вассала к сеньору не создавали еще феодализма, а только обусловливали его развитие. Это развитие направлялось двумя путями. С одной стороны, присяга на верность, даваемая вассалом сеньору, не исключала присяги на верность королю, но уже в первой заключалось предрасположение к умалению важности второй. Король прямо и непосредственно мог опираться только на верность прямых своих вассалов; непосредственно же от короны давались далеко не все бенефиции. Мог наступить момент, когда все сеньоры обратятся в сословие, преследующее сословные, а не государственные интересы; тогда король окажется без подданных, ибо сеньориальная система знает подчинение вассала сеньору, а не подданного своему государю. Тенденция же прямых королевских вассалов обратиться в замкнутое сословие завершается в Хв. К этому времени становятся наследственными государственные должности, устанавливается наследство бенефиций, и сословие сеньоров становится крепким и замкнутым, преследующим сословные интересы. Королевская власть все более стушевывается, а на место ее вырастает административная и судебная власть сеньоров. Связи между королем и подданными рушатся, и на место их возникают связи между местным феодальным владетелем и зависимым от него населением. Большие области, управляемые наследственными администраторами, обращаются в замкнутые в себе территории с отдельным судом сюзерена, с своей финансовой системой, с своими денежными знаками, с своим войском, наконец, с своим местным государем. По подобию первых образуются меньшие территории с независимыми владельцами.

Вот результат, к которому пришло западноевропейское развитие в X в. Характеризовать его можно немногими словами. Сверху донизу постепенно понижающаяся лестница иерархических ступеней. Верхние

слои держатся узами сеньората и вассалитета, нижние находятся в полном подчинении феодальной знати, которая раскинула свои корни по всей территории, подвергшейся влиянию романизации.

Несколько прекрасных страниц в III т. «Истории цивилизации во Франции» Гизо, посвященных описанию феодального замка и земледельческого населения кругом его, дают яркую картину средневековой жизни, которая переносит в новый и чуждый нам мир отношений. Никто не будет отрицать, что в феодализме мы имеем самый выразительный и самый существенный признак западной истории. По разнообразию факторов, входящих в его образование, по постепенности, с которой обнаруживаются в нем экономические, социальные и политические элементы, наконец по глубине влияния на все общественные отношения как частного, так и публичного права, феодализм представляет в себе много важного материала для сравнения.

В областях, зависевших в своем развитии от Византии, несомненно, должны были действовать на организацию общественной жизни те же экономические факторы, что и в областях с преимущественным римским влиянием. Но результат там и здесь оказался не одинаков. В Византийской империи от VIII в. и до турецкого завоевания наблюдается постоянно разделение земледельческого сословия на два класса: свободный и зависимый. Первый сидел на своих землях и лично отбывал денежные и натуральные повинности, не исключая и военной; второй обрабатывал чужую землю и находился в разных степенях зависимости от духовных и светских землевладельцев. Этим определяется основной фон картины восточноевропейского экономического и социального развития.

Говоря выше о преградах к распространению романизации на Востоке, мы ссылались на Крестьянский закон, изданный в VIII в. Этот закон должен послужить точкой отправления в истории экономического развития на Востоке. Кратко говоря, в этом законе находим отмену римских правовых воззрений на патронат: в нем нет и помина о помещичьей усадьбе и зависящем от нее крестьянском населении (patrocinium vicorum—servi и adscriptitii). Этого мы не найдем в тогдашних западных законодательствах. Но самым смелым и неожиданным нововведением в Крестьянском законе оказываются свободное крестьянское сословие и мелкое землевладение. Закон по существу своему есть земский полицейский устав и трактует об обычных проступках в земледельческом быту: о воровстве, потравах, увечье, порче межевых знаков и т. п. Но по духу своему и главному содержанию он применен к потребностям^ населения Византийской империи, живущего в общине и управляющегося своим обычным правом. Заметим здесь к слову, что почти все статьи этого закона встречаются в древнем русском законодательном памятнике— в уставе Ярослава.

Славянская община Восточной империи не напоминает ли германскую марку в западной истории? Конечно, да. Здесь мы получаем явное сходство факторов и с этим вместе намечаем основу, по которой должно идти дальнейшее развитие. Судьбы восточного социального развития, однако, направляются не тем путем, каким шло западное, и это тем любопытней, что экономическая среда, действовавшая разрушительно на марку, угрожала благосостоянию и византийской общины. Мы виде

ли, что в VIII в. для германской марки был самый критический момент, и что Каролинги, хотя и понимали значение совершавшихся событий, не нашли нужным или возможным оказать поддержку сельской общине, вследствие чего мелкая поземельная собственность была поглощена крупной.

Такой же критический момент наблюдается в Византийской империи. Здесь он обнаруживается несколько позже, чем на Западе, именно в X и XI вв. Весьма живую, скажем даже, бьющую в глаза картину представляют относящиеся сюда современные источники: частные и официальные акты. Сословие властелей или динатов, как они называются в греческих памятниках, в X в. оказалось весьма опасным врагом крестьянской общины и мелкого землевладения. Пользуясь своим положением воевод, судей, сборщиков податей, эти властели обнаруживали очень вредное действие на крестьянскую общину, главным образом, вследствие своего помещичьего права. Они разоряли крестьянские дворы, производили вымогательства при сборе податей, в голодные и неурожайные годы выдавали крестьянам пропитание за высокие проценты или под залог имущества. Такой порядок вещей побуждал мелких землевладельцев продавать свои участки, закладывать или уступать по завещанию и по частным актам. Словом, нужда гнала свободных людей в кабалу, которая на Западе выражается актом коммендации. И на Востоке крестьяне вступали в зависимое положение к помещику, закладывались за него и переходили в разряд барщинных и крепостных. Опасность угрожала столько же от властелей, сколько и от того элемента, который вырос в самой общине, и который у нас окрещен именем «кулак».

Богатые крестьяне среди самой общины, пользуясь дурным экономическим положением соседей, скупали за бесценок земли и обращали в батраков тех, кто недавно был хозяином. Вот на это-то зло и были обращены заботы императоров Македонской династии. Целый ряд очень любопытных мероприятий вскрывает нам законы этих императоров. Ряд мер был направлен к тому, чтобы поставить само сельское население в возможность бороться с экономическим злом; другой ряд мер предупреждает действие разрушительных элементов, т. е. направлен против самих властелей и кулаков. Чтобы предупредить распадение общины, закон установил неотчуждаемость земельного имущества у общины. Всякий раз, когда освобождался крестьянский участок за смертью владельца, или когда крестьянин хотел добровольно освободиться от своего земельного надела, на первое место по праву предпочтительной покупки выступали члены той же общины или волости. При этом закон указывает 5 категорий лиц и отношений в сельской общине, и только после отказа всех членов этих пяти категорий участок мог поступить в чужие руки.

Упомянутые категории важны для нас в том отношении, что показывают, Как слагалась и как была организована община в X в. Если освобождался крестьянский участок, то право на покупку его признавалось за следующими лицами: 1) ближайшие родственники, 2) домохозяева той же общины, 3) другие обыватели общины (бобыли, захребетники), 4) соплательщики и 5) члены союзных общин Если никто из/лиц названных категорий не согласится на покупку, тогда имущество

отдается вольному покупщику. Можно думать, что эти случаи были весьма редки. Что касается мер, прямо направленных против властелей, они заключались в следующем. Властели часто ссылались на закон 40-летней давности: кто докажет, что он 40 лет владел землей, закон против него был бессилен. Византийское правительство отменило 40-летнюю давность, так что если бы крестьяне стали искать прав на землю и подтвердили свой иск свидетельскими показаниями, то властители изгонялись, невзирая на давность владения Далее было обнаружено, что многие купчие крепости на землю составлялись фальшиво, в угоду богатым, межевые планы фабриковались помещиками в прямой ущерб для крестьянской общины,— правительство не остановилось перед тем, чтобы объявить эти акты недействительными, когда дело шло о крестьянской земле. Наконец, радикализм правительства дошел до того, что оно возложило круговую ответственность за несостоятельность общины на крупных землевладельцев данной местности. Помещики были обязаны круговой порукой охранять интересы мелкого землевладения.

Прежде чем делать заключения о следствиях, достигнутых подобными распоряжениями, остановимся на характеристике мотивов и чувств, которыми диктовались подобные законы. Это, в самом деле, редкие в истории меры; Запад не может представить и тени подобия им. Вот, например, вступление к одному из законов, изданных в 934 г. (Романом Лакапином): «Есть люди, которые, отрицаясь от своей духовной природы и Создателя, заботятся только о земных благах и временном благополучии. От таких людей, с жадностью гоняющихся за богатством и подверженных страсти стяжания, происходят все бедствия отсюда всякие замешательства, отсюда все несправедливости, отсюда великие и долгие страдания и стоны бедных. Но за бедных стоит сам Господь, говоря в Писании: ради мучения бедных и воздыхания убогих Я восстану. Если же сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отмщение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом, когда именно от одних очей царских бедняк ждет себе здесь утешения. Ради того, имея намерение поправить, что было недавно совершено или дерзко предпринято против отдельных лиц, мы издаем настоящий закон, который послужит к устранению и искоренению ненасытной страсти любостяжания так, чтобы отныне уже никто не был лишаем своего, и чтобы бедный не испытывал преобладания сильных». А вот что говорится о таких же мерах Константина Порфирородного: «Он видел, что жадность людей ненасытных распространяется все более, что сильные люди прокрались в средину провинций и сел и угнетают там несчастных крестьян, что властели посредством насилия и различных хитрых уловок приобрели себе многие поместья. Что же делает мудрый государь? Он определил, что все богатые, со времени его провозглашения самодержавным государем (944) приобретшие покупкою, дарением или насилием поместья и поля в селах, должны быть изгнаны без всякого вознаграждения».

Самым радикальным государем, принявшим суровые меры против властелей, был, несомненно, царь Василий II Болгаробойца, современник Владимира Св. Вот одно место из его закона: «Немало были мы обременяемы жалобами бедных по поводу 40-летней давности и, много

раз путешествуя и проходя области царства нашего, собственными глазами видели совершающиеся ежедневно в отношении к ним обиды. Разве не может властель, обидевший бедного, долгое время пользоваться своей силой и благосостоянием, а потом еще передать то и другое своим наследникам? Что же может в таком случае помочь бедному время? Разве не возможен такой случай, что патрикий, магистр или военный чин, обогатившийся на счет бедного, будет иметь своими потомками тоже властелей, иногда находящихся в родстве с царями и поддерживающих в продолжение 70 или 100 лет силу своего рода и свое благосостояние? Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильных, поддержать бедных в принадлежащих им правах, которые у них злым образом бывают отнимаемы или же похищаемы обманом? Когда богатые властели посредством покупки вторгаются в сельские общины, и когда потом их наследники вместе с имением в продолжение нескольких поколений получают по наследству силу и влияние своих предков, то, конечно, бедному нет возможности возбудить иск о возвращении отнятого у него насилием или обманом».

Сделанные выдержки красноречиво свидетельствуют, что здесь мы имеем дело с тем же экономическим явлением, которое наблюдается на Западе в VIII и IX вв. Там и здесь решался многознаменательный социальный вопрос: быть ли мелкой земельной собственности, или предоставить дело естественному процессу и воспользоваться крупным землевладением для государственных целей. В первом смысле вопрос решен на Востоке, во втором — на Западе. Византийские цари не только наметили процесс в начале его развития, но и изучили его во всех подробностях и вступили в упорную борьбу с высшей чиновной и служилой аристократией. Каролинги же действовали без надлежащей энергии и не приложили сердца к интересам изнемогавшей сельской общины. После Карла В. на Западе социальный процесс совершился безвозвратно в интересе поместного сословия. На Востоке, благодаря указанным выше мерам, крестьянская община была предохранена от разрушения. Задержав социальную эволюцию на первой, т. е. на экономической стадии, византийские цари несомненно предупредили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе: в Византии не могло "развиться сеньоратных и вассальных отношений, не могло образоваться феодальной системы. Византийская община не только пережила экономический кризис, но была поставлена в такое положение законодательными памятниками X в., что ее будущность была вполне обеспечена, и никакие разрушительные силы не могли сломить ее до турецкого завоевания. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его против внешних врагов.

Приведенные факты общественного развития, будучи сведены к конечным результатам, дают для Запада крупное землевладение и сословные притязания поместной и служилой аристократии; для Востока же — господство свободного мелкого землевладения и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия.

К подобным же выводам можно приходить на основании сопоставления фактов и явлений, характеризующих другие стороны жизни романизованных и чуждых романизации народов. Таков ряд фактов, обусловивших развитие императорской власти на Востоке и усиление

сословных, классовых и территориальных тенденций на Западе; таков же ряд фактов, стоявших в связи с развитием церковной власти и устройством Церкви на Западе и Востоке.

Судьбы германской марки и славянской общины дают случай сделать несколько прикладных выводов. Изучение крестьянской общины в Византии есть задача глубокой важности не только с точки зрения византинизма и постижения законов развития всемирной истории, но во имя ближайших нам интересов. Для Запада это вопрос арехологический, давно разрешенный и сданный в архив; у нас же это вопрос современный, он занимает и наше законодательство и обсуждается в журналах и газетах. Исход, который он частью получил, частью получит в ближайшем будущем в законодательном и административном порядке, не может не интересовать нас, ибо от этого зависит ближайшее экономическое и социальное развитие России. Что крестьянская община у нас разрушается, это ясно для всякого, кто хоть слегка знаком с литературой вопроса. Но следует ли придумать средства к предупреждению этого и стоит ли прийти на помощь крестьянской общине,— на этот счет высказываются положительные и отрицательные мнения. Большинство наших теорий относительно этого вопроса современности опирается на следующие данные: а) на пример, наблюдаемый в западной истории, причем этот пример рассматривается как неизбежный закон экономической эволюции; б) на сведения о русской общине, полученные из памятников и современных описаний. Что касается первого, то едва ли можно смотреть как на роковую неизбежность на те явления, которые последовали в социальном развитии Запада VIII и IX вв. Можно задать себе вопрос: как бы направилась социальная эволюция, если бы на Западе были применены законы царей Македонской династии, а на Востоке в X и XI вв. были императоры Каролингской династии? Что касается наших представлений об общине, выносимых на основании наблюдений над современной действительностью, здесь тоже мы не стоим на правильной дороге, так как у нас недостает ни перспективы, ни исторического изучения, переносящего центр тяжести на первичные стадии развития.

В самом деле, мы делаем заключения об общине на основании того, что она представляет после эпохи крепостного права, после реформ эпохи освобождения, и лишены средств воссоздать строй древнейшей общины. В этом отношении организация общины по памятникам византийского законодательства X в. и по позднейшим византийским и южнославянским писцовым книгам дает в высшей степени любопытный вклад в историю вопроса. Живучесть общины зависела главнейше от следующих условий: 1) от неотчуждаемости общинных земель, 2) от громадного излишка общинной земли против той, которая была разделена на дворовые участки. Этот излишек иногда превосходит в несколько раз (в 4) то количество, которое находилось в подворном владении, и составлял общинный экономический ресурс про черный день. Масса охотников могла всегда находить прием в общине в качестве припущенников, арендаторов и бобылей, вкупаться в общину, снимать в аренду ее земли и увеличивать тем экономические средства ее. Наконец, 3) живучесть общины зависела от того, что она была обширным и хорошо организованным целым: по памятникам видно, что

община состояла иногда из 30 или 40 деревень; таким образом, экономическая и платежная слабость одной деревни была восполняема другой, насилие богатого соседа над одним членом вызывало отпор со стороны других. Эти свойства древней общины нужно принимать во внимание при соображениях о том, случайное ли явление наша община, или особенность восточноевропейского развития.

Нельзя думать, что отмеченные здесь различия в историческом развитии Запада и Востока Европы имеют лишь случайное и преходящее значение, или что они ограничиваются только некоторыми историческими периодами. Должно, напротив, думать, что эти различия относятся к самому существу истории Западной и Восточной Европы, находя себе объяснение в характере, темпераменте и многочисленных физических и культурных особенностях населения. Подобные особенности характера не раз были отмечены византийскими писателями. Так, один просвещенный грек, живший в эпоху господства латинян в Константинополе после четвертого крестового похода, высказал следующее рассуждение о взаимных отношениях латинского Запада и Востока: «Нам не след теперь предаваться унынию, будем стремиться к добродетели и украшать себя образованностью. Тогда мы по сущности и справедливости будем властвовать над нашими повелителями. Захватив крепости и замки, они думают повелевать посредством насилия, отнимая у нас имущества и лишая жизни. Но такая власть ненадежна и непрочна, ибо не оправдывается ни природными, ни благоприобретенными свойствами. Никто же не скажет, что львы, леопарды или волки властвуют над людьми, хотя они когтями и зубами достигают того же, что и наши победители. И никогда не удастся им вполне господствовать над нами, хотя бы они присвоили себе все наши стяжания, хотя бы оставили нас нагими или коснулись бы самой плоти нашей»[3].

Противоположности между западной и восточной культурой выражены следующим образом у писателя XII в. Никиты Акомината: «Латиняне считают раем ту страну, в которой суждено нам жить. Завидуя нам, они всегда злоумышляют против нашего рода и строят нам ковы. По обстоятельствам прикидываясь друзьями, в душе ненавидят нас, как злейшие враги. Между ними и нами утвердилась величайшая пропасть различия, нас разделяет самая резкая противоположность убеждений. Чрезвычайно гордые и надменные, они пользуются для своих целей мягкостью нашего нрава, приниженностью и скромностью»[4].

Нельзя, кроме того, не принять в соображение, что занимающий нас вопрос о различиях в историческом развитии Запада и Востока столько же объясняется разностями в исторических факторах, сколько личной инициативой, субъективными тенденциями, а равно целями и побуждениями, управляющими волей исторических деятелей и классов общества. Если бы мы вычеркнули из истории эти последние элементы, а всю историческую эволюцию приписали бы неизбежным и неумолимым силам, действующим как закон и организующим человеческие общества с тою же свободою, с какой скульптор создает из бесформенной массы задуманную им фигуру, то история утратила бы свой нравственно-поучительный и гуманитарный характер. Мы не можем отрешиться от мысли, что в созидании истории и в организации форм общежития

исторические деятели имеют глубокое значение, и что задача исторических изучений состоит не только в том, чтобы понять и объяснить законы развития, но также и в том, чтобы показать, почему в одном случае люди спокойно склоняют голову под молотом неумолимых законов, в другом же обнаруживают протест и сопротивление

Личная инициатива и субъективизм сказываются не только в силе и группировке исторических факторов, но проникают в самую глубь истории и влияют на самое историческое творчество История пишется людьми, привносящими в свои создания национальные и политические чувства и симпатии Вследствие этого история является очень чувствительным показателем самосознания данного времени и народа, что придает особенный интерес изучению исторических систем Господствующая над нашими умами и управляющая нашей волей западноевропейская культура пленяет нас своими историческими обобщениями и выводами. Невольно поддаваясь часто высказываемому на Западе взгляду на расовые различия, мы бываем склонны проводить резкую черту между высшими и служебными им народами, между нациями, которые создают культуру, и народами, которые способны лишь подражать и перенимать Вследствие этого мы должны" удовлетворяться скромным уголком, отведенным во всеобщей истории Восточной Европы. А между тем не только мировая, даже европейская культура не свила себе гнезда в одном излюбленном месте, культурные центры перемещаются с места на место, и, по-видимому, не существует в мире приобщившегося к культуре народа, который не участвовал бы в исторической эволюции

Период I
(до 527 г.)
Элементы образования византинизма

Глава I

Византинизм и его культурное значение в истории

Почти во всех ученых европейских литературах существуют попытки объяснить культурное значение византинизма; делались подобные попытки и в России, и притом в нашей литературе настойчивее, чем где-либо, проводилась мысль о всемирно-историческом значении Византии.

Была даже пора — и это не так давно,— когда на русских возлагались надежды, что они возьмут на себя всестороннюю разработку темы о византинизме и культурном его значении и дадут разрешение занимавшей многих загадки. Но в настоящее время, когда изучением византийской истории и литературы усердно занимаются немцы, французы, англичане, итальянцы и другие народы, когда за границей появились специальные научные органы, посвященные византиноведению, нами утрачено, и, вероятно, бесповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово в этой области.

Чтобы прийти к выяснению понятия о византинизме, надо отправляться от Византии. Византией назывался в древности греческий город на европейской стороне Босфора, при Мраморном море. В 330 г. христианского летосчисления римский император Константин Великий избрал этот город столицей своей империи и тем придал ему всемирно-историческое значение. С тех пор Византия, хотя и богатая торговлей, но все же бывшая до того провинциальным скромным городом, начала украшаться великолепными дворцами, портиками и площадями. Со всех концов греческого мира сюда стали стекаться произведения античного искусства, начался большой прилив нового населения из европейских и азиатских провинций империи; торговля и промышленность, которой на Западе не благоприятствовала смутная эпоха народных движений, нашла приют на Востоке и сосредоточилась в Византии. Сделавшись столицей империи, Византия по воле Константина Великого приняла новое имя и стала называться Константинополем, Новым Римом. С тех пор слово «Византия» перестало служить выражением реально существующей действительности, обратившись в термин для обозначения политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя. Наименование Восточной Римской империи Византийскою империей в средние века, в особенности со времени восстановления Карлом Великим (800) Западной Римской империи, возбуждает сомнения и возражения как со стороны реального смысла этого термина, так и со стороны хронологической. Известно, что сами обитатели Византийской империи не называли себя ни римлянами, ни эллинами или греками, а ромеями, так что Византийская империя официально носила наименование Ромейской. Отсюда

ясно, что в строгом историческом смысле термин «византийский» так же имеет условный и искусственный смысл, как и другой термин, который иногда употребляется взамен первого, т. е. «восточно-римский». Еще менее исторических оснований называть Византийскую империю Греческой империей или Bas Empire.

Как в имени Римской империи времени Каролингов и Оттонов лежит историческая фикция, ибо в действительности Римская империя германской нации ничего общего не имеет с империей Августа или Антонинов, так и Восточно-Римская империя, составляя продолжающееся преемство императоров от Августа до Константина XII Палеолога, в действительности лишь условно и по соглашению может носить наименование Римской. Таким образом, центр тяжести в данном вопросе переходит к выяснению содержания термина «византинизм».

Термины «византийский», а в связи с ним «византинизм» имеют за собою традицию и обозначают такую совокупность понятий, по отношению к которым не существует разности мнений. Никто в настоящее время не будет сомневаться и не выставит серьезных аргументов против следующих выражений: византийские писатели, византийская литература, византийское искусство, византийская образованность. Если сделались обычными приведенные выражения, то нет сомнения в законности терминов: «византийская история», «Византийская империя» и даже таких выражений, как «византийская мораль» и т. п. Едва ли даже возможно заменить, например, выражения «византийские писатели» или «византийское искусство» каким-нибудь другим выражением, которое так же хорошо обозначало бы сущность идеи, как это выражение. Несомненно, эпитет «византийский» придает смысл последующему слову, при котором он ставится, выражает особенный характер, специфические черты предмета. Когда произведение духа человеческого или отдельный индивидуальный поступок обозначается именем византийского, этим характеризуется не только качество произведения, но и принадлежность его к определенной эпохе; точно так же индивидуальное действие с предшествующим «византийский» весьма выразительно характеризует хитрость, коварство, неискренность, лицемерие, а также самомнение, дерзость и тщеславие и т. п. несимпатичные качества, отмеченные частью уже на первых страницах русской летописи.

Итак, если термин «византийский» имеет определенное и довольно общепринятое значение, то нам не представляется трудности определить значение выражения «византинизм», которое, несомненно, должно получить преобладание над соперничающим выражением «византийство». Под византинизмом прежде всего разумеется совокупность всех начал, под влиянием которых постепенно реформировалась Римская империя в V—VIII вв., прежде чем преобразоваться в Византийскую империю. Как на Западе организующим началом стал романизм, так на Востоке — византинизм; с этой стороны и может подлежать объяснению термин «византинизм». На Востоке романизм встретился со старыми культурами: иудейской, персидской и эллинской, которые не только оказали ему значительное противодействие, но, в свою очередь, имели на него разнообразные влияния. На почве римской администрации и правовых римских воззрений появляются наслоения и придатки особого рода, по канве эллинских философских воззрений вышиваются узоры манихей-

ских, иудейских и иранско-персидских идей и верований. Многообразные перемены вызвали германская и славянская иммиграции, произведшие реформы в социальном и экономическом строе и в военной системе империи. Под действием указанных новых начал реформируется Римская империя на Востоке, постепенно приобретая характер византинизма. Как выражение политических, культурных и философско-литературных особенностей, византинизм проявляется в следующих признаках: 1) в постепенной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим или, собственно говоря, византийским; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; 3) в оригинальном характере развития искусства и в появлении новых мотивов, влиявших на создание новых памятников, равно как в своеобразных чертах литературных произведений, где вырабатывается постепенно новый и оригинальный метод под влиянием восточных культурных преданий и образцов. Крайним пределом первого периода выработки византинизма нужно полагать начало VIII в. Общеизвестны черты воздействия византинизма на исторические народы, с которыми империя приходила в соприкосновение. С указанной точки зрения византинизм имеет громадное значение как в западноевропейской, так и в восточноевропейской, в частности в русской, истории. Следует прибавить, что по отношению к восточноевропейской истории роль византинизма не окончена и по настоящее время. Константинопольская Вселенская Церковь есть прямая продолжательница в церковной области политических преданий византинизма: как Византийская империя ревниво оберегала эллинизм, препятствуя образованию инородческих политических организаций и концентрируя эллинские элементы, так и константинопольский патриархат приносит в жертву эллинизму идею Вселенской Церкви.

При оценке значения Византии во всеобщей и русской истории можно исходить из двоякой точки зрения. С одной стороны, Византия может быть рассматриваема как живой государственный организм, имеющий свою историю, в которой различаются периоды подъема и упадка. Жизнь этого организма продолжается от IV до XV в. С другой стороны, может представляться и та точка зрения, что Византия, как политическое тело, будучи погребена в эпоху турецкого завоевания Константинополя в 1453г., не перестает, однако, жить, как отвлеченный принцип, в ее археологических памятниках, в оставленном ею наследстве и в чувствах и настроениях народов, которые подверглись ее культурному влиянию. Историческая Византия при этой точке зрения уступает место археологической.

Византинизм, как историко-литературный термин, должен быть поставлен рядом с романизмом. Но, отдавая должное романизации в процессе образования западноевропейской государственности, мы, с другой стороны, не можем не придавать значения и византинизму, как организующему началу исторического развития на юго-востоке Европы. Будем справедливы и согласимся, что, если романизм формирует франкское государство и служит важным фактором в империи Карла Великого и Оттонов, если римские правовые воззрения оказывают очень сильное действие во всей истории Запада, византинизм, с своей стороны, становится идеалом славянского царства, к какому стремятся передовые славянские народы. Византинизм идет до Киева и Москвы, под его

началами складывается историческая жизнь, т. е. государственное и военное устройство юго-восточных славян; в связи с этим принципом стоит разделение Европы на две половины — православную и католическую, в каковых названиях столько же скрываются религиозные, как политические и этнографические различия. Словом, византинизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы. Этот принцип заправляет развитием многих народов и до настоящего времени, выражая собой склад верований и политических учреждений, равно как особый вид организации сословных и экономических отношений.

В последней четверти V столетия по Р. Хр. пала Западная Римская империя под напором германских варваров. Наследие всемирного римского обладания, звание императора и самая идея всемирной монархии, а также остатки античной образованности уцелели после этого только на Востоке — в Византийской империи. Особенно тяжела была для народов Западной Европы утрата идеи всемирной монархии. «Один Бог на небе, один царь на земле; нельзя небо представить без Бога, ни земли без императора»,— так говорит западный писатель V-го столетия. То обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось в Византии, наполняло умы политических деятелей Западной Европы озлоблением. Неудивительно поэтому, что очень рано возникла на Западе мысль о том, что нужно во что бы то ни стало отнять императорское достоинство у византийских царей. Впервые удалось осуществить это королю франков Карлу Великому. Несмотря, однако же, на то, что империя была восстановлена на Западе, все очень живо ощущали, что это не совсем справедливое дело при существовании законного римского императора на Востоке; многие называли западных императоров самозванцами. Это продолжалось до тех пор, пока западные императоры не приобрели путем купли согласие на присвоение ими себе этого титула со стороны императоров византийских. Это первое хищение, которое сделал запад Европы от Византии. Второе хищение — церковное. В то время, как западные государи стремились присвоить императорский титул, римский первосвященник, вступив на путь честолюбивых притязаний на главенство, начинает свое соперничество с патриархом константинопольским. Враждующие стороны подвергают одна другую проклятиям и взаимным оскорблениям, и раздор заканчивается полным отделением Западной Церкви от Восточной.

С того времени Византия и все восточные христиане стали известны на Западе под именем схизматиков. Но и на Востоке не считаются православными христиане Западной Европы, подвластные римскому папе. Вражда церковная иногда переходила во вражду политическую. Особенно печальна из эпизодов этой борьбы история завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г., когда франки убивали восточных христиан и опустошали их страну с не меньшею жестокостью, чем это делали они по отношению к мусульманам. Трудно понять, как могли в такой степени озлобиться друг против друга христианские народы. Никто из западных христиан даже не хотел и думать, как все это жестоко и несправедливо. Лишь один русский путешественник, бывший в то время в Цареграде, сделал в Новгородской летописи правильную оценку этих кровавых событий, назвав подвиг крестоносцев преступным деяни-

ем. Более всего пострадали от хищения латинян святыни Византийской Церкви. Сохранившиеся на Западе письменные свидетельства очевидцев этих событий полны сообщений об этих грабежах. Бесстыдство доходило до того, что писатель-очевидец ставил себе лично в великую заслугу то, что и ему удалось в присутствии таких-то лиц присвоить ту или иную греческую святыню.

Впрочем, этими сведениями о хищениях еще далеко нельзя исчерпать тех заимствований, которые сделала Западная Европа от Византии. Много культурных заимствований от Византии перешло на Запад мирным путем. Сохраняя в своих недрах плоды античной цивилизации, Византия служила для западноевропейских народов обильным источником знаний и просвещения. До конца XII столетия о Византии смело можно сказать, что она стояла на недосягаемой для западных народов высоте в области богословия, философии и литературы. Это превосходство над собою Византии сознавали и некоторые из западноевропейских лучших людей. В доказательство можно привести то, что германские императоры IX и X столетий стремятся вступить в брачное родство с византийскими императорами. Вместе с греческими царевнами приходили тогда в Германию и греческие ученые. Каким уважением пользовалось греческое образование на Западе, видно из следующего места письма Оттона III к Герберту: «Ради Бога, побывай у меня. Сердце мое болит, потому что я не могу еще отогнать от себя саксонскую грубость и привить себе греческое просвещение». Самое богослужение латинской Церкви, церковные обряды, начала церковного права, — все это может быть рассматриваемо как заимствование от Византии. Несмотря, однако же, на это, латинские христиане питали к Византии далеко не благорасположенные чувства. Самый момент падения Византийской империи ознаменовался со стороны латинского христианства величайшей изменой общехристианскому делу. Византийские императоры посылали на Запад просьбы о помощи, но там начались споры о том, следует ли оказать эту помощь. Одни рассуждали, что нехорошо оставлять христианскую страну прд властью мусульман, а другие возражали, что ведь греки не истиннее христиане, и за этими спорами дали туркам разрушить империю, йе послав помощи грекам.

Таковы отношения, которые существовали между Византией и Западной Европой. Первая была рассадником культуры, а вместе с тем и предметом разного рода хищений и мирных заимствований, тогда как западноевропейские народы платили ей лишь завистью, недоброжелательством и жестокостями. Не то нужно сказать об отношениях Византии к Восточной Европе и к славянам.

Точно так же, как и народы Западной Европы, но только в гораздо большей степени, славяне часто приходили в соприкосновение с Византией. Долгое время Византия, нуждаясь по причине тяжких войн в людях для заселения своих земель, приглашала к себе германцев и славян, которые шли сюда широкой волной. Войска империи нередко были пополняемы славянами. Из среды их иногда бывали и администраторы империи, полководцы и даже один патриарх. В обычаях и законах империи есть возможность проследить влияние славянских правовых воззрений. Не говорим уже о том, что наши предки часто являлись под стенами Византии с военными целями, русские купцы почти всегда

проживали в Константинополе и здесь находили прибыльный сбыт своих товаров. Эти частые сношения славян с Византией сопровождались разнообразными благодетельными последствиями для славянских племен. Византия просветила их светом христианской веры, она же дала им и основные черты государственного устройства, под влиянием Византии развились литература славян и их искусства. Просветив славян св. крещением, Византия дала им богослужебный язык· и письменность — заслуги неоценимые. Так смотрели на дело и сами славяне. Болгарский князь так говорил грекам: «От вас (бо) на все страны добрый закон исходит».

Какие культурные приобретения сделали русские от Византии? Хотя, как сказано выше, наша и иностранная литература представляет попытки осветить этот вопрос, но, к великому сожалению, это далеко не означает, однако же, что все по этому вопросу уже сказано. Наоборот, византийская история разработана пока очень мало. Причина такого явления понятна. Памятники византийской истории стали подвергаться научному исследованию очень недавно. Да и самая разработка не может идти вперед быстро по той причине, что она затруднена множеством неблагоприятных условий. Отсюда-то и происходит, что многие факты из истории взаимоотношений Руси и Византии остаются совсем невыясненными. Между тем, достаточно вспомнить некоторые исторические факты и принять во внимание исторические традиции, чтобы прийти к положительным заключениям о силе и разнообразии византийских влияний.

Оглядываясь на прошедшую жизнь русского народа, мы видим, что наши предки издавна стремились в Византию, то вступая с ней в мирные сношения, то предпринимая на нее опустошительные набеги. Но вот сама Византия одерживает над ними величайшую победу, дав им христианскую религию. С этого времени наши воинственные предки употребляют свои силы уже не во вред Византии, а на помощь ей. Так, еще св. Владимир вскоре после своего крещения послал в Царьград отряд своих воинов с целью усмирить мятеж, который в то время подняли против императора его подданные. Как по торговым, так и по другим целям русские люди часто посещали Константинополь. Существует мнение, что русская колония в Цареграде имела и свою церковь. В этой-то церкви, вероятно, и находилась икона Варяжской Богородицы.

Даровав св. веру нашим предкам, Византия сообщила им вместе с этим и массу других культурных приобретений: письменность, священный язык, богослужение, государственное устройство. Из Византии перешли к нам и знаки верховной государственной власти: герб, бармы и шапка Мономаха. Когда же пала Византийская империя, то сношения ее с Россией приняли уже иной характер. Тогда греки устремляются в Россию за милостыней, привозят к нам свои святыни и продают их. Теперь взаимоотношения Руси и греков теряют характер отношений равного к равному. Наши предки, между прочим, строго осуждают греков за распродажу святынь.

Итак, даже из того, что было сказано о культурном влиянии Византии на европейские народы в прошлые века, можно понять, что это влияние ее велико. Но Византия продолжает оказывать влияние на европейскую культуру и в настоящее время посредством своих памят-

ников. Византийский труп подлежит всестороннему изучению, и к этому изучению весьма желательно привлечь возможно более рук. Большая часть памятников византийских времен еще не издана. Между тем, на одном Афоне до 10000 рукописей, да, сверх того, большая часть европейских больших библиотек имеет свои специальные отделы, содержащие в себе византийские памятники. Кроме литературных памятников, от Византии уцелело большое число памятников искусства: архитектуры и живописи. Изучение этих памятников идет очень медленно. Большинство из них находится под землей. Чтобы производить раскопки на местах нахождения их, требуется немало денег и труда. Но всего прискорбнее то, что очень часто на турецкой территории производятся тайные раскопки. Открытые таким путем древности столь же тайно распространяются и продаются в разных странах, а это очень вредно отражается на деле изучения древних памятников, потому что изучать их на месте открытия было бы гораздо плодотворнее для науки. Всесторонней научной оценки культурного значения Византии еще не было сделано. А между тем, ни для кого эта задача не представляет такой важности, как для нас. Для развития нашего исторического самосознания и для воспитания устойчивых взглядов на современные события нам следует серьезно считаться с тем, что оставила Византия в своих археологических памятниках и в своем наследстве. Византия для нас не отвлеченная только проблема, а реальный предмет, изучение которого во многих отношениях связано с русской историей.

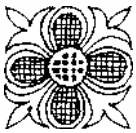
По отношению к археологическим памятникам Византии русское правительство приняло весьма важную меру учреждением в Константинополе археологического института, ближайшею целью занятий которого поставило изучение христианских археологических памятников в пределах бывшей Византийской, ныне Турецкой империи. В изданных им в настоящее время 15 томах «Известий Р. А. института в Константинополе» можно видеть, какой богатый и интересный материал открывается для русской науки на Востоке. Что же касается практической постановки изучения Византии и популяризации византийской истории среди большой публики, в этом отношении сделано весьма мало. И трудно ожидать, чтобы в ближайшем будущем изменились к лучшему неблагоприятные обстоятельства. У нас нет научной византийской школы и, по-видимому, глохнут и византийские традиции.

По отношению к оставленному Византией наследству мы напрасно стали бы себя обманывать, что в нашей воле уклониться от деятельной роли в ликвидации дел по этому наследству. Хотя вообще от наследника зависит принимать наследство или отказаться, но роль России в «Восточном вопросе» завещана историей и не может быть изменена по произволу, если только какое-либо непредвиденное потрясение не даст нам способности забвения и не отшибет память о том, чем мы жили, к чему стремились и от чего страдали.

Вопрос о начале «византинизма» как культурного термина, вошедшего в образование Византийской империи, не может в точности совпадать с проблемой о начале истории Византии.

Из рассмотрения внешних фактов и внутренних отношений можно приходить к определенному выводу, что Восточная империя обнаруживает выразительный характер византинизма к началу VIII в. Что же

касается исходных моментов, то хронологически указать их появление весьма трудно. Подобно тому как возможны колебания по разграничению древней истории от средневековой, еще с большими сомнениями следует относиться к попыткам характеризовать те или иные явления исторической жизни, как облеченные византинизмом, или как лишенные характера византинизма. В смысле объема и содержания исторического материала сюда должны быть отнесены факты, подготовляющие византинизм и характерные для эпохи византийской истории, хотя бы хронологически они входили в цветущую пору древней римской истории. Тот же самый этнографический переворот, как на Западе был могущественным деятелем при переходе от древней истории к средней, постепенно происходил и на Востоке, претворяя греко-римские учреждения в византийские. В борьбе с готами, гуннами, аварами и славянами Восточная империя усвоила себе существенные элементы византинизма. Таким же организующим свойством для византинизма было христианство в том его проявлении, которое заключается в восточном православии. Здесь византинизм сказался в постепенном сосредоточении православия в эллинском племени и в отделении от господствующей Церкви Египта. Сирии, Армении; рядом с этим шли притязания константинопольского патриархата и принятие им титула Вселенский. Из этих общих указаний можно понять, что для историка не совсем легко определить дату, с которой он должен начать изложение своего предмета. Действительно, точка отправления для истории Византии заключается не в хронологических рамках, а в новой группировке фактов и в новых настроениях, какие намечаются у исторических деятелей. Самая существенная черта, которою резко отделяется древность от средневекового мировоззрения, и которою открывается византинизм, заключается, по нашему мнению, в иммиграции варваров в империю и в культурном и религиозном кризисе III—IV вв. Мы, таким образом, отправляемся в изложении византийской истории не от определенной даты, а от истории образующих византинизм составных элементов.

Глава II

Культурный и религиозный кризис в Римской империи, Иммиграция варваров. Перенесение столицы в Константинополь

Когда Константин Великий избирал незначительную в то время Византию своей столицей, этим актом он решил также вопрос об отделении Запада от Востока; в то же время этим намечались новые пути дальнейшего исторического развития для Западной и Восточной империй. Хотя ближайшие преемники Константина пытались некоторое время направлять к одной цели политику Востока и Запада, но уже со времени Аркадия и Гонория, т. е. с 395 г., Западная и Восточная империи не соединялись более под властью одного императора, но та и другая пошли своим собственным путем и испытывали различные судьбы. Путь, которым шла Западная империя до 476 г., обозначается внешними поражениями, внутренними бедствиями и смутами, приведшими империю на край погибели. Основанная Константином столица на Босфоре довольно успешно выдержала удары, под которыми пал мировластительный Рим, и дала— правда, довольно странный и мало еще понятный, но все же весьма интересный по своей живучести — политический организм, называемый Восточной или Византийской империей.

Наиболее важная для историка проблема в рассуждении Восточной империи заключается в том, что она так же была разъедаема теми же язвами, как и Западная империя, и что удары, под которыми пал Рим, не щадили и столицы Константина. В настоящее время настоятельно требует разрешения уже давно назревший вопрос о причинах, обусловивших разные судьбы Восточной и Западной империй. Если Рим неминуемо должен был пасть под влиянием разрушительных сил, и на месте Римской империи должны были возникнуть новые государства, то почему не постигла тогда же и подобная же участь Византию, в которой с не меньшей энергией действовали подобные же разрушительные силы? Когда идет речь о падении Рима, при этом разумеется громадной важности исторический переворот— переход от древнего мира в средние века, сопровождавшийся большими потрясениями как в нравственной, так и в материальной жизни общества.

К решению вопроса о причинах падения древнего мира подходили [c] разных сторон и решали его разнообразно. Наиболее распространенное мнение заключается в том, что древний мир состарился, пережил себя и не мог выдержать борьбы с новыми идеями, внесенными в мир христианством. Действительно, христианская вера внесла в жизнь новые Начала, которые всего более содействовали разрушению древнего мира как политического организма, покоившегося на началах греко-римской

религии. Но когда христианство победило Рим? Не при Константине Великом, потому что тогда язычество было еще главенствующим элементом в обществе и правительстве. Следует притом принять во внимание, что обращение к христианству новых народов продолжается в VI и VII, даже в IX и X вв. Нельзя также забывать, что христианство распространялось в империи мало-помалу, и что с постепенностью шло и воспитание общества в новых идеях. Старелся же и ветшал древний мир независимо от христианства, так как если бы он не обветшал, то и христианство не нашло бы для себя той восприимчивой среды, какая была необходима для его распространения. Приверженцы старой веры далеко не без борьбы уступили место христианскому культу, и в то время, как христианство было уже господствующим вероисповеданием, язычество до VI в. держалось еще в некоторых провинциях. Итак, на вопрос, отчего пал древний мир, нельзя удовлетвориться ответом: от распространения христианства.

Когда мы обсуждаем какое-либо событие политической ли, или военной, или дипломатической истории, мы имеем до некоторой степени возможность, разлагая его на составные части и следя за развитием подробностей, доискаться общих причин, вследствие которых рассматриваемое событие приняло такое, а не иное направление, гораздо труднее дается объяснение фактов, относящихся до внутренней истории. Здесь скрыты от наблюдения мотивы, приводящие в движение человеческую волю, и не так заметна личная инициатива, почему нелегко устанавливается связь между причинами, производящими то или другое влияние, и конечными следствиями. Сколько, в самом деле, нужно вскрыть чуть заметных факторов, чтобы понять народные верования, обычаи, формы общественной жизни, наконец, умственное движение и тому подобное, то есть именно те элементы народной жизни, из коих слагаются прогресс и упадок народов? И между тем разгадка этих интимных сторон государственной и общественной жизни есть конечная цель, к которой должен стремиться историк.

Входя в рассмотрение причин, приведших к падению древний мир, мы должны, конечно, считаться с христианством; но, как принцип духовного и морального свойства, христианство не может быть рассматриваемо как разрушительный элемент. Очевидно, следует искать факторов, содействовавших разрушению древнего мира и помимо христианства. Есть мнение, на первый взгляд отталкивающее своей кажущейся парадоксальностью, но на самом деле поразительное по своей реальной правде. Древний мир пал потому, что греки и римляне весьма мало обращали внимания на изучение природы (на естественные науки, химию и др.). Если бы Рим выдвинул против варваров порох и другие взрывчатые вещества, то никогда бы не был жертвою варварских вторжений. Эту мысль следует выразить несколько иначе, чтобы приблизиться к роковой действительности. Если бы древний мир был в состоянии выставить против варваров другие средства противодействия, кроме материальной силы своих легионов, то возможно, что высшая культура Рима одержала бы верх над варварами и подчинила бы их. Но военное дело, занимающее тысячи специалистов-теоретиков и даже в средние века неоднократно подвергавшееся коренным реформам приспособительно к новым потребностям, вызываемым новыми условиями нападе-

ния и защиты, в древнем мире, где война не затихала ни на один день, не испытывало значительных реформ, так что ни в устройстве легиона, ни в системе вооружения, по крайней мере, от Августа до Диоклетиана, не было перемен. И нужно прибавить, что военное дело вовсе не составляло в этом отношении исключения. Недостаток духовной производительности есть существенная черта, характеризующая эпоху падения древнего мира — от Августа до конца III в. В государственном праве и администрации, в литературных произведениях, в хозяйственной деятельности — везде обнаруживается неподвижность, подражание унаследованным образцам и отсутствие живой, прогрессирующей и руководящей идеи. Только в одной области проявлялась работа мысли и эволюционное движение — в христианских общинах. Но и это движение, как теперь выясняется все с большею наглядностью и что должно быть здесь особенно отмечено, обязано своими успехами главнейше не чистым греко-римским элементам, а Сирии и Африке, где было много семитических примесей.

Таким образом, в рассуждении того вопроса, который нас занимает, дело идет не об одном каком-либо принципе и не о смене одних физических деятелей другими, а об общем кризисе, какой постигает иногда народы и государства, утрачивающие жизнеспособность, подобно дереву, неожиданно завядающему и не дающему ветвей. Речь сводится к тому, чтобы проникнуть в тайну государственной и общественной жизни древнего мира, когда угасла в нем духовная производительность и когда не стало в нем, употребляя выражение поэта, «ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда».

У Геродота[1] есть превосходный рассказ, который прекрасно поясняет нашу мысль. Периандр, коринфский тиран, раз отправил посла к Фрасибулу, милетскому тирану, чтобы спросить у него совета, как ему установить надежнейший и наилучший образ правления, иначе говоря, как ему лучше утвердить свою власть в Коринфе? Фрасибул вывел за город прибывшего из Коринфа посла, пошел на засеянное поле и, проходя по ниве, спрашивал посла о цели его прибытия и в то же время сбивал колосья, которые поднимались над другими и были выше всех, и продолжал это до тех пор, пока не истребил самой лучшей части нивы. Так он прошел по всему полю и отослал посла, не сказав ему ни слова. Возвратившись к Периандру, посол стал жаловаться, что отправили его просить совета у человека помешанного, который портит свое добро, и рассказал, как он был принят Фрасибулом. Но Периандр понял мысль мудреца и погубил в Коринфе или присудил к изгнанию тех граждан, которые возвышались над другими знатностью и влиянием.

Вследствие подобной политической мудрости, которая одинаково применялась в древности как в монархиях, так и в демократических и аристократических государствах, везде получался одинаковый результат: на той ниве, которая производила поколения людей, колосья получались все ровней, а жатва и достоинство и количество зерна все скудней. Как в Греции, так и в Риме история обильна примерами, иллюстрирующими сказание Геродота. Исагор, заняв Афины с помощью спартанцев, изгнал из города 700 неспокойных фамилий; Агафокл погубил в Геле 4000 ненадежных граждан. В Риме такое же значение имели проскрипции, при помощи коих укрепляются Марий и Цинна и далее триумвиры.

Империя утверждала свое влияние особенными мерами избрания сената и устранением опасных граждан. Преследованиям подвергались не только вожди партий, но и их родственники и потомство.

Выразительным примером той же практики в позднейшее время может служить новелла сына Феодосия Великого, императора Аркадия, против обвиненных в политическом заговоре. «Кто против нас составит заговор или кто примет участие в заговоре против нас — тот подлежит смертной казни, и его имущество конфискуется. Что касается детей, хотя и они должны бы разделять участь отцов, так как и в них можно опасаться унаследованной преступности, то мы даруем им жизнь; но они не имеют права на наследство ни от отцов, ни матерей, ни родственников, ни даже чужестранцев; пусть они вечно в бедности и нужде несут последствия отцовского позора, им нет доступа ни к государственной службе, ни к почестям»[2].

Намечаются и другие причины, одинаково с указанными содействовавшие банкротству древнего мира. Следствием чрезмерных тяг остей военной повинности, лежавшей исключительно на гражданах, т.к. от нее устранены были рабы, вольноотпущенники и покоренные народы, было то, что ряды граждан среднего класса и крестьянского сословия значительно поредели, и что образовавшаяся в среде их пустота не заполнялась нарождаемостью. Лучшим примером может служить Лаконика. При вторжении персов она могла выставить 8000 воинов, столетием позже только 1500, а в 244 г. лишь 700. В императорскую эпоху эта область, считавшая прежде до сотни городов, имела один значительный город Спарту да до 30 жалких поселков. Пелопоннис в императорскую эпоху едва мог поставить 3000 воинов, а в битве при Платеях участвовало 7400.

Цензовые списки для II столетия до Р. Хр. дают для Италии от 337 до 394 тыс. способных носить оружие. При Августе можно было с трудом навербовать в Италии 45 тыс., а при императорах I и II вв. население еще более поредело: города Анций и Тарент были в развалинах, страна оставалась из-за недостатка населения невозделанной. Было бы ошибочно приписывать это явление постоянным войнам и усобицам. Евбея не была театром военных действий с IV в., между тем вот какой порядок вещей засвидетельствован здесь в конце I в по Р. Хр. «Две трети земли,— говорит Дион, — лежат без обработки по недостатку рабочих рук. Я бы с удовольствием отдал даром под обработку свой участок, да нет охотников на него». Нет, главная причина убыли населения лежит в простом факте: в недостаточном приросте населения. Об этом явлении в II в. историк Поливий делает следующее замечательное наблюдение: «Если невозможно или трудно понять по человеческому разумению причины каких-либо явлений по отношению к ним, то, может быть, кто-нибудь, находясь в недоумении, будет ссылаться на божественную волю или на случай: таковы беспрерывные ливни и чрезмерные дожди или, напротив, засухи и холода, производящие порчу плодов, равным образом постоянные заразительные болезни и другое подобное тому, что нелегко поддается

объяснению. Почему, по справедливости, следуя мнению большинства по отношению к таковым непонятным явлениям, умоляя и умилостивляя жертвами божество, спрашиваем оракулов: какими словами или какими действиями мы могли бы улучшить свое положение или достигнуть облегчения от угнетающих нас бедствий?

Что же касается таких явлений, причины которых, производящие известное событие, легко понять, то, по моему мнению, таковые не следует ставить в соотношение с божеством. Возьмем такое явление. В наше время всю Грецию постигло неплодие и вообще скудость населения, вследствие чего и города запустели, и произошли неурожаи, хотя не было у нас ни продолжительных войн, ни заразительных болезней. Итак, если бы кто по отношению к этому вздумал спрашивать богов, какими словами или действиями мы могли бы размножиться и лучше устроить жизнь в наших городах, то не оказался ли бы он подлинно безрассудным человеком, так как причина явления совершенно ясна, и устранение ее зависит от нас самих? Когда люди утратили простоту и сделались любостяжательными и расточительными и перестали вступать в брак, а если вступали, то с тем, чтобы не иметь больше одного или, в крайнем случае, двух детей, чтобы оставить им значительные богатства и воспитать их в роскоши,— вот при каких условиях постепенно усилилось бедствие. Ибо при существовании одного ребенка или двоих, в случае если один из них сделается жертвой войны или болезни, легко понять, что неизбежно жилища останутся пустынными и, как рои у пчел, подобным же образом и безлюдные города скоро впадают в бессилие. В подобных обстоятельствах нет нужды вопрошать богов о том, как избавиться от такового бедствия, ибо каждый в состоянии объяснить, что это вполне зависит от нас самих: или следует отречься от зависти, или определить законами для каждого обязанность воспитывать своих детей. Для этого нет нужды ни в предсказателях, ни в кудесниках»[3].

Правительство вполне понимало угрожающую опасность, оно издавало законы против вдовых и холостых, определяло награды за многочадие, но принятые меры не приносили ожидаемой от них пользы. Военные люди, проведя в военных занятиях и вдали от родины лучшие годы жизни, под старость если и женились, то не производили детей. Независимо от того военная система, лежавшая на мелких земельных собственниках, отнимала у земли рабочие руки и поражала в самое сердце сельское хозяйство. Крестьянские участки поступали за долги в продажу и становились собственностью крупных землевладельцев. Совокупность указанных условий обезлюдила и ослабила древний мир.

Ввиду вышеизложенного едва ли можно оправдать довольно распространенные выражения: древний мир обветшал, состарился, выродился,— которыми пытаются определить сущность перехода от древнего мира к средневековью. Нужно принимать в соображение, что физической преемственности между древними и средневековыми народами

вообще не может быть указано: не греки и не римляне играют роль после падения Западной Римской империи, хотя никак нельзя отрицать преемственности в идеях и воззрениях, т. е. тесной культурной связи между древним миром и средними веками. Древний мир оставил в наследство средним векам свою культуру; следовательно, самый процесс передачи культурного наследства и способы усвоения должны составлять для историка самое существенное в понимании и изложении переходной эпохи от древнего мира к средним векам.

Понимая этот процесс как постепенное перерождение, мы должны отвести самое главное место выяснению двух начал, под влиянием которых совершается перерождение древнего мира. Это перерождение медленно происходило под влиянием духовного и материального элемента. Один постепенно ослаблял философские и религиозные воззрения языческого мира, подготовляя умы для восприятия христианской религии; другой постепенно изменял самую физическую сущность обитателей древнего мира, вливая свежую струю варварской крови в слабеющие и переставшие размножаться поколения и народности.

С середины прошлого столетия выдвинута была мысль об изучении исторической и социально-религиозной обстановки, в которой образовалась и утвердилась христианская идея. Эта мысль, составляющая основное положение так называемой Тюбингенской школы, привела к весьма важным выводам на почве изучения религиозной идеи в эпоху происхождения и утверждения христианства. Вера в языческую религию поколебалась в сознании древних народов, боги перестали удовлетворять религиозным потребностям, и наступила такая пора, когда опустелый Олимп ни для кого не представлял более ни отрады, ни успокоения. А между тем человечество не могло оставаться лишенным религии. Место языческого культа должна была занять другая вера. Это искание новой идеи, которым характеризуется философское движение в древнем мире, чрезвычайно богато последствиями, и на почве философской производительности добыты те заключения, которые приготовили древний мир к принятию христианской идеи. Мы разумеем здесь весьма продолжительный период поисков за новыми идеями, поисков утомительных и часто безнадежных, которые необходимо историку оценить и представить в надлежащем освещении, чтобы показать значение идейной борьбы в человеческом обществе. Весьма известно то обстоятельство, что древняя вера в божественную силу греко-римских божеств была поколеблена задолго до того времени, как восточные божества стали приглашаться к участию в Олимпе.

В комедии Аристофана «Облака» есть место, где Сократ на сделанное ему замечание, чго в руках Зевса есть молния, чтобы поражать клятвопреступников, отвечает: «Дурак! Ты повторяешь бабьи сказки. Если Зевс поражает молнией клятвопреступников, то почему не попалил Симона, и Клеонима, и Феора — ведь это самые злые клятвопреступники. Вместо того он поражает собственные храмы, и шпиц Афинеи Сунийской, и высочайшие дубы. Что они ему сделали?»* Если принять в соображение, что время жизни комика падает на 450—385 гг. до

* Имеется в виду все довольно вольное место в разговоре Стрепсиада с Сократом, где гром сравнивается с газами, выпускаемыми из себя человеком: стихи 388 и сл., в особенности 398—402

Р.Х., то можно еще удивляться, что вера в богов так долго держалась в греко-римском обществе. Правда, правительство пыталось разными средствами поддержать и оживить религию и достигало в этом отношении некоторых временных успехов. Но философское мышление, направляясь к выяснению отношений человека к верховному существу, все более и более подрывало уверенность в верованиях, когда-то имевших значение непререкаемых истин. Уже основные положения, выводимые из платоновского учения: идея единого и всесовершенного Бога, бессмертие души, воздаяние по смерти за совершенные в жизни деяния — заключали в себе выводы, несовместимые с старой верой и скорее приближающиеся к христианству, чем к язычеству.

Чем объясняется нетерпимость римского государства к христианам? Хотя нельзя думать, что христианство в смысле носителя новых идей представляло собой разрушительное начало, ибо буква убивает, а дух животворит; но по отношению к политическому и социальному строю древнего общества христиане, несомненно, представляли собой крайнюю оппозицию. При ближайшем соприкосновении с христианами римские администраторы и лица, стоявшие во главе судебных установлений, встречались с такими фактами, которые стояли в совершенном противоречии с общепризнанным и твердо установившимся строем. С точки зрения римского государственного закона почитание богов и исполнение обрядов религии было первым и основным требованием во всех делах, касавшихся христиан. Но эти сектанты, с точки зрения римского судьи, уклонялись от принесения жертвы, не воскуряли фимиама пред статуей императора и ссылались на какое-то новое неизвестное божество, не принятое в римский пантеон. Кроме того, те же христиане позволяли себе уклоняться от государственной, в особенности от военной службы, открыто признаваясь: «Не могу носить оружие, потому что я христианин» («Non possum militare quia christianus sum»). Само собой разумеется, языческое общество не могло не усматривать в новой религиозной, с его точки зрения, секте явных врагов общественного порядка, хотя бы христиане не являлись открытыми нарушителями ни религиозных церемоний, ни общепринятых обычаев. В одном только случае христиане внушали к себе действительное подозрение, это относительно своих тайных собраний, которые прикрывались законными формами, но в существе не были легальными.

Не могло языческое общество примириться и с внешним поведением, а равно с нравственными воззрениями христиан: «Кто хочет за мной идти, тот должен покинуть отца и мать и все, что ему дорого». Христианство вносило разлад в семейную жизнь, нарушало доверие между супругами и между родителями и детьми. Нельзя без волнения читать историю св. Перепетуи, принадлежавшей к лучшему обществу, которую старик отец умоляет оставить новую веру и возвратиться к семье, к покинутому ею мужу и ребенку. В особенности никак не могло римское общество примириться с тем, что представлял собой Рим с его древней культурой и с высокообразованным обществом, и что рядом с ним представляли христианские общины. На одной стороне была высокая культура, победы, мировластительство, на другой же — невежество, простота, скудость и отсутствие всякой культурности. Совершенно основательно говорили христианам: как вы можете с вашим убожеством мечтать о перестройке мира, когда на нашей стороне и опыт, и числен-

ное превосходство, и богатства, когда на нашей стороне высокая культура. Цельс выразил эту противоположность между христианами и римским миром в следующем образе: «Вы, как тараканы в щели, судите о внешнем мире по своему кругозору. Нам, конечно, лучше судить с нашего широкого и открытого места о том, что есть и что должно быть, а не вам из вашей щели». Христианство подвергалось упреку даже и после того, как оно уже было объявлено господствующим в империи, в том, что оно, уничтожив древнюю культуру и освятив невежество и мрак, взамен само ничего не могло дать. Отцы и учители Церкви первых веков с особенной настойчивостью поэтому проводили мысль, что христиане должны черпать знание и образование в языческой школе и литературе (Бл. Августин). Основное положение книги Буасье «Падение язычества» заключается в оправдании мысли, что христианство не пренебрегало культурой и восприняло в себя все знание, добытое в древнем мире.

Переходя к выяснению того начала, которое постепенно изменяло самую физическую сущность древнего мира, мы становимся на более твердую почву, т. к. можем считаться с весьма конкретными и известными фактами. Но здесь не предполагаем вести речь о той неудержимой волне народных движений, которая залила древний мир и на его развалинах дала новые ростки, развившиеся в средневековые государства. На Западе и Востоке по одинаковым причинам правительство принимало на государственные земли чуждые народы: главная цель была в пополнении убыли в населении, в заботах иметь в провинциях достаточно людей, с которых можно было бы брать рекрутов и собирать подати. Мизия и Паннония во II и III вв. были вполне покрыты варварскими колониями, во Фракии поселено сто тысяч бастарнов. Констанций Хлор и Константин довели систему своих предшественников до крайних пределов, последнему приписывается поселение в империи 300 тыс. сарматов.

Постоянное и обильное пополнение провинций империи новыми народами вливало много новой крови в остатки старого населения и содействовало постепенному изменению самого физического типа древних народов. Восток, после окончательного разделения тогдашнего мира на две половины, меньше подвергался иммиграции варваров и представлял в восточных своих провинциях значительную преграду против вторжения чуждых этнографических элементов. Но затем, со времени Феодосия, германские готы наводнили столицу и провинции и подвергли Восточную империю действию того же внутреннего брожения, под влиянием которого разрушалась Западная империя. Хотя у восточных императоров нашлось довольно государственной мудрости, чтобы задержать процесс расчленения Византийской империи посредством постоянного обмена населения между Малой Азией и Балканским полуостровом, но обширные поселения славянских племен в европейских провинциях, равно как расположение лагерем в придунайских областях кочевых азиатских народов, вели к тому же окончательному результату, каким сопровождалось движение новых народов на Западную империю. Не могли, конечно, не оценить государственные люди IV в. то положение, которое создавалось ходом вещей: Восток имел больше устоев против расчленения, чем Запад, на Востоке не было такого неудержимого стремления к передвижению с места на место, какое было на Западе; Восток мог доставлять и войско, и продовольствие для него,

и деньги. Нельзя не признать того обстоятельства, что как Византийская империя, так и сменившая ее Турецкая с Востока получали главные средства своего существования. Малая Азия оставалась житницей государства, когда Египет вышел из сферы влияния Восточной империи. Итак, ясно, что перенесение ближе к Востоку или на Восток правительственных учреждений и основание столицы империи на Босфоре было актом высокой государственной мудрости, обеспечивавшим продолжительную жизненность византинизму.

Выбор места для новой столицы, устройство Константинополя и создание из него всемирно-исторического города составляют неотъемлемую заслугу политического и административного гения Константина. Не в эдикте о веротерпимости мировая заслуга Константина: не он, так его ближайшие преемники принуждены были бы даровать господство христианству, которое от того нимало не потеряло бы; между тем как своевременным перенесением столицы мира в Константинополь он в одно и то же время и спас древнюю культуру, и создал благоприятную обстановку для распространения христианства.

Исключительно важное торговое и военное положение Византии-Константинополя на границе между Европой и Азией, господство над двумя морями, Черным и Средиземным, где находили себе блестящее развитие древние культуры — эти преимущества властного положения на Золотом Роге и Босфоре хорошо поняты и были оценены древними задолго до Константина. В анналах Тацита[4] есть прекрасное место следующего содержания. Когда греки спросили прфийского Аполлона, \ где он посоветовал бы основать новую колонию, он послал их в страну, лежащую против жилища слепцов. Слепцами предание считает здесь основателей мегарской колонии Халкидон, которые не сумели оценить важности противоположного берега Босфора. Действительно, в течение всего известного исторического периода Константинополь играл несравненную роль в смысле посредника торговых и вообще культурных сношений между Востоком и Западом. Понимая мировое значение Византии, Константин перенес сюда столицу империи, и его выбор оправдан историей. Торговым центром Константинополь оставался в течение всего о средневековья; военное значение его доказывается всей его многовековой судьбой. Многие ли европейские столицы могут похвалиться таким защищенным положением, как Константинополь? Между тем, ввиду темной эпохи, которая наступила с IV—V вв., когда варварские полчища нахлынули на слабеющую Римскую империю и уничтожили все завоевания в области науки, искусства и общежития, природой и техникой укрепленная Византия дала в себе приют культуре и умственной производительности. Если она и не приумножила приобретений, полученных от древности, то во всяком случае старательно оберегала их. Новоевропейские народы, постепенно сделавшись способными понимать *блага* культурной жизни, стали черпать полной рукой из ее архивов и библиотек.

В 328 г. начаты были перестройки и возведение новых зданий, 11 мая 330 г. праздновалось открытие новой столицы. Хотя новая столица становилась центром христианской империи, и хотя старое языческое богослужение в ней не должно было иметь места, но на украшение ее употреблены были лучшие языческие памятники из Рима, Афин, Александрии, из Малой Азии и с островов. Древние языческие храмы

или переделаны в христианские, или обращены на общественные надобности. Изображения богов, потерявшие место в храмах, стали украшать площади, улицы, бани, портики.

Трудно выяснить, какими мерами привлечено было в Константинополь население Торговые преимущества, пособия, безденежная раздача хлеба и проч. должны были заохотить рабочее и промышленное население искать жительства в Константинополе. При Иоанне Златоусте в городе насчитывалось 100 тыс. христиан, но были во множестве иудеи и язычники, между ними до 50 тыс. бедных. Уже в V в. понадобилось раздвинуть стены и выстроить новые дома на освобожденных местах, но и при этом, по замечанию Зосимы, было опасно ходить по улицам за многолюдством и теснотой; тогда осушили морской берег, набили сваи и стали строить дома над водой. Городу дано было муниципальное устройство Рима, городской округ изъят от поземельной подати. Современник Юлиана Евнапий говорит уже о пьяном и ничем не довольном диме Константинополя и жалуется на Константина, который, лишив города природных жителей, перевел их в основанный им город.

В высшей степени любопытно обозначить план и очертания города Константина. Предание говорит, что император, идя с копьем в руках, намечал границы своей столицы, и, когда приближенные выражали удивление обширности размеров города, он сказал: «Я пойду до тех пор, пока не остановится некто идущий впереди меня». Старая Византия, занимавшая только часть мыса, вдающегося в Мраморное море, была незначительным поселком сравнительно с городом Константина, который, в свою очередь, в несколько приемов раздвигался вдаль, чтобы достигнуть той обширной площади, какая окружена сохранившимися доселе стенами. Граница основанного Константином города обозначена была земляным валом и стеной, которую с известной степенью вероятности можно обозначить так: в направлении от Золотого Рога к Мраморному морю стена начиналась или на линии старого моста, или несколько северней и шла в направлении к юго-западу, пересекая большую улицу, существовавшую и в древности под именем Меса, в направлении между цистерной Аспара и храмом свв. Апостолов, затем склонялась к югу, проходя мимо цистерны Мокия, и доходила до моря в местности между Псаматией и Дауд Паша-капуси, неподалеку от древнего монастыря Перивлепта, или Сулу-монастыря.

Окружавшая древний город стена сослужила большую службу новой столице в эпоху переселения народов. Когда вестготы утвердились на Балканском полуострове, Константинополь сделался для них весьма заманчивой добычей. В 378 г., вскоре после поражения римских войск, они сделали попытку напасть на этот город, но его укрепления были выше военных средств, какими они располагали. И сам Аларих не рискнул осаждать столицу Восточной империи. Когда первоначальный город стал тесен, его раздвинул Феодосии, хотя первоначальные стены были оставлены и долго составляли линию внутренних укреплений, за которыми был новый квартал Эксокионий, или «За колоннами». При Юстиниане сильно пострадали от землетрясения феодосиевские и кон-стантиновские стены. Затем в позднейшее время последние, вероятно, были уничтожены временем и частью употреблены на городские постройки[5].

Глава III

Образование христианской империи. Церковная политика Константина. Православие и арианство

Христианская империя, заступившая место языческой, является самым существенным выражением средневекового византинизма. Процесс постепенного сочетания этих двух первоначально враждебных элементов — языческой и христианской империй — составляет один из поучительнейших эпизодов всемирной истории и поэтому заслуживает особенного внимания. Нечего и говорить, что нам предстоит тщательно выбрать из относящегося к нашей теме обширного материала наиболее выразительные факты, которые могут характеризовать христианство и империю как в период борьбы, так и в эпоху взаимного соглашения и объединения. Сначала империя более или менее игнорировала вновь возникшее верование, частью смешивая его с иудейством, затем, когда христианство стало обнаруживать значительное влияние в широких кругах общества, светская власть делала ряд попыток ограничить это влияние и принудить исповедников христианской веры к принятию язычества; наконец, император Константин и его ближайшие преемники пришли к сознанию необходимости поставить христианство под защиту империи.

Первый факт, характеризующий христианство как значительную силу, которая уже стала обращать на себя общественное внимание, относится к царствованию Нерона и стоит в связи с известным пожаром в Риме в 64 г.[1]

Нельзя сказать, чтобы пожары в Риме были редки: и до Нерона, и после него встречаем немало известий о пожарах в Риме. Но пожар, начавшийся в ночь с 18 на 19 июля 64 г., превзошел все другие по своим гибельным следствиям. Пламя показалось вблизи Circus Maximus; здесь было много деревянных лавочек, которые сообщили пламя ближним деревянным зданиям, а сильный ветер, раздувая пожар, перенес его и на цирк. Тогда уже не было никакой надежды на прекращение пожара, и в течение 6 дней и 7 ночей он истребил большую часть города, так что из 14 частей города только четыре пощажены были огнем. Как всегда, нашлись люди, которые, пользуясь общим бедствием, стали грабить и растаскивать то, что удавалось спасти от огня. Общее ожесточение, голод и нужда подняли народ, который требовал у правительства разыскать виновников пожара. Нерона тогда не было в Риме; узнав об опасности, он поспешил из Анция и лично принимал меры к тушению огня: один, без свиты показывался в различных частях города и, когда кончился пожар, употребил всевозможные средства к облегчению нуждающихся.

Базилики, термы и публичные здания открыты были для погорельцев, на Марсовом поле построены бараки; понижена цена на хлеб, и на

окрестные селения наложена реквизиция в пользу погорельцев города Рима. Чтобы удовлетворить раздраженному чувству населения, римская полиция тщательно расследовала причины пожара. Лавочки, где началось пламя, принадлежали восточным купцам, преимущественно из еврейского племени. Они не пользовались и раньше расположением римлян, теперь достаточно было и легкого подозрения, чтобы объявить их поджигателями. Но известно, что народная молва стала обвинять в поджоге императора Нерона, и что он, будто бы для оправдания себя, привлек к ответственности ненавистных тогда евреев-христиан. Рассмотрим это обстоятельство. Обвинение Нерона сначала основывалось на слухах, на молве и только у позднейших писателей передается как факт несомненный. Тацит, главнейший авторитет в этом вопросе, не решается прямо высказать: случайно ли произошел пожар, или по воле Нерона; никто не смел тушить пожар, говорит он, потому что многие угрожали начинавшим тушить, другие открыто раскидывали головни и при этом кричали, что им приказано так делать, может быть, они имели в виду наживу, а может быть, и по чьему-либо приказанию. Сказав далее, какие меры принял Нерон для облегчения общественного бедствия, Тацит продолжает: «...но все это было бесполезно, потому что упорно держался слух, будто в то самое время, как горел город, Нерон вышел на домашнюю сцену и воспевал падение Трои». Далее, Тацит прибавляет: «Думали, что Нерон добивался славы построить новый город и дать ему свое имя». Описав затем дела благотворительности и религиозные церемонии, к которым по этому случаю обратилось правительство, наш историк прибавляет: «Но все это не могло заглушить молвы, что пожар произошел по его приказанию. Тогда-то Нерон подверг виновных суровейшим наказаниям». Тут в первый раз мы встречаем имя христиан.

Не странно ли, что Тацит ни в одном случае не высказывает собственного воззрения, перечисляет только слухи и ни одного из них ничем не может подкрепить? Между тем он мог бы, если бы захотел, проверить действительность или ложность этой молвы, потому что тогда живы еще были современники и очевидцы пожара. Еще подозрительнее слухи эти оттого, что в пользу их Тацит не ссылается ни на одно свидетельство, как делает он в других случаях. Но если сравнить с неуверенными и осторожными выражениями Тацита подробный обстоятельный рассказ о том же Светония[2], писавшего на основании Тацита, и, наконец, еще более полный и без малейших сомнений рассказ Диона Кассия[3], то нельзя не прийти к весьма важным выводам: рассказ Кассия представляет иллюстрацию Светониева, Светоний же заменил только неуверенные и отрицательные выражения Тацита положительными, выбросив такие слова, как: «был слух», «казалось», и дал основание, по-видимому, строго историческому факту, повторяющемуся в литературе и учебниках, будто Нерон поджег Рим. Что касается выражения Тацита: «Никто не тушил пожара» — это легко объясняется невозможностью тушить сильное пламя, пожиравшее деревянные, тесно сомкнутые строения; притом у него же говорится, что Нерон сам был в опаснейших пунктах и употреблял все старание прекратить пламя. Раскидывать же головни могли воры, вообще бродячий, бездомный люд, которому всегда выгодны общественные бедствия. И какие мотивы могли побудить Нерона к этому сумасбродному делу? Дион говорит — желание

видеть падение своего отечества. Нельзя не припомнить здесь слов Светония, сказанных им о Тиверии[4], потому что они как раз представляются подкладкой для фразы Диона. Тацит приводит другой мотив: Нерон будто бы желал славы основателя Рима и хотел назвать его по своему имени. Первое объясняется ex eventu, т. е. Нерон действительно не жалел средств на восстановление и украшение Рима; второе же противоречит истории — Нерон никогда не пытался переименовать Рим. Следует прибавить, что пожар начался в лучшей части города, которая хорошо была застроена; между тем для целей Нерона достаточно было выжечь предместья. С другой стороны, зачем бы так спешить ему из Анция, когда ему дали знать о пожаре? Мог ли Нерон так спокойно ночью без свиты ходить по городу, если бы он был виновником пожара и если бы знал слухи в народе?

Переходя ко второму обстоятельству, связанному с этим пожаром,— именно к обвинению христиан в поджоге, прежде всего приведем слова Тацита: «Итак, чтобы положить конец молве, Нерон подыскал виновных и предал их суровейшим мукам; это были те, которых народ за срамные дела их по ненависти называл христианами. Наименование их произошло от Христа, который в правление Тиверия казнен был прокуратором Понтием Пилатом. Подавленное на время пагубное суеверие снова обнаружилось не только в Иудее, колыбели этого зла, но даже и в Риме, куда со всех сторон стекается и чествуется все срамное. Некоторые на пытке указали сообщников, и затем, по их показанию, уличено было огромное множество не столько в преступлении по поджогам, сколько в ненависти к роду человеческому. Их губили с поруганием· покрывали шкурами зверей и отдавали на растерзание псам, распинали на крестах, сожигали и, если недоставало для того дня, заставляли их гореть ночью»[5] Следует заметить, что для расследования виновных в поджоге не было назначено отдельной комиссии, дознание производилось полицейскими средствами, между тем по вопросам веры обыкновенно дело переходило в сенат и решалось назначенной от него комиссией. По позднейшему свидетельству Ювенала, пытки и приговоры уличаемых назначал Тигеллин. Для нас важно здесь то, что религиозного мотива в этом гонении на христиан не было, иначе сенат взял бы на себя все ведение этого дела[6]. Как замешаны в процессе христиане — легко понять. В то время христиан еще не отделяли от иудеев, на христианство смотрели как на иудейскую секту[7]. Как христиане, так и иудеи жили в Риме в одной части города, занимались одними и теми же ремеслами и как всем язычникам, так и римской полиции известны были за исповедников иудейской веры с небольшими отклонениями. Брожение умов в Иудее тогда было сильное, оно сообщалось и римским евреям: взаимная ненависть разделяла христиан и евреев. Припомним, что пожар начался в той части города, где находились лавки восточных купцов; где же было искать полиции поджигателей, как не в ненавистном восточном квартале? Не оттуда ли выходили предсказания, что Иегова уничтожит язычников огнем, посланным с неба? Так, «привлечены к ответственности немногие, которые в пытках указали на массу сообщников». Преследование на этот раз

ограничилось, впрочем, Римом и Иудеей; нет никаких оснований предполагать, чтобы оно распространено было на все провинции империи. Вообще в течение I столетия Рим не отличал христианства как новой веры и представлял его только иудейской сектой. В 95 г. Домициан приказал привести к себе внуков Иуды, брата Господня, как потомков из рода Давида и опасных претендентов на трон. Но, видя в них мирных поселян и слыша речь о духовном царстве, Домициан отпустил их с миром и прекратил начатое преследование.

В начале II в. римское правительство уже имело перед собой довольно организованную христианскую общину, которая, с одной стороны, тщательно оберегала себя от общения с иудеями, а с другой — резко отделилась от языческого римского общества и по своим религиозным воззрениям, и по общественной организации. Новое учение, «христианская секта», начало приобретать адептов даже в высших классах римского общества. Для характеристики положения христиан в эту эпоху мы имеем чрезвычайно важные официальные памятники—это письмо Плиния Младшего к императору Траяну и ответ императора Плинию[8].

Плиний, занимая пост наместника в Вифинии (в 111— 113гг.), делал отчет о положении вверенной ему провинции и спрашивал мнения императора по затруднительным вопросам. Но обратимся к самому тексту письма. «Государь,— пишет Плиний,— для меня сделалось обычным обращаться к тебе во всех затруднениях. Ибо кто лучше тебя может направить меня в раздумье или наставить в неведении? Мне не случалось быть на следствиях о христианах, и я не знаю, о чем нужно расспрашивать и в какой мере наказывать их. Немало также затрудняет меня и то, нужно ли делать различие между возрастами; давать ли помилование в случае раскаяния, или уже нет места помилованию для того, кто раз был христианином; преследовать ли за самое имя, хотя бы не было других проступков, или должен быть наказуем проступок, заключающийся в самом имени? Я так обыкновенно поступал с теми, которых приводили ко мне по обвинению в христианстве. Спрашиваю их — христиане ли они? Если получается утвердительный ответ, предлагаю им под угрозой смерти во второй и третий раз тот же вопрос. Упорствующих приказываю казнить. Ибо в том я никогда не сомневался, какова бы ни была их вера, что упорство и непреклонное упрямство их заслуживают кары. Иных, одержимых тем же безумием, как римских граждан я приказал представить в Рим. Во время следствия, как это обыкновенно бывает, пришлось натолкнуться на разные неожиданности. Подано было письмо, в котором несколько лиц утверждали, что они не христиане и не были таковыми. Когда по моему требованию они прочли формулу воззвания к богам и возлиянием и курением почтили твое изображение, и кроме того, произнесли проклятие Христу, к чему никак будто бы не могут быть принуждены действительные христиане,— я разрешил дать им свободу. Другие, которых имена были

намечены в индексе, назвали себя христианами, а потом изменили показание: были, говорят, но теперь уже не христиане,—кто за три года, кто больше, некоторые же за 20 лет перед тем оставили христианство. Все они поклоняются твоему образу и изображению богов и проклинают Христа. Давали показание, что вся вина их состояла в том, что они имели обыкновение сходиться в установленный день до восхода солнца, чтобы вместе помолиться Христу как богу и дать друг другу клятву, но клятву не на злодеяние какое-нибудь; что они не повинны ни в каком воровстве, или мошенничестве, или любодеянии... что после того они расходились, сходились же опять для принятия пищи, самой обыкновенной и невинной, что все это они перестали делать после издания моего эдикта, которым, по твоему приказанию, я запретил сообщества и сходки. Я счел необходимым употребить пытки относительно двух прислужниц, которые называются у них диаконисами, чтобы распознать, в чем настоящая правда. Но и тут я ничего не нашел, кроме мечтательного суеверия, и потому, прекратив следствие, ищу у тебя совета. Я считаю этот предмет особенно важным ввиду массы обвиняемых. Ибо многие, всякого возраста, сословия и пола подвергаются опасности теперь и на будущее время. Это суеверие распространилось не только в городах, но и в поселках и деревнях. Но я думаю, что против него можно бороться решительными мерами. По крайней мере, несомненно то, что забытые храмы стали снова посещаться, возобновились священные торжества, почти совсем было прекратившиеся; там и здесь можно было видеть выведенных на продажу жертвенных животных, на которых прежде редко находился покупатель. Из этого легко понять, какую массу можно обратить на путь истины, если дать место раскаянию и помилованию».

Траян отвечал на это письмо: «Любезный Секунд! Я одобряю твои действия относительно тех лиц, которые обвиняются в принадлежности к христианству. Ибо в этом отношении нельзя установить ничего общего, что бы могло служить определенным правилом. Разыскивать их не следует; если же кто явно изобличен будет, то должен потерпеть наказание, но при этом, если кто будет запираться и скажет, что он не христианин, и докажет это самым делом, т. е. воззванием к богам нашим, таковой ради своего раскаяния должен получить помилование, хотя бы и оставалось подозрение относительно прошлого. По поводу анонимных писем не возбуждай преследования: это могло бы послужить дурным примером и не согласно с современными требованиями».

Из приведенных писем можно видеть, что в начале II в. светская власть, хотя и отличала христиан от иудеев, но еще не выработала определенных законодательных и полицейских мер к преследованию нового вероучения; находя, что христиане в сущности безвредны, что слухи о тайных

собраниях их преувеличены и несправедливы, светская власть колебалась — следует ли принимать строгие меры, и к чему приведут они; мы видим тут борьбу чувства с долгом, буквы закона с силой общественного мнения. Собственно, с III в. уже обнаруживается решительное стремление вырвать с корнем новое вероучение; но, будучи прихотью некоторых императоров, это стремление не было обычной политикой светской власти и нередко сменялось терпимостью и благорасположением к христианству; так, при Александре Севере (222—235) христиане строят уже церкви.

Известно, что считается 10 гонений на христиан до эдикта веротерпимости Галерия в 311 г. Мы не будем останавливаться на них, ограничимся лишь краткими замечаниями. Если понимать под гонениями действительные репрессивные меры, принимаемые правительством против принципа христианства и приводимые в исполнение во всей империи, а не случайные вспышки народного нерасположения и своеволия правителей, тогда мы не насчитываем десяти гонений. Собственно, преследования были при трех императорах: Максимине (235—238), Деции (251) и Диоклетиане. Изложим обстоятельства этого последнего гонения. Главнейший источник для истории христианства при Диоклетиане и Константине—Лактанций и Евсевий. Сначала ритор в Вифинии, потом воспитатель Криспа, сына Константина В., Лактанций между другими сочинениями оставил и историю гонений на христиан, начиная от Нерона. Сочинение «De mortibus persecutorum» («О гибели преследователей») составлено не позже 323 г. и имеет тенденциозный характер. Лактанций желал показать современникам и потомству великие дела Божий в судьбах христианства: «Да знают все, как удивил Господь величие свое в истреблении и уничтожении врагов имени своего». Руководящая мысль в его изложении следующая: преследование христиан всегда сопровождалось страшными карами, постигавшими гонителей, или: император — дурной человек, ergo он гонит христианство, ergo его постигает бедственная кончина. Хотя указанная цель лишает автора объективности, тем не менее, имея в виду, что Лактанций не выдумывает фактов, а только своеобразно комбинирует их, что он жил в восточной половине империи в Никомидии и хорошо знал столичные события (Никомидия была центром тогдашней политики), сочинение его должно считаться важнейшим источником для церковной, а частью и политической истории времени Диоклетиана.

Евсевий, по прозванию Памфил, родился в 264 г. в Палестине, воспитывался в Антиохии, с 315 г. был епископом Кесарии. Он был приближенным и почетным лицом у имп. Константина, говорил ему похвальное слово на тридцатилетие и составил его биографию, умер в 340 г. Евсевию мы обязаны исторической хронологией — Παντοδαπή Ιστορία: этот труд сохранился только в отрывках и был продолжен Иеронимом (330—420). По церковной истории Евсевий составил Έκκλησιαστιχή ιστορία, где в 8 и 9 кн. повествуется о Диоклетиановом гонении, и отдельно монографию De martyribus Palaestinae. Евсевий писал свой труд по церковной истории в Кесарии (ок. 313 г.), западные события для него малоизвестны; также и о столичных делах он менее знает, чем Лактанций, зато он непосредственный свидетель того, как исполнялись императорские эдикты против христиан в восточных про-

винциях и в Палестине. Евсевий приводит содержание императорских эдиктов, но равную эдиктам достоверность придает местным повествованиям о святых и мучениках. Особенно важное значение имеет для нас VIII книга церковной истории, потому что сообщаемые в ней данные легко проверяются календарными отметками палестинских мучеников.

Хотя христианство в конце III в. не было еще терпимой верой, но распространение его шло весьма быстро; при Диоклетиане мы видим христиан уже во дворце. Живопись катакомб свидетельствует, что христианство обладало уже в это время высоким подъемом творчества и полагало основы христианскому искусству. Жена и дочь императора оказывали им благорасположение, между дворцовыми чинами и прислугой было немало христиан. Строились повсюду церкви, даже в Никоми-дии, в виду дворца, высился христианский храм; за то и благословлял Бог все предприятия Диоклетиана и его соимператоров, говорят церковные писатели. Между тем язычество подготовляло последний удар христианству: неоплатоники выступили с полным запасом изучения древних писателей, они свели философское учение на теософию и мистицизм и, усвоив метод христианского вероучения, пытались обнаружить связь его с древнейшими мифическими воззрениями. Цезарь Галерий и Диоклетиан не чужды были этого нового направления. Но едва ли не главнейшая причина враждебного отношения Диоклетиана к христианству в 303 г. была чисто политического свойства. В преобразованной им империи всем сословиям и состояниям указана была своя государственная служба, от всех подданных ожидалось крайнее напряжение и выполнение тех или других общественных задач. Государству нужны были сильные и молодые люди: между тем толпы христиан того и другого пола избирают уединенную созерцательную жизнь, дают обет безбрачия. Христиане избегают государственной службы, совесть не позволяла им защищать отечество и вступать в ряды воинов . Важнейшие государственные предприятия сопровождались еще ауспициями: христиане не принимают в них участия. Поэтому Диоклетиан еще до 303 г. принимал меры против христиан, и первый эдикт его не вызван никакими сторонними внушениями. Сам Евсевий в сочинении о палестинских мучениках приводит на то доказательства.

Источники не дают определенного известия ни о том, когда, собственно, началось нерасположение Диоклетиана к христианам, ни о том, чем оно было вызвано. Лактанций указывает на время перед зимою 302/03 г., Евсевий—на 301—302 гг. Лактанций видит причину гнева Диоклетиана на христиан в том, что раз при дворе не удалась жертва, и жрец указал на христиан, которые своими крестами прогнали демонов. Настолько же невероятна и другая причина: внушения Нигерия. Цезарь Галерий не мог иметь влияния на Диоклетиана в таком важном деле, как эдикт против христиан, император не мог руководиться случайными внушениями и капризами. Фактическая сторона состоит в том[10], что 24 февраля 303 г. префект города с некоторыми офицерами и чиновниками явился в христианскую церковь в Никомидии. Они предали огню священные книги, позволили расхитить ценные вещи, найденные в храме, и приказали разрушить самое здание. На следующий день был объявлен эдикт о преследовании христиан. Содержание этого эдикта сообщают и Евсевий, и Лактанций, но сообщенные ими данные не согласны между

собою. По меньшей мере, разноречие это странно у писателей, которые имели полную возможность читать и видеть эдикт как во время его обнародования, так и после в государственном архиве. Сопоставляя содержание эдикта по обоим известиям, мы находим, что на основании его, во-первых, сожигались христианские книги и разрушались церкви; во-вторых, христиане объявлялись лишенными гражданских прав и чести— άτιμοι; в-третьих, рабы, остающиеся в христианстве, теряли всякую надежду на свободу. Когда эдикт был выставлен для всеобщего сведения, один христианин сорвал его и бросил с оскорбительной насмешкой над императором; он был взят, подвергнут пытке и казнен сожжением. В связи с этим обстоятельством находится пожар во дворце.

По словам Лактанция, Галерий, желая сильнее раздражить Диоклетиана против христиан, приказал зажечь дворец и потом обвинил христиан в поджоге; тогда начались пытки и последовали смертные приговоры против придворных евнухов и служителей. Евсевий, говоря о пожаре, не упоминает о подозрении против Галерия, не обвиняет и христиан (υπόνοια ψευδής). Наконец, имп. Константин, бывший в то время в Никомидии, оставил также свидетельство об этом событии, — только свидетельство несогласное с двумя предыдущими; именно: Константин в своей речи к отцам первого Вселенского собора приписывал пожар дворца молнии. Общего во всех известиях то, что вскоре после опубликования эдикта произошел пожар в императорском дворце, который имел следствием второй, более решительный эдикт против христианства. Современники и свидетели этого события не объясняют нам причины пожара, а если и говорят о ней, то несогласно и неубедительно. Диоклетиан в душе остался убежденным, что виновны в поджоге христиане, служившие в его дворце, вследствие чего и появился второй эдикт, которым повелевалось налагать оковы на епископов по всем церквам и сажать их в тюрьму; придворные слуги в Никомидии были подвергнуты, кроме того, суровым наказаниям и смертным приговорам.

Судить о жестокости второго эдикта и о приложении его в провинциях не совсем легко, потому что ни у Евсевия, ни у Лактанция нет полного изложения эдикта; тот и другой рисуют только картину — как принуждали христиан к жертвоприношению и как казнили их за сопротивление, но мы не имеем оснований сказать: рисует ли эта картина только то, что можно было видеть в Никомидии, или и то, что происходило в провинциях. У Евсевия в истории палестинских мучеников находим три мучения в 303 г. Но одно из них не подходит к эдикту, потому что Прокопий обвинен, собственно, в государственной измене за приложение к политическим событиям стиха Гомера: «Нехорошо многовластие, да будет один господин, один царь». На Западе Констанций Хлор, расположенный к христианству, не мог настаивать на строгом выполнении эдиктов. Притом наступал торжественный для империи год, именно юбилейный год; по случаю празднования двадцатилетия 17 ноября 303 г. издана была правительством амнистия в пользу заключенных и подсудимых. Хотя у Евсевия этот декрет рассматривался как всеобщая амнистия в пользу всякого рода преступников, но в этом можно усомниться, потому что и после опубликования амнистии видим отдельные случаи мучений христиан. С положением дела согласнее то толкование, что под амнистию подошли только политические преступ-

ники, и именно те христианские епископы и настоятели церквей, которых сажали в заключение не только за дела веры, но и по подозрению в политической неблагонадежности, т. е. амнистия уничтожила, собственно, второй эдикт. Относительно христианских узников в ней сказано: тех, которые принесут жертву, пускать на свободу, упорствующих же пытать. В самом деле, странно было бы допустить, что Диоклетиан, начав преследование против христиан в феврале, в ноябре того же года прекращает его, а потом опять издает эдикт о гонении.

Последний четвертый эдикт Диоклетиана падает на весну 304 г. В силу его все христиане понуждаемы были к торжественным жертвам в честь идолов. Во второй год гонений на христиан в Палестине пострадало десять мучеников. Вообще, не следует забывать, что Диоклетиан, вооружившись против христианства, не выходил из пределов законности и думал покончить дело с христианами, лишая их гражданских прав и устрашая пытками. Кровь христианская проливалась не в силу прежних эдиктов, но в силу местных условий. Там, где ожесточение против христиан было глубже и сильнее, конечно, не могло обходиться без казней и жестоких преследований. В Риме, например, раз в цирке поднялись крики: «Пора уничтожить христиан! Август, казни их!» Это совпадало с объявлением четвертого эдикта Диоклетиана. Там же, где возможна была снисходительность или где были лица, расположенные к христианству, как Констанций Хлор в Галлии, менее видим и казней.

После отречения Диоклетиана и Максимиана, когда первенствующим августом стал Констанций Хлор, Диоклетиановы эдикты, не теряя своей юридической силы, однако, слабее приводились в исполнение. Не говоря уже о том, что на Западе преследование почти совсем прекратилось, даже на Востоке не встречаем казней и мученических смертей. Евсевий указывает на мучение Аппиана, но он казнен был за то, что позволил себе личное оскорбление наместнику. Важное доказательство тому, что Констанций Хлор ослабил приложение Диоклетиановых эдиктов и на Востоке, находим в следующем: цезарь Максимиан, узнав о смерти его, 20 ноября 306 г. празднует день своего рождения приведением в исполнение приговора, состоявшегося еще во время Диоклетиана, по которому мученик Агапий отдан был в цирк на съедение зверям. В таком виде можно представить себе первые три года гонений на христиан. Смуты, начавшиеся в империи с 307 г. и выдвинувшие на Востоке 1алерия, должны были отразиться как на всех государственных делах, так и на положении христиан. Авторитет императорской власти в провинциях падает, префекты и президенты, не боясь ответственности, по личным побуждениям и склонности, то суровее, то снисходительнее относились к христианам. От этого мы видим, что у Лактанция и Евсевия время Галерия и Максимиана по числу мучеников на Востоке представляется самым кровавым периодом гонения. Но при этом нельзя не заметить, что случаи бесчеловечия с христианами представляются внушенными не политикой и не законами, но безначалием, разнузданностью нравов и безответственностью властителей.

Седьмой год гонения оканчивался, но Галерий замечал, что усилия власти оказываются тщетными, что брань, внесенная в империю эдиктами о преследованиях, лишь ослабляет империю, но не христиан. В 310 г., находя ли себя бессильным против христиан или имея в виду

другие цели, Галерий приготовил эдикт веротерпимости, опубликованный 30 апреля 311 г. в Никомидии. В силу этого эдикта отменялись репрессивные против христиан меры, христианам позволялось жить по своей вере, строить церкви с условием — не нарушать государственного порядка. Непосредственно за этим получено на Востоке известие о смерти Галерия.

С 313г. империя имела двух только императоров: на Востоке Лициния, на Западе Константина. Дальнейшие вопросы о христианстве стоят в связи с именем западного императора. Восемь лет кряду действовали законы об угнетении христианства, в разных частях империи они имели неодинаковую силу напряжения. Но даже и там, где страсти местного населения и неблагорасположения властителей (на Востоке и в Риме) соединили свои усилия в борьбе с христианами, результаты далеко не соответствовали ожиданиям. Если и не придавать особенной веры вычислениям, колеблющимся между $^{1}/_{2}$ и $^{1}/_{20}$ частью всего населения империи[11], то одна живучесть нового принципа, распространенность христиан по большим городам, стройная община, находящаяся в строгом повиновении у своих епископов, ставила уже новые вопросы императорам IV в.: речь могла идти не о том, быть или не быть христианству, а о том, пользоваться ему терпимостью только или главенством. Императору Константину оставалось не выбирать одно из двух, но принять то, что и без него готово было получить перевес, т. е. дать христианству не только равноправность с язычеством, но и главенство.

Нам трудно следить за внутренними отношениями Константина к христианству и определить время, в которое он пришел к необходимости дать торжество новой вере. По крайней мере, чудесные знамения, указываемые Лактанцием и Евсевием как причина переворота в душе Константина, не совсем убедительно доказывают подобный переворот. Имеем в виду известный рассказ об явлении Константину креста с надписью: τούτω νίκα. В 312 г. Константин пошел в Италию против императора Максенция; силы его были слабы сравнительно с силами врага, он начал отчаиваться в успехе, пришел к мысли о высшей помощи, но колебался, у кого просить заступничества — у богов или у Бога? В этом раздумье он просил у Верховного Существа помочь ему. И вот в полдень на ясном небе Константин и его войска увидели крест с надписью: «Сим побеждай». Чтобы уверить читателя в истине этого рассказа, Евсевий прибавляет: «Мне сам император передавал это и подтвердил клятвой»[12]. На следующую ночь Спаситель явился Константину и повелел приготовить знамя с виденным изображением: знамя состояло из водруженного на древке золотого венца с монограммою из начальных букв имени Христа. Приготовленное таким образом знамя впоследствии получило название labarum, этимология которого не поддается объяснениям.

Таков рассказ Евсевия о том, как Константин обращен был к христианству. Не говоря уже о том, что возникает некоторое сомнение даже при чтении Евсевия, который ссылается на подтвержденное клятвою сообщение Константином такого факта, который могло засвидетельствовать все его войско; сомнение усиливается, если сравнить с приведенным рассказом свидетельство Лактанция. В 44 гл. кн. de mortibus

persecutorum, сказав о прибытии Константина под стены Рима, Лактанций продолжает: наступал день восшествия на престол Максенция, и вот Константин во сне получил приказание сделать божественное изображение на щитах своих воинов. Он сделал, как было заповедано, приказав изобразить божественный знак на щитах воинов с главою поверх него. Из сопоставления этих свидетельств видим, во-первых, что они разноречат в показаниях о времени чудесного знамения: по Евсевию, видение было перед войною, вообще в неопределенный период, по Лактан-цию—накануне решительной битвы у Мильвийского моста; во-вторых, по Евсевию, было заповедано приготовить новое военное знамя, по Лактанцию — новое изображение на щитах. Лактанциев рассказ еще и тем подозрителен, что не было возможности так скоро приготовить щиты, чтобы с ними на другой день вступить в сражение.

Допуская действительность видения, которое подтверждается еще третьим современным свидетельством[13], на основании которого Константин сделал распоряжение об изменении в военном знамени или щитах, тем не менее, трудно видеть здесь прямое отношение к христианству. Уже одно то, что Евсевий умалчивает об этом в «Церковной истории», изданной в 326 г., подает повод думать, что тогда еще не считали возможным относить торжество христианства к 312 г.; два панегирика, сказанные по случаю победы над Максенцием, также не упоминают о христианстве Константина.

В память победы над Максенцием Константин воздвиг в Риме статую, на которой он представлен был с знаменем в руке. Хотя в известии Евсевия по этому поводу ясно намекается, будто вера в божественную помощь Христа побудила Константина изобразить на статуе знамение креста, однако ни в подписи на этой статуе, ни в надписи на триумфальной арке нельзя видеть никакого отношения к кресту, на котором пострадал Христос. Собственно, мы не знаем, когда была окончена эта статуя, когда сделана на ней надпись,— во всяком случае не в 312г.; но нельзя не сравнить с нею ту надпись, которая сделана была на триумфальной арке не ранее, однако же, 316г., к празднованию десятилетия Константина на римском престоле; она начинается словами «Instinctu divinitatis», в чем уже никак нет указания на Христа. Поэтому, оставляя под сомнением все вышеприведенные случаи, в которых стараются видеть указание на христианскую веру Константина, переходим к Миланскому эдикту веротерпимости, изданному в июне 313г. Эдикт этот приводят почти сходно Лактанций и Евсевий. Содержание его следующее: «Мы, императоры Константин и Лициний, заботясь о благе и пользе подданных, установили относительно богопочитания, чтобы и христианам, и всем дана была полная свобода жить в той вере, в какой кто хочет, чтобы небесное божество было благорасположено к нам и ко всем, которые находятся под властию нашей... Определяем, чтобы христианам возвращены были конфискованные в казну или частным лицам отданные имущества, также чтобы были вновь отданы места Их собраний. Частные лица должны быть удовлетворены за это из государственных средств»[14]

Вообще в силу этого эдикта христианство объявлено равноправным с язычеством, и уничтожены все Диоклетиановы постановления против христиан. По содержанию близок с этим эдиктом и акт 324 г.,

когда после победы над Лицинием Константин признал христианство единой истинной верой, а язычество заблуждением, хотя и последнее объявлено терпимым. «Для сохранения мира я постановил, чтобы и те, которые еще остаются в заблуждении язычества, пользовались таким же спокойствием, как и правоверные. Пусть и те, которые удаляются от послушания Богу, пользуются, если хотят, своими посвященными лжи храмами»[15]. Константин обращается лишь с увещанием к язычникам, чтобы они приняли христианство, и запрещает поклонение некоторым богам и частные жертвоприношения. В кодексе Феодосиевом можно находить правительственные распоряжения и предписания касательно язычества вплоть до самой смерти Константина (337): из них видим, что язычники имели свои храмы, жрецов, поступали в государственную службу и т. д.

Лучшим свидетельством того, что по отношению к христианству в Константине следует различать государственного мужа от обыкновенного человека, стремящегося по влечению сердца к разрешению религиозной загадки, служит воздвигнутый при нем памятник по случаю политического события первостепенной важности. Мы разумеем триумфальную арку в Риме, воздвигнутую римским сенатом в честь Константина после одержанной им блистательной победы над Максенцием близ Мильвийского моста[16].

Этот величественный памятник, наскоро построенный и украшенный частью рельефами из прежних памятников (триумфальная арка Траяна), между прочим, в посвятительной надписи заключает в себе известное выражение «Instinctu divinitatis» вместо личного бога, а над этими словами открыто древнейшее выражение, впоследствии исправленное: «Nutu I. O. M.» (т. е. по внушению Юпитера, величайшего и прекрасного). Что касается украшений триумфальной арки, архитектурных и других художественных подробностей, то ни единой черты христианства в них не найдено. В общем здесь представлены, во-первых, языческие жертвоприношения (медальоны), во-вторых, исторические сцены, относящиеся к царствованию Траяна.

Миланский эдикт веротерпимости, равно как личное расположение Константина к исповедникам христианской веры, оказал в громадной степени благодетельное влияние на распространение и укрепление христианской общины в империи. Еще языческие храмы привлекали к себе горячих приверженцев, и старый культ находил поддержку в правительстве, а между тем христианские писатели в полном сознании конечного торжества говорят уже о том, что сила креста наполнила вселенную[18]. Быстрый рост христианских общин и со стороны количественной, и со стороны их внутреннего могущества и общественного значения представляет собой наиболее любопытный факт. Но, конечно, нельзя не подумать и о том, что за этот успех христианской Церкви нужно было поплатиться на первых же порах. К обращению в христианство часто приходили не путем внутреннего убеждения, а вследствие искания выгод и преимуществ; принимали христианство для того, чтобы угодить императору, чтобы иметь успех при дворе, по своим делам и т. п. Нередко колебания решались и теми соображениями, которые частью заметны в обращении к христианству Константина,— что христианский Бог могущественней языческого, и что чрез Него можно получить больше благ.

Что касается специально внутреннего отношения Константина к христианству, то нельзя сомневаться, что близко знавшие его современники считали его за убежденного христианина, и что он после Миланского эдикта многократно проявлял свое исключительное внимание к Церкви и клиру: сносился с епископами, интересовался делами христианской общины, делал пожертвования на благотворительные учреждения Церкви. Начиная с 314 г., имеется ряд публичных похвальных слов в честь Константина, в которых обращение его к единому истинному Богу выставляется как его особенная заслуга. Христианство еще было только терпимым наряду с языческим исповеданием, закон еще не придавал ему преобладания над политеизмом, но фактически христиане уже получают преобладание: занимают высшие должности в администрации и в армии и постепенно придают государству новый характер.

Прекрасным христианским памятником, построенным самим Константином, нужно считать церковь св. Констанции в Риме. Этот храм в стиле античных построек украшен изящными колоннами, снабжен мозаиками[19]. С именем Константина соединена известная базилика Константина в Риме, отличающаяся своими величественными сводами, которые опираются на четыре пилона [20].

Еще важней те постепенные перемены, которые происходят в христианской общине, в среде самих ее членов после эдикта веротерпимости. В начале IV в. христианская община выступает уже с довольно твердой организацией, Миланский эдикт открыл ей легальный путь для дальнейших успехов в языческом государстве, которое мало-помалу и само начинает приближаться к христианской общине. Прежде всего следует иметь в виду устройство церковного клира, который приобретает корпоративный характер, находя в римских гражданских законах достаточную охрану для своих сословных привилегий. Еще во время гонений духовенство достаточно изолировалось от гражданскою общества; под благодетельным же действием эдикта веротерпимости оно сделало в том же направлении дальнейшие шаги. Константин освободил христианское духовенство от обычных повинностей, лежавших на римском гражданине[21]; утвердил за Церковью право принимать в свою пользу наследства по завещанию; обеспечил церковные учреждения богатыми приношениями из государственных средств в виде земельных участков, денежных и хлебных выдач. В особенности огромное значение имели для духовенства пожалованные ему судебные права, т. е. право решать возникавшие на почве обыкновенных отношений между христианами гражданские споры. Словом, Константин дал духовенству всевозможные гарантии своего расположения, разделив с ним до известной степени управление и сделав его послушным орудием в своих руках.

Прежде чем переходить к дальнейшим судьбам христианской Церкви при преемниках Константина, остановимся на некоторых явлениях церковной жизни в ближайшие годы после эдикта веротерпимости. Тяжкий период гонений сопровождался не только благородными подвигами самоотвержения, подъемом духа и нравственной дисциплины, но и вызывал и дурные проявления человеческого духа: уныние, измену, клятвопреступление. В особенности следует отметить дух нетерпимости, фанатической приверженности к форме и обряду и взаимной вражды. Эти свойства обнаружились уже и во время гонений при обсуждении

поступков тех христиан, которые или отрекались от Христа, или выдавали язычникам священные книги. По отношению к внутренним раздорам в христианской общине Константин проявил много такта и государственной мудрости. Предоставляя епископам полную свободу действий, он старался держаться нейтральным в споре и если высказывался в пользу одного определенного мнения, то ни в каком случае не допускал насилия одной партии над другой. Его политическая мудрость не раз давала ему случай убедиться, что излишняя ревность и в особенности насилие создают упорство и настойчивость, с которыми слабая партия нередко получает преимущество над сильнейшей.

С подобными расположениями относился Константин и к величайшему церковному спору, возникшему ок. 318—320 гг. из-за вопроса о божественной природе Христа по почину Ария. Арий был человек весьма образованный, искусный диалектик, строгий в жизни, общительный, но, вместе с тем, горд, честолюбив, неискренен и чрезвычайно хитер. Он вначале был в прекрасных отношениях со своим епископом. Недоразумения между ними возникли, по словам историка Сократа, по следующему случаю. Однажды епископ держал беседу о таинстве Троицы и в частности утверждал единство Троичности. Бывший при этом Арий стал возражать, настаивая на той мысли, что если Отец родил Сына, значит последний имеет начало, и, значит, было время, когда Его не было — ην, οτε ουκ ην. Христологический спор возбудил в Церкви бурю волнений, образовались два враждебных лагеря, которые раздвоили христианское общество и внесли смуту в империю. Арий, уверенный в правоте своих воззрений на Слово как на создание (κτίσμα), отправил к некоторым епископам изложение своего учения и просил их высказаться по этому поводу. Ему удалось в короткое время привлечь на свою сторону многих приверженцев, и в особенности знаменитого Евсевия никомидийского, близкое лицо к императору, которое имело на него большое влияние, равно как на сестру его Констанцию, жену Лициния. Кроме Евсевия за Ария высказались некоторые египетские епископы и александрийское духовенство и еще несколько епископов: Павлин тирский, Феодот лаодикийский, Афанасий аназарбский, Григорий бейрутский. Созванный епископом Александром собор в Александрии в 320—321 гг. произнес отлучение против египетских приверженцев Ария и против всех разделяющих это учение. Арий, принужденный оставить Александрию, прибыл в Палестину и оттуда отправил письмо к своему покровителю Евсевию никомидийскому, который пригласил его в свой епископский город, бывший и временной столицей империи. Здесь Арию открылась еще более широкая возможность распространить свое учение, тем более, что Константин, занятый в 322—323 гг. войной с Лицинием, не имел времени обратить внимание на церковные споры. Одержав победу над Лицинием осенью 323 г., Константин, в качестве единодержавного властелина запада и востока империи, занялся христологиче-ским спором. Он написал Арию и епископу Александру очень длинное письмо, сохраненное у Евсевия, в котором излагал свой взгляд на жгучий вопрос времени. Заметим еще, что письмо было отправлено с знаменитым епископом Осией кордовским, игравшим крупную роль в это время

По его воззрению, арианский вопрос не представлял особенной важности и серьезности. Правда, Арий допустил ошибку, выведя на

соблазн народа такие вопросы, о которых лучше было бы молчать. Но и епископу Александру не следовало бы относиться с такой горячностью к вопросу, и лучше было бы им взаимно извиниться и помириться. В сущности и разница в воззрениях противников весьма незначительна. Константин ссылается при этом на философские учения. Часто философы, принадлежащие к одной школе, бывают разного мнения относительно некоторых частностей, что нисколько не мешает им соблюдать единение в общем учении; тем более, говорит он, «для вас, служителей великого Бога, следует быть единодушными в вопросе вероучения. Возвратите мне,— заключает Константин,— спокойные дни и беззаботные ночи, чтобы я пользовался радостью и наслаждением спокойной жизни»[23].

Ясно, что Константин не оценил тогда важности арианского вопроса, и что письмо его далеко не отличается такими высокими качествами, какие придают ему церковные историки. Когда император увидел, что попытка его примирить Ария с епископом Александром не удалась, и что в Церкви продолжаются беспорядки и смуты, он решился, может быть, по совету Осии, созвать Вселенский собор.

Как известно, деяний первого Вселенского собора не сохранилось, и даже можно сомневаться, были ли составляемы в свое время протоколы собраний[24]. Вследствие этого остается много неясностей как по отношению к обстоятельствам сознания собора, так и по предмету делопроизводства: как происходили заседания, и как собор пришел к своему окончательному решению по спорному вопросу о природе Христа и по другим, занимавшим к тому времени Церковь вопросам. Несомненными плодами деятельности этого собора следует считать символ веры, 20 канонов и соборное постановление. Св. Афанасий в 350 г. на вопрос друга: что происходило на соборе, не мог сообщить подробностей, из чего следует заключить, что протоколов не было.

Что касается способа оповещения епископов и времени открытия соборных деяний—и по этому поводу высказывались довольно разноречивые мнения. Собор созывался на 20 мая 325 г., но император прибыл только к 14 июня, символ был принят собором 19 числа, заседания заключены 25 августа. По всей вероятности, в промежутке между 20 мая и прибытием императора на соборе происходил обмен мнений между сторонами по главному вопросу. Арий был приглашаем на собрания и доказывал правоту своих мнений: ему удалось привлечь на свою сторону до 17 епископов и много лиц из низшего духовенства и светского общества. Партия православных имела во главе диакона александрийской церкви, ученого богослова Афанасия, и заместителя александрийского епископа, пресвитера Александра.

По прибытии императора состоялось открытие заседаний собора, описанное у Евсевия[25]. «Когда,— говорит он,— епископы собрались в назначенное для заседаний место, и каждый занял определенное ему сиденье, тогда вошел император, одетый в золотые одежды, украшенные драгоценными камнями. Все встали и сели тогда, когда он занял свое место Находившийся по правую от него сторону епископ встал и произнес краткое приветствие. Император затем отвечал в следующих выражениях: «Я горячо желал видеть вас соб-

равшимися. Ныне мое желание исполнилось, и я благодарю высочайшее существо, Бога, который, излив на меня другие бесчисленные благодеяния, не лишил меня и этой милости — соединить вас всех и быть свидетелем согласия ваших чувств. Раздоры в Церкви Божией мне представляются более важными и опасными, чем внешние войны, и доставляют мне больше горя, чем все другое. После того, как Бог по Своей милости дал мне победу над врагами, я воспринял намерение на будущее время, воздав благодарность Богу, наслаждаться общением с теми, кому Бог даровал чрез меня свободу. Узнав же о разделении между вами, я понял, что этим нельзя пренебрегать, и поэтому решился немедленно созвать вас, чтобы положить конец злу. Итак, приглашаю вас, любезные служители Божии, принять меры, чтобы пресечь все разногласия и покрыть миром ваши споры. Этим вы угодите Богу и сделаете приятное мне, вашему брату на службе Богу». После этого собор приступил к своим занятиям по тем вопросам, на которые указано в речи Константина». Руководителем прений и председателем на соборе был Осия Кордовский и при нем два римские пресвитера. Чтобы выяснить положение партий на соборе, воспользуемся употребленным у Гефеле сравнением: «Употребляя обычные выражения в современных парламентах, мы можем сказать, что в Никее православные епископы с Афанасием и его приверженцами составляли правую, Арий со своими немногими друзьями левую, левый центр принадлежал Евсевию никомидийскому, правый центр — Евсевию кесарийскому. Известно, что представителем православного мнения и главным соперником Ария был ученый диакон александрийской церкви, знаменитый впоследствии отец Церкви Афанасий В догматическом смысле главный предмет разногласия сосредоточился на учении о Слове (Λόγος) или Сыне: происходит ли Он из существа Божия и имеет ли одну и ту же природу с Богом (ομοούσιος), как учила православная партия, или же Слово или Сын происходит из несущего и, как имеющий начало своего бытия: ην, οτε οόχ ην, — не единосущен Отцу, как утверждал Арий и его приверженцы. Это последнее положение нашло себе техническое выражение в термине δμοιούσιος — подобосущный, иначе создание и творение — κτίσμα, ποίημα»[26]. В нескольких словах позволим себе здесь выразить сущность православного и арианского учения не с богословской или философской точки зрения, с каковой оно трактуется в церковной истории, а с точки зрения общечеловеческого понимания и Мировой культуры. Если Христос, сошедший на землю и вочеловечивцщйся, есть Бог, то для человечества в этом дано большое утешение: Бог, сделавшись человеком, обожествил человечество и тем указал человеку бесконечную цель самоусовершения и стремления к совершеннейшему. Между тем, арианство, отправляющееся из признания во Христе существа сотворенного, небожественного по происхождению, не имеет в своем учении тех возвышающих элементов, о которых сказано выше.

Можно думать, что умеренность и осторожность епископа Осии много способствовали тому, что формула ομοούσιος нашла себе общее одобрение. После долгих споров и рассуждений, наконец, составлен был

символ, текст которого сохранился в письме Евсевия. Все отцы, за исключением пяти, готовы были дать свою подпись под этим символом, как выражающим учение апостольской Церкви. Но из пяти колеблющихся, в числе коих был Евсевий никомидийский, три дали потом свое согласие, а остальные вместе с Арием были отлучены. Константин присоединился к представленному на его усмотрение соборному постановлению и — что представляется весьма важным — стал ревностным защитником соборного определения. Он приказал немедленно сослать Ария и двух епископов, не подписавших символа, в Иллирию и осудил на сожжение его еретические сочинения. Когда, наконец, были окончены все занятия, император пригласил членов собора к себе во дворец на угощение, причем каждый из отцов получил от него по подарку. Через несколько дней было еще заключительное собрание, на котором присутствовал и император.

Так как Никейский собор имеет громадное значение в истории I христианской империи, то позволим себе еще остановиться на церковных канонах, которые ведут от него свое происхождение. Для последующей истории в особенности получил громадное значение 6-й канон, (смысл которого подвергается толкованиям и различным объяснениям] и по настоящее время, вследствие чего на основании его построено было (много таких выводов, которые, в свою очередь, были предметом оже-Істоченных споров. В истории Византии мы не раз встретимся со ссылками на 6-й канон. Вот его содержание.

«Древний обычай, господствующий в Египте, да имеет силу в Ливии и Пентаполе, то есть епископ Александрии да сохраняет власть над этими областями, так как это же свойственно и епископу Рима Подобным же образом следует сохранять свои преимущества Антиохии и другим епархиям. То совершенно ясно, что, если кто сделается епископом без согласия своего митрополита, того великий собор не признает епископом. Но если избрание совершится общим согласием и по церковным правилам, и если при этом двое или трое будут противоречить по своим капризам, то право остается за большинством голосов». В смысле ближайших последствий Никейского собора следует отметить, что хотя император Константин, согласившись с постановлением собора, сослал Ария в заточение, но спустя немного времени совершенно перешел на сторону ариан и возвратил из ссылки самого Ария. В догматическом смысле Арий дал некоторое удовлетворение своим противникам вновь употребленным по отношению к Сыну выражением γεγενη μένος — происшедший вместо γεγεννη μένος—рожденный. Однако против принятия Ария в общение с Церковью был тогдашний главный страж никейского символа Афанасий, епископ александрийский. Но в 336 г., уже перед своей смертью, Константин дал официальное преобладание арианству, решившись подписать указ о ссылке Афанасия. При детях Константина арианство было господствовавшим на Востоке учением Церкви.

Смуты, вызванные арианским учением, имели далеко не преходящее значение. Они не прекратились за смертью главных деятелей, Афанасия и Ария, но продолжали долго еще разделять Церковь на два

лагеря, причем правительство попеременно примыкало то к одному, то к другому. Вопрос церковного учения стал серьезным правительственным делом, арианская смута потребовала созыва многочисленных соборов, которые разрешала и постановления которых утверждала светская власть. Нет никакого сомнения, что этим нарушен был принцип независимости Церкви, которая пожертвовала своим нравственным достоинством из угождения перед светской властью. В свою очередь, и эта последняя, вступив в тесное общение с Церковью, предоставила ей значительную долю в гражданском управлении, лишив Церковь принадлежащего ей характера.

Константин подвергся большим упрекам за то, что он допустил вредное смешение Церкви и государства, и что не поставил строгого разделения между делами, принадлежащими кесарю и Богу[27]. Можно, конечно, пожалеть, что клир спокойно пошел по пути, на который толкнула его светская власть, и скоро начал присваивать себе то, что ему не должно было принадлежать. Церковь присвоила себе непосредственное влияние и воздействие на людей, предоставив государству казармы и сбор податей, как сильно[28] выражается Буркгардт. Самое соборное начало, которое имело такое широкое применение в_п,ервые века христианства, едва ли не было часто злоупотреблением предоставленным клиру правом — осуждать, лишать общения с Церковью и подвергать изгнанию и заточению несогласных с господствующей и поддерживаемой правительством церковной партией. Уже арианская смута могла представить неоднократные доказательства, что соборные определения нередко были диктуемы духом злобы и зависти, и осуждению на соборах часто подвергались столпы Церкви, как Афанасий, И. Златоуст. С государственной точки зрения подвергает осуждению соборы Аммиан Мар-целлин: «Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды в заботах наладить весь культ по своим решениям»[29]. Государственной почте этим причинен был страшный подрыв.

Константин, которого один из его ближайших преемников называет новатором[30] и разрушителем старых законов и древних обычаев, приобрел всемирно-историческое значение вследствие своей церковной политики. Он первый оценил христианство как громадную нравственную силу, борьба с которой оказывалась уже не под силу правительству. Вследствие этого он решился ввести христианскую общину в государство и воспользоваться ее громадным нравственным влиянием для наиболее прочного утверждения в империи своей власти. Остается, однако, неясным вопрос о том, насколько Константин сам был затронут евангельским учением, и насколько в его церковной политике уделено было места нравственным принципам, вытекающим из проповеди Христа. Все, по-видимому, приводит к тому заключению, что равноапостольный Константин воспользовался новым учением как средством для мировластительства и как политическим орудием, и что божественность евангельского учения мало коснулась его умонастроения и убеждения.

Беспристрастные светские историки (Евтропий и Аврелий Виктор) согласны, что Константин был гораздо лучше и благородней в первые десять лет правления, чем после. И, во-первых, ничем нельзя оправдать

его отношений к Лицинию и тем более извинить жестокий обман и клятвопреступление по отношению к нему. В 314 г., начав войну без достаточных оснований и победив Лициния в двух сражениях, Константин лишил его всех европейских владений, кроме Фракии. Затем в 323 г. снова Константин воевал с Лицинием и принудил его после потери войска и флота запереться в Никомидии. Сестра Константина, бывшая в супружестве за Лицинием, вошла в переговоры с братом и исходатайствовала для своего мужа под священной клятвой жизнь и безопасность. Но в 324 г. Лициний был умерщвлен по приказанию императора. Ничем также нельзя оправдать бесчеловечные поступки Константина по отношению к ближайшим членам своего семейства. Жертвой его подозрительности и жестокости в 326 г. пали сын его Крисп, племянник Лицини-ан и, наконец, супруга Фауста. Историки, рассказывая о жестоких и ничем не оправдываемых поступках Константина по отношению к самым близким членам семьи, не находят ничего сказать в оправдание его, как только то, что политический успех и военное счастье способны портить и самых гениальных людей. Только одна сторона семейных отношений Константина возбуждает сочувствие — это любовное и почтительное отношение к матери, св. Елене. Она окружена была вниманием, пользовалась высоким почетом и проводила жизнь в благочестивых путешествиях по святым местам, в устройстве церквей и в делах благотворительности.

Глава IV

Язычество и христианство в половине IV века. Юлиан Отступник, Характеристика его царствования

В период от Никейского собора до вступления на престол племянника Константина Юлиана в 361 г. христианская Церковь имела все средства вполне окрепнуть и утвердиться в империи. Взаимное положение язычества и христианства в самой середине IV в. хорошо выясняется из сочинения христианского писателя Фирмика[1], которое было назначено для императоров Констанция и Константа и имело целью поощрить их к конечному искоренению языческого богослужения. В высшей степени также характерно для оценки политического положения язычества то обстоятельство, что римский календарь на 354 г. не упоминает ни языческих праздников, ни жертв, ни религиозных церемоний. Словом, не может подлежать сомнению, что языческая религия шла к постепенному забвению. И, тем не менее, нашелся государственный деятель— правда, это был римский император,— который задумал вернуть историю назад, возвратив римский мир снова к языческому культу Предпринятая на себя Юлианом задача была неосуществима, в культурно-историческом смысле даже вредна, но при всем том изумительная его настойчивость, нравственная дисциплина, высокая образованность, обаятельные качества его души и, наконец, самая авантюра его религиозной реформы, так трагически закончившаяся, надолго обеспечивают за Юлианом симпатию исследователей.

Мысль о возможности возвращения к языческому культу не должна представляться совершенно безумной. Напротив, она имела для себя некоторые основания в нравственных и религиозных воззрениях значительных слоев общества[2]. При сыновьях Константина принимаются меры к закрытию языческих храмов, но эти меры не везде достигают цели. В 341 г. Констанций издает закон против языческих жертвоприношений, но законом 342 г. повелевается сохранить те храмы вне Рима, с которыми связаны публичные игры[3]. Хотя префект Рима запретил жертвы в самом городе, но это запрещение не исполнялось. В Риме законы Константина возбудили против себя ненависть, особенно в высших кругах. На этой приверженности римского сената к старой религии основывались надежды на успех Магненция, когда он объявил себя императором. Первое, что сделал Констанций после победы над Магненцием,— это было запрещение жертв. В 353 г. он же издал эдикт[4], которым повелевалось закрыть храмы и запрещалось посещать места культа под страхом смертной казни и конфискации имущества.

Сыну Константина была свойственна та же политика по отношению к религии, какая руководила самим Константином: религию не следует навязывать, кто хочет, может оставаться в язычестве и в своем

доме следовать своей вере, не допускались тайные жертвы в ночное время, да и то не из религиозных, а из политических мотивов (магия, волшебство, гадание о будущих судьбах государства и императора). Вследствие этого язычество, в особенности на Западе, имело еще приверженцев. Хотя в 357 г. по приказанию Констанция из сената удалена была статуя Виктории, дабы не допускать в сенате языческих жертв, но в то же время римская аристократия осталась верна старой вере, и Констанций оставил в Риме весталок и жрецов, назначил новых на свободные места и приказал выдавать необходимые суммы на поддержание культа. В 358 г. император делает распоряжение об избрании sacerdos для Африки[5]. Как сыновья Константина объявили государственное обожествление своего отца, так сами Констант и Констанций сопричислены к divi и носили без всякого стеснения титул pontifex maximus.

Сообщим сначала биографические сведения об Юлиане. Fl. Claudius Julianus был племянником Константина Великого и происходил от Юлия Констанция, погибши о вскоре по смерти Константина Великого (337) во время военного бунта. Он родился в 331 г. и остался 6 лет по смерти отца, мать же потерял на первом году своей жизни. Где находился он со своим братом Галлом во время катастрофы 337 г., остается неизвестным, но несомненно, что он сохранил о ней ясное воспоминание. Юлиан получил хорошее воспитание, которым руководил евнух Мардоний, сумевший направить восприимчивые способности мальчика на изучение классических писателей и древней философии. По всей вероятности, первое время Юлиан жил близ Константинополя, может быть, в Никомидии, где епископ Евсевии наблюдал за ним и руководил его христианским религиозным образованием. Очень выразительными чертами отмечаются в характере Юлиана и в его последующих сочинениях два направления: разнообразные и широкие познания, почерпнутые в изучении древних писателей, и глубокая начитанность в книгах Священного Писания, чем он искусно пользовался в своей борьбе против христиан.

В 344 г. обоим братьям было указано жить в замке Macellum близ Кесарии Каппадокийской. Хотя условия жизни соответствовали высокому положению молодых людей, но Юлиан жалуется на недостаток общества, на постоянные стеснения свободы и на тайный надзор. Вероятно, к этому периоду нужно относить начатки вражды Юлиана к христианской вере. В этом положении братья оставались около 6 лет. Между тем бездетного Констанция весьма озабочивала мысль о преемнике. Т. к. из прямого потомства Константина в живых оставались лишь два двоюродных брата Констанция, Галл и Юлиан, то император в 350 г. решился призвать к власти Галла. Вызвав его из замка Macellum, Констанций дал ему сан цесаря и назначил для его пребывания Антиохию. Но, как скоро оказалось, Галл не умел справиться с новым положением и наделал много ошибок, возбудив против себя подозрения в неверности императору. Галл был вызван Констанцием для оправдания и на дороге убит в 354 г. Теперь снова выступил вопрос о преемстве власти. По настояниям императрицы Евсевии, которая действовала в этом отношении вопреки планам придворной партии, Констанций решился возвратить Юлиану то положение, на какое он имел права по рождению.

Уже назначение Галла цесарем должно было благоприятно отозваться на судьбе Юлиана. Ему позволено было жить в Константинополе,

и лишь широкий круг знакомства, какой скоро составился здесь вокруг Юлиана, побудил императора дать ему другое место для жизни и продолжения образования, именно город Никомидию. Здесь учил знаменитый ритор Либаний, которого, однако, Юлиану запрещено было слушать. Но здесь в период от 350 по 354 г. произошел с Юлианом тот нравственный переворот, который долго подготовлялся и который привел его к отрицанию христианства, получившего у него наименование галилейской секты. Чтение сочинений Либания, в особенности же знакомство и дружба с философами Максимом (из Ефеса) и Едесием произвели на Юлиана решительное и глубокое влияние. Названные философы соединяли с неоплатоновскими идеями мечтательность, извращенный идеализм. В тесном кругу друзей Юлиана осмеивали легенду о галилеянине и подготовляли молодого принца к реформаторской миссии в области религии. В год смерти Галла Юлиан был уже вполне сложившимся молодым человеком, ему было тогда 23 года. Приглашенный в Милан по смерти Галла, он хотя и не вошел в расположение императора, но все же получил свободу посетить Афины (355). Здесь Юлиан был в центре тогдашней культурной и умственной жизни, где в одно и то же время с Юлианом проходили курс наук великие деятели Церкви, Василий Великий и Григорий Нисский. Юлиан вынес из Афин знакомство со столпами древней падавшей культуры, великий жрец элевзинских мистерий признал его достойным высших степеней, что обозначало уже полный разрыв с христианством и возвращение к «отеческой религии», как часто выражался Юлиан.

Проведя в Афинах лишь несколько месяцев (от июля до октября), Юлиан снова был приглашен к императору Констанцию, и на этот раз его ждала полная перемена судьбы. Из роли студента, щеголявшего философской мантией, нечесаной головой и запачканными в чернилах руками, Юлиан неожиданно должен был обратиться в царедворца. 6 ноября он торжественно объявлен цесарем, и вместе с тем ему поручена была чрезвычайно важная в политическом и военном отношении миссия — управление провинцией Галлией. Через несколько дней после того он женился на сестре Констанция Елене и с небольшим военным отрядом отправился к месту своего назначения.

Юлиан смотрел на свое назначение как на присуждение к смертной казни. Положение Галлии было безнадежным, и, конечно, не молодому человеку, только что покинувшему студенческую скамью, было посильным умирение этой провинции. Все укрепления, выстроенные на левом берегу Рейна, были прорваны и разрушены германцами, города разорены и опустошены. Вся провинция была в беззащитном положении и готова была сделаться добычей варваров. Ко всему этому следует прибавить, что подозрительный Констанций не предоставил в распоряжение Юлиана достаточных средств и не определил отношение цесаря к высшим административным и военным чинам провинции, т. е. к префекту претории и начальникам военных корпусов. Это ставило цесаря в большое затруднение, в особенности в первое время, когда он начал практически знакомиться с военным делом.

Юлиан провел в Галлии пять лет и обнаружил такие блестящие военные дарования и достиг столь важных успехов в войнах с германцами, что Галлия была совершенно очищена от неприятелей, и германцы перестали угрожать римским городам и крепостям на левом берегу

Рейна. Во время своих войн Юлиан захватил более 20000 пленников, которых употребил на постройку разрушенных городов, восстановил сообщение по Рейну и снабдил Галлию хлебом, привезенным из Британии на построенных им судах. В особенности блестящая победа была одержана при Страсбурге в 357 г., где сражались против Юлиана 7 королей, и где был взят в плен король германский Кнодомир.

Успехи Юлиана не могли не возвысить его авторитет и привлекли к нему горячие симпатии войска и народа. Император в особенности был недоволен усиливавшейся популярностью цесаря, «доблести Юлиана жгли Констанция», говорит историк Марцеллин[6], хотя придворные подвергали насмешкам характер и наружность Юлиана и старались умалить в глазах Констанция его военные заслуги.

В 360 г. император приготовлялся в поход в Персию, где не прекращались военные действия, и где персы перенесли войну уже в римские области — Месопотамию и Армению. Азиатские войска предполагалось подкрепить европейскими, для чего Констанций потребовал от Юлиана посылки на Восток части его лучших и испытанных легионов. Это требование цезарь принял как знак недоверия к себе, потому что без войска он не мог держаться в Галлии; кроме того, галльские войска с большим неудовольствием приняли известие о походе на Восток. При этих условиях произошли в Париже, где было тогда пребывание цесаря, военный бунт и провозглашение Юлиана императором. Известия о происшедшем в Париже дошли до императора в Кесарии Каппадокийской. Если Констанций не находил возможным признать совершившийся факт и войти в соглашение с Юлианом, то предстояла междоусобная война, которая лишь потому не возгорелась, что император, занятый приготовлениями к походу, летом и зимой 360 г. находился в Малой Азии и только весной 361 г. мог начать движение в Европу.

После провозглашения августом[7] в своем письме к Констанцию Юлиан старался оправдать себя и предлагал войти в соглашение по поводу совершившегося. Но как Констанций потребовал от него полного и окончательного устранения от дел, а между тем войско клялось служить ему и поддержать его права, то Юлиан решился идти против Констанция войной. Он уже овладел альпийскими проходами, основал свою главную квартиру в Нише, принял под свою власть Иллирик, Паннонию и Италию и собрал громадные средства для войны, когда неожиданная смерть Констанция 3 ноября 361 г. освободила Юлиана от необходимости начать междоусобную войну. 11 декабря 361 г. Юлиан вступил в Константинополь как прямой и законный наследник римских императоров, сенат и димы утвердили избрание армии.

Оценивать деятельность императора Юлиана следует на основании тех фактов, которые относятся ко времени его единодержавия. Заметим, что в декабре 361 г. он был признан в достоинстве императора, а 26 июня 363 г. он умер, получив смертельную рану в битве с персами «Лиз Ктесифона. На полтора года нужно разложить и его разнообразные меры, законодательные, административные и в особенности литературно-полемические, для борьбы с христианством и восстановления язычества и, с другой стороны, обширные подготовления к персидской войне и победоносный поход его через Тигр и Евфрат, в самое сердце Персии,

где происходили славные битвы Александра Македонского. Уже самая громадность этих предприятий может свидетельствовать, что в Юлиане история имеет дело с недюжинным человеком, а чрезвычайная краткость времени самостоятельного управления Юлиана империей должна служить объяснением, почему ни то, ни другое предприятие не было доведено до конца и почему в мероприятиях столь высокой важности, как религиозная реформа, не было согласованности и логической последовательности. Но прежде, чем переходить к оценке деятельности Юлиана, скажем несколько слов о полуторагодичном правлении его.

От декабря 361 по июнь 362 г. Юлиан провел в Константинополе. На этот период должны падать существенные распоряжения по замене христианского культа языческим, тогда же были составлены им главные возражения против христианства. Сначала император обещает быть беспристрастным, не насилуя совесть ни язычников, ни христиан, но, когда он увидел, что реформа не идет так успешно, как ему желалось, в его действиях и распоряжениях появляются страстность, раздражение и нетерпимость. От половины июля 362 до марта 363 г. император провел в Антиохии частью в приготовлениях к походу в Персию, частью в составлении инструкций для утверждения языческого культа, частью, наконец, в изготовлении литературных произведений (Мисопогон). От марта до конца июня 363 г. Юлиан ведет войну с персами. Это обширное военное предприятие было задумано и обставлено всеми средствами, какие только могла предоставить империя. Было собрано значительное войско (свыше 60000), приняты меры к заготовлению военных запасов и продовольствия, приглашен вспомогательный отряд от армянского царя, заготовлен огромный флот на Евфрате для доставки вооружения и запасов. Но условия, в которых приходилось на этот раз вести Юлиану войну, были далеко не те, с которыми он был знаком в Галлии. Оказалось много непредвиденных затруднений, которые тем больше увеличивались, чем дальше римское войско уходило от римской границы в Месопотамию. Прежде всего Юлиан на своем пути уничтожал города и селения и истреблял запасы, которыми не мог воспользоваться. Большим подспорьем был флот, сопровождавший армию по Евфрату и переведенный каналом в Тигр, но Юлиан решился предать его огню, находясь близ Ктесифона, и тем лишил себя весьма важных вспомогательных средств на случай отступления. Отказавшись от осады Ктесифона, Юлиан направился на север Персии, и здесь персидская конница начала сильно теснить его со всех сторон, опустошая местность, по которой шло римское войско, и томя его голодом и всяческими лишениями. При таких условиях 25 июня 363 г. Юлиан неосторожно выступил в передовую цепь войска и был поражен в бок неприятельским копьем. На следующий день он умер от полученной раны.

Основная идея Юлиана, приведшая его к разрыву с передовыми воззрениями той эпохи, может быть до некоторой степени понята из обстоятельств, в которых проходило его детство и юношество, из характера окружавших его людей, наконец, из его философских воззрений.

Характер Юлиана как политического и религиозного деятеля привлекает внимание европейских ученых уже с давнего времени, и следует прибавить, что интерес к его личности не ослабевает с течением времени, а более и более возрастает. И не в том нужно искать объясне-

ния того, что литература об Юлиане возрастает с каждым годом, чтобы открывались новые источники для этого времени, которые бросали бы новый свет на Юлиана,— нет, самая личность этого императора обладает особенной притягательной силой и условия, в которых ему пришлось жить и действовать. Уже современники и ближайшие к его времени писатели не могли не возбудить интереса к Юлиану тем, что описали его в самых противоположных и разноречивых чертах. Попытки примирить эти противоречия привели к постановке вопроса о том, каким источникам следует более доверять: языческим, которые восхваляют Юлиана, или христианским, которые не находят достаточно сильных выражений, чтобы выразить все презрение и негодование к Юлиану. И в новейшей литературе можно заметить два течения в оценке деятельности Юлиана, зависящие от того, каким источникам — эллинистическим или христианским — оказывается больше доверия. При этом выяснено, что главные противоречия в известиях касаются именно религиозных вопросов и церковных дел, а как христианские источники на первое место ставят церковную и религиозную политику Юлиана, весьма мало касаясь гражданской и военной истории, то вообще трудности при оценке характера Юлиана и доселе продолжают иметь свое место. Оказывается, однако, что и языческие источники отличаются в значительной степени односторонностью. Именно, известия Либания, Аммиана Марцеллина и Зосимы основываются, главным образом, на дневнике Юлиана и на его письмах и мелких сочинениях. А эти последние не только слишком субъективны, часто пристрастны и пропитаны духом полемики, но и прямо противоречивы. Так, при оценке политики императора Констанция Юлиан совершенно не то говорит в своих похвальных словах, что в письме к афинянам, а эта разница зависит от того, что похвала написана при жизни Констанция, а порицание — по смерти.

Тем не менее, посредством внимательного изучения источников и сопоставления между собой известий разных писателей до известной степени удалось вникнуть в процесс развития идей Юлиана и в его душевное настроение. И можно утвердительно сказать, что чем лучше и полнее освещается материал, тем более выигрывает характер Юлиана. Можно признать, что оба его предприятия: и попытка восстановить падающее язычество, и персидский поход — были построены на ложных основаниях и обусловливались мечтательными взглядами Юлиана на свою миссию и провиденциальное призвание в жизни. Он глубоко верил и в свое назначение покорить весь мир, и в свою миссию восстановить почитание языческих богов и возвратить мир к изящным формам. Хотя реальная действительность не соответствовала его фантастическим представлениям, но он честно и убежденно шел к решению задач, которые считал для себя обязательными. Указанный трагизм положения объясняет тот неослабевающий интерес, с которым историки обращаются ко времени Юлиана. Прибавим к этому скромный, почти аскетический род жизни, целые ночи, проведенные без сна в ученых или административных занятиях, строгое выполнение обязанностей культа, ежедневные утром и вечером жертвы на домашнем алтаре, часто кроткое перенесение обид и оскорблений, наносимых ему лично,— разве не должны эти качества привлекать симпатии к Юлиану?

Религиозный переворот в Юлиане не есть случайный и неожиданно совершившийся факт,— нет, он подготовлялся постепенно и выработался

в определенное и сознательное убеждение под влиянием обстановки, обучения, школы и профессоров, которых он слушал. Прежде всего следует отметить, что Юлиан получил греческое — эллинистическое — образование, латинский язык и литературу он мало знал, писал же исключительно на греческом. Может быть, этим частью объясняется малый успех его декретов и распоряжений Юлиана мало знали на Западе как религиозного реформатора. Он вполне преклонялся перед эллинскими понятиями и верованиями и с детства зачитывался Гомером и Гесиодом, любовь к коим внушил ему его воспитатель Мардоний. Еще мальчиком он увлекался естественными явлениями природы· солнце и звезды приковывали к себе его внимание как живые, вечные и обнаруживающие влияние на человека силы. Но страшная фигура Констанция — убийцы его отца и брата и ближайших родственников — и шпионы, которыми Юлиан был окружен, держали его в постоянном страхе и не позволяли свободно развиваться его склонностям. Он должен был исполнять христианские обряды, ходил в церковь, читал священные книги и даже был некоторое время в должности церковного чтеца.

Юлиан имел уже около 20 лет, когда в 350 г. по случаю назначения Галла цесарем и ему была предоставлена некоторая доля свободы. Находясь в Константинополе и затем в Никомидии, Юлиан, вообще имевший особенную склонность к книжным занятиям, с особенным усердием слушал уроки риторики и философии. Несомненно, наибольшее влияние оказали на него лекции ритора Либания, красноречивого и талантливого оратора и убежденного приверженца старой веры. С Либанием император соединен был самыми тесными узами дружбы, и самая лучшая характеристика Юлиана принадлежит Либанию. Но коренным образом мировоззрение Юлиана изменилось под влиянием философских систем, в которые он был посвящен своими учителями. В Никомидии, Пергаме и Ефесе Юлиан ознакомлен был с неоплатоновской философией. Здесь он слушал знаменитых тогда философов и особенно подвергся влиянию Эдесия, ученика Ямвлиха, и Максима, который произвел глубокое влияние на Юлиана, введя его в теургию и волшебство, т. е. ознакомив его с наукой о тайных обрядах (σύμβολα, συνθήματα), которыми можно вызывать духов. Это считалось высшим знанием и венцом философского образования. Взгляд на душу как элемент божественного происхождения, который постоянно стремится освободиться от тела как из темницы и соединиться с божественным началом, особенно наглядно выражен в предсмертной речи Юлиана, передаваемой Амм. Марцеллином (XXIV, 3, 15).

Возможность возвыситься до созерцания божества посредством освобождения от уз материи привела Юлиана к мысли, что он действительно получает внушение от богов, и что все его поступки освящены божественной волей. Отсюда понятно, как мало он обращал внимания на реальную жизнь, и как его настроение всегда было приподнятым. В его воображении древняя религия рисовалась в ее прекрасных аллегориях, в поэтических образах, роскошных праздниках и процессиях, которые пленяли его ум. Христианство было в его глазах верой невежественных людей, религией мертвецов и гробов. Он часто выражал ту мысль, что языческая вера воспитывает героев, а христианская — только рабов.

Становясь все увереннее в себе и понимая, что никакой мир с Констанцием для него невозможен, Юлиан послал в сенат резкую и обличительную речь против него, в которой поносил его и раскрывал его недостатки. Когда Тертулл, бывший в ту пору префектом города, читал ее в курии, высшая знать выразила свое благородство верным и благожелательным отношением к императору. Раздался общий единодушный возглас: «Aucton tuo reverentiam rogamus», т. е. «Предлагаем с уважением говорить о своем благодетеле»[9].

Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что христианское общество и христианские учреждения далеко не имели в глазах Юлиана той обаятельной силы, как язычество. Прежде всего христиане находились между собой в ожесточенной борьбе из-за религиозных разномыслии. Историк Аммиан Марцеллин (XXII, 5) говорит, что и дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях. Независимо от того, христианская община заключала в себе далеко не лучших людей того времени. Когда христианство стало господствующей религией, многие находили выгодным принимать христианство не по убеждению, а из интереса Говоря о распущенных нравах тогдашнего высшего общества, Амм. Марцеллин [10] отмечает одну черту, которая особенно была распространена в тогдашнее переходное время и весьма невыгодно рисовала вновь обращенных. Одни из них живились грабежом языческих храмов и, пользуясь каждым случаем, где можно было что-нибудь приобрести, поднялись из крайней бедности до колоссального богатства. Отсюда пошло начало распущенной жизни, клятвопреступлений, равнодушие к общественному мнению, дикое обжорство пиров, широкое употребление шелка, развитие ткацкого искусства и особенная забота о кухне. Несомненно, этими чертами характеризуется тогдашнее высшее общество, и аскетически настроенный Юлиан не мог разобраться, что здесь представляло исключение и что входило в общее настроение.

Таким путем можно до известной степени объяснить процесс отчуждения Юлиана от христианства и усвоения языческого мировоззрения. Полная языческая система Юлиана могла проявиться лишь после смерти Констанция. В одном письме, относящемся ко времени движения его из Галлии к Константинополю, он говорит, что войско приняло языческий культ, и что открыто и публично приносятся жертвы богам.

Посмотрим, какие меры принял Юлиан для проведения своей системы.

Рассматривая церковную политику Юлиана в краткий период его управления империей, мы должны прежде всего отметить, что все его распоряжения по восстановлению язычества касаются Востока и не затронули западных провинций, т. е. проникнуты эллинистической тенденцией, и что все его письма, указы и эдикты, касающиеся христианства, будучи изданы в краткий полуторагодичный срок, не могли иметь строгого систематического применения, вызвав лишь смуты и волнения и показав недостаточность оснований для предполагавшейся реформы. Сравнивая между собой относящиеся сюда материалы, мы не замечаем [в] них ни единства руководящих идей, ни строгой последовательности и систематичности; напротив, усматриваем настроение нервного человека, подчиняющегося внушениям минуты. Он выступает сначала со всеми

признаками терпимости по отношению к христианам. «Пусть,— говорил он,— галилеяне веруют в своих мертвецов, мы не будем силой привлекать их к культу богов». Будучи сам убежденным язычником и веря в превосходство культа богов, он открыто стал во главе этого культа, объявив себя, однако, толерантным и в отношении христианства, ожидая, что Восток пойдет за ним к древней отеческой вере. Замечая, что не оказывается того общего увлечения язычеством, на какое он надеялся, Юлиан пользуется всяким случаем дать понять христианам, что он считает галилейскую веру неправой и видит в ней вредное заблуждение, язычеству же отдает предпочтение как единственно разумной и для государственного блага полезной религии. Затем, как будто забывши все заявления о толерантности, император начал преследовать христианство, обнаруживая крайнюю раздражительность и нетерпимость по отношению к борцам за веру, и в то же время делает попытку дать преобладание языческому культу и реорганизовать государство на языческих основах. В этом смысле Юлиан не останавливался и перед такими фактами насилия, какие допускались лишь во времена тяжких гонений, например конфискация имущества в пользу языческих храмов, преследование вождей христианских, обещание государственной помощи под условием принятия языческого культа и, наконец, законодательное воспрещение христианским профессорам преподавания в школах (указ 17 июня 362 г.). Можно думать, что на том пути, на какой вступал Юлиан в конце своей жизни, христианство и язычество неизбежно должны были дойти до кровавого столкновения, и естественная эволюция, неизбежно направлявшаяся к торжеству христианских идей, могла бы встретить значительные препятствия.

Несомненно то, что Юлиан не заметил в христианстве его лучших начал и не оценил того, что в язычестве не было более того живого духа, который мог бы состязаться с христианством. Эта мысль прекрасно выражена у одного византийского писателя [11]. Будто бы Юлиан послал раз своего учителя и врача Оривасия в Дельфы восстановить храм Дельфийского Аполлона. Оривасий, приступив к исполнению возложенного на него поручения, получил следующий оракул, чрезвычайно хорошо рисующий настроение умов по отношению к языческой вере: «Скажите царю, что прекрасный дворец разрушен, что Аполлон не имеет более ни святилища и вещего лавра, ни говорящего источника, что замолкла журчащая вода»[12].

Оракул мог бы быть истолкован в том смысле, что никакими человеческими силами нельзя поднять уже сыгравшее свою роль язычество, что народились новые условия для новой религии, и что будущее принадлежит тому, кто поймет новые условия и не будет пренебрегать ими. Между тем Юлиан, укорявший христиан в приверженности к культу гробниц мертвых, не заметил того, что не христиане, а он сам стоит на ложном пути, стараясь воскресить хотя изящный, но уже потерявший жизненность и для большинства утративший привлекательность языческий культ.

В окружающей Юлиана обстановке, конечно, были достаточные элементы, вооружавшие его против христиан. Но мы должны здесь подчеркнуть, что и среди христиан, даже между высшими представителями клира, находились такие, которые легко мирились с язы-

ческими воззрениями и для которых были безразличны как языческие верования в богов, так и христианская вера в мучеников. Лучшим примером служит письмо Юлиана, где говорится о троадском епископе Пигасии, перешедшем в язычество и получившем в языческой религии жреческий сан[13]. Мы приведем этот документ, прекрасно рисующий тогдашние настроения.

«С Пигасием мы едва ли бы вступили в сношения, если бы не знали, что и прежде, будучи епископом галилеян, он почитал богов. Приглашенный явиться к блаженному царю Констанцию, я держал путь через эти места и раз ранним утром из Троады пошел в Трою через агору. Епископ встретил меня и, когда я пожелал осмотреть памятники города (καί βουλομένω την πόλιν ίστορεΐν) — а это был у меня предлог для посещения священных храмов — предложил себя в проводники и повел меня повсюду. Слушай же дела и слова, по которым всякий поймет, что он был не чужд почитания богов. Там есть святилище Гектора, где стояла медная статуя в маленьком храме, при нем под открытым небом стояло изображение великого Ахилла. Ты помнишь место и знаешь, о чем я говорю. Заметив, что жертвенники еще хранят следы жертвоприношений, и что статуя Гектора обильно полита благовониями, я обращаюсь к Пигасию с вопросом: «Что это? Разве троянцы приносят жертвы?» — «Что же дурного,— ответил он,— если они почитают хорошего человека и своего согражданина, как и мы кланяемся своим мученикам».— «Пойдем,— сказал я,— к святилищу Афины троянской». Он очень охотно повел меня и открыл храм и, как бы рисуясь, с полным вниманием показал мне сохранившиеся статуи, причем не позволил себе ничего такого, что обычно делают в таких случаях эти нечестивцы: не делал знамения на нечестивом челе и не шептал про себя, как они. Ибо высшая степень богословствования у них заключается в этих двух вещах: шипеть против демонов и делать на челе крестное знамение. Затем он пошел со мной до Ахиллия (до жертвенника Ахилла) и показал гробницу его, вполне сохранившуюся. Был слух, что она была раскопана им, но он подходил к ней с большим благоговением,— это я сам видел. Я слышал от тех, которые ныне весьма к нему враждебно настроены, что тайно он воздавал поклонение солнцу. Ужели ты не поверишь моему свидетельству, и разве я назначил бы Пигасия жрецом, если бы он соделал что нечестивое против богов? Если могло случиться, что он или из честолюбия, или — что часто говорил нам — с целью спасти жертвенники богов покрывал их рубищами и притворно принимал на себя безбожное звание, то, несомненно, он никогда и нигде не позволил себе поругания святыни... По моему мнению, не его только, но и других, переходящих к нам, следует принимать с честью, дабы одни охотней следовали нашим призывам, другие же менее находили поводов к злорадству...»

Открыто приверженцем старой языческой религии Юлиан выступает после провозглашения его императором. Находясь на пути к Константинополю

летом 361 г., он писал, между прочим, своему другу философу Максиму: «Мы служим богам открыто, сопутствующее мне войско предано их культу . Мы публично приносим в жертву быков и многими гекатомбами воздаем богам благодарность» Любопытно небольшое замечание в конце того же письма к характеристике Юлиана: «Боги повелевают мне во всем наблюдать по возможности святость, и я охотно повинуюсь им». Личная чистота и до аскетизма доходящая воздержанность и нравственная дисциплина — это было всегдашним правилом Юлиана, от которого он не отступал. Он не только титуловался pontifex maximus, но и старался на самом деле стать во главе культа. Ежедневно утром и вечером он совершал жертвы солнцу и, чтобы никогда не лишать себя этого, приказал устроить жертвенник в самом дворце. Где бы он ни находился, прежде всего наблюдал праздничные дни языческого календаря и был крайне недоволен, если при храмах не находил торжественной службы и богатых жертвоприношений. Любил сам носить дрова к жертвеннику, подводить жертвенное животное к алтарю, изучать внутренности и по ним узнавать волю богов. И все это не было формой, а глубоким убеждением, которое, впрочем, находили слишком неуместным даже близкие к нему люди [15].

По мысли Юлиана, империя должна была быть разделена в церковном отношении на более или менее обширные области, подчиненные верховным жрецам или архиереям. Сохранилось несколько законоположений этого рода и писем императора, которые характеризуют его церковную политику.

Входя во все подробности культа, как подлинный pontifex maximus, Юлиан так рисует идеального жреца: он должен беречься не только постыдных дел, но и остерегаться непристойных слов Жрецу Юлиан запрещает читать Архилоха, Иппократа и избегать древних комиков. Вместо того ему следует изучать гимны богов, заниматься благотворительными делами, чем так искусно пользуются нечестивые галилеи, агапами привлекая в свою секту неопытных. В особенности широко нарисована его религиозная политика в письме к верховному жрецу Галатии по имени Арсакий, составленном в 362/63г.[16]

«Эллинизм еще не делает тех успехов, каких мы желали, из-за небрежности нашей. Боги посылают нам прекрасные блага выше наших желаний и надежд. Ибо кто прежде мог мечтать о такой громадной перемене? Зачем же мы остановились на мысли, что этого достаточно, и не подумаем о том, какие средства способствовали успеху нечестивой веры (την άδεότητα): благотворительность к чужестранцам, попечение о гробах мертвецов и притворная чистота жизни. Каждую из этих добродетелей нам следует осуществлять с особым вниманием; и не тебе только одному следует быть таковым, но и всем жрецам Галатии. Стыдом или убеждением побуждай их к добродетели, иначе лишай их священных должностей, если они с женами и детьми и служителями не служат примером богопочтения и если не удерживают своих служителей, детей и жен от нечестия по отношению к богам и предпочтения галилейской веры эллинству. Наблюдай, чтобы жрецы не посещали театра, не ходили в питейные дома и не участвовали в каком предприятии или занятии низком

и постыдном. Кто будет исполнять требования, поощряй; ослушников же гони с мест.

В каждом городе устрой достаточное число странноприимных домов, чтобы чужеземцы воспользовались нашим гостеприимством, и не только те, которые принадлежат к нашей вере, но все, кто нуждается в помощи. Мной приняты меры относительно средств к содержанию. Ежегодно на всю Галатию будет отпускаться 30 000 модиев жита и 60 000 ксе-стов вина; пятая доля из этого назначается для бедных и для служащих при жрецах, остальное в пользу иностранцев и нуждающихся. Ибо стыдно подумать, что между иудеями нет нуждающихся, и что нечестивые галилеи содержат и своих, и наших, а наши оказываются лишенными помощи от своих. Внушай приверженцам эллинизма вносить свою долю на эту общественную потребность и приучай эллинские поселения приносить в пользу богов начатки плодов и старайся, чтобы все эллинствующие учились благотворительности, объясняя им, что к этому издавна направлены мои заботы. Не ходи часто в дом правителей области, чаще сносись с ними письменно. При посещении ими города никто из жрецов не выходит навстречу, но когда они входят во храм, встреча бывает в притворе. Ни один воин не может войти с ними внутрь храма. Как скоро кто вошел в священную ограду, становится частным лицом. Ты один имеешь власть в храме,— таков божественный закон. Я готов помочь жителям Пессинунта, если они умилостивят матерь богов. Не оказывая ей почтения, они не только заслуживают порицания, но и нашего нерасположения. Итак, сообщи им, что если они желают от меня милости, то должны всенародно поклониться матери богов».

Таково же еще письмо архиерею Феодору[17], назначенному главным жрецом в Азии: «Я хочу поручить тебе дело и мне дорогое, и для всех весьма важное, именно—главное начальство по всем религиозным учреждениям в Азии, епископскую власть над жрецами в каждом городе и право суда над ними. Первое качество, какое требуется в этом положении, это — мягкость, доброта и человеколюбие по отношению к достойным…» В этом письме важно место, где говорится о противоположности язычества и христианства. «Замечая, что божественные законы со временем пришли в пренебрежение и в уничтожение вследствие возобладания богатства и роскоши, я пришел к убеждению, что следует озаботиться восстановлением их с самого основания. Видя господствующую у нас холодность по отношению к религии, я глубоко страдал при размышлении об этом. В то время как приверженцы ложных учений оказываются так ревностными, что готовы пожертвовать за свою веру жизнью, выносить всякую нужду и голод, лишь бы не вкусить от свинины или от удавленины, мы же оказываем такую холодность к богам, что совсем забыли отеческие законы...»

Юлиан вскоре заметил, что возвращение к паганизму идет не так быстро, как он рассчитывал, и как уверяли его друзья. Даже в глухих местах, например в Каппадокии, где язычество, казалось, всего менее затронуто было новыми идеями, Юлиан нашел много христиан. «Умоляю Зевсом,— пишет он к философу Аристоксену,— приходи к нам в Тиану и укажи нам в Каппадокии настоящего эллина (т. е. язычника). Доселе я вижу только несогласных приносить жертвы богам и немногих желающих, но которые не умеют взяться за дело»[18]. То же малое одушевление по поводу открытия языческих храмов встретил он в больших городах, например в Антиохии и Александрии. До некоторой степени он мог еще питать надежду на то, что обширная организация благотворительности по образцу христианских общин и государственная помощь, оказываемая преимущественно перед христианами язычникам, помогут торжеству его плана, но вскоре он должен был убедиться, что на стороне христиан более твердости, самопожертвования, готовности переносить всяческие лишения, а на стороне приверженцев языческого культа — холодность, равнодушие и недостаток одушевления.

Трагизм в деятельности Юлиана и начинается с той поры, когда он понял, что ему придется встретить на пути к осуществлению своей задачи непредвиденные препятствия. Сознание этих трудностей раздражало его и лишало равновесия, он забывал тогда основное правило своей религиозной политики: не насиловать убеждения и не идти против справедливости, и позволял себе такие меры, которые характеризуют религиозный фанатизм и крайнюю нетерпимость к тем, кто держится иных убеждений. Предполагая — и не без основания,— что в христианском клире находится главное препятствие для торжества его задушевной идеи, Юлиан не щадил средств, чтобы унизить наиболее популярных епископов (Афанасий, Тит из Востры), объясняя их твердость лишь низменными эгоистическими побуждениями.

Наиболее ярким выражением его раздражения служит письмо к жителям Востры[19] от 1 августа 362 г., где повелевается изгнать их епископа: «Мне бы казалось, что представители галилейской религии должны питать ко мне больше благодарности, чем к моему предшественнику. Ибо при нем многие из них подвергались изгнанию, преследованию и темничному заключению, и даже множество так называемых еретиков было погублено, именно в Самосате, Кизике, Паф-лагонии, Вифинии и Галатии и во многих других областях до основания разрушены целые деревни. В мое же царствование напротив: изгнанные возвращены из ссылки, лишенные имущества получили все свое назад по нашему закону. И, тем не менее, они доходят до такого бешенства и безумия, что в раздражении пользуются всевозможными средствами, чтобы производить смуту в народе, противясь богам и не повинуясь нашим человеколюбивым законам. Мы не позволяем никого из них против воли приводить к жертвенникам и провозглашаем громко, что кто желает участвовать с нами в омовениях и жертвах, должен сперва принести очистительную и умилостивительную жертву богам. Народ, обольщаемый клириками, волнуется. Ибо те, которые господствова-

ли доселе .., упорно отстаивают прежние права: право суда, писания завещаний, присвоения чужих наследств, и для удержания за собой всего они пользуются всеми мерами, чтобы волновать народ и доводить его до возмущения. Посему мы постановили объявить всем димам посредством настоящего приказа, чтобы они не делали смут по внушению клириков и не оказывали неповиновения властям. Мы позволяем им делать собрания и совершать обычные молитвы.

Настоящий указ мы посылаем специально городу Бостре, так как епископ Тит и клирики в своем докладе возводят обвинения на народ в неповиновении клиру и в возмущении. Вот относящееся сюда место в докладе: «Хотя христиан было столько же, как и эллинствующих, но, подчиняясь нашим увещаниям, никто не нарушил порядка». Таковы слова о вас вашего епископа. Смотрите, не вашему доброму расположению он приписывает вашу порядочность, но как бы против воли, говорит он, вы сдержаны были его увещаниями. Гоните же его из города как вашего обвинителя и будьте между собой в единении. Ни те, которые находятся в заблуждении, да не нападают на дома и не грабят тех, кто правильно и благочестиво служит богам по исконным обычаям, ни истинные почитатели богов да не вредят тем, которые находятся в заблуждении скорей по неведению, чем сознательно. Нужно убеждать людей словом и поучением, а не бичами и не обидами, и не телесными наказаниями. И снова, и снова я рекомендую приверженцам истинного богопочитания не наносить никакой обиды народу Галилеев и не позволять себе по отношению к ним ни насилий, ни оскорблений. Следует более жалеть, чем ненавидеть людей, ошибающихся в делах величайшей важности. Величайшее из благ — это, конечно, богопочтение, и, напротив, нечестие есть величайшее из зол. Достаточному они себя •подвергают наказанию уже тем, что, отвращаясь от богов, ищут помощи у трупов мертвецов».

Выраженные здесь рассуждения о том, что не следует наносить ни обиды, ни оскорблений народу из-за приверженности его к галилейской секте и что следует убеждать людей, а не побуждать телесными наказаниями, стоят в совершенном противоречии с тем, что сказано Юлианом выше относительно епископа Тита: гоните его из города, как вашего обвинителя. Точно в такой же степени жестоки распоряжения Юлиана относительно Афанасия александрийского, самое имя которого император не может хладнокровно произнести.

В 362 г. Юлиан писал губернатору Египта: «Ты еще мог бы не извещать меня о других вещах, но никак уже не умолчать об известном противнике богов Афанасии, так как тебе давно уже известны наши об этом решения. Клянусь Сераписом, если до декабря этот безбожник не будет выслан из Александрии или даже совсем из Египта, то я наложу на твое ведомство штраф в 100 литр золота. Ничем не можешь доставить мне больше удовольствия, как изгнав из египетских

пределов Афанасия, этого сквернавца, который в мое время смеет совершать крещение над знатными женщинами!»

По тому же поводу отправлен в Александрию следующий указ: «Мы разрешили галилеянам, подвергшимся изгнанию при блаженном Констанции, не возвращение в церкви их, а лишь доступ в отечественный город. Между тем мне стало известно, что дерзкий Афанасий со свойственной ему наглостью завладел вновь епископским троном к большому неудовольствию благочестивого александрийского народа. Вследствие чего приказываем ему оставить город в тот же день, как будет получен настоящий указ. Если же он останется в городе, то его постигнет жесточайшее наказание»[21]. В этих последних распоряжениях чувствами Юлиана, конечно, управляла уже страсть, в данном случае он был далек от справедливости и становился злым и жестоким. Когда христиане жаловались на несправедливый суд и конфискации имущества, он отвечал: «В вашем законе говорится: кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему верхнюю одежду; без имущества вам легче идти в царство небесное». Христиане жаловались на устранение их от начальственных должностей, а император с насмешкой соворил: «Закон запрещает вам употребление меча, вам следует сносить несправедливости, чтобы угодить Богу»! Из презрения к христианам он оказывал покровительство евреям. Как общая мера против христиан, возбудившая упрек Юлиану даже среди его почитателей и глубоко затронувшая интересы христиан, должен быть признан эдикт, коим воспрещалось христианским профессорам преподавание в школах. Аммиан Марцеллин (XXII, 10, 7) говорит об этом: «Жестокой мерой и достойной вечного забвения было то, что он запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского исповедания» (еще XXV, 4, 19—20). Вот как резонерствует Юлиан по отношению к мотивам этого распоряжения: «Правильное преподавание заключается не в складной речи и красивых словах, а в том, чтобы учитель обладал здравым расположением мыслей и имел верные понятия о добре и зле, о благородных и постыдных вещах. Кто одно думает, а другое внушает своим слушателям, тот столько же погрешает против педагогики, как и против честности. И если по отношению к незначительным предметам выражается противоречие мысли и слова, это еще терпимое зло; но кто в важных предметах одно мыслит, а противоположное тому внушает на уроках, не поступает ли он как плутоватый торговец и обманщик, который учит тому, что считает дурным, и привлекает к себе учеников ложным восхвалением того, что сам признает нехорошим. Итак, требуется, чтобы все, кто берется за преподавание какого-либо предмета, отличались скромным поведением и душевным направлением, согласным с общественным строем. И преимущественно перед всеми, по моему мнению, таковы должны быть те, которые приставлены для преподавания наук молодежи, и которые объясняют древних авторов: риторов, грамматиков и софистов. Ибо они имеют претензию обучать не красноречию только, но и нравст-

венности и даже тому, что они называют наукой о политике (την πολιτικήν φιλοσοφίαν). Воздавая им похвалу за такие прекрасные занятия, я бы еще с большим чувством уважения отнесся к ним, если бы они не оказались мыслящими совершенно иначе, чем преподают на своих уроках. В самом деле, разве, по воззрениям Гомера, Гесиода, Демосфена, Геродота, Фукидида, Исократа и Лисия, боги не являются творцами всякого знания? Разве они не считали себя жрецами одни Гермеса, другие Муз? Я находил бы нелепым, чтобы те, которые объясняют указанных писателей, позволяли себе отвергать чтимых ими богов.

Я не требую, чтобы они переменили свои воззрения перед слушателями, но предоставляю на их свободный выбор: или не преподавать то, что не считают серьезным, или, если желают продолжать преподавание, должны прежде всего собственным примером убедить слушателей, что Гомер, Гесиод и другие, которых они толкуют и которых обвиняют в нечестии и заблуждении по отношению к богам, на самом деле не таковы. Если они держатся и получают выгоду от тех сочинений, которые принадлежат тем писателям, то ясно, что этим показывают себя такими жадными до прибыли, что готовы на все из-за нескольких драхм. До сих пор были многие уважительные причины не посещать храмов богов, и страх, висящий над всеми головами, оправдывал скрытность по отношению к истинным мыслям о богах. Поелику же боги предоставили нам свободу, то мне кажется недостойным учить людей тому, что не считается здравым. Но если преподаватели почитают мудрыми тех писателей, которых они объясняют, пусть попытаются подражать их чувствам к богам. Если же держатся того мнения, что высокочтимые боги ложны, пусть идут в церкви Галилеев объяснять Матфея и Луку. Таков закон для начальников и учителей. Всякий юноша, желающий учиться, не будет встречать препятствия. Ибо не считается разумным отвлекать от лучшего пути юношей, еще не сознающих хорошо, по какой дороге идти, и вести их против воли из-за страха на путь, которым шли отцы. Хотя было бы справедливо их лечить против их воли, как поступают с сумасшедшими, но мы даем снисхождение всем, находящимся в этой болезни. Ибо, по моему мнению, лишенных разума следует учить, а не подвергать наказаниям»*.

Юлиан весьма внимательно отнесся к вопросу о профессорах в учебных заведениях и выразил отношение к нему серьезным законодательным актом[23]. Поднятый здесь вопрос о направлении преподавательского класса имеет и для нас почти современное значение, поэтому мы позволили себе сделать такие большие выписки из писем Юлиана. Законом, На который выше сделана ссылка, он установил следующее: «Магистры

* καi γαρ οϊμοα διδάσκειν, αλλ' ουχί κολάζειν χρή τους ανόητους.

и доктора наук должны отличаться прежде всего нравами и затем красноречием, но как мы не можем лично быть в каждом городе, то приказываем, чтобы желающий быть профессором приобретал это звание не сразу и не самовольно, а по одобрению и постановлению и декрету курии, каковой декрет должен быть препровожден затем к нам, дабы кандидат допускаем был к преподавательской деятельности в городах по нашему распоряжению».

Широко начитанный в книгах Священного Писания, он пользовался своими знаниями весьма искусно в литературной борьбе. В не дошедшем до нас сочинении κατά χριστιανών («Против христиан») он дает злую сатиру на некоторые места Ветхого и Нового Завета[24].

Юлиан сравнивает библейское учение о мире с языческим, сопоставляет Моисея с Платоном и, между прочим, так иронизирует над рассказом о творении мира. «Бог сказал: «Не добро быть человеку одному, сотворим ему помощницу». И, между тем, эта помощница не только ни в чем ему не помогает, но даже обманывает и становится причиной лишения для прародителей райской жизни. Вероятно ли, чтобы Бог не знал, что то существо, которое дано человеку в помощь, сделается для него источником бедствий, а не радостей? А на каком языке змей говорил с Евой, и чем эта басня отличается от греческих мифов? А запрет делать различение между добром и злом — разве не верх нелепости? Бог якобы запретил человеку самое высшее, что составляет сущность и главное качество человека,— пользование разумом. Разве не существенное свойство разума различать зло от добра?»

Не менее ядовито издевается Юлиан над рассказом о строении башни и о смешении языков[25]. «Почему,— говорит он,— этому рассказу можно больше придавать веры, чем гомеровскому повествованию о великанах Алоадах (Оте и Ефиалте), взгромоздивших три горы одну на другую, чтобы достигнуть неба?» Переходя к раздорам в христианской среде и к нетерпимости христиан к еретикам, Юлиан посылает христианам следующий упрек: «Вы разрушаете храмы и алтари, вы душите не только тех, которые остаются верны культу их отцов, но и тех из вашей среды, которые, как вы говорите, заражены ересью и которые не так, как вы, обожают того мертвеца. Но ни Иисус, ни Павел вам не оставили на этот счет указаний, и это потому, что они не думали, что вы завладеете таким могуществом. Они довольствовались тем, что совращали служанок и рабынь, а через них женщин и мужчин, подобных Корнилию и Сергию (Деян. X, 13). Покажите мне, что в царствование Тиберия или Клавдия к их вере обратился хоть один порядочный человек, и тогда считайте меня пошлым лгунишкой».

С большим жаром Юлиан вооружается против почитания мучеников. «Вы, — говорит он христианам,— все наполнили могилами, хотя нигде нет прямого повеления воздавать поклонение гробам. Вы дошли до такого развращения, что

не хотите обращать внимание на прямые слова Назарея: горе вам, книжники и лицемерные фарисеи, вы походите на выкрашенные гробы; снаружи гробница красива, а внутри наполнена костями мертвецов и всяческой нечистотой. Если Иисус говорит, что гробы полны грязи, как можно призывать на них Бога?»

Что наиболее казалось Юлиану в христианстве противным — это его мнимая враждебность культуре и идеалам современного языческого общества. Христианская община на первых порах пополнялась, главным образом, из низших классов общества, отсюда вытекало обычное заключение, что христианство несовместимо с чувствами и настроениями высших образованных классов. В кругу Юлиана смеялись над христианами и с презрением говорили: «Нам, язычникам, принадлежит наука, а вам — невежество и варварство». Этой мысли уделяет Юлиан несколько мест в своем сочинении «Против христиан». «Вы, — говорит, — конечно, понимаете разницу между вашим и нашим образованием. В вашей школе вы никогда не сделаете человека ни мужественным, ни добродетельным, между тем при нашей системе всякий становится лучшим. Посмотрите на ваших детей, которые воспитываются на чтении ваших священных книг. Если в зрелом возрасте они не будут рабами, сочтите меня лгуном и маниаком».

За полгода до своей смерти, находясь в Антиохии, где делались приготовления к персидскому походу, Юлиан составил (в феврале 363 г.) знаменитый свой памфлет Μισοπωγων («Ненавистник бороды»). В этой сатире на нравы антиохийцев, с которыми вообще император нередко ссорился во время своего пребывания в Антиохии, он часто возвращается к своей внешности и к своей частной жизни. Сочинение Μισοπωγων представляет весьма важный памятник для характеристики Юлиана, между прочим, и потому, что здесь император отвечал на сплетни и анекдоты, распространявшиеся на его счет в антиохийском обществе и переходившие даже в мелкие листки, тайно распространяемые. Поэтому названное сочинение заслуживает того, чтобы привести из него несколько отрывков.

«И хотел бы я похвалить себя, да не могу, порицать же есть бесчисленные поводы, хоть бы начать с лица. Природа не дала мне ни большой красоты, ни величественности, ни привлекательности, и я по своей нелюдимости прибавил еще эту большую бороду как бы назло природе, что она не дала мне красоты. И вот в ней разводится вошь, что в лесу звери, и я испытываю то неудобство, что не могу свободно ни есть, ни пить из опасения захватить волосы вместе с пищей. Насчет поцелуев уж я не жалею, хотя и в этом случае борода служит большой помехой, так как препятствует плотно прижать губы к губам. По вашим словам, из моей бороды можно вить веревки: я готов предоставить ее в ваше распоряжение, если только можете ее вырвать, и если только вашим нежным рукам не будет больно. Но у меня не только длинная борода, я мало ухаживаю и за головой, редко стригусь и обрезываю ногти, и руки мои часто запачканы чернилами, а если вас интересует знать и дальше, то грудь

моя покрыта густыми волосами. Будучи таковым по внешности, я непривлекателен и в образе жизни: по моей грубости не хожу в театр, а по моей необразованности не допускаю во дворце представлений, кроме новогодних, да и то как бы внося подать немилостивому господину, ибо и находясь в театре я имею вид исполняющего долг. Скажу и еще более странную вещь.

Я не люблю цирковых представлений, как должник судебного разбирательства, и редко посещаю их, только в праздничные дни. В моей частной жизни я провожу бессонные ночи на подстилке из соломы и довольствуюсь скромной пищей, едва утоляющей голод. С детских лет я веду войну с моим желудком и не позволяю ему наполняться пищей. Вследствие этого со мной редко случалась рвота. Помню один случай со времени назначения моего цезарем*.— Кельтская деревенщина легко мирилась с моими нравами. Но такой цветущий, счастливый и населенный город, как Антиохия, имеет все основания гневаться на меня, ибо в нем много танцовщиков и флейтщиков, а актеров (μίμοι) больше, чем граждан, и у всех отсутствие всякого уважения к власти. Стыдиться свойственно людям малодушным, а таким храбрым, как вы, позволительно веселиться с утра, ночью искать наслаждений и самым делом показывать презрение к законам. В самом деле, закон страшен через исполнителей, так что, кто оскорбляет власть, тот попутно нарушает и законы. И вы стараетесь везде показать, как вам мало дела до закона, в особенности на площадях и в театрах...»

«Попытаюсь сделать нападение с другой стороны. Ты любишь, говорите, посещать храмы, нелюдимый, грубый и злой человек! За тобой стремятся в священную ограду народ и магистраты, тебя встречают с шумом рукоплесканий, как в театре. Но тебе не угодишь и этим, ты обращаешься к народу с речью и начинаешь порицать его, это он для молитвы не ходит в храмы, а ходит лишь по случаю твоего прибытия и производит беспорядок в священном месте... А можно ли хладнокровно выносить то, что ты проводишь свои ночи в одиночестве и не допускаешь ничего, что бы смягчило твой дикий нрав? Худшее же то, что такая жизнь составляет твое удовольствие, и что тебя забавляют общие проклятия. Тебе бы следовало быть благодарным к тем, которые дают тебе хороший совет в летучих листках (εν τοις άναπάστοις): брить бороду и делать все приятное для народа, любящего повеселиться, давать ему зрелища, мимов, плясунов, бесстыдных женщин, мальчиков по красоте женоподобных, мужчин, у которых выбриты не только щеки, но и все тело, задавать праздники, но ради бога не религиозные, их так довольно, что хоть отбавляй...

* Следует рассказ о том, как Юлиан раз угорел в Лютеции (P. 438—439. Teubn).

Прекрасно, мудрые граждане, вы забавляетесь серьезными вещами и поощряете в этом других. Ибо ясно, что одним издевательство доставляет удовольствие, другим приятно слушать. Поздравляю вас по случаю такого согласия, в этом вы составляете единое общество, ибо считаете неприличным и неудобным принимать серьезные меры против беспутства ваших юношей. По вашему мнению, отнять у людей свободу говорить и делать, что им вздумается, значило бы посягать на самое существо свободы. Имея твердое убеждение в необходимости абсолютной свободы, вы прежде всего предоставили необузданную вольность вашим женам, чтобы они были вам более доступны, а затем вы им отдали на воспитание ваших детей из боязни, чтобы мы не наложили на них очень суровую дисциплину, и не обратили их в рабов, и не научили уважать старших и почитать начальников. Что же делают ваши жены? Они привлекают детей к своей вере, полагая в этом высшее счастье. Вот в чем, мне кажется, состоит ваше счастье: в отрицании подчинения богам, закону и нам как блюстителям законов. Но с нашей стороны было бы нелепостью гневаться на ваш так себя освободивший город, если сами боги не обращают на него внимания. Да будет вам известно, что и боги участвуют с нами в поругании со стороны города.

Вы говорите, что ни Х, ни К не сделали городу никакой неправды. Хотя ваш ребус трудно разгадать, но некоторые из горожан раскрыли мне его смысл: одна буква означает Христа, другая Констанция. Позвольте сказать вам откровенно, что Констанций уже тем нанес вам обиду, что не убил меня, а назначил цесарем. Что касается Христа, вы его почитаете вместо Зевса, Аполлона и Каллиопы. Хотя жители Емеса тоже любят Христа, но я не сделал им ни разу обиды, из вас же многие, если не все, имеют со мной счеты: сенат, состоятельный класс и народ. Последний недоволен мною в большинстве, если не весь, предавшись безбожному учению, за то, что я придерживаюсь отеческих обычаев, богатые досадуют за то, что я не позволяю им продавать товары по высоким ценам, все они из-за театральных представлений,— и не за то, что я других лишаю иХ, но что так мало о них забочусь.

Напомню и другой случай, подавший повод к неудовольствию, и опять-таки, как обыкновенно, я буду порицать себя и обвинять. В десятом месяце бывает большой праздник, совершаемый в Дафне. Из храма Зевса Кассия я спешу на тот праздник, ожидая здесь встретить роскошное и богатое торжество. Я уже воображал себе священную помпу, Изображения богов, возлияния, хороводы, курение фимиама а юношей вокруг жертвенника в благоговейном настроении и в прекрасных белых одеяниях. Но, когда я вступил в храм, Не нашел ни курения, ни приношений, ни жертвы. Я был поражен и воображал себя вне храма, и что вы ожидаете от

меня, как первосвященника, условного знака. Когда же я спросил, какой жертвой город чествует божество в этот день, жрец ответил: «Я принес с собой священного гуся, но город не приготовил ничего». По этому случаю я обратился в сенат со следующей довольно резкой речью: «Удивляюсь, что такой город с таким малым вниманием относится к богам, как какая-нибудь деревня на границах Понта. Владея громадным земельным имуществом, город пожалел принести курицу отечественному богу в годовой его праздник, когда богам угодно было рассеять мрак безбожия, между тем как ему следовало принести быка с каждой филы или, по крайней мере, со всего города сообща принести в жертву вола. Каждый из вас на свои праздники и на угощения тратит значительные суммы, я знаю многих, затративших большие деньги на праздник Маиумы (майский праздник), а за ваше счастье и благо города никто не захотел принести жертвы, один только жрец... Каждый из вас позволяет своей жене всем жертвовать в пользу галилеян, которые, питая бедных на ваши пожертвования, совершают поистине безбожное дело по отношению к нуждающимся. Вы же, показывая пример такого непочтения к богам, даже не понимаете всей важности проступка. К нашим храмам не приближается никто из бедных, потому что он не найдет там милостыни. По случаю дней рождения вы устраиваете обеды, ужины и пиры, а в этот годичный праздник никто не принес богам ни масла в лампу, ни возлияний, ни жертв». Вот что я говорил сенату...

Но самое важное, что возбудило вашу ко мне ненависть, состоит в следующем. Только что я прибыл в ваш город, народ, угнетаемый богатыми, стал кричать в театре: «Все поднялось в цене, на все дороговизна». На другой день я беседовал с богачами и старался убедить их пожертвовать несправедливыми прибытками и оказать милость гражданам и чужестранцам. Они дали обещание позаботиться об этом, и я ждал три месяца, но они ничего не сделали. Увидев, что жалобы дима справедливы, и что дороговизна товара происходит не от недостатка его на рынке, а от жадности торговцев, я установил таксу на каждый предмет и объявил ее всем. Всего оказалось в достатке: и вина, и масла, и прочего; было мало лишь хлеба, так как засухи прошлого года уничтожили посевы, но я послал в Халкиду, в Иераполь и окрестные города и собрал 40 000 мистров, когда вышел этот запас, дал еще в разное время 5, 7 и 10 тысяч модиев, предоставил вам весь египетский хлеб, продавая его по дешевой цене, т. е. за 15 мистров вы платили то же, что прежде за 10. Что же делали ваши богачи? Они тайно продавали заготовленный ранее хлеб за дорогую цену и обременяли народ. Таким образом, причина вашей злобы в гом, что я не допустил продавать на вес золота вино, зелень и овощи и не позволил, чтобы лежащий в складах богачей хлеб неожиданно обратил-

ся в серебро и золото. Я знал и тогда, что мои распоряжения не всем понравятся, но я мало заботился об этом,— я имел в виду благо обижаемого народа и чужестранцев, явившихся сюда ради меня и моих архонтов. За что же, ради богов, мы находимся в немилости? Не за то ли, что пропитываем вас на свой счет, чего прежде не бывало ни с одним городом; или за то, что увеличили список сенаторов, что, захватив воров на месте преступления, не подвергли их каре?..»

В заключение приведем еще любопытный текст или, лучше, анекдот, сохраненный позднейшим писателем[26]. Епископ Халкидона Марис, пораженный слепотой, раз встретившись с Юлианом, стал его жестоко порицать, называя обманщиком и отступником. Юлиан сказал ему: «Отойди, несчастный, и оплакивай свою слепоту, ибо тебя не исцелил Назорей, которому ты воздаешь поклонение». Этот же ответил: «Благодарю Господа моего Христа, даровавшего мне то утешение, что я не вижу твоего бесстыжего и безбожного лица».

Для характеристики Юлиана как человека следует обращаться к тем же, большею частью, пристрастным источникам, по которым мы пытались ознакомиться с его церковной деятельностью. Либаний в похвальном слове Юлиану выражается, что риторика обратила к богам его героя. Мы бы предпочли здесь выражение школа, как более понятное в наше время. Может быть, в связи с личными школьными воспоминаниями легче объяснить закон его, воспрещающий христианам преподавание. Юлиан увлечен был поэзией языческого культа, реальная же скромность христианства казалась для него соблазном и безумием. В попытках оживить фикцию старого мировоззрения Юлиан растратил свой острый ум, красноречие и необычайную начитанность. Но только что он умер, вся его система рухнула, и язычество уже не в состоянии было оказать противодействия христианским началам. По его смерти открылся, однако, вновь ожесточенный спор между его приверженцами и противниками из-за оценки характера его деятельности. Одни превозносили его до небес, другие топтали в грязь и всячески унижали его личный характер. Нужно полагать, что Либаний в своем преклонении пред Юлианом набрасывает слишком яркие краски, сравнивая, как мы видели выше, своего героя с богами. Менее повышенный тон в характеристике историка Аммиана Марцеллина[27]. Он указывает такие черты, которые действительно свойственны были Юлиану и засвидетельствованы с разных сторон. Таковы его умеренность и самообладание. Он довольствовался самой скромной пищей и мало спал. Подкрепив кратким сном свое тело, он сам лично проверял караулы и пикеты, а затем обращался к занятиям науками. Он был глубокий знаток в науке военного дела и гражданского управления, весьма тщательно вникал во все судебные процессы и являлся непреклонным судьей. О его мужестве свидетельствует множество битв, он был чрезвычайно выносливым к холоду и зною.

Если теперь обратиться к христианским писателям, то получим иное впечатление. По смерти Юлиана в церквах были публичные молебны. Это был дракон, чудовище, Навуходоносор, Ирод, страшное пугало, преследующее народ Божий. Он был апостат по природе, жестокий

и самый гнусный из людей. С коварством он принимает вид той дьявольской змеи райской, которая живет в его груди.

Источники да изучения времени Юлиана

Juliani Imperatoris quae supersunt, rec. Hetrlein 2 vol. Lipsiae, 1875—1876.

Juliani Imp-ris librorum contra christianos rec. Neumann, Teubner, 1880.

Libanii sophistae orationes et declamationes. Jo. Jac. Reiske, Altenburgi, 1791 — 1797.

Ammiani Marcellini rerum libri, rec. Gardthausen. Lips., 1874—1875.

Кулаковский и Сонни. Аммиан Марцеллин. Перев. с латинского. Вып. I, II. Киев, 1906—1907.

Zosimi comitls et ex advocati fisci historia ed. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. Teubn.

Церковные историки Сократ, Созомен и Феодорит.

Gregorii Theologl vulgo Nazianzeni (ap. Migne), Cyriili Alexandrini contra impium Julianum (ap. Migne).

Chabot. Cronigie de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d. Antioche. 1. Paris, 1899.

Пособия

Tillemont. Memoires pour servir a 1'histoire ecclesiastique. II ed. Paris, 1701 — 1712. Vol. VII.

Vie de 1'empereur Julien. Amsterdam, 1735, I—II partie. (Вероятно, De la Bletterie, которого сочинение цитируется по парижск. изд. 1946 г.)

Затем из обширной литературы об Юлиане, которая указана в сочинении Miicke, Fl. C1. Julianus. 2 Bande. Gotha, 1867—1869, и в книге Vollert. Kaiser Jukianus religiose und philosophische Ueberzeugung. Gutersloh, 1899, укажем лишь некоторые издания.

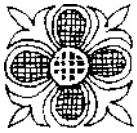
Talbot. Oevres completes de l'empereur Julien. Traduction nouvelle. Paris, 1863.

Hecker. Zur Geschichte des Kaisers Julianus. Eine Quellenstudie. Kreuznach, 1886. Оценка источников.

Schwarz. De vita et scriptis Juliani imperatoris. Bonnae, 1888 (для хронологии).

Gardner. Julian the philosopher and emperor and the last struggle of Paganism against Cristianity. London, 1895.

Realencyklopadie fur protest. Theologie. Herzog-Hauck. Том IX появился в 1901 г. С. 609—610, обзор и классификация литературы.

Глава V

Церковная и государственная политика в конце IV в. Феодосий Великий. Дело о жертвеннике Победы, Иммиграция варваров. Принятие их на службу империи

Кратковременное царствование Юлиана прошло как страшный ураган, мало затронув Запад. Существенного вреда христианской Церкви и в восточной половине империи оно не могло нанести уже вследствие недостаточной обдуманности и малой последовательности сделанных Юлианом распоряжений, а равно и потому, что местные власти не имели времени применить их на практике. После Юлиана не было охотников поддерживать его церковную политику.

Во второй половине IV в. самым выразительным явлением в области религиозной жизни было разделение христианского мира на два враждебные лагеря: исповедников Афанасиева учения, т. е. никейского символа, и приверженцев учения Ария. Особенно ревностным защитником арианства на Востоке был император Валент (364—378), о котором до сих пор свидетельствует водопровод его имени. Ко времени трагической смерти его все епископские кафедры находились в руках ариан, даже кафедра константинопольская замещена была арианином Димофи-лом. Положение внушало серьезные опасения еще и потому, что кроме численно и официально преобладавшей арианской партии, на Востоке было еще значительное число разных сект и учений, образовавшихся на почве философских воззрений на существо тогдашнего христологиче-ского вопроса. Со смерти Константина занявшая господствующее в империи положение христианская Церковь более 40 лет была разъедаема внутренней враждой, что не могло не унижать ее в глазах приверженцев языческого культа. В 379 г. западный император Грациан назначил своего полководца Феодосия августом, т.е. сопричислил его к императорской власти и дал ему в управление восточную половину империи. С тех пор судьбы Востока в политическом и церковном отношении стали направляться к одной цели, и произведенные в конце IV в. государственные и церковные реформы соединены с именем Феодосия, получившего прозвание Великого.

В церковном отношении деятельность Феодосия может быть рассматриваема с двоякой точки зрения: а) по отношению к старой римской религии, б) к разнообразным сектам и учениям среди христиан. В том и другом смысле Феодосии держался идеи религиозного единства и во всех отношениях давал преимущества христианству пред язычеством и никейскому символу пред арианством и другими учениями. В этом отношении законодательные его акты отличаются редкой

ясностью и определенностью. С прибытием в Константинополь в 380 г. он прежде всего озаботился устройством церковных дел. Господствующее положение занимали, как выше сказано, ариане, которым принадлежали все церкви в столице и высшая церковная власть в лице епископа Димофила. Между тем христианская община, стоявшая на стороне никейского символа, хотя и значительная по числу, находилась в приниженном состоянии. Знаменитый Григорий Назианзин, управлявший православной общиной, собирал для богослужения свою паству в скромном частном доме, где была устроена домашняя церковь во имя Воскресения Христова — известная св. Анастасия. Феодосии немедленно и радикально по прибытии в Константинополь изменил положение дел. В 381 г. издан им знаменитый эдикт по церковным делам, которым было наложено запрещение на все религиозные собрания публичного характера, за исключением собраний приверженцев никейского символа. Признав все прочие вероучения еретическими, Феодосии по отношению к арианству выразился в упомянутом эдикте очень сильно: «Об ядовитом арианском кощунстве да не будет и слуха». Не желавшие подчиняться этому закону объявлены были вне Церкви и потеряли право иметь свои собрания. Все христианские церкви в столице и по всей империи переданы епископам, придерживавшимся никейского исповедания Этим законом положен был конец господству ариан в Церкви[1].

В связи с этими распоряжениями, весьма решительно рассекавшими настоятельные и давно уже назревшие вопросы, Феодосии предпринял меры к немедленному созванию собора для обсуждения церковных дел. Второй Вселенский собор состоялся в Константинополе в мае 381 ι. На нем были представлены главнейшие восточные епископы, из них известнейшие были: Мелетий антиохийский, Тимофей александрийский и Кирилл иерусалимский. Председательство имел Мелетий, а по смерти его — Григорий Назианзин и затем Нектарий. Первый вопрос, предстоявший обсуждению собора, касался замещения епископской кафедры в Константинополе после удаления арианского епископа. По желанию императора и большинства членов собора епископская кафедра была предоставлена Григорию Назианзину, но ненадолго, т. к. Григорий отказался и предложил вместо себя Нектария. В догматическом отношении этому собору принадлежит окончательное решение вопроса о третьем лице св. Троицы и окончательная редакция второй части символа, начиная с восьмого члена веры. Деяния собора утверждены императором в июле месяце 381 г. Кроме того, второму Вселенскому собору принадлежит составление нескольких церковных канонов, из коих особенное значение получил третий канон, усвоивший константинопольскому епископу право чести вслед за римским епископом. Этот канон читается так: «Константинопольский епископ должен иметь преимущественно чести вслед за римским епископом, так как Константинополь есть новый Рим»[2].

Не менее настойчиво и неуклонно шел император Феодосии в борьбе со старыми языческими верованиями. Хотя языческий культ уже распоряжениями Констанция был лишен государственной поддержки, будучи признан притом неразумным суеверием[3], тем не менее он держался еще между консервативными элементами населения как

в больших городах, так в особенности в отдаленных и глухих провинциях. Конечно, нельзя думать, что старая вера без борьбы уступала место христианству. Хотя попытка Юлиана оживить язычество потерпела полное поражение, но с переходом к христианскому мировоззрению соединялась такая ломка тысячелетней и гордой своими успехами культуры и верований, вошедших в плоть и кровь классического мира, что было бы трудно допустить, чтобы язычество отказалось от всяких надежд на возврат к старому.

Еще в течение целых столетий можно будет там и здесь встретить остатки приверженцев языческого культа, но для изучающего историю культурного перелома в конце IV в. любопытно проникнуть в настроение современников, ознакомиться с мотивами, руководившими приверженцами старой веры. В этом отношении трудно найти более выразительный литературный факт, чем дело о жертвеннике Победы, возникшее в римском сенате по случаю предъявленного к нему правительством требования — удалить из курии этот символ языческого культа. Вопрос возник еще при императоре Констанции, который потребовал удаления из сената статуи Победы и прекращения языческого обычая приносить перед заседаниями жертву. При Юлиане распоряжение Констанция было отменено, так что до 383 г. римский сенат, может быть наполовину состоявший из язычников, удерживал в зале заседаний символы языческой религии. Император Грациан приказал восстановить повеление Констанция относительно жертвенника Победы, но сенат отправил к императору легата в лице сенатора Аврелия Симмаха с просьбой отменить повеление. Грациан не принял миссии, чем нанес сенату сильное оскорбление.

В 384 г. сенат во второй раз решился ходатайствовать о жертвеннике, и на этот раз пред преемником Грациана, четырнадцатилетним Валентинианом. Истолкователем желаний сената был сенатор и префект Аврелий Симмах, записка которого представляет громадный интерес как памятник, бросающий живой свет на умонастроение языческой партии в занимающую нас эпоху. Действительно, нельзя без волнения слушать эту последнюю песню умирающего язычества, которое робко и жалобно просит милости у юного императора в пользу религии, которой его предки обязаны славой и Рим своим величием[4].

После краткого вступления в этой записке читается: « Я являюсь перед вашими величествами в двояком качестве: как ваш префект ходатайствую о делах государственного порядка, а как легат сената защищаю гражданские интересы. Между теми и другими нет разногласия, ибо люди перестали уже верить, что можно довериться благорасположению придворных, если между ними нет единодушия. Можно ли допустить, чтобы частные раздоры наносили вред государству? По справедливости, сенат преследует тех, кто славе государей предпочитает личное могущество, а наша забота — быть на страже благополучия вашего величества. В самом деле, чьи интересы мы защищаем, если заботимся о сохранении древних учреждений, о законах и обычаях отечества, о славе времен, которая тем выше, если и сами императоры остерегаются нарушать обычаи предков. Итак, мы ходатайствуем

о сохранении религиозного строя, в котором благоденствовало государство. Рассуждая о государствах того и другого исповедания веры, мы находим, что одна часть чтила отечественные обряды, другая, более к нам близкая, не отменяла их. Если вера, которой следовали древние, не может служить примером, то да послужит таковым попущение ближайших императоров!

Найдется ли такой малообразованный человек, который был бы равнодушен к алтарю Победы! В нем наша безопасность на будущее время и наше спасение против всего необычайного. Воздадим, по крайней мере, символу ту честь, в которой отказываем божеству. Ваша вечность многим обязана Победе и многим будет одолжена впереди. Пусть пренебрегают ею те, кому она не принесла пользы; вы же не можете отвернуться от дружественного существа, даровавшего вам триумфы. Могущество ее для всех составляет предмет желания, и никто не может отказать в поклонении тому, что признает для себя желанным. Если бы было какое оправдание для удаления религиозного символа, то следовало бы не касаться того, что служит украшением курии; Умоляю вас, предоставьте нам передать в зрелом возрасте потомкам ту святыню, которую восприняли в детстве. Обычай имеет громадную власть, поэтому и не могло долго оставаться в силе распоряжение божественного Констанция об удалении алтаря Победы. Божественная и славная вечность ваша должна позаботиться и о том, чтобы в будущем не пришлось исправлять ваши распоряжения. Где мы будем давать присягу на соблюдение ваших законов и повелений, какой религиозный обряд устрашит злую волю от дачи ложного свидетельства? Конечно, божество все наполняет, и для вероломного не найдется безопасного убежища, но присутствие священного предмета всего больше сдерживает от преступления. На этом алтаре покоится согласие всех, он знаменует общую верность, и ничто не придает большого авторитета нашим решениям, как всесильная клятва, данная в собрании сенаторского сословия. Тогда откроется свободное поле для клятвопреступлений, и об этом следует внимательно вам подумать, так как в публичной присяге кроется вся ваша безопасность.

Но, скажут, так поступил и божественный Констанций. Будем подражать лучше другим деяниям этого государя, который никогда не позволил себе повторить ошибки, сделанной предшественником. Ибо последующего исправляет сделанная предыдущим ошибка, и из порицания предшествующего рождается критика примера. Итак, да будут приняты к подражанию другие достойные деяния того же государя. Он ни в чем не нарушил привилегий священных девственниц, щедро наделял жреческие коллегии, не жалел издержек на римские религиозные торжества и по всем улицам Вечного города ходил с членами сената, весело и радостно глядел

на святилища, читал на фронтонах храмов имена богов, расспрашивал о строении, восхвалял строителей. Сам следуя другой религии, нашу он сохранил для государства, ибо каждому свойствен свой обычай, у каждого свой обряд. Божественное провидение дало различным городам различных приставников; как при рождении распределяются души, так каждому народу даются определенные судьбой гении. Присоединим и пользу, которая особенно приближает к человеку богов, ибо если весь смысл вещей сокрыт, откуда же лучше исходит знание божественной воли, как не из памяти и документов о благоприятных событиях? Итак, если целая вечность придала авторитет религии, то должна быть соблюдаема верность стольким векам и почитаема вера родителей, которые имели счастье воспринять ее от своих отцов.

Вообразим, что здесь присутствует сам Рим и обращается к вам с такими словами: высокие государи, отцы отечества, благоволите принять в уважение мои годы, до каких я дошел в благочестивом обряде, и разрешите мне пользоваться отеческими священными обычаями. Сей культ подчинил всю вселенную моим законам, эти священные обряды спасли меня от Аннибала и прогнали от Капитолия сенонов. Ужели для того сохранены мои дни, чтобы на старости подвергнуться мне позору? Итак, просим, дайте мир богам, отечественным и национальным героям. Справедливо, чтобы мы были соединенными в том, чему все отдают поклонение. Все мы смотрим на те же звезды, все живем под одним небом, тот же мир обнимает нас; что за дело, каким путем кто ищет истины, и разве можно одной дорогой придти к раскрытию этой величайшей тайны!

Но это — бесполезное словопрение. Мы же обращаемся к вам с мольбой, а не спорим. Какую выгоду получила священная казна, что весталки лишены своих прерогатив? Ужели самые щедрые императоры решатся наложить руку на то, что допускали наиболее скупые? В том как бы вознаграждении за обет чистоты нужно видеть один лишь почет: как ленты на голове служат украшением весталки, так жреца отличает свобода от государственных повинностей. Речь идет о пустом имени иммунитета, потому что от расходов они гарантированы своей бедностью. Итак, те, которые отнимают у них что-либо, еще более содействуют к похвале их, ибо по справедливости возрастает цена девства, посвященного государственному благу, если оно не имеет вознаграждения. Не старайтесь делать такой экономии с государственным казначейством: у добрых государей казна растет не на счет жрецов, а из военной добычи! И эта жалкая прибыль разве уравновешивает причиняемую ею обиду, тем более, что скупость чужда вашего обычая, но тем несчастней участь тех, у кого отнято обычное содержание.

Фиск удерживает имущества, завещанные весталкам и жрецам последней волей умирающих. Умоляю вас как

жрецов правосудия, возвратите святыням вашего города то, что идет им по частным завещаниям. Да будет воля завещателя тверда и неизменна, как вырубленная топором, и да знает завещатель, что при щедрых императорах завещание его пребудет твердо, уже бывшие примеры доставляют беспокойство умирающим. Разве римская религия лишилась защиты римского закона? Какое имя дать присвоению иму-ществ, которые никакой закон и никакой случай не делают выморочными? Получают вольноотпущенники, рабы не лишаются преимуществ, доставляемых завещаниями, только благородные девственницы и служители культа исключаются из прав по наследованию. Что за удовольствие посвящать чистое тело на службу государству и небесной защитой поддерживать вечность империи, на ваше оружие и на ваши знамена наводить благорасположенную доблесть и предпринимать за общее благо молитвы, если не пользоваться общими с другими правами?

Пусть не подумает кто, что я защищаю только религиозный вопрос. Нет, из нарушений подобного реда произошли все несчастия в римском государстве Древний закон почтил скромным обеспечением и справедливыми привилегиями девственных весталок и служителей богов. В неприкосновенности это преимущество оставалось до тех пор, пока жалкие банкиры не обратили идущие на содержание священной чистоты средства в плату низшим служителям. Следствием этого был общий голод, и скудная жатва обманула ожидания провинциалов, но вина не в земле, нельзя жаловаться и на ветер, не спорынья повредила посевам, и не сорные травы убили хлеба: святотатство иссушило почву! Ибо настояла необходимость погибнуть всему богоотступничеству. Жизнь поддерживается лесными произведениями, и голод снова привел простой народ к плодам додонского дерева. Испытывали ли подобное несчастие провинциалы, когда служители религии окружены были почетом? Когда дубовыми желудями питались люди, когда коренья трав шли в пищу? Было ли время, когда при голоде, постигавшем ту или другую область, не выручал общий урожай, и когда у народа и священных дев были одинаковые средства пропитания? Ибо даваемые на содержание служителей религии средства обеспечивали урожаи, и сбор хлеба всегда превышал потребление.

Но может кто-нибудь сказать, что казенного содержания лишена не государственная религия. Не могут разделять добрые государи того мнения, что раз пожалованное из казны частному лицу может быть почитаемо собственностью фиска Государство состоит из отдельных лиц, что исходит из государства, то обращается в достояние отдельных личностей. Хотя вы всем владычествуете, но за каждым сохраняете то, что ему принадлежит, и вами самими управляет правда, а не произвол. Итак, посоветуйтесь с вашим

великодушием, может ли оно считать государственным достоянием то, что раз дано частным лицам. Доходные статьи, раз определенные в честь города, перестают принадлежать жертвующему, и что в принципе было бенефицией, обычаем и временем обращается в обязательство.

Ваше милосердие должно оказывать покровительство всем вероисповеданиям, а наипаче тому, которое покровительствовало вашим предкам. Мы ходатайствуем за ту религию, которая сохранила империю божественному родителю вашему и даровала ему законных наследников. Сей божественный старец смотрит с вершины звездного круга на слезы священников и жалеет о нарушении обычая, который сам он охотно соблюдал. Предоставьте же и божественному брату вашему исправить чрез вас данный ему нехороший совет*, покройте тот факт, которым он по неведению сделал неприятность сенату».

Амвросий Медиоланский, узнав о содержании этого ходатайства сената, весьма встревожился и поспешил принять самые энергичные меры, чтобы ослабить действие записки Симмаха. Он убедил императора не оказывать пощады язычеству и настоял на том, чтобы ходатайство сената оставалось без удовлетворения. Приведенный памятник остается, тем не менее, весьма интересным историческим документом, который выразительно рисует настроение лучших умов языческого общества и бесспорно преобладающее положение христианства.

Эдикты Феодосия первоначально назначались для восточной половины империи, но с 388 г. они получили приложение и на Западе. В 391 г. издан известный Миланский эдикт, которым всякие жертвоприношения и все религиозные обряды в языческих храмах были объявлены преступлениями против императора, за которые полагались денежные штрафы и конфискация имущества. В 393 г. в последний раз были отпразднованы Олимпийские игры, и вскоре затем перевезена была в Константинополь статуя Зевса Олимпийского, знаменитое произведение Фидия. Мероприятиями Феодосия нанесено было окончательное поражение языческой партии, преемникам Феодосия оставалось лишь применить к жизни изданные им законы.

Между всеми восточными городами Александрия уже давно представляла собой центр учености и религиозно-философских систем и умозрений. Хотя христианский элемент был довольно распространен в городе, и епископ Александрии даже на Западе пользовался большим уважением как столп правоверия, тем не менее и язычество имело здесь много приверженцев. Это лежит частью в существе восточного воззрения на веру в богов, которое никоим образом не удовлетворялось простым бессознательным принятием и передачей старых традиций, но стремилось переработать их чрез религиозно-философские доктрины и старую веру примирить с требованиями новой на основании научного и логического мышления. Языческая культура в IV в. с успехом отстаивала себя против христианских веяний в Египте, и знаменитый храм Сераписа в Александрии,

* Намек на императора Валентиниана I и сыновей его Грациана и Валентиниана II.

Серапий, оставался центром языческого культа. При храме была большая библиотека. Просвещенные язычники и тысячи пилигримов стекались сюда для обмена мыслями и по религиозным побуждениям. Христианский епископ Александрии не мог безразлично относиться к этому языческому святилищу. Таковым был в 391 г. известный ревнитель православия Феофил. Этот воинственный князь Церкви в тесном союзе с монахами, для которых Серапий был бельмом в глазу, получил от императора позволение на месте развалившегося храма Вакха построить христианскую церковь и по этому случаю устроил по городу процессию со статуями богов. Начался бунт в городе, язычники выступили против христиан. Порядок был восстановлен с большим трудом тогда, когда император рескриптом, данным в Аквилее, приказал разрушить Серапий и, вместе с тем, запретил отправление языческого культа. Любопытно, что на строительном материале найдены были знаки креста, кои христианами были истолкованы как предвещание о последовавшей катастрофе Серапия[5]. Уже без разрешения императора христиане разрушили храмы в Финикии и также знаменитый храм в Осроене, который Феодосии хотел было пощадить как произведение искусства. Приказом 8 ноября 392 г. префекту претория Руфину запрещено языческий культ отправлять как публично, так и частно.

Указанные сейчас знаки креста на строительном материале при первоначальном знакомстве с этим известием казались мне фантазией египетских мистиков. Но, когда мне лично удалось побывать в Египте и ознакомиться с древними памятниками как на месте их нахождения, так и в музеях, то передо мной выступила другая мысль. Христианских эмблем и разных орнаментальных изображений, приближающихся к кресту, равно как весьма распространенных в мистической христианской литературе образов, например крылатого змея, так много и часто можно наблюдать на памятниках древнего Египта, что маловыясненная пока связь их с христианством может возбуждать пытливое любопытство и в настоящее время.

Ввиду чрезвычайной важности церковной политики Феодосия Великого нам следует выяснить ее ближайшие результаты на развитие церковных отношений в Византийской империи. По основному характеру деятельность Феодосия Великого направляется к установлению религиозного единства в империи, и в этом отношении он может быть поставлен рядом с равноапостольным Константином. В частности, Феодосии не только продолжает издавать законы против язычества, но последовательным рядом законодательных и административных мер приходит к окончательному и абсолютному запрещению языческого культа как в общественных собраниях и храмах, так и в частных домах. Законом, изданным в 392 г., предусматривалось, что если бы кто затем был обвинен или в принесении жертвы, или в совершении гаданий по внутренностям животных, тому угрожал процесс по закону об оскорблении величества и конфискация имущества; небрежение чиновников по отношению к этому закону наказывалось большим денежным штрафом. Гораздо серьезней в конце IV и в начале V в. был другой вопрос, препятствовавший достижению религиозного единства, вопрос об отпавших от единства с Церковью или об еретиках. Здесь Феодосием установлен принцип, который после него становится одним из устоев империи: «Все должны верить так, как заповедал это Петр, верховный

апостол, и как соблюдали римский епископ Дамас и александрийский Петр. Только те, кто исповедует равночестную божественную Троицу, называются кафоликами; те же, кто исповедует иначе, называются еретиками»[6]. Этот принцип имел своим непосредственным применением исключительное торжество и господство никейского символа. Политическая важность выраженного положения усматривается из того, что в особенности на Востоке образовалось множество мнений и учений, отступающих от богословского воззрения, нашедшего выражение в ни-кейском символе, и, следовательно, ставших в оппозицию и к господствующему вероучению, и к поддерживающему его светскому правительству. Этим создавалось крайнее затруднение для проведения идеи религиозного единства. В самом Константинополе, чтобы удалить арианского епископа Димофила и восстановить православного, потребовалось применение военной силы.

Так или иначе, под угрозой жестоких наказаний и конфискации имущества язычники и еретики принуждены были уступить, т.е. присоединялись внешним образом к господствующей Церкви. Но Церковь далеко не выигрывала от таких случайных присоединений, напротив, чрезвычайно много теряла в своей внутренней силе. Наконец, в рассуждении церковной политики Феодосия нельзя не обратить внимания на то, что он слишком круто подчинил церковный строй требованиям государственным. Если Церковь обращена им в орудие для достижения государственных целей, то этим принесено было в жертву то, что составляет самое существенное и самое дорогое в религии — свобода совести. Здесь идет речь не только о том, что победоносное и торжествующее христианство отказалось от самых высоких принципов, провозглашаемых им во время угнетенного положения (припоминается знаменитая фраза Тертуллиана: одной вере не свойственно притеснять другую— religionis non est religionem cogere), но также об опасности для самого государства поставить себя в зависимость от религиозного единства История представила слишком явные доказательства того, что такой тесный союз Церкви и государства, какой установился в Византии, не был полезен ни той, ни другой стороне. Особенно важно отметить те мероприятия, в которых усматривается начало обособления Востока и намечаются характеристические черты развития православно-восточной Церкви.

Само собой разумеется, что с перенесением столицы империи в Константинополь Рим не утратил своих старых политических и моральных привилегий. Но как столица империи и резиденция императора Константинополь начал обнаруживать притязания на первенство между всеми городами Востока и некоторое соперничество с Римом уже в IV и V вв., когда императоры должны были ради безопасности переносить столицу в Милан, Равенну и другие города Италии. Но высокий авторитет, которым пользовался римский епископ на Западе, не мог быть поколеблен тем обстоятельством, что Рим временами был развенчан и даже подпадал под власть варваров, так что в церковном отношении самостоятельность Восточной Церкви не была предрешена разделением империй и основанием Константинополя. Но и в этом отношении первые шаги сделаны были Феодосием. Его намерения ясно выражались в созвании на собор в Константинополе в 381 г. только восточных

епископов и в известном правиле этого собора о привилегии Константинополя на право чести вслед за Римом Весьма любопытно, что на Западе в следующем же году созван был собор в Аквилее, на котором не присутствовали восточные епископы, хотя на этом соборе трактовались вопросы, относящиеся к Восточной Церкви. Самый влиятельный тогдашний епископ Амвросий медиоланский не преминул обратиться к Феодосию с письмом по поводу этого обстоятельства, указывая на установившийся обычай в делах церковных спрашивать мнения Римской Церкви, но письмо осталось без результата[7]. Можно думать, что в своих воззрениях на церковный вопрос Феодосии руководился идеей самостоятельности Восточной Церкви. Во всяком случае, его авторитету и настойчивости обязана Восточная Церковь своими первыми попытками управляться независимо от римского епископа.

К концу IV в. в Римской империи обнаруживается другое явление, имеющее в дальнейшей исторической эволюции величайшее значение после христианства. Имеем в виду иммиграцию новых народов, которые то с оружием в руках, то мирными колонистами заселяли римские провинции. Наиболее сильными выразителями эпохи переселения народов были готы — одно из даровитейших немецких племен.

Готы—это норманны эпохи переселения народов. В небольшой период времени они искрестили всю Европу с севера на юг и с востока на запад, нигде не делая продолжительной остановки. Познакомившись с южным морем, они предпринимали морские набеги на прибрежные страны Европы и Азии, переходили большими отрядами на малоазийский материк и опустошали римские города.

Из первоначальных мест своего обитания у Балтийского моря они в конце II в. (160—170) двинулись к югу и произвели здесь перемещение народов Восточной Европы. Передвижение готов с севера на юг продолжалось, по крайней мере, 30 лет: в начале III в. они уже занимали Юго-Восточную Европу от Дуная до Дона; река Днестр разделяла готов на две части: восточную и западную. Неизвестно, вынесли ли они с родины разделение на две ветви, или уже на римской границе образовалось разделение; во всяком случае в III в. готы разделяются на остготов и вестготов. Первые назывались на туземном языке еще грейтунгами, ими владычествовал род Амалов; вторые именовались тервин-гами и были под управлением рода Балтов.

О наследственной королевской власти и объединении всех готов не может быть и речи, хотя национальный историк Иорнанд уже до времени Константина Великого насчитывает у готов четырех королей. Даже в конце IV в. находим у них двух самостоятельных властителей, Атана-риха и Фритигерна, и, кроме того, отдельное государство 1ерманриха. Нужно думать, что это были начальники отдельных колен, успевшие личной храбростью возвыситься над старшинами других колен. Теперь уже доказано, что историки Кассиодор и Иорнанд придали 1ерманриху обширную власть из политической тенденции. Малая достоверность древнейшей истории готов прекрасно документируется письмом остготского короля Аталариха римскому сенату от 534 г. Король говорит здесь о заслугах готского историка Кассиодора следующее: «Он погрузился в древность нашего рода и вычитал там то, что едва хранилось

в памяти наших предков. Он вывел из мрака забвения готских королей, восстановив в полном блеске славу рода Амалов, ясно показав, что мы составляем 17-е поколение королевской династии. Первоначальную готскую историю он связал с римской, соединив как бы в один роскошный венок то, что было разбросано по широкому полю книг. Подумайте, сколько любви показал он и к вам, похвалив нас. Он разъяснил, что вы находитесь под властью народа, который искони отличался чудною славой».

Несмотря на старания Иорнанда и Кассиодора, древняя история готов остается весьма темна. Правда, отдаленнейшие страны испытали несчастия от их набегов, самый Рим не раз находился в крайней опасности, например в 251 г., когда в войне с готами пал император Деций, но напрасны усилия доказать, что в этих смелых набегах и войнах с империей готы действовали по определенному плану как организованный народ-войско, а не как дружинники и пираты. С 238 г. римляне начали откупаться от них деньгами, но и это не помогало, т. к. на место ушедшей дружины являлась новая и требовала подачки.

Важнейшим моментом в отношениях между готами и римлянами было, без сомнения, завоевание Крымского полуострова остготами около половины III в. Сделавшись владетелями этой прекрасной страны, готы воспользовались местными условиями и утвердили свою власть на море. Прибрежное крымское население, приученное к мореплаванию, служило гребцами и проводниками и вело готов за добычей. Тогда самые укрепленные места, как нынешняя Пицунда и Трапезунт, не были свободны от страха готского нашествия. С моря угрожали пираты-остготы, с суши — дружины вестготов, которые переправлялись через Дунай, делали опустошения на Балканском полуострове, доходя до Босфора. На рыбачьих лодках переправлялись они из Европы в Азию и с богатой добычей возвращались снова за Дунай. Император Клавдий в 269 г. нанес им поражение при Ниссе, причем он доносил, что врагов было до 300000. Но в 274г. император Аврелиан принужден был уступить готам Дакию для поселения.

Древнейшие германские литературные памятники — готского происхождения; так, перевод Библии на немецкий язык сделан готом Уль-филою в первой половине IVв. Христианство прежде всего распространилось среди крымских готов, первые об этом известия относятся к 258 г. На первом Вселенском соборе в 325 г. присутствовал готский епископ Феофил. Из писем И. Златоуста (206 и 209) известно, что он посвятил для готов епископа Унилу.

Роковым событием в истории готов было то, что они сделались ревностными последователями арианства. По вопросу об обстоятельствах распространения у готов арианского учения существуют разноречивые мнения. Следует думать, что в III в. христианство проникло лишь к крымским готам, а что в IV в. арианство распространил среди вестготов епископ их Ульфила[8]. Он родился около 311 г., воспитание получил при дворе римского императора, куда попал в качестве заложника. В 340 г. посвящен Евсевием в епископы и отправлен миссионером к вестготам, обитавшим в Дакии и смежной с ней части Мизии. Он действовал

между готами до 381 или 388 г. Как сказано выше, ему принадлежит перевод Библии на немецкий язык.

При таких условиях в Юго-Восточной Европе, где господствовали далеко еще не объединенные готские колена и народы разного происхождения, как герулы, языги, роксоланы и др., произошло движение гуннов, вызвавшее новое громадное перемещение народов.

Гунны являются в истории народом кочевым и хищническим. Жилищ они не строили и боялись их, как могилы. Земледелия не знали и питались сырым мясом, разогретым под их седлами. Носили льняные одежды и кожи и не переменяли их, пока они не сваливались с плеч. С детства привыкали к верховой езде, сидя на лошади, занимались делами, даже ели и спали. При передвижении орды на телегах ехали за мужьями жены и дети. Нападение их было быстро и неожиданно, но так же поспешно и отступление. Городов и укрепленных лагерей они не умели брать: тут нужна осада, приготовительные работы, а гунны терпеть и ждать не хотели. Долго считали гуннов народом монгольского происхождения и выводили их историю из китайских писателей; справедливее теперь принимают в них смешанное происхождение, в котором чудская и финская кровь составляла главное содержание. Равнины между Волгою и Уралом были заняты этими кочевниками-ео времени Р,, Хр.; южная орда известна под именем белых гуннов и упоминается у персидских историков, северная орда, или черные гунны, господствовала на Урале. В 372 г. под предводительством Валамира черные гунны двинулись к юго-западу поискать новых, более обильных пастбищ. Между Доном и Волгой они встретились с аланами, победили их и заставили двинуться также на запад[9]. Южнорусская равнина по сев. берегу Черного моря занята была остготами, которые тогда под властью Герман-риха образовали довольно обширное государство. Видя, что роксоланы и часть готов пристали к гуннам, Германрих с отчаяния лишил себя жизни. Сын его Гунимунд вошел с гуннами в соглашение и усилил этим орду их; некоторая часть готов двинулась к Дунаю искать защиты у римлян. Вестготы, жившие на Дунае, в то время враждовали между собою, разделившись на два враждебные лагеря под предводительством Атанариха и Фритигерна; из них последний защищал христиан, а первый преследовал их. Храбрый Атанарих окружен был гуннами на Днестре, отступил за Троянов вал между Прутом и Дунаем; наконец, чтобы спасти своих готов, удалился к Карпатским горам. Немецкие народы, не желавшие примкнуть к орде гуннов, силою обстоятельств приведены были к римской границе и стояли на левом берегу Дуная, готовые в случае неминуемой опасности переправиться в имперские области. Недостаток жизненных средств, опустошение гуннами страны на север от Дуная и опасность от этих диких охотников — все соединилось к тому, чтобы заставить голодных готов прочистить себе путь во Фракию.

Между тем на противоположном берегу Дуная усилены были римские форпосты и отдан приказ тщательно следить за переправами. Готы, говорит Евнапий, падали на колени, испускали жалобные вопли и поднимали руки; вожди их просили переговоров с начальниками римской стражи. Когда им позволено было высказать свое желание, они умоляли дать им свободные земли для поселения, обещаясь быть верными слугами императора и мирными поселенцами. Это было в 376 г.

Император Валент*, находившийся тогда в азиатских провинциях по случаю войны с персами, дал согласие на принятие готов в римские области. Что касается условий, на которых римляне решились допустить к себе готов, весьма вероятно, что им дано право федеративного народа, т. е. они дали заложников и выставляли от себя контингент в римскую военную службу. Поселение готов должно было произойти по определенной форме, при известном порядке. Но форма нарушена была еще до прибытия разрешения: толпы варваров вплавь переправлялись на римский берег, их оружием заставляли плыть назад; вот причина, из которой произошли недоразумения, поведшие к кровавым столкновениям.

Число варваров, принятых на римскую службу, должно быть не менее миллиона, если верить Евнапию, что вооруженных было до 200 000. Нужно было разделить их на мелкие отряды и дать им средства к пропитанию, пока они займутся обработкой выделенных им участков. Но доверенные лица императора, Лупицин и Максим, захотели извлечь личную пользу из этого положения. Не разделяя полчища готов, они не позаботились снабдить его припасами, продавали хлеб по возвышенной цене, вследствие чего готы стали продавать пленников, а потом жен и детей. Поднялось общее неудовольствие; чтобы потушить волнение, отдан был приказ разделить готов. Но для этого потребовались войска, которым вверена была стража на Дунае. Остготы и тайфалы, зорко следившие с того берега за событиями, воспользовались этим и также переправились на римскую сторону. Римские полководцы поняли опасность, пригласили немецких вождей на угощение в Маркианополь и умертвили их. Но Фритигерну удалось спастись и жестоко отомстить римлянам за вероломство. Разбивая римские отряды в легких стычках, он успел вооружить готов римским оружием, смелее пошел вперед по Фракии и угрожал большим римским городам. В 378 г. прибыл на место действия с военными легионами император Валент, но при Адрианополе готам удалось одержать блестящую победу, причем уничтожено было римское войско и убит сам император. Весь полуостров до самых стен Царьграда открыт был готам, и они грабежом и опустошениями мстили римлянам. Западный император Грациан, извещенный об опасности на Балканском полуострове, послал на помощь Валенту флот и войско. Но после несчастного дела при Адрианополе он уже не решался выставлять открытой силы против готов. Вступив в переговоры с некоторыми варварскими вождями, Грациан убедил остготов поселиться в Южной Паннонии и потом поручил устройство военных дел полководцу Феодосию, назначив его августом.

Новый император (379—395) с редким уменьем исполнил свою задачу: подняв дисциплину войска и избегая больших битв с готами, он,

* По смерти Константина Великого ряд императоров идет в следующем порядке: 1) от 337 до 353 г. сыновья: Константин II (Галлия и Испания), Констант (Италия и Африка), Констанций (Восток); 2) племянники: Далмации (дунайские провинции), 1аннибалиан (Понт). С 353 по 361 г. империя соединена под одною властью Констанция. Следуют: Юлиан (361—363), Иовиан (363—364), Валентиниан I (364—375) на Западе; Валент (364—378) на Востоке; Грациан и Валентиниан II (375—392) на Западе; Феодосии (379—395) на Востоке.

однако, заставил варваров прекратить опустошения; немало помогло ему и то, что в это время умер Фритигерн. Результатом политики Феодосия было то, что к 382 г. вестготы успокоились, разместились по Фракии на правах союзного народа. Чтобы предупредить возможность новых движений между ними, Феодосии пригласил поселиться в римской земле и Атанариха: этим создавался противовес готам-арианам в готах-язычниках. Варвары поступали в римскую службу, размещаемы были по разным легионам; большинство же их оставалось на занятой земле и приучалось к хлебопашеству. За ними обеспечивалась свобода внутреннего управления, на известный срок свобода от податей. Но они теряли право выбирать себе высшую военную власть, обязывались доставлять вспомогательные войска в римскую службу. Расселяясь по отведенным им землям, германцы вступали в мирные сношения с римлянами, усваивали их обычаи, но не менее передавали и свои. По крайней мере, в начале V в. уже раздаются обличения против варварской моды в одежде, против окрашивания волос и т. п. Немецкие отряды входят как почетная часть в придворную стражу. Способнейшие германцы усвояют римские военные обычаи и изучают римскую политику; варварский элемент сильно дает себя чувствовать в придворной и, военной службе.

Дворы Констанция в Милане и Феодосия Великого в Константинополе были наполнены германцами. Но империя, по-видимому, была далека от мысли, что германский элемент может быть опасным, и тем более государственные римские люди не предвидели того, что германцам в самом ближайшем времени предстоит распоряжаться судьбами Западной и Восточной империи. Т. к. переход вестготов за Дунай составляет первостепенный факт в процессе преобразования Восточной империи в Византийскую, то нам следует оценить его значение и рассмотреть его последствия.

Постепенное вторжение германских народов в пределы Римской империи сопровождалось громадными последствиями как для внешней политической истории, так и во внутреннем развитии Западной и Восточной империи. Политика императоров, частью направляемая силою обстоятельств, против которых невозможно было бороться, частью же сознательно вызывавшая и поощрявшая германскую иммиграцию, могла в значительной степени иметь себе оправдание в том для всех очевидном факте, что везде, в особенности же на границах, замечалась убыль населения, что чувствовалась потребность пополнить редеющие ряды земледельцев, увеличить податные классы, с которых можно было бы собирать подати и вербовать легионы. Германцы удовлетворяли всем указанным потребностям, и массы их в Ш и IV вв. переходят в империю или в качестве военнопленных, или добровольно вступивших в зависимые отношения.

Римская политическая система по отношению к германцам получает особенно ясные черты при Феодосии Великом в конце IV в. Правда и то, что к этому времени германский вопрос после движения за Дунай готов и утверждения в Юго-Восточной Европе гуннов получил в империи уже важное политическое значение, тогда как до половины IV в. он не выходил из области явлений экономических и социальных. Император Феодосии, приняв ряд мер к успокоению готов и устранив

острую опасность, вызванную неосторожным допущением в пределы Восточной империи нескольких сотен тысяч военного свободолюбивого народа, твердо поставил и бесповоротно решил принципиальный вопрос — об отношении империи к германцам. В мероприятиях Феодосия нужно искать объяснения той роли, которую германский элемент играет в империи в конце IV и в V в. Феодосии пришел к окончательному заключению, что для греко-романского мира не по силам борьба с новыми и новыми волнами, выдвигаемыми Северо-Восточной Европой, что безнадежно настаивать более на упорном противоположении римского и варварского мира. Придя к этому решению, Феодосии задумал в этих самых варварах создать оплот в предупреждение распадения империи. Для этого нужно было вовлечь их в интересы римского государства, привязать их к законам, учреждениям и культурным благам Рима. Лучшим средством для этого Феодосии признал соединение браками германцев и римлян и широкое допущение первых к военным и гражданским должностям. В этом отношении Феодосии делал значительные уступки религиозному принципу, допуская на службу даже приверженцев языческого культа. Двор его поэтому окружен был выдающимися людьми всех национальностей и религий, которым он не стеснялся давать высшие титулы и должности. Таковы Рихомер, Саул, Стилихон, Арбогаст, Гаина и др. Высокие места, занимаемые этими германцами, почет и расположение, которым они пользовались в империи, были самым решительным стимулом для других германцев за Дунаем и за Рейном, чтобы, оставляя родину, искать счастья и удачи в Римской империи. Более глубокие перемены вносили германцы в армию, где они не только численно стали преобладать над туземцами, но и вызывать изменения в самом военном строе и военной системе.

В высшей степени интересно подвергнуть исследованию те перемены, которыми сопровождалось проникновение варваров в империю. Еще никто, по-видимому, не сомневался в превосходстве римского мира, никто не думал, что варварам принадлежит ближайшее будущее; напротив, большинство видело в наводнении германцами империи странное недоразумение, которое можно еще устранить; большинство было того мнения, что твердая политика сына Феодосия могла бы бороться со злом, между тем, в действительности, с конца IV в. германский элемент утверждается в империи весьма прочно и начинает подготовлять тот переворот, который в Западной империи завершился основанием германских государств и прекращением линии римских императоров.

По смерти Феодосия в Византии можно видеть три политические партии. Германская, несомненно, была самая главная и наиболее влиятельная; во главе ее стоял Гаина, главнокомандующий восточными войсками, около него группировались не только служилые германцы, но и значительная часть ромэев, разделявших политические взгляды Феодосия. Сила этой партии заключалась в том, что она имела поддержку в полномочном министре западного императора Стилихоне и в супруге умершего императора Евдоксии франкского происхождения. Слабой стороной в этой партии было религиозное разъединение: часть готов была ариане, часть исповедовала языческую веру, некоторые принадлежали к православным. Религиозное разъединение сильно ослабляло германскую партию. Самой видной партией, которая могла ставить

германцам преграду, была партия Евтропия. Она не сосредоточивала, однако, людей патриотического направления мыслей; около Евтропия группировались лишь его приверженцы, честолюбцы и искатели личных выгод и обогащения; греческая аристократия и народ не любили выскочку Евтропия и не могли поддерживать его даже и в том случае, если бы он резко выступил против германцев. Третью партию составляли местные аристократы — сенаторы и патриции, представители оппозиции против варварского влияния и могущества евнуха. Для этой партии одинаково невыносимо было и то обстоятельство, что все главные военные посты находились в руках германских генералов (Стилихон в Италии, Аларих в Иллирике, Гаина на Востоке), так и то, что временщик Евтропий пожалован консулом на 399 г., а вслед за тем возведен в патриции. Как значение упомянутых партий, так и борьба их составляют предмет литературных произведений, современных событиям.

Если германский элемент, несомненно, играл выдающуюся роль в судьбах Восточной империи с конца IV в., то ближайшее рассмотрение военных и гражданских условий, в которых находились германцы, может представлять собой достойный изучения предмет. Несмотря на скудость данных, почерпаемых в известиях греко-римских писателей, мы не лишены до некоторой степени возможности выяснить значение перемен, вызванных германской иммиграцией в империю. В свою очередь, изучение этих перемен может доставить несколько любопытных данных к характеристике тех особенностей, которыми новые народы поражали современных им греков и римлян.

Участие готов в судьбах империи наиболее выразилось в военном деле, т. к., в свою очередь, и готский народ характеризуется по преимуществу военными чертами. Тенденциозная точка зрения, нашедшая применение в сочинении Иорнанда, выставляет дело таким образом, что политические судьбы империи, ее военное могущество и слабость вполне зависели от тех отношений, в которых империя находилась к готам. Если империя соблюдала договоры с готами, то она обеспечена была на счет своих границ, ибо готы честно защищали ее интересы; если же нарушались договоры, империя везде испытывала поражения и терпела потери. Иорнанд[11] категорически выражается об этом: «Без помощи готов римское войско не имело успеха ни против кого из врагов своих; так они помогали Константину в войне его с Лицинием, и благодаря их помощи последний был заперт в Фессалонике и убит; готы же оказали Константину содействие при основании знаменитого города его имени; заключив с ним союз (foedus inito cum imperatore), они доставили ему дружину из сорока тысяч против враждебных племен; готский корпус и его военная служба доныне сохраняются в империи в имени федератов».

Имя федераты известно было в Римской империи и ранее появления готов. С основания римского государства существовал обычай поручать защиту границ сопредельным с Римом независимым народам, с которыми для этого заключаем был foedus, обязывавший иноземный народ доставлять вспомогательный отряд для защиты империи. Так республика охраняла свои африканские владения чрез союз с царем Нумидии; так Август оберегал границы на Евфрате чрез царей кап-падокийских. В основании всех подобных отношений лежит foedus, т. е.

договор братства по оружию [12]; в политическом отношении все варвары, вступившие с Римом в подобный союз, обязывались к военной службе в форме доставки вспомогательного отряда, оставаясь или вполне независимым во внутреннем управлении своим народом, или подвергаясь некоторым ограничениям, которые зависели от форм наделения их римскими титулами [13] или денежными выдачами.

Существенное изменение в отношении к федератам IV в. заключается в том, что федератами стали называться не только варварские народы, жившие за границами империи, но и такие, которые получили для поселения имперские области, т. е. наделяемы были земельным пожалованием под условием защиты имперских границ. По прежним обычаям, федеративный народ вознаграждаем был или освобождением, или уменьшением трибута; теперь же входит в обычай, что прикрывающие границы вожди варваров претендуют на определенные денежные выдачи, какими империя содержала свои пограничные войска. Установление нормы выдачи становится существенным содержанием договоров предводителей германских племен или отдельных военных дружин с империей. Соответственно норме денежной выдачи предводитель обязывался содержать для службы империи определенный вооруженный отряд: число военной дружины зависит от суммы, выдаваемой ежегодно правительством империи предводителю федеративного колена или народа.

Чтобы не оставаться в области общих положений, возьмем несколько отдельных случаев и посмотрим, как рисуются в них отношения германцев к империи. У большинства писателей и именно таких, которые или сами хорошо знали события, или пользовались хорошими источниками, отмечается особенная политическая тенденция предводителей варварских дружин, заявляемая ими более или менее открыто. Оказывается, что эта политическая тенденция заметна была уже при Феодосии и частью объяснялась предпочтением, оказываемым варварам этим императором. У Евнапия находим следующее место: «Когда предводители скифских дружин, знатные по чести и происхождению, перешли к ромэям, то, будучи обласканы милостями царя и видя, что все перед ними склоняется, они разделились между собой на партии: одна держалась того мнения, что следует довольствоваться тем благоприятным положением, которое выпало на их долю в империи, другая же, руководясь германским патриотизмом и ссылаясь на секретную присягу и на тайное между германцами соглашение, стремилась всеми средствами вредить грекам и пользоваться всяким случаем, чтобы завладеть их страной». Здесь уже нет речи о религиозном разъединении между готами — готы-ариане и готы-православные,— здесь прямо идет речь о политическом принципе. Во главе грекофильской партии стоял язычник Фрави-та, женатый с согласия императора на гречанке; германофильская партия группировалась около другого вождя по имени Ериульф. Та же самая черта политической измены германцев отмечена у других писателей. Зосима, говоря о привлечении Феодосием в армию значительных отрядов германцев, также замечает, что они имели тайный замысел: как скоро получат численное преобладание, овладеть империей и устранить греков.

Знакомясь с историей германского элемента в Восточной империи, Мы действительно видим уже в самом конце IV в. смелую попытку со

стороны германца Гаины произвести переворот в пользу германцев. Подобные попытки повторяются затем в течение всего V в. Причина того, что германские притязания не так скоро осуществились, заключается в том, что Феодосии имел дело не с племенами, а с отдельными дружинами и притом не такими численными, как об этом говорят источники.

Определить значение германской и вообще варварской иммиграции в империю чрезвычайно важно для оценки явлений, совершающихся в V в. и дающих направление всему дальнейшему европейскому развитию. Из многочисленных фактов, стоящих в связи с принятием варваров в империю, следует прежде всего взвесить переворот в системе военных наборов и замену национального войска наемными отрядами, или федератами. У современных писателей[14] есть, с одной стороны, попытка определить обыкновенный состав армии в размере 645 тыс., между тем состав национального войска не превышал 150 тыс.; все же остальное было заполнено иностранными дружинами, т. к. империя не могла оставаться без прикрытия.

Церковный историк Сократ (IV, с. 34), по-видимому, правильно оценивает политику Феодосия в следующих словах: «Отделив пришельцам Фракию, император считал это благоприятным для империи обстоятельством, ибо думал, что приобрел в варварах готовое и прекрасное войско. Надеясь, что варвары будут лучшими стражами ромэйской земли, он не заботился об умножении римского войска, а перевел на деньги военную повинность». Было бы затруднительно говорить о численном составе федератов, ибо весьма вероятно, что не вся масса германских поселенцев поступала в разряд федератов. Так, часть варваров получила военно-поместную организацию и служила с доходов от надельной земли, часть записывалась и распределялась по легионам и рассылалась по местам расположения последних. Наконец, сами федераты с течением времени оседали на определенном месте, подчинялись условиям местной жизни и переходили в сельское сословие. Наиболее выдающиеся германцы, предводители колен и начальники дружин, переселялись в большие города или в столицу, усвояли себе образование и обычаи образованного общества, выучивались языку и скоро ассимилировались с господствующим населением. В высших рядах военной и гражданской администрации сплошь и рядом встречаем затем варварские имена; предки знатных генералов V в. за 50 лет были свободными германцами, начальниками дружин.

Германцы понимали свое положение в империи и презрительно относились к правительству и изнеженным представителям высших классов. Предводители дружин, занимавшие в империи важные военные посты, не могли не прийти к мысли о легкости ниспровержения существующего порядка и о замене туземного правительства германским. Такой случай имел место вскоре по смерти Феодосия, когда предводитель Гаина захватил Константинополь и произвел смуту в восточных войсках, «замышляя овладеть», как говорит современник, «самим царством»[15]. Он имел к тому все средства, ибо в качестве главнокомандующего восточными войсками поставил во главе легионов преданных ему людей из готской народности. В то же самое время германский элемент заявил притязания и на религиозные вольности и расширение церковных прав готской народности в Константинополе. Бывший тогда на кафедре

епископа И. Златоуст выступил на защиту господствующей Церкви с авторитетом и достоинством и решился отправиться в лагерь бунтовщика, которого и убедил умерить честолюбивые домогательства.

В самом конце IV в., т. е. в первые годы за смертью Феодосия, случилось быть в Константинополе епископу египетской Птолемаиды Синезию по делам своего кафедрального города. Он провел в Константинополе три года и успел хорошо ознакомиться с положением дел, которые изобразил в записке, или поданной императору Аркадию, или даже лично прочитанной. Этот документ замечателен и по своей теме, имеющей первостепенное значение для того времени, и по благородству высказанных в нем смелых мыслей, по горячему патриотизму и по литературному построению. Нет другого памятника, который так хорошо знакомил бы с политическим состоянием дел в империи в 397—398 гг. и который так ясно и открыто выразил бы желания антигерманской партии в Константинополе. Приведем ту часть этого памятника, которая касается внешней политики[17]: «Благорасположенный к царю философ — с какими по происхождению воинами посоветовал бы ему делать воинские упражнения и проводить совместную жизнь в палатках? Не с теми ли, которые являются естественными защитниками полей и городов и всей принадлежащей царству земли и которые определены быть стражами государства и законов, давших им воспитание и образование? Это те, которых Платон сравнивает со сторожевыми псами. Но как пастух не может оставить вместе с собаками волков, которые, как только заметят в собаках недостаточную внимательность, тотчас же нападут на них, на стадо и на пастухов; подобным образом и законодатель не разрешит снабдить оружием тех, которые не родились и не воспитывались в его законах, ибо у таковых он не имеет никакого ручательства на благорасположение. И нельзя не питать страха при виде отрядов молодых воинов, воспитанных в чуждых нам нравах, живущих по своим обычаям и замышляющих враждебные нам планы. Или следует всех их признать философами, или, отказавшись от этой мысли, согласиться, что над государством висит камень Тантала. Они сделают на нас нападение тогда, когда признают это удобным. Уже некоторые предвестники обнаруживаются, уже видны опухоли на теле империи, от привзошедших в него чуждых элементов оно не в состоянии сохранить в равновесии свое здоровье.

Прежде чем принимать на военную службу скифов, следовало сделать набор между теми, которые предаются земледелию, поручив им защиту его, а равно привлечь к военной службе и философа из его кабинета, и ремесленника из его мастерской, и торговца с рынка, и тех из праздного дима, которые занятиям предпочитают театр. Как в частном доме, так равно и в государстве внешняя защита принадлежит мужскому полу, а забота о внутреннем распорядке— женщине. Как же мы предоставляем чужеземцам занятия, свойственные мужскому полу? По моему мнению, если бы они выиграли для нас многие победы, и тогда нам было бы стыдно ими воспользоваться. И если упомянутые

мужской и женский пол не находятся ни в родстве, ни в соплеменности, то достаточно малейшего повода, чтобы они сделались повелителями граждан, а эти последние, отвыкшие от военного дела, поставлены будут в необходимость сражаться с людьми, привыкшими к правильной войне. Итак, пока не дошло до этого, мы должны развивать в себе римский военный дух и привыкнуть распоряжаться победами, и не только не допустить сближения, но из всякого учреждения удалять варваров.

И прежде всего нужно от них очистить администрацию и сенат, для которых они служат позором и унижением. При настоящем положении мудрая Фемида и бог военного искусства закрыли бы лицо от стыда при виде того, как одетый в шубу варвар командует ромэями или как варвар, сняв с себя овечью кожу и надев тогу, берется рассуждать с римскими мужами о государственных делах, садясь выше консула и опытных законоведов. Но в тоге им неудобно сидеть, и они немедленно по выходе из заседания снова надевают свою овечью кожу, в которой им свободней владеть мечом. Удивительно, как мы неосторожны. В каждом мало-мальски зажиточном доме найдем раба скифа; они служат поварами, виночерпиями, скифы же и те, что ходят с небольшими стульями на плечах и предлагают их тем, кто желает на улице отдохнуть. Всюду скифы, как будто это искони обреченный и самой природой назначенный на службу римлян народ! Достойно удивления, что эти белокурые варвары, носящие на еврейский образец распущенные волосы, у одних и тех же людей в частной жизни исполняют роль прислуги, а в политической — занимают начальственные места. Мне кажется, что по природе всякий раб есть враг своему господину, когда у него есть надежда осилить его. Вождей восстания у нас не двое и не рабского состояния (выше идет речь о восстании Крикса и Спартака), но, находясь во главе больших, жадных до убийства отрядов, они состоят, кроме того, в племенном родстве с нашими рабами. На несчастье римской державе они находятся среди нас, имея во главе стратигов, занимающих важные должности в империи. Стоит им захотеть, и к ним немедленно присоединятся наши рабы, которые будут решительными и смелыми воинами и охотно потешатся над своими господами.

Итак, должно уничтожить эту защиту и устранить внешнюю причину болезни, прежде чем раскроется ядовитый нарыв, прежде чем обнаружится враждебный дух поселенцев. Если болезнь захвачена в начале, то можно овладеть ее процессом. Пусть будет очищен военный приказ, как пшеничный ворох; надо отделить в нем мякину и сорные травы, что портят настоящее зерно. Если тебе, царь, покажутся мои советы неподходящими, вспомни, над какими людьми царствуешь и о каком народе я ходатайствую. Римляне и на месте своего происхождения, и где только ни распространилась слава их имени — везде и всеми повелевали оружием

и умом. Что же касается этих скифов, то, как свидетельствует Геродот и как мы сами видим, они одержимы болезнью трусости. И ныне к нам пришли не в качестве завоевателей, а как просители, покинув занимаемые прежде места. Ознакомившись же с римлянами, которые оказались слабее их не оружием, а обычаями, этот грубый народ возмечтал о себе и заплатил неблагодарностью за благодеяние. Потерпев же за то наказание от своего отца, они снова и со своими женами пришли как просители. Он же, будучи победителем в войне, оказался побежденным в борьбе сострадания. Он поставил на ноги тех, которые склонились, дал им звание союзников, наградил гражданскими правами, удостоил почестей и наделил этих кровожадных людей участками римской земли. Но варвары не понимают чувства милосердия. С тех пор они издеваются над нами и по сие время, сознавая, что они были, и как мы их возвысили. Молва об этом чрез соседей их дошла и до нас. И приходят чужеземные конные стрелки к гостеприимным людям и просят благорасположенного приема, ссылаясь на предыдущие примеры.

Если послушаешь меня, из этого трудного положения есть легкий выход. Ты можешь восполнить империи оказавшийся в ней недостаток умножением у нас полков, воспитанием в полках военного духа и развитием национального войска. Против этих людей нужна настойчивость. Или пусть возделывают землю, или пусть уходят тем же путем, что пришли, и пусть заявят живущим на той стороне реки, что у римлян нет более прежней мягкости, и что над ними царствует благородный юноша!»

Эта дышащая глубоким патриотизмом речь не могла быть принята к практическому руководству. Она слишком далека от реальности, и план Синесия трудно было осуществить. Именно потому император Феодосии и решился создать из германцев военную силу империи, что собственных средств в ней не имелось, что негде было почерпнуть того военного духа, о котором говорит египетский епископ. Набор войск у соседних народов обратился уже в систему, от которой не могло отступить правительство, а изгнать германцев и потому уже было невозможно, что в эпоху произнесения речи Константинополь находился в полной власти варварских вождей. Будущие судьбы империи не могли направляться согласно теоретическим построениям, не принимавшим во внимание роковой действительности. Напротив, в конце IV в. ход вещей всецело зависел от новых народов, роль которых в судьбах империи была понята и бесповоротно решена распоряжениями Феодосия Великого.

В Константинополе, на площади ат-Мейдан или на ипподроме находится египетский обелиск, поставленный в 381 г. Феодосием Великим. Рельефы на пьедестале этого обелиска, значительно пострадавшие, относятся ко времени Феодосия и изображают различные исторические события, между прочим, здесь представлены игры на ипподроме и вся Царская семья: Феодосии, императрица Флакцинила и сыновья Аркадий и Гонорий. На западной стороне император со всей семьей принимает побежденных готов[18], на других сторонах — сцены придворной жизни.

Глава VI

Великое передвижение народов. Падение Западной империи

На площади Аркадия (аврет-базар) в Константинополе стояла колонна с серебряной статуей Аркадия наверху, сверху донизу покрытая барельефами, поднимающимися спиралью. Здесь были изображены события из времени Феодосия и Аркадия. В VIII столетии вследствие землетрясения статуя Аркадия была низвергнута. В настоящее время сохранился только постамент в 6 метров вышины с рельефами.

По смерти Феодосия Великого остались два сына, Аркадий и Гонорий. Восточная империя передана Аркадию, которому было 18 лет, а Западная— Гонорию, которому было только 11 лет. Судьбы империи мало, впрочем, зависели от юных императоров, которые не имели ни мужества, ни достаточно характера, ни охоты знакомиться с государственными делами; все влияние перешло в руки временщиков варварского происхождения: Руфина на Востоке, Стилихона на Западе. С этих пор личные интересы и честолюбивые планы названных всесильных министров получили преобладание при дворе и в администрации. При смерти императора присутствовал Стилихон, пользовавшийся особенным доверием Феодосия и возвышенный им чуть не до царского могущества; он был женат на Серене, племяннице императора, и имел в виду сосватать дочь свою за Гонория. Что касается Руфина, то по своим умственным и нравственным качествам он был гораздо ниже Стилихона, но честолюбием и жадностью к богатству далеко превосходил его; у него была дочь, и он питал надежду быть тестем Аркадия. Уже тогда начавшая обнаруживаться противоположность между Востоком и Западом и разность политических тенденций нашли себе достаточную пищу в соперничестве двух министров, которые рассорили Аркадия и Гонория и нашли средство противопоставить политические интересы обеих половин империи.

На первый раз был выставлен вопрос о Восточным Иллирике. Греция, как часть Иллирика, до времени Феодосия была относима к Италии и причислялась к западным провинциям. Грациан, поручая Феодосию устройство дел на Востоке, выделил ему и Иллирик как провинцию, нуждавшуюся в организации после готских набегов и опустошений. И нужно заметить, что по языку, традициям и образу жизни население Иллирика тянуло более к Востоку, чем к Западу. При разделе империи между сыновьями Феодосии отделил Восточный Иллирик от Западной империи и подчинил его Аркадию. Западный император Гонорий видел в этом нарушение своих владений и считал себя обиженным распоряжением Феодосия. Вопрос об обладании Восточным Иллириком стал вопросом народной чести и предметом политических недоразумений, Стилихон и Руфин с решением дела об Иллирике связали свои

личные счеты. Из Константинополя отправлено было на Запад довольно резкое требование возвратить военные отряды, уведенные Феодосием для военных предприятий на Дунае. Стилихон ответил, что, когда позволят ему обстоятельства, он сам прибудет в Константинополь и даст Аркадию отчет в военных и денежных делах, а также предъявит те полномочия, которые ему даны завещанием Феодосия. Тогда Руфин обратился к средствам, которые сопровождались крайне тягостными последствиями для обеих империй.

Между варварскими вождями, поселенными в Мизии и Фракии, особенно отличался влиянием и мужеством вестгот Аларих. Руфин вошел в сношения с этим честолюбивым вождем и побудил его поднять готов на поиски более удобных земель для поселения. Сначала разыграна была драма под стенами Константинополя, куда подступили готы. Руфин выступил в лагерь неприятелей, переговорил с Аларихом и возвратился в Константинополь с известием, что варвар, подчиняясь авторитету Руфина, щадит столицу и готов очистить всю Фракию. Но скоро для всех обнаружились намерения Алариха. Вместо того, чтобы идти на Север, готы повернули на Запад, прошли, подвергая страшным опустошениям Македонию и Фессалию, и повернули в Грецию. Здесь, не встречая сопротивления, Аларих прошел до самых Афин, которые, впрочем, откупились золотом, и взял Коринф, Аргос и Спарту в Южной Греции. Стилихон, получив об этом известие, поспешил с войском на защиту Греции. В Пелопоннесе ему удалось запереть Алариха, отрезать доступ припасов и отвести реку Пеней, так что готам не оставалось другого выбора, как постыдная сдача. Но в это время получено было требование от императора Аркадия, чтобы Стилихон оставил в покое друга и союзника римлян Алариха, и что между Западной империей и Иллириком нет ничего общего. Стилихон подчинился необходимости и позволил Алариху сняться с лагеря и отступить с добычей и пленными в Эпир. В 397 г. Аларих получил от восточного императора официальный титул герцога Иллирика.

Между тем в Константинополе нашелся достойный соперник Ру-фину в лице евнуха Евтропия, который прежде всего обратил внимание Аркадия на красавицу Евдоксию, дочь франкского вождя, и тем расстроил план Руфина войти в родство с императором. Вскоре затем Руфин был убит на глазах императора Аркадия готским вождем Гаиной, который был главнокомандующим восточных войск. Правление временщика Евтропия продолжалось четыре года и характеризуется весьма натянутыми отношениями к Западной империи, крайним деспотизмом в Константинополе и в высшей степени дурным влиянием на Аркадия и его супругу Евдоксию.

Начальные годы V столетия наполнены ужасом и опуст ошениями, внесенными готами Алариха. Удачный поход на Грецию, богатая Добыча, захваченная варварами в этом походе, и знакомство с южными странами — все эти обстоятельства были весьма достаточными мотивами, чтобы заохотить готов снова предпринять движение в культурные области империи. На этот раз имелась, впрочем, в виду Другая страна. Аларих, не довольствуясь Иллириком, достаточно Уже истощенным завоевателями, вступил в переговоры со своими соплеменниками, оставшимися на Дунае, и подговорил их предпринять

одновременное движение на Италию. С 400 г. готы Алариха и паннонские остготы Ратигера начинают продолжительную 13-летнюю войну за обладание Италией, сделав первую попытку совсем отнять у римлян эту страну. Навстречу варварам выступил Стилихон, достойный соперник Алариха, и заставил их возвратиться. Но на следующий год повторилось готское движение. Весь народ с женами и детьми шел через Альпы в Северную Италию. Готы прошли по Иллирии и венецианскому побережью, осадили Аквилею и Верону и стали угрожать Милану. Робкий и изнеженный Гонорий переезжал из Милана в Равенну, из Равенны в Асти, ища лишь личной безопасности. Стилихон преследовал врагов и дал им два сражения при Вероне и Полленции, после чего Аларих еще раз принужден был отступить. В высшей степени любопытно отметить, что восточный император совершенно безучастно относился к отчаянной борьбе Стилихона с Аларихом.

Хотя Аларих удалился в Иллирик, но не оставлял замыслов на Италию. Не совсем удачный опыт вторжения в Италию убедил готов в том, что если они придут с большими силами и будут действовать с разных сторон, то задача может быть достигнута. Поэтому ни Стилихон, ни Аларих не считали надежным заключенный в 403г. мир. Аларих держал сношения с Ратигером, Стилихон спешил поставить на военное положение Равенну, которая с тех пор делается вместо Милана постоянной резиденцией императора. В 404 г. паннонские остготы под начальством Ратигера тремя колоннами вторглись в Италию. Главный отряд остановился под Флоренцией, передовые колонны ушли далее на юг и были в нескольких переходах от Рима. В Риме началось смятение, но христианская и языческая партии неодинаково относились к угрожавшей опасности, т. к, язычники ожидали от Ратигера восстановления старого культа и подняли голову. Но на этот раз движению варваров положило предел сопротивление, встреченное ими под Флоренцией. Стилихон воспользовался разделением врага и при Фиезоли нанес готам поражение; сам Ратигер попался в плен и был казнен, большая часть захваченных готов обращена в рабство. Отборная дружина Ратигера из 12000 воинов поступила в римскую военную службу,— это была необдуманная и весьма бедственная мера, облегчившая для варваров доступ в Италию.

Пока Италия могла считаться могилой варваров, но ненадолго. Движение готов на Италию, соединив здесь римские военные силы, ослабило средства обороны на рейнской границе, которая в 406—407 гг. переходит во власть других варваров, сделавших опыт вторжения в Галлию. Здесь участвуют три народа: вандалы, свевы и аланы. В зиму на 407 г. они по льду перешли Рейн и завладели почти всей Галлией, но, когда британские легионы провозгласили своего императора и начали восстановлять римскую власть в Галлии, германские завоеватели прошли через Пиренеи в Испанию. В 409 г. Испания была разделена между ними: свевы заняли северо-запад, вандалы — юг, аланы — середину Испании.

Между тем в придунайских провинциях, откуда шло движение, подготовлялись новые грозные события. На юге Паннонии и Норика господствовал Атаульф, вождь готов и части гуннов, еще южнее — Ала-

рих. Сестра Атаульфа была замужем за Аларихом, этот родственный союз скреплен был договором насчет нового нападения на Италию. Ввиду угрожающего положения Алариха и с целью сделать его менее опасным Стилихон решился предложить ему союз и уплатить ему 4000 ф. золота. Всматриваясь в тогдашние события, нельзя не оправдать Стилихона за его уступчивость. Но придворная партия взглянула на дело иначе и воспользовалась этим, чтобы заподозрить Стилихона в глазах Гонория. Против него говорило его варварское происхождение; на этой почве Стилихон имел против себя большую партию завистников и недовольных. Пущены были слухи, что он подкупил Алариха на войну против Восточной империи; другие разглашали, что он прочит своего сына на римский престол. Слабого Гонория легко было убедить в правдоподобности интриги. Стилихон был убит 23 августа 408 г. Но этот крайне бестактный поступок лишь ускорил ход событий. Аларих, ссылаясь на договор и обещание Стилихона, потребовал у Гонория денег и заложников. Когда ему было отказано в том, он предпринял новый поход в Италию. Зимой 408 г. готы подступили к Риму и начали осаждать его. Положение Вечного города было отчаянное, т. к. не было никакой надежды на помощь извне, а в городе начались болезни и голод. Тогда сенат послал депутацию в лагерь Алариха с просьбой о мире. Гордый варвар потребовал страшно тяжелый выкуп, на уплату которого оказалось нужным переплавить в слитки все драгоценности, какие можно было собрать в древних храмах и в казне. Такой ценой Рим купил себе свободу от готского обложения.

Войска Алариха усилились в Италии громадной толпой рабов и военнопленных германского происхождения, которые горели желанием мстить своим бывшим господам. Кроме того, к нему на соединение шел с Севера Атаульф с остававшимися на Дунае готами. При этих условиях Аларих не желал оставить Италии и предъявил гордые требования к императору Гонорию, требуя титула главнокомандующего имперскими войсками и земель для поселения готов в Северной Италии. Император соглашался на словах, но медлил исполнением своих обещаний. Тогда Аларих снова подступил к Риму и отрезал для него сношения с Остией, откуда Вечный город снабжаем был припасами. Тогда римский сенат согласился на все требования Алариха и тем на некоторое время купил себе свободу. Предводитель готов Аларих уже мог бы в это время поставить свою власть на место императорской, но он ограничился тем, что назначил нового императора в лице Аттала и от него получил назначение на пост главнокомандующего римских войск. Но Гонорию удалось получить поддержку со стороны одного из предводителей готских дружин, Аттал же не угодил Алариху и был низложен.

В 410 г. Рим в третий раз подвергся тесной осаде. На этот раз город был взят (24 августа) и подвергся страшному опустошению и разграблению, память о котором долго жила в населении. Обремененное богатой добычей, набранной в храмах и богатых домах, готское войско отступило в Кампанию. Аларих питал суеверный страх к Риму и его святыням и спешил удалиться на Юг. Есть основания предполагать, что он хотел вести своих готов в Сицилию и Африку. Но он умер 34 лет от роду, оставив во главе готов Атаульфа.

Атаульф представляет собой тип уже романизованного варвара. Он понял, что варварам нельзя прочно устроиться на римской почве, не приняв законов и учреждений культурного общества. Поэтому главное стремление его было в том, чтобы сблизиться с римлянами. Он сватается за сестру императора Гонория и получает ее руку, добивается славы и чести быть «опорой» римского государства и, наконец, по указанию императора ведет своих готов за Альпы, подчиняет империи отпавшую провинцию Галлию и восстановляет римское господство в Испании. В награду за это готы в 418 г. получили от императора Гонория земли для поселения в Южной Галлии между Гароной и Луарой. Тулуза сделалась столицей вестготского королевства Так с дальнего востока пришли готы на крайний юго-запад и, наконец, осели в начале V в. в Аквита нии. В Галлии в то же время утвердились бургунды, в Африку перешли из Испании вандалы. Империя постепенно разлагается под влиянием варварской иммиграции. Окончательный акт падения ее задерживается волею тех же варварских вождей, которые ставят и назначают императоров. Одинаковые явления наблюдаются на Западе и на Востоке, но результаты действия разрушительных элементов не были одинаковы в Западной и Восточной империи.

Чрезвычайно большими потрясениями сопровождалось появление в Европе гуннов. Они своим движением потеснили к Дунаю другие народы. Мы видели, как императору Феодосию Великому удалось на некоторое время предотвратить грозную опасность и устроить дела на дунайской границе.

Гуннская орда с подчиненными ей народами распространилась от Волги до Дуная и некоторое время не угрожала римским провинциям. Гунны разделены были на племена, враждовавшие между собой и находившиеся под властью отдельных ханов. Весьма вероятно, что часть их, переходя за Дунай, принимала участие вместе с готами в набегах на римские области. Но до конца первой половины V в. история гуннов остается весьма мало известной*. Имя гуннов приобретает всемирно-историческое значение с тех пор, как один из ханов по имени Ругила перешел за Дунай, занял Паннонию и вступил в непосредственные сношения с императорами Запада и Востока

Основателем могущества гуннов был Аттила, принявший власть после Ругилы около 433 г. Это был исключительный человек как по своим природным дарованиям, так и по страшным следам, оставленным им в истории. Он был мал ростом, широкоплечий, с большой головой. Имел маленькие глаза, темный цвет лица, плоский нос, редкую бороду. В его медленной походке и важных движениях выражалось сознание силы. Его жестокость с побежденными не знала границ, его называли «бичом Божиим» знавшие его и сохранившие о нем память народы. Гунны верили в его божественное предзнаменование и шли за ним без рассуждений. Соединив под свою власть все племена гуннов, он подчинил себе многочисленные народы германского, скифского и частью славянского происхождения и образовал обширное царство, обнимавшее Среднюю Европу от Волги до Рейна. Много римлян, греков, германцев и славян было на службе у Аттилы, который ценил ум

* Как выражается Аммиан Марцеллин, «monumentis yetenbus leviter nota»

и знания и умел привлекать к себе нужных людей Первый большой поход предпринял Аттила против Восточной империи. С одной стороны, в 441 г. конные отряды его направились через Армению в Месопотамию и Сирию и навели страх на персов и сирийцев; с другой — он сделал набег на Фракию, Македонию и Иллирию, разрушил множество городов, между прочим, Срем, Ниш, Сардику. Посланные императором Феодосием II войска были разбиты гуннами три раза; они не встречали теперь сопротивления до стен Константинополя и принудили императора купить у них мир весьма дорогой ценой. Гуннам уступлена была для поселения значительная область на юг от Дуная и дано обязательство вносить ежегодную обременительную дань в 2100 ф. золота.

Вследствие возникших с этих пор сношений между Восточной империей и гуннами получилась для греков возможность ближе ознакомиться с этим народом и страшным их вождем. В 448 г. Феодосии II отправил в лагерь Аттилы, расположенный в нынешней Венгрии на р. Тиссе, в местности близ Токая, знатное посольство с Максимином и Приском во главе. Официальная цель посольства заключалась в том, чтобы объяснить Аттиле положение спорного вопроса о перебежчиках и просить его держаться установленных мирных договоров, а другая секретная сторона, даже неизвестная, по-видимому, старшим членам посольства, состояла в том, чтобы сделать попытку умертвить Аттилу. Эта двойная цель, которая оказалась известной Аттиле, поставила посольство в чрезвычайно затруднительное положение, как скоро оно пришло во владения Аттилы. Все возникшие отсюда затруднения и все, что послы увидели и испытали в стане гуннов, составило предмет описания Приска Панийского, участвовавшего в посольстве. Этот литературный памятник — добросовестное описание виденного и слышанного — представляет собой чрезвычайно важный источник для истории половины V в. Особенно важно в нем описание местности, где расположены были становища гуннов, равно как изображение нравов и обычаев народа и двора Аттилы.

Посольство держало путь на Сардику (ныне София), где был роздых, потом на Ниш, который был тогда в развалинах от гуннских набегов. Истр-Дунай переплыли на однодеревках, перевозчиками были варвары. За Дунаем была уже неприятельская земля, где царил Аттила. Далее послы продолжали путь по Паннонии и Угрии. Аттила, находившийся тогда на пути к Дунаю, выслал им навстречу двух скифов, которые и были проводниками византийского посольства. Но когда они были уже близ палаток Аттилы, произошло неожиданное затруднение. Прежде всего их стали расспрашивать о цели посольства, на что они отвечали, что им приказано об этом лично передать Аттиле, а не через посредство других лиц. Но оказалось, что Аттила знает уже о цели посольства и не желает лично принимать послов. Благодаря личным знакомствам, Приску удалось, однако, добиться представления Аттиле. Он сидел в шатре, охраняемом многочисленными воинами, на деревянной скамье. Максимин подошел к нему, вручил ему царскую грамоту и высказал благожелания от имени царя ему и его домашним, На что Аттила двусмысленно ответил: «Пусть с римлянами будет то, чего они мне желают». Затем он в гневе обратился к переводчику посольства Вигиле и выразил ему сильное негодование. Посольству

вообще пришлось вытерпеть много неприятного, т. к. Аттила был против него предубежден, не верил в искренность Максимина и Приска и в непричастность их к заговору на его жизнь.

Аттила двинулся дальше, не сделав никакого распоряжения по поводу полученного через посольство письма императора, а византийские послы последовали за ним по Паннонии и Угрии. Они переправлялись через многие реки на лодках-однодеревках и на плотах, которые варвары возят с собой на телегах. В селениях отпускали им в продовольствие просо и напиток, называемый у туземцев мед (μέδος), служители же получали добываемый из ячменя напиток, называемый кумыс или, может быть, квас, так как кумыс готовится из кобыльего молока. После продолжительного пути послы прибыли, наконец, в столицу Аттилы, которая Приском описана очень подробно. Дворец был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградой, более служащей к украшению, нежели к защите. После дома царского самый отличный был дом Онигисиев, недалеко была большая баня...

«При въезде в селение Аттила был встречен девицами, которые шли рядами под тонкими белыми покрывалами. Под каждым из этих длинных покрывал, поддерживаемых руками стоящих по обеим сторонам женщин, было до семи или более дев, а таких рядов было очень много. Сии девы, предшествуя Аттиле, пели скифские песни. Близ дома Онигисия вышла навстречу Аттиле супруга первого со служителями, несшими кушанье и вино. Она приветствовала царя и просила его вкусить хлеба и вина. Аттила, сидя на коне, в угождение жене любимца своего ел кушанье из серебряного блюда и отпил вина из чаши и поехал в царский дворец».

Аттилла несколько раз принимал у себя византийское посольство и угощал его обедом. «Когда послы пришли в назначенное время, виночерпий подал им чашу. Выпив из чаши, они сели на скамьи, которые стояли у стен комнаты по обе стороны. Аттила сидел на ложе в середине комнаты; позади находилась постель, закрытая пестрыми занавесками. Онигисий сидел на скамье по правую сторону от Аттилы, послы по левую. Против Онигисия сидели два сына Аттилы, а старший его сын сидел рядом с ним, на краю ложа с опущенными вниз глазами. Когда все расселись, виночерпий подошел к Аттиле и поднес ему чашу с вином. Аттила, взяв чашу, приветствовал того, кто сидел первым в ряду. Тот, кому была оказана честь приветствием, вставал и садился не прежде, как Аттила передавал виночерпию чашу. После того, как всем была оказана честь, виночерпии вышли. Затем подавались яства. Подле Аттилы поставлены были столы на несколько человек с кушаньями, так что ближайшие к нему гости могли брать кушанья прямо со своих мест. Для каждого гостя особый служитель вносил блюдо и ставил перед ним Вообще замечалось, что роскошные блюда подавались гостям, а сам Аттила довольствовался весьма простыми. С наступлением вечера были зажжены факелы, и начались развлечения. Варвары пели песни, в которых превозносились доблести Аттилы и победы его над врагами. Другие тешились стихотворениями и воспоминаниями о битвах. Наконец, выступил шут или юродивый, который говорил вздорные вещи и всех насмешил». Через несколько дней посольство получило разрешение возвратиться.

В описании Приска некоторые черты заслуживают особенного внимания. Прежде всего следует вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византийское посольство, вскоре затем становится славянским достоянием. Но весьма может быть, что гунны нашли уже здесь славян и покорили их своей власти. С этой точки зрения сообщения Приска об образе жизни населения занятой гуннами страны приобретают исключительный интерес. Таково устройство домов, приготовление напитка из ячменя, в котором нельзя не видеть кваса, в особенности хоровод и песни девушек при встрече Аттилы. Кроме того, нельзя не обратить внимания на одно место у Приска, где характеризуется общее культурное состояние гуннской державы по отношению к Византии Случайно Приск встретил в лагере Аттилы одного, судя по платью и стрижке волос на голове, скифа, который сказал ему обыкновенное между греками приветствие на греческом языке (χαίρε). Приска заинтересовал этот варвар, и он вступил с ним в разговор. Оказалось, что это был чистый грек, попавший по торговым делам в город Виминакий (может быть, Костолач) и там взятый в плен гуннами; что он был зачислен в военную службу, сражался с римлянами, отличился в войне и получил свободу. Но когда затем, уже сверх всякого ожидания для Приска, этот собеседник стал выхвалять гуннские порядки сравнительно с римскими и находил настоящее свое состояние под властью Аттилы лучше и спокойней, чем прежнее в Римской империи, то этим признанием Приск был крайне изумлен и до известной степени оскорблен в своем патриотизме и попытался выведать из своего собеседника: чем именно так подкупают его гуннские порядки? Из разговора выяснилось, что иностранцы пользуются в гуннском царстве полной свободой и неприкосновенностью, между тем как римские граждане подвергаются, с одной стороны, постоянным набегам внешних врагов и потому вполне беззащитны, а с другой стороны, если нет войны, то положение их чрезвычайно тяжело от непосильных налогов, взимаемых несправедливо и в нарушение закона, а равно от подкупного и пристрастного суда, в котором пострадавший никогда не найдет правосудия, если не подкупит судью и его помощников Приск старался с своей точки зрения оправдать культурные порядки римского государства и указывал на римский закон, обеспечивающий права, свободу и имущественное положение гражданина. Но защита его оказалась слаба, т. к. он отстаивал идеальное культурное юсударство и принцип законности, а его собеседник стоял на практической почве применения закона и защищал жизненные интересы обывателя. Он ответил на страстную речь Приска: «Да, законы хороши, и римское государство прекрасно устроено, но начальники вредят ему, гак как они не похожи на древних».

Ясно, что в половине V в. на Балканском полуострове совершался живой обмен между варварами и культурной империей. В этом обмене обе стороны настойчиво предъявляли требования, которые долго не могли быть взаимно поняты и применены к жизни. Рядом с проявлениями полного упадка, дезинтеграции и распадения изредка обнаруживаются признаки созидания и строения фундамента, на котором должно возникнуть новое здание Восточной Римской, или Византийской, империи. В занимающую нас эпоху преобладают еще элементы разрушения, за которыми и последуем на некоторое время.

Не может быть сомнения, что против разрушительных элементов, внесенных варварами, менее было противодействия в Западной империи, чем в Восточной. Аттила получил наименование «бича Божия» среди германских народов. Его попытки распространить завоевания на Востоке встретили упорное сопротивление, с которым он не мог не считаться. С подобным же сопротивлением должны были иметь дело и другие варвары и завоеватели, вследствие чего Восточная империя продолжала существовать в средние века, когда на место Западной явились уже новые народы, образовавшие новые государства.

Последним императором из дома Феодосия на Западе был Вален-тиниан III, рожденный от дочери его Галлы Плацидии и Констанция. Он получил императорский престол вследствие сильной поддержки, оказанной ему из Константинополя, и в его царствование (425—455) влияние восточного императора не ослабевало на Западе. С именем императрицы Галлы Плацидии, которая управляла империей за малолетством сына своего Валентиниана III и вообще имела большое влияние на современные дела, соединяется память о прекрасных художественных сооружениях и памятниках искусства в Равенне. Мавзолей, или усыпальница, Галлы Плацидии с мозаичной росписью, исполненной по обету за спасение от бури на море, представляет собой один из лучших памятников Равенны. Сын ее Валентиниан оказался далеко ниже предлежавших ему государственных задач. Не он направлял дела империи, а военные лица, стоявшие во главе войска. Несчастное соперничество двух наиболее способных генералов, Аэция и Бонифация, было причиной неимоверных бедствий и сопровождалось окончательной потерей провинции Африки, завоеванной вандалами (431—432).

Но самый сильный удар готовил империи Аттила. В 450 г. он предпринял поход на Запад с войском, которое равнялось полумиллиону. Гунны двигались по Средней Европе по направлению к Рейну, опустошая все на пути и наводя всюду страх и ужас. Близ Вормса они разбили бургундов и уничтожили Бургундское королевство, затем опустошили Галлию до Луары. Близ Шалона на Марне на Каталаунских полях сошлись гунны с римскими войсками, предводимыми Аэцием (451). Здесь произошла знаменитая битва народов, окончившаяся поражением Аттилы. Ослабленный потерей многочисленных воинов, Аттила, однако, не считал проигранным свое дело. В следующем году он начал поход в Северную Италию. Прежде всего подверглась осаде Аквилея, которая взята была приступом, беспощадно разграблена и разрушена; та же участь постигла многочисленные города по р. По. Дальнейшей целью Аттилы был город Рим, и эта цель была, по-видимому, легко достижима, т. к. в Италии не было для Аттилы соперника: Аэций не имел достаточных сил для сопротивления Аттиле, восточный же император не присылал помощи. В лагерь Аттилы, расположенный близ Гардского озера, явилось римское посольство с папой Львом и сенатором Авиеном во главе. Этому посольству удалось убедить Аттилу удовольствоваться громадным, правда, выкупом и оставить намерение идти на Рим. Гунны действительно чувствовали себя в Италии не совсем удобно: в непривычном климате они часто болели, в лагере начались опасные симптомы, которые побудили Аттилу согласиться на сделанные предложения. Отступление гуннов было счастием для Италии, которое народ приписывал

чудесному посредничеству апостола Петра. Вскоре по возвращении в свой лагерь на Тиссе Аттила умер в 453 г., и основанное им царство распалось. Завоеванные им и бывшие под его властью народы получили свободу и стали организоваться в самостоятельные племенные группы.

Но это не изменило хода исторических событий, приближавших Западную империю к роковому концу. Императорский трон сделался игрушкой военных партий и переходил от одного лица к другому по игре случая и по капризу предводителей иноземных отрядов. Если варварские вожди не присваивали себе титула императора, то это не потому, чтобы представлялись к тому препятствия, а единственно из суеверного страха к императорскому имени. Из этих варварских вождей, управлявших империей посредством ими же самими назначенных императоров, отметим после Аэция свева Рицимера, Ореста, происходившего из Панно-нии, и, наконец, скира, или ругийца, Одоакра. Рицимер, опираясь на германские отряды, распоряжался в империи вполне самостоятельно, ставил и низвергал императоров; при нем было таковых пять: Авит, Майориан, Север, Анфемий и Олибрий. Женившись на дочери Анфемия, Рицимер, по-видимому, замышлял для своего потомства очистить дорогу к престолу, но это не удалось. Следует заметить, что до смерти Рицимера в 472 г. константинопольский император утверждал своим согласием каждое избрание на престол Западной империи, а что касается Анфемия, то он был прямо назначен восточным императором Львом I. В последние годы жалкого существования Западной империи возвышается Орест, бывший прежде секретарем у Аттилы. Он прекрасно знал военное дело и хорошо изучил характер варваров, поэтому был весьма полезным в совете императоров и пользовался большим их доверием. Имея звание начальника отряда доместиков, он заведовал набором военных людей в императорское войско и достиг неограниченного влияния. Не один раз он мог бы возложить на себя корону, и, в конце концов, последним римским императором был Ромул, сын Ореста. В течение последних 20 лет от смерти Валентиниана III (455—475) девять императоров занимали престол.

Между тем варварские отряды из разных племен, стоявшие в укрепленных лагерях в Лигурии, заявили требование трети итальянских земель для поселения. Орест отказался исполнить это требование, чем вызвал последний акт давно подготовлявшейся драмы. Тогда 23 августа 476 г. выступает Одоакр из племени скиров, принявший начальство над недовольными варварами. Орест был взят в плен и умерщвлен. Союзное ополчение варваров провозгласило Одоакра своим королем и затем захватило в Равенне последнего императора, малолетнего Ромула-Августула, которому назначена была пенсия и определено жить на частном положении в одном из замков в Кампании. Так совершился переворот, называемый обыкновенно «падением Западной Римской империи»,— в свое время в самой Италии никого не поразивший неожиданностью, но но своим ближайшим последствиям получивший всемирно-историческое значение.

Можно, впрочем, видеть, что переворот 476 г. существенно отличался от обыкновенной смены лиц на престоле западного императора, прежде шла речь больше о личном влиянии, в настоящее время существенно затронут был социальный и политический принцип, на котором

основывалось римское государство. Германские военные дружины перестают быть наемными войсками на службе империи, становятся собственниками части итальянской территории и приобретают из подчиненного господствующее в стране положение, стремясь, вместе с тем, организоваться по своим законам и обычаям на землях, отнятых от римских граждан. Наступивший здесь с конца V столетия полицейский и социальный порядок перестает быть древнеримским, и рассмотрением мы займемся в одной из следующих глав. Теперь же нам следует хотя слегка затронуть вопрос о том, почему переворот, происшедший на Западе не обнаружился также и на Востоке, хотя социальный кризис и нашествие варваров в одинаковой степени отмечаются в Восточной и Западной империи, - одним словом, почему не весь древний мир постигла одинаковая судьба?

Нужно дать себе отчет о причинах, которые предохранили от падения еще на тысячу лет Восточную империю; следует выяснить, какие преграды могла противопоставить Восточная империя разрушительным элементам, вызвавшим падение Западной империи. Это тем важней, что таким путем историк мог бы наметить те основы, на которых утверждалась Византийская империя, и которые он должен тщательно выяснить при дальнейшем изложении своего предмета. Те экономические условия, которым в последнее время стали придавать первостепенное значение в процессе возвышения и падения народов, едва ли могут решать возникающие здесь недоразумения, потому что те же экономические условия были и в Восточной империи, и, несмотря надо, она выдержала кризис, приведший к падению Западную империю. Отсюда естественный вывод, что не в одних экономических условиях лежит объяснение стоящей перед нами проблемы, хотя и хозяйственная эволюция, без всякого сомнения, играет важное значение в истории. И что всего любопытней — новые народы, поселившиеся на землях, занятых и обрабатываемых римскими подданными, не были в состоянии переменить систему обработки земли и продолжали ее в том же виде, как нашли.

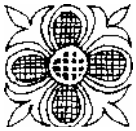
Причины падения империи лежали в ее истощении, а оно было вызвано внешними и политическими причинами. Очень вредными последствиями сопровождалось деление империи на две половины, ибо Восток часто употреблял злые козни, мало оказывал помощи, а его надменное вмешательство только усиливало смуту. И уже по вине Запада хозяйственная и социальная болезнь дошла до смертельного исхода. Востоку было легче с ней справиться, потому что он географически расположен благоприятней, значительно богаче и более населен, а главным образом оттого, что более способные императоры поддерживали государственный строй. Ничтожество Гонория и Валентиниана, совершенно лишенных военных даровании своих предшественников, было ближайшей причиной падения. Они допустили чрезмерное влияние председателей германских дружин, которые, заботясь лишь о собственных интересах не в состоянии были заменить действительных императоров, а их насилия только умножали бедствия. Предстояли весьма важные задачи к разрешению; уже к началу V в. состояние Италии было критическим. Полуостров все менее давал солдат и был поставлен в необходимость, ввиду того, что лишенные защиты провинции опусто-

шаемы были варварами и занимаемы самозваными императорами, тратить свои силы на эти самые провинции вместо того, чтобы из них получать средства. Самым тяжким ударом была утрата Африки, как следствие того, что империя пренебрегала своими морскими силами. Теперь вандальские пираты воспользовались преимуществами морских сношений. Прекратилась торговля, а с тем вместе стали страдать доходы. На Западе и в других отношениях условия были хуже, чем на Востоке.

Новые ошибки усилили до крайней степени действие старых. Страшно пришлось поплатиться за то, что прежние императоры открыли германцам такой свободный доступ в войско и в империю. Из двух зол нужно было выбирать меньшее: либо лишить землю рабочих через, сильные наборы рекрутов, либо допустить сильную иммиграцию иностранцев, выбрано было второе. Слабость правительства делала надменными наемников, пока им не наскучивала служба. Туземное население, отвыкнув от самостоятельности, не имело сил подняться; только в редких случаях городское население вставало на защиту от варваров. Во многих местах низший класс даже был рад, что германская колонизация уменьшала или отменяла государственные налоги. Священный и почтительный страх перед именем империи пропал, как скоро она не исполняла своей задачи, и всякая идея власти уничтожается, где нет для нее необходимости. Напротив, германцы защищали занятые ими области против новых пришельцев и чрез это становились необходимыми.

Западная империя пала из-за своего жалкого правительства, которое не могло устранить недостатков, коренящихся в учреждениях империи, напротив, увеличило их до крайней степени. Оно было в одно и то же время жертвой настоящего и прошедшего. Военные события много содействовали падению; однако, римская власть была разрушена не вследствие войны, но разложилась сама собой. Она утратила силу, потому что оказалась не в состоянии переработать чужеземные отряды, вторгавшиеся в империю. Германцы не желали уничтожения империи, но она сама разрушилась в их грубых руках и притом так, что сами варвары не сознавали того. Но Римская империя не погибла. Она только расчленилась, и тело ее не подавало надежды на оживление омертвевших частей. На это могли быть употреблены те же германцы, ибо не было ничего легче, как натравить их один народ против другого. И теперь еще они были под волшебным очарованием Рима и питали убеждение, что право на римскую землю им могла предоставить только императорская власть. Для нас их поведение представляется формой, для них в нем было серьезное содержание. Какое значение имела в средние века идея империи,— об этом будем иметь случай говорить позже.

Литература обширная, укажем наиболее важные сочинения: Dahn. Die Konige der Germanen,— продолжающийся труд, последний том посвящен лангобардам (Leipzig, 1909); Wietersheim-Dahn. Geschichte der Volkerwanderung (1881); Hodkin. Italy and her invaders. Oxford, 1880—1899; Pallmann. Die Geschichte der Volkerwanderung. Gotha, 1863; вторая часть этого сочинения специально посвящена падению империи и имеет особое оглавление: Der Sturz des westromischen Reiches durch die deutschen Soldner. Weimar, 1864; Bury. A History of the later Roman Empire. London, 1889.

Глава VII

Император Феодосии II. Августы Пульхерия и Афинаида-Евдош. Августин о граде Божием. Ефесский собор. Монофизиты

После падения Западной империи носителем императорского титула оставался малолетний Феодосии II, стоявший во главе Византийской империи почти всю первую половину V в. (408—450)гНи Феодосии II, ни его ближайшие преемники не относятся к числу таких деятелей, которые были бы в состоянии направлять исторические события или подготовлять других к исполнению важных предначертаний. Нет, V столетие не располагает такими людьми на троне, вследствие чего события, не завися от воли отдельных личностей, идут тем нормальным течением, которое определялось как неизбежностью самих событий, так и логическим их развитием.

Вступив в 7 лет на престол, Феодосии уже по малолетству не мог управлять делами огромной империи, переживавшей притом необычайно тревожную и критическую эпоху. Впрочем, Феодосии и в юном возрасте, и в зрелых годах не выходил из-под влияния окружавших его и приближенных к нему лиц. То обстоятельство, что судьбы Восточной империи, попав в руки человека, который всего больше прилежал к искусству каллиграфии, т.е. к красивой переписке древних рукописей и к уединенной, почти монастырской жизни, несмотря на это, не испытали сильных потрясений, имеет себе объяснение в том, что вблизи Феодосия оказались лица, способные руководить им ко благу. Первые годы царствования во главе управления стоял префект Востока Анфемий, удерживавший влияние, по-видимому, до 414 г. Это был человек, насколько можно судить по скудным сведениям о нем, стоявший на высоте занятого им положения. Ему ставят в упрек — едва ли, впрочем, основательно — недостаток твердости в деле константинопольского архиепископа И. Златоуста и супруги Аркадия, говорят, что он мог бы при добром желании оказать ему должную защиту.

С 414 г. можно считать уже определившимся влияние Пульхерии, сестры Феодосия, которая была старше его только двумя годами и, между тем, приобрела почти безграничное влияние на своего брата. Будучи объявлена августой и состоя в государстве первым лицом после императора, а во дворце будучи законодательницей и образцом, с которым все соображались, Пульхерия стала давать тон придворной жизни и разнообразно обнаруживать влияние на государственные дела. Весь продолжительный период царствования Феодосия отмечается, по справедливости, весьма характерным женским влиянием августы Пульхерии.

Долговременное господство Пульхерии, сначала при Феодосии II, а затем при Маркиане, должно было наложить особенную печать на Большой дворец в Константинополе и отразиться на многих сторонах государственной жизни. Наиболее характерной чертой нужно признать своеобразно понятое благочестие и монашеский род жизни, усвоенный Пульхерией и введенный в придворный обиход. Она не только себя обрекла на безбрачие, но к тому же побудила и своих двух сестер, Аркадию и Марину. Три сестры Феодосия составили при дворе род религиозной общины, проводя жизнь «в подобии монашеских трудов», ограничили доступ мужчин в покои принцесс, приняли для себя за образец простой род жизни, скромный стол и частое упражнение в молитве и пении псалмов. Дела благотворительности, постройка церквей и монастырей, забота о чистоте церковного учения и об уничтожении неправых и еретических мнений, попечение о подвижниках, столпниках и анахоретах и тщательное расследование мощей святых мучеников — такими чертами характеризуется у церковных историков деятельность Пульхерии. Нужно отдать ей и ту справедливость, что помыслы о благочестии не закрывали для нее важности политических обязанностей правительницы. Она была выше своего брата не только в нравственном смысле, но и по уму и способности разобраться в сложных делах и окружить себя даровитыми исполнителями ее воли. Она прекрасно владела греческим и латинским языками, вела обширную переписку и сосредоточила в своих руках нити правления.

Характер Феодосия развивался под влиянием его сестры. Она организовала для него учебную программу, пригласила для него лучших учителей, себе же предоставила заботу об образовании правительственных способностей и внешнего поведения, приличного носителю короны восточного императора. В этом отношении нельзя не видеть, что Пуль-херия не достигла блестящих успехов, ибо из Феодосия она не сделала способного политического деятеля. Точно так же современники упрекают ее за то, что она допустила непомерное развитие подкупности и продажи должностей. При ней никто не мог считать себя неспособным занимать какие угодно начальственные и административные должности.

При оценке деятельности Пульхерии и Феодосия нужно, впрочем, твердо держаться границ времени, в которое они жили, и настроения тогдашнего поколения. Чрезвычайно характерными для V в. фактами нужно признать чрезмерное развитие отшельничества, пустынножительства и всякого рода подвижничества. Вспомним, что в это время получают свое начало египетское, палестинское и сирийское монашества; в эту эпоху жили знаменитые столпники, десятки лет проводившие на высоком столпе, как Симеон, Даниил и др.; в это время, наконец, положено начало почитанию мощей свв. мучеников. Слишком сильное напряжение фантазии, отвлечение от интересов реальной жизни и направление ума и сердца к надземному, сверхчувственному и идеальному — эти и подобные черты отличают критические эпохи в истории; в занимающее нас время они захватили, по-видимому, большинство образованных людей. Характер исторических деятелей изучаемой нами эпохи может быть понят в связи с главными умственными и религиозными течениями V в., которыми мы и займемся ниже.

Очень важным обстоятельством для царевны Пульхерии был вопрос о браке Феодосия. Выбор невесты был сделан самой Пульхери-ей и произошел при довольно необыкновенных обстоятельствах. Будущая супруга императора Феодосия Афинаида родилась и воспитывалась в Афинах в образованной и состоятельной семье. Отец ее Леонтий был представитель неоплатоновской школы, преподававший философию в Афинах. Он дал своей дочери прекрасное воспитание и сообщил ей основательные познания в греческой литературе и искусстве. По всей вероятности, он имел значительные связи, даже в Константинополе имел родственников, у которых нашел приют во время нашествия Алариха. Афинаида по смерти отца оказалась без средств к жизни, т. к. всем имуществом завладели братья ее. Находясь в печальном материальном положении, Афинаида с удовольствием приняла предложение своей тетки, жившей в Константинополе, и отправилась к ней. Это произошло в 421 г., когда ей уже было около 28 лет. Скоро затем бедная и скромная провинциалка была представлена августе Пульхерии, понравилась ей своей красотой и образованием и так очаровала ее, что выбор невесты для Феодосия был окончательно решен. Императору предоставлен был случай тайно посмотреть на афинскую красавицу, которая произвела на него сильное впечатление своими большими глазами, стройным станом и изящными чертами лица. Афинаида без труда отказалась от языческих верований, приняла святое крещение и любимое при дворе того времени имя Евдокия и после брачного торжества вступила в Большой дворец в качестве супруги византийского императора.

Императрица Евдокия на первых порах, по-видимому, успешно применилась к чрезвычайно церемонному и строгому тону двора. Когда у нее родилась дочь, также названная Евдокией, она в 423 г. получила титул августы и стала пользоваться таким же почетом в торжественных выходах и придворных церемониях, как и августа Пульхерия. Но никак нельзя сомневаться в том, что придворная жизнь того времени мало подходила ко вкусам и привычкам образованной в языческой среде Евдокии. Из скудных известий, рисующих придворные отношения той эпохи, можно видеть, что надлежащего согласия между двумя августами не было, и что при дворе составились партии, которые посредством злых интриг, тайных наговоров и внушений старались вооружить слабохарактерного Феодосия против царицы и раздуть неудовольствие между августами. Все это создавало для Евдокии немало серьезных затруднений, из которых она выходила, впрочем, с большим достоинством. В высшей степени важно, что царица Евдокия осталась незамешанной ни в одну политическую или придворную интригу и ни разу не позволила себе резких мер против преобладающего влияния августы Пульхерии. Чтобы судить об ее склонностях и направлении ее ума, мы имеем для этого прекрасный материал в ее литературных произведениях, в которых запечатлелись любопытные черты эпохи и личного характера Афина-иды-Евдокии. Прежде всего она отозвалась на современные политические события и посвятила сочинение в героических стихах одержанным над персами победам. Но главный ее труд был вполне религиозного значения[1]. Она переложила в стихи героического размера избранные места из Восьмикнижия Моисеева — произведения, которому отдает

честь и похвалу патриарх Фотий. В том же духе она сделала переложение из пророческих книг Захария и Даниила; в стихах гомерического размера изобразила некоторые эпизоды из жизни И. Христа. Независимо от того, как оценивать по их достоинству эти произведения, мы можем здесь отметить, что они были во вкусе средневекового византинизма и повторяются у множества писателей, черпавших вдохновение из общего с царицей Евдокией источника. Особенными достоинствами отличалась поэма о св. Киприане антиохийском, в которой, между прочим, выражена идея борьбы христианства и язычества и рассказываются чудесные мотивы обращения к христианству Киприана, бывшего известным магом и вызывателем демонов. Новая критика усматривает в этом произведении высокие качества таланта и вдохновения, некоторые характеры и описания дают предчувствовать прекрасные образы Мильтона в его поэме «Потерянный Рай» и даже некоторые черты Фауста. Во всяком случае, своими литературными трудами Евдокия вполне подходит к типу царственных писателей, которых десятками могут считать византийские история и литература.

Можно догадываться, что вокруг царицы Евдокии образовалась партия просвещенных людей, чуждых того исключительного религиозного направления, которого придерживалась августа Пульхерия. Из них знаем о Павлине, занимавшем при дворе высшую должность обер-гофмаршала, и о Кире, бывшем префектом города и в то же время префектом претория; оба эти лица стояли в близких сношениях с Евдокией и до известной степени разделяли ее влияние на дела. Весьма вероятно, что Пульхерия находила опасным для своего положения, нельзя не признаться, довольно искусственного и зависевшего исключительно от воли императора, значение красивой и умной Евдокии, которая пользовалась любовью Феодосия и расположением в высших кругах столицы. Об интриге, созревшей в Константинополе и сопровождавшейся удалением от двора царицы Евдокии, имеются очень скудные сведения, которые можно объяснить себе лишь по окончательным результатам. В 437 г. Константинополь имел редкое торжество. Дочь Феодосия и Евдокии царевна Евдокия сосватана была за Валентиниана III, императора Западной империи. Это было исполнение горячих желаний царицы и, вместе с тем, весьма важное политическое событие, сулившее для Восточной империи расширение ее политического влияния на Западе. После этого счастливого события царица Евдокия предприняла путешествие ко святым местам. По пути в Иерусалим она посетила Антиохию. Этот город произвел на нее сильное впечатление и возбудил в ней живые чувства эллинизма, которые она и изложила в речи своей к антиохийскому сенату. Указав на древние заслуги эллинизма, распространившего культуру до отдаленных мест Сирии, она затронула патриотизм антиохийцев, намекнув стихом 1омера, что она гордится происхождением от одной и той же с ними расы; кроме того, она оказала поистине царскую Щедрость по отношению к Антиохии, назначив 200 ф. золота на исправление бань и приказав расширить городские стены на казенные средства. В благодарность за эти царские милости сенат постановил Воздвигнуть ей золотую статую. В Иерусалиме она пробыла целый год, посвятив это время на путешествия по святым местам, на дела

благотворительности и на устройство церквей. Местное духовенство в благодарность за ценные приношения пожертвовало царице драгоценные палестинские святыни: часть мощей св. Стефана, часть цепей апостола Петра. Последняя святыня из Константинополя была препровождена в Рим к западной императрице Евдокии и положена в знаменитой базилике S. Pietro in Vincoli. Но, начиная с 439 г., когда она возвратилась из своего паломничества, при константинопольском дворе соперничество между двумя августами делается крайне заметным и отражается на судьбе приверженцев той и другой партий.

Сначала Евдокии удалось пересилить влияние Пульхерии, которая должна была покинуть дворец, утратив, вместе с тем, всю власть; в то же самое время приверженцы августы Евдокии заняли высшие места в администрации и приобрели влияние на императора. Но вскоре произошел переворот, совершено изменивший положение дел: Феодосию сделан был донос, что императрица Евдокия находится в преступных сношениях с царедворцем Павлином, следствием чего было отрешение от должности этого могущественного лица, пользовавшегося долгие годы личной дружбой и расположением царя, после чего он был сослан в заточение и лишен жизни. Царский гнев постиг и другого приверженца Евдокии, епарха города Кира. Это был далеко не обыкновенный человек, насколько можно заключить по нескольким чертам, сохраненным о нем летописью. Как епарх города он имел громадное значение в Константинополе по своему влиянию на самые существенные интересы населения столицы. Самые выразительные черты, приписываемые ему летописью, касаются его управления городом и строительной деятельности. Он украсил Константинополь новыми общественными зданиями и — что чрезвычайно возвышает его авторитет и в наших глазах — ввел в ремесленных заведениях города искусственное ночное освещение, а равно стал освещать по ночам городские улицы. Это так возвысило его авторитет в городе, что народ в цирке не переставал приветствовать его следующими словами: «Константин— строитель, а Кир — возобновитель», что казалось оскорбительным для царя, присутствовавшего в ипподроме. Другая черта, усвояемая Киру источниками, это его приверженность к эллинской философии и литературе, а следовательно, и к эллинским языческим верованиям. «По-эллински» мыслить, или «эллинизировать» по византийскому словоупотреблению, значит хромать в православии, не быть чистым христианином. Наконец, за ним признается довольно редкое качество — честность и неподкупность.

В глазах правительства, уже настроенного против Кира его популярностью в народе, поводом к отставке его и лишению имущества послужило его неправославие. Но как мало фактической правды в этом предлоге, лучшим доказательством служит то, что Кир был посвящен в духовный сан, возведен в епископы и получил в управление отдельную епархию. Весьма характерным обстоятельством, рисующим Кира на епископской кафедре, служит следующий анекдот. Его паства, заинтересованная направлением и образом мыслей своего епископа, потребовала от него, чтобы он сказал церковную проповедь в праздник Рождества Христова. Епископ, вступив на амвон, сказал следующее: «Братие! Рождество Господа и Спаса нашего И. Христа в молчании

должно быть чтимо, ибо одним только слухом было зачатие в Святой Деве Слова Божия, Ему же слава во веки, аминь». Нет сомнения, что в ораторском смысле и применительно к обстоятельствам, вызвавшим его происхождение, это слово представляет верх церковного словесного искусства; таковым нашли его и слушатели Кира, наградив его рукоплесканиями и больше не поднимая вопроса о правоверии своего епископа.

Падение Павлина и Кира доставило полное торжество августе Пульхерии, которая снова возвратилась в Большой дворец и окончательно утвердила свое влияние и господство своей партии. Между императором Феодосием и Евдокией наступило полное охлаждение. Царице предоставлена была свобода удалиться от двора, и она отправилась в 442 г. в Иерусалим, где провела 18 лет в делах благочестия и благотворения, приняв участие в религиозной борьбе и став на сторону монофизитского учения. Она умерла в 460 г. и погребена в построенной ею церкви св. Стефана.

Что касается политических событий, то обыкновенно выставляется на вид миролюбие Феодосия, его любовь к Церкви и благочестие, вследствие чего Бог хранил его империю от бедствий, каким подвергался Запад. Самым крупным событием времени было движение германцев, о котором никто с точностью не мог сказать, куда оно направляется и где окончится. Хотя Восточная империя с начала V в. находилась в постоянной опасности быть легкой добычей варварского нашествия, но правительству императора Феодосия удалось рядом разнообразных мероприятий войти в соглашение с предводителями отдельных германских дружин и частью принять их на службу империи в качестве федератов, частью предоставить им для заселения малозаселенные провинции. В особенности тогда было опасно движение германцев по Балканскому полуострову в Грецию и в Италию. Из всех германских вождей Алариху первому удалось в 410 г. взять на щит Вечный город и разграбить его сокровища. Для тогдашнего человечества это был факт громадного значения, который взволновал верующих и мыслящих людей и поднял в общественном сознании множество принципиальных вопросов. Падение Рима в сознании современников было равносильно разрушению всего существующего строя. Брошена была в обращение мысль о том, что причина испытываемых бедствий лежит в новой вере и в пренебрежении к старым языческим богам. Никогда, говорили приверженцы старого культа, мир не испытывал таких потрясений, пока совершались обычные жертвы, и пока боги заботились об империи. Правда, это была неновая мысль, она и прежде не раз была выдвигаема против христианства, но в настоящее время христиане могли на нее ответить с полным достоинством и с философским обоснованием защищаемой идеи. В IV в. христианство усвоило себе основы древней культуры, во главе христианской Церкви стояли лица с высшим литературным и богословским образованием. Дать ответ на поднятый вопрос — о мировом значении христианской культуры — пришлось величайшему учителю Церкви всех времен — блаженному Августину, жившему в V в.

Принадлежащее Августину сочинение «О граде Божием» написано в ближайший период за взятием готами Вечного города и было

окончено к 426г. в 22 главах[2]. Цель сочинения указана самим Августином: «Почитатели ложных богов начали с необычною яростью нападать на христианство, приписывая ему падение Рима, и хулить истинного Бога, посему я решился заняться сочинением «О граде Божием»». Содержание сочинения Августина, этого популярнейшего произведения, уступающего по авторитету и распространенности разве только псалмам Давида, в кратких чертах состоит в следующем. Чтобы опровергнуть мысль о том, будто христианство виновно в несчастиях, постигших тогдашнее человечество, Августин обращается к рассмотрению исторических событий и доказывает, что бывали в жизни древнего Рима громадные бедствия, не раз терпели римляне большие поражения при господстве языческого культа; следовательно, нет основания относить на счет христианства и нынешние бедственные события. Так, во время Антонинов империя процветала, а известно, что они покровительствовали христианам, отчего же тогда боги не обнаружили своего гнева? Рассматривая даже самый факт взятия Рима Аларихом, Августин и в нем находит черты в опровержение своих противников. При нападении готов уцелели христианские церкви, и в них нашли спасение все христиане.

Итак, христианство не повредило, а спасло многих во время готского нашествия. И, кроме того, бедствия увеличились бы несравненно, если бы сам Аларих не был христианином. И притом счастие не может быть полагаемо только в военном деле. Августин припоминает место Марка Аврелия, где римский полководец, напавший на парфян, сравнивается с подстерегающим добычу пауком, и спрашивает: «Ужели боги могли поощрять грабежи и насилия и участвовать в несправедливых военных делах?» На самом деле, несчастия начали постигать римлян с того времени, когда к вере стали относиться лицемерно, когда начали обращаться к христианству из-за выгоды, потому что вне христианской Церкви стало хуже в практическом отношении, потому что христиане обнаруживали влияние на администрацию и суд, и принадлежностью к Церкви стало определяться общественное положение человека. Вот когда понизился уровень счастья, когда начались несогласия среди самих христиан, и люди, оставаясь по убеждениям и любви к наслаждениям язычниками, переходили в христианство лишь по отсутствию определенных верований.

Вся первая часть сочинения носит характер фрагментарный, это ряд отдельных заметок по поводу исторических фактов. Гораздо сис-тематичней и положительней вторая часть, где рассматривается капитальный вопрос, занимавший не только современников автора, но не перестающий занимать мыслящих людей всех времен: как относиться человеку-христианину к современному общественному строю? «Но чтобы,— говорит Августин,— не подвергнуться порицанию, что я могу только обличать чужое, а не полагать твердые устои для своего собственного, я покажу во второй части разность между градом Божиим и градом мирским». В греко-римском мире град, civitas, означает сограждан-жителей одного и того же города. Если кто переселился в другой город, тот утратил свои гражданские права. Христос уничтожил это различие, так как град Божий не ограничен стенами города или границами государства,— он обнимает всю вселенную, живых и мерт-

вых, равно умерших с верой и без надежды на спасение. И жизнь в граде Божием совершенно не та, что в граде языческом. В мире нет ничего случайного, повсюду действует перст Божий. Особенным значением, конечно, отличается эта часть, разрешающая весьма крупный вопрос времени: все ли потеряно в настоящем, или есть надежда на лучший порядок вещей?

Для шатающегося сознания и безграничного пессимизма, вызванного громадными потрясениями времени, Августин давал успокоительное разрешение проблемы. Он обещает в мире, руководимом божественным промыслом, неизменное и полное торжество добра и истины. Он дает уверения, что будущий мир имеет полную реальность и действительную жизненность, что мы будем снова жить, не утратив ни одного волоса, ни одного зуба. За все тяжести настоящего в будущем воздается вполне. Сочинение Августина давало успокоение обремененному страданиями человеку указанием на то, что испытываемые им бедствия не конечный удел его. Идея града Божия ставит пределы тягостям жизни и сообщает новую силу угнетенному духу человека: ноша не так давит плечи, когда видна цель, где можно сложить ее. По всем этим качествам сочинение De civitate Dei имело и имеет важное значение в истории человеческого самосознания средних веков и нового времени.

По отношению к внешним событиям время Феодосия отличалось сравнительно благоприятными условиями. На восточной границе не раз возникали споры с Персией. Поход в Месопотамию, предпринятый в 421 г. под предводительством Ардавурия, имел целью, по-видимому, те пять провинций, которые после несчастного похода Юлиана (363) были уступлены персам. Благоприятные для Византии события этого похода были воспеты царицей Евдокией и отпразднованы в Константинополе 6 сентября 421 г. На западной границе положение было гораздо опаснее вследствие движения гуннов. Но византийским государственным людям удалось рядом благоразумных и своевременно принятых мер предотвратить угрожавшую от гуннов опасность Так, в 412 г. Анфемий счастливо отразил нападение этих варваров и побудил гуннов довольствоваться получением дани. Но в 441 г. Аттила расположил свой лагерь в Паннонии и начал опустошать византийские города на Балканском полуострове, так что самому Константинополю грозила опасность. Но и на этот раз Аттила согласился дать мир империи, за который, впрочем, заплачено было 6000 ф. золота, и, кроме того, дано обязательство ежегодно платить 700 ф. (443). Выше мы видели, что в 448 г. правительство Феодосия II посылало в лагерь Аттилы посольство, в котором принимал участие Приск. Скоро затем страшный завоеватель поднял подвластные ему народы на завоевание Западной империи (450). Таким образом, во все продолжительное царствование императора Феодосия Византия выходила с большим или меньшим успехом из всех политических затруднений. Сравнивая события, происходившие на Западе, с тем, что представлял собой Восток с центром в Константинополе, мы должны признать, что и в эго время первоначальной организации элементов византинизма сказываются уже те основы, на которых будет строиться новая жизнь после падения Западной империи.

Церковные события, имевшие место во время Феодосия II, занимают бесспорно центральное положение в истории развития

христианской Церкви вообще, поэтому необходимо дать им наиболее полное освещение как по их значению для своего времени, так и по ближайшим последствиям.

Но прежде всего нельзя не отметить в истории Восточной Церкви исключительного явления, относящегося к самым последним годам IV и началу V в. Иоанн Златоуст занимал епископскую кафедру Константинополя от 398 по 404 г. при сыне Феодосия Великого императоре Аркадии. Кратковременная епископская деятельность Златоуста в Константинополе должна быть отмечена здесь в двояком отношении. Он прибыл на епископскую кафедру в то время, когда в Константинополе решался очень горячий частью религиозного характера вопрос, именно о живших в столице многочисленных германцах арианского вероисповедания. В политическом отношении германский элемент был воспринят в государственный организм распоряжениями Феодосия Великого, в церковном отношении вопрос о богослужебном языке для германцев радикальным образом разрешен Иоанном Златоустом. Константинопольский епископ дал разрешение жившим в столице германцам арианского толка отправлять богослужение в собственной их церкви, которая была выстроена за стенами города, за колоннами, почему все приверженцы арианства в Константинополе назывались эксакионита-ми. В высшей степени либеральным нужно признать его распоряжение о назначении в арианскую церковь священников и диаконов из природных германцев, дабы они совершали богослужение и объясняли Священное Писание на немецком языке. Бывали случаи, когда и сам Златоуст посещал эту церковь и говорил здесь проповеди, причем переводчики объясняли его слова тем, кто не понимал греческого языка.

Миссионерская деятельность Златоуста простиралась на Южную Россию и на придунайские области, куда он посылал проповедников. Обширная переписка Златоуста весьма красноречиво говорит о его пастырских заботах о просвещении язычников. Мы с особенной энергией должны отметить, что константинопольский епископ разрешил в свое время жгучий вопрос, неоднократно волновавший христианский мир, именно вопрос о национальном языке в богослужении. Как этой либеральной мерой, так и христианской миссией между народами, жившими на Балканском полуострове и в Южной России, Иоанн Златоуст создал для константинопольской кафедры совершенно исключительное положение, поставив для нее самостоятельные задачи и вполне независимо разрешив капитальный в истории христианской Церкви вопрос о национальных языках в богослужении.

В рассуждении церковных дел в пятом веке прежде всего обращают на себя внимание христологический вопрос и вызванные им вселенские соборы Ефесский и Халкидонский. В связи с названными соборами мы займемся изложением христологических споров. Лишь только прекращен был острый фазис споров о божественной природе Христа, и православное учение утверждено было на I и II вселенских соборах, возникли в Церкви сомнения и начали высказываться разноречивые мнения о том, как, каким образом соединилась во Христе божественная и человеческая природа? Это в такой же степени капитальный догмат в христианском вероучении, как и догмат о божественности Христа, под

который подкапывались ариане. Значение его видно, между прочим, и из того, что в той же самой постановке, какая ему была дана в V в. Кириллом Александрийским и Несторием, он появляется снова в XI и XII вв. и производит вместе с делом философа Иоанна Итала большую смуту в Церкви. Прежде чем окончательно была выработана формула, утвержденная соборами, что два естества в единой Божественной ипостаси Христа соединились нераздельно и неслиянно, неизменно и непреложно, на Востоке происходили продолжительные и весьма •ожесточенные по этому вопросу прения. По тесной связи учения о Богочеловеке с родившей Его Матерью одновременно с христологическим вопросом поднялся богословский спор о св. Деве Марии. Уже известный Федор Мопсуестский, занимающий важное место в литературе об этом вопросе, высказался против усвоения Деве Марии имени Богородицы Θεοτόκος, ибо Мария, по его мнению, родила Иисуса, а не Бога, и родившийся от нее Христос не был еще соединен с Логосом и потому не мог называться Сыном Божиим. Следовательно, Мария есть собственно Христородица, а не Богородица. «Безумие утверждать,—говорит он,— что Бог родился от Девы. Не Бог, но храм, в котором обитает Бог, родился от Девы»[3].

Третий Вселенский собор в Ефесе в 431 г. собран был против Нестория, посвященного в епископы Константинополя в 428 г. Это был очень красноречивый оратор, уже приобретший в Антиохии славу подвижника и ревностного защитника православия, но, вместе с тем, весьма честолюбивый и упорный в своих мнениях. В первой своей проповеди, сказанной в Константинополе, он обратился к императору со следующими словами: «Дай мне землю, очищенную от еретиков, и я за то заплачу тебе небом; помоги мне сокрушить еретиков, и я помогу тебе в войне с персами». Не менее характеризует его нетерпимость в религиозных вопросах и то, как жестоко он поступил с оставшимися в столице арианами, допустив сожжение их храма.

Из переписки Нестория с Иоанном, епископом антиохийским, видно, что уже по прибытии в Константинополь он должен был вмешаться в борьбу мнений, волновавших Церковь по вопросу о наименовании Девы Марии Богородицей, т. к. это наименование возбуждало сомнения у тех, которые думали, что св. Дева была человек и могла родить только человека. Учение Нестория в существенных чертах состояло в следующем. Как и Федор Мопсуестский, он учил, что св. Дева родила не Бога, а человека, «ибо творение не может родить творца, но человека, который есть орудие Божества». Потому Марии приличествует наименование Христородицы. Бог Слово не родился от Марии, но жил в том, кто от Нее родился. Отрицая, таким образом, правильность выражения Богородица — Θεοτόκος, он дает, вместо выражения: «Бог родился от Марии», другое: «Бог прошел через Марию».

Как Афанасий Великий в борьбе с Арием явился самым ревностным защитником учения о божественной природе Христа, так Кирилл александрийский в вопросе, возбужденном Несторием, выступил защитником учения о том, что божественная природа во Христе не может быть отделяема от человеческой, и что Христос, как Бог, есть, вместе с тем, и человек, и как человек, есть, вместе с тем, и Бог. Поэтому и по отношению к Деве Марии он принимает термин Богородица, вопреки

Несторию и его приверженцам в Константинополе и Антиохии, откуда он происходил. Началась довольно жаркая полемика между Несторием и Кириллом, в которой приняло участие духовенство, в особенности египетские монахи, и которою интересовались светские люди. Скоро в этот религиозный спор были замешаны благочестивый Феодосии II, его супруга царица Евдокия и августа Пульхерия, которых осведомил о положении религиозного вопроса александрийский епископ. Независимо от того император не мог остаться равнодушным к церковному спору и потому, что против Нестория высказался римский епископ, а поместный собор, созванный в Александрии, произнес против него отлучение.

Уже в ноябре 430 г. император издал указ, которым приглашал от своего, а равно от имени западного императора, всех епископов явиться на Вселенский собор в Ефес на Троицын день следующего 431 г. Место созвания собора частью указывало на сущность предстоящих рассуждений: в Ефесе св. Дева провела последние годы жизни, а ревность к чести Богородицы и необыкновенная популярность христологического вопроса объясняется особенным ее отношением к Константинополю как высокой покровительницы царственного города. В-частном письме к Кириллу император ставит ему в упрек его поведение в церковном споре и относит на его ответственность, что дело получило нежелательное направление, и делает ему замечание насчет неуместности его непосредственного обращения к императрице и августе Пульхерии. Участие Целестина, епископа римского, на Ефесском соборе выразилось в посылке им на собор депутатов, которым поручено было, однако, не вмешиваться в прения. Император, со своей стороны, послал представителем своим комита Кандидиана, который также не должен был вмешиваться в религиозные споры. Он должен блюсти, 'чтобы монахи и мирские люди, прибывшие в Ефес ради любопытства, не нарушали порядка и не производили смуты, иначе подлежали изгнанию из города; точно так же ему поручалось следить за порядком прений на соборе, чтобы каждый мог свободно высказать свое мнение, а равно, чтобы дана была возможность без стеснения делать возражения на выслушанные речи. На его же обязанности было следить, чтобы члены собора, не окончив догматического вопроса, не разъезжались по домам. Второе придворное лицо, явившееся на собор в качестве спутника Нестория, комит Ириней, не имел никаких официальных полномочий.

Первым между членами собора прибыл в Ефес Несторий с 16 епископами своего патриархата; вскоре за ним, за 5 дней до Троицы, явился Кирилл с 50 епископами и в сопровождении множества черного духовенства. После праздников прибыли Ювенал иерусалимский и Фла-виан солунский. Несколько заставил себя ожидать Иоанн антиохийский. что и потому обращало на себя внимание, что антиохийская Церковь принимала особенно близкое участие в деле Нестория, т. к. он происходил из антиохийского духовенства. Т. к. время проходило, а прибытие антиохийского епископа день за днем откладывалось, то Кирилл александрийский решился открыть заседание собора 22 июня 431 г., т. е. две недели спустя после праздника Троицы, бывшего 7 июня. За день до заседания Несторий был уведомлен об имеющем состояться заседании, а в самый день открытия собора к нему являлись депутации

с приглашением явиться, но Несторий объявил, что он примет участие тогда, когда прибудут другие епископы. Можно догадываться, что Несторий не считал компетентным то собрание епископов, которое держалось Кирилла. Для александрийского епископа и его партии и в этом обстоятельстве могло бы быть некоторое предостережение, но еще важней было то, что партия в 68 епископов отделилась от большинства и просила Кирилла не спешить с открытием собора до прибытия запоздавших.

Уже в самый день открытия собора комит Кандидиан, на котором лежала прямая обязанность предупредить нарушение порядка и справедливости, явился в заседание, чтобы выразить протест против действий Кирилла; но когда он прочел императорский указ о соборе, правах и обязанностях членов его и выразил желание обождать еще четыре дня до открытия деятельности собора, его заявление было оставлено без внимания. Когда Кирилл открыл заседание, с ним было всего 160 членов-епископов; но при подписи протокола вечером оказалось уже 198 членов. Сначала прочитаны были акты, касающиеся созвания собора; затем документы, относящиеся до предмета, подлежащего обсуждению: символ никейский, письмо Кирилла к Несторию об ипостасном соединении божества и человечества во Христе, ответ Нестория на это письмо; наконец, письмо папы Целестина и письмо Кирилла вместе с определениями александрийского собора. На основании прочитанных актов и мест Священного Писания и отцов Церкви собор пришел к выводу, что учение Нестория о разделении божества и человечества во Христе не соответствует церковному мнению, которое утверждает истинное человечество Бога Слова и признает, что божеское и человеческое естество соединены во Христе нераздельно и неслиянно. Церковное определение состоялось в тот же день вечером и выражено так: 1Ъсподь наш Иисус Христос, на которого Несторий изрыгал хулы, устами сего святейшего собора определяет лишить его епископского сана и отлучить от церковного общения.

Правда, собор имел еще шесть заседаний, но главное значение Ефесского собора выразилось в определении первого заседания, которое предстояло защитить и оправдать против разнообразных нападок. Прежде всего Несторий заявил протест против законности собора, ссылаясь на то, что Кирилл действовал самовольно вопреки требованию комита Кандидиана. Затем прибывший вскоре после того Иоанн, епископ Антиохии, с подчиненными епископами с целью поправить дело и в желании помочь Несторию решился составить отдельное заседание собора, в котором было 43 епископа. Само собой разумеется, этот собор был направлен против Кирилла и постановлений его собора. Епископ александрийский лишен епископского сана, а все члены-приспешники его отлучены от Церкви. Вследствие изложенных событий положение дел получило весьма неожиданный и в высшей степени соблазнительный оборот: в Ефесе составились два собора, и оба считали себя православными и имевшими право изрекать запрещения и отлучения от Церкви.

О событиях в Ефесе доносили в Константинополь как императорский представитель комит Кандидиан, так и епископы. Есть все основания думать, что вначале, на основании полученных известий, двор был

настроен против Кирилла и его приверженцев. Это видно особенно из послания, отправленного в Константинополь 1 июля 431 г. и имеющего целью оправдать действия Кирилла. «Комит Кандидиан,— говорится в послании,— руководясь больше дружбой к Несторию, а не благочестием, сообщил неправильные известия о ходе дел. Из синодальных актов можно убедиться, что дело Нестория разбиралось беспрестанно, и все о нем точно выяснено. Царю не следует склонять слух к тому, что доносит епископ Иоанн, который более заботится о своем друге, чем о вере, и заставил себя ждать 21 день. По своем прибытии он сейчас же принял сторону Нестория или из дружбы, или разделяя его заблуждения. Т. к. Кандидиан препятствует собору сообщить императору достоверные известия о происшедшем, то да будет благоволено пригласить его вместе с пятью членами собора для устных объяснений». О сравнительной авторитетности того и другого собора в письме излагается, что на стороне Нестория и Иоанна теперь не больше 37 епископов, между тем как на стороне Кирилла и за правильность деяний его собора стоят епископ римский Целестин, и вся африканская Церковь, и более 200 епископов. Т. к. обе партии взаимно обвиняли одна другую и обращались к решению императора, то в конце концов Феодосии решился пригласить в Халкидон представителей от обоих соборов. Но т. к. при дворе составились два течения — одно с августой Пульхерией во главе держалось Кирилла, другое, поддерживаемое сильной партией в Константинополе, было за Нестория и Иоанна, то для императора было весьма нелегко решительно высказаться за ту или другую партию. После долгих колебаний, наконец, Феодосии принял сторону Кирилла александрийского и утвердил определение состоявшегося под его председательством собора.

Весьма вероятно, что на решения императора влияли демонстрации, и шумные сходки, и процессии, устраиваемые на улицах Константинополя толпами народа, подстрекаемыми монашествующими с архимандритом Далматом во главе. Ефесский собор был распущен специальным указом, обращенным на этот раз не ко всем собравшимся епископам и не к обеим партиям, а к собору Кирилла. Между прочим, в этом документе говорится: «Так как вы не можете придти к соглашению с антиохийцами и вступить с ними в переговоры относительно разделяющих вас мнений, то мы повелеваем восточным епископам возвратиться в свои церкви и закрыть Ефесский собор. Кириллу приказываем отправиться в Александрию, Мемнону оставаться в Ефесе». Кирилл возвратился в Александрию 30 октября 431 г., где был принят с большим почетом. Что касается Нестория, то он подвергся всем последствиям осуждения и отлучения от Церкви. Сначала его заточили в монастырь близ Антиохии, потом он был присужден к изгнанию в отдаленную Петру аравийскую, отсюда переведен в пустыню, в Большой оазис, где попался в плен к кочующим племенам. Будучи выпущен ими на свободу, он умер затем в пределах империи, всеми забытый и оставленный.

Другие участники собора, сторонники Иоанна антиохийского, прибыв в Антиохию, составили местный собор, протестуя против низложения Нестория и сделав определение о лишении сана Кирилла. В таком положении не могло оставаться церковное дело; чтобы предупредить

соблазнительные толчки и образование великого раскола, император должен был еще раз воспользоваться авторитетом светской власти и потребовать от Кирилла и Иоанна прекратить всякую распрю, дабы водворился мир в Церкви Божией. Вследствие энергичного вмешательства императора достигнуто было, наконец, соглашение между сторонами на почве никейского символа веры. Знаменитый ученый того времени, епископ Кирры Феодорит, сторонник антиохийской партии, сильно порицал Кирилла за его образ действий на соборе и за низвержение Нестория. Как увидим ниже, на пятом Вселенском соборе он подвергся за то осуждению, а Кирилл александрийский причислен к сонму святых. Но Ефесский собор далеко не принес покоя и церковного мира и даже не положил конца христологическим спорам.

Основное положение в христианском учении о втором лице св. Троицы может быть выражено так. Христос, Спаситель мира, есть вместе Бог и человек. Разногласия возникали по частному вопросу об отношении двух естеств, божеского и человеческого. На этой почве родилось несколько крайних мнений. Одно мнение выражено было Несторием и его приверженцами. Сущность его заключается в том, что два естества во Христе находятся в полнейшем обособлении или разграничении и имеют лишь относительное соединение или обитание одного естества в другом. Несторий рассуждал так, что Христос в рождении был человеком, и что Божество соединилось с человечеством впоследствии. Другое, также крайнее мнение выражено было учением монофизитов, появившимся вскоре после Ефесского собора. Оно может быть рассматриваемо как противоположная крайность несторианства по отношению к природе Бога Слова. Монофизитство характеризуется признанием исключительного единства Божественного естества во Христе, т. к. человеческая природа несовместима с божественною. Человечество неизбежно должно было поглотиться Божеством, как капля воды естественно поглощается в океане. Между этими крайностями православие заняло среднее положение, характеризуясь притом культом св. Девы как Богородицы. Сообразно с этим культом Христос почитается вместе Богом и человеком с самого момента непорочного зачатия.

Учение монофизитов возникло при следующих обстоятельствах, которые здесь тем уместней выяснить, что они весьма характерны для современного излагаемым событиям общества. Основатель ереси, константинопольский монах Евтихий, по своему недостаточному образованию едва ли был в состоянии точно формулировать теорию монофизи-тизма. Но весьма любопытно, что учение, вышедшее из монастырских стен и идущее от весьма популярного в монашеской среде имени, распространилось, главным образом, среди монастырских общин и келий и поддерживалось, как увидим ниже, даже после Халкидонского собора, главным образом, монашествующим духовенством. Из этого прежде всего нужно вывести заключение, что в V в. монашество составляло уже немаловажную общественную силу, которая начинает играть роль не только в церковных делах и в вопросах вероучения, но также в общественной жизни. Как новой общественной силе, монашеству мы посвятим в дальнейшем особенное внимание.

Архимандрит одного из пригородных монастырей, Евтихий, находясь уже в преклонных летах, привлечен был церковным судом по

обвинению в ереси. В 448 г. в Константинополе был собран архиепископом Флавианом поместный собор, на котором присутствовал, между прочим, Евсевий, епископ дорилейский. Когда закончены были текущие дела, Евсевий подал собору жалобу на Евтихия, в которой значилось, что этот последний хулит православных учителей и самого Евсевия, обвиняя в принадлежности к несторианству. «Я,— прибавлял Евсевий,— готов доказать, что он неправильно называется православным». Когда Флавиан заметил, что было бы лучше, если бы Евсевий сначала переговорил частным образом с архимандритом Евтихием и потом уже, когда бы оказалось, что он действительно впал в ересь, звать его на суд перед собором, Евсевий объяснил, что он издавна состоял в дружеских отношениях с Евтихием и не раз уговаривал его даже при свидетелях оставить свои заблуждения, но не имел успеха. Собор решил отправить к Евтихию депутатов в лице священника и диакона и пригласить его явиться для оправдания. На втором заседании Евсевий дорилейский к прежде сказанному присоединил, что Евтихий распространяет свои заблуждения и многих совратил. По его же предложению приступлено было к прочтению актов, касающихся дела по осуждению Нестория, и затем архиепископом Флавианом изложена формула исповедания веры, которую подписали все присутствующие.

Между тем посланные к Евтихию депутаты доложили собору, что он отказывается явиться на соборное заседание, т. к. дал обещание никогда не оставлять своего монастыря, что собору должно быть известно давнишнее к нему нерасположение Евсевия дорилейского, желающего и теперь оклеветать его, что, наконец, Евтихий готов присоединиться к постановлениям Никейского и Ефесского соборов и подписать их. По требованию Евсевия собор снова отправил двух депутатов к Евтихию с новым предложением явиться на собор. Но депутаты по возвращении доложили, что они с большим трудом были допущены к Евтихию, который повторил им свое первое заявление, что он по обету не может оставить стены монастыря, и что он уже стар и дряхл, и что пусть священный собор поступает по своему усмотрению и не принимает на себя труда посылать к нему третье приглашение. Выслушав это, собор отправил третью депутацию к Евтихию с письменным приглашением явиться на 17 ноября в соборное заседание под угрозой канонов, карающих ослушников. Константинопольский архиепископ употреблял все меры, чтобы не придавать делу слишком громкого значения, но Евтихий имел против себя очень настойчивого и горячего противника, о котором Флавиан раз сказал: «Неизвестна ревность обличителя, самый огонь ему кажется еще холоден по причине его ревности о благочестии. Богу известно, сколько раз я просил его не быть настойчивым!»[4] С другой стороны, и упорный отказ Евтихия подчиниться желанию собора лично явиться в заседание и дать объяснение в приписываемых ему мнениях ставил Флавиана в очень затруднительное положение перед Евсевием. На новый отказ Евтихия, что он не может явиться по случаю болезни, ему дана была еще отсрочка до 22 ноября.

Последнее заседание этого собора, происходившее в понедельник 22 ноября, имеет самое существенное значение в деле Евтихия. На нем присутствовал сам обвиняемый, который так упорно отказывался пред-

ставить собору личные объяснения. Когда отцы собора были уже в составе, председатель приказал дьяконам Криспину и Иовиану идти справиться, не пришел ли архимандрит Евтихий, и если его найдут около церкви или в другом месте, то чтобы пригласили его в заседание. Означенные дьяконы по возвращении доложили, что хотя самого Евтихия они не нашли, но узнали, что он идет с большим отрядом воинов, и с монахами, и с полицейской стражей. Вслед за этими словами экдик пресвитер Иоанн доложил, что Евтихий прибыл с большим отрядом воинов, и монахов, и полицейских чинов епарха претории, но что сопровождающие не согласны отпустить его в заседание, пока собор не даст ручательства за его личную безопасность, и что Магн силенциарий находится вместе с ними у ворот и желает присутствовать на соборе как представитель благочестивейшего и христолюбивого царя. Когда Флавиан дал разрешение впустить, силенциарий Магн прочел собору указ следующего содержания: «В заботах о мире, и о святой Церкви, и о православной вере, и в желании сохранить веру, боговдохновенно изложенную отцами на Никейском и Ефесском соборах, и для предупреждения соблазна в православии мы постановили назначить для присутствования в соборе превосходительного патрикия Флоренция, мужа верного и засвидетельствованного в православии».

Как ни было необычно подобное распоряжение, ставившее соборные мнения и решения по делам веры под контроль светского лица, облеченного высоким авторитетом царского делегата, тем не менее, собор приветствовал этот указ многолетием и изъявил согласие на участие в соборе царского делегата Флоренция. Когда спрошенный по этому поводу Евтихий тоже не высказал возражений, собор стал продолжать расследование дела, начав с прочтения всех предыдущих актов, касающихся Евсевия и Евтихия. Когда дошли до той части второго письма Кирилла, где читается: «Исповедуем Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия единородного, Бога совершенного и человека совершенного из души разумной (λογικής) и тела; прежде век от Отца рожденного по Божеству, в последние же дни ради нас и нашего спасения от Марии Девы по человечеству, единосущного Отцу по божеству, единосущного нам по человечеству, ибо было соединение двух естеств, почему исповедуем одного Христа, одного Господа, и по смыслу сего неслитного соединения исповедуем св. Деву Богородицей чрез воплощение и вочеловечение Бога Слова и в самом зачатии соединение с Собою воспринятого от нее храма» [5]. При этих словах Евсевий дорилейский сказал: «Могу уверить, этого он не признает и никогда не был согласен с этим исповеданием, но говорил и учил противоположное». Тогда патрикий Флоренции предложил спросить Евтихия: «Согласен ли он с только что прочитанными словами»? Но на это возразил епископ Евсевий: «Позвольте продолжать чтение документов, ибо мне это важно для обличения. Если бы он сейчас выразил свое согласие, то я мог бы показаться в подозрении, что сделал ложное обвинение. Между тем я доказал его виновность и свидетельствами тех лиц, которые были к нему посылаемы от собора, и вновь могу это подтвердить словами преосвященных епископов. Я боюсь его коварства,— продолжал Евсевий,— я беден, не имею средств, он угрожает мне изгнанием. У него есть Деньги, и он пугает меня ссылкой в оазис». Председатель замечает ему:

«Хотя бы ты тысячу раз повторял это, мы ни за что не пожертвуем истиной».

Евсевий, однако, не унимался: «Ведь меня лишат сана, если я окажусь клеветником». Тогда патрикий Флоренции возвращается к прежнему предложению с маленькой поправкой: «Пусть будет сделан вопрос Евтихию: как он верует, и, судя по тому, что он скажет, предложить потом другой вопрос: почему ныне говорит так, а прежде мыслил иначе?» Когда, наконец, удалось успокоить Евсевия, что от нынешнего ответа Евтихия не будет для него никакого нарекания, предложен был обвиняемому следующий вопрос: «Согласен ли с прочтенными сейчас словами блаженного Кирилла и признает ли соединение двух естеств в одном лице и в одной ипостаси, или же нет?» Евтихий ответил: «Да, из двух естеств». Евсевий поставил еще тот же вопрос: «Исповедуешь ли два естества после воплощения и признаешь ли Христа единосущным нам по плоти, или нет?» Евтихий отвечал на это: «Я препоручил себя святейшеству вашему и сказал, как мыслю об Отце, и Сыне, и Святом Духе, больше меня нечего спрашивать». Архиепископ спросил: «Ныне исповедуешь из двух естеств?» Евтихий отвечал: «Поелику исповедую Бога моего и Господа неба и земли, то доселе нбТпозволял заниматься вопросом об естествах; признаю, что доныне я не исповедовал Его единосущным нам». Архиепископ спросил: «Не признаешь Его единосущным Отцу по Божеству и единосущным нам по человечеству?» Евтихий ответил: «Доселе я не сказал, что тело Господа и Бога нашего единосущно нам, Святую же Деву признаю единосущною нам, и что из Нее воплотился Бог наш».

Последовало еще несколько вопросов, на которые Евтихий ответил: «Я согласен на все, что говорите». Патрикий Флоренции спросил: «Если Мать единосущна нам, то, конечно, и Сын единосущен?» Евтихий ответил: «Доныне я этого не утверждал. Поелику же исповедую Его телом Божиим, понимаешь, я не сказал, что тело человека есть тело Божие, но человеческое тело, я не сказал, что от Девы воплотился Господь. Если же требуется сказать, что воплотился от Девы и что единосущен нам, то скажу и это, господин мой... прежде я этого не говорил, ныне же признаю это, поелику ваша святость утверждает так». Последние слова могли казаться неискренними и вынужденными настойчивостью вопросов, поэтому архиепископ спросил: «Что же, ты исповедуешь истинную веру по принуждению, а не по убеждению?» Евтихий отвечал: «Ныне, господин, так думаю, до сей поры боялся говорить. Знаю Господа Бога нашего и не позволял себе исследовать Его природу, поелику же ваша святость допускает это и учит, то я решаюсь говорить».

Затем собор предложил Евтихию анафематствовать всякое учение, противное изложенным догматам. Здесь обвиненный вышел из пределов доселе тщательно наблюдаемой осторожности и сказал: «Я заявил, что прежде этого не утверждал, ныне же, поелику так учит святость ваша, говорю и следую учению отцов, но ни в писаниях я не нашел это ясно изложенным, ни отцы не утверждали того единогласно. Теперь, если я анафематствую, горе мне, потому что предам анафеме отцов». При этих словах все собрание поднялось с мест с криками: «Анафема ему!» Патрикий Флоренции направляет мнение собора на основную тему,

предложив Евтихию вопрос: «Признаешь ли два естества и единосущ-ность с нами?» Евтихий ответил: «Я читал у блаженного Кирилла и Афанасия и других отцов, что до соединения — из двух естеств, а что после соединения и воплощения уже не два естества, а одно». В доказательство своих слов предлагал прочесть место из св. Афанасия. Наконец, патрикий Флоренции выразил заключение в следующих словах: «Кто не говорит из двух естеств и два естества, тот не верует правильно». Собор присоединил: «С понуждением нет веры». Напоследок собор вынес следующее определение[4] «Евтихий, бывший пресвитер и архимандрит, оказался изобличенным в нечестии Валентина и Аполлинария и в приверженности к их учению. Так как он не устыдился наших увещаний и поучений и не принял правых догматов, то мы, оплакивая и соболезнуя об его всеконечной гибели, определили во имя 1Ъспода нашего Иисуса Христа, им поруганного, лишить его всякого священного чина и общения с нами и начальствования монастырем. Да знают все, кто будет вести с ним разговоры и иметь общение, что и они будут повинны отлучению от Церкви». Это постановление подписано членами собора, каковых было от 28 до 31, и 23 архимандритами.

Нам остается еще в нескольких словах изложить ближайшие обстоятельства, последовавшие за этим собором. Евтихий имел в Константинополе высоких покровителей и пользовался популярностью в монашествующем духовенстве и в народе, поэтому он не считал своего дела проигранным и начал борьбу. Он старался заинтересовать в возникшей борьбе папу, императора Феодосия и, наконец, александрийского епископа, посылая всюду жалобы на несправедливость и прося помощи. Несомненно, важней всего были попытки Ев-тихия вызвать вмешательство знаменитого папы Льва I, которому он описал деяния собора и молитвам которого приписывал то обстоятельство, что жизнь его не подверглась опасности от волновавшейся черни. В начале 449 г. папа писал по этому вопросу, упрекая константинопольского архиепископа, что он не поставил его в известность о состоявшемся осуждении Евтихия, который жалуется ныне на незаконный приговор. В заключение письма высказывается та мысль, что лучше было бы не придавать этому делу такой огласки и, защищая истину, в то же время соблюсти любовь. В письме к императору папа также упоминает о деле Евтихия и замечает, что он ждет дальнейших объяснений по этому вопросу от Флавиана. Но между ближайшими к императору лицами оказались защитники Евтихия. Таковы были могущественный и влиятельный евнух Хрисафий и александрийский архиепископ Диоскур, под влиянием которых Феодосии II решился созвать собор в Ефесе для пересмотра этого дела. Прибытие членов на собор назначено было к августу 449 г.

Ефесский собор поставлен был под руководство архиепископа александрийского Диоскора, который назначен в нем председательствующим. Диоскор, как человек горячего нрава, довольно грубый и неблаговоспитанный, мало был пригоден для роли примирителя разномыслии на религиозной почве; кроме того, он дал место своим личным Неудовольствиям на константинопольского архиепископа ввиду давних счетов между Александрией и Константинополем из-за чести и первенства. Можно было заранее предполагать, что собор не приведет

к благоприятному разрешению церковного спора. Император Феодосии, следуя уже принятому им обычаю, назначил от себя двух представителей на собор: комита священной консистории Елпидия и трибуна и нотария претории Евлогия, которым преподан был специальный наказ. Им поручалось наблюдать общий порядок в заседаниях и предупреждать всякие смуты, не останавливаясь перед лишением свободы тех, кто угрожал бы порядку во вред святой веры. На них, кроме того, возлагалась ответственность за порядок внешнего делопроизводства в подлежащем обсуждению вопросе, для чего они должны присутствовать на судоговорении и облегчать собору его задачу. Независимо от сего им поручено наблюдать, чтобы прежние судьи Евтихия присутствовали на соборе без права голоса и спокойно ожидали решения дела; чтобы не предлагался никакой другой вопрос прежде решения главного вероисповедного. Дабы поставить их в возможность исполнить поручение, им предоставлена была в распоряжение военная и полицейская помощь.

Состоявшийся в августе 449 г. собор в Ефесе получил печальную известность. Его по нарушению всех правил и по применению грубой силы и всяческих принуждений к членам, чтобы заставить их подавать голос против совести и желания, принято называть разбойническим собором. И это имя удержалось за Ефесским собором вполне заслуженно. Хотя на соборе были представители папы Льва I и архиепископы Константинополя, Антиохии и Иерусалима, но фактически все делопроизводство находилось в руках Диоскора и зависевших от него агентов. Уже в первом заседании, когда нужно было ставить вопрос о порядке ведения дела, и когда некоторые члены заявили, что следует поставить на первую очередь вероисповедный вопрос, Диоскор обратился к ним с заявлением: «О вере уже сделаны постановления на прежних соборах, разве вы желаете изменить веру св. отцов?» Собор заявляет: «Анафема тем, кто желает спорить о вере». По предложению комита Елпидия был введен в заседание Евтихий, и таким образом весь вопрос был сведен к суждению о неправильности и незаконности сделанного против него постановления Константинопольского собора и архиепископа Флавиана, председательствовавшего на нем. Евтихий настаивал, что Флавиан и Ев-севий обвинили его по злобе, что не приняли представленного им письменного исповедания веры, и, наконец, что акты Константинопольского собора составлены неправильно по приказанию Флавиана и Евсевия.

Когда была заявлена мысль, что следует выслушать и тех, кого Евтихий обвиняет, председатель собора и царский делегат объявили, что это незаконно, ибо Флавиан и Евсевий не имеют здесь права голоса. При таких условиях не могло быть и речи о свободе прений, тем более, что большинство членов были сторонники Диоскора. Поставленный председателем вопрос о том, следует ли считать Евтихия правомыслящим, был решен утвердительно, и таким образом собор восстановил его в священном сане и в праве на управление монастырем. Затем сделан был прямой удар на Флавиана. После прочтения некоторых мест из деяний Ефесского собора против Нестория Диоскор сказал: «Вы слышали, что собор угрожает всякому, кто не согласен с Никейским символом или изменяет его; теперь следует высказаться, нужно ли считать виновными тех, кто выходит за пределы Никейского символа в своем богословствовании. Так как Флавиан

и Евсевии в учении о двух естествах уклонились от символа, то их следует признать лишенными сана». Таково было предложение Диоскора, которое, несмотря на протесты Флавиана и папских легатов, было принято почти всеми членами (135 голосов). Чтобы довести до конца совершенно незаконное дело, Диоскор приказал сейчас же собрать подписи, и, когда некоторые отказывали в согласии, то он кричал и угрожал мщением и военной командой: «Что? Вы хотите бунтовать, вот я позову комита!»

Уже папа в одном из своих писем в 451 г. назвал этот собор его настоящим именем (latrocinium), и он же оказался самым настойчивым выразителем идеи созыва нового собора для рассмотрения церковных нестроений на Востоке. Смерть Феодосия II, случившаяся 28 июля 450 г., открыла в этом отношении новые перспективы, лишив Диоскора главной поддержки.

Глава VIII

Константинополь. Мировое значение столицы Восточной империи, Епарх города, Ремесленные сословия, Димы. Образовательные учреждения

Рим не имел такого значения для Западной империи, как Константинополь для Восточной. Столица Западной империи могла быть и в Милане, и в Равенне, и в Павии; это не сопровождалось особенно важным значением ни в политическом, ни в административном отношениях; между тем, Константинополь так же не может быть отделен от Восточной империи, как, например, Рим от католической Церкви. Константинеполь стал весьма определенным и, можно сказать, всецелым выразителем византинизма, так что Восточная империя, с основанием Константинополя постепенно превращающаяся в Византийскую, не может быть представлена без своего средоточия и своего религиозного, административного и культурного центра на берегах Босфора. В то время, как приготовлялась на Западе страшная катастрофа, на Востоке постепенно организовались начала, которые сохранили от распадения целую половину империи. Перенесенная Константином столица в Византию и основанный на месте старого новый город его имени должен быть признан одним из главных устоев тысячелетней жизни Византийской империи. Вот почему древнейшей истории Константинополя должна быть посвящена отдельная глава в истории Византии.

Выше мы говорили о построении Константинополя и о первоначальных границах, данных ему основателем. Но город быстро стал развиваться, так что уже к концу IV в. массы новых поселенцев не находили места внутри городских стен, и за чертой города стали возникать новые постройки и поселения. Там указано было императором Феодосием расположение для готских военных отрядов или федератов, по коим загородные части долго были известны под номерами: второй, третий, четвертый, пятый и седьмой. Когда в 412 г. стены константинов-ского города значительно пострадали вследствие землетрясения, то император Феодосии в соответствии с быстрым возрастанием населения раздвинул его границы, включив в черту города и прежний загородный квартал, называемый Эксокионий (ἑξοκιόνιον), и окружив новой стеной, которая в существенных частях сохранилась до сих пор Два епарха города, Анфемий в 413 г. и Кир в 439—441 гг., прославили свое имя сооружениями, служившими к украшению и защите города. Только квартал близ Золотого Рога у Влахернского дворца оставался открытым и защищен стеной при императоре Ираклии в 625 г. Таким образом, можно сказать, что собственный город Константинополь, т. е. нынешний Стамбул, вырос до его естественных границ в течение IV и V вв. Дальнейший его прирост был, главным образом, в предместьях:

Космидий (в конце Золотого Рога), Галата, Пера, Бешик-таш, Скутари и т.д.

Нужно думать, что быстрому росту города способствовали исключительно благоприятные условия, в которые он был поставлен. Здесь разумеем не только естественную защиту и безопасность от внешних врагов, но и особенные привилегии, предоставленные городу в гражданском и торговом отношениях. Как было сказано, Константинополю даровано было устройство города Рима с его сенатом и муниципальным строем. Городской округ изъят был от земельного налога, и гражданам предоставлены были обширные привилегии: торговые права промышленным людям, пособия от правительства, безденежная раздача хлеба и даровое помещение для бедных. Преимущества государственной и придворной службы, почетное звание сенатора и различные служебные, деловые и практические интересы потянули в Константинополь знатных и богатых людей из Рима, Александрии, Антиохии и других городов. Вследствие всех этих обстоятельств Константинополь притянул к себе огромные материальные средства и сделался важным рынком для сбыта товаров со всей империи, в особенности же редких и дорогих товаров из Индии, Персии и Египта. Константин и его ближайшие преемники прибегали к самым крайним средствам, чтобы украсить свою столицу и сделать пребывание в ней приятным для иностранцев и для местных жителей.

Нет сомнения, что Константин нашел древнюю Византию вполне языческим городом, но преобразования Византии в столицу империи сопровождались реформами в христианском духе. Древние святилища на акрополе были частью закрыты, частью обращены в общественные здания для иных целей, храмовые имущества конфискованы или переданы христианам. Статуи богов и богинь посредством легких переделок и приспособлений применены были к христианскому культу. Матерь богов, правящая львами, изменена в оранту с воздетыми руками. Статуя судьбы города и Аполлона получила христианский характер. При постройке христианских церквей пользовались прежними храмовыми постройками или употребляли материал древних храмов на постройку новых зданий. Славная церковь св. Мокия построена на месте храма Зевса, точно так же церковь св. Мины на месте храма Посейдона и св. Ирины — на акрополе, последняя сохранилась доселе, хотя обращена в военный музей. Большинство христианских благотворительных учреждений столицы Восточной империи, вероятно, такого же происхождения. Константин желал, однако, придать чрезвычайный блеск своей столице и не задумался в пользу ее лишить древних памятников Другие города. Для этого он приказал искать статуй, рельефов, колонн и проч. в ближних и дальних городах и привозить их в Константинополь. Таким образом, доставленные из различных городов скульптурные произведения обогатили столицу империи памятниками древнего искусства, послужили образцом для местных художников и украшением для публичных зданий, дворцов, площадей и улиц.

Преемники Константина прилагали также много старания, чтобы украсить и расширить столицу. Юлиан, проведший в Константинополе не больше 6 месяцев, оказал городу разные милости, о которых сам упоминает в сохранившемся письме (ep. II), где, между прочим, есть речь

и о приверженцах галилейской секты, допущенных им в сенат; он же устроил новую гавань, теперь засыпанную, близ церкви Сергия и Вакха и приказал привезти из Египта обелиск для украшения восточной части города. Время Феодосия и затем Юстиниана в истории Константинополя отмечается громадными сооружениями дворцов, церквей, портиков общественных зданий, как сенат, ипподром, театр, бани, рынки и т. п.

Чтобы дать хотя некоторое представление о древнейшем Константинополе и составить себе идею об его росте, мы можем пользоваться описанием его, относящимся к царствованию Феодосия П. Пользуясь этим описанием, а равно известиями писателей о событиях и памятниках Константинополя, попытаемся ознакомиться с наиболее примечательными частями древней столицы византийских императоров.

Громадное население города в особенности скоплялось большими массами на площадях и на главных улицах, которые украшены были портиками и колоннадами, общественными зданиями и художественными произведениями искусства. Главная улица Константинополя, прорезывавшая город от внешних стен до площади Августея, св. Софии и императорских дворцов, шла в двух, по-видимому, направлениях.. Разветвление начиналось близ площади Тавра, причем одна -улица направлялась на храм свв. Апостолов и цистерну Аспара к нынешним Адрианопольским воротам, получив совершенно соответствующее ее положению в городе наименование Средней улицы (Меса); другая часть улицы того же названия проходила поблизости от Мраморного моря и направлялась к Золотым воротам. По ней направлялись церковные процессии и торжественные церемониальные выходы императоров, на ней или поблизости от нее находились главнейшие памятники и важнейшие церковные и общественные здания. Исходные пункты Средней улицы сохранились и по настоящее время: Золотые ворота и св. София.

Одним из первых памятников, который встречался по Средней улице с запада на восток, был Эксокионий. Нужно полагать, что эта местность была поблизости от пересечения улицы стеной Константина, т.к. в IV и V вв. весь этот обширный участок, находившийся между стеной Константина и Феодосия, назывался «за колоннами» (эксокио-ний), где жили готские военные отряды, и где была выстроена для них церковь, в которой совершалось арианское богослужение на немецком языке. В этом направлении, ближе к Золотым воротам, был построен в 463 г. знаменитый Студийский монастырь с церковью св. Иоанна Предтечи, впоследствии получивший громадное влияние в церковной жизни Византийской империи. Переходя в пределы, ограниченные старой стеной Константина, мы встречаем уже более ясные признаки направления Средней улицы. Здесь прежде всего был холм, называемый Ксиролоф, на котором находилось несколько памятников. На месте нынешнего Аврет-базара находилась площадь Аркадия, forum Arcadii, с колонной в честь императора Аркадия и со статуей его, поставленной Феодосием II в 421 г.

Колонна Аркадия, украшенная рельефами, стояла на своем месте до 1719 г., когда вследствие землетрясения была повержена на землю. Основание, на котором она была утверждена, сохранилось и доселе остается на своем месте. Ближайшая к аркадиевой площади по Средней улице была площадь Быка — Βοός αγορά. Площадь называлась также

просто Быком и получила это название от громадного бронзового быка, который иногда служил печью для сожжения преступников. Ныне эта местность известна под именем Ак-серай. Близ площади Феодосия или Тавра было разветвление улиц, именно: одна, как сказано, продолжалась к св. Софии, а другая, тоже из более замечательных, направлялась прямо на запад, мимо храма свв. Апостолов, к Адрианопольским воротам. Находившиеся здесь местности: Амастрийская площадь, Капитолий и Филадельфии — отождествить в настоящее время весьма трудно, не производя раскопок.

Что же касается forum Theodosii, то эта площадь вполне сохранилась и составляет одно из центральных мест нынешнего Константинополя. В середине площади находилась колонна, поставленная Феодосием I в память побед его над готами и скифами и украшенная рельефными изображениями, поднимавшимися спиралью кругом колонны. При султане Баязиде II (1481 —1512) на месте этой колонны построены бани и самая колонна уничтожена. Ныне здесь находятся мечеть Баязида и здание сераскирата. Далее Средняя улица ведет к центральным местностям Константинополя. За форумом Феодосия следовал Хлебный рынок — ἀρτοπώλειον, украшенный историческими памятниками. Здесь был водружен Константином на мраморной колонне крест, сделанный им наподобие того, который видел он на небе; здесь же была арка, у которой происходила смена партий, участвовавших в торжественных процессиях. Далее Меса приводила на площадь Константина.

Это была центральная площадь древнего Константинова города, украшенная портиками, колоннами и триумфальными арками, а посередине имевшая порфировую колонну, привезенную из Рима из храма Аполлона. На этой площади в разных местах стояли мраморные статуи, произведения лучших древних мастеров, привезенные из многих городов, а также публичные здания, например, второй сенат. Нынешняя, так называемая Обожженная колонна, стоящая на своем первоначальном месте, уже в древнее время получила важное, частью мистическое, частью религиозное и археологическое значение и соединила на себе многообразные народные предания, связанные с судьбой города и империи. Эта колонна пострадала от сильной бури и молнии в царствование Алексея Комнина в 1105г., причем венчавшая колонну статуя Константина была разбита и сброшена на землю. Царь поправил повреждения на колонне, но вместо статуи приказал поставить крест, приписываемый преданием времени Константина.

Наконец, Средняя улица приводила к Милию и площади Августея, или Августеона, в соседство с самыми священными и драгоценными памятниками древнего Константинополя: св. София, св. Ирина, Большой дворец и ипподром. На указанном пространстве Меса блистала богатыми и красивыми украшениями и роскошно отделанными портиками: например, дворцы Лавса, Антиоха, Филоксена; здесь был самый оживленный пункт города. Здесь на площади Августеона были роскошные дворцы и публичные здания: палаты патриарха, библиотека, бани Зевксиппа, сенат и другие здания.

В середине площади стояла статуя св. Елены, или Августы, откуда происходит и название площади; там же была серебряная статуя Евдоксии, супруги Аркадия; впоследствии здесь же была поставлена

колоссальная статуя Юстиниана I. Близ этой площади был Милий, имевший целью обозначить исходную точку для измерения военного пути, идущего от Константинополя. Это было основанное на 4 колоннах купольное здание, украшенное скульптурным искусством, представлявшее собой воспроизведение римского miliarium avreum. Самыми важными постройками, находившимися близ площади Августеона и более или менее к ней примыкающими, были церковь св. Софии, Большой дворец и ипподром, которым мы должны здесь посвятить внимание.

Большой дворец, называемый обыкновенно το παλάτιον или το μέγα παλάτιον, как резиденция Константина, по первоначальному плану принадлежит к IV в. Расширенный и много раз перестроенный византийскими царями, начиная с Юстиниана I до XII в., Большой дворец составил собой с течением времени значительный комплекс зданий, занимавших громадное пространство на первом холме и его спусках к Мраморному морю. В первый период империи до царей Комнинов, которые перенесли свою резиденцию во Влахерны, Большой дворец с прилегавшими к нему зданиями был центром городской и политической жизни, отсюда направлялась церковная и гражданская политика и вся администрация Византийской империи. Он сосредоточивал в себе не только дворцы для помещения императора и его семьи, но также огромные залы для приемов и придворных празднеств, обширные парки и сады и галереи, а равно помещения для обширного служебного персонала, для царской гвардии и гарнизона, кроме того, церкви и церковные здания. В понятие Большого дворца входит скорей представление о значительной части города, чем дворца в обыкновенном смысле этого слова. Сюда относятся: 1) знаменитая палата Хрисотриклин с тронной залой; 2) Триконх; 3) зала XIX аккувитов; 4) дворцы Дафна и Халка; 5) дворец Магнавра; 6) порфировый дворец; 7) военный склад и темницы, наконец, постройки Василия Македонянина: Новая церковь и Богородицы Фара. С XIII в. все эти здания начали приходить в упадок, т. к. императоры, не нашедши более удобным пребывание на этом месте, предпочитали жить у стен города во Влахернах*.

Но вполне общественным учреждением и в то же время любимейшим для жителей Константинополя развлечением были ипподром и дававшиеся на нем игры. Он соединен был внутренними ходами и крытыми галереями с императорским дворцом, что доставляло возможность царю быть зрителем цирковых игр, не показываясь народу. Первые основания для ипподрома (το ἱπποδρόμιον) положены были Септимием Севером, окончательно отстроен этот памятник Константи-

* Пожар 1912 г. обнажил верхние террасы Большого дворца, восходящие, бесспорно, ко временам первых его строителей. Под верхней террасой обнаружен крытый портик на столбах и с круглыми сводами; снаружи вплотную к террасе пристроены византийские четырехугольные башни, построенные, наверное, императором Никифором Фокой, укрепившим «верхний дворец». Местами даже уцелели на поверхности земли остатки византийских построек, несомненно, на территории дворца. Террасы ориентированы сообразно с расположением Августеона, а не ипподрома, и следует думать, что в том же направлении тянулись и главнейшие дворцовые здания. Эти данные дают новейший материал для топографии Большого дворца.

ном. Несомненно, ипподром имел назначением дать в Константинополе для народа такую же сумму развлечений, что давал Circus maximus в Риме. Цель эта была не только достигнута, но, можно сказать, была превзойдена, ибо константинопольское учреждение централизовало в себе не только удовольствия, но привлекло к себе политические и даже церковные интересы населения и получило не местное только, но и общеимперское значение. В ипподроме нередко решались политические и церковные вопросы первостепенной важности, в особенности когда правительство стало принимать строгие меры к ограничению муниципальных прав городского населения, и когда цирковые партии приняли политическую окраску. Разрушение ипподрома последовало в 1204 г., при взятии Константинополя крестоносцами, и закончено в XVI в. турками. В настоящее время от здания ипподрома не осталось никаких следов, но сохранились очень определенные указания, по которым определяются как место ипподрома, так и его отношение к Большому дворцу и другим древним постройкам. На месте ипподрома в настоящее время находится большая площадь к юго-западу от св. Софии, называемая Ат-мейдан.

Ближайшие к этой площади здания находятся на месте ипподрома и частью построены из прежнего материала, таковы мечеть Ахмедиэ, архив и тюрьмы. Первые представления на ипподроме даны были в день открытия Константином столицы. Длина ипподрома была от 1200 до 1300 футов, ширина около половины этого измерения. Сохранившиеся памятники отмечают среднюю линию по длине ипподрома, вдоль которой происходили состязания на колесницах; это spina — род платформы, на которой обыкновенно для украшения ипподрома ставились произведения искусства. Таких памятников сохранилось до настоящего времени на месте их первоначального нахождения три. Египетский обелиск Тутмосиса III поставлен Феодосием Великим в 381 г. На мраморном основании представлен в рельефе Феодосии с своей семьей и свитой смотрящим на цирковое представление из своей ложи. Далее бронзовая змеиная колонна, представляющая фрагмент приношения всей Греции Дельфийскому Аполлону в память победы при Платее. Наконец, столб из больших квадратных тесаных камней, обложенный прежде бронзовыми позолоченными плитами. Уже в X в. он был в состоянии разрушения, так что император Константин Порфирородный подновил этот памятник, сравниваемый древними византийцами с колоссом родосским. Уместно здесь заметить, что 4 бронзовые коня работы Лизиппа, украшающие ныне фасад св. Марка в Венеции, составляли в свое время принадлежность ипподрома. Эти кони поставлены были на ипподроме Феодосием II и увезены из Константинополя в 1204 г. после завоевания и разграбления города крестоносцами IV крестового похода.

Средняя улица прорезывала город в прямом направлении. Нельзя, конечно, думать, что все главнейшие памятники можно было видеть на этой улице или в прилегающих к ней частях. От Месы шли в разных Направлениях другие улицы.

На пути от площади Быка до площади Феодосия в направлении Средней улицы встречается несколько темных и невыясненных пунктов. Новые постройки здесь появились на прежней улице, и новые улицы Прошли в другом направлении. Таким образом, остаются до будущих

раскопок неопределенными положения Амастрийской площади, Капитолия и Филаделфия. Местность, где находится ныне мечеть Шах-заде, составляет один из узловых пунктов, откуда идут большие улицы в разных направлениях, и прежде всего большая улица, идущая прямо на запад, к знаменитому храму свв. Апостолов и к Адрианопольским воротам. По всей вероятности, здесь должно полагать древний Филаделфий, откуда Меса вела прямо к площади Феодосия.

В ближайшем соседстве проходил громадный водопровод Валента, сохранившийся и доныне и составляющий незаменимый для внутреннего города способ водоснабжения. Поблизости находится храм свв. Апостолов, построенный Константином и назначенный для погребения императорской семьи. Впоследствии он сделался усыпальницей всех византийских императоров, каковой и оставался до завоевания Константинополя в 1453 г. В течение двух лет турецкой эпохи здесь нашла приют патриархия, а в 1455 г. Магомет II построил на месте храма мечеть, называемую Мехмедиэ. В истории Византии храм свв. Апостолов играл весьма важное значение и с точки зрения роскоши постройки и искусства считался одним из замечательнейших памятников Константинополя. По архитектурной форме храм Апостолов имел форму креста и был окружен обширным двором с галереями из колонн и памятниками искусства. Близ храма были дворец, бани и другие здания, предназначенные для духовенства и военной стражи, охранявшей гробницу царей. Уже при Юстиниане этот храм был расширен и перестроен, причем с особенным вниманием были украшены те приделы, арки и портики, которые предназначались для постановки гробниц прежних и будущих царей. Древнейшие епископы и патриархи Константинополя, Григорий Богослов и И. Златоуст, погребены при этом же храме, точно так же патриархи Никифор и Мефодий, прославившиеся борьбой за православие против иконоборцев. Было ли обычаем погребать всех патриархов в храме свв. Апостолов, это остается не вполне ясным. При описании древнего Константинополя нельзя касаться мимоходом такого вопроса, как церкви и монастыри. В самой идее византинизма коренное место принадлежит церковности в самом широком значении этого слова. А т. к. Константинополь со всеми его учреждениями и нравами жителей был ярким представителем византинизма, то уже в первые столетия его истории церковные учреждения занимали в нем видное место. Церковное строительство в Константинополе никогда не ослабевало. Число церквей можно полагать от 400 до 450, между ними около 100 церквей было монастырских. Не все это были монументальные постройки, но уже на основании того, что до настоящего времени сохранились почти исключительно церковные здания, а дворцов и других общественных построек почти совсем не уцелело, можно судить, что церковное строительство велось правильно, с соблюдением архитектурных законов и с употреблением на постройки хорошего материала. Следует здесь особенно обратить внимание, что некоторые церкви IV и V вв. сохранились до нынешнего времени. Такова церковь, посвященная Божественному миру, или церковь св. Ирины, церковь св. Анастасии, Иоанна Богослова, основанная патрицием Студием в 463 г. Древнейшее описание Константинополя указывает для начала V в. 14 церквей, 5 дворцов; августам принадлежало 6 домов, частных домов 4388.

Константин и его преемники создали все благоприятные условия к тому, чтобы столица Восточной империи привлекала к себе туземцев и иностранцев. Многие знатные фамилии из провинций и из Западной империи переселились в Константинополь и положили здесь основание служилой аристократии. В константинопольский сенат зачислялись не только знатные лица греко-римского происхождения, но иностранцы и даже варвары, поступившие на военную службу империи. Пользуясь муниципальным устройством, Константинополь привлекал к себе и окрестное население в качестве ремесленников и чернорабочих.

Император оказывал особенное расположение к населению Константинополя: как и в Риме здесь была введена безденежная раздача хлеба, даровые помещения для чернорабочих и цирковые представления, в которых скоро приняли участие политические партии. Уже в Vв. писатели говорят о многочисленном и беспокойном диме Константинополя, доставлявшем много хлопот полиции и епарху города.

Особенно характерным признаком, отличающим население столицы, нужно признать его разнородность по происхождению и языку. В IV и V вв., когда происходил процесс перехода от древних веков к средневековью, Константинополь находился в опасности обратиться в международный германский город, о чем заявлял в самом конце IV в. епископ Синесий. Современные писатели Евнапий и Зосима весьма яркими чертами описывают этот процесс и наблюдавшиеся в Константинополе сцены. Так, у Евнапия рассказывается следующее: «Когда предводители скифских дружин, т. е. германских, знатные по чести и происхождению, перешли к ромэям, то, будучи обласканы милостями царя и видя, что все перед ними склоняется, разделились на партии. Одна держалась того мнения, что следует довольствоваться выпавшим на долю готов счастьем, другая же, повинуясь чувствам германского патриотизма и секретному клятвенному соглашению, стремилась всеми мерами вредить ромэям, чтобы при благоприятном случае завладеть их страной. Во главе грекофильской партии стоял язычник Фравита, женатый с согласия императора на гречанке; противоположная германофильская партия группировалась около Ериульфа. Царь держал готских вождей в особой чести, деля с ними трапезу, походный шатер и раздавая им щедрые подарки. Раз он предложил им роскошное угощение, и, когда по смыслу пословицы «истина в вине», Дионис за чашей вина разоблачил таившееся между ними разногласие, произошел шумный беспорядок, вследствие которого пир был прерван, и смущенные гости поспешили к дверям. Здесь, на пиру, в присутствии царя Фравита убил Ериульфа.

Наступят новые обстоятельства, когда германское влияние уступит другим иноземным влияниям: славянскому, армянскому, итальянскому, наконец, турецкому; все эти влияния, за исключением последнего, византийское правительство нашло возможным направить согласно пользе и интересам империи, но остается, тем не менее, весьма любопытным тот период, когда Константинополю угрожало германское влияние.

Что касается численности этого пестрого населения, то точных Цифр нельзя дать. Вопрос о численности населения в Константинополе остается весьма трудным для разрешения не только для древнейшего Периода, но даже и для нового времени. Уже в IV в. Евнапий говорит

о «пьяном диме» Константинополя, которым населил Константин свою столицу, лишив населения другие города. В самом конце IV в. при И. Златоусте считалось до 100 тыс. христиан и множество язычников и иудеев. На все число населения было до 50 тыс. бедных. При Феодосии II в начале V в. население Константинополя можно полагать до 500 тыс. Никак нельзя сомневаться в том, что в то время, как все другие города в Западной империи, не исключая самого Рима, теряли мало-помалу свое значение, столица Восточной империи, где не прерывается преемственный ряд императоров, и где потрясения, привнесенные эпохой переселения народов, не сопровождались такими разрушительными последствиями, как на Западе, Константинополь продолжал увеличиваться населением, укрепляться твердыми стенами и прочными государственными учреждениями, которые постепенно приготовили в нем убежище для знания и культуры. Было бы, конечно, в высшей степени интересно восстановить во всех подробностях историю города, т. к. сам Константинополь является вполне верным выразителем характера Византии, но подобная история далеко еще не разработана и находится в зависимости от общей истории Византии. Попытаемся ознакомиться хотя с некоторыми чертами административной и социальной жизни Константинополя.

Одним из наиболее важных учреждений, охранявших общественный строй и порядок в столице Византийской империи, был приказ епарха города. Со времени перенесения столицы империи в Константинополь и до самого турецкого завоевания епарх города с подчиненным ему приказом оставался чуть ли не единственным учреждением, пережившим все потрясения и пощаженным царскими реформами. Само собой разумеется, что такое устойчивое учреждение, бывшее свидетелем многовековой истории и стоявшее на страже внутреннего порядка, благоустройства, политического и социального положения всего населения столицы, заслуживало бы особого внимания и все стороннего изучения. К сожалению, по истории византийского устройства не имеется даже предварительных работ, и ни об одном учреждении, кроме разве церкви, наука не владеет хотя сколько-нибудь удовлетворительными сведениями [1].

Епарху столицы (έπαρχος της πόλεως) принадлежали совершенно ясно определенные права и обязанности, которые тем более доступны изучению, что должность епарха столицы, ведя свое начало от Римской империи, просуществовала до поздневизантийской эпохи. Не может быть сомнения, что константинопольский епарх есть прямой преемник и заместитель римского praefectus urbi. Если притом поставить в связь известия древних о значении в Риме власти префекта претория [2], что она практически немногим была ниже императорской, с не менее категорическими заявлениями византийских писателей насчет величия власти городского епарха[3], то нельзя не приходить к заключению, что константинопольский епарх с течением времени соединил в себе права и привилегии префекта претория и префекта города. Префектура города Рима учреждена была с целью охраны Рима и его ближайших окрестностей для чего префекту были предоставлены уголовная юрисдикция и обширная полицейская власть. Во II и III вв к нему постепенно перешла и судебная власть на сто миль от стен города[4]. Особенно важным

характером отличалась полицейская власть префекта. На его обязанности лежало блюсти порядок на многолюдных собраниях, на зрелищах, в банях, равно как собирать сведения о том, что происходит в разных частях города. Кроме того, ему подчинены были торговые рынки, мера, вес и меняльные лавки[5]. Для достижения всех подобных задач префект имел в своем распоряжении отряды военных людей. Но что еще тесней сближает римского префекта с византийским епархом, это одинаково там и здесь отнесенные к их компетенции дела о рабах, дела по опеке над сиротами и дела по политическим преступлениям *.

Общее положение византийского государственного права усвояло за епархом значение первой особы после царя [6]. Практически это положение осуществлялось всякий раз, когда царю нужно было выехать из столицы; в этом случае верховная власть временно переходила на коллегию из трех сановников: на препосита, магитра и епарха, которые становились временными царями [7]. В разное время права константинопольского епарха то ограничивались, то расширялись; в периоды смут и общественных движений он облекаем был неограниченными полномочиями[8]. Нет ничего удивительного поэтому, что епарх играл весьма важную роль в истории Константинополя, и что он был то популярнейшим, то ненавистнейшим органом правительственной власти, и в том и другом случае был особой хорошо известной всему населению, которое или превозносило его похвалами, или беспощадно осмеивало и порицало. Как особа высшего ранга и как блюститель благочиния, епарх принимал обязательное участие во всех придворных церемониях и торжествах, причем он не был здесь пассивным лицом, как большинство присутствовавших, но исполнял служебную роль.

Когда освобождалось место епарха, сам царь искал заместителя из числа наиболее известных и верных лиц. В большинстве случаев намеченный кандидат происходил из важных чиновников и состоял в сане патрикия или же получал этот сан по утверждении в должности епарха [9]. Производство в чины и назначение в высшие должности сопровождались особой церемонией частью гражданского, частью церковного характера. Обрядовая сторона этой церемонии сохраняла до известной степени символический характер и служила указанием круга обязанностей, соединенных с должностью епарха[10]. Обряд избрания происходил в Золотой палате дворца в присутствии царя и штата придворных чинов. За избранием происходило представление епарха городским сословиям, к которым он держал речь о гражданском долге, лежащем на сословиях города [11].

Облачившись в парадное облачение (καμήσιον, πελώνιον, λώρον), новый епарх в сопровождении городских сословий и штата претория проходит к храму св. Софии, чтобы здесь исполнить церковные церемонии. На пути происходят славословия димов. В этих актологиях выражаются приветствия и благожелания епарху, высказываются похвалы и признательность царю, что он назначил епархом такого чистого и достойного человека, верного слугу царского, благородного по своему происхождению и по заслугам возведенного в высшие почести. Между

* В Византии часть этих дел была отнесена впоследствии к компетенции квестора

тем процессия доходит до Халки и св. Кладезя. Здесь епарх возжигает свечу и входит в св. Софию, где патриарх совершает молитву. Выходя из храма, епарх садится на приготовленного белого коня или в парадную колесницу и с торжественной процессией в преднесении каламария отправляется в свой приказ, сопутствуемый и отрядом полицейских чинов. Здесь, сидя на своем троне, он принимал поздравления от чинов подчиненного ему приказа и от городских представителей и затем тем же порядком, как прибыл, отправлялся в свой дом.

Не всегда, однако, епарху удавалось благополучно провести свой первый день. Если население не сочувствовало новому назначению, и если епарх не принадлежал к популярным чиновникам, то на улицах начинали происходить шумные протесты против нового епарха, раздавались ругань и порицание. Так, при Юстиниане I, когда вновь назначенный епарх Андрей совершал обычный путь из дворца в преторию, восседая на парадной колеснице, народ встретил его ругательствами, насмешками и бросанием камней, вследствие чего произошло в городе движение, не утихавшее несколько дней[12].

Попытаемся теперь взглянуть на константинопольского епарха при исполнении им обязанностей. Византийские императоры, внеся некоторые реформы в устройство городской префектуры, по существу стремились к усилению власти городского епарха. Одной из важнейших реформ было в этом отношении то, что епарху константинопольскому подчинено было самостоятельное, как прежде в Риме, так и в Константинополе, ведомство префекта претория. Замечено специально о патри-кии Кире, современнике Феодосия Великого, что он был избран сразу на две должности—префекта города и префекта претория—и оставался в этом звании четыре года. Т. к. в ведомстве префекта претория находились городские тюрьмы, то легко понять, как увеличилось значение константинопольского епарха со времени подчинения ему префектуры претория.

Главные обязанности епарха города, как и римского префекта, состояли в охранении общественной безопасности и тишины в столице империи. Ему предоставлены были широкие полномочия; он имел право суда и ограничения личной свободы граждан, мог заключать в темницу и высылать из города подозрительных лиц. В его непосредственном заведовании находились торговые и промышленные заведения, ремесленные корпорации, места общественных собраний; от него же зависела городская полиция; от него исходили распоряжения по благоустройству города, содержанию его в чистоте и украшению его по случаю торжеств и парадных царских выходов. Для исполнения лежащих на нем обширных обязанностей он нуждался в сотрудниках и помощниках и в штате полицейских служителей. Он имел для этого свою канцелярию или приказ с определенным штатом чиновников; этот приказ с утра до ночи осаждаем был просителями. В зависимости от приказа епарха была городская тюрьма или преторий, в которой содержались государственные преступники и подозрительные для правительства люди. Не все сферы деятельности епарха одинаково раскрыты в источниках, но зато общий характер учреждения может быть представлен в ясных чертах. Всего определенней в сохранившихся памятниках выставляется судебная власть епарха. Тем любопытней воспользоваться здесь всеми имеющи-

мися данными, что в общем мы весьма мало знаем о судебной организации и судебной процедуре, хотя именно в этой области византийское правительство наиболее проявляло свою гуманную деятельность. В законе судебная роль епарха определена весьма ясно. Епарху города подлежат все дела по преступлениям, он расследует обо всем, что случается в столице. Епарх города имеет право лишать жительства в столице и ограничивать известным местом право жительства. Эти два пункта уже ясно показывают почти абсолютную судебную власть епарха в городе. Но следует присоединить, что к его компетенции принадлежали еще некоторые специальные дела, которые мы укажем ниже. Само собой разумеется, лицо, обладавшее такой обширной властью, не могло пройти бесследно в истории, и так или иначе в летописи должны были сохраниться сведения о чиновнике, от которого зависела судьба каждого жителя Константинополя

О судебной власти епарха имеются действительно довольно обильные сведения у писателей. Сопоставляя эти сведения, нельзя не видеть, как высоко стояло в Византии судебное дело, и как идеально смотрели на правосудие во все время Вот несколько примеров этого рода.

Царь Иустин I (518—527) выражает пред сенатом жалобу на то, что все его усилия поднять в стране правосудие встречают преграду в алчности и подкупности чиновников, и что он устал принимать карательные меры и желает отказаться от власти. Тогда один из присутствующих сановников говорит ему: «Государь! Избери меня в епархи города, разреши никому не давать пощады и, наконец, позволь беспрепятственно входить к тебе для докладов по делам, и я заверяю, что не пройдет и тридцати дней, как не будет более ни обижающего, ни обиженного. Если же кто донесет о каком-либо деле, что оно было у меня, и я его не решил, то я отвечаю головой». Иустин согласился на его предложение и назначил его епархом. Показав на одном случае с высокопоставленным лицом, что у нового епарха слово с делом не расходится, он действительно скоро успел поселить уважение к закону и сдержал свое слово перед царем. В награду царь возвел его в сан патрикия и назначил пожизненным епархом [14].

Есть еще прекрасный рассказ о квесторе Исокасии, точно так же рисующий весьма блестящими красками судебную систему. Царю Льву I (457—474) донесено было, что квестор Исокасии придерживается языческих мнений. Лишив его сана, царь сделал распоряжение о предании его суду у провинциального судьи, хотя по своему сану и занимаемой должности Исокасии должен был судиться пред епархом с депутатами от сената. В Константинополе начали хлопотать за Исокасия и побудили царя, отменив первое распоряжение, предоставить обвиняемому право судиться согласно его сану. Когда он явился на суд со связанными назад руками, то епарх Пусей сказал ему: «В каком виде ты предстал сюда, Исокасии!» «Не удивляюсь,— ответил подсудимый,— я человек, и меня постигло людское горе, но ты суди меня так, как бы произносил приговор в моем сообществе» [15].

Участие суда епарха засвидетельствовано в следующих судебных случаях:

Во-первых, в делах политического характера: заговоры на жизнь государя, попытки произвести государственный переворот, бунты, политические доносы и т. п.

Во-вторых, в делах по нарушению общественного порядка в Константинополе. Имея в виду, что от епарха зависели все распоряжения по городским делам, недовольных им было много, и часто раздражение против него обнаруживалось в форме уличного бунта. Т. к. во всех делах этого рода суд принадлежал епарху, то со времени Анастасия (491—518) вошло в обычай, чтобы епарх обязательно присутствовал на всех выходах царя, где собирается толпа[16]. Известное восстание «Ника» при Юстиниане I последним поводом имеет казнь трех человек, замешанных в беспорядках[17]. Раз при том же царе во время циркового представления по случаю прибытия персидских послов народ стал требовать понижения цен на жизненные припасы, приказано было епарху перехватать крикунов и наказать[18]. При царе Анастасии также во время циркового представления прасины обратились к царю с просьбой выпустить из тюрьмы уличных бунтовщиков, схваченных епархом[19]. Когда же требование не было уважено, то поднялся бунт, причем-яарод стал бросать камни в царя и поджигать в разных местах город.

В-третьих, всякое нарушение права, вздорожание хлеба, увеличение налогов и проч. сопровождалось народными движениями, которые приходилось усмирять епарху города[20].

Не говорим здесь о специальных делах, отнесенных к компетенции епарха, и приведенного достаточно, чтобы судить о широте и важности судебной роли епарха. Чтобы достигать исполнения возложенных на него задач, епарху необходимо было иметь значительный штат подведомственных ему чинов. У него был свой приказ, называемый то секрет, то претория, в котором состояло 14 названий различных чинов. Кроме того, у него в подчинении были полицейская стража и военный отряд.

Как осуществлял епарх предоставленную ему судебную власть? В этом отношении сведения наши весьма скудны. Можно думать, что органы судебной власти в столице были поставлены в зависимые к епарху отношения. В обряднике Константина Порфирородного в числе чинов, подведомственных епарху, поставлены κριται των ρεγεωνων, откуда можно заключить, что 14 городских судебных учреждений в Константинополе исполняли роль наших участковых мировых судей; но как организованы были отношения епарха к судебным учреждениям, об этом трудно составить понятие. Административная власть епарха простиралась на все городское население, включала в себя наблюдение за общественной безопасностью, за чистотой города, украшением его общественными постройками, освещением и украшением его по случаю торжеств, царских выходов и праздников. Рассмотрение указанных административных обязанностей епарха в настоящее время значительно облегчено появлением любопытного памятника— переписи константинопольских корпораций или цехов. Этот памятник дает громадную массу нового и свежего материала как для ознакомления с административными полномочиями епарха, так и для истории городского промышленного и торгового сословия. Имеем в виду найденный в женевской библиотеке и изданный в 1893 г. устав 22 городских корпораций или цехов,

который знакомит нас с правами и обязанностями этих кор-

пораций и отношениями как к государству вообще, так и к ближайшей власти, т. е. к епарху города[21]. Этот в высшей степени важный памятник, хотя происходит от X в., представляет, однако, драгоценные черты и для истории Константинополя в переходный период от греко-римского периода к византийскому. Вместе с тем, он доказывает устойчивость древних учреждений и постепенность перехода их в новые формы под влиянием изменившихся обстоятельств.

Законодательные памятники Феодосия II и Юстиниана I в сопоставлении с позднейшим законодательством исаврийской и македонской династий показывают, что в этот период не произошло никаких изменений в положении коллегий, или цехов[22]. Хотя о константинопольских цехах за период после VI в. нет прямых известий, но новые данные, почерпаемые в египетских папирусах, равно как сведения о цехах Александрии, дают полную картину городских коллегий и товариществ в средние века и показывают соответствие в устройстве их в X в. с тем положением, какое занимают они по папирусам.

Занимающий нас памятник сохранился в виде эдикта, относящегося ко второй половине X в. и принадлежащего, по всей вероятности, царю Никофору Фоке. Этим эдиктом преследовалась не организация цехов, т. к. учреждение это существовало уже с древних времен, а имелась цель определить отношение цехов к государству и установить обязательства их по отношению к населению столицы, в особенности по снабжению города жизненными средствами. И до сих пор занимает ученых вопрос о том, говорит ли эдикт обо всех цехах и вполне ли он дошел до нас? Нужно принять в соображение то обстоятельство, что в столице были и такие ремесла, которые не были организованы в цехи, и что, следовательно, в эдикте идет речь лишь о важнейших ремесленных и промышленных организациях, которые имели важное политическое или экономическое значение. Государство не только обеспечивало цехам достижение их промышленных и торговых целей, но, вместе с тем, как хозяин и работодатель требовало от них определенных услуг и повинностей. В особенности это видно на устройстве цехов, занимавшихся доставкой хлеба и других средств пропитания.

Ввиду важности эдикта для внутренней истории Константинополя находим полезным ознакомиться здесь с его содержанием. Первое место отведено в эдикте коллегии, или цеху, тавулариев. Обязанности тавула-риев заключались в составлении и скреплении официальных актов: продажных и купчих, брачных, завещаний, договоров и т. п. Ясно, что тавулярии вполне соответствуют нашим стряпчим или нотариусам. За составление бумаг для частных лиц они брали плату, точно установленную государством, имели свои конторы в определенных местах. Коллегия тавулариев была организована как самостоятельное учреждение, ведала свои внутренние дела через специальных чиновников, во главе коих находится примикирий.

Эдикт дает подробные и весьма любопытные указания, которыми тем более необходимо здесь воспользоваться, что они вообще характеризуют римские коллегии и византийские цехи и корпорации. Требуемые от кандидата на должность тавулария качества установлены весьма определенно. Он должен иметь достаточную подготовку в законоведении, отличаться хорошим почерком и быть в состоянии

отличать подлинные бумаги от поддельных. Эти качества, а равно свидетельство об окончании средней школы и специальные знания по законоведению оцениваются примикирием и советом тавулариев, от которых зависит представление кандидата на утверждение епарху Можно думать, что кандидат должен был обнаружить требуемые от него специальные знания посредством экзамена, на котором ему предлагались вопросы из практического руководства по законоведению и из василик. Одобренный советом тавулариев кандидат представляем был епарху, причем клятвенно подтверждалось, что представление кандидата в должность делается не по чьей-либо просьбе, не по дружбе или родству, а взирая на способности и заслуги лица. Тогда епарх утверждает представление своей печатью, и представляемый зачисляется в коллегию тавулариев. Из приказа епарха новый нотариус в сопровождении примикирия и корпорации идет в ближайшую церковь, где священник читает положенную молитву, а отсюда направляется в канцелярию, в которой ему назначено служить, и там принимает поздравления от сослуживцев, а затем идет в свой дом, где дается угощение товарищам. Права и обязанности тавулариев, или нотариев, изложены в эдикте весьма обстоятельно: они обязаны являться на все царские выходы, на зрелища в ипподроме, на заседания совета тавулариев, иначе подвергаются штрафу, а при увеличивающих вину обстоятельствах — дисциплинарному взысканию. Далее, точно определяются условия платы за составление актов, договоров и проч. и определяются права тавулария, когда ему случится быть в канцелярии другого нотария. В случае сомнений относительно платы за акты дело переходит на решение примикирия, а если речь идет о большой цене, решается епархом. В случае ссор между собою тавуларий жалуется примикирию, в делах большой важности — епарху.

При составлении акта нотарий должен при свидетелях и понятых делать надлежащую скрепу. В случае нарушения этого правила он подвергается телесному наказанию по суду епарха. Писцы (γραφείς) нотариев не имеют права составлять актов без разрешения патронов. В случае болезни примикирия обязанности его исполняет старший из тавулариев. Избрание примикирия принадлежит епарху. Епарх не должен назначать больше 24 нотариев. Цена за составление актов: 21 кератий за акт на 100 номисм, одна номисма за акт свыше этой суммы. В случае смерти тавулария вся коллегия должна почтить своим присутствием его погребение. Нарушитель платит 6 кератиев.

В уставе коллегии тавулариев, состоящем из 26 параграфов, есть несколько статей, касающихся преподавателей юридических наук: παιδοδιδάσκαλος νομικός και ό διδάσκαλος, это § 13, 15 и 16*. Любопытно здесь то, что преподаватели юридических наук, под которыми следует, конечно, разуметь учителей, подготовляющих кандидатов на должность тавулария, также находятся в ведомстве епарха города и состоят в известной связи с коллегией тавулариев, которая оценивает правоспособность кандидата на преподавание подготовительного курса

* Отметим здесь ради курьеза совершенно нелепый латинский перевод греческого текста: о παιδοδιδάσκαλος νομικός переведено Ludimagister prag-maticus!

юридических наук. Учителям запрещается брать таких учеников, которые захотели бы вступить к ним из другой школы, не заплатив прежнему учителю за преподавание; прием новых учеников вообще поставлен в зависимость от усмотрения примикирия.

Второй § устава занимается корпорацией серебряников (οί άργυροπράτοα). Уже то обстоятельство, что между нотариусами и стряпчими, с одной стороны, и продавцами серебряных вещей — с другой, существует большое различие в социальном и общественном положении, должно наводить на мысль, что устав сохранился не в цельном виде, и что в § 1 мы имеем отрывок первой части, которая занималась корпорациями свободных профессий, например: адвокаты, учителя. Всматриваясь в редакцию § 1 и следующих, нельзя не заметить и в этом отношении больших различий, в то время как в первом подробно трактуется об устройстве корпорации, о правах членов и проч., в последующих все внимание обращается на предупреждение и пресечение злоупотреблений, соединенных с занятиями промыслом и ремеслом. Серебряники имеют право торговать золотом, серебром и драгоценными каменьями; им запрещается вести торговлю медными изделиями и льняными материями. Они обязаны следить, чтобы никто из не принадлежащих к их корпорации не занимался торговлей золотом, серебром и драгоценностями, и в случае появления на базаре таких предметов доводить о том до сведения епарха или представлять продавца старшине своего цеха (τω προεστώτι). Наконец, устав требует, чтобы мастера золотых и серебряных дел имели свои мастерские на Месе, а не в частных домах. В термине άργυροπράτης есть два значения: 1) золотых и серебряных дел мастер, или ювелир; 2) меновщик, проверяющий вес и верность монеты. Имея право купить золото и серебро и драгоценные камни в определенном количестве, они были ограничены префектом в покупке церковных драгоценных предметов.

3. Банкиры, или собственно меняльщики, обязаны не скоблить монеты, не портить на ней изображения, предъявлять по требованию епарха свои ящики с монетой и заявлять ему о фальшивой монете.

Дальнейшие шесть параграфов посвящены цехам, занимающимся продажей и обработкой шелковых и полотняных изделий. Торговля шелком получила в Византии особенное развитие со времени Юстиниана I и, несмотря на продолжительный период, протекший с тех пор, и во время происхождения эдикта обставлена была чрезвычайно строгими предписаниями, которые преследовали ту цель, чтобы этот драгоценный товар не попадал в другие страны и чтобы в самой столице был на виду у правительства. Поэтому здесь строго проведено разделение между отдельными коллегиями, занимающимися торговлей разными видами этого товара. Рассмотрим эти цехи по порядку перечисления их в эдикте.

4. Продавцы драгоценной шелковой одежды (οί βεστιοπράται). Это была довольно важная корпорация, занимавшаяся торговлей парадной одеждой из шелка, окрашенного в разные цвета. Члены ее обязывались наблюдать, чтобы этот дорогой товар продавался только известным лицам и не попадал в руки иностранцев. Правительство так заботилось об удержании в столице этого товара, что требовало от продавцов Предъявления епарху наиболее дорогих одежд (ценой свыше 10 номисм);

назначенный в продажу за границу товар должен иметь клеймо епарха. В первый раз об этом цехе упоминается в «Обряднике» Константина Порфирородного, который говорит об украшении трибунала материями, доставленными этим цехом. Весьма любопытно отметить, что и в римский период на коллегии вестиариев лежала подобная же обязанность.

5. Торговцы сирийскими шелковыми тканями (οι πρανδιοπραται). Терминология слова указывает заимствование из восточных языков. Летопись говорит, что авары поражали при своем появлении в Европе прандиями, которыми завязывали свои волосы [23]. Коллегия прандиопра-тов находится в подчинении у ексарха, назначаемого епархом города. Привозимые из Сирии одежды, равно как сарацинские и багдадские ткани, должны храниться в одном складе. Сирийские купцы имеют право оставаться в Константинополе только три месяца, по истечении коих непроданный товар предъявляется епарху, который принимает для сбыта его зависящие меры. Есть еще любопытная статья в уставе этой корпорации, которая, если мы не ошибаемся, говорит об артельной продаже товаров всеми членами корпорации и о разверстке вырученной суммы между всеми участниками согласно внесенной каждым доле [24]. -

6. Торговцы шелком-сырцом (οί μεταξοπραται). Этот цех занимался покупкой шелка от местных производителей и продажей его для обработки и изготовления тканей. Запрещение обработки определенно выражено в особой статье устава (§ 14). Привилегией цеха было торговать чистым шелком высшего качества, низшие же сорта принадлежали другой коллегии μελαίίράριοι. Устав предусматривает главным образом, чтобы шелковые материи продавались явно и в определенных складах и не попадали в посторонние руки. Запрещается продавать этот товар евреям (§ 13 и 16).

7. Цех прядильный (οι καταρτάριοι). Первоначальная обработка сырца должна была состоять в приготовлении из него пряжи или шелковых ниток — этим и занимались κατοφτάριοι. Несколько затруднений представляется в выяснении различия между этим цехом и предыдущим, т. к. оба имеют право покупать шелк-сырец[25]. Весьма вероятно, что предыдущий цех — μεταξοπραται — определял количество необходимого для продажи шелка, ибо, как видно будет ниже, цех σηρικάριοι получал от него все необходимое количество шелковой пряжи.

8. Красильщики и ткачи шелка (οί σηρικάριοι). Хотя о краске шелковой пряжи нет речи в эдикте, но, судя по тому, что в Риме этим занималась особая коллегия, и что о красильщиках (βαφείς) есть упоминание из позднейшего времени, следует допустить в этом цехе и выделку пурпуровой краски, по крайней мере в переходную эпоху. Впоследствии выделка пурпуровой краски была монополией правительства и производилась обыкновенно на императорских фабриках. Производство этой корпорации обставлено весьма строгими предписаниями и предупредительными мерами. Сирикариям запрещается ткать материи неустановленных образцов и цветов, обыкновенный тип тканей должен подражать персидским пестрым материям, позволяется также выделывать материй для славянского головного убора (славянские факиолии). Пурпуровые же материи и ткани шириной в две четверти должны предъявляться епарху равно как и все одежды ценой свыше 10 номисм, хотя бы они были

и пестрых цветов. Преследуется открытие частных мастерских для производства пурпуровых тканей; угрожает строгое наказание тому хозяину мастерской, который воспрепятствовал бы входу в его заведение чиновнику для наложения клейма и для ревизии тканей; требуется, чтобы шелк покупался исключительно в определенных заведениях, а не у частных лиц; запрещается без ведома епарха продавать материи иностранцам.

9. Торговцы полотном (οι ο9ωνιοπραται ήγουν μιφανεΐς). Полотняный товар шел в Константинополь из Фракии и Македонии и из Болгарии и был статьей покровительствуемой. В особенности производством льна славились Колхида и Керасунт, вообще области на восток и юг от Черноморья. Ткачи полотна имели обязательство продавать свой товар вразноску на базарах. Следует обратить внимание на одну статью в уставе этой корпорации (§ 6). Может случиться, что кто из иностранцев, из болгар или из иных народов, привезет лен или мед и пожелает обменять на другие товары. Тогда корпорация, занимающаяся торговлей полотном, имеет право войти в товарищество с членами других корпораций, торгующими требуемым товаром, и с разрешения епарха сообща вести торг с иностранцами, причем члены других корпораций удерживают для себя столько иностранного товара, сколько им требуется, остальное же все остается в пользу корпорации, занимающейся полотном, причем эта последняя выплачивает членам других корпораций по одному кератию на номисму (т. е. около 4%).

10. Продавцы благовонных товаров (οι μυρεψοΐ). Лари и столы этой корпорации располагаются по порядку от Халки, где икона Христа, до Милия. Им вменяется в обязанность покупать товар в определенное время, когда он приходит из Халдии, Трапезунта или других мест, не задерживать иностранных купцов более трехмесячного срока, которым они пользуются для пребывания в Константинополе. Товар, составлявший привилегию цеха μυρεψοί, состоял из следующих произведений Индии и Китая: перец, нард (στάχος), кинамом (κινάμωμος), алой, амбра (αμβοφ), мускус, ладан, мирра, бальзам и др.

11. Торговцы воском (οι κηρουλάριοι). Они обязываются вести торговлю в своих лавках, а отнюдь не на ларях, поставленных где попало. Мастерские их должны стоять на расстоянии 30 сажен одна от другой. Весовые знаки (ο καμπάνας) должны иметь печать епарха.

12. Торговцы мылом (οι σαπωνοπράται). Цех занимался как приготовлением, так и продажей мыла. Строго было запрещено употребление вредных составов в изготовлении мыла. Кто без ведома епарха и старшины примет в свое заведение лицо, не принадлежащее к корпорации, платит штраф в 24номисмы*. Запрещается открывать мастерские в близком расстоянии одна от другой, новая от старой должна отстоять на 7 локтей и 12 стоп; воспрещается торговать французским мылом. Смертная казнь угрожает тому, кто уличен будет в тайной торговле запрещенным лекарством (υγρά κατασταλλακτή. Р. 46, § 7), например Французским мылом.

13. Поставщики съестных припасов (οι σαλδαμάριοι) имеют право открывать лавочки по всему городу, на площадях и в переулках, для

* Золотой империал, иначе номисма, или иперпир (иначе перпер), стоил около 4 р. на наши деньги.

удобства жителей. Весы и меры должны иметь печать епарха, торговый барыш их определяется в две милиарисии на номисму.

14. Кожевники, занимающиеся собственно выделкой ремней (οι λωροτόμοι) из готовой кожи. Устав различает три отдела между кожевниками. Таковы собственно кожевники βυρσοποιοί, затем следуют μαλακατάριοι, приготовлявшие кожу для изделий. Мастера ремней зависят от епарха лишь частью по принадлежности их к кожевенной корпорации и имеют во главе своей старшину по назначению епарха. С другой стороны, они подчинены прртостратору, т. е. начальнику царской конюшни, от которого и получают заказы на поставку сбруи для лошадей.

15. Мясники (οι μακελάριοι). В римскую эпоху различались три коллегии: boarii, pecuarii и suarii, занимавшиеся торговлей быками, мелким скотом и свиньями. В эдикте макеларии торгуют скотом и вместе занимаются убоем скота. Покупка товара производится на скотопригонном рынке в Стратигии* и по цене, установленной епархом. Продажа мяса должна производиться согласно покупной цене за голову; в пользу мясника идут голова, ноги и внутренности животного. Мясникам возбраняется входить в сделку с гуртовщиками, пригоняющими стада в Никомидию и в другие города; константинопольские мясники должны покупать баранов в Сангарии.

16. Свиноторговцы (οι χοιρέμποροι). Торговля производится на Тавре, вне этого места запрещается входить в сношения с хозяевами свиных гуртов; старшина корпорации обязан всякий раз при покупке товара предъявлять его епарху и не имеет права продавать свиней в розницу перекупщикам.

17. Рыботорговцы (οί ίχθυοπραται). Рыботорговцы составляют отдельный цех и не смешиваются с рыбаками. Местом рыбной торговли определяются большие городские подвалы (αί λεγόμενοα μέγιστοα κάμοφοα της πόλεως). В каждой лавке рыбного рынка есть свой смотритель, на обязанности которого лежит наблюдать, чтобы продажа рыбы производилась соответственно с покупной ее ценой на море. Покупка рыботорговцами товара производится на берегу моря, на пристанях, с подходящих к пристани лодок; никоим образом рыботорговец не может идти для покупки на места рыбных ловель, но ожидать прибывающих к берегу лодок с рыбой. Старшины рыботорговцев каждое утро являются к епарху и сообщают ему сведения насчет улова рыбы в минувшую ночь; согласно с этим епарх устанавливает продажную цену рыбы для городских жителей.

18. Хлебопеки (οί αρτοποιοί). Они покупают жито по установленной епархом цене и, смолов жито, приготовляют хлеб, продавая его с таким расчетом, чтобы на каждую номисму оставалась им прибыль в один кератий и две милиарисии**; кератий составляет чистую прибыль хлебопека, а две милиарисии идут на содержание рабочих, на

* Так называлась большая площадь в городе. Strategium in quo est forum Theodosiacum (ap. Seeck. Notitia urbis Constantinopolitanae).

** Кератий — мелкая серебряная монета, на номисму полагалось 24 кера-тия, следовательно, цена кератия ок. 15 коп. Милиарисии — тоже серебряная монета вдвое большей стоимости, чем кератий (ок. 35 коп.).

расходы по топке печей и прокормление лошади, смоловшей жито. Дабы предоставить этой корпорации полный досуг в исполнении столь важной общественной службы, она освобождена была от всяких других общественных повинностей. Хлебопекарни должны строиться в удаленных от жилых помещений местах. Хлебопекарни называются в Эдикте словом μαγκίπια, о котором определенное заключение можно составить на основании свидетельства Иоанна Лида[26], «манкипами называются те, которые пекут общественный, раздаваемый народу хлеб». О древности цеха можно судить по тому, что раздача печеного хлеба вместо зернового началась в Риме с половины III в., она производилась в Константинополе в нескольких местах до времени Ираклия.

19. Содержатели мелочных лавок и питейных заведений (οί κάπηλοι). Старшина корпорации обязан дать знать епарху, когда поступает в заведение новая партия вина, дабы он установил правила для продажи и указал законную мерку. Запрещается содержателям питейных заведений открывать кабаки в большие праздники и по воскресеньям ранее двух часов дня, по ночам же предписывается закрывать кабаки и тушить плошки с наступлением второго часа (т. е. после захода солнца), дабы не подать повода тем, которые привыкли проводить в кабаках целые дни, заходить туда и ночью, в опьянении затевать шум и драки.

20. Легатарий, или уполномоченный. Епарх назначает с ведома царя легатария, обязанность которого состоит в том, чтобы следить за прибывающими в Константинополь из разных стран купцами и доводить о них до сведения епарха, который должен осмотреть привезенные ими товары и указать способ распродажи их. По истечении определенного срока и по окончании дела легатарий снова доводит о них до сведения епарха и представляет список закупленных ими в Константинополе предметов, дабы не было вывезено из столицы запрещенного к выпуску товара. На обязанности епарха лежит наблюдение за тем, чтобы прибывающие из-за границы с товарами купцы не оставались в столице больше трех месяцев, но чтобы в течение этого срока успели как продать привезенные товары, так и купить, что им нужно, и выбыть из столицы.

21. Посредники (маклера) при покупке лошадей и рогатого скота (οί βόδροι). Названные здесь маклера покупали тех животных, которые, будучи пригнаны крестьянами в Константинополь, не нашли покупщика. Здесь нельзя не видеть заботы правительства о снабжении населения города дешевым мясом. Главная обязанность βόθροι состоит в том, чтобы свидетельствовать при покупке скота о доброкачественности животных, причем с каждой головы шел в пользу их 1 кератий. Скотопригонный рынок должен быть в определенном месте на площади Тавра (Άμαστριανός), и торговля должна производиться публично, дабы предупредить покупку и продажу заблудившихся или ворованных животных. В случае, если покупщик нашел порок, он может отказаться от покупки в течение шести месяцев; по прошествии же шести месяцев это право удерживает только покупщик военного сословия.

22. Ремесленники разного рода: столяры, маляры, мраморщики, слесаря, живописцы и др. Ремесленник, принявший заказ на какую-нибудь работу, не имеет права отказаться от нее, за исключением того случая, когда заказчик не доставит нужного материала для окончания работы, или когда он не исполняет справедливых требований

ремесленника. В этом случае с ведома и согласия епарха договор может быть нарушен. Но если ремесленник уклоняется от исполнения заказа по жадности или капризу, тогда заказчик имеет право прогнать его, ничего не заплатив за сделанный труд, и доводит об этом до сведения епарха, который подвергает рабочего телесному наказанию. Особенно интересна четвертая статья устава о ремесленниках. Кто принял заказ вывести стены или устроить цементированное здание со сводами (θόλους έγχωρήγους) или арки, тот должен принять все меры предосторожности, чтобы фундамент был сделан крепкий, и постройка выведена по правилам строительного искусства. И если в течение десяти лет постройка рухнет не по причине воли Божией, то строитель обязан восстановить ее на собственные средства. В том, однако, случае, если бы расходы на возобновление превышали ценность золотой литры, подрядчик принимает на себя работу безвозмездно, а хозяин-заказчик доставляет нужный для постройки материал. Постройки на глине обязательно должны держаться шесть лет; если же до истечения этого срока постройка развалится, то подрядчик обязан восстановить ее на собственные средства.

Рассмотренные здесь главы устава константинопольских двадцати двух корпораций бросают совершенно новый свет на внутренний строй столицы и позволяют наметить в этом громадном, но так мало изученном организме те живые силы, которые одухотворяли его и приводили в движение. Приказ епарха города представляется могущественным рычагом, дававшим направление деятельности промышленного и ремесленного населения. Епарх посредством зависящих от него органов не только проникает во все подробности городской трудовой жизни, но является еще ответственным пред правительством лицом за порядок и спокойствие в городе, даже за мысли и убеждения высших классов столичного населения.

Законодательные памятники категорически ставят в зависимость от епарха все городское население[27]. Εκλογή των νόμων, памятник VIII в., выражает в одиннадцати пунктах компетенцию епарха города[28]. Соединив однородные пункты, можем представить полноту власти епарха в следующих чертах:

1. Он судит все дела по проступкам в городе и на сто миль за чертой города; а) ведает дела о рабах, выкупающихся на свободу, и дела патронов с вольноотпущенными; б) дела по опеке и о неправильном управлении имуществом опекаемых, и в) дела о проституции.

2. Ведает дела банковские, устанавливает цены на мясо.

3. Следит за порядком в городе и общественным спокойствием в публичных местах.

4. Имеет в своем распоряжении отряд военных людей для содержания порядка и получения сведений о том, что где происходит.

5. Имеет право выселять из столицы, запретить временно или навсегда занятие торговлей и ремеслом, ограничить доступ в театры, лишить права адвокатской практики.

6. Его ведомству подлежат ремесленные корпорации.

Итак, в памятниках мы нашли достаточно свидетельств о важной роли в жизни столицы епарха. Как правительственный орган, находящийся в ежедневном и непосредственном соприкосновении с рабочим

и ремесленным населением столицы, епарх должен был тесно связать свое имя с Константинополем. К сожалению, сохранилось мало сведений для общей характеристики его как хозяина города. Одно из лучших известий в этом отношении связано с именем епарха Кира, современника Феодосия Великого. Правда, это был исключительный человек, обладавший редкими качествами образования и ума; писатели придают ему почетное прозвание ο φιλόσοφος, άνήρ σοφώτατος. Стоит указать здесь одну черту к его характеристике. Сделавшись весьма популярным в городе, Кир лишен был царем всех почестей под предлогом эллиномыс-лия, пострижен в монахи и назначен епископом в город Смирну. Жители Смирны, желая испытать нового епископа насчет его воззрений, настоятельно просили его сказать проповедь в день Рождества Христова. Епископ уступил их настояниям и сказал следующее: «Братие, Рождество Бога и Спаса нашего Иисуса Христа молчанием должно быть чтимо, ибо слухом только зачала во чреве Святая Дева Слово Божие, Ему же слава во веки, аминь»[29]. Это, конечно, нужно признать искусным ораторским приемом, напоминающим знаменитое слово Иннокентия перед плащаницей: «Братие, Господь и Спаситель наш во гробе, начнем же молиться и плакать». Большинство писателей, упоминающих о деятельности Кира[30], восхваляет, главным образом, строительную его деятельность (постройка стен и возобновление всего города) и изобретение особого рода вечернего и ночного освещения для мастерских.

В известии Пасхальной хроники следует обратить внимание на выражение έπενόησε, которым указывается действительно на открытие или изобретение чего-либо нового и доселе неизвестного. Здесь не может быть речи об обыкновенном вечернем освещении мастерских, т. к. способы ночного освещения улиц и публичных мест были известны и не составляли в Константинополе необычного явления. В статье 3 устава питейных заведений, на которую выше обращено было внимание, говорится, что с наступлением ночного времени кабаки закрываются, и плошки тушатся. Никак нельзя сомневаться и в том, что осветительное масло и горение его в плошках было употреблено в Константинополе и в эпоху епарха Кира. Аммиан Марцеллин[31] хвалит ночное освещение в Антиохии, которое будто спорило с дневным светом. Историк Кедрин, рассказывая о пожаре во время бунта, известного под названием «Ника», истребившем множество зданий, упоминает о погибели дома, называемого фонарным, потому что по вечерам он горел огнями [32]. Этот так называемый дом λαμπτήρων, имеющий склады шелковых товаров, которые, по всей вероятности, в нем и изготовлялись, до известной степени может быть сближен с изобретением епарха Кира для ночного освещения мастерских. Но в чем заключается секрет и новость изобретения, об этом судить очень трудно. Что византийцам были известны некоторые искусственные способы освещения и обогревания, об этом можно догадываться на основании известия Кодина о банях Зевксиппа, освещаемых и в то же время обогреваемых посредством особого стеклянного аппарата.

В качестве хозяина города епарх имел попечение об украшении [er]о красивыми зданиями, об устройстве театральных представлений. Одной из важнейших его забот было иллюминовать и украшать город по случаю праздников, парадных процессий царей и встреч важных

иностранцев. Любопытное известие об иллюминации Константинополя сохранил Кедрин. Однажды в городе распространился слух, что царь Юстиниан заболел и никого к себе не принимает. Начались мятежи и грабежи. Тогда епарх приказал зажечь иллюминацию в ознаменование того, что царь выздоровел, и своеволия прекратились.

Только епарх мог располагать такими обширными средствами, чтобы в короткое время привести город в праздничный вид по случаю торжественных встреч и царских выходов. Для этого у него были в распоряжении все торговцы золотыми и серебряными вещами, все фабрики и мастерские, где изготовлялись шелковые материи, и, наконец, торгующие этими предметами. К торжественным случаям улицы Константинополя чистились и украшались зеленью и цветами, парадные залы дворца также украшались восточными тканями и драгоценными предметами, взятыми или от поставщиков, или из церквей и разных богоугодных заведений. Так, по поводу торжественного приема сарацинских послов дворцовые помещения епарх украсил пурпуровыми и шелковыми тканями, золотыми и серебряными предметами, эмалями и проч., особенно подробно описано украшение города по случаю возвращения Василия Македонянина из похода[34]. Епарх города украсил город от Золотых ворот до Халки лавром, розмарином, миртом, розами и другими цветами и, кроме того, разноцветными скараманги-ями и тканями и паникадилами, весь путь усеян был цветами, а на долине за Золотыми воротами были раскинуты шатры, где были пленники и расставлена военная добыча. Все подобное убранство города называлось изящным убором, и украшенный так город сравнивался с покоем новобрачных[35].

Политические права населения Константинополя выражались, кратко говоря, в муниципальном праве итальянских городов, что в Византии подразумевалось в термине το δίκαιον της πόλεως. Под суровым гнетом царей политические права городов, однако, скоро ограничены были тесными пределами цирка и представлений, в нем даваемых. Вследствие этого главнейшие сведения о политических правах городских жителей почерпаются из известий писателей о цирковых партиях. История этих партий представляет, однако, некоторые неясности и трудности. Историки предъявляют к ним резкие и суровые обвинения, хотя недостаточно определяют происхождение этих партий и руководившие бурными движениями их мотивы. Но т.к. под цирковыми партиями византийских писателей следует подразумевать городской народ, разделенный по димам — οί δήμοι, то в «неистовствах» и «безрассудстве» этих партий (τα μέρη) можно видеть последние взрывы борьбы городов за политические права. В этом смысле вопрос о цирковых партиях имеет большой исторический интерес. Ввиду крайней скудости материалов, касающихся димов и партий цирка, стоит обратить внимание на малоизвестный памятник, находящийся ныне во дворе св. Ирины и воздвигнутый в честь циркового наездника Порфирия.

Городские димы наполняют своими бурными волнениями историй V и VI вв. Затем упоминания о них становятся все реже и реже - признак, что правительством нанесен был городам решительный удар. В Константинополе было четыре дима: венеты, прасины, левки и русий. В политическом и административном отношениях они находятся в зави

симости от димарха и демократа, высших чинов в византийской служебной табели, которые не имели отношения к делам ипподрома.

Чтобы понять значение городских димов, нужно оценить те известия писателей, в которых эти димы ставятся в определенное отношение к власти полновластного хозяина Константинополя, городского епарха. Нельзя, прежде всего, не отметить, что движения и смуты так называемых партий кроются в неудовольствии против правительства, и в частности против городского епарха, причем дороговизна хлеба, военный постой, притеснения и взятки и т. п. почти всегда выставляются как главные причины волнений. Из этого можно заключить, что в городских димах имеем бытовое явление, коренящееся в организации восточных городов Писатели, указывая демократические тенденции в больших городах на Востоке, называют Антиохию очагом таких тенденций. Правительство вело борьбу с городскими димами как законодательным, так и административным путем, ограничивая права горожан и расширяя полномочия епарха. Для Константинополя кульминационным периодом в этом отношении было время епарха Феодота при царе Иустине I в начале VI в., для Антиохии — период Константина Тарсея при Анастасии, т. е конец V в. Особенно суровой мерой, возбуждавшей население, было назначение городских димов на военную службу. Первый случай такого рода отмечен во время Юстиниана I и заключается в следующем. По случаю нападения аваров и славян, которые прорвались через Анастасиеву стену и угрожали самой столице, масса крестьянского населения из ближайших деревень искала спасения в Константинополе. Юстиниан зачислил этих пришлых людей в городские димы и назначил их на службу на Длинные стены, построенные Анастасием. Военная повинность, к которой привлекаются потом чаще и чаще городские димы, встретила среди них сильную оппозицию, но она последовательно была потушена правительством. В дальнейшем городские димы вполне теряют свое политическое значение, о котором слабые намеки сохранились в Придворном уставе Константина Порфирородного X в., и всецело подчиняются ведомству епарха города.

Константинополь как столица Византийской империи, будучи ярким выразителем византинизма, характеризующего религиозную, политическую и культурную жизнь народов, входивших в состав империи, в своей истории и во внутреннем развитии настолько тесно связан с судьбами империи, что последняя не может быть изучаема без истории Константинополя. Может быть, ни одна столица не была таким полным выразителем идей Византийского государства, православия и оригинальной морали, как столица Византии.

В настоящей главе будет поэтому уместно указать наиболее определенные черты, коими совместно характеризуются как империя, так и столица. Господствующим в Византии языком был греческий; это был и церковный, и литературный язык. Империя мало-помалу освобождалась из-под влияния латинского языка в праве и в администрации, что было более или менее достигнуто в VI и VII вв. Может быть, слишком искусственная связь, образовавшаяся между церковным и литературным языком, с одной стороны, и идеей православия—с другой, ослабляла центробежную силу византинизма и приготовила ему серьезные преграды и оппозиционные стремления на окраинах. Именно

против деспотизма латинского языка и римского права на Востоке уже в V в. появляется стремление приспособлять законники к местным потребностям, переделывая их на основании туземных обычаев и местного права на народный язык. То же можно сказать о восточном православии, против которого образовались разнообразные вероучения и секты, опиравшиеся частью на национальные особенности, сросшиеся с определенными народными группами. Наиболее резко выраженными этнографическими группами на Востоке, нужно признать, кроме греков, которые, будучи весьма незначительными по числу как племенной элемент, весьма импонировали языком и культурой, были арабы, сирийцы и египтяне, которые оказали громадное влияние на организацию византинизма в первые столетия его истории, придав ему и жившим под действием его народностям отличительный культурный и психологический тип.

Весьма важным обстоятельством было то, что центр тяжести византинизма был на Востоке. С падением Западной империи на Константинополь перешла славная традиция Римской империи, которая во все время тысячелетнего существования Византии придавала ей особенный авторитет и значение в глазах новых народов. В то время, как Рим и весь Запад сделались добычей варваров, Византия могла гордиться сознанием, что одна она осталась очагом идеи империи и мировой культуры. И, действительно, византийские греки не переставали считать себя законными наследниками Римской империи и пользовались всяким случаем, чтобы осуществить свои права. Они восприняли во всей совокупности литературу, искусство, право, административные формы от Рима и продолжали развивать и приспособлять их согласно новым потребностям. Таким образом, в Византии продолжали развиваться все те культурные формы, которыми жило человечество до конца V в. На Западе появляются новые народы, в Византии главный и господствующий этнографический элемент остался один и тот же, и культурные традиции сохранились в нем без перерыва и перемен. Вследствие этого Византия могла пользоваться неисчерпаемым источником готовой древней культуры, между тем как на Западе новые народы должны были постепенно создавать свои собственные условия жизни. Этот твердый и не подвергшийся разрушению фундамент древних веков и создал для Византии ту удивительную устойчивость, которая так характеризует ее. С одной стороны, постоянно идущая традиция, с другой — чувство превосходства перед другими нациями придали Византии известный характер упрямства или упругости, которым отличаются древние культуры. Это упорство в защите своих особенностей оградило Византию от чужеземных влияний, но, с другой стороны, уменьшило способность применяемости или искусства немедленно разобраться в новой обстановке и составить полный отчет о происходящих внутри и вне событиях.

Исключительное положение столицы, без сомнения, было одним из главных устоев империи. Константинополь в одно и то же время был прекрасным укрепленным местом, годным для защиты от внешних врагов и в то же время весьма пригодным для вооруженных нападений во все стороны, приспособлен для входа и выхода, для торговых сношений и прилива населения. Государство, снабженное достаточным флотом, могло господствовать над Средиземным морем и быть недоступ-

в своем центральном укреплении; но и без морской силы Византия легко могла со своими сухопутными силами поддерживать связь с противоположным азиатским берегом, откуда она черпала главные свои лучшие силы во весь продолжительный период своей истории. Константинополь давал тон другим городам империи. Его отличие и преимущество от Антиохии, Александрии, Солуни и Херсонеса заключалось в том, что здесь жили император и его двор. Вместе с высшим духовенством, военными и гражданскими чинами и крупными землевладельцами придворные образовали высший влиятельный класс в Константинополе, служилую аристократию, которая отличалась консерватизмом в делах веры и политики и нередко вместе с сенатом становилась на защиту традиций и устоев византинизма. Сенат как учреждение, современное основанию Константинополя, долго пользовался большим политическим значением и при вакантности трона, случавшейся весьма нередко, становился во главе государства. При Юстиниане I значение его понизилось, но все же это учреждение в самые трудные эпохи империи являлось на страже национальных интересов. Просматривая длинный список византийских царей, мы должны признать, что за исключением немногих ничтожностей, носивших корону, на первом плане стоят крупные и импозантные государи, умевшие и командовать войсками, и мудро направлять гражданское управление.

Между византийскими полководцами и государственными деятелями также можно указать немало весьма умных и энергичных деятелей, с сознанием долга исполнявших важные поручения. Вообще было бы ошибочно думать, что в Византии приходится иметь дело лишь с негодяями и жалкими евнухами.

Во все времена византийские патриоты считали существенным своим преимуществом перед другими народами высокую образованность. Свою культуру и блага образованности превозносили они даже и тогда, когда на Западе начали оживать у новых народов классические предания, но в V и VI вв. Константинополь бесспорно был единственным культурным центром, где наука и искусство имели своих почитателей, и где было распространено среднее и высшее образование. Весьма известно положение, что христианским просвещением и законодательством Византия побеждала некультурные народы, с которыми ей приходилось иметь дело; в этом состояло политическое орудие ее системы.

В Константинополе не умирали хорошие научные традиции, которые немыслимы без средней и высшей школы. Правительство ценило образование и всеми мерами старалось поддержать просвещение в столице Византийской империи. Так, в 333 г. освобождены от муниципальных должностей медики и профессора наук вместе с их женами и детьми, «дабы предоставить означенным лицам всю необходимую свободу для занятий науками и искусствами и для преподавания другим». В 376 г. преподаватели наук приняты на казенное жалованье, причем большим городам предоставлено право самим избирать своих профессоров, докторов и магистров. Уже приведенные факты достаточно свидетельствуют о заботах правительства к сохранению и развитию образования, воспринятого от древних времен.

К 425 г. относятся два акта, имеющие особенный интерес для истории высшего образования в самом Константинополе. Император

Феодосии II одним законом установил штаты ученой коллегии, которая поставлена в особое положение и выделена из состава обыкновенного учительского сословия, занимавшегося преподаванием в общественных школах и в частных домах. Эта новая коллегия, которую можно назвать университетом, составляет специальное императорское учебное заведение, в состав коего входит 31 профессор. Оно разделяется на следующие группы по специальностям:

1) три оратора для римского красноречия;

2) десять грамматиков для римской словесности;

3) пять софистов для греческого красноречия;

4) десять грамматиков для греческой словесности;

5) один философ;

6) два профессора для преподавания юридических наук.

Этот закон есть не что иное, как устав константинопольского университета, для которого назначены особое здание и особый штат служащих. Закон предусматривает даже ту подробность, чтобы профес сора преподавали каждый в предоставленной ему аудитории, дабы не было помехи преподаванию от шума учеников и от смешения разных языков.

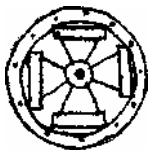
Другим законодательным актом определяются права этого ученого учреждения. Коллегия служащих в нем профессоров числится на государственной службе, имеет особые преимущества по табели о рангах и получает одно из существенных прав коллегиального учреждения — оценивать заслуги своих сочленов. При введении этого устава император Феодосии II возвел часть профессоров в чин графства первой степени, уравнивавший их с губернаторами провинций; для других профессоров открыты дороги к почестям под условием доброй нравственности, преподавательских способностей, ораторского таланта и успешных занятий наукой, если таковые качества будут засвидетельствованы высоким советом профессоров. По выслуге 20 лет и все профессора имеют право на этот чин графства первой степени. В уставе отмечаются некоторые черты организации жизни студентов в больших городах. Каждый молодой человек по прибытии в университетский город должен был заявиться у магистра ценза и представить ему документ, свидетельствующий об его происхождении и состоянии родителей. Кроме того, от него требовалось, чтобы он указал разряд наук, которыми намерен заниматься, и адрес квартиры в городе. Местная полиция должна была следить за поведением молодых людей; в случае нарушения дисциплины они подвергались наказанию и теряли право на пребывание в университетском городе. Императоры, давая приют науке, заботились также об образовании библиотеки и о сохранении старых рукописей, равно как о составлении списков с них. С этой целью была учреждена в Константинополе комиссия из семи каллиграфов, в коей было четыре специалиста для греческого и три для латинского письма. Назначение комиссии было делать копии со старых кодексов и исправлять обветшалые. Таким путем могли сохраниться древние рукописи, а равно развиваться в Константинополе школа специалистов-каллиграфов. Известно, что сам Феодосии II любил заниматься перепиской древних кодексов и поощрял занятия каллиграфией.

Нужно думать, что занимающее нас ученое и учебное учреждение основано было поблизости от Большого дворца на древнем акрополе,

почему и названо было школой профессоров Капитолия. В V в. эта местность пострадала от пожара, уничтожившего много публичных зданий и, между прочим, царскую библиотеку. Если бы предполагать, что этим пожаром уничтожено было и здание университета, то самое учреждение могло сохраниться в последующие века. Никак нельзя думать, чтобы Юстиниан I, наложивший руку на афинский университет по политическим соображениям, мог закрыть константинопольскую высшую школу, ибо известно, что он покровительствовал изучению права и открыл для этого предмета кафедры в существовавших при нем университетах: бейрутском, римском и константинопольском. Историк Юстиниана Прокопий не говорит о закрытии при нем школ, а о сокращении выдачи жалованья профессорам. В дальнейшем мы, впрочем, будем не раз встречаться с высшей школой в Константинополе. Вообще наука и искусство нигде не пользовались в средние века таким вниманием, как в Константинополе. И большинство литературных и художественных памятников, сохранившихся по настоящее время от Византии, или происходят из Константинополя, или имеют к нему отношение. Таким образом, не обинуясь, следует признать, что Константинополь был ярким выразителем византинизма, и что история Византийской империи не может быть ни изложена, ни понята без параллельной истории Константинополя.

Есть прекрасное место, рисующее мировое значение Константинополя; оно читается у историка Иорнанда[37]. Император Феодосии Великий пригласил к себе в столицу остготского короля Атанариха. Вот как историк описывает произведенное столицей империи впечатление на варварского короля: «Атанарих, совершенно охотно приняв приглашение, вступил в царственный город и в удивлении сказал: теперь я вижу собственными глазами этот знаменитый город, о котором часто слышал с недоверием. И, озираясь туда и сюда, он то восхищался положением города, то удивлялся каравану кораблей, то, смотря на знаменитые стены и на множество народа из различных племен, обильной волной стекающегося сюда, как войско в боевом порядке, в одну реку с разных сторон, произнес: без сомнения, император есть земной бог, и кто осмеливается на него подняться, сам будет виновен в пролитии собственной крови».

В заключение настоящей главы укажем на замечательный памятник раннего византийского искусства, открытый при работах Русского археологического института в мечети Имрахор, т.е. в древнем Студийском монастыре. Все сообщаемые рельефы найдены внутри базилики и служат драгоценным, как с точки зрения истории искусства вообще, так и в частности Студийского монастыря, памятником важной роли, какая выпала на долю Константинополя в культурном отношении...

Глава IX

Маркиан и Пульхерия. Халкидонский собор. Общеисторическое значение 28-го канона. Лев I. Федераты. Аспар и Ардавурий, Экспедиция в Африку

Неожиданная смерть Феодосия в 450 г. открывала вопрос о престолонаследии, т. к. у него не было прямого мужского потомства. После него осталась дочь Евдоксия, находившаяся в замужестве за западным императором Валентинианом III; кроме того, оставалась в живых, хотя едва ли могла иметь притязания на власть, императрица Евдокия, проводившая жизнь в Иерусалиме; но всех ближе к престолу была августа Пульхерия, по всем сохранившимся данным имевшая сильное влияние на политику. В смутное время религиозных споров к ней обращается с письмами папа, равно она ведет переписку с влиятельными лицами по делам церковным. Вопрос о вакантности престола она разрешила весьма своеобразно, но в то же время и практично, пригласив к соучастию в правлении старого и опытного в делах Маркиана и утвердив его права браком с ним. Патриарх Анатолий, избранный на место умершего от горя и потрясений Флавиана, совершил над новым императором церковный обряд коронации, который с тех пор постепенно входит в обычай во всех европейских государствах.

Время было чрезвычайно тревожное, оно как раз совпадало с походом Аттилы на Таллию. Но для Византийской империи на первом плане стояли религиозные вопросы. Любопытно, что мысль, впервые высказанная в письмах папы Льва, согласно которой от правильной веры в единую Троицу зависят единство и прочность государства, вполне была усвоена на Востоке и сделалась руководящей в церковной политике. Ни для кого не оставалось сомнения, что со смертью Феодосия и устранением от дел евнуха Хрисафия должен наступить полный переворот в церковных делах. Слишком ставший в последнее время заметным склон на сторону египетских притязаний, чрезвычайно резкие и деспотические приемы Диоскора Александрийского, напомнившие его предшественника на престоле Феофила, подготовляли перемену в настроении высшего духовенства. В весьма оживленной переписке папы с императором Маркианом и Пульхерией начинает уже обсуждаться вопрос о Вселенском соборе, на котором и сам папа хотел бы быть лично, но только политические и военные события могут, говорил он, ему помешать осуществить это желание. Каким важным значением пользовалась царица Пульхерия, свидетельствует преимущественно 79 письмо, в котором

ставится ей в заслугу победа над Несторием и Евтихием, воздаются похвалы за поддержку, оказанную папским легатам и притесняемым православным епископам, равно как за честь, оказанную умершему в ссылке архиепископу Флавиану перенесением его тела в Константинополь и погребением в храме свв. Апостолов. И в особенности нельзя не остановиться вниманием на тех советах, какие дает папа по отношению к устройству церковных дел, потрясенных учением Евтихия и разбойническим собором. Можно видеть, что подготовлялась радикальная реформа в Константинополе.

Почти год спустя по смерти Феодосия эдиктом от 17 мая 451 г. Маркиан назначил открытие собора на 1 сентября того же года в Никее. Но по случаю неспокойного положения дел и в желании иметь личное наблюдение за делами собора император, уступая также жалобам на неудобства жизни в Никее, перенес место собраний в Халкидон. Это знаменитый в истории Церкви IV Вселенский собор, положивший основание для многих существенных во всемирной истории течений и обусловивший развитие дальнейшего строя православной Церкви на Востоке и отношений Западной Церкви к Восточной. Имея в виду, что и по настоящее время по многим вопросам церковной жизни ученые канонисты должны обращаться к канонам Халкидонского собора, и что Восточная Церковь в своих отношениях к Западной, а равно и во всех спорах и притязаниях восточных национальностей на церковную и политическую самостоятельность имеет самые положительные точки опоры в постановлениях и практике эпохи Халкидонского собора, историк Византии обязательно должен дать значительное место в своем изложении деяниям этого собора.

В указе император так выражает цель созвания собора. «Польза истинной веры и православия предпочтительней всего в мире, ибо если Бог к нам милостив, то и царство наше будет благоустроено. Т. к. возникли разногласия об истинной вере, то мы решили собрать священный собор в Никее, дабы истина была исследована в единогласном мнении всех и без пристрастия была выяснена истинная вера и дабы на будущее время никаких сомнений и никаких разномыслии об этом не имело места». Когда было получено в Риме приглашение принять участие в соборе, папа назначил своими представителями епископа Пасхасина и пресвитера Бонифация, приказав им действовать в согласии с бывшими уже в Константинополе легатами, епископом Люценцием и пресвитером Василием, прямое представительство и председательство. На соборе папа поручил епископу Пасхасину.

Императорские делегаты на соборе были следующие лица, оттененные в протоколе заседания[1], состоявшегося 8 октября 451 г. в церкви св. мученицы Евфимии: стратилат и бывший консул, патрикий Анатолий, епарх претории Палладий, епарх города Татиан, магистр оффикий Винкомал, комит доместиков Спаракий, комит приватных дел Генефлий; сенаторы: бывший консул и патрикий Флорентий, Сенапор, Монн, Протоген, Зоил, Феодор, Аполлоний, Роман, Константин и Евлогий, т.е. 16 высших придворных и административных чинов. В какое отношение поставлены они были к папским легатам, занимавшим председательское место, это можно вывести лишь из делопроизводства

* Практики собора, т. к. права уполномоченных со стороны императора

представителей нигде точно не определены. По аналогии с тем, как обозначены обязанности царских делегатов на предыдущем Ефесском соборе, можно думать, что им принадлежало наблюдение за внешним порядком заседаний и за правильностью хода в делопроизводстве: какой вопрос ставить ранее, какой позже, когда закрывать заседание, как голосовать вопрос и т. п. По всей вероятности, им рекомендовано было не вмешиваться в обсуждение религиозных вопросов, ограничиваясь здесь лишь наблюдением за формой и предоставив весь авторитет папскому уполномоченному, который являлся на соборе не только первым членом, но от которого зависела самая постановка вопросов на голосование. Вообще нельзя скрывать, что на Халкидонском соборе было три латинских епископа, и что главенство Римской Церкви в делах веры неоднократно выставлялось на вид как самим папой и его уполномоченными, так и членами Халкидонского собора[2]. На соборе присутствовали затем архиепископы Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима и представители почти всех Восточных, за исключением Египта, Церквей числом свыше 600 епископов. По своему составу этот Вселенский собор был хотя многочисленнее всех предыдущих, но состоял почти исключительно из греков и сирийцев, т. к. египетский элемент представлен был весьма мало вследствие нашествия вандалов на Африку.

Первая задача собора была чисто вероисповедная, предстояло разрешить вопрос, возбужденный учением Евтихия и осложненный разбойническим собором. Легат папы прямо и поставил этот вопрос своим заявлением: «Мы имеем приказания блаженнейшего и апостолического епископа Рима, главы всех Церквей, которыми воспрещается Диоскору заседать с членами собора. Если он позволит себе это, то должен быть изгнан. Мы должны настоять на исполнении этого приказания и имеем честь вам заявить: или он пусть оставит место, или мы». Этот вопрос имел очень резкую постановку и встретил замечание: какая провинность ставится на счет Диоскору? На это получился ответ со стороны второго легата: «Мы не можем допустить такого оскорбления ни себе, ни вам, чтобы заседал с нами тот, которого будем судить. Он позволил себе без разрешения папы составить собор, чего никогда не бывало и не должно быть». Вследствие протеста папских представителей Диоскору было приказано оставить свое место и занять другое, не с членами собора. Этот инцидент может служить характеристикой того влиятельного положения, какое занимали папские легаты. Затем непосредственно было предоставлено слово Евсевию дорилейскому, главному деятелю на Константинопольском соборе против Евтихия. Он представил записку с подробным изложением несправедливостей и насильственных действий, допущенных Диоскором как по отношению к Евсевию, так и к другим лицам на разбойническом соборе. Кроме того, на Диоскора поступила жалоба со стороны некоторых египетских епископов, в которой были изложены разнообразные вины Диоскора: безнравственное поведение, жестокости и несправедливые действия, насилия и попрание всяческих прав.

Суд над Диоскором сопровождался прочтением соборных деяний и разных актов и окончился осуждением его и постановлений собора, на котором он председательствовал, а равно лишением его сана. По

отношению к членам разбойнического собора, подписавшим его деяния, Халкидонский собор оказался более милостивым. Как раскаявшиеся и как действовавшие под угрозами Диоскора они были прощены и оставлены в своих званиях. В конце первого заседания прочитано было следующее определение: «Из прочтения актов и из признания многих епископов, бывших на Ефесском соборе и сознавшихся в заблуждении, ясно, что Флавиан и другие осуждены неправильно. Посему было бы справедливо, если будет на то воля императора, присудить к тому же наказанию руководителей прежнего собора: Диоскора александрийского, Ювенала иерусалимского, Фалассия кесарийского, Евсевия анкирского, Евстафия бейрутского и Василия селевкийского — и объявить их лишенными епископского сана». Но часть епископов просила о снисхождении, ссылаясь на то, что и они все согрешили. К ним присоединилось большинство, подавая голос за лишение сана одного Диоскора и за прощение остальных.

Второй вопрос, предстоявший обсуждению Халкидонского собора, касался вероучения. Нужно было найти такое изложение учения о двух естествах во Христе, которое было бы далеко от крайностей несториан-ства и монофизитства. Папа Лев I изложил это учение в знаменитом послании Epistola dogmatica, отправленном к архиепископу Флавиану в 449 г., но оно не получило на Востоке значения до Халкидонского собора. Теперь оно было прочитано на соборе и послужило вместе с учением Кирилла Александрийского материалом для определения, состоявшегося на пятом его заседании 22 октября 451 г. Чрезвычайно важное в догматическом отношении место определения собора, направленного против неправильных учений по христологическому вопросу, заключается в следующем: «Последуя свв. отцам, все согласно научаем исповедовать одного и того же Сына Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в божестве, совершенного в человечестве, истинно Бога, истинно человека, того же из разумной души и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына Господа единородного в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого (εκ δύο φύσεων ασυγχύτως, άτρέπτως αδιαιρέτως, άχωρίστως γνωριξόμενον), не в два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына, Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки о Нем и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как передал нам символ отцов»[3].

Самым торжественным было шестое заседание 25 октября, на которое прибыли царь и царица с многочисленной свитой, и на котором происходило официальное утверждение вероопределения. Таким образом, решены были два вопроса, для которых, собственно, и собирался IV Вселенский собор: разобрано дело о разбойничьем соборе и о самовольных действиях Диоскора и составлено определение веры по христологическому вопросу, наделавшему много смут в Церкви. По связи с этими двумя главными следствиями деятельности собора нужно рассматривать определения по отношению к отдельным лицам. Таково определе-

ние по отношению к блаженному Феодориту, осужденному собором Диоскора и восстановленному в сане Халкидонским собором; таково же определение относительно Ивы, епископа эдесского. Некоторым нарушением строя представлялось на соборе положение египетских епископов, по случаю низложения Диоскора оставшихся как бы без руководителя. Но им было предоставлено дать свои подписи впоследствии, когда будет поставлен на александрийскую кафедру новый архиепископ.

Халкидонский собор продолжался до 1 ноября включительно, когда происходило последнее и заключительное его заседание. На этом заседании произошел довольно неприятный инцидент, вызванный протестом папских легатов против некоторых соборных постановлений, касающихся канонических правил. Именно епископ Пасхасин сказал, что «вчера, после удаления с собора царских уполномоченных и папских легатов, составлены, по-видимому, какие-то акты, которые мы находим происшедшими вопреки канонам и церковной дисциплине. Следует прочесть их, чтобы все собрание могло судить, правильны они или нет». Тогда с разрешения царских уполномоченных архидиакон Аэций объяснил, что были приведены в порядок акты, касающиеся веры. «Вошло в обычай,— продолжал он,— что после решения-*лавных вопросов обсуждаются и утверждаются и некоторые другие необходимые дела. Такие дела есть и в Церкви Константинопольской, и мы предлагали епископам Рима принять участие в обсуждении оных, но они уклонились, ссылаясь на то, что не получили на то полномочий. Об этом было доложено царским уполномоченным, которые разрешили предложить на обсуждение собора, что окажется потребным. Так как собор единогласно постановил заняться этими делами, то ясно, что деяния его не составляют тайны и не сделаны украдкой, но происходили в полном и каноническом порядке».

После этого заявления было прочитано известное 28-е правило Халкидонского собора, состоящее в следующем: «Во всем согласуясь с постановлениями святых отцов и принимая во внимание только что прочитанный канон 150 боголюбезнейших епископов, то же самое и мы определяем по отношению к преимуществам святейшей Церкви Константинополя, нового Рима. Святые отцы по справедливости наделили преимуществами кафедру древнего Рима как императорской столицы, подобными же основаниями руководимые 150 боголюбезнейших епископов таковые же преимущества уделили святейшему трону нового Рима, с полным основанием рассуждая, что город, удостоившийся чести иметь у себя царство и сенат и пользующийся одинаковыми преимуществами с Римом, древним столичным городом, должен и в церковном отношении быть поставлен на ту же высоту, как Рим, и быть вторым после него. Посему определяем, чтобы вышепоименованный святейший престол Константинопольской святейшей Церкви имел право посвящать митрополитов диоцез Понта, Азии и Фракии, а в тех областях этих епархий, которые заняты варварами, и епископов. Каждый митрополит названных диоцез посвящает епархиальных епископов в соучастии епископов епархии, согласно божественным канонам; что же касается митрополитов вышесказанных диоцез, то они, как объяснено, принимают хиротонию от архиепископа Константинополя, после того как получат по обычаю законное избрание, и когда представлено будет об этом уведомление».

Прежде чем излагать последовавшие на соборе пререкания по поводу 28-го канона и связанную с ним переписку между папой и императором, остановимся вниманием на содержании этого акта, бесспорно составляющего эпоху в истории Византии по его разнообразным последствиям и приложениям, частью в ближайшие столетия, а частью и весьма отдаленные от V в. Значение этого канона важно по политическим из него выводам. Собственно, канон редактирован применительно к случаям, уже имевшим место в практике и соответственно историческим притязаниям Константинополя. Нельзя, кроме того, не указать на весьма выгодную именно для Константинополя постановку вопроса об усвояемых ему церковных преимуществах ради его гражданских и политических прав. Идет речь не об уравнении его в правах с старым Римом, хотя и он также стал столицей империи, а лишь о возвышении его в чести и о назначении ему места прямо после Рима. Составитель окончательной редакции этого канона как будто предвидел, что скоро наступит пора, когда древний Рим не будет более пользоваться теми политическими преимуществами, ради которых ему усвояются преимущественная честь и преобладание, и что тогда новый Рим будет иметь все основания претендовать на его положение в христианском мире. Известно, что эту точку зрения приводил в IX в. патриарх Фотий в своем споре с Римом.

Не менее важные последствия могли быть выведены из той части рассматриваемого канона, которая предоставляет константинопольскому архиепископу право посвящения епископов в тех областях Понта, Азии и Фракии, которые заселены варварами. Достаточно припомнить, что сюда могли относиться все христианские миссии на Востоке, в Южной России и на Балканском полуострове и все те приобретения восточного духовенства, которые с течением времени могли быть сделаны в указанных областях. Во всяком случае на этой точке зрения стоят последующие греческие канонисты, отстаивающие права константинопольского патриархата. Вот в кратких словах всемирно-историческое значение 28-го канона, который был заслушан в Халкидоне 1 ноября 451 г.

Когда прочитано было 28-е правило, римские легаты заявили, что оно незаконно и стоит в противоречии с постановлением Никейского собора, что отцы собора введены в обман, подписавшись под этим правилом. Но оказалось, что под протоколом заседания находится до 200 подписей, причем многие подписались за нескольких членов. Императорские уполномоченные пригласили обе партии представить подлинные акты, на которых основываются их положения. Прочитаны 6-е правило Никейского и 1—3 правила Константинопольского собора. Так как в пользу притязаний константинопольской кафедры определенно говорило только 3-е правило Константинопольского собора, то папские легаты утверждали, что Рим не знал и не утверждал подобного правила. «Если бы,— говорили они,— эти преимущества были за Константинополем, то не настояло бы необходимости вновь подтверждать их, а если их не было, то их следует отвергнуть как неканоническое нововведение». В конце концов, оказывалось, что обе партии основывались на канонах, только римская на 6-м правиле никейском, а греческая на 3-м правиле Константинопольском. Примирить партии не было возможно; ссылка на

то, что подписи под 28-м правилом были вынужденные, также не подтвердилась. Тогда царские уполномоченные предложили следующий проект определения. На основании вышеизложенного и принимая во внимание показания обеих сторон, «мы признаем, что первенство перед всеми и преимущество чести по канонам сохраняется за боголюбезней-шим архиепископом старого Рима, но что и честнейший архиепископ Константинополя, нового Рима, должен пользоваться теми же преимуществами чести, и что ему принадлежит самостоятельная власть в праве рукоположения митрополитов провинций Азии, Понта да Фракии при том условии, чтобы назначение происходило между клириками каждой митрополии, ктиторами и лучшими гражданами, а равно благочестивейшими епископами каждой епархии, и чтобы по избрании достойного для занятия митрополичьей кафедры уведомить об этом архиепископа Константинополя, от которого будет зависеть, пригласить ли его в Константинополь для посвящения, или предоставить посвящение епископам епархии...». Собор единогласно принял это определение, сопровождая его многолетием императору. Папский легат епископ Люценций сделал следующее заявление: «Апостольский престол препоручил нам присутствовать на всех заседаниях. Таким образом, если что во вчерашнем заседании в нашем отсутствии принято было вопреки канонов, то просим считать это как бы несостоявшимся. В противном случае наш протест просим внести в соборные акты, дабы нам знать, какой сделать доклад апостольскому и всей Церкви начальствующему епископу, дабы он сам принял решение как об оскорблении, нанесенном его престолу, так и о нарушении канонов». Этим протестом закончился Халкидонский собор.

Ближайшими последствиями Халкидонского собора было благоприятное решение церковной смуты. Два важных вопроса—о соборе Диоскора и учение о двух естествах во Христе — решены собором окончательно и подтверждены авторитетом папских легатов; это считалось бесспорно важным результатом, и на эту сторону обращает главное внимание императорский эдикт от 7 февраля 452 г., которым утверждены постановления собора. «Исполнилось,—говорится в эдикте,— всеобщее ожидание, борьба о правой вере прекратилась, и наступило единение в народах. Теперь нет более места для вражды, ибо только безбожник может думать, что после приговора столь многих епископов осталось еще что-нибудь для решения собственного ума. Никто, какого бы звания и состояния ни был, не смеет заводить о вере публичные споры. Если клирик будет обвинен в публичных спорах о вере, то извергается из духовного сана, если военный—лишается звания, всем частным людям угрожает изгнание из столицы и предание суду».

Еще суровей были меры против монофизитов, придерживавшихся учения Евтихия. Им запрещены собрания, устройство общежитии и монастырей; собственники домов, давшие им помещение, подвергаются телесному наказанию и конфискации имущества. Еретикам запрещается наследовать по завещаниям и самим делать завещания. Книги еретические осуждены на сожжение, и всем сочинителям и распространителям их угрожает конфискация имущества и ссылка.

Но чрезвычайно важны были сношения с Римом, вызванные 28-м каноном и протестом против него легатов папы. По окончании собора

к папе было отправлено послание, в котором делался ретроспективный взгляд на постановления Халкидонского собора и которым испрашивалось утверждение оных. Это послание было рассчитано на то, чтобы победить упорство папы ласкательством и внешним раболепием и побудить его не делать разрыва из-за второстепенных вещей. Здесь его восхваляли как истолкователя мнений апостола Петра, как искусного руководителя для членов Халкидонского собора в показании истины. Чрез своих легатов он владел гегемонией над всем собранием. Переходя затем к деяниям собора, послание характеризует «дикого зверя», бывшего александрийского архиепископа, и его нечестивые поступки, как он дерзнул проявить свое бешенство относительно того, кто самим Спасителем поставлен пастырем божественного винограда и кто старается объединить тело Церкви.

Наложив на Диоскора справедливое наказание, собор устроил и другие дела при помощи Божией и св. Евфимии. Затем послание переходит к самой главной части, возбудившей протест римских легатов. «И другое нечто определено нами ради упорядочения и утверждения церковных уставов в убеждении, что ваше святейшество благоволите принять и утвердить наши постановления. По установившемуся с давних лет обычаю святая Константинопольская Церковь посвящала митрополитов провинций Азии, Понта и Фракии; ныне мы утвердили этот обычай соборным определением, не столько имея в виду преимущества константинопольской кафедры, сколько заботясь о добром порядке в означенных митрополиях, ибо по случаю смерти епископов там часто возникают смуты, и клирики и миряне, находясь без власти, возмущают церковный порядок, что небезызвестно и вашему святейшеству, так как беспорядки, особенно в Ефесской Церкви, нередко доставляли вам беспокойство. Точно так же мы утвердили канон свв. отцов Константинопольского собора, которым усвояются Константинополю преимущества второго города после вашего святейшего и апостольского трона в том убеждении, что так как свойственный вам апостольский луч уже часто попечительно обнимал Константинопольскую Церковь и обильно изливал на нее присущие вам блага, то и ныне ваше святейшество благоволите одобрить те решения, кои нами приняты к уничтожению смуты и к утверждению церковного строя, как близкие вам, дорогие и способствующие прекрасному порядку мероприятия. Представители вашего святейшества пытались сильно возражать против означенных постановлений в той, вероятно, мысли, чтобы как в делах вероучения, так и в вопросах благочиния почин зависел от вас и заслуга вменялась вам. Мы уже в уважение к тому, что таково было желание благочестивейших и христолюбивых царей, сената и всего царственного города, нашли благовременным утверждение чести этой кафедры на Вселенском соборе, и как бы дело, начатое твоей святостью и всегда согреваемое твоим участием, мы решились его принять на утверждение. Зная, как всякое событие,

случающееся с детьми, восходит к родителям, просим почтить наше решение своим согласием, и, подобно тому как мы своей главе засвидетельствовали полное согласие, так и глава да исполнит должное по отношению к своим детям. Так доставлено будет удовольствие и благочестивым царям, которые к решению твоей святости относятся как к закону, так будет оказано воздаяние и трону константинопольскому, *I* который в деле веры идет с вами в полном согласии и ревностно соединился с вами в единомыслии. Дабы вы убедились, что мы ничего не сделали из ласкательства или из нерасположения к кому, а лишь повинуясь внушениям Божи-им, мы довели до вашего сведения все содержание наших деяний в наше оправдание и в доказательство и в утверждение наших постановлений» [4].

Точка зрения этого послания повторяется в письмах императора и епископа Константинополя Анатолия, отправленных к папе. В письме последнего в особенности сказано много лестного для римского престола: «Подтверждая на соборе канон собора 150, мы думали, что честь этого престола папа примет за свою собственную честь, так как он столько оказывал заботы и попечения о константинопольской кафедре». Желая, далее, побудить папу дать свое согласие на утверждение 28-го канона, патриарх Анатолий говорит, что даруемые его престолу преимущества он будет рассматривать как особенную милость, идущую от римской кафедры, и что постановления, касающиеся посвящения митрополитов в трех провинциях, скорей могут быть рассматриваемы как умаление тех прав, какими Константинополь пользовался уже 60—70 лет, посвящая и большую часть епископов тех провинций. Но папа Лев не менее хорошо понимал значение проведенного на Халкидонском соборе канона, как и константинопольское светское и духовное правительство. Поэтому все представления и ходатайства перед ним остались тщетны. Ответ из Рима последовал от 22 мая 452 г. и по своему содержанию был вполне отрицателен по отношению к 28-му канону.

Основания к несогласию приведены следующие: 1) Константинополь не имеет никакого права на такое увеличение прав. Хотя в нем находится царская резиденция, но константинопольская кафедра не апостольского происхождения. Гражданское преимущество города не имеет влияния на его церковное положение. 2) Канон 28-й находится в противоречии с привилегиями Александрии и Антиохии и с правами провинциальных митрополитов, не согласен с 6-м правилом Никейского собора и постановлениями отцов. 3) Это постановление есть следствие честолюбивых домогательств и угрожает опасной смутой для Церкви. Таким образом, одобряя постановления собора по отношению к Диоскору и утверждая вероучение, папа авторитетом св. Петра признал недействительным 28-й канон Халкидонского собора.

Тем не менее, постановления Халкидонского собора по отношению к константинопольской кафедре получили капитальное значение в истории Византии и легли в основание дальнейших церковных отношений между Римом и Константинополем. Легко понять, что здесь мы не исчерпали всех последствий занимающего нас всемирно-исторического факта и будем иметь случай неоднократно к нему возвращаться. Бли-

жайшие следствия Халкидонского собора обнаружились в том, что последовал ряд строгих законов против еретиков и главным образом против монофизитов. Их стали наказывать ссылкой и заточением, еретические сочинения подверглись уничтожению. Виновники церковного нестроения Диоскор и Евтихий сосланы в отдаленные области страны. Но оказался сильный протест против халкидонских постановлений в самой Византии. Египет, Сирия и Палестина, а также Армения отделились от церковного единения и усвоили себе монофизитство, которое частью остается в указанных странах и до сих пор.

Постановления Халкидонского собора дали повод к обнаружению этнографических особенностей в составе Византийской империи. Чрезвычайно важным обстоятельством для дальнейшей эволюции нужно признать то, что следствия халкидонских постановлений обнаружились в эпоху самого процесса организации византинизма. Сильное преобладание эллинских элементов на самом соборе имело следствием то, что важные национальные элементы — египетский и сирийский, — игравшие первостепенное значение в первые четыре века христианской эры, отделяются во второй половине V в. от господствующей Церкви и лишают ее, а равно и созданное по церковным началам Византийское государство, творческой созидающей силы.

Один эпизод, последовавший за Халкидонским собором, чрезвычайно ярко характеризует положение дела. Монах Феодосии египетского происхождения, бывший в соборе, поднял в Палестине народное восстание, во главе которого стояло до 10000 палестинских монахов. Феодосии говорил, что собор изменил вере и принял несторианство. Итак, утверждая во Христе одно естество, Феодосии и его приверженцы начали восстание в пользу осужденного на соборе учения. Им подала руку жившая в Иерусалиме супруга императора Феодосия II Евдокия, может быть, выразившая тем свое нерасположение к царице Пульхерии. Изгнав из Иерусалима епископа Ювенала, повстанцы избрали на его место Феодосия и начали гонение на Диофизитов. Движение распространилось на Египет, где против собора были даже некоторые епископы. Хотя принятыми правительством мерами политический характер движения был уничтожен, но религиозная рознь нашла себе выражение в национальных особенностях восточных народностей, так что монофизитство удержалось здесь во весь период существования Византийской империи и насчитывает даже ныне не менее 5 миллионов.

Переходя к внешним событиям кратковременного царствования Маркиана (450—457), можем заметить, что они не имеют ни той напряженности в преследовании раз поставленной цели, ни того значения, как Церковная политика. Важнейшим событием в это время было движение Аттилы на Запад, освободившее Константинополь от грозной опасности гуннского нашествия и давшее царю Маркиану возможность провести и защитить халкидонские постановления. Мирная политика вполне отвечала и наклонностям царицы Пульхерии, которая умерла, впрочем, Скоро после собора, именно в 453 г., и самого Маркиана. Но можно Догадываться, что внешняя политика была направляема в это время весьма искусной рукой, что сказалось в обстоятельствах, при которых вступил на престол преемник Маркиана Лев I.

Возведение на престол Льва, как и его предшественника, было делом военного сословия. Со времени Феодосия Великого военная

система в империи подверглась радикальной перемене, которая состояла в том, что правительство стало приглашать на службу империи или целые варварские, по преимуществу германского происхождения, племена, или отдельных военных людей с дружинами, находящимися под их командой. Эта новая система имела ближайшим последствием то, что как столица, так и отдаленные провинции империи получили значительный наплыв иностранных военных людей, которые начали играть роль даже во внутренних делах империи. Уже в конце IV в раздаются жалобы на этот порядок вещей и на опасность, угрожающую государству от чрезмерного усиления варваров. В течение V в., однако, новая система продолжала оставаться в полной силе, не сопровождаясь теми вредными последствиями, на которые намекали патриоты в IV в и которые в Западной империи неминуемо привели империю к падению

До последней четверти V в. наиболее обычными были отряды германского и чаще готского происхождения, нанимаемые из племен, населявших Балканский полуостров. Здесь нас по преимуществу занимает та часть германских и других варварских племен или просто военных дружин, которая долго была известна в Византии подттенем федератов. Как показывает самое имя, это были племена или отряды, стоявшие в определенного рода договорных отношениях к правительству и служба которых обусловливалась статьями договора. Большею частью федераты служили за жалованье, выдаваемое предводителю или князю племени, на обязанности которого было содержать в порядке дружину и предоставлять ее в распоряжение империи, судя по обстоятельствам и потребностям времени.

Более выдающиеся германцы, в особенности предводители колен и начальники дружин, переселялись в большие города и столицу, усво-яли язык и обычаи империи, получали вкус к образованию, так что через два-три поколения вполне ассимилировались с господствующим населением. В V в. находим в военной и гражданской администрации варварские имена консулов, предводителей войска и сенаторов, ближайшие предки коих были свободными сынами германских лесов. Федераты оказали громадное влияние на военную организацию империи и произвели в ней крупные изменения. В царствование Льва I особенной известностью пользуется могущественный род готского происхождения, который в течение трех поколений последовательно от отца к сыну владел высшими гражданскими и военными должностями и который поставил империи не одного императора. В этом знатном роде, идущем от Аспара, в трех поколениях повторялись имена Аспара и Ардавурия. Судьба фамилии Аспара на византийской службе в высшей степени ярко характеризует описываемую эпоху, и потому мы должны остановить на ней внимание. Первое упоминание об этой фамилии имеется при Феодосии II под 421 г. Тогда стратиг Ардавурий был во главе отряда, посланного против персов.

Несколько лет спустя Ардавурий и сын его Аспар командовали войсками в Италии против бунтовщика Иоанна, причем отец стоял во главе пехоты, а сын во главе конницы. В 427 г. Ардавурий назначен консулом. Сын его Аспар в 431 г. стоял во главе флота и войска-отправленного в Африку против Гензериха, короля вандалов, причем позднейший греческий писатель Феофан приписывает неуспех экспедиции

измене Аспара и его арианству. В 434г. Аспар был патрицием и консулом; в 441 г. он упоминается в звании главнокомандующего войсками Востока, в каковом звании участвует в 447 г. в походе против Дттилы; в том же году был консулом сын Аспара, Ардавурий. В 450 г., по смерти Феодосия, фамилия Аспара выдвигает Маркиана на императорский престол. С тех пор звание главнокомандующего восточными войсками остается за представителем этой фамилии при Маркиане и Льве I. Особенным авторитетом пользуются представители этого рода при восшествии на престол Льва. Было мнение, что они дали отраву Маркиану. Во всяком случае, единственным препятствием к занятию императорского трона для этой могущественной фамилии был религиозный вопрос: Аспар и Ардавурий и их приверженцы исповедовали ариан-ское учение. Говорят, что Лев состоял в личной службе у Аспара, и что последний, возводя на престол свою креатуру, надеялся посредством Льва достигнуть высшей власти и влияния. Одним из условий было дарование сана кесаря сыну Аспара. Но это чрезмерное возвышение недавних варваров встретило недовольство в сенате и народе.

Аспар принимал серьезные меры, чтобы заявить себя благодетелем народа и патриотом. В 459 г. им построена в Константинополе цистерна, сохранившая его имя; в 465 г. по случаю бывшего в столице пожара, истребившего 8 кварталов, Аспар подавал пример человеколюбия, сам нося воду и поощряя других денежными выдачами тушить пожар. Но императору нередко приходилось ограничивать притязания Аспара, вследствие чего между ними происходили иногда горячие объяснения. Так, раз Лев не исполнил желания Аспара относительно назначения префекта, тогда Аспар, касаясь царской одежды, сказал: «Кто ее носит, тот не должен лгать!» По всем вероятиям эта фамилия пользовалась еще всем влиянием в 468 г., когда состоялась экспедиция в Африку против вандалов, имевшая чрезвычайно печальные последствия. За неудачный исход этой экспедиции и за назначение во главе ее Василиска современники обвиняли, главным образом, Аспара. Насколько справедливы эти обвинения, мы увидим это ниже. Несомненным следует признать то, что в V в. была в Византии серьезная попытка захватить политическую власть и сделать царский престол игрушкой в руках предводителей варварских военных отрядов, состоявших на службе империи. Германские предводители дружин, достигавшие высших военных мест в империи, каковы Аспар и Ардавурий, соединенные племенными и родственными узами с другими вождями, например, Ариобинд и Феодорих, сын Триария, ставили на императорский престол своих приверженцев и сами не решались возложить на себя корону лишь из-за религиозных причин.

В высшей степени любопытно, что в Византии против этого порядка вещей оказалась оппозиция. Император Лев I, понимая опасность в Усиливающемся германском влиянии, подготовил ему противовес в национальных военных элементах. Будущий император Зинон, происходящий из горного и воинственного племени исавров, постепенно приближается ко двору и оттесняет германский элемент. За него была выдана дочь Льва Аркадия, на 469г. он состоял консулом. В 471г. окончательно сломлено могущество германцев в армии, причем в кровавой катастрофе погибли Аспар, Ардавурий и Патрикий. Это было

роковым обстоятельством для германского преобладания, которое никогда уже не достигало более в Византии такой силы, и, вместе с тем, поворотным пунктом в системе организации военных сил империи.

Византийское правительство должно было, однако, считаться с приверженцами Аспара и Ардавурия как в самом Константинополе, так и на границе империи. Прежде всего в городе поднялась смута, один из дружинников Аспара по имени Острый пытался завязать бой с дворцовой стражей, причем были убиты многие. Когда германское движение было усмирено, Острый успел спастись из города вместе с наложницей Аспара и подверг грабежу некоторые местности во Фракии. Более серьезным защитником германских привилегий и вместе претендентом на имущество Аспара явился вождь Феодорих, сын Триария, которого не следует смешивать с соименным основателем готского королевства в Италии и который открыто говорил, что германцы одни, без греческих войск, в состоянии удовлетворить потребностям империи. Упомянутый Феодорих, состоявший на службе империи в качестве федерата, выступил с притязаниями на наследство Аспара. Византийское правительство, соглашаясь дать ему удовлетворение, вступает с нити в договор, о котором сохранились весьма подробные известия, рисующие институт федератов. Имперское казначейство обязывалось выдавать федератам жалованье и содержание, а предводителя федератов облекало военным титулом. Эти выдачи были довольно обременительны и не всегда исправно производились. При возникших недоразумениях с правительством вождь федератов угрожал движением на столицу и вообще бунтом.

Узнав, что Феодорих, сын Триария, собирает дружину и готовит нападение, правительство обращается к нему с предложением оставить враждебные замыслы, дать сына в заложники и жить спокойно, довольствуясь прежними денежными выдачами. Этот же указывал, что он не может жить скромно на свои средства, что пока он был частным лицом и не имел у себя такой дружины, еще мог бы по нужде удовлетворяться скромным состоянием; ныне же, когда его поставили в необходимость собрать народ, он вынужден или давать пропитание своей дружине, или воевать с империей. Когда все меры к замирению с Феодорихом на более выгодных для империи условиях оказались безуспешными, император решился исполнить предъявленные к нему требования. Именно, выдавать жалованье 13 тыс. военных людей, подвластных Феодориху, назначить его командиром двух частей, записать на него те владения, которые прежде были ему пожалованы, и, наконец, дать ему титул стратига. Окончательные распоряжения в этом отношении сделаны были уже при Зиноне, который находился по отношению к германским вождям в более независимом положении, чем его предшественник. Вместе с низвержением Аспара и Ардавурия лишились своего самостоятельного положения в Константинополе арианская Церковь и богослужение.

Во Флоренции, во дворце dei Uffici хранится серебряное блюдо, изображающее семью Аспара-Ардавурия во всем их официальном блеске. В середине на кресле сидит одетым в тогу консул Аспар. Правая его рука поднята и держит маппу — знак его власти на публичных собраниях и праздниках; в левой— жезл с изображениями двух тогдашних императоров, восточного и западного, т. е. Феодосия II и Валентиниана.· По правую его сторону — юноша, одетый в тогу, с маппой в левой руке:·

подпись обозначает, что это Ardabur iunior pretor. По ту и другую сторону от этих фигур два изображения: в мужском с шаром в одной руке и с алебардой - в другой можно бы видеть воина, в женской же, у которой в левой руке ветка растения, в правой — такое же, как у мужской фигуры, оружие, никак нельзя усматривать символ вооруженной охраны, тем более, что головное убранство этой фигуры состоит из колосьев и цветов, символизующих плодородие и обилие. До сих пор даваемое объяснение этим фигурам не вполне установилось. По одним, это — Рим и Константинополь, по другим — Сила и Обилие; некоторые, наконец, объясняют эти фигуры в смысле Рима и Равенны[5]. Но указанными объяснениями не исчерпывается сюжет, очевидно, следует ждать дальнейших изысканий по объяснению нашего памятника. Над центральными фигурами находятся еще два медальона с бюстами, представляющими лиц из той же фамилии. Один бюст имеет надписание Ardabur, другой — Plinta. Ардавур и Плинта также в консульских облачениях и с императорскими изображениями на жезлах, находящихся у каждого из них в левой руке. Таким образом, здесь представлены четыре члена семьи, державшей в своих руках высшую власть в Константинополе в V в. до катастрофы 471 г. Кругом блюда надпись, посвященная главному лицу: Flavius Ardaburius Aspar vir inlustris comes et magister militum et consul ordinarius. Нельзя, конечно, не обратить внимания на praepo-men Flavius, которым украсили себя Аспары-Ардавурии; это — царский praenomen династии, которая доставила им могущество и власть. Внизу, под главными фигурами находятся несколько предметов, в которых нужно видеть или символы консульской власти — таковы три наконечника копья, или символы щедрых даров, раздаваемых консулом, или, наконец, эмблемы занятий.

Весьма важным политическим событием времени Льва I была морская экспедиция в Африку, предпринятая совокупными силами обеих половин империи. Вандалы, как и ближайшее к ним племя готы, играли в судьбах империи крупную роль, первые, впрочем, более разрушительную, чем созидательную. Это именно наиболее даровитые и близкородственные между собой германские народы, принявшие арианство и принесенные в жертву идее религиозного единства в VI в. Вандалы погибли бесследно как народ, память о них хранится в звучном слове «вандализм», имеющем всемирную известность. В V в., увлекаемые течением, созданным гуннским движением, вандалы в союзе с свевами и аланами перешли из 1аллии в Испанию и, поделив между собой эту цветущую страну, вытеснили из нее римское правительство. Вождь вандальского племени астингов успел в 418 г. соединить под своей властью алан и вандалов и образовал в Испании германское королевство.

В 427 г. вандалы были приглашены в Африку возмутившимся против своего правительства римским наместником Бонифацием. Вследствие этого произошло движение всего народа вандалов в провинцию Африку и завоевание ее королем Гейзарихом (он же Гензерих). Правительница Западной империи, вдовая императрица Плацидия, и Валентиниан III должны были признать акт завоевания Африки, уступив эту Провинцию вандалам по договору 435 г. Карфаген стал столицей германского королевства. Богатая по плодородию и по высокой культуре

страна не изменила, однако, национального духа вандалов и не приучила их к мирным занятиям. Вандалы обратились к морским набегам на Сицилию и Италию и на острова и сделались известными морскими разбойниками. В 450 г., пользуясь смутными событиями в Риме, Гейза-рих захватил этот город и подверг его страшному разграблению. В числе отменной добычи была императрица Евдоксия, дочь Феодосия II, бывшая за императором Валентинианом III, с двумя дочерьми, Евдокией и Плацидией. Они оставались у вандалов до 462 г., когда, наконец, были выпущены на свободу и препровождены в Константинополь, за исключением принцессы Плацидии, вышедшей замуж за Гунериха, сына Гейзариха. Это было крайне тяжелым фактом, взволновавшим общественное мнение на Западе и Востоке и в особенности оскорбительным для авторитета императорской семьи в Константинополе. Вандалы не обнаруживали никакого желания удовлетвориться сделанными завоеваниями и распространяли свои набеги далее и далее, угрожая границам Восточной империи. Африка, бывшая житницей для империи, была теперь отрезана от Рима и Константинополя и угрожала страшными морскими разбойниками прибрежным областям Средиземного моря.

Легкий успех, с каким вандалы утвердились в Африке, стране весьма густо населенной и хорошо организованной в административном отношении, объясняется, главным образом, религиозными смутами и суровыми законами против еретиков. Донатисты, часть ариан и другие несогласные с господствующим вероучением видели в германских завоевателях арианского исповедания освободителей от религиозной нетерпимости и оказывали им всяческое содействие в надежде под господством вандалов свести счеты с православными.

Между тем царь Лев I не мог оставаться равнодушным к потере Африки и к систематическим притеснениям Гейзарихом православного населения и православной Церкви. Хотя он имел мир с вандалами, и его владения были пощажены от корсаров, но тем печальней было положение Италии и Сицилии. Рицимер, который два года распоряжался судьбами Западной империи, ограниченной, впрочем, одной только Италией, не назначая императора после Л. Севера, нашелся, наконец, вынужденным обратиться к авторитету императора в Константинополь и просить его дать Западу императора. Выбор Льва пал в 467 г. на патрикия Анфемия, которого приближали к царской семье как личные заслуги, так и то обстоятельство, что он был женат на дочери Маркиана Евфимии. Со времени воцарения Анфемия восточный и западный императоры стали подготовлять план общего похода в Африку с целью ослабления Гейзариха.

Все, по-видимому, обещало благоприятный исход широко задуманному предприятию. Из полунезависимой Далмации вышел флот под командой Марцеллина; освободив от вандалов Сардинию, он успел соединиться с главными силами у берегов Африки. Сухопутные войска набраны были в Египте и шли под предводительством Ираклия к Триполи, где одержали над вандалами победу, и направились к столице вандальской, Карфагену. Таким образом, и морской и сухопутный отряды успешно начали дело и должны были затем продолжать войну в согласии с главными силами, двинутыми царем Львом. К сожалению, в Константинополе оказался недостаток в организации и особенно в достой-

ном исполнителе широкого плана. Что касается материальных средств, они были собраны в громадном количестве. Можно изумляться богатству источника, из которого правительство могло черпать такие большие средства. Правда, затронуты были и частные средства императорской казны, и те сбережения, которые оказались в казначействе, но, во всяком случае, византийское правительство в состоянии было собрать на морскую экспедицию против вандалов громадную сумму до 40 миллионов рублей золотом. Изготовлен был громадный флот из тысячи с лишком больших судов, на которые посажено было войско и распределены военные запасы и продовольствие. Нужно догадываться, что пользовавшийся еще в это время всем авторитетом Аспар-Ардавурий оказал на подготовляемое предприятие вредное влияние. Говорили, что он втайне придерживался партии Гейзариха, к которому его влекли и германское происхождение, и арианское исповедание, и что он был против подготовляемой экспедиции. Когда зашла речь о назначении главнокомандующего, будто бы он указал на Василиска, брата царицы Вирины, т. е. шурина царя. Этот молодой человек, ничем себя не заявивший, гордый своим родством и связями, оказался злым гением Византии.

Василиск стал во главе громадного флота и благополучно дошел до Африки, остановившись в 4 верстах от Карфагена и начав переговоры с Гейзарихом. Последний, очутившись в отчаянном положении, притворился готовым на все требования византийского главнокомандующего и попросил лишь 5 дней перемирия, чтобы затем начать переговоры. Неизвестно, был ли Василиск подкуплен или исполнял совет Аспара, так или иначе, он согласился на пятидневное перемирие и тем испортил свое положение. Гейзарих воспользовался изменившимся ветром, подогнал к византийским судам несколько своих лодок, наполненных горючими веществами, и произвел пожар в громадном флоте, стоявшем близко к берегу. Трудно сказать, сколько кораблей погибло и сколько уцелело, но окончательный результат был непоправим: флот погиб, и все предприятие рухнуло. Началось беспорядочное бегство, спасались, кто мог, на оставшихся судах.

В Константинополе не могли не почувствовать всю тяжесть потери, с погибелью флота пропала надежда обеспечить приморские области от морских пиратов, нужно было окончательно и надолго отказаться от прекрасной, густонаселенной и плодородной провинции, которая доставляла империи запасы хлеба. Прямой виновник постигшей империю катастрофы Василиск, возвратившись в Константинополь, искал спасения в церкви св. Софии, откуда вышел только тогда, когда императрица испросила ему у Льва прощение [6].

Глава X

Христианская культура и эллинизм, Константинопольский патриархат, Монашество. Местные святыни

Подходя к той эпохе, когда основные течения византинизма начинают себя проявлять в практической жизни, и когда Константинополь как столица империи выступает с притязаниями преобладания и с стремлением к мировой политике, историк Византии должен остановиться на выяснении подразумеваемых здесь течений и дать им надлежащую оценку. Это тем более представляется уместным, что здесь в течение веков накопилось немало предвзятых теорий и односторонних, на веру принятых положений, с которыми следует бороться. И прежде всего пора отрешиться от глубоко укоренившейся в сознании большинства мысли, что христианская культура, имевшая в Византийской империи для себя защиту и благоприятные условия для своего развития, столько обязана эллинизму, что одним понятием чуть ли не покрывается другое. Нам всегда казалось, что эллинофильские тенденции в истории христианства и в изложении истории Византии принесли немало вреда, наложив густое покрывало на разнообразные факторы, постепенно создававшие византинизм. Чтобы ввести читателя в существо предмета, остановимся на некоторых взглядах, высказываемых наиболее крупным выразителем этого одностороннего направления, греческим историком Папарригопуло[1]. Так, между прочим, он утверждает, что димократическое устройство Греции создало рамки для подобной же организации в Церкви. Нечего и говорить, что эта мысль неправильная, ибо христианская Церковь строится на основах римского права: известно, что формы римского административного устройства дали основания для административного церковного устройства. Без римского права было бы трудно объяснить как соборное начало, так и епископскую и митрополичью власть. Точно так же на ложных основах построено утверждение, будто бы эллинский элемент составлял главенствующее этнографическое начало в империи, и будто бы все императоры, предпринимавшие какое-либо преобразование или желавшие дать своей воле наибольшее распространение, употребляли для этого греческий язык, считая его более важным и распространенным, чем римский[2]. Опровержением этого наивного мнения может служить хотя бы и то, что все законодательные памятники раннего периода византийской истории написаны на латинском языке, а самый смелый между императорами-реформаторами Юлиан потому, может быть, и достиг весьма незначительного успеха, что думал опереться исключительно на эллинизм и не пользовался латинским языком для популяризации своих идей и для законов против христианской Церкви. С точки зрения Папарригопуло, новые этнографические элементы, постепенно входившие в империю для заполнения образовавшейся в ней

убыли населения и для несения военной службы, приносили лишь вред эллинизму, «извращая основные элементы эллинской культуры»[3]. «Хуже всего,— продолжает он,— было то, что вмешательство иноплеменников во все политические и социальные отношения Востока было одной из главнейших причин, которые способствовали постепенному изменению христианского эллинизма. Подразумеваемые изменения хотя и не воспрепятствовали ему совершить многое и великое, но и привнесли в него некоторые несимпатичные качества...» Неправильность высказанной здесь мысли видна из того, что иммиграция в империю новых народов (разумеются германцы и славяне) началась тогда, когда империя оказалась не в состоянии защищать своих пределов, и когда наиболее умные императоры сочли нужным колонизовать новыми народами лишенные населения провинции. И, несмотря на роковой для Папарригопуло вопрос о чуждых эллинизму этнографических элементах, наводнивших империю и проникших всюду: в столицу и в провинции, в сенат и в войско, в среду земледельцев и в аристократию, эллинствующий историк все же претендует отбросить в истории Византии термин «ромэи» и держаться «эллинизма»[4]. По его мнению, Ромэйская империя оканчивается со смертью Льва I в 474 г.; с конца же V в. начинается борьба эллинизма с чуждыми элементами, причем полная эллинизация империи совершается лишь в IX в. Ошибка здесь заключается в том, что с конца V в. следует изучать не эллинизацию империи, а выработку начал византинизма и образование Византийской империи.

В особенности необходимо бороться с теми идеями, которые выражены у Папарригопуло в предисловии к III тому его истории и которые составляют существо господствующих между эллинофильствующими направлениями воззрений на христианство. В этом предисловии автор говорит о классическом эллинизме и Константиновой монархии на Босфоре. Чтобы дать идею того, какие притязания заявляет нынешний эллинизм, приведем несколько строк из этого предисловия. «Христианская Церковь, основанная в Азии восточным эллинизмом, нуждалась в защите от многих опасностей, внутренних и внешних; с этой целью великий Константин и окружил ее своей императорской порфирой, и в этом заключалась первая и величайшая историческая задача, исполненная средневековым эллинизмом. Если бы ереси не были низвер-жены, христианская вера разложилась бы на свои составные элементы, и неизвестно, что бы произошло. Верно, однако, то, что лучшие страницы истории человечества средних и новых веков сосредоточиваются на религиозном и нравственном догмате, которого глашатаем, законодателем и служителем был средневековый эллинизм. Догмат же этот не восторжествовал бы, если бы он не имел защиты против разрушительного влияния философского духа, а эта защита могла быть осуществлена лишь вселенскими соборами; последние же могли состояться и получить обязательную силу лишь под защитой константинопольской монархии»[5]. Вся эта страница представляет большую ересь и крупное заблуждение, близкое к кощунству. Как будто не Христос и апостолы основали Церковь на Востоке, а земляки и сородичи афинского профессора! Как будто эллинизм был облечен специальной мисси-[e]й и имел привилегию бороться *с* еретическими воззрениями, и как будто самые опасные для христианства ереси зарождались не в среде

того же столь восхваляемого эллинизма! Словом, в оценку христианского элемента в империи и в выяснение роли эллинизма привнесено много пристрастного и фальшивого со стороны того направления, которое идет от эллинов или пропитано эллинофильской тенденцией.

Нуждалась ли христианская Церковь в той опеке, которая сделала ее такой неразрывной и часто невольной союзницей империи, принужденной покрывать своим авторитетом притязания и ошибки светского правительства, об этом можно думать совершенно иначе, и многие вредные для Церкви явления, появившиеся вследствие этого союза, обнаружились в первые же века Византийской империи. Что касается появления ересей и влияния светского авторитета на образование церковного единства, в этом отношении едва ли, напротив, не следует пожалеть о тех жертвах, которые были принесены для достижения этого мнимого единства, которым в сущности куплено весьма мало и ради которого отторгнуты от империи, а частью и совершенно уничтожены целые народности и многие вероучения, несогласные с господствующим.

На почве национального увлечения создались в греческой литературе ложные представления о роли греческого элемента в средневековой истории, получившие отражение и в практике Константинопольского патриархата, который в пренебрежение к высокой роли усвоенного им себе звания «Вселенский» обратился в орудие жалких счетов и политической борьбы. Когда вследствие постановлений Халкидонского собора константинопольский епископ возвысился над всеми епископами империи и Восточной Церкви, этим создавалось для него совершенно определенное положение принять на себя осуществление политических задач Римской империи, содействовать образованию политического единства и выступить под эгидой империи на пути широких мирских притязаний.

Нам предстоит в настоящее время оценить те средства, которые даны были Церкви светской властью, и выяснить, какими обладала она органами для воздействия на религиозные убеждения общества. Халкидонские постановления, несмотря на доставленную ими громадную победу константинопольскому епископу, с общеисторической точки зрения должны быть признаны большим бедствием. Видимые и непосредственные результаты деяний этого собора, направленные к ослаблению александрийского епископа, куплены были слишком дорогой ценой, подготовив нравственный и церковный разрыв в недрах империи. Здесь с особенной силой сказалась опасность эллинистического направления в церковной политике, ибо против халкидонских постановлений выступили народные элементы — сирийский и египетский,— причем светское правительство, чтобы поддержать притязания константинопольского епископа, должно было пожертвовать своим политическим положением на Востоке [6]. Со второй половины V в. в империи наблюдается продолжительный период внутренних смут, вызванных применением в действительной жизни постановлений Халкидонского собора. Образовались две политические и религиозные партии, которые произвели раскол в государстве и Церкви, сопровождавшийся неисчислимыми пагубными последствиями. Прежде чем вводить читателя в историю религиозной смуты, мы находим уместным обрисовать здесь, хотя в кратких чертах, общественную среду, из которой набирались деятельные элементы борьбы.

Для характеристики эпохи в смысле религиозной нетерпимости й по отношению к притязательности, какую обнаруживали стоящие во главе церковной политики люди, едва ли найдется более выразительная черта, как та, которая отмечена у Нестория, только что избранного в епископы Константинополя. В 428 г., 10 апреля, в пылу религиозного увлечения он говорил императору Феодосию II: «Дай мне землю, очищенную от еретиков, а я дам тебе за это небо; помоги мне истребить еретиков, а я помогу тебе истребить персов!» Эта нелепая претензия располагать всемогуществом Божиим для достижения бесчеловечных целей могла зародиться и найти себе поддержку в той среде, которая в настоящее время привлекает к себе наше внимание, и которую мы желаем понять и объяснить. Как далеко христианская Церковь по достижении господства отступила от принципов веротерпимости, провозглашенных первыми апологетами! Торжествующая Церковь забыла торжественно провозглашенный принцип «Non est religionis cogere religionem» (Тертуллиан) и потребовала от светской власти насильственных мер против инакомыслящих. Ранее применялся к язычникам принцип возмездия — взявшие меч мечом погибнут; ныне христианская светская власть под влиянием ложно направленной религиозной политики поднимает меч против инакомыслящих в деле вероучения и жестоко преследует их.

Прежде всего на путь религиозной нетерпимости и преследования увлечено было светское правительство, которое издает ряд законов против инакомыслящих. Теперь идет речь не об языческих храмах и не о жертвоприношениях, а о недозволенных христианских общинах, иначе говоря — об еретиках, которые лишаются покровительства закона и которым запрещается собираться на общественную молитву. В первый раз эта мысль проведена в законодательстве в 380 г. «Все народы,— говорит закон,— обязаны держаться той веры, которую апостол Петр проповедовал римлянам, и которой следуют епископ Дамас и Петр, епископ александрийский. Только те, кто исповедует такое учение, могут именоваться христианами кафолическими; прочие же почитаются еретиками, а их собрания не носят имени церквей». Т.к. Никейский символ принят показателем принадлежности к христианской Церкви, то лишь последователям этого символа усвояется наименование истинного члена кафолической веры. «Ядовитое же арианское учение» да не оскверняет более уши, недозволенным собраниям еретиков нет места в городских стенах, и все церкви передаются православным епископам, придерживающимся Никейского символа.

Суровые законы против еретиков, изданные в конце IV в., увенчаны законом Феодосия и Валентиниана от 428 г. Этот знаменитый закон заключается в следующем: «Неразумию еретиков должны быть поставлены ограничения. Прежде всего они должны возвратить католической Церкви все отнятые у православных и находящиеся в их владении храмы, ибо нельзя допустить, что те, которым запрещено иметь свои церкви, 'дерзали удерживать в своей власти православными построенные и насилием у них захваченные храмы. Если кто из еретиков будет изобличен в принятии к себе клирика или пресвитера, то подвергается пене в 10 фунтов золота. Ари-

анам, приверженцам Македония и Аполлинария, воспрещается иметь в городах свои церкви, другим еретикам воспрещается делать собрания для общественной молитвы, а манихеи лишаются права жить в городах. Еретики исключаются из военной службы, за исключением службы в провинциальных когортах и в гарнизонах. Точно так же они лишаются права делать дарственные записи на свое имущество, составлять завещания и вообще делать какие-либо распоряжения перед смертью остающимся после них имением. Воспрещается еретикам совращать в свое учение тех, кто исповедует христианскую веру»[8].

Слишком тесная связь, установившаяся между государством и Церковью со времени объявления христианства господствующей в империи религией, вызвала в дальнейшем развитии церковной жизни особые явления и сопровождалась такими умонастроениями, которые коренятся в мирских условиях жизни. Чтобы хотя несколько выяснить нашу мысль, остановимся здесь на организации высшей церковной власти в Церкви и на постепенном возвышении власти епископа^орода Константинополя[9]. В этом отношении может считаться прочно установленным то, что история церковного устройства развивается соответственно с политическим строем и административным делением империи.

Известно, что со времени Диоклетиана и Константина империя разделена была на четыре префектуры: Восток, Иллирик, Италия, Галлия (Oriens, rilyricum, Ttalia, Gallia), причем каждая префектура распадалась на диоцезы, а последние — на провинции или епархии. Таким образом, префектура претории Востока, находившаяся под управлением префекта Востока, заключала в себе диоцезы: Восток, Азию, Понт и Фракию с главными городами: Антиохией, Ефесом, Кесарией Каппадокийской и Ираклией. Не говоря об исключительном положении Рима, где выросла власть римского епископа гораздо раньше, чем в других главных городах империи, образование митрополичьей власти в городах Востока шло обычным порядком в соответствии с гражданским ростом города. Т. к. в административном отношении наблюдаются колебание и перемещение центра с одного пункта на другой, то и в церковном смысле не сразу обозначалось преобладание одного города над другим, и некоторые из патриарших кафедр, например антиохийская, иерусалимская и константинопольская, в более ранний период находились под церковной властью ближайших или соседних с ними епископских городов.

Прежде всего на Востоке вырастает и, постепенно распространяя свою власть на другие города, делается первым авторитетом в церковном отношении александрийский епископ. Независимо от своего важного административного и торгового значения Александрия рано сделалась первым городом на Востоке по важности и силе основанной здесь, по преданию, евангелистом Марком христианской общины и по нравственному авторитету многих из епископов Александрии. В глазах всей христианской Церкви Александрия возвышалась и своей богословской школой, и научным авторитетом многих представителей александрийского клира. Александрийский епископ к началу IVв. уже распространил свою духовную власть над всеми епископами Египта, так что Никейскйй собор знаменитым 6-м правилом далеко не создавал нового принципа

в церковном управлении, а лишь признал и утвердил своим авторитетом постепенно создавшееся в Египте положение вещей. «Да хранятся,— говорится в этом правиле, — древние обычаи, существующие в Египте, Ливии и Пентаполе, согласно которым александрийский епископ имеет (митрополичью) власть над всеми провинциями этих стран, как и римскому епископу сие обычно. Подобным образом да хранятся преимущества церквей в Антиохии и в других провинциях».

Из истории образования высших церковно-административных центров с несомненной точностью устанавливается, что в выражениях указанного правила относительно власти и преимуществ следует видеть митрополичью власть или власть некоторых епископов по отношению к другим епископам. Подразумеваемая власть, к которой стремились епископы наиболее важных городов, кратко говоря, заключалась: 1) в праве созывать провинциальных епископов на собор и председательствовать на соборе; 2) в праве посвящать и рукополагать епископов и отрешать их от должности и, наконец, 3) в праве высшего надзора и суда над епископами всей провинции. Вот те права, которые утверждены за александрийским епископом 6-м правилом Никейского собора. Епископ, имеющий подобные права по отношению к соседним епископским кафедрам, получает отличительное наименование митрополита. Митрополичьими правами пользуются в течение IV и V вв. многие епископы, поэтому между самими митрополитами обнаруживаются соревнование и борьба из-за власти или «из-за любоначалия и честолюбия», по выражению Василия Великого[10]; на почве этого движения происходят собирание самих митрополий и постепенное их подчинение некоторым исключительно возвысившимся митрополитам. Так, кроме Александрии на Востоке постепенно приобретают первостепенное значение епископы городов или митрополиты Антиохии, Иерусалима и Константинополя, которые в отличие от подчиненных им митрополитов впоследствии получают наименование патриархов.

Процесс происхождения восточных патриархатов представляет весьма любопытную страничку церковной истории. Официально укрепляется титул патриарха за митрополитами Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима в конце VII в.[11]; до указанного же времени происходила ожесточенная борьба из-за преобладания между главнейшими городами и кафедрами. Вторая половина IV в. была временем самой горячей борьбы честолюбия. Каждый сколько-нибудь выдающийся митрополит старался занять на Востоке такое положение, какое принадлежало на Западе римскому епископу. Подобно тому, как в первой половине IV в. шла борьба из-за подчинения отдельных епископов власти митрополита, так ныне состязались из-за подчинения простые Митрополиты и епископы с высшими митрополитами. Отсюда выступление на сцену церковной истории рядом с епископами Рима, Александрии и Антиохии также иерархов Кесарии Каппадокийской, Ефеса, Анкиры, Иконии, Константинополя, Солуни и др.

Был момент, когда александрийский епископ Петр, воспользовавшись наследством Афанасия Великого, стоял во главе всей Восточной Церкви, занимал здесь такое место, какое принадлежало римскому епископу в Западной Церкви. Властвуя неограниченно в Египте, он простер свою власть до Константинополя. С целью ограничения

подобных попыток, угрожавших весьма серьезными последствиями, возникают соборные постановления, регулирующие права митрополитов. Таково 2-е правило II Вселенского собора в Константинополе в 381 г.[13], касающееся главных митрополичьих кафедр и имеющее значение первостепенного документа в вопросе о происхождении высших митрополий или патриархатов. Оно заключается в следующем: «Областные епископы не должны простирать своей власти на другие церкви вне своих областей и (не) смешивать церквей, но по правилам александрийский епископ должен управлять церковными делами только в Египте, а епископы Востока начальствовать только в Восточной Церкви с сохранением преимуществ Церкви Антиохийской, утвержденных никей-скими правилами; также епископы азийской области да управляют Церковью только в Азии, понтийские — только в понтийской области, а фракийские— только во Фракии».

На Константинопольском соборе впервые также выступают притязания константинопольского епископа. Третьим правилом II Вселенского собора признаны были за константинопольской кафедрой обширные права, о каких она и мечтать не могла до перенесения столицы империи в Константинополь. «Константинопольский епископ,— говорит правило 3-е,— да имеет преимущество чести после римского епископа, так как Константинополь есть новый Рим». Громадное преимущество, оказанное Константинополю приведенным правилом, хотя не является в истории Константинополя совершенно неожиданным, нуждается, тем не менее, в предварительных объяснениях. Собственно говоря, в течение

IV в. остается твердо установленным авторитет лишь александрийского епископа, которому принадлежало первое место вслед за римским. Вторым по значению митрополичьим городом была Антиохия, высшее положение которой, хотя утверждено уже Никейским собором и подтверждено Константинопольским, возбуждало, однако, некоторые сомнения и подвергалось колебаниям как в самой Сирии и Палестине, так и в провинции Азии. Уже в III в. епископ Антиохии стоял во главе обширной церковной области и имел под собой ряд подчиненных епископов, которым делал рукоположение, созывал на соборы и над которыми имел высшую власть. С течением времени, в IV и V вв., митрополитам Антиохии подчиняются епархии Сирия, Киликия, Евфратская и Осроэна, Исаврия, Финикия и Аравия. Антиохийский митрополит имел притязания распространить свою духовную власть на Палестину, Понт и Азию и в этом отношении достигал иногда значительных успехов, пока не встретил соперничества, с одной стороны, в постепенно выраставшем в глазах христианского мира значении Иерусалима, с другой—в возвышавшемся положении константинопольского епископа. В связи с значением Палестины и Иерусалима иерусалимскому епископу к началу V в. придано положение апостольской кафедры вслед за Римом, Александрией и Антиохией; что же касается константинопольской кафедры, то на возвышение ее среди других епископий влияли различные обстоятельства, которые считаем необходимым здесь вкратце указать.

Возвышение Константинополя является наиболее для нас любопытным фактом. Рост Константинополя должен быть изучаем с двоякой точки зрения: со стороны постепенного процесса выделения Константинополя из других городов восточной префектуры и со стороны попыт-

ки завоевания всемирного значения, каковая вызвала соперничество в политическом и церковном могуществе Рима. В 6-м правиле никейском мы видели упоминание одругих епископах, обладающих такими же дривилегиями, как александрийский и антиохийский епископы, т. е. о таких епископиях, которые стремились сравняться по церковно-админи-стративным правам с Александрией и Антиохией. Здесь, конечно, разумелись епископы трех главных городов Азии: Ефес, Кесария и Ираклия, которые прямо уже названы в 3-м правиле II Вселенского собора в 381 г. как епископы диоцезов Азия, Понт и Фракия. Но на том же самом соборе в первый раз упомянут новый церковно-административный центр в Константинополе: константинопольский епископ да имеет право чести по римском епископе, потому что град оный есть новый Рим.

Став вторым Римом вместе с перенесением столицы империи, константинопольский епископ всем своим авторитетом в Восточной Церкви обязан был близости к императору. Именно в сфере церковного управления император естественно нуждался в таком же помощнике, какого он имел по гражданской администрации в лице префекта претории. Таков был для него Евсевий никомидийский, который стоял в курсе церковных дел и заправлял церковной политикой при Константине. Совершенно в порядке вещей было и то, что епископы ближайших к Константинополю областей помимо своего областного митрополита стали обращаться по церковным делам прямо в Константинополь и находили здесь благоприятный прием и внимание к своим нуждам. Кроме судебных дел, в особенности в случае недоразумений между епископами и митрополитом целого диоцеза, к непосредственному императорскому суду провинциальные епископы прибегали в разных других случаях, причем они не могли не искать посредничества у константинопольского епископа и ходатайства его перед императором[14]. Все это выдвигало епископа города Константинополя из среды других епископов Востока.

Дальнейший ход дела состоял в том, что константинопольскому епископу стало неудобным оставаться в подчинении у первенствующего епископа фракийского диоцеза, которому он был подчинен по смыслу правил Никейского собора и от которого принимал посвящение. В памятниках не осталось и следов протеста епископа фракийской Ираклии против этого порядка вещей, низводившего его епископию в зависимое положение от Константинополя. Так же настойчиво распространялось Церковное влияние Константинополя в Азии и в Понте, несмотря на огромный авторитет епископов Кесарии Каппадокийской, Ефеса, Ниссы, Иконии и др., которые иногда простирали свое влияние на всю Восточную Церковь. Со времени II Вселенского собора в Константинополе (381), придавшего столичному городу империи преимущественное право чести перед всеми другими городами, епископы Малой Азии и Понта общими усилиями содействуют обоснованию теории церковной власти Константинополя над всем Востоком. Стоит ознакомиться с перепиской Григория Назианзина, из которой ясно видно, как во всех затруднительных случаях провинциальный епископ, обходя своего кесарийского Митрополита-епископа, обращается непосредственно в Константинополь и ожидает от патриарха Нектария уврачевания всех недугов своей Церкви[15]. В период от конца IV в. до половины V в., т. е. до Халкидонского собора, занимающая нас историческая эволюция может

считаться вполне завершившейся, ибо к тому времени первенство константинопольского епископа на всем Востоке уже фактически было признано, и знаменитое 28-е правило Халкидонского собора не нашло противодействия на Востоке. Таким образом, следует принять, что к половине V в. в подготовлявшийся на Востоке строй вошел новый элемент, вступивший в тесный союз с империей: это был константинопольский патриарх. Никак нельзя терять из внимания, что создание Константинопольского патриархата есть дело царской власти, и что в дальнейшей истории патриарх Константинополя испытывает на себе следствия исключительных условий, при которых происходили его образование и рост.

Из церковных учреждений наибольшим значением в жизни пользовались монастыри.

Самым могущественным элементом, возобладавшим в христианском обществе, в особенности с V в., и давшим особенный отпечаток церковной и гражданской жизни того времени, были монастыри и наполнявшее их мужское и женское население. Не предполагая говорить о происхождении монашества и общем его значеции в истории христианской Церкви, мы не можем не коснуться монашества как учреждения, оказавшего громадное влияние на историю Византийской империи. Константинополь со времени обращения его в столицу христианской империи стал быстро украшаться многочисленными и часто богатой постройки монастырями[16]; самим Константином построено 15 монастырей. В V в. по почину благочестивой августы Пульхерии и вследствие ее влияния, когда и самый дворец усвоил себе вид монастыря, Константинополь и его ближайшие окрестности покрылись еще новыми монастырскими постройками. Отметить в числе древних монастырей хотя бы более известные представлялось бы нелегкой задачей.

В 536 г. происходил в Константинополе поместный собор против монофизитов, на котором присутствовали и игумены столичных монастырей. Они подали патриарху Мине прошение, подписанное всеми присутствовавшими, в котором ходатайствовали о принятии строгих мер против еретиков; прошение подписано 68 игуменами. Как по этим подписям, которыми, однако, не исчерпывается число монастырей константинопольских при Юстиниане, так и по фактическому влиянию столичного монашества в жизни Константинополя в самые важные эпохи его жизни можно судить о том настроении, которым создавались монастыри и вызывались беспримерные подвиги столпников, пустынножителей и постников, ставивших выше всего победу духа над грешным телом. Многие из константинопольских монастырей имели за собой славную историю в течение всего периода истории Византийской империи; некоторые из них пользовались таким значением, что принимали в лице своих игуменов деятельное участие в политической жизни. Таковы наиболее известные, построенные до вступления на престол Македонской династии: Студийский св. Иоанна, свв. Маманта, Хора, Сергия и Вакха, Феодора Тирона, Косьмы и Дамиана (Анаргиры), св. Ирины, Богородицы Одигитрии, Панагии в квартале Влахерн, Богородицы у Источника. Все это монастыри, относящиеся к V—VI вв. ... Мы не предлагаем здесь перечня позднейших сооружений; один Василий

Македонянин в своей ревности к строительству богоугодных заведений дошел до того, что ему приписывается более сотни подобных построек. Царям и патриархам в строительной деятельности подражали сенаторы, высшие административные чины и частные лица, имевшие для этого достаточные средства и желавшие обеспечить себе под старость или на случай несчастия спокойное убежище. Нередко можно наблюдать, что целые семьи из состоятельного класса оставляют мирскую жизнь и переселяются в уединенное место, где основывается монастырский поселок. Стремление к монашеской жизни одинаково распространяется в столице и в провинции, где денежная и земельная аристократия строит монастыри на своих землях. Казалось бы, при таком направлении общественных умонастроений трудно было ожидать особенно полезной для государства созидательной работы, тем не менее следует отметить и в этой области весьма замечательные явления.

Египетское пустынножительство, во главе коего в IV в. стояли Антоний и Пахомий Великие, Павел Фивейский, Макарий и др., нашло себе подражание и перенесено было в Сирию, Палестину, в Константинополь и на запад Европы. Высокие подвиги пустынников возбуждали удивление и привлекали внимание светского общества и правителей. С ними входили в письменные сношения императоры и спрашивали их совета по государственным и церковным делам. С течением времени монашество, будучи первоначально свободным состоянием, зависевшим от личного избрания, вошло в состав церковного клира и заняло в нем важное и влиятельное положение. Халкидонский собор в 2-м правиле определил положение монашества следующим образом: «Истинно и искренно проходящие монашескую жизнь да удостоиваются приличной чести. Но поелику некоторые, пользуясь монашеской одеждой, расстраивают церковные и гражданские дела, безрассудно ходя по городам, и даже стараются составлять сами для себя монастыри, то рассуждено, чтобы никто нигде не составлял и не созидал монастыря или молитвенною дома без позволения епископа города, а монашествующие в каждом городе и стране да подчиняются епископу». Таким образом, с 451 г. монашество, как определенное и признанное законом состояние, вошло в состав привилегированного церковного клира и воспользовалось всеми преимуществами, какими государство наделило Церковь и духовное сословие. Чрезвычайно быстрое размножение монашества на Востоке составляло исключительное явление. Неподалеку от Александрии, на расстоянии 35 миль влево от западного рукава Нила, в известной Нитрийской долине жило до 5000 пустынников; в Верхней Фиваиде около св. Пахомия собралось до 1500 монахов. Египтяне имели основание полагать, что число монахов в пустынях равняется числу жителей в городах. Не менее многочисленны были монашеские общины в Сирии и Палестине, где возникали обширные лавры (Саввы Освященного, Фарранская и др.) и монастыри при гробе того или иного известного отшельника или уважаемого окрестным населением старца. Каждая страна в обширной империи дала в смысле религиозного увлечения свои особенные проявления в зависимости от местных народных отличий. Несомненно, что арабы и сирийцы составляют в этом отношении особый этнографический тип, выразивший религиозную идею в более наряженной степени.

Чтобы хотя до некоторой степени составить наглядное представление о том, какое значение в практической жизни занимающей нас эпохи имели некоторые монастыри, войдем здесь в некоторые подробности. Для образца возьмем один монастырь в Сирии, другой в Южной Македонии, бывшие предметом специальных исследований Русского археологического института в Константинополе.

Таков, между прочим, монастырь Симеона Столпника в Сирии, величественные остатки которого, сохранившиеся и доныне, сами по себе могут служить прекрасным показателем культурного и религиозного состояния Сирии в V и VI вв. Монастырь построен в конце V в и находится в расстоянии 35—40 в. от Антиохии и приблизительно на таком расстоянии от Алеппо. Если принять во внимание, что Симеон умер приблизительно в 460 г. (родился ок. 390 г.), и что монастырь на месте его подвигов построен в конце того же века, то легко заключить отсюда о той известности, какою наш подвижник пользовался еще при жизни, и о том уважении, какое он снискал себе среди высших и состоятельных классов общества...

В Сирии нет ничего величественней этой святыни,_которая и теперь еще, когда к ней заросла народная тропа, и кругом на десятки верст видна лишь необозримая каменистая пустыня, производит чарующее и глубокое впечатление. О былом общественном значении монастыря можно судить по тому, что у подошвы холма, на котором красовались великолепный храм и монастырь, возник целый город Симеона (Деир Семан), который жил и процветал на счет богомольцев, отовсюду стекавшихся на поклонение святому чудотворцу. Этот город, построенный на скалистой почве, представляет изумительно блестящий результат приложения большого труда и капитала с целью обеспечения удобствами, а главное, достаточной водой большое население этого города. Следует также взвесить и то, что возведение громадных монастырских построек на скалистом и неровном холме требовало применения искусства и больших технических знаний.

Раскрыть историю такого импозантного археологического памятника, как монастырь Симеона Стилита, значило бы поднять завесу с весьма темного в истории вопроса о роли Сирии в византийской культуре и искусстве V—VI вв. К сожалению, наука обладает пока весьма скудными сведениями, которые дают лишь основания для предположений и догадок, не разрешая, однако, предстоящих любопытных проблем. Встречающиеся по всей Сирии остатки мертвых городов с чрезвычайно выразительным религиозным складом жизни, доказываемым как обилием церквей, так надписями и священными изображениями на стенах частных домов, внушают мысль, что Сирия была глубоко проникнута вероисповедной идеей. Многочисленным сирийским монастырям вполне соответствуют остатки церквей в мертвых городах и селениях, встречающихся довольно часто в нынешней пустынной и бесплодной стране[17].

В Сирии было громадное число монастырей, как православных, так и еретических. В Антиохии, Селевкии, Эдессе, Амиде и других городах сосредоточивались большие монашеские общины, многие из которых достигли 1000 человек. Таковы монастырь св. Фомы в Селевкии, монастырь Цукнин и св. Иоанна в Амиде, Симеона Столпника близ Антиохии.

Подвиги аскетизма и пустыннической жизни были здесь обычным явлением и возбуждали общее уважение. Никого не удивлял вид людей, рвущих как дикие звери в уединенных горах и в пещерах или долгие годы подвизавшихся в тесном пространстве между высокими стенами и сообщавшихся с внешним миром только чрез отверстие в стене. Самые странные обычаи и необыкновенные поступки возбуждали похвалу и соревнование: как блаженный Марк обнаженным предпринимал продолжительные прогулки по снегу, как блаженный Захария имел камень во рту, чтобы приучить себя к молчанию, и носил на теле веревку с тремя узлами, впивавшимися в его спину. Местному герою и подвижнику Симеону удалось провести в жизнь новый способ самоистязания — подвиг стояния на высоком столпе. И этот подвиг с V в. нашел себе многих подражателей на Востоке.

Симеон Столпник еще при жизни пользовался громадной славой, так что множество почитателей стекалось к нему со всех сторон для испрошения благословения и молитвы. И уже немного спустя по его смерти на месте его подвигов построен был величественный памятник, и доныне поражающий воображение своими размерами, богатством и архитектурой, хотя от него остались только стены с грудой обломков. Нет сомнения, что в устройстве монастыря принимали главное участие правительство и августа Пульхерия.

Симеон происходил из крестьянской среды и родился в Сирии. В юных летах он оставил родителей и удалился в пустыню, где подвизался под руководством блаженного Илиодора и превзошел всех живших вместе с ним пустынников постом и подвигами самоистязания. Чтобы обеспечить себе уединение и оградить себя от толпы посетителей, приходивших к нему ради покаяния и молитвы, Симеон придумал способ порвать все земные связи; для этого он устроил себе высокий столп, на который удалился ради поста и уединения и на котором оставался 40 лет. С тех пор в особенности распространилась слава о святом подвижнике не только по Сирии, но и по соседним странам. Язычники и христиане стекались к столпу Симеона со всех сторон; первые крестились, удивленные его подвигами, вторые получали исцеление от многообразных болезней. Когда Симеон пользовался уже широкой известностью, к нему пришла раз его мать, желая увидеть своего сына. Вот как в житии Симеона описано это: «Выслушай удивительную тайну. Мать его, узнав, где он находится, пришла и пожелала видеть его. Она с плачем умоляла об этом в притворе монастыря, но Симеон не позволил ей придти к нему; приставила лестницу к стене, но свалилась на землю. Сын велит передать ей: „Оставь меня спокойным в сей жизни, Матушка; если будем достойны, увидимся в будущем веке". Старушка, услыхав это, воспылала еще большим желанием видеться с сыном. Но Симеон велел сказать ей: „Побудь там еще немного и успокойся, мы скоро свидимся". Она осталась в притворе и скоро умерла. Тогда сын приказал принести мать и положить возле своего столпа и сказал: «Господи! Прими дух рабы твоея". При этих словах тело обнаружило признаки жизни, и на лице появилась улыбка».

Благочестивый император Феодосии II и сестра его царевна Пульхерия переписывались с Симеоном по церковным делам и спрашивали его мнения по волнующим государство вопросам. Можно думать, что

Симеон подавал свое мнение и по делам Халкидонского собора. Значение Симеона было общегосударственное, так что возникший на месте его подвигов храм должен быть рассматриваем как государственный памятник.

Говоря о св. Симеоне Столпнике, необходимо прежде всего заметить, что он не относится к числу известных политических или литературных деятелей и не обязан своей знаменитостью каким-нибудь исключительным внешним подвигам. И между тем церковная история едва ли может указать более популярное и более известное имя в первые века христианства, чем имя Симеона Столпника.

Должно думать, что наш святой есть продукт того религиозного настроения и глубокого воодушевления аскетическими подвигами, какое замечается не только в Сирии, но и на всем Востоке в V и VI вв. Всесветной славой своей он обязан, главным образом, тому способу самоусовершенствования и аскетического подвига, который он избрал и освятил своим примером. Это было стояние на столпе. «Эта новость,— говорит Тилльмон,— в самом деле сначала всех поразила, одни осмеивали ее, другие осуждали: против Симеона выставили обвинение, что он из тщеславия ведет такой род жизни». Тем не менее известность св. Симеона распространялась быстро. К нему приходили не только из ближайших селений, но и издалека; одни приводили расслабленных, другие просили у него исцеления от различных болезней, все по вере их получали просимое и распространяли славу о чудодейственной силе св. Симеона на далекие страны. Стали приходить в Сирию из отдаленнейших стран: из Испании, Англии и Галлии, а в Риме изображения святого ставились в притворах ремесленных заведений. О громадном авторитете Симеона свидетельствует то значение, какое придавал ему император Феодосии Младший в вопросе о церковных волнениях. Из писем Феодосия ясно, что император приписывает его молитвам уничтожение ереси Нестория и ожидает мира Церкви от благотворного влияния Симеона на тех, которые поддерживают церковные смуты.

Вслед за смертью Симеона последовали события, которые свидетельствуют о громадном его влиянии. В Антиохии поднялся бунт, т. к. жители требовали, чтобы тело святого подвижника было погребено в их городе; при этом торжественное перенесение тела Симеона в Антиохию состоялось под наблюдением префекта претории Ардавурия и готского отряда, которым он командовал. О современном императоре Льве I также рассказывается, что он желал перенести тело Симеона в столицу и только под влиянием настойчивых просьб антиохийцев отказался от своего намерения.

История не дает, говорит Де Вогюэ[19], точной даты постройки Великой церкви, но она указывает довольно приблизительные границы, в которых следует поставить хронологию постройки. Историк Евагрий, посетивший этот храм, дает описание памятника, которое вполне подходит к сохранившимся еще и поныне развалинам. Евагрий сделал свое путешествие около 560 г.,— значит, между этой эпохой и временем смерти св. Симеона нужно полагать постройку храма, т. е. ко второй половине V в. нужно относить постройку памятника в честь Симеона Стилита. «Церковь построена была в виде креста, которого четыре конечности украшены портиками. К этим портикам примыкают ряды

каменных колонн, поддерживающих крышу. В середине — обширный открытый двор, на котором находилась и колонна — место подвигов св. Симеона. Толпы окрестных крестьян допускаемы были во двор вместе со своими вьючными животными и в день памяти Симеона водили хороводы вокруг столпа. Женщинам был запрещен вход не только в храм, но и во двор». Монастырь разделял судьбы христианства в Сирии. Арабское завоевание не лишило его значения и влияния. Хотя арабы несколько раз разоряли его, но можно думать, что он скоро оживал вновь и обогащался вследствие благотворении окрестного населения. Можно проследить судьбу его через все средние века. В то время, как окрестные области постепенно лишались населения, в то время как сирийские города и поселки приходили в обнищание и запустение, монастырь Симеона Стили-та долго еще собирал в свои стены верных почитателей подвижника.

В то же самое время, как в Сирии создавался культ Симеона Столпника, на западной границе империи, в европейских провинциях ее, постепенно образовался громадный авторитет великомученика Димитрия, культ которого хотя и централизовался в Солуни, но обнимал весь Балканский полуостров. О происхождении и первоначальном виде повествований о св. Димитрии можно сказать мало определенного, но уже в начале V в. был построен великолепный храм и на день памяти его, 26 октября, в Солунь стекалась громадная масса богомольцев и торговых людей с Балканского полуострова и с побережий Средиземного моря. Великомученик Димитрий по своему влиянию и обширному театру деятельности далеко оставляет за собой сирийского подвижника. Роль его в истории средневекового византинизма также гораздо глубже и шире. Это легко понять уже из того, что св. Димитрий имеет театром своей деятельности богатый и торговый город, занимавший первое место после Константинополя, и что главнейшей частью своей покровительственной городу роли он входит непосредственно в историю славян, бывших соседями и врагами этого греческого города. Ввиду указанных обстоятельств находим уместным остановиться вниманием на выяснении культа св. Димитрия. В самое последнее время при переделках в древнем храме св. Димитрия открыты мозаики, почти современные происхождению храма и бросающие новый свет как на историю распространения культа св. Димитрия, так и на историческое значение житья его и сказаний о чудесах[20].

Изображение св. Димитрия на открытых в церкви мозаиках повторяется более 10 раз. Существенным и неизменным характером изображения является фигура во весь рост с лицом, обращенным прямо к зрителю (en face), ясный и блестящий взор, молодое безбородое лицо, длинная и Широкая одежда с нашитым широким клавом и с фибулой того же Цвета, что верхняя одежда. Этот образ св. великомученика вполне соответствует тому литературному воззрению, которое выразилось в самых древних, до нас дошедших сказаниях. Обнаруженные в храме св. Димитрия мозаики как по своему сюжету, так и по высоким качествам Исполнения заслуживают особенного внимания. Сопоставленные с текстами житий, из коих, впрочем, ни одно не восходит далее VIII в., эти Мозаики, в свою очередь, могут служить подтверждением для текстов...

...В сказании о страданиях св. Димитрия повествуется о Леонтии, Что, исцелившись от своей болезни, он построил на месте небольшой

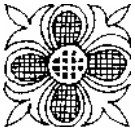
часовни, где покоилось тело великомученика, великолепный храм, который существовал во время составителя сказания и который, как можно думать, в основных частях сохранился и по настоящее время.

Следуя древнейшему житию, первоначальная небольшая часовня или церковь над гробом святого Димитрия была заменена уже в начале V в. большим храмом, построенным одним из усердных почитателей великомученика, упомянутым префектом Иллирика Леонтием. Итак, тот храм, который соответствовал широкой известности и славе св. Димитрия, был построен уже в начале V в., когда, по-видимому, начинали создаваться сказания об его чудесах. К сожалению, не сохранилось такого описания этого храма, по которому можно было бы определенно характеризовать его и отождествить. Точно так же и в первоначальных сказаниях о чудесах не находим никаких хронологических данных. Лишь одно важное для храма св. Димитрия обстоятельство можно заимствовать из древнейших житий, что этот храм имел в себе особенную святыню: серебряную раку под сенью, или так называемый киворий, находившийся, по преданию, над местом, где было погребено тело великомученика. Киворий считался самой главней святыней храма, сюда обыкновенно обращались верующие с горячими молитвами, и здесь сосредоточивались дорогие приношения, близ кивория получались исцеления от различных болезней.

В истории храма был случай, который сопровождался большим пожаром, растопившим означенный киворий. Этот случай стоял в связи с нападением славян на Солунь и, следовательно, должен относиться к самому концу VI в.

После пожара, имевшего место в конце VII в., храм св. Димитрия был исправлен и возобновлен путем пожертвований и частной благотворительности, как это определенно объяснено в чудесах и как легко заметить при некотором внимании к архитектурным особенностям нынешнего храма.

Но самым высоким значением пользовался палладий самой столицы— Богоматерь, которая своим всегдашним предстательством и за-ступлением неоднократно спасала город от крайней опасности. Участие Панагии в судьбах столицы засвидетельствовано многочисленными литературными памятниками и, между прочим, знаменитым акафистом «Взбранной воеводе», в котором нашли выражение самые тревожные исторические эпохи Константинополя и самые высокие порывы религиозного воодушевления и духовного подъема. К этому памятнику мы будем иметь случай не один раз возвращаться.

Глава XI

Лев I и Зинон. Следствия Халкидонского собора. Основание остготского господства в Италии

Переходя к изложению ближайших после Халкидонского собора событий, заметим вместе с покойным Гельцером, что рассматриваемые с политической точки зрения постановления Халкидонского собора составляли большое бедствие для Византийской империи. В тот период, когда великая политическая идея восходила к церковному сознанию, антиэллинское национальное чувство сирийцев и египтян нашло себе спайку в протесте против Халкидонского собора [1]. Здесь разумеется не только ближайший результат — отделение Сирии и Египта и части Малой Азии от общения с господствующей Церковью и широкое развитие на Востоке монофизитства, но и более отдаленные следствия, обнаружившиеся в политическом разобщении египтян и сирийцев с империей, в успехе арабского завоевания и даже в последующих затем событиях.

В 457 г. со смертью Маркиана выступил династический вопрос, т. к. из поколения Феодосия Великого не оставалось представителей. Чаще всего как в предыдущее, так и в последующее время в подобном случае практиковался обычай кооптации или назначения преемника еще при жизни царствующего лица, но правовой порядок состоял в избрании императора сенатом и войском или народом. Как известно, отсутствие точного закона престолонаследия не раз ставило империю в крайне опасное положение, но нельзя отрицать, что это же обстоятельство часто открывало дорогу к власти самым способным государственным людям. В рассматриваемое время дело обошлось без потрясений, не оказалось необходимости ни в применении кооптации, ни в народном избрании. В гражданской и военной администрации было громадное множество иностранцев по преимуществу германского происхождения, целые отряды войск состояли из германцев, предводители коих имели важное политическое значение в империи. Готский род, во главе которого стояли Аспар и Ардавурий, целых три поколения владел могущественным влиянием на дела, назначая правителей и раздавая гражданские и военные должности. Не раз перед представителями этой фамилии открывался соблазн захватить императорскую власть, но они предпочитали править, а не царствовать. Есть мнение, будто существенным препятствием к этому было то, что Аспар и Ардавурий как ариане имели против себя духовенство. Таким образом, по смерти Маркиана Аспар вошел в соглашение с одним из подвластных ему военных чинов и, заручившись от него всякими гарантиями, употребил все свое влияние к возведению его

на царство. Так вступил на престол Лев I, фракиец по происхождению стоявший во главе империи от 457 по 474 г. Весьма любопытно отметить здесь, что вступление Льва на престол ознаменовано в первый раз употребленным в империи актом — церковным венчанием на царство и миропомазанием, совершенным патриархом Анатолием. С тех пор это венчание или коронование вошло в обязательный обычай для всех византийских царей, от которых усвоено было и другими христианскими владетелями. Лев I оказался, однако, далеко не таким удобным орудием, каким желал иметь его Аспар, вследствие чего между ними скоро возникли недоразумения, подготовившие мало-помалу падение временщика и всего его рода, как то мы видели выше.

Прежде всего Льву предстояло определить свои отношения к религиозному вопросу, волновавшему государство. Наиболее сильное движение в пользу монофизитского учения, формулированного Евтихием и осужденного Халкидонским собором, обнаружилось в Палестине. Сюда прибыл александрийский монах Феодосии, присутствовавший на соборе, и начал волновать местное монашество и простой народ известиями о том, что постановлениями собора нарушена старая вера и утверждено учение еретика Нестория. Так образовалось сильное движение в Палестине, поддержанное местным монашеством и имевшее целью в одно и то же время отвергнуть учение Евтихия о том, что человеческое естество во Христе поглощено божеским, и протестовать против признанных Халкидонским собором двух естеств (диофизитизм). Вожди движения выставили на своем знамени принцип одного естества и положили начало монофизитского учения в тесном смысле, в отличие от Евтихиева. Скоро это движение получило политический характер и начало угрожать большими опасностями, когда его приняла под свою защиту проживавшая в Иерусалиме вдова царя Феодосия II, Евдокия. Когда епископ иерусалимский Ювеналий не решился подчиниться народному требованию и анафемство-вать халкидонские постановления, в городе начался бунт против церковной власти, пожары и убийства, причем виновник всего движения, монах Феодосии, возведен был в епископы Иерусалима на мест о низвергнутого Ювеналия. Отпадение от господствующей Церкви и избрание новых епископов распространилось и на другие города Палестины.

Не менее сильное движение в том же направлении происходило в Египте. Уже на Халкидонском соборе 13 египетских епископов не согласились дать своей подписи к соборным деяниям. Единомышленники их в Александрии, которых было большинство, подняли восстание против вновь избранного в патриархи Протерия и нанесли полное поражение правительственной партии тем, что изменнически уничтожили александрийский гарнизон. Независимо от того обнаружилась в то же время церковная революция; во главе стали два клирика, Тимофей Элур и Петр Монг, которые вместе с примкнувшими к ним епископами и монахами и александрийской чернью захватили епископскую церковь. Тимофей, избранный в александрийские епископы на место умерщвленного Протерия, стал замещать подведомственные ему епископии своими приверженцами и на собранном им синоде произнес отлучение на Хал-кидонский собор, на царя и патриарха.

Не лучше было положение в Антиохии. И там против господствующей Церкви поднимается монах Петр по прозванию Валяльщик, ор-

ганизовавший многочисленную партию против православного епископа Мартирия и сам занявший его кафедру в Антиохии. Как и в других диопезах, монофизитский епископ старался поставить на подведомственные Антиохии кафедры новых епископов, изгнав последователей Халкидонского собора. Составленный им собор произнес анафему против диофизитов, или православных. Таким образом, новому императору предстояло считаться с организованным бунтом в Иерусалиме, Антиохии и Александрии, возникшим на почве церковной, но питаемым также и национальными и политическими тенденциями.

Ввиду всех этих обстоятельств положение императора было в высшей степени затруднительным. Присланную ему жалобу на Тимофея Элура император разослал по всем епископиям империи и спрашивал мнения всех епископов по поводу событий в Александрии. Хотя большинство высказалось против александрийского епископа, но император не решился принять строгих мер против Элура, а позволил ему явиться в Константинополь для объяснений и только по настояниям римского епископа Льва сослал его в Херсонис. Осторожно и умеренно отнесся император и к иерусалимским волнениям и достиг того, что монофизитский епископ бежал на Синай, после чего снова получила господствующее положение православная партия. Точно так же не без больших затруднений удалось прекратить смуту в Антиохии после того, как епископ Петр был изгнан и восстановлены на местах приверженцы Халкидонского собора. Несмотря, однако, на временный успех, положение церковных дел не могло считаться упроченным, т. к. на Востоке продолжало таиться глубокое раздражение против православной партии, возобладавшей при помощи светской власти и оружия.

Кроме церковной смуты, внимание Льва занимало исключительное положение, занятое в империи, в особенности в войске, варварами. Род могущественного вождя германских дружин Аспара, члены и приверженцы коего занимали высшие места в войске, представлял серьезную опасность в империи. Уже было замечено, что Аспар был самым влиятельным лицом в империи; при вступлении Льва он выговорил некоторые привилегии в пользу своего рода, именно, будто бы вынудил согласие Льва назначить сына Аспара кесарем. Легко видеть, что на Востоке складывался тот же порядок вещей, который неминуемо привел Западную империю к падению. Лев понимал угрожавшую опасность и принял все меры к тому, чтобы ослабить преобладающее значение германских дружин. О взаимных отношениях между царем и Аспаром прекрасные сведения передает житье св. Маркелла обители Акимитов: «Аспар был первый после царя, родом и могуществом силен, из племени готофского, под рукой его было все войско греческое. И противился Царю Аспар во многом и со всею своею фамилией был тайно враждебен Царскому, и всей Церкви Христовой тяжел весьма, ибо много помогал арианам и озлоблял православных. Благочестивый же царь Лев, будучи [к]Роток и богобоязлив, терпел Аспара до времени частью по незлобию, Частью потому, что все войско стояло на стороне дома Аспара».

При полном отсутствии источников трудно, конечно, войти в оценку обстоятельств, которыми воспользовался царь Лев, чтобы предотвратить угрожавшую опасность от германо-готского элемента. Но не может быть сомнения, что в это царствование приняты были меры

к организации национального войска и к ослаблению преобладания варварских дружин. Во всяком случае, для Византии в царствование Льва и благодаря принятым им мерам отдалена была та опасность, которая угрожала ей теми же потрясениями, что постигли Западную Римскую империю. Царь Лев сделал важный шаг к национализации войска, исполнив в этом отношении советы египетского епископа императору Аркадию. В первый раз при Льве I выступает на сцену народ исавры, которые жили полунезависимо в горах Тавра и отличались воинственным духом. Исаврам предоставлены были некоторые привилегии за несение военной службы, старшины их были приняты на жалованье и облечены в разные военные звания; словом, в этом военном и преданном интересам империи народе царь Лев постепенно приготовил надежное средство для ослабления вождей германских отрядов. И, конечно, это национальное дело может оправдывать даваемое ему наименование Великого.

Весьма вероятно, что в связи с отношениями Льва к Аспару нужно рассматривать бедственный исход, постигший хорошо задуманную и прекрасно подготовленную морскую экспедицию против вандалов. Известно, что полная неудача постигла это предприятие из-за неспособности Василиска, шурина императора, назначенного на ответственное место главнокомандующего преимущественно по настоянию Аспара. Когда поход окончился полным уничтожением флота, и Василиск спасался от народного раздражения в церкви св. Софии, авторитет Аспара значительно был ослаблен. Но решительная мера против временщика принята была при помощи тех исавров, о которых говорено выше. Начальник племени исавров по имени Зинон был обласкан царем и женат на его дочери Ариадне в 458/59 г.; с этих пор соплеменникам Зинона предоставлены были особенные права военной службы, так что преобладанию германского элемента постепенно полагались ограничения. С тех пор, как Зинону препоручено было командование восточными войсками (ок. 464 г.), дальнейший ход дел нетрудно было предвидеть. Начинаются враждебные отношения между германской и исаврийской партиями, сделано было раз покушение на жизнь Зинона. Тогда последний, конечно, не без ведома императора, решился на крайнее средство. В 471 г. произведен был переворот, стоивший жизни Аспару и сыну его Ардавурию и окончательно лишивший значения германскую партию. Хотя прозвание «мясника», оставшееся за Львом, может иметь свое объяснение именно в беспощадном избиении партии Аспара и Ардаву-рия, но с точки зрения интересов организующейся империи на Востоке национализация войска должна быть поставлена ему в большую заслугу.

Лев умер в 474 г., назначив преемником своего малолетнего внука, сына Зинона и Ариадны по имени Лев, который, однако, неожиданно скончался, избрав в соимператоры своего отца и, таким образом, обеспечив за ним преемство власти. Довольно продолжительное царствование Зинона (474—491) отличалось большими внутренними потрясениями, объясняемыми частью борьбою партий политических и церковных, частью честолюбивыми тенденциями членов царской семьи. В это время заметны влияния: 1) вдовы умершего царя Льва I Верины, женщины способной и честолюбивой, желавшей держать в своих руках влияние на дела и пользовавшейся для этого как орудием братом своим Басили-

ском; 2) царицы Ариадны, которая, естественно, считала себя как дочь и мать императоров ближе всех к высшей власти; 3) наконец, временщиков Василиска, Илла и др.

Уже через год по вступлении Зинона на престол в Константинополе обнаруживается враждебное к новому царю движение, так что он должен был спасаться бегством в Исаврию. Можно догадываться, что во главе враждебной Зинону партии стояла Верина, но ей не удалось захватить власть; национальная партия, руководимая духовенством, выдвинула Василиска, который после злосчастной экспедиции против вандалов долгое время оставался не у дел и которого только крайняя непопулярность Зинона могла снова выдвинуть на первые места.

После бегства Зинона Василиск в начале 476 г. захватил высшую власть и около двух лет стоял во главе империи; против приверженцев Зинона началось гонение; соплеменники его, исаврийцы, были преследуемы и убиваемы. Реакция обнаружилась и со стороны церковной: при Василиске православная партия утратила свое влияние, и монофизиты, т е. противники халкидонских постановлений, снова подняли голову в Сирии и Египте. Константинопольский епископ Акакий пытался удержать Василиска в церковном подчинении, простой народ и монахи начали волноваться. В Константинополе произошел большой пожар, истребивший много домов и, между прочим, часть библиотеки, причем погибли весьма ценные рукописи и художественные памятники. Указанные обстоятельства в соединении с личными качествами Василиска, лишенного и политического такта, и самых элементарных правил честности, произвели к нему общее охлаждение, не исключая даже ближайших к нему лиц. Этим воспользовался Зинон в целях восстановления своей власти и авторитета в столице. Посланный против него Василиском полководец Илл предпочел предаться на сторону Зинона; точно так же поступил и предводитель фракийских войск Арматий. Лишенный всех средств защиты Василиск решился было опереться на православную партию в Константинополе, обещая ей отмену прежних постановлений в пользу еретиков и опубликование отлучения на Нестория и Евтихия. Но ему не поверили и охотно впустили в Константинополь Зинона, не оказав ему сопротивления. Василиск искал спасения в храме св. Ирины и не прежде оставил его, как получив обещание Зинона не посягать на его жизнь. Заточенный после того в Армении в Кукуз он умер в 477г.

Зинон обязан был возвращением власти столько же православной партии, сколько прямой и непосредственной помощи царицы Верины и вождей Илла и Арматия. Само собой разумеется, он должен был надавать много обещаний своим сторонникам, которые исполнить было не совсем легко. Не говоря о престарелой царице Верине, которая скоро лишена была влияния на дела и выслана из Константинополя, трудно было удовлетворить притязания военных людей Арматия и Илла. По отношению к первому Зинон исполнил все, что мог, назначив самого Арматия главнокомандующим войск, а сыну его, Василиску, дав титул Кесаря. Что касается Илла, он долго оставался действительной поддержкой для Зинона. Ему император был обязан устранением опасности, [г]Розившей ему от Маркиана, сына римского императора Анфемия, в 479 г. Но, может быть, это обстоятельство и было причиной больших притязаний Илла. Прежде всего по его козням был убит Арматий, затем,

находясь в Малой Азии во главе военного отряда, он начал восстание против императора, имея намерение лишить Зинона власти и выставив самозванца в лице Леонтия (484). Это движение против Зинона было, наконец, сломлено Феодорихом, сыном Триария, состоявшим на службе империи и командовавшим отдельным готским отрядом. Из этого можно до известной степени понять, с какими затруднениями связано было царствование Зинона и как трудно было ему удовлетворить притязания своих приверженцев [2].

Но самым важным вопросом, предстоявшим пред Зиноном, был церковный вопрос. Внутренние смуты в империи поддерживались вследствие церковного разделения. Василиск и Зинон лично не стояли на стороне приверженцев халкидонских постановлений о соединении двух естеств во Христе и, смотря по обстоятельствам, держались то православного, то еретического, т. е. монофизитского, воззрения. Теперь, когда восстановлением своим на престоле Зинон обязан был главнейше православной партии, он считал себя вынужденным в своих правительственных действиях высказаться определенно по церковному вопросу. В Малой Азии происходили колебания даже в среде епископов между православием и ересью. Но в Сирии и Палестине, в особенности же в Египте монофизитское учение одерживало верх, и ожесточенная борьба религиозных партий доходила до открытого мятежа против правительства. В Антиохии вождем враждебной православию партии был епископ Петр Кнафей, или Валяльщик, в Александрии — Петр Монг; там и здесь угнетаемая и приниженная православная партия обращалась в Константинополь с надеждой на поддержку и взывала о правительственном вмешательстве.

Константинопольский епископ Акакий внушил императору мысль сделать попытку примирения церковных партий. С этой целью в 482 г. издан был Зиноном знаменитый акт единения, или Энотик (ἑνωτικόν), так назывался эдикт, адресованный епископам, клирикам и монахам и всем христианам Александрии, Египта, Ливии и Пентаполя и имевший целью сближение монофизитов с православными, для чего допустивший некоторые уступки в способе изложения спорного учения. Как известно, яблоком раздора между партиями было учение о соединении во Христе двух природ — божеской и человеческой нераздельно, неслиянно, неизменно, непреложно (диофизиты в противоположность к монофизитам) Составленный Зиноном акт должен был так изложить учение о Сыне Божйем, чтобы не затронуть ни православных, ни монофизитов. Энотик, с одной стороны, утверждая истинное человечество и истинное божество Христа, как это было утверждено тремя первыми вселенскими соборами, предает проклятию ересь Нестория и Евтихия, но, с другой стороны, выразительно упоминая о символе первых соборов и избегая выражений «одна природа», «две природы», как будто намеренно замалчивает Халкидонский собор, составивший определение о двух естествах. Внесенное же в акт упоминание об этом соборе в таких выражениях: «Кто иначе думает или думал, в Халкидоне или на каком другом соборе, да будет анафема» — могло наводить на сомнения о том, какое значение приписывается этому собору рядом с другими.

Упомянутый акт имел целью, как сказано, примирить враждующие церковные партии, но намерения Зинона и патриарха Акакия не

оправдались. Причина этого частью лежала в национальных различиях, составлявших существенный повод к раздорам в империи, в противоположности эллинизма к восточным национальностям Сирии и Египта, частью в жаркой полемике против этого акта со стороны римского папы, — полемике, сопровождавшейся отделением Восточной Церкви от Западной на 35 лет; наконец, неудача Энотика лежала и в самом существе этого акта — в его двойственности и неопределенности. Монофизиты остались им недовольны за то, что он прямо не высказывается против Халкидонского собора; православные ставили Зинону в вину то, что он принял на себя смелость решать вопросы веры без собора и что своим актом бросил тень на авторитет Халкидонского собора. Таким образом, следствием этого акта внутри империи получилось еще большее разделение: вместо двух партий явилось три, две крайних и одна средняя. Что же касается Римской Церкви, то последовавшее из-за Энотика отлучение от Церкви патриарха Акакия и ответ константинопольского епископа изъятием имени римского папы из диптихов Восточной Церкви является иллюстрацией политического отделения Восточной и Западной империи, которая к тому времени совершенно подпадает господству варварских народов

В царствование Зинона произошли, однако, события, снова выдвинувшие вопрос об единой нераздельной империи. После того, как миром с вандалами в 475г предотвращена была опасность от морских пиратов, появляются новые враги в лице германского племени готов.

Переходим к изложению важнейшего политического события времени Зинона — образованию германского королевства в Италии. Движение остготов в Италию до сих пор представляет много непонятного[3]. И, прежде всего, какими побуждениями руководился император Зинон, посылая Феодориха в Италию? Очень авторитетное мнение высказано Моммсеном, что образование остготского королевства в Италии есть в существе дело Одоакра, т. к. появление в Италии Феодориха было лишь личной переменой стоявшего во главе вождя. Одоакр первый порвал с традицией о Западной Римской империи и, объявив себя королем, дал выражение варварским притязаниям на земельные участки в Италии и право поселения. Когда он провозглашен был 23 августа 476 г. своим войском королем, уже одним этим нарушен был прежний порядок, т.к. Одоакра мало теперь занимал носитель императорской власти, из коих один (Непот) был в Далмации, а другой, с согласия Одоакра, спокойно доживал свои дни в Кампании (Ромул-Августул). На место западного императора, которого больше не было, должны были осуществляться в Италии имперские права восточного императора, но по существу в Италии остались неизменны социальные, и политические, и этнографические отношения.

В 478 г. римский сенат по поручению Одоакра послал в Константинополь посольство, которое должно было передать знаки императорской власти упраздненной Западной империи и, вместе с тем, просить ° признании совершившегося факта. Послы должны были объяснить, что Италия не нуждается в отдельном императоре, и что достаточно для Запада и Востока одного общего императора. Сенат предложил назначить Одоакра для управления делами Запада, дать ему достоинство патриция и поручить ему управление Италией. И Зинон, несмотря на то,

что в то же самое время западный император Непот просил у него помощи и войска, нашел возможным продолжать переговоры с Одоак-ром и обещал дать ему звание патриция. При всем трудном положении дела Одоакр остался у власти в продолжение 13 лет; по смерти Непота, весьма вероятно, Зинон уступил ему звание патриция и признал его в правах на обладание Италией.

Нужно думать, что итальянские дела, однако, не могли оставаться безразличны для восточного императора, что новый порядок вещей, установленный Одоакром, не имел исключительно местного значения. Как ни скудны сохранившиеся известия, но из них можно видеть, что новое королевство не совсем укладывалось рядом с империей. Первый случай к тому представился в смерти Непота (480), которою Одоакр воспользовался для того, чтобы подчинить Далмацию своей власти, хотя всего естественнее было бы ожидать вмешательства восточного императора в наследство, оставшееся после западного императора. Трудно сказать, принимал ли Одоакр прямое участие во внутренних смутах, производимых в империи Василиском, Иллом и Феодорихом, сыном Триария, но есть известия, что византийсдае бунтовщики и повстанцы находили поддержку в Италии. Независимо от всего прочего, уже давно применяема была в империи политика ослаблять одного варварского предводителя, противопоставив ему другого. С этой точки зрения следует рассматривать вопрос о движении остготов в Италию.

Со времени распадения державы гуннов в придунайских областях Норике и Паннонии наступает полное безначалие. Римская власть не доходила до этих отдаленных провинций, и защита их предоставлена была местным силам. Хотя Одоакр сделал попытку заявить о своих притязаниях на имперские области на Дунае, но эта попытка вызвала появление новой политической и военной силы, которая была причиной гибели Одоакра. Распадение империи гуннов имело громадное значение в истории народностей Северо-Восточной Европы, и потому необходимо здесь несколько остановиться на этнографии этих областей.

Наибольшая заслуга в деле окончательного ослабления гуннов принадлежит гепидам, которые после того заняли Дакию. Паннония занята готами. Дальнейшая история сосредоточивается около готского племени. Но никак нельзя думать, что мы имеем здесь дело с целыми народами, напротив, чаще всего это племена и военные дружины. В истории тех готов, которые приняли главное участие в образовании королевства в Италии, преимущественное значение принадлежит трем братьям из рода Амалов— Валамиру, Тиудемиру и Видимиру. Они стоят во главе военных отрядов, с ними переговаривается византийское правительство, они же получают от императора денежные средства на жалованье дружине. Рядом с старшинами из рода Амалов другой отряд готского племени упоминается на Нижнем Дунае близ Никополя; есть отряд готов в Далмации близ Драча. Наконец, была еще значительная готская дружина под предводительством Феодориха, сына Триария, которая даже стояла в более близких отношениях к империи, чем другие готы, и которая играла роль еще при жизни Ардавурия. Паннонские остготы находились в постоянном движении, т. к. вожди их недовольны получаемым от империи жалованьем, дружина ищет более обширных и плодородных земель для поселения. Чтобы заручиться верностью

в исполнении принятых обязательств со стороны готов, правительство потребовало от них заложника (ок. 461 г.)- Таким образом, малолетний феодорих, сын Тиудемира, был воспитан в Константинополе и сделался полуогреченным германским князем. Между тем катастрофа, постигшая в Константинополе германцев, и появление новых военных отрядов из исавриицев не могли не отразиться на отношениях между готами и правительством. Прежде всего это вызвало враждебное движение среди готского отряда во Фракии, во главе которого стоял Феодорих, сын Триария, вследствие родственных отношений к Аспару и Ардавурию принявший слишком близко к сердцу постигшую их катастрофу. Вождь фракийских готов требовал от императора не только наследства, оставшегося после Аспара, но и претендовал на то политическое и военное положение, которое его родственнику принадлежало в империи. Весьма вероятно, что в целях ослабить вождя фракийских готов Зинон выпустил на свободу заложника паннонских готов Феодориха, воспитанного в греческих нравах и около 10 лет проведшего в столице. Но расчеты Зинона не оправдались.

По возвращении к своим соплеменникам Феодорих становится во главе движения паннонских готов, имеющего целью, с одной стороны, расширение занятой ими территории на счет соседних народов, с другой— приобретение военной добычи и средств пропитания. Что всего важней для византийского правительства было в этом движении — это новое направление, данное набегам под предводительством молодого Феодориха: готы появляются в Македонии, доходят до Фессалии и угрожают осадой Фессалонике. Это был важнейший момент в отношениях империи к готам.

Вероятно, тогда уже Зинон вступил в новые соглашения с Феодорихом, который по смерти отца своего Тиудемира сделался представителем рода Амалов, предоставив готам некоторые области в Македонии и наделив Феодориха титулом magister militum, т. е. введя его в тесную связь с империей. Во время возмущения Василиска, которое заставило Зинона бежать из Константинополя и искать спасения в горах Исаврии, оба Феодориха, как предводитель фракийского отряда, так и вождь паннонско-македонских готов, носившие одинаковый имперский титул и состоявшие на службе, питали честолюбивые замыслы получить первенствующее положение и заручиться наибольшим влиянием. Василиска поддерживал Феодорих, сын Триария, Зинон опирался на силы и влияние другого Феодориха.

Возвращение Зинона к власти было в то же время триумфом для союзника его, Феодориха паннонского, который не только пожалован саном патриция, но усыновлен Зиноном. Для характеристики отношения империи к германским вождям, имевшим звание федератов, прекрасные Места имеются у писателя Малха[4]. Правительство Зинона ведет переговоры с Феодорихом, сыном Триария, который заявляет недовольство идущим от империи жалованьем и выставляет следующие причины для своих притязаний: «В прежнее время он мог бы удовлетвориться и скромным содержанием; ныне же, когда его поставили в необходимость собрать дружину, он должен или давать достаточное содержание своим людям, или воевать с империей». Правительство, находясь в затруднительном положении, согласилось выдавать Феодориху жалованье

на дружину в 13000 военных людей, которых он будто бы у себя. Само собой разумеется, Зинон искал возможности ослабить слишком притязательного федерата, выставив против него другого варварского дружинника. Царствование Зинона представляет неоднократные примеры искусного применения этой системы, которая помогала устранять серьезную опасность без особенных потрясений.

Военная и политическая карьера Феодориха, сына Тиудемира, не может иметь достаточного объяснения, если не взвесить все обстоятельства его воспитания и ознакомления со взаимными отношениями римского мира к варварскому. Феодорих должен считаться одним из даровитейших представителей остготского племени, который прекрасно понял положение политических дел на Востоке и Западе. Видя, что некоторым германским племенам выпала уже счастливая роль основать национальные королевства на территории империи, Феодорих не хотел более ограничиваться скромной ролью федерата, хотя бы и отличенного высшими имперскими титулами: он начинает заявлять притязания на более важные полномочия. С этой точки зрения и следует оценивать его беспокойную деятельность, пока она не увенчалась исполнением его заветной мечты. Находившийся под его властью народ-войско, оставив паннонские долины, бродил по Македонии, ища места для оседлости. Нужда и голод заставляли готов искать населенных и обработанных мест, ибо идеал варваров — владеть плодородными землями, обрабатываемыми трудом местного населения, властвуя над которым можно бы было проводить праздную жизнь господина и воина.

Уже находясь в Македонии, Феодорих бросал взоры на Италию и предлагал императору Зинону принять на себя восстановление в Италии нарушенного Одоакром порядка и снова призвать жившего в Салоне Непота на престол западных императоров[5]. Наблюдавший за движением готов Феодориха полководец Зинона Сабиниан нанес им значительное поражение в 479г.; но в то же самое время фракийские готы Феодориха, сына Триария, стали угрожать самому Константинополю, поставив Зинона в необходимость искать новых союзников на Севере, чтобы отвлечь от Константинополя опасность. Неожиданная смерть вождя фракийских готов устранила на этот раз опасность; часть его дружины перешла, по-видимому, к представителю рода Амалов, приняв участие в его дальнейших приключениях. Тем не менее, Зинон нашелся вынужденным вновь вступить в соглашение с Феодорихом, которому снова были предоставлены титул главнокомандующего и, кроме того, почетное звание консула на 484 г. В ближайшее затем время он находится в близких и дружественных отношениях к императору, пользуясь его доверием.

В высшей степени любопытно отметить, что Феодорих стоял во главе имперских войск, назначенных против бунтовщика Илла, находившегося в сношениях с Одоакром; что он же участвовал в отражении болгар, тогда в первый раз упоминаемых в истории. Тем не менее, доверие к нему со стороны Зинона не было продолжительно. Еще не было окончено дело с Иллом в Малой Азии, как Феодорих был отозван от командования войсками. В 486 г. мы находим его в открытой войне с империей, он опустошает Фракию, и до самых стен Константинополя для него не было преграды, т. к. имперское войско было на азиатской

стороне и занято усмирением Илла. Тогда император послал в готский Лагерь сестру Феодориха, бывшую придворной дамой при императрице, которая и уговорила Феодориха отступить от Константинополя (487). Нужно думать, что в это время уже начались переговоры насчет переселения остготов в Италию.

Мысль об Италии для Феодориха не была неожиданностью; уже и ранее он делал императору предложение восстановить Непота на престоле западного императора, прогнав из Италии Одоакра. Что касается Зинона, для него близость Феодориха начала представлять значительные затруднения, т. к. вождя остготов не удовлетворяли более ни титулы и достоинства, ни денежные выдачи; народ же, стоявший под его властью, требовал от него новых земель, которые обеспечивали бы ему спокойную жизнь и пропитание. И как раз в это время так складывались обстоятельства, что проект войны в Италии казался весьма своевременным и уместным. С одной стороны, на Одоакре лежало подозрение, что он поддерживает Илла, чем затронуты были интересы Зинона; с другой же — у Феодориха просил защиты ругийский князь Фридрих, прогнанный Одоакром. Во всяком случае, не без согласия императора его magister militum стал собирать войско для движения в Италию. Конечно, не весь народ готский пошел с Феодорихом, многие остались на прежних местах, но зато к нему могли примкнуть и часть ругов князя Фридриха, и часть охотников из других германских племен, и, может быть, некоторые римские колонисты. Это была разнообразная по своему составу масса людей, соединенная общим военным начальством [6].

Зимой 488/89 г. началось народное движение среди готов. Военные люди пешком и на конях; дети, женщины и старики со всеми пожитками на возах — все эти толпы составляли громадную движущуюся массу народа. Путь шел через нынешнюю Болгарию к Срему. Здесь пытались загородить дорогу гепиды, вероятно по внушению Одоакра, но Феодо-рих нанес им страшное поражение, захватив их лагерь с большими запасами продовольствия. Дальнейший путь шел на Любляны и Ак-вилею. Одоакр, очень хорошо понимая, что Феодорих идет в Италию именем императора, ответил на открытый вызов тем, что провозгласил Цесарем своего сына[7].

О ходе военных столкновений между Феодорихом и Одоакром источники дают мало известий. Первое дело было 28 августа 489 г. в Северной Италии, оно окончилось в пользу Феодориха; через месяц готы стояли под Вероной, где Одоакр собрал свои силы, но и здесь перевес был на стороне Феодориха. В то время, как Одоакр заперся в тогдашней столице Равенне, вся Северная и Средняя Италия постепенно перешла на сторону Феодориха, которому итальянцы оказывали доверие как императорскому посланцу. Большим ударом для Одоакра, окончательно подорвавшим его положение, было то, что его главнокомандующий Туфа с частью войск перешел на сторону победителя был, однако, еще момент, когда измена Туфы Феодориху и пе-Реход его на сторону Одоакра вновь подняли значение Одоакра в Северной Италии, но в течение 490 г. Феодориху пришло подкрепление от вестготов, с которым он нанес Одоакру новое поражение при Адде и окружил его вновь в Равенне. Три года продолжалась осада этого важного и укрепленного города; лишь с помощью флота,

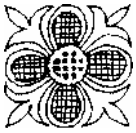
отрезавшего Равенну от морских сношений и от подвоза съестных припасов, удалось, наконец, Феодориху принудить своего противника к сдаче. Равеннский епископ Иоанн вышел из осажденного города в лагерь готский и начал переговоры о сдаче города. Насчет условий сдачи имеются противоречивые известия: по одним — Одоакр выговорил себе право на одинаковую власть в Италии с Феодорихом, по другим —· побежденному предоставлено было право жизни. Сын Одоакра Фела остался заложником у Феодориха. 5 марта 493 г. готы вступили во владение Равенной, через 10 дней Одоакр был убит.

Хотя не может возникать сомнения в том, что Феодорих шел в Италию с согласия императора, и что сопровождавшее его войско-народ имело определенную цель поселения в Италии на более выгодных условиях, чем это было в придунайских провинциях, тем не менее, ни Зинон, ни Феодорих не могли предвидеть всех подробностей этого важного предприятия. Еще прежде, чем занята была Равенна, т. е. прежде решительного дела, определившего судьбу Одоакра, Феодорих послал в Константинополь посольство, во главе которого стоял сенатор Фест. И ранее, когда Одоакр захватил власть, он чрез посольство испрашивал у императора милости — признания его в достоинстве патриция, каковое и давало ему право на управление Италией. Феодорих давно уже был пожалован в это звание, и, следовательно, его посольство имело другое значение. Но в это время произошли именно те события, которых не могли предвидеть договаривавшиеся стороны: в апреле 491 г. умер император Зинон, и на его место вступил Анастасий, а в Италии готы-победители подняли своего предводителя на щит и провозгласили его королем. Несколько лет итальянские дела оставались в неопределенном положении, т. к. в Константинополе не хотели санкционировать совершившихся событий, хотя, в конце концов, Анастасий должен был вступить в соглашение с королем Италии.

Оставляя изложение дальнейших событий в Италии до другой главы, приведем здесь несколько сведений из редкого по своей ценности и непосредственности памятника — жития св. Северина, который подвизался во второй половине V в. в местности, имеющей для нас глубокий исторический интерес. В жизни св. Северина упоминаются местности Asturis, Comagenis, Favianis, лежавшие на Дунае, на границе провинций Норика и Верхней Паннонии, неподалеку от нынешней Вены[8]. Слава свят ого широко распространялась на оба берега Дуная, и немало языческих германцев было им обращено к христианству. Это один из важнейших миссионеров, деятельность которого оставила глубокие следы в местах, где через несколько десятков лет будут господствовать славянские племена. Для второй половины V в. чрезвычайно важны сведения жития св. Северина для характеристики взаимного отношения римского и романизованного населения и варваров. Вся не защищенная городами и крепостями местность находится уже в руках варваров, в городах живут остатки римлян с слабым гарнизоном, который боится выходить за стены и не в состоянии защищать горожан, имеющих надобность по делам выходить из города. Жалкий римский трибун говорит святому· «У меня мало воинов, но если ты повелишь, я выйду против врагов в надежде на твои молитвы!» Политическое положение рисуется в том виде, как оно было после падения державы гуннов, чем и начинается

жизнеописание, накануне движения остготов в Италию, первый толчок которого уже сказывается на Дунае в угрозах королю ругов.

Роль св. Северина хорошо рисуется его сношениями с Одоакром, которому он предсказал 13-летнее царствование, и тем влиянием, которое он имел в королевском доме ругов. Очень любопытны известия о постепенном передвижении романизованного оседлого населения сначала в большой город Лавреак, а потом в Италию, куда было торжественно перенесено тело св. Северина при папе Геласии (492—496). Автор жизнеописания весьма осведомлен в политических событиях своего времени и сообщает такие факты, случившиеся при жизни святого, которые имеют глубокий исторический интерес. Таково, например, сообщение о причинах, вызвавших войну Одоакра с ругами, т. е. о том событии, которое дало Зинону и Феодориху повод рассматривать Одоакра как бунтовщика и ослушника императорской воли. Таково же сообщение о роли Онульфа, брата Одоакра, который вербовал на Дунае охотников для перехода на службу к Одоакру и вызвал обширное переселение в Италию романского населения. Ввиду исключительной важности сведений, сообщаемых нашим житьем, оно имеет большое значение для истории V и VI вв. и вполне может служить введением к истории иммиграции славян в придунайские провинции.

Глава XII

Анастасий (491-518), Положение дел на дунайской границе. Виталиан. Персидская война

Царствование Анастасия может быть с большим основанием, чем какое-либо предыдущее, причислено к таким, которые вводят в существо и содержание византийской истории. Не столько сам Анастасий, сколько выдвинутые его временем вопросы и характер внешних и внутренних отношений империи в самом конце V и в начале VI в. характеризуют уже новую эпоху, созданную влиянием тех исторических деятелей, которые мы пытались выяснить в предыдущих главах. Ввиду этого нам следует несколько подробней рассмотреть это царствование со стороны внешней политики, а равно и внутренних отношений.

Анастасий не связан был никакими родственными узами ни с императрицей Ариадной, ни с Зиноном. Он происходил из Диррахия в нынешней Албании от малоизвестных родителей, о которых сохранилось известие, что они не принадлежали к господствующей Церкви, а исповедовали или арианство, или манихейство. О службе Анастасия и о положении его в Константинополе в придворном звании силенци-ария также почти не имеется известий. Он был обязан возведению на престол благорасположению царицы Ариадны, которая вышла за него замуж, предварительно предложив сенату и народу провозгласить его царем.

Для положения церковной политики в это время важно отметить, что тогдашний константинопольский епископ Евфимий из опасения не вполне православных убеждений Анастасия потребовал от него перед венчанием на царство письменного акта исповедания веры вместе с обязательством оставаться верным церковному учению. Этот акт передан был на хранение скевофилику св. Софии и имел известное значение в последующих отношениях Анастасия к Церкви. Об отношениях нового императора к народу и об его популярности в Константинополе говорит известное благожелание, выраженное императору в первый раз, как он явился перед народом: «Будь на царстве таким, каким ты был в частной жизни». Что это вполне соответствовало характеру Анастасия, видно из переписки папы Геласия, где выражена та же мысль о безупречной жизни его[1].

Прежде всего Анастасию предстояло обезопасить себя против притязаний брата умершего императора Лонгина, который был во главе сената и опирался на стоявшее в Константинополе войско. Лонгин образовал движение против императора и начал бунт, подобно тому как Василиск против Зинона; в Константинополе происходили уличные схватки между бунтовщиками и приверженцами Анастасия, пожар истребил наиболее населенную и лучше застроенную часть города, причем

сгорел ипподром. Анастасий лично руководил борьбой с бунтовщиками и не раз находился в весьма затруднительном положении. Современники называли это движение гражданской войной, в которой городское население держало сторону бунтовщиков, «статуи царя и царицы таскаемы были на веревках по улицам города». Пять лет продолжалось такое положение, наконец Анастасию удалось положить предел войне и привлечь на свою сторону войско щедрыми раздачами жалованья.

Изгнанные из Константинополя исавры продолжали некоторое время вести партизанскую войну во Фригии, вследствие которой родина исавров, гористая местность близ Тавра, подверглась опустошению и разорению. Часть населения переведена во Фракию, особенные привилегии и денежное жалованье в пользу исаврийцев отменены. Т. к. с народным движением, исходившим из Исаврии, соединилось движение константинопольского городского населения против власти императора, то усмирение исаврийского бунта потребовало чрезвычайно больших жертв и подвергло серьезному испытанию вопрос о национальном войске, который никогда не получил разрешения в Византийской империи.

Характерным отличием времени Анастасия нужно признать беспрерывные веденные империей войны и притом не на одном фронте. Хотя нельзя сказать, чтобы эти войны выдвинули в особенном свете слабость или силу империи, но важность их заключается в том, что они обнаружили все реальное значение тех элементов, на которых основывались существование и дальнейшее развитие Византийской империи. Выдвигая в этом отношении внешние и внутренние события времени Анастасия и желая рассмотреть их в надлежащей и свойственной им перспективе, мы находим полезным начать с внешних дел на дунайской границе.

Хотя до конца V в. провинции Паннония и Норик номинально считались еще в пределах империи, но фактически римский элемент был здесь тогда уже весьма ослаблен и держался разве в городах, между тем как все незащищенные места оставались во власти номадов германского и скифского происхождения. Передвижение остготов под предводительством Феодориха значительно ослабило население в дунайских провинциях и освободило их для новых и запоздалых народных движений из Восточной Европы.

В жизни св. Северина, который подвизался в конце V в. на границе Норика и Паннонии, приводятся чрезвычайно живые наблюдения о фактической слабости римской власти в этих областях и о постепенном отступлении оседлого населения или на юг от Дуная, или на запад по следам готских передвижений. С Феодорихом, а равно и после утверждения его в Италии, двигались новые и новые волны народные из приду-найских областей, где снова в конце V и в начале VI в. незаметно Утверждения прочного порядка вещей, а, напротив, начинает как раз после ухода готов подготовляться новый и гораздо более прежнего Радикальный этнографический, а вместе и политический переворот.

Ввиду этого для нас представляются весьма важными те факты, Которые наблюдаются на северной дунайской границе во время Анастасия.

Уже в 493 г. начали обращать на себя внимание Анастасия дунайские события. Здесь после отлива готов, а с ними и других на-Родностей в Италию начинают появляться новые народы, вступая то

во враждебные, то в мирные отношения с империей. Упоминаемые в современных сухих хрониках то под именем болгар и готов, то под своим собственным именем, славяне с конца V в., несомненно, приближаются к Дунаю и нередко переходят на южную его сторону с целями грабежа и набега. В 493 г., по свидетельству комита Ма-рцеллина, полководец Юлиан «в ночном сражении поражен был скифским железом»[2]. Т.к. дело было во Фракии, то ясно, что славянское движение за Дунаем беспрепятственно шло по нынешней Болгарии и Румелии.

Рядом со славянскими набегами начинаются болгарские. Уже в 499 г. тот же Марцеллин сообщает о серьезной опасности со стороны болгар, сделавших набег на Фракию. Против них был отправлен с 15-тысячным войском и с громадным обозом военных орудий командовавший иллирийскими войсками Арист, которому болгаре нанесли, однако, сильное поражение во Фракии; в этом сражении, говорит писатель, погибла «иллирская военная доблесть». Весьма любопытно заметить, что, по-видимому, после этого поражения Фракия оставалась без защиты несколько лет сряду: когда в 502 г. те же болгаре снова сделали в эту страну набег, то не нашли в ней «никакого сопротивления». В 517г. опустошения распространяются на Македонию и Эпир, конные варвары доходят до Фессалии и Фермопил, империя снова не в состоянии оказать им сопротивления. Император был вынужден, чтобы побудить врагов к отступлению и выкупить у них пленников, поручить префекту Иллирика Иоанну выплатить славянам 1000 ф. золота. Надеясь еще возвратиться к вопросу о славянах, заметим здесь в заключение, что при Анастасии частью понято было не только значение славянской иммиграции, но даже и невозможность бороться с постоянно возобновляющимся напором из-за Дуная. Памятником такого положения дел служит построенная Анастасием так называемая Длинная стена, которая шла в расстоянии 40 в. от Константинополя в направлении от Мраморного моря близ Силиврии и до Черного моря близ Деркона и имела целью защиту Константинополя от неожиданных нападений северных варваров, иначе — против болгар и славян. Это громадное сооружение делало из Константинополя род острова, защищенного морем и стеной[3].

Весьма вероятно, что в связи с рассказанными событиями на дунайской границе нужно объяснять громадное напряжение и силу, обнаруженную в восстании Виталиана. О происхождении этого лица трудно сказать что-либо определенное, но несомненно, что он имел близкие сношения с болгарами и славянами и выступил против Анастасия с войсками, собранными из разных народов. Весьма любопытно также отметить, что он является защитником православной идеи против якобы еретичествующего Анастасия. Виталиан и потому должен привлекать к себе внимание, что он выступает далеко не в качестве предводителя партизанского отряда, стремящегося сделать быстрый набег и удалиться снова на безопасное расстояние: у него, напротив, замечаются организаторский талант и хорошо обдуманный план военных действий; он преследует определенную цель, для достижения которой умел *пустить* в оборот громадные средства. Оказывается, что Виталиан был сыном предводителя федератов в придунайских областях. Главное начальство над имперскими войсками принадлежало тогда племяннику

императора Ипатию, который позволил себе убавить или прекратить выдачу идущего от казны федератам содержания.

Виталиан, приняв на себя защиту интересов расположенных в Мизии и Фракии федератов[4], стал во главе недовольных, собрав из них армию в 50 000 и предъявив к императору требование об уплате федератского жалованья. В то же время он старался обеспечить себе свободу действий тем, что убил подчиненных Ипатию предводителей отдельных отрядов: Константина Целерина и Максенция. Распуская слух, что он идет на защиту православия и желает восстановить лишенных мест епископов, Виталиан направлялся к Константинополю, для защиты которого у императора, по-видимому, не было никаких средств. Уже неприятельские отряды были близ города, уже ближайшие окрестности подвергались опустошению; ясно, что Длинная стена не остановила врагов. В это время Анастасий принял ряд энергичных мер, чтобы ослабить бунтовщика. С целью противодействовать слухам об еретическом правительстве император приказал развесить по стенам города кресты и объявления о действительно честолюбивых планах Виталиана, а чтобы защищать стены города, он назначил на военную службу чиновников и привлек на свою сторону население Малой Азии, «освободив его от четвертой части подати со скота». Независимо от того он послал для личных переговоров с Виталианом стратига Патрикия, который старался подействовать на бунтовщика убеждением, но получил от него в ответ повторение известных требований — удовлетворить притязания фракийских федератов, обиженных Ипатием, и восстановить в империи православие. Не успев ничего в этом направлении, на следующий день Анастасий вступил в переговоры с подчиненными Виталиану предводителями и нашел их более сговорчивыми. Частью дав веру обещаниям Анастасия насчет православия, что все спорные вопросы он предоставит на суд папе, частью убежденные и подкупленные дарами, некоторые предводители начали колебаться и склоняться на сторону Анастасия, вследствие чего Виталиан решился отступить от столицы (514). Но на этом не окончилось движение федератов. Анастасий назначил главнокомандующим войск во Фракии опытного полководца Кирилла, которому в первое время посчастливилось и удалось лишить бунтовщика некоторых занятых им позиций, но затем Виталиан убил его ночью, подкупив его стражу. Тогда Анастасий назначил своего племянника Ипатия вновь во Фракию, дав ему войско в 80000.

Но события скоро показали, что в Мизии и Фракии имперским войскам нужно было действовать, как в неприятельской стране. Один за Другим попадают в плен к неприятелю византийские вожди, подчиненные Ипатию. Наконец, когда византийский полководец раскинул стан близ нынешней Варны и укрепился в нем, неприятели напали на этот лагерь, прорвали окружавшие его укрепления и нанесли грекам полное Сражение. Говорят, что погибло более 60 000; сам Ипатий и множество Важных предводителей попались в плен. Это был чрезвычайно важный Успех для Виталиана, который окончательно решил борьбу в его пользу. Анастасий принужден был дать ему большой выкуп за Ипатия и попавших с ним в плен других вождей. Но и это не помогло. Посланные с выкупом чиновники были в пути ограблены и взяты в плен. Виталиан Подчинил себе Созополь и другие города, остававшиеся еще верными

императору, принял титул императора и начал новый поход против Константинополя, более опасный и серьезный, чем то было раньше, т. к. теперь в его распоряжении был и флот, имевший запереть город со стороны моря. Морские суда вошли в Босфор и дошли до Сосфении (ныне Стения); там же расположился Виталиан с пешим войском. Находясь в крайне трудных обстоятельствах, Анастасий согласился на все требования Виталиана. Ему дана была громадная сумма в 5 тыс. ф. золота за Ипатия, лично же самому Виталиану предоставлено звание главнокомандующего во Фракии со всеми связанными с этим титулом преимуществами и денежными выдачами. В высшей степени также любопытно, что император и бунтовщик договариваются здесь как две стороны и дают взаимную клятву верности, причем Анастасий давал слово восстановить на местах изгнанных им епископов.

Но и это не удовлетворило Виталиана. В 515 г. вновь мы видим его перед Константинополем, и тем серьезней была опасность, что в то же самое время варварские отряды появлялись в Македонии и Фессалии, с одной стороны, и в Малой Азии—с другой. Ближайшим поводом к новому походу было то обстоятельство, что Анастасий передал командование фракийскими войсками другому стратигу, по имени Руфин, очевидно, лишив Виталиана своего расположения и всех привилегий. Виталиан снова подошел к столице и расположился на Босфоре от Стении до нынешней Галаты; со стороны моря он запер столицу морскими судами, пришедшими из Черного моря. На этот раз решение дела зависело от флота. Императорскими судами командовал адмирал Марин, на одном из быстроходных судов командиром был Юстин, будущий император и основатель новой династии. Искусным ударом Юстин привел в расстройство неприятельские суда, между тем как Марин, стоя со своими судами против Константинополя, воспользовался этим обстоятельством и одержал полную и блестящую победу над флотом Виталиана. Преследуя поодиночке неприятельские суда, Марин заставил их пристать к берегу и почти уничтожил все силы Виталиана. С тех пор падает военное и политическое значение этого опасного соперника Анастасия. Заменивший его во Фракии Руфин постепенно восстановляет здесь нарушенный порядок. Двое из ближайших сотрудников его, Анастасий и Доминик, были захвачены в плен и доставлены в Константинополь, где они были преданы суду и обезглавлены.

Бунт Виталиана, хотя не имел лично для него непосредственных практических последствий, сопровождался важными результатами в истории. Приводя три раза под Константинополь отряды, собранные из племен разного происхождения, и истребовав от правительства огромные денежные выдачи, Виталиан обнажил перед варварами слабость империи и громадные богатства Константинополя и приучил их к комбинированным движениям с суши и с моря.

Не менее сильное напряжение предстояло сделать Анастасию на восточной границе его империи. Пограничные недоразумения с Персией в сущности никогда не прекращались, хотя со времени неудачного похода Юлиана открытой войны не объявлялось ни с той, ни с другой стороны. Нужно сказать, что ведение войны с Персией представляло чрезвычайные затруднения как вследствие отдаленности театра военных действий, так и по недостатку опорных пунктов, откуда можно было бы

пополнять убыль в людях и в провианте, что весьма чувствительно отразилось и на судьбе той войны, которую нам предстоит рассмотреть.

По миру с персами в 363 г. император Иовиан должен был уступить персам пять провинций на границе Армении и Месопотамии и сильно укрепленный город Нисибис, владение которым, впрочем, особенной статьей было обусловлено сроком в 120 лет. Кроме того, обе империи взаимно обязывались посылать вспомогательные отряды одна на помощь другой; в особенности это условие касалось тех врагов, которые угрожали набегами со стороны Кавказа. Ввиду того, что с этой стороны в V в. весьма сильно угрожали нападениями гунны, персидские цари постоянно предъявляли требования к Византии насчет вспомогательных отрядов, хотя охотно удовлетворялись и денежными выдачами вместо военной помощи. В одной из войн с гуннами погиб персидский царь Пероз. Сын его и преемник Кобад, или Кавад, вступивший на персидский престол почти в то же время, что и Анастасий, послал в Константинополь посольство с требованием невыданных за прежние годы субсидий.

Между тем в Византии давно уже относились с недоверием к политике персов. В особенности поводы к неудовольствиям подавала религиозная политика персов в соседней и частью подвластной им Армении, где под влиянием новой нравственной и социальной системы, известной по имени основателя ее Маздака, началось гонение на христианство. Армяне просили у Анастасия помощи и предлагали ему принять их в свое подданство, начав в то же время движение против персов и разрушив выстроенные ими храмы. Персидская война началась в 502 г. походом царя Кобада в Армению, когда со стороны Византии не принято еще было никаких военных действий. Первый удар сделан был на город Феодосиополь (Эрзерум), который сдался персам без сопротивления вследствие измены префекта города Константина. Кобад, разрушив город до основания и забрав в плен его жителей, переселил их в Персию. Прошедши всю Армению с севера, Кобад к осени того же года расположился лагерем под городом Амидой, находившимся на границе Армении и Месопотамии. Здесь персидский стан стоял три месяца, т. к. осада города потребовала применения инженерного искусства и встретила серьезное сопротивление со стороны гарнизона. Чтобы взять город, персы стали насыпать высокий вал, с которого можно было бы завязать дело с защитниками города. Но гарнизон осажденной Амиды, сделав подкоп под стену и под насыпанный персами вал, старался тайно выносить землю и портить вал. Действие стенобитных машин осажденные ослабляли кожами убитых быков, а приближавшихся к стенам неприятелей отражали горячей водой и горючими веществами, Которые уничтожали деревянные военные машины. Кроме того, в распоряжении осажденных были метательные снаряды, которыми они бросали огромные камни в осаждающих, нанося большой вред людям и снарядам.

Говорят, что в течение осады погибло громадное число персидских воинов столько же от суровой стужи, как и от неудачных приступов к стенам. Кобад был уже готов снять осаду и предлагал осажденным уплатить ему небольшую сумму за отступление, как в пользу персов Неожиданно сложились благоприятные обстоятельства, передавшие им

город. Собственно, точных сведений об этом не дают даже и очень осведомленные о событиях писатели, и притом современники, как Иисус Стилит и ритор Захария. Будто бы одно из главных укреплений стены вверено было защите монахов, которые недостаточно внимательно относились к порученному им делу и раз ночью не доглядели, как персы приблизились к стене и подставили лестницы. По другим слухам, персы пробрались в город через подземный ход, воспользовавшись темной ночью. Так или иначе, город был взят неожиданно, и защитники оказались не в состоянии принять мер к спасению. Три дня продолжалась, однако, в городе неравная борьба между персами и побежденными горожанами. Огромная добыча из золота, серебра и драгоценных одежд, равно как мраморные статуи и всякие драгоценности снесены были на реку Тигр и отправлены на судах в Персию. Когда по приказанию Кобада стали очищать город от трупов защитников, погибших во время битвы последних дней, то насчитали, говорят, до 78000. Персы не желали окончательно разрушать этого города; напротив, имея в виду его укрепления и географическое положение на границе между двумя империями, они предполагали сохранить его как крепость, на которую можно бы было опираться в войне с Византией, для чего Кобад, отступая с войском от Амиды, оставил в ней гарнизон из 3000 человек.

Между тем как сам Кобад три месяца провел под Амидой, отдельные персидские отряды делали опустошительные набеги по Северной Месопотамии, доходя до Едессы, причем персам помогали арабские хищники, наводившие ужас на местное население и заставлявшие его искать спасения в Сирии. По всему заметно, что осенью и зимой 502 г Анастасий не имел на границе достаточных военных сил для противодействия персам, и что он не терял надежды на мирное разрешение недоразумений. Но когда была взята Амида и персы стали угрожать другим городам, император собрал войско и послал его летом 503 г. на восточную границу. Может быть, следует пожалеть, что войско было разделено на три отряда, во главе коих стояли отдельные стратиги: Ариобинд, Патриций и Ипатий. Первый происходил от знаменитых германцев на службе Византии Аспара и Ардавурия и занимал должность главнокомандующего восточными войсками; Ипатий принадлежал к высшему классу в обществе как племянник Анастасия; Патриций также был из числа известных тогда полководцев. Кроме названных вождей в персидском походе участвовали еще комит Иустин, преемник Анастасия на престоле, и получивший вскоре затем большую известность Виталиан, о котором была уже речь и который принимал участие вместе с своим отцом Патрициолом. Во главе войска стояли большею частью не греческие племена, а самое войско состояло из разных по этнографическому составу элементов: тут были фракийцы, готы, бессы, т. е. разные племена, состоявшие в качестве федератов на службе империи. Но прежде чем византийское войско встретилось с неприятелями, между вождями обнаружилось несогласие, имевшее чрезвычайно вредные последствия для хода военных дел.

Прежде всего все три вождя действуют раздельно, каждый на собственный страх. Ариобинд расположился лагерем в окрестностях города Нисибис в провинции Мигдонии, остальные два вождя остановились близ Амиды. Хотя Ариобинд приглашал своих товарищей поспе-

щить на юг, чтобы принять участие в осаде Нисибиса, но они отклонили предложение и тем дали Кобаду возможность оттеснить Ариобинда к Едессе. Между тем Патриций и Ипатий начали осаду Амиды, которая легко бы им и сдалась, если бы у них хватило смелости и настойчивости, и если бы они не сняли преждевременно осады из страха перед Кобадом. Хотя затем Патриций пытался нанести вред персам, но сам был окружен ими и едва спасся бегством в Самосат. Товарищ его Ипатий был отозван в Константинополь и в дальнейшем ведении войны не принимал участия. Теперь, когда для персов устранена была опасность вторжения в их область, они сами могли начать наступательные действия — по направлению к Константине и Едессе, где стоял Ариобинд.

Осенью 503 г. военные дела сосредоточились около Едессы, которую Кобад желал взять приступом. Ариобинд нашел в Едессе достаточно укрепленный опорный пункт и успел отстоять город против персов. Наконец Анастасий назначил для войны с персами нового вождя в лице Целера, которому и удалось изменить ход дел в пользу империи. Целер был земляк Анастасия и пользовался его доверием. Он был назначен с большими правами, чем другие вожди, и потому мог придать войне некоторый план и единство, чего прежде недоставало. Прежде всего обращено было внимание на Амиду, в которой содержался персидский гарнизон и которая мешала операциям в Месопотамии, т. к. персы распоряжались здесь со всею свободой, не боясь соперников. Сюда был направлен Патриций, стоявший в бездействии в Мелитене в Южной Каппадокии, который отрезал Амиду от внешних сношений и нанес поражение присланному Кобадом отряду персов. Затем началась осада Амиды, которая потребовала продолжительных земляных работ, имевших целью подкопаться под стену и окружить ее валом. Осада велась медленно, т. к. Патриций имел в виду вынудить сдачу города голодом. В то же время другие вожди, Целер и Ариобинд, начали наступательный поход — один в Персию, другой в персидскую Армению. Все это значительно подняло авторитет Византийской империи в этих местах, так что местные армяне и арабы стали изменять персам и переходить на сторону византийской партии.

В особенности же персам повредило то обстоятельство, что северным границам Персии стали угрожать гунны, против которых должен был идти сам Кобад. Итак, приняв во внимание, что военное счастье совершенно перешло к грекам и что Амида далее не может сопротивляться, Кобад начал с Целером переговоры о мире, освободив из плена значительное число военных и гражданских чинов, захваченных в первый год войны, и послав их к Целеру с предложением принять их в обмен на тех персов, которые заперты в Амиде. Между тем, как шли переговоры об условиях мира, которые нуждались еще в утверждении Анастасия, состоялась сдача Амиды в конце 504 г., т. е. спустя два года после занятия ее персами. Т. к. персы в этом отношении перехитрили Целера, потребовав у него выкупа за город и свободного выхода всех персов с таким количеством имущества, какое каждый мог на себе вынести, то [г]Реки были весьма раздосадованы, когда оказалось, что в Амиде продовольствия оставалось не больше, как на семь дней. Желая вознаградить город за все потери, испытанные им во время войны, император приказал снабдить Амиду съестными припасами, освободил на семь лет от

торговых пошлин, приказал возобновить на казенный счет стены и публичные здания в городе, одарил жертвами и пожалованьями соборный храм Амиды. Вообще нужно отметить как характерную черту времени то обстоятельство, что Анастасий принял самые энергичные меры к уврачеванию бедствий, нанесенных войной. Так, по всей Месопотамии проведено облегчение податной системы, отдельным городам пожалованы разные милости и большие суммы на возведение стен, на устройство водопроводов и бань. Мир заключен был в 506 г. в местности близ города Нисибиса и местечка Дары на семь лет. Та и другая стороны обязывались сохранять пограничную черту владений, как это было до войны. Анастасий послал Кобаду богатые дары, но, как показали ближайшие события, это было сделано с целью отвлечь внимание Кобада от задуманного им важного предприятия на самой границе греко-персидских владений.

Сейчас же после заключения мира византийское правительство приступило к постройке крепости в той именно местности, где происходили военные действия между персами и греками. Здесь, на месте незначительного местечка, представлявшего, однако, важные военные преимущества, по имени Дар построен был по приказанию Анастасия укрепленный важными стратегическими сооружениями город, названный Анастасиополем; этому городу суждена была в будущем крупная роль.

По словам ритора Захарии, историка этой войны, Анастасий обратил должное внимание на объяснения, данные возвратившимися с войны вождями по поводу причин малоуспешных действий византийского войска. Они указывали, что, не располагая осадными машинами и материалом, они не могли взять города Нисибиса, и что, кроме того, на месте военных операций византийцы не имели ни достаточных укреплений, ни продовольствия, ни воды для питья. Как скоро, говорили вожди, мы удалялись от Амиды и Константины, мы не имели для себя прочной опоры и находились в постоянной опасности подвергнуться неожиданному нападению со стороны неприятеля. Возникала поэтому настоятельная потребность, чтобы на границе, близ гор, отделяющих Месопотамию от Армении, был построен византийский город, который служил бы военным лагерем, и где была бы устроена фабрика для военных снарядов и оружия — в защиту этой области против персидских и арабских разбойников.

Признав важность сделанных представлений, Анастасий поручил Фоме, епископу Амиды, доставить ему план местности и, рассмотрев положение территории, наметил местечко Дару для сооружения города. Император не пожалел средств на предстоявшие громадные расходы· Епископу Амиды предоставлены были значительные денежные и земельные пожалования для устройства церковных дел в Даре, антиохийскому патрицию Каллиопию поручено было высшее наблюдение за постройками, множество мастеров и разного рода ремесленников снаряжено было из приморских областей, чтобы с необходимой поспешностью начать и вести постройку стен и публичных зданий. Т. к. правительство не щадило средств, то в короткое время собралось здесь громадное число населения; кто хотел работать, наживал большие деньги, по свидетельству писателя-современника. Работа велась с большой ско-

ростью, т. к. опасались, чтобы персы не сделали затруднений, вследствие чего постройки не были достаточно прочны, как оказалось впоследствии. Выстроен был большой дворец, публичные бани, церкви, портик, водопровод и громадная цистерна, в которой собиралась проведенная с окружающих гор вода. Городу дано имя Анастасиополя, в нем поставлена статуя царя и перенесены в него мощи св. Варфоломея. Крепкие стены шли кругом города, на окружающих холмах сооружены укрепления, между ними башня геркулесова обращена прямо на персидский город Нисибис. Чтобы привлечь в город население, ему предоставлены различные привилегии, освобождение от повинностей и торговые преимущества. Город Анастасиополь играл важное значение в отношениях с Персией. При Юстиниане он был вновь укреплен и снабжен средствами защиты. Развалины Анастасиополя сохранились и по настоящее время. Новейший путешественник, профессор Сахау, описав эти развалины, замечает: «По нашим понятиям положение города как военной крепости чрезвычайно неблагоприятное, ибо с запада и востока городом командуют вблизи от него расположенные скалистые холмы» [6].

Вступив на престол уже в преклонных летах, Анастасий не был склонен резко изменять церковную политику, которая тогда составляла самое существенное в жизни государства. Примирительная роль Зинона, выразившаяся в издании акта, известного под именем Энотик, далеко не увенчалась успехом, хотя и преемник его Анастасий не мог вступить на другой путь между двумя слишком резко обозначившимися религиозными воззрениями. Он известен был и ранее склонностью к религиозной терпимости, почему константинопольский епископ Евфимий и взял с него письменное обязательство насчет его правоверия. Современное положение церковных партий в империи не могло, однако, быть удовлетворено политикой невмешательства светского правительства, какой, по-видимому, желал бы предпочтительно следовать Анастасий. Уже в его борьбе с повстанцами и в усмирении внутренних смут можно было заметить значительное влияние религиозных настроений. Высшее константинопольское духовенство, и в особенности монашество, относилось к нему подозрительно и нередко ставило его в затруднительное положение. Еще хуже было состояние церковных Дел на Востоке — в Сирии и Египте. Анастасию нельзя было остаться нейтральным в этом столь важном вопросе, и конфликт с церковной партией был неизбежен.

В Константинополе он обнаружился в первые же годы Анастасия, когда против него поднялись исавры, и когда брат умершего императора Зинона стал оспаривать у него власть. Есть полное основание предполагать, что константинопольский епископ если не явно, то тайно был на стороне врагов Анастасия; известно, что раз император приказал с злой иронией объявить Евфимию: «Твои молитвы не помогли твоим Друзьям!» В продолжение своего царствования император сменил не одного своего епископа: в 496 г. на место Евфимия возвел Македония, Последнего низложил в 511 г., назначив вместо него Тимофея. Церковная Партия в Константинополе вообще никогда не могла примириться с отношениями императора к самому тревожному вопросу этого времени, в особенности черное духовенство столицы в лице ревностных акимитов возбуждало народ против его индифферентизма.

Всего лучше настроения той эпохи рисуются делом, относящимся к прибавке в песне «Трисвятое» (Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас), которая породила церковную ересь феопас-хитов и которая волновала умы при Анастасии и Юстиниане. Подразумеваемая прибавка получила значение чуть ли не догмата с тех пор, как антиохийский епископ Петр Валяльщик в желании придать символическое выражение монофизитскому учению ввел в песнь «Трисвятое» следующие дополняющие слова, дающие смысл, что Христос страдал на кресте по божеству: «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, распныйся за ны, помилуй нас» [7]. Преемник Петра на антиохийской кафедре Каландион несколько оттенил, с целью смягчить его, выражение «распныйся за ны», поставив перед ним слова: «Христе царю». Хотя вышеуказанные выражения могут быть сопоставлены с воззрениями, выраженными в «Энотике», тем не менее, они были встречены с большим подозрением в среде православия и вызвали много споров и волнений. Впоследствии отсюда возникла новая ветвь монофизитства под названием феопасхитов.

Более просвещенная и богословски образованная часть христианских пастырей оберегала верующих от исследования недоступных пониманию тайн домостроительства. Василий Великий говорил, что «надобно чтить благоговейным молчанием тайну о том, как Отец родил Единородного». Но в Византии догматы христианской веры становились предметом публичных диспутов и разговоров на площадях и на базарах. Городское население принимало живое участие в этих диспутах и переносило их в цирк; политика правительства стояла в зависимости от церковных партий, и, наоборот, религиозные воззрения иногда предписывались светской властью. Так и Анастасий по внушению некоторых приближенных, склонных к монофизитским воззрениям, сделал попытку провести и в Константинополе то изменение в песне, которое было введено в Антиохии. Но это встретило большое недовольство среди клира и народа и возбудило волнения, о которых мы приведем несколько строк из хроники И. Малалы: «По поводу попытки ввести прибавку в песнь трисвятую, народ стал сильно волноваться, заявляя, что замышляется порча христианской веры. Городской епарх Платон скрылся бегством от народной ярости. Бунтовщики кричали. «Надо избрать другого царя» — и начали грабить дома тех, кого считали виновниками церковных новшеств. Анастасий явился в цирк и сам выступил с речью к народу, объяснив всю неосновательность опасений за веру».

Сущность требований недовольной толпы выражается в следующем обращении к императору: «Ужели ты думаешь заставить земных людей делать больше, чем ангелы, которые славословят Троицу только этими словами: „Свят, свят, свят Господь!"» Усмирив восстание личной энергией, Анастасий старался ограничить участие народа в общественных делах суровыми мерами против городских димов, которые с началом VI в. начинают терять свои привилегии. Всматриваясь в мероприятия правительства против димов или против известных партий цирка прасины, венеты, левки и русии, под которыми следует разуметь политические организации городских сословий, следует прийти к выводу, что с началом VI в. идет речь об ограничении городских муниципальных прав и политических привилегий городов. В особенности движения

в больших восточных городах — Антиохии, Александрии и Иерусалиме— имели угрожающий для правительства характер. В жизнеописаниях св. Саввы и преподобного Феодосия сохранились живые черты этого ненормального порядка вещей.

В Антиохии борьба партий достигла наибольшего ожесточения при епископе Севире, когда на защиту православия выступают знаменитые архимандриты Савва и Феодосии и епископ иерусалимский Илия. Анафематствования расточаются щедрой рукой с той и другой стороны. Церковное общение прекращается между Антиохией и Иерусалимом. Тогда светская власть вмешивается в спор и приказывает свергнуть с иерусалимской кафедры Илию, но десятки тысяч палестинских монахов вступились за низложенного епископа и настоятельно требовали от вновь назначенного епископа Иоанна: «Прокляни еретиков, а Халкидонский собор утверди». Бывали моменты, когда представители светской власти оказывались не в состоянии бороться с народно-монашеским движением и искали спасения в бегстве. В заботах отнять у религиозных партий острый характер и найти более или менее удовлетворительную примирительную формулу Анастасий так же не имел успеха, как и его предшественник Зинон. В самых крупных внутренних смутах, в деле с исаврами и с Виталианом Анастасию по необходимости приходилось платиться за то, что не был горячим приверженцем ортодоксии Халки-донского собора. Весьма несочувственными чертами изображена и память этого императора в летописных известиях, оставленных враждебно к нему настроенными писателями.

Между тем нельзя не принимать в соображение чрезвычайно трудных обстоятельств, в которых проходило царствование Анастасия. В высшей степени сильный напор варваров на северные границы, серьезные замешательства на персидской границе, наконец, не прекращавшийся в империи религиозный раздор, выражавшийся в вооруженных восстаниях одной партии на другую, казалось бы, не оставляли места для большой созидательной работы и для таких предприятий, которые имели бы целью не удовлетворение лишь настоящих нужд и потребностей, а, исходя из общих государственных соображений, были бы рассчитаны на общее благо будущих поколений. В этом отношении стоит вспомнить о государственных мероприятиях Анастасия в Армении и Месопотамии, имевших целью поднятие городов, облегчение повинностей и устройство новой базы военных действий против персов в новом городе Анастасиополе.

Но в особенности заслуживает внимания одна финансовая мера, которая делает честь императору Анастасию. При Константине Великом введена была особенная подать на торговые занятия, распространенная не только на разнообразные промыслы и ремесла, но подчинявшая своему тягостному гнету даже прислугу и нищих. Подать налагалась как бы на капитал, находящийся в торговом обращении, но практически капитализировались такие необходимые для жизни предметы и орудия для добывания необходимого куска хлеба, как осел, собака и т. п. Хотя эта подать должна была собираться через каждые пять лет, но фактически она взималась в неопределенные сроки и применялась на практике при каждой перемене царствования и при особенных юбилейных торжествах. Обременительность и непопулярность этой подати главным

образом и объясняется тем, что она была неожиданна и произвольна. Всякий новый император, имевший надобность в больших суммах при вступлении на престол для раздач народу, а главное, для подарков войску, прибегал к этому источнику и черпал из него полной рукой. Можно судить о громадных расходах на этот предмет по следующему примеру. Юлиан при вступлении на престол выдал каждому воину около 60 р. на наши деньги. Считая число постоянной армии около 400000, получим сумму около 25 миллионов рублей, которую Юлиан должен был издержать на выдачу войску в качестве подарка. Подать эта называлась χρυσάργυρον, или подать золотом и серебром. Для обложения налогом все почти платежные классы общества вносились в особые списки—промышленные списки — и все внесенные в эти списки лица платили от малой серебряной монеты с мелких предприятий и орудий добывания средств к жизни до больших сумм с крупных предприятий. В 497—498 гг. Анастасий приказал предать сожжению эти списки, чем положил конец вредной системе, действовавшей больше 150 лет и подававшей повод к несправедливым притеснениям и горьким жалобам [8].

От времени Анастасия сохранилось несколько законодательных актов, имеющих отношение к земельному хозяйству и к наследственному праву. Прежде всего имеем в виду эдикт префекта претории Зотика, которым возложена тяжесть ответственности за неплатеж податей на частную земельную собственность. Этим законом (επιβολή), который прилагался с особенной силой при Юстиниане, соблюдались интересы казны и нарушалось право частных собственников, подлежавших дополнительным сборам[9]. Не менее того важны постановления о колонате, о принудительной закупке хлеба (συνωνή), которые вошли в кодекс Юстиниана и имели продолжительное действие в империи.

В царствование Анастасия окончательно разрешился вопрос об основании в Италии германского королевства.

После насильственной смерти Одоакра Феодорих остался единственным властителем Италии. Последовавшие затем события показывают, что Феодорих весьма обдуманно шел в Италию и знал, какая роль выпадала остготам в завоеванной ими стране. По германскому обычаю готы провозгласили Феодориха своим королем. От политического такта нового короля зависели ближайшие мероприятия в Италии. Будучи королем остготов, по отношению к итальянскому населению он являлся носителем римского военного звания magister militum и действовал в качестве представителя императора. Как осуществится в практической жизни это двойное положение — об этом, конечно, нельзя было гадать в то время. Но Феодорих спешил успокоить итальянское население прекращением военных действий, дав ему понять, что для итальянцев нет опасности в готском завоевании, что, напротив, готское войско будет оберегать мир в стране. При посредстве местного католического духовенства арианский король объявил амнистию по всем политическим делам и дал обещание жителям Италии сохранить для них римские законы, под которыми они жили, и оберегать их готской военной силой

Посмотрим, однако, как Феодорих относился к своим обязанностям по отношению к империи, как он смотрел на свою роль наместника, имевшего определенные поручения от императора. Нет сомнения, что в этом отношении не все было предусмотрено заранее, а многое

произошло в силу естественной законности в ходе дел. Еще прежде окончательного подчинения Италии, когда в Равенне держался еще Одоакр, Феодорих отправил в Константинополь посольство, во главе которого находился сенатор Фест. Хотя это посольство не достигло определенного результата, т. к. император Зинон умер как раз в это время, тем не менее можно думать, что цель посольства заключалась в определении отношений к империи как самого патриция и главнокомандующего войсками, так и завоеванной им страны. Независимо от того, что перемена в престолонаследии могла вызвать новые взгляды в константинопольском правительстве на совершившиеся в Италии факты, произошел уже совсем непредвиденный акт провозглашения Феодо-риха королем. Это совершенно изменяло отношения и открывало новые исторические перспективы: готы провозгласили Феодориха королем, не выждав распоряжений нового принцепса, т. е. Анастасия[10], как сказано в современной хронике. Новый император был далеко не склонен примириться с порядком вещей, создавшимся в Италии, и не спешил дать согласие на притязания Феодориха. Переговоры и пересылка посольствами продолжались несколько лет, и только в 497 г. Анастасий послал в Италию императорские одежды и другие эмблемы власти, находившиеся в Константинополе со времени прекращения на Западе преемства императорской власти. Вместе с этим актом передачи Феодо-риху знаков императорской власти императором Анастасием был утвержден порядок вещей, созданный вторжением остготов в Италию, и развито то соглашение, которое состоялось прежде между Зиноном и патрицием Феодорихом.

Господство в Италии остготов представляет не лишенную исторического значения попытку продолжить римско-императорские формы управления под господством варваров. Возникшее на почве Италии новое государственное право есть попытка соединения римлян и варваров при строгом разграничении прав и обязанностей победителей и побежденных. Носителями этой идеи справедливого и планомерного распределения прав и обязанностей между римлянами и варварами был как сам Феодорих, так и его канцлер и полномочный министр, сенатор Кассиодор, письма которого составляют драгоценный источник для истории готов в Италии[1]. Феодорих вынес из сношений с Византией глубокое убеждение, что римские формы жизни, законы и учреждения римской империи представляют в себе достойный подражания образец, который обязательно усвоить себе всякому народу, претендующему на культурную историческую жизнь. Поэтому, заняв Италию, он стремился не к преобразованию административной и экономической системы, а к наиболее удобному способу приспособления приведенных в Италию готов к найденным ими в стране социальным и экономическим условиям. Прежде всего, он ни разу не обнаружил покушения подчинить итальянское население военной дружине, во главе которой стоял он: остготы как были, так и остались военным сословием, размещенным по городам и селениям под начальством своих вождей. За них были записаны военные участки (трех земель), с которых они получали содержание и несли военную службу.

Уже было замечено в исторической литературе, что преклонение Феодориха пред формами римской жизни и идеальный взгляд на буду-

щее слияние готов и римлян в один народ частью являются воспроизведением мыслей другого готского вождя, преемника Алариха, Атаульфа, который тоже полагал свою славу и честь в восстановлении и умножении римского имени силами готского народа[12] Увлечение Феодориха высокой идеей Рима прекрасно выражено в одном его письме на имя императора Анастасия: «Всемилостивейший император! Нам следует стремиться к охранению мира, тем более, что у нас нет и поводов к вражде. Мир — вожделенное благо для всякого государства, в нем преуспевают народы, ими охраняются интересы государств. Мир воспитывает изящные искусства, умножает род людской, дает обилие средств, улучшает нравы. Кто не ценит мира, тот выдает себя не понимающим таких прекрасных вещей. Поэтому вашему могуществу и чести вполне соответствует, чтобы я искал единения с вами, пользуясь доселе вашей любовью. Ибо вы составляете собой лучшее украшение всех царств, спасительную охрану всего мира, на вас по справедливости с благоговением взирают прочие государи, признавая в вашей власти нечто чрезвычайное, в особенности же я, Божией помощью восприявший уроки в вашей империи относительно способов справедливого управления римлянами. Наше королевство есть ваше-яодобие, форма прекрасного образца, экземпляр единственной империи: насколько мы подражаем вам, настолько превосходим другие народы. Часто вы увещевали меня любить сенат, соблюдать законы императоров, соединить разрозненные члены Италии. Как же вы допустите не участвовать в священном мире того, кого желаете соблюсти в ваших обычаях. И уважение к достопочтенному Риму не может быть совместимо с мыслью о разделении того, что соединено общностью имени. Верим, что вы не допустите, чтобы существовал какой-либо повод к несогласию между двумя республиками, которые всегда составляли одно целое при древних царях. Они не только должны быть соединены между собой возвышенной любовью, но и взаимно оказывать одна другой поддержку. Да будет всегда одна мысль об единой римской империи»[13].

Выше было сказано, что готы явились в Италию как народ-войско, и что они по естественному ходу вещей должны были остаться на итальянской земле и между римскими гражданами как обособленный народ. Итальянцы были земледельцы, администраторы, ремесленники и промышленники, а готы— военные люди, обязанные защищать первых и пользоваться средствами к жизни с выделенных им земельных участков. Две национальности объединялись в одном правителе, официальный титул коего был Flavius Theodoricus rex. Как римский гражданин и еще до выступления в Италию будучи усыновлен императором, Феодорих с полным правом усвоил себе имя Флавия; титул же короля, данный ему по германскому обычаю, признан был за ним, в конце концов, и императором. Самым важным делом для Феодориха было распределение земель и расквартирование остготов. Здесь, впрочем, не предстояло изобретать новой системы, т. к. Рим давно знал определенный порядок колонизации варварами свободных земель и систему содержания федератов. За несколько лет до того в обширных размерах система военной колонизации была применена в самой Италии для воинов Одоакра; с переменой имени властителя тот же порядок расквартирования применен был для готов Феодориха. Там и здесь дело шло о третях участков.

В пользу готского воина должна быть уступлена треть земли каждым землевладельцем в его участке со всеми в нем находящимися угодьями, с инвентарем и рабами. Проведение этого дела поручено было Феодори-хом префекту претории Либерию, который должен считаться одним из деятельнейших государственных людей эпохи готского владычества. Под его наблюдением проведена была вся сложная операция размежевания участков, выделения третей в пользу готской народности и капитализации земли в тех случаях, когда в пользу готов отчислялась треть доходов вместо трети земли в натуре.

Все заставляет предполагать, что распределение третей не вызвало особенных потрясений, потому что значительная часть земельной собственности уже ранее была выделена воинам Одоакра, которые с новым политическим переворотом или погибли, или лишились своих третей. Т. к. столицей остготского короля осталась Равенна, то готские гарнизоны естественным образом более централизовались в Северной и Восточной Италии, чем на юге; Сицилия и Южная Италия были почти свободны от готских колонистов. Число всех готов, поселившихся в Италии под господством Феодориха, может быть определяемо в 200 000.

По мысли Феодориха и ближайших его сотрудников, Италия должна была представить собой образец мирного сожительства готов и римлян. Меры к практическому осуществлению этого идеала продиктованы были искренним и благородным чувством, о котором можем судить по деловой переписке и по мероприятиям, сохранившимся в письмах и в деятельности Кассиодора. Двадцать книг «писем», собранных и изданных самим же Кассиодором, составляют важнейший и незаменимый источник для истории готов в Италии. Другой и собственно исторический его труд, не сохранившийся до нас, в существенных чертах воспроизведен готским историком Иорнандом. Нижеследующее обстоятельство живо характеризует известного рода тенденциозное направление истории Кассиодора.

Преемник Феодориха король Аталарих в 534 г., желая почтить заслуги Кассиодора, возводит его в звание префекта претории и в таких словах оценивает перед сенатом его заслуги: «Правда, что мы увенчали всеми высшими наградами доблестного сенатора, но если взвесить его заслуги, то окажется, что мы все же у него в долгу. Он посвятил себя исследованию нашей древней истории, изучая то, что едва удержала в памяти седина предков. Он оживил перед нами готских королей, которые оставались забытыми во мраке древности, восстановил во всем блеске род Амалов, ясно показав, что мы уже семнадцатое поколение владеем королевским достоинством. Он доказал единство готского и римского происхождения, собрав в один блистательный венок разбросанные по книжным полям цветки. Подумайте, сколько он возлюбил вас, похваляя нас, когда доказал, что властвующий над вами народ от самой колыбели имеет дивную историю» [14].

Более вводят в реальные отношения и характеризуют жизнь законодательные памятники этой эпохи — два эдикта, известные по имени королей Феодориха и Атанариха. Это, впрочем, не суть акты германского права, это собственно римское право, приспособленное к потребностям Италии и ее новых обитателей, германцев готской ветви, и регулирующее их отношение к туземному населению. В частности,

наподобие древних «правд» здесь видим попытку установить норму наказаний для проступков гражданского и уголовного характера. Цель закона характеризуется благородной задачей — охранить civilitas, т.е. дать защиту римской гражданственности или, чтобы ближе выразить мысль, римской культуры. Закон принимает на себя предупреждать насильственные действия готов против римлян, богатых против бедных, крупных землевладельцев против мелких; именно этого рода проступки всего чаще встречались на практике, от них происходили жалобы и вопли, «доходящие до ушей короля».

Кроме обычая варварского народа с оружием в руках добывать свое право для грубых инстинктов завоевателя представляли большой соблазн соседние римские виллы и красивые женщины. Закон и старается поставить границы своеволию готов, устрашая наказаниями тех, «которые привыкли попирать законы». Civilitas же, охраняемая законами, определяется как такое поведение или настроение, когда каждый член общества проникся убеждением, что применимы лишь справедливые средства в отыскании своего права, а не грубое насилие. Таким образом, в тех своевольных действиях, которые закон всего суровее преследует — нападение скопом на соседа и разграбление его имущества — следует видеть как не дошедшую до нас картину жизни в конце V и начале VI в., так равно и характеристику быта остготов. Король находил старые порядки несовместными с идеей государственности, отсюда его закон как первое проявление римской государственной идеи между германцами[15].

Мы лишены возможности ознакомиться с чувствами итальянского населения по отношению к готам, но, по взглядам Феодориха, выделение третей земли была мера в высшей степени мудрая, в ней был залог будущего слияния двух наций. «Нам приятно,— говорит он римскому сенату,— что соединились и владения, и сердца римлян и готов; так произойдет то, что обе нации, живя вместе, будут единомысленны. Мир произошел от разделения полей, от вреда родилась дружба народов, приобретен и защитник поместья, обеспечено и безопасное пользование имуществом». Правда, нельзя не заметить, что во взглядах Феодориха было много мечтательного и чуждого реальной жизни, но, по крайней мере, в первую половину своего правления он вполне верил в осуществление своего идеала. В 508 г. он писал: «Нам доставляет удовольствие оставлять жить по римскому закону тех, кого мы желаем подчинить военной силой, и не менее в наших глазах имеет значение моральная победа, чем насильственное подчинение оружием. Ибо что и пользы в победе над варварами, если не та, чтобы распространить на них законы? Пусть другие короли стремятся к победам, к военной добыче и оставляют за собой развалины, мы же предполагаем при помощи Божией так побеждать, чтобы наши подданные скорбели о том, что позже других подчинились нашей власти»[16].

К характеристике правительственных взглядов Феодориха в высшей степени важны те его распоряжения, которые касались религиозных вопросов. Известно, что готы были ариане, а итальянцы отличались нетерпимостью в вопросах веры; известно также, что везде, где близко соприкасались ариане с католиками, например в Галлии и в Африке, почти неизбежно возникали суровые преследования. Здесь, в Италии,

наблюдалась самая широкая веротерпимость, о которой можно судить по следующему месту из одного распоряжения по поводу ремонта иудейской синагоги: «Я не могу приказывать в деле религии, ибо насилием никого нельзя принудить веровать»[17].

Феодорих избрал своей столицей Равенну, где имели резиденцию последние императоры. Он окружил себя пышным двором и украсил Равенну новыми дворцами и церквами. Придворные и административные чины, перечисляемые у Кассиодора, указывают, что придворная и провинциальная администрация остготского короля была полным подражанием римско-императорской. Провинциальное устройство и городовое муниципальное управление осталось без изменений, как было найдено в эпоху завоевания. Префект претории был высший административный чин, у которого сосредоточивались все нити гражданского управления Италией.

Сами готы составляли государство в государстве, сохранив военное устройство и неся обязательство военной службы. Они были подчинены особым военным чинам, сидевшим в городах и имевшим под своей властью как городские гарнизоны, так и раскинутые в ближайшей области готские поселения. Для высшего суда и для решения спорных дел между римлянином и готом назначались особые королевские чиновники, comites Gothorum.

Отличаясь в высшей степени терпимостью в делах веры и предоставив Римской Церкви многие привилегии, Феодорих одушевлен был горячими желаниями общественного блага и мира.

Продолжительное мирное правление Феодориха было для Италии истинным благодеянием. В желании блага своим подданным король не ограничивался лишь возвышенными планами и мечтами, но глубоко затрагивал реальные интересы. Так, он восстановил полуразрушенную дорогу Via Appia, заботился об осушении Помптинских болот и возобновил стены Рима. Он поставил готское королевство в Италии на высокое положение между современными государствами, завязав политические и родственные связи с целой системой германских государств: с вандалами, вестготами, бургундами, тюрингами и франками. Высокой терпимостью в делах веры и гуманностью он содействовал процессу сближения победителей и побежденных, и если не последовало слияния наций, то, во всяком случае, итальянцы достигли известной степени благосостояния и спокойствия, которого давно не имели. Памятником высокого художественного вкуса и религиозного настроения Феодориха служат прекрасные равеннские церкви, пользующиеся всемирной известностью по своим мозаикам. Такова церковь св. Аполлинария Нового, сооруженная в честь св. Мартина и получившая нынешнее название в IX в. Большинство сохранившихся в ней мозаик принадлежит времени Феодориха. По некоторым мозаикам можно составить себе идею о прежней Равенне. Такова же церковь св. Виталия, построенная, во всяком случае, в первой половине VI в., и церковь св. Аполлинария во флоте (in Classe) с мозаиками, имеющими высокое художественное и историческое значение.

Чем далее от Равенны, тем, конечно, слабей чувствовалась связь с готским королем. В высшей степени любопытно, что Рим, столица прежних императоров, где всего сильней — вблизи цирка и сената—

должны были корениться идеи о национальной свободе и память о недавнем мировластительстве, что этот Рим мало обращал на себя внимания Феодориха. Лишь в самые последние годы жизни он заметил в Риме нарождение политической партии, имевшей целью изменить ему и искать покровительства Византии, но тогда уже было поздно принимать меры к обузданию римского патриотизма.

Перестав быть столицей государства, Рим не терял, однако, своих привилегий как первый город Италии. Эти привилегии выражались и в особом административном чине для управления городом и округом Рима (praefectus urbi), и в высшем первенствующем для всей Италии церковном положении римского епископа. Феодорих был весьма внимателен к римскому сенату, который если и не имел участия в общегосударственных делах, сохранял, однако, некоторые из древних преимуществ и, между прочим, сносился непосредственно с императорами и имел голос в выборе епископа города Рима.

Отношения к римскому епископу тем трудней было урегулировать, что Рим находился в церковной вражде с Константинополем. При епископах римских 1еласии и Анастасии II (493—498), пока император еще не настаивал на применении Энотика, поддерживались мирные отношения, но в 498 г. в Риме произошли раздоры по случаю выбора нового папы и обнаружилась борьба политических партий. На этот раз выдвигались два воззрения: партия Анастасия, склонявшаяся к уступкам по отношению к халкидонским постановлениям, и партия его противников, не желавшая никаких уступок и подвергавшая анафеме имя Акакия. Со смертью папы Анастасия в 498 г. в самой Римской Церкви произошла схизма, выразившаяся в избрании двух кандидатов на вакантный трон: одна партия избрала в Латеране Симмаха, другая в церкви св. Марии Лаврентия; оба кандидата в один тот же день приняли посвящение. На этот раз Феодориху при всей его терпимости в делах веры нельзя было оставаться холодным зрителем римских событий. Рядом с приписываемым ему убеждением, что в деле веры нельзя никого принуждать, сохранился о нем следующий анекдот.

У Феодориха был близкий человек, православный дьякон, который ради угождения своему королю и в надежде на возвышение перешел в арианство. Но Феодорих, узнав об его отступничестве, приказал казнить его[19]. Таким образом, хотя он предоставлял полную свободу римскому католицизму в своем государстве, но только до тех пор, пока религиозная борьба не угрожала спокойствию в стране. Партия Сим-маха обратилась к Феодориху за разрешением спора, признавая в нем верховного судью и защитника интересов Церкви. Другая партия, к которой принадлежали сенат и знатные римляне, не одобряла этого шага и видела законного судью по церковным делам в императоре. Для Феодориха вопрос осложнялся еще и тем, что как раз в это же время сенатор Фест вел в Константинополе переговоры об установлении на будущее время взаимных отношений между Италией и империей. Возвратившись из Константинополя, Фест представил императорский эдикт, в котором излагались халкидонские постановления и который предстояло принять вновь избранному епископу.

Хотя Симмах отказался принять и подписать эдикт, а соперник его Лаврентий изъявил на него согласие, но в Риме возгорелись страсти,

начались вооруженные схватки на улицах, и Феодориху нельзя было более оставаться в стороне от этого движения. Он призвал к себе в Равенну вождей партии, разобрал дело и присудил оставить власть епископа в Риме за тем лицом, которое было избрано ранее и которое имело за себя большее число голосов. Так утвержден был на престоле св. Петра Симмах. Хотя соперник его Лаврентий и его приверженцы распускали слух, что Симмах купил золотом решение дела в свою пользу, но первое решительное вмешательство Феодориха в церковные дела окончилось вполне благоприятно. Уже в начале 499 г. Симмах мог собрать в Риме собор для утверждения церковного мира и для успокоения приверженцев Лаврентия. Весьма любопытно, что одним из постановлений этого собора обеспечивалась свобода избрания папы и подрывалось влияние светской власти в Риме: ни королевский чиновник, ни сенат не участвуют в избрании римского епископа, все дело зависит от клира и народа

В 500 г. Феодорих посетил Рим по случаю происшедших там раздоров при избрании нового епископа. Сенат и народ оказали ему торжественную встречу за стенами города, льстецы говорили ему приветственные речи, восхваляя его как второго Траяна, а арианский король как верующий католик прежде всего посетил базилику св. Петра и отдал поклонение гробу верховного апостола. В сенате держал перед ним речь от имени сената Боэций, сам король в торжественной речи говорил народу, что свято сохранит законы императоров, и позволил иссечь эти слова на медной доске «в вечное воспоминание». Дав народу цирковые игры, король назначил в ежегодную выдачу бедным города по 120 тыс. мер хлеба. Все, по-видимому, свидетельствовало, что нет никаких недоразумений между Римом и королем Феодорихом, который повелевал в древней императорской столице с таким же авторитетом, как и у себя в Равенне.

Но в Риме снова после удаления Феодориха разразилась борьба церковных партий, в которой, даже помимо желания, ему не раз пришлось выступить со своим авторитетом. В событиях этого времени с особенной силой проявляется политический такт Феодориха: он, может быть, потому так осторожно относился к церковным партиям в Риме, что одна из них была императорская, а другая — национально-римская, и, поддерживая последнюю, он не только приучал римлян к своей власти даже в церковных делах, но, вместе с тем, ослаблял императорских приверженцев в Риме.

Со смертью Симмаха и с избранием Гормизда на кафедру св. Петра открылись в 514г. более искренние сношения между Римом и Константинополем. Император Анастасий пригласил папу на собор в Константинополь для обсуждения вопроса о церковном единении. Но как осторожно относился новый папа к приглашению, видно из того, что, уклонившись от личного присутствия на соборе, он послал своим представителем епископа тичинского Еннодия, снабдив его двумя письмами—к императору и к Виталиану—и рекомендуя не вступать ни в какие сношения ни с константинопольским епископом, ни с другими схизматическими духовными лицами. От императора ожидалось — и это бьгло обозначено в письме,— что он заявит о своем признании Халкидонского собора и догматических определений папы Льва, изложенных

в его письме, и что таковое же официальное заявление будет истребовано от епископов Восточной Церкви. Как прямое заключение из предыдущего акта, предполагалось новое осуждение и анафематствование Акакия. Но в Константинополе не пошли на такие решительные уступки, тем более, что к тому времени прошел острый период борьбы с моно-физитствующим правительством, и главный представитель оппозиции Виталиан не угрожал более Анастасию. Таким образом, полученный из Константинополя в Риме в 516 г. ответ оказался далеко не в таком тоне, как там ожидали. Анастасий писал римскому сенату, что ему следовало бы присоединиться к желаниям императора и содействовать всеми мерами перед королем и перед папой к восстановлению церковного мира. На новое предложение папы оказать поддержку православным и начать преследование еретиков император выразил крайнее неудовольствие и резко отвечал папе, что он прекращает дальнейшие переговоры, ибо не привык подчиняться посторонним внушениям.

Новые отношения между Италией и Константинополем открываются с началом нового царствования. Вместе с вступлением на престол Юстина (518), новое направление церковной политики выразилось прежде всего в том, что Виталиан получил назначение главнокомандующего сухопутными силами и на 520 г. консульское звание. Вся внешняя и внутренняя политика империи теперь направляется племянником императора Юстинианом, который в 521 г. получил звание консула и праздновал свое вступление на политическое поприще роскошными играми и щедрыми подарками. Перемена политики сказывается особенно резко в отношениях к римскому епископу и к монофизитам внутри империи. С королем Феодорихом также завязаны были более тесные и благожелательные отношения посредством усыновления императором Евтариха, на которого должно было по смерти Феодориха перейти королевское достоинство по браку его с Амаласунтой. Извещая папу о своем вступлении на престол, Юстин просил его послать в Константинополь уполномоченных для восстановления церковного мира, о том же поручено было лично переговорить с Феодорихом.

Предложения Юстина, очевидно, отвечали желаниям папы, т. к. из Рима отвечено было согласием вступить в переговоры и, кроме того, отправлено было несколько любезных посланий к высшим государственным лицам и влиятельным дамам с просьбой поддержать при дворе папских послов. В Константинополе, впрочем, и без того ждали римских уполномоченных с распростертыми объятиями; за воротами столицы их встретил Юстиниан, Виталиан и высшие чины двора. На другой день послы представились Юстину и вручили письмо папы, в котором с настойчивостью выставлено было не раз уже выраженное папой положение, что мир может быть куплен лишь торжественным согласием с вероучением папы и осуждением Акакия.

При царе Анастасии на эти требования отвечали категорическим отказом, теперь же взгляд на дело изменился. Спустя несколько дней константинопольский епископ подписал требуемое от него исповедание веры согласно халкидонскому вероопределению. Вместе с тем, Восточная Церковь вычеркнула из церковных диптихов имена Акакия и других еретических епископов, не пощадив даже имена Зинона и Анастасия. Не все, однако, подчинилось немедленно приказаниям светской власти;

чтобы очистить Церковь от еретичествующих, нужно было изгнать сотни епископов и поставить на место их новых, нужно было сломить противодействие черного духовенства — все это требовало времени и настойчивости; но главное было сделано: Римская Церковь одержала большую победу, и, вместе с тем, рушилось препятствие, доселе разделявшее римский сенат и высшее сословие от Константинополя и от имперской политики. Скоро выяснится, что все эти благоприятные для восстановления церковного мира следствия сношений Рима с Константинополем сопровождались серьезными и опасными осложнениями для короля Феодориха, хотя, несомненно, он сочувствовал и содействовал новому курсу политики.

Феодорих мог рассматривать как большое для себя приобретение то обстоятельство, что его планы на утверждение династии встретили признание и одобрение со стороны Юстина. На 519 г. консульское достоинство предоставлено было готскому престолонаследнику Евтари-ху, в чем нельзя не видеть молчаливого согласия императора утвердить династический план Феодориха. Еще ясней полное согласие взглядов в назначении на 522 г. консулами двух римлян, именно сыновей Боэция Симмаха и Боэция.

Недостаточно было взвешено одно обстоятельство — политический пульс бился не в Равенне, а в Риме. При живых сношениях с Константинополем и при свободе выборов епископа в Риме могло образоваться опасное для готского господства национальное движение. Первые признаки неблагоприятного для готов настроения обнаружились в 520—521 гг. по случаю еврейского погрома в Равенне, во время которого сделалась жертвой поджога еврейская синагога; в то же время подобное же движение произошло и в Риме. Феодорих решился дать хороший урок виновникам погрома, приказав православному населению Равенны вознаградить причиненные евреям убытки. Это распоряжение вызвало бурю негодования. Стали громко говорить, что король и его министры — еретики и что для них православие пустой звук; сопоставляли слухи о суровых мерах против ариан и других еретиков, принятых императором в Константинополе.

В особенности положение короля Феодориха подверглось большому колебанию вследствие неосторожного его приговора по политическому процессу и сделанного им распоряжения о запрещении римлянам носить оружие. Некто Киприан сделал донос на патриция Альбина, что он поддерживает тайную переписку с императором и замышляет измену против Феодориха. Современные событиям писатели Прокопий и Иорнанд обвиняют Феодориха, что он придал значение доносу и, не разобрав внимательно дела, осудил на казнь лучших граждан Рима и тем запятнал свою память перед потомством. На суде Боэций выступил в защиту Альбина и, между прочим, говорят, сказал: «Если вы обвиняете Альбина в том, что он желал свободы, то в таком случае мы все преступники, и я, и весь сенат — мы все надеемся достигнуть свободы!» Эти неосторожные слова послужили поводом привлечь к обвинению и Боэция; он посажен под стражу, где и составил известное сочинение «Утешение в философии». Следствие закончилось обвинением Боэция и его тестя Симмаха, виновные присуждены к смертной казни с конфискацией их имущества. Новейший

историк Рима Грегоровиус [20] находит, что хотя подлинных актов сношений с императором не было представлено, но весьма вероятно, что тогда уже начались сношения Рима с Константинополем, имевшие целью возвращение Италии под власть императора. Видя в этом крушение всего дела своей жизни, Феодорих не мог остановиться перед самыми большими жертвами. А т.к. то, что было преступлением перед королевским судом, рассматривалось как высокое и патриотическое дело в глазах римских писателей, то вопрос о виновности Боэция и Симмаха и доселе служит предметом разноречивых суждений.

Между тем, резкие меры, принятые в Константинополе против всяческих еретиков и, между прочим, против ариан, не могли остаться без болезненного отклика в Италии. Феодорих не мог не усматривать в эдикте против ариан, которых в Византии оставалось мало, прямой вызов со стороны императора и как бы желание затронуть национальные чувства итальянцев и религиозный фанатизм духовенства и возбудить вражду к еретическому королю. Король ответил, в свою очередь, преследованием православных или католиков и, не теряя надежды на разъяснение недоразумений, пригласил к себе в Равенну папу Иоанна и дал ему поручение идти в Константинополь с требованием отмены эдикта против ариан. Если бы исполнение этого желания встретило затруднения, то посольству было поручено настаивать и даже угрожать войной.

Итальянское посольство встречено было императором и высшими классами населения с исключительным почетом, папу приветствовали как наместника св. Петра и оказали ему высшие почести. Хотя предмет посольства не был выполнен и закон против ариан не был отменен, но слухи об особенно почетном приеме и о тайных переговорах, будто бы веденных папой Иоанном в Константинополе, вселили в Феодориха подозрение, что посольство ему изменило. Когда послы возвратились, он заключил их в темницу, где папа чрез несколько дней и умер. Казни и темничные заключения, к которым стал прибегать Феодорих в последнее время, значительно охладили отношения между готами и римлянами. Принимая под влиянием страха и раздражительности не совсем согласные с его характером исключительные меры, он налагал руку на все дело своей жизни. Он умер в 526 г., в августе, в весьма натянутых отношениях с Римом и Константинополем. В Равенне сохранился монументальный надгробный памятник Феодориха.

Глава XIII

Появление славян в пределах империи

В последних и ближайших главах мы пытались выдвинуть те факты и явления, которые составляют существенное содержание и характеристику византинизма. Но нет, может быть, одинакового по важности вопроса в составе истории Византии, как вопрос славянский. И по своему безотносительному значению, и по продолжительности воздействия на все стороны жизни византийского государства, и, наконец, по взаимодействию государственных, правовых и культурных начал славяне занимали большое место в истории Византии, и соответственно тому им посвящено будет много внимания в последующем изложении. Находясь теперь в начале VI в. накануне царствования Юстиниана, мы находим уместным дать особую главу начальному периоду истории славян.

Одна из наиболее трудных и далеко еще не разрешенных задач в истории славян есть определение времени их поселения в Европе и географическое обозначение занимаемых ими мест в первые века христианской эры. Отсутствие более или менее прочно установленных хронологических и географических данных в связи с колебанием этнографических терминов, под которыми подразумевались славяне в то отдаленное время, когда их собственное имя не было еще в употреблении,— все эти обстоятельства, далеко не безразличные для успеха славянских изучений, служат объяснением той сравнительной бледности и малозначительности фактов, какими характеризуется древняя славянская история. Правда, обращаясь здесь к славянам, как к одному из важных деятелей в истории Византии, мы легко могли бы обойти Молчанием темный период славянской истории и прямо начать с VI в., когда присутствие славян на Балканском полуострове под их собственным, хотя и не общим для всех именем становится уже бесспорным и твердо установленным фактом; но громадное значение для русского национального самосознания положительных и проверенных изучением, а не субъективных и фантастических построений в этой области, которые принесли уже нам много вреда, побуждает нас остановиться на вопросе о древности славян и свести к немногим реальным фактам то, что в настоящее время может считаться наиболее не подлежащим спорам. Ни с точки зрения национального самолюбия, ни со стороны Политических интересов всего славянского племени нет большой разницы в том, начинать ли славянскую историю со II и III вв. и даже Ранее, или же с V и VI, но методологические приемы, которыми достигается та или иная постановка этих вопросов, несомненно обнаруживают большое значение и характеризуют состояние нашей научной зрелости.

Самое древнее упоминание о славянах следует видеть в имени венеды у Балтийского моря. Но обозначает ли первоначальную колыбель славянского племени это сопоставление двух терминов, или же только говорит о колонизации венедами побережьев Балтийского моря, на этот счет можно держаться разных мнений. В смысле первоначальной колыбели, откуда стало распространяться славянское племя на север, восток и юго-запад Европы, более вероятия остается за прикарпатской областью. Это можно заключать на основании самого важного географического материала, каким только владела древность. Разумеем материал географических таблиц или дорожных записей, происходящий от ближайшей к христианской эре эпохи, изданный Певтингером и известный по имени своего издателя — Певтингеровы таблицы[2]. На этих таблицах венеды упоминаются не один раз в соседстве с бастарнами, занимавшими северо-восточные склоны Средне-Карпатского хребта и принадлежавшими к германскому племени. Следовательно, около I в. нашей эры славяне обозначились под именем венедов в прикарпатской Руси и у истоков Вислы на север до Балтийского моря. Тацит, писавший о народах Восточной Европы в 98 г. нашей эры, знает о славянах-венедах очень мало и затрудняется — причислить ли их к германцам, или к сарматам. Вообще последняя глава его знаменитого сочинения — «Германия», в которой дается небольшое место венедам и финнам, далеко не отличается точными сведениями.

Географ Птолемей во второй половине II в., благодаря значительно увеличившимся к тому времени географическим знаниям, дает не только новые и проверенные собственными исследованиями по древним картам данные, но и располагает свой материал по градусам долготы и широты. На его карте Средняя Европа занята Германией, Восточная — Сарматией, границей между ними служит Висла. Венеды населяют Сарматию по Балтийскому морю; бастарны живут на север от Карпатских гор. Таким образом, нужно принять как факт, не подлежащий сомнению, что в первые века христианской эры славяне были известны под общим именем «венеды» и что жили они по Балтийскому морю от Одера до Вислы. Весьма вероятно, что под отдельными племенами, показанными у Птолемея в Сарматии [3], некоторые племенные названия должны быть отнесены к славянской ветви. Затем, что касается участия славян в исторической жизни в III—IV вв., на этот счет следует ограничиться самыми общими указаниями, не входя в оценку положений образовавшихся у нас школ[4]. Один из горячих защитников теории древности поселения славян на Дунае, профессор Дринов, пытается доказать участие славян в маркоманнских войнах и определяет период их передвижений от III по VII столетие. Но сколько верно второе положение, столько мало имеет доказательности первое, т. к. славянство тех имен и терминов, на которые ссылался Дринов, не может быть утверждено и т. к. славянское происхождение костобоков, карпов и боранов остается сомнительным. Еще менее можно стать на сторону Д. И. Иловайского, который с юношеской энергией и доселе продолжает выпады против несогласных с его теорией славянства скифов, гуннов и болгар и не дальше как в 1906 г. посвятил первый том своей «Истории России» (изд.· 2-е) 2000-летнему существованию русского народа! С методологической точки зрения следует с решительностью стать против этой теории,

несмотря на ее привлекательность и некоторую внешнюю правдоподобность. Все, что можно допустить с значительным вероятием, это то, что вместе с готами и гуннами, находившимися в ближайшем соседстве с Византией в IV—V вв., могли переходить с севера и востока за Дунай и небольшие славянские дружины. Но они были на службе готов или гуннов, не имели самостоятельного значения и должны были совершенно раствориться в среде чуждых народностей.

Дружинный порядок, наблюдаемый в военной организации готов и гуннов, а может быть, и других народов эпохи Великого передвижения народов, облегчал военное братство между народами различного происхождения и способствовал распространению на большие пространства обычаев кочевого и военного быта. Таким образом, нет нисколько удивительного, если в числе германских дружин на службе империи в IV—V вв. встречались и лица славянского происхождения; таков Острый в дружине Аспара, известный в истории катастрофы, окончившейся погибелью рода Аспар-Ардавурий; в лагере Аттилы также могли быть славяне. Но подобные отдельные случаи проникновения славян за Дунай в качестве членов военных дружин, поступавших на службу к готам или гуннам, не могли иметь значения в истории колонизации славянами Балканского полуострова, которая и должна служить для нас действительным предметом исторического рассмотрения.

Наиболее значения следует приписывать литературному преданию об именах, под которыми выступают славяне вслед за распадением державы гуннов во второй половине V в. Прежде всего сюда относится известие о славянах Иорнанда, помещенное в его истории готов, составленной в 551 г.[5] В его «Скифии» славяне занимают обширные места в Восточной Европе от Карпатов и истоков Вислы. Полагая на Дунае и Тиссе поселения гепидов, Иорнанд на восток от них указывает жилища славян. «От верховьев Вислы,— говорит он,— раскинувшись на огромные пространства, живет многочисленный народ венеты». Это значит, что то обширное племя, которое у Птолемея называется венедами и которое жило у Балтийского моря, во время Великого передвижения народов расселилось на юг и восток, придвинувшись к провинции Дакии. Но самое существенное в известии Иорнанда заключается в дальнейших словах: «Хотя они имеют различные имена по коленам и местам обитания, но, главным образом, известны под двумя наименованиями: славяне и анты»*. Более западная ветвь, занимающая области до Днестра,— это славяне, для которых реки и болота заменяют города; более восточная ветвь между Днестром и Днепром — это анты, сильнейшее из Двух племен. Когда началось это деление славян на две ветви, нельзя определить, но это несомненный и очень реальный факт, засвидетельствованный и византийскими писателями и удерживаемый историографией VI и VII вв. Легко понять, что это разделение, намеченное уже в VI в., могло бы служить исторической основой для отделения славян северо-восточных от юго-западных, что должно быть признано одним из прочно установленных положений в этнографии современного славянства.

* «...quorum (Venetharum) nomina licet nunc per varias familias et loca muten-tur, principaliter tamen Solaveni et Antes nominantur».

Говоря об этом различии в этнографии славян, мы отнюдь не думаем здесь об особенностях языка и других внешних отличиях, например, между русскими и сербо-хорватами, которые могли раскрыться лишь постепенно в течение длинного периода веков; напротив, древние известия настойчиво указывают сходство в обычаях и в быте всех славян. «Все эти народы, славяне и анты,— говорит Прокопий,— не повинуются одному повелителю, но из древности живут в димократии; поэтому у них общественные дела всегда обсуждаются на сеймах». У Маврикия, писателя тоже VI в., отмечается та же черта: «У славян и антов господствуют одинаковые нравы и обычаи, они любят свободу и не поддаются порабощению и господству». Далее, у того же писателя находим любопытное сообщение о политическом устройстве славян: «Не признавая над собой чуждой власти, они не живут в согласии и друг с другом. Так как у них много старшин, не ладящих между собой, то небесполезно некоторых из них привлекать на нашу сторону убеждениями или подарками, дабы возбудить и поддерживать между ними взаимную распрю и препятствовать соединению их под одним вождем».

Нельзя сомневаться, что вышеприведенные наблюдения сделаны над теми славянами, которые были уже на границе империи или даже в ее пределах. Сожаление писателя-патриота о том, что димократия мешает славянам соединяться в значительные союзы под верховной властью одного князя, было бы для нас не совсем понятно, если бы здесь не шла речь о славянах, близко знакомых Византии, бывших или соседями, или колонистами имперских областей, которые трудно мирились с имперскими порядками и не подчинялись законам Византии. Таким образом, подходя к тому периоду, в который славяне оказываются одним из составных элементов истории Византии, мы находим возможным свести к следующим выводам наше предыдущее изложение. Во время Великого передвижения народов славяне расселились по Средней и Восточной Европе до Вислы и Днепра и Черного моря. В это время выделились из первоначального общего имени венеды, или венеты, две большие ветви: западная — славян и восточная, и сильнейшая,— антов. Хотя уже в V и VI вв. славяне были многочисленны и занимали обширные пространства в Европе, но политический и культурный их быт был на довольно низкой ступени. Большинство их жило в родовом быту, в каковом состоянии они не могли образовать политических союзов для успешной борьбы с соседями.

Приблизившись к Дунаю, славяне впервые столкнулись с культурными условиями жизни. Южные славяне, именно славянская ветвь венетов, по более древней терминологии, первая — сначала в лице отдельных и небольших дружин на службе готов, гуннов и византийцев, а затем в качестве передовых колен, увлеченных общим народным движением—приблизилась к Дунаю и вступила в непосредственные сношения с империей. Это соприкосновение славян с народами старой культуры должно было произвести на них сильное впечатление и отразиться в их политическом и социальном быту разнообразными как хорошими, так и дурными влияниями.

Прежде чем приступить к изложению фактов, касающихся славянских набегов и вторжений в придунайские области, мы находим нужным сделать несколько замечаний в приложении к этому моменту славянской

истории. Процесс постепенного утверждения их в придунайских провинциях, а также в Иллирике и Греции недостаточно отмечен и оценен византийской летописью. Весьма лишь недавно и с большим трудом удалось в науке установить то наблюдение, что в славянских вторжениях V и VI вв. нужно различать двоякий порядок фактов. Сначала, именно *с* половины V в., наблюдаем набеги и вторжения из-за Дуная с целью грабежа и добычи и такие же поспешные отступления в прежние становища за Дунаем. Затем в VI в., при продолжающейся иммиграции из-за Дуная, в Мизии, Фракии, Македонии и Паннонии уже образуется довольно значительный пласт населения из славян, которые прочно осе-лись на свободных землях, и из которых набираются новые отряды, доходящие, с одной стороны, до Константинополя, с другой—до Солуни и Эгейского моря. По странному недоразумению этот последний факт остался маловыясненным и даже слабо отмеченным в летописи, почему прежние слависты, начиная с Шафарика и Палацкого, выразили мнение, долго державшееся между учеными, что славяне мирным путем захватили Балканский полуостров, и что византийское правительство, дорожа такими подданными, которые главным образом занимались обработкой земли, спокойно уступало им для колонизации свои опустошенные войной и слабонаселенные провинции. Такое мнение не соответствует ни действительному характеру славян, делавших набеги на империю, ни существу взаимных отношений между славянами и империей на Балканском полуострове. Фактически происходили опустошительные набеги славян из-за Дуная и частичные попытки занять свободные земли в придунайских провинциях, и отношения Византии к новым неизвестным доселе врагам складывались не соответственно пресловутой формуле мирного заселения, а на основании обычаев и норм, выработанных в империи продолжительным опытом.

Причина, препятствовавшая установлению правильных взглядов на характер отношений между славянами и империей, не заключается только в идеализации и даже некоторой тенденциозности, допущенной славистами первой половины прошедшего столетия, но частью объясняется самыми источниками и путаницей в этнографической терминологии. Народные и племенные имена весьма часто перемешиваются даже у лучших и более осведомленных писателей. В эпоху Великого передвижения народов империя была свидетельницей появления на ее границах и даже вступления на службу многих и разнообразного происхождения племен, которые на некоторое время становились даже подданными императора. Происходил постоянный прилив и отлив народностей, одна волна сменялась другой, причем новый вал не всегда смывал осадок, образовавшийся раньше. Можно думать, что поблизости к границе и в самых границах происходили помеси и наслоения Племен разных типов. Между тем, для современников не было особых побуждений к тщательному изучению сменявшихся народностей. Одна и та же жадность к добыче, почти одинаковый способ ведения войны, сходство в обычаях и нравах часто предрасполагали видеть в новых варварах старых. Оттого так долго держится имя скифов и сарматов, Оттого имя гуннов перешло на аваров и потом на славян. Таким образом, оказалось, что самый процесс иммиграции славян на Балканский полуостров остался слабо отмеченным, и писатели VI в. прямо уже

отмечают совершившийся факт заселения славянами огромных пространств в пределах империи.

Принимая в соображение, что древний период славянской истории открывается на Балканском полуострове, и что первые сведения о славянах почерпаются из изучения северо-западных окраин Византийской империи, находим вполне основательным назвать первый исторический период славянства византийским подобно тому, как первый период германской истории, изучаемый на окраинах Западной Римской империи, мог бы назваться романским. Как в основу средневековой западноевропейской истории должны быть положены разнообразные влияния Рима, которые в совокупности принято называть романизацией, так в первоначальной славянской истории главная зиждущая сила принадлежит византинизму. Но византийское влияние на славянах выразилось иначе, чем римское на германцах, равно как и исторические последствия частью мирных, частью враждебных отношений германцев и славян к империи были весьма различны. В то время как германские народы, выступая в истории с более развитыми формами гражданственности, чем славяне, и с резко выраженными чертами индивидуализма, успели образовать на завоеванных территориях Римской империи собственные национальные государства под воздействием римских культурных начал и христианства; славяне оказались не в состоянии стереть Византийскую империю и образовать на ее землях национальные княжения; напротив, подчиняясь чарам высшей культуры и становясь послушным орудием изощренной в искусстве обращения с варварами византийской дипломатии, частью слились с империей в один политический организм, частью приняли на себя поручение оберегать ее от новых варварских нападений. Вследствие намеченного порядка отношений в Византийской империи, пережившей на 1000 лет Западную, греко-римские и славянские народные начала, пришедши в тесное соприкосновение и общение, дали в результате особый род политических и правовых норм, наблюдаемых в оригинальном сочетании и взаимоотношении. Независимо от того, Восток со всеми его этнографическими, религиозными и правовыми особенностями должен был наложить еще свою печать на Восточную империю и ее учреждения.

Таким образом, вследствие указанных отношений тесного общения и под влиянием разнообразных культурных воздействий древняя славянская история вплоть до периода образования славянских государств в VIII—IX вв. не имеет самостоятельного характера и не только проникнута византинизмом, но и получает некоторый свет почти исключительно из истории Византии. Принимая во внимание низкую степень социального и культурного развития, на которой находились славяне при соприкосновении с Византией, а также упадок живого творческого духа в правящих слоях византийского общества, эгоизм и продажность администрации, нельзя думать, что славянские вожди и лучшие передовые люди из славянских старшин воспринимали только хорошее, а не дурное. Относясь к давно прошедшим событиям без «гнева и раздражения», можем утверждать, что южные и юго-западные славяне, будучи передовым постом у границ тогдашнего культурного мира, не только мало выиграли сравнительно со своими северо-восточными сородичами, но едва ли не проиграли, рано вкусив запрещенного плода византийской

культуры. Историку предстоит деликатная задача выяснить причины этого печального явления и показать на исторических событиях его жизненное значение.

Итак, начало славянской истории не там, где находим первых князей-собирателей славянских государств: моравского, чешского, болгарского, польского и др. Начало славянской истории скрывается в истории Византии. Если видеть первые признаки гражданственности в политической организации, то следует признать, что самые ранние попытки соединения нескольких колен под одною властью встречаем далеко за чертой непосредственного влияния Византии, т. е. у славян за пределами империи. Ближайшие к византийским границам славяне долго оставались в первичной стадии жупного устройства, характеризующего также и те племена, которые поселились в областях империи и приняли византийское подданство. Византия не видела выгоды для себя поощрять образование крупных племенных групп среди славянства; напротив, все политические расчеты заставляли ее питать рознь и вражду между отдельными коленами-жупами, поддерживая и лаская одного жупана и ослабляя другого. Весьма выразительно отмеченные наблюдения над той особенностью политического устройства славян, которое Прокопий и Маврикий определили именем димократии, знакомят нас с самой существенной и общераспространенной чертой быта древних славян. И никак нельзя забывать, что эта черта наблюдаема была всего вероятнее между славянами, бывшими в пределах империи. Жупное устройство, отсутствие княжеской власти, которая объединяла бы малые жупы, борьба колен и проч.— все это служило для Византии удобным средством держать славян в подчинении. Нижеследующее наблюдение, конечно, рисует быт тех славян, которые могли быть наблюдаемы вблизи: «Они неохотно исполняют приказания чужого лица, но послушны своим вождям; гораздо легче сносят они несправедливости и обиды собственных старшин, лишь бы не следовать ромэйским обычаям и законам».

Из предыдущего можно заключить, что славяне в пределах империи составляют любопытный предмет изучения славянской истории в той стадии, которая предшествует образованию государств. Т. к. этот период весьма мало затронут в науке, то его можно коснуться здесь лишь в общих чертах.

В отношениях империи к новым народам можно отличать две системы в занимающую нас эпоху. Или между империей и вождями варваров имели место разного рода договоры и соглашения, в силу которых последние располагались с согласия империи на временное или постоянное жительство в ее областях, или завоевательный народ насильственно врывался в имперские области и диктовал ей свои условия. Поселения на договорных началах были осуществляемы в весьма разнообразных формах. Наиболее обычная и чаще практиковавшаяся была форма военных поселений, состоявшая в том, что племя или дружина Поселяема была на имперской территории с обязательством военной службы и на условиях денежного вознаграждения со стороны правительства; такие поселенцы назывались федератами. Со времени Феодосия Великого эта система получила весьма широкое распространение и, йесмотря на протесты со стороны патриотов, угрожавших вредными от Чее последствиями, т. к. при ней средства обороны переходили в руки

иностранцев, держалась в течение V и VI вв. С точки зрения потребностей того времени это, конечно, была единственно разумная мера позволявшая использовать варварские военные силы и посредством чужеземцев держать в некоторой безопасности пограничные области. Эта система принесла империи значительные выгоды, т. к. большинство иноземных дружин и в особенности их вождей постепенно подчинялось византийской культуре, усвоило язык и образованность страны и вощдо в состав военной или гражданской администрации. В частности, по отношению к славянам, отношения империи основывались столько же на обычной практике, сколько на характерных особенностях славянского племени.

Нельзя терять из виду того обстоятельства, что во второй половине V и в VI в. империя была более ослаблена, чем раньше; что население ее, в особенности на окраинах, сильно поредело, и что для правительства назревал весьма серьезный вопрос о пустопорожних областях, лишенных населения и не дающих ни денег, ни военных людей. Знакомство византийских государственных людей с новым народным элементом в лице славян могло внушить мысль об утилизации этого народ? даже в более крупных размерах, чем это было Допускаемо по отношению к германцам. Насколько можно судить по указаниям скудных известий, славяне с первых же встреч с византийцами и после первоначального ознакомления с плодородными и малозаселенными провинциями империи от Дуная до Эгейского моря задались целью занять эти провинции с оружием в руках, если бы империя не согласилась предоставить их славянам по доброй воле. Т. к. военные средства империи не были достаточны, чтобы с успехом вести войну со славянами, то допущена была по отношению к ним еще на более широких основаниях, чем прежде выработанная, система колонизации и, кроме того, примени к ним давно уже практиковавшийся по отношению к варварам обычаг вербования охочих людей на военную службу.

Но прежде чем вошла в норму известная система отношений, взгляды правительства на новых и весьма жестоких соседей на Дунае не раз подвергались переменам, и можно без колебаний утверждать, что твердая система принята была тогда, когда не оставалось иного выбора для Византии, т. е. когда славяне завладели уже в конце VI в. значительной частью Балканского полуострова. Прежде всего в рассуждении этого вопроса нужно отличать два периода: сначала в описании славянских набегов отмечается весьма определенно, что набеги предпринимаются из-за Дуная, и что грабеж и добыча составляют существенную цель набега,— так можно характеризовать отношения со второй четверти VI в. Затем, с конца VI в. и в самом начале VII в., замечается другой характер отношений: уже на Балканском полуострове образовался зна чительный пласт славянского населения, уже новые волны расселения доходящие до Константинополя и Солуни и переливавшиеся в ЭпиГ Фессалию, Грецию и на острова, не питаются из-за задунайских областей, а берут свое начало во Фракии, Македонии и Паннонии.

Наметив в общих чертах вышеуказанный порядок славянской иммиграции, мы встречаем почти непреодолимые трудности, когда захотим эту картину иллюстрировать конкретными фактами. Хотя не может быть сомнения в том, что византийское правительство вполне сознатель-

но шло навстречу совершавшегося на его глазах этнографического обновления Балканского полуострова, но в источниках не сохранилось указаний, по которым можно было бы воссоздать проводимую по отношению к славянам систему. Есть лишь слабые намеки, которые тем более считаем здесь необходимым выдвинуть, что они оказываются малоисследованными и непримененными к занимающему нас вопросу.

По отношению к Балканскому полуострову самое выразительное место читается в житии св. Димитрия Солунского, именно в повествовании о Кувере [6]. Вся эта легенда в конце концов сводится к освещению принятой империей системы отношений к славянам. Оказывается, что в Солуни организована была система вербовки охотников переходить в подданство империи. Органами и посредниками в сношениях между славянами и византийской администрацией были принявшие греческую культуру и частью воспитанные в Константинополе славянские коленные старшины, из которых выбирались правительством и устроители колоний, получившие наименование старшин, жупанов или князей. В сказании о Кувере сохранился след образования славянской колонии во Фракии. Условия, на которых происходило поселение славян на свободных местах, не затронуты в легенде, но о них можно делать догадки на основании исторических известий об основании правительственных колоний в Малой Азии. Заметим лишь, что те лица, которые служат посредниками между правительством и славянами, оказываются в большинстве слишком затронутыми византийской культурой и симпатии их более лежат на стороне империи, чем славянства.

Выведенные византийским правительством славянские колонии на Востоке засвидетельствованы неоднократно летописью. Так, под 664 г. говорится о партии славян в 5000 человек, которая пристала к арабам, опустошившим малоазийские области, и ушла с ними в Сирию, где и основалась на постоянное жительство близ Апамеи[7]. Под 687 г. упоминается об обширной колонии славян, выведенных из Македонии и поселенных в Вифинии в области Опсикий. О судьбах этой колонии сохранились дальнейшие известия. Через четыре года из этой колонии составлен был опричный отряд в числе 30 тыс. воинов под начальством собственного старшины славян по имени Невул. Любопытно также и то, что 20 тыс. из этого отряда предпочли потом перейти на службу к арабам, которые вообще не раз пользовались услугами славян в своих успешных походах на Византию. Около половины VIII в. выведена была в Малую Азию еще многочисленная колония, определяемая в 208 тыс., которой были даны земли в Вифинии близ Р- Сангария. Не входя здесь в рассмотрение вопроса о том, какая была судьба славянских поселений в Вифинии, ограничимся замечанием, что поселенные в Малой Азии славяне наделены были земельными владениями и поставлены в такое состояние, чтобы иметь средства к отбыванию военной службы, которой требовало от них правительство. Как можно догадываться на основании отрывочных замечаний писателей, даваемая славянам организация напоминает военное устройство Ваших казацких войск. Такие обширные колонии, как отмеченные в известиях Феофана, должны были играть значительную военную и политическую роль в судьбах империи. По новым наблюдениям, та часть Малой Азии, куда поселяемы были славяне, и в настоящее время имеет

не больше $1^1/_2$ миллиона населения[8]. Принимая же во внимание, что в VIII в. не могло быть такой плотности населения, как ныне, мы должны допустить, что славяне почти сплошь занимали территорию провинции Вифиния, где, по-видимому, сосредоточивались славянские поселения. Быть может, в настоящее время изгладились уже окончательно следы пребывания славян в Малой Азии, хотя попытка тщательных научных исследователей местной топографии и этнографии, языка и народных преданий могла бы и в настоящее время представлять интерес.

Может быть, единственным памятником жизни славян в Малой Азии нужно считать византийскую свинцовую печать, находящуюся в коллекциях Русского археологического института в Константинополе. Эта печать принадлежала славянам Вифинии и своей надписью утверждает на незыблемых основаниях тот факт, что военная организация была существенным отличием этой колонии, и что организация русских казаков может быть принимаема как тип военных поселений славян. О ней будет речь ниже.

Теперь, возвращаясь к славянам Балканского полуострова, мы можем представить себе несколько ясней политику империи по отношению к ним. Обыкновенно употребляемые выражения у писателей относительно славянских поселений — «насильственные» или «по договору» — не дают еще оснований к определению реальных отношений к империи тех славян, которые располагались во Фракии, Македонии и других провинциях Балканского полуострова. Нам нужно для этого прибегать к обобщениям и делать выводы на основании весьма скудных и случайно оброненных конкретных указаний. Прежде всего выдвигается с особенной силой факт насильственных вторжений славян, при которых не оставалось места ни для договорных отношений, ни для военного принуждения. У писателей VIII и IX вв., бросающих ретроспективный взгляд на события или характеризующих давно прошедшие события по современным, недостает надлежащей точки зрения на то, что происходило на Балканском полуострове в VI столетии.

До настоящего времени всего ближе к действительности и хронологически и по существу сообщаемых подробностей нужно признать упомянутые акты св. Димитрия, патрона Солуни, в которых изредка попадаются и нужные для нас черты. В сущности здесь мы имеем чуть не летописные записи о фактах, происходивших на определенной территории, и о предприятиях славянских вождей, совершаемых в определенное время и с определенной, сознательно поставленной целью. О военном подчинении, т. е. о насильственной колонизации, здесь нет и помина; события происходят совершенно иначе, чем это желательно для империи; она не руководит ими, а лишь пытается открыть для враждебного движения славян такое русло, по которому оно могло бы направляться без особенного вреда для самого существования империи. Конец VI и первая половина VII в. полны в этом отношении драматического интереса. Шла речь о большой ставке с той и другой стороны. Всматриваясь в события с точки зрения взаимных сил, какими располагала Византия и какие выставляли славяне, можно было бы думать, что славянам удастся их мечта насчет завоевания Солуни и обладания империей, но по одинаковым причинам подобные планы не осуществ-

лены были древними славянскими вождями: Кувером, Мавром, Хацо-$_{н}$ом, Первундом и многими другими, как и более поздними: Крумом, Симеоном, Стефаном Душаном и др.

«Было во дни благочестивой памяти епископа Иоанна, поднялся народ славянский, бесчисленное множество из дрогувитов, сагудатов, велегезитов, вэунитов, верзитов и прочих народов. Научившись делать лодки из одного дерева и снарядив их для плавания по морю, они опустошили всю Фессалию и расположенные кругом нее и Еллады острова, еще же и Кикладские острова и всю Ахэю, Епир и большую часть Иллирика и часть Азии и сделали необитаемыми многие города и области. Составив общее решение идти на христолюбивый сей город, чтобы и его разорить, как и другие города, они пригнали в приморское место выдолбленные из цельного дерева лодки, которых было бесчисленное количество, прочие же в неизмеримом числе окружили богохранимый сей город с востока, с севера и запада и со всех сторон, имея при себе свои семьи с хозяйством, в том намерении, чтобы, по взятии города, поселиться в нем.— Тогда слезы лились рекой и были воздыхания по всему городу, до смерти напуганному одним только слухом о чрезвычайных опустошениях городов, о бесчисленных убийствах и пленениях и о том, что варвары уже везде хвастаются погибелью города. Кроме всего прочего, не оставалось и своих судов, не было их и в ближайших местах для защиты входа в городскую гавань. Особенное уныние возбуждали в гражданах христианские беглецы, сделавшиеся пленниками от такого беспощадного осадного положения. И была тогда одна душа и у робких, и у мужественных, каждый имел перед глазами или горечь плена, или смерть, не имея возможности никуда спастись, ибо, как смертоносный венец, варвары славяне держали в тисках город.

Всем славянским народом условлено было сразу и неожиданно напасть на стены. Находившиеся на судах славяне озаботились защитить их сверху досками и покрыть так называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдут к стене, сделать неуязвимыми гребцов со стороны тех, которые будут со стен бросать камни или пускать стрелы. И небесный Промысл молитвами мученика внушил им эту первую трусость — не прямо подойти к городу, а остановиться в той части залива, которая называется Келларий. Между тем, как варвары оставались там, чтобы исполнить задуманную ими хитрость, городские жители немного запаслись мужеством и приготовили в гавани несколько деревянных плотов, с которых протянули цепь... Через три дня, когда славяне начали приступ, город спасен был заступничеством св. Димитрия, причем неприятельский флот был рассеян и увлечен течением, большая часть его погибла в волнах. Предводитель славян по имени Хацон попался в плен и был побит камнями.

Вскоре после рассказанного поражения славяне имели серьезное обсуждение случившегося и, собрав большие дары, послали апокрисиариев к аварскому кагану, давая ему обещание выдать большую сумму денег и обеспечивая огромную военную добычу при взятии нашего города под тем условием, если он вступит с ними в союз. Было признано, что город легко может быть взят, потому что он находится в занятой ими области, в которой зависимые от него города и епархии сделаны ими необитаемыми, и, оставаясь, как сказано, вполне одиноким среди чуждого населения, он вмещает в себе всех беглецов из придунайских стран: Паннонии, Дакии, Дарда-нии и других епархий и городов, которые в нем находят приют.

Названный аварский каган охотно согласился исполнить их просьбу и, собрав все подчиненные ему варварские племена, вместе со всеми славянами и болгарами и бесчисленными народами через два года с многочисленным войском пошел к нашему городу. И, вооружив избранных всадников, он послал их вперед самым кратким путем, приказав неожиданно напасть на город и, выведя или перебив его гарнизон, ждать хана с собранным им войском и с различными видами военных орудий, назначенных для погибели нашего отечества».

По отношению к организации славян и способа их введения в состав империи византийское правительство должно было считаться с совершившимся фактом. Оно должно было или принять новых поселенцев, или отказаться от занятых славянами провинций. В этом и нужно видеть практический ум и верную оценку положения со стороны государственных людей Византии, что они, примирившись с фактом громадного исторического значения, нашли способы и средства не только на долгое время обезопасить империю от славянских враждебных набегов, но частью лишить их племенных тенденций, частью совсем поглотить тех славян, которые постепенно расселяемы уже были правительственной инициативой в различные области Малой Азии и Сирии.

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что империя предоставляла славянам в известной степени внутреннюю самостоятельность, как это давно уже было обычным по отношению к федератам и как это стало необходимым допускать по отношению к славянам. Всматриваясь в политическую организацию славян, насколько понимание внутренних отношений дается по актам св. Димитрия, мы должны признать, что самая характерная черта быта славян состояла в их племенной расчлененности, которая всегда делала их слабыми в соприкосновении с централизованной и опытной византийской администрацией. Славяне приходят в соотношение с империей прежде всего чрез своих племенных старшин, которых подкупают византийская показная культурность, блеск двора и роскошь столицы и которых благорасположение легко приобретается денежными выдачами и пышными титулами. Почти всегда император желает воспитать в Константинополе будущего славян-

ского племенного старшину, которому внушают уважение к культурной империи, приучают к греческому языку и нравам, и почти всегда он становится преданным и послушным орудием в руках правительства.

Византия прилагала все старания к тому, чтобы племенные тенденции более и более замирали, и чтобы старшины славянские не развивались до сознания национальных идей. По всей вероятности, в том же направлении действовали и условия, при которых происходило постепенное занятие славянами провинций империи. Нельзя думать, что эпоха переселения народов смела до последних остатков все старое население в этих провинциях. В житии св. Северина, повествующем о фактах, современных движению остготов в Италию, имеются весьма любопытные подробности о смене старого и нового населения. В городах при всех неблагоприятных условиях удерживается и старое население, и византийская администрация; точно так же старое население удержалось в горах, а в незащищенных местах оседает новый слой; так, конечно, происходит дело и в VIв.

Намеченные выше черты политической организации славян и характер их поселений на Балканском полуострове хорошо иллюстрируются некоторыми конкретными фактами, которые заимствуем из жития св. Димитрия. Ближайшие к Солуни расположившиеся племена, как сагудаты, дреговичи, ринхины, велесичи и др., которым принадлежала окрестная страна, состояли с Константинополем в формальных мирных отношениях. О представителе племени ринхинов Первунде сообщаются живые подробности: он уже полуцивилизованный грек, носит византийское платье и говорит на греческом языке. Но племя стоит совершенно отдельно от других соседних славянских же колен, всецело подчиняясь политике Византии, которая из Солуни внимательно следила за славянами, пользуясь их сравнительной слабостью и разобщенностью, и по мере надобности вызывала к себе охотников из них для переселения в малозаселенные области. В таком же, конечно, положении было племя дреговичей, с которых собирали дань болгаре по переселении их за Дунай и которые были едва ли не первыми, подчинившимися господству болгар. Сюда же следует отнести известие о племени велесичей в Фессалии на Пагасейском заливе, куда солунские греки, осажденные славянами и терпящие от недостатка продовольствия, посылают свои корабли за съестными припасами и за сушеными фруктами.

В то время, как славяне осаждают Солунь, граждане осажденного города находят помощь у других славян, состоящих с ними в мире! Эти известия бросают яркий свет на политические отношения того времени и на занятое славянами положение: они устроились совсем по-домашнему и естественно обречены были на постепенное поглощение высшей культурой. Префект провинции Иллирика, имевший в то время пребывание в Солуни, пользовался славянскими коленными старшинами как средством, чтобы держать в границах подчиненности славянские племена. Прекрасная иллюстрация к этому дана в сказаниях о Кувере. Подобно другим варварским вождям, Кувер стремился захватить Солунь И Константинополь. Этот предводитель соединенных болгарских и славянских дружин находится в тесном сближении с константинопольским Двором, носит титул патрикия, как Феодорих остготский, и собирает дань с дреговичей. Недовольный, однако, приобретенными от империи

уступками, он составил обширный план захватить Солунь и сделать ее базой для дальнейших предприятий против империи. Дабы держать в тайне этот план, Кувер избирает для его выполнения своего подручника в лице некоего Мавра, также полуобразованного варвара, знающего греческий, славянский и болгарский языки. Предприятие, однако, не удалось, т.к. к Солуни подошел небольшой отряд флота, который восстановил в городе авторитет правительства. Но Мавр, тем не менее, остается вне всякого подозрения, он становится во главе здесь же навербованной из охочих людей славянской колонии и, поставленный во главе славян в качестве их князя и пожалованный титулом ипата, поселяется во Фракии. О судьбе Мавра и выведенной им славянской колонии мы имеем лишь случайно брошенное замечание, что впоследствии от сына этого Мавра поступил донос о замыслах отца на захват Солуни[9].

Сделанными здесь общими замечаниями о славянах в пределах империи в VI в. мы имели целью дать руководящие основания для суждения о роли славян в истории Византии. Все несчастье славян было в том, что при встрече с Византией они оказались слишком слабыми в политическом отношении и мало подготовленными в культурном смысле. Их увлекли роскошь и богатство городов; они склонны были желать захватить их силой, но они были весьма далеки от идеи культурных заимствований, которыми обусловливается духовное и материальное преуспеяние. В следующих главах, вводя историю славян в изложение событий византийской истории, мы будем иметь случай подробно ознакомиться с историей вторжений славян в пределы империи. Несмотря на повышенный тон византийской хроники, мы всякий раз должны представлять себе действительность в более скромном виде. Славяне двигались не такими стройными отрядами, как германцы, а небольшими партиями, часто с семьями и скотом, и захват свободных земель был, по-видимому, главной целью передвижений. Для всего последующего развития роковой смысл имело то обстоятельство, что в VI в. славяне в соприкосновении с Византией не успели достигнуть ни политической организации, ни материального усовершенствования и в своих отношениях с империей были руководимы лишь случайными капризами и личными выгодами стоявших во главе их подкупленных Византией коленных старшин.

Оттого в их истории VI в. много шума, а мало дела. Момент, которым так удачно и счастливо воспользовались в V в. германцы, основав свои государства на развалинах Западной империи, был упущен славянами, а время их наибольшего напора на Византию совпадало как раз с эпохой наивысшего подъема всех сил сложившегося византинизма при Юстиниане I. Так прошел почти бесследным в культурном отношении первый период вступления славян в соприкосновение с Византией, в политическом же смысле VI в. имел роковые последствия, наложив печать на все последующее развитие славянского племени.

Период II

(518-610 гг.)

От Юстиниана I до Ираклия

Глава I

Характеристика периода. Юстиниан и Феодора. Историк Прокопий

Со смертью Анастасия в 518г. начинает подготовляться радикальная перемена во внутренних и внешних делах империи. Появляются новые люди на исторической сцене, выдвигаются новые задачи, которые могут быть рассматриваемы как вывод из предыдущего периода. Потребовались обширные материальные средства и талантливые люди для осуществления вновь выдвинутых событиями задач—и империя доставила средства и людей, способных привести в исполнение такие сложные и трудные предприятия, которые напоминали лучшие эпохи угасшей Римской империи.

В смысле политической и этнографической обстановки на границах в VI в. все остается по-старому, но взаимные отношения находившихся в борьбе сил значительно изменились. Ранее империя принуждена была мириться с отторжением ее областей и с появлением германских племен на ее землях; в VI в. процесс расчленения империи закончился, и империя начинает наступательное движение на германцев с целью возвращения завоеванных ими областей. Продолжительный период горького опыта, вынесенного из борьбы с новыми народами, был полезен для византийских государственных людей в том отношении, что приучил их к искусству пользоваться силами варваров для защиты границ против набегов новых врагов. Так, переселившиеся в провинции империи славяне были постепенно или подчинены, или даже поглощены, в особенности в тех областях, где оказались в меньшинстве. Характерным выразителем эпохи, часто обозначаемой его именем, служит император Юстиниан Великий.

Преемник Анастасия, Юстин I (518—527), ни по своему происхождению, ни по служебному положению не мог иметь прав на престол; своим возвышением он обязан случаю и неопределенности престолонаследия, всегда при вакантности престола открывавшей путь для интриг и насильственных действий с помощью войска.

Происхождение новой династии служило предметом многих разысканий, особенно со стороны исследований славянской древности. Вместе с двумя товарищами Юстин явился в столицу попытать счастья на военной службе во время Льва I. Отечественный город Юстина и Юстиниана до сих пор составляет предмет спора между исследователями, полагают на основании некоторых данных родиною их или Северную Македонию близ теперешнего Битоли, или окрестности Ускюба. Славянское происхождение их утверждать или отрицать нет достаточных оснований, т. к. страна эта в V—VI вв. была уже занята славянским элементом, и славянское происхождение

выходцев из Северной Македонии вполне возможно; но, с другой стороны, в деятельности Юстина и Юстиниана не заметно ничего, что обличало бы их славянское происхождение, и не проглядывает никаких славянских тенденций. Нужно, однако, помнить, что тогдашнее славянство представляло один этнографический материал, не развивший еще никаких особенных национальных черт, кроме языка. В ту эпоху у славян незаметно ни государственной, ни племенной идеи, которая начинает обнаруживаться гораздо позже. Т.к. Юстиниан всецело принадлежит по культуре и по идеалам, проводимым в государственной деятельности, к римскому миру, то находим во всех отношениях праздным вопрос о том, текла ли в его жилах славянская кровь.

Хотя Юстин рисуется современным ему историкам как человек, совершенно чуждый греческой образованности и даже безграмотный, но эти слова нужно принимать с ограничениями. В царствование Анастасия встречаются указания на политическую роль и на ответственные поручения, возлагаемые на Юстина; так, он принимал участие в усмирении исаврского движения; в персидской же войне он вместе со своим племянником командовал отдельной частью. Эти данные вполне отвечают занимаемому им в придворной службе положению в последние годы Анастасия, именно он служил в гвардейском полку экскувиторов и занимал в нем офицерскую должность. Кроме того, следует принять во внимание и то обстоятельство, что в 518 г. Юстин достигает императорской власти не без борьбы; он имел могущественного соперника в лице евнуха Аманция, опиравшегося на преданную ему партию, и мог одержать над ним верх благодаря своему влиянию в гвардейских полках и своей известности.

Таким образом, в Юстине следует видеть человека, вполне подготовленного для политической деятельности, который вносил в управление определенный опыт и хорошо обдуманный план. Трудно, конечно, выделить здесь то, что принадлежало непосредственно Юстину, и то другое, в чем можно было бы усматривать влияние племянника его, который был его деятельным помощником в управлении, но следует отметить, что с началом времени Юстина открывается совершенно новое направление, имевшее целью осуществить глубоко обдуманные и широкие задачи. Предыдущее царствование возбуждало много недовольства со стороны церковной политики, которая держала в постоянном напряжении империю и вызвала оппозиционное движение и на Балканском полуострове, и на Востоке. Виталиан находил себе сильную опору в церковных партиях и явно выдавал себя защитником православия против монофизитствовавшего Анастасия. Нельзя не видеть, что Юстин также принял на себя роль представителя православной партии; лучшим доказательством того было назначение Виталиана консулом и начальником имперских войск. Этим достигалось успокоение Балканского полуострова.

Главный факт деятельности Юстина—это окончание продолжительного церковного спора с Западом, длившегося около 35 лет со времени Энотика (Ἑνωτικόν) и являющегося одним из первых моментов в разделении Церквей Восточной и Западной, когда Рим и Константинополь находились в открытой церковной ссоре, и римские папы были «изъяты из диптихов». Юстин уладил этот долгий спор, но ценою его

соглашения с папой оказались ужасные жертвы на алтарь церковного единства: до пятидесяти сирийских епископов-монофизитов было свергнуто и отправлено в заточение, и церкви Сирии понесли ужасные потери.

Для Юстиниана, уже тогда управлявшего фактически, было важно прекратить церковную распрю, потому что уже тогда его уму представлялось универсальное единство, идея восстановления Римской империи в ее прежней полноте, воссоединение отторгнутых варварами западных провинций. Юстиниан имел в виду объединение всего мира и в своих политических тенденциях рассчитывал на содействие со стороны римского папы.

С 527 г. Юстиниан стоит во главе Византийской империи до 565 г.; почти 40 лет единоличного правления, к которым нужно еще прибавить несколько лет фактического правления при жизни Юстина. Получается около полустолетия, а если считать непосредственные последствия его политики, то он наложил свою печать на целое столетие византийской истории.

Его главной целью было восстановление Римской империи. Это слишком фиктивная задача, запоздалая и не увенчавшаяся прочным успехом. Постараемся свести ее к основным элементам и выяснить ее значение. Идея восстановленной империи не есть одно слово, но целая система, политическая и научная. Идея Римской империи есть наследство, доставшееся от древности. Трудно теперь понять, только по некоторым частным признакам возможно догадываться, как влияла на умы эта идея. Хотя Рим пал после нескольких тяжких ударов со стороны варваров, хотя и Византия временами стояла на краю погибели, тем не менее, для всех мыслящих современников трудно было себе представить, как мог мир обойтись без Римской империи. Сам блаженный Августин опирался на идею римского государства и высказывал, что империя осуществляет собою идею порядка и культуры; за пределами ее нет ничего, на чем можно было бы остановиться.

Свержение последнего римского императора в 476 г. не оставило глубокого впечатления, империю и после этого события не рассматривали как павшую. Идея империи не умирала и на Западе, продолжая находить свое осуществление на Востоке, и восточный император Зинон после 476г. явился выразителем единства империи,— ему были отосланы из Рима знаки императорского достоинства, от которых воздержался Одоакр. Идея перенесения власти в Константинополь слишком глубоко укоренилась в сознании людей, и варварский вождь не осмелился посягнуть на эту идею.

Ни для кого не странно, что, хотя в Италии нет императора, хотя часть империи находится под рукою варварских вождей, идея естественного и необходимого порядка вещей все-таки связывается с империей. Насколько это отожествление законного порядка вещей с империей укоренилось в умах политически мыслящих людей на всем протяжении средних веков, указывают крупнейшие факты средневековой западной истории,— усиление франкского государства при Пипине и Карле Мартелле сопровождается постоянной, неуклонной тенденцией приобрести титул римского императора, и эта великая и глубокая идея франкских королей нашла себе осуществление при Карле Великом в 800г. Политическое устройство Средней Европы было основано на идее Священной

Римской империи германской нации. В Московском государстве та же идея получила признание и литературное выражение в теории о Москве — третьем Риме. Эта отвлеченная идея об императорской державе доходит до нового времени. Таким образом, воспринятая Юстинианом теория восстановления Римской империи соответствовала настроениям эпохи и была поддержана всеми средствами византийского государства. Для выполнения этой идеи он вел продолжительные войны, преследовал исключительную церковную политику и издавал свои законы. Эти три существенные задачи его исторической деятельности: войны, церковная политика и законодательство — исходили и направлялись к достижению одной главной мысли — восстановлению Римской империи в ее прежнем единстве и величии. Осуществление его внешней политики поставило Юстиниана в конфликт с германскими народностями, которые к тому времени основались в древних римских областях. Для достижения своих целей Юстиниан проявил удивительную, страшную настойчивость и энергию и, действительно, смел с лица земли два наиболее даровитых и передовых германских народа — остготов в Италии и вандалов в Африке. Почти беспримерный случай в истории, когда от истребленных народов не сохранилось на их землях даже их имен! — с такою беспощадностью велись эти кровавые войны.

По широте своих политических замыслов, ясно сознанных и строго приведенных в исполнение, по уменью пользоваться обстоятельствами, а главное — по искусству определять дарования окружающих и каждому давать соответствующее его способностям дело Юстиниан был редким и замечательным государем. С ним можно сопоставить разве Людовика XIV, с которым он действительно не раз был сравниваем. Окружающие и близкие видели в Юстиниане сверхъестественное существо, какого-то демона во плоти, по словам его историка. В своих привычках он был прост, воздержан и умерен, мало спал и много думал над своими предприятиями, сам входил во все дела, прочитывал все бумаги и давал им направление. В высшей степени энергичный и честолюбивый Юстиниан не знал преград при достижении своих целей, с редкой настойчивостью издавал указы за указами, невзирая ни на какие представления своих министров, объявлял войны без всяких средств на их ведение и подыскивал их по пути. Много из его начинаний не было доведено им до конца, много послужило на вред государству, но сам Юстиниан никогда не сомневался в их успешности.

В оценке его политической и административно-законодательной деятельности нужно опираться и на тот факт, что Юстиниан вступил на престол уже пожилым человеком, около 45 лет, и окончил свое царствование более чем 80-летним дряхлым стариком, а при оценке противоречивых воззрений относительно личности и деятельности Юстиниана нужно разбирать, имеем ли мы дело с началом, или с концом его правления, когда рядом с ним уже не стояла его советница и помощница императрица Феодора.

Императрица Феодора, независимо от своей обстановки и исторической роли, приковывает к себе всеобщее внимание как характер и еще более — как литературный тип. Сведения о ее личности, в настоящее время наиболее распространенные и пропитанные пристрастием, почерпаются, главным образом, из обнародованного около 200 лет тому

назад сочинения Прокопия, известного под именем Ανέκδοτα, или «Тайной истории». Между тем по другим источникам Феодора рисуется личностью выдающейся, гордой, честолюбивой и властной, требовавшей, чтобы чужестранные послы являлись к ней первой на аудиенцию, игравшей в государстве весьма самостоятельную роль и издававшей даже указы от своего имени. В современной литературе житий святых «боголюбезнейшая» царица Феодора выставляется образцом благочестия и приверженности к церковным людям. О ее прошлом узнаем из «Тайной истории», что она была низкого происхождения, чуть ли не родилась в цирке, где ее отец был служителем, что ее детство и юность были проведены среди развращающей закулисной обстановки, что она рано сделалась известной своими излишествами. Когда она уже достаточно пожила и достигла 25 лет, она попалась на глаза Юстиниану, который так привязался к ней, что, несмотря на все препятствия, добился разрешения на брак с нею. По этому поводу даже был издан закон, разрешавший лицам сенаторского сословия вступать в брак с актрисами. Вот какие сведения сообщаются о Феодоре в «Тайной истории»! Об обоих супругах собраны в этом источнике известия, изумляющие своею злостной, беспощадной окраской почти всех сторон их домашней жизни, характера и внешней деятельности. Юстиниан представляется в конечном выводе демоном, посланным для погибели рода человеческого.

Страстная раздражительность, с которой в этом сочинении подвергаются осмеянию слабые стороны исторических лиц, беспощадное обнажение бесчестных мотивов, обыкновенно прикрываемых в жизни, безнадежный пессимизм, старающийся подглядеть во всем дурную сторону, злая критика политики Юстиниана, выбирающая с холодным ригоризмом все дурные стороны его политической системы,— все это заставляло сомневаться, действительно ли принадлежит «Тайная история» тому же писателю, который сохранил нам об Юстиниане почти все, что о нем известно, был историком его времени и его славных дел. В настоящее время после продолжительных колебаний и обстоятельного изучения вопроса ученые пришли к убеждению, что принадлежность «Тайной истории» Прокопию долее оспариваема быть не может. Но, хотя двухсотлетний спор, тяготевший над всей историей Юстиниана, получил разрешение, теперь возник дальнейший вопрос: как примирить «Тайную историю» с другими сочинениями Прокопия? Как согласовать противоположные точки зрения на одни и те же факты? Что можно, наконец, думать об их авторе, о его достоверности, как психологически разъяснить его двойственное отношение к своему предмету, его самопрогиворечие? Критика достоверности показаний «Тайной истории»[1] установила, что во многом Юстиниан и Феодора оклеветаны жестоко и несправедливо.

Относительно Феодоры указывают, что вряд ли представитель новой, еще не укоренившейся династии, притом человек уже немолодой, решился бы наперекор общественному мнению возвести на престол порочную женщину с театральных подмосток; едва ли Юстиниан рис-1ул бы своею популярностью ради нее. Конечно, возвышение незнатной Феодоры способствовало зарождению легенд, к которым следует, однако, относиться скептически. Царица Феодора представляется нам личностью, вполне подготовленною к высокой роли, которая

ей досталась, характеризуется как умная женщина с большим тактом и самостоятельными взглядами в государственных делах. Она вела, между прочим, свою церковную политику независимо от Юстиниана: когда в Сирии начались ужасающие преследования монофизитов, Феодора в столице открывает для них странноприимницу и приглашает Юстиниана посещать ее; в «Житиях святых» монофизитской Церкви не раз упоминается, что гонимые монахи находили в Феодоре свою заступницу против немилости царя. Если бы Феодора не скончалась так рано (за 17 лет до смерти Юстиниана), то империя не испытала бы многих несчастий, и, может быть, было бы менее поводов чернить Юстиниана. Когда в 532 г. разразился бунт «Ника», направленный против правительства Юстиниана, император был спасен, по свидетельству источников, присутствием духа Феодоры, возбудившей Юстиниана к решительным действиям. «Если вы желаете спасти свою жизнь, бегите,— говорила она,— но, по-моему, царские одежды — хороший покров для гроба».

И нужно заметить, что та самая толпа, которая осыпала Юстиниана и его приближенных всевозможными оскорблениями, не решалась оскорбить или не нашла ни одного дурного слова против Феодоры. Между тем, какой богатый материал представляло бы для возмущенной черни прошлое Феодоры, будь известия «Тайной истории» согласны с действительностью. Следует также взвесить следующее обстоятельство: в законодательстве Юстиниана есть много нового, необъяснимого с точки зрения римского права. Новые идеи относятся преимущественно к области семейных отношений и прав женщины в семье и вне ее. Покровительство павшим женщинам, заботы об имущественных и личных правах замужней женщины с большою вероятностью объясняются личным влиянием императрицы Феодоры на законодательство. Властная личность Феодоры имела часто высокое значение в государственных делах, которое не должны поколебать сведения, даваемые «Тайной историей».

Приступая к характеристике историка той эпохи Прокопия Кесарийского, находим нужным сделать следующую оговорку. Часто высказываемая мысль, что личность есть результат совокупных течений своего времени, и что поэтому путем анализа отдельных характеров можно приходить к пониманию общества, имеет в себе много справедливого и доказательного, и едва ли в такой же степени следует придавать значение противоположному взгляду, выдвигающему общие законы исторической эволюции в ущерб отдельных личностей в истории. В самом деле, трудно помириться с мнением, что отдельная личность есть не более как равнодействующая из сложного комплекса общественных течений, которые неизбежно и всецело подчиняют себе отдельного человека. На самом деле история не имеет прямолинейности в своем движении, не представляет закономерного течения вперед, а, напротив, часто делает скачки и останавливается в своем движении. Нет личности, которая была бы вполне равна другой; есть личности, труднообъяснимые из окружающей их обстановки. Если устранить из истории влияние личности, то останутся неразгаданными самые крупные в ней события.

Прокопий почти единственный свидетель, описавший эпоху Юстиниана и веденные им войны. Но его известия сделались предметом

больших недоразумений в науке. Возникла целая литература из разнообразных сочинений, пытавшихся объяснить двойственный характер известий Прокопия и примирить его совершенно противоречивые суждения об одном и том же предмете. Он родился в Кесарии Палестинской в самом конце V или начале VI в. В последние годы царя Юстина Прокопий назначен был секретарем к Велисарию, отправлявшемуся в персидский поход. С тех пор тесная дружба соединяла его с великим полководцем, который давал ему разнообразные важные и ответственные поручения и оказывал ему большое доверие. Во время войны с остготами в Италии Прокопий поддерживал сношения Рима с Южной Италией, посылал Велисарию с юга подкрепления и запасы и давал иногда ему полезные советы в течение этой войны. Последнее известие о Прокопий относится к 562 г.

Литературные произведения Прокопия представляют громадную важность для истории VI в. Ему принадлежит, во-первых, «История войн» в 8 книгах: две о персидской войне, две о войне с вандалами и три о готской войне. Восьмая книга «Истории войн» обнимает общие события и доведена до 554 г. История о войнах обнародована еще при жизни писателя и скоро сделалась известной по всей империи, она пользовалась во все времена вполне заслуженным авторитетом. В предисловии к персидской войне писатель смело заявляет, что он более всех в состоянии исполнить это предприятие и единственно потому, что, быв избран в советники полководца Велисария, находился при всех тогдашних предприятиях.

Кроме упомянутого сочинения, Прокопию принадлежит неоконченная «Тайная история» (Ανέκδοτα, или Historia arcana). Цель этого сочинении указана в предисловии в следующих выражениях: «Я рассказал, где, когда и какие войны вели ромэи; в предлагаемом же теперь сочинении руковожусь другим планом, именно думаю (снова) коснуться всего, что происходило в разных областях ромэйской империи. Мне нельзя было писать правдивую историю, пока живы были те, дела которых я описывал. Тогда невозможно было укрыться от множества доносчиков, а если бы они накрыли, не избежать бы самой мучительной смерти; нельзя было полагаться даже на самых близких родственников. Вследствие этого я был принужден скрыть действительные причины многих описанных в предыдущих книгах событий. Приступая к выполнению этой задачи, я сознаю, что описать жизнь Юстиниана и Феодоры есть дело в высшей степени трудное. Потомкам, пожалуй, покажется эта история неверной и несправедливой, и боюсь, чтобы с течением времени не сочли меня сказочником. Поддерживает же меня мысль, что настоящее повествование могут заверить еще живые очевидцы событий, которые своим свидетельством придадут ему авторитет правдивости». Как видно из приведенных слов, этот труд написан после других и относится к последним годам жизни писателя.

Середину между названными сочинениями составляет произведение о «постройках». Есть мнение, будто бы Юстиниан остался недоволен историей о войнах, в которой Прокопий восхваляет подвиги полководцев и ничего не говорит для возвеличения самого царя, и будто бы сочинением о постройках Прокопий спешил засвидетельствовать свои верноподданнические чувства и благонадежность. Поэтому нередко

этому сочинению усвояют имя панегирика, как «Тайной истории» — имя памфлета. Для характеристики содержания и направления этого сочинения приводим следующее место: «Как я рассказал в сочинении о войнах, Юстиниан возвеличил и прославил колебавшуюся империю; он отовсюду прогнал варваров, которые издавна творили насилия в ромэйских областях. Некогда обожали Фемистокла за то, что он расширил город, а Юстиниан приобретал целые государства. Расширив империю новыми владениями, он построил бесчисленное множество новых городов. Нашедши в империи разные вероучения и мнения, он уничтожил все пути, ведущие к блужданию, и утвердил веру на твердом основании. Дав новые законы, он был снисходителен к преступникам, благотворил бедным, благодетельствовал несчастным и всем этим создал в государстве счастие и блаженство. Империю, открытую со всех сторон набегам варваров, обезопасил постройкой крепостей и сильными гарнизонами на окраинах. Мы слышали, будто Кир обладал высокими преимуществами и был основателем царства: если бы кто тщательно изучил царствование Юстиниана, история Кира показалась бы игрушкой». Сочинение о постройках, в котором, между прочим, упоминается о восстановлении Длинной стены Анастасия, последовавшем в 558 г., должно относиться ко времени после упомянутого срока.

Значение Прокопия в историографии VI в. обусловливается, с одной стороны, шириной захватываемой его трудом области, с другой — в высокой степени умными, подробными и основательными его сообщениями. Большая часть тогдашних германских племен имеет в нем лучшего знатока их истории. Славянская история и древность черпают у Прокопия единственные по своей важности известия о быте и верованиях славян. За Прокопием остается громадное, непоколебимое и несравненное преимущество: он относился к современному ему варварскому миру если не с любовью, то без обычного, свойственного византийцам пренебрежения. Иногда у Прокопия нет предшественников и руководителей в изучении предметов, о которых он пишет; тут ему помогали личные сношения, расспросы и наблюдения,— таковы многие прекрасные главы о внутреннем быте варваров.

Авторитет Прокопия не только в смысле правдивости, но и по отношению к искусству изложения, критике и выбору материала всецело признан ученой литературой в приложении к «Истории войн». Но что сказать о явном пристрастии, прозрачной лжи и вытекающей отсюда нравственной несостоятельности, в которой не может не заподозрить Прокопия и самый усердный его почитатель, когда он сравнит отзыв об Юстиниане и Феодоре по сочинениям о «войнах», «постройках» и по «Тайной истории»? Если не может подлежать сомнению противоречие во взглядах и в суждениях об исторических лицах, то не подрывается ли этим авторитетность Прокопия и в тех случаях, где нет явных противоречий; должен ли Прокопий заслуживать доверия как историк?

Ключ к уразумению характера Прокопия нужно искать в духовном и нравственном состоянии тогдашнего византинизма. Только известная эпоха могла дать подобный продукт. Тон его произведений полный трагизма, резкий, основанный на глубоком убеждении, что современный ему порядок вещей не есть нормальный, что слава римская безвозвратно

миновала, и современники не походят на героев прошлого. Печаль о погибели римского могущества и славы — основной тон произведений Прокопия. Чтобы бороться против этого настроения, нужны были устои нравственные и религиозные. Нравственных принципов с трудом возможно искать в писателе, который слишком надвое высказывается по поводу принципиальных вопросов; чаще он колеблется, не находя в себе достаточно твердых критериев.

Другого рода устои — это те, которые указаны блаженным Августином,— в религии. Хотя Прокопий—писатель VI в. и лицо, близкое к правительственным кругам, но он остался чистейшим язычником, христианство его не коснулось. Он говорит о религиозном споре в таком тоне: «Признаться, я не берусь судить об этом, ибо считаю сумасбродным исследовать природу Божию, какова бы она ни была. Человеку трудно с точностью понять и человеческое, как же ему рассуждать о божественном? Поэтому мне представляется лучше молчать о предметах благоговейного почитания». Холодное отношение к вопросам, волновавшим ему современное человечество, для Прокопия характерно. Религии у него не было — он скептик. Во многих случаях, когда он говорил о превратностях судьбы, о несчастиях людей высоко стоящих, он смахивает на фаталиста, он разделяет мысль древних о зависти богов к людям, к человеческому счастью. Он как бы говорит любимцам судьбы: «Остановись, скоро конец! Боги завидуют счастью людей!» Тяжело отозвалось на нем отсутствие нравственных устоев, двойственность воззрений — в одном месте он сообщает о великих делах Юстиниана и Феодоры, в другом смешивает их же с грязью.

«Существует неумолимый закон взаимодействия между государством и его отдельными членами. При недостатке свободы внутренней трудно ожидать умственной свободы, честных и непоколебимых убеждений. Трусы и ничтожности образуют рабское безответное общество. Только в самообольщении можно думать, что в дурном обществе индивидуум может спокойно услаждаться своею духовно-нравственною жизнью. Общество, стесненное внутри, униженное, производит робких и слабых членов; сильные дарования задыхаются, увечатся и портятся, как бы неся на себе проклятие рабства, бесчестия и угнетения своего отечества». Эти слова принадлежат известному историку Дану[2]. Было бы весьма тяжело согласиться с этой сильной критикой эпохи. Ведь время Юстиниана далеко не бедно личностями, выдающимися по энергии и способностям. Вспомним Велисария и Нарсеса, Феодору и Антонину и многих других — это большие характеры! И таким образом эпоха Юстиниана не оправдывает общего положения, будто в рабском обществе вырастают одни ничтожности.

Глава II

Войны с германцами: вандалы и остготы. Поход в Испанию

Война в Африке и Италии, окончившаяся полным покорением двух германских народов и подчинением провинции Африки и итальянского полуострова, наиболее поразила современников и полнее всего характеризует внешнюю политику Юстиниана. Внешних поводов к войне не подавали ни вандалы, ни остготы; напротив, и Хильдерик, и королева Амаласуна признавали в императоре друга и союзника и старались сохранять с Византией добрые отношения. Но византинизм в VI в. стремится к универсальной империи и задается целью восстановить Римскую империю в ее прежних границах. Готы и вандалы стояли на дороге, препятствуя осуществлению этой честолюбивой мысли, воспринятой Юстинианом, душа которого не могла выносить, «чтобы православные христиане под игом арианских властителей продолжали терпеть притеснения за веру»[1]. Участь того и другого арианского королевства решена была в уме Юстиниана уже давно, и он лишь выжидал удобного случая, чтобы начать против них наступательные действия.

Хотя далеко не одинаковы были отношения вандалов и остготов к империи, т. к. первые были часто страшными и всегда опасными соседями, постоянно высылавшими в море корсаров, между тем как последние все меры употребляли к тому, чтобы не возбуждать против себя итальянского населения и жить в добром согласии с Византией, тем не менее, в первые годы Юстиниана как в Италии, так и в Африке наступил кризис, подававший повод к брожению и недовольству и к образованию партий. Нам следует прежде всего ознакомиться с положением остготов, которые по смерти короля Феодориха в 526 г. переживали весьма критическую эпоху своей истории.

Выше мы видели, что в последние годы жизни Феодорих должен был убедиться, как мало успеха он достиг в своей политике братского единения между готами и итальянцами. И тем более должны были получить значение внутренние недоразумения, происходившие из-за религиозных и национальных разногласий, что Феодорих сошел со сцены, не успев восстановить доверчивых отношений с царем. Между тем и самый вопрос о престолонаследии не был обеспечен в той степени, как того хотел Феодорих. С преждевременной смертью зятя его Евтариха вопрос о престолонаследии оставался открытым. Призвав в Равенну лучших людей готского племени, король рекомендовал им избрать в короли своего десятилетнего внука Аталариха, сына Евтариха и Амаласунфы, и принести ему присягу на верность. До совершеннолетия сына Амаласунфа назначена была регентшей — и это вопреки германским обычаям. С точки зрения германского права на престол имел вступить племянник Феодориха Феодат, который потом действительно и достиг престола, как видно будет далее.

Новое правительство отправило в Константинополь в 526 г. посольство с извещением о последовавшей перемене и с просьбой утвердить Аталариха. Т. к. вступивший на престол в следующем году Юстиниан в характере обращения в Константинополь Аталариха усматривал мотивы для своего вмешательства в итальянские дела, то любопытно рассмотреть здесь некоторые места из письма к императору Юстину, отправленного вслед за смертью Феодориха[2].

Письмо принадлежит перу Кассиодора, и тем важней остановить внимание на тех местах, которые можно находить неосторожными: «Всемилостивейший государь! По справедливости я заслуживал бы порицания, если бы менее горячо желал вашего мира, чем мои родители. Не столько нас возвышает ряд предков, носивших пурпур и сидевших на королевском престоле, сколько возвеличивает ваше расположение, изливающееся на нас давно и в широких размерах... Моего деда вы в вашей столице почтили высокими курульными должностями, а моего родителя в Италии наградили консульскими пальмами. В целях соблюсти его в согласии вы пожаловали его военным усыновлением, хотя по возрасту он был почти вам сверстник. Было бы согласней с обстоятельствами это имя, каким вы почтили моего родителя, пожаловать юноше; вместе с родством тогда перешло бы на него и ваше чувство, ибо рожденный вашим сыном, по законам природы, я не могу быть вам чуждым. Я прошу у вас самого искреннего мира на том основании, что пользуюсь счастием быть вашим внуком с того времени, как моему родителю вы предоставили радость усыновления. Позволяя себе обратить ваше внимание на переход к нам королевского достоинства, я считал бы выше этой власти уверенность иметь в вас высокого и благорасположенного руководителя. Вступая в управление, мы нуждаемся в поддержке умудренного летами государя: отрочеству свойственна опека, и, опираясь на такую защиту, мы не вполне лишаемся родительской помощи. Пусть будет наше царство соединено с вами узами расположения; любовно распоряжаясь, вы будете здесь властным господином. Почему отправляем к вам наших послов на тот конец, чтобы вы дали нам вашу дружбу на тех условиях, на каких ваши предшественники имели договор с блаженной памяти дедом нашим».

Мы будем иметь случай снова вспомнить об этом письме, а теперь лишь обратим внимание на заключительные слова, которые ясно показывают, что Аталарих не желал давать императору никаких особенных оснований к вмешательству в дела Италии, а ссылался на старые договорные отношения Зинона и Анастасия и просил применить их к его престолонаследию. Но как мало фактически приписывалось цены этому формальному акту, видно из того, что новое правительство истребовало присягу от сената и от всех итальянцев на верность Аталариху еще до получения ответа из Константинополя, и что перемена царствования прошла в Италии без всякого потрясения. Кассиодор продолжал заправлять всеми делами именем Аталариха и обещал римлянам соблюдение

их прав и вольностей. Чтобы загладить память о тяжелых казнях последних лет Феодориха, возвращены были права и имущества детям казненных сенаторов Боэция и Симмаха. Вообще господству готов в Италии, по-видимому, не угрожали опасности; напротив, весьма умная и образованная Амаласунфа, оказывая почет и внимание сенату, старалась делать все возможное для соблюдения мира и согласия. С этой целью римлянину Либерию дан был военный титул, а готу Тулуину пожаловано патрицианское достоинство.

Теперь следует обратиться к событиям в столице Византийской империи, последовавшим за вступлением на престол Юстиниана (527). Мы уже видели, что он был полновластным распорядителем судеб империи в царствование Юстина; не может быть сомнения, что он вступил на престол уже с определенным планом по отношению к германским государствам — вандальскому и остготскому. Об этом плане читаем в законе, изданном в 533 г.: «Об одном мы умоляем святую и славную Деву Марию, чтобы по ходатайству Ее удостоил Господь меня, Своего последнего раба, воссоединить с Римской империей то, что от нее отторгнуто, и довести до конца высочайцщй долг наш»[3]. Этот долг понимал Юстиниан гораздо шире, чем дано было ему осуществить, он мечтал об единстве политическом и религиозном, в его планы входила Римская империя во всем ее величии и беспредельности.

Первый шаг к осуществлению широких планов мировластитель-ства сделан был в Африке. Отношения завоевателей к побежденным здесь сложились более неблагоприятно, чем в других землях, завоеванных германцами: вестготы в Испании заняли $^{2}/_{3}$ земель, остготы—$^{1}/_{3}$, а вандалы объявили себя господами всей земельной собственности. Легко отсюда понять, что местное население не могло примириться с завоевателями; религиозная вражда между местными христианами-католиками и вандалами арианского исповедания никогда не утихала. Таким образом, поводы к вмешательству в африканские дела могли быть всегда налицо — во внутренних отношениях победителей и побежденных и в религиозном вопросе. С формальной стороны отношения к Африке были весьма благоприятны в первые годы царствования Юстиниана. Во главе Вандальского королевства стоял Хильдерик, по вере католик и по симпатиям и образованию полуримлянин, в жилах его текла царская кровь. Он происходил от сына Гензерика, основателя Вандальского королевства, гунерика и дочери Валентиниана III и вступил на престол по смерти Тразимунда (523), женатого на дочери готского короля Амалафриде. Трудно представить правителя, так мало понимавшего политические отношения: вандалов он оскорблял своей изнеженностью, холодностью к военным делам и слабостью по отношению к католикам, последние не могли им быть довольны из-за старых обид и притеснений со стороны ариан.

В 531 г. в Карфагене произошел переворот в пользу Гелимера, захватившего власть и заключившего в темницу Хильдерика. Это было большим ударом для византийской политики, которая подготовляла себе сторонников в Африке и имела уже сильную партию во всех классах. Сторонники сверженного короля и его родственники, представители католической Церкви и местные нобили употребили все старания, чтобы вызвать вмешательство Юстиниана в африканские дела. Им-

ператор обратился с требованием к Гелимеру восстановить Хильдерика или, по крайней мере, отпустить его на свободу, но Гёлимер ответил суровыми преследованиями приверженцев императора. Ввиду таких обстоятельств в Константинополе решено было идти войной против Гелимера.

Хотя империя была тогда в войне с Персией, и войско с лучшими вождями было на Востоке, но император поспешил заключить с персами мир и вызвал из Сирии Велисария, командовавшего восточными войсками. Несмотря на твердое намерение Юстиниана начать морской поход, он не находил в окружавших лицах защитников этого рискованного предприятия. Еще была жива память о большой экспедиции 468 г. при Зиноне, которая окончилась страшной катастрофой и подорвала на долгие годы средства империи. Тогдашний префект претории Иоанн каппадокиец энергично восставал против этого предприятия, указывая почти верный неуспех и соединенные с ним тяжелые последствия и, с другой стороны, весьма сомнительную пользу в случае маловероятного успеха. Но для Юстиниана вопрос предстал более в его религиозном, чем в политическом и экономическом, освещении; для него на первом плане было воспользоваться благоприятным моментом смуты в Карфагене и однажды навсегда покончить с арианским вопросом в Африке.

И нужно признать, что обстоятельства складывались в пользу предприятия Юстиниана в высшей степени благоприятно. Собственно вандалов в Африке было весьма немного, едва ли больше 30—40 тыс. способных носить оружие на 200 тыс. всего германского населения. Притом же вандалы теперь были далеко не те, что в эпоху завоевания: климат Африки, роскошная жизнь и удобства изнежили их и приучили к праздности[4]. К невыгоде вандалов изменились и отношения к ним туземного населения, которое сначала участвовало в войнах и набегах вместе с вандалами и вообще служило опорой германскому элементу, а в последнее время старалось от него отделиться и стремилось к независимости. Горные дикие племена не раз делали уже опустошительные набеги на мирных жителей долин; кроме того, в открытом восстании были провинции Триполь и Бизаций. Таким образом, серьезного сопротивления в вандальской Африке едва ли можно было ожидать. Что касается флота, которым прежде так страшны были вандалы, то в настоящей войне он не играл никакой роли ни на море, ни в защите берегов.

Избранный начальником экспедиции Велисарий уже заявил свои военные способности в персидской войне. Его быстрота, решительность и уменье пользоваться обстоятельствами нашли себе блестящее применение в войне африканской. С небольшими силами, едва ли превышающими 10 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы, он в июне 533 г. вышел из Константинополя, имея целью сделать остановку в Сицилии. Здесь в области, принадлежащей итальянской регентше Амаласунфе, Велисарий мог запастись провиантом и лошадьми и собрать сведения о положении дел в Африке. Нужно изумляться легкомыслию и бездеятельности Гелимера, который позволил без всяких затруднений высадиться Велисарию на африканском берегу в половине сентября того же года и не приготовил никаких средств к обороне. Против всякого ожидания война окончилась весьма скоро: двумя сражениями, в которых вандалы не

обнаружили ни искусства, ни военной дисциплины, решена была судьба королевства. Карфаген, окруженный с суши и с моря, не мог оказать сопротивления, тем более, что горожане видели в Велисарии освободителя от чуждого ига. Прокопий замечает по поводу вступления в Карфаген: «Велисарий держал своих воинов в таком строгом послушании, что не было ни одного случая насилия, и что в завоеванном городе жизнь шла обычным течением, торговые заведения не закрывались, и солдаты спокойно покупали на базаре необходимые предметы». Заняв столицу, Велисарий мог не приписывать большого значения тому обстоятельству, что Гелимер с остатками войска приготовился дать ему еще сражение под Карфагеном. В этом тем более не было опасности, что большинство горных мавританских племен, узнав о победах Велисария, послало к нему послов и просило принять их в дружбу и расположение императора. Обеспечив себя переговорами, Велисарии решился нанести последний удар Гелимеру, который занимал защищенную позицию в 30 верстах от Карфагена. В декабре были рассеяны остатки вандальского войска, и сам король, лишенный последних средств защиты, должен был сдаться на милость Велисария (март 534 г.).

Велисарии возвратился в Константинополь- с огромной добычей и множеством пленных. Устроенное для него триумфальное шествие произвело сильное впечатление на современников. Император в упоении победой выразился: «Господь наградил меня своей милостью, дозволив мне возвратить одну из римских провинций и уничтожить народ вандалов. Теперь там будет господствовать единство веры». Результаты войны были ужасны. Целый народ был уничтожен без остатка, ибо часть вандалов, пережившая эпоху византийского завоевания, скоро смешалась с местным населением. Но и вся провинция подверглась страшному опустошению и обнищанию. «Сколько народа погибло в Африке,— говорит Прокопий,— я не умею сказать, но думаю, что погибли мириады мириад».

Походом в Африку открывалась завоевательная политика Юстиниана. Удача в исполнении смелого предприятия, потребовавшего в сущности мало средств и людей и обогатившего казну большой добычей, могла лишь заохотить его к новым завоевательным планам. На очереди стояла итальянская война, которая хотя была уже решена ранее, но началась по окончании похода в Африку. В новелле, изданной после покорения Африки, Юстиниан выражает пожелание, чтобы Бог дал ему силы освободить и другую страну от господства ариан. Здесь мы должны возвратиться к Амаласунфе, правившей в Италии за малолетством Аталариха.

Хотя изложенные события не могли не затронуть интересов Остготского королевства, но правительница Италии оказала Велисарию все содействие к успеху его похода, с одной стороны, из вражды к Гелимеру*, с другой — ввиду затруднительного положения, в котором находилась она сама. Ни в чем не отступая от политики Феодориха и продолжая пользоваться советами Кассиодора, молодая и прекрасно образо-

* Амалафрида, дочь Феодориха и сестра Амаласунфы, была замужем за вандальским королем Тразимундом, которого низверг Хильдерик. Амалафрида была убита во время переворота.

ванная регентша не могла примирить противоположных интересов готов и римлян; в особенности готская народность, казалось, забывшая пережитую эпоху первоначального поселения в Италии, начала заявлять широкие притязания на главенствующую роль в стране. Ближайшим образом притязания готских вождей касались воспитания молодого короля и устранения женского влияния опекунши. «Зачем,— говорили они,— приставлять к мальчику учителей и мучить его занятием науками? Несправедливо, да и не нужно учиться королю, ибо науки никого не научили мужеству; напротив, по большей части делали людей робкими и ничтожными. И король Феодорих никогда не советовал учиться детям готов»[5].

Боясь общего недовольства, Амаласунфа уступила по отношению к воспитанию сына, но к ней предъявлены были дальнейшие требования. Тогда она решилась сослать в отдаленные области вождей оппозиции, но они продолжали и из ссылки сноситься со своими приверженцами и угрожать правительнице. Что положение ее было опасное, видно, между прочим, из того, что она спрашивала Юстиниана через тайное посольство: может ли дочь Феодориха рассчитывать на покровительство его и оказан ли ей будет прием в Константинополе? Юстиниан обещал ей исполнить все ее желания и предоставил в ее распоряжение дворец в Драче (Dyrrhachium), куда она могла бы прибыть во всякое время. До этого, однако, не дошло, т. к. Амаласунфа убийством освободилась от наиболее опасных вождей оппозиции. Развязка, однако, не заставила себя долго ждать. В 534 г. умер Аталарих, и вместе с этим прекращались права Амаласунфы на регентство. Несколько раньше прибыл из Константинополя посол, который имел поручение окончательно определить условия, на которых Амаласунфа соглашалась передать Юстиниану Италию. Это был отчаянный шаг регентши, на который она могла решиться лишь из крайней опасности.

Оставался еще в живых представитель королевского рода Амалов в лице Феодата, сына сестры Феодориха Амалафриды, королевы вандалов, приходившегося таким образом двоюродным братом правительницы. Чтобы сохранить власть, она приняла в соправители этого принца и продолжала царствовать его именем. Но Феодат, вероятно по внушениям враждебной ей партии, через несколько месяцев (весной 535 г.) заключил ее под стражу. Получив об этом известие, Юстиниан решился открыто заявить свои намерения относительно Италии. Формальный повод к войне заключался в том, что император уже несколько раз обещал защиту и покровительство дочери Феодориха, а теперь как раз она нуждалась в такой защите.

Происходит живой обмен посольствами; Юстиниан внимательно следит за событиями и настроениями общественного мнения в Италии. Ему делали подробные донесения его послы о всем происходившем в Равенне и в Риме и, между прочим, о неудовольствиях между Фео-Датом и правительницей, с одной стороны, и о непопулярности соправителя— с другой. Эти известия, по словам Прокопия, были весьма приятны для царя, и он спешит отправить в Италию специального посла в лице ритора Петра. Во время пребывания его в Италии произошла Новая катастрофа — смерть правительницы. Ходили тогда слухи, что Посол Юстиниана, имевший секретные поручения, своими внушениями

и советами ускорил печальную развязку. Еще Петр не возвратился из Италии, как объявлен был поход. Юстиниан на этот раз лучше обдумал все предприятие, чем тогда, когда подготовлялся поход в Африку.

Главнокомандующий в Иллирике стратиг Мунд должен был начать военные действия в Далмации, где были слабые готские гарнизоны, не представившие упорного сопротивления. Точно так же легко сдалась Сицилия, где византийским отрядом предводительствовал Велисарий, нашедший почти везде приверженцев императора. Небольшое сопротивление встречено лишь в Палермо, но и оно сломлено в том же 535 г. Сицилия обращена в византийскую провинцию и преобразована в административном и судебном отношениях. Легкий переход Сицилии под власть императора был тяжким ударом для готского правительства, потому что с потерей этого острова Рим стал чувствовать стеснение в доставке продовольствия, а император получил надежный опорный пункт для своих дальнейших против Италии предприятий. Через год Сицилия обращена в провинцию империи, и во главе ее поставлен praetor с подчиненными duces.

Успех Велисария в Сицилии, который в скорости завоевал весь остров и готов уже был высадиться в Италию, заставил Феодата согласиться на самые тяжкие жертвы. Он обещал послу Юстиниана ритору Петру отказаться от притязаний на Сицилию, платить подать, доставлять империи вспомогательный отряд в 3000 готов — словом, он готов был поставить себя в положение самого обыкновенного предводителя федератов, отказавшись от королевской власти; тайно от готов он согласился даже жить частным человеком, уступив Юстиниану всю Италию, если ему дана будет пожизненная пенсия в 1200 ф. золота. Римское население и сенат далеко не были расположены к Феодату; желая сохранить в городе влияние, Феодат поставил в нем гарнизон и посылал в Рим укорительные письма. Как вел себя Рим в это время, можно видеть, между прочим, из следующего. Римский епископ Агапит, вероятно побуждаемый Феодатом, потому что источники называют его послом короля, также отправился в Византию. Не видно, однако, чтобы он вел переговоры в пользу сохранения остготского владычества. Его дело было повторением миссии епископа Иоанна в 524 г., т. е. уверить византийского императора в благорасположении к нему римского населения и выговорить некоторые привилегии в пользу духовенства. Можно ли иначе думать о посольстве этого епископа, когда Юстиниан, весьма ласковый к нему, по словам библиотекаря Анастасия, нисколько не изменил своих намерений относительно Италии и соглашался лишь на самое унизительное предложение Феодата — отказаться от власти и жить частным человеком? Во всем деле завоевания Италии Византия нашла самое сильное сочувствие в духовенстве. Римский епископ именно в это время приобретает еще более значительное влияние благодаря своему содействию планам Юстиниана.

Петр возвратился в Италию с поручением оформить соглашение с королем и указать ему удел, где он мог бы проводить жизнь, но нашел его весьма несговорчивым и совершенно переменившим свой взгляд на дело. Это объяснялось тем, что империя потерпела тогда две неожиданные неприятности: в Далмации со смертью императорского полководца Мунда почти растаяли войска; в Африке обнаружилось восстание, кото-

рое побудило Велисария оставить Сицилию и поспешить в африканские владения. Это внушило Феодату несбыточные надежды, и он позволил себе не только свысока обращаться с посольством, но и заключить его под стражу. Таким неосторожным поступком он совершенно испортил свое положение.

Еще в зиму 536 г. восстановлена была власть империи в Далмации; тогда же Велисарий с небольшим войском в 7500 воинов и со значительной личной дружиной, может быть, такого же состава, высадился в Сицилии. Военные средства, бывшие в распоряжении Велисария, весьма не соответствовали предстоявшей пред ним задаче. Но в лице Велисария император Юстиниан имел лучшего полководца своего времени, которого притом снабдил самыми обширными полномочиями. С теми силами, какие у него были, Велисарий должен был завоевать для империи страну с громадным населением, которая могла выставить сотню тысяч войска. Но была громадная разница в военной технике, в дисциплине и в искусстве между имперскими войсками и народными ополчениями, выставляемыми варварами. Что касается сопротивления, оказанного Велисарию готскими войсками, оно было крайне слабо подготовлено и согласовано в частях и не имело обдуманного и правильно исполненного плана. При появлении византийского главнокомандующего в Южной Италии летом 536 г. оказалось там мало готских гарнизонов[6], так что население встречало с распростертыми объятиями начавший здесь свои действия византийский корпус. Первым перешел на сторону Велисария Евримуф, родственник Феодата, стоявший во главе войска готов.

Центром господства готов в Кампании был Неаполь; здесь были прекрасная морская гавань и обширный торговый центр с громадным и богатым населением. В Неаполе заперся готский гарнизон, который 20 дней выдерживал тесную осаду с суши и с моря. Уже Велисарий, отчаявшись в успехе затянувшейся осады, думал отступить от города, но тут ему помог случай. Ему было донесено, что есть возможность проникнуть в город чрез заброшенный водопровод, который никем не охраняется. Действительно, сотне храбрецов удалось ночью пробраться в город и овладеть двумя башнями, с которых они дали знать своим. Осаждающие бросились на стены, ворвались в город и предали его грабежу и опустошению, не щадя ни возраста, ни пола. Оставив в Неаполе небольшой гарнизон и приняв под власть кампанский город Кумы, Велисарий двинулся на Рим. Между тем Феодат в бездействии оставался в Риме, теряя более и более свой авторитет и доверие итальянского населения. Правда, он завязал переговоры с франками, чтобы побудить их за уступку некоторых областей помочь ему против Велисария. Но когда готский вождь южной армии Евримуф перешел на сторону врагов, и когда Неаполь, предоставленный собственной участи, не получил никакой помощи от короля, тогда готы стали приходить к сознанию национальной опасности и прибегли к революционным мерам. Часть войска, расположенная близ Террачины, подняла на щит своего вождя Витигеса, который «умел владеть мечом и не пачкал рук стилем», провозгласив его королем.

Феодат, презираемый итальянцами и готами, думал найти спасение в Равенне, но на пути был убит подосланным от Витигеса воином. Хотя Витигесу предстояла весьма трудная задача ввиду полной

дезорганизации военных средств, тем не менее, теперь только началась настоящая народная война готского народа с имперскими войсками. Витигес представляет собой героический тип национального готского короля, который сознавал всю опасность тогдашнего положения и, тем не менее, старался сделать все, что внушали ему долг и сознание своих обязанностей к соотечественникам. Оставив в Риме гарнизон в 4000 человек, сам он отступил к Равенне в намерении подготовить военные операции на будущий год и укрепить собственное положение среди итальянцев и готов. Нужно признать весьма важным в политическом смысле шагом его брак на дочери королевы Амаласунфы, т. е. на внучке Феодориха, Матасунфе, ибо этим браком он сближал себя с королевским родом Амалов и получал законное право на королевскую власть. Но первым и крупным несчастьем для Витигеса было то, что он не удержал в своей власти Рима, иначе говоря, обманулся в расположениях римского населения. Епископ Рима Сильверий послал навстречу приближавшемуся Велисарию послов, обещая сдать город. Гарнизон был не в состоянии защитить Рим против внутреннего и внешнего врага, так что с 9 на 10 декабря 536 г. в одни ворота входили в Рим войска Велисария, а в другие выходил готский гарнизон. Это случилось 60 лет спустя после падения Западной Римской империи.

По ближайшим распоряжениям Велисария в зиму 536/37 г. можно было заключать, что он рассматривает Рим и Италию как составную часть империи. Считая себя обеспеченным со стороны юга, Велисарий начал приготовлять в Риме центральный пункт для будущих военных предприятий в Италии и с этой целью озаботился укреплением городских стен и подвозом съестных припасов из Сицилии и из окрестностей. Но и Витигес, с своей стороны, занят был деятельными приготовлениями к походу. Прежде всего он принял меры к тому, чтобы поставить на военное положение готский народ и снабдить способных носить оружие военным снаряжением и конями. Перед Витигесом была сложная задача: с одной стороны, предстояло выставить наблюдательный отряд на севере, чтобы не допускать враждебного вторжения имперского отряда из Далмации; с другой стороны, необходимо было озаботиться мерами, чтобы франки не воспользовались затруднительным положением готского королевства и не ворвались в Италию с северо-запада. Это тем более необходимо было иметь в виду, что император Юстиниан уже вступил в сношения с франками и желал привлечь их к союзу против готов. Витигес мог считать себя весьма счастливым, что ему удалось достигнуть соглашения с франками, которые отступили из Прованса и дали слово не принимать враждебных действий в Северной Италии. К началу весны Витигес мог располагать громадным ополчением в 150 тыс., в котором значительная часть составляла кавалерию.

Велисарию с весьма небольшими силами нельзя было выступить против неприятеля в открытое поле; его надежда заключалась в городских укреплениях и в той мысли, что Витигес едва ли в состоянии предпринять правильную осаду хорошо защищенного города. Кроме того, Велисарий, оценивая то громадное впечатление, которое произвело в Италии занятие им Рима, понимал, что он ни под каким видом не может очистить занятого им города, и поэтому распространял мысль,

что он не выйдет из Рима живым и будет его защищать до последней крайности. В ожидании вспомогательных отрядов, которые должны были прийти из Константинополя, он требовал от городских жителей участия в защите городских стен и сам был везде на первом месте. Желая несколько задержать Витигеса, прежде чем он окружит Рим своим громадным войском, Велисарий выставил против него небольшой кавалерийский отряд на pons Salarius, где и произошла первая военная стычка, в которой греки и готы показывали изумительную отвагу, и Велисарий не раз подвергался крайней опасности. Готы ударили с тыла и с боков на византийский отряд, неосторожно погнавшийся за неприятелем, и прижали его к стенам города у Салариевых ворот. Уже разнесся слух, что Велисарий убит, и римляне не хотели открыть ворот, имея опасение, чтобы вместе со своими не ворвались в город и неприятели. С большим трудом удалось Велисарию восстановить порядок в своем отряде и найти защиту за стенами города, куда, наконец, при наступлении ночи впущены были греческие воины.

С конца февраля город был окружен готами, которые раскинули шесть военных лагерей и считали судьбу Рима совершенно предрешенной, т. к. им были известны слабые средства, какими располагал Велисарий. Витигес предложил Велисарию вступить в переговоры и обещал дать свободу гарнизону, если ему будет сдан город, но Велисарий отклонил предлагаемые условия. Мы не будем следить за подробностями осады Рима, в которой преимущества техники, дисциплины и военного искусства вообще были на стороне осажденных. Пользуясь оплошностью врага, Велисарий в начале апреля ввел в Рим вспомогательный отряд из 1600 воинов славянского и гуннского происхождения, после чего он начал делать неожиданные вылазки там, где неприятель был наименее подготовлен, и наносил ему значительный урон. По словам Прокопия, всего было 69 сражений между осаждающими и осажденными. В начале лета прислано было из Константинополя жалованье войску, но вспомогательных отрядов, которых так ждали и Велисарий и население Рима, все-таки не было. А между тем в городе чувствовался недостаток в припасах и в воде, и население высказывало горячие жалобы на императора, который без нужды заставляет страдать жителей Рима. Чтобы поддержать дух населения, Велисарий распустил слух, что войска высадились в Кампании, и что помощь приближается.

Не лучше, однако, было и положение осаждающих. Сосредоточение громадного войска под Римом вызывало необходимость вполне обдуманной и правильно выполняемой системы подвоза припасов. Но Кампания была опустошена, а из Тосканы уже взяты были запасы. Велисарий вывел часть гарнизона из Рима и занял Террачину и Тибур; этим он уменьшил количество населения в Риме, нуждавшееся в прокормлении, и, кроме того, получил возможность ограничивать неприятелям свободу движения и стеснять их в подвозе съестных припасов. Между тем секретарь Велисария, историк Прокопий, которому мы обязаны главнейшими сведениями о времени Юстиниана, организовал вместе с супругой Велисария Антониной закупку хлеба в Кампании и собрал до 500 человек из местных гарнизонов, чтобы доставить в Рим заготовленные запасы. В то же время к величайшему удовольствию Велисария в Неаполь доставлен значительный военный

отряд в 4800 человек, который нашел возможность добраться до Остии и соединиться с римским ослабевшим гарнизоном. Тогда Витигес понял, что продолжать осаду было бы безрассудством. В самом деле, во время осады погибло более 30 тыс. готского войска и столько же выбыло из строя по случаю ран и болезней. Витигес послал к Велисарию уполномоченных договариваться о мире. Он обещал уступку Сицилии и даже Кампании и уплату дани. Велисарий подал мысль довести до сведения императора о предложениях готского короля, и на это время было заключено перемирие.

Описывая происходившие между готами и византийцами переговоры, Прокопий в таких выражениях передает взгляд на историческое право готского народа по отношению к Италии:«Вы тяжко оскорбили нас, ромэи, несправедливо подняв оружие на союзников и друзей. Готы не силою отняли у ромэев Италию. Когда Одоакр, свергнув императора, овладел этим государством, восточный император Зинон, желая наказать его и освободить этустрану, но находя себя бессильным, убедил Феодориха, нашего короля, который хотел уже осаждать Византию, примириться с ним и отомстить Одоакру за все его неправды, за что обещал готам спокойное владение Италией. Согласно этому условию, овладев Италией, мы сохранили законы и формуправления, как это было при древних императорах, и ни Феодорих, ни его преемники не издавали никакихновых законов. Что же касается богослужения и веры, то мытак тщательно обеспечили римлян, что до сего дня ни один итальянец ни добровольно, ни принужденно не изменил своей веры, равно и готы, переходившие в другую веру, не подвергались преследованию. Римскиехрамы пользовались от нас высоким почетом, ибо никто из тех, которые искали в них убежища, не подвергался насилию. Всегосударственные должности находились в руках римлян, готыже не принимали участия в управлении. Может ли кто сказать, что мы говорим неправду? Прибавим еще, готы позволили римлянам каждогодно иметь консула по назначению восточного императора. И что же? Вы враждуете теперь со своими защитниками! Оставьте же нас в покое и уносите с собою, что захватили вы во время войны»[7]. Велисарий ответил, что император Зинон никогда не уступал готам Италии, что она должна быть возвращена прежнему господину.

Послы просили, по крайней мере, позволить им поселиться в Сицилии, но Велисарий сделал на это весьма любопытное замечание: «Мы, пожалуй, согласны уступить готам Британию — страна большая, гораздо обширнее Сицилии: прежде она тоже была подчинена римлянам». Велисарий не хотел даже слушать о каждогодней дани, требовал только одно — безусловного очищения Италии. Сошлись, наконец, на том, чтобы заключить перемирие, пока можно будет войти в переговоры с самим императором.

В течение трех месяцев, пока шли сношения с Константинополем, Велисарий успел во многих отношениях изменить положение осажден·

ного города. Прежде всего он нашел возможным снабдить Рим съестными припасами, затем морем доставлены были в Остию вспомогательные отряды из Африки — словом, он воспользовался перемирием для исправления тех бедствий, какие нанесены были осадой. Между тем осаждавшее войско оставалось в самых невыгодных условиях в смысле доставки продовольствия, т. к. Велисарий командовал морем и постепенно отрезал готов от сношений с Южной и Северной Италией. Витигес заявлял неудовольствие на предприятия Велисария, но последний не обращал на это внимания и искал лишь случая заставить готов нарушить весьма для них невыгодное перемирие. Наконец весной 588 г. действительно произошло столкновение между готами и императорским отрядом на пути от Рима к Равенне, где Иоанн, племянник знаменитого Виталиана, нанес готам поражение и занял важные города Осимо и Римини. Это ставило короля Витигеса в весьма опасное положение; через несколько времени до него дошли слухи, что королева Матасунфа, находившаяся тогда в Равенне, вступила в сношения с предводителем греческого отряда. Тогда Витигес после стоянки под Римом один год и девять месяцев принужден был в марте 538г. снять осаду и идти на север, чтобы попытаться отстоять, по крайней мере, Северную Италию, где господство готов оставалось еще довольно прочным.

Освободившись от осады, Велисарий получил возможность продолжать составленный им план освобождения Италии от готского господства. Как раз к тому времени получено было известие из Милана, что достаточно будет отправить небольшой отряд, чтобы присоединить Лигурию к имперским владениям. Это открывало для Велисария перспективу двинуться с севера и юга на центральные области, занятые готами, и отнять у них Равенну. План казался тем более легко осуществимым, что империя владела морскими сношениями, и что на помощь уже прибыли с вспомогательным отрядом евнух Нарсес и главнокомандующий Иллириком (magister militum) Юстин. Правда, прибытие Нарсеса, который по занимаемому им положению был не ниже Велисария, изменяло роль этого последнего и было поводом к недоразумениям между вождями.

Между прочим, разногласия между Велисарием и Нарсесом касались самого плана военных действий. В то время как, по мнению Велисария, следовало предпринять движение с севера и для этого необходимо было очистить Лигурию, Нарсес и часть вождей стояли за Немедленную осаду Равенны. В течение 538 г. Велисарий действительно начал военные действия на севере, перешел через По и овладел Миланом. Но это и было причиной снятия осады с Рима и движения готского отряда в Лигурию, куда в помощь готам прибыли бургунды, присланные франкским королем Феодебертом. Небольшой византийский гарнизон, осажденный в Милане, не мог долго держаться и сдался на условии свободного выхода из города. Но зато город испытал страшное разорение. Раздраженные греки перебили в нем мужское население, женщин отдали бургундским союзникам и разрушили городские укрепления. Это обстоятельство заставило Юстиниана сознать свою ошибку в назначении Нарсеса и возвратить главное командование Велисарию.

В течение 539 г., когда Велисарию были развязаны руки вследствие отозвания Нарсеса, он занят был приготовлениями к осаде Равенны, для

чего предпринял поход по адриатическому побережью с целью очистить от готов расположенные здесь города. Семь месяцев осаждал он укрепленный город Осимо (Auximum), составлявший ключ к Равенне, и после взятия этого города зачислил готский гарнизон в имперское войско. В конце этого года он мог соединить свои силы под Равенной, где находился в полном и непонятном бездействии король Витигес. Между тем, король Феодеберт не ограничился посылкой бургундского отряда, а предпринял лично поход в Италию со стотысячным войском. Никто не знал намерений франкского короля: идет ли он в качестве завоевателя, или союзника. Франки прежде всего напали по переправе через По на готский лагерь и заставили готов в страхе бежать к Равенне. Византийские мелкие отряды не могли оказать сопротивления этим полудиким полчищам, отличавшимся необычным вооружением и отчаянной храбростью. Но франкское войско не имело дисциплины и не в состоянии было исполнить до конца предпринятого королем дела. Насытившись военной добычей и сделавшись жертвой повальной болезни, которая истребила громадное число войска, франки скоро возвратились на родину, не изменив хода военных действий и не оказав влияния на судьбу готского народа.

Постепенно окружаемый имперскими войсками и потеряв надежду на прибытие новых готских отрядов на выручку Равенны, король Витигес рассчитывал еще на иноземное вмешательство. Так, он завязал сношения с лангобардами, занимавшими нынешнюю Венгрию, и просил у них союза против империи, но на этот раз безуспешно; настоящие планы франкского короля пока еще не были известны Витигесу, и он мог ожидать от него вмешательства в дела Италии в качестве друга и союзника готского народа. Но послы франского короля, прибывшие в Равенну, предлагали союз под условием уступки им половины Италии; это была слишком дорогая цена, притом за эту цену можно было получить мир непосредственно от самого императора. Была и еще у готского короля одна, правда, довольно туманная, но широкая и обольстительная перспектива. Готы имели понятие о взаимных отношениях двух империй на Востоке: Византийской и Персидской — и хорошо понимали, что Византия могла развивать военную деятельность на северной и западной границах под условием мира и спокойствия на персидской границе.

Таким образом, начавшиеся между Витигесом и царем Хозроем переговоры сильно беспокоили Юстиниана, который не мог не отдавать себе отчета в крайних затруднениях, угрожавших империи в том случае, если бы Хозрой нарушил мир в соглашении с готами[9]. Поэтому император Юстиниан снизошел к тому, чтобы милостиво выслушать готских послов, уже два года томившихся ожиданиями в Константинополе, и обещал начать в Италии мирные переговоры. Вместе с тем, уполномоченные императора сенаторы Домник и Максимин прибыли к Равенне с поручением заключить мир. Витигесу предлагалось со стороны императора: 1) выдать половину королевских сокровищ в вознаграждение за военные издержки, 2) уступить империи всю страну на юг от р.По. Таким образом, Витигес из самостоятельного государя обширной и богатой страны обращался в скромного владетеля небольшой области между франкской державой и империей и утрачивал, вместе с тем, право

иметь собственную внешнюю политику. Хотя эти условия были отяготительны, но Витигес должен был принять во внимание отчаянные условия, в каких он находился, и взвесить то обстоятельство, что по заключении мира он может дать готам покой и свободу в Северной Италии и обдумать дальнейшие решения,— ввиду этих соображений он должен был принять эти условия.

Но дальнейший ход событий зависел от неожиданно сложившихся совершенно непредвиденных условий. Оказалось прежде всего необходимым, чтобы главнокомандующий подтвердил своей подписью мирные условия; между тем Велисарий, питая уверенность, что Италию можно обратить в византийскую провинцию и принудить готов к безусловной покорности, не захотел дать своего на это согласия[10]. В свою очередь, из этого обстоятельства, когда оно огласилось между готами, возникли новые осложнения. Между вождями готскими, бывшими в Равенне, уже было недовольство против короля Витигеса, который не оправдал надежд народа и вел столь неудачно войну с греками. Принятая на себя Велисарием роль, в которой он обнаружил несогласие с волей и желаниями императора, казалась готским вождям и народу достаточной порукой за то, что он сумеет гораздо лучше, чем их король, повести их к победам и к славе. Словом, между готами созрела мысль предложить Велисарию корону и избрать его в свои короли; эта мысль не встречала возражений и со стороны Витигеса, который готов был сложить с себя власть.

Нужно помнить, что Велисарий тогда осаждал Равенну, которая была доведена до крайней степени истощения. По всей вероятности, Велисарий обещал свое согласие на предложение готов[11], которые предлагали ему титул «короля западного». На таких условиях была сдана Равенна в 540 г. Но Велисарий не воспользовался сделанными ему предложениями, а начал приводить в исполнение статьи договора между империей и готами. При этом на первых же порах оказались недоразумения, которые ставили под сомнение приведение в исполнение мирных условий. Велисарий был вызван в Константинополь, и готы считали себя обманутыми в возлагаемых на него надеждах. Между ними в последнее время наибольшим значением пользовался Урайя, занимавший Павию; к нему обратились готские вожди с предложением короны, но он отказался в пользу Ильдивада, племянника Фейда, короля вестготов. Между тем Велисарий с королем Витигесом и королевой и с пленными знатными готами, имея с собой королевские сокровища, собирался сесть на суда, чтобы поднести императору вновь приобретенную страну, пленного короля и громадные богатства. Со времени взятия Равенны Византия считала уже покончeнным вопрос о готском королевстве, но готский народ продолжал еще отчаянную борьбу за свою свободу и существование.

Прежде чем продолжать историю войны с готами, которая после взятия Равенны получила совершенно новое направление и затянулась еще на 15 лет, бросим взгляд на условия, в каких эта война продолжалась целое двадцатилетие. Император Юстиниан, несомненно, не ожидал того упорного сопротивления, которое встретили в Италии его полководцы. Были периоды, когда он готов был совсем оставить Дорого стоившее предприятие. Колебание военного счастья и упорная

продолжительность готской войны объясняются двумя обстоятельствами: во-первых, слабыми военными силами, которые действовали против готов; во-вторых, дурной администрацией тех городов, которые подпадали власти Византии, почему римляне скоро начали раскаиваться в сочувствии к византийцам.

В каком положении был Велисарий, главнокомандующий всеми войсками, видно из переписки его с императором. Когда, например, Витигес осадил его в Риме, у Велисария было не более 5000 войска; уже тогда римляне жаловались, что на такое громадное предприятие византийский император жалеет войска. Извещая Юстиниана об успехах готов, Велисарий писал: «Я должен был оставить гарнизон в Сицилии и Италии, и со мной теперь всего осталось 5000. Неприятелей же стоит против нас 150 000. Они обложили город, придвинули стенобитные машины и едва не взяли города штурмом, только счастье спасло нас, и я не могу скрыть, что многое предстоит еще сделать: мы нуждаемся в оружии и в войске, без чего не можем вести дела с таким неприятелем. Нельзя же всего доверять счастью, которое иногда и изменяет. Мы потеряем и доверие римлян, которые могут усумнntься в надежде на ваше величество. И того нельзя оставлять без внимания, что Рим не удержишь на долгое время одними военными силами, его еще нужно снабжать запасами. Я не ручаюсь за благорасположение римлян, если мы не предотвратим голода»[12]. Велисарию пришлось еще много раз писать такие письма, но император как будто совсем забыл о нем.

Толпы сборщиков податей являлись из Византии в те провинции, которые подпадали власти императора, и истощали население непомерными поборами; шайки варваров, которыми не мог пренебрегать Велисарий, немилосердно грабили друзей и врагов императора. Между тем, готы под предводительством народных героев выказывали более снисходительности к самим врагам; затянувшаяся надолго война поколебала, наконец, уверенность римлян — останутся ли победителями императорские полководцы или готы. Рим пять раз переходил из рук в руки. В 536 — взят Велисарием; в 546 — Тотилой; в 547 — Велисарием; в 549 — Тотилой; в 552 — Нарсесом. Через 10 лет Велисарий писал: «У нас нет людей, лошадей, оружия и денег, без чего, конечно, нельзя продолжать войны. Итальянские войска состоят из неспособных и трусов, которые боятся неприятеля, потому что много раз были им разбиты. При виде врага они оставляют лошадей и бросают на землю оружие. В Италии мне неоткуда доставать денег, она вся находится во власти врагов. Задолжав войскам, я не могу поддерживать военного порядка: отсутствие средств отнимает у меня энергию и решительность. Да будет известно и то, что многие из наших перешли на сторону неприятеля. Если, государь, ты желал только отделаться от Велисария, то вот я действительно нахожусь теперь в Италии; если же ты желаешь покончить с этой войной, то нужно бы позаботиться и еще кое о чем. Какой же я стратиг, когда у меня нет военных средств!» [13]

Мы сказали, что во второй период войны роли переменились. Теперь готы стали наступающей стороной, а греки должны были защищаться в занятых ими областях к югу от р. По. За отозванием Велисария, которого предположено было отправить на восток против персов,

в Италии военная и гражданская власть разделена была между разными вождями: Бессой, Иоанном и Константианом, причем последний получил в свою власть Равенну и ее гарнизон. Отдельные вожди расположились с подчиненными им дружинами по разным областям и в мирное время наводили страх на сельское население грубыми насилиями, вымогательствами и грабежами. Частию на юг от р. По, а главным образом на север сосредоточивались небольшие отряды готов; между прочим, около короля Ильдивада составился значительный корпус в городе Тичино, к нему стали скоро присоединяться и перебежчики из имперских войск. Ильдивад сделался народным героем после одержанной им победы над Виталием, носившим звание главнокомандующего Иллириком. Но его политическая роль была весьма кратковременна: он был убит во время пира своим оруженосцем.

Положение вещей изменилось в пользу готов тогда, когда в короли был избран Тотила, родственник Ильдивада, который дал обещание продолжать военный план погибшего короля и чрезвычайно искусно воспользовался отсутствием организации и единства команды в имперских отрядах. Юстиниан, далеко не одобрявший бездействия своих генералов, послал им в подкрепление отряд персидских военнопленных, присланных Велисарием, и требовал открытия военных действий. После того как не удалась попытка овладеть Вероной и императорское войско постыдно должно было снова возвратиться к Равенне, Тотила со всеми силами, какие только он мог собрать (5 тыс.), сделал нападение на главную часть греческого войска и нанес ей такое поражение, что разбитый отряд искал спасения в бегстве и за стенами укрепленных городов. Скоро затем Тотила одержал еще новую победу близ Флоренции, и тогда с очевидностью обнаружилось, что готский король владеет военным искусством, которого недоставало императорским полководцам. Военный план Тотилы, совершенно не понятый греками и смутивший их, состоял в том, чтобы, не предпринимая осады крепостей, овладеть всеми открытыми областями, изолировать греческие гарнизоны, сидевшие в городах, и лишить их внешних сношений. Если случай или военная хитрость давала ему во владение крепость, то он разрушал ее стены и сравнивал ее с землей, дабы впоследствии неприятель не нашел в ней укрытия. Так он перешел Апеннины, оставил в стороне Рим и смело двинулся в Кампанию. Взяв Беневент и разрушив его, он подошел к Неаполю и овладел им, несмотря на посланную из Константинополя помощь осажденному городу.

Вся Южная Италия перешла вновь под власть готского короля, который стал распоряжаться экономическими средствами страны в пользу готского народа и восстановил его дух, дав ему надежды на лучшую судьбу в ближайшем будущем. В высшей степени любопытно отметить тот факт, что на сторону Тотилы стало большинство сельского населения, и что его военные средства постоянно увеличивались приливом добровольных перебежчиков из имперских отрядов. Отмечено исследователями, кроме того, что Тотила весьма искусно использовал социальное положение Италии, подав руку рабам, крепостным крестьянам и поддержав их движение против крупных землевладельцев, которые и в политическом отношении более склонялись к императорской партии, чем к поддержанию готской власти. Таким образом,

привлечением на свою сторону сельского крестьянского населения и усилением военных сил бежавшими от господ рабами Тотила мог создать в Италии такой социальный и политический переворот, с каким трудно было бы справиться спрятавшимся в защищенные города имперским отрядам [14].

Весной 543г. сдался Тотиле Неаполь, хотя Юстиниан, вполне оценивая громадное значение этого морского города, послал на помощь ему вспомогательный отряд и съестные припасы, которые, однако, достались победителю. С этих пор Тотила мог считать себя господином в Южной Италии. Его планы и настроение того времени хорошо поясняют письма к сенату и прокламации к римскому населению. Он обещает сенату забвение его антиготской политики, если он соединит на будущее время национальные интересы Италии с готско-королевскими. Прокламации его в Риме разбрасывались неизвестными людьми и производили большое впечатление. Когда император получил донесение о ходе дел в Италии, он решился послать сюда снова того полководца, который уже ранее прославил себя военными успехами в Италии и который в настоящее время, будучи вызван с Востока, находился не у дел. Хотя Юстиниан не вполне доверял Велисарию, но т.к. положение в Италии было в высшей степени серьезное, то он назначил его снова главнокомандующим для войны с готами. Выше мы привели часть письма, отправленного Велисарием к императору, в котором рисуется чрезвычайно яркими чертами странная небрежность императора по отношению к знаменитому полководцу.

К 545 г. опасность угрожала Риму, куда Тотила стягивал свои силы, и где находилось для защиты огромного города не больше 3000 воинов под предводительством Бесса. Велисарию предстояло во что бы то ни стало выручить осажденный город, в котором скоро обнаружился недостаток продовольствия. С крайними затруднениями ему удалось собрать небольшую дружину в Далмации и доставить ее на кораблях в Остию, но его смелый план пробраться в Рим по Тибру и доставить в город съестные припасы не удался вследствие ошибок подчиненных ему вождей. Велисарий должен был предоставить Рим его собственной судьбе, а 17 декабря 546 г. Тотила вошел в Рим почти без сопротивления. Хотя Тотила предложил императору приступить к переговорам о мире, но в Византии были далеки от этой мысли, относясь к Тотиле как к бунтовщику и требуя безусловного подчинения. Тотила не мог долго оставаться в Риме, т. к. греки начали в это время брать перевес в Южной Италии; он принял было решение срыть стены города Рима и опустошить его, чтобы лишить Велисария возможности найти в нем защиту, но его остановила мысль о почтенной древности города и национальном его значении. Взяв с собой в заложники некоторых сенаторов и городских нобилей, Тотила оставил Рим почти опустелым и отправился в Южную Италию. Велисарий воспользовался этим и, заняв Рим, поспешил частью исправить, частью восстановить его укрепления; чтобы упрочить свое положение и побудить Юстиниана дать больше средств на итальянскую войну, он послал ему ключи от города и приветствовал с достигнутым без больших жертв важным успехом.

Несомненно, что владение Римом обеспечивало за Велисарием и дальнейшие успехи, но подозрительный Юстиниан не давал ему денег

и не посылал ему его собственной, преданной ему храброй дружины, которая оставалась в Константинополе. При таких обстоятельствах Велисарий заявил желание возвратиться в столицу, и ему дано было разрешение вновь покинуть Италию. Несмотря на значительные успехи, какие были достигнуты Тотилой по удалении Велисария на всем театре военных действий, все же следует сказать, что исход войны явно склонялся не в пользу готов. В 549—550 гг. Тотила, овладев снова Римом, пытался восстановить в нем обычную городскую жизнь: снабдил его хлебом, стал давать представления в цирке, призвал в город разбежавшихся сенаторов и торговых людей. В то же время, имея в своем распоряжении достаточно судов, он направил в Южную Италию военные отряды и вытеснил греков из Тарента и Региума. Не ограничиваясь этим, он простирал морские экспедиции на острова Сицилию, Сардинию и Корсику.

Наконец, Юстиниану наскучила безнадежно затянувшаяся итальянская война. Он решился послать в Италию и новых военачальников и новые войска. Выбор его остановился на патрикии Германе. Это был чрезвычайно популярный в империи человек, не говоря уже о том, что, как племянник царицы Феодоры, он мог пользоваться большим влиянием при дворе. Поручить ему окончание готской войны, может быть, побуждало Юстиниана и то соображение, что за Германом была в замужестве Матасунфа, внучка короля Феодориха, и что с этим именем для готов соединялись дорогие национальные воспоминания. Но Германа постигла неожиданная смерть, прежде чем он принял новое назначение.

В 551 г. назначен был в Италию евнух Нарсес, который выговорил от императора обещание, что ему не будет отказано в необходимых на ведение войны средствах. Хотя король Тотила и по его смерти (552) полководец его Тейя оказывали геройское сопротивление и пользовались всеми средствами, чтобы отстоять свободу оставшейся от продолжительной войны горсти готского народа, но Юстиниан не хотел вступить с ними ни в какие соглашения. По словам Прокопия, раз послы Тотилы говорили Юстиниану: «Италия опустошена войной и лишена мирного населения и частью завоевана франками. Только две провинции — Сицилия и Далмация — еще могут быть предметом спора, возьмите их себе и оставьте нам опустошенную страну. Мы обещаем платить дань и доставлять вспомогательный отряд на всякую войну императора». Но император не хотел и слушать послов, ему было ненавистно самое имя готского народа. Снабженный достаточными военными средствами Нарсес окончил подчинение Италии в 555 г.

По окончании войны Италия представляла весьма жалкий вид опустошения и одичалости. Частная собственность погибла во время осад городов, от военных набегов и поборов, вымогательства и грабежей военной вольницы. Страна была покрыта трупами и развалинами. Голод и моровая язва целые области обратили в пустыню. Современный летописец выражается: «От времени консула Василия до Нарсеса римские провинциалы совсем уничтожены», а папа Пелагий писал: «Итальянские поместья так опустошены, что нет возможности восстановить их»[15].

Прокопий пытался было определить число жертв войны, но нашел, Что легче перечислить песок морской, чем число смертей от «этого

демона, принявшего человековидный образ»[16]. Знатные роды в провинциальных городах, в особенности в Риме, были за немногими исключениями уничтожены. Временный победитель, был ли этот гот, или византиец, брал в заложники младших членов лучших родов и, когда военное счастье переходило на сторону врага, немилосердно убивал заложников. Оттого после готской войны на место прежней разоренной и погубленной аристократии во главе городского населения организуется новая, не имевшая тех родовых исторических преданий, какие еще были сильны, например, у Боэция и Симмаха. Среди новообразующейся аристократии римский епископ занял по праву почетнейшее место как хранитель преданий и блюститель народных интересов.

На первых же порах после подчинения итальянцы почувствовали все невыгоды политической перемены. Уже евнух Нарсес, первый наместник Италии, подал повод к жалобам: «Римлянам гораздо лучше было при готах, чем под господством греков; евнух Нарсес держит нас в самом гнетущем рабстве; освободи нас от его руки, либо в противном случае мы передадимся чужеземному народу» . В 554 г. Юстиниан издал для Италии закон под имеяем Pragmatica sanctio, которым формулировал политические и гражданские отношения новых подданных .Из этого законодательства видно, что Юстиниан смотрел на Италию как на провинцию, которая ничем не должна отличаться в своем устройстве от других византийских провинций; поэтому общее законодательство империи и впредь имевшие выходить новеллы признавались обязательными также и в Италии[19].

Существенные черты Прагматической санкции заключаются в следующем: в ней проведено полное отделение гражданской и военной власти. Византийское войско имело гарнизоны по городам и подчинено особым tribuni и duces, римское городовое и сельское население осталось под управлением гражданских чиновников, praesides или indices. Любопытное отступление от порядков, существовавших в империи, состояло в том, что итальянцы сами выбирали себе чиновников, и непременно из той же провинции и из жителей того же города. Далее, Прагматическая санкция восстановила нарушенные войной личные и имущественные права, причем с особенной выразительностью приняты Юстинианом все акты Аталариха, Амаласунфы и Феодата и лишены силы распоряжения тирана Тотилы. Готские sortes, вероятно, снова отошли к прежним владельцам и потомкам их, а может быть сделались фискальным имуществом. Важнейшая же для нас сторона этого закона — о городовом устройстве и о правах римского епископа и духовенства. Муниципальное устройство признано господствующим и в Италии. Юстиниан пытался даже восстановить жалкий вид курии; но его новеллы, как и законоположения императоров V в., не достигали цели и могут лишь служить материалом для ознакомления с беспомощным состоянием курии, потому что муниципальные чины и члены курии были подавлены ограничениями и ответственностью[20].

Из новелл Юстиниана видим, что курия сделалась предметом ненависти, куриалы охотно спускают за бесценок имущества, чтобы не оставлять курии законной четверти из своего состояния, избегают законных браков, чтобы не оставить потомства в курии. Правительство видело одно средство поддержать это учреждение — в принудительных

мерах. Только лица, занимавшие высшие государственные должности, освобождаемы были от службы в курии; прежде владелец мог самовольно распоряжаться тремя четвертями своего имущества, Юстиниан ограничил это право одной четвертью, все же остальное переходило в куриальную собственность. Некоторые роды проступков карались зачислением виновного в курию. Муниципальный магистрат, конечно, должен был отступить на задний план, его заменяют в судебных делах defensores, в делах городского хозяйства — pater civitatis (может быть, то же, что curator), тот и другой утверждались в своих званиях императором.

Но важнейшим лицом в городе, влияние которого простиралось на управление, суд и полицию, был городской епископ. Святейший епископ города, говорит одна новелла, избирает городских правителей (partem civitatis... administratores); по истечении каждого года св. епископ с пятью почетнейшими гражданами требует отчета от этих администраторов, т. е. под ближайший надзор местного епископа постановлены были администрация и доходы городов; ему же подлежит надзор и за нравственностью населения [21]. Излишне было бы говорить, что Юстиниан дал епископам небывалые полномочия, что его закон пролагал епископам широкую дорогу к светской власти. Влияя на выборы местных чиновников, располагая правом во всякое время обвинить их в преступлении, епископ, конечно, скоро должен был сделаться полным хозяином в городе, в особенности в удаленной от центральной власти Италии, в особенности, когда некоторые города в течение долгих лет лишены были возможности сноситься с центральным правительством.

Хотя война в Италии была закончена и готы не представляли уже даже на север от р. По такой материальной силы, с которой византийское правительство считало бы нужным продолжать борьбу, тем не менее предстояла еще серьезная организационная работа по устройству новой провинции. В особенности в Северной Италии нужно было считаться с притязаниями франкских королей, которые во время военного периода не раз делали походы в Италию и постепенно распространяли свою власть на принадлежавшие готам области. Установить на севере государственную границу империи представлялось затруднительным и в том отношении, что по замирении Италии здесь продолжались некоторое время военные действия близ Вероны и Брешии, после занятия которых императорскими войсками граница доходила здесь до Альпов. Назначенный с обширными полномочиями для покорения готов Нарсес оставался в Италии приблизительно до 568 г., и ему принадлежат все мероприятия по устроению новой провинции. Хотя у некоторых писателей ему усвояется наименование экзарха, но фактически при Нем Италия не получила еще окончательного устройства и не подведена под ранг провинций с именем экзархии.

В первый раз титул экзарха упоминается в письме папы Пелагия II от 584 г. и прилагается к патрицию Децию, имевшему ᶜвое пребывание в Равенне. Нарсес в системе устроения Италии руководился обычными приемами римской политики. Первая и важнейшая задача сосредоточивалась на охране границ, для чего предстояло организовать пограничные отряды—limitanei — с необходимым числом военных укреплений, подчиненных дукам и трибунам. Эти пограничные отряды составлялись из местного населения или из

военных людей, принимавших участие в завоевании данной области, и были наделены земельными участками, с которых они и несли военную службу. Эта система перешла от Рима к Византии и держалась в империи почти до турецкого завоевания. Хотя границы провинции Италии по окончании готской войны недолго оставались в тех пределах, которые установлены были Нарсесом, будучи нарушены лангобардским вторжением, тем не менее, нам необходимо теперь же остановиться на некоторых географических подробностях с целью выяснения границ экзархата. Византийская провинция на северо-западе обнимала часть древней Лигурии, ее граница направлялась от Генуэзского залива к Франкскому королевству. Во владении империи здесь были города: Вентимилья, Албенга (в Провансе), Генуя. На севере границы империи шли по Альпам, Милан был здесь главным городом империи. На северо-востоке пограничная линия была организована устройством Фриульской марки, где укрепление castrum Julium, или Фриуль, составляло центр военного господства над областями, населенными неспокойными и частью варварскими племенами. Защита этой области была вверена предводителю герулов Сандалу, его власть простиралась на северо-востоке до Дравы.

Военная власть в пограничных областях была значительно усилена еще Нарсесом и вручена не дукам, а генералам с титулом magister militum. По Адриатике отдельные управления сосредоточивались в дукате Венеция и в Истрии. Здесь при начале лангобардского завоевания был построен город Юстинополь, или Капо д'Истрия. Большая или меньшая устойчивость византийского господства в Венеции и Истрии зависела от того, насколько твердо было положение империи в Далмации, где была стоянка флота и откуда можно было во всякое время послать вспоможение в угрожаемые неприятелем места Венеции и Истрии[22].

Т. к. лангобардское движение в Италию снова приведет нас на северо-восточные границы провинции Италии, то, не останавливаясь далее на затронутых вопросах, ограничимся в заключении этой главы выяснением новой роли, которая выпала вместе с завершением рассмотренного политического переворота на долю Равенны. Этому городу суждено было на долгое время перенести на себя центр политического и административного строя Италии и стать соперником старой столицы Римской империи, гордого своими старыми традициями Рима. И прежде всего скромный епископ Равенны после того, как в этом городе назначено было пребывание императорского наместника, патрикия и эксарха, со всеми подчиненными ему военными и гражданскими чинами и управлениями, постепенно вырос в своем значении и авторитете совершенно по тем же мотивам, которые обусловили возвышение епископа Константинополя после перенесения сюда столицы империи. Епископ Равенны по необходимости сделался духовным советником императорского наместника и воспользовался своим влиянием в интересах своей церкви-В то же время он стал верным слугой императора и являлся проводником византийских церковных взглядов в Италии. За свои заслуги епископ Равенны пользовался милостями царя и увеличил доходы своей церкви до громадных размеров. Ему принадлежали обширные земельные пожалования в разных частях Италии и в Сицилии.

Сохранившиеся фрагменты имущественных актов равеннской архиепископии могут свидетельствовать, до каких больших сумм доходили земельная подать и арендная плата в пользу этой церкви особенно со времени окончания войны с готами[23]. Равеннские архиепископы начинают с этих пор украшать свой кафедральный город великолепными и с большими издержками соединенными церковными постройками. Лучшие мастера были приглашаемы из Константинополя и других восточных городов, чтобы придать этим постройкам блеск тогдашнего искусства. Великолепные мозаичные работы, с точки зрения истории искусства составляющие драгоценный памятник, относятся именно к этому времени политического и материального возвышения города Равенны. Таковы обе всемирной известности базилики: Сан Витале и Сан Аполлинаре in Classe, начало постройки которых относится еще к готскому периоду. Богатые банкиры города состязались с епископами в благородной ревности к художественным произведениям и к поощрению мастеров. Изображения Юстиниана и Феодоры в царских облачениях в сопровождении придворных чинов обоего пола в базилике Сан Витале и другие художественные произведения Равенны, сохранившиеся по настоящее время, составляют лучшее из того, что древность сберегла от переходной эпохи из классического искусства к византийскому. Рядом с равеннскими мозаиками могут стоять лишь те, которые недавно открыты в Солуни, в древней базилике св. Димитрия, ныне мечети Кассимиэ.

Итальянская война приходила уже к концу, всколыхнув своими роковыми для остготского народа последствиями весь тогдашний европейский мир. Хотя прямых сношений с вестготами, занимавшими тогда береговую полосу между Роной и Пиренеями (Септимания), Испанию и некоторые местности за Гибралтарским проливом, у империи не могло быть, но безграничные притязания Юстиниана простирались на все области, бывшие когда-либо под властью римских императоров. С точки зрения императора, все владетели народов в пределах прежней империи должны признавать в нем своего верховного господина. Как защитник христианской Церкви и единственный блюститель истины, он признавал за собой обязанности по отношению к неверным и иноверным. Он обладает миссией везде распространять знание истинной веры, а как весь мир должен принадлежать царству Божию, то по божественному праву вся земля подчинена императору.

У Евсевия находим следующую формулу для идеи универсальной империи: «Было время, когда мир был разделен по народам и областям на огромное множество владений, тираний и княжений: отсюда постоянные войны с грабежами и хищениями. Это разделение основывалось и на различии божеств, почитаемых в разных странах. Ныне же, когда крест, орудие спасения и трофей победы, явился на земле, дело демонов, т. е. ложные боги, распалось прахом и, вместе с тем, окончилась пора тираний, княжений и республик. Один Бог владычествует всеми, одна империя для обладания всеми народами. В одно и то же время по небесному изволению появились два ростка, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир — это Римская империя и хрис-

тианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении. Уже греки, варвары и народы, обитающие в самых отдаленных странах, услышали голос истины, но этим не оканчивается область завоеваний. Область распространения ее господства идет до пределов земли. Весь мир составит одну нацию, все люди соединятся в одну семью под общим скипетром»[24]. Соединить целый мир в императорском и христианском единстве — такова безграничная перспектива, открывавшаяся перед императорским честолюбием и находившаяся в согласии с верованиями и настроениями современников Юстиниана[25].

Еще в 534 г. Велисарий вытеснил вестготов из Африки, отняв у них крепость Септ, или Сеит. Во время итальянской войны вестготы пытались подать помощь своим сородичам в Италии, чем, конечно, должны были вызвать к себе нерасположение императора. Ко времени окончательного подчинения Италии у вестготов возникли раздоры, обострившиеся, между прочим, на религиозной почве. Местное католическое духовенство и туземное население романского происхождения не могли мириться с арианами-вестготами, вследствие чего между теми и другими происходила упорная борьба, не допускавшая, например, общения браками.

Со времени короля Фейда столица была перенесена в Испанию, и Толедо сделался главным городом королевства. При нем же предпринята была военная экспедиция в Африку с целью облегчить готам борьбу с империей в Италии, но под Септом вестготы потерпели поражение. В период завершения итальянской войны в Испании происходили смена лиц, носивших королевский титул, и внутренние раздоры. Против короля Агилы восстал вождь Афанагильд, последний выставил мотивом борьбы религиозную политику, привлек на свою сторону местных католиков и просил помощи у Юстиниана. Т. к. вмешательство в испанские дела соответствовало притязаниям императора на мирообладание, то он приказал патрикию Либерию, командовавшему морскими судами, идти в Испанию и оказать содействие Афанагильду. Агиле было нанесено поражение, и он был убит. Либерии успел захватить несколько городов в Южной Испании и утвердить здесь византийское господство.

Хотя Афанагильд, избранный королем (554—567), скоро понял угрожавшую опасность отряду сопротивления, тем не менее Малага, Кордова и др. города остались под властью Византии. Таким образом, вследствие этих походов на отдаленный юго-запад империя расширилась новыми завоеваниями. Кроме островов Сардинии, Корсики и Бале-арских к империи была присоединена часть Испании и Западной Африки. Но это были последние завоевательные предприятия Юстиниана.

Глава III

Северо-западная граница империи. Появление славян на Дунае. Утверждение авар в Паннонии и Венгрии

Ко времени вступления на престол Юстиниана еще не закончился процесс Великого передвижения народов, северная и северо-западная границы Византийской империи продолжали еще внушать серьезные опасения ввиду появления новых варварских народов различного происхождения, которые, не поддаваясь никаким мерам византийской политики, неудержимо напирали на границу и делали постоянные вторжения в пределы империи. В самом начале VI в. Анастасий принужден был защитить ближайшие окрестности Константинополя, проведя громадное сооружение между Черным и Мраморным морями на расстоянии приблизительно 40 верст от Константинополя (линия Деркон — Силиврия). Но это сооружение, известное под названием Длинная стена и изумительное по применению к нему громадных сил и средств, не достигало цели и не всегда останавливало смелого и отважного врага, который прорывался через стены и нередко опустошал предместья столицы. Империя нуждалась для своей защиты и благополучия в живом и разумном инвентаре, которого недоставало при громадных по протяжению границах и при неимоверных притязаниях императора.

С течением времени найдено было возможным привлекать на военную службу или целые народы, уступая им земли для поселения, или отдельные дружины военных людей, платя жалованье предводителям их. Эта система, при всех ее хорошо сознаваемых правительством невыгодах и часто опасностях, господствовала в империи в занимающий нас период как наименьшее из зол и создавала на границах целую сеть чуждых народностей, которые стояли с ней в разнообразных отношениях и имели уже в границах Византийского государства своих сородичей или в качестве федератов, или колонистов, вступивших в подданство императора. Давно уже дознано, что Византийская империя бессознательно исполняла роль культурного посредника между новыми народами и против своего желания втягивала их не только в сферу культурных условий жизни, но и в культурные провинции императора.

Одним из более резких наблюдений, выведенных из фактов предыдущей главы, несомненно нужно признать поразительную слабость военных сил, какими располагали полководцы Юстиниана на западных окраинах империи. И при этом не следует упускать из внимания, что африканская война ведена была при участии наемных дружин, а в итальянской туземные византийские войска были в меньшинстве, главные же контингенты получались с северо-западной границы от франков,

лангобардов, герулов и славян. Эта граница при Юстиниане представляла весьма серьезную опасность, которая и была им вполне оценена, если принимать в соображение громадные денежные средства, употребленные им на возобновление старых и постройку новых крепостей на северной границе, и в частности на Дунае. Но, имея в виду громадной важности события, которые подготовлялись в царствование Юстиниана и которые к концу VI в., несмотря на построенные им укрепления, стали бесповоротно совершившимся фактом, мы должны заключить, что его политика в этом отношении не соответствовала реальным потребностям того времени.

Нижнее и среднее течение Дуная приблизительно до устьев Тиссы или нынешнего Белграда продолжало служить номинальной северной границей империи, хотя фактически власть императора на Дунае была уже значительно поколеблена, и небольшие византийские гарнизоны держались лишь в немногих городах. Фактически на Дунае власть принадлежала тогда народам германского и славянского происхождения, можно даже сказать, что защита северной границы более зависела от варваров, чем от имперского войска. Принимая положение Белграда как конечный предел владений Византии на Северо-западе, мы легко отметим западную границу, проведя линию до Котора или по раздельной линии нынешней Сербии и Черногории и Боснии. Вся Далмация потеряна была в конце V в. и принадлежала тогда к Остготскому королевству, а северные земли выше Белграда принадлежали варварам. В конце V в. Феодорих на своем пути в Италию столкнулся здесь с герулами, которые после отступления готов остались в стране между Зальцбургом и Белградом, вполне подчинившись византийской политике и приняв участие в итальянской войне в качестве союзников Юстиниана. Но самым сильным племенем на севере от Дуная, занимавшим области по Тиссе и Марошу в нынешней Венгрии[1], были гепиды, которым могла бы предстоять большая политическая роль на Дунае, но которые почти без следа растворились между другими народами, когда сила их была сломлена в борьбе с лангобардами, привлеченными Юстинианом к союзу денежными выдачами и обещаниями лучших мест для поселения.

К востоку от гепидов, в областях нижнего течения Днестра и Днепра, с конца V в. и в начале VI в. сидели славянские племена, разделявшиеся на две ветви: на западе—славяне, на востоке — анты. Мы уже ранее высказывались в том смысле, что было бы ошибочно начинать историю славян с конца V или начала VI в., и что отдельные славянские дружины могли заходить в Византию гораздо раньше. Как определенный этнографический термин, начинающий обнаруживать влияние в истории Византии, славяне, однако, должны идти в счет именно с этой эпохи. Где была граница между гепидами и славянами, т. е. далеко ли на запад по Дунаю распространялись славянские поселения, об этом с уверенностью трудно высказаться, равно как и о La-cus Mursianus, который писатель Иорнанд полагает границей между германцами и славянами[2].

Нападения славян и антов на римско-византийские провинции на юг от Дуная, а следовательно, и непосредственное знакомство с ними писателей начинается с первой половины VI в. Почти каждый год

в последовательном порядке отмечается переход славян за Дунай то небольшими легкими отрядами, то значительными массами с целью добычи и захвата пленников. Как русская летопись соединяет с началом царствования Михаила III (842)[3] основание русского государства, так с царствованием Юстина (518—527) южные славяне имеют основание начинать свою национальную историю. Как ни мало дают для характеристики славян краткие известия о нападениях их на Византию, но мы попытаемся разобраться в них с той внимательностью, какой заслуживают первые и подлинные факты славянской истории в связи с византийской.

Ради исторической точности здесь нужно заметить, что большинством исследователей считается возможным усматривать подлинные факты славянской истории и в некоторых отдельных и случайных упоминаниях о славянах, переходивших за Дунай в дружинах готов и гетов с конца V в. Таков, например, приверженец Аспара Острый (в 471 г.). Кроме того, принято считать вполне доказанным, что в имени гетов у Марцеллина нужно видеть совокупность этнографических элементов — славянского и болгарского. Таким образом, и такие выражения, как «гетский нож» (culter geticus), упоминаемый Марцеллином, могли бы приниматься за указание на славянский элемент[4].

Первое упоминание о славянах под их собственным именем стоит в связи с описанием деятельности 1ермана. «Когда Юстин, дядя Германа, получил царство, то анты, жившие очень близко к славянам, перешедши реку Истр, большим войском вторглись в ромэйскую землю. Незадолго перед тем царь назначил Германа стратигом всей Фракии. Схватившись с войском неприятелей и разбив его наголову, Герман почти всех их перебил, и этим делом он стяжал себе великую славу между всеми людьми и в особенности между упомянутыми варварами»[5].

Упоминаемый здесь Герман— весьма известное лицо в истории времени Юстиниана, и, действительно, слава его не ограничивается победой над славянами. Принадлежа к императорской семье по своему рождению и как один из самых даровитых племянников Юстиниана по браку с Феодорой, Герман пользовался громадной популярностью в войске и среди столичного населения и считался прямым наследником бездетного императора. Его нравственные качества и гражданские доблести нашли себе красноречивую оценку у Прокопия, как известно, далеко не расточительного на похвалы. К сожалению, приведенное выше место о победе Германа над славянами само по себе не дает оснований для точных выводов к хронологии первого организованного нападения славян. Прежде всего это известие имеет у Прокопия характер вводного и изложено, между прочим, по поводу описания событий 551 г. и именно с целью объяснить, почему славяне так сильно боялись Германа. Кроме того, может возбуждать сомнения самое имя Юстиниана, употребленное Прокопием. Весьма вероятно, что дело происходило не в царствование Юстиниана, а при дяде его Юстине, т. е. около 519 г.[7] Стратигом Фракии Герман мог быть назначен именно Юстином при вступлении его на престол с целью установления порядка в этой области, находившейся в состоянии анархии при Анастасии. Сравнительное спокойствие на дунайской границе при Юстине может быть объясняемо тем

поражением, которое было нанесено славянам Германом; что же касается царствования Юстиниана, то оно не имело такого периода роздыха, который можно было бы противопоставить определенным указаниям Прокопия: гунны, славяне и анты своими почти ежегодными набегами со времени вступления на ромэйский престол Юстиниана причинили невыразимые бедствия населению[8].

При Юстиниане, в первые годы его царствования, фракийскими войсками командовал Хильвуд, или Хвилибуд, с именем которого связаны дунайские события. Хвилибуду поручена была защита дунайской границы; в течение трех лет он успешно следил за переправами через Дунай и не позволял новым славянским отрядам переходить в византийские области. Несколько раз он сам переходил за Дунай и тревожил славян в их собственных владениях, но в 534 г., когда он неосторожно предпринял движение против славян, на левой стороне Дуная был окружен врагами и пал в битве, окончившейся сильным поражением византийского войска. С тех пор, замечает Прокопий, эта река стала вполне доступна варварам, и ромэйские области обратились в легкую их добычу.

Успехам славянских вторжений содействовало и то, что в это время империя начала свою беспощадную войну в Италии, в которой варварам разного происхождения пришлось играть важную роль. Следует еще отметить, что по всем данным, приводимым у Прокопия, Хильвуд был славянин по происхождению. В пятидесятые годы VI в. известия о славянах становятся более определенными, и самые их движения в пределах империи получают ясно обозначенную цель и направление. Начиная с 547—548 гг., отмечаются первые набеги их в Иллирию и Далмацию до Драча, причем их не останавливали уже и укрепления, и они внушали такой страх- византийскому отряду в 15 тыс. человек, что он не осмеливался вступить с ними в дело. При описании событий этого времени отмечен исключительный по своему значению факт о движении 6000 славян в Северную Италию на помощь готам, которые вели отчаянную борьбу с воеводами Юстиниана[9]. В смысле оценки этих движений высоким интересом отличаются известия от 550—551 гг., которые находим уместным привести вполне [10].

Славяне в числе не больше 3000 человек перешли Истр, не встречая никакого сопротивления, и без малейшего труда переправились за Ма-рицу и там разделились надвое. Тот отряд, который двинулся на восток, встретился с Асвадом. Это был оруженосец Юстиниана, носивший чин кандидата и командовавший гарнизоном в Чорлу, что на дороге между Адрианополем и Константинополем. Одержав верх над Асвадом, славяне совершили над ним жестокую казнь, бросив его живым в огонь, а затем подвергли опустошению Фракию и Иллирию. По этому поводу наш историк делает замечание, что тогда славяне в первый раз стали осаждать крепости и что, имея свое пребывание на той стороне Дуная, начали переходить эту реку с недавнего времени. В этот же поход славяне впервые приблизились к морю и овладели городом Тонером[11], лежавшим на р. Месте в Южной Македонии.

Напор славян чувствовался не только на востоке, но и в западных провинциях империи. В первый раз славянские отряды заявляют определенный план — движение на Солунь и захват приморских

местностей. Это обнаружилось из расспросов пленных славян, захваченных близ Ниша, и поставило императора в такое положение, что он должен был отменить предполагавшееся движение войска в Италию и приказать полководцу Герману озаботиться защитой Южной Македонии и города Солуни. Один отряд, стоявший уже под Адрианополем, нанес поражение действовавшему против него евнуху Схоластику и без всякой помехи опустошил фракийскую равнину до Длинных стен, построенных Анастасием и возобновленных Юстинианом. Подводя итог сказанному, мы можем отметить для характеристики славян к половине VI в. следующие наблюдения. Отдельные лица из племенных старшин и из предводителей дружин знакомятся с византийскими нравами и ус-вояют греческий язык. Становясь полуобразованными греками, они вступают на византийскую службу и достигают известности, как военные люди (Хильвуд). Частые переходы славян за Дунай, сначала имевшие целью грабеж и добычу, становятся с половины VI в. более целесообразными и концентрированными, хотя не подлежит сомнению, что это не были движения народа, а лишь отдельных дружин небольших племен. Как ни низок культурный уровень славянских колен, находившихся на границе с Византией, но неоднократные походы во Фракию и Македонию, влияние местного населения, и особенно пленных греков и т. п., несомненно должны были способствовать образованию среди славян политического развития. Уже к этому времени славяне могли оценить сравнительные выгоды обладания приморскими местами и понять морское и военное значение Солуни.

Со своей стороны, правительство Юстиниана пользуется обыкновенными средствами византийской дипломатии, привлекая на свою сторону денежными выдачами и пожалованиями почетных званий племенных и коленных старшин славян. Никак нельзя сомневаться в том, что славяне тогда были еще далеки от образования княжеской власти. В значительной степени политической и военной организацией они обязаны были народу тюркского племени, с которым во второй половине VI в. пришлось им вступить в близкие сношения — разумеем аваров.

Первые известия об аварах имеются от 558 г.[12] Родственные гуннам, болгарам и позднейшим тюркам авары в половине VI в. двинулись из прикаспийских стран в Восточную Европу, где покорили ут-ургуров и кут-ургуров на Азовском море и вошли во враждебные столкновения со славянами на Днепре и Днестре. Когда в 568 г. лангобарды покинули придунайские области и начали движение в Северную Италию, аварам открылась легкая возможность завладеть Паннонией и основать между Дунаем и Тиссой центр обширного государства, в котором славяне были главным оседлым и земледельческим элементом.

Авары пришли в Европу и устроились в ней как завоевательное чуждое племя укрепленным военным станом. Места своего расположения они окружали на большом протяжении рвами, окопами и изгородями, и укрепляемая таким способом местность носила наименование хринг. Центр хринга, где было жилище кагана и где находились правительственные учреждения, окружен был особой стеной из дубовых и буковых деревьев. Система аварского и болгарского укрепленного лагеря может быть наблюдаема ныне в Болгарии, близ Преславы, где обнаружены раскопками Русского археологического института

в Константинополе древние болгарские военные поселения[13]. Аварские хринги располагались один от другого на небольшом расстоянии, чтобы в случае опасности легко было подать весть от одного к другому. В главном хринге между Дунаем и Тиссой хранились военная добыча и казна. Хотя авары не имели культуры и не вышли из первичных стадий родового быта, но им нельзя отказать в значительном развитии военного сословия и военного дела; благодаря этим преимуществам они без труда получили преобладание над славянами, которые сделались их данниками и военными союзниками.

Военная власть принадлежала кагану, который успел соединить аваров и направить их силы на славян и византийцев. В сознании своего военного могущества он с пренебрежением относился к соседним народам. Иноземные послы по нескольку дней стаивали пред его палаткой в ожидании, когда ему заблагорассудится принять их. Если предмет посольства ему не нравился, он осыпал посла и его повелителя презрительной бранью и приказывал разграбить его имущество. Но иногда он бывал великодушен: так, несколько тыс. византийцев, освобожденных им из славянского плена, он выпускает без всякого выкупа на свободу, но в другом случае торгуется в цене за каждого пленного и, не получая требуемого выкупа, хладнокровно убивает тысячи пленных. Раз в припадке добродушия предлагает жителям осажденного византийского города съестные припасы по случаю христианского праздника Пасхи и щадит город Анхиал, целебные воды которого помогли его жене. В другое время был без меры требователен и капризен. Узнав, что при императорском дворе содержатся редкие звери, заявляет желание получить слона. Когда просьбу его удовлетворили, послав ему самого красивого из царских слонов, каган капризно отказывается от этого подарка и требует золотого престола. В 582 г., находясь в мире с империей, соединяет мостом из судов города Срем и Белград. Когда у него спросили, ради какой причины предпринимается это, он произносит следующую торжественную клятву: «Пусть я с народом моим погибну от меча, пусть небо обрушится на нас, поразит гром, покроют горы и леса, пусть воды Савы потопят нас, если мы сделаем какое зло императору». Но как скоро мост был готов, он приказал объявить: «Нечего императору заботиться о городе, пусть он отзовет войско и выведет жителей, город для него уже потерян».

Вместе с появлением аваров на том театре военных действий, где прежде показывались отдельными и малоорганизованными отрядами славяне, совершенно изменяется и цель военных действий на Балканском полуострове, и самая тактика. Нельзя не видеть, что авары принесли с собой в военное дело особую, доселе неизвестную систему, и что они придали славянам военную организацию, какой им недоставало. Юстиниану пришлось познакомиться с аварами уже в преклонных годах, незадолго до смерти. К нему явились в Константинополь в 558 г. аварские послы и просили мест для поселения. Император принял послов с большой честью, обещал платить кагану ежегодную условленную сумму и одарил их подарками. До самой смерти Юстиниана в 565 г. каган не нарушал с империей дружественных соседских отношений и не переходил границы.

Совершенно изменяются дела на дунайской границе с вступлением на престол Юстиниана II (565—578) и при его ближайших преемниках.

Аварский каган заявил притязания на город Срем (Sirmium) на Саве, считавшийся ключом на северо-западной границе и довольно сильно укрепленный. Хотя в VI в. Срем не был уже главным городом Иллирика и центром военной и административной власти, но все же империя не отказывалась от своих исконных прав на эту область, оспариваемую сначала остготами, а затем гепидами и лангобардами. Ко времени Юстиниана II на этой границе произошли важные перемены, вследствие которых политическое влияние перешло к аварам и славянам. Та область, которую заняли и на которой твердо осели авары, принадлежала гепидам, владевшим частью нынешней Венгрии и нижними течениями Дравы и Савы. Ближайшими соседями гепидов на северо-западе были лангобарды, занимавшие провинцию Паннонию. В 567 г. гепиды потерпели сильное поражение от лангобардов, лишившее их на будущее время всякого политического значения; с другой же стороны, победители их, не воспользовавшись одержанной победой, начали свое известное передвижение в Италию. Все это было весьма благоприятным для аварского кагана сочетанием ряда обстоятельств, которые выдвинули аваров на передовую роль и побудили их передвинуться от нижнего течения Дуная на оставшиеся свободными места после гепидов и лангобардов. Притязания на Срем обозначали определенную цель кагана утвердиться на южной стороне Дуная и господствовать в области, освободившейся после гепидов и лангобардов. С 568 г. они овладели Паннонией и более полустолетия тревожили империю почти непрерывными набегами и грабежами.

Прежде чем продолжать довольно однообразную историю набегов на империю со стороны нового завоевательного народа, который притом же делает походы на Балканский полуостров вместе со славянами, находим необходимым сделать несколько замечаний по вопросу о том, в каких отношениях стояли к аварам славяне.

По более распространенному мнению, державшемуся почти до позднейшего времени, авары одно время были полновластными господами в Юго-Восточной Европе, владея обширными землями от Савы до Балтийского моря. Т. к. часть этого пространства, в особенности земли прикарпатские, несомненно были тогда заняты славянами, то в связи с указанным мнением предполагалось не подлежащим сомнению подчинение славян аварам. Довольно мало и до сих пор разъясненная история государства Само, центр коего предполагается в Чехии, точно так же способствовала упрочению теории о широком распространении аварской власти. В настоящее время, взвесив все сохранившиеся данные по истории аваров, мы должны значительно ограничить непосредственные пределы их влияния и признать, что в зависимости от них были только те славяне, которых они нашли в областях между Дунаем и Тиссой и в Паннонии, а равно те славянские племена, которые с конца VI в. оказываются уже оседлыми поселянами в Македонии и Фракии. Кроме того, судя по характеру устройства аварских хрингов, нужно заключать, что авары не смешивались с зависимыми от них народами, и что, следовательно, самая зависимость славян была такого рода, что оставляла за ними свободу внутреннего управления и предоставляла им жить под своими родовыми старшинами. Это мы должны утверждать, несмотря на известное место в первоначальной летописи о жестокости

и насилиях обров над славянами не только южными, но и северозападными. Если известия византийской летописи удостоверяют, что по приказанию кагана славяне с 579 г. совершают ежегодные и систематические вторжения в Македонию и Фракию, строят для аваров суда на Дунае и оседают на Балканском полуострове на постоянное жительство, то, с другой стороны, нельзя не считаться с тем, что в то же самое время некоторые племена удерживали за собой полную свободу действий и преследовали на Балканском полуострове самостоятельные задачи, как это будет видно далее. Известный гордый ответ Лавриты, князя небольшого племени славян, живших на левой стороне Дуная, на требование покорности и дани в пользу аварского кагана должен быть объясняем в том смысле, что власть аваров не простиралась так далеко на север и восток, как это было принято думать.

Переходя к истории славян в конце VI в., мы встречаемся с двумя фактами, свидетельствующими о том, что в последние годы Юстиниана и при его преемниках отношения славян к империи существенно изменились в двояком отношении: а) точкой отправления для славянских нападений на имперские области не служит более правый берег Дуная, а самый Балканский полуостров, в значительной — части уже занятый славянами; б) цель славянских домогательств к империи становится ясно и определенно совершенно новая, именно завоевание Солуни, захват островов и Греции и угрозы овладеть Константинополем, к которому они приближались и с суши, и с моря.

Эта сторона дела выясняется, главным образом, на основании актов великомученика Димитрия и патрона города Солуни, которые только в последнее время стали предметом внимания историков, хотя в общем далеко еще не исчерпаны для истории славянского движения в VI и VII вв.[14] В VI и VII вв., к которым относятся славянские набеги, Солунь занимала на Балканском полуострове исключительное положение. Она считалась по своему политическому, военному и торговому состоянию важнейшим из провинциальных городов империи и, несомненно, оправдывала свою славу первого города после Константинополя. Занимая прекрасное положение на море и владея лучшею гаванью Эгейского моря, Солунь в то же время имела все выгоды хорошо расположенного сухопутного места, т. к. стояла на большой римской дороге Via Egnatia, соединявшей Константинополь с Драчем. Независимо от того, географическое образование западной части Балканского полуострова способствовало тому, чтобы соединить Солунь с остальной Европой посредством Вардара, Дрина и Моравы. Все эти условия обеспечивали Солуни первостепенное положение на Балканском полуострове уже в древнее время. Из римской эпохи Солунь перешла в византийскую, не утратив своих преимуществ: в Солуни был центр гражданского и церковного управления Иллириком, здесь сосредоточивались общеимперские таможенные учреждения. Будучи административным центром для обширной области, Солунь владела весьма оживленными торговыми сношениями почти со всем тогда известным миром. Здесь происходил обмен товаров, шедших с севера, из Италии и Франции, из Александрии и Египта; сюда свозились европейские сырые товары и юЖ-ные и восточные: золото, драгоценные камни, шелковые ткани и восточные пряности. Хорошо возделанные земли в окрестности доставляли городу необходимые для жизни продукты, а на кораблях подвозились предметы

роскоши. Население города было весьма значительное и весьма вероятно, что в лучшее время достигало 200000.

Без сомнения, был в городе большой торговый и промышленный класс, который доставлял средства на устройство многочисленных храмов и монастырей и на украшение их произведениями искусства. Нужно заметить, что и по настоящее время в Солуни более сохранилось блестящих памятников искусства, чем в самом Константинополе, а что эти памятники возникали и поддерживались на благотворительные средства, об этом определенно говорят акты св. Димитрия. Умственная жизнь в городе отличалась подъемом, не уступая столице: много просвещенных деятелей и писателей вышло из Солуни.

Составляя собой важный административный и военный пункт, Солунь своими военными сооружениями доставляла безопасное убежище и охрану многочисленному населению окрестных мест, когда опасность угрожала им от северных врагов. Городские стены, сохранившиеся до настоящего времени, во многих частях представляют постройку XIV в., но по своим основам и по системе построения относятся к древнейшим временам. В эпоху движения славян город уже был окружен с суши и с моря. В настоящее время стены уничтожены со стороны моря и в ближайшем от него расстоянии. На небольших расстояниях стена укреплена башнями. Большие башни, составлявшие, очевидно, ключ позиции, сохранились только у моря; такова же угловая башня у кремля. Все стены увенчаны зубцами, кладка — в большинстве мелкий дикий камень на хурусане с прокладкой рядами кирпича — характерная особенность построек с XIV в. Близ главных ворот кремля лежит большой блок старой стены, вероятно упавшей от землетрясения. Кремль окружен отдельной стеной, и т. к. в настоящее время в нем находится государственная тюрьма, то осмотр его не представляется возможным. При повороте стены на юг к морю на башне сохранилась надпись из кирпичной прокладки, свидетельствующая о постройке ее деспотом Мануилом.

Имея исключительно благоприятное положение на полуострове и господствуя в административном и экономическом отношении над обширным пространством, Солунь с наступлением смутной эпохи передвижения народов, которая слишком сильно и не раз затрагивала и Балканский полуостров, стала предметом особенных домогательств разных варварских народов, стремившихся овладеть этим богатым городом. Но что всего любопытней, и что особенно нужно здесь отметить, славянские набеги на Солунь имели целью не только хищение и грабеж, но конечное завоевание города с определенно выражаемым планом поселиться в нем навсегда. Ясное дело, что подобным образом формулированный план предполагает уже хорошо созревшее дело колонизации полуострова и известного рода подготовленность среди славянских вождей к завоеванию у империи важного морского города, принадлежавшего ей. В этом отношении для выяснения взаимного положения Византийской империи И славян в половине VI в. необходимо войти в детальное рассмотрение всего доселе ставшего известным материала.

На первом месте стоит вопрос об актах св. Димитрия,— разумеем весь тот материал, который сообщен в Acta SS. под 8 октября и которо-^У предпослан прекрасный критический аппарат[15]. Хотя этот материал

достаточно уже был исчерпан Тафелем в его работах о Солуни[16], но, как оказалось потом, находящееся у болландистов издание сказаний о чудесах св. Димитрия не может быть признано удовлетворительным. Уже дополнения, сделанные в этом отношении аббатом Тугаром[17], показали, как сказания о св. Димитрии, изданные болландистами, недостаточны в смысле неполноты в передаче рукописного текста. На основании дополнительных текстов ученому Гельцеру[18] удалось бросить совершенно новый свет на чудеса св. Димитрия как исторический материал для истории славян, а в самое последнее время вопрос о славянском движении на Балканском полуострове вновь тщательно рассмотрен и оценен в двух прекрасных трудах на сербском и чешском языках [19].

Первая часть чудес св. Димитрия, принадлежащая архиепископу Иоанну, жившему в начале VII в., разделена на 15 глав и содержит повествование о чудесной помощи, оказанной св. Димитрием или отдельным лицам, или вообще городу Солуни. Никак нельзя думать, что порядок, в каком следуют одно за другим чудеса, соответствует хронологической их постепенности; в особенности это можно с значительным вероятием утверждать о чудесах, относящихся к городу. Именно в легенде повествуется, между прочим, о трех набегах на Солунь со стороны страшных варваров, которые в гл. VIII точно не обозначены, а в гл. XII прямо названы славянами, и число их даже определено в 5000 человек. Не останавливаясь пока на установлении хронологии для первых набегов на Солунь, сосредоточим внимание на том деле, которое описывается в XIII главе и которое имело наиболее важное значение. В этом деле, по-видимому, организованном аварским каганом, рельефно выступают приобретенное к тому времени славянами значение и их политические притязания.

«Говорят, что по какому-то случаю тогдашний аварский хан послал послов к блаженной памяти царю Маврикию. Не достигнув желаемого, он возгорел неудержимым гневом, и как не мог ничего сделать тому, кто его не послушал, придумал способ, каким, по его предположению, он всего более мог досадить ему, что и оказалось вполне верно. Рассудив, что богохранимая митрополия Фессалоника между всеми городами Фракии и Иллирика по преимуществу отличается разнообразными богатствами и людьми почтенными и разумными и истинными христианами, одним словом, имея полную уверенность, что названная митрополия лежит на сердце царя, так как она во всех отношениях блистает преимуществами, и что, если бы с ней случилось неожиданное несчастие, то ромэйский венценосец испытал бы не меньше горя, как от убийства собственных детей, призывает к себе все славянское языческое и грубое племя, ибо весь этот народ был ему подчинен, и, присоединив к ним некоторых варваров другого происхождения, он отдал приказ всем им идти на богоспасаемую Фессалонику.

И эта громадная толпа с такой быстротой исполнила поход, что мы не узнали об их приближении как только за один день: мы получили об этом известие в воскресенье 22 сентября. Городские жители не думали, чтобы они могли достигнуть сюда раньше четырех или пяти дней, и потому

совсем не озаботились мерами защиты; между тем как они в самую ночь на понедельник ранним утром без шума подошли к стенам города Первая защита всеславного мученика Димитрия состояла в том, что он помрачил их зрение в эту ночь, и что они простояли несколько часов у башни святой мученицы Матроны, приняв ее за город. Когда же явилась утренняя заря, и они поняли, что город близко, то единодушно устремились на него, как лев хищный и рыкающий. Затем, приставив к стене лестницы, которые заранее приготовили и несли с собой, они пытались подняться по ним; но вот тогда-то и случилось невероятное и великое чудо святого подвижника». (Именно повествуется, что святой в виде пехотинца сбрасывал со стены всякого, кто хотел подняться.) Эта семидневная осада, окончившаяся постыдным бегством варваров, составляла для Солуни явное доказательство чудесного заступничества св. Димитрия. Варварам казалось, что город защищают громадные силы (а их совсем не было), которыми предводительствует муж с огненным цветом лица, сидящий на белом коне и одетый в белую хламиду.

Давно уже поднятый и окончательно не решенный вопрос о значении славянской иммиграции на юг Балканского полуострова, в Фессалию, Грецию и на острова, несомненно, должен получить окончательное свое разрешение по связи со сказаниями о чудесах св. Димитрия. Ограничиваясь пока первой легендой, которая не выходит, по сообщаемым в ней данным, за конец VI в., мы должны признать насущность определенного плана у славян — захватить морской берег и завладеть с целью окончательного в нем поселения важным приморским городом, которым империя не могла не дорожить.

Могли ли славяне в VI в. осуществить подобные притязания? В период с 580 г. и до конца столетия происходили наиболее важные попытки со стороны славян занять господствующее положение на территориях, подчиненных Византийской империи. От этой эпохи сохранилось несколько важных известий, которые частью были уже известны, но несколько заподозрены в период жарких споров по поводу высказанной Фальмерайером теории об окончательном уничтожении славянами эллинского населения в Греции и Фессалии.

На первом месте стоит известие Иоанна Ефесского [20]. «На третий год по смерти царя Иустина и в царствование победоносного Тиверия* выступил проклятый народ славяне, которые прошли всю Елладу, фессалийские и фракийские провинции, взяли многие города и крепости, опустошили, сожгли, разграбили и завладели страной и поселились в ней совершенно свободно и без страха, как бы в своей собственной. Это продолжалось четыре года, пока царь занят был войной с персами и все войска послал на Восток. В это время славяне по Божьему попущению распоряжались в стране совершенно свободно, опустошали, жгли и грабили даже до Внешней стены, так что захватили все царские стада—многие тысячи — и стада частных лиц. И вот до нынешнего

* Иустин II царствовал от 565 до 578 г , Тиверий II — от 578 до 582 г.

дня — а теперь идет 895 год (т.е. 584) — они спокойно живут в ромэйских провинциях, без заботы и страха, занимаясь грабежом, убийствами и поджогами, отчего разбогатели, нажили золота и серебра и владеют стадами коней и оружием, научившись военному делу лучше самих ромэев. А между тем это были простые люди, которые не смели выходить из своих лесов и не умели пользоваться оружием»[21].

Это известие, равно как и некоторые другие, напрасно старались ослабить противники Фальмерайера. С появлением новых источников, идущих с разных сторон, становится неопровержимым фактом, что большие вторжения славян усиливаются в последней четверти VI в., направляясь то до Константинополя, то до Эгейского моря. Подразумеваемые известия хронологически совпадают с теми датами, которые даны в приведенном тексте Иоанна Ефесского. В четвертый год, читается у Менандра, царствования Тиверия Константина кесаря (578—582) во Фракию сделал вторжение славянский народ до ста тыс. числом и опустошил Фракию и многие другие области[22].

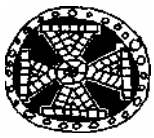
Новый свет на занимающие нас отношения брошен как новыми западными, так двумя восточными хрониками,~йедавно сделавшимися доступными в прекрасных французских переводах. Это, во-первых, летопись Иоанна, епископа Никиу, жившего во второй половине VII в. и игравшего важную роль в истории Церкви Верхнего Египта[23]; во-вторых, хроника Михаила Сирийца, патриарха антиохийского, жившего в XII в., но пользовавшегося хорошими источниками, которые частью ныне утрачены [24]. Обе эти хроники сообщают драгоценные данные для освещения событий, слабо намеченных греческими писателями, в особенности по отношению к славянской истории. Ограничиваясь здесь ближайше лишь движением славян на Солунь, мы отметим для последних годов VI в. следующее место из хроники Иоанна из Никиу: «По отношению к Римской империи есть известия, что короли того времени с варварами, чуждыми народами и жителями Иллирика опустошали христианские города и уводили в плен жителей. Была пощажена только Солунь, благодаря крепости своих стен и Божиему покровительству; варварским народам не удалось овладеть этим городом, хотя вся (окрестная) область была опустошена»[25]. По отношению к тем же годам в хронике Михаила Сирийца можно найти чрезвычайно важные известия, характеризующие положение дел на Балканском полуострове. «Жестокая вражда,— говорится здесь,— между римлянами и персами продолжалась 20 лет. Римляне снова были стеснены проклятыми варварами с нечесаными волосами, которых называют аварами и которые двинулись с отдаленного Востока, а также славянским народом, жившим на Западе, и другими народами, называемыми лангобарды. Они осаждали римские города и крепости и говорили жителям: выходите, сейте и собирайте жатву, мы возьмем у вас в дань только половину. Если бы император не сделал защиты поблизости Адрианополя, они уже стали бы домогаться самой столицы. Император и его войска дрожали от страха пред этими варварами. Целая армия была послана к Внешней стене,

отстоящей от столицы на 60 миль. В войско принуждены были записывать даже лиц, принадлежащих к клиру. Переписчики были разосланы по разным местам набирать людей в военную службу. Они сделали много зла и причинили большие бедствия: отнимали у родителей детей и разоряли страну, отбирая лошадей, быков и даже кур»[26].

Рядом с приведенными известиями восточных писателей, которые в живых красках описывают отчаянное положение дел на Балканском полуострове и не оставляют никаких сомнений о том, что в конце VI в. славяне уже осели на полуострове и действительно распоряжались на нем как хозяева, мы не можем более считать преувеличенными или малодостоверными те сведения византийских писателей относительно характера славянской иммиграции, которые касаются Греции, Фессалии и островов. И прежде всего следует здесь напомнить превосходное место схоластика Евагрия, который в своей церковной истории говорит о событиях занимающей нас эпохи (588—589): «Авары, дважды прошедши до так называемой Длинной стены, завладели Сингидоном (ныне Белград) и Анхиалом, захватили и поработили всю Елладу и другие города и крепости, все предавая убийству и огню, так как войска были отведены на восток»[27].

Сказание о чудесах св. Димитрия (вторая легенда) разделено на VI глав. Кроме новых данных о нападениях на Солунь вторая легенда в особенности отличается любопытными фактами бытового и культурного характера, - сообщая интересный материал о культурных отношениях, создавшихся после иммиграции славян. Относительно хронологии каждого отдельного события возможны еще споры, но в общем не подлежит сомнению, что во второй легенде идет речь о фактах славянской оккупации, относящейся к первой половине VII в.— из эпохи Ираклия.

Здесь мы остановимся в изложении фактов славянской истории. До первой четверти VII в. она представляет некоторую последовательность и до известной степени систематичность и закономерное поступание вперед. Как самостоятельные походы славян, так и последующие их вторжения в союзе с аварами направлены к двум ясно выраженным целям — к завладению Балканским полуостровом и к господству на Эгейском море и островах. В самом конце VI в. обе эти цели были осуществлены, славяне владели уже флотом, делали набеги на приморские города и на острова и затрудняли сношения столицы на Мраморном море и Эллиспонте, имели прочную оседлость в Фессалии и Греции, несколько раз пытались овладеть Солунью. Все это реальные факты, засвидетельствованные не зависимыми один от другого писателями, жившими и писавшими в разных местах. Естественно возбуждаются вопросы, почему же славяне не удержали так успешно занятого чрезвычайно выгодного положения; почему первая четверть VII в. полагает резкую границу между предыдущими и последующими фактами в славянской истории? К разъяснению этих роковых вопросов мы возвратимся при изложении событий царствования Ираклия.

Глава IV

Юго-восточная и южная границы империи. Персидские войны. Сферы влияния в Аравии. Египет и христианская миссия на границах Абиссинии

Две обширнейшие монархии в тогдашнем мире — Персия и Византия— имели всегдашние поводы к сношениям между собой не только вследствие соседства на громадном протяжении от Кавказских гор до Евфрата, но и по многим другим причинам, коренящимся в этнографических и экономических условиях того и другого государства. Уже то обстоятельство, что на восточной границе так же, как и на северо-западной, не было твердых и неизменных границ, и что разные незначительные и малокультурные народы, подвергаясь то византийскому, то персидскому влиянию, меняли, смотря по обстоятельствам, свою политику и переходили то на сторону православного царя, то персидского,— уже это не могло не возбуждать постоянных недоразумений между двумя империями. Кроме того, отдаленность восточной границы и сопряженные с этим трудности в содержании на Евфрате и у подошвы Кавказа значительного войска и провианта побуждали империю искать союзников или наемников между мелкими князьями и начальниками кочевых племен и доверять им защиту своих отдаленных границ.

Главной опорой византийской власти на востоке была Армения, разделенная, впрочем, на персидскую и византийскую половины и имевшая в Малой Армении укрепленный город Феодосиополь близ нынешнего Эрзерума. На юге в Месопотамии более значительный гарнизон содержался в крепости Дара, или Анастасиополь, построенной на самой границе с Персией, близ Нисиби. Далее на юг спокойствие Сирии зависело от положения, в каком находились к империи полудикие племена, бродившие в пустыне между Пальмирой и Дамаском. Кавказские горы составляли естественную защиту империи против неожиданных вторжений. Наблюдение за кавказскими проходами лежало на Персии, которая за это пользовалась от империи ежегодными денежными взносами.

Современником Юстиниана на персидском престоле был не менее первого известный в истории сын Кабада, Хосрой Нуширван, царствовавший 48 лет[1]. Хотя заключенный между Персией и Византией 30-летний мир был неоднократно нарушаем, но до конца царствования Юстина формального разрыва не наступало. Юстиниан в начале 528 г. отдал приказание тогдашнему начальнику гарнизона в Даре Велисарию приступить к построению на персидской границе другой крепости поблизо-

сти от Нисиби, в местности Миндон. Т.к. военное значение Дары подвергается сомнению с точки зрения военного искусства (см. выше), то легко понять беспокойство со стороны персов, которые увидели в этом явно враждебные намерения. Престарелый Кабад послал в Месопотамию большой отряд с поручением воспрепятствовать строению крепости. В происшедшей битве персы нанесли Велисарию сильное поражение и почти уничтожили бывший под его командой отряд, постройка крепости была оставлена, и выбранное для крепости место перешло в руки персов. Юстиниан, очевидно, составивший уже определенный план для ведения войны на Востоке, поручил командование восточными войсками Велисарию и дал ему значительные военные силы, собранные в европейских провинциях и состоявшие большею частью из иноземных дружин.

В 530 г. под Дарой снова встретились персидские и византийские войска. Мы имеем прекрасное описание происшедшего здесь сражения, принадлежащее очевидцу, историку Прокопию, который при этом упоминается в первый раз в качестве секретаря и доверенного лица Велисария: «Персы состояли под начальством Пероза, достоинством миррана. Он послал сказать Велисарию, чтоб была готова баня, потому что на другой день он намерен в ней мыться. С восходом солнца римляне увидели идущего на них неприятеля и построились следующим образом: Вуза с многочисленною конницей и Фара, родом герул, с 300 своих единоплеменников заняли край левого прямого рва, состоящего под валом и простиравшегося до холма, который тут возвышается. Влево от них вне рва... стояли Суника и Эгак, родом массагеты, с 600 конными. Края прямого рва заняты многочисленною конницей, состоявшею под начальством Иоанна, сына Никиты, также Кирилла и Маркелла, с ними были Герман и Дорофей... По всему рву стояли конница и пехота; за ними, в самой середине, стали Велисарий и Гермоген. Так ромэи построили свое войско, состоявшее из 25 тысяч человек. У персов было 40 тысяч конницы и пехоты, они стояли в строю, сделав фронт фаланги самый глубокий»[2]. Оба войска долго стояли в боевом порядке, не решаясь начать сражение. Один перс стал вызывать на единоборство с ним; против него выступил грек Андрей, обладавший большим искусством в телесных упражнениях, и одержал над персом победу. На следующий день произошло большое сражение, в котором не так легко, однако, разобрать подробности. Нужно полагать, что успех сражения зависел о г конницы, которая была прикрыта горами и которая в нужное время была введена в дело. Персы были разбиты на правом и левом крыле и обратились в бегство, но Велисарий удержал своих от продолжительного преследования побежденного неприятеля, опасаясь засады.

Хотя непосредственная опасность в Месопотамии устранена была этой победой, и хотя со стороны персов сделаны были предложения о мире, но неожиданно обстоятельства снова приняли неблагоприятный оборот вследствие перехода на службу персов одного начальника бедуинов по имени Аламундар и сделанной им диверсии в Сирии. Прокопий так рисует план этого союзника персов, внушая ему следующую речь к Кабаду: «В областях Месопотамии есть весьма хорошо укрепленные города, а в них ныне военных людей такое множество, какого прежде никогда не бывало. Напротив, за Евфратом и в Сирии нет ни укрепленного города, ни значительной силы неприятельской. Я это слыхал от

сарацинов, которые туда были посылаемы лазутчиками. В той стране, говорят, и Антиохия—город, превосходящий богатством, обширностью и многолюдством все города восточного ромэйского края; этот город без охраны и без войска. Жители его ни о чем не думают, кроме праздников и увеселений, и только спорят между собой о театральных представлениях. Итак, если подойдем к этому городу неожиданно, то, вероятно, возьмем его при первом нападении и, не встречая никакого неприятельского войска, возвратимся в Персию прежде, нежели месопо-тамское войско узнает о нашем движении. О недостатке в воде и припасах не беспокойся, я сам поведу войско самым лучшим путем» [3].

На восточной границе, где в пустыне кочевали свободные племена бедуинов и куда не достигало ни византийское, ни персидское непосредственное влияние, по временам чрезвычайно важное значение играли шейхи и эмиры, состоявшие на жалованье у той или другой империи. Прекрасно зная страну и пути сообщения по безводным пустыням и располагая верными людьми, которые держали их в известности насчет движения отрядов и состояния гарнизонов в крепостях, начальники бедуинских конных отрядов могли служить страшным орудием в борьбе между персами и византийцами, почемуй та и другая стороны не жалели средств на подкуп подобных друзей и союзников. Таков, конечно, был и Аламундар; это был человек прозорливый, опытный в военных делах, которого Прокопий характеризует так: «Сильно преданный персам и чрезвычайно деятельный, он в продолжение 50 лет обессиливал ромэев. От самых пределов Египта до Месопотамии грабил и опустошал ромэйские области: жег здания, брал людей в неволю тысячами, одних убивал, других продавал за большие деньги. Никто не мог ему противиться, он никогда не нападал без соблюдения осторожности, но так неожиданно и так применяясь к положению дел, что был уже далеко с захваченной добычей, когда военачальники, узнав об его набеге, начали собирать против него силы. Если когда и случалось нагнать его, то он же нападал на них, еще не готовых и не устроенных к бою, разбивал и истреблял их без малейшего труда» [4]. Царь Юстиниан, очень хорошо понимая значение конных бедуинских отрядов, с своей стороны не пренебрегал их службой и привлек на свою сторону начальника другого племени по имени Арефа, наградив его византийскими титулами и достоинствами; но Арефа был менее полезный союзник, чем Аламундар.

Персидский царь одобрил вышеизложенный план движения в Сирию, и в 531 г. персидское войско начало враждебные действия на юг от Месопотамии и по течению Евфрата двинулось в Сирию. Сюда же поспешил с небольшим отрядом Велисарий и встретил персидское войско близ города Каллиника. На этот раз персидские планы насчет перенесения войны в Сирию не были осуществлены, хотя, с другой стороны, необеспеченность Византии на этом театре хорошо доказана была уже и тем, что Велисарий принужден был спешить из Месопотамии на защиту Сирии с небольшим отрядом. В деле под Каллиником, происходившем в апреле 531 г., перевес оказался на стороне персов. Т.к. после этого Велисарий был отозван с Востока и заменен стратигом Мундом, то можно думать, что поражение, понесенное византийцами, приписывалось правительством вине Велисария; но из описания сраже-

ния у Прокопия и Малалы трудно вывести заключение о подробностях. По всей вероятности, исход сражения зависел от нанятой варварской конницы, которая не была достаточна против превосходных по числу персидских сил. В сентябре того же года умер персидский царь Кабад, и его преемник Хосрой предложил вступить в переговоры о мире. Так заключен был так называемый вечный мир, по которому граница между империями была признана прежняя, но с определенно выставленным условием, чтобы главное пребывание начальника месопотамских войск было не в Даре, а в Константине, т. е. несколько далее от персидской границы. Кроме того, особой статьей обусловлены были отношения на Кавказе и охрана кавказских проходов. Юстиниан обязался выплатить персам 110 кентинариев золота, а персы приняли на себя защиту проходов.

Но этот мир далеко не принес успокоения на восточной границе. Для Юстиниана весьма важно было освободиться от необходимости держать большие армии на Востоке, т. к. его предприятия на Западе, в Африке и Италии требовали напряжения всех сил империи. Поэтому он готов был сделать важные уступки персам, чтобы обеспечить себе спокойствие на восточной границе. Выше мы видели, как Юстиниан воспользовался миром с персами для осуществления своих мировласти-тельных планов на Западе, как успешно выполнил заморские предприятия в Африке и Италии. Весьма любопытно отметить, что блистательные подвиги полководцев Юстиниана в Африке и Италии имели громкий отклик на отдаленном Востоке, вследствие чего «вечный» мир с персами оказался далеко не прочным, а захват сфер политического влияния Византии, не имея, по-видимому, пределов, стал непосредственно затрагивать интересы персидского царя.

Именно в период от 532 до 539 г. уполномоченные Юстиниана успели утвердить его влияние на Кавказе и в Крыму и, кроме того, привлечь на его сторону полунезависимых шейхов в Южной Аравии и тем приготовить для Персии весьма чувствительный удар. Прокопий передает эту мысль по случаю сношений готского героя Витигеса с Хос-роем, которому готские послы говорят между прочим: «Если кто скажет, что ты, царь, предаешь свое царство и весь род человеческий Юстиниану, тот скажет совершенную правду. Юстиниан, как человек от природы беспокойный и жаждущий того, что никоим образом ему не принадлежит, употребит все средства, чтобы покорить себе все царства и захватить всю вселенную. Не быв в состоянии напасть на персов с одними своими силами, ни обратиться на других в такое время, когда персы ему противятся, он принял намерение обманывать тебя под завесой мира. Нет сомнения, что если ему удастся совершенно сокрушить силу готов, то он вместе с ними и другими порабощенными народами обратит оружие на персов. Итак, пока у тебя есть надежда на спасение, не делай нам более зла своим бездействием, дабы ты сам не претерпел того же. В наших бедствиях предусматривай те, которые вскоре постигнут Персию. Помни, что римляне никогда не будут доброжелательны твоей державе» [5].

Еще определенней и систематичней Прокопий характеризует, рточки зрения соседних с Византией народов, иностранную политику Юстиниана в следующих словах армян, обращающихся с жалобой

к Хосрою. Указав царю на завоевательную политику Юстиниана, армянские послы предупреждают его об угрожающей ему опасности непосредственно для самой Персии, если будут продолжаться вредные последствия заключенного с Византией договора: «Юстиниан наложил на нас подати, каких мы прежде не знали; покорил соседних с нами цанов, доселе независимых; поставил византийского начальника над царем несчастных лазов... послал в Воспорское царство своих военачальников и покорил его своей власти, заключил союз с царствами эфиопскими, охватывает уже землю омиритов и Черное море, присоединяет и страну фиников к ромэйским владениям,— о бедствиях ливийцев и итальянцев не будем упоминать. Целая земля уже не вмещает этого человека.— Не он ли посреди мира употребил все средства к обольщению раба твоего Аламундара и к отторжению его от твоего царства; не он ли ко вреду твоему старался недавно привязать к себе гуннов, с которыми прежде не имел никаких сношений?» [6]

Все это едва ли может быть принято за реальные и действительно уже достигнутые во внешней политике результаты; многое тут преувеличено и сообщается в ложном освещении, но по существу здесь верно характеризован Юстиниан с его завоевательными планами. В тех случаях, где по состоянию источников удалось проверить известия Прокопия, получается не подлежащий сомнениям вывод о широкой сети тайных сношений византийского правительства с соседними мелкими властителями в особенности в Крыму, на Кавказе, в Армении, а равно с полунезависимыми шейхами на границе Византии и Персии и в Аравии. Первый повод к открытой вражде подали именно мелкие распри между двумя сарацинскими или лучше бедуинскими шейхами близ Пальмиры. Один из них был на службе Византии, т. е. пользовался званием патри-кия и денежными выдачами и обязывался защищать Сирию и Палестину со стороны пустыни. Это был перешедший в христианство шейх из племени гассанидов, известный под именем Арефа. Соперником его, бывшим на жалованье у персов, был уже несколько раз упоминавшийся Аламундар. Чтобы разрешить между ними спор из-за владений, Юстиниан послал двух уполномоченных, а персидский царь принял это за вмешательство в дела его вассала и выставил обвинение против Юстиниана, что он пытался подкупить Аламундара и побудить его к измене. Это послужило основанием для Хосроя нарушить заключенный в 532 г. мир и начать вновь войну весной 540 г.

Поход открылся движением персидского войска в провинцию Сирию, которая была недостаточно защищена, и в которой Хосрой имел основания надеяться на успех. Первое серьезное дело было под городом Сура на Евфрате. Т. к. жители этого города оказали ему сопротивление, то Хосрой решился поступить с ним со всей строгостью. Коварной хитростью завладев городскими воротами, Хосрой поспешно ввел в Суру отряд персов и, вопреки данным ранее обещаниям, подверг город опустошению и истреблению огнем. Множество жителей взято было в плен и отправлено в Персию. Отсюда победоносное шествие Хосроя направлялось к главному городу Сирии, царице восточных городов Антиохии, которая, хотя много потеряла с переходом в средние века, но все же продолжала пользоваться славой богатого, просвещенного и мно-

гонаселенного города. Весьма важно отметить, что со стороны Византии принято было мало средств к защите Сирии, как будто поход Хосроя был совершенной неожиданностью.

Главнокомандовавший восточными войсками Вуза находился в то время в Иераполе, в Северной Сирии, и не только не выступил против персов, но даже не в состоянии был оказать помощи самому городу Иераполю. Правда, Юстиниан отправил в Антиохию своего племянника, патрикия Германа, с небольшим отрядом, но и он не был в состоянии приготовить город к серьезному сопротивлению. Оказалось, что стены Антиохии были далеко не надежны, и что даже с той стороны, с которой город считался недоступным, именно со стороны окружающих Антиохию гор, находившиеся близ стен утесы могли дать неприятелю важные преимущества. Технический недостаток в укреплении был замечен слишком поздно, и исправлять его не было времени. Т. к. Хосрои, по-видимому, всему предпочитал в этом походе добычу и обогащение драгоценными предметами, хранившимися в больших городах, то Герман сделал попытку задержать приближение персидского войска, открыв переговоры о денежном выкупе. Уже богатые города Сирии, лежавшие на пути к Антиохии, должны были поплатиться громадными суммами в пользу персов и, кроме того, испытали невообразимые страдания от неприятельского пленения и убийства. Когда Хосрои находился уже под Алеппо (древняя Веррия), Герману было объявлено чрез епископа Веррии, что Антиохии может быть дан мир, если она уплатит царю 10 сентинариев золота, или около 250 000 рублей. Хотя эта сумма не может представляться чрезмерной для большого города, но для антиохийцев она казалась обременительной, и потому город решился вверяться своим естественным твердыням, которые, однако, не были вполне надежны. Многие заблаговременно оставили город, захватив с собой имущество, но прибытие 6000 воинов из Ливана на подкрепление гарнизона поселило уверенность, что можно бороться против персов с надеждой на успех. В этой уверенности подкреплял антиохийцев и Юлиан, доверенное лицо Юстиниана, присланный в Антиохию с целью поддержания в гражданах энергии.

Отказавшись от выдачи требуемой Хосроем суммы, антиохийцы ухудшили положение уже совершенно излишней жестокостью, убив посланца персидского царя, договаривавшеюся о сумме денежного выкупа. Между тем для защиты стен не оказалось достаточно военных людей. Хотя и призваны были к сторожевой службе торговые люди и ремесленники, но они, издеваясь над Хосроем с городских стен и посылая ему брань и проклятия, еще больше раздражали его, возбуждая в нем желание взять город и жестоко наказать его жителей. Антиохия взята была персами именно с той стороны, где городские стены были мало защищены и где они приближаются к господствующим над кремлем вершинам. Как скоро незначительный гарнизон Антиохии испытал Неудачу при отражении приступа персов, в городе начались паника и беспорядочное бегство. Персы овладели Антиохией, разграбили церкви и общественные здания и взяли множество пленных.

Впечатление, произведенное сдачей Антиохии, было громадное. Под его влиянием начавшиеся вновь переговоры о мире пошли более успешно, чем прежде. Хосрои воспользовался приобретенными

выгодами и возвысил требуемую от Византии сумму, объясняя притом, «что не подлежало почитать мир утвержденным навеки потому только, что теперь уплачивается ему требуемая сумма, ибо дружба, заключенная между народами за деньги, которые издерживаются, обыкновенно вместе с деньгами уменьшается и истощается». Этим ораторским приемом мотивировалось требование ежегодной дани. После долгих переговоров мир был заключен на том условии, что Византия уплатит единовременно 50 кентинариев, т. е. около миллиона рублей, и обяжется к ежегодной плате по 5 кентинариев за охрану каспийских проходов. Прежде чем указанные условия были приняты Юстинианом, персы причинили немало бед и другим городам при обратном движении через Месопотамию. Особенной для себя честью Хосрой полагал взятие Эдессы, т. к. у христиан было верование, что этот город не может быть взят ни одним врагом. Подступив, однако, к городу и получив согласие жителей уплатить два кентинария золота, Хосрой удовлетворился этим откупом и направился к крепости Дара, лежащей на границе Персии и Византии, которая была выстроена Анастасием и составляла предмет постоянных недоразумений между двумя империями. Начав осаду и этой крепости, Хосрой не считал, однако, полезным доводить дело до разрыва и скоро отошел в свои владения. Вблизи Ктесифона в сознании блестящего успеха оконченного предприятия персидский царь приказал построить новый город, который он украсил памятниками искусства, привезенными из Антиохии, и который населил взятыми из византийских городов пленниками. Этот город получил имя Хосроевой Антиохии.

В дальнейших отношениях между Персией и Византией важную роль играли древняя Колхида и вопрос о кавказских и каспийских воротах. В современных описываемым событиям памятниках страна эта называется Лазикой, а жители ее — лазами. Она граничила с персидской Арменией и с полунезависимыми племенами и подвергалась попеременно то персидскому, то византийскому влиянию. Не представляя сама по себе значения как страна бедная и не производящая необходимых для жизни продуктов, Лазика, тем не менее, была предметом особенных попечений со стороны Персии и особенно Византии и несколько лет служила театром ожесточенных войн. Можно догадываться, что обладание этой страной рассматривалось как средство политического и экономического влияния на Кавказе и по Черноморскому побережью. Кроме того, как лазы, так и соседние с ними ивиры были естественными стражами проходов чрез Кавказский хребет и с этой точки зрения ценными союзниками для той империи, политическое влияние которой в данное время имело перевес.

Случилось так, что сейчас же по окончании победоносного похода в Месопотамию и заключении мира персидский царь вновь начал войну с Византией из-за Лазики. Наследственный князь в этой стране Тобаз состоял в зависимости от Византии, носил имперские почетные звания и обязывался оберегать интересы Юстиниана. Хотя свобода лазов ничем не была ограничена, но влияние Византии сказывалось во многих фактах. Между прочим, было признано необходимым держать в Лазике военный византийский отряд с целью противодействовать персидскому влиянию, имевшему преобладание в соседней Ивирии. К сожалению,

назначаемые из Константинополя начальники не были на высоте своего положения и возбуждали население всевозможными притеснениями. Таков был Иоанн Цив, который довел до крайних пределов недовольство в Лазике византийским патронатом. Можно, конечно, думать, что в характере деятельности Цива выражалась целая система. В самом деле, выстроенная при нем в Лазике крепость по имени Петра на морском берегу, неподалеку от Риона (древний Фазис), выражает государственную тенденцию. Здесь был устроен не только оплот византийского влияния с военными запасами и провиантом, но также и таможенное ведомство, доводившее лазов до крайней степени нужды и возмущавшее их чувства. По словам Прокопия, византийский начальник гарнизона Петры грабил лазов; уже не было более позволено купцам привозить в Колхиду соль и другие товары, необходимые для лазов, или у них что покупать. Иоанн завел в Петре монополию, сделался торгашом, заведующим всем торгом, сам все покупал и продавал колхам и не по обыкновенным ценам, а по тем, какие сам назначал.

Если взвесить все эти данные, то нужно будет признать, что постройкой Петры византийское правительство не только достигало порабощения Лазики, но и заводило здесь морскую стоянку и устанавливало прямые морские сношения с этой частью своих черноморских владений. Ввиду указанных обстоятельств лазы решились искать покровительства персов, в котором Хосрой не отказал им. Пустив слух, что ивирам угрожает опасность со стороны северных врагов, Хосрой в 541 г. пошел якобы на защиту их; на самом же деле лазы провели его им известными и заранее приготовленными дорогами в свою страну, где Гобаз встретил персидского царя и выразил ему свою преданность. Предстояло отнять у византийцев крепость Петру и освободить Лазику от власти Юстиниана. Это предприятие представляло значительные трудности ввиду почти неприступного положения Петры, защищенной морем и скалами. Тем не менее, крепость подверглась осаде и взята была посредством подкопа под одну башню, с падением которой гарнизон должен был сдаться. Хосрой захватил здесь большие богатства, собранные посредством вымогательств Цива, поставил в Петре персидский гарнизон и мог считать свою задачу оконченной, тем более, что до него стали доходить слухи об угрожающем движении Велисария. Успешное взятие Петры имело еще и тот результат, что два других укрепления, находившихся на север от Петры, Севастополь (Диоскориада) и Пицунда, были покинуты византийским гарнизоном и перешли под власть персов. Принимая в соображение то обстоятельство, что Хосрой замышлял строить корабли на Черном море и для этой цели заготовил строительный материал, который, однако, был истреблен пожаром, можно думать, что Петра не лишена была и морского значения и могла быть пристанищем для судов [7].

Южней сирийской пустыни, по направлению к Черному морю и Аравии, Византия пыталась удержать свое влияние посредством дипломатических сношений. Выяснить хотя бы в немногих чертах роль Византии в этих областях тем более важно, что здесь уже не было имперских гарнизонов, и что Юстиниану не было прямых интересов к захвату этих отдаленных провинций. Вследствие продолжительных войн с Персией для Византии стала недоступна обычная дорога, по

которой прежде доставлялись в Сирию и Египет индийские товары, являлась поэтому необходимость искать новых торговых путей. Начинает поэтому приобретать значение Красное море, или Аравийский залив, по которому стали направляться торговые суда на Восток в обход Персии. Это имело громадное значение как для истории Аравии, которая пробудилась к новой жизни вслед за обширным торговым движением, внесшим новые идеи и понятия в жизнь арабов, так и для направления политики Юстиниана в эту сторону. Залив, оканчивающий Красное море на северо-востоке, получил тогда обширную известность благодаря острову Иотаба и торговому порту Аил, в которых сосредоточивалось торговое сухопутное и морское движение. Империя давно уже имела здесь своих приверженцев, и торговые люди заводили разнообразные сношения на том и другом берегах Красного моря, покупая драгоценные произведения Аравии и Эфиопии и перевозя их на север.

В особенности важны по своим последствиям были торговые связи с западным берегом через торговый порт Адулис, открывавший путь в царство аксумское, или нынешнюю Абиссинию, откуда получались рабы, слоновая кость и разные благовония и пряности. Здесь же чрез посредство абиссинцев и арабов Йемена намечался караванный путь в Индию в обход персидского царства, что разрешало до известной степени весьма важную проблему, вызванную политическими осложнениями на персидской границе. Юстиниан принял ряд экстренных мер, чтобы завязать здесь прочные отношения Он обратил внимание на арабские племена, кочевавшие на юг от византийских владений, именно племена фиников, кинда и маад. За разнообразные денежные выдачи и привилегии один из начальников этих племен согласился поступить на службу империи и держать в известном подчинении соседних шейхов в качестве византийского филарха. Император вступил с ним в дружественные сношения, заставил дать в заложники сына его и воспитал его в Константинополе. Таким образом, постепенно распространялись в Аравии византийская образованность и христианство и, вместе с тем, пресекались для Персии средства распространять здесь свое политическое влияние.

Не менее успешна была политика Юстиниана в Йемене и Абиссинии[8]. Здесь прежде всего обращало на себя внимание царство омиритов, или Гимайр, где христианство пустило корни еще раньше Юстиниана, и где церковная организация подвергалась опасности со стороны язычников, находивших поддержку в Персии. Византия оказала покровительство христианской партии в земле омиритов и поощрила притязания абиссинского царя на эту область. Абиссинский царь Эла-Ацбега, или Елесваан византийских писателей, вступил в Аравию, низверг династию местных царей и посадил на престол омиритов своего наместника и, как убежденный христианин, послал в Аравию проповедников. Таким образом, Аравия была открыта христианскому влиянию монофизитской Церкви при посредстве Абиссинии и политическому преобладанию империи Открывая Красное море для торговли шелком и другими восточными товарами, Юстиниан в то же самое время сделал попытку вовлечь Абиссинию в свою борьбу с персами. Посредством абиссинского наместника в Аравии Юстиниан имел возможность поддерживать своих партизанов в Северной Аравии и дать значительный авторитет филарху-

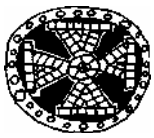
распространявшему византийское влияние между шейхами мелких колен. С этой целью Византия поддерживала посольствами свои отношения с Абиссинией, и у писателя И. Малалы сохранилось весьма живое описание приема греческого посла в Аксуме.

Продолжая знакомиться с южной границей империи, мы доходим до Египта. Южная граница империи здесь доходила почти до первых порогов Нила, за которыми начинались области независимых и хищных племен — блеммидов и нобадов. Хотя экономическое положение Египта сильно упало со времени Августа, так что с Египта при Юстиниане собиралась только половина того количества хлебной подати, какая доставлялась в первом столетии (до 6 миллионов модиев вместо прежних 12 миллионов[9]), тем не менее, от египетских хлебных урожаев зависело продовольствие столицы, почему император озабочен был состоянием этой провинции и принимал энергичные меры к тому, чтобы она не была тревожима южными независимыми племенами. Главными мерами воздействия здесь также была христианская миссия. В 540 г. один монофизитский священник по имени Юлиан, поощряемый и поддержанный царицей Феодорой, отправился с богатыми дарами в Нубию и представился царю Сиако, который крестился со всем народом и предоставил себя на службу империи. Тогда после победы над блеммидами был разрушен языческий храм в Филе (541—542), и поставленный здесь епископ Феодор был первым христианским миссионером в Верхнем Египте.

Намеченные здесь события, касающиеся Абиссинии и Египта, весьма важны с точки зрения истории христианской культуры и заслуживают того, чтобы поставить их в надлежащем освещении. В особенности христианская миссия в Египте при императоре Юстиниане оставила следы на сохранившихся еще на месте памятниках и может быть изучаема и по настоящее время. У писателя Прокопия имеем об этом следующее известие: «От города Аксумы до пределов ромэйской державы в Египте, где город Элефантина, 30 дней пути. Здесь живут многие племена, сильнейшие между ними блеммиды и нобады... Последние жили по берегам Нила, начиная от города Элефантины, с согласия Диоклитиана, который определил выдавать им и блеммидам определенное количество золота... Они и в мое время получают эти деньги, но тем не менее делают набеги на тамошние селения. Тот же государь... построил на острове реки Нила близ Элефантины сильную крепость, соорудил общие для ромэев и варваров храмы и жертвенники и определил в этой крепости жрецов»[10]. Здесь Прокопий говорит о знаменитом храме, посвященном культу Изиды и Озириса в Филах, близ нынешнего Ассуана, у первых порогов Нила. Этот храм до времени Прокопия принадлежал местному населению, и к нему стекалось множество поклонников Изиды со всех окрестных стран. По приказанию Юстиниана командовавший местным гарнизоном Нарс положил конец языческому культу в Филах а при епископе Феодоре языческие храмы стали приспособляться к христианскому богослужению.

В настоящее время, по требованиям экономических соображений, англичане устроили заграждения для вод р. Нила, вследствие чего уровень воды поднялся до такой степени, что громадные сооружения наполовину затоплены, и к ним возможен доступ только на лодке. Тем

могущественней влияют на посетителя полуразрушенные и едва ли долго могущие противостоять разрушительному действию воды развалины храма Изиды и Озириса. Внутри построек несколько греческих надписей, наверху обширная терраса, с которой открывается вид на все постройки и окрестности. Отдельные части храма были в VI в. приспособлены для христианского богослужения. Между изображениями нильского лотоса и богини Котор с рогами над головой читаются надписи на греческом языке с крестом. На одной из колонн более подробная надпись, свидетельствующая о строительной деятельности епископа Феодора, которому, как объяснено выше, принадлежит главная заслуга в утверждении в стране христианского исповедания [11]. Как в этом храме, так и в большинстве других египетских памятников и, в особенности, в музеях нужно отметить знак креста (анх) в разнообразных формах и сочетаниях, изображение крылатого змея с тремя головами и с надписями, как на картинах Страшного суда. С точки зрения влияния Египта на христианскую культуру и в рассуждении источников заимствования аскетических идей и сказаний в древней христианской литературе памятники Египта представляют громадной важности материал.

Глава V

Внутренняя деятельность Юстиниана. Бунт «Ника». Религиозная политика в Сирии, Симеон Столпник и его монастырь

При обозрении фактов, относящихся к внутренней деятельности Юстиниана, мы должны прежде всего выделить и подвергнуть оценке целый ряд государственных актов, законодательных и административных распоряжений, коими Юстиниан сводил счеты с старым строем, с теми воззрениями и настроениями, которые имели свои корни в античной культуре, в свободной философской и риторской школе и, наконец, в муниципальных городских вольностях. Этою, так сказать, отрицательной стороной внутренней деятельности лучше характеризуются воззрения Юстиниана на задачи управления подчиненной ему империей, чем теми положительными актами государственной деятельности, которые представляли лишь попытку к признанию новых форм государственной жизни, уже заявивших себя реальными фактами, но в общем не совсем ясно определившуюся систему.

В самом деле, нам легче понять настроение Юстиниана и руководивший его распоряжениями план, когда он издавал закон о закрытии философской языческой школы в Афинах. Точно так же можно усматривать известную систему в его суровых мерах против еретиков. Но не так ясна идея его громадных и дорого обошедшихся построек, равно как основная мысль его реформ по гражданской и военной администрации. Кроме того, теперь уже не может подлежать сомнению, что отрицательные и, если употребить нынешнее выражение, реакционные меры Юстиниана достигали цели, сопровождаясь определенными реальными, хотя и весьма тяжкими последствиями, между тем как положительные его распоряжения редко достигали тех результатов, на которые были рассчитаны, часто нуждались в переменах и поправках, а иногда оказывались прямо бесполезными или не достигавшими цели, как многие постройки с военной целью или административные преобразования. Система мероприятий против древних либеральных учреждений с особенной выразительностью отмечена в истории городских димов (δήμοι), в ограничении политических прав цирковых партий, в усилении власти городского епарха, в известном движении городского населения против Юстиниана, выразившемся в деле «Ника», и, наконец, в церковной политике. Указанными фактами займемся в настоящей главе

Много путаницы в историю Византии привнесло недоразумение по поводу термина δήμος. В классическом языке и в древней истории под этим термином разумеются административный округ, община и, наконец, народ. В средневековом языке димы стали быть понимаемы в значении партий цирка, factiones. Это повлияло на все построение идеи

о городском населении и совершенно в превратном виде представило процесс средневековой городской жизни. Хотя у писателей термин дим и димы употребляется в смысле городского населения, а не в тесном значении партий цирка, как это встречаем у Константина Порфирородного, тем не менее, общая история димов получила в литературе одностороннюю постановку и неправильное освещение.

Происхождение партий цирка скрывается в глубокой древности, как и происхождение самого цирка или ипподрома, господствовавшая в византийской литературе традиция относила ко времени Ромула и устройство цирка, и начало цирковых партий. Названия партий цирка, игравших весьма важную роль в больших городах Византийской империи, где были устроены ипподромы, перенесены также из римского цирка, т. к. те же самые названия встречаем там со времени Цесаря и Августа. Хотя прасины, венеты, левки и русии известны были во всех городах, имевших ипподромы, тем не менее, происхождение и значение этих названий забыто было весьма рано. Уже в VI столетии нужно было прибегать к разным и довольно замысловатым комбинациям по объяснению приведенных названий цирковых партий. Согласно данному византийскими писателями объяснению, части цирка воспроизводят Солнечную систему и соответствуют четырем стихиям: земле, воде, огню и воздуху, а наименование четырех партий цирка или соответствует означенным четырем стихиям, или метафорически выражает их.

Где цирк — там и партии в том же числе и с теми же именами. Где партии — там борьба димов, политическая интрига, бунт и опасные для правительства притязания. Партии возникают сами собой в старых и новых городах, где правительство находит нужным пожаловать населению право иметь свой ипподром. Весьма вероятно, что это право имеет связь с наделением некоторых городов определенным городовым правом, подразумевающимся в византийских памятниках под выражением το δίκαιον της πόλεως. История этих партий обращала на себя внимание многих исследователей. По поводу цирковых партий в Риме и Константинополе против Рима и Византии предъявлены резкие и суровые обвинения. У Гиббона, Фридлендера и Рамбо в одинаковой степени выдержан порицательный тон по отношению к партиям цирка. И действительно, трудно было бы защищать эти партии, если бы не оставалось никаких сомнений в том, из каких элементов они слагались и какое отношение имели к политическому и административному строю городов. Но эти последние вопросы остались не вполне выясненными, хотя можно думать, что в организации цирковых партий принимали участие городские сословия, т. к. выражение τα μέρη равносильно выражению οι δήμοι и обозначает вообще население города, организованное по димам.

По многим сторонам изучения Византии до сих пор остаются руководящими воззрения, высказанные еще Гиббоном. По занимающему нас вопросу он говорит следующее[1]. Константинополь усвоил не добродетели древнего Рима, а его безрассудства, и те же самые партии, которые волновали цирк, стали с удвоенной яростью свирепствовать на ипподроме. В царствование Анастасия это народное неистовство усилилось от религиозного рвения... Из столицы эта зараза распространилась по провинциям и городам Востока, и из созданного для забавы различия

двух цветов возникли две сильные и непримиримые партии, потрясавшие слабую правительственную власть в самом основании. Народные распри, возникающие из-за самых серьезных интересов или из-за религиозных убеждений, едва ли бывают более упорны, чем эти пустые раздоры, нарушавшие семейное согласие, ссорившие братьев и друзей... Все законы божеские и человеческие попирались ногами... В Антиохии и Константинополе снова выступила на сцену демократия с свойственной ей разнузданностью, но без свойственной ей свободы, и поддержка которой-либо партии сделалась необходимой для всякого кандидата, искавшего гражданской или церковной должности. Зеленым приписывали тайную привязанность к семейству, или к секте, Анастасия; голубые были преданы интересам православия[2]. Все это рассуждение, по меньшей мере, неосновательно. Если партии имели такое значение, что потрясали правительственную власть, если цирковые партии были носителями демократических принципов и были в состоянии давать преобладание той религиозной системе, за которую они высказывались, то ясно, что здесь историку предстоит иметь дело не просто с безрассудствами и с народным неистовством, а с каким-то более важным фактором, который не случайно усвоен Константинополем из Рима и распространился затем по провинциям и городам Востока.

Внешняя история константинопольских цирковых партий, или — что будет ближе к терминологии источников — константинопольских димов, очень несложна. Димы наполняют своими бурными деяниями историю V и VI вв. С VII в. известия становятся реже, это служит указателем того, что димам нанесен был правительством сильный удар, после которого они не могли никогда оправиться. Для выяснения значения димов в истории Константинополя, равно как для решения вопроса об отношении партий цирка к городскому населению вообще наибольший интерес представляют те известия, которые рисуют димы во время их упадка и которые знакомят с мерами, принятыми к обузданию их правительством.

Лучший и обильнейший материал заключается в сочинении, приписываемом императору Константину Порфирородному, «De cerimoniis aulae Byzantinae» . Здесь димы являются уже в весьма обветшалом виде, утратившими политическое значение. Но прежняя их роль, как пережиток, обнаруживается в символических действиях на парадных выходах и торжественных приемах византийских царей. Без участия димов не происходит ни одной важной церемонии при византийском дворе, почему составитель придворного устава, определяя занимаемое димами Место между придворными, военными и духовными чинами и описывая те действия, какие по уставу принадлежали димам, сообщает о них Множество драгоценных сведений.

Всматриваясь в роль димов по придворному уставу, нельзя не заметить, что хотя они и лишены политической силы, тем не менее являются действительными представителями и выразителями общественного мнения. По уставу положено говорить им славословия царю, и в X в., кроме славословий, действительно, ни в чем не выражается их роль, но ранее того димы могли гласно выражать и оппозиционное Правительству настроение. Кроме того, в уставе сохранились весьма любопытные черты по отношению к организации димов и более или

менее ясные намеки на такие факты и отношения, которые касаются прежней их истории и которые для самого составителя устава были уже забытою стариной[4].

Уже из известий Прокопия о возмущении «Ника» можно видеть, что он имеет в виду, говоря о диме, вообще население столицы, находящееся в известной организации и подчиненное епарху города[5]. И почти обычное явление, что «партии» затевают движения и смуты не по поводу частных дел, касающихся цирка, а по вопросам общественного или политического характера. Почти каждый раз в движениях дима кроется недовольство против правительства или, в частности, против епарха города.

Таким образом ясно, что в димах мы имеем явление бытовое, коренящееся в условиях организации восточных городов, а потому вопрос о прасинах и венетах не может быть рассмотрен с той точки зрения, на которой стоит Гиббон: «Константинополь усвоил не добродетели древнего Рима, а его безрассудства, и те же самые партии, которые волновали цирк, стали с удвоенной яростью свирепствовать в ипподроме». Византийские писатели указывают демократические тенденции в больших городах на Востоке, называют Антиохию очагом этих тенденций и прямо дают понять, что нападки дима направлены против органов правительственной власти в городах[6]. С другой стороны, правительство ведет борьбу с городскими димами как законодательным, так и административным путем, ограничивая права населения и расширяя полномочия епарха. Для Константинополя составляет эпоху в этом отношении период епарха Феодота при царе Иустине, «который обуздал константинопольскую димократию». Для Антиохии такое же значение имеет период Константина Тарсея при царе Анастасии, который дал Тарсею право казнить всякого, ибо димократическая партия прасинов в Антиохии возмутилась против власти[7].

Для выяснения роли димов после Юстиниана весьма важны известия, по которым димоты как гражданский элемент назначаются в исключительных случаях на военную службу, наподобие ратников. Так, Маврикий, находясь в затруднении по случаю нападения аваров, назначил димы на службу при Длинных стенах; в другой раз тот же царь назначил бывшие у него в распоряжении войска для защиты Длинных стен, между тем как димы охраняли город; наконец по случаю возмущения в войсках поручает охрану города димам[8].

Первый случай подобного зачисления городских обывателей в военную службу отмечен во время Юстиниана и записан у писателя Феофана. Известие Феофана имеет особенный интерес[9]. По случаю нападения аваров и славян, которые прорвались чрез Анастасиеву стену и угрожали самой столице, масса крестьянского населения ближайших деревень, забрав свое имущество, искала спасения в Константинополе. Юстиниан, по всей вероятности, зачислил этих пришлых людей в димы или приписал к димам и назначил их в службу на Длинные стены. После Юстиниана подобные случаи повторяются чаще, и Маврикий встретил в димах сильную оппозицию, которая обошлась ему весьма дорого.

Рядом с возложением на димы воинской повинности правительство постепенно стремилось к ограничению димов как гражданского элемента населения столицы посредством законодательных и admini-

стративных мер. В этом отношении димы подчиняются ведомству епар-ха города, власть которого столько же расширяется, сколько уменьшается авторитет димарха.

На основании представленных здесь наблюдений по истории константинопольских димов, мы приходим к заключению, что отождествлением дима с партией цирка допускается некоторая неправильность в толковании текстов. Эта неправильность, не бросающаяся в глаза при разборе одного или небольшого числа мест, становится слишком заметной, если подвергнуть анализу известия о димах писателей, разделенных один от другого значительным пространством времени. Дело не ограничивается здесь неточностями филологического характера, но влияет на постановку вопроса об истории городского сословия, об отношении правительственной власти к городским учреждениям, о военном устройстве и т. п. Если мы сведем историю димов к истории цирковых партий, то, по меньшей мере, должны будем оставить без объяснения гражданские димы и с недоумением читать о димократах и димархах, обязательно участвующих в придворных церемониях. Мы думаем, что постановка вопроса о цирковых партиях заслонила историю городских населений.

Борьба правительства с городскими вольностями выразилась в Константинополе в известном деле «Ника», которое разыгралось на городском ипподроме. Константинопольский ипподром, начатый постройкой при Септимии Севере, окончен при Константине Великом, которому принадлежит вообще украшение новой столицы художественными памятниками и дорогими постройками. Ипподром, место которого и доныне может быть наблюдаемо поблизости св. Софии на площади Атмейдан, составлял четырехугольник в 75 метров ширины и 300 метров длины, украшенный скульптурными произведениями лучших греческих мастеров, собранными со всей Греции. Но главная притягательная сила ипподрома была, впрочем, не в художественных его памятниках, а в зрелищах, которыми правительство увеселяло граждан столичного города, и в свободе, какая установилась в ипподроме для выражения мыслей по поводу политических событий и столичных новостей. Ипподром представлял единственную арену, за отсутствием печатного станка, для громкого выражения общественного мнения, которое иногда имело обязательную силу для правительства. Здесь обсуждались общественные дела, здесь константинопольское население выражало до известной степени свое участие в политических делах.

В то время, как древние политические учреждения, посредством которых народ выражал свои державные права, постепенно приходили в упадок, не будучи в состоянии уживаться с монархическими принципами римских императоров, городской ипподром продолжал еще оставаться ареной, где свободное мнение могло высказываться безнаказанно. В этом отношении весьма любопытно и то, что обычное словоупотребление удержало за партиями цирка (τα μέρη) старый термин, которым обозначался народ, или община, или административный округ (οί δήμοι). Очень важны также указания на представительство Димов в официальной жизни государства и в придворном этикете. На первом месте стояли димократы, коих было два: димократы венетов и прасинов, оба они назначались царем из высших военных чинов

с чином протоспафария. Рядом с димократом в представительстве димов участвует димарх. Димархов также было два: прасинов и венетов, тот и другой соединяли с представительством своего дима также дим левков или русиев.

Итак, в цирке и цирковых партиях намечаются следы представительства общественных классов, и в движениях и смутах, обнаруживающихся на ипподроме, по большей части, таятся причины не частного характера партий цирка, а общего политического свойства, объясняющиеся недовольством народа и счетами его с правительством. От времени Маврикия сохранилось указание, что цирковая партия прасинов считала в своем составе 1500 членов, венеты же — только 900. Между тем в движениях партий принимают участие десятки тысяч человек.

Весьма любопытно, однако, заметить, что политическая борьба на ипподроме не развилась в занимающее нас время в строгую и последовательно проводимую политическую систему; византийское государство не представляет нам политических партий ни древнего, ни нового времени. Народ политиканствовал на ипподроме, высказывал порицание и царю и министрам, иногда издевался над неудачной политикой, но не организовался в политические партии в собственном смысле ж не содействовал к утверждению определенного направления или программы в смысле национальной политики, религиозных мнений, отношений к иностранцам и т. п. Можно бы отсюда сделать заключение, что в VI в. политический гений отлетел уже от эллинской нации, которая по намерениям правительства становилась более и более господствующим элементом в империи.

Император Юстиниан любил цирковые представления и много содействовал к роскошной обстановке даваемых народу зрелищ. Кроме того, никто из его предшественников не становился в такой степени приверженцем одной партии и не выражал так явно к ней своего расположения, как Юстиниан по отношению к партии венетов. Это не могло не затронуть соперников венетов, прасинов, и не возбудить между ними вражды, которая не ограничилась стенами цирка, но обнаружилась на городских улицах в ночных побоищах и грабежах. Общественный интерес борьба партий возбудила потому, что в обществе были серьезные причины к недовольству правительством. Новая династия, вступившая на престол весьма недавно, весьма резко выступила в церковном вопросе и вооружила против себя громадное число подданных суровыми мерами против монофизитов. Независимо от того, в высшем классе служилого сословия было значительное число приверженцев старой династии, которые возлагали свои надежды на племянников Анастасия, Ипатия и Помпея. Юстиниан сознательно поддерживал партию венетов, надеясь держать таким образом равновесие между политическими организациями в городе. Пока венеты и прасины взаимно ослабляли себя борьбой, непопулярные министры Юстиниана, и наиболее между ними жестокий Иоанн Каппадокиец, могли спокойно оставаться на своих местах.

Знаменитый константинопольский бунт «Ника» происходил в начале 532 г., т. е. через три года по вступлении Юстиниана на престол. Это народное возмущение служит весьма резким показателем характера Юстиниана и, вместе с тем, дает ключ к пониманию его административ-

ной и финансовой системы. Юстиниан, утверждая господство новой династии, опирался, главным образом, на национальное духовенство и наемное войско. Цирковая партия венетов, думают, была ему близка потому, что царица Феодора в юные годы принадлежала к ней и не порывала с ней сношений на троне; но т. к. в возмущении «Ника» приняли участие и венеты, и прасины, то следует полагать, что коренная причина возмущения лежала, собственно, не в партиях. Хотя нелегко наметить эти причины, т. к. события следовали с удивительной быстротой, но о них можно догадываться по следующим фактам, отмеченным у Прокопия, современника событий.

13 января прасины выражали в ипподроме жалобу на притеснения, испытываемые от правительства, и называли царского спафария и кувикулария Калоподия как наиболее жестокого человека. Тогда между царским вестником и представителем партии прасинов начался живой обмен упреков и резких обвинений, в котором приняли участие венеты., Спор продолжался и вне ипподрома выразился в уличных беспорядках [1] и враждебных схватках между приверженцами венетов и прасинов. Во главе правительства стояли тогда префект претории Иоанн Каппадокиец, наиболее влиятельный министр и правая рука Юстиниана, изобретатель новых налогов и беспощадный вымогатель податных сборов, человек без образования и чести. За ним стоял квестор священного дворца и министр юстиции, знаменитый Трибониан, который поставлен был во главе законодательных работ времени Юстиниана; это был по образованию самый крупный человек времени, но ради наживы он жертвовал всем, не затрудняясь толковать закон вкривь и вкось и применять статьи не в пользу правой стороны, а в пользу той, которая предложила взятку. Полицейская власть находилась в руках префекта города Евдемия, который своими строгими мерами против виновников уличных беспорядков еще сильней возбудил народные страсти. Именно: семеро из захваченных полицией были присуждены к смертной казни, четверо — к обезглавлению, трое — к виселице.

По неискусству палача веревка дважды обрывалась, и повешенные падали в приготовленный ров еще живыми. На толпу это произвело большое впечатление, многие увидели в этом знамение в пользу осужденных. Монахи из монастыря св. Конона взяли под свою защиту двух осужденных, чудесным случаем спасшихся от виселицы, и отправили их в церковь св. Лаврентия, пользовавшуюся правом убежища. Тогда же венеты и прасины, соединенные общим чувством вражды к префекту города, дали клятву идти открыто против правительства и силой добывать нарушенные их права; при этом произнесено было слово «ника» (побеждай), сделавшееся паролем для всего последующего движения. От 14 до 18 января Константинополь был театром страшных сцен насилия и грабежа. Правительство совершенно растерялось и, по-видимому, не имело средств к усмирению мятежа. Бунтовщики сделались хозяевами Положения, провозгласили другого императора и, выпустив из темниц содержавшихся там преступников, начали возбуждать мирное население Насильственными действиями. В городе начались пожары, истребившие Лучшие здания. Так, тогда сгорели: храм св. Софии, бани Зевксиппа и царские дворцы, находившиеся поблизости, равно портики и роскошные дома богатых граждан от ипподрома до площади Константина.

Юстиниан находился в отчаянном положении и не знал, где искать спасения. На пятый день мятежа был избран новый царь в лице Ипатия, племянника Анастасия; среди мятежников стал обсуждаться вопрос о том, как удобней захватить Юстиниана.

Но скоро наступил поворот в положении дел. У Прокопия, сохранившего весьма живые черты из этого критического для Юстиниана и Феодоры времени, приводится, между прочим, следующая сцена: У царя происходило совещание: что лучше делать, оставаться ли тут, или бежать на судах. Много говорено было в пользу того и другого мнения. Наконец, царица Феодора сказала: «Лишним было бы теперь, кажется, рассуждать о том, что женщине неприлично быть отважною между мужчинами, когда другие находятся в нерешимости, что им делать или чего не делать. По моему мнению, бегство теперь больше, чем когда-нибудь, для нас невыгодно, хотя бы оно и вело к спасению. Тому, кто пришел на свет, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовал, скитаться изгнанником невыносимо. Не дай Бог мне лишиться этой багряницы и дожить до того дня, в который встречающиеся со мной не будут приветствовать меня царицею. Итак, государь, если хочешь спасти себя бегством, это нетрудно. У нас много денег, вот море, вот суда. Но смотри, чтобы после, когда ты будешь спасен, не пришлось тебе когда-нибудь предпочитать смерть такому спасению. Нравится мне старинное слово, что царская власть — прекрасный саван»

Взвесив все обстоятельства и приняв в соображение материальные средства, какими можно было в данное время располагать, царь пришел к заключению, что если нельзя положиться на константинопольский гарнизон и на царскую гвардию, которая в настоящее время находилась в выжидательном положении и могла перейти на ту сторону, где окажется победа, то, с другой стороны, можно было воспользоваться значительной военной дружиной Велисария, который недавно возвратился из Персии и имел при себе испытанный и верный отряд, не причастный к борьбе константинопольских партий, и, кроме того, как раз в это время находился в столице Мунд, вождь варварского происхождения, командовавший германским наемным отрядом и преданный императору. По словам историка Малалы, это был гроза варваров, уничтоживший их в громадном числе на Балканском полуострове[11]. Этим двум лицам было поручено, не стесняясь средствами, усмирить восстание и положить конец ненормальному положению дел.

Между тем в городе события шли своим чередом. Ипатий был приведен в цирк, занял царское место и принимал приветствия и восхваления от громадной толпы, собравшейся на это зрелище. Никому не приходило в голову принять меры предосторожности; напротив, распространяемы были слухи о том, что дело приверженцев нового царя выиграно, и что Юстиниан бежал в Азию. В это время к бунтовщикам был подослан евнух Нарсес с целью завязать переговоры с венетами, а Велисарий и Мунд с небольшими, но преданными и хорошо вооруженными и дисциплинированными отрядами подошли к ипподрому и захватили врасплох толпу безоружных и не ожидавших нападения бунтовщиков. У Прокопия картина передана в следующем освещении: «С великими усилиями и не без больших опасностей, пробираясь по

развалинам и полусгоревшим местам, Велисарий вступил в ристалище и, став у портика венетского, что на правой стороне от царского седалища, сперва хотел устремиться на самого Ипатия; но как тут есть малые ворота, которые тогда были заперты и охраняемы снутри воинами Ипатия... то он рассудил лучше напасть на народ, на это бесчисленное множество стоявших в ипподроме людей, в большом беспорядке толкавшихся. Он обнажил меч, велел воинам своим следовать его примеру и с криком ринулся в середину смешанного скопища. Народ, не составлявший строя, видя, что покрытые латами воины, заслужившие великую славу храбростью и опытностью, поражали всех без пощады, предался бегству. Поднялся громкий крик. Находившийся недалеко оттуда Мунд, человек смелый и предприимчивый, хотел принять участие в деле, но в настоящем положении не знал, что ему делать. Догадавшись, наконец, что Велисарий уже действует, он вторгся в ипподром тем входом, который называется «мертвым». Тогда Ипатиевы мятежники, поражаемые с двух сторон, были истребляемы. Победа была полная, убито великое множество народа. Полагают, что тогда погибло более 30 тысяч человек. Ипатий и Помпеи были схвачены и убиты, имущество их, а равно и других сенаторов, к ним приставших, отписано в казну».

Результаты так решительно потушенного восстания были разнообразны и отразились как в общественной, так и в частной жизни. Не говоря уже о том, что 19 января 532 г. в цирке погибли многие члены служилой аристократии, которые, принадлежа к сенаторскому сословию, могли представлять оппозицию правительству Юстиниана, нужно принять, что победой над бунтовщиками Юстиниан положил предел притязаниям городских сословий и резко обозначил начало новой эры в истории средневековой империи — начало императорского абсолютизма. С этой точки зрения восстание «Ника» с беспримерным числом погибших в ипподроме составляет, бесспорно, знаменательное историческое событие [12].

В связи с изложенными фактами следует рассматривать распоряжение Юстиниана против философских школ, относящееся ко второму году его царствования (529). В консульство Декия, говорится в истории Малалы, царь отправил в Афины эдикт, «которым запрещалось преподавание философии и толкование римского права» [13]. Это весьма краткое сообщение должно быть сопоставлено с известием Феофана, относящимся к тому же году, по которому «Юстиниан начал большое преследование еллинов и всяческой ереси» [14]. Т. к. политика этого царя с первых же лет по вступлении на престол пропитана была религиозной нетерпимостью и борьбой с остатками язычества, которое начинало в обычном представлении сливаться с еллинством, то мы имеем полное основание рассматривать эдикт 529 г. именно с точки зрения культурной истории времени. Афинская катастрофа была отголоском общей внутренней политики, начавшей преследования против религиозных и нравственных убеждений и подвергавшей описи в казну имуществ обвиненных в неправоверии лиц. «И было сильное смущение,—говорит Феофан,— и издан был эдикт, которым лишались политических прав те, кто придерживался еллинских воззрений и еретических верований. Снисхождение давалось лишь таким, которые в трехмесячный срок заявляли о своем правоверии». Эти суровые законы вызвали эмиграцию из им-

перии знатных лиц, бегство в недоступные места тех, кто не мог бежать за границу, казни и отнятие имуществ.

Т. к строго консервативная политика Юстиниана в общем должна быть оцениваема с точки зрения религиозной, то здесь будет уместно рассмотреть вопрос об остатках язычества. Действительно, несмотря на энергичные меры, принятые преемниками Константина против приверженцев старого культа, он держался еще во многих местах, хотя уже Феодосии II высказывал мнение, что язычников в империи больше нет. В особенности в восточных областях империи языческие верования продолжали держаться и в VI в. Даже в Египте, где было такое множество монастырей, и где язычники испытывали слишком много притеснений от ревностных христиан, среди многолюдной и просвещенной Александрии, в школах знаменитых учителей философии и риторики держалось еще неоплатоновское учение, которым была подогрета языческая религия. В Верхнем Египте, на острове Элефантине, был знаменитый храм Изиды в Филе, святилище которой пользовалось широкой известностью среди обитателей пустыни. Уже в 543 г. сюда была направлена военная экспедиция под предводительством Нарсеса, которая имела целью разорить святилище Изиды и уничтожить храм Филе. Колоссальная постройка выдержала, однако, военный натиск и до сих пор продолжает изумлять путешественников своими художественными подробностями, рельефами и колоннами. Филе затоплен в настоящее время нильскими водами, и ему нанесен конечный удар не греками, а англичанами, нынешними хозяевами страны. Этот замечательный памятник, к которому теперь подходят на лодке, любопытен по весьма резко выступающим в нем следам христианского культа. Такова ниша с византийским орнаментом и крестом VI в. с расширяющимися в конце лопастями и с лапками, так характерными для Сирии того же времени Очевидно, была здесь устроена после экспедиции Нарсеса церковь, и на колонне сохранилась надпись, увековечившая имя христианского ревнителя. Это был епископ Феодор, которому принадлежит значительная заслуга в деле распространения христианства у первых порогов Нила.

Но нигде древние культурные и вместе антихристианские предания не держались так настойчиво, как в столице эллинизма, в Афинах. Хотя к VI в. Афины лишились наиболее блестящих своих памятников, частью уничтоженных, частью перевезенных в Константинополь, но древний Акрополь со своими храмами продолжал еще будить старые воспоминания, и философские школы привлекали еще в Афины слушателей со всех концов империи. Само византийское правительство как будто остерегалось принимать в Афинах такие же решительные меры, как в других городах. Но время делало свое, и в VI в. даже на Акрополе появляются христианские храмы, Богородица сменяет Афину в Парфеноне и святилище Ерехфея. Что касается философских школ, то после смерти Прокла в 485 г. не видим более в Афинах крупного представителя в этой области. Преемники его в преподавании философии были большею частью иностранцы из Сирии, Лидии и Финикии, и самое философское мышление их ограничивалось формальной стороной и не шло далее толкований на места старых философов. Изящная легенда сообщает об этом следующее. Последнему известному неоплатонику Проклу раз явилась во сне Афина и объявила, что ей более нет места на Акрополе

и что она избирает для своего обитания его жилище. Сказание любопытно и в том отношении, что устанавливает тесную связь между языческим культом и древней философией; низверженная с престола Афина продолжает пользоваться уважением в доме философа.

Таким образом, эдикт Юстиниана, запрещающий преподавание философии в Афинах в 529 г., был естественным применением его системы, направленной к установлению религиозного единства. Точно так же и ряд мероприятий, направленных к конфискации имуществ, приписанных к философской кафедре, и лишение философов права оставаться в Афинах — должен быть рассматриваем как логическое последствие политики Юстиниана. Этот акт отмечает собой поворотный пункт в занимающей нас истории, здесь несомненна смена идей и настроений, здесь классические и греко-римские воззрения уступают место византийскому складу идей. «С этого времени Афины переходят в ранг маленького провинциального города, который в течение многих веков будет прозябать в неизвестности и которым не будет более интересоваться Юстиниан, разве только ограничит занимаемую им площадь и даст ему несколько укреплений. В Греции, обедневшей вследствие землетрясений и наводнений, истощенной поборами, разграбленной варварскими нападениями, еллинизм погиб быстро... слово еллин делается синонимом язычника, слово грек становится выражением оскорбительным или презрительным. Христианский Константинополь становится центром христианской культуры» [16].

На Востоке самым многолюдным, богатым и просвещенным городом была Антиохия. Выстроенная на берегу Оронта, она имела важное торговое и военное значение вследствие близости от моря; этот город пользовался вниманием римских императоров и широко распространял свои улицы и предместья по склонам горы и по долине. По населенности он был вторым городом империи, а по богатству, роскоши городских обитателей и по красоте городских зданий не уступал самой столице. Сенат и городские димы отстояли свои привилегии во время Юлиана и вызвали его едкую и насмешливую критику над нравами Антиохии в составленном самим Юлианом произведении «Мисопогон»; хотя языческие нравы уступили место христианству, но около древнего святилища Аполлона в предместье Дафна долго еще собирались для тайных жертвоприношений приверженцы старого культа. В V и *VI* вв. Антиохия пользовалась еще прежней славой как административный центр для губернатора Сирии и как кафедра антиохийского патриарха. Христианские императоры оказывали ей исключительное внимание; о построенной Константином Великой церкви, сгоревшей в царствование Юстина, рассказывается, что равной ей не было во всей империи [17].

Торговля Антиохии была обширная, от нее шел караванный путь в Персию и Индию, и она посредничала в торговых сношениях Европы с Азией. В начале VI в. в Антиохии было до 300 тыс. населения. Как и в Константинополе, здесь была бойкая общественная жизнь, народ любил игры и состязания в цирке и зрелища. Цирковые партии в Антиохии так же, как в Константинополе, привлекали к себе внимание димов и регулировали общественную жизнь. Нередко были смуты и волнения, которые заставили правительство запретить цирковые представления. Хотя христианство пустило в Антиохии наиболее глубокие корни,

и антиохийская патриархия считалась апостольскою по происхождению, тем не менее, в этом городе смешанного происхождения общественные нравы изменялись весьма медленно, и жизнь носила черты, отличные от константинопольского византинизма. Самым существенным отличием Антиохии было то, что с конца V и особенно в начале VI в. она стала центром религиозного разногласия, выразившегося в монофизитстве. Духовные вожди антиохийского духовенства, будучи осуждены Константинопольскою Церковью, сделались представителями не только национальной Сирийской Церкви, но, вместе с тем, и политическими вождями сирийского народа в его стремлении к сепаратизму.

В борьбе с Антиохией Юстиниану помогли стихии. В 526 г. страшное землетрясение нанесло Антиохии непоправимые бедствия, в то же время пожар истребил оставшиеся неразрушенными здания. Через два года новое землетрясение посетило Антиохию. Хотя правительство не щадило средств на восстановление общественных зданий и на помощь пострадавшим, но эти бедствия были для Антиохии роковыми. Новое несчастие разразилось над городом в 540 г., когда Хозрой взял ее приступом и предал опустошению и грабежу. Пвеле персидского погрома самое имя города, казалось, предастся забвению. Персидский царь вывел в Персию громадное множество пленных, забрал с собой сокровища из публичных и частных зданий и задумал поселить пленных в особом, отделенном для этой цели месте близ Ктесифона. Новому населению даны были права города и имя Антиохии. Правда, Юстиниан не щадил средств, чтобы возобновить сирийскую столицу. Он частью возобновил прежние здания, частью построил новые; в особенности, однако, щедрость императора имела целью новые церкви и благотворительные учреждения, в устройстве коих ему помогала царица Феодора. Но юстиниановская Антиохия далеко уже не была либеральной и вольнолюбивой Антиохией IV и V вв.

Ничто, однако, не может выразительней характеризовать внутреннюю политику Юстиниана, как провинция Сирия, подвергшаяся страшным преследованиям из-за религиозной идеи. Здесь и поныне еще можно наблюдать следы этой политики, следствием которой были ослабление Сирии и довольно легкий переход ее под власть арабов. Поэтому находим уместным войти в некоторые подробности.

Вот как современный событиям писатель передает впечатление от переживаемых им событий: «В начале царствования Юстиниана на Востоке явилась звезда, подобная большому копью. Это видение всех привело в страшное смущение, потому что явление подобной звезды с таким блеском и таким быстрым движением предвещало грозные события, которые не замедлили исполниться, ибо скоро люди испытали многие бедствия и убийства и пролитие крови. В 525—526 гг. Антиохия неожиданно загорелась со всех сторон, пожар свирепствовал почти 6 месяцев в разных частях города, причем погибло в пламени много людей. В то же время последовало сильное землетрясение. Небесный гнев с такой силой и суровостью преследовал людей, что того, кто спасался от землетрясения, пожирало пламя, и летящие искры производили новый пожар там, где падали. С неба падал огненный дождь, так что весь город, разными способами разрушенный, поверженный, уничтоженный и сделавшийся добычей огня, горел, как пылающая печь, за

исключением нескольких домов на вершине ближайшей горы. Долго держалась Великая церковь, построенная Константином, но и она на седьмой день сгорела до основания; то же произошло и с другими церквами, и они, выдержав землетрясение, уничтожены были пожаром». Это было пятое землетрясение, испытанное Антиохией; но в 539— 540 гг. она подверглась новому бедствию землетрясения, вследствие которого выстроенные вновь здания снова были разрушены, пострадали также стены, ворота и многие церкви.

От описания бедствий, разразившихся над Антиохией и другими городами, как Помпейополь в Киликии, Лаодикея, Кизик и др., переходим к гонениям, постигшим Сирию на почве религиозных разногласий. «Во многих частях Антиохии, — говорит Иоанн Ефесский,— во всей Аравии и Палестине, во многих южных и северных городах и в пустыне анахоретов и даже до границ Персии и в прочих городах Востока население изгнано с мест жительства и рассеяно; тех, кого удавалось захватить, сажали в кандалы, и запирали в темницы, и подвергали всяческим наказаниям и мучениям. Многие после отобрания у них имущества умирали под нещадными ударами, на иных насылаемы были военные отряды и разного рода притеснители, которые гнали их с одного места в другое страшными притеснениями... и тех верных, которые принимали изгнанных в свои селения и дома, подвергали грабежам, ударам и истязаниям. Одновременная и стремительная буря преследования жестоко и неудержимо разразилась над всеми землями, всеми городами и над всеми деревнями. У всех церквей и монастырей, у городов и деревень с жадностью и жестокостью расхищены имущества не только церковные, монашеские и монастырские, но и те, что принадлежали светским лицам, женщинам и детям. Всячески притесняемые, мучимые, оскорбляемые, изгоняемые в различные земли и в места поселения, они терпели всякие мучения и все бедствия и испытали все несчастия ради истинной, правой и непорочной веры. То, что мы намерены здесь описать, превышает всякое разумение и не может быть изложено даже во множестве сочинений, в особенности события времени Павла, Евфрасия и Ефрема *, когда мужские и женские монастыри Сирии, западные и восточные, как большие, так и малые, вынесли с величайшим терпением всяческие преследования, всякую тягость, мучения, голод, жажду, холод и жестокую наготу. Из них некоторые, нашедши на нынешний день пристанище, если не к вечеру, то завтра уже подвергаются изгнанию и не могут найти себе на ночь ночлега. Итак, наподобие зверей они проводят ночи под открытым небом, бродя по полям и горам, а случись суровая зима, ночуют под дождем, на снегу и на морозе, сидя на скалах, подверженные стуже и холоду и сильным ветрам, не имея ничего подложить под себя и немного

* Разумеются православные патриархи Антиохии

прилечь и растянуться на земле. Случалось, что преследователи выселяли верных из их обителей, стаскивали со столбов и изгоняли из келий. Таковые мучения и бедствия и тяжелые испытания постигли монашеский чин во время жизни Павла»[18].

По отношению ко времени патриарха Ефрема у нашего писателя сообщается следующее: «Ефрем, сын Аппиана из Амиды, произвел сильное возмущение в Церкви Божией на Востоке и во всей Сирии. Ибо, обходя все земли и города, он опустошил большие и малые монастыри, поверг на землю и самые столпы, с которых согнал подвижников, других, выгнанных варварской силой из их затворов, мечом и бичами принуждал принять причащение. Военной силой разогнал монахов из монастырей, как находящихся близ Амиды, так и рассеянных по всей стране. Изгнанники в громадном числе пошли в древний монастырь, прежде цветущий и многонаселенный, по имени Телла. Когда они здесь немного отдохнули, посланы были многочисленные ромэйежие войска и хо-репископы и дозорщики, чтобы выгнать их отоюда. Но, когда войска вошли и увидали длинные и густые ряды, выстроенные для церковной службы, то испугались, приняв их за исполинов. Итак, оставив в покое монахов, они захватили ближайшие деревни и начали их опустошать и захватывать скот. Крестьяне с плачем просили монахов или пожалеть их и уйти, или помочь им сразиться с войсками. Видя скорбь и плач всей страны, изгнанники отправились в страну пустынников, где в монастыре Populorum жило до 1000 монахов. Поставив здесь палатки под открытым небом, они привлекли сюда жителей окрестных селений, которые сходились толпами столько же для принятия благословения, как из любопытства. Тогда патриарх Ефрем приказал своему брату Иоанну, командовавшему отрядом в Едессе, отправиться к монахам и предложить им выбрать уполномоченных от каждого монастыря, чтобы переговорить с ним о спорных предметах. Когда же монахи отказались принять это предложение, то Иоанн, распалившись гневом, как вавилонская печь, приказал явиться сюда военным людям, находившимся в Амиде. Тогда старцы монастырей, повинуясь Писанию, которое не одобряет употребления оружия, сделали постановление, чтобы монахи каждого монастыря, разделившись на отделения по числу священников, направились туда, куда заблагорассудит повести их начальник каждого отделения. Что касается стариков, то они должны были, переправившись за Евфрат, ожидать хода событий. Так оставлен был монастырь, снабженный всеми необходимыми для жизни предметами. Как сказано было раньше, никто не смел дать им приюта в своем доме, иначе дом подлежал конфискации, и хозяин дома подвергался уголовной каре, вследствие чего многие были принуждены, как звери, скрываться в пещерах и недоступных местах, прилежащих к Евфрату,

между ними случилось быть и мне смиренному,— замечает автор.— Когда слух об этом распространился в соседние города, многие по внушению Божию доставляли им ночью хлеб, вино, овощи и другие необходимые предметы. Многие, подчиняясь необходимости, заходили в недоступные горы, покрытые снегом, и скрывались в загонах козьих и овечьих. Так все угнетаемы были стужей, и холодом, и теснотой, и другими бедствиями!» [19]

Едва ли еще где можно найти более живой и трогательный рассказ о ходе религиозной борьбы в Сирии в VI в. Приведенные страницы из истории Иоанна Ефесского служат лучшим комментарием к политике Юстиниана. И ныне даже, посещая пустынные города и селения Сирии, осматривая сохранившиеся стены домов, водопроводы и полуразрушенные церкви, необходимо держать в памяти эти главы, говорящие о церковных преследованиях VI в.

Большинство сирийских городов в настоящее время или в развалинах, или покрыто толстым слоем наносной земли. Для современного наблюдателя Сирия — это мертвая страна, лишенная населения и всякой культуры, за исключением прибрежных городов; между тем в V—VI вв. христианской эры здесь кипела бойкая жизнь. В особенности Северная Сирия от древней Апамеи (ныне Калат-Мудик) к Антиохии представляет в этом отношении исключительный интерес. Приводим несколько мест из новейшего описания памятников Сирии[20].

«Путей сообщения нет, за исключением едва заметной тропинки, сделанной животными; вся страна представляет каменистую местность, лишенную растительности. И между тем здесь путешественник вступает в пояс покинутых людьми городов и селений, в область обширных развалин и подземных кладбищ, высеченных в скале,— что все вместе свидетельствует не только о большом населении этой страны в давно прошедшее время, но и о высокой степени культуры, о роскоши и удобствах жизни, как это будет видно из дальнейшего. Близ деревни Гасс (Khirbet Hass) в небольшом расстоянии от Эль-Бары встречаем в необитаемой местности остатки прекрасного мавзолея, облицованного тесаным камнем и построенного в форме квадрата. Особенность этого памятника состоит в том, что в нем находится несколько саркофагов; все они разбиты, за исключением одного, который носит христианскую эмблему и придает особый характер самому мавзолею. Можно принять как общее правило, что поблизости от башен, большею частью полуразрушенных, находятся огромные блоки, покрывающие спуск в пещеры, иссеченные для целей погребения. Вообще по всему этому пустынному и каменистому плато путешественник встречает огромные города мертвых.

Близ Бюса сохранилось немало монументальных памятников. По пропорциональности частей и по изяществу в целом обращает на себя внимание христианское здание, состоящее из сочетания четырех арок. Маленькая дверь вела в этот приют мертвых, где оказался еще на месте обширный

саркофаг. В северном направлении от Гасса находится обширная площадь этого мертвого города с пещерами в скалах. В одном месте обнаружен прекрасно устроенный спуск в подземелье с лестницей и остатками каменных дверей, разбитых на несколько кусков. При рассмотрении этих кусков можно видеть, что дверь имела назначением христианский памятник.

Наиболее интереса в занимающей нас местности представляют именно частные дома со всеми особенностями и оригинальностью их внутреннего устройства. Часто в них недостает только кровли и мебели, как будто хозяева оставили их лишь несколько лет назад. Все почти дома отличаются выразительным христианским характером: или надписью над входом, заимствованной из Священного Писания, или христианскими эмблемами. Тип частных построек почти один и тот же. Между христианскими эмблемами всего чаще, конечно, встречаем крест над входными дверьми, но, кроме того, и христианскую монограмму.

Наиболее типичными представителями мертвых городов в Сирии нужно признать Баальбек и Зль-Бару. Последний был весьма значительный и укрепленный город, как показывают сохранившиеся части развалин. Вместе с тем, это весьма красноречивый памятник неожиданно приостановленной здесь общественной жизни вследствие какой-то катастрофы. Эль-Бара, с другой стороны, весьма хорошо знакомит с культурной жизнью общества. Попытаемся характеризовать эту жизнь по остаткам, и доныне наблюдаемым в Эль-Баре. Улицы селений или городов, по большей части, узки и вымощены булыжником. Дома все имеют доступ со стороны улицы через небольшую дверь, ведущую во двор. Почти все дома в два этажа, иногда оба этажа украшены колоннами; часто вокруг дома идет галерея. Первый этаж отделяется от второго полуаркой, на которую настилается пол верхнего этажа. Стены и главнейшие ворота и наличники украшены или орнаментом растительного характера (листья винограда и аканф), или христианскими эмблемами, а также надписями. Из христианских эмблем чаще всего встречается монограмма в круге, буквы А Ω в соединении с крестом, изредка рыба или агнец с крестом на спине. Общий и отличительный характер эмблем и надписей церковный и христианский. Все постройки из камня, стены почти везде сохранились, иногда стоят на местах лестницы и галереи. Надписи на воротах домов чрезвычайно разнообразны, хотя исключительно заимствованы из Священного Писания. Вот два блока, служившие архитравом над воротами; на одном из них надпись: «господи сил с нами буди». Вот надпись на карнизе окна: «Слава в вышних Богу и на земле мир». Такова надпись над входными дверьми: «господь сохранит вход твой и исход твой отныне и до века; аминь».

Словом, церковность дает такую печать постройкам этой эпохи, что можно думать, что находишься не в городе,

не среди домов светских людей, а в каком-либо монастыре! Укажем еще надписи: «Если Бог за нас, кто против нас. Слава Ему во веки». «Господи, помоги дому сему и живущим в нем». Или просто: «Христе, помоги». А вот надпись с указанием владельца дома: «Великая сила Святой Троицы. Комит Приск сим побеждай». Трудно, конечно, сказать, о каком Приске здесь идет речь, но не будет слишком смелым думать здесь о Приске, комите экскувиторов, жившем в VI в. и кончившем жизнь свою монахом в последние годы VI в.

Рассматривая древности Эль-Бары во всей совокупности, нельзя не вывести заключения, что здесь представлена не столько показная и, так сказать, официальная жизнь большого города, сколько интимная сторона жизни христианского общества. Здесь мы не находим ни громадных колоннад и обширных дворцов, ни больших храмов, а наблюдаем частные дома среднего класса населения. Об этом говорят и надписи над входами в дом; это же подтверждает и самая постройка домов, небольшие размеры их и отсутствие дорогих украшений. Самым большим памятником в Эль-Баре следует считать громадную базилику, в которой сохранилась апсида и часть западной стены. Вся площадь бывшего величественного здания покрыта стволами колонн, карнизами, частями плафона,— все эти лежащие на земле обломки покрыты роскошным орнаментом с мотивами растительного и животного царства. Главная апсида громадных размеров образована двумя рядами колонн, идущих до самого нарфика, как можно видеть по стволам колонн и по капителям, поваленным, вероятно, вследствие землетрясения. Описанием развалин храма мы занимались в другом месте[21].

Между памятниками Сирии особенного внимания заслуживает монастырь св. Симеона Столпника. Это есть, бесспорно, наиболее величественный памятник в Северной Сирии, который один и сам по себе может служить прекрасным показателем религиозного и культурного состояния Сирии в V в.

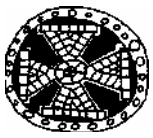
Сходя с холма, на котором стоит монастырь, вступаем в город Симеона (Деир Семан). По всем вероятиям, этот город возник в ту же эпоху, что и монастырь; но в нем не имеет первоначального значения то, что стоит на первом плане в монастыре. Город Симеона возник для потребностей богомольцев; здесь поэтому нашли себе выражение обыкновенные и ежедневные людские потребности. Здесь мы знакомимся с системой постройки больших домов для приема путешественников; здесь мы видим широкие террасы, могущие дать помещение для масс народа; наконец, здесь мы находим обширные постройки для обеспечения водой громадного населения. Само собой разумеется, и религиозные интересы представлены в Деир Семане не менее значительно: здесь сохранились остатки

трех церквей и множество усыпальниц для погребения мертвых. Попытаемся рассмотреть по порядку памятники Деир Семана.

Прежде всего обращает на себя внимание одно громадное здание или, лучше, целый корпус зданий, окруженный колоннадой или галереей в три этажа. Оно совершенно ясно характеризуется тем, что не походит на обыкновенные частные здания и должно было иметь общественный характер. В середине его имеется весьма обширная зала, снаружи идут галереи, с которых открывается прекрасный вид на окрестности. С этим зданием соединено было другое, с крытой галереей в два этажа. По всей вероятности, весь этот комплекс зданий и составлял гостиницу, или странноприимницу, о которой свидетельствует надпись, удостоверяющая, что гостиница построена была в июле 479 г. Перед этим зданием— терраса, от которой сохранилась настилка из плит.

Но между постройками Деир Семана важное значение имели и церкви. В высшей степени интересно было бы решить вопрос о том, какие постройки относятся к более ранней эпохе — те, которые на горе, или те, что под горой. По нашему мнению, храм Симеона на горе возник позднее, чем монастырские постройки под горой; все заставляет, кроме того, принять, что св. Симеон, прежде чем избрал столп для своих подвигов, жил некоторое время в монастыре при подошве холма, т. е. в нынешнем Деир Семане. Имея в виду, что в Деир Семане оказывается весьма много погребальниц, следует думать, что здесь погребались не только постоянные жители этого священного убежища, но, главным образом, пришлые из разных мест богомольцы. По обширности размеров прежде всего обращает на себя внимание место погребения, устроенное в скале при спуске с холма. Эта усыпальница в два этажа высечена в скале, так что в ней были погребения над землей, в верхнем этаже, и ниже земли, в скале. В нижнем этаже высечены ниши в скале, и в каждой отдельные места погребений.

Наконец, следует остановиться вниманием на огромных постройках и приспособлениях для обеспечения населения водой. Сюда относится громадных размеров цистерна, сделанная по всем правилам римской техники. Она состоит из ряда колонн, на которые опирается архитрав. Расстояние между колоннами около 2 метров, в ряд идут три колонны. По-видимому, вода отсюда сообщалась посредством подъемного снаряда по всему городу. Для этого служила система каменных столбов, или пилястров, на которых лежали, а частью и теперь еще лежат, каменные плиты, снабженные углублениями, по которым текла вода в разные части города, имея отдельные проводы и в частные дома. Систему водопровода подобного рода мы заметили только в городе Симеона».

Глава VI

Постройка св. Софии и других зданий в столице. Линия пограничных укреплений

Пожаром во время известного возмущения «Ника» уничтожены были многие общественные и частные здания в самой богатой и населенной части города. Именно, сгорели тогда богатые сооружения: храм св. Софии, бани Зевксиппа близ ипподрома, часть дворца, наконец, торговые помещения и портики по Большой улице до площади Константина [1], где жило самое богатое и влиятельное население города. Спустя 40 дней после усмирения мятежа Юстиниан решил на месте сгоревшего храма св. Софии построить новую церковь того же имени, которая стала бы украшением его столицы и служила выражением идеи империи. Т. к. кругом места были застроены, а император желал строить обширное здание, то пришлось прежде всего с громадными издержками выкупить у частных владельцев ближайшие участки земли и снести находившиеся на них постройки. Разработка плана предполагаемого храма была поручена двум известным тогда архитекторам: Исидору из Милета и Анфемию из Тралл, которые, как можно заключить из современных о них известий, действительно отличались большими знаниями в физике и строительной технике[2].

Юстиниановская св. София и до сих пор остается беспримерным и непревзойденным памятником христианского зодчества, поражая наблюдателя своими размерами, висящим над зрителями куполом и обилием падающего сверху света. Этот памятник прекрасно характеризует эпоху Юстиниана и занимает совершенно особенное место в истории христианского искусства. Значительнейшие города империи, в которых оставались еще памятники древнего искусства, участвовали добровольными и подневольными жертвами в украшении св. Софии константинопольской. Из Рима были доставлены восемь порфировых колонн, взятых из храма Солнца; Ефес пожертвовал восемь колонн из зеленого мрамора. Из Кизика, Троады и Афин привезены были в столицу другие украшения. Строительный материал употреблялся самый лучший, какой только можно было достать по всей империи: из Проконниса, из Нуми-дии, Кариста и Иераполя. Но драгоценные мраморы не удовлетворяли Юстиниана, он употреблял в дело золото, серебро, слоновую кость с целью придать возводимому зданию небывалый блеск и царскую роскошь. Постройка вызывала громадные расходы, но Юстиниан не останавливался перед жертвами на дело, которое считал вопросом своей чести и религиозного долга. Под начальством двух главных архитекторов и подчиненных им мастеров работало над постройкой св. Софии 10000 человек. Освящение храма происходило в конце 537г., так что

постройка продолжалась с небольшим четыре года, и в это время было израсходовано около 130 миллионов рублей. Св. София была окружена множеством построек, назначенных для потребностей культа и для духовенства. На месте нынешней площади, открывающейся по направлению к ипподрому, была знаменитая площадь Августеон, отделявшая храм от Большого дворца. На эту площадь выходила часть дворца Халки с часто упоминаемыми в истории Медными воротами Халки. К западу, там, где на эту площадь выходила главная улица города — Меса, возвышалась знаменитая колонна Милий. Меса соединяла Августеон с форумом Константина. Св. София открывала собой достопримечательности Константинополя, и всякий торжественный выход царей в праздничные дни или начинался, или оканчивался св. Софией. Перед главным входом был большой открытый двор, атриум, окруженный портиками и колоннадой, в середине мраморный фонтан.

Святая София представляет собой обширный четырехугольник с двумя нарфиками длиной 77, шириной 71,70 м без нарфиков. Архитектурное чудо храма — это центральный купол в 31 м в диаметре, господствующий над средним кораблем и опирающийся на четыре арки, в свою очередь утвержденные на четырех больших колоннах. Чтобы дать некоторое представление об архитектурных особенностях св. Софии, воспользуемся небольшой выдержкой из книги Диля: «Не входя здесь в подробности технического свойства, обратим внимание на то, что составляет в собственном смысле новинку и достопримечательность здания, на колоссальный купол. В настоящее время принято думать, что юстиниановские архитектора заимствовали идею подобного расположения из восточной, и в частности из персидской, архитектуры, и можно думать, что эта система постройки, расположение частей и новые методы распространились в Малой Азии и перешли в Константинополь. Но, пользуясь распространенными образцами и применяя их с необычной смелостью и удивительной плодовитостью, строители св. Софии не были только подражателями. Построив этот памятник, чудо устойчивости, смелости, чистоты линий и блеска красок, они по справедливости могут быть названы изобретателями. По словам Шуази, «никогда гении Рима и Востока не давали в их соединении более поразительного и гармоничного произведения»[3]. Следует признать большой заслугой Анфемия и его сотрудников, что они в совершенстве выполнили предстоявшую им редкую комбинацию. Константинополь, переменив и соединив в единственном здании плодотворные архитектурные приемы, воспринятые им от Востока, вполне усвоил их византийскому искусству. Нельзя думать, что эти удивительные результаты были добыты без труда. Это была далеко не легкая строительная задача — осуществлять те громадные пропорции, какие предположено было дать куполу. Ему даны были устои в виде четырех массивных столбов, которые были сложены из камней, подобранных с особенной тщательностью, залитых цементом и скрепленных железными скобами. Чтобы предупредить разрыв колонн, стволы их скрепили металлическими обручами, а чтобы уравновесить давление тяжести, под каждый камень подкладывали листы прокатанного свинца. И, несмотря на все эти предосторожности, не раз точки опоры подавались под тяжестью арок, которые они поддерживали, и была опасность, что все повалится. Что касается самого купола, дело

было еще серьезней. Чтобы облегчить его тяжесть, на постройку его употреблены были особенные материалы: белая пористая черепица, чрезвычайно легковесная, специально приготовленная на острове Родосе. Во все время, пока продолжалась постройка, ежедневно совершались богослужение и молитвы за успех предприятия; в самый корпус здания вкладывали частицы мощей. Наконец, на высоте 55 метров с лишком возвели купол — по словам Прокопия, произведение удивительное и вместе устрашающее, которое как будто висит на золотой цепи с неба, а не утверждается на каменной постройке»[4].

В настоящее время при взгляде на храм св. Софии снаружи нельзя составить себе надлежащего понятия об архитектурном типе его. Это, между прочим, потому, что с течением времени это здание потребовалось укрепить четырьмя громадными сооружениями с юга и севера, которые значительно портят впечатление и лишают самый купол его доминирующего над зданием значения. В первый внешний нарфик ведут три двери, из коих средние выше боковых и находятся против царских дверей, коими входили в храм византийские императоры. Попытаемся дать описание внутреннего вида св. Софии применительно к тому времени, когда она блистала своими украшениями и различными предметами христианского культа в раках, ковчежцах и изображениях, и когда в ней совершалось богослужение. Дабы следовать определенному порядку в описании, войдем в храм через царские двери. Главный корабль храма, над которым находится купол и который ведет к алтарю, представлял самую первую достопримечательность св.Софии, поражавшую посетителя обилием света — днем являющегося сверху из купола и окон, вечером из множества больших паникадил, устроенных в разных местах и в небольших расстояниях одно от другого. В центре здания под главным куполом стоял амвон, на который вели две лестницы с восточной и западной стороны. Перед алтарем была солея, на которой стояла решетка, отделявшая алтарь от церкви или места, для всех доступного. В алтаре главным предметом был святой престол с драгоценной над ним сенью. Наш соотечественник, новгородский архиепископ Антоний, посетивший Константинополь в самом конце XII в., когда еще он не был сожжен и разграблен крестоносцами IV крестового похода, вот что пишет об алтаре св. Софии: «Во олтари же великом над святою трапезою великою, под катапетазмою*, повешен Коньстянтинов венец, и у него же повешен крест, под крестом голубь злат; и иных царей венцы висят окрест катапетазмы. Тажь катапетазма вся сотворена от злата и сребра, а столпия олтарьныя и амбон все сребряно... И се же чудо и страшно и святое явление: во святей Софии во олтари великом за святым престолом стоит крест злат, выше двою человек от земля с камением драгим и жемчугом учинен, а пред ним висит крест злат полутора локтий... перед ним три золотых лампады, в которых горит масло, эти лампады и крест соорудил царь Юстиниан, строитель церкви» [5]. Описывая святыни и достопримечательности храма, архиепископ Антоний упоминает, между прочим, «две доски Гроба Господня, печати гробные, икону Богородицы, держащей Христа, кровь и млеко св. Пантелеймона, и глава его, и глава апостола Кондрата, и иных святых мощи, и 1ерманова рука, ею же ставятся патриарси, и трапеза, на ней же Христос

* Сень над престолом, или киворий.

вечерял со ученики своими, и пелены Христовы». Между этими религиозными драгоценностями архиепископ новгородский упоминает чуть ли не единственный реальный предмет из многообразных и продолжительных сношений России с Византией. Именно, между хранящимися в алтаре святынями он видел «и блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду»[6].

Русский паломник дает весьма подробное описание и других частей св. Софии, останавливая свое внимание, главным образом, на святынях. «Его описание,— как говорит академик Н. П. Кондаков,— не только обильно фактами, которые чрез него могут быть проверены, но представляет известную последовательность, т. е. приблизительно по порядку описывает то, что в алтаре, потом по левую сторону от алтаря, затем по правую, т. е. по левую от входа»[7]. Хотя нам не удалось убедиться, что у Антония может быть найдено последовательное и планомерное описание св. Софии, тем не менее, следует согласиться с тем, что он обратил внимание на самые замечательные для христианского паломника святыни, почему его путешествие представляет собой весьма ценный и незаменимый литературный памятник. Описание Антония оставляет некоторые сомнения насчет того, как"""широко представлена была в св. Софии мозаика. Так, он упоминает мозаичный образ над главной дверью: «Спасов образ велик мусиею». Это, конечно, известное изображение Спаса с коленопреклоненным пред ним императором. Относительно других мозаичных изображений возможны сомнения[8].

Декоративным целям храма служили громадные колонны разноцветного мрамора. Капители их по тонкой работе резца представляют изящное кружевное произведение. Церковный помост, равно как нижние части стен покрыты мраморами разных цветов в такой группировке, которая обличает большой вкус. Некоторые композиции напоминают орнаментацию в апсиде Паренцо [9]. Вверху по стенам и на сводах куполов и апсид развертывались обширные мозаичные композиции на золотом или голубом фоне. Человеческая фигура занимала, по-видимому, мало места в этих декорациях; в сущности можно указать лишь на архангела в южной части церкви и на изображение Богородицы между Юстинианом и Константином, замеченное еще Фоссати на южном портале. Но, по замечанию почти всех исследователей, большие фигуры святых и пророков, равно как прекрасная мозаика над царскими дверями, принадлежат к позднейшему времени [10]. И по настоящее время самый лучший вид на церковь представляется с галерей, или хоров, идущих кругом всего здания. Это так называемые катихумении Великой церкви (κατηχουμένια). К ним вели особые ходы, которые также соединяли св. Софию с дворцовыми зданиями. В этих галереях устроено было особенное помещение для царицы, где она могла слушать богослужение и откуда могла наблюдать торжественные церемонии. Катихумении сообщались и с другими зданиями, примыкавшими к церкви; так, известно, что из патриарших палат можно было прямо пройти в св. Софию через катихумении. На заграждении северной галереи открыта была надпись с именем Феодоры[11]. Здесь было также особое помещение для царя, обыкновенно называемое мута-торий, который находился на южной галерее на западном конце.

Совершавшееся в храме св. Софии, освященном 27 декабря 537г. богослужение обставлено было всей роскошью служебных принадлеж-

ностей и громадным числом священно- и церковнослужительского состава. При Юстиниане штат служащих при храме был рассчитан на 555 человек; при Ираклии этот штат доходил до 600. На содержание церкви пожалованы были царем громадные средства, на каждый день шли доходы с отдельного именья, и всего будто бы было записано за церковь 365 доходных статей. Что касается достопримечательностей и святынь, стоит прочесть описание новгородского архиепископа Антония, чтобы понять, с каким старанием Юстиниан сосредоточил здесь почти все наиболее драгоценное для христианина. И следует признать, что для распространения идеи византинизма и для успеха христианской миссии на Востоке, и преимущественно среди славян, святая София константинопольская оказала громадное содействие широко образованным и гуманно настроенным царям и патриархам.

Юстиниановские постройки: церкви, дворцы, общественные и благотворительные здания в Константинополе и других городах империи — выражают собой систему и должны быть рассматриваемы во всей их совокупности. В одном Константинополе с предместьями он построил 24 церкви. Наиболее важными и значительными сооружениями в самой столице были храмы свв. Апостолов, Сергия и Вакха, св. Ирины, дворец близ Халкидона и громадная по замыслу и замечательная по искусству выполнения цистерна бин-бир дерек, или «тысяча одна» колонна. Еще не была окончена постройкой св. София, как царица Феодора приступила к возведению храма свв. Апостолов. Он был начат в 536 и окончен в 550 г. Хотя план был приготовлен теми же архитекторами, Анфемием и Исидором, которые строили св. Софию, но архитектурная особенность свв. Апостолов состояла в том, что она представила собой тип крестовой церкви и пятикупольное прикрытие. Это было также нововведение в строительном искусстве, которому было суждено большое распространение и разнообразное применение в христианских странах. Святая София была трудна для подражания, между тем архитектурный план крестовой церкви распространился с большой легкостью в Константинополе, Греции и на Востоке. На Западе церковь св. Марка в Венеции является воспроизведением того же стиля. В свое время этот храм принадлежал к замечательнейшим в Константинополе и служил усыпальницей для царей и патриархов. В X в. храм свв. Апостолов был описан в поэме Константина Родия как чудесный памятник того времени[13]. При завоевании Константинополя турками этот храм был срыт до основания и на его месте построена была завоевателем мечеть, известная под именем Мехмедиэ, или джами султана Мехмеда.

В центре города устроенная цистерна — бин-бир дерек — относится по времени происхождения к 528 г. По мнению новейшего исследователя [14], план этой цистерны есть гениальное развитие многоэтажных Цистерн Александрии. В настоящее время эта цистерна не имеет воды, 16 рядов мраморных колонн, числом более 200, наполовину покрыты землей. Эта цистерна, как говорит профессор Стржиговский, в своем Роде подобна св. Софии, сходство между ними заключается в смелости Конструкции, которая ни разу более не повторялась. Техника постройки говорит за то, что архитектор был александриец.

Независимо от громадных сооружений, подобных вышеуказанным, Юстиниану принадлежит строение стен, крепостей и сторожевых

укреплений против персов, армян, арабов и болгар, построенных на окраинах империи в защиту от неожиданных нападений неприятеля. Эти последние постройки, составлявшие в собственном смысле выполнение системы военной защиты империи непрерывной линией пограничных крепостей, выражая характерную особенность политики Юстиниана, заслуживают особенного внимания. Этим громадным предприятием, описанию которого во всех подробностях Прокопий посвятил шесть книг сочинения «О постройках», Юстиниан имел в виду возобновить пришедшую в упадок систему римских укреплений. Так, по Дунаю от Черного моря до Белграда воздвигнуто было до 80 крепостей, в которых поселены были гарнизоны или колонисты с обязательством несения военной службы. Вообще же на Балканском полуострове возникло при Юстиниане до 600 укреплений. Со стороны Персии для защиты Месопотамии усилено укрепление Дара, которая обведена двумя стенами и рвом, возобновлены стены Амиды и Эдессы. Северная граница до Трапезунта была защищена башнями и небольшими укреплениями, кавказские проходы ограждены длинными стенами и валами.

Чтобы дать некоторое понятие о военных постройках Юстиниана, приводим прекрасную страничку из сочинения Дйля: «На пограничной полосе прежде всего видим ряд укрепленных вилл, связанных между собой последовательным рядом военных постов (castella), находящихся в близком расстоянии один от другого, снабженных водой и припасами и занятых небольшими гарнизонами. Цель этих укреплений двоякая: запереть границу и стеречь приближение врага; с другой стороны, служить точкой опоры для отрядов, назначенных идти в неприятельскую страну. Но эта первая линия не казалась достаточной защитой. Поэтому в некотором расстоянии от нее шла вторая линия защиты, состоявшая из более важных укреплений, снабженных значительными гарнизонами. Эта вторая линия поддерживает пограничные посты, служит заслоном против набегов врага и вместе защитой для мирного населения окрестной страны. В этом заключалась главная забота военных инженеров и генералов Византии — обеспечить безопасность жителям провинции и по возможности ослабить вред от неприятельского нашествия. Эта мысль хорошо выражена в следующих словах Прокопия: «Желая прикрыть дунайскую границу, Юстиниан построил на реке многочисленные укрепления и поместил вдоль реки гарнизоны, с целью воспрепятствовать варварам переправу. Но затем, зная всю тщетность человеческих надежд, он подумал, что если бы неприятелям удалось преодолеть это препятствие, то они нашли бы сельское население беззащитным и легко могли бы брать людей в плен и грабить их имущества. Поэтому он не довольствовался тем, что посредством речных укреплений обеспечил общую безопасность, но умножил укрепления во всей стране, так что каждое земельное владение было обращено в крепкий замок или близ него расположен военный пост»[15]. Из более значительных сооружений этого рода можно указать стены вокруг Антиохии, крепость Дара на границе с Персией, Никею, Аназарб, Пальмиру и др. Как бы ни судить о реальном значении этой системы укреплений, нельзя сомневаться в том, что для своего времени она была наилучшей, и что преследуемая императором цель до известной степени была достигаема».

Глава VII

Торговля. Шелковые изделия. Таможенное ведомство. Косьма Инджоплов

Время Юстиниана составляет высший период процветания византийской торговли[1]. Ввиду важности прямых сношений со странами, где было шелковое производство, Юстиниан оказывал всяческое внимание торговым людям и поощрял новые в этом смысле предприятия. Пока Византия не имела еще соперников в торговле с отдаленным Востоком, откуда шли драгоценные товары в Европу, она прилагала большое старание, чтобы извлечь все выгоды из этого исключительного положения.

Древнейшим памятником торговых сношений с Востоком может быть назван Пальмирский таможенный тариф от 137 г. христианской эры. Этот акт издан сенатом города Пальмира в предупреждение споров, возникавших между купцами и таможенным ведомством по вопросу о пошлине с товаров, облагаемых иногда не по закону, а по старому обычаю. Тариф изложен на двух языках, греческом и арамейском. В настоящее время он перевезен в Россию и находится в императорском Эрмитаже[2]. Пальмира находилась на главной дороге из Византии в Персию, именно в Дамаск. Здесь верблюжьи караваны разгружались, и с товаров, ввозимых в империю, взималась пошлина. Между статьями ввоза упоминаются шелковые ткани, окрашенные в пурпуровую краску, рабы, благовонные масла в сосудах и в мехах, вино, хлеб и др. Но и сама Персия по многим статьям торговли была собственно передаточным местом.

Самая богатая страна по особенно дорогим товарам была, вместе с тем, и самая отдаленная. От Китая, с отдаленных времен знаменитого по секрету производства шелка, до Средиземного моря торговые караваны употребляли до 8 месяцев в пути. Это так поднимало цену восточного товара в Европе, что он становился доступным лишь владетельным лицам и из частных только большим богачам. Во время Диоклетиана за 1 фунт неокрашенного шелка платилось 10000 динариев, или около 3 тыс. рублей. В самом начале V в. (410) император Феодосии II издал закон, относящийся до торговли шелком, указав три города на персидской границе, где должна взиматься пошлина с шелка . Обыкновенно Пошлина была в 10%; во главе ведомства стоял чин comes sacrarum largitionum и подчиненные ему коммеркиарии. Счастливый случай разрешил вопрос о шелковом товаре при Юстиниане. Именно, один монах Несторианского исповедания принес в империю в бамбуковом посохе коконы шелковичного червя и сообщил грекам искусство разведения Шелковичных куколок. Тогда в Византии образовались плантации шелковицы и завелись фабрики для производства материй, занимавшие громадное число людей. Дорогие шелковые ткани, будучи казенной

монополией, составляли исключительно выгодную статью внешней торговли, доставлявшую империи громадные денежные средства. Византия снабжала этим товаром дворы европейских государей и богатых купцов торговых городов Европы.

Часть драгоценных товаров добывалась из Индии. Большинство индийских товаров шло морским путем и доставляемо было в Персидский залив или к устьям Тигра и Евфрата. Т. к. и здесь Персия была посредницей, а между тем Юстиниан вел с персидским царем продолжительные войны, то понятно его горячее желание освободиться от зависимости Персии. С этой целью, между прочим, он вступал в сношения с Абиссинией, хотя эта попытка осталась без успеха. Но у империи было и другое средство получать товары морским путем, именно на севере Красного моря была гавань близ нынешнего Суэца (Clisma). Здесь было таможенное ведомство близ острова Иотаба (ныне Тирань), и содержался византийский сборщик податей. При Юстиниане и при его преемнике Юстине II империя поддерживала сношения с турецким ханством, образовавшимся между Китаем и Персией, между прочим, с целью освободиться от тяжелого торгового посредничества Персии. Редкие китайские и индийские произведения и дорогие шелковые изделия рассматривались как орудие политического влияния и как средство импонировать на варварских вождей и европейских князей, приходивших в Константинополь. Подарки шелковыми одеждами, тканями, драгоценными камнями и благовониями были исключительной привилегией византийского двора и весьма высоко ценились теми счастливцами, кому они были предлагаемы. Кроме столицы шелковые фабрики развились в Бейруте, Тире и Антиохии.

Для характеристики торгового дела при Юстиниане предлагаем отрывок из «Тайной истории» Прокопия: «Есть два пролива с той и другой стороны Византии: один на Еллиспонте между Систом и Ави-дом, другой же при устье Евксинского Понта (Черное море), где находится известное святилище (ιερόν). В заливе Еллиспонта совсем нет казенного таможенного ведомства, но назначенный царем чин имеет пребывание в Авиде с целью наблюдения за тем, чтобы в царствующий город не ввозилось на кораблях оружие без ведома и разрешения царя, и чтобы из столицы не прошло какое судно без пропуска и печати тех чинов, на коих лежит эта обязанность, ибо не позволялось выходить в море из Константинополя кораблю без разрешения чинов, подчиненных ведомству магистра; кроме того, он собирал с проходящих судов небольшую дань. Отправляемый же царем надсмотрщик в другой залив всегда получал жалованье из царской казны и имел задачей смотреть за тем, как мною сказано выше, чтобы не ввозил кто запрещенных товаров к варварам, которые живут по берегам Евксинского Понта, и которыми не позволено снабжать их как наших врагов. Ему не разрешалось брать с судов никакой пошлины. Но с тех пор, как Юстиниан принял царство, учреждены были таможенные ведомства в том и другом заливе, и назначены два архонта с целью взимания пошлин, которым определено было содержание и которым поручено собирать пошлины со всей строгостью. Они же, желая всеми мерами сделать приятное царю, брали с проходящих кораблей за находившиеся на них товары большие пошлины. Приняв указанные меры к отношению к тому и другому проливу, для

Константинополя он придумал следующее. Поставив над здешним портом одного из своих приближенных, сирийца по происхождению именем Аддей, поручил ему собирать пошлину с пристающих сюда судов. Он же всем судам, прибывавшим в Константинополь, не допускал разгружаться в гавани, но или принуждал корабельщиков платить пеню за свои корабли, или везти товары в Африку или Италию. Из них некоторые, не желая ни идти с обратным грузом, ни заниматься морской торговлей, предпочитали предавать огню свои корабли. А те, для которых торговое дело было единственным средством к жизни, принуждены были вносить тройную пошлину за свои товары, и им предстояла неизбежная необходимость возмещать понесенные убытки поднятием цены товаров при их продаже, так что всячески угрожало обнищание ромэйскому государству.

Большинство предметов было обращено в царскую монополию, и необходимые в ежедневном потреблении вещи обложены были тяжелыми накладными расходами; оставались еще свободными от обложения торговые заведения для одежды, но и по отношению к этим последним было придумано следующее. По исконному обычаю шелковые одежды приготовлялись на фабриках в Бейруте и Тире, финикийских городах. В этих же местах жили как торговцы шелковыми изделиями, так художники и ремесленники, и отсюда шелковые одежды имели распространение по всему свету. В царствование же Юстиниана занимающиеся этой статьей промышленности в Византии и в других городах повысили цену на свое производство, ссылаясь на то, что в то время и в Персии возросла цена на шелк, и что в Ромэйской империи увеличены таможенные пошлины [4]. Царь же, будучи этим недоволен, издал закон, которым установил, чтобы за фунт шелка не платилось больше 8 золотых номисм, присоединив угрозу наказывать преступивших этот закон лишением имущества. Это поставило торговых людей в крайнее смущение и недоразумение. Ибо не могли они, уплатив за товар дорогую сумму, продавать его по пониженной цене, поэтому должны были отказаться от продолжения торговых сделок, предпочтя тайную распродажу остававшихся у них товаров по преимуществу в среде знакомых. Царица, получив сведение о ходивших об этом тайных слухах, не проверив основательность их, наложила запрещение на эти товары и оштрафовала торговцев на кентинарий золота. Во главе шелкового производства и торговли шелковыми изделиями в империи стоит начальник царской казны Петр Варсима, которого допустили до бесчестных поступков. Настаивая на точном исполнении закона о шелковых изделиях по отношению к другим, он требовал, чтобы мастера готовили этот товар исключительно для него, и не тайно, но открыто, на базаре, унцию шелка обыкновенной окраски приказал оценивать в шесть номисм, а то же количество царской окраски шло по цене двадцати четырех и более номисм. Этим путем он доставил в царскую казну большие средства, а еще больше присвоил себе, и этот порядок, при нем получивший начало, остался навсегда. Ибо в это время он был единственным установителем цен и продавцом шелкового товара. Торговые люди, прежде занимавшиеся этой статьей производства в столице и других городах, испытали, как и следовало ожидать, бедствия этой системы на море и на суше, городской дим в Бейруте и Тире неожиданно дошел до нищенского

состояния, мелкие торговцы и ремесленники принуждены были бороться с голодом, многие же бегством спасались в персидские области. Таким-то образом, будучи единственным начальником доходов с казенной продажи шелковых изделий и введя в этой статье монополию, доставлял он часть доходов царю, а больше присвоивал себе и обогащался на счет общественных бедствий. Так-то шли дела» [5].

Ко времени Юстиниана относится исключительный по своему культурному значению географический труд, подобного которому не знают средние века. Мы говорим о знаменитом плавателе в Индию Косьме Индикоплове (ο Ίνδικοπλεύστης) и составленном им литературном произведении, названном «Христианская топография». Об этом замечательном для своего времени географе мы имеем, однако, скудные сведения, даваемые им самим в его названном произведении. Он был грек по происхождению и жил в Александрии, «по слабости здоровья и по причине плохого зрения не мог получить широкого образования, ораторского искусства не проходил и более предавался житейским делам». Можно, впрочем, думать, что эти выражения характеризуют более ·- скромность автора, писавшего свое произведение в монастыре, и потому . их нужно принимать с ограничением[6]. Главным его занятием была - торговля; ради торговых дел он предпринимал отдаленные путешествия. Был в Абиссинии и, между прочим, описывает дворец царя аксумского и пороги Нила. Плавал в трех морях: в Средиземном, Красном и Персидском заливе. Был ли Косьма в Индии, прямо не говорится в его сочинении, но об этом следует заключать из наглядного и подробного описания острова Цейлона, равно как на основании предания, усвояющего ему прозвание Индикоплова в самых древних списках[8].

После полной разнообразных приключений жизни Косьма постригся в монахи и занялся составлением своего литературного произведения. Главная цель труда состояла в том, чтобы доказать соответствие физической географии с библейским учением о сотворении мира, почему патриарх Фотий называет «Топографию» Косьмы толкованием на «Октатевх». Благочестивая цель автора сказывается в самом начале произведения, т. к. первая его глава обозначена так: «Против тех, которые хотят казаться христианами, но принимают мнение, чуждое христианскому учению, что небо имеет сферовидную форму». Согласно основной своей цели, Косьма вооружается против системы Птолемея и доказывает, что Земля имеет не шаровидную форму, а уподобляется продолговатому четырехугольному ящику, по образцу Ноева ковчега. Обширное произведение Косьмы отняло у него много времени и не могло быть составлено одновременно. Из нескольких указаний, им самим сделанных, можно заключить, что главная часть составлена между 545—547гг., а конец — в позднейшее время. Значение географического сочинения Косьмы заключается в его описаниях и сообщениях о том, что он видел и что слышал от бывалых людей; в этом смысле он сообщает весьма важные и любопытные сведения, которых напрасно было бы искать у других писателей. Таковы сообщаемые им данные об отношениях империи к Египту, Индии и Китаю.

Косьма отличается необыкновенной правдивостью и добросовестностью в своих описаниях; в тех случаях, когда он говорит о предметах и фактах, заимствованных от других, он опирается на достоверные

источники. Прежде всего он пользуется сообщениями лично ему знакомых купцов и путешественников, из коих называет, между прочим, Сопатра и персидского посла[9]. Библейский и церковно-исторический отдел «Топографии» почерпнут из устных бесед с Патрикием, т. е. Мар-Аба, который долго жил в Александрии[10] и принадлежал к несторианс-кому исповеданию; следы несторианских воззрений, почерпнутых из сочинений Феодора Мопсуестского, можно отметить во многих местах Косьмы Индикоплова, и названный выше Патрикий должен быть признан не только автором всей системы мироздания, но и рисунков, внесенных Косьмой в «Топографию»[12]. В историческом отношении в жизнеописании патриархов любопытно отметить параллелизм пасхальной хроники и данных Косьмы. Ватиканская рукопись Косьмы, снабженная миниатюрами, относится к IX в.

Чтобы ознакомить с богатым содержанием сочинения Косьмы, мы приведем из него несколько мест. Описывая караванную торговлю абиссинцев с богатою золотом страной Сасу в соседстве с Занзибаром, Косьма говорит: «Каждые два года царь Аксума отправляет караван своих торговых людей за золотом. К ним присоединяются и другие купцы, так что всего бывает до 500 человек. Они отправляют туда быков, соль и железо. Приблизившись к стране, они делают остановку. Собрав множество терновника, делают загородку и располагаются под защитой ее, убивают и разрезывают на части скот и куски его нанизывают на колья. Приходят туземцы и приносят слитки золота и кладут один, два или более слитков подле куска мяса, соли или железа, что им нравится, и стоят в ожидании. Тогда подходит хозяин мяса и берет золото, если доволен предложенной за товар суммой, а туземец, сделавший предложение, берет мясо, соль или железо. Но если купец недоволен суммой, предложенной за его товар, то он не трогает золота, а туземец, видя, что его золото не взято, либо присоединяет еще слиток, или уходит. Так происходит немая меновая торговля, ибо они говорят на разных языках и без переводчиков не могут понимать друг друга. Они остаются на месте пять или более дней, смотря по тому, медленно или оживленно идет мена товара на золото, пока не продадут весь товар. Возвращаются назад все вместе и вооруженные, ибо их высматривают враждебные племена, желающие поживиться их богатством. Вся поездка требует не менее шести месяцев, так как первый путь они делают весьма медленно, щадя силы своих коней, обратный же путь совершают быстро, дабы не быть захваченными в дороге зимой и дождями. Ибо здесь находятся источники Нила, воды которого, поднявшись вследствие зимних дождей, делают непроходимыми караванные дороги. Их зима падает на наши летние месяцы — от 25 июня до 30 сентября; во время этих трех месяцев падают сильные дожди»[13].

Описание Цейлона составляет лучшую часть произведения Косьмы. Известия заимствовал он от знакомого купца Сопатра, одновременно с которым прибыло на Цей-

лон персидское судно с персидским посланником: «По обычаю, начальники города и таможенные повели их для представления царю, который после установленного приветствия приказывает им сесть и спрашивает: «Благополучно ли в вашей стране, и как идут ваши дела?» — «Хорошо»,— сказали они. Потом спросил царь: «Который из ваших царей больше и сильней?» — Перс быстро ответил: «Наш царь и сильней, и больше, и богаче других, называется царь царей и может делать все, что захочет».— Сопатр ничего не говорил, тогда царь говорит ему: «Что же ты, ромэй, ничего не кажешь?» — Сопатр ответил: «Что мне сказать после того, что мы слышали. Если, однако, желаешь узнать истину, ты имеешь перед собой того и другого царя, рассуди сам, который из них величественней и могущественней».— Эти слова привели царя в изумление.— «Как,— сказал он,— здесь находятся оба царя?» Сопатр же ответил: «Здесь есть монеты того и другого: золотая номисма — византийская и драхма, или серебряный милиарисий,— персидская; всмотрись изображения на той и другой, и ты познаешь истину». Цейлонский властитель, согласившись с этим, приказал принести обе монеты. Византийская монета была из чистого золота, светлая и хорошего чекана, ибо сюда привозятся лучшие экземпляры; что же касается персидского милиарисия, то достаточно сказать, что он был из серебра и не мог идти в сравнение с номисмой. Царь повертел в руках ту и другую монеты и, похвалив золотую номисму, сказал: «Конечно, ромэи и славней, и сильней, и умней». Тогда Сопатру оказаны были особенные почести: его посадили на слона и с барабанным боем водили по городу. Это рассказал нам,— присоединяет автор,— сам Сопатр и бывшие с ним на этом острове жители Адулы. Это, говорили они, очень пристыдило персидского посла»[14].

На основании сообщений Косьмы можно судить, что Цейлон в середине VI в. был центром мировой торговли между Восточной Африкой и Китаем. Тапрована, говорит он, есть величайший остров в Океане, там добывается драгоценный камень иакинф, сюда стекаются отовсюду разные товары, и отсюда посылаются местные произведения во все торговые пристани. На острове царствуют два государя, которые находятся между собой в борьбе. Один обладает горной страной, где добывается иакинф, другой — равнинной, где находится гавань и производится торговля. Есть там и христианская община из персидских колонистов. Превосходными качествами достоверности и наблюдательности отличается описание индийских зверей. Таково описание риноцероса: «Это животное получило свое имя оттого, что у него растут рога из носа. Когда он идет, его рога качаются, когда же он раздражен, дает им сильное напряжение, так что они становятся так твердыми, что могут вырывать с корнем деревья, в особенности передний рог. Глаза у него лежат

низко у челюстей, это весьма страшный зверь и естественный враг слона. Его ноги и кожа подобны слоновьим. Толщина высушенной его кожи равняется четырем пальцам, некоторые употребляют ее вместо железа в плуги и пашут землю. Я видел издали живым этого зверя в Эфиопии, а мертвого в царском дворце, где и описал его» [15].

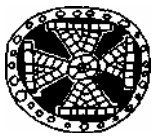
За описанием Цейлона следует описание Индии: «Кроме упомянутых уже цветущих торговых пристаней, есть и другие многие торговые города, приморские и сухопутные, и обширная страна. Выше, т. е. северней Индии, живут белые гунны, предводитель которых Голла, выходя на войну, ведет с собой, как говорят, не менее 2 тысяч слонов и многочисленную конницу. Он господствует над индийской страной и собирает подати. Говорят, что однажды он желал завоевать один сухопутный город Индии, но город оказался окружен водой. Простояв под городом несколько дней и использовав всю воду на слонов, коней и военных людей, наконец, он приблизился к городу сухим путем и взял его. У них особенно ценится драгоценный камень смарагд, который употребляется для украшения царской короны. Все это я рассказал и описал частью по личному опыту, частью узнал через других, путешествуя поблизости от этих мест. И местные владетели Индии имеют слонов, один 500, другой 600, то более, то менее. А цейлонский владетель покупает на стороне и слонов, и коней, первых расценивает по измерению: слона меряют от пяток до верхушки и, смотря по количеству локтей, платят от 50 до 100 и более номизм. Кони привозятся из Персии и продаются беспошлинно. Внутренние владетели страны приручают слонов и пользуются ими для военной службы. Для удовольствия царей часто устраивают бой слонов. С этой целью между двумя имеющими состязаться слонами устраивается деревянная преграда из двух вертикальных и одного горизонтального бруса, которая достигает слону до груди. По ту и другую сторону стоят люди, которые не допускают слонов близко подходить одного к другому, но возбуждают их, и они начинают бить один другого хоботами, пока один из них не будет побежден. Индийские слоны не имеют клыков, а если и имеют, то эти зубы срезывают, дабы они не составляли излишней тяжести во время похода. Абиссинцы не умеют приручать слонов, но если царь захотел бы иметь для зверинца одного или двух слонов, то их ловят молодыми и воспитывают в неволе. Страна их имеет много слонов с большими зубами. Слоновая кость вывозится из Абиссинии в Индию, в Персию, в Аравию и в Византию» [16].

Весьма любопытны также сообщаемые Косьмой сведения о Синае. С этой страной он ознакомился посредством нескольких путешествий; здесь же нашел убежище друг его Мина, с которым он совершал вместе отдаленные путешествия. С каким вниманием он относился к Синайскому полу-

острову, показывают его любопытные известия о синайских надписях: «Когда иудеи получили от Бога писаный закон, они узнали и искусство письма, так что пустыня обратилась для них в училище, ибо в течение 40 лет они иссекали на камне письма. Поэтому в пустынях Синайского полуострова можно находить на всех тамошних скалах надписи с еврейскими письменами, как я сам это видел, путешествуя по этим местам. Некоторые иудеи читали эти надписи и объясняли нам, что там написано было. Такие надписи сохранились и доныне, как я думаю, ради неверующих, ибо каждый может самолично убедиться, видеть собственными глазами, что мы говорим правду. Сначала евреи получили от Бога письмо на тех двух каменных досках, которые они изучали в пустыне 40 лет; это письмо они передали своим соседям финикиянам, от последних получили греки и другие народы». Приведенные слова относятся к так называемым синайским (собственно арабским или набатейским) надписям Вади Мо-каттеб и Джебель-ель-Мокаттеб, которые потом были списаны и изданы англиканским епископом Робертом Клеитолом. Надписи эти позднейшего происхождения и не имеют ничего общего с эпохой странствования евреев по пустыне»[17]. «Христианская топография» Косьмы, разделенная на отдельные книги, по основному содержанию и цели преследует специальные задачи. Если отправляться из оглавления его сочинения, то трудно подозревать в нем тот громадный культурный материал, какой рассеян по разным отделам, трактующим о схеме мира, о скинии, о величине солнца, о течение звезд. В предисловии [18] он обращается к своим читателям в следующих выражениях: «Прежде всего прошу тех, кому случится иметь у себя эту книгу, читать ее со всем вниманием и прилежанием, а не пробегать поспешно, со всем тщанием и трудолюбием запечатлеть в своем уме упоминаемые в ней места, присоединенные к ней изображения и отдельные рассказы. И по прочтении книги пусть обратят внимание на составленную нами записку к христолюбивому Константину, в которой подробно описана вся земля, как лежащая за океаном, так по сю сторону океана, и все города, и страны, и племена с целью доказать истину того, что мы говорим, и лживость противоположных мнений. На основании приложенной схемы и системы мироздания и самой природы вещей доказывается истинность Священного Писания и христианского вероучения».

Но не главная цель, предположенная автором, придает цену его сочинению, а второстепенные и как бы мимоходом и случайно сделанные замечания и попутные объяснения, в которых наука и признает высокое культурное значение «Христианской топографии». Кроме литературного и бытового значения, труд Косьмы представляет еще важный художественный материал во множестве рисунков или иллюстраций, которыми снабжен его текст. Какие миниатюры были в первоначальном оригинальном тексте Косьмы и какие присоединены после, равно как сам ли автор делал рисунки, или другой художник — об этом высказываются различные мнения[19]. Многие выражения, употребленные им относительно различных фигур в тексте, ясно показывают, что он сам

исполнял эти рисунки: фигуру носорога, которого он видел в Абиссинии, статуи во дворце царя аксумского и т. п. Относительно других миниатюр нужно думать, что они заимствованы. Это в особенности следует сказать о рисунках, касающихся мироздания, т. к. в этом отделе он имел руководителя в лице Патрикия[21], который сообщил ему и другие изображения библейских предметов, например скинию. Что касается рисунков, несомненно сделанных самим Косьмой, о них следует сказать, что в обработке их наш художник следовал хорошим современным образцам и традиции. Так, о Данииле и трех отроках замечено им, что, по преданию, их следует изображать безбородыми[22]. Ясно, что он пользовался мозаиками и фресками и статуями в катакомбах и базиликах Александрии. Это обстоятельство придает миниатюрам Индикоплова высокое значение в истории христианского искусства. С одной стороны, он стоит в зависимости от современного ему искусства, с другой — в позднейших памятниках, в особенности в иллюстрированных октатев-хах, ясно видно заимствование от Косьмы. Вследствие этого миниатюрам Косьмы приписывается в истории искусства весьма высокое значение[23].

Глава VIII

Законодательная и административная деятельность Юстиниана. Церковная политика

Юстиниан может считаться первым европейским государем, проведшим до крайних пределов централизацию в своей обширной империи. Теория единой империи, как она преподносилась Юстиниану, требовала для своего осуществления одинакового применения законов и одинаковости судебной практики. Эта сторона деятельности Юстиниана имеет большое культурное значение для всего европейского человечества. По сравнению с блестящими по внешности, но по сущеетъу эфемерными внешними делами, законодательная деятельность представляет собой памятник необыкновенной прочности и живучести и высоко ставит имя Юстиниана между всеми законодателями. Заслуга Юстиниана состоит, впрочем, не в творчестве, не в составлении новых законов, а в кодификации дошедшего до него римского права. При нем и при его содействии памятники римского права были собраны, проверены и сопоставлены между собой, и результаты юридической работы времени Юстиниана составили уже сами по себе драгоценный и незаменимый источник, из которого полной рукой черпали и средневековые ученые, и новейшие юристы. Римское право в кодексе Юстиниана стало универсальным правом всех культурных европейских народов,— в этом историческое и культурное значение вопроса о законодательной деятельности Юстиниана.

Хотя занятия древним римским правом были обычны, и уже со времени Адриана существовала специальная консистория, задача коей заключалась, между прочим, в истолковании законов, но при Юстиниане деятельность этого учреждения получила новое и более широкое направление. С первых же лет своего правления вместе с громадными внешними предприятиями Юстиниан обратил свое внимание на законодательство. В 528 г. им организована была комиссия из десяти правоведов, выбранных из лучших и ученейших людей того времени, во главе которой поставлены знаменитый Трибониан и Феофил. Комиссии предстояло собрать и распределить по содержанию и хронологии императорские указы (leges, constitutiones) со времени эпохи Адриана, как в свое время внесенные в кодексы Григорианский, Гермогенианский и Феодосиевский[1], так и те, кои изданы были поздней. Предстояла большая и сложная работа, т. к. тогдашние архивы или библиотеки не имели тех удобств, какие имеются в наших библиотеках в виде каталогов и указателей, и т. к., с другой стороны, приходилось изучать неупорядоченный рукописный материал.

Несмотря на громадные трудности, комиссия блистательно и скоро исполнила возложенное на нее поручение, и уже в апреле 529 г.

собранные и проверенные тексты императорских указов были опубликованы в XII книгах под именем Кодекса. Это знаменитый Codex Justiniani, который в 534 г. подвергся новой переработке и вышел, так сказать, новым изданием, отменившим старое. Эта последняя редакция или сборник, заключающий в себе от 4600 до 4700 постановлений, от Адриана до 534 г., и составляет тот Юстиниановский кодекс, которым наука пользуется и доныне [2].

Гораздо более значения имеет другое предприятие того же рода. Пандекты представляют собой совершенно оригинальный и вполне научный юридический труд, исполненный особой комиссией из 15 лиц под руководством того же Трибониана. Здесь предстояло осуществить еще более сложную задачу, именно собрать в одно руководство все прежние объяснения или толкования законов, данные и записанные в свое время римскими юрисконсультами. Обширный материал нужно было разыскивать в рукописных кодексах и подвергать исследованию, причем привлечено было к изучению до 2000 кодексов. В этом предприятии особенно заметна научная подготовка Трибониана и серьезная постановка всего предпринятого дела. Добытый при изучении рукописей материал был распределен по отделам и разделен на 7 частей в 50 книгах. Таким образом, выведен был, по выражению Юстиниана, как бы священный храм или цитадель в защиту древнего права, которое оставалось неупорядоченным в течение 1400 лет.

После издания дигест, иначе пандект, в 533 г. Юстиниан озаботился составлением руководства для начинающих юристов. Таково происхождение и значение Институций в 4 книгах, составленных законоведами Феофилом и Дорофеем. Пандекты вместе с Кодексом известны под наименованием Corpus iuris, на котором и основывалась юридическая практика VI и VII вв. Дальнейшее развитие римского права выражалось в новеллах, т. е. законах, изданных после опубликования Corpus iuris, к которым и нужно обращаться при изучении применения к жизни юридических норм.

Бесспорно, что законодательная деятельность Юстиниана имеет громадное значение в истории европейской культуры. Но нельзя скрывать и того, что слишком поспешная работа выразилась в последней редакции этого замечательного памятника некоторыми недостатками. Так, не устранены некоторые противоречия в статьях древних юристов, встречаются повторения, нет единства и нередки неточности в обозначении содержания приводимых отрывков. Практическое значение его усматривается из того, что он в качестве руководства для судебных учреждений был разослан во все провинции и города и до известной степени обеспечивал единство судебной практики. Все согласны, что он составлен с величайшим уменьем и знанием дела: законы подведены под известные отделы и распределены в хронологическом и предметном порядке, каждая статья носит имя императора и место и время издания. Но это, впрочем, дело специальной критики. Для историка важней отметить в законодательстве Юстиниана те черты, которыми выражается характер и намерения законодателя, а равно черты времени. Очень любопытно, прежде всего, что законы изданы на латинском языке. В этом отношении Юстиниан отдавал дань своей теории восстановления Римской империи, которой границы совпадали с границами известного

мира. Уже один из его предшественников, именно Юлиан (361—363), издал на греческом языке распоряжения свои по отношению к восстановлению в империи язычества, основываясь, конечно, на распространенности и культурном значении греческого языка; но, как известно, эти распоряжения имели успех, далеко не соответствовавший ожиданиям императора.

Юстиниан, обращаясь со своими законами к различным народам, жившим в его обширной империи, имел, конечно, больше оснований избрать латинский язык, как язык права, имевший притом широкое распространение в административной практике и в деловых отношениях. Кстати здесь заметить, что греческий язык получает постепенное утверждение в империи вместе с политическим оживлением и религиозным преобладанием эллинского элемента, выразившимся в особенности с тех пор, когда Восток отделился от империи вследствие персидских и арабских завоеваний. Итак, употребляя латинский язык, Юстиниан представляет собой идеалы древнего Рима; точно так же он является представителем древности и в своих воззрениях на абсолютную власть императора и на организацию империи и сочетание различных ее частей под водительством божественного избранника. Но рядом с этим проглядывают и черты нового времени, объясняющиеся частью желанием приспособить законы к новым формам жизни и вновь назревшим потребностям, частью же под влиянием христианства. В вопросах о личном праве привносится смягчающий принцип гуманности (humanitas), а ригоризм в древнем вещном праве уступает требованиям общественной пользы и применениям naturalis ratio.

Приспособляясь к требованиям общественной морали и социальной справедливости, законодательство изменило понятие о семье. Женщина приравнивается в правах к мужчине, прежняя безграничная власть мужа уступает место христианскому взгляду на взаимные обязательства между супругами. Точно так же изменяется идея отеческой власти и по отношению к детям, которые эмансипируются в смысле свободы брака и в имущественном отношении. Гуманные идеи простираются на положение рабства, смягчая суровые законы и облегчая способы освобождения на волю. В законе о наследстве, определившем права на наследование имуществом для жены, а равно для дочерей и сестер, исследователи усматривают революционный против древних воззрений принцип. И следует признать, что законодательная деятельность даег Юстиниану весьма почетное место во всеобщей истории, которое и останется за ним, несмотря на многие отрицательные стороны его деятельности в других отношениях. Несколько раз и сам он выражал мысль о важном государственном и культурном значении своих законодательных предприятий и приказал, чтобы его законы имели обязательную силу по всей империи, вытеснив из употребления все предшествовавшие правовые нормы. Три высшие школы права: в Константинополе, Риме и Бейруте, получили, между прочим, обязанность следить за чистотой права и заниматься научной разработкой юридических памятников.

Законодательная деятельность не ограничилась упомянутыми выше сборниками. Все текущие вопросы — административные, судебные и финансовые — вызывали ряд особенных императорских указов, которые под именем новелл частью изменяли, частью дополняли постанов-

ления, заключавшиеся в дигестах и в Кодексе. Таких новелл в период времени от 534 до 565 г. издано до 154. Они касаются, главным образом, администрации гражданской и церковной, суда, финансовой системы и имеют громадное значение для истории выработки византинизма и эволюции римского права и учреждений. Очень любопытно, между прочим, отметить, что новеллы издавались уже на греческом языке, а пандекты и Кодекс изданы были на латинском. Ясное дело, что Римская империя реформировалась уже в Ромэйско-Византийскую.

При обзоре административной деятельности Юстиниана нам весьма важно будет проследить по его новеллам новые начала, которые войдут в основание того порядка вещей, что имеет обнаружиться в VII и в особенности в половине VIII в. Но прежде всего бросим общий взгляд на административные мероприятия Юстиниана. В короткое время, на расстоянии 12—15 месяцев (535—536), он издал целый ряд новелл, которыми были затронуты разнообразные и живые стороны государственной и общественной жизни. Найдя расстройство в управлении, осведомившись о жестоких бедствиях населения, страдавшего от вымогательства чиновников и крупных землевладельцев, император решился применить весь авторитет своей неограниченной власти против всеми сознаваемого зла. В заботах об улучшении администрации он идет к расширению учреждений и круга служилых лиц созданием новых органов для контроля, наделением епископов правом наблюдения за гражданскими чинами в епархии и, наконец, устройством новых инстанций, в которые можно было обращаться с жалобами на низших чиновников. Рассуждая как кабинетный мыслитель и полагая, что все его мероприятия будут исполнены в точности, лишь только указы придут по назначению, он плодит канцелярские распоряжения, в которых до самых мелких подробностей разъясняет образ действий провинциальных судей, сборщиков податей и других чиновников. Выставляя главнейшее к ним требование, чтобы они были «чисты на руку» и не высасывали соки из населения, вместе с тем, Юстиниан постоянно предъявлял к ним требование, чтобы они заботились об исправном поступлении податей, и что их служебное положение зависит от исполнения этого требования. Чтобы понять весь трагизм этой проповеди о неподкупности и честности, достаточно указать, что, в то время как составлялись подобные новеллы, в самом дворце продавались за деньги судебные и административные должности и отдавался в аренду сбор податей в провинциях. Хотя в течение своего продолжительного царствования он много раз должен был возвращаться к своим предписаниям, повторять и подтверждать те же самые указы, и хотя уже из этого можно бы вывести заключение, что рекомендуемые им уставы и правила не применяются к жизни, тем не менее, он глубоко верил в практическое осуществление своей системы и не видел того, что, казалось бы, так легко понять. Многие его новеллы носят в своих начальных строках самоуверенные выражения: «Нам удалось при помощи Божией достигнуть (таких-то) успехов», но эти успехи были только в его воображении, Юстиниан в этом смысле был жертвой созданной им фикции. Его громадные военные и строительные предприятия требовали больших денежных средств и таких трат, которые не покрывались обыкновенными доходами. Чтобы пополнить казну

и продолжать несоразмерные с доходами расходы, он решался прибегать ко всяческим средствам и вступать в противоречие с принципами, им же самим одобряемыми и рекомендуемыми. Прежде чем переходить к конкретным фактам, находим уместным дать здесь образец законодательных актов Юстиниана в той мысли, что иным способом нельзя дать понятие о настроении и психике законодателя.

Для образца берем новеллу, излагающую вредные последствия системы продажи должностей[3]: «Случается, что целые ночи и дни мы проводим без сна и в заботах о том, чтобы доставить полезное нашим подданным и вместе угодное Богу. И не напрасно это бодрствование, ибо оно ведет к планам дать счастливую жизнь, свободную от всяких попечений, нашим подданным и принять на себя заботу обо всех. Прилагая всяческое изыскание и тщательное расследование, мы придумываем способ, каким бы можно было освободить их от всякой тяготы и обременения, исключая те обязанности, какие налагает казенная перепись и справедливое обложение. Ибо находим в делах большую несправедливость, которая с недавних пор стала теснить людей и приводить их в бедственное положение, так что они подвергаются опасности впасть в крайнюю нищету и не быть в состоянии уплачивать обычные и установленные по казенным описям подати. Ибо в то время, как бывшие прежде нас цари, а в подражание им и епархи, стали пользоваться производством в должности и чины как доходными статьями, как могли плательщики, вместе с возникшими отсюда поборами и излишним обременением, находить средства к уплате законных и справедливых взносов? Итак, мы стали обдумывать, как бы нам изменить к лучшему то вредное, что замечается в наших провинциях, и нашли решение вопроса в том, чтобы иметь в лице администраторов, носящих гражданские должности в епархиях, людей с чистыми руками, уклоняющихся от всяких взяток и довольствующихся казенным содержанием. Этого не иначе можно достигнуть, как если сами они будут получать свои места бесплатно. Приняв во внимание, что хотя царство наше лишается немалого дохода, но что, вместе с тем, приобретается большая польза для наших подданных, если они не будут подвергаться поборам со стороны своих ближайших начальников, мы нашли, что и царство, и казна выиграют от того, если будут состоятельными наши подданные, и что если будет принята одна и та же система, то произойдет великая и невыразимая польза. Разве не ясно для всякого, что получивший должность за деньги дает не только то, что называется правом на должность[4], но должен приложить и другое, что входит в многообразное соприкосновение как с дающим, так и с получающим должность... Деньги даются не свои, а полученные заимообразно, а то, что получается в долг, соединено с ростом; итак, следует расчет, что получивший за деньги должность должен возвратить поборами с провинции все,

что он издержал на заем, на капитал и на проценты, равно как на все издержки, соединенные с этим займом, присчитать и ту сумму, какую он заплатил начальнику и его окружающим, и что он должен оставить про запас себе на будущее время, когда он уже не будет у власти. Так что ему необходимо будет собрать с подчиненных не втрое против того, что он сам дал, а в десять раз больше. Вследствие этого терпит ущерб казна, ибо, что должно было бы поступить в казну, если бы чиновник имел чистые руки, он употребляет это в собственную пользу, делая плательщика нищим и относя на нашу ответственность его скудость, хотя сам виноват в ней. Сколько и других нелепостей происходит от этих взяток? Ибо занимающие провинциальные должности, если они берут взятки, освобождают виновных в подобном же преступлении, а невиновных присуждают к наказанию, чтобы сделать угодное виновным. От этого идет повальное обращение из провинции в столицу, бегут сюда с плачем иереи, члены городских курий, военные, ктиторы, димоты и землемеры, жалуясь на взятки и притеснения властей, но этим зло не ограничивается, от этого происходят смуты в городах и движение димов... (§ 1).

Все это обсудив и посоветовавшись с данной нам Богом благочестивейщей супругой и сообщив свое мнение тебе*, мы издаем настоящий закон, которым определяем: ни за проконсульство, ни викариатство, ни за должность комита востока, ни за другую какую власть консульскую ли или игемонскую, которые обыкновенно называются консуларны-ми и корректорскими, не допускается никакого права голоса и не позволяется давать за должность какое-либо приношение, но даром возлагать должность и вносить умеренную плату за знаки власти и письменные акты. К настоящему нашему закону присоединяется табель взносов, какие нужно платить за каждую должность как в наше божественное казначейство, так и в приказ твоего превосходительства за грамоты, или знаки, или акты (§ 2). Определяем, чтобы викарий Азии и архонт Фригии Пакатианы не носил более этого титула, а именовался просто комитом Фригии Пакатианы, и чтобы получал из казны в счет (анноны и капитации) хлебной и поголовной подати то же, что шло ему с той и другой должности, так что вместо двух должностей учреждается одна комитива». Подобное же узаконение делается относительно викария Понта и архонта первой Галатии, вместо двух учреждается комит первой Галатии. Точно так же соединение властей распространяется на провинцию Анатолику (§ 5). Провинциальным административным чинам (архонты) подчиняется в провинции без исключения все население: простой народ во всех делах денежных и судебных, служащий класс, хотя бы он находился в подчинении у непо-

* Новелла дана на имя Иоанна, епарха претории и патрикия.

средственных начальников, подлежит ведомству правителя провинции по делам гражданским и судебным (§ 6). Административные чины обязываются под присягой не давать взяток и не обещать таковых, в противном случае платят вчетверо и лишаются имущества и должности (§ 7).

Излагая в следующей статье обязанности правителя по отношению к населению, законодатель переходит в роль учителя нравственности и проповедника и рисует идеальную картину семьи, в которой губернатору принадлежит роль отца, а подчиненным — послушных детей[5]. «По сложении с себя должности, чиновник обязывается в течение 50 дней не оставлять провинции, чтобы дать возможность населению предъявлять к нему иски и требовать с него, если бы он чем несправедливо от них попользовался. Местному епископу предоставлялось при этом производить словесное дознание» (§ 9).

Ставя каждому в обязанность тщательное наблюдение за тем, чтобы подати вносились в казну без недоимок, законодатель[6] говорит: «Вы должны знать, что-*оенные расходы и преследование неприятелей требуют большой внимательности и не могут быть производимы без денежных средств и не выносят ни малейшего промедления времени, притом же и я не из тех, который бы хладнокровно смотрел на сокращение пределов Ромэйской империи. Напротив, завоевав всю Ливию и поработив вандалов и с помощью Божией надеясь исполнить и многое другое больше этого, я требую, чтобы казенные подати поступали безнедоимочно, справедливо и в определенные сроки» (§ 10).

«Великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу все пусть воздадут благодарственные гимны за этот закон, который создает для них великие преимущества: жить спокойно в своих отечественных местах, с уверенностью в завтрашнем дне, пользоваться своими имуществами и иметь справедливых начальников Ибо и мы с той целью издали настоящее распоряжение, чтобы, почерпая силу в праведном законе, войти в тесное общение с Господом Богом и препоручить Ему наше царство, и чтобы нам не казаться невнимательным к людям, которых Господь подчинил нам на тот конец, дабы мы всемерно берегли их, подражая Его благости. Да будет же исполнен наш долг перед Богом, ибо мы не преминули исполнить по отношению к нашим подданным все доброе, что только приходило на ум. Ибо, желая уничтожить эти презренные и рабские хищения и предоставить нашим подданным возможность жить в благополучии под местными властями, мы озаботились тем, чтобы давать им должности безвозмездно, дабы и им не повадно было делать преступления и грабить народ, ради счастья которого мы подъяли всякий труд, не решаясь брать за образец наших предшественников, которые за деньги давали должности, отнимая у самих себя возможность требовать справедливости от несправедливых властей» (§ 11).

Мы привели почти целиком содержание новеллы. Можно бы задаться вопросом, почему законодатель так много говорит о нравственном значении своих мероприятий и почему к основной теме — запрещение давать должности за деньги — привлечено столь много не относящегося к делу? Если из свидетельств современников нам доподлинно известно, что продажа должностей продолжалась при Юстиниане со всей свободой и публичностью, то как грустно становится при чтении прекрасных мыслей и нравственных правил, бросаемых на ветер и ничем не связывающих самого законодателя? Но в новелле, кроме сентенций, есть реальные факты, которые вводят в действительную жизнь и с которыми следует считаться.

В смысле конкретных фактов в новеллах довольно последовательно проведена система административных преобразований, вместе с которыми введены новые начала в управление провинциями. Эта сторона деятельности Юстиниана тем более заслуживает внимания, что в ней можно видеть подготовительную стадию к позднейшим реформам, осуществленным императорами иконоборческого периода. Именно, отказавшись от старой системы дробления административных округов на незначительные по протяжению территории, на которых притом же гражданская и военная власть делилась между двумя начальниками, независимыми один от другого, Юстиниан расширил административные округа, сплотив их в сильные территориальные единицы посредством подчинения двух провинций власти одного генерал-губернатора с предоставлением ему военной, гражданской и судебной власти. Этим преобразованием, с одной стороны, усилен был авторитет провинциальных чинов посредством поднятия служебного ранга и получаемого губернатором от казны содержания, с другой — самые провинции вследствие этой меры получили более устойчивое положение и до известной степени стали деятельней в борьбе с внешними и внутренними бедствиями, разъедавшими империю. Подразумеваемые реформы касались по преимуществу восточных провинций: Писидии, Ликаонии, Исаврии, Еленопонта, Пафлагонии, Армении, Азии, Фригии, Галатии, Анатолики, Египта и некоторых европейских, как Фракия. Относящиеся сюда новеллы, сообщая некоторые специальные сведения о провинциях, позволяют вникнуть в цели и намерения законодателя, руководившегося, между прочим, соображениями о племенных группах населения, и, вместе с тем, дают живое представление о том типе власти, какой рисовался в уме Юстиниана.

Позволяем себе привести новеллу, касающуюся преобразования Писидии, с которой начинаются преобразовательные опыты императора [7]: «Никогда бы, думаю, и старые римляне не были в состоянии составить свою обширную империю при посредстве малых и незначительных административных органов, и чрез них всю, так сказать, вселенную захватить и привести в порядок, если бы они системой снаряжения в провинции высших сановников не приобрели авторитетного и почетного положения и не предоставили гражданской и военной власти таким людям, которые оказались способны пользоваться той и другою. Такие начальники носили имя преторов, им предоставлялась и административная, и зако-

нодательная власть[8], почему и судебные учреждения стали называться преториями. Размышляя об этом, снова вводя в управление древние обычаи, воздавая почтение ромэйскому имени и усматривая, что в необширные провинции назначаются ныне две власти и никоторая из них не отвечает своему назначению, почему в тех провинциях, где есть гражданский и военный начальник, всегда происходят между тем и другим раздоры и распри из-за широты власти, мы пришли к решению соединить ту и другую власть, т. е. военную и гражданскую, в одну схему и дать получившему такое назначение снова наименование претора, так что он и предводительствует военными отрядами, расположенными в этой области, и пользуется вышеупомянутым званием, и издает законы, что было издавна привилегией преторов, и пользуется содержанием, присвоенным той и другой должности, и полицейским отрядом в 100 человек[9]. Так он поддержит свой авторитет и будет внушать страх разбойникам и обидчикам. Что он должен иметь чистые руки, об этом говорено в недавно изданном законе. Почему мы прилагаем этот закон прежде всего для Писидии, это потому, что у прежних хронографов мы нашли известие, что во всей стране господствовало писидское племя, и ныне, по нашему мнению, эта страна нуждается в большей и сильнейшей власти, поелику в ней находятся большие и многонаселенные деревни, которые часто между собой находятся в борьбе, и поставить твердую власть в этих разбойнических местах, где на одной вершине Лика находится убежище ликокрани-тов. В эту область нужно являться не мирным порядком, а военным.

Назначенный на такую должность чиновник (место жалуется всегда даром, дабы и он всегда был непричастен взяток и довольствовался казенным содержанием) должен относиться к своим подвластным справедливо, нелицеприятно и решительность растворять человеколюбием. Он заботится об изгнании из области проступков человекоубийства, блуда, похищения дев и об уничтожении всяческой неправды и должен наказывать по нашему закону тех, кто окажется виновным в этих преступлениях, и никому не делать поблажки, но по отношению ко всем соблюдать одинаковую справедливость, согласно нашим законам, и приучать наших подданных жить и управляться по законам. Так что не позволяется жителям провинции приходить сюда из-за неважных дел и утруждать нас, но прежде должен выслушать и разобрать дело сам правитель (§ 2). Обязанности его не ограничиваются вышеизложенным, на его попечение возлагается благосостояние городов. Он должен наблюдать за делами городов и не допускать, чтобы они терпели в чем ущерб: исправлять каналы для воды, наблюдать за исправностью мостов, стен и дорог; принимать меры, чтобы бывающие в области сборщики не обременяли в чем наших подданных,

и не усвоивать себе недавно укоренившегося дурного обычая издавать распоряжения на счет стеностроительства и исправления путей и других бесчисленных поводов... С целью снова видеть провинции густонаселенными и в видах достижения того, чтобы стекающаяся сюда масса народа не опасалась возвратиться в места своего обитания из-за злобы местных властей, мы постановили законом, чтобы твое превосходительство пользовалось соединенной властью над Писидией, военной и гражданской, и одинаково имело заботу о гражданском и военном управлении (§ 3).

Титул назначаемого в Писидию администратора будет претор Юстиниан Писидии. Ему подчиняется преторианская стража или полицейский отряд в сто человек. Отличия власти его: серебряное кресло, секира и связка прутьев и военная власть[10]. Для того пожалована ему власть над военными людьми, чтобы он учил их и упражнял, и приготовлял к действиям против разбойников, и укрощал нравы наших подданных, и не позволял городам производить смуту и жителям деревень слишком вольничать по отношению к казенным интересам[11]. Власть претора Писидии вносится в ранг сиятельных архонтов, так что все привилегии, свойственные прежним викариям, а нынешним комитам юстиниановским Фригии, Пакатианы.и первой Галатии и комиту Востока, усвоятся и ему. Он носит титул сиятельного архонта, и возбуждаемые им апелляционные дела разбираются здесь, будучи вносимы в суд епарха и заслушаны в присутствии квестора нашего божественного двора (§ 4). Содержание претору Писидии с поголовного и хлебного обложения—солидов 300». Приведенное содержание новеллы о назначении и правах претора Писидии может быть рассматриваемо в смысле гораздо более широком, т. к. оно легко прилагается к губернаторам всех провинций, которые подверглись преобразованию в этот период. Таким образом, с теми же самыми целями усилены были соседние с Писидией провинции: на востоке Ликаония, на юге Памфилия. Приобретают интерес лишь некоторые подробности, какие законодатель находил нужным вставить в издаваемые им акты. Так, в новелле, трактующей о правах и обязанностях модератора Еленопонта[12], Юстиниан дает сведения о сделанных им приобретениях у Кавказских гор. Две провинции, Понт Полемона и Еле-нопонт, расположены были по южному побережью Черного моря, от Синопа на восток. Признавая, что обе эти провинции, заключавшие в себе 13 городов, не были значительны, и что соединением их в одно управление может быть достигнута польза для обеих областей, Юстиниан присоединяет, что за границей византийской провинции приобретены им Лазика с городом Петрой, равно как у персов отнятые города [13], находившиеся, по всей вероятности, в так называемой персидской Армении. Затем следовала земля цанов и независимые племена: сванеты, скимны, апсилы и авазги. При организации провинции Армении законодатель упоминает о варварском законе, в Армении действующем, по которому женщины исключаются из права наследования. Вводя обязательно действовавшие в империи по этому вопросу законоположения,

Юстиниан прибавляет: «Для того и послали мы к ним наши законы, чтобы согласно с ними они устраивали свою жизнь» [14]. Но в организации Армении был нарушен принцип централизации, как это видно из устройства четырех провинций этого имени[15]. Лежащие ближе к Константинополю черноморские провинции ГЪнориада и Пафлагония также подверглись преобразованию и подчинены одной гражданской и военной власти в лице претора Пафлагонии. Эта провинция находилась в соседстве с Вифинией, и уже при Юстиниане границы их не имели строгого разделения[16].

Как в самой редакции новеллы нельзя не видеть некоторой неупорядоченности, выражающейся в многословии и в частых повторениях уже сказанного, так и в практическом их применении замечается неустойчивость. Император не раз прибегал к отмене ранее принятых распоряжений, хотя бы, например, в организации Еленопонта и Армении, то соединяя, то снова раздробляя раз установленные провинции. Между рассматриваемыми законодательными памятниками наиболее выражает характер Юстиниана его эдикт об управлении Египта и Александрии[17]. Реформы управления в Африке введены были с 1 сентября 534 г.

Во главе гражданского управления провинции поставлен префект претории, которому подчинены все области гражданской жизни: администрация, законодательство, правосудие и финансы. Огромный штат чиновников и семь административных округов служили внешним выражением вновь созданного порядка вещей. Стоит остановиться здесь вниманием на том, что в Африке проведено было Юстинианом полное разделение гражданской и военной власти, между тем как в то же самое время в Азии и частью в Европе рядом новелл устанавливаются абсолютная пригодность и неизбежность для блага империи централизации провинциальных административных округов и соединение военной и гражданской власти в одних руках,— таков основной мотив рассмотренных выше законов, изданных в 535 и в ближайшие годы. И тем любопытней это явление, что Африка была недавно завоевана и нуждалась в сильной военной охране. Фактически, однако, теоретическая постановка дела скоро была заменена входившим по всей империи в обычай соединением гражданской и военной власти. И действительно, начиная уже с 535 г., как префект Соломон был главнокомандующим всей африканской армии, так и сменивший его в 536 г. патрикий Герман, племянник Юстиниана, совмещал в себе всю полноту гражданской и военной власти.

Можно таким образом полагать, что, несмотря на внешние формы, в существе та же эволюция совершается и в Африке, что и в других частях империи. Здесь ход вещей привел к образованию особой степени централизации гражданской и военной власти в лице экзарха[18].

Упомянутый выше эдикт касается одной части африканской диоцезы, именно Египта, и обращает на себя внимание по специальному значению Египта и Александрии для Константинополя. Имеем в виду то обстоятельство, что Египет играл важную роль в хозяйстве империи, т. к. хлебное продовольствие Константинополя зависело, главным образом, от своевременного и правильного подвоза хлеба из египетских

портов и преимущественно из Александрии. Понятна поэтому забота правительства хорошо поставить эту столь важную статью египетской администрации.

И действительно, в приводимом ниже законе встречаем весьма любопытные подробности как вообще о генерал-губернаторе двух провинций под именем Египта I и II и вместе города Александрии, так и об организации поставки хлебных грузов, которая вводит нас в существо этого первостепенного в жизни столицы империи вопроса: «Если от нашего внимания не ускользают и самые незначительные дела, то тем больше внимания мы должны уделять важным вопросам, имеющим государственное значение, и не оставлять их без должного рассмотрения и упорядочения. Итак, принимая во внимание, что в прежнее время казенные сборы пришли в такое замешательство в египетском округе, что здесь положительно не имели представления о состоянии этого дела в стране, мы удивлялись беспорядочному ведению его, пока Господь не благоволил предоставить его нашему попечению. Доставка хлеба из Египта совсем приостановилась; плательщики утверждают, что с них все стребовано, деревенские старосты [19], обыватели, сборщики и, в особенности, местные власти так запутывали это дело, что оно никому не могло быть известным, оставаясь выгодным для всех, непосредственно к нему прикосновенных. Итак, в убеждении, что нам никогда бы не удалось осветить и надлежащим образом поставить это дело, если бы оставили его не выделенным из состава других дел, мы решились августалия, заведующего управлением Египта, ограничить в области его ведения и направить его внимание на скромные заботы. Вследствие того повелеваем, чтобы августалий властвовал как Александрией, так и обеими провинциями Египта, за исключением городов Менелаита и Ма-реота. Так как Александрия есть большой и многонаселенный город, то августалию принадлежит в нем и военная власть, дабы не было разделения на две власти, и дабы один муж владел этим постом, имея под своей командой и всех стратио-тов, как расположенных в Александрии, так и в обоих Египтах (§1). Он должен иметь попечение о благосостоянии города и предупреждать могущие быть в нем беспорядки. В его личном подчинении находится отряд военных людей в составе 600 человек (§ 2). Повелеваем, чтобы главной заботой чиновника, имеющего титул августалия, была правильная организация дела перевозки хлебных грузов, так что как сам сиятельный августалий, так и подчиненный ему военный отряд, под личной ответственностью и под гарантией имущественной, всю заботу полагает на то, чтобы собрать указанный хлебный груз и послать его в установленное время. Он обязан как стребовать хлебные взносы с Египта, так неукоснительно принять хлеб и погрузить на суда и своевременно отправить его в столицу в том количестве, какое установлено хлебным законом. Точно так же и тот продовольственный запас, кото-

рый мы жалуем городу Александрии, он должен собирать с Египта и с других мест и употреблять его на содержание города (§ 4). Что касается хлеба, доставляемого из мест, ему не подчиненных, он без промедления должен принимать его и направлять в столицу, принимая самые строгие меры, чтобы не производилось вывоза из подчиненных ему городов и епархий, ни из мест и пристаней и устьев рек, прежде чем хлебный караван не отойдет от города Александрии, разве только по особенному разрешению нашего величества или по распоряжению твоего приказа (§ 5). Если же, однако, египетский хлеб не будет отправлен из Александрии в столицу до истечения августа месяца, и если Александрия не будет снабжена продовольствием в сентябре месяце, да будет известно, что твое управление подвергается штрафу по расчету в одну номисму на каждые недостающие три артавы — одинаково чиновник и простой обыватель и его наследники и заместители, пока не взыскана будет вся недостающая сумма—на три артавы одна номисма (§ 6). Поелику же забота о поставке хлебного каравана нераздельно связана с статьей о корабельной подати, необходимо и об этом поставить решение, чтобы всему предприятию уделить должное внимание. И прежде всего лицо, приставленное для сбора пошлины с кораблей, не имеет права вмешиваться во все роды казенных пошлин и некоторым плательщикам делать поблажки за уплату взятки, и вследствие этого наносить ущерб казне, а с других брать пошлину свыше меры и, таким образом, вносить в это дело беспорядок (§ 7). Так как твоя неусыпная заботливость поставила нас в известность, что всего в александрийской гавани собирается с кораблей восемь мириад номисм (80 000), и что хлебный караван составляет восемьсот мириад* (т. е. восемь миллионов), постановляем, чтобы сборщику корабельного выдавалась сумма в 80 000 номисм с подчиненных провинций, городов и мест. Таким образом, сиятельный августалий и подчиненный ему полицейский отряд произведут сборы с городов, мест и лиц корабельной пошлины, назначенной с Александрии и двух Египтов. Эта сумма собирается под личной ответственностью августалия и сборщика корабельной пошлины, который распоряжается с ней по установленному обычаю и выдает плату корабельщикам за поставку хлебного каравана» (§ 8)

Пропуская затем несколько статей, касающихся общих мер по отношению к сбору податей с Египта, назначенных в государственное и частное царское казначейство, остановимся еще на некоторых специальных постановлениях, знакомящих с хозяйством города Александрии: «Считаем необходимым внести в настоящий закон и нижеследующее. Твоя светлость, производя тщательное исследование о городе Александрии, сделала открытие акта из времени царя Анастасия, когда Мариан, стоявший во главе провинции, соста-

* Нужно понимать хлебных мер

вил окладной лист города, в котором обозначил в отделе расходов на различные статьи расход в тысячу четыреста шестьдесят девять золотых[20], т. е. 492 золотых на общественные бани, 419 на так называемый антиканфар, $558^{1}/_{2}$ — сборщику корабельной пошлины, всего 1469 золотых. По этой статье есть сбережение в пользу города 100 номисм, да за 36 жеребят, по обычаю жертвуемых августали-ем городскому ипподрому, 320 золотых. Но с течением времени, лет 15 назад, по нерадению одних, по преступности других и по мошенничеству большинства денежные взносы начали падать, так что и общественные бани лишились указанной выше суммы, и корабельная пошлина своей доли в $558^{1}/_{2}$ номисм. Поводом для этого были разные изъятия, сделанные или нашим двором, или твоим приказом, вследствие чего начался беспошлинный вывоз посуды и других товаров, подлежащих вывозной пошлине, ради чего стали уменьшаться доходы (§ 15). Повелеваем не делать никаких нововведений против прежних установлений и держаться порядка, бывшего до времени Стратигия*... Но из всей суммы 1889 номисм сложить в пользу города 369 золотых и вносить по этой статье лишь 1520 золотых, из коих 320 золотых отсчитывается в пользу августалия за тех 36 жеребят, которых он по старому обычаю должен выдавать управлению александрийского ипподрома, остающиеся же 1200 номисм засчитываются ему же в содержание» (§ 16).

Далее законодатель переходит к дукату Ливии, центр управления коего находился в городе Паратоний**. Т. к. дукат этот не мог своими средствами покрывать всех расходов по управлению, то к нему были присоединены два города из провинции 1-й Египет: Мареот и Менелаит. Относящаяся сюда статья новеллы приобретает особенный интерес ввиду данных, изложенных в § 19: «Дабы не подать повода к изворотам, и дабы не говорили, что издержки не соответствуют количеству доходов, мы обозначим действительный канон идущих в твой приказ взносов с указанных провинций и мест, т. е. с Ливии и городов Мареота и Менелаита, и какие предстоит делать издержки на содержание дуки и подчиненного ему полицейского отряда и на выдачи лицам и учреждениям (τα σολέμνια) и на содержание военных людей. Так как августалий не имеет власти над упомянутым дукой и подчиненными последнему местами, то дука и гражданский правитель Ливии имеет всю власть в этой области и по судебным делам, и по сбору податей, так что Ливия подчинена власти дуки, и все жители страны, и землевладельцы, и живущие на их участках, хотя бы жили они в других провинциях, и только владения их находились в областях, подвластных дуке». К сожалению, в дальнейшем изложении статьи оказались пропуски.

* Это был комит Sacrarum largitionum в 535 г.

** На запад от Александрии, на берегу моря.

По отношению к доставке хлебного каравана дополнительные данные имеются в 22-й статье, трактующей о фива-идском дукате, которому так же, как и Ливии, усвоено наименование limes, пограничная область (по-гречески λιμιτόν), и который имеет в своей области всю широту власти, как августалий. Место о хлебном караване читается так: «На нем лежит забота и ответственность всемерно и прежде всего собирать хлеб для хлебного каравана и высылать его для передачи августалию Александрии и неукоснительно содействовать тому, чтобы в указанные сроки... весь хлеб, идущий с его провинций, мест и городов и назначенный для хлебного каравана, посылаемого в столицу, без задержки был препровождаем к месту своего назначения. Предназначенный для отсылки хлеб должен быть мерою нагружен на речные суда в срок по 9-е число августа и доставлен в Александрию не позже 10 сентября и сдан августалию или уполномоченным на то от него лицам, а часть хлеба, получаемая на продовольствие Александрии, должна быть доставлена не позже 15 октября. В случае же, если к назначенному сроку недоставлен будет хлеб, то на каждые три артавы недоставленного хлеба будет стребована 1 номисма. Таковая ответственность лежит на нем не пожизненно только и не на время нахождения у власти, но остается на нем и тогда, когда он будет частным лицом, и по смерти переходит на его наследников» (§ 22).

Новеллы составляют весьма благодарный и не вполне еще использованный материал для администрации и вообще внутреннего состояния Византии в изучаемый период. Рассмотрение преобразовательных опытов Юстиниана по администрации приводит нас к заключению, что строго проведенной системы и плана в этой области едва ли можно заметить; император, правда, высказывает мысль, что власть должна быть импозантна, обладать авторитетом, что разделение провинций на мелкие административные округа вредит делу, но незаметно у него последовательности в применении к делу этого принципа. Так, появляются четыре Армении, и притом на восточной окраине, в соседстве с Персией и кавказскими полузависимыми племенами; прибавим, что и в администрации Египта строго проведена лишь та мысль, чтобы была обеспечена правильность подвозки в столицу хлебных запасов, и ни разу не указана необходимость перехода к той форме управления, которая выразилась в создании экзархата в конце VI в. Что касается цифровых данных относительно корабельных пошлин, собираемых в Александрии, и количества хлеба, доставляемого в столицу, равно как других расходных статей, обозначенных в номисмах или золотых, то следует принять в соображение, что фунт золота имел 72 номисмы, или золотые монеты, и каждая номисма представляла ценность от 4 до 5 рублей. Чтобы дать себе, далее, приблизительную идею об относительной, применительно к тогдашнему времени, ценности металла, нужно увеличить стоимость монетной единицы в четыре раза.

В заключение скажем несколько слов о церковной политике Юстиниана. Стоя на страже церковного единства, он должен был вести борьбу с двумя главными еретическими течениями своего времени: монофизит-

ством и арианством. Арианство было представлено двумя нациями германского корня, и оба народа были стерты, сметены с лица земли: в Африке и на некоторое время в Италии Церковь вернула себе прежнее единство. Нет ничего приятнее Богу, высказывал Юстиниан, как соединение всех христиан в одно стадо. Средоточием монофизитского движения являются Сирия, Палестина и Египет. На эти цветущие провинции направлена была церковная политика Юстиниана. В отношении к еретикам светское законодательство действовало по правилу: справедливо лишать благ земных того, кто не почитает истинного Бога. Правительство употребляло против еретиков мероприятия материального воздействия — ограничение в имущественных правах и конфискацию. Беспощадное применение такого рода системы разорило и обезлюдило Сирию. В начале царствования Юстиниана пострадало в одной Сирии до 50 монофизитских епископских церквей. Епископы были лишены кафедр, их церкви понесли страшный материальный урон. Последовательное применение системы беспощадного преследования монофизитов в течение долговременного правления Юстиниана в конце погубило цветущую и важную провинцию. Лишь Феодора давала гонимым монофизитам некоторый отдых.

Для характеристики того, как понимал Юстиниан вероисповедную свободу в отношении еретиков, припомним, что все дела о религии и о всем с нею связанном подлежали церковному суду, монофизиты судились православными епископами и монахами. Особенно монашество заняло в V и VI столетиях руководящее положение в области церковной политики, и его Влияние было направлено в сторону крайних мер против еретиков. С мнением монахов считались государи. Симеон Стилит, подвизавшийся 40 лет на столпе, принимал послов от Феодосия и Пульхерии, привозивших ему царские грамоты, и давал правительству свои советы по церковным делам. Между тем, все вопросы церковной политики имели для империи в VI столетии крайне важное и деликатное значение. С ними были связаны жизненные интересы всего Востока, особенно Сирии. Правительство само упоминало в похвалу себе, что до 70000—80000 еретиков было изгнано из Сирии. Страна должна была запустеть. Насильственное, вызванное религиозными гонениями опустошение Сирии и до сих пор может быть засвидетельствовано состоянием опустевших городов и селений. В безлюдных и безводных пустынях Сирии попадаются селения и помещичьи виллы с окнами и галереями кругом домов, с террасами и лестницами и с различными службами, производящие на путешественника такое впечатление, что как будто жившее в них население лишь недавно покинуло эту местность, оставив свои дома под угрозой какой-то опасности. Но Сирию обезлюдило не персидское или арабское нашествие, но религиозное преследование. Религиозная политика Юстиниана подготовила порабощение этой страны арабами. В то время, как гонимые православными монофизиты массами покидали Сирию и искали приюта в Персии и Египте, до 500 монофизит-ствующих монахов пришли в столицу, где императрица Феодора дала им покровительство и приют. Она обратила в монастырь дворец Ормизды, где гонимые монофизиты нашли себе пристанище. Источники повествуют (Иоанн Ефесский), как император иногда посещал эту новую обитель, основанную в его же дворце для гонимых им еретиков. Такова неискренность императора, особенно рельефно проявившаяся в церковных делах.

Глава IX

Обложение земли податями. Земельный кадастр при Юстиниане. Заключительные выводы

Выяснить те условия, в которых находилось провинциальное население империи, и оценить экономические средства управляемого чиновниками Юстиниана государства, покрывавшие громадные расходы на его военные и строительные предприятия, представляется хотя и весьма любопытной, но недостижимой по состоянию источников задачей. В новеллах мы видели применение всяческих карательных средств и угроз, которым подвергается не только сам нечистый на руку щщвитель, но и его наследники — с целью не допустить ни малейшего ущерба казенного добра, но фактически эти суровые меры не изменяли нравов и входили в обычный административный обиход того времени. Т. к. помимо таможенных пошлин, взимаемых с торговых людей, и корабельных взносов, о значении коих можно судить по количеству сумм, собираемых с хлебного каравана в Александрии, главные материальные средства государство заимствовало из земельного налога, то понятно, что Юстиниан в своих заботах о финансовых средствах империи должен был серьезно считаться с системой принятого в империи обложения земель и способами практического осуществления этой системы. Действительно, в новеллах Юстиниана неоднократно находим требование, чтобы сборщики податей соображались с местной писцовой книгой и с описями крестьянских имуществ и обязательно выдавали расписки или квитанции в получении земельного налога с точным обозначением участка и суммы, идущей с него в казну.

Это приводит нас к вопросу о провинциальном цензе и к системе римского земельного обложения. В общих чертах цель провинциального ценза состояла, во-первых, в исчислении населения и в разделении его на классы по возрастам — в целях раскладки податей и рекрутской повинности; во-вторых, в приведении в известность количества земли и хозяйственных статей, подлежащих обложению. Оба эти понятия и заключаются в выражении ἀπογραφή и descriptio. Но существенная и более важная задача ценза заключалась в установлении нормы обложения земли налогом. Для этого требовалось определить, так сказать, правовую качественность отдельных участков, т. е. отделить государственные земли от общинных и частновладельческих и затем произвести измерение и обмежевание каждого участка. Наконец, предстояло выяснить общую квалификацию земли по ее качественности, производительности и доходности, дабы югер* виноградной плантации и югер плохой

* Югер почти с точностью соответствует немецкому моргену. Та и другая меры почти равняются четверти нашей десятины.

пахотной земли не обложить одинаковым налогом. Это обширное предприятие осуществлено было Августом и его преемниками.

Более ранние известия о римской писцовой книге почерпаются из сочинений ученых юристов II и III вв. В сочинении Домиция Угсьпиана дана следующая формула переписи. Отметив наименование участка, округ, селение и два соседних имения, перепись должна была заключать:

1) обозначение югеров пахотной земли и средней урожайности за 10 лет;

2) количество земли под виноградником; 3) масличные насаждения; 4) луга и сенокосы; 5) пастбища; 6) лес; наконец, 7) рыбные ловли и соляные варницы. На основании этих данных производилась раскладка земельной подати.

При императоре Диоклетиане (284—305) произошли важные изменения в податной системе, коснувшиеся и формы писцовых книг. К этому времени уже не было правового различия между римским народом и подчиненными ему провинциалами, которые при Каракалле (211—217) получили право римского гражданства. Диоклетиан докончил уравнение Италии с провинциями, распространив поземельную подать, собираемую прежде только с провинций, и на Италию. Известная нам из Упьпиана программа для составления писцовых книг получила тогда же некоторые изменения, от способа объяснения которых зависит весьма многое в занимающем нас вопросе. Затруднения возбуждает здесь термин iugum и его отношение к господствовавшей единице измерения— югеру. Именно Диоклетиан принял за основание при раскладке поземельной подати условную меру земли, которая при всех различиях качественности, производительности, доходности и объема должна была оставаться, однако же, нормой в обложении земли податью. Принятая за норму единица земли называлась iugum или caput, а идущая с нее подать — iugatio или capitatio. Но смысл термина, который не имеет ничего общего с принятыми тогда мерами поверхностей — iugerum, actus и centuria,— нуждается в особых объяснениях и служит предметом разных толкований. Нужно ли видеть в термине iugum фиктивную величину, подлежащий обложению хозяйственный и земельный капитал в 1000 солидов, как утверждают одни, или же действительную и реальную величину, т. е. определенной меры земельный участок, как думают другие? Отвлеченное или реальное понятие заключается в iugum?

Самыми важными представителями первой теории служат весьма авторитетные имена Савиньи и Моммсена[2]. Савиньи высказывается по этому поводу следующим образом: податная гуфа (die Steuerhufe-iugum) может быть представляема в двояком смысле: или как реальная величина, или как идеальная. В первом случае нужно предполагать участки с определенными границами и одинаковой цены (по римскому праву в 1000 солидов), следовательно, то большей, то меньшей меры, смотря по производительности. Эти реальные податные гуфы и будут непосредственным объектом земельной подати, так что каждая облагалась бы одинаковою суммой; участки отдельных собственников или образовали бы часть такой гуфы (iugum), или заключали бы в себе многие гуфы. Во втором случае нет никаких видимых гуф, а есть только определенные податные ценности земли (в размере 1000 солидов), и каждый отдельный участок облагался бы земельною податью пропорционально цене его по

отношению к гуфе, т. е. соответственно трети или четверти гуфы или 2, 3, 10 полным гуфам. Таково вообще было бы единственное значение податной гуфы. Савиньи предпочтительно останавливается на теории идеальной податной гуфы в противоположность к реальной и видит подтверждение своего взгляда, между прочим, в следующих словах Аполлинария Сидония: «Capita tu mihi tolle tria», т. е.: «Запиши за мною в писцовых книгах тремя туфами меньше»[3]. Очевидно, если б император отнял у просителя три реальных capita, последний проиграл бы. Точно так же произведенная в XVIII в. в Мекленбург-Шверинском герцогстве податная реформа, причем принята была за норму идеальная гуфа в 300 шеффелей посева, которая и обложена податью в 9 талеров, служит для Савиньи подтверждением и объяснением римского учреждения [4].

Против Савиньи, однако, выставлены были возражения, направлявшиеся к утверждению теории, против которой он ратовал. Эти возражения основываются на новых данных о термине iugum, заимствуемых из так называемого Сирийского законника, изданного в первый раз в последней, четверти прошедшего века[5]. О времени и обстоятельствах происхождения этого во многих отношениях замечательного памятника можно сказать следующее. Первое издание Сирийского законника, сделанное по единственной рукописи, найденной в Британском музее, выяснило, что сирийский перевод первоначального греческого оригинала сделан был в первой четверти VI в. в сирийском Иераполе; что же касается греческого оригинала, то составление его нужно относить к гораздо более раннему времени. По отношению к составителю и преследуемым им целям высказывается мнение, что он служил практическим руководством для потребностей церковного суда и администрации и употреблялся как в канцеляриях патриарха и епископов, так и в деревенских церковных общинах. Первоначальная его редакция, распространяясь по различным общинам, испытывала постепенные изменения и прибавки, имевшие местное значение. То обстоятельство, что Сирийский законник имел одинаковый авторитет на Западе и Востоке, в империи и Персидском царстве, у яковитов и несториан, служит доказательством, что он происходит из того времени, когда споры о природе Христа не разделили еще на два лагеря христианский восточный мир. С течением времени к лондонской присоединились еще три ватиканские рукописи, значительно расширившие интерес, связанный с изучением этого памятника. Но независимо от всего прочего Сирийский законник должен быть оцениваем с точки зрения его практического применения и распространения на всем Востоке под магометанским господством. В этом памятнике есть одно весьма важное место о римской податной системе, дающее новые данные к определению смысла податной единицы (iugum). Оно так важно в истории вопроса о земельном обложении, что каждый дальнейший шаг в этом отношении будет зависеть от понимания данных, заключающихся в Сирийском законнике [6].

Мы узнаем, что Диоклетиан предпринял новое измерение земель и распределение их на классы в видах обложения податями. Была ли эта мера проведена во всем государстве или только в восточных провинциях— об этом нельзя сказать положительно на основании неопределенного выражения: измерил земли; точно так же неясно — было ли это первое подобное измерение или же ему предшествовали другие, сделанные по распоряжению Августа или последующих императоров.

Важнее всего — понятие «iugum» в смысле податной гуфы: видеть ли в ней реальную или только идеальную величину, согласно воззрению Савиньи. Ясно, что iugum не есть мера плоскостей, как iugerum, но что iugum есть для поземельной подати образованная единица, в которую входило то большее, то меньшее количество югеров, смотря по качеству земли. Различаются участки виноградные, масличные, пахотные и пастбищные; притом масличные насаждения распадаются по качеству на два, а пахотные земли — на три класса. Получаются следующие категории: 1) относительно виноградников принято считать 5 югеров или 1 плетр за 1 iugum; 2) относительно пахотной земли: а) первого качества — 20 югеров или 40 плетров (за 1 iugum); б) второго качества — 40 югеров; в) третьего качества — 60 югеров; 3) относительно масличных плантаций: а) первого качества — 225 рут (за 1 iugum); б) второго качества 450 рут; 4) относительно пастбищ не дано никакой системы измерения. Пастбищная земля вносится в писцовые книги и облагается определенной податью (συντέλεια) в 1, 2 или 3 денария ежегодно. Слово συντέλεια может указывать здесь на понятие «compascua», или общинный выгон.

Относительно значения iugum, указав на различие мнений Моммсена — Савиньи и Марквардта, Брунс высказывается таким образом: нет никаких оснований заключать, что iugum образуется посредством реального сложения югеров. Если утверждается, что 5 югеров виноградника принимаются за 1 iugum, 20 югеров пахотной земли дают анноны с 1 iugum, 225 рут масличных деревьев дают анноны с 1 iugum, 40 (или 60) югеров земли худшего качества дают 1 iugum, из этого можно выводить лишь то, что подать всегда определяется по iuga, что каждый iugum облагается одинаковою суммой; но какое количество югеров земли входило в податную сумму, идущую с iugum, это зависело от качеств земли, от распределения на классы: 5 югеров виноградной плантации, равно как $1^1/_8$ югера под маслиной, платят подать за один iugum, подобно тому, как 20 югеров пахотной земли, следовательно, первые и последние принимаются за 1 iugum. Из этого следует, что имеющий, например, 10 югеров пахотной земли платит только половину той суммы, которою обложен iugum. Но чтоб его 10 югеров сопричислялись к другим 10 для составления реального iugum, об этом нет указаний в приведенных словах.

Неясно притом же, к чему могло бы служить сочетание югеров одного или различных собственников в один реальный iugum. Каждый владелец платит с своей земли такую долю, которая получалась из пропорционального отношения его собственника. Но высшее управление, конечно, рассчитывало сумму обложения и взимания с целых округов или провинций только по совокупности принятых для них iuga, вся же сумма югеров, принадлежащих отдельным поземельным собственникам округа, составлялась по системе классификации земель, подведенных под соответствующее число iuga, которые и определяли податной итог. Таким образом, представляется ненужным и вполне бесцельным делом — назначать реальную межу для каждого iugum и устанавливать в каждом ряд определенных отдельных и действительных югеров. Представим себе такой случай, когда различные роды участков и земли различной качественности перемешаны — случай часто повторяющийся,— что они принадлежат разным собственникам, и что число югеров

одного лица не составляет целого iugum или, наоборот, больше iugum; тогда пришлось бы или пополнять недостающее число югеров в одном владении позаимствованиями из другого, или относить его в iugum соседнего владения. Это повело бы к необходимости предпринимать множество новых обмежеваний, и в действительности часто являлись бы такие реальные iuga, которые не имели бы никакой реальной связи между собою, а представляли бы части и доли, в беспорядке перемешанные среди других iuga.

Итак, Брунс в воззрении на iugum склоняется к теории Савиньи и Моммсена. Но было бы преждевременно утверждать, что этой теории суждено на будущее время получить господство или что известное место Сирийского законника заключает в себе такие ясные и бесспорные данные, которые вполне обеспечивают теорию идеальной податной туфы против новых нападений. Уже то обстоятельство, что не далее как в 1876 г. Марквардт истолковал свидетельство Сирийского законника как раз в противоположном к теории Савиньи смысле[7], и в 1879 г. русский византинист В. Г. Васильевский на основании того же самого свидетельства утверждал за iugum реальное значение единицы измерения полей и земель; уже это показывает, что само по себе место из Сирийского законника не содержит в себе решительных данных к бесповоротному решению вопроса об iugum. Лишь на основании развития писцовых книг в позднейшее время и на изучении употребления заменяющих iugum терминов можно приходить к убеждению, что теория Савиньи и его сторонников не менее верна, сколько и остроумна.

Сирийский законник дает возможность принять следующие заключения в приложении к писцовым книгам. При Диоклетиане произведено было измерение недвижимых имуществ в империи, причем iugum принят был за единицу при обложении земель податями, а югер — за единицу измерения поверхностей. Подать назначалась не по количеству югеров в участке, а по качествам земли и по доходности, так что 5 югеров под виноградником считались за податное тягло, которое уравнивалось 60 югерами пахотной земли третьего класса, или 450 стволами оливковых деревьев. Идея податного тягла дана в термине iugum.

Из измерения земель и описания их согласно с находимою у Ульпиана forma censualis произошел кадастр. От римского кадастра ведет начало летосчисление по индиктионам. Именно с 312 г. установился обычай через каждые 15 лет подвергать пересмотру писцовые книги и делать вызываемые временем и обстоятельствами перемены в нормах обложения. Пятнадцатилетний индиктионный период, т. е. период от одной податной ревизии до другой, становится общераспространенным способом летосчисления. Начало податного года падает на 1 сентября. Первого индикта первый год 312, первого индикта пятый год 316, второго индикта первый год 327, пятого индикта десятый год 381 и т. д.

Что касается типа писцовых книг IV и V столетий, то он может быть представляем в следующих видах: центральное податное управление могло удовлетвориться общим обозначением числа тягол в целом округе, каковое число давало уже сумму податей, ожидаемых к поступлению в казну. Для центрального управления не было необходимости в детальном исполнении всех граф формулы писцовых книг. Нужно отличать поэтому общий и суммарный тип, в котором не отмечались

отдельные статьи каждого хозяйства, а показывалась общая сумма подати, вносимая целыми группами владельцев, например, целою областью или городским округом. Образец такого типа писцовых книг мы находим в окладном листе города Лампсака. Но т. к. распределение подати между отдельными плательщиками зависело от особенных и весьма разнообразных условий, и именно от того, отмечены ли были какими цифрами в каждом участке, или же оставались белыми графы о числе югеров пахотной земли, о количестве виноградных лоз, о масличных деревьях, о лугах, рыбных ловлях, соляных варницах и др., то натурально, что каждый плательщик или каждый участок был представлен в местной писцовой книге, хранившейся в городском архиве, со всеми статьями хозяйства, подлежащими обложению. В этой местной писцовой книге каждый плательщик значился под отдельным столбцом или в отдельной статье, копию с которой он хранил у себя, как оправдательный документ против произвольных требований сборщика. Этот второй тип, который, собственно, и заслуживает наименования писцовой книги, представляет собой драгоценный материал для выводов экономической науки [8].

В новеллах Юстиниана часто имеется упоминание о больших деревнях (комах), населенных земледельцами, и о порядках крестьянского землевладения, но по этим случайным упоминаниям нельзя составить идеи о положении сельского населения. Но в двух новеллах встречаем драгоценные подробности, которыми и воспользуемся здесь: «Заботясь о пользе наших подданных, издаем настоящий закон [9], которым повелеваем, чтобы в июле или августе (в конце) каждого индикта составляемы были подробные расписания податных взносов на предстоящий индикт в судебном учреждении каждого округа наших префектов. В этих расписаниях, или окладных листах, должно быть обозначено количество предстоящей к поступлению в казну подати с каждого (iugum) ярма [10], что приходится казенного налога в виде ли натуральной или денежной повинности; кроме того, в них должна быть показана расценка местных натуральных произведений по торговой их стоимости и по местным ценам и обозначено то, что вносить в склады или оставлять на потребности каждой провинции. Составленные таким образом окладные листы непосредственно перед началом каждого индикта пересылаются начальникам провинций, дабы они распорядились выставить их для общего сведения в течение сентября и октября месяца в зависящих от них городах. Если бы кто пожелал получить копию с означенных окладных листов, то приказ префекта выдает таковую без замедления, дабы плательщики знали, как они будут вносить подати. В случае, если прежде объявления этих листов плательщики внесут причитающиеся казне по другим статьям обложения, кроме перечисленных в подробном расписании окладов того года, или если употребят их на нужды провинции, то следует зачесть эти взносы в уплату податей за текущий индикт, дабы они не потерпели никакого ущерба. Если в установленный нами

срок означенные подробные росписи податей не будут разосланы по местам, то стоящие во главе префектур чины подвергаются пене в 30 золотых литр*, начальники провинций в 20 литр. Если бы местный начальник не позаботился о своевременном оглашении полученных им окладных росписей, то платит пеню в 10 литр золота и, кроме того, лишается власти».

Из приведенных мест уже можно видеть, какую важность правительство приписывало этим окладным росписям, составляемым в каждой префектуре на предстоящий индикт. Т. к. от строгого применения их на местах зависело финансовое положение империи, то Юстиниан принимал самые суровые меры против нарушителей его распоряжений. Возвращаясь еще раз в той же новелле к вопросу о писцовых книгах (§ 3), он делает следующее распоряжение: «Повелеваем, чтобы сборщики казенных податей никоим образом не уклонялись от выдачи квитанций или расписок, частичных или полных, в получении казенных взносов. В этих актах должно быть обозначено количество денежных и натуральных взносов, равно как количество наделов (iugum) и имена владений, с которых вносятся подати. Если же таковых расписок не будет выдано, то. податные чины подвергаются штрафу в 10 литр золота и телесному наказанию. Если бы кто из плательщиков выразил сомнение или по отношению к земельному участку, за который вносится подать, или по отношению к количеству взноса, то начальник провинции или в случае небрежения его местный епископ всячески побуждают лиц, заведыва-ющих писцовыми книгами, предъявлять таковые и показывать сумму требуемых платежей согласно данным писцовой книги и по этим данным производить сбор».

Ряд других мер, относящихся к тому же вопросу, изложен в новелле XXI[11], из которой заимствуем несколько мест. «Относительно сборов казенных податей следует принять меры, чтобы они производились и в церковных владениях, ибо казенный доход одинаково полезен и необходим и воинам, и простым обывателям, и самым священным учреждениям, и всему государству, в этом придут тебе** на помощь экдики и экономы церквей, не делая препятствия никому из местных сборщиков казенных податей в деле сбора, но и не позволяя допускать насилия и производить смуту. Прими побудительные меры, чтоб сборщики податей в выдаваемых ими расписках подробно объясняли все статьи, по коим выдаются расписки: количество хозяйственных наделов, как бы они ни назывались на местных языках, за какие участки собирается подать, количество полученного взноса—в натуре или в монете, предупреждая их угрозой большого штрафа и отнятием руки, если они всячески не исполнят того, к чему постоянно обязываются и доныне не могут исполнить. Если же бы они стали делать отговорку, что не могут выставить требуемого числа наделов, то этому не следует придавать веры, и, кроме того, это не должно наносить ущерба ни казне, ни плательщикам. Ибо казна должна получить свое безусловно, а обычные расписки должны иметь те, кто сделал взнос, чтобы более не подвергать-

* Около 10 тыс. рублей.

** Новелла дана на имя квестора священного двора Трибониана

ся требованию взноса. Таким образом соплательщики должны внести в казну причитающуюся с них долю, причем заведывающие цензовыми списками понуждаются представлять тщательно составленные ведомости, дабы была возможность выяснения податных недоразумений; сборщики же податей, проверив основательность податных списков и выяснив по ним количество наделов, согласно сделанным нами узаконениям, отмечают эти сведения в выдаваемых ими квитанциях». За этими данными, имеющими большое значение для истории писцовой книги в империи, следуют распоряжения, касающиеся купли и продажи мелких земельных участков.

«Нельзя допускать, чтобы лица, принадлежащие к городским куриям, или заведывающие цензом чиновники позволяли себе, когда происходит продажа участков, или раздача, или вообще переход владений от одного лица к другому, пользоваться какими-либо ухищрениями, чтобы участки не переходили от продавца к покупателю, но следует их понуждать к действительной передаче без всякого лукавства. Если скажут, что участки не продаются потому, что покупатели несостоятельны, то следует произвести дознание; если же покупатели окажутся состоятельными, то нужно принять все меры, чтобы передача состоялась без всякого промедления, а если они действительно окажутся не очень состоятельными, то следует побудить продавцов отметить это в актах, что под их ответственностью делается переложение казенных податей на проданные участки. Таким образом и казна не потерпит ущерба, и казенные подати будут вноситься с действительных владельцев (§ 8). Тех, кто принимает на свои земли чужих крестьян, следует понуждать, чтобы они возвращали незаконно принятых. Если же они будут упорствовать, то имеешь возложить на их владения все недоимки по твоей провинции[12]. Если же по слухам окажутся в других провинциях крестьяне (из твоей области), то перепишись с начальниками этих областей, чтобы они выдали их владельцам твоей провинции, упорствующим же следует пригрозить обязательством платить за несостоятельных. Ибо пусть допускающий таковое изведает на себе самом весь вред, дабы, потерпев ущерб, убедился, что значит наносить вред другим».

Кроме общих распоряжений относительно писцовых книг и возложения строгой ответственности на провинциальных чиновников за фактическое применение на местах государственной земельной переписи, на основании законодательства Юстиниана является возможность ознакомиться с некоторыми специальными явлениями в системе землевладения. Прежде всего сюда относится род круговой поруки состоятельных владельцев за неимущих, имеющей техническое обозначение επιβολή, или надбавка. Происхождение этого учреждения чисто фискальное. В том случае, если крестьянин, состоящий уже в определенном соотношении к обществу своих соседей-крестьян по отбыванию повинностей за общественные выпасы и поля, умрет или сделается неспособным исполнять лежавшие на нем хозяйственные и платежные обязанности, то остальное общество

должно взять на себя освободившийся крестьянский участок с лежащими на нем казенными платежами. Это и есть επιβολή, надбавка доли бедного на более состоятельных, необработанного участка на подвергающийся хозяйственной культуре надел и т. п.[13] Законодатель старался поставить этот закон в известные границы и посвятил ему несколько отдельных разъяснений.

«Если когда случится произвести «надбавку» какого-либо участка на принадлежащих к одному цензовому столбцу или подчиненных одному владельцу[14], то повелеваем требовать казенную подать с того, кто принял «надбавку», начиная со времени передачи ему надбавляемого владения. Надбавка должна производиться не иначе, как по письменному акту начальника провинции, в котором поименно указывается лицо, на которое падает надбавка. Если окажется, что владелец какого-либо участка не в состоянии вносить причитающейся с него подати, и потому настоит необходимость возложить на других лежащие на участке повинности, повелеваем немедленно передать его имеющим одноцензовые или одновладельческие имения со всеми находящимися в нем земледельцами и имуществом их, с запасами, и плодами, и скотом, и со всем находящимся там инструментом. Если же бы не оказалось налицо того крестьянина, который должен по закону принять на себя надбавку, или вследствие других обстоятельств замедлилось бы дело о передаче, повелеваем начальнику области составить опись этого имущества с показанием его качества, хозяйственного состояния и с обозначением всего в нем найденного и передать его сборщикам податей, или виндикам, или полицейским чинам. В случае, если бы после того оказались лица, которые по закону должны принять на себя это владение, то им и отдается оно под условием возмещения всех убытков, причиненных участку по вине означенных сборщиков или городских куриалов, виндиков или полицейских чинов».

Закон о надбавке в первый раз издан в начале VI в. префектом претории Зотиком (512). Всею тяжестью он ложился на землевладение, потому что от него были освобождены дома и хлебные произведения и ему не подлежали церковные имущества и имения императора. Применение закона встречало разнообразные толкования: одни толковали в смысле привлечения ближайших соседей того же имения, другие распространяли толкование на те участки, которые составляли одно целое с поступавшим в надбавку. Закон Юстиниана, пытающийся установить oпределенный порядок по отношению к επιβολή, показывает, что защищаемый им порядок имел важное практическое значение. Остается далеко не решенным вопрос о той землевладельческой среде, на которую, главным образом, простирался этот закон, равно как о значении терминов όμόδουλα и όμόκηνσα. Т. к. для осуществления πιβολή необходима наличность определенного лица, на которое возлагается забота о запущенном участке, то, казалось бы, не настояло надобности рассматривать όμόκηνσα в смысле членов общины свободных земледельцев. Для крестьянского землевладения при Юстиниане применение закона об

επιβολή, несмотря на меры к смягчению, было бедствием, отнимавшим всякую надежду на жизнь, по словам автора «Тайной истории». Кратко сказать, закон применялся при соблюдении следующих условий: 1) когда владелец участка становился неспособен отбывать лежавшие на нем повинности; 2) участок передавался со всеми бывшими в то время на нем рабочими и со всем инвентарем; 3) в случае ненахождения лица, которое обязалось бы платить лежащие на участке повинности, временно он передается сборщикам податей или полицейским чинам; 4) акт επιβολή осуществляется посредством письменного распоряжения провинциального начальника; 5) лицо, которому присуждено принять на себя участок, может в течение года обжаловать это решение в приказ префекта претории; 6) уплата податей за надбавленный участок начинается со времени его фактической передачи новому владельцу, и таким образом επιβολή не сопровождается обязательством платить недоимки за прежние годы[16]. Закон этот настолько имел значение в системе византийского земельного хозяйства, что мы будем с ним встречаться в дальнейшей истории крестьянского землевладения.

Еще больше значения, по-видимому, имела другая форма земельного хозяйства как в эпоху Юстиниана, так и во все последующее время империи — форма долгосрочной наследственности аренды на три лица. Эта форма владения, приближающаяся к наследственной собственности, имела на Востоке весьма широкое распространение. Она имеет техническое наименование εμφυτεύεις и выражается в том, что эмфитевт—как называется в актах лицо, снимающее участок земли в аренду,— получал на свой век и с правом передачи последовательно двум прямым наследникам, т. е. сыну и внуку, пользование и распоряжение земельным владением такое же полное и широкое, как бы оно было его собственностью. Ему принадлежала свобода хозяйственной эксплуатации участка, право делать насаждения и всяческие улучшения, право дарения, залога и передачи по завещанию с некоторыми лишь ограничениями. Обязанность эмфитевта заключалась в уплате ежегодного взноса, обусловленного в арендном контракте, и в несении лежащих на земле повинностей. Насколько можно судить по законодательным актам того времени, плата за этот род долгосрочной аренды вообще была ниже, чем за краткосрочный наем земли для обработки. В случае, если эмфитевт оказывался нерадивым или неисправным и не платил аренды в течение трех лет, от него отнимался участок без всякого вознаграждения за сделанные на нем улучшения.

Система наследственной аренды на три лица, как будем называть έμφύτευσις, в последнее время сделалась предметом особенного внимания, благодаря новым материалам, привнесенным в этот вопрос надписями и египетскими папирусами[17]. Но и с точки зрения средневекового земельного хозяйства эта система имеет, может быть, больше права на внимание, чем сколько ей уделяется[18]. Приведем законы Юстиниана[19], касающиеся занимающего нас вопроса: «Допускаем долгосрочную наследственную аренду (έμφύτευσιν) в имениях как святейшей Церкви, так и всех прочих религиозных учреждений — на лицо, принимающее аренду, и последовательно на двух наследователей того же лица: Именно, детей мужского и женского пола или внуков с той и другой стороны—мужа и жены—с точным обозначением того, от жены или от

мужа происходит наследователь. Долгосрочная аренда не переходи других наследников, но продолжается лишь в течение жизни принимающего, если у него не окажется ни детей, ни внуков. Договора о дол срочной аренде, совершенного на других основаниях — в церковном ли или в крестьянском имуществе, в зависимом, или свободном, ни под каким видом не разрешаем, а если он будет заключен, не признаем °^ ним никакой силы. Законом блаженной памяти царя Льва постановлен[33] чтобы церковное имущество сдавалось в долгосрочную аренду безо всякого уменьшения канона; мы же в одной из предшествующих новелл постановили при договоре на έμφύτευσις уменьшать на одну шестую норму установленной платы. Таким образом, устанавливая это правило повелеваем, чтобы прежде всего тщательно собирались сведения о каноне, и чтобы долгосрочная аренда сдавалась показанным выше лицам· при этих условиях уменьшается плата на шестую долю. Если в долгосрочную аренду сдается хорошо содержимое церковное имение, то цена аренды устанавливается не согласно с доходностью одного года, а по оценке производительности за двадцатилетний период и по этой оценке сдавать аренду. Должно знать, что если эмфвдевт в течение двух чет подряд не внесет арендной суммы (для церковных имуществ узаконяем этот срок вместо трехлетия), то лишается права на аренду, и начальники религиозных учреждений вольны взять от них имущества и дома без всякого вознаграждения за улучшение. Но если бы снявший имущество в долгосрочную аренду причинил ему ущерб, то он обязуется восстановить имение в прежний вид, и этому обязательству подлежит и сам он, и его наследники, и преемники, и, кроме того, немедленно возместить все убытки».

В дальнейшем законодатель определяет условия, при которых устанавливается норма платы за долгосрочную аренду. На место отправляется комиссия из архитектора и понятых от духовенства, и там пред святым Евангелием комиссия определяет норму платы за аренду данного участка, и на основании этого составляется письменный акт на долгосрочную аренду или έμφύτευσις [20]. «Эмфитевт имеет право производить постройки и пользоваться строительным материалом, если таковой есть, передавая арендное право последовательно двум преемникам, так что имение по смерти трех держателей снова переходит к святейшей Церкви или к богоугодному заведению, которым выдана аренда, н^ допускаем того, что имело доныне место в подобных договорах, имен того, чтобы по смерти двух наследников первого эмфитевта получали долгосрочную аренду наследники их, и чтобы они предпочитались другим. Т. к. этот порядок изменяет арендование в наследственное владение и наносит ущерб Церкви, то нет надобности после двух наследников передавать аренду преемникам их».

Несколько дополнительных статей касательно того же учреждения находим в позднейшей новелле[21], изданно в 544 г.: «Управители имуществами церкви или разных благотворительных учреждений сего царственного города епархии не имеют права продавать, или дарить, или меня или иным образом отчуждать недвижимое имущество... Но не только мена совершается с царским имуществом - разрешаем заключать долгосрочные аренды (τάζ δέ

εμφυτεύσεις) от Великой церкви царственного города и благотворительных домов на имя лица, принимающего аренду, и последовательно двух других наследников, причем уступается снявшему имущество в долгосрочную аренду не больше шестой доли законной платы (канон). По отношению к пригородным имениям Великой церкви и благотворительных заведений повелеваем брать при отдаче их в долгосрочную аренду всю законную плату без скидки, если имущество приносит доход, даже с возвышением платы против нормы; в противном же случае разрешаем сдавать их за такую цену, какая будет предложена[22]. Если случится, что имущество, сданное одним из церковных учреждений по праву долгосрочной аренды, перейдет или к царскому дому, или в священное императорское казначейство, или к какому городу, или в городскую курию, то управление благотворительных учреждений, выдавшее первоначальный акт на аренду, имеет права в двухлетний срок заявить о своих намерениях или оставить аренду за теми, у кого она в то время окажется, с условием уплачивать ежегодную плату по договору об аренде, или, если это окажется желательным, нарушить контракт и имущество взять снова себе. В том случае, если в имениях, сдаваемых в долгосрочную аренду, окажутся старые полуразрушенные здания, не приносящие уже дохода, то управители этих имений имеют право сдавать их за треть наемной платы, получаемой *с* дающих еще доход зданий в то время, когда имение стало сдаваться в аренду. В случае же, если принимающий аренду предпочитает ее снять на том условии, чтобы сначала сделать постройки и платить богоугодному учреждению, от которого получает аренду, половину той суммы, какая получалась от наемной платы за сдаваемое имение, то разрешаем и подобную сделку и, кроме того, позволяем эмфитевту пользоваться материалом от разрушенных жилищ (§ 1).

Постановляем, чтобы долгосрочные аренды, и ипотеки, и наем на срок свыше пяти лет заключаемы были с ведома и согласия патриарха, под присягой присутствующих при составлении акта экономов и хартулариев Великой церкви, которые свидетельствуют, что соглашение состоялось не с нарушением права церкви. Экономам сиропитателям и управителям богоугодных домов, равно как хартулариям с их родителями и детьми и со всеми их родственниками и свойственниками запрещаем принимать долгосрочные аренды, или ипотеки, или наймы от тех же благотворительных домов как на свое имя, так и на подставное лицо» (§ 5).

Наследственная аренда на три лица, получившая в Византии весьма широкое распространение и разнообразное применение по местным потребностям имела своим первоначальным основанием обилие свободных незанятых земель и недостаток населения. Это явление в V и VI столетиях вследствие исключительных условий времени увеличивалось на Балканском полуострове и в азиатских провинциях

и вызывало предложение исключительно благоприятных условий съемщикам земельных участков для обработки и приведения их в культурное состояние. Законодательство Юстиниана, как видно из приведенных выше мест, стремилось ввести в право наследственной аренды такую поправку, чтобы удержать земли за первоначальным собственником и не позволить наследственной аренде переходить в право собственности. К этому вели изданные им законоположения как об условиях составления контракта в присутствии понятых и под присягою на Евангелии, так и о поводах, которые могут повести к изгнанию эмфитевта и к соглашению его права пользоваться арендуемым участком. В истории византийского землевладения занимающая нас форма эксплуатации земельных участков переживала, как сказано, разнообразные применения. Одна из таких любопытных форм переживания системы эмфитевса наблюдается и в настоящее время на Афоне. Каждый из суверенных афонских монастырей владеет земельной собственностью в таких размерах, что собственными средствами не может подвергать ее обработке и извлекать из нее доход. Самая обыкновенная отдача земли в аренду — и, главным образом, нашим соотечественникам — выражается в форме наследственной аренды на три лица по акту омологии. Это, несомненно, есть старая система эмфитевса. Съемщик берет землю с обязательством делать в ней насаждение и с правом производить постройки под условием уплаты монастырю определенного канона. В акте омологии он записывает двух лиц, как своих наследников, к которым последовательно и переходит за смертию его право на арендуемый участок. В случае смерти одного из обозначенных в омологии лиц старший из оставшихся в живых имеет право с согласия монастыря вписать новое лицо, и так при всяком новом случае смерти омология может возобновляться и становиться актом на трех лиц. В современном состоянии рассматриваемый вид наследственной аренды носит на себе следы политической и экономической борьбы греческого элемента с пришлым русским. Сдающий в аренду свои земельные участки монастырь старается обеспечить за собой право следить за съемщиком, чтобы он не возводил на участке обширных хором, чтобы не принимал к себе больше послушников, чем указано в омологии, чтобы не звонил в колокола, платил узаконенный канон и не обесценивал участка. Несоблюдение одного из этих условий может лишить съемщика права на аренду земли. Но т. к. на основании подобных актов выросла на церковных афонских землях почти сотня монастырей — они называются просто кельями,— то понятно, какое важное значение не только экономическое, но и в широком смысле политическое, имеет система эмфитевса на Афоне, и как было бы любопытно исчерпывающее изучение намеченного вопроса в его историко-литературном и современном социально-экономическом отношениях. Ожидающие на Афоне современную науку научные предприятия могли бы направиться и в сторону изучения форм землевладения, обычаев при найме рабочих, терминов сельского хозяйства; все это носит признаки глубокой древности, как застывший пережиток византийской эпохи. И самые организации отношений сюзеренных монастырей к подчиненным им вассальным — скитам и кельям, способ устройства взаимных отношений между сюзеренными монастырями в их палате уполномоченных — все это остатки седой старины, которые ждут своего исследователя.

Общая оценка царствования Юстиниана и характеристика его замечательной личности представляют и доселе некоторые трудности. Империя Юстиниана прежде всего основывается на греко-римских началах: Юстиниан проникнут идеалами Рима и стремится восстановить Римскую империю не только в территориальных границах, но и по единству веры и закона. Но, с другой стороны, он, как представитель нового христианского государства, испытывал на себе влияние новых условий жизни, зависевших от появления новых народов, от естественной мировой эволюции и от христианской культуры. С одной стороны, пред ним высоко стоял идеал, отвлекавший его от реальной жизни и приводивший его к отвлеченным построениям; с другой, как представитель переходной эпохи, как участник, скажем более, как творец новой жизни на Востоке, он не мог не отдавать себе отчета в происходящем в его время великом процессе смены идей и настроений. Борьба противоположных элементов окрашивает и личный характер Юстиниана, как и его историка Прокопия, и, вместе с тем, влияет на его деятельность. Очень последовательно проводились и достигали цели те мероприятия, которыми поддерживалась основная идея Юстиниана: войны с соседями, церковная политика и законодательная деятельность. Но менее отчетливо были им сознаны реальные факты живой действительности, вследствие чего он не оценил истинных потребностей империи и материальных средств подчиненных ему народов.

И прежде всего следует очень пожалеть, что Юстиниан не понял средневековой Византии и не проникся жизненными интересами своих - ближайших подданных. Если бы призрак Римской империи менее овладел его воображением, то он не употребил бы столько настойчивости и не потратил бы так много средств на далекие предприятия, каковы итальянские войны, но позаботился бы прежде всего о защите сердцевины империи и о скреплении Сирии и Палестины. Пожертвовав реальными интересами на Востоке для фиктивных выгод на Западе, Юстиниан не взвесил и тех этнографических перемен, какие происходили на Балканском полуострове. Большим несчастием, которое, впрочем, было следствием перемещения политики Юстиниана на Запад, было и то, что он идее религиозного единства принес в жертву благосостояние Сирии и тем подготовил успехи арабов в Сирии, Палестине и Египте.

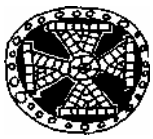
Не в лучшем свете представляется время Юстиниана и со стороны внутреннего состояния империи. После него осталось ужасное наследство: казна опустошена, податные средства народа исчерпаны до конца, армия в полной дезорганизации, неприятель угрожал с Севера и Востока, и — что самое важное— никого не вдохновляли более высокие идеалы.

Но когда становится вопрос в том смысле, как поставил его первоначально Прокопий в своих Ἀνέκδοτα, или в «Тайной истории», т.е. в смысле негодности и даже положительной вредности политики Юстиниана, то современный исследователь едва ли может стать на такую точку зрения. Юстиниан умел пробудить силы государства и дал неимоверное напряжение всем умело сосредоточенным в его руках материальным и духовным средствам империи. Юстиниан показал, что мог сделать в VI в. настойчивый и талантливый государь, руководясь идеалами греко-римского мира. Многие последующие

императоры пытались повторить Юстиниана, но никто не достигал намеченных им задач. Дав могучий подъем силам империи и направив их к достижению гигантских предприятий, Юстиниан как будто не принял в соображение того, что обширные земельные пространства не создавали еще силы Римской империи, что необходимо было поднять дух населения и сделать так же внушительным между подчиненными народами ромэйское имя, как грозно и почетно было римское имя. Но финансовая и религиозная система Юстиниана вносила везде истощение, преследование и отвращение побежденных к победителям.

По смерти Юстиниана долго не видим талантливых людей, аристократия почти вся вымерла или погибла, и византийская администрация стала пополняться людьми без образования, без подготовки и, наконец, без понятий о долге и чести. Даже на престол вступают люди, ничем до того не известные и не приносившие с собой никаких традиций. Умственная, литературная и художественная производительность замирает почти на полтораста лет. Нужно было пройти долгому периоду, пока народились новые люди, и пока образовалась новая историческая обстановка, в которой можно было изучаемому нами византинизму снова вступить на путь правильного развития.

В 1317 г. от сильного северного ветра упал крест с руки конной статуи Юстиниана, стоявшей на ипподроме. Эта статуя, уцелевшая после хищений во время взятия Константинополя латинянами в 1204 г., долго потом оставалась на своем месте и уничтожена уже в турецкую эпоху. Она подробно описана, между прочим, у Никифора Григоры и всегда поражала причудливым убором...

Глава X

Ближайшие преемники Юстиниана, Славянская иммиграция в пределы империи. Война с Персией

Ближайшие за временем Юстиниана царствования, при всей вялости, бесцветности их и недостаточности сознания потребностей времени у самих правителей, случайно достигавших высшей власти, представляют, тем не менее, большой исторический интерес и должны поэтому останавливать на себе наше внимание.

В конце VI и в начале VII в. происходил в империи кризис, вследствие которого выступили на сцену новые этнографические элементы, сообщавшие новое содержание занимающей нас истории. С одной стороны, в это время происходило громадное аваро-славянское движение на Балканском полуострове, сопровождавшееся бесконечными войнами между империей и славянами и имевшее результатом этнографический переворот на Балканском полуострове и разнообразные административные реформы. Независимо от того, на восточной границе империи Персия сделала в то же время последний и решительный удар на Ромэйское государство. Т. к. между обоими государствами речь шла о господстве не только в Месопотамии, но и в Армении и значительной части Азии, то борьба приобретала отчаянный, иногда героический характер и требовала крайнего напряжения материальных сил обеих империй. Результаты этой войны также были чрезвычайно важны, т.к. соперничество империй ослабило население Малой Азии, Сирии и Месопотамии, приготовив в этих областях политический переворот в пользу нового этнографического элемента, каковым были арабы.

В ноябре 565 г., не сделав никаких распоряжений о наследстве, Юстиниан умер в глубокой старости. Византийское государство, для расширения и возвеличения коего он употребил столько стараний и целость которого он пытался закрепить громадными жертвами, духовными и материальными, находилось при смерти Юстиниана в отчаянном положении, близком к разрушению и банкротству. Самая слабая сторона системы Юстиниана были финансы. Огромные налоги, ужасное вымогательство их сборщиками, расточительность двора и хронический недостаток в деньгах, для добывания коих всяческие средства казались допустимыми; подкуп варваров денежными выдачами и уступка им имперских земель; жестокая эксплуатация народного имущества, конфискация частных земель за проступки по делам веры и по доносам многочисленной армии шпионов — вся эта система держала в оцепенении население империи и, казалось, готова была задушить всяческое проявление свободных идей. Безотрадный взгляд на финансовую политику Юстиниана, оставленный современным ему историком, разделяют и новые писатели. «Если бы потребовалась,— говорит Гфререр,— более

краткая характеристика системы Юстиниана, я бы сказал, что он придерживался следующей программы: «Мне принадлежит доход со всех земельных владений, я господин земельной собственности. Мои города и дома, мне принадлежит труд, исполняемый моими подданными, и мои деньги, которые находятся в их карманах. Мне одному принадлежит право, все другие люди имеют по отношению ко мне обязанности и должны беспрекословно исполнять мои приказания»[1].

У Юстиниана и Феодоры, как известно, не было детей. Императорская семья состояла из многочисленных племянников царя, происходивших от брата его Германа и сестры Вигиланции, между которыми наибольшим расположением царя пользовался Юстин, возведенный в сан куропалата и находившийся в Константинополе в последние годы жизни Юстиниана; на него и перешло наследство власти. Юстин II был уже в зрелых годах при вступлении на престол, но его личные качества правителя отступают на второй план перед энергичной и честолюбивой супругой его Софией, которая унаследовала до известной степени черты властного характера тетки своей, царицы Феодоры. Прежде всего Юстину нужно было считаться с опустошенным казначейством и с расстроенной до крайней степени армией, которая была недостаточна для оберегания границ, угрожаемых варварским вторжением.

Внутреннее спокойствие тревожимо было заговорами и интригами членов мператорского дома, пытавшихся реагировать против нового порядка вещей. Двоюродный брат царя, сын племянника Юстиниана Германа по имени также Юстин, казавшийся опасным по своему влиянию в войске, был лишен военной команды и сослан в Александрию, где умерщвлен по приказанию царя. Управление Юстина отличается полным разрывом с прежней политикой Византийской империи. На севере и востоке назрела серьезная опасность, которую необходимо было предупредить; славяне и авары в Европе, персы в Азии сосредоточивали на себе внимание и требовали напряжения сил империи. По вступлении на престол он торжественно обещал сенату и народу правый и скорый суд и личной бережливостью, равно как щедрыми выдачами на общественные нужды из собственной казны сделал популярным свое имя. Но несчастье Юстина было в том, что он страдал умопомешательством, которое с течением времени становилось все заметней и которое побудило царицу Софию поддержать идею о назначении преемника. Согласно обычаям Римской империи Юстин усыновил в 574 г. комита экскувитов Тиверия и назначил его кесарем; таким образом с этого времени и до смерти царя в 578г. Тиверий управлял вместе с Софией, а затем сделался на короткое время (578—582) единовластным распорядителем империи. В его царствование наиболее внимания было посвящено событиям на персидской границе вследствие начавшейся еще в предыдущее царствование войны с персами. В заслугу Тиверия можно поставить то, что он избрал для персидской войны способного генерала в лице комита экску-витов Маврикия, которого незадолго до своей смерти женил на своей дочери Констанции и объявил своим наследником.

Хотя двадцатилетнее правление Маврикия (582—602) мало отличается от бесцветного периода ближайших преемников Юстиниана, но несомненным следует признать, что этим царствованием намечается полный разрыв со старыми римскими влияниями и преданиями и об-

наруживается прилив новых элементов в жизнь Византийской империи. Несмотря на добрые намерения и на военные способности, которые могли бы высоко поставить имя Маврикия во всякое другое более спокойное время, он не достиг положительных результатов ни во внутреннем управлении, ни в войнах с персами и славянами. В Константинополе были им недовольны за бережливость в расходовании государственных средств, во внешних войнах он не всегда был счастлив и потому не пользовался широкой популярностью. Наступившая в 602 г. катастрофа погубила Маврикия и сопровождалась жестоким истреблением всей царской семьи и многочисленных ее приверженцев в служилом и состоятельном классе. После восьмилетнего правления Фоки (602— 610), с которым по жестокости и грубости не может сравниться никакое царствование, мы вступаем в новый период. У Амартола помещен анекдот, что, когда Фока появился в св. Софии, раздался голос одного монаха: «Господи! Какого ты нам послал царя!» На это последовал невидимый голос: «Худшего, который бы вполне подошел вам по грехам вашим, я не мог найти!»

Недавно, даже в наши времена, повторялось суждение, впервые высказанное в XVIII столетии: «Славяне занимают больше места на земле, чем в истории». Этот афоризм имеет целью показать недостаток культурных элементов в истории славян; в нем есть также намек на политическое положение славянского мира, сложившееся далеко не так благоприятно, как этого можно было бы желать.

В течение всего VI столетия на берегах Дуная сосредоточиваются и передвигаются громадные массы славян. С половины V в. славяне высылают из-за Дуная значительные вооруженные отряды в византийские области и опустошают южные части Балканского полуострова. В VI в. мы встречаемся уже с совершившимся фактом, с преобладанием славян на Балканском полуострове. Не вдаваясь здесь в археологические исследования, переходим прямо к изложению отношений между славянами и империей в царствование Ираклия[2].

«Было во дни благочестивой памяти епископа Иоанна, поднялся народ славянский, бесчисленное множество из дрогу-витов, сагудатов, велегезитов, вэунитов, верзитов и прочих народов. Научившись делать лодки из одного дерева и снарядив их для плавания по морю, они опустошили всю Фессалию и расположенные кругом нее и Еллады острова, еще же и Кикладские острова и всю Ахэю, Епир и большую часть Иллирика и часть Азии и сделали необитаемыми многие города и области. Составив общее решение идти на христолюбивый сей город, чтобы и его разорить, как и другие города, они пригнали в приморское место выдолбленные из цельного дерева лодки, которых было бесчисленное количество, прочие же в неизмеримом числе окружили богохранимый сей город с востока, севера и запада и со всех сторон, имея при себе свои семьи с хозяйством, в том намерении, чтобы по взятии города поселиться в нем. Тогда слезы лились рекой и были воздыхания по всему городу, до смерти напуганному одним только слухом о чрезвычайных опустошениях городов, о бесчисленных убийствах и пленениях

и о том, что варвары уже везде хвастаются погибелью города. Кроме всего прочего, не оставалось и своих судов, не было их и в ближайших местах для защиты входа в городскую гавань. Особенное уныние возбуждали в гражданах христианские беглецы, сделавшиеся пленниками от такого беспощадного осадного положения. И была тогда одна душа и у робких, и у мужественных, каждый имел перед глазами или горечь плена, или смерть, не имея возможности никуда спастись, ибо как смертоносный венец варвары-славяне держали в тисках город.

Всему славянскому народу условлено было сразу и неожиданно напасть на стены. Находившиеся на судах славяне озаботились защитить их сверху досками и покрыть так называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдут к стене, сделать неуязвимыми гребцов со стороны тех, которые будут со стен бросать камни или пускать стрелы. И небесный Промысл молитвами мученика внушил им эту первую трусость—не прямо подойти к городу, а остановиться в той части залива, которая называется Келларий. Между тем, как варвары оставались там, чтобы исполнить задуманную ими хитрость, городские жители немного запаслись мужеством и приготовили в гавани несколько деревянных плотин, с которых протянули цепь... (далее описываются приготовления для защиты стен со стороны моря). Через три дня, когда славяне начали приступ, город спасен был заступничеством св. Димитрия, причем неприятельский флот был рассеян и увлечен течением, большая часть его погибла в волнах. Предводитель славян по имени Хацон[3] попался в плен и был побит камнями.

Вскоре после рассказанного поражения славяне имели серьезное обсуждение случившегося и, собрав большие дары, послали апокрисиариев к аварскому кагану, давая ему обещание выдать большую сумму денег и обеспечивая огромную военную добычу при взятии нашего города под тем условием, если он вступит с ними в союз. Было признано, что город легко может быть взят, потому что он находится в занятой ими области, в которой зависимые от него города и епархии сделаны ими необитаемыми, и, оставаясь, как сказано, вполне одиноким среди чуждого населения, он вмещает в себе всех беглецов из придунайских стран: Паннонии, Дакии, Дардании и других епархий и городов, которые в нем находят приют [4].

Названный аварский каган охотно согласился исполнить их просьбу и, собрав все подчиненные ему варварские племена вместе со всеми славянами, и болгарами, и бесчисленными народами, через два года с многочисленным войском пошел к нашему городу. И, вооружив избранных всадников, он послал их вперед самым кратким путем, приказав неожиданно напасть на город и, выведя или перебив его гарнизон, ждать хана с собранным им войском и с различ-

ными видами военных орудий, назначенных для погибели нашего отечества С этим планом и в таком порядке устремились вооруженные варвары. Неожиданно в пятом часу закованные в железо всадники набросились со всех сторон, а городские жители, не подозревая опасности и занимаясь на посевах уборкой хлеба, одни были убиты, другие захвачены в плен вместе со стадами скота и инструментами для обработки полей.

Жители города оказались в крайне затруднительном положении, т. к. не имели средств к защите. Беглецы из Ниша и Сардики, знавшие по опыту об искусстве врагов брать стены, говорили со слезами, что они, убежав оттуда, пришли сюда на свою погибель: «Один хорошо брошенный камень разрушит вашу стену». Однако тогдашний епископ Иоанн увещевал не падать духом, но принять нужные меры к защите и возложить надежду на Бога и его мученика. И, действительно, жители Солуни смело стали отражать нападения варваров, и недостаток припасов пополнялся чудесным образом. Во все время осады лодки с хлебом и с другими припасами ежедневно и беспрерывно входили в гавань, так что и гавань, и все побережье наполнено было этими судами[5]. После безуспешной осады, продолжавшейся 33 дня, варвары должны были со стыдом оставить город, ограничившись сожжением храмов, расположенных вне города, и разрушением домов в предместьях» [6].

В дальнейшем рассказе о новом нападении и о новой осаде города славянским князем Первундом безымянный автор сообщает интересные подробности о занятом славянами положении: «Ибо часто упомянутые славяне[7], расположившиеся близ богоспасаемого сего города, лишь по внешности соблюдали мир, почему тогдашний правитель области довел до богомудрого слуха царя нашего, что князь племени ринхинов именем Первунд замышляет коварные и злые намерения против нашего города». Далее следует полный живых подробностей рассказ, рисующий политические отношения славян к империи и знакомящий с самим князем, полуцивилизованным греком, носящим греческое платье и говорящим на греческом языке. Кроме того, сообщаются интересные данные о двухлетней осаде города соединенными силами славян, причем часть их была в состоянии выставить против Солуни флот[8]. Но все ухищрения врагов были бессильны против Солуни, которой, в конце концов, дана была помощь со стороны императора.

Наконец, следует рассказ о войне против Солуни, веденной болгарами под предводительством Кувера: «Как знаете, христолюбцы, в предыдущих сказаниях мы изложили о славянах, как они, опустошив весь почти Иллирик или его области: обе Паннонии и обе Дакии и все епархии с присоединением Фракии и до Длинных стен Византии и прочие города и государства, все найденное там население увели в ту

часть Паннонии, которая находится у Дуная, и в которой главным городом был прежде Срем; названный каган в этой области поселил всех пленных, как подчиненный ему народ. Это население смешалось с болгарами, и аварами, и другими народами, народило детей и размножилось в бесчисленный народ, и каждое новое поколение воспринимало от предыдущего идею родины и племенные стремления к ромэйским обычаям[9]. Как еврейский народ размножился в Египте, так и здесь подобным же образом под действием православной веры и святого и животворящего крещения размножалось христианское племя, и через передачу от одного другому о местонахождении отечества разжигалось в сердцах пламя тоски по родине. Уже миновало около 60 лет с тех пор, как на их предков сделали нападение варвары, и появился уже новый народ, и многие из них со временем стали свободными, и каган аварский, смотря на них, как на любимый народ, согласно господствовавшему у них обычаю, поставил над ними князя, называвшегося Кувером. Этот же, узнав от некоторых из близких к нему, что среди его народа распространено желание возвратиться в отечественные города, замышляет план и поднимает весь ромэйский народ вместе с другими племенами, т. е. пришельцев вместе с их запасами и оружием, и начинает возмущение против кагана. Последний погнался за ними и, сразившись с ними пять или шесть раз и каждый раз потерпев поражение, спасается бегством с оставшимся войском и уходит на север в безопасные места. Кувер после одержанной победы перешел реку Дунай, вошел в наши места, расположился в Керамисиевом лагере и, там утвердившись, заявил притязание на отечественные города — одни стремились взять хранимый великомучеником город Фессалонику, другие — царственный город, иные — оставшиеся за греками фракийские города».

Приведенный отрывок дает понять, что здесь в нашем распоряжении находится далеко не обычный житийный материал, а нечто совсем новое и оригинальное; это — сообщение о реальных фактах, имевших место в начале VII в. Автор отделяет первую серию событий от второй, которую он начинает здесь описывать, периодом около 60 лет и сближает ее с началом ослабления власти авар на Балканском полуострове. Мы приведем далее из этого сказания еще несколько мест, ближе относящихся к Солуни. Прежде всего придумано было средство овладеть городом хитростью, для чего избран был из приближенных к Куверу лиц некто Мавр, человек также полугреческого образования, говоривший на ромэйском, славянском и болгарском языках, который под видом перебежчика должен был войти в Солунь и ввести с собой своих воинов и таким образом овладеть городом. После чего Куверу оставалось со всеми запасами и с другими архонтами вступить во владение Солунью и, укрепившись в ней, начать порабощение окрестных народов, овладеть ими, завоевать острова, и Азию, и самую империю. План был приведен в исполнение, и заговорщики предположили воспользоваться Святой субботой, чтобы начать в городе смуту, поджечь его и овладеть им. Но

император приказал стратигу флота Сисиннию, стоявшему тогда в Греции, отправиться в Солунь и предупредить несчастие. Чудесным образом Сисинний поспел в Солунь в нужное время и спас город от угрожавшей опасности.

Отметим одно место в этом рассказе, весьма важное для характеристики положения дел на островах Архипелага. Стратиг Сисинний, исполняя возложенное на него поручение, вышел из Еллады и за день до Вербного воскресенья остановился у острова Скиафа (на юг от Магнисии, на пути к Фессалонике). Этот остров оказался совсем необитаемым уже много лет; на нем найден был заброшенный храм на месте, поросшем кустарником и запущенном. Адмирал приказал матросам очистить часть этого места, и там была совершена божественная литургия.

Приведенное сказание открывается сообщением уже совершившегося громадной важности факта, состоящего в распространении славян по Балканскому полуострову до Эгейского моря, в изобретении ими особого рода судов, в обладании морем, в господстве над Фессалией, Грецией и в опустошительных набегах на Эпир Иллирик, Киклады и Азию.

Не может быть сомнения, что автор имеет в виду события, наступившие после Фоки, т. е. начало VII в., ибо конец VI в. характеризуется движениями славян по Балканскому полуострову, не переходившими за материк. Может быть, наиболее выразительным известием по отношению к дальним походам, распространившимся до Адриатики, нужно признать знаменитые слова в письме папы Григория Великого к епископу салонскому Максиму от 600 г.: «Славянский народ, так сильно угрожающий вам, смущает меня и огорчает: огорчаюсь, ибо соболезную вам; смущаюсь, ибо славяне из Истрии стали уже проникать в Италию[10]. Но не советую вам впадать в отчаяние, ибо тем, кто будет жить после нас, суждено увидеть еще худшее». Это движение славян к Адриатическому морю закончилось тем, что к половине VIII в. вся Далмация, за исключением приморских городов Дубровника, Сплета, Трогира и Задра, была уже во власти славян.

К первым годам правления Ираклия (610—641) относятся наиболее важные успехи славянской иммиграции, засвидетельствованные одинаково греческими и чужими источниками. «Ираклий, — говорит Феофан,— нашел в парализованном состоянии дела Ромэйского государства, ибо Европу опустошили авары, а Азию — персы»[11]. Не менее решительно говорят о том же латинские и восточные писатели. Так, в хронике Павла Диакона сообщается известие от 611 г. об опустошении Истрии[12]. В хронике Исидора, епископа севильского, не менее ясно известие о том, что в начале царствования Ираклия славяне отняли Грецию, а персы — Сирию и Египет, т. е. повторено вышеприведенное известие Феофана, хотя оба писателя независимы один от другого[13]. Относительно систематического движения славян по морям имеется ' известие сирийского пресвитера Фомы, жившего в VII в., который говорит о нападении славян на Крит около 623 г. и на другие острова[14], и историка Павла Диакона, который свидетельствует о нападении славян на Южную Италию в 642 г. Славянские походы продолжаются в 618—619, в 622 и 626 гг.

Все эти набеги, продолжающиеся в царствование Ираклия, происходили уже не из-за Дуная, а имели точкой отправления Мизию, Фракию, Македонию, Фессалию и другие провинции, находившиеся уже во власти славян. Следовательно, мы можем принять за бесспорный и вполне подтвержденный разнообразными известиями факт обладания славянами морем в начале VII в. и с этой точки зрения оценивать известия в чудесах св. Димитрия, характеризующие новый порядок вещей. Так, выше мы видели, что на греческом острове Скиафе не оказалось населения; это, конечно, нужно объяснять как результат полной слабости империи и господства на море негреческого влияния. Вполне параллельное значение следует приписывать известию, что славяне крейсировали по Архипелагу, Эллиспонту и Мраморному морю и захватывали суда, перевозившие в столицу плоды и фрукты. Не довольствуясь этим, они делали нападения на населенные места: на Парий, Проконнис и на самые таможенные учреждения и, захватив большую добычу, успевали возвращаться домой[16]. Это уже чрезвычайно неожиданные и смелые акты хозяйничанья почти у ворот Константинополя. Проконнис находится на Мраморном море, а Парий — морская гавань на азиатской стороне Эллиспонта. Особенно интересно упоминание о таможне. Само собой разумеется, речь идет об императорской таможне на Эллиспонте; таможенные ведомства были именно в Абидосе и Кизике, в нашем памятнике идет речь о нападении на один из этих пунктов [17].

В связи с указанными фактами следует рассматривать те известия, которые в свое время были предметом горячих споров и недоразумений. Изучаемый нами памятник представляет несколько мест, чрезвычайно определенно и ясно говорящих не только о господстве славян на море, но и об утверждении их на греческом материке. Нельзя не признать, что рисуемая нашим безымянным автором картина полного господства славян на море, в Елладе и на островах [18] заставляет принять за бесспорный и тот факт, что им принадлежали морские места и гавани для снаряжения и стоянки флота. Эта мысль и выражена в сказании во вступительном объяснении к морской осаде Солуни [19].

Здесь же находим весьма любопытный факт, бросающий свет на неожиданную этнографическую новость[20]. Находясь в тесной осаде и имея недостаток в съестных припасах, совет граждан решил отправить имевшиеся в распоряжении города суда в Фессалию, чтобы там в Фивах и Димитриаде, на Пагасейском заливе, закупить у велесичей сушеных плодов на некоторое утешение города. Согласно этому решению, оставив в городе только слабых и бессильных, наиболее сильные и здоровые люди отправились на кораблях к сказанным велесичам, «потому что, по-видимому, они стояли в мире с городом». Итак, в Фессалии живет уже оседлое население славянское из племени велесичей; оно не сегодня и не вчера завладело этой областью, уселось в ней прочно и занялось сельским хозяйством. Приморский византийский город, живший торговлей и имевший обширные сношения, стоит с этими новыми насельниками Фессалии в мирном договоре, причем нет ни малейшего намека на центральную власть в Константинополе, как будто все предоставлено процессу разложения и дезорганизации в этих исконных греческих областях!

Все вышеизложенные данные дают полное освещение факту, заявленному в XI в. в синодальном послании патриарха Николая II (1084—

1111) к императору Алексею Комнину. В этом акте говорится, что авары 218 лет владели Пелопоннисом, так что в это время (от конца VI в. до 810 г.) ромэйская власть не имела там своих представителей[21].

Таким образом в половине VII в. Балканский полуостров, по окончании ряда славянских вторжений с севера, представляет население почти однородное, с преобладанием почти повсюду славянского элемента. Известная фраза у Константина Багрянородного: «Ославянилась вся Греция и сделалась варварскою» — ко времени Константина является уже анахронизмом, но, бесспорно, VI и VII столетия характеризуются тем, что Балканский полуостров ославянился, все поселенцы, бывшие до славян, подверглись их большему или меньшему влиянию, хотя, конечно, уцелели до сих пор (например, албанцы, румыны).

Для интересов изучения славянской истории чрезвычайно важно отдать себе отчет в том положении, что славянская первоначальная история должна быть изучаема не у свободных славян, но у живущих в пределах империи. Первые страницы славянской истории принадлежат славянству не самостоятельному.

Следует различать два типа славянских поселений в областях империи: или насильственное вторжение, или добровольное поселение по договору, т. е. род соглашения в видах колонизации запустевших областей. Можно, однако, утверждать, что большинство славянских поселений возникло или помимо правительственной инициативы, или вопреки желанию правительства, почему о них не упоминается в источниках. Известий о договорных поселениях славян имеется достаточное количество, хотя они идут и не от древнейших времен. Добровольные (и подневольные) поселения славян в Малой Азии начинаются, по всей вероятности, с VI в. и могут быть засвидетельствованы летописями VII столетия. В летописи Феофана под 664 г. сообщается известие о переселении из Македонии в Сирию 5 тыс. славян. Правда, трудно отыскать дальнейшие свидетельства о положении этой колонии, о ее росте, развитии и дальнейшей судьбе, но можно выводить в этом смысле довольно благоприятные заключения из того, что в том же столетии с Балканского полуострова в Малую Азию были переселены и другие колонии, которые, конечно, не могли бы успешно селиться там, если бы первые попытки были неудачны, если бы первые колонисты устроились неблагоприятно.

Под 687 г. у того же Феофана мы находим более подробное известие: говоря о походе Юстиниана II в Македонию с целью нападения на славян, живших близ Солуни, он передает, что император некоторых из них победил и предписал им свои требования, а других договорами убедил переселиться из Македонии в Малую Азию, и таким образом в это время было препровождено значительное число славян в провинцию Опсикию. О судьбах этой колонии мы имеем и дальнейшие сведения. Из колонистов, поселенных в Опсикии, было устроено военное ополчение в числе 30 тыс. человек, иначе говоря, колония была поставлена на военное положение и обязывалась выставлять в византийскую армию 30 тыс. человек ополчения. Как можно догадываться, эта военная организация напоминает несколько военное устройство наших казаков (донских, малорусских). Нет сомнения, что не все славяне привлекались в военную службу, а 30 тыс. человек славянского ополчения должны

указывать на довольно значительную численность славянских колонистов, ибо, по всем предположениям, не все способные носить оружие привлекались обязательно служить, а только известный процент населения. Не все могли идти на службу — в противном случае все население могло бы покинуть земли, оставив их без обработки, и колония не достигла бы цели, т. к. земля давалась колонистам как средство иметь возможность выставить готовых воинов, да и самые места поселений тогда были бы открыты для внешних нападений.

Характеристика этого козацкого положения славянского элемента в Малую Азию рисуется из нескольких намеков, именно: царь выделил из 30 тыс. народ опричный, избранный (λαό ν περιούσιον), вооружил их и дал в начальники славянина же, старейшину их (Невула). Это замечание важно в том отношении, что византийские императоры, переселив славян в Малую Азию, не бросали их на произвол судьбы, но старались достигать определенных политических целей, предоставляя колонистам и средства для осуществления их: наверное, давали им самоуправление, право самосуда, не лишали даже туземной власти. Эта колония не оставалась, да и не могла остаться без заметного участия в судьбах Византийской империи в VIII и IX вв. Проследить во всей широте ее влияние невозможно, но есть на этот счет очень любопытные намеки. Арабы пользуются услугами славян, нанимают охотников-проводников из них для похода в Романию (Македонию и Фракию) и пр.: «И пошел Магомет на Романию, взяв с собой славян, как знакомых с Романией»[22]. Но несомненно, что политическая роль славянских колоний продолжалась и позже, т. к. славяне составляли значительный элемент в населении Малой Азии. В 754 г. в Малую Азию была направлена еще более обширная колония в 208 000 человек и была поселена у р. Артаны. Предполагая, что и эта колония была поставлена на военное положение, мы допускаем, что она должна была выставлять в византийскую армию отряд ополчения, по крайней мере, в 20 тыс. человек.

Таким образом, что касается Севера и до известной степени Малой Азии, то к половине VII в., в течение ста лет, совершился переворот громадной исторической важности: весь почти Балканский полуостров сделался достоянием славянства. Около того же времени часть мелких славянских племен, поселившихся на северо-востоке Балканского полуострова, подпала под власть пришлой азиатской орды болгар. Эти завоеватели сделали для этой части славянства то, в чем нуждалось западное славянство: они создали политическую организацию, даровали крепкое государственное единство. Как ее ни рассматривать—эту азиатскую орду,— но болгары являются сплоченным народом, выступают на историческое поприще грозной для Византии силою. Славяне же, оставшиеся в стороне от власти этого пришлого элемента, именно сербы, достигают политической организации чуть ли не во времена неманичеи, к началу XI столетия. Почти шесть веков они провели в состоянии политической незрелости, и как эти сербские славяне, так и их северные соплеменники много потеряли в течение своей истории в силу неизбежного закона, что позиции, значение которых не понято одной стороной и которые остались беззащитными и свободными, не могут долго оставаться в таком положении и занимаются другой стороной. Появле-

ние в северо-восточной части Балканского полуострова болгарской орды было, однако, чрезвычайно благоприятным для славянской истории обстоятельством.

Теперь обратимся к другому важнейшему вопросу византийской политики: отношениям империи к ее восточному соседу. Этот вопрос по единовременности своего возникновения с рассмотренным и по своей существенной важности для судеб империи составляет характерный признак VI—VII вв.

На севере противниками Византийской империи являлись неорганизованные славянские племена, на юге и востоке приходилось вести борьбу с могущественной державой, с централизованной государственной властью, обладавшею обширными материальными средствами. Войны Византии с персами продолжались целые столетия; со времени Юстиниана, задававшегося мировластительными целями, прочного мира между двумя империями не могло установиться, несмотря на многократные договоры о «вечном мире». Можно думать, что и в этом отношении религиозная исключительность и ревность о чистоте православия греческого духовенства много способствовала взаимной вражде. Множество добрых христиан переходило под власть персов; Византия постепенно теряла симпатии среди населения пограничных областей, которое часто служило проводниками персам во время их походов в гористых византийских провинциях. История взаимных отношений между Персией и Византией в конце VI и в начале VII в. и потому еще останавливает на себе наше внимание, что в это время на Востоке совершается не менее важный, чем на Балканском полуострове, процесс выделения новых этнографических элементов: происходит брожение между арабами в аравийской пустыне, начинают доходить до культурных стран известия о турках. Это именно те народы, которым принадлежит ближайшее будущее на Востоке.

Хотя в 562 г. между Юстинианом и Хосроем был заключен 50-летний мир, но ни та, ни другая стороны не обманывались насчет прочности этого мира. Прежде всего нужно помнить, что условием мира была плата значительной дани со стороны Византийской империи; Юстиниан согласился на эту унизительную жертву в видах сохранения мира, которого он так желал в преклонном возрасте и который был так необходим при расстройстве армии и истощении государственной казны. Но при Юстине II, в 572 г., когда предстояло выплатить долю взноса на второе десятилетие, настроение правительства было другое, и оно отказало персам во взносе дани.

Разрывая мир с персами, Юстин II должен был понимать, что предстоит новая война. И, действительно, в течение следующих 20 лет идет ряд военных столкновений частью на границе, вокруг крепостей Нисиби и Дара, частью в областях империи. Т.к. почти во всех войнах двух соседних государств военные действия большей частью зависели от того или другого положения пограничных полунезависимых арабских племен и турецких кочевых орд, а также от того обстоятельства, на чьей стороне станет пограничная горная Армения, то нужно думать, что решение императора Юстина II разорвать мир с Персией основывалось на благоприятных сведениях, имевшихся в Константинополе по отношению к упомянутым племенам и кочевым ордам. Более любопытные

данные представляют начавшиеся тогда сношения Византии с народом, впервые выступившим в то время в истории под именем турок[23].

Упоминаемые у китайских писателей с конца V в. турки составляли в это отдаленное время небольшое кочевое племя того же происхождения, что гунны, авары, болгаре, половцы и печенеги, венгры и монголы. Вследствие удачных наездов на своих соседей турки приобрели известность в V в. и вступили в сношения с Китаем. В VI в., овладев Бухарой, они сделались соседями Персии и составили план принять на себя посредничество в сношениях Византийской империи с Китаем и открыть прямой путь для торговых караванов из Индии в Европу. Т.к. сношения с Хосроем не привели к желаемой цели, то турецкий хан задумал соединить свои интересы с политическими видами Византийской империи. С этой целью он отправил в Константинополь торжественное посольство, которое явилось в столицу греческой империи в конце 568 г. и заставило о себе говорить тогдашних писателей*.

Послы принесли Юстину II письмо от своего хана по имени Моканхан или Дизабула и сообщили грекам новые и любопытные сведения о турецком народе. Между прочим, они говорили, что авары, с которыми византийский царь находится в непосредственных сношениях, суть не что иное, как взбунтовавшиеся против турок подданные и рабы. Цель посольства, во главе которого стоял Маниак, состояла в заключении с греками торгового договора для свободного провоза на запад шелка, в установлении вечного мира и союза против всех врагов Византии. Юстин II, понимая все значение раскрываемых этими предложениями торговых и политических выгод, не решился, однако, пуститься в авантюру, прежде чем не собраны будут более точные сведения о турецком народе. С этой целью в 569 г. снаряжено было торжественное посольство с Зимархом, комитом Востока, во главе, которое отправилось в турецкую землю в сопровождении упомянутого выше Маниака. Целью была Согдиана, или нынешняя Бухара.

Византийское посольство прибыло в стан великого хана, когда он готовился на войну с персами. Здесь Зимарху удалось заручиться подтверждением статей договора, заключенного в Константинополе, и затем с богатыми подарками хана предпринять обратное путешествие в Константинополь. С этого времени начинается ряд ежегодных сношений турок с Византией. Менандр насчитывает семь посольств до 576 г. Эти сношения не имели, однако, существенных выгод ни для той, ни другой стороны и ограничивались восточными любезностями и обещаниями, исполнение которых никто не считал обязательным. Раз, когда византийский посол предстал перед ханом Туркешем и, сообщив ему о возведении Тиверия в сан кесаря, просил сделать диверсию против персов, хан сказал: «У вас, у греков, десять языков и одно мошенничество. Вот мои десять пальцев я вложил в свой рот, так и вы своими разными языками обманываете то меня, то аваров, моих рабов! Мы, турки,— продолжал хан,— не лжем и никогда не обманываем, а император посылает ко мне послов с лестными обещаниями и в то же время ведет дружбу с аварами, и это рабы, взбунтовавшиеся против своих господ. Авары возвратятся ко мне, когда я захочу, мне стоит только поднять

* Главным образом. Менандра.

бич, чтобы заставить их провалиться под землю. Зачем вы всегда препровождаете моих послов, идущих к вам, через Кавказ? Не думаете ли вы таким образом держать от меня в тайне ваши границы из опасения, чтобы я не захватил их? Я знаю очень хорошо, где текут ваши реки Днепр, Дунай и Марица, я знаю пути, которыми шли авары, мои подданные, чтобы напасть на ваши владения. Ужели вы думаете, что я не знаю прекрасно ваши силы?»

Приведенные извлечения из современного историка очень хорошо рисуют взгляд на турецко-татарские народы, кольцом обхватившие Восточную империю с VI в. и поддерживавшие между собой деятельные сношения. Давно уже была высказана мысль, что Византия часто сама знакомила европейских и азиатских турок между собой на собственную пагубу (особенно печенеги и турки-сельджуки в XI в.), теперь мы убеждаемся, что и без посредства Византии турецко-татарские народы Запада и Востока имели между собой сношения, не забывали общность происхождения и языка и не чужды были идеи общего движения против лживых и клятвопреступных греков.

Как бы то ни было, хотя на этот раз продолжительные переговоры и сношения не имели желательных результатов, не следует терять из виду, что турецко-византийские переговоры направлены против естественной соперницы Византии, Персидской империи, и имели целью ослабление аварского могущества. Весьма вероятно, что византийское правительство, принимая свое решение относительно Персии, ставило на одну чашку весов возможный союз с турками, но не имело смелости и настойчивости дать более широкое место открываемым со стороны турок перспективам. Для византийской политики центр тяжести в конце VI в. переносится на Запад, славяно-аварские набеги имели более значения для правительства, чем судьбы сирийских и малоазийских провинций. Вялая политика на Востоке сопровождалась вялыми переговорами с разными полунезависимыми племенами и нерешительными действиями против персов.

Кроме турецкого посольства к войне с персами предрасполагали тогдашние события в Южной Аравии, где владетель Йемена, желая освободиться от власти христианского абиссинского царя, искал покровительства Персии и навлек на свою страну вместе с персидским влиянием гнет и вымогательства персидского наместника, против чего император считал необходимым реагировать. Точно в тех же условиях находилась персидская Армения, где угнетаемые персами христиане искали покровительства христианского царя. Когда Хосрой указывал, что он не допускает вмешательства в дела Армении, из Византии было получено в ответ, что не в обычае христианского царя оставлять без помощи своих единоверцев.

Персидская война может быть разделена на два периода, границей между которыми служит смерть Хосроя в 579 г. Со стороны Юстина главнокомандующим был назначен сенатор и патрикий Маркиан, имевший, впрочем, в своем распоряжении весьма незначительный отряд и ограничивший свои действия демонстрацией против пограничной крепости Нисиби. Между тем, как византийский полководец осаждал этот город, персы вторглись в Сирию и нанесли много вреда незащищенной стране, уведя толпы пленных и разорив города и селения, а сам Хосрой

осадил византийскую крепость Дару и взял ее после шестимесячной осады.

Ввиду неудачного хода военных действий на Востоке и опасности на Западе от авар Юстин отозвал Маркиана и назначил на его место другого вождя. На некоторое время затем военные действия перенесены были в Армению, где персы разрушили два города, Севастию и Мелитину, но потом, в свою очередь, потерпели поражение от Юстиниана, племянника одноименного императора. Но до назначения Маврикия, будущего императора, на место главнокомандующего на Востоке (577—578) персидская война тянулась с переменным успехом. Маврикий, прошедший хорошую военную школу и любивший военное дело, теорией которого он занимался специально*, подготовил из своих земляков каппадокиицев надежный военный отряд и воспользовался им для войны с персами. Не ограничиваясь защитой пограничных областей, Маврикий перенес поле сражения на персидскую территорию и стал опустошать несчастную персидскую Армению. Успехи его были так значительны, что совершенно изменили взаимное положение враждующих сторон. Уведя из Армении множество пленных, Маврикий поселил их на острове Кипре. На историю дальнейшей войны огромное влияние имели военные реформы Маврикия и смерть Хосроя в 579 г.

Преемник Хосроя Ормисда IV прервал переговоры о мире, начатые Тиверием, и решился продолжать войну. Но византийские войска продолжали иметь перевес благодаря, с одной стороны, купленному дорогой ценой миру с аварами, позволившему сосредоточить на Востоке больше военных сил, а также благоразумным военным мерам Маврикия. В 581 г. он одержал над персами большую победу при Констанции в Месопотамии, имея на своей стороне сарацинского князя Мондира, который оказал ему важную услугу. Когда в следующем 582 г. Маврикий вступил на престол, командование на Востоке перешло к стратигу Иоанну Мистаку, который не имел ни искусства, ни счастия своего предшественника и потерпел от персов несколько поражений. На смену ему послан был Филиппик, женатый на сестре царя 1ордии. В 586 г. персидское и византийское войска встретились в Восточной Месопотамии в долине Солах, где произошло решительное сражение, окончившееся поражением персов. Достойно замечания, что здесь в первый раз упоминается знамя с изображением Нерукотворного образа, с которым Филиппик обходил византийские войска. В этом деле принимал участие в качестве подчиненного Филиппику лица Ираклий, отец будущего императора.

После успешного дела при Солахе высшее руководство военными делами на персидской границе перешло к Ираклию, который с успехом делал набеги на города и селения в Южной Армении, имея главный опорный пункт в Амиде, т.к. с утратой Дары граница на Востоке изменилась в ущерб Византии. Когда весной 586 г. послан был на Восток новый военачальник в лице Приска, положение сторон еще более изменилось не в пользу империи. В византийском войске начался мятеж, раздались жалобы на неправильную выдачу продовольствия и уменьшение денежных выдач. Хотя Маврикий поспешил заменить непопулярного

* С его именем сохранились сочинения о военном деле в Византии

военачальника любимым между восточными войсками Филиппиком, но и это мало содействовало успокоению войска. В 588 и 589 гг. последовали две битвы при Мартирополе и Нисиби, окончившиеся поражением персидского войска. Но как, в конце концов, успех войны мало зависел от случайной победы или поражения одного отряда, и как персы умели хорошо пользоваться близостью к своей территории и быстро пополняли запасы, видно из того, что вскоре после поражения, испытанного при Мартирополе, они осадили засевший в городе греческий гарнизон и снова овладели этим городом.

Затянувшаяся персидская война могла продолжаться и еще многие годы. Ни персы, ни греки не употребляли в дело больших военных сил, чтобы нанести решительное поражение противнику. Собственно говоря, военные действия сосредоточивались на пограничной полосе, и ни одна сторона не отваживалась проникать в собственные области противника. Решительное влияние на дальнейший ход действий оказали внешние события, частью вызванные сношениями Маврикия с соседними полунезависимыми арабскими и турецкими князьями. Как бы то ни было, Персия оказалась в весьма затруднительных обстоятельствах: арабы напали на Месопотамию, турки угрожали северным границам, хазары вторглись в Армению. Хотя персидский военачальник Варарам одержал победу над турками, но в Колхиде потерпел поражение в деле с византийским отрядом. Когда царь Ормисда, разгневанный за неудачу, хотел лишить его командования, Варарам поднял восстание и начал войну против непопулярного властителя. В 590 г. Ормисда был убит, и на его место провозглашен царем взбунтовавшийся военачальник. Но у Ормисды остался в живых сын Хосрой II, который обратился к Маврикию с просьбой о помощи и с большими обещаниями, если царь примет на себя задачу восстановить его на царстве.

В Константинополе хорошо взвесили внутреннее и внешнее положение Персии и приняли сторону низверженной династии. Двумя победами над узурпатором восстановлена была власть Хосроя II над Персией, и в 591 г. заключен был мир, по которому персы уступили Византии персидскую Армению и Восточную Месопотамию. Утраченные во время 20-летней войны крепости Дара и Мартирополь возвращались Византии. Неожиданно сложившиеся благоприятно для Византии политические события дали ей весьма выгодный мир и позволили Маврикию перевести часть войск с Востока в Европу, где дунайская граница угрожаема была аварами. В течение 10 лет на восточной границе был прочный мир.

Глава XI

Низвержение Маврикия и провозглашение Фоки. Восстание экзарха Ираклия

Восьмилетнее правление Фоки (602—610) представляет собой самый постыдный период в истории Византии, которому было бы излишне посвящать особую главу, если бы не побуждали к тому особые соображения. Мы уже неоднократно указывали, что в конце VI и в начале VII в. начинают обнаруживаться новые элементы в истории, которым свойственно особое наименование и которые в своей совокупности дали Восточно-Римской империи характер византинизма.

В истории смены царствований до вступления на престол дома· Ираклия остается загадочным вопрос об участии в политических переворотах городских димов и о реформах, задуманных и проведенных в жизнь царем Маврикием. «Нет периода,— говорит Финлей,— в который бы общество находилось в такой универсальной деморализации, когда все народы, известные грекам и римлянам, оказались бы в такой степени утратившими энергию и доблесть, как период от смерти Юстиниана до появления Магомета»[1]. Но проследить причины этой деморализации и сделать анализ явлений, в которых главнейше выразилось падение нравов и доблестей, составляет очень трудную задачу, которая не удавалась еще историкам. Может быть, это чувствовали современники, но настроение их осталось для нас малопонятным и известным. Между прочим, в чудесах св. Димитрия Солунского [2] есть намек на те реальные факты, которые много объясняют картину нравственной распущенности в конце VI и начале VII в. «Кто не знает,— говорит жизнеописатель,— какую тучу пыли поднял диавол при Маврикии, благочестивой памяти царе, убив любовь и поселив взаимную вражду на всем Востоке, и в Киликии, и в Азии, и в Палестине и до такой степени взволновав все соседние области даже до самого царственного города, что димы не только не удовлетворялись тем, что упивались на площадях кровью соплеменников, но и нападали взаимно на жилища друг друга и безжалостно убивали тех, кого в них находили живыми, сбрасывали на землю с верхних этажей женщин и детей, стариков и юношей, которые по слабости сил не могли спастись бегством, и, подобно грубым варварам, грабили своих односельчан и знакомых и родственников и сожигали их жилища».

Другой современник, Феофилакт Симокатта, передает общее настроение исключительно тревожного времени в рассказе о видении, бывшем царю Тиверию накануне смерти (582). Ему привиделось во сне, будто предстал пред ним муж неизреченной божественной красоты и сказал: «Вот что говорит тебе, Тиверий, Трисвятое: «Тираннические и нечестивые времена не постигнут твое царство»», т е. таковые времена наступят при его преемнике [3].

Общее мнение усвояет Маврикию положительные качества честного и благонастроенного правителя, который не щадил сил и средств для того, чтобы поддержать расшатанный строй империи, но остановить процесс распадения не было в его силах. «Империя содержала могущественную армию, имела хорошо поставленную администрацию, финансовое управление не было в упадке, и все меры принимались к строгому соблюдению правосудия. Но со всеми этими элементами хорошего правительства правительство Маврикия было плохо, непопулярно, отяготительно. Чувства патриотизма не было ни в одном сословии, не существовало уз единства между государем и подданными, не было общих интересов между правительством и народом, которые делали бы их ответственными в их гражданских поступках перед одним и тем же законом» [4].

Сводя к конкретным фактам наиболее определенно выраженные неудовольствия против Маврикия, которые делали самые полезные его мероприятия непопулярными и возбуждали против него вражду, мы можем остановиться на следующем. Маврикий не был популярен в войске, потому что желал ввести строгую дисциплину в армии, уменьшил жалованье служилым людям и, наконец, ради экономии потребовал, чтобы Дунайская армия проводила зиму за Дунаем в местах, где необходимо было ее постоянное присутствие. В народе Маврикий не пользовался любовью за его скупость. В особенный упрек ставили ему то, что он пожалел выкупа за 12 тыс. пленных, которых каган аварский в раздражении приказал без милосердия умертвить. Не менее того нерасположение к Маврикию может быть объяснено тем, что он был весьма лицеприятен к своим родственникам, которым раздавал должности и почетные титулы и дарил земли и дворцы в столице. Но признать эти обстоятельства удовлетворительными для объяснения последовавшего в 602 г. разгрома, постигшего Маврикия и его семью, мы не решаемся, потому что не видим в них таких мотивов, которые имели бы общий характер. В объяснении событий, имевших последствием устранение Маврикия, необходимо принять в соображение и оценить, с одной стороны, те указания, которые сделаны в житии св. Димитрия, с другой— те подлинные факты, которые стоят в связи с военным заговором, выдвинувшим на первый план Фоку. Это тем более может иметь значение, что, в конце концов, приводит к одному заключению, что все несчастие Маврикия было в военном против него движении. Итак, попытаемся рассмотреть эту сторону деятельности Маврикия.

До какой степени расстроена была армия при смерти Юстиниана, об этом трудно составить точное представление. И не в том нужно видеть падение армии, что число военных частей было уменьшено, и численность войска доведена была до 150 тыс. Самая существенная сторона вопроса заключалась в системе набора военных людей и в редкости населения в областях империи. Тиверий и Маврикий были реформаторами военного дела, и специально первому приписывается новая и исключительная мера в этом отношении. Чтобы усилить военные средства империи, Тиверий, как извещает об этом Феофан, «организовал собственный военный отряд из 15 тысяч человек, составив его из язычников, купленных им и принятых на военную службу. Этому отряду дано было казенное вооружение и военная одежда, и во главе его

поставлен комит федератов Маврикий, а помощником ему дан был Нарсес» [5]. Это известие, отличающееся цифровыми показаниями и соединяющее новый военный отряд с именем Маврикия, дает нам любопытный материал к освещению некоторых сторон жизни в эту эпоху. Т. к. с именем Маврикия дошло до нас военное сочинение, трактующее теорию расположения лагеря и военного искусства, то можно с полным основанием думать, что в известии Феофана сохранился след принятой Маврикием обширной реформы в этом отношении. Уже в VII в. мы встречаемся с господствующей в Византии системой привлечения на военную службу целых племен и отрядов из славян, которым отводились участки на пустопорожних землях и на которых возлагалась военная повинность. Весьма может быть, что у Феофана отмечена самая первоначальная форма этой системы, которая потом развита была в Византийском государстве до широких размеров и продолжалась до самого падения империи. Для изучаемой эпохи конца VI в. весьма важно отметить, что этот отряд некоторое время играет видную роль в военной истории, из чего можно выводить косвенное заключение об общей слабости византийской армии. То же самое заключение выводится из рассмотрения средств военной обороны столицы империи, как видно будет ниже.

Вновь организованный отряд был направлен в Персию и здесь заявил себя значительными успехами, которые доставили Маврикию триумф в Константинополе в 582 г., тогда он приглашен был разделить власть с Тиверием. В царствование Маврикия находящийся под командой Нарсеса отряд частью остается в Армении, частью принимает участие в персидской войне, по окончании которой в 591 г. действовавшие на Востоке отряды были переведены вместе с тивериевским корпусом в Европу и направлены на Дунай на войну с аварами и славянами[6].

Впоследствии мы встретимся с упомянутым отрядом на Западе, а теперь посмотрим, в каком положении рисуется в источниках оборона самой столицы. Константинополь находился в постоянной опасности быть окруженным с суши. Хотя он защищен был стенами и хотя ближайшие его окрестности находились под защитой Длинных стен, или Анастасиевых укреплений, которыми Константинополь отделялся от Адрианопольской долины, но эти последние весьма трудно было защищать за дальностью их и за обширностью протяжения стен, так что нередко неприятель успевал прорваться через эти стены и угрожать столице. Таково именно было положение дел при Маврикии.

В этом отношении имеются превосходные известия в летописи Феофана. Еще при жизни Юстиниана, за год до смерти его, случилось раз нападение авар и славян на Фракию, сопровождавшееся свободным движением их далее Анастасиевой стены, которая во многих местах разрушена была землетрясением[7]. Т.к. неприятели напали на незащищенные селения, то сельские жители, забрав свое имущество, искали спасения в Константинополе. По этому случаю писатель сообщает любопытное известие по отношению к этим беглецам. Когда царю донесли об этом, он «приказал зачислить в димы многих из пришлых людей и назначил их на службу к Длинным стенам» [8]. Что касается защиты городских стен, то и эта сторона не была достаточно обеспечена. По

случаю упомянутого выше аварского нападения стены города предоставлены были охране собственно гвардейским отрядам, стоявшим в Константинополе: схолы, протикторы и пехотные полки. Кроме того, в числе защитников упоминаются сенаторы. После Юстиниана нередко повторялись подобные же случаи зачисления гражданского элемента в военную службу. Так, в первые годы Маврикия аварский каган выслал против империи славян, которые дошли до Длинных стен[9]. Очевидно, у правительства не было в распоряжении достаточных военных средств, и оно прибегло к исключительной мере. Гвардейские отряды, назначенные для охраны дворца и служившие гарнизоном в Константинополе, были выведены к Длинным стенам, а охрана городских стен вверена была димотам[10]. На этот раз поступлено было как раз наоборот, чем при Юстиниане. В другой раз, одержав полную победу над стратигом Коментиолом во Фракии, авары навели такой страх на Константинополь, что жители собирались уже перебираться на азиатскую сторону[11]. В этом исключительном случае император стал во главе гвардейского отряда экскувитов и отправился на защиту Длинных стен; город же предоставлен был защите димов [12].

Военная повинность, возлагаемая Маврикием на гражданское сословие города, вызывала против него сильное недовольство, выразившееся в неоднократных заговорах и попытках низложить его. Что касается собственно военных отрядов, нелюбовь их к Маврикию проглядывает во многих случаях. Между прочим, в войске был слух, что царь желал выдать свое войско неприятелю головой ради его неповиновения[13]. Этот слух, по-видимому, нашел себе оправдание в том обстоятельстве, что Маврикий не согласился выдать кагану назначенный им выкуп за 12 тыс. пленников, вследствие чего аварский властитель приказал убить всех находившихся у него в плену . По этому случаю, продолжает писатель, против Маврикия-царя началась сильная ненависть, и стали его осыпать ругательствами, и войско, находившееся во Фракии, перешло на сторону его порицателей. Таким образом, с точки зрения Феофана, нерасположение к царю, постепенно разросшееся в военный заговор, имело своим источником смутный слух, что Маврикий желает выдать войско головой врагам, или то обстоятельство, что он пожалел государственных средств на выкуп пленных. То и другое объяснения не могут быть достаточными уже потому, что интересы войска, собственно, затронуты были только слухами о том, что царь замышляет выдать войско врагам; что же касается пленных, то большинство их состояло, конечно, из сельского населения, забранного в плен при конных наездах аварских на беззащитную страну. Если правда, что Маврикий пожалел денег на выкуп пленных, то из этого скорей можно бы объяснить непопулярность царя в Константинополе, среди населения столицы, а не военный бунт, начавшийся среди Дунайской армии. О ближайших поводах, вызвавших бунт в войске, имеются довольно обстоятельные сведения у Феофана[15]; из них военный бунт становится совершенно объяснимым.

Но почему у Маврикия не оказалось средств защиты в городе, почему против него оказались народ и стоявшие в Константинополе отряды? У писателя Феофилакта Симокатты находим весьма любопытное статистическое показание о той части населения столицы, которая

числилась в димах[16]. Когда уже в городе получены были известия о волнении в военных отрядах, стоявших на Дунае, император старался отвлечь внимание народа часто даваемыми цирковыми представлениями и успокаивал димы объявлениями, что не следует придавать значения бестолковым притязаниям военных людей. Между тем, призвав к себе тогдашних димархов Сергия и Косьму, стоявших во главе двух димов, венетов и прасинов, потребовал у них точных данных о числе записанных у них членов дима. И вот оказалось, что в списке Сергия показано было число дима зеленых 1500 членов, у Косьмы же дим голубых выражен был числом 900. Итак, в большом городе, население которого считалось сотнями тысяч, насчитывалось собственно 2400 членов боевых цирковых партий при значительном гарнизоне из гвардейских частей, которые всегда могли держать в подчинении эту горсть димотов. И тем любопытней замечание писателя, приводящего эти цифры: «Ибо ромэйский народ разделялся на партии двух красок, от них вошли в жизнь величайшие бедствия, с умножением этой неистовой страсти едва не погибла Ромэйская империя». Само собой разумеется, показанные димархами числа далеко не обозначали настоящего положения дела и не могли внушить Маврикию действительной опасности, каковая могла ему угрожать в самом Константинополе, ни дать ему, с другой стороны, идеи о материальной силе, на каковую он мог бы опереться в случае нужды. По всей вероятности, данные димархами показания не соответствовали истине.

Сохранились довольно подробные сведения об обстоятельствах низвержения Маврикия и вступления на престол Фоки. На основании приведенных, немногочисленных, впрочем, данных, далеко нельзя приписывать Маврикию тех чрезвычайных мер, клонившихся к восстановлению древнего авторитета римской императорской власти, о каких говорят английские историки Финлей и Бэри [18]. С некоторым основанием можно утверждать лишь, что общее недовольство Маврикием имело причины в его военных мероприятиях. Не прекращавшаяся война на Балканском полуострове побудила Маврикия сделать распоряжение, чтобы военные части, защищавшие дунайскую границу, расположились на зимние квартиры за Дунаем и добывали себе средства жизни в неприятельской стране. С этого началось движение в войске. Но, по известию Феофана [19], и самое восстание, и передовая роль в движении кентарха Фоки обнаружились несколько раньше, когда он в качестве выборного от войска явился в столицу с жалобой на стратига Коментиола, будто бы замышлявшего военную измену, и довольно резко говорил с императором Т. к Маврикий оставил жалобу без расследования, то это будто бы и было причиной заговора против него. Но дальнейшие известия рисуют положение дела в том смысле, что заговор против Маврикия обнаружился в одно и то же время и в войске, и в населении столицы. Так, царь был предметом оскорблений толпы народа в то время, как он с сыном своим Феодосием совершал религиозную процессию. Народное движение выразилось в такой форме, что царь должен был укрыться во Влахернской церкви. По этому поводу сложилась в Константинополе народная песенка, сохранившаяся у Феофана, которую пели димы вокруг шута, посаженного на осла и изображавшего Маврикия, на которого он похож лицом.

Настойчивость Маврикия, не хотевшего допустить никаких уступок, выразилась, между прочим, и в том, что он оставил начальником Дунайской армии своего брата Петра, очевидно, не имевшего большого авторитета в войске. Он не только не принял энергичных мер против Фоки, когда в лагере его подняли на щит и провозгласили предводителем [20], но сам постыдно бежал в Константинополь. Но и здесь, как мы уже видели, начало выражаться общее недовольство. Маврикий хотел задобрить народ цирковыми представлениями, но и в самом ипподроме раздались шумные жалобы. Чтобы занять недовольную и праздную толпу, царь приказал димархам принять на себя защиту городских стен. Пока бунтующее войско шло из Фракии к Константинополю, Маврикий имел достаточно времени принять меры к собственной защите. Оказалось, что главная опасность для него была не в военном лагере, а дома, в столице. Фока в сущности не был избран императором, и таким не считали его столичные заговорщики. Здесь, в столице, замышляли лишь низвержение Маврикия и возведение на его место или его сына Феодосия, или тестя этого последнего, Германа. Но крайняя нерешительность Маврикия ухудшала положение дел со дня на день. Он посылает на встречу Фоки послов, желая вступить с бунтовщиком в переговоры; он далее начинает преследование своих ближайших родственников, сына и тестя его, с которыми заговорщики начали вести переговоры насчет низвержения старого и избрания нового царя. Общее раздражение дошло до крайней степени, когда Маврикий приказал схватить Германа, искавшего убежища в храме св. Софии. В городе начался открытый бунт, городские димы, на которые Маврикий возложил военную повинность на Длинных стенах, покинули свои стоянки и усилили брожение недовольных в городе. Начались пожары.

Тогда Маврикий, потеряв надежду на сохранение власти, в одежде частного лица и в сопровождении самых близких и преданных людей вышел из Константинополя и морем отправился на азиатскую сторону. Высадившись в Никомидии, отправил сына своего Феодосия к Хосрою просить о помощи или пристанище. Между тем, Фока с верными ему фракийскими воинами подошел к столице и остановился в предместье Евдом. Здесь с ним вступили в сношения остававшиеся в столице сословия и бунтовавшие против Маврикия партии. Войско потребовало, чтобы патриарх и сенат явились в Евдом и признали Фоку в царском достоинстве. Ноября 23 произошла коронация, а чрез два дня Фока держал торжественный въезд в столицу. Хотя Маврикий был уже не опасен для Фоки, но он приказал доставить его в Халкидон, и там на глазах несчастного отца были умерщвлены его дети, а затем и сам он погиб от руки палача. Жестокость Фоки не ограничилась этим; через несколько времени та же участь постигла оставшегося в живых старшего сына Маврикия Феодосия, получившего поручение к персидскому царю Хосрою, и трех его сестер.

Прежде чем переходить к царствованию Фоки, укажем один литературный факт из истории Феофилакта, записанный и отнесенный ко времени Маврикия. Это известие о славянах. Во время похода во Фракию, где-то поблизости Ираклии, на Мраморном море, произошло следующее. Царские телохранители захватили близ лагеря трех мужей славян-

ского происхождения; на них не было ни железной кольчуги, ни вооружения, а имели они при себе только кифары. Царь расспрашивал их, какого они племени, и где имеют местожительство, и по какой причине оказались они в ромэйских местах. Они объяснили: «Мы происходим из племени славянского, а живем у границ Западного океана. Каган (аварский) послал послов в те страны с целью найма военных отрядов и большими дарами благорасполагал к этому наших князей». Они же, приняв дары, отказали вступить с ним в союз, ссылаясь, что их затрудняет дальность пути; что они сами, попавшиеся теперь в плен, посланы к кагану, чтобы дать объяснение по этому поводу, в пути они пробыли 15 месяцев. Каган же, вопреки обычаю, наблюдаемому в посольских делах, издал постановление, которым воспрещалось им возвращение на родину. Т. к. ромэйский народ известен им своим могуществом и гуманностью, то они, улучив благоприятные обстоятельства, отправились во Фракию. Носят с собой кифары потому, что не привыкли обращаться с оружием, да и страна их не знает железа, так что они проводят жизнь в мире и без вражды. Петь в сопровождении лир и трубить на трубах они не умеют. Ибо для кого неизвестно военное дело, для того, утверждали они, по справедливости приятной становится музыка. Царь же, по поводу сказанного, удивляясь этому народу, удостоил гостеприимства самих людей, к нему приведенных, и, выразив удивление к их высокому росту и могучему сложению, послал их в Ираклию[21].

Эта красивая картинка, идеализирующая образ жизни и нравы славян, мало подходит ко всей дошедшей до нас по другим источникам обстановке славянской политической жизни. В высшей степени важно было бы проследить происхождение этого рода сказаний о славянах, которые оказали свое влияние на характеристику древней славянской истории и первых историков чешских XVIII в. и, несомненно, влияли на постановку славянских воззрений у наших славянофилов. На самом деле сообщаемый у Феофилакта факт не может иметь реального значения. Как можно в VI в. путешествовать по Восточной Европе с кифарами или цитрами в руках? Мыслимы ли такие условия общественной жизни, какие нарисованы у Феофилакта? Но ясно, что существовали сказания о блаженных народах, живущих далеко на севере, у мифического Западного океана, которые прилагались к разным неизвестным народам и которые здесь приложены к славянам. К сожалению, подобные сказания остаются еще до сих пор не выясненными со стороны их происхождения и не поставленными в кадр тех народных сказаний, которые составляют продукт фантазии, а не реальной истории. В византийской хронике встречается несколько подобных частью фантастических, частью сентиментальных мотивов, относящихся как к славянской, так и к русской истории! В дальнейшем нам не раз придется нападать на них в своем изложении. По свидетельству всех почти историков, восьмилетнее правление Фоки (602—610) представляет собой самый худший период византийской истории, когда жестокие казни и бесчеловечное избиение всех

подозрительных для Фоки родовитых людей, имевших связи с прежним правительством, составляли, по-видимому, одну из главных задач правительства. Если принять во внимание краткие погодные записи в главном источнике для этой эпохи, в «Пасхальной хронике», и в «Истории» Феофана, нельзя не вынести впечатления, что действительно в лице Фоки самые грубые инстинкты человечества нашли себе выражение. Царствование его, начавшееся истреблением всего мужского поколения Маврикия, продолжалось кровавой расправой со всеми подозрительными лицами.

О настроениях Фоки можно судить по следующему случаю. В пятое лето своего царствования он выдал свою дочь Доменцию за Приска, комита экскувиторов и патрикия Брачное торжество сопровождалось цирковыми зрелищами и народными празднествами, на площадях рядом с изображениями царя повешены были изображения новобрачных. Фоке показалось подозрительным это, и он сделал распоряжение, чтобы димархи Феофан и Памфил были публично казнены, хотя выставление царской семьи рядом с изображением царя было в обычаях времени и не могло заключать в себе ничего преступного. Т. к. в Константинополе скоро поняли, что при Фоке не может быть ни внешней безопасности для империи, ни внутреннего спокойствия, ибо «извне персы злодействовали над ромэями, а внутри еще хуже делал своими убийствами и темничными заключениями Фока», то не было недостатка в выражениях недовольства правительством. Так, сделан был донос на царицу Константину, остававшуюся еще в живых жену Маврикия, будто она находится в тайных сношениях с 1ерманом и будто между ними созрел заговор о возведении на царство сына Маврикия, Феодосия, который случайно избег смерти. Фока подверг пытке бедную Константину, которая оговорила нескольких слуг, вследствие чего преданы были смерти и сама царица Константина с тремя своими дочерями, и множество важных и сановных лиц, имевших связи с прежним правительством.

При таких условиях вновь начавшаяся на Востоке война с персами получила такое неожиданное направление, что неприятели, завладев пограничной крепостью Дарой, без сопротивления прошли Месопотамией и Сирией и сделались господами всей Малой Азии до Халкидона. Точно так же и положение дел на Балканском полуострове было далеко не благоприятно. В 604 г. Фока купил мир у кагана, увеличив ежегодно платимую ему дань, но вся почти Македония была уже во власти славян, и аварское господство утверждалось постепенно во Фракии и Македонии на смену византийского. Помимо военных неудач и неспособности Фоки руководить военными предприятиями, весьма характерны для той эпохи его странные административные распоряжения. Таково отданное им приказание обратить в христианство всех сирийских иудеев, имевшее следствием восстание в Антиохии и распространение недовольства в Сирии и Египте.

Зять Фоки, патрикий Приск, возбудивший против себя подозрение тестя и находившийся в удалении от дел, привел в исполнение хорошо задуманный им план освобождения империи от этого злого и неспособного правителя. Надежды большинства остававшихся в живых греческих патриотов обратились на византийского правителя в Египте Ираклия, носившего титул экзарха. Египетский экзархат, как и равеннский, представляет новую форму управления, введенную в империи в конце VI в.

Не может быть сомнения, что экзархат приближается, до некоторой степени, в особенности по принципу соединения гражданской и военной власти в руках одного лица, поставленного во главе большой области, к характерному для средневековой Византии фемному устройству. Под управлением патрикия Геннадия и его преемника Ираклия, не раз принимавшего участие в персидских войнах в качестве начальника отдельных отрядов, Африка достигла известной степени мира и благоденствия. Экзарх мог располагать значительным флотом и материальными средствами, которые вследствие отдаленности Карфагена от центра не подвергались беспощадным вымогательствам. Сношения Приска с пат-рикием Ираклием имели целью приготовить высадку военного отряда, перевезенного на судах из Африки, и низвержение Фоки с помощью сторонников этого переворота в самом Константинополе.

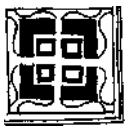
Верность африканского экзарха важна была для императора, между прочим, и потому, что Константинополь зависел от египетского наместника в смысле своевременной доставки в столицу хлеба. Малейшая задержка или неточность в доставке хлеба ставили столицу в весьма затруднительное положение. Первые признаки неверности экзарха обнаружились в 609 г., когда Ираклий не выслал кораблей с хлебом в Константинополь, но за то Фока заключил в монастырь проживавших тогда в столице жену Ираклия Епифанию и невесту сына его Евдокию. Это, по-видимому, ускорило развязку дела, заставив экзарха решиться на смелый шаг. Он посадил отряд пехотинцев на суда и поручил начальство над ними сыну своему Ираклию, которому вскоре предстояло в качестве византийского царя начать новую эру в истории Византии, а кавалерийский отряд направил сухим путем под предводительством своего племянника Никиты.

Принятые экзархом меры обеспечивали за его предприятием успех, потому что Фока продолжал оставаться в бездействии и не заботился о защите столицы. В тот день, когда африканские суда с отрядом, предводимым Ираклием, показались в виду Константинополя (3 окт. 610 г.), сам Фока совершал торжественную процессию в Евдом и мало заботился о том, что происходило в городе. Весьма любопытно, что современный событиям писатель отмечает ту особенность прибывшего под Константинополь флота, что суда были снабжены «круглыми башнями» [22], и что на мачтах вместо знамени висели изображения Богоматери. Дальнейшие события произошли быстро и без особенных замешательств. Фока не имел сторонников, на которых мог бы положиться. Самое близкое к нему лицо был его зять Приск, который находился в сношениях с Ираклием и подготовлял высадку африканского войска. Таким образом, через день по прибытии Ираклия к нему приведен был пленный Фока. «Так-то ты,— сказал ему Ираклий,— управлял империей!» «Попробуй сам править лучше»,— будто бы отвечал ему Фока. Уступая народной ярости, Ираклий предоставил толпе распорядиться с Фокой по ее желанию. Он подвергся самому жестокому поруганию и сожжен на площади Быка*. Октября 5 Ираклий провозглашен императором и коронован на царство патриархом Сергием.

* В Риме сохранился памятник царствования Фоки под именем колонны его имени

ПЕРИОД III
(610 - 716 гг.)
Ираклий и его преемники

Глава I

Общая характеристика. Военные приготовления, Происхождение фемного устройства

С началом VII в. в истории Византии можно наметить не только определенные факты, служащие показателем окончательного разрыва с римскими традициями и идеалами, но, вместе с тем, в характере и настроении государственных деятелей и общества встретить новые черты, принесенные новыми людьми и новыми взглядами. Царствование Ираклия открывает новую эпоху в истории Византии, полагающую границу между старым и вновь народившимся историческим движением. Но представить в надлежащем освещении характер деятельности Ираклия чрезвычайно затрудняет как скудость дошедших до нас сведений об его внутренней деятельности, так и то обстоятельство, что новые элементы государственности, постепенно входящие в жизнь с этого времени, не нашли себе ни надлежащей оценки, ни определенного места в исторических изложениях.

Византия времени Ираклия не походит на империю времени Юстиниана. Необычайное напряжение сил при Юстиниане имело целью воскресить идею Римской империи и связать разнообразные народности, входящие в империю, единством веры и закона; эта мысль была практически осуществлена благодаря необычайной энергии Юстиниана, равно как искусству его оценивать людей и давать им соответствующие их способностям поручения. Но в самой идее всемирной империи не было жизненности, и создание Юстиниана в политическом отношении не было долговечным. Напротив, задача Ираклия была определенная и конкретная, речь шла не о новых завоеваниях, а о средствах к сохранению того, что было можно спасти от разрушения. Предыдущая эпоха военных возмущений, вследствие которых на престоле императоров часто были случайные люди, достигшие высшей власти по капризу судьбы, сопровождалась крайним расстройством экономических средств, падением благосостояния, уменьшением армии и истреблением громадного числа людей, в особенности из достаточных и правящих классов. Есть известие, что Ираклий, делая перепись составу своей армии, нашел, что только двое изо всего наличного числа служили при Фоке, а весь состав принадлежал к новому набору. Это наблюдение приложимо и к другим состояниям. Первое время по своем воцарении Ираклий находится в колебании. Решительных мер правительство не принимает, вступить в решительную борьбу с врагами империи не решается и ведет переговоры о мире и союзе, не имевшие, впрочем, успеха. Только в 622 г., когда Малая Азия, Сирия, Палестина и Египет находились уже под властью Персов, Ираклий выступает с определенной внешней политикой и становится во главе вновь организованного и им самим подготовленного

войска. Итак, для нас остается малопонятым предварительный период подготовки к военной деятельности.

О том, откуда Ираклий взял средства на войну и каким образом приготовил он войско, способное выносить неимоверные тяжести службы в войне с персами, лучшую страничку дает писатель Феофан: «В 622 г., апреля 4, отпраздновав Пасху, в понедельник вечером Ираклий выступил в поход против персов. Находясь в крайней нужде, он позаимствовал денежные средства из церквей и монастырей, из Великой церкви приказал отобрать паникадила и другие церковные сосуды и начеканил из них золотой и мелкой разменной монеты. Для управления делами за своим отсутствием назначил регентство, в которое вошли, кроме его сына, патриарх Сергий и патрикий Вон, муж тонкого ума и умудренный разумом и опытностью. Отправив письмо к кагану аварскому, просил его оказать внимание к Ромэйскому царству, с которым заключил союз дружбы, и назначил его опекуном своего сына. Из столицы Ираклий держал путь морем на местность, называемую Пилы*, откуда пришедши в области, получившие фемное устройство**, собрал войско в лагерь и стал учить его военной службе по новой системе, упражняя его в гимнастике и в военном искусстве. Разделив отряд на две части, приказал делать им между собой примерные бескровные стычки и приучал их к военным крикам, и пэанам, и восклицаниям, и движениям, имея целью, чтобы они, когда наступит военное время, не казались новичками, но смело, как бы в шутку, шли на неприятеля. Нашедши же войско доведенным до состояния большой распущенности и трусливости, упадка дисциплины и порядка и рассеянным по разным местам, он скоро соединил всех воедино» [1]. Писатель еще раз возвращается к описанию военных упражнений на два строя с примерными сражениями при звуках труб и при ударах щитами, из чего можно заключить, что у него в распоряжении был значительный материал для этой стороны деятельности Ираклия. Но в приведенной выдержке самое интересное есть место о фемах,— термин, в первый раз встречающийся в историографии и обозначающий крупную реформу, относящуюся к гражданской и военной администрации. Разделение империи на фемы является при Ираклии уже фактом вполне определившимся и действующим на практике. Очень любопытно и то обстоятельство, что реформы в военной науке, с которыми знакомит нас Феофан, поставлены в соотношение с фемами. Это совершенно правильный взгляд, т. к. устройством фем достигались прежде всего военные цели, и реорганизация армии обусловливалась особенным устройством гражданского населения в тех административно-военных округах, которые назывались фемами. Итак, мы намечаем здесь один из важных момен-

* Вифинский город в заливе Astakos близ Никомидии.

** ἐντεῦθεν δε επί τάς των δεμάτων χώρας άφικόμενος. До какой степени смутны представления о том времени, доказывает латинский перевод этого места. Illinc vero per ceteras regiones sibi subiectas profectus.

тов подготовительной деятельности Ираклия, которой посвящены были первые десять лет его царствования; это военная и гражданская реформа, выразившаяся в устройстве фем. Независимо от того, у Феофана есть намек на ряд других мероприятий, которыми Ираклий пытался обеспечить себе успех в военных предприятиях, составлявших цель его жизни. Таков, между прочим, вопрос о регентстве и в особенности о престолонаследии.

Не только естественное чувство привязанности к родственникам руководило Ираклием в раздаче высших титулов и должностей, но и недостаток в людях, т. к. большинство родовитых и состоятельных лиц было или уничтожено, или ослаблено пытками, конфискациями имуществ, заточениями и убийствами. Так, вокруг трона мы видим родственников Ираклия. Достоинство куропалата пожаловано брату его Феодору, двоюродный брат Никита был главной опорой царства. Только Приск, зять Фоки, остался в милости при Ираклии из посторонних лиц, да и то на короткое время. С особенным вниманием он озаботился устройством судьбы своей семьи. Дочь свою Епифанию, рожденную от первой жены, он назначил августой, точно так же венчал на царство в первые годы по воцарении малолетнего сына своего Константина. Может быть, тем же мотивом укрепления собственной династии объясняется наделавший большого шума брак его с собственной племянницей Мариной, дочерью сестры Марии. Царица Марина оказалась, однако, не на высоте положения. В трудную минуту жизни Ираклия она далеко не поддержала его, как прежде Феодора Юстиниана, а, напротив, по ее внушениям Ираклий принял малодушное решение перенести свою столицу в Карфаген в 618 г., когда обстоятельства сложились в Константинополе в высшей степени неблагоприятно, и только настойчивость патриарха Сергия помешала исполнению этого решения.

При вступлении Ираклия на престол политическое положение империи было отчаянное. Северные провинции империи были наводнены славянами и аварами. Ираклий сразу оценил здесь положение и принял ряд мер, имевших капитальное значение для ближайших столетий на Балканском полуострове. Он прежде всего понял, что империи не следует бесплодно тратить сил на борьбу со славянской иммиграцией; отказавшись от областей, занятых славянами, Ираклий нашел в себе довольно государственной мудрости, чтобы оставить славян в покое до того времени, пока империя не соберется с силами и не сможет начать с ними культурную и политическую борьбу.

Главное внимание обращено было на Восток, где под властью Хосроя II Персидская империя обнаружила громадное напряжение и завоевательную силу, отняв у Византии на протяжении нескольких лет Сирию, Палестину и Египет и нанеся христианской империи неимоверное нравственное поражение тем, что огнепоклонники овладели Животворящим древом креста Христова. В период от 622 по 628 г. Ираклий в несколько походов на Восток достиг таких успехов, что персы отказались от своих завоеваний в Египте, Сирии и Палестине и получили такой удар, от которого никогда не оправились. Среди преемников Юстиниана Ираклий стоит выше всех.

Еще в конце IV в., когда имперская армия была наводнена варварскими отрядами, и когда германо-готы угрожали заполонить самую

столицу, начали подниматься голоса патриотов в пользу национализации войска. «Война для защиты государства,— говорил в своей речи к Аркадию епископ Птолемаиды Синесий,— не может с успехом вестись иностранными войсками. Берите защитников отечества с собственных полей и из подвластных городов, ибо в них вы найдете настоящую охрану того государственного порядка и тех законов, в которых сами они родились и воспитались. Разве не усматривается крайней опасности в том, что те чуждые нам военные люди, которым вверена защита нашей страны, могут захотеть наложить свою власть на безоружное население? Постарайтесь же умножить собственные полки, вместе с этим поднимется и народный дух, который с успехом выдержит борьбу с варварским вторжением» [2].

Перейти от системы найма иностранных отрядов к национальному войску, однако, не удалось византийскому правительству ни в V, ни в VI в. При Юстиниане, когда империя развила до самых крайних пределов свою военную силу, блестящие военные дела выполнены были под предводительством Велисария, Нарсеса и других полководцев не национальным войском, а наемниками из глазных народов, вступавших в особый договор с империей и носивших имя федератов. Почти у каждого предводителя юстиниановского времени была собственная дружина из нанятых на службу иностранцев, которые как личная свита в качестве оруженосцев служили ядром войска. Последний случай найма в военную службу большого иноземного отряда относится к царствованию Тиверия (578—582), составившего особый корпус в 15000 человек, который был им поручен Маврикию, комиту федератов, впоследствии провозглашенному царем.

Сознание неудовлетворительности этой системы и громадная опасность для империи со стороны персов и славян побуждали правительство делать попытки к изменению военной системы. Разрешить этот вопрос удалось, однако, не сразу. На том пути, по которому подготовлялась реформа военного дела, византийское правительство должно было считаться с двумя обстоятельствами: с недостатком населения, в особенности на границах, угрожаемых неприятельскими вторжениями, и с обилием пустопорожних незанятых и необработанных земель. В административном отношении центральному правительству предстояло отказаться от господствовавшей со времени реформ Диоклетиана и Константина системы отделения гражданской и военной власти и усилить свои органы в провинции соединением в одном лице военной команды над местными военными людьми и гражданской власти над населением определенной территории. В этом отношении весьма любопытно проследить подготовительные мероприятия к новой системе, отмеченные еще до времени Ираклия.

Признаки новых взглядов обнаруживаются частью в единичных попытках Юстиниана I реформировать военное дело. К подобному заключению приводит рассмотрение его мероприятий по организации провинции Армении, о которых сообщают историки Малала, Феофан и Кедрин[3]. Сравнивая между собой три версии названных писателей насчет распоряжений Юстиниана в Армении, мы можем себе представлять дело в следующем виде.

В провинции Армении, которая имела особенную важность ради соседства с Персией, Юстиниан сосредоточил военную власть в одном

лице с титулом стратилата. Но как оседлого населения в провинции, I которое участвовало бы в несении военной службы, было мало, ибо армяне «отличались бродяжничеством и непостоянством»[4], то состав военных частей усилен был четырьмя полками, вызванными из Анатолика. Самыми существенными, однако, нужно признать те меры, которыми предусматривалось привлечение к военной службе местных элементов, важность которых определялась знанием путей сообщения в Армении. В военную службу или в военные списки занесены были, кроме того, гражданские чиновники области. Как ни сухо известие о военной организации Армении, из него можно вывести следующие заключения: Юстинианом или, может быть, его преемниками сделана попытка сосредоточения военной власти в одних руках, туземное население привлекалось к отбыванию воинской повинности, гражданская власть частью становилась в подчинение военной, частью отдельные гражданские чины переименовывались в военные. Та же цель усиления провинциальной власти на случай исключительных обстоятельств диктовала византийскому правительству другое мероприятие, которым необычно усиливалась гражданская власть возложением на нее военных полномочий. Эта мера проведена была в Египет усилением власти губернатора Александрии с титулом августалия, которому предоставлена была военная власть «ради многочисленности населения Александрии» с подчинением ему всех военных сил как в городе Александрии, так и в двух Египтах[5].

В самом конце VI в., именно при Маврикии (582—602), отмеченная тенденция в отступление от римской системы распространяется в ином направлении с большей последовательностью, чем в юстини-ановскую эпоху. Именно в двух провинциях, отдаленных от центра и поставленных в исключительное положение вследствие того, что население этих провинций было совершенно чуждо византийской культуре, организованы были наместничества с наименованием экзархатов. Такая административная реформа была произведена в Италии и Африке. По случаю вторжения в Италию лангобардов от империи отошли почти две трети итальянской территории, и оставшиеся по большим городам гарнизоны едва могли держаться под защитой стен. Чтобы усилить и централизовать военную власть в Италии, создан был экзархат со столицей в Равенне в замену прежнего magister militum. По таким же побуждениям и почти в то же время образован экзархат в Африке с центральным управлением в Карфагене. Военные средства, какими располагал Ираклий в 610 г. при походе своем в Константинополь, достаточно объясняют, в какой степени самостоятельна и независима была власть экзарха[6]. Нельзя не признать, что в учреждении экзархата сказалась большая практичность и административная опытность правительства, которое сумело поставить в надлежащие границы гражданскую и военную власть в экзархате, предоставив решающую роль военной власти, но не лишив надлежащей компетенции и гражданские чины. В организации экзархата важно отметить прекрасный опыт создать самостоятельную и самодовлеющую административную единицу, в которой все части находятся в соподчинении и которая исполняет военные и гражданские функции на счет материальных средств, извлекаемых в данной провинции. Прежде чем переходить с указанными наблюдениями ко времени Ираклия, напомним, что первоначальная роль Фоки

в военном лагере на Дунае имела целью, по-видимому, также образование экзархата, если только у Феофана, говорящего об избрании его войском в экзархи, не допущено ошибки[7].

Когда Ираклий в 622 г. предпринял поход в Персию, он остановился на довольно продолжительное время в областях, получивших уже фемное устройство, и производил здесь обучение новобранцев новой системе военного искусства. Здесь в первый раз мы встречаем термин «фема» с совершенно особым техническим значением применительно к гражданской и военной администрации византийского государства. Думают, что фемное устройство начатками своими обязано реформам Юстиниана, и что в организации экзархатов можно находить некоторые элементы того же фемного строя, хотя едва ли можно отстоять это мнение во всех подробностях. Положительных свидетельств писателей по отношению к фемному устройству, столь характерному для Византии, к сожалению, не сохранилось. Когда император Константин Порфирородный (911—947) стал собирать в архивах империи сведения по вопросу о фемном устройстве, он нашел весьма мало точного и достоверного и поэтому ограничился обозначением современного ему административного деления империи на фемы. До какой степени недостаточны были найденные Константином сведения, видно из той неуверенности и крайней осторожности, с которой он предположительно возводит это учреждение к имени Ираклия. Так, о феме Арменіак он выражается следующим образом: «Кажется, можно думать, что она получила таковое наименование при царе Ираклии и в ближайшее за ним время»[8]. Точно так же в предисловии к сочинению о фемах он с большей уверенностью сводит на время Ираклия и его преемников новую систему фемного устройства [9].

Хотя вопрос о фемах с точки зрения их происхождения в самое последнее время был тщательно изучаем профессорами Дилем и Гельцером[10], но в нем остается еще достаточно невыясненных сторон. Исследователи византийского фемного устройства исходили из той мысли, что под фемой разумеется военный отряд—дивизия или корпус, расквартированный на известной территории и состоящий в определенной военной организации и соподчинении частей под командой военачальника с званием стратига. Между тем, при более внимательном изучении источников, нельзя не приходить к заключению, что хотя фема обозначает в тесном смысле корпус или дивизию, но, с другой стороны, этот термин никогда не утрачивал своего первоначального более широкого смысла. Первоначальный смысл фемы обозначает гражданский административный округ, в который входят жители городов и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбывающие разнообразные государственные повинности, в числе коих и военно-податную. Отношение фемы как военного термина к феме — административному округу с его административной, судебной и финансовой системой — оставалось малозатронутым, почему и само исследование фемного устройства теряло значительную долю своего общеисторического интереса. В смысле учреждения, возникшего в VII в. и развившегося при Исаврах, фемное устройство обозначает особенную организацию гражданского населения провинции, приспособленную специально для отбывания военной повинности. Таким образом, раскрыть историю фемного устройства — значит

выяснить меры правительства по отношению к землевладению и к земельному устройству крестьянского населения, т. к. военно-податная система, в конце концов, основывалась на организации военно-податных земельных участков[11].

Не входя здесь в изложение подробностей, ограничимся анализом одного места [из сочинения] Константина Порфирородного, которое вводит в самое существо фемного устройства: «Протоспафарий Феодор Панкрати берет подряд навербовать в анатолийской феме в селении Платаниаты и в ближайших деревнях 500 ратников, способных к стрельбе и годных к конной службе. Если ратники окажутся владеющими полным земельным наделом, то обязываются на собственный счет сделать кавалерийское снаряжение; если же надел их недостаточен, то они имеют право на получение коней с казенных конских подстав или взять их с одиночек — соплателыциков анатолийской фемы»[12]. Это место, в котором есть несколько технических выражений, вскрывает явление, до сих пор остававшееся незамеченным, что существо фемного устройства заключается не в военных отрядах, имевших расположение по городам и селениям, а в самом характере экономического и земельного устроения сельского населения. Итак, названному выше протоспафарию предстояло произвести имущественную перепись в определенной местности и сделать военный набор в 500 ратников. Если бы оказалось, что по своему имущественному положению селение Платаниаты не в состоянии выставить требуемое число новобранцев, то следовало подвергнуть переписи другие селения. Далее, т.к. предстояла задача некоторых ратников зачислить в пехотные, других в кавалерийские полки, то здесь возникали некоторые специальные условия, с которыми нужно было сообразоваться.

Служба в пехоте была дешевле; следовательно, для пехотинца требовалось более скромное имущественное положение; служба же в кавалерии была дороже, и потому в кавалерию назначался тот, у кого земельный надел был больше. Таким образом, если новобранец имел полный надел, соответственный конной службе, то был обязан на собственный счет приготовить кавалерийское снаряжение; в противном случае конь выдавался ему с конской казенной подставы или с одиночек-соплателыциков, под которыми следует разуметь одиночек по семейному положению, отбывающих военную повинность по системе складчины —один ратник с нескольких крестьян.

Главная заслуга византийского правительства заключалась в том, что при введении фемной организации оно поставило военную службу в зависимость от землевладения, чем и обусловливались устойчивость и живучесть фемного устройства. Служба положена с земли, и обыватель служил в таком отделе войска, какому соответствовал земельный участок, находившийся в его пользовании. Соответственно тому были участки для пехотной службы, для кавалерийской и морской. Таковы основные черты фемного устройства, которое своими начатками относится ко времени Ираклия.

Судить о том, в какой местности прежде всего применено было фемное устройство, мы лишены возможности. Несомненно одно, что в 622 г., при выступлении в первый персидский поход, Ираклий от Никомидии направился в области с фемным устройством и здесь производил обучение новобранцев. Впоследствии здесь была фема Опсикий, служившая охраной столицы и прилегающих местностей, и потому можно бы с некоторым основанием первые распоряжения по отношению к фемной организации приписывать ближайшей к столице области на азиатской стороне. Но впоследствии при ближайших преемниках Ираклия особенное значение приобрела фема Анатолика. Об организации и происхождении этой фемы сохранились притом более пространные сведения. Уже при Маврикии здесь находим первые мероприятия к усилению военной власти. Стратигу Анатолики, в каковом звании видим Филиппика, женатого на сестре Маврикия Гордии, подчинены были провинции Азия и Лидия и части Карий, Фригии, Ликаонии, Писидии, Каппадокии и Исаврии. Это была самая главная фема, и ее стратиг в чине патрикия занимал одно из высших мест по табели о рангах.. Подчиненный ему военный корпус, по приблизительному расчету в 10 тыс. человек, часто играл роль в политических судьбах Константинополя.

Другая фема, образовавшаяся также еще до Ираклия, это фема Арменiак. Военная организация этих фем постепенно выросла в VII в. под давлением обстоятельств, т. к. Анатолика и Арменiак находились на постоянном военном положении вследствие возрастания могущества арабов и набегов их на Византию. Что касается европейских провинций, здесь прежде всего организовалась в фему Фракия, в которую вошли диоклетиановские провинции: Европа, Родоп, Фракия, Эмимонт, Скифия и Мизия. Хотя при Ираклии на Балканском полуострове произошли большие перемены вследствие ослабления аваров и установления мирных отношений со славянами, которым были уступлены на известных условиях занятые ими области, тем не менее, стратиг фемы Фракии с подчиненными ему военными силами имел громадное значение, потому что на место аваров в VII в. начинает расти на Балканском полуострове сила и влияние болгарского хана. При полном развитии фемного устройства в империи насчитывалось 26 военных округов с одинаковым устройством.

Глава II

Завершение славянской иммиграции. Легенда о поселениях хорватов-сербов. Само. Общая схема древней истории славян

Как мы видели в одной из предыдущих глав, к царствованию Ираклия следует относить завершение иммиграции славян в империю, окончательное утверждение их на Балканском полуострове и первоначальные формы политической и гражданской организации их как в пределах Византийской империи, так и в ближайшем с ней соседстве. Самым выразительным свидетельством к характеристике политического положения дел в первой половине VII в. служит известие Исидора Севиль-ского от 615 г.: «Славяне отняли у римлян Грецию, а персы — Сирию, Египет и многие другие области». В частности, что касается Балканского полуострова, здесь совершился ряд событий первостепенной важности, которыми на долгое время обусловлен был ход славянской истории и которые имеют настолько важное значение для истории Византии, что необходимо требуют себе видного места в изложении событий описываемой эпохи.

Оценивая главные источники для первоначальной истории славян, следует приходить к выводу, что известия Прокопия, Маврикия и автора сказаний о чудесах св. Димитрия не могут относиться к одному и тому же племени, т. е. что анты и славяне древних источников имели между собой существенное различие не только по месту жительства, но и по чертам быта. Весьма вероятно, что черты славян в описании Маврикия, указывающие на привычку жить в лесах и болотах, относятся к тем славянам, которые жили на северо-востоке; к ним же следует отнести и сентиментальное описание трех гусляров, приведенных в стан Маврикия, и того народа, из которого они происходили. Здесь, конечно, мы имеем перед собой отголоски легенды и следы преданий, принесенных в Константинополь служилыми людьми славянского происхождения, поступившими на службу или к византийским военным людям, или к правительству в качестве наемной дружины, или федератов. Это рассказы об отдаленных славянах, с которыми Византия едва ли приходила в непосредственные сношения. Независимо от подобных легенд, которые потом найдут себе место в сочинении Константина Порфирородного, византийская историография сохранила сведения, хотя и не так подробные и проверенные критикой, как бы то было желательно в настоящее время, но достаточно реальные и относящиеся именно к тем славянским племенам, с которыми византийскому правительству чаще всего приходилось иметь дело на Балканском полуострове. Наиболее удовлетворительными остаются наши сведения о тех племенах, которые образовали болгарский народ. Постановлен-

ный и географическими, и историческими условиями в такое положение, которое влекло его к югу и северо-востоку, болгарский народ естественно подчинился культурному влиянию Византии и с помощью завоевательного тюркского элемента развил в себе те начала, каких недоставало славянам: военное сословие, центральную власть хана и национальную Церковь.

Выше мы привели сказание о Кувере, которому следует приписывать большое значение. Но кто был Кувер и в каких событиях принимал он участие? Т. к. в сказании подразумевается первый удар, нанесенный аварскому могуществу славянами, то без колебания можно признать, что здесь идет речь о времени Ираклия и ближайшим образом о событиях, последовавших за осадой Константинополя в 626 г. Затем, хотя автор имеет смутное представление о последовательности событий и о центре, из которого исходило антиаварское движение, тем не менее, он стоит на почве вполне реальных отношений, которые выясняются из других источников.

В истории патриарха Никифора (IX в.) находим следующее известие о тех же событиях: «В то же время поднял восстание против аварского кагана Куврат, двоюродный брат Орхана, властителя уногун-дуров, и, стеснив его народ, изгнал из своей страны. Он послал посольство к Ираклию и заключил с ним мир, который соблюдаем был с той и другой стороны до конца их жизни. Император послал ему дары и почтил достоинством патрикия»[1].

Отметим здесь три факта: 1) Куврат поднял восстание против кагана; 2) был в союзе с Ираклием; 3) получил от империи достоинство патрикия. Что касается странного термина уногундуры, то несколько ниже у того же автора находим объяснение, что здесь разумеются болгаре[2]. Следует думать, что Кувер сказаний о чудесах св. Димитрия и Куврат или Коврат патриарха Никифора есть одно и то же лицо, потому что роль, им приписываемая, вполне совпадает и по существу дела, и в хронологическом отношении. Некоторый свет на те же отношения и на то же лицо бросает новый памятник, именно хроника Иоанна, епископа Никну (в Нижнем Египте), жившего в VII в. и пользовавшегося так же, как и автор занимающего нас сказания, утраченными для нас материалами[3]. Говоря о событиях, последовавших за смертью Ираклия, именно о внутренних смутах, вызванных вопросом о престолонаследии, епископ Иоанн вводит в изложение этих событий и Куврата, т. к. было мнение, что этот последний поддерживал партию вдовы Ираклия: «Куврат, князь гуннов и племянник Орхана, в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства и вырос в царском дворце. Он был соединен тесной дружбой с Ираклием I и после его смерти, как осыпанный его милостями, оказывал признательную преданность его детям и его супруге Мартине. В силу святого и животворящего крещения, им полученного, он побеждал всех варваров и язычников. Говорили, что он поддерживал права детей Ираклия и был против Константина. Вследствие этих слухов византийское войско и народ подняли восстание» [4].

Не приписывая особенного значения месту у писателя Феофана, где поминается это имя[5], т. к. здесь источником служил патриарх Никифор, мы должны прийти к заключению, что сообщаемые ано-

нимным писателем о чудесах св. Димитрия сведения отличаются большей подробностью и именно в таких существенных сторонах деятельности Кувера, которые не затронуты ни у греческого, ни у эфиопского историка, хотя, с другой стороны, у этих последних есть факты, оставшиеся неизвестными или почему-либо спутанными у первого.

В смысле характеристики деятельности Кувера в нашем сказании есть достаточно яркий материал, но, как сказано выше, лишенный хронологической почвы и систематичности. Автор несколько раз указывает на то, что князья окружавших Солунь славянских племен приняли греческую культуру, усвоили себе греческую одежду и язык: таков был князь ринхинов Первунд[6], таков Мавр, лицо, приближенное к Куверу и обладавшее знанием как греческого, так славянского и болгарского языков [7], но не сообщает ничего подобного о Кувере, хотя этот последний еще больше был проникнут греческим образованием, чем первые. Есть лишь одна сторона, на которой сближается наш автор с епископом Иоанном из Никиу, именно оба они одинаково объясняют успехи Кувера в борьбе с соседями тем, что в пользу их были христианская вера и святое крещение.

Переходим снова к сказанию о чудесах. Наиболее оригинальным и совсем не затронутым другими источниками известием следует признать то, что после одержанных над аварами побед Кувер со своим народом перешел Дунай и завладел Керамисиевым станом в греческой стране, откуда начал угрожать разным городам империи, между прочим Солуни и царственному городу Константинополю. Как объяснить этот любопытный факт? И прежде всего что разуметь под топографическим термином Керамисиев лагерь?

Прежде всего нельзя не отметить то наблюдение, что у писателя неодинаково пишется этот термин, что дает основание предполагать, что он и для самого писателя был не столь обычным, т. е. что это не греческий, а иностранный и, может быть, болгарский термин. Что место военного расположения, стоянка или лагерь древних болгар, имело название κάμπος на официальном языке, это прекрасно засвидетельствовано надписью Омортага[8], где так названо расположение болгарского стана в Плиске со столицей хана и его двором: εις της Πλσκας τον κάμπον μένοντα. Как до сих пор не может быть разъяснено, какому языку принадлежит слово Πλσκα или Плиска, так и по отношению к термину Κεραμήσιος нам не следует крепко держаться за латинский и греческий язык, для которого термин вполне чужд. Предположение, что выражение «Керамисиев стан» должно быть объясняемо не из греческого языка, может находить себе некоторое подтверждение и в том, что керамисианами наш автор называет спутников Кувера, поселенных в захваченном им месте по переходе через Дунай, и что этот термин иногда употребляется в связи со славянами. Нельзя также не привести здесь себе на память имя болгарского хана Кормесия, жившего в начале VIII в.[9] Признаемся, мы даем лишь соображения и делаем догадки к объяснению довольно необычного термина. В дальнейших выводах мы склоняемся к тому заключению, что Кувер поселился со своими спутниками поблизости от Дуная и имел целью своих замыслов Восточную Болгарию, как это весьма определенно указано

и в легенде. Теперь, что касается того пункта, который первоначально захватили болгаре, то здесь, не рискуя делать новые топографические расследования, мы можем идти по следам изучивших древнюю историю болгар по переселении их за Дунай. В этом отношении следует указать на так называемый Аспарухов Угол, Переяславец на Дунае и Николицельское укрепление.

Вышеизложенными данными не ограничиваются сведения о Кувере, находимые у нашего автора. Т.к. он пользовался утраченными в настоящее время источниками, то нельзя не придавать большого значения и дальнейшим его известиям. Основная мысль его состоит в том, что поселенцы Керамисиева стана стали посягать на Солунь, Константинополь и города Фракии, и что исполнителем этих замыслов они избрали именно Кувера, назначив его своим князем и каганом. В дальнейшем излагаются сношения Кувера с императором, имевшие результатом два важных для болгар условия: а) раз решение оставаться в занятой земле и б) право собирать дань с дреговичей.

Все это весьма правдоподобно и не встречает никаких опровержений в вышеуказанных других памятниках, согласно которым Кувер находился в весьма дружественных отношениях с Ираклием и получил от него сан патрикия. Наш автор дополняет лишь сведения о Кувере указанием на самый капитальный факт, из которого выросло могущество болгар, именно на постепенное порабощение славянских племен, раньше здесь поселившихся. Где собственно сидели дреговичи, этого нельзя определить из слов нашего памятника, ибо выражение «не так далеко» еще не может быть доказательным. Но нельзя не придавать цены тому сообщению, что болгаре, ходя за данью к славянам, расспрашивали их о Солуни и узнали, что она находится не так далеко, и многие из лиц ромэйского происхождения начали переходить с женами и детьми в Солунь, а отсюда епархом города препровождаемы были в Константинополь. Здесь снова автор обращается к Куверу, которому не могли нравиться перелеты из его лагеря в Солунь и который принял вместе со своими советниками следующее коварное решение. «Оказалось важным подыскать среди приближенных к Куверу архонтов такого, который, отличаясь и в прочем превосходством и искусством, имел бы знание ромэйского, славянского и болгарского языка и изощрен был во всякой демонической хитрости. Он должен притвориться повстанцем и, подобно прочим, искать прибежища в богоспасаемом городе, притворно выдав себя за верного слугу нашего царя, и ввести с собой к нам много своих приверженцев и затем взять город, возбудив в нем внутреннюю войну. Все это предполагалось сделать с той целью, чтобы облегчить для названного Кувера способ завладеть городом вместе со своими приближенными и прочими архонтами и, утвердившись в нем, вооружиться против окрестных племен, подчинить их своей власти, идти войной на острова и на Азию, и на самого царя».

Указанная писателем махинация, так хорошо придуманная, была возложена к исполнению на некоего Мавра, который в точности исполнил все поручение и обманул доверие как архонтов города, так и самого императора. Последний пожаловал ему почетное звание ипата и назна-

чил стратигом всех тех пришлых людей, которые убежали из стана Кувера*.

Таким образом, с передачей части военной власти наиболее опасному для спокойствия города лицу, которое было притом орудием Кувера, для осуществления плана болгар открылась полная возможность. Вновь назначенный стратиг избрал из своих единомышленников кентархов, пентиконтархов и декархов**, и его оплиты держали в городе стражу днем и ночью, получая содержание от казны. Предполагалось воспользоваться великим днем Страстной субботы, когда все население будет в церквах, чтобы поджечь город и, пользуясь наступившей смутой, захватить его. Прибытие греческого флота к городу расстроило замыслы предводителя болгар, и сам Мавр впал в тяжкую болезнь.

Наконец, вследствие приказания императора Сисинний посадил на корабли часть упоминаемых керамисианцев, а сам Мавр с перебежчиками представился императору и был назначен им князем[10].

В приведенном сказании о Кувере есть еще одна черта, вскрывающая обычный прием Византии по отношению как к славянам, так и к другим варварам. Какая цель была прибытия Сисинния с флотом? По всему видно, что прибытие морских судов в Солунь не стояло в связи с замыслами Кувера и Мавра, а имело другое значение. Флот имел целью содействовать переходу болгар и славян из Керамисиева стана в Солунь, а отсюда в Константинополь. И когда выяснилось число охотников, желавших перейти к византийцам из Константинополя, то были отправлены транспортные суда в Солунь с целью посадить на них славян. Из дальнейшего видим, что правительство назначило им своего князя и предоставило им земли для поселения. Таким образом, мы должны принять, что в Солуни происходила систематическая вербовка охотников колонизовать свободные земли. Органами и посредниками в сношениях между правительством и варварами были принявшие греческую культуру старшины, из которых назначались и устроители колоний. Ниже мы будем иметь случай видеть, что преемники Ираклия в обширных размерах применяли намеченный здесь способ порабощать варваров и пользоваться ими как для заселения свободных земель, так и для усиления военных сил государства. Рядом с развитием фемного устройства усиленно шла колонизация европейских и азиатских областей новыми народами.

Доселе мы обращали внимание исключительно на северо-восток и юг Балканского полуострова. До времени Ираклия в область наблюдения тогдашней летописи вступают лишь те славянские племена, которых поселения и воинственные набеги простираются на запад по Дунаю до впадения в него Тиссы. Сингидун, ныне Белград, есть крайний предел

* Место имеет значение с точки зрения византийских древностей и представляет собой доказательства тому, что у автора были под руками официальные акты: о πέντων ευεργέτης — λόγον εγγραφον στέλλει τούτοις προς τιμήν πέμψας ωρατίονα υπάτου τω αΰτω Μαύρω και βάντον φιλοτιμίας ^άριν, κελεύσας πάντας τους εκ των του λεχθέντος Κούβερ Κερμησιάνους άποφύγους υπ' αυτόν τον Μαϋρον γενέσ&αι... καϊ αυτός τούτων ό στρατηγός ύπή ρχεν.

** Начальники над 100, 50 и 10.

распространения сведении о славянах в доступных нам источниках Фракия и Македония, Фессалия и Греция и некоторые острова стали доступны славянской иммиграции. Подразумеваемая часть славян в культурном отношении стала в тесную зависимость от Византии и с большей или меньшей готовностью в лице своих племенных старшин начала служить политическим интересам византийского государства. Элементы образования государственности и общественная организация исходили, однако, не от Византии, но от тюркского племени, пришедшего из-за Дуная и подчинившего себе часть славян, занимавших северовосточную половину Балканского полуострова

Что касается западной части полуострова, то происходившее здесь передвижение народностей остается в высшей степени малоизвестным. Вообще о славянах за пределами сферы влияния Византии или почти нет известий, или передаются легенды и сентиментальные повествования, не имеющие исторического значения. Самым живым фактом по отношению к западной части полуострова нужно признать вырвавшийся у знаменитого папы Григория Великого вопль в письме к епископу Салоны Максиму от 600 г.: «Славянский народ смущает меня и огорчает: огорчаюсь, ибо соболезную вам, смущаюсь, ибо славяне из Иллирии стали уже проникать в Италию[11], но не советую вам впадать в отчаяние, ибо тем, кто будет жить после нас, суждено увидеть еще худшее».

Движение славян на запад Балканского полуострова к Адриатическому морю закончилось тем, что к началу VII в. вся Далмация, за исключением приморских городов с римским населением, оказалась во власти славян. О начале этого движения, шедшего по всей вероятности вместе с аварскими вторжениями, очень сухие известия сохранились у латинских и восточных писателей, которыми, однако, утверждается тот факт, что рассказ Константина Порфирородного о движении сербов и хорватов в Далмацию в последние годы Ираклия носит на себе легендарный характер [12]. Ибо не подлежит сомнению, что славяне уже в III в. были на Драве и Саве, и что в VI в. начали те же славяне проникать и в Далмацию, а к началу VII в. угрожали уже Италии [13].

История расселения славян по побережью Далмации, конечно, предполагает уже господство их на Саве и Тиссе и должна быть рассматриваема как последняя волна движения их на запад по материку. С этим вопросом стоит в связи весьма крупный и доселе еще не разъясненный историко-литературный факт, которого нельзя здесь не коснуться. Это известие Константина Порфирородного о переселении сербов и хорватов в земли, ныне обитаемые этими народами. С упомянутым известием в тесной связи находится также вопрос о происхождении Югославянскои ветви славянского племени.

Четыре главы сочинения Константина об управлении империей (гл. 29, 30, 31, 32)[14] составляют до сих пор не разрешенную еще загадку в историографии. Содержание этих глав, кратко говоря, в следующем. В первой, между прочим, идет речь о взятии Салоны, важного города Далмации, варварами, которых автор называет славянами и аварами[15]. Захватив Салону, эти варвары утвердились затем в Далмации, прогнав из нее старое римское или романизованное население. Факт завоевания Салоны Константин ставит в хронологическую связь с переселением сербов и хорватов на Балканский полуостров в царствование Ираклия.

Т. к. авары с половины VI в. действительно господствовали на Дунае и Тиссе, владели Паннонией и имели в подчинении некоторые славянские племена, то в общем известие Константина, как имеющее внешнюю вероятность, считалось основным источником для ранней истории сербов и хорватов. Можно бы задуматься разве над тем обстоятельством, что такой основательный ученый, как император Константин, имевший в своем распоряжении государственный архив и многообразные способы осведомления, позволил себе допустить смешение этнографических терминов и безразлично употребить слова «аваре» и «славяне». Но, не останавливаясь на этом, выделим из 29 главы самое существенное в смысле общего исторического факта: Далмация захвачена в царствование Ираклия теми хорватами, которые переселились из ранее занимаемой ими страны, называемой Белохорватия.

В следующих двух главах снова повторено повествование о захвате Салоны теми же варварами, затем помещен рассказ о хорватах. От хорватов, обитавших за Баварией, отделился один род и пришел с народом своим в Далмацию, которую освободил из-под власти аваров и подчинил себе. В довольно несвязном и спутанном повествовании настойчиво проведена мысль, что хорваты заняли бывшую под властью аваров землю с ведома и согласия императора Ираклия.

В 32 главе идет речь о движении сербов из страны, называемой Белосербия; точно так же, как и хорваты, эти последние, также с согласия царя Ираклия, получили для обитания свободные земли, занимаемые ими до настоящего времени: Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину. В частности следует заметить, что по воззрению Константина сербы и хорваты были два пограничных племени, занимавшие большое пространство за Дунаем и Карпатами, нынешнюю Чехию, Моравию и Галицию. Белохорваты составляли восточную ветвь, белосербы — западную.

Сообщение Константина, определяющее как географические пределы распространения хорватов и сербов, так и хронологию заселения ими той территории на Балканском полуострове, которая доныне носит их имя, составляет единственный источник, из которого можно отправляться в этом основном вопросе сербохорватской археологии. В оценке этого сообщения образовались в науке два направления, из коих одно поддерживает Константина, другое смотрит на его известие как на легенду, составленную для объяснения реального факта, происхождение которого в X в. было забыто. Именно, в X в. географически и этнографически образовалось отдельное политическое тело с именем хорватов, которые на севере распространялись до Истрии, на востоке — до течения р. Вербас, на юге — до Антивари. Это вообще была приморская страна, которая в X в. имела уже за собой блестящую эпоху, т. к. Константин говорит, что Хорватия выставляет 60 тыс. конницы и 100 тыс. пехоты и владеет значительным флотом.

Чтобы до некоторой степени осмыслить первичные стадии истории славян на Балканском полуострове, необходимо отрешиться от приведенных в известии Константина дат и исторических сближений и ограничиться скудными заметками, восходящими к более раннему времени. Это тем более необходимо, что в связи с легендой о переселении хорватов и сербов при Ираклии получается неверное освещение и других фактов славянской истории.

Выше мы видели, что занятие славянами Далмации нужно относить к половине VI в., и что тот громадный этнографический переворот, который происходил в течение VI в. на Балканском полуострове, не мог не сопровождаться постепенным занятием славянами Паннонии и нынешней Сербии, Боснии и Далмации[16]. В удостоверение этого приводятся и филологические данные, выдвинутые, главным образом, профессором Ягичем[17]. В VII в., по его мнению, не было еще этнографического и филологического разграничения в сербо-хорватской ветви славян, и, следовательно, не может быть речи о том передвижении с севера, о котором говорится у Константина. Остается лишь невыясненным, при отрицательном отношении к известию Константина, то обстоятельство, что мысль о первичном разделении славян на две ветви, т. е. на славян и антов, засвидетельствована как древними, независимыми от Константина, источниками (Прокопий и Иорнанд), так и персидскими, происходящими также из более раннего времени, чем известия Константина [18].

Из предыдущего можно сделать только отрицательный вывод. Вошедшие в сочинение Константина известия о передвижении славян с севера и занятии ими Далмации в VII в. с согласия императора Ираклия не оправдываются ни ходом событий, ни другими источниками и — что всего важней — не объясняют югославянской истории. В VII в. в истории славян обнаруживается действительно жизненное явление: славянами сделан был первый шаг на пути образования государственного союза. И весьма любопытно то обстоятельство, что Константин не нашел в доступных ему материалах никаких следов этого движения. Имеем в виду образование княжеской власти у славян и стремление к основанию независимых княжений. Один и тот же факт намечен в двух направлениях, но в том и другом случае основным мотивом к возвышению военной или княжеской власти является освободительная борьба против аварского господства. Прежде всего разумеем житье Димитрия Солунского, где читается рассказ о Кувере, которого аварский каган назначил князем над подчиненными ему славянами и болгарами[19]. Кувер поднял свой народ против аварского хана, нанес ему несколько поражений и утвердил свое княжение на юг от Дуная, угрожая исконным греческим городам: Константинополю, Солуни и др. По связи с историей Кувера в том же источнике находим указание на способ колонизации славянами византийских областей, с предоставлением им права внутренней племенной организации под управлением своего князя. Таким образом, к VII в. обнаруживаются начатки той организации, из которой должны были возникнуть славянские племенные союзы или отдельные государства. Почему эти попытки VII в. не увенчались успехом и не сопровождались естественным процессом образования государств, это остается еще далеко не выясненным.

Между тем, в тот же период и для той же цели освободительного движения против аварского порабощения образуется, по-видимому, другое зерно. Это княжение Само. О княжестве Само сохранились известия только в латинских источниках [20], между тем как византийская летопись совсем не знает об этом имени. Притом же оба названные источника не могут считаться хорошо осведомленными о славянских событиях; по одному — центр господства Само был в Чехии и Моравии, по друго-

му — в Хорватии, вследствие чего доселе неясно, где было зерно, и куда простирались границы этой первой славянской государственной организации. Не может быть сомнения лишь в том, что Само объединил славян под своей властью и начал борьбу с аварами в царствование Ираклия, т. е. приблизительно около 623 г. Но деятельность Само в границах Византийской империи осталась совершенно не отмеченной византийской летописью, а случайно захвачена Фредегаром потому, что король франкский Дагоберт должен был, расширяя свои владения на Восток, столкнуться со славянами.

Но известия Фредегара о княжении Само не выше по своему достоинству сообщений Константина. Касающиеся Само главы Фредегара слишком ясно выдают свой легендарный характер и не могут быть рассматриваемы как надежный материал ни по существу реального их содержания, ни по хронологическим приурочениям. Таким образом, останавливаясь на предположении, что в руках составителя относящихся до истории славян глав хроники Фредегара было сказание о славянском князе, который вел успешную борьбу с аварами и германцами[21], мы не находим возможным вводить рассказ Фредегара в свое изложение, как не могли воспользоваться и рассказом Константина.

Нужно прийти к заключению, что оба наши источника основываются в изложении истории героического периода славянской истории VII в. на сказаниях, до нас не дошедших. Следы этих сказаний мы видим и в летописи, и у Константина Порфирородного. Сюда относится и сентиментальный рассказ о трех славянских гуслярах, приведенных в стан императора Маврикия, и наивное повествование об обитаемой этими славянами стране, в которой нет железа и где не употребляют оружия. Сюда же можно причислить ответ князя Лавриты на предъявленное к нему аварами требование подчинения и дани: «Есть ли кто под солнцем, кто мог бы сокрушить наше могущество; мы привыкли господствовать, а не повиноваться чужим властителям». Таким же характером легенды или народного сказания отличаются многие места в повествовании Константина (гл. 29, 30) и Маврикия. Нет сомнения, что и некоторая часть сказания о Кувере, нашедшая себе место в чудесах св. Димитрия, также почерпнута из народных сказаний. Таким образом, весь материал, который относится к освободительному движению славян от аварской власти, носит несколько легендарный и сентиментальный характер, каким могли быть окрашены предания княжеских дружин, которым не суждено было, однако, достаточно развиться вследствие роковых для славян событий VII—VIII вв.

Не отрицая за княжеством Само важного значения в смысле утверждения славянского элемента на западных окраинах и продолжительного успешного соперничества с германским преобладанием, историк все же не может уклониться от постановки самого естественного в данном положении вопроса о том, что же в сущности представляли собой отмеченные источниками VII в. попытки образования у славян княжеской власти и начатки государственного их объединения? Здесь необходимо коснуться вопроса о культурном состоянии славян в период столкновения их с греками византийскими на юге и с итальянцами и германцами на юго-западе.

Много было говорено об историческом возрасте славян сравнительно с германцами, причем главным образом принималась

в соображение хронологическая разница образования государственности у германцев и славян, т. е. целый период в 300 лет, если считаться с германскими государствами V—VI вв. и славянскими IX в. Нельзя не признать некоторой доли искусственности и произвольности в этом сравнении дать образования государств. Нужно бы доказывать, с целью оправдать разность возрастов, недопустимое положение, что славяне в V и VI вв. являются в истории на весьма низкой ступени культурного развития. Но на этом нельзя настаивать, т. к. все данные говорят за то, что славяне были уже в оседлом быту и занимались земледелием. По отношению к внутреннему быту факты языка указывают на семейно-родовой быт как на исконную форму жизни славян. Те из древних писателей, которые имели случай лично ознакомиться со славянами, отметили характерные особенности их жизни: «Все эти народы, славяне и анты, не повинуются одному повелителю, но из древности живут в димократии, поэтому у них общественные дела всегда обсуждаются на сеймах (вечах)». То же замечание несколько позднее сделано Маврикием: «Не признавая над собой чужой власти, они не находятся в согласии и друг с другом; всякий может высказывать противоречивое другим мнение; что положат одни, на то не соглашаются другие, никто не хочет уступить. Так как у них много старшин, не ладящих друг с другом, не бесполезно привлекать некоторых из них на свою сторону увещеваниями или подарками, дабы возбудить между ними распрю и препятствовать соединению их под одним вождем».

Такой быт, конечно, должен составлять большое препятствие для образования значительных племенных союзов и государственной организации. Что славяне, делавшие нападения на империю и занявшие Балканский полуостров и частью Грецию, были именно в таком семейном и общественном быту, какой отмечен приведенными выше свидетельствами, это подтверждается всей их бойкой, цветистой, многообещавшей, но оказавшейся пустоцветом, а потому и бесплодной до IX в. историей. В методологическом отношении против бедности красок и скудости источников наука располагает теперь сравнительно-историческим методом, посредством коего достигается восстановление общего типа развития народов. Можно понять, что при таком направлении изучения славянской истории открытия в истории одного народа обогащают фактами историю родственных народов, т. к. оказывается весьма естественным, что черты жизни, утратившиеся или оставшиеся незаписанными для одного племени, во всей живости хранятся иногда у другого. Так, при помощи тщательного анализа фактов средневековой западной и восточноевропейской истории получилось наблюдение, что при всех сходствах в развитии общих явлений между Востоком и Западом замечаются и характерные отличия. В этом отношении прежде всего нужно указать, что древний период славянской истории на Балканском полуострове, изучаемый на основании известий, почерпнутых из наблюдений над западными окраинами Византийской империи, не может быть отделяем от своего естественного географического театра и потому должен удерживать наименование византийского периода. Здесь речь идет не о пустом звуке, не об имени, в котором в сущности мало

привлекательности, а о самом содержании периода, которому усвояем данное наименование. Как в основе первоначальной истории западноевропейских народов, основавшихся в разное время на жительство в пределах Римской империи, заложены разнообразные влияния, исходившие от Рима, которые в совокупности принято называть романизацией, так и основные черты древней славянской истории в пределах Восточной империи должны были развиваться под воздействием влияний, исходивших из Царяграда, которые подразумеваются под именем византинизма.

Правда, византийское влияние выразилось далеко иначе и в другом порядке, чем романское. Славянские племена не стерли византийского государства, не уничтожили империи, как это сделали западные народы с Римом, и вместо периода образования государственности на развалинах империи ограничились в течение 300-летнего периода попытками слияния с империей, и этот процесс сопровождался весьма вредными последствиями в особенности для тех племен, которые наиболее проникли на юг Балканского полуострова. С точки зрения хронологии фактам германо-романской истории, т. е. образованию государства Меровингов, или лангобардов, на восточной половине Европы следовало бы противопоставить события славянской истории, стоящие в связи с занятием Балканского полуострова, с осадой Солуни, с освободительным движением под властью Кувера и Само. Но этим противоположением так умаляется реальное содержание славянской истории, что для спасения его была необходима или теория несоответствия исторических возрастов славян и германцев, или сентиментальная теория о мирных наклонностях славянского племени. По отношению к германской истории периода образования государственности, ограничиваясь наиболее жизненными и важными в культурном отношении фактами, в которых выражаются органическое развитие и смена идей и направлений, можно выделить некоторые основные элементы или первичные стадии, составляющие существенное содержание жизни исторических народов. Таковыми должны быть признаны: исконные особенности германского быта, отмеченные, между прочим, Тацитом; изменения в германском быту под воздействием римского права (романизация); влияние христианства и связанных с ним учреждений. Под влиянием указанных взаимодействующих сил складываются обширные политические группы и вырастает королевская власть, причем римское духовенство служит проводником римского права и романских учреждений во вновь возникших королевствах. Германская дружина — советники и соратники короля — обусловливает социальный, административный и экономический строй государств.

Перенося эти наблюдения на славян VI—VII вв., мы должны приходить к следующим выводам. Хотя славяне не церемонились с Восточной империей, хотя их действия на окраинах империи, нападения на города и колонизация свободных мест должны бы сопровождаться тем же результатом, сознательно подготовляемым и неоднократно выраженным их вождями, что и нападения германцев на Западную империю, но этот желанный результат оказался неосуществимым. Славяне оказались слабыми в борьбе, не уничтожили Восточной империи и не заменили императора кем-либо из своих жупанов, но значительной частью вошли в состав империи, придав новые черты византинизму и сами испытав

разнообразные его влияния. Ясно, что при значительных сходствах внешней обстановки славянская история пошла не тем путем развития, что западная, вследствие некоторых особенных условий, которые или укрылись от внимания исследователей, или находятся в зависимости от расовых особенностей славянского племени. Не нужно забывать, что первые опыты объединения нескольких славянских колен под одной властью осуществились, по-видимому, далеко за чертой непосредственного влияния Византии, в то время как ближайшие племена долго остаются в первичной стадии жупного устройства, наблюдаемого одинаково и у тех колен, которые поселились в областях империи и приняли подданство императора.

Византии не представлялось выгодным способствовать образованию крупных центров среди славянства; напротив, самые элементарные соображения выгоды склоняли византийских государственных людей к тому, чтобы поселить рознь и вражду между отдельными коленами — жупами, поддерживая одного славянского вождя против другого. Жупное устройство по коленам, отсутствие сильной княжеской власти и постоянная борьба между отдельными коленами — вот те черты, которыми характеризуется славянская жизнь в период заселения Балканского полуострова. Старому государству с организованной военной и административной системой не стоило большого труда наложить свою руку и на такие племена, которые с оружием в руках занимали области империи. То обстоятельство, что византийские известия отмечают как наиболее отличительные черты славянской жизни отсутствие сильной княжеской власти, демократические обычаи, выражающиеся в перенесении политических и общественных вопросов на вече, решения которого необязательны для меньшинства, служит указанием, что эти формы быта наблюдались именно у тех славян, которые жили в пределах империи и старались удержать их «в противность ромэйским обычаям». Показание Льва Мудрого, что славяне неохотно исполняют приказания чужого лица и что гораздо легче сносят несправедливости и обиды собственных старшин, лишь бы не следовать ромэйским обычаям и законам, относится, конечно, к тем славянам, которые жили в пределах империи, составляя, однако, из себя привилегированное общество, на которое не простирались имперская администрация и суд. Т. к империя старалась не поступаться своими владениями в пользу варваров, то с течением времени все захваты вооруженной рукой приобретали легальный характер, становясь фактом колонизации с разрешения правительства.

В актах Димитрия Солунского отмечаются случаи вербовки славянских отрядов для колонизации свободных имперских земель, для VII в. имеется ряд летописных известий, знакомящих с обычной системой правительства пересылать большие славянские отряды из Европы в Азию и давать им такое устройство, которое было бы совместно с интересами государства. Вследствие подобного приобщения славян к жизни Византии образовались между греками и славянами такие отношения, которые сопровождались неизбежными взаимными воздействиями и влияниями, имеющими обнаружиться в дальнейшей истории.

По отношению к периоду образования государств у славян нужно делать различие между теми, которые произошли естественным путем

сплочения жуп и колен, и теми, которые образовались под влиянием пришлой чужеземной власти. Независимо от того громадное различие наблюдается и в исторических судьбах, и в культурном развитии между государствами, образовавшимися под воздействием германо-католическим, и теми, которые подпали под влияние греко-православного исповедания. В этом лежит зерно различия славян по культуре и религии, — различия до такой степени глубокого, что оно отразилось на всей тысячелетней истории славянского племени.

Переходя к славянским племенам, основавшимся в границах Византийской империи, мы встречаемся с явлением, которое не поддается объяснению без предварительного обсуждения вопроса о густоте славянских поселений. Принимая в соображение, что в пределах распространения славян по Балканскому полуострову сохранились до настоящего времени значительные слои старых обитателей, как албанцы, влахи и греки, и что самые сильные волны славянского движения, добежавшие до Эгейского моря и до Морей и частью перекатившие на азиатский материк, постепенно смешались и потерялись в туземных элементах, мы должны думать, что заселение славянами Балканского полуострова не имело большой густоты. При недостатке организаторских сил в своей собственной среде, при отсутствии центральной власти, которая побудила бы коленных старшин и представителей отдельных родов подчиняться общим, а не частным интересам, отдельные колена и жупы обречены были вести скромное существование, не достигнув предстоявшей перед ними государственной и национальной задачи. Можно было бы ожидать, что авары, подчинив себе занятые славянами области империи, сообщат им необходимую организацию и создадут во Фракии и Македонии такое же государство, какое удалось в VII—VIII вв. создать болгарам орды Аспаруха, но в действительности этого не случилось.

Глава III

Взятие Иерусалима персами. Вторжение в Персию в 623 г. и ряд поражений, нанесенных персидскому царю. Осада Константинополя аварами и персами. Всемирно-историческое значение персидской войны

Первые годы правления Ираклия изображаются в историографии как период наибольшего унижения и самых крупных потерь империи в Европе и Азии. Хотя положение дел на Востоке становилось более и более тревожным со времени вступления Ираклия на престол, но он долго не был в состоянии располагать достаточными военными средствами для войны с Хосроем. По-видимому, Малая Азия и Сирия оставались совсем без защиты, т. к. персы в короткое время сделали здесь большие завоевания. Так, в 611 г. завоевана была Сирия вместе с ее главным городом Антиохией, в следующем году персы вступили в Малую Азию и овладели Кесарией Каппадокийской, захватив десятки тысяч пленников и отправив их в Персию. В 613 г. полководец Хосроя Сарвар угрожает Палестине, причем был завоеван Дамаск, и скоро затем началась осада Иерусалима. В затруднительном положении, не имея ни войска, ни денег, Ираклий обратился к церковным средствам — тому источнику, из которого он пользовался и в последующее время[1].

Самым важным событием было взятие Иерусалима в 614 г. Осада и падение Иерусалима находятся в связи с еврейским вопросом того времени. Со времени Фоки против иудеев было гонение в империи, которое продолжалось и при Ираклии. Персидские успехи в Палестине и Сирии возбудили надежды евреев и заставили их искать защиты у завоевателей, под знамена которых они стекались большими толпами и возбуждали в персах фанатизм и непримиримую вражду против христиан. Этим объясняется исключительно кровавый характер последовавших за падением Иерусалима событий. Осада города продолжалась три недели. Когда, наконец, персам удалось разрушить часть стены и ворваться в город, они предоставили участь христианского населения фанатизму евреев, которые и свели здесь счеты с христианами, угнетавшими их преследованиями и презрением. Говорят, что не один десяток тысяч христиан погиб в Иерусалиме от руки иудеев, до тридцати пяти тысяч уведено было пленников. Город и храм подверглись беспощадному грабежу, при котором завоеватели руководились не только жаждой добычи, но чувствами мести и религиозной нетерпимости. В особенности пострадали христианские святыни, перед утратой которых отступали на второй план и пленение патриарха Захарии, и разрушение

города. Храм Гроба Господня и все постройки св. Елены были преданы пламени, драгоценная утварь, благоговейно приносимая сюда со всех стран, была расхищена, священные реликвии частью уничтожены, частью взяты победителями. Между этими последними особенно была тягостна утрата Животворящего древа креста, которое взято было персами и увезено в Ктесифон.

Постигшая Иерусалим судьба была тяжким ударом для всего христианского мира. Палестинские христиане нашли себе убежище в Александрии, где патриарх Иоанн Милостивый оказал им деятельную помощь из церковных средств. Но опасность грозила и самой Александрии, так что Ираклий чрез гражданского управителя Египта патрикия Никиту предлагал александрийскому патриарху выдать свои средства на государственные потребности, прежде чем овладеют ими персы Действительно, в 616 г. персы переправились в Африку и завоевали Египет, патриарх и патрикий Никита принуждены были оставить свою область и спасаться в Константинополе. В следующем году отдельный персидский отряд направился в Малую Азию, дошел до Халкидона и угрожал самой столице. Конечно, редко империя была в таком отчаянном положении.

Ведя с персами безнадежные переговоры, Ираклий видел, что нужно прибегнуть к крайним средствам, что в Константинополе нет более безопасности для византийского царя. В таком положении он пришел к решению, которое характеризует беспомощность его и истощение ресурсов: именно он решился перенести столицу в Карфаген и сделал для того приготовления. Раз принял подобное же решение Юстиниан, но царица Феодора поддержала его энергию; теперь подле императора не было советницы, подобной Феодоре, но на страже интересов империи оказался доблестный патриарх Сергий, который внушил императору твердость духа и взял с него слово употребить все силы на защиту столицы. Между тем случилось, что корабли, готовые отплыть в Карфаген с нагруженными на них сокровищами, были разбиты бурей, что признано было за проявление божественной воли.

Хотя неприятель был в виду Константинополя, Ираклий решился начать переговоры о мире. Он сам отправился в неприятельский стан и убедил персидского полководца Сайта снять осаду с Халкидона. Вместе с тем снаряжено было торжественное посольство из 70 важных лиц, которому поручено было идти к Хосрою. Но посольство подверглось поруганию, как только вступило на персидскую почву, всех его членов заковали в оковы и под стражей привели пред Хосроя. Попытка вступить в переговоры не только не увенчалась успехом, но еще более раздражила греков против персов. Персидский царь в сознании своего могущества и с целью показать крайнее презрение к Ираклию приказал с Сайта содрать кожу, а послов заключить в темницу. В ответ же на отправленное ему с посольством письмо говорил, между прочим, следующее: «Да не обманывает вас тщетная надежда. Если Христос не мог спасти Себя от евреев, убивших Его на кресте, то как же Он поможет вам? Если ты сойдешь в бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя!»

Вот при каких обстоятельствах предстояло Ираклию решать вопрос о судьбе своей империи. И нужно признать, что византийский царь весьма глубоко оценил значение событий и понял, что борьба с персами

требует полного успокоения северной границы, и что нужно во что бы то ни стало обеспечить себя со стороны Балканского полуострова. Здесь происходил этнографический переворот: во Фракии, Македонии и на побережье Адриатического моря продолжалось передвижение славянских племен, которые частью осели на новых местах, частью передвигались на юг и запад под напором аваров, народа тюркского племени. Можно думать, что утверждение аваров на Дунае и Тиссе и основание ими долговременного господства в дунайских областях, в местах славянского расселения, оказало значительное влияние на судьбы славянского племени. Хотя авары появляются как кочевая орда с хищническими наклонностями, и хотя укрепленный их стан, или хринг, скорей напоминал временный лагерь, а не постоянное местожительство, но у них было хорошо поставлено военное дело, сильно развита власть военного предводителя, и для занятия военным делом они нуждались в даровом труде подвластного земледельческого населения, каковым были славяне. С конца VI в. византийская летопись, упомигая об аварских набегах и завоеваниях, постоянно смешивает авар и славян, т. к., действительно, в аварском войске славяне составляли значительный отдел. Быстрое распространение славян по Норику и Паннонии и занятие ими местности от Адриатического до Черного моря должны быть объясняемы главнейше тем, что славяне шли здесь вместе с аварами, которые в качестве организующего военного элемента дали силу и напряжение расселению славян.

Ираклию приходилось считаться с весьма серьезным положением. Иногда дорогим выкупом можно было заручиться временным спокойствием от аварского кагана, иногда возбудить движение среди славян и тем отвлечь внимание аваров к внутренним делам. Во время царя Маврикия Дунай признавался границей аварской власти, но это не мешало аварам предпринимать постоянные хищнические вторжения в собственно византийские области; при Фоке в 604 г. вновь заключено было соглашение с аварами, но оно также не обезопасило империю от набегов диких наездников. Ираклий привнес новую точку зрения в разрешение славяно-аварского вопроса. Уже не в первый раз византийским государственным деятелям приходилось решать проблему о новых народах; в V в. Феодосии отступил от старых традиций в пользу германского элемента, который в лице готского племени был принят в империю на равных правах с греками и вошел в состав войска и администрации. Эта мера вполне отвечала потребностям времени и принесла империи громадную пользу. Ираклию предстояло решить подобный же вопрос по отношению к славянам. Литературная традиция, сохранившаяся у Константина, по которой Ираклий дал разрешение сербам и хорватам на поселение их в областях империи, скрывает в себе намек на важный факт, относящийся ко времени Ираклия: именно в это время найдена была наилучшая формула, удовлетворявшая и византийское правительство, и славянские племена, занявшие Балканский полуостров, применив которую, Византия вступила в тесное единение со славянами, а последние нашли благоприятное устройство под законами империи и в ее границах, на правах подданных императора.

Пока мы лишены еще возможности выяснить предварительные мероприятия для достижения указанной цели. Но не может быть сомне-

ния в том, что Ираклию удалось разделить интересы аваров и славян и подготовить антиаварское движение на Балканском полуострове. Некоторые указания в этом смысле имеются в деятельности Кувера и в истории осады Константинополя в 626 г. Но самое важное в этом отношении основывалось на отдельных соглашениях с предводителями славянских колен, вступавшими в известные обязательства к империи и получавшими свободные земли для обитания, организованные как военноподатные участки; к этому вопросу мы еще будем иметь случай возвратиться. Путем соглашений со славянскими старшинами начата была колонизация Малой Азии, прежде всего провинции Вифинии, позволившая провести новую административную и земельную систему, с которой стоят в связи военные успехи Ираклия.

В то время как персы на Востоке делали одно завоевание за другим и отдельные отряды их угрожали самому Константинополю, столице империи предстояло испытать еще новое бедствие, происходившее от голода и язвы. Константинополь всегда зависел в доставке хлеба от Египта, Малая Азия могла служить лишь вспомогательным средством, но к 618 г. подвоз хлеба из Египта был закрыт вследствие персидских завоеваний, а на Балканском полуострове угрожала опасность от аварского нападения. К 619 г. относятся сношения Ираклия с каганом, имевшие целью заключение или возобновление ранее заключенного мира. Было условлено, что Ираклий встретится с каганом неподалеку от Длинных стен, куда простирались аварские наезды, в Ираклии (древний Перинф). Но свидание не состоялось, потому что Ираклий благовременно заметил подготовленную ему аварами засаду и, оставив следовавшие за ним запасы и царскую утварь, поспешно спасся в Константинополь. До какой степени слабости доведена была империя в это время, видно из того, что авары погнались за греками, дошли до самого предместья столицы, захватили громадную добычу и взяли в плен множество сельского населения. Тем не менее, Ираклий находил благоразумным искать мира с аварами, потому что на Востоке дела шли еще хуже.

В 620 г. каган согласился на мир, но взял за это очень дорогую цену. Прежде всего Ираклий должен был дать заложников для обеспечения принятых на себя обязательств. В числе заложников были побочный сын его Иоанн Афаларих и племянник Стефан, сын сестры царя Марии. Кроме того, увеличено количество ежегодной дани, вносимой в пользу аваров. На этих условиях каган давал Ираклию свободу приступить к осуществлению планов его по отношению к Персии.

Начало персидского похода относится к весне 622 г. Нам следует дать себе отчет, как состоялся этот поход, какими средствами располагал Ираклий для открытия военных дел с Персией, и чем обусловливался неожиданный успех его предприятий на Востоке, напомнивший блистательные походы Александра Македонского. Прежде всего нужны были материальные средства на ведение войны, а в этом отношении Ираклий не мог рассчитывать на помощь ни европейских, ни азиатских провинций, частью находившихся на военном положении, частью занятых неприятелем. Есть известие, что и ранее этого времени он черпал денежные средства у Александрийской Церкви и употреблял их на государственные нужды; теперь та же мера применена была в обширных размерах к церквам и монастырям столицы. Хрисовулы Ираклия 612

и 619 гг., которыми ограничивалось число духовенства в храме св. Софии и предписывалась экономия в расходовании церковных сумм, подготовляли уже его последующие распоряжения насчет церковных иму-ществ. Просвещенный и патриотически настроенный патриарх Сергий не поставил препятствий к проведению вопроса об употреблении церковных сокровищ на военные потребности, тем более, что войну с персами можно было рассматривать после завоевания Иерусалима и отнятия Животворящего древа как подвиг религиозный. Драгоценностями св. Софии не ограничивались жертвы Церкви, примеру Великой церкви последовали столичные и провинциальные епископские храмы, пожертвования коих позволили правительству начеканить достаточно золотой и серебряной монеты на потребности предстоящей войны.

Весьма характерно еще известие, сообщаемое современником[2], что всю зиму перед походом Ираклий провел в строгом уединении в одном из предместий Константинополя, занимаясь чтением военных и исторических сочинений. Перед походом приняла была также чрезвычайная мера для обеспечения порядка в управлении государством на время отсутствия императора. С этой целью учреждено регентство, вверенное десятилетнему царевичу Константину, патриарху Сергию и патрикию Бону. На второй день Пасхи, 5 апреля 622 г., помолившись в церкви св. Софии, Ираклий обратился к патриарху с следующими словами: «Оставляю сей город и сына моего на попечение Божие и Богоматери и в твои руки!» Затем, взяв в руки нерукотворный образ Спасителя, служивший ему как военное знамя, Ираклий открыл поход на корабле, готовом к отплытию.

На основании ближайших событий этого похода можно выводить заключение, что из Константинополя вышла незначительная часть войска, вероятно, гвардейские части и свита императора, т. к. сбор войска и организация частей предстояли впереди. Следует вспомнить, что Константинополь находился под угрозой персидского отряда, приблизившегося к Халкидону, и что предполагаемое большинством историков движение Ираклия в Киликию и высадка в Пилах [3] едва ли соответствуют положению дела и намерениям Ираклия. Больше вероятностей в том предположении, что Ираклий высадился в Пилах в Никомидийском заливе, и что именно здесь, в провинции Вифинии, были те фемы, где устроен был Ираклием защищенный лагерь и где он провел шесть месяцев, занимаясь набором войска и обучением военному делу новобранцев. Это время нужно считать употребленным весьма целесообразно во всех отношениях. Ираклий успел ознакомиться с новобранцами, обучить их военному делу и внушить им к себе доверие. Здесь уместно сделать замечание по поводу отмеченного историками отсутствия в отрядах Ираклия ветеранов. Откуда же были набраны свежие люди? Не подлежит сомнению, что главная часть новобранцев происходила из славян, которые к этому времени наводнили Балканский полуостров и содействовали к образованию фемного устройства в Малой Азии, давая из себя значительное число охотников для колонизации Вифинии.

Осенью того же 622 г. Ираклий пошел в Каппадокию. Первым последствием этого движения было то, что персидский вождь Сарвар, стоявший под Халкидоном, оказался в опасности быть отрезанным от

сношений с Персией и принужден отступить на те же провинции, которые теперь занимал Ираклий. Здесь зимой произошло сражение, которое окончилось поражением персов и имело последствием освобождение Малой Азии от врагов. Зиму 623 г. византийские войска провели в Армении и Понте, а сам Ираклий возвратился морем в Константинополь, где его присутствие было необходимо, между прочим, и для того, чтобы побудить аварского кагана держать свое обещание о мире.

После Пасхи 623 г. Ираклий снова выступил походом в Армению. Этот поход, продолжавшийся три года, совершен был среди невероятных трудностей и напоминает во многом экспедицию Александра Македонского. Поход Ираклия происходил по тем же местностям, которые прославлены подвигами македонского героя, и ознаменован не менее редкими и исключительными по отваге приключениями. Этот гомерический поход Ираклия обозначает, независимо от всего прочего, чрезвычайно высокое развитие военного искусства в византийской армии и характеризует большие военные дарования полководца. Ираклий нашел средства для войны там, где до него не думали искать,— в Закавказье и суровой Армении, которые были избраны базисом для наступления в центр Персидского царства. Это был и по своим результатам такой военный подвиг, какого Византийская империя не знала до сих пор.

Точкой отправления на этот раз служила для Ираклия Лазика, или Колхида, где он вошел в сношения с разными кавказскими воинственными племенами, которыми усилил свое войско, доведенное до 120 тыс. Отсюда чрез Армению он вторгся в Персидское царство, именно в провинцию Атрапатену, южней Аракса, и стал угрожать центральным владениям персидского царя. По всем вероятиям, это движение не было предусмотрено Хосроем, который позволил византийскому войску вторгнуться в Персию, сам оставаясь в главном городе провинции Ганзаке*. Находясь в критическом положении, персидский царь отдал приказ полководцу Сарвару поспешить в Персию и соединиться с другими там действовавшими частями; сам же с отборным отрядом, которому уже нанесено было поражение передовыми частями войска Ираклия, поспешил отступить в Месопотамию на соединение с остававшимися там гарнизонами. Между тем Ираклий овладел Ганзаком, где нашел большую добычу и богатства, но не нашел Животворящего древа, которое персы хранили в Ктесифоне. Идя по следам Хосроя, византийцы напали на город Фиварму, где истребили главное святилище огнепоклонников и огромную статую Хосроя.

Преследуя персидского царя, Ираклий овладел многими городами и опустошал страну. Наконец, наступила зима, заставившая подумать о прекращении военных действий и о зимних квартирах, говорят, что в военном совете склонялись к двоякому решению: по одним — нужно было продолжать движение и напасть на Хосроя, по другим — возвратиться к первоначальной базе похода, на Кавказ. Любопытно, что и это решение, как и другие фазы похода, было освящено религией. Так, прежде чем отдать приказ об отступлении на север, император объявил трехдневный пост и потом, раскрыв Евангелие, в нем вычитал указание, согласно которому и поступил. Нельзя не оценить практический смысл

* Развалины недалеко от Тавриза

этого решения. Избрав для зимнего расположения страну при подошве Кавказа и по берегу Каспийского моря (Албания), он обеспечивал себе возможность добывания средств к продовольствию и к пополнению убыли в людях. Дабы привлечь к себе симпатии населения, он отпустил на свободу 50 тыс. пленников, которых, впрочем, и неблагоразумно было иметь с собой на зимних квартирах. События, последовавшие в зиму 623/24 г., проследить в высшей степени трудно, т.к. в сохранившихся известиях встречаются противоречия [4].

Главным мотивом движения на север было упрочить безопасность со стороны кавказских народов, с каковой целью Ираклий начал переговоры с грузинскими и соседними мелкими князьями (лазы, авазги). Но, с своей стороны, и персы приняли меры, чтобы возбудить против него движение между кавказскими племенами. Против Ираклия снаряжены были три армии, которые имели задачей запереть его в Кавказских горах и не пропустить его снова в персидские пределы. Указанные обстоятельства заставили Ираклия, не доверяясь колебавшимся между персами и византийцами союзникам, отступить из Албании на юг и самому напасть на персов. Военные действия происходили в Армении и имели решительный характер. Двумя поражениями, нанесенными персам при Тигранокерте и при Салване, на оз. Ван, не только устранена была угрожавшая опасность, но открыта возможность снова начать наступательные действия против Хосроя. Таковы были обстоятельства осенью и зимой 624 г.

Весной следующего года Ираклий перенес театр деятельности в Месопотамию, на границу обеих империй. По всей вероятности, движение на запад должно быть объясняемо ходом событий в самом Константинополе и известиями о замышляемом союзном нападении авар и персов на столицу христианской империи. Весной и летом 625 г. военные события происходят частью в Армении и Месопотамии, частью в пределах Византийской империи. Ираклий захватил города Амиду и Мартирополь, принадлежавшие прежде Византии и недавно отнятые персами, и послал о том извещение регентам и сенату. С целью предупредить движение персидского полководца Сарвараза в Малую Азию он продолжал движение на восток, имел с персами сражение на Евфрате и заставил Сарвараза отступить назад. В течение 625 г. Ираклий не выходил из пределов Византийской империи и на зиму снова расположился на квартирах у Кавказских гор, вероятно, в той же Лазике, где он зимовал в начале персидских походов.

Наступил самый критический момент в отношениях между Персией и Византией, на целые столетия вперед определивший дальнейшую судьбу Востока. Относительно подробностей остается еще много неизвестного и мало выясненного в событиях 626—627 гг., но общее направление широко захватывавшей политики Ираклия хорошо определяется по тем фактам, которые произошли на периферии обширной области византийского влияния и которые способствовали окончательному падению персидского военного могущества. Персидский царь задумывал смелое предприятие — отвлечь внимание Ираклия от Востока подготовленном ему таких затруднений в Европе, которые заставили бы его оставить Армению и Персию и все средства употребить на спасение столицы и европейских владений. Для этого служил союз с аварским

каганом и предположенное на лето 626 г. одновременное из Азии и Европы нападение на Константинополь. Между тем как происходил обмен сношений между Сарваразом, назначенным со стороны Хосроя действовать из Азии, и каганом, обещавшим сделать нападение со стороны Европы, попытаемся разобраться в скудных известиях о мероприятиях, осуществленных Ираклием для отражения опасного соглашения. Императора снова находим в Лазике, где он заботится об организации военных сил и где завязывает новые сношения с кавказскими племенами, вербуя между ними охотников на службу.

В смысле военных мер следует отметить то обстоятельство, что Ираклий, несмотря на критическое положение, нашел более полезным оставаться с главным войском на театре военных действий, откуда и руководил ходом дел. Т. к. Хосрой выставил два отряда, из коих один находился уже в Халкидоне, а другой под предводительством Саина должен был следить за Ираклием и не позволить ему подать помощь столице, то для византийского главнокомандующего вся задача представлялась в том, чтобы обмануть бдительность Саина и выделить часть войска на помощь столице. Эта задача была выполнена действиями особого отряда, во главе которого поставлен был Феодор, брат императора, и который, как увидим ниже, в самое критическое время оказался вблизи Константинополя. Но самой важной, по-видимому, мерой были начавшиеся тогда переговоры с тюркским племенем хазар, жившим на север от Кавказа и имевшим вскоре затем играть большую роль в Юго-Восточной Европе. С хазарами заключен был Ираклием союзный договор, по которому эти кочевники обязались сделать набег на персидские владения и, с другой стороны, держа в своей власти кавказские горные проходы, обеспечивать безопасность со стороны севера.

Свидание между каганом хазар и греческим царем происходило при Тифлисе. Из последующих данных можно заключать, что союзом с хазарами Ираклий обеспечивал себе возможность похода на Персию и пополнение военных сил, ослабленных выделенными против Саина и Сарвараза отрядами.

Переходим к изложению событий, имевших место летом 626 г. Защита города и государственное управление вверены были регентству. Патриарх Сергий и патрикий Вон, бывшие опекунами малолетнего сына Ираклия и стоявшие во главе регентства, несли на себе все бремя ответственности за текущие дела. При выступлении Ираклия в поход мир на Западе обеспечен был союзом с аварским каганом, которому обещано было платить 200 тыс. золотых, или около 800000 рублей на наши деньги, и который, кроме того, заручился заложниками со стороны империи, в числе коих был побочный сын царя Иоанн, сын патрикия Вона и др. Но на верность кагана нельзя было положиться, защита города состояла в его собственных укреплениях с суши и с моря, а главное, во флоте, который стоял в константинопольских гаванях и поддерживал сношения столицы с европейскими и азиатскими городами и с островами. Во все время существования империи флот составлял ее главное преимущество в борьбе со всеми врагами; пока был в распоряжении столицы флот, она могла быть обеспечена подвозом хлеба и оружия Зимой 625/26 г. азиатская сторона Босфора и Мраморного

моря находилась во власти персов, т. к. Сарвараз захватил Халкидон и Хрисополь и опустошил прибрежные области, не внушая, однако, опасности Константинополю, т. к. у него не было военных судов. Вот почему для персов было важно, чтобы с европейской стороны вышла против Константинополя другая союзная с ними сила, и чтобы одновременным движением с востока и запада можно было принудить Константинополь к постыдной сдаче. Этот расчет был верен; с таким расчетом действуют против Константинополя турки-сельджуки и печенеги в XI в.; такой же план не раз составляли османские турки, прежде чем они завоевали Константинополь. Но всегда Константинополь спасался от неминуемой опасности со стороны Европы и Азии посредством своего флота, которого не имели окружавшие империю варвары.

Вследствие соглашения между персами и аварами на лето 626 г. предположено было движение на Константинополь аварского кагана с подчиненными его власти славянами. В день апостолов Петра и Павла передовой отряд в 300 тыс. подступил к Длинной Анастасиевой стене и, похваляясь, что это только передовой отряд, а что главное войско идет вслед за ним, побудил небольшой византийский сторожевой отряд отступить под защиту городских стен. Анастасиева стена была пробита и перестала быть защитой для массы крестьянского населения, занимавшегося обработкой земли и культурой богатых подгородных помещичьих усадеб. Варвары раскинули лагерь близ Константинополя, высылали мелкие отряды до самых стен и отрезали город от всех внешних сношений. В городе не могло быть недостатка в военных людях, поэтому сделана была вылазка, имевшая удачный исход и стоившая жизни многим варварам.

Между тем каган дал знать посредством зажженных костров на азиатский берег о прибытии своем и послал к регентам для переговоров, а равно с целью разузнать о положении дел знатного пленного грека, патрикия Афанасия. Кагану желательно было в особенности осведомиться о том, сколько ему заплатят, если он согласится отступить и даст обещание дружбы. Патриарх и патрикий Вон употребили все средства, бывшие в их распоряжении, чтобы доказать неуместность предложений кагана и ошибочность его взглядов на положение дел в Константинополе. С этой целью обратили внимание аварского посланца на те военные отряды, которые составляли гарнизон столицы, и доказывали, что с этими средствами и с той милицией, какой располагали городские димы, город не только мог хорошо защищаться против нападений, но и предпринимать вылазки. При таком настроении правительства казались совершенно недопустимыми требование кагана выдать ему все хранящиеся в городе сокровища и его угроза в противном случае взять город силой и жителей обратить в рабство. Т. к. при подобных условиях невозможно было прийти к соглашению, то каган приступил к осаде города, имея притом основательную надежду на содействие со стороны персидского войска, расположившегося в Халкидоне, в виду Константинополя. Правда, сношения между аварами и персами не были допускаемы достаточно численной византийской флотилией, бывшей в распоряжении регентства, и только зажигаемые на малоазийских холмах костры да горящие византийские усадьбы на берегах Босфора и Мраморного моря обозначали область, занятую неприятелями.

К 29 июня каган приблизился к осажденному городу со своими главными силами, значительную часть которых составляли славяне Балканского полуострова Если не говорить о части города, обращенной к морю, которая пока не подвергалась опасности, то со стороны суши наиболее важным в смысле нападения и опасным в смысле защиты было то место сухопутных стен, которое находится между Адрианопольскими воротами и Пушечными (Топкапу) или Романовскими воротами. Сюда направлялись главные удары со стороны всех, когда-либо угрожавших Константинополю со стороны суши; здесь происходили наиболее ожесточенные схватки и во время турецкой осады в 1453 г. Каган сосредоточил на этом месте главные силы и с утра до ночи посылал новые и новые отряды славян, которые своими телами постепенно наполняли глубокий ров перед стенами. Но т. к. все нападения были с успехом отбиваемы, то понадобилось прибегнуть к тяжелым орудиям, т е. к устройству передвижных башен, с которых можно было бы бить стены машинами. Каган построил с этой целью на указанном пространстве 12 искусственных сооружений по высоте равных со стенами города, с которых пытался бить стены и поражать защитников осаждаемого города. Тогда в первый раз применен был со стороны Византии знаменитый греческий огонь, которым были истреблены аварские сооружения. Мы будем иметь случай впоследствии остановить внимание на этом новом для своего времени военном изобретении, давшем грекам на долгое время преимущество перед их врагами и остававшемся их государственной тайной; теперь же заметим, что это изобретение, сделанное в византийском флоте, с успехом применено было против деревянных сооружений, при помощи которых каган думал завладеть городскими стенами.

Желая воспользоваться произведенным впечатлением, патрикий Вон отправил в аварский стан посольство с предложением выдачи дани, как это было условлено самим Ираклием, но каган дерзко настаивал на требовании, чтобы жители Константинополя вышли из города, предоставив аварам все свои богатства. Кроме того, каган хвалился, что он может угрожать городу одновременно и с суши и с моря. Для этой цели могли служить ему подвластные ему славяне, жившие по берегам Средиземного моря и на островах, которые владели уже морскими знаниями и были опытными моряками. У кагана таким образом в распоряжении мог оказаться флот, который должен был поддерживать сношения между азиатским и европейским берегами, между персами и аваро-славянами. Правда, славянские лодки во всем уступали большим и тяжелым судам византийского флота, стоявшего как в константинопольских, так и в других гаванях, но каган мог воспользоваться своими лодками одновременно со стороны Золотого Рога и вообще мог затруднить морские сношения столицы с провинциями. Это положение дела хорошо рисуется в переговорах, происходивших в первых числах августа. В лагерь аварский представились патрикий 1еоргий и Афанасий, логофет Феодосии, синкелл Феодор и другие лица и пытались привести кагана к более умеренным требованиям. К своему крайнему изумлению, византийские послы увидели здесь посланцев персидского полководца Сарвараза (Шахбараза), стоявшего на азиатской стороне Босфора. Каган сказал: «Вот персы предлагают послать мне три тысячи воинов; итак, если хотите, пусть каждый возьмет с собой одежду и рубашку и идет

к Сарваразу: он мне друг и вас не обидит! Но город и имущество ваше принадлежит мне, а спасения вам нет, разве обратитесь в рыб и уйдете морем, или в птиц и улетите на небо. Нет вам помощи ни от царя, ни от войска его». После таких заявлений византийскому посольству не оставалось ничего другого, как уйти обратно в Константинополь.

Между тем каган приказал славянам начать действия на своих судах; ближайшая его цель была установить правильные сношения с противоположным берегом и перевезти персов в свой стан. Но предприятие его потерпело полное крушение. С одной стороны, греки перехватили персидское посольство, переправлявшееся с европейского берега на азиатский, с другой—против славянских мелких судов высланы были большие суда византийского флота, которые без труда потопили славянских матросов и уничтожили их флотилию. Таким образом, несмотря на большие военные средства и исключительно благоприятные условия, каган не мог достигнуть преследуемой цели, между тем приближение осени и недостаток съестных припасов в опустошенной кругом стране побуждали его спешить с окончанием похода. Чтобы задержать колебавшихся в верности славян и дать войску надежду на получение добычи, он сделал еще попытку ворваться в город со стороны Золотого Рога и церкви Влахернской Богоматери, где построена магистром Воном Ираклиева стена для ограждения образовавшегося здесь за старой стеной Феодосия нового квартала. Для осуществления задуманного плана считалось полезным содействие славянских матросов, которые были посажены на свои легкие суда и переведены в самое устье Золотого Рога,— в местность, где были мост и церковь св. Каллиника и куда не мог проникнуть византийский флот. Эта часть сухопутных укреплений представляла, по-видимому, наиболее слабое место, в особенности, если бы неприятелю удалось одновременно напасть с двух сторон. Но патрикий Вон предупредил выполнение этого смелого предприятия благовременными мерами. Именно: он расставил византийские суда по всей длине Рога от нынешнего Айван-сарая до квартала Касим-паша и приказал в ночь на 4 августа, когда авары назначили ночное нападение на город, зажечь костры в местности Влахернского квартала. Это было, по-видимому, условным знаком для славян к началу одновременного нападения на город. Но костры были зажжены с целью завлечь славян в засаду, и здесь нашли себе смерть те, которые спаслись от меча моряков, нанесших сильное поражение славянам.

Эта победа имела решительное значение в истории знаменитой аварско-славянской осады Константинополя. Она окончательно разбила надежды кагана и произвела тяжелое впечатление на союзников, которые начали поспешное отступление из аварского лагеря. Как необходимое следствие этого нужно рассматривать немедленное отступление всего аварского войска от Константинополя и начавшееся с тех пор ослабление могущества кагана. Хотя он приказал передать регентам, что скоро вернется и отомстит за причиненные ему обиды, но фактически понимал все значение своей неудачи и опустошением окрестностей города, а равно уничтожением военного запаса отнимал у себя возможность возвратиться сюда, по крайней мере, в близком будущем. К тому же времени до Константинополя дошли известия о приближении отряда, предводительствуемого братом императора Феодором. Византия празд-

новала освобождение от неминуемой беды молебным пением Богоматери, помощи которой приписывалось по общему убеждению спасение города.

Отступление аваров и славян от Константинополя в 626 г. должно быть оцениваемо в особенности с точки зрения современных рассказанным событий Южной и Юго-Западной Европы. Подразумеваемые события тем более имеют значения, что вскрывают первые попытки организации славян в государственное тело и носят характерные признаки образования княжеской власти, объединяющей отдельные жупы и колена под властью предводителя военной дружины. Как видно из житья св. Димитрия Солунского, каган аварский, которому в то время были подчинены славяне Балканского полуострова, решился уступить требованиям славян и дал им князя в лице Кувера; этот же замыслил восстание против аваров, для чего соединил под своей властью различные племена и начал войну с аварами. Нанеся им неоднократное поражение, он утвердился за Дунаем на местах господства аваров и начал заявлять притязание на Солунь, Константинополь и другие города Фракии. С другой стороны, ослабление аварской власти сказалось почти одновременно с изложенными выше событиями в юго-западной части Европы, также занятой славянами. Именно в Чехии и Моравии к тому времени образуется славянское княжение под властью Само.

Как бы ни были фантастичны в подробностях дошедшие до нас известия о Само и об обстоятельствах его утверждения во власти, но никак нельзя выставить основательных возражений против самого зерна сказания Фредегара. Нужно признать достаточно выразительным тот факт, что как среди славян Балканского полуострова, так и между северо-западными ветвями того же племени в первой половине VII в. возникли начала государственной организации и соединения отдельных колен под властью предводителя дружины или коленного старшины. В последующих главах предстоит выяснить тот многозначительный факт, что эти начатки организации пропали бесследно и не сопровождались серьезными результатами для ближайшего времени. Разыгравшаяся под Константинополем драма, проведенная ближайше регентством, должна была иметь громадное влияние на ход восточной войны, которою лично руководил Ираклий. Выше было сказано, что весной и летом 626 г., т. е. во время осады Константинополя, император находился на Востоке, пополнял свои войска на Кавказе и вел переговоры с хазарами — народом, скоро имеющим играть большую роль в событиях Юго-Восточной Европы. Этими переговорами имелось в виду как обеспечить возможность дальнейших предприятий против Персии, так и приготовить для аваров затруднения в подчиненных им землях. Действовавшие против Константинополя персидские отряды оказали мало влияния на общий ход дел. Отряд Сарвараза, стоявший в Халкидоне, ограничился в сущности угрозами и опустошениями Малой Азии; отряд Сайта был ослаблен братом Ираклия Феодором.

Таким образом, к осени 626 г. Ираклий мог себя чувствовать уже спокойным за участь столицы и приняться за осуществление дальнейших планов на Востоке. Прежде всего здесь имеет значение свидание Ираклия с хазарским ханом Зивилом под Тифлисом, причем произошел демонстративный обмен любезностями, предводителю хазар обещана

рука дочери царя Епифания, он же выставил на помощь Ираклию 40 тыс. союзного войска. Затем Ираклий начал свой знаменитый поход в середину Персии, сопровождавшийся невероятными успехами, обессмертившими его имя. Этот поход, относящийся к 627 г., имел ближайшей целью нанести удар самому Хосрою в его собственной стране и закончился вторжением в нынешнюю Месопотамию, столь прославленную неожиданными открытиями и раскопками в истекшее столетие, выдвинувшими на очередь глубокой важности мировые вопросы. Главные битвы происходили на территориях Тигра и Евфрата, вблизи древних городов Ниневии и Вавилона.

«История исследования древней Ассирии и Вавилонии и открытия из-под земли бесчисленных храмов и дворцов этих древних государств полна особенной привлекательности[5]. Эта история так богата необыкновенными неожиданностями, так исключительна по значению и важности достигнутых результатов для различных ветвей знания и_лри этом так многообразно перемешана со странными приключениями всякого рода, что часто она более походит на занимательный роман одаренного богатой фантазией писателя, чем на реальное представление действительных событий и фактов. Ниневия и Вавилон! Какие блистательные имена, какие выдающиеся типы напряжения человеческой силы, духовной зрелости, религиозной глубины и благородных стремлений! Но, с другой стороны, сколь отвратительна эта история по происходящим в ней ужасным событиям, по примерам безграничной власти, неумеренной страсти к наслаждениям, нравственной порчи и позорного падения. Невежественные крестьяне пашут землю на развалинах Хорсабада и Коюнд-жука, бродячие бедуины пасут свои стада на покрытых травой склонах Нимруда и Калат-Ширгат*, турецкие казармы или магометанские поселки венчают вершины Ербиля и Не-би-Юнус. Ничто не говорит путешественнику о погибшем блеске ассирийской цивилизации, кроме заросших куч щебня и остроконечных холмов. И при всем том еще более производят захватывающее и страшное впечатление та дикость и беспредельное опустошение, которыми отличается нынешняя Вавилония. Вся эта страна имеет вид ниспосланного Богом наказания на Содом и Гоморру. Давно уже засыпались бесчисленные каналы, которые подобно кровеносным жилам прорезывали по всем направлениям плодородные равнины и приносили радость и счастье в каждое селение и усадьбу».

Эта удивительная страна ныне привлекает к себе внимание всего культурного мира по изумительным находкам, сделанным здесь в прошедшем веке, и по живым остаткам бытовой обстановки, о какой повествуют библейские сказания. С этой точки зрения нам нельзя не коснуться положения Месопотамии в начале VII в., когда Ираклий сделал поход

* Ниневия, близ Мосула. Разумеются холмы, сделавшиеся знаменитыми по найденным в них памятникам ассирийского искусства.

в пределы Персии и нанес окончательное поражение персидскому царю. Поход Ираклия в Месопотамию открылся осенью 627 г. Но откуда вторгнулся византийский царь, какая была его ближайшая цель, и почему персидские полководцы допустили его перейти границу, на это мы не можем дать ответа за скудостью известий. Имея в виду, что база Ираклия была на Кавказе, следует допускать, чго он шел долиной Аракса по направлению к оз. Урмию в провинции Персармения; обыкновенная в персидско-византийских отношениях укрепленная линия — Дара, Нисиби — оставалась на этот раз в стороне. Несмотря на выставленный против него персидский отряд под предводительством Разада, который, однако, не оказал особенной энергии, Ираклий смело шел вперед и в октябре месяце приблизился к р. Забу, притоку Тигра, где дал роздых утомленному трудным горным переходом войску и затем, переправившись через Забу, остановился лагерем близ города Ниневии, как замечает писатель Феофан[6]. Современники Ираклия не знали уже точного положения Ниневии, разрушенной в 625 г. до Р.Хр. и скоро забытой до такой степени, что даже лучшие писатели, как Плиний и Страбон, не могли сказать об этом городе ничего определенного. Самый близкий к занимающему нас времени писатель Аммиан Марцеллин, живший в конце IV в., упоминает о Ниневии в таких выражениях, которые ясно показывают, что хотя имя хранилось в предании, но кроме засыпанных холмов и тогда уже ничего не осталось от величественного города[7]. Здесь, в местности близ Мосула на Тигре, в декабре 627г. произошли события, положившие основания к коренной перемене политических отношений на Востоке.

За византийской армией следом шел персидский вождь Разад, который наконец решился дать битву. За мелкими стычками передовых отрядов последовало большое сражение; оно продолжалось целый день от утра до вечера и в главных чертах описано в «Хронике» Феофана. Выбор места сделан Ираклием, и не только главное руководство битвой принадлежало самому царю, но он же стоял в середине войска и не раз вступал в единоборство с персидскими вождями. Нередко Ираклий подвергал опасности свою жизнь; наконец, под ним был ранен конь, сам он получил несколько царапин в лицо, но он вознагражден был решительной победой над персами. В битве пали полководец Разад, три подчиненные ему начальника и погибла значительная часть войска. Взята была у персов богатая добыча: 28 знамен, множество панцирей, шлемов и разного оружия. В особенности много было взято дорогих предметов в ставке Разада: золотые шпаги, перевязи, украшенные золотом и жемчугом, копье, панцирь, дорогой кафтан, наручники и седло — все это из золота и драгоценных камней.

Но т.к. персы получили подкрепление, то они сделали новую попытку задержать движение Ираклия, который, однако, искусными движениями удержал за собой выгоды одержанной победы. Здесь в руки победителей досталось еще несколько дворцов персидского царя, снабженных обильными запасами и продовольствием. Отпраздновав Рождество и Новый год в одном из дворцов Хосроя, Ираклий получил известие, что персидский царь находится в Дасдагерде, что около Багдада, и готовится вступить в борьбу. Но скоро затем получено было новое известие, что Хосрой, не считая себя безопасным в Дасдагерде,

поспешно навьючил на верблюдов и мулов бывшие там сокровища и удалился в Ктесифон. «Кто бы мог вообразить,— говорит Феофан,— что Хосрой побежит пред лицом ромэйского царя из своего дворца в Дасдагерде в Ктесифон, хотя он 24 уже года не выносил пребывания в нем и перенес столицу в Дасдагерд». Победители нашли здесь 30 знамен, огромные запасы восточных товаров: много алоя и большие алойные деревья весом в 70 и 80 литр, много шелку, перцу, восточных тканей, сахар, инбирь и другие товары. Кроме того были найдены слитки серебра, шелковые одежды, а равно ковры и вышивания — все это в таком громадном количестве, что пришлось многое предать огню. Точно так же подверглись сожжению походные шатры Хосроя и передвижные портики, которые расставлялись на местах расположения лагеря, а равно колонны с царскими бюстами. В этих дворцах оказалось множество страусов, коз, онагров, павлинов и фазанов, и для царской охоты здесь содержались львы и тигры. Богатства и диковинные вещи во дворцах персидского царя произвели на войско сильное впечатление и подняли его мужество.

В византийский лагерь стали стекаться в большом количестве содержавшиеся в персидском плену александрийцы, эдесситы и пленные из других городов. В сознании важности достигнутых результатов Ираклий отпраздновал здесь Богоявление и дал роздых людям и лошадям. Он не желал оставлять позади себя ни провианта, ни пристанища для неприятеля и безжалостно уничтожал все постройки, «дабы дать почувствовать Хосрою, какие страдания испытывали ромэи, когда он жег и опустошал их города»[8]. Дворцовые служители, захваченные в плен, показали, что Хосрой тайно покинул Дасдагерд за 9 дней до прибытия византийского войска, и что бегство его было устроено в большом секрете от войска и жителей города. Все эти подробности, передаваемые писателем Феофаном, рисуют наглядно произведенное победами Ираклия громадное впечатление и подготовляют к роковым событиям, нанесшим непоправимый удар персидской державе.

Но движение на Ктесифон вслед за отступавшим Хосроем все же представляло значительную опасность. Мы должны вспомнить, что Ираклий имел у себя в тылу армию Сарвараза, стоявшую летом 626 г. в Халкидоне, что эта армия, соединившись с другими персидскими отрядами, которыми Хосрой располагал в Каппадокии, могла бы сделаться очень опасной для византийского, так далеко в Персию вдавшегося отряда, тем более, что средства Хосроя далеко не казались исчерпанными. Вследствие указанных обстоятельств дальнейшее движение было на некоторое время приостановлено. Дальнейшие события могут быть восстановлены в фактическом отношении по письму Ираклия от 15 марта 628 г., которое было прочитано в церкви св. Софии константинопольской ровно через два месяца, т. е. 15 мая. Хотя это письмо не дошло до нас, но из него некоторые данные повторены в другом письме Ираклия, вполне сохранившемся[9].

Но прежде, чем говорить о последовавших в начале 628 г. событиях, необходимо упомянуть о ходячих в то время анекдотах, нашедших частью место в летописи. Прежде всего, ходила легенда о том, что сам Хосрой оттолкнул от себя полководца Сарвараза. Будто бы он поверил доносам на измену Сарвараза и на его сношения с неприятелем и послал

доверенное лицо в Халкидон с приказанием убить предводителя, а отряд его привести в Персию. Посол Хосроя был будто бы перехвачен на дороге греками, и найденное у него письмо было показано Сарваразу, который сообщил о нем войску. Вероломный поступок Хосроя произвел весьма тяжелое впечатление на верного ему Сарвараза и заставил его изменить своему государю. Это сказание пытается объяснить тот факт, что стоявший под Халкидоном отряд ничем не заявил о себе и не произвел ожидаемой от него диверсии, но на самом деле об измене его нет положительных известий. Трудно также проверить те данные, которые касаются принятых Ираклием мер относительно движения вперед против Ктесифона, где персидский царь нашел себе убежище и где, однако, не считал себя вполне безопасным. Не подлежит сомнению то, что Ираклий в феврале и марте не продолжал наступления, а, напротив, отступил по течению Нарвы. Он надеялся, что затруднительные обстоятельства принудят Хосроя к уступчивости, и в этом настроении писал: «Своим движением вперед я стремлюсь к миру, ибо не по своей охоте предаю огню персидские селения, а вынуждаемый тобой Прекратим военные действия и заключим мир».

Персия испытывала крайнее напряжение, началось среди народа недовольство, вспыхнула революция. Весьма правдоподобное воззрение передается у Феофана. «Хосрой взял в военную службу всех людей своих чиновников и всю прислугу свою и жен своих и, вооружив их, приказал всех отослать в отряд Разада и стать лагерем на р. Нарве в 12 милях от Ктесифона и разрушить мосты через эту реку»[10]. Неудачная война и опустошения, произведенные византийским войском, произвели свое действие: «ненависть к Хосрою возросла среди персидского народа» В феврале и марте Ираклий находился в местности Газака, в горной цепи между Ассирией и Мидией. В это время в Персии произошел тот переворот, которого не без основания ожидал византийский император и который освобождал его от продолжения страшно утомительной войны. Вследствие общего недовольства против Хосроя произошла революция, причем власть перешла к Сирою, сыну Хосроя, который должен был озаботиться прекращением военных действий с Ираклием. После насильственной смерти Хосроя преемник его заключил вечный мир с византийским царем на условиях восстановления старой границы между империями и возвращения всех пленников с патриархом Захарием во главе. Но в глазах современников и с точки зрения Восточной Церкви неоцененное преимущество этого мира заключалось в том, что персы обязались возвратить христианам Животворящее древо креста Господня. К началу апреля 628 г. предварительные переговоры с Сироем доведены до конца, и Ираклий мог подумать о возвращении в Константинополь.

Выше было указано, что ход событий занимающего нас времени восстановляется по письму Ираклия, отправленному в Константинополь и торжественно прочтенному 15 мая в храме св. Софии. По возвышенному настроению и тону начало письма напоминает песнопения нашего благодарственного молебствия по случаю освобождения от нашествия Наполеона. «Воскликните Богу вся земля. Работайте Господу в радости, войдите пред лице Его в веселии и познайте, что господь есть сам Бог. Да возрадуется небо, и да веселится земля, и да наслаждается море и все

в них находящееся, и все христиане, хваля и славословя, возблагодарим единого Бога, радуясь во святом Его имени радостию великою. Ибо пал высокомерный и богоборный Хосрой, пал и низвержен в преисподнюю, и истребилась от земли память его. С шумом погиб тот нечестивый, который в надменности и презрении изрыгал нечестие на Господа нашего И.Христа, истинного Бога и пречистую Матерь Его, благословенную владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию. Обратился труд его на голову его, и на вершину его сошла неправда его. Ибо 24 истекшего февраля против него начал возмущение первородный сын его Сирой, как было о том сказано в первом нашем указе*, и все персидские архонты с местными войсками и с теми, которые были собраны с разных стран, перешли от проклятого Хосроя на сторону его сына вместе с Гурданаспой, прежним экзархом персидского войска. Тогда замыслил этот богоненавистный Хосрой спастись бегством и, будучи схвачен и заключен в оковы, посажен в новую крепость, им самим построенную для хранения накопленных им богатств. И 25 февраля Сирой короновался царем персов, а 28 того же месяца богоненавистный Хосрой был предан жесточайшей смерти, дабы познал, что родившийся от Марии Иисус, распятый иудеями, как он писал**, на которого он изрыгал хулу, есть Бог всемогущий, воздавший ему согласно писанному нами. В другом же нашем указе, данном из лагеря близ Ганзака, где изложены события от 17 октября до 15 марта, мы ознакомили вас с тем, как Бог и владычица наша Богородица сверх человеческого соображения оказали содействием нам и христолюбивым нашим воинам, и как побежал перед нами богоненавистный и позорный Хосрой от Дасдагерда в Ктесифон, и как погибли дворцы его со многими областями персидского государства, и как все это помогло Сирою начать против него заговор. После того, как мы послали этот указ 15 текущего марта с целью собрать точные сведения о Хосрое и Сирое, мы отправили в различные места нарочитых людей, которые 24 марта привели двух пленников, передавших нам донесение одного персидского протасикрита по имени Хосдаи, в котором значилось, что Сирой, провозглашенный на царство, отправил к нам его вместе с другими персами со своим письмом, и что он посылает двух упомянутых мужей вперед просить у нас охраны для его и сопровождающих его людей. Эта просьба Хосдаи была уважена. Как стало нам известно, он напуган был видом многих персидских трупов, лежащих на пути, число коих достигало 3 тысяч, и потому боялся пуститься в дальнейший путь без нашей охраны. Мы отправили 25 марта превосходительного стратилата Илию, по прозванию Варсока, и друн-гария Феодота с военным отрядом и с 20 запасными оседланными конями, чтобы встретить их и сохранно привести к нам. К ним присоединили и Гусданаспу Рази, персидского хилиарха, перешедшего на нашу сторону во время смуты. В том же стане близ Ганзака 30 марта получено было донесение от упомянутых Илии, Феодота и Гусданаспы, что их застигла вьюга в горах Цара, и что они прокладывают себе путь с помощью персов, что по дошедшим до них слухам недалеко от тех

* Этого документа не сохранилось

** Эти слова взяты из письма Хосроя к Ираклию, сохранившегося в армянской истории Себеоса (пер Патканова)

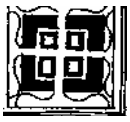
мест находится посольство Сироя, которое из-за снежных заносов не может двинуться далее в горы. Отсюда убедились мы и христолюбивое наше войско, как водила и водит и спасает нас милость и благость Божия. Ибо если бы мы замедлили еще несколько дней в горах Цара и если бы дождались там такой погоды, то при недостатке продовольствия в тех местах наши войска подверглись бы большим лишениям. Но по милости Божией, пришедши в область Ганзак, мы нашли здесь большие запасы продовольствия для людей и коней и могли расположиться в самом городе 1анзаке, который довольно благоустроен и имеет до 3 тысяч домов, так что в нем и в окрестностях мы могли с удобством провести значительное время. Мы провели в лагере близ Ганзака до 3 апреля, когда явился к нам Фэак от имени Сироя, которого мы приняли в тот же день и час. Он передал нам послание Кавата Сироя, царя персидского, в котором заключалось извещение о вступлении на царство и заявление о том, что он желает соблюдать мир с нами. Копию этого письма присоединяем к настоящему указу»*.

Ираклий оставался в 1анзаке до 8 апреля и, т. к. переговоры с Сироем обещали прийти к желательному концу, возложил дальнейшее ведение дела на своего брата Феодора и решился возвратиться в Константинополь. Возвращение императора в столицу было большим народным торжеством. Первоначальная встреча происходила во дворце Иерии, на азиатской стороне Босфора, близ нынешнего Кадикея, где была трогательная встреча отца с сыном-регентом[1J]. Триумфальный вход в Константинополь происходил через Золотые ворота по Месе до церкви св. Софии.

Персидская война составляет крупную эпоху в истории Византии. Персидской монархии нанесен был непоправимый удар; образовались в мировой политике или совсем свободные, или слабо замещенные позиции, которые Византийское государство не успело за собой укрепить. Сирия и Палестина, Египет и все области, недавно перешедшие под власть Персии, возвратились к Византии, но она не обладала достаточной силой ассимиляции и не возвысилась до широких мировых задач, которые предстояли ей Узкий национализм и религиозная исключительность, настаивавшая на признании единой догмы и жестоко преследовавшая за различия в религиозных верованиях, помешали Византии исполнить широкую политическую и религиозную миссию и открыли на Востоке свободный путь для распространения магометанства.

Церковное предание соединяет с обстоятельствами походов Ираклия в Персию следующие два празднества, соблюдающиеся доселе в практике Восточной Церкви; это, во-первых, акафист Богородице «Взбранной воеводе» и, во-вторых, Воздвижение Креста. Уже из этого можно вывести заключение о той глубине религиозного чувства, которое лежало как в основе веденной Ираклием персидской войны, так и в настроении современного общества.

* Документ сохранился в очень испорченном виде (Chron pasch 735)

Глава IV

Преемники Ираклия

Седьмое столетие вообще принадлежит к наименее освещенным историей эпохам средних веков. Это нельзя объяснять ни незначительностью происходивших в то время событий, ни отсутствием интереса к современным явлениям. Нет, в VII в. нарождались и частью развивались события громадной важности; достаточно указать на мусульманство, встряхнувшее весь тогдашний мир и давшее новое направление всемирной истории. Не было недостатка и в просвещенных лицах, которые понимали и могли оценить значение событий. Тем не менее, нужно признать существенным признаком времени утрату- идеалов, измельчание характеров и понижение талантливости в людях, которым выпадала руководящая роль в жизни... В VII в. выступают на сцену другие люди, отличающиеся от своих предшественников... Ясно, что мы имеем дело с переходной эпохой, в которую начинают иметь значительное влияние инородческие элементы, и что тохдашние государственные деятели не стояли на высоте задач, предстоявших к разрешению Византийской империи. Тем не менее, было бы ошибочно высказывать такое суждение о занимающей нас эпохе, что она не представляла в себе ни живых элементов последовательного развития, ни таких зачатков органической жизни, которые в будущем не дали бы зрелого плода. Конечно, и в это время происходил обмен начал, какими живет человечество; одни теряли обязательную силу, другие нарождались и приобретали авторитет; находясь, однако, перед общеизвестным фактом, состоящим в скудости исторического материала, мы должны попытаться проникнуть в психологию событий и объяснить те настроения, которыми создавались исторические факты.

Когда Ираклий принимал последние распоряжения в обеспечение престолонаследия, дела империи находились в полном расстройстве. В течение десяти лет, которые разделяют мир с Персией от смерти Ираклия (641), и при ближайших его преемниках на Востоке произошел громадный переворот, совершенно уничтоживший былое влияние и величие Византии. Театр героических подвигов Ираклия — Персия, исконные области империи на Востоке — Сирия и Палестина, наконец, Египет и часть островов были уже отторгнуты от Византии, морская власть на Средиземном море начинала переходить к арабам, словом произошел ряд событий громадной важности, совершенно изменивших взаимное положение исторических народов и государств. Для всего Востока и южноевропейских стран, как Италия, Франция, Испания, седьмое столетие напоминало бурную эпоху Великого переселения народов, и если внесенное арабами и славянами потрясение не сопровождалось теми же последствиями, что Великое переселение народов, то причина тому все же находится в относительной твердости военной организации империи, в новых началах, проведенных в гражданскую администрацию, наконец,

в церковном устройстве христианской Церкви, которая нередко принимала на себя тяготы гражданского управления и восполняла слабость светской власти. Выставить все эти разнообразные элементы, указать их происхождение и роль в событиях составляет необходимую для нас задачу. Но для выполнения ее встречаются значительные трудности, которые мы надеемся препобедить тем, что не будем стремиться к полноте изложения скудно освещенных летописцами и неискусно подобранных фактов, а лишь к наиболее ясной группировке и систематизации тех немногих событий, в которых выражено существенное содержание эпохи и настроение современных деятелей.

Семейное положение царского дома представляется в следующем виде. Ираклий от двух браков, с Евдокией и по ее смерти с Мартиной, имел четырех сыновей Старший сын Константин, бывший членом регентства во время персидских походов, происходил от первого брака; остальные же: Ираклий или Ираклеон, Давид и Марин — от брака с Мартиной. Константин носил сан кесаря и принимал уже участие в политических делах, между прочим, вел войну с арабами. Будучи уже почти 30 лет от роду, он, естественно, должен был считаться прямым наследником Ираклия. Второй по старшинству сын по имени Ираклеон происходил от второго брака, на нем почили честолюбивые надежды Мартины, которая употребила все свое влияние, чтобы и он был назначен кесарем еще при жизни Ираклия, и чтобы по смерти отца он разделял власть со старшим братом. Честолюбие Мартины шло еще дальше: она желала стоять во главе правительства вместе с своими сыновьями. Неожиданная смерть Константина, случившаяся через три месяца после вступления на царство, открывала широкую дорогу для замыслов императрицы-матери, но против нее было общественное мнение, которое приписывало отраве преждевременную смерть Константина.

Против Мартины и ее сына Ираклеона составилась значительная партия, во главе которой стояло военное сословие; для привлечения на сторону этой партии народных симпатий выставлены были интересы внуков Ираклия, сыновей умершего Константина, которым якобы угрожало честолюбие Мартины. В 642 г. по воле сената и народа партии царицы-матери нанесен был страшный удар. Мартина была присуждена к отсечению языка, а ее сын — к не менее жестокому и более позорному наказанию, которое потом повторяется по отношению к лицам царской фамилии,— к усечению носа. После этого жестокого изуродования царица и ее сын сосланы в заточение, где никто о них не вспоминал, и где оба кончили в безвестности свою жизнь.

Власть переходила к внуку Ираклия, рожденному от старшего его сына, Константина, по имени Констант. Чтобы иметь возможность составить себе понятие о политическом значении переворота, достаточно привести содержание речи, какую вновь избранный царь, которому было только 11 лет, держал к сенату: «Мой родитель Константин продолжительное время царствовал вместе со своим отцом, а моим дедом Ираклием, и по его смерти жил весьма короткий срок, ибо зависть Мартины, его матери, пресекла его лучшие надежды и отняла у него жизнь — в пользу Ираклеона, который был плодом незаконного сожития между Ираклием и Мартиной. Ваш боговдохновенный приговор

справедливо низверг с престола как мать, так и сына, дабы Ромэйское царство не было свидетелем беззакония. Ваше достопочтенное собрание, так мудро взвесившее этот вопрос, приглашаю давать мне совет и делиться опытом на общее благо моих подданных»[1].

Стоит лишь вспомнить о возрасте Константа, чтобы понять, что вышеприведенные слова характеризуют не личное его мнение, а передают настроение получившего с возведением его на престол большинства и рисуют в главных чертах взаимное положение партий как в последние годы Ираклия, так и при его преемниках. Очень резкое обвинение, брошенное против Мартины и Ираклия в незаконном сожитии, передает воззрения той церковной партии, которая с неудовольствием смотрела на брак Ираклия с племянницей и не могла ему простить нарушения церковных правил. Нельзя, кроме того, не обратить внимания на влиятельную роль сената в деле правительственного переворота и не отметить господствующего положения, предоставленного ему в малолетство Константа, который приглашает сенат оказывать ему содействие и подавать совет.

Продолжительное царствование Константа, от 642 до 668 г., соответствовало эпохе, чрезвычайно богатой разнообразными событиями, которые хотя в большинстве не зависели от его воли, но значение которых в жизни империи могло бы быть гораздо гибельней, если бы Констант не был проникнут государственными идеями и пониманием политического положения дел. Это был человек твердой воли и недюжинных способностей, который не уклонялся от борьбы и не бегал опасности. Но ему трудно было при всех благоприятных обстоятельствах вступления на престол удержать за собой популярность в Константинополе. Военная партия, которая возвела его на престол как прямого потомка Ираклия, скоро охладела к Константу, а его церковная политика возбудила против него духовенство и народные слои и сделала его весьма непопулярным в столице.

Говоря о церковной политике, мы должны возвратиться к тому вопросу, который не переставал занимать умы в течение всего VI в., к вопросу о божеском и человеческом естестве Богочеловека. К VII в. из монофизитского учения возникла догма монофелитская, снова взволновавшая умы и бывшая причиной разнообразных нестроений. Монофелитское учение развилось на почве совершенно искренних стремлений найти средний термин для примирения монофизитов с господствующим церковным учением. Умный политик и искренний патриот император Ираклий не мог хладнокровно относиться к тому положению, в котором он нашел церковный вопрос. Ввиду опасности, угрожавшей Востоку сначала от Персии, а потом, под конец его царствования,— от арабов, Ираклий хорошо понимал всю глубину несчастия, проистекавшего от религиозных смут, вследствие которых Сирия, Палестина и Египет все более и более теряли связь с центром и стремились к обособлению. Патриарх Сергий, к которому Ираклий питал особенное доверие, проводил в церковном вопросе примирительные взгляды и пытался привести к той же политике Ираклия[2].

Уже во время своих походов на Восток, начиная с 622 г., император вступил в сношения с монофизитскими епископами, и таким образом мало-помалу подготовлялась почва для учения об одной воле

и одной энергии во Христе. Решительным шагом в этом смысле было возведение в 631 г. на патриарший престол в Александрии епископа Кира, который был убежденным проповедником учения единой воли и который начал с большим успехом проводить в своей области примирение монофизитов с церковным учением. Патриарх Сергий, с своей стороны, поощрял деятельность александрийского собрата. Общее настроение на Востоке было благоприятное для взаимного примирения, но вошедшее тогда в оборот мнение, что «Халкидон приобщился к моно-физитам признанием единой энергии во Христе», не было основательным. Однако сильным противником новой формулы соглашения оказался александрийский монах Софроний, который настоятельно убеждал патриарха Кира удержаться от провозглашения учения об одной энергии и с тем же предложением прибыл в Константинополь к патриарху Сергию. Скоро затем, именно около 634 г., Ираклий приказал патриарху Сергию сделать сводку мест, касающихся учения об единой энергии; в то же время начаты были сношения по этому вопросу с папой Пшорием, который, соглашаясь с мнением константинопольского патриарха, вообще не одобрял словопрений по вопросу об энергиях и советовал предоставить это дело грамматикам.

Между тем упомянутый выше монах Софроний возведен был в патриархи Иерусалима. В своем исповедании веры новый патриарх тщательно уклонялся о г вновь придуманной формулы соединения, хотя не делал никаких намеков на лица и учение об единой энергии. Вероятно под влиянием новых разговоров, вызванных исповеданием веры Софрония, патриарх Сергий в 636 г. составил проект указа, который в 638 г. был подписан Ираклием и опубликован под именем «Экфесис», т. е. «Изложение», признанный на константинопольском поместном соборе вполне согласным с апостольским учением. Этому акту суждено было играть важную роль в последующей истории церковного движения, хотя и не в том значении, как надеялся патриарх Сергий. В «Изложении» сделана попытка примирить православие и монофизитство посредством введения догмата единой божественной воли во Христе при двух есте-ствах (монофелитство). Как мало, однако, «Изложение» принесло успокоения, видно из того, что сам Ираклий через год после его издания уже отказывался от этого акта в своей переписке с римским епископом: «„Экфесис" не мой, не я его составил, а патриарх Сергий, просьбам которого я уступил и подписал его». Вслед за изданием «Изложения» произошло следующее.

Настоящий творец проекта единения патриарх Сергий умер в том же 638 г.; озаботиться сообщением «Изложения» другим патриархам выпало на долю преемника Сергия патриарха Пирра. Между тем против нового акта началась сильная оппозиция в Риме, может быть, вызванная не столько самым существом дела, как необычным способом сообщения его Западной Церкви. Тогдашний экзарх Равенны патрикий Исаак вооружил против себя римское духовенство уже тем, что по смерти папы Гонория самовольно захватил Латеран и часть имущества папы и тем настроил враждебно против византийской церковной политики нового папу Иоанна IV. При этих условиях император Ираклий готов был отказаться от «Изложения», а после его смерти римский папа настоятельно требовал от сыновей его Константина и Ираклеона пожертвовать

«Изложением» ради мира Церкви и не вводить нового принципа, могущего возбудить смуту. Последовавшие в Константинополе дворцовые перевороты, о которых говорено выше и вследствие которых власть перешла к малолетнему Константу, затормозили начатое из Рима движение и придали отношениям между Римом и Константинополем довольно острый характер. В перевороте, сопровождавшемся низвержением Мартины и возведением на престол Константа, оказался замешанным патриарх Пирр, который принужден был бежать из Константинополя в Карфаген. Римский епископ, пользуясь нестроениями политическими и церковными, требовал от вновь избранного патриарха Павла II (641—654), чтобы он разобрал на соборе дело своего предшественника и отменил «Изложение», иначе отказывался принять его в общение и признать его избрание.

Хотя в Константинополе продолжали держаться пресловутого акта, но против него началось сильное движение и в Африке, где находился низложенный патриарх Пирр, который присоединился к западной точке зрения на «Изложение» и за то признан был в Риме в правах патриарха Константинополя. Наступил весьма опасный период церковных споров, который сопровождался весьма натянутыми отношениями к Риму и, с другой стороны, совершенно отсекал от единения с православием африканских коптов. При таком положении дел, и в особенности когда римский епископ принял участие в церковном и политическом движении провинции Африки и подверг отлучению возведенного на место патриарха Пирра преемника его Павла, в Константинополе пришли к сознанию необходимости уступок. Этими настроениями внушено было издание в 648 г. нового церковного акта, известного под именем «Тип», которым патриарх Павел имел намерение удовлетворить недовольных и восстановить церковный мир. В этом акте, скрепленном подписью императора Константа, устранены все догматические положения, и его назначение ясно определяется следующим местом: «Воспрещается всем нашим православным подданным на будущее время поднимать споры об одной воле или об одном действии, о двух действиях или двух волях, и, чтобы отнять всякий предлог у желающих спорить без конца, мы приказали снять вывешенное на паперти Великой церкви „Изложение". Кто осмелится поступить вопреки сему распоряжению, подлежит страшным наказаниям».

Но издание «Типа» далеко не привело к желанному результату. В Риме не только не были удовлетворены и не соглашались примириться, но преемник Феодора папа Мартин I на латеранском соборе 649 г., на котором приняли участие как представители итальянского, так и греческого духовенства, между прочим, и известный Максим Исповедник решительно восстали против этого акта и послали определения собора как императору, так и всем епископам. Еще важней то, что и среди православного византийского духовенства началось сильное брожение и недовольство церковной политикой. Точка зрения православной партии выясняется следующими словами св. Максима: «Кто из верных может принять этот указ, запрещающий говорить о том, о чем Сам Господь говорить повелел чрез своих апостолов и учеников? Кто вместе с неистовыми еретиками отвергает святых (а таковы все не желающие говорить ни об одной, ни о двух волях), тот вместе с диаволом отвергается Бога.

Делайте со мной что хотите, но я никогда не буду иметь общения с теми, кто принимает „Тип"».

Однако император Констант не остановился перед самыми решительными мерами, чтобы сломить упорство римского епископа и дать торжество своей церковной политике. В связи с занимающими нас событиями стоит упоминание о Херсонисе на южном берегу Крыма, куда в 653 г. сослан был в ссылку папа Мартин I. Решительные меры, принятые этим папой против монофелитизма и против «Типа», побудили императора начать с ним открытую борьбу. Он приказал экзарху Олимпию отправиться в Рим и захватить папу. Но при этом произошли совершенно неожиданные события. Экзарх Олимпий не наложил руки на папу, а, напротив, вступил с ним в дружеские отношения и ослушался императора. Только преемнику Олимпия экзарху Феодору Каллиопе удалось в 653 г. обманным образом посадить папу Мартина на корабль и доставить в Константинополь. Здесь его заключили под стражу, предали суду и присудили к изгнанию. В Херсоне, находясь в тяжелых условиях вследствие недостатка удобств и необходимых средств к жизни, на что он жалуется в своих письмах [3], томился он непродолжительное время и умер 16 сентября 655 г.

Религиозная борьба нисколько не утихала после изложенных событий. Примирительная политика императоров, объясняемая желанием сохранить в единении с православием отделившийся монофизитский Восток, не привела к ожидаемой цели. С течением времени, вследствие сделанных арабами завоеваний в областях, отторгшихся от церковного единения с Константинополем, утратилась и самая основа для примирительных проектов и уступок, почему в 680 г. при царе Константине Погонате на VI Вселенском соборе вопрос о двух энергиях и волях во Христе решен был без отношения к «Изложению» и «Типу».

Наиболее существенным выразителем политических планов Константа служит то, что последнюю часть своего царствования он провел не в Константинополе, а на Западе, частью в Афинах, частью в Южной Италии, именно в Сиракузах. Не в первый и не в последний раз у царей из дома Ираклия являлась мысль перенести столицу в другое место. Несомненно, в течение VII в. еще возможно было колебание по отношению к этнографическим основам, на каких будет строиться империя. Может быть, что угрожавшая опасность от арабов внушала совершенно основательную мысль перенести столицу из Константинополя, для которого в особенности становилось опасным одновременное движение на него из Европы и Азии, и для безопасности которого морские походы арабов на Средиземном море представляли большую опасность. Может быть, сознавалось глубокое значение для Восточной империи ее итальянских владений, и настояла надобность сделать попытку освободить Италию от лангобардов. Так или иначе, чтобы понять попытку Константа перенести свое пребывание на Запад и чтобы объяснить почти шестилетнее проживание его в Сиракузах, необходимо войти в подробное рассмотрение византийско-итальянских отношений в VII в., чем займемся в следующей главе.

Насильственная смерть Константа в Сиракузах в 668 г. показала, что вокруг него было много недовольства, и что в сопровождавшей его армии была тенденция отложиться и избрать своего царя.

Выдвинувшийся при этом совершенно неизвестный Мизизий армянского происхождения был, по всей вероятности, подставным лицом, т. к. по усмирении военного бунта кара постигла некоторых лиц с более громкими именами, Юстиниана и Германа; последний был впоследствии патриархом.

Старший сын Константа, Константин IV, получивший прозвание Погонат (668—685), вслед за известиями о событиях в Сиракузах немедленно отправился с флотом в Сицилию и при помощи войска, доставленного ему экзархом из Италии, скоро потушил бунт в Сиракузах и предал смерти как самозванца Мизизия, так и других причастных к движению. Говорят, что при отправлении в экспедицию он был безбородым, а возвратился с густыми на щеках волосами, откуда и произошло данное ему прозвище Погонат. В высшей степени трудно характеризовать деятельность Константина IV, и это не потому, чтобы его время было бесцветным и не представляло выдающихся событий; напротив, внутри и вне империи совершается процесс громадной исторической важности, подготовляющий полный переворот политических отношений империи столько же на Востоке, как и на Западе.

Именно при преемниках Ираклия на Востоке почти незаметно для современников выросла громадная политическая и военная сила, проникнутая духом религиозной пропаганды, которая с неудержимой силой распространяла в исконных областях империи быстрые завоевания и отнимала у византийского императора провинцию за провинцией. В занимающую нас эпоху никто не мог сказать, как далеко пойдут арабские завоевания, и каким путем можно спасти ближайшие к Константинополю области, в особенности принимая в соображение то обстоятельство, что арабы вырвали у Византии долго никем у нее не оспариваемое морское могущество на Средиземном море. Излагая историю преемников Ираклия, при которых происходило распространение власти арабов на счет империи, мы не могли касаться арабского вопроса, разве только мимоходом, чтобы изложить его в особой главе со всеми подробностями, каких требует существо предмета.

С другой стороны, арабско-мусульманский вопрос, затронувший самые основы существования империи, уже сам по себе отразился многообразными влияниями на административном строе и социальном положении населения Византийского государства. Нужно помнить, что во все времена Восточная империя черпала свои материальные средства и военные силы из восточных провинций. Арабы своими завоеваниями и, главным образом, своими ежегодными набегами на плодородные области Малой Азии лишили империю ее жизненного нерва, вырвали у нее самые населенные и обработанные области, из которых она собирала людей и хлебные запасы. Чтобы восстановить нарушенное на Востоке положение дел, необходима была экстренная мера, которая в одно и то же время обеспечила бы малоазийские провинции от враждебных набегов и, с другой, возвратила им трудовое население и культурные условия жизни. В течение VII в. и преимущественно при Константе и его преемниках начинает обнаруживать в империи свое влияние вновь народившаяся административная система, известная под именем фемного устройства, цель которой была именно в том, чтобы урегулировать положение провинций, выведенных из обычных условий

жизни столько же арабскими завоеваниями на Востоке, как славянской иммиграцией на Западе. История административных мероприятий, постепенно подготовивших фемную систему, составляет также отличительную черту излагаемой эпохи. Легко понять, что и этот вопрос нуждается в особом внимании и не может быть изложен мимоходом. Принимая во внимание вышесказанное, характеристика деятельности внуков и правнуков Ираклия, если их не ставить в соприкосновение с главнейшими фактами эпохи, будет всегда неполна.

Переходим к истории Константина IV. У него было два брата, Тиверий и Ираклий, которые, по-видимому, желали разделять власть вместе с Константином, и один из которых, во всяком случае, должен был принять на себя регентство, пока старший брат был в Италии. Весьма любопытно, что в ближайшее время за провозглашением Константина в Константинополе начался военный бунт. Часть войска, находившегося в Азии, вступила в Хрисополь и требовала, чтобы братья императора были коронованы, и чтобы на троне была царственная троица в соответствии с небесной Троицей. Но военное движение было потушено со страшной жестокостью. Вожди движения поплатились жизнью, а братья опозорены членовредительством (вырвана часть носа). Главные события времени Константина IV, с точки зрения политической и церковной истории, суть: а) война с арабами, которые дошли до самого Константинополя и подвергли его продолжительной осаде; б) разрешение продолжительных церковных споров на шестом Вселенском соборе в 680 г. Независимо от того не прекращались попытки правительства установить более правильные и благоприятные для империи отношения к славянам. Во всех этих событиях Константин заявляет себя чертами мужественного и энергичного характера и правильным пониманием потребностей государства. Арабское движение в первые годы Константина усилилось до такой степени, что в течение семи лет; с 672 г. арабский флот ежегодно входил в Дарданеллы и подвергал Константинополь тесной осаде с моря. Нельзя, конечно, отрицать значения за этими морскими набегами, начинавшимися весной и продолжавшимися до осени каждый год. Зимняя стоянка неприятельских кораблей была в Кизике, и империя не находила достаточных средств вытеснить арабов и освободить столицу от такого опасного соседства. Но едва ли можно приписывать этим набегам такое широкое, даже мировое значение, как это сделал Папарригопуло [4], и сопоставлять деятельность Константина IV с заслугами Карла Мартелла. Прежде всего ясно, что это не была осада в тесном смысле, т. к. не видно, чтобы арабы делали высадку и облагали столицу с суши и с моря, как это было сделано персами и аварами в 626 г. или как будет повторено теми же арабами при Льве Исавре в 717 г.

Нужно, однако, отдать справедливость принятым Константином мерам. Несмотря на то, что Константинополь бывал отрезан от морских сношений, все же в нем были собраны достаточные военные средства и продовольствие, и ни разу столица не оказалась в таком затруднительном положении, чтобы склониться перед врагом. Напротив, в распоряжении императора оказывается в это время такое военное средство, какого не имели враги и какое в течение всех средних веков давало византийцам постоянное и бесспорное преимущество

перед всеми врагами на море. В это время в первый раз доходят известия об изобретении Каллиником, инженером или архитектором сирийского происхождения, особого горючего состава, который имел способность гореть на воде и производил страшный переполох в неприятельском флоте. Это есть знаменитый «греческий огонь», иначе жидкий или морской огонь, который составлял секрет византийского военного искусства и долгое время давал империи преимущество в морских ее войнах... Константином применено было это изобретение против арабского флота. Для этого были им построены особые суда, на которых расположены были сифоны или глиняные сосуды с жидким составом, который мог возгораться при соблюдении известных условий [5]. Обладая таким средством, византийский флот не только с успехом отражал нападения неприятеля, но и наносил ему существенный вред и большие потери.

Таким образом, после ежегодной неудачной попытки в течение семи лет захватить город арабы, наконец, со стыдом должны были удалиться, замечает летописец, несомненно пользовавшийся здесь каким-нибудь не дошедшим до нас житийным материалом. Окончательное расстройство неприятельским кораблям нанесли бури, застигшие их близ Силея у берегов Памфилии, и подстерегавший их здесь имперский флот под предводительством стратига фемы Кивиррэотов. В то же время произошло сухопутное сражение арабского отряда с византийскими войсками, в котором арабы потеряли 30 тыс. убитыми. Вообще нужно думать, что это была значительная удача Константина Погоната в борьбе с арабами, которая имела последствием заключение 30-летнего мира (678) на весьма благоприятных для империи условиях. Можно думать, что этими счастливыми обстоятельствами и перевесом в борьбе с арабами греки были обязаны изобретению Каллиника[6].

В церковном отношении этот период также ознаменовался положительными приобретениями для Церкви. Т. к. все распоряжения и акты со времени Юстиниана I, клонившиеся к умиротворению Церкви и имевшие целью возвращение к православию монофизитов, не привели к желаемому концу, и т. к. с арабскими завоеваниями почти все монофизит-ские области отошли от империи, то не представлялось более надобности настаивать на признании тех актов, которые были изданы императорами в целях уступок инакомыслящим и которые сделались поводом к новым спорам и церковным разделениям (монофелитство). Константин очень верно оценил положение этого вопроса и, как только освободился от арабского нашествия, обратился к папе Агафону (678— 681) с письмом, в котором, указав на свою терпимость в церковных делах, выразил мнение, что нет нужды продолжать споры до бесконечности к радости еретиков и язычников. Поэтому он предлагал папе послать в Константинополь своих уполномоченных, чтобы сделать попытку соглашения по спорным вопросам, обещая, с своей стороны, полное беспристрастие и безопасность для представителей Римской Церкви.

Прежде чем ответить на приглашение императора, папа собрал поместный собор, обсудил на нем вопрос о монофелитстве и приготовил таким образом готовый материал для будущего соборного решения. Вот почему шестой Вселенский собор мог собраться лишь в 680 г. На нем

были представители от лица папы, три епископа от имени собравшегося в Риме поместного собора, несколько монахов из греческих монастырей. Римский епископ снабдил своих уполномоченных письмом на имя императора, в котором указал, между прочим, что неблагоприятные обстоятельства, постигшие Западную Церковь, являются причиной того, что ее представители не обладают такой ученостью, как восточные богословы, и что он для руководства им дал подробное догматическое письмо[7]. Со стороны Восточной Церкви на соборе присутствовали патриархи константинопольский и антиохийский; что касается александрийского и иерусалимского патриархов, от них на соборе были представители. Собор открыт под председательством императора 7 ноября 680 г. в царском дворце, в сводчатой зале, называемой трулл.

Собор имел 18 заседаний, и последнее его заседание было 16 сентября 681 г. Большие промежутки между заседаниями были употреблены на подготовку материала и на обсуждение главных положений по спорным вопросам. Уже на первых заседаниях выяснилось, что император стоит на одинаковой точке зрения с представителями папы. Последние начали с того положения, что т. к. монофелиты хотели ввести новшества в воспринятую от святых отцов веру, то на них и лежит обязанность привести доказательства. Но когда антиохийский патриарх Макарий начал ссылаться на тексты в доказательство монофелитской догмы, отцы собора признали эти ссылки частью недоказательными, частью недостаточными, частью, наконец, не соответствующими рукописным данным, хранившимся в патриаршей библиотеке. Макарий оказался главным защитником монофелитского учения и поплатился за свою настойчивость лишением престола и отлучением от Церкви. Выставленные римским епископом Агафоном положения были признаны собором соответствующими апостольскому и отеческому учению и положены в основание соборных определений. Подверглись отлучению четыре константинопольские патриарха, наиболее резко высказывавшиеся против Рима во время религиозных споров: Сергий, Пирр, Павел и Петр. Но, как будто в удовлетворение Восточной Церкви, внесен был в список отлученных и один из римских пап— Гонорий. По вопросу догматическому состоялось следующее определение: Церковь признает во Христе два естества соединенные, но не слитые, и две воли. На будущее время положен строгий запрет на дальнейшие споры об этом догмате под угрозой для лиц духовного сана—извержения, а для мирян—лишения имущества. На последнем заседании император выразил пожелание от имени собора, чтобы подлинный и скрепленный подписями экземпляр деяний препровожден был каждому патриарху. В особом послании к папе Агафону собор выражал ему похвалу как столпу православия, уведомил его о постановлениях соборных и просил оказать им поддержку.

Деяния шестого Вселенского собора имеют важное значение в истории Церкви. Прежде всего на этом соборе восстановлен был мир в Церкви; кроме того, здесь было достигнуто после взаимных уступок соглашение между папой и императором. Римский престол в особенности много выиграл на этом соборе как вследствие авторитетного и влиятельного положения, занятого на соборе папой и представленным им изложением веры, так и теми преимуществами, какие за ним были

признаны частью открыто, частью по молчаливому согласию. Так, между прочим, архиепископы Крита, Солуни и Коринфа рассматривались как папские викарии, автокефальность Равенны ограничена была некоторыми условиями; право суда римского престола над восточными епископами признавалось, между прочим, по делу патриарха Макария, которое после соборного решения представлено было на окончательный приговор папы. Возобновление правильных сношений между Римом и Константинополем имело последствием назначение вновь постоянных римских представителей в столице империи. Все эти преимущества получали двойное значение для римского престола, если принять в соображение то обстоятельство, что к концу VII в. лангобардская Италия постепенно переходила от арианства к католичеству.

Спустя четыре года после VI Вселенского собора Византийская империя за смертью Константина Погоната перешла к его сыну Юстиниану II, имевшему только 16 лет от роду. Это был последний представитель дома Ираклия, обладавший значительными дарованиями и природными способностями, свойственными всем потомкам Ираклия, но, вместе с тем, человек, не получивший дисциплины ума и много повредивший как лично себе, так и государству необдуманными решениями и жестокими поступками. Юстиниан II, царствовавший два раза, в первый раз от 685 до 695 г и во второй — от 705 по 711г., был поставлен лицом к лицу с событиями большой исторической важности, подготовлявшимися в продолжение всего VII в. Это был арабский вопрос на Востоке и славянский на Западе; последний осложнился еще тем обстоятельством, что в нем стали принимать участие болгаре, переселившиеся за Дунай и начавшие основывать на Балканском полуострове независимое государство. Нося славное имя Юстиниана и питая в душе широкие притязания, молодой царь не имел счастья собрать около себя способных государственных людей, каких было много около Юстиниана I, а те министры, на которых он полагался и которые его именем управляли делами, не имея способностей сотрудников Юстиниана, превосходили их корыстолюбием, жадностью и всяческими недостатками. Вследствие этого Юстиниан II не возбудил к себе добрых чувств между современниками и не имел приверженцев. Когда после десятилетнего правления против царя началось в Константинополе движение, он был схвачен вместе со своими ненавистными сотрудниками Феодосием и Стефаном и подвергся обычному в ту эпоху жестокому членовредительству, а его министры публично на площади преданы сожжению. Юстиниан отправлен в заточение в Южную Россию, в Херсон, где, однако, не успокоился, а ровно через десять лет снова достиг престола и царствовал во второй раз, имея прозвание Ринотмит (с прорванными ноздрями).

Оценка правления Юстиниана II представляет немаловажные трудности в том отношении, что вместе с ним заканчивается подготовительный период образования византинизма, что к его времени, с одной стороны, обнаруживаются во всей силе разрушительные элементы, наносившие удар старой системе, с другой — начинают входить в жизнь новые начала, которыми империя могла не только поддерживать свое существование, но еще испытать эпохи подъема материальных и духовных сил и накопления культурных богатств, которыми она успела поделиться со славянами. Попытаемся бросить взгляд на главные события времени Юстиниана II.

Хотя с арабами был заключен мир при Константине Погонате, но Юстиниан воспользовался смутами, происшедшими в калифате, и начал войну. Победы полководца Леонтия заставили арабов предложить новые условия мира, гораздо более благоприятные, чем бывшие при Константине. Между прочим, очень важное обязательство принял калифат: уделять Византии половину дани с Армении, Грузии и Кипра, но, взамен того, император обязался вывести с Ливанских гор военную колонию мардаитов, которые в качестве тогдашних клефтов наносили своими неожиданными набегами большой вред сирийским арабам. Перемещения целых племен из одной местности в другую характеризуют данную эпоху, и потому едва ли следует так отрицательно смотреть на принятую Юстинианом систему, как это делают новые историки[8]. Поселения большими массами разных племен на свободных местах должны быть рассматриваемы в связи с новой административной системой, которая тогда входит в практику и объясняется редкостью населения в одних провинциях и густой иммиграцией славян — в других. Настойчивое желание ослабить арабов и новая с ними война в 692 г. едва ли не объясняется преувеличенными надеждами Юстиниана на те военные колонии из славян, которые к тому времени были основаны в Азии именно с целью успешнейшей борьбы с арабами. Весьма любопытно отметить, что на этот раз расчет оказался ошибочным, ибо славяне в критический момент перешли на сторону врага, что и вызвало поражение императора и обращение его в бегство.

Сколько на Востоке представляли постоянную опасность арабы, столько же на Западе угрожали набегами и опустошениями славяне и болгаре. И здесь походы Юстиниана не всегда были удачны; но т. к. не могло быть речи о полном восстановлении спокойствия в провинциях Фракии и Македонии, давно уже находившихся в процессе брожения и смуты, то можно считать некоторым успехом уже и то, что Византия все же находила средства не только удержать за собой западные области на Балканском полуострове, но и произвести такие реформы в их администрации, которые способствовали упорядочению их быта и усилению оборонительной силы их.

В 695 г. против Юстиниана составился заговор, вследствие которого, как сказано, он был лишен власти и сослан в заточение в Херсон. Здесь в первый раз в круг исторического кругозора непосредственно входят области, принадлежащие к Русскому государству. Несколько выше была речь о ссылке в Херсон папы Мартина, и в связи с этим обстоятельством дошли до нас известия о положении, в каком находилась эта удаленная от Константинополя провинция. Особенный интерес, возбужденный к истории Херсониса в русской исторической науке, способствовал тому, что мы можем бросить некоторый свет на эту провинцию[9]. Оказывается, что Херсонис издавна был торговым городом. Около города были соляные варницы на озерах. Добывалось также множество рыбы в реках Черноморского бассейна, которая приготовляема была впрок и составляла предмет вывоза. Черноморская икра и соленая рыба были лакомым блюдом у византийцев*. Но, с другой стороны, благосостояние города зависело от доставки хлебных

*Между прочим, в переписке Мих. Акомината (ed. Λαμπρός).

продуктов из других византийских портов, и т.к., по письмам папы Мартина, в городе была крайняя дороговизна предметов первой необходимости, то можно догадываться, что его торговля в VII в. значительно пала, а это, в свою очередь, может служить вообще свидетельством жалкого положения зависевшей от Херсона области.

Находясь в Херсоне, Юстиниан, по-видимому, совсем перестал занимать внимание правительства и пользовался здесь известной свободой. Он нисколько не скрывал надежды снова вступить на престол и говорил об этом так открыто, что херсонесцы стали опасаться, как бы не навлечь на себя подозрения в сочувствии его замыслам, и приняли решение или убить его, или отправить узником в Константинополь. Но Юстиниан предупредил херсонцев и бежал в крепость Дорас, или Магнуп. на границе готских владений в Крыму. Отсюда Юстиниан завязал сношения с хазарами, которым принадлежала часть Крыма, и просил у кагана позволения поселиться в его владениях[10]. Тогда начинает несколько выясняться история хазар, этого любопытного народа, игравшего немаловажную роль в южнорусской истории. Мы уже знаем, что с хазарами начал сношения император Ираклий во время своих персидских походов, тогда их владения простирались на юге до Кавказских гор (до Аракса), на севере и востоке владения их граничили с финнами и болгарами. Когда последние в VII в. двинулись за Дунай, область, ими покинутая, занята была хазарами, и с тех пор они составляют в Юго-Восточной Европе важный этнографический и политический элемент и ведут войну за существование на два фронта: с арабами на Востоке, с империей — на Западе. В X в. хазарам нанесен окончательный удар победами русских князей. Таким образом, ясно, что, когда Юстиниан задумал заинтересовать в своем деле властителя хазар, которые были соседями империи на Черном море, то он поступил не так легкомысленно, как это могло бы казаться с первого взгляда. Хазарский народ отличался в известной степени зачатками культуры, не чужд был христианства, вел обширные торговые сношения с Восточной Европой и Персией. Для хазар не было безразлично, таким образом, воспользоваться смутами в империи и оказать поддержку претенденту на византийский престол.

Переговоры Юстиниана с каганом привели их к полному соглашению. Бывший император убедил кагана в солидности своих прав и основательности надежд на возвращение престола. Юстиниан породнился с каганом браком, женившись на его сестре, носившей христианское и громкое в империи имя Феодоры. Претенденту предоставлено было жить в Фанагории, откуда он мог поддерживать сношения с недовольными существующим правительством в Константинополе. Но ему предстояло впереди испытать еще много неожиданностей. Тогдашний царь Тиверий III был встревожен дошедшими до него известиями и послал к кагану посольство с дарами и настоятельной просьбой выдать ему Юстиниана живым или мертвым[11]. Каган не остался глух к дарам и делаемым обещаниям и распорядился, чтобы за Юстинианом учрежден был тайный надзор. Вместе с тем, поручено было правителю Фанагории и начальнику Боспора принять меры к убийству Юстиниана. Намерения кагана и сделанные им распоряжения сделались известны Феодоре, которая посвятила в них своего мужа и дала ему возможность избежать угрожавшей опасности.

Здесь начинается новая фаза приключений Юстиниана. Убив сам тех лиц, которые следили за ним, и оставив свою супругу на попечение тестя, Юстиниан устроил тайное бегство из Фанагории на заготовленном заранее корабле и с теми приверженцами, которые у него оказались в то время, пошел вдоль южного берега Крыма до гавани Символа (Балаклава), где вошел в сношения с преданными ему и очевидно сочувствовавшими задуманному им предприятию людьми в Херсоне. Все эти подробности должны быть хорошо взвешены, ибо они объясняют, что у Юстиниана была партия, которая обеспечивала ему успех в его замысле. Как можно понять из дальнейшего, Юстиниан, потеряв надежду на хазар, рассчитывал теперь найти союзника в другом месте. Из Херсона он направился вдоль северо-западного побережья Черного моря к устьям Дуная и нашел здесь гостеприимство у хана болгарской орды, еще весьма недавно переселившейся за Дунай и начавшей устраиваться на Балканском полуострове, по имени Тервель.

Хотя не все еще выяснено в обстоятельствах утверждения болгар за Дунаем, но весьма вероятно, что главный болгарский стан тогда уже был на месте нынешней деревни Абобы, близ Шумлы и Преславы[12]. Ханы болгарской орды, распространившие свою власть над славянами, жившими на север от Балкан, делали уже неоднократную попытку утвердиться и на юг от Балканских гор и зорко следили за событиями в империи, которыми всегда пользовались для своих набегов в имперские области. Как показывают древнейшие памятники болгарского быта, найденные при раскопках их древней столицы, болгаре скоро подчинились культурным влияниям, идущим из Константинополя, и ханы их постепенно вводили при своем дворе обычаи и обряды византийского двора.

Юстиниан мог быть заранее уверен в благорасположенном приеме хана Тервеля, т. к. последний хорошо мог оценить представляемые в деле восстановления Юстиниана на троне важные выгоды. Посланный для переговоров с Тервелем некто Стефан поставил вопрос так ясно и столько надавал обещаний болгарскому властителю, предлагая скрепить союз даже браком Тервеля с дочерью Юстиниана, что план похода на Константинополь с целью восстановления на престоле сверженного императора решен был без колебаний. Юстиниан был принят в болгарском стане с большими почестями и провел между болгарами осень и зиму 704/05 г. Весной предпринят был поход на Константинополь, в котором вместе с болгарами принимали участие и подчиненные им славяне. Из хода дел ясно, что правительство не приняло никаких серьезных мер против Юстиниана и его союзников. Без всякого сопротивления болгаре дошли до стен Константинополя и три дня стояли под стенами в ожидании сдачи города, в котором была значительная партия приверженцев последнего представителя дома Ираклия. Хотя открытой сдачи не последовало, но Юстиниан с немногими воинами нашел возможным тайно ночью проникнуть в город через водопровод, и тогда сопротивлению положен был конец. Трудно понять на основании скудных известий, почему так легко досталась Юстиниану победа. Если предположим, что город был взят на щит болгарами, то необходимо последовали бы расхищение сокровищ и отчаянная борьба между победителями и побежденными. По ходу событий нужно допустить, что

Юстиниан, открывши доступ через водопровод, не сдал города Тервелю, а нашел возможным достигнуть власти без большого сопротивления, не позволяя болгарам сделаться хозяевами положения.

Так или иначе, предприятие Юстиниана увенчалось полным успехом. Он завладел властью в городе и скоро освободился от своего союзника, уплатив ему за оказанное содействие богатыми дарами и драгоценными царскими сосудами и почетным титулом кесаря, даваемым только лицам императорской фамилии. Тервель отступил от столицы, а Юстиниан принял меры к утверждению вновь приобретенной власти.

Вторичное царствование Юстиниана II продолжалось от 705 до 711 г. Это было во всех отношениях суровое царствование, свидетельствующее о жестоких нравах людей той эпохи. Можно сказать, что Юстиниан мало чему научился в десятилетний период невзгод и ничего не забыл. Прежде всего он жестоко отомстил двум лицам — прежним двум императорам Леонтию и Тиверию, которые занимали престол в истекший десятилетний период. Первый, уже лишенный носа и заключенный в монастырь, не был опасен для Юстиниана, второй, отказавшись от борьбы, спасся из Константинополя бегством. Но оба были представлены торжествующему Юстиниану в цепях, и он имел наслаждение смотреть на цирковое представление, попирая ногами поверженных перед ним врагов, а народ восклицал: «На аспида и василиска наступишь и будешь топтать льва и дракона»[13]. Затем оба императора были публично обезглавлены на площади. Жестокая расправа постигла и многих других лиц, принимавших участие в низложении Юстиниана. Патриарх Каллиник, венчавший на царство обоих, был ослеплен и сослан в Рим. Но самым вопиющим преступлением была казнь на стенах города Ираклия, брата Тиверия, полководца, прославившегося в войнах с арабами. Наступило царство террора, в котором погибли сотни военных и гражданских чинов, считавшихся приверженцами предыдущего правительства.

С трудом можно понять проявления такого зверства в характере Юстиниана, тем более, что в других отношениях он не лишен был трогательной внимательности по отношению, например, к своей жене Феодоре. Так, он послал за ней в Хазарию почетное посольство на кораблях, а когда корабли погибли от бури, отправил новое посольство. По прибытии в Константинополь Феодоры он венчал ее и рожденного от нее сына Тиверия и провозгласил их августами. Чрезвычайно тревожная и полная разнообразных приключений жизнь этого государя подавала бы повод к обнаружению его жестокости в частных отношениях, но нужно отметить, что везде, напротив, заметна благорасположенность к нему со стороны тех, кто находился с ним в близких сношениях. Без близких и расположенных к нему друзей Юстиниан не мог бы достигнуть осуществления своей мечты о новом вступлении на царство.

Историк Феофан по поводу первого низложения Юстиниана в 695 г. заметил: «Юстиниан низвержен был по следующему случаю. Он приказал патрикию и стратигу Стефану по прозванию Русий ночью избить константинопольский дим и начать с патриарха» [14]. Это место может дать некоторый новый материал для выяснения роли Юстиниана II. Выражение «избить константинопольский дим» следует истолковать здесь в смысле привилегированной части городского населения,

которая пользовалась еще старыми муниципальными правами и которая всегда мозолила глаза императорскому правительству, начиная со времени Юстиниана I. Много прав уже было отнято у города, но остатки муниципальных свобод изредка прорывались наружу в жизни городов. Считая себя недаром носящим имя Юстиниана, император с особенной энергией вел борьбу с привилегиями некоторых классов городского населения. С этой точки зрения получают яркое освещение и предпринятые им репрессии против Херсона, относящиеся к 710— 711 гг. и бывшие причиной вторичного его низвержения и погибели его дома.

Едва ли следует доверять настроению греческих писателей, сообщающих наиболее подробные известия о событиях, касающихся жестокой расправы Юстиниана с городом Херсоном[15]. Прежде всего нельзя никак допустить, что против Херсона был отправлен флот, состоящий из 100 тыс. моряков. Если бы Юстиниан собрал все перевозочные средства, и тогда он не мог бы иметь такого громадного количества судов, чтобы посадить на них 100 тыс. Кроме того, для чего понадобилась бы такая армада против отдаленного города, лежащего на северном берегу Черного моря и в начале VIII в. едва ли имевшего много населения. Тем не менее, известия о походах на Херсон представляют такие подробности, которые могут иметь большое значение для характеристики как общего положения дел на Крымском полуострове, так и тех средств, какими располагала империя для удержания своей власти в Крыму. Карательная экспедиция составлена была на средства, собранные с различных классов населения; собственно военных людей было в ней немного, а были крестьяне, ремесленники, представители городского дима и члены сенаторского сословия[16]. Назначение флота состояло в том, чтобы перебить население Херсона, Босфора и других мест. Но т. к., вместе с тем, приказано было поставить архонтом Херсона оруженосца императора и спафария Илью и водворить там на жительство Вардана, присужденного к ссылке, то ясно, что распоряжение об истреблении жителей должно быть толкуемо условно.

Патрикий Стефан, начальник флота, не исполнил во всей точности поручения, а пощадил нескольких юношей, которых взял в качестве пленников. Но что всего любопытней, кара постигла тудуна, как назывались чиновники хазарского правительства, и Зоила, одного из самых влиятельных представителей Херсона, вместе с 40 другими знатными гражданами. Зоилу усвояется наименование протополита, а другие имеют титул протевонов. Нет сомнения, что то и другое обозначения относятся к лицам, принадлежащим к городскому самоуправлению. Никак нельзя забывать, что в Херсоне теперь была власть хазарского кагана, и что тудун был допущен в город с согласия городских властей. Следовательно, экспедиция Юстиниана имела более политическое значение, чем личную месть.

Но крымская трагедия далеко не окончилась рассказанными жестокостями. Когда флот в октябре месяце шел назад в Константинополь, его застигла буря, погубившая, по свидетельству наших источников, до 73 тыс. Между тем херсонесцы, напуганные дошедшими до них слухами, что Юстиниан приготовляет против них новый флот, обратились к хазарскому кагану с просьбой, чтобы он принял город под свою защиту

и послал им для охраны военных людей. Так начался в Херсоне открытый бунт, который крайне раздражил Юстиниана и побудил его принять меры против непокорного города. На этот раз, однако, отправлен был в Херсон незначительный отряд с патрикием Георгием и эпархом города Иоанном с приказанием восстановить тудуна и Зоила в занимаемых ими прежде должностях. Но в Херсоне оказалась значительная партия, имевшая в своем распоряжении достаточные средства для борьбы, кроме того, и стены города защищали жителей против неприятеля. Херсониты не пустили военных людей в город, предали смерти патрикия Георгия и Иоанна, а тудуна и Зоила выдали хазарам, присланным в помощь городу. Непосредственно затем в Херсоне был объявлен на царство сосланный сюда Вардан, принявший имя Филиппика.

Император стал готовить новый поход против нарушивших верность городов Крымского полуострова, поставив во главе экспедиции патрикия Мавра. Между тем в Крыму события шли к развязке. Жители Херсона вступили в переговоры с хазарами, к которым бежал и Вардан-Филиппик. Византийский отряд встречен был пбЗтому враждебно, Мавр начал бить стены, и хотя нанес своими машинами вред главной башне Кентинарской[17], но скоро отчаялся в дальнейшем успехе осады и перешел на сторону движения против Юстиниана.

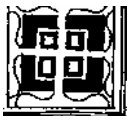
Хазары во всем этом враждебном Византии движении играют деятельную роль. Ясно, что каган господствует над ближайшей к Херсону областью и поддерживает смуту в этом городе. Когда Мавр и подчиненный ему отряд перешли на сторону возмутившегося города и провозгласили своим царем Филиппика, начаты были переговоры с каганом о выдаче содержавшегося у хазар вновь провозглашенного царя. Весьма трудно выяснить действительную роль во всем деле кагана, в распоряжении которого, по-видимому, были судьбы города Херсона. На просьбы выдать Филиппика он вступил в торг с гражданами и взял за царя выкуп по одной номисме с человека.

Между тем Юстиниан с целью отвлечь внимание хазар от Крыма обратился к болгарскому хану Тервелю с просьбой о помощи, получил от него 3000 воинов и, не надеясь, по-видимому, спокойно удержаться в Константинополе, выступил в Малую Азию, где собрал войско в феме Опсикий. Раскинув лагерь на черноморском берегу близ Синопа, Юстиниан выжидал хода событий, которыми уже был не в состоянии управлять. Провозглашенный в Херсонесе Филиппик явился в Константинополь и без труда завладел городом, где у Юстиниана не нашлось приверженцев. Объявив прощение всем частям, которые находились еще вместе с Юстинианом, и обезопасив спокойное возвращение болгарского отряда на родину, Филиппик достиг того, что Юстиниан остался без защиты, попался в плен к спафарию Илье, который был послан за ним. Последнего царя из дома Ираклия постигла суровая участь: его голова была представлена Филиппику и послана им в Рим. Оставшийся в живых в Константинополе сын его Тиверий был взят в церкви Влахерн-ской Богоматери от святого алтаря, где он думал найти спасение, и публично зарезан на стене на башне св. Каллиника. Такова судьба потомков Ираклия, сто лет управлявших империей в наиболее трудную эпоху ее существования. Нам остается еще бросить взгляд на итальянские отношения в начале VIII в.

Юстиниан имел свои причины приписывать некоторым гражданам Равенны участие в заговоре, следствием которого было его низвержение в 695 г.[18] Патрикий Феодор явился на корабле в гавани Равенны и обманным образом привлек к себе знаменитых равеннцев. Когда они, не подозревая измены, пришли на корабль, здесь перехватали их, заковали в цепи и потом отправили в Византию. Юстиниан подверг их жестоким пыткам и присудил к мучительным казням. В Италии это событие произвело сильное движение против Византии, и многие города тогда же готовы были отложиться от императора, если бы он, предвидя опасность, не пригласил в Константинополь и ласками не привлек на свою сторону римского епископа, по счастью для него восточного происхождения (Константин I, 708 — 715). Почет, оказанный Константину в столице империи, и новые привилегии епископскому престолу, может быть, подкупили папу в пользу императора. Пользуясь его отсутствием, из Рима явился в город экзарх, арестовал знатнейших из клира и народа. К сожалению, мы имеем обо всем этом весьма отрывочные сведения и не знаем, почему происходили аресты; но когда экзарх возвратился в Равенну, там поднялось против него сильное неудовольствие, стоившее ему жизни.

Волнения в Равенне происходили в 710 и 711 гг. Во главе движения стоял сын Иоанникия, казненного Юстинианом II, Георгий; он носил звание капитана (capitano del popolo). Весь город разделен на 12 знамен или отрядов (bandus); каждый отряд подчинялся отдельным начальникам. По образцу равеннской милиции устроено было городское войско и в других местах. В союз с Равенной вступили и другие города экзархата, совокупные усилия северных городов греческой Италии направлены были к низвержению византийского господства. В 710 г., таким образом, ясно обозначилось, что городская община не погибла в Италии, что в милиции нашла она силу против внешнего угнетения; идя таким путем, городские общины постепенно развиваются в городские коммуны и республики. В то же время и в Риме по случаю присылки еретических мнений нового императора обнаружилось небывалое движение. Populus Romanus в согласии с клиром сделал постановление—не принимать мнений императора Филиппика (711—713) и не признавать над собой его власти. В жизнеописании папы Константина римская область по обеим сторонам Тибра в первый раз названа дукатом. Во главе ее стоит избранный народом дука как высший военный сан области.

Таким образом, к VIII в. в Италии образуются два учреждения — папство и городская милиция, которые заключали в себе готовые элементы для борьбы с Византией, для которых намечаются новые исторические факторы, подготовленные предыдущим периодом.

Глава V

Западные границы империи. Лангобарды до конца VII в.

Есть мнение, что императорский наместник в Италии Нарсес пригласил в Италию лангобардцв, чтобы отомстить двору за несправедливое к нему недоверие. Нет нужды прибегать к подобному объяснению итальянских событий. Сношения лангобардов с империей начались гораздо ранее, т. к. лангобардские наемники служили в имперском войске и принимали даже участие в порабощении Италии. Побывав в прекрасной стране и ознакомившись с призрачным военным могуществом империи, лангобарды и без прямого приглашения Нарсеса могли прийти к мысли о возможности поселения в Италии. В 568 г. на место отозванного Нарсеса прибыл в Италию префект Лонгин; он вступал в Равенну, когда лангобарды начали завоевание Северной Италии под предводительством славного в предании по своим военным подвигам Албоина.

В высшей степени любопытное обстоятельство, что лангобарды при своем вторжении в Северную Италию не встретили значительных препятствий; только за стенами укрепленных городов, которых брать лангобарды не были в состоянии, спасалось сельское население от варварского нашествия. Поэтому занятие Италии направлялось узкой полосой, сначала по долине р. По, потом, минуя Равенну, к юго-западу. Рим и Неаполь остались под властью Византии, в Средней Италии главным опорным пунктом их власти было Сполето, а на юге — Бене-вент. Первыми городами, захваченными лангобардами, были Фриуль (Forum Julii) и несколько южней Аквилея. Успехи завоевания ничем не нарушались, и уже летом 569 г. Албоин взял важный город будущей Ломбардии, Милан, и в то же время начал осаду Павии, которая оказала самое упорное сопротивление и сдалась лишь через три года. Здесь лангобардские короли основали свою столицу.

В 572 г. Албоин был убит по проискам жены своей, королевы Розамунды, происходившей из королевского рода Гепидов и взятой лангобардами в плен. Предводители дружин и начальники родов, которых было более 30, избрали в короли герцога Клефа, но и он правил не больше полутора лет и в 574 г. погиб от руки убийцы. Затем более 10 лет у лангобардов было бескоролевье; в течение этого времени особенно выразились слабые стороны государственного устройства этого народа. Отдельные герцоги желали править самостоятельно, не повинуясь центральной власти; образованные ими герцогства не имели между собой связи и имели вид самостоятельных владений. Десятилетие от смерти Клефа до избрания в короли Автари было чрезвычайно благоприятным для Византии периодом, чтобы задержать движение лангобардов. Хотя империя не воспользовалась этим временем, но все же период бескоро-левья оказал вредное влияние на устройство лангобардов в завоеванной стране. Каждый герцог заботился о собственных выгодах и обогащении

на счет подчиненного населения, общегосударственная идея отсутствовала, и преобладали сепаратные стремления. При таких условиях не могло быть общего движения против сильнейших центров византийской власти на полуострове. Правда, герцог Беневентский угрожал Неаполю, Сполетский — Риму, из Павии делали демонстрации против Равенны, но каждый из этих городов, будучи в состоянии померяться силами с отдельным герцогством, не устоял бы против соединенных сил всех лангобардов. Несмотря на благоприятные условия, империя не предприняла действительных мер к освобождению Италии и дала лангобардам время пережить бескоролевье и сознать необходимость принятия таких мер, которые обеспечивали бы им спокойствие в будущем.

По смерти Клефа 35 герцогов оказались во главе городов и территорий, захваченных лангобардами[1], за исключением Сполето и Беневен-та, которые еще оставались под властью Византии. В 584 г. ввиду грозящей опасности с севера от франков избран был королем сын Клефа Автари, причем герцоги поступились в пользу короля некоторыми правами и пожертвовали на содержание королевского двора часть своих земель.

Теперь посмотрим на отношения империи к событиям, происходившим в Италии. В первые годы движения лангобардов Византия не имела в Италии такого главнокомандующего, каковы были Велисарий или Нарсес. Представителем империи в 567 г. был префект Лонгин, который не вел оборонительной войны, по всей вероятности, потому, что не имел для того военных средств. Тяжелое положение, в котором находилась империя вследствие набегов аваров и по случаю войны с персами, до известной степени объясняет беззащитное положение западной границы, хотя не может оправдывать громадной ошибки, допущенной византийским правительством почти добровольной уступкой такой важной провинции лангобардам. Ошибка скоро была сознана, что видно в принятии исключительных мер к охранению византийского господства в Италии. Ближайшим следствием нового порядка вещей, установившегося на полуострове, было не только полное разобщение ее частей, но и отделение ее городов от всяких сношений с органами византийской власти в Равенне. Рим по целым годам не мог сноситься по своим делам с правительством, и все, что оставалось в Средней и Южной Италии свободным от лангобардов, по необходимости стало тянуть более к Риму, чем к Византии.

Империя хотя и поздно, но поняла ошибку и пыталась поправить дело устройством нового и оригинального органа власти в Италии. Мы говорим об экзархате. Происхождение экзархата не может быть с точностью определено. Во главе провинции после Лонгина и Бадуария (575—577), которые имели звание префекта, некоторое время не было особо назначенного лица. Из Рима было снаряжено посольство в Константинополь с просьбой о помощи, но император Тиверий, ссылаясь на недостаток войска и денег, отказал в посылке военного отряда и ограничился переговорами с франкским королем, который обещал сделать на лангобардов нападение с севера. Лишь по истечении двух лет, т. е. в 579 г., отправлен был из Константинополя специальный военный отряд под предводительством особого военного начальника с широкими полномочиями, которому были подчинены

небольшие гарнизоны, рассеянные по городам Италии. Следует думать, что к этому времени относится появление экзархата[2].

Первое упоминание об экзархе находим от 584 г. в письме папы Пелагия II к своему апокрисиарию в Константинополе, диакону Григорию, будущему знаменитому папе того же имени. Письмо рисует так живо тогдашнее положение дел в Италии, что его можно привести сполна[3]. Представитель папы завязал в Константинополе сношения при дворе и между высшими сановниками, пользовался покровительством императрицы Константины и Маврикия, будущего императора. Благодаря его влиянию заключено было трехлетнее перемирие с лангобардами, для чего представитель императора вступил в переговоры с королем Автари. Но перемирие скоро было нарушено, и Пелагий сообщает своему уполномоченному следующее о происшествиях в Италии. «Мы отправляем к тебе с необходимыми известиями нотария Гонората вместе с епископом Себастианом, который, побывав в тех местах и в Равенне с патрицием Децием, может сообщить тебе обо всем по личным наблюдениям, дабы ты доложил императору, что найдешь возможным. Бедствия и страдания, причиняемые нам клятвопреступным лангобардским королем, никто не в состоянии выразить словами. Вместе с братом нашим Себастианом, который имеет сделать доклад императору о нуждах и опасностях, угрожающих всей Италии, постарайтесь всемерно принести нам облегчение, ибо государство (res publica) находится в таком отчаянном положении, что если Господь не вдохнет в сердце благочестивейшего императора, чтобы он присущее ему милосердие распространил на своих рабов и благоволил дать нам облегчение или в лице одного главнокомандующего (magister militum), или дуки, то мы окажемся в крайнем положении, ибо Римская область совсем лишена защиты. Экзарх же пишет, чтобы на него не возлагали никакой надежды, так как признается, что не в состоянии защищать и собственную область*. Итак, да внушит ему Господь мысль без замедления оказать нам помощь, прежде чем военная сила отвратительнейшего народа не захватит и те места, которые пока еще принадлежат империи».

Таким образом, в 584 г. был уже в Равенне генерал-губернатор с титулом экзарха, хотя положение дел в Италии нисколько от того не изменилось. Но т. к. дальнейшая история византийского господства в Италии стоит в связи с экзархатом, то здесь уместно будет остановить внимание на этом новом административном учреждении, которое не стоит, впрочем, совершенно одиноко в системе устройства провинций.

В лице экзарха следует видеть высший чин византийской администрации, большей частью в сане патрикия, который ввиду исключительных обстоятельств соединял в своих руках административную и судебную власть. Гражданская власть префекта претории, военная (magister militum) и судебная (judex) соединялись теперь в руках военной администрации, и во главе отдельных провинций стояли военные чины с титу-

* Et exarchus scribit, nullum nobis posse remedium facere.

лом duces, а во главе всех военных округов поставлен патрикий с именем экзарха, ad regendam omnem Italiam. В качестве высшей власти в стране экзарх был облечен исключительными привилегиями по церковной, гражданской и военной администрации и занимал истинно царское положение, пользуясь неограниченными полномочиями. Занимаемый им в Равенне дворец имел наименование священного (sacrum palatium), как назывались только места царского пребывания; при посещении Рима ему устраивалась царская встреча: сенат, духовенство и народ в торжественной процессии выходили к нему навстречу за стены города[4].

Административные и гражданские акты помечались годом царствования императора и именем экзарха. Его власть простиралась на все проявления общественной жизни. Он был главнокомандующим всех военных сил, расположенных в Италии, и всякое серьезное военное дело зависело от его личного руководства; от него зависело право войны и с лангобардами. В гражданской администрации он был высшим авторитетом по отношению ко всему служащему персоналу, от него зависело назначение на должности и удаление с мест военных губернаторов (трибуны, дуки). Судебная и финансовая часть также подлежала его контролю как высшей и апелляционной инстанции. При тесной связи церковных и гражданских дел в ту эпоху, при той политической роли, какая выпадала на долю римского папы в VII—VIII вв., особенно важно было для истории византийско-итальянских отношений, как выразится власть экзарха относительно римского папы. Это наиболее любопытная сторона в занимающем нас вопросе, и мы остановимся на ней ниже.

Возвращаясь к истории постепенного распространения лангобардов по Италии, мы должны отметить тот факт, что первые годы Византия не принимала никаких решительных мер и ограничивалась обороной городов, в которых оставались небольшие гарнизоны. Первая более или менее правильная битва дана была лангобардам в 575 или 576 г., но она была проиграна греками. Следствием этого было дальнейшее распространение лангобардов в Среднюю Италию и утверждение их в Сполето и Беневенте. Таким образом, Равенна оказалась отрезанной от Рима, лангобардские нападения стали угрожать Риму и Неаполю, это именно положение дел рисуется в письме папы, приведенном выше.

Избрание в короли Автари мало изменяло итальянские отношения, потому что герцоги, привыкшие во время бескоролевья самостоятельно распоряжаться в своих областях, продолжали округлять доставшиеся им герцогства и притеснять беззащитное римское население. Большим успехом можно считать совершенно новый факт в отношениях империи и лангобардов, случившийся при экзархе Смарагде (585—589), именно трехлетнее перемирие. Правда, империя этим актом признавала совершившийся факт захвата лангобардами части ее владений, но, с другой стороны, нельзя не видеть здесь и перемену к лучшему в интересах несчастной страны, предоставленной хищническим опустошениям страшного врага. Этим перемирием король Автари воспользовался для того, чтобы положить основания к устройству лангобардского народа на новой земле и к определению отношений герцогов к королевской власти. К тому же времени относятся первые дипломатические сношения с франкским государством, которое могло быть весьма опасным для лангобардов, если бы стало против них действовать в союзе с императором.

В 590 г. Автари умер от поднесенного ему яда; что он возбудил против себя много недовольства, это легко объясняется его стремлением обезопасить королевскую власть против своеволия герцогов и принятыми им мерами к защите своих арианских подданных против католического духовенства. Религиозному вопросу суждено было иметь большое значение в итальянско-византийских отношениях не только потому, что лангобарды были арианами и, следовательно, еретиками, с точки зрения господствовавшего в Восточной и Западной Церкви учения, но еще и потому, что в недрах самой православной Церкви был раскол, который имел свои корни в разностях воззрений на догмат о божеском и человеческом естестве в Богочеловеке. Вследствие лангобардского завоевания и соединенных с ним политических перемен произошел переворот в положении многих епископий, в особенности Северной Италии, поставивший их в иные отношения к Риму, чем это было прежде. Находясь в области, занятой лангобардами, епископ Милана и патриарх Аквилеи с подчиненными им епископиями выступили из непосредственной зависимости от римского епископа; независимо от того некоторые католические епископы оставили свои кафедры и спаслись в области, куда не доходили еще лангобарды, а на их место вступили или ариане, или схизматики. Вследствие этого была опасность, что Северная Италия и в церковном отношении отделится от империи, как уже она отделилась политически. Церковное положение в стране занимало внимание византийского правительства и весьма глубоко затрагивало интересы римского епископа. Воспользоваться этим положением как политическим орудием против империи и приготовить в завоевателях-арианах опору католической Церкви и итальянской народности против империи несомненно было весьма дальновидным и патриотическим предприятием, которое требовало большого ума и знания современных отношений. Мы подходим к самой интересной личности в истории средних веков, которая положила устои для римского папства и подготовила освобождение Италии из-под власти империи

Папа Григорий Великий (590—604) есть самый крупный выразитель национальной идеи итальянского народа. В то время, как гражданская власть оказалась ниже тех требований, какие к ней предъявляли смутные обстоятельства, римский епископ, став на защиту итальянского народа, приготовил твердую почву притязаниям пап на политическое главенство в Италии. Ко времени Григория Великого нужно относить начало возвышения папства, и в этом отношении ему должно быть уделено в истории значительное место[5]. По происхождению своему Григорий принадлежал к древней патрицианской и сенаторской фамилии, обладал большими богатствами, которые употребил на благотворительные дела и устройство монастырей. Получив прекрасное образование и имев впереди блестящую служебную карьеру, Григорий пожертвовал почестями и положением своему духовному влечению и постригся в монахи. Папа Пелагий II оценил его способности и послал его в Константинополь своим нунцием (апокрисиарий), где он оставался до 584 г. После Пелагия в 590 г. клир и народ избрали Григория на епископскую кафедру в Риме. Пока происходили сложные формальности утверждения этого избрания со стороны императора, Григорий по обычаям того времени вступил в управление Римской Церковью.

Постигшее за год перед тем наводнение сопровождалось большими бедствиями для Италии. Вода затопила низменные местности в Северной и Средней Италии, причем пострадали предместья города Рима и повреждены были частные и общественные здания. В особенности чувствителен был вред, нанесенный церковным хлебным запасам. К стихийному бедствию присоединилась моровая язва, производившая большие опустошения в Риме и его окрестностях. При таком внутреннем положении дел, отягчаемом постоянными внешними угрозами лангобардского нашествия, Григорий, говорят, был смущен ввиду тяжелой ответственности и воспользовался своими связями в Константинополе, чтобы ходатайствовать перед императором о неутверждении его избрания.

Из первых распоряжений папы Григория можно видеть, какое значение имела Церковь в конце VI в., и как римский епископ понимал свои обязанности. «Я не знаю,— выражается он в одном письме,— принял ли я на себя должность пастыря или земного владыки». Что прежде всего обращает на себя внимание в деятельности Григория, это общественное служение епископа Рима и отзывчивость его на запросы, выдвигаемые временем и обстоятельствами. Риму и его окрестностям угрожает голод, и не было другого государственного учреждения, кроме Церкви, которое было бы в состоянии принять на себя заботу о прокормлении бедных. Церковь была единственным прибежищем для бедных и голодных, и на епископе города Рима покоились все надежды. Дабы предотвратить бедствие, Григорий открыл имевшиеся в Церкви запасы хлеба и вступил в живые сношения с управителями церковных имений, требуя от них немедленной присылки хлеба. Одно из первых его писем было в Сицилию, которая была житницей Италии, и где были значительные церковные имущества (патримонии св. Петра). Сицилийский урожай помог Григорию предотвратить опасность, угрожавшую его пастве. Король лангобардов Автари, предпринявший в 589—590 гг. новое движение с целью округлить свое завоевание, побудил императора искать сближения с франкским королем Хильдебертом, который своим вторжением в Северную Италию мог нанести лангобардам значительный вред и отвлечь их от походов в Среднюю Италию. В то же время назначением нового экзарха Романа (589—596), которому даны были в распоряжение более значительные военные средства, византийское правительство старалось заручиться союзниками и друзьями в самой Италии среди герцогов и обезопасить наиболее важные пункты, как Равенна и Рим. При таких обстоятельствах произошла смерть Автари в 590 г.

Довольно трудно разобраться в обстоятельствах, сопровождавших смерть короля и вступление на престол его преемника, туринского герцога Агилульфа. На первый план выступает здесь вдова Автари, королева Теоделинда, происходившая из баварского королевского дома и исповедовавшая католическую веру. Будто бы она отдала свою руку храброму Агилульфу и тем содействовала избранию его в короли. Существенное значение этого обстоятельства, которое вполне было оценено папой, заключается в том, что католическая королева могла оказать влияние на арианского короля и окружавших его людей, и ввиду этих соображений папа не преминул завязать с ней переписку. Быть может, под этим углом зрения следует смотреть на некоторую

уступчивость нового короля по отношению к представлениям экзарха Романа. Во всяком случае, идя по этому пути, последующие папы достигли обращения лангобардов к католичеству. Но это случилось позже, предстояло еще преодолеть множество затруднений.

Ближайший к Риму герцог Сполето Ариульф в особенности ставил папу в тяжкое положение, угрожая сношениям Рима с Равенной и Неаполем и отрезав Вечный город от остальной Италии. В 592 г. собранная им из охотников разного происхождения дружина вступила в Римскую область и стала под стенами города. В городе не видим ни гражданских, ни военных властей, экзарх далеко и занят защитой Равенны; чтобы добраться до Рима, ему нужно было воспользоваться морскими судами и обойти кругом всю Италию. Таким образом, обстоятельства передавали папе не только гражданские, но и политические судьбы Рима. Положение становилось тем опаснее, что были слухи о движении на Рим герцога Беневента. Чтобы предотвратить опасность, папа послал к герцогу Ариульфу послов с предложением денежного откупа. Герцог не прочь был снять осаду и отступить, но ставил условием, чтобы предложение папы было подтверждено подписью экзарха. Но здесь встретились препятствия весьма деликатного свойства. Экзарх не считал удобным дать свое согласие на акт, к которому папа и лангобарды пришли помимо его воли и без его предварительного разрешения. Он полагал, что, дав согласие на заключение перемирия, он ослабит свое влияние в Риме и заслужит нерасположение императора, и потому не согласился на представления папы. В письме к архиепископу равеннскому Григорий жалуется, что экзарх помешал ему заключить мир, и убеждает архиепископа употребить все свое влияние на экзарха, чтобы расположить его в пользу папы. Оказывалось, что в Риме не было достаточного гарнизона, и что некому было защищать стены.

Осенью 593 г. Рим снова подвергся осаде, и на этот раз со стороны короля. Повторились те же сцены, которые были при осаде города в прошедшем году. «Наши напасти увеличились до чрезмерности,— говорил папа в своей проповеди,— со всех сторон мы окружены мечами, со всех сторон нам угрожает опасность смерти. Одни приходят с оторванными руками, другие взяты в плен».

В это время Григорий сказал несколько проповедей на текст из пророка Иезекииля. Чертами современности особенно богата одна беседа по яркому сопоставлению тогдашнего положения Рима с пророчествами об Иерусалиме и Самарии[6]. Приводим несколько мест из этой беседы.

«Какая же остается нам в сем мире отрада? Везде видим печаль, всюду раздаются стоны. Города разрушены, крепости срыты, поля опустошены, земля обращена в пустыню. На полях не осталось колонов, в городах нет жителей, и те малые остатки, которые еще мы видим, каждодневно и неослабно терпят новые поражения. Небесные бичи разят без конца, ибо еще не уничтожили греховности нашей. На наших глазах одних берут в плен, других увечат, иных убивают. Какая же отрада дана нам в сей жизни? Но если даже такой мир мы любим, то, значит, мы любим не радости, но раны. Посмотрим, что сталось с Римом, бывшей владычицей все-

ленной. Многообразно удрученный различными страданиями, разорением граждан, утеснением варваров, частыми опустошениями, он испытал все то, что пророк Иезекииль говорил о Самарии (XXIV, 4, 5, 10, 11). Котел был поставлен тогда, когда был основан этот город; тогда в него налита вода и собраны в нем куски, когда отовсюду стекались в него народы, которые, как горячая вода, подверглись кипению в мировых событиях и разварились в кипятке, подобно кускам мяса. Об этом прекрасно сказано: вскипел котел, и разварились в нем кости, ибо сначала сильно бурлила в нем погоня за славой, но потом пропала и сама слава вместе с теми, которые гонялись за ней. Под костями разумеются сильные земли, под мясом народ, ибо как костями держится мясо, так вельможами слабость народа. Но теперь у него отняты все сильные мира, ибо кости переварились, и народа больше нет, ибо мясо распустилось. Где сенат, где народ? Растопились кости, распустилось мясо, погас весь блеск гражданских достоинств, уничтожился весь состав его. И мы немногие, которые еще влачим жалкое существование, находимся под постоянным опасением то меча, то разнообразных страданий. Поставь, сказано, пустой котел на уголья. Ибо при отсутствии сената гибнет народ, и среди немногих оставшихся ежедневно увеличиваются скорбь и плач, так переживает последние дни опустевший Рим*. Но что говорить о людях, когда на наших глазах разрушаются самые здания. Куда девались те, которые некогда гордились его блеском? Где их роскошь, где их гордость, где постоянная радость и чрезмерная веселость?»

Агилульф осаждал город, вероятно, без особого напряжения и не взял его. Папа организовал защиту из граждан, сам входил на стены и видел своими глазами, как римлян целыми толпами отправляли на продажу в Галлию. Он не мог ожидать помощи ни из Византии, ни из Равенны и начал вести переговоры о мире опять от своего имени. Но как вопрос шел не только о снятии осады с Рима, но и об общем мире, то потребовалось согласие экзарха. Встречая и на этот раз упорное сопротивление к утверждению так желанного мира, мы не иначе можем объяснять действия экзарха, как ревнивым охранением прав. Весьма вероятно, что он заподозрил действия Григория и в глазах императора, который написал папе укорительное письмо, порицая его за непринятие некоторых мер к защите города. Папа отвечал почтительно, но с достоинством: «Когда дело идет об Италии, я бы просил ваше величество смотреть на дела, а не склонять слух к внушениям других. Впрочем, я более надеюсь на милосердие Иисуса, чем на твое правосудие».

Хотя война продолжалась и после того, как Агилульф, получив окуп, снял осаду с Рима, но папа употреблял все меры и перед императором и перед лангобардским королем, чтобы заключить окончательный мир. Ему удалось достигнуть, что прежний экзарх был отозван, а новый был уступчивей на его представления. Мир с лангобар-

* lam vacua ardet Roma

дами заключен был, наконец, в 599 г.; благодарственные письма Григория к равеннскому архиепископу и королеве Теоделинде показывали, что этот мир состоялся вследствие влияния на Агилульфа названных лиц. Договаривающиеся стороны были, с одной стороны, лангобардский король и его герцоги, с другой — византийский наместник в Равенне (Каллиник). Когда дело дошло до подписания договора, лангобардский король изъявил желание, чтобы и Григорий приложил свою подпись. Момент, характерный для суждения о том, как смотрели на римского епископа в Италии. Но тогда папы еще помнили границу между светскою и духовною властью, еще не было теории о соединении в лице папы двух этих властей, неизвестен был принцип двух мечей в руках папы... и Григорий отказался от подписи договора.

Престол св. Петра занимал первое место между западными епископскими кафедрами. Даже восточные епископы, хотя не без оговорок, признавали за ним первое право чести. Когда константинопольский патриарх принял титул вселенского, Григорий прямо высказался против него, утверждая, что такой титул еще приличен был бы римскому епископу, но что он не желает носить его из боязни оскорбить других патриархов. Но если право чести и усвоялось римской кафедре, с этим далеко не соединялось мысли о том, чтобы римскому епископу принадлежало право решения вопросов веры и суда над другими епископами. Тем не менее, в VII в. входит папская власть с готовыми уже задатками главенства в западном христианском мире в вопросах веры и церковной дисциплины. Эта теория выработана Григорием в отношениях его к равеннскому и миланскому архиепископам; она основывалась, однако, не на канонических правилах, но на личности самого Григория и почете, которым он по справедливости пользовался между своими собратьями. Но, во всяком случае, первые завоевания римский престол имел в собственной Италии, где местные епископы, бедные и приниженные вследствие лангобардского завоевания, не могли равняться по силе и значению с римским епископом. Семь северных провинций, например, были подчинены в церковном отношении миланскому архиепископу. Но когда лангобарды взяли Милан, архиепископ бежал в Геную и не только сам нуждался в поддержке, но и его паства получала новых епископов и священников из Рима. Равеннский архиепископ, правда, пользовался некоторыми привилегиями, но его епархия ограничивалась иногда только стенами города. Вообще, бедствия времени побуждали итальянцев соединяться теснее около епископа, а почетнейшим и влиятельнейшим между ними, бесспорно, был римский.

В Риме и вообще в греческой Италии Григорий пользовался высшим значением, чем императорские чиновники. Со времени падения остготского владычества общественная жизнь в городах во многом изменилась. В Риме не встречаем ни консулов, ни сената, ни публичных игр, с чем связывались воспоминания о минувшем императорском времени. Угасли значительные древние роды, разорились крупные землевладельцы. Повеяло другим, новым для Рима направлением: церковные вопросы стали занимать людей, интересующихся вообще какими-нибудь вопросами, церковные праздники сменяют народные празднества старой поры. Общество искало опоры, мирного убежища против бед и насилий: Церковь открыла нуждающимся такое убежище. Те массы бедного люда,

которые имели право требовать panem et circenses, и требование которых удовлетворялось специально для того назначенными лицами и учреждениями, и теперь еще более нуждались в прокормлении, но общество не могло ничем помочь им. Сокровища Церкви и щедрость епископа оставались единственным источником, из которого с избытком получали нуждавшиеся. В притворах церквей, в оградах монастырей в воскресные и праздничные дни бедные получали пищу и одежду из рук чиновников папы. Ворота города открыты были для больных, лишенных крова и пищи, бежавших от преследования лангобардов, в Риме принимали их, лечили и кормили. Таким образом, тесные обстоятельства времени должны были сблизить римское население с их епископом; со времени Григория епископский престол принимает значение национального учреждения.

Римский епископ не был еще светским властителем, но был уже крупным собственником-землевладельцем. Его патримонии, или земли, приписанные престолу св. Петра, находились в Южной Италии, Сицилии, Далмации; в особенности же ему принадлежало много владений, составлявших прежде ager Romanus. Земли его были населены и обрабатываемы колонами. Управление их поручалось духовным лицам, которые имели право суда и надзора за хозяйством, подлежали строгой отчетности по сбору податей и доставке их в Рим. Переписка папы с управителями его патримоний заслуживает полного внимания того, кто имел бы в виду заняться состоянием земледельческого класса в это время[7]. Земля обрабатывалась колонами, прикрепленными к участку и платившими оброк деньгами или натурой. Отсюда-то получал папа ежегодно денежные суммы и хлебные запасы, которыми он снабжал римское население во время продолжительных осад, выкупал пленных и платил выкуп лангобардам. Сфера влияния папы не ограничивалась церковными делами. Судебная и финансовая система, господствовавшая в Италии, при бесконтрольности со стороны центрального правительства открывала легкую возможность к злоупотреблению и насилию. В самом деле, мог ли экзарх контролировать действия судей или сборщиков податей в Средней и Южной Италии, мог ли ограждать население против своеволия военной власти, которая между тем в бурную эпоху лангобардского нашествия должна была получить преобладающее значение? Стоит обратить внимание на некоторые черты деятельности Григория вне города Рима, и именно по соответствию с теми правами, какие даны были Прагматической санкцией Юстиниана.

Римский епископ имел полную возможность знать, что делается во всех концах Италии. Правители патримоний доносили ему не только о хозяйственных делах, но и о состоянии страны, в которой находилась патримония. Местные епископы, находившиеся в подчинении от Рима по церковным делам, были также и верными исполнителями желаний и поручений папы; они даже находились в некоторой зависимости от правителей патримоний[8]. Само собою разумеется, где можно было, он действовал на гражданские чины чрез местного епископа, на экзарха— чрез равеннского архиепископа; но были при этом затруднения деликатного свойства, где Григорию по совести необходимо было вмешаться, но где по практике и обычаю считалось неуместным его вмешательство. Таковы все вопросы внутреннего управления: суд, сбор

податей и др., исключавшие непосредственное участие в них духовной власти. Но Григорий не останавливался на этом затруднении и нашел средства распространить нравственное влияние на действия правителей провинций. Если же кто не обращал внимания на предостережения, Григорий жаловался на того прямо константинопольскому двору*. В этом отношении нравственный контроль его простирался на отдаленные провинции, как Африка, на правителей островов Сардинии и Корсики. Иногда Григорий обращался с обличением прямо к обвиненному перед ним лицу. Так, проконсул Италии присвоил себе хлебные запасы, собранные в Неаполе: Григорий указывает ему неприличие его поступка.

Нельзя не сказать, что папа Григорий стоял в этом отношении на той степени нравственного могущества и умеренной осторожности, которую можно поставить в образец епископам всех времен. Тем не менее, Григорий был первый папа**, положивший основание светской власти римского престола; в его деятельности лежит зерно разделения Восточной и Западной Церкви. Что касается первого, то политически образованные из преемников Григория любили ссылаться на его письма, на разнообразные способы вмешательства его в деятельность светской власти и выводили из них правило и историческую основу для своих притязаний, игнорируя то обстоятельство, что широта деятельности Григория обусловливалась временным положением Италии и общим уважением, которое стяжал себе этот епископ. Что касается второго, напомним следующие обстоятельства. Трудно в настоящее время с убедительностью доказывать положение, что церковный вопрос был прямою причиной разделения Церквей. Не вероучение, а тот или другой патриархат, тот или другой новообращенный народ возбуждают самую горячую вражду и служат поводом к обличениям. В спорах о вероучении восточный патриарх и римский епископ еще могли бы согласиться; но с ними всегда соединялись непорешенные владельческие вопросы: то об Иллирике, то о Далмации, то о Моравии или Болгарии. Западная Церковь делает завоевания в германском мире, и римский епископ становится духовной главой его; Восточная — в соответствующей мере в славянском (и турецко-татарском) мире. Разные исторические пути уже обусловливались различием в стремлениях этих двух церквей и национальностей.

До Григория римский епископ имел еще местное значение, неоспоримые права его простирались только на десять провинций его диоцеза. В Северной Италии его права оспаривали равеннский, миланский и аквилейский архиепископы. Мы видели, что при лангобардах эти духовные властители должны были уступить Григорию. Последний, кроме того, шагнул далеко за границы Италии, когда он обратил в христианство вестготов в Испании, англосаксов в Британии и когда затем получил возможность назначать епископов и в лангобардские земли.

Чтобы не выступать из хронологических рамок времени Григория Великого, мы должны еще остановить внимание на титуле Вселенский

* Весьма любопытно письмо к императрице Констанции Ер IV, 33.

** В первый раз титул папа приложен к римскому епископу в 510 г. епископом Эннодием

по отношению к константинопольскому епископу, в первый раз начавшем входить в практику в это время. Само собой разумеется, вопрос о титуле Вселенский получает важное историческое значение лишь в связи с притязаниями на главенство в христианском мире, какие начинают обнаруживаться в отношениях между Восточной и Западной Церковью. Как видно было выше, ко времени папы Григория относятся первые попытки в этом смысле, послужившие для продолжателей его политики основаниями к наступательным действиям против Восточной Церкви. В этом смысле важен и спор о титуле Вселенский. Он возник при следующих обстоятельствах, которые уже и сами по себе характеризуют противоположность воззрений на Западе и Востоке на основные права римского и константинопольского епископов. Еще в последние годы папы Пелагия II константинопольский патриарх Иоанн IV Постник (582—595) составил в 587 г. собор для обсуждения жалоб на антиохий-ского патриарха Григория, на котором, между прочим, сделаны были и другие постановления. Заседания этого собора подали повод к неудовольствиям со стороны римского епископа, который не хотел согласиться с некоторыми решениями собора, между прочим, и потому, что константинопольский епископ усвоил себе на этом соборе титул Вселенского (οικουμενικός).

Хотя за смертию Пелагия и вступлением на римскую кафедру папы Григория дело о титуле не имело на этот раз дальнейшего движения, но через пять лет оно поднялось снова по случаю обращения в Рим как к· высшей судебной инстанции по церковным делам клириков Восточной Церкви. Папа принял жалобы и удовлетворил их на поместном соборе, признав неправильными постановления константинопольского патриаршего суда. В переписке по этому делу снова выдвинулся вопрос о титуле, и папа энергично протестовал в письме к императору против гордости патриарха, решившегося именовать себя Вселенским. «Сколько зависит от меня,— писал Григорий,— я всегда желаю и остаюсь в повиновении воле государя. Но теперь не мое личное дело, а Божие. Не я один, но вся Церковь возмущена. Благочестивые законы, честные соборы, самые заповеди Христа нарушены чрез присвоение горделивого и пышного некоторого слова». Теоретическая сторона всего спора, имеющая значение исключительно с точки зрения римского главенства в христианской Церкви[9], которому, по-видимому, угрожали притязания константинопольского патриарха, насколько они поддерживались императором, не может особенно интересовать нас, т. к. все основания, приводимые той и другой стороной в этом споре, находились в непримиримом противоречии, а римская точка зрения опиралась на то положение, что только апостол Петр и его преемники на римском престоле могли бы усвоить себе это наименование, и что незаконное применение этого титула к епископу Константинополя обозначает только желание присвоить себе монархическую власть в Церкви.

Несмотря на крайне горячую защиту своей точки зрения перед императором и восточными патриархами, в которых он думал найти союзников против константинопольского патриарха, в конце концов Григорий не выиграл спора с Иоанном IV Постником. При жизни последнего, не прерывая с ним официальных сношений, папа запретил только своему представителю в Константинополе служить литургии

вместе с патриархом, а при преемнике Иоанна, патриархе Кириаке (595—606), отношения еще более обострились, так что некоторое время папа не посылал в Константинополь своего представителя.

Хотя спор о титуле не привел к разрыву между Римом и Константинополем, но значительно охладил отношения императора к папе. Это сказывалось не только в церковной политике, но отражалось на всем строе тогдашних государственных отношений. Деятельная роль, выпавшая на долю епископа Рима в переговорах с лангобардским королем, затронула экзарха, который и без того не мог равнодушно смотреть на политическую роль папы. В Равенне и Риме образовались враждебные политические течения, которые тем более вредили интересам империи, что они не составляли тайны для лангобардов. Король Агилульф, оставив пока Среднюю Италию, угрожал движением на юг, и в 596 г. вместе с герцогами Сполето и Беневента действительно стал производить опустошения в Кампании и выражал намерение напасть на Сицилию и Корсику, где находились богатые патримонии римского престола, и откуда папа получал самые важные материальные средства. Ввиду этого обстоятельства самые заветные желания папы заключались в установлении прочного соглашения с лангобардами, чего он и достиг при посредстве королевы Теоделинды в 598 и в 603 гг.

В самом начале VII в. сменились главные деятели изложенных выше событий. Константинопольская военная революция 602 г. сопровождалась трагической смертью царя Маврикия и вступлением на престол Фоки, который не разделял ревнивых опасений своего предшественника по отношению к римскому престолу; через два года сошел с мировой сцены папа Григорий, хотя и не достигнув осуществления своих притязаний, но приготовив для своих преемников необходимые для успеха средства. Письма папы Григория к Фоке, которыми он приветствовал совершившийся переворот, слишком характерны, чтобы вполне обойти их. «Слава в вышних Богу,— писал Григорий,—да веселятся небеса и да торжествует земля. Весь народ, доселе сильно удрученный, да возрадуется о ваших благорасположенных деяниях»[10]. И какая злая ирония могла продиктовать нижеследующие слова в том же письме: «Пусть каждый наслаждается свободой под ярмом твоей империи. Ибо в этом и состоит различие между властителями других народов и императорами, что первые господствуют над рабами, императоры же Римского государства повелевают свободными!» Можно думать, что к льстивым заявлениям не остался глух император Фока; в 607 г. он разрешил спорный вопрос о титуле в пользу преемника Григория Великого, папы Бонифация III. Декретом императора апостольский римский престол признан главой всех Церквей, и весьма вероятно, что тогда же патриарху запрещено было подписываться на официальных актах титулом Вселенский.

В VIIв. в Италии начал складываться такой порядок вещей, при котором становилось возможным сожительство итальянцев с лангобардскими завоевателями, хотя византийское правительство не отказывалось от надежды на возвращение всей Италии под власть империи. Родственные связи, установившиеся посредством браков между лангобардскими королями и баварскими герцогами, позволили папам войти в непосредственные сношения с арианствующими лангобардами

и влиять на их политику. Католичество стало делать успехи среди ариан, и в городах стали появляться католические епископы рядом с арианс-кими. Римские епископы не только приобретали нравственное влияние на всю Италию— лангобардскую и византийскую, но и скрепляли своим авторитетом два враждебные элемента — победителей и побежденных. В то время, как церковная власть постепенно делала прочные завоевания в стране, императорское правительство, действовавшее через своих представителей в Италии, экзархов Равенны, рядом политических ошибок вызвало полное охлаждение итальянцев к Византии. Главный интерес изучения лангобардской и греческой Италии в эту эпоху сосредоточивается на выяснении двух положений: каким путем постепенно эмансипируется епископ Рима от власти императора, и какими средствами он надеялся вести борьбу *с* представителем его авторитета — экзархом, и, с другой стороны, какие условия вызвали падение византийского влияния в Италии, несмотря на то, что политические обстоятельства должны были бы скреплять Италию с Константинополем, т. к. Южная Италия подверглась иммиграции со стороны греческого элемента.

Отдаленность Равенны от Константинополя, трудность сношений между Италией и Византией, в особенности когда море стало не безопасно от арабских корсаров, имели большое значение в развитии дальнейшей истории экзархата. Хотя императоры не оставляли на слишком продолжительный период власть экзарха в руках одного и того же лица, тем не менее, обширные полномочия, какими был наделен экзарх, и значительные военные силы, бывшие в его распоряжении, нередко давали этим представителям высшей власти в стране соблазнительный повод к открытому бунту против носителей императорской власти. Элементов недовольства в Италии было достаточно и в клире, и в военном сословии, и в народе, обремененном реквизициями, враждебными набегами неприятелей и податями. Попытки восстания и отделения Италии обнаруживаются во время Ираклия, в 616 и последующих годах. Прежде всего признаки недовольства обнаружились в войске. Неправильности в раздаче жалованья были причиной военного бунта, он разросся, однако, до такой степени, что окончился насильственной смертью экзарха Иоанна. Вновь назначенный экзарх Елевферий должен был заняться усмирением мятежа, но и он нашел положение дел весьма благоприятным для большой политической авантюры и, не довольствуясь отложением от Византии, захотел восстановить Западную Римскую империю со столицей в Риме. Вероятно, по соглашению с епископом Рима Елевферий направлялся уже в Вечный город, чтобы короноваться от руки римского епископа, но на дороге был убит собственными солдатами. Это был первый случай, после падения Западной империи, восстановления теории империи на Западе, которую имел воскресить Карл Великий.

После Елевферия новое движение было поднято в 642 г. при экзархе Исааке хартуларием Маврикием, который наложил руку на церковные имущества в Риме и получил богатые средства на содержание значительной партии приверженцев. Он собирал присягу на верность и распространял слух, что экзарх объявил себя независимым. Движение было усмирено военной силой. Но скоро затем, в 650 г., новый экзарх Олимпий повторил попытку Елевферия восстановить империю

на Западе. Это последнее восстание стоит в связи с церковным спором при императоре Константе II. Олимпий имел поручение сломить упорство папы Мартина I и принудить его подчиниться воле императора, выраженной в изданном им «Типе». Но экзарх, взвесив положение дел и опираясь на авторитет римского епископа, объявил себя независимым. До Константинополя доходили тревожные слухи об отпадении Италии, о бунте папы и экзарха, и требовалось принятие экстренных мер, чтобы спасти эту провинцию. Два года Олимпий самостоятельно управлял итальянскими делами, и только смерть его избавила империю от опасности совершенно потерять свой авторитет в Италии.

Ввиду изложенных обстоятельств получает важное значение решение императора Константа перенести столицу на Запад и принять на себя лично наблюдение за событиями в Италии. На Востоке эта мысль не пользовалась сочувствием, и византийские греки никак не могли признать правильной такую политику, которая бы видела центр тяжести мировых событий не на Востоке, а на Западе. Немногие в VII в. понимали политическое значение мусульманства, и начало арабских завоеваний на суше и море многим казалось не внушающим серьезных опасений. На самом же деле арабский вопрос поднимался тогда уже во всей грозной силе, и ни один из прежних врагов империи не представлял такой опасности для Востока, как арабы. В то время, как арабы постепенно завоевали Сирию, Палестину, Египет и начали угрожать островам и Южной Италии, положение Константинополя делалось все более и более изолированным, в своих военных и финансовых средствах он стал в зависимости более от Запада, чем от Востока. С этой точки зрения в попытке Константа перенести свое пребывание на Запад мы должны усматривать разумный государственный расчет, находящий для себя объяснение в том, что Константинополь скоро будет нуждаться в помощи извне, и что Запад скорее может дать такую помощь, чем истощенный войной и порабощенный арабами Восток. Лангобардский вопрос в Италии становился, таким образом, на первый план. Нельзя также не принять в соображение и того обстоятельства, что, находясь в Италии с флотом и с достаточными военными силами, император легче мог следить за арабами и принимать своевременные меры к обузданию их.

В 663 г. император Констант, несмотря на серьезный протест в Константинополе, отправился в Афины, где провел зиму, летом посетил Рим, наконец, поселился в Сиракузах, где и жил до самой своей смерти (668). Любопытно взглянуть, осуществима ли была теперь задача изгнания из Италии лангобардов и восстановления на севере ее старых границ империи. К этому времени итальянские отношения представлялись в следующем виде. Новый король Ротари, избранный в 636 г., был женат на Гундеберге, дочери Теоделинды, и, следовательно, был доступен через свою супругу влияниям со стороны Рима. Но летопись отмечает, что король и королева не были между собой в согласии по политическим вопросам, и что отношение Ротари к римскому населению и католической Церкви далеко не отличалось благорасположением. Хотя Ротари был искренним арианином, он не нашел нужным начать борьбу с католической Церковью, тем более, что как раз на это время падает ожесточенная религиозная вражда между папой и императором. Важнее внутренняя деятельность Ротари.

Задачей каждого лангобардского короля, сознававшего себя окрепшим на престоле, была борьба с герцогскою властью, которая ослабляла лангобардов и мешала национальной политике королей. Пока герцоги имели право вести самостоятельную политику и вступать в отдельные соглашения с франками, с экзархом и с римским папой, до тех пор короли лишены были возможности выступить истинными национальными государями лангобардов. Деятельность Ротари в этом отношении характеризуется определенными чертами устроителя государства и строгого блюстителя справедливости. С беспощадной строгостью относился он к тем герцогам, которые стояли на дороге к осуществлению его политических планов. Указывается как на выразительный пример достигнутых им в этом отношении результатов на то, что даже герцог Беневентский, который был сильнее всех герцогов и управлял на юге почти самостоятельно,— и он послал в Павию своего сына, чтобы получить от короля согласие на передачу ему герцогской власти.

Самым выразительным актом времени короля Ротари служит его эдикт, изданный в 643 г. Это — первый акт лангобардского законодательства на римской почве, составленный на основании обычного права. Известно, что ни один германский народ не был так исключителен в ревнивом охранении своих народных прав и в противоположении своей народности к побежденным. Закон, изданный Ротари, совершенно не признает римского населения, среди которого утвердились лангобарды[11]. Цель его, как и других народных законов, изданных в завоеванных германцами землях,— защита слабых против сильных и установление такого общественного порядка, при котором бы каждый жил под защитой закона и мирно пользовался принадлежащим ему имуществом. Важность закона состоит в том, что он смело и открыто выставляет правовые нормы лангобардского населения и противопоставляет их римскому праву. Закон написан на латинском языке, и в некоторых его определениях проявляется уже влияние римской культуры. По взгляду закона есть только один народ, господствующий в стране на правах воина, землевладельца и господина,— это лангобарды. Римляне не имеют ни личных, ни имущественных прав, все городское и сельское население рассматривается на положении рабов или полусвободных. В письмах папы Григория указывается, как пленные римляне толпами были уводимы на продажу в рабство. Во всем законе только раз упоминается имя римлянин, и то применительно к женщине, впавшей в блудодеяние [12],— до такой степени лангобардское право было нетерпимо к чуждой национальности. Ясно, что при завоевании Италии местное население лишено было личных и имущественных прав, и только с течением времени римляне, вследствие особенной королевской милости и при условии полного отречения от прежней национальности, могли быть возвышаемы до свободного состояния.

Характерный признак цены лица по древнему праву — вира — назначена по закону Ротари только за лангобарда, римлянин не имеет виры. Полноправный, благородный лангобард отличается особенным преимуществом — правом военной службы. С точки зрения народного хозяйства, он есть землевладелец, т.к. весь государственный строй исходит из того основного положения, что лангобард, завоевавший своим мечом землю, имеет право на эту землю, и т. к., с другой

стороны, военная служба остается и на будущее время его обязанностью, то он не сам занимается обработкой земли, а имеет для этой цели подчиненное население, сидящее на его участке и занятое его обработкой. Но едва ли было бы справедливо утверждение, что с лан-гобардским завоеванием значительно ухудшилось положение сельского населения. Во всяком случае рядом с известиями о жалком состоянии завоеванного населения встречаются и другие, по которым римское население уходило на земли, занятые лангобардами, чтобы избавиться от вымогательства и непосильных поборов со стороны византийских чиновников.

Итальянские города при лангобардах имели значение не как самостоятельные общины, но как резиденции королей и герцогов; центром администрации и суда делаются королевские дворы (curtes regiae), городское население становится смешанным, управление переходит к лан-гобардским поселенцам. Постепенная смена римских имен германскими заметна при сравнении известий Григория Турского и Павла Диакона: у первого встречаем между историческими деятелями только римские имена, у последнего римляне упоминаются весьма редко и то между духовными лицами.

Лангобардский закон оставляет, однако, для римского населения возможность некоторых средств к изменению бесправного положения. Так, купцы и откупившиеся на волю получали равные с победителями гражданские права. Браки лангобардов с римлянами,— причем римлянка возводилась в свободное состояние,— должны были значительно ослабить суровые постановления закона и способствовать к уравнению побежденных с победителями. Культурные преимущества, предприимчивость и трудолюбие были на стороне римского населения и, во всяком случае, давали ему средства к успешной конкуренции с лангобардами. На этом пути мог совершаться медленный процесс восстановления нарушенных завоеванием прав.

Не менее важными нужно признать военные дела Ротари. Он, по-видимому, лучше своих предшественников понял, что лангобардам нельзя останавливаться на полдороге, что положение их в Италии далеко не прочно. Прежде всего он предпринял движение за Апеннины с целью округления своих владений на севере и установления более правильной границы с франкским королевством. Сделанные на севере приобретения он не отдал, однако, в управление кому-либо из герцогов, какова была прежняя система, а присоединил к королевским владениям Точно так же он распространил свои владения по направлению к Равенне, нанеся здесь византийским войскам сильное поражение, в котором осталось на поле сражения 8 тыс. трупов. Почти в то же время замечается наступательное движение против империи в Южной Италии из Беневен-та, где герцоги Радоальд и преемник его Гримоальд начали также наступательную войну против империи из Беневента. Здесь были отняты у Византии Сорренто и Салерно (646), и империя стремилась заключить с лангобардами перемирие, отказавшись от упомянутых городов.

После смерти короля Ротари в 652 г., пользуясь смутами, происшедшими в Павии из-за королевского достоинства, могущественный беневентский герцог Гримоальд умертвил короля Гарибальда и овладел королевским троном (662). Чтобы придать вид законности своему насиль-

ственному поступку, Тримоальд женился на цочери убитого им короля. Но никто, впрочем, не смел оспаривать у него власти, т. к. соединенные в одних руках земли королевства и беневентского герцогства равнялись половине всех лангобардских владений в Италии. Таким образом, во время Гримоальда положение лангобардов в завоеванной стране совершенно изменилось; на севере и на юге находившиеся под византийским господством города и области подверглись крайнему стеснению. Требовалась экстренная мера, чтобы спасти экзархат и зависевшие от него провинции.

В 662 г. византийский царь, вопреки воле сената и народа, препо-бедив множество затруднений, отправился, как говорено выше, из Константинополя на Запад. В столице осталась царица с детьми; по некоторым известиям, их задержали в качестве заложников. Брат Константа, Феодосии, постриженный по его приказанию в церковный сан, был убит за несколько времени перед тем. На пути в Италию, которая была целью путешествия, император посетил Афины, где провел зимние месяцы. Весной 663 г. мы находим, однако, Константа на юге Италии занятым деятельными приготовлениями к войне. Во власти греков оставались здесь лишь приморские города, которых лангобарды не могли брать, потому что не имели флота. Кроме Тарента, где высадился Констант, под властью его оставались Неаполь, Амальфи, Сорренто, Гаета, находившиеся в постоянной опасности быть захваченными отрядами могущественного герцога Беневента. Как раз в это время Гримоальд был на севере, в своих королевских землях, а в Беневенте оставался сын его Ромуальд, что было весьма благоприятным обстоятельством для успеха задуманного императором предприятия. Он, действительно, захватил несколько принадлежавших лангобардам мест и приблизился к Беневенту, где ему оказано было, однако, упорное сопротивление. Получив известие о происшествиях на юге, Гримоальд поспешил на защиту своего герцогства и побудил Константа отступить от Беневента. Чтобы защитить себя против неожиданных нападений с тыла, император оставил 20-тысячный отряд на севере от Неаполя, в Формии, и предпринял путешествие в Рим.

Мы приведем здесь несколько мест из прекрасной книги Грегоровиуса «История города Рима»[13], в которой дана всесторонняя оценка этому событию: «Со времени Одоакра здесь не бывало императора, здесь между развалинами оставался лишь епископ или папа — бесспорный в то время представитель латинского народа во всей Италии. Констант постоянно находился если не в открытой борьбе, то в глубоком несогласии с Римской Церковью, которая уже испытала от него много огорчений и оскорблений. И Церковь имела основания бояться его: явись он сюда после подчинения Беневента как победитель, она первая испытала бы тяжкие последствия. Счастьем для нее было, что он прибыл не как победитель». «Книга римских епископов» [14] сохранила церемониал приема этого императора. «Уже у шестого камня за городом, отмечавшего мили, императора встретили папа, духовенство и представители города с крестами, знаменами и свечами. Виталиан не имел высокого мужества Амвросия,

который воспретил великому Феодосию вступить на ступени миланского храма за то, что он запятнан был кровью страшно наказанных бунтовщиков. Но он не мог не вспомнить при виде Константа о насильственной смерти, причиненной родному брату, о голодной смерти папы Мартина, о мученической смерти исповедника Максима. В торжественной процессии император вступил в Рим; это было в среду, 5 июля 663 г. Нужно думать, что он шел по Via Appia и, следовательно, через porta Sebastiana и далее к церкви св. Петра, как это сделал король Феодорих при своем вступлении в Рим. Затем он поселился в старом дворце цесарей. Как ни был запущен этот дворец, но он, во всяком случае, еще был возможен для обитания, ибо в нем жил дука города Рима. В следующую субботу был император в базилике S. Maria Maggiore и сделал ей приношение, в воскресенье ходил в торжественной процессии в храм св. Петра, где был встречен клиром и папой. Здесь папа предложил угощение, и Констант возложил на алтарь шитый золотом паллий. В следующую субботу посетил Латеран, где взял ванну, и обедал в базилике Юлия»».

Можно весьма пожалеть, что не осталось никаких известий о том впечатлении, какое произвел Рим на императора, ни в частности о том состоянии, в каком находились в VII в. памятники Вечного города. Но вот что читается далее у Грегоровиуса: «Греческого императора едва ли занимали меланхолические соображения о судьбе столицы мира. Напротив, бросив беглый взгляд любопытства на груду развалин Вечного города, составлявшую его собственность, он открыл между ними, к своему удовольствию, некоторые предметы, могущие удовлетворить его алчность. На улицах и площадях стояло еще много бронзовых статуй, которые видел в свое время Прокопий и которых византийцы тщательно разыскивали и в запертых храмах. Папа показал своему гостю пантеон, императорский дар Церкви, Констант посмотрел на его кровлю, блистающую позолоченной бронзой, и отдал приказание нагрузить эти драгоценные плиты на свои корабли. Тяжело ему было отказаться от золотых пластинок на кровле св. Петра, которыми воспользоваться помешало ему или благоговение к базилике, или страх возбудить в Риме возмущение. Только 12 дней оставался он в Риме, и этого времени было достаточно, чтобы лишить город его последних античных сокровищ. Превосходная конная статуя Марка Аврелия из позолоченной бронзы чудом спаслась от жадности Константа. Она находилась на латеранском поле, к востоку от базилики. В день своего отбытия император слушал литургию на гробе апостола, затем простился с папой и ушел на кораблях, нагруженных добычей, в Неаполь. Но награбленными древностями не удалось воспользоваться ни ему, ни его столице. В Сиракузах, где Констант проживал последние годы своей жизни на острове

Ортигии, и куда стекались значительные богатства из Южной Италии и из Африки, он был убит подкупленным рабом в бане. Впоследствии оставшиеся здесь сокровища и предметы искусства разграблены были сарацинами».

Мрачная картина царского посещения города Рима, сопровождавшегося расхищением остававшихся еще памятников искусства, должна была оставить сильное впечатление в населении Италии, для которого на Риме сосредоточивались все политические надежды. Для всякого, кто мог хладнокровно осуждать положение дел, становилось ясно, что из Константинополя нельзя ожидать помощи и что нужно искать спасения здесь же, в Италии. Оставляя пока дальнейшую историю итальянско-византийских отношений, в заключение настоящей главы укажем еще на один живой элемент, который, организовавшись и усилившись при содействии римского епископа, впоследствии оказал значительное влияние на освободительное движение в стране,— разумеем городскую милицию.

Не входя в рассмотрение вопроса о том, как могли сохраниться следы муниципальной жизни до средних веков, ограничимся следующими наблюдениями. В истории развития городской римской общины следует делать различие между собственно курией и выделившимся из нее богатым классом граждан. Зажиточные люди, высвобождаясь от влияния курии, образовали рядом с ней новый элемент городского общества, отличаемый от курии, как honorati и possessores. В период борьбы с лангобардами, когда итальянские города нередко должны были собственными средствами защищать себя против набегов варваров, само городское общество организовало защиту. Хотя после Агилульфа не видим общего движения лангобардов к новым захватам в Италии, тем не менее военное положение не прекращалось, и опасность продолжала угрожать и внутри и вне, именно от арабов. Около половины VII в. в главнейших городах Италии заметно присутствие новой силы, городской милиции, которая обнаруживается всякий раз, когда городу угрожает опасность со стороны экзарха или других чиновников из Византии,— доказательство, что эта милиция образовалась не по правительственному распоряжению, но для защиты местных интересов. Впрочем, в Византии сначала даже могли благоприятствовать этому, потому что императорское правительство освобождалось таким образом от обязанности делить свои скудные военные силы и направляло их исключительно на Восток. Организация милиции не могла принадлежать бессильной курии, в военном деле главным образом принимают участие упомянутые honorati и possessores, которые как сами начинают носить оружие (primates militiae), так и нанимать охотников.

В VII в. милиция заявляет себя во внутренних отношениях города, ближайше — в выборах пап; первый случай такого рода относится к 685 г. Понятно, что городское войско должно было по отношению к византийским чиновникам держаться не в подчинении; напротив, оно охраняло интересы города против нарушителей и по самой сущности было враждебно византийской власти. Недоверие Византии, выразившееся в репрессивных мерах по отношению к выборам епископа, давало городской милиции случай заявить свои симпатии. С 686 г. на папском престоле видим то сирийцев, то греков, посаженных, несомненно, против

желания римского населения; и каждый выбор ведет за собою ряд столкновений между городским населением и экзархом.

С 687 до 701 г. на престоле св. Петра сидел Сергий I. При нем византийские богословы постановили на Трулльском соборе ряд правил, обязательных для церковного благочиния и практики. Протоколы собора присланы были для подписи и к Сергию. Когда папа отказался скрепить постановления Трулльского собора и вести их в подведомственной ему Церкви, император Юстиниан II приказал своему уполномоченному схватить папу и представить в Константинополь. Но когда в Италии узнали о намерениях императора, то милиции городов Равенны, Пентаполя и др. собрались к Риму, чтобы не позволить императорскому послу нанести оскорбления папе. Тщетно протоспафарий Захария приказывал запереть ворота, для спасения жизни он убежал в Латеран и скрылся в спальне папы. Милиция окружала папский дворец и — будь на то согласие Сергия I — умертвила бы императорского посла. Но папа обеспечил ему безопасный выход, и Захария при громком смехе и шутках толпы должен был удалиться из Рима. Такой факт, конечно, имеет важное значение в истории пап и Италии: он показывает, как дорого было для итальянцев лицо, занимающее римский' престол, и какая опасная для Византии сила образовалась в милиции.

Тем не менее, Византия продолжала оскорблять национальное чувство итальянцев и, вместе с тем, обнаруживать слабость своих сил, когда следовало настойчиво поддержать притязания. Еще у ней оставалось средство оберегать свою власть в Италии назначением на римский епископат лиц иностранного происхождения, чем и пользуется она в конце VII и начале VIII в. Еще можно было запугать итальянцев лангобардами; но какой для Византии оборот могли получить дела, если на престоле папском будет сидеть лицо римского происхождения, если притом папа будет поставлен в необходимость предпочесть союз с лангобардами, к тому времени уже обращенными в католичество?

В таком виде складывались итальянские отношения к концу VII в.

Глава VI

Славяне в VII и в начале VIII в. Утверждение болгар на Балканском полуострове

К сожалению, и в начале VIII в., как в половине VII, события Юго-Восточной Европы очень бледно представлены в историографии, так что мы должны во многих случаях руководиться догадками и домыслами. Для VII в. характерным фактом является беспредельное распространение славян по Европе, по островам Архипелага и по Малой Азии, которому до сих пор не подыскано надлежащего объяснения и которое мало выяснено по его ближайшим последствиям. В то время как на западной окраине славянства возникает сказание о героическом Само, положившем начало государственного объединения у чехо-мораван и словаков, на южной окраине наблюдаем утверждение славян в Далмации, в Истрии и в Фессалии, а на юго-востоке происходит чрезвычайно сильный толчок со стороны болгарской орды, которая перешла за Дунай и основала свое господство среди славянских племен, колонизовавших провинцию Мизию. Все эти явления среди славянского мира падают приблизительно на половину VII в., и можно думать, что они находятся между собой в некоторой причинной связи. Не может возбуждать сомнения лишь тот факт, что на всех территориях, занятых славянами, было старое население, значительно затронутое греко-римской культурой и христианским просвещением, и что занятие этих областей требовало от славян значительного напряжения сил и известной организации. Но в борьбе с новыми условиями, найденными славянами в указанных местах расселения, их ожидали такие затруднения, какие превышали их материальные силы. Чтобы стать на высоте тех задач, которые предъявлены были славянам условиями соседства и требованиями культурной жизни, им необходимо было сгруппироваться в племенные союзы и положить начатки государственной организации. Но этот процесс совершался у славян слишком медленно, и в большинстве случаев начатки государственного объединения происходили под действием причин, вызываемых внешним завоеванием.

Таким образом, наиболее важным фактом в истории славян VII в., независимо от условий и обстоятельств их расселения, следует признать утверждение болгарской орды на юг от Дуная и основание здесь болгарского государства. В последние годы вопрос о переселении болгарской орды угро-финнского происхождения сделался предметом особенного внимания со стороны различных ученых. Вопросу был придан живой интерес находкой надписи в Болгарии, в которой найден был ключ к выяснению хронологии древних болгарских ханов. Именно в самом конце надписи остававшийся до сих пор непонятным хронологический

болгарский термин поставлен в соотношение с византийским индиктом*, что и дало возможность открыть загадку хронологии[1].

И независимо от сказанного, переход болгарской орды на юг от Дуная, дав совершенно новое направление истории славян на Балканском полуострове, вызывает к себе особенное внимание и по ближайшим последствиям, которыми оно сопровождалось. Хотя известия об этом переходе довольно скудны, но из них все же можно вывести некоторые положительные данные. Аспарух, или Есперик, с которого начинается новая эра истории болгар и которому первому посчастливилось указать одной из частей великой орды новые поселения на южной стороне Дуная, принадлежит к VII в. По новейшим вычислениям дату перехода болгар за Дунай следует несколько передвинуть и вместо принятого доселе 679 г. принять 659/60 г.[2] Что касается вопроса о том, можно ли Аспаруха рассматривать как сына Кровата, или Курвата, здесь окончательное решение будет зависеть от того, можно ли имя Кроват сближать с полулегендарным именем Курт, находящимся в знаменитом перечне древних ханов. Кроват, или Курват, есть несомненное историческое лицо, смерть которою отнесена к царствованию Константина II (642—668)[3], следовательно, и переселение части болгарской орды под предводительством Аспаруха падает на то же царствование согласно тем хронологическим данным, которые черпаются из хронологического перечня ханов. Первый подлинный факт, с которым мы встречаемся после передвижения орды Аспаруха, есть занятие им укрепленного лагеря близ устьев Дуная; действительное место нахождения этого лагеря, однако, до сих пор не может считаться окончательно установленным.

Занятая Аспарухом местность описана у греческого писателя Феофана не совсем точно и притом названа не по географическому положению, а термином, взятым из болгарского языка[4]. Некоторые передают это наименование словом «угол», но трудность понимания нисколько не облегчается при подобной подстановке слова. Может быть, всего вероятней искать объяснения в турецко-татарском слове «аул», но при этом устранялась бы всякая идея географического обозначения занятой болгарской ордой местности. Нельзя слишком много настаивать и на том, что эта местность была болотиста, т. к. кочевой конный народ не мог считать себя безопасным в болотистой и слишком ограниченной тесными пределами местности[5]. Нужно поэтому допустить, что следы укрепления близ Исакчи, где ныне находится село Николицель, указывают местонахождение первого лагеря или аула, служившего первым опорным пунктом болгар по переходе их на Дунай в 659—660 гг.[6] Точно так же следует отказаться от мысли искать в другом каком месте Переяславца, т. е. древней столицы болгарских ханов, как только в местности близ Исакчи. Самое имя Переяславец, или Преслава, появившееся со времени русских походов на Дунай, не туземного происхождения и заимствовано из греческих терминов ὑπέρφημον и πάνφημον, каковыми обозначены в тырновской надписи Омортага древние столицы болгар. И болгарское слово Оγλος, в конце концов, должно быть в родстве с упомянутыми греческими и русскими терминами.

* Надпись так называемая чаталарская // Известия Института. X С. 546

Ближайшие окрестности занятой болгарами местности были в то время заселены славянскими племенами, вследствие чего империя оставила некоторое время без надлежащего отпора совершившийся факт. Но т. к. болгаре начали делать набеги на окрестные поселения, то император Константин IV Погонат (668—685), с которым и начинается собственно история болгарского княжества за Дунаем, предпринял против них поход. По этому случаю в первый раз упоминается о фемах как существенной части военной организации империи. Император приказал переправить во Фракию малоазиатские фемы и, снарядив флот, двинул на болгар морские и сухопутные силы. Хотя во главе всего предприятия был сам царь Константин, но успех далеко не соответствовал ожиданиям. Оказалось, что болгар нельзя было достать за их укреплениями; сами же они не решались выступить в открытый бой с огромною византийской ратью. Через несколько дней император по случаю болезни ног должен был отправиться в Месимврию для пользования тамошними купаньями, предоставив продолжение военных операций подчиненным стратигам. Это обстоятельство было истолковано болгарами в смысле слабости и трусости перед ними со стороны греков и так ободрило их, что они вышли из своих укреплений и нанесли императорскому войску много вреда.

В высшей степени, однако, сомнительно, чтобы дальнейший шаг к завладению всей предбалканской Болгарией сделан был болгарами так скоро, как это изложено у историка Феофана. Первой задачей болгар было, конечно, подчинение независимых славянских племен в предбалканской Болгарии и защита своих границ. На юге в особенности следовало укрепить балканские проходы и обезопасить себя со стороны империи. Согласно этой цели племя северян поселено было у прохода Берегава или Рашкого для защиты и наблюдения самой важной позиции; другие племена защищали южные и западные границы со стороны аварского царства. Что касается Аварского каганата, имевшего расположение между Дунаем и Тиссой, то он был к тому времени значительно ослаблен двояким движением среди славян в VII в.: со стороны Кувера в Македонии и со стороны Само в Чехии и Словакии.

Дальнейшим шагом к утверждению болгар на Балканах было основание ими хринга или укрепленного аула поблизости от Шумлы, в местности Абоба. Остатки этого укрепления, в котором была столица болгарских ханов прежде основания ими новой столицы при самой подошве Балканских гор в так называемой Великой Преславе (ок. 821г.), сделались предметом подробного изучения со стороны Русского археологического института в Константинополе[7] и бросили обильный свет на славянские древности. Но, прежде чем сообщить результаты сделанных наблюдений над раскрытой раскопками института болгарской столицей, проведем несколько дальше внешнюю историю болгарского ханства. Преемники Аспаруха до конца VII в., имя которых не сохранилось в древнем перечне, очень хорошо поняли необходимость передвижения от берегов Дуная к югу и, укрепившись на обширной равнине, представлявшей больше удобства для содержания и пастбища коней, начали, по выражению византийского летописца, шириться и надменно относиться к соседям, и грабить, и подчинять себе принадлежавшие империи селения и крепости. Чтобы обезопасить себя против

новых соседей, которые начали угрожать своими наездами фракийским городам, империя принуждена была согласиться платить болгарам ежегодную дань (679).

В царствование Юстиниана II (685—695) отношения Византии к болгарам становятся так серьезны, что отражаются на общей политике империи: болгарская орда перестает иметь местное значение, болгарский вопрос сливается со славянским и в этом смысле приобретает громадный политический интерес. Юстиниан отказал в выдаче болгарам дани и решился начать с ними войну, для чего перевел из Азии кавалерийские полки, так как сила болгар заключалась в коннице. Но что обращает на себя особенное внимание, это широкий театр военных действий, который обнимает предприятие Юстиниана и ближайшие последствия его похода. Прежде всего военные действия простираются на болгарское становище у Шумлы; по всей вероятности, болгаре встретили византийское войско у подошвы Балканских гор и были отражены Юстинианом. Но на этом дело не окончилось. Поход продолжался в Македонию до города Солуня, т. е. направлен был против славянских племен, которые тогда уже стояли в политическом союзе с болгарами и обязаны были служить в военной службе у хана. При этом летописец передает весьма любопытный факт, что византийское правительство воспользовалось этим походом, между прочим, для того, чтобы вывести славянскую колонию в Малую Азию, предоставив славянам свободные места в феме Опсикий. Но на возвратном пути из похода против болгар Юстиниан был окружен ими в балканских проходах и мог спастись лишь с большими потерями в сопровождавшем его отряде. Это происходило в 688 г.

На основании данных, заключающихся в житии св. Димитрия Солунского, можно заключить, что в VII в. у византийцев была в употреблении особая система приглашения на службу славянских охотников или принятия в подданство целых племен, которым предоставлялась известного рода внутренняя самостоятельность в решении их дел под начальством или их собственного, или назначенного правительством племенного старшины или князя. Такие славянские поселения имели специальную задачу исполнять военную службу с пожалованных правительством земельных участков. Первые упоминания о славянских колониях в Малой Азии находим даже ранее утверждения болгар на Балканском полуострове: печать с греческой надписью о славянской колонии в Вифинии, находящаяся в коллекциях Русского археологического института, должна быть относима к 650 г., а этим памятником утверждается тот факт, что вифинские славяне ставили военных людей на службу империи[8].

Выше было указано, что правительство не один раз основывало в Малой Азии большие славянские поселения. Хотя имеется известие, будто Юстиниан перебил оставшихся в феме Опсикий славян, но дальнейшие события показывают, что здесь сохранились славяне. В 710 г. Юстиниан во вторичное свое царствование опирается, главным образом, на иноземные элементы. Так, он призывает на помощь болгарского хана Тервеля, который привел с собой 3 тыс. болгар и славян и, переправившись в Азию, вошел в связь с войском Опсикия[9]. Можно догадываться, что в Опсикий и тогда были родственные прибывшему из Болгарии войску элементы. Со времени Юстиниана намечаются также в об-

щих чертах дальнейшие успехи болгарского развития. Именно Юстиниан, лишенный престола, снова приобретает власть, благодаря заключенному им политическому союзу с болгарским ханом Тервелем и родственному союзу с хазарским ханом, на сестре которого Юстиниан был женат.

Особенно заслуживают внимания сношения с Тервелем, у которого Юстиниан искал убежища после бегства своего из Херсона и потом из фанагории. В то время (ок. 705 г.) столицей Болгарии было уже укрепление близ Шумлы, хан Тервель владел уже значительными землями, и болгарам принадлежали некоторые балканские проходы, которыми они пользовались для своих набегов на фракийские города. Юстиниан обещал Тервелю большие дары, брачный союз с дочерью императора и соответственные с положением царского зятя почести и звания, если он согласится помочь ему возвратить престол. Тервель согласился на сделанные ему предложения, принял у себя с честью Юстиниана и представил на службу ему большое войско из болгар и славян. Известно, что в начале 705 г. Юстиниан, сопутствуемый Тервелем, явился под стенами Константинополя и, не прибегая к штурму стен, ночью вошел в город через водопровод и спокойно занял Влахернский дворец. Утвердившись на престоле, Юстиниан возвел Тервеля в сан кесаря, выдал ему дорогие подарки, заключавшиеся в драгоценных сосудах из дворца, и оказал ему такие почести, которые значительно поднимали его авторитет между болгарами и славянами. Весьма вероятно, что тогда заключен был и особый договор, по которому болгарам уступлена византийская область [10]. Но через три года мир с болгарами был нарушен. В 708 г. Юстиниан снарядил флот и конное войско и сделал высадку при Анхи-але. Нанесенное здесь византийцам поражение характеризуется весьма выразительными чертами. В то время, как византийский флот стоял под Анхиалом, кавалерийские части расположились в окружающих равнинах. Не было принято никаких мер предосторожности, как будто лагерь находился не в неприятельской стране, люди как овцы рассеялись по полю собирать траву. Поставленные на ближайших холмах соглядатаи донесли Тервелю о положении, в каком находится неприятельский стан, и он приказал сделать неожиданное нападение, увенчавшееся полным успехом. Болгаре захватили много добычи и нанесли грекам сильное поражение; сам Юстиниан едва спасся с немногими в Анхиале, откуда тайно сел на корабли и ушел в Константинополь.

Несмотря на анхиальское поражение, Юстиниан до конца своего царствования оставался с болгарами в союзных отношениях, как видно из того обстоятельства, на которое было указано выше, что в 710/11 г. Тервель послал императору на помощь трехтысячный отряд, который и сопровождал его в Малой Азии, пока воцарение Филиппика-Вардана не положило конца этому беспокойному искателю приключений, нашедшему для себя опору в союзе с хазарами и болгарами. Нужно думать, что в княжение Тервеля и в соответствующий ему период крайнего упадка политического и военного значения империи болгаре успели прочно укрепиться в занятых областях и начали без помехи делать набеги на открытые и незащищенные области Фракии. Такой случай описан под 712г.[11], когда болгаре сделали опустошительный набег на имперские области, дошли до Босфора

и разграбили окрестности Константинополя до самых Золотых ворот. Как было беззащитно положение столицы, видно из того, что такой отважный набег не нашел отпора, и что болгаре с награбленной добычей спокойно ушли за Балканы.

Само собою разумеется, болгарское владычество на Балканском полуострове должно было затрагивать самые существенные интересы империи, которая не могла относиться равнодушно к неожиданным набегам и опустошениям своих областей. Даже то обстоятельство, что хану Тервелю был пожалован сан кесаря, не изменило характера отношений между двумя соседями. Перед вступлением на престол Исаврийской династии состоялось между болгарами и византийцами соглашение, имевшее форму договора, в котором определялись на будущее время государственные отношения между двумя странами и твердо обозначалась граница владений Болгарии. Этого договора, который, по всей вероятности, был записан на каменной колонне, как большинство последующих соглашений между болгарами и греками, не сохранилось, но о нем есть упоминание у современного событиям писателя. Именно Феофан при изложении событий времени хана Крума под 813г. заметил, что тогда был возобновлен договор, состоявшийся при Феодосии и патриархе Германе с Кормесием, ханом болгар [12].

Сделав некоторые исправления к тексту Феофана, что при Феодосии III болгарами правил еще Тервель, а правление Кормесия, или Кормисоша, относится к 743—759 гг., мы можем считать совершенно реальным фактом те черты, которые заимствуются из договора 715/16 г. В нем шла речь прежде всего о границах, т. к. этот вопрос имел самое первостепенное значение; затем о выдаче парадных шелковых одежд и тонкой красной кожи; наконец, об обмене перебежчиками и о допущении торговых людей с той и другой стороны под тем условием, что этот первоначальный договор свидетельствует уже о культурных сношениях и предполагает известную степень развития в болгарской орде или, по крайней мере, в правительственных классах, мы должны особенно обратить внимание на то, что болгарская орда в начале VIII в. была уже в периоде образования государственности, и что византийскому правительству предстояла задача постепенно ввести ее в интересы высшей культурной жизни. Ниже мы будем иметь случай возвратиться к этому вопросу, теперь же обратимся к анализу той статьи, которая трактовала о границах. К сожалению, эта статья обозначена слишком кратко: граница идет во Фракии от Милеона[13]. В настоящее время весьма трудно приурочить к определенной географической местности названный здесь термин; поэтому всего проще остановиться на остатках древнего вала и рва, составлявшего границу между Болгарией и Византией и называемого у грековμεγάλη σούδα, а у болгар — еркесия. Этот ров и вал, которым много занимались местные ученые [14], и которого следы иногда наблюдаются и поныне, идет от Черного моря, начинаясь близ Бургаса, до среднего течения Марицы. Что касается местного имени Милеон, то его пытаются видеть в одной из вершин Сакар-планины. Положением этой горы определяются границы Болгарии к началу VIII в. Новая династия, занявшая императорский престол в 717 г. в лице Льва Исавра, продолжала наблюдать дружественные отношения с болгарами. Да иначе и быть не могло ввиду тех исключительных затрудне-

ний, с которыми нужно было бороться основателю династии. Арабское нашествие, соединенное с осадою Константинополя, давало болгарам полную возможность свести счеты с Византией, но в это время болгаре оказали империи громадную услугу, делая набеги на арабский лагерь, расположенный под стенами столицы, и помогая Льву Исавру справиться со страшными врагами. Говорят, что болгаре истребили тогда до 22 тыс. арабов.

Точно так же и обстоятельства заговора против Льва в Солуни и Константинополе с целью возведения на престол свергнутого им императора Артемия рисуют отношения между Болгарией и Византией в таком свете, как будто обе державы находились тогда в равноправных отношениях. Оказывается, что между обеими странами поддерживаются правильные сношения, что греки ищут приюта в Болгарии, и болгаре приглашаются царским письмом «не укрывать изменников и не нарушать добрых отношений». Вследствие настойчивых представлений из Константинополя хан выдает царю Артемия и солунского митрополита и других заговорщиков. Затем во весь продолжительный период правления Льва Исавра о болгарах не сохранилось никаких известий. С 719 г. по смерти Тервеля, как видно из древнего перечня болгарских ханов, были еще два княжения, не отмеченные никакими событиями, пока в 743 г. не вступил на престол хан Кормисош. Его правление почти совпадает с царствованием Константина Копронима...

Рассмотрев первый период болгарской истории со времени переселения орды Аспаруха за Дунай, мы можем бросить взгляд назад и вывести некоторые заключения по отношению к пройденному периоду. Если отправляться из тех скудных данных, которые заимствуются из летописи, то для суждения о политическом, социальном и административном состоянии болгар мы не имели бы хотя сколько-нибудь удовлетворительного материала. Но не более десяти лет тому назад Русскому археологическому институту в Константинополе посчастливилось напасть на следы той стоянки или укрепленного лагеря болгар, который находился близ Шумлы, и из которого, по всей вероятности, хан Тервель сносился с византийским царем. Отсюда же болгаре простирали свои набеги, с одной стороны, по Фракии до стен столицы, с другой—по Македонии до Солуни. Сделанные институтом наблюдения и раскопки на месте расположения упомянутого лагеря раскрыли весьма важные данные, по которым можно составить ясное представление о болгарской орде, поселившейся на Балканах, и о постепенных изменениях, которые в ней происходили под влиянием сношений с Византией.

Болгарское становище, сделавшееся предметом изучения, представляло собой земляной вал и ров с остатками каменных стен и разных сооружений в центре. Земляные укрепления составляют фигуру не совсем правильного четырехугольника. Линия вала с севера на юг имеет приблизительно 7 километров; линия же от востока к западу на севере достигает 4, а на юге — около 3 километров. По всей длине вала идет глубокий ров, и поныне хорошо сохранившийся, в особенности на северной стороне. Центр всей площади, замыкаемой валом и рвом, представляет отдельное и самостоятельное укрепление, имеющее форму трапеции. Окружающие центр или кремль укрепления стены сложены из тесаного камня, но они подвергались постепенному расхищению

и в настоящее время представляют лишь основы фундамента стен и башен. Внутри кремля находились следы крупных каменных сооружений, в которых обнаружены были остатки дворца, придворной церкви и множество разнообразных построек. Это и есть главный лагерь, или «хринг» болгарской орды; это — тип расположения всех конноко-чевых народов, приходивших в Европу и располагавшихся в ней на продолжительное житье: аваров, болгар, угров и др. За линией каменной стены, но также внутри вала, находились следы других больших сооружений из камня. Здесь была открыта обширная церковь.

Произведенными на описанной площади раскопками обнаружены были прежде всего разнообразные постройки различного назначения Именно в кремле открыты дворцовые здания, занимавшие весьма обширную площадь, и между ними дворец с тронной залой, жилые помещения и здание для религиозных церемоний, обращенное со временем в христианскую церковь, служившее также и местом погребения. Из камня построена только дворцовая палата; что касается жилых помещений — они были в большинстве деревянные, и проследить план их постройки по оставшимся в некоторых местах основаниям весьма трудно. На месте бывшего расположения этих зданий под верхним слоем земли находится пласт пепла и угля. В большинстве это — маленькие постройки с небольшими в них комнатами. Здесь найдено множество ветвистых лосиных рогов, остатков костей животных, кабаньих и оленьих черепов. Ни в одной части раскопанных построек не было найдено таких обильных остатков домашней жизни и следов быта, в котором охота на оленей и кабанов занимала видное место. Там же найдено несколько монет, обломки стеклянных браслетов и рисунок доселе употребительной в Болгарии игры. Главное здание дворца было построено из материала, который ранее служил другой цели и раз уже был частью другого здания. Так, обнаружены камни с греческими пометами, с латинскими надписями; найдена в стене база колонны с остатками декрета в честь Марка Аврелия. Ясно, что материал для постройки брали из окружающих зданий римской эпохи. Подобные же наблюдения выводятся и на основании рассмотрения кирпича и черепицы. Форма и марка кирпича, равно как знаки на черепице, указывают на разные эпохи производства. Ясно, что материал изготовлялся на разных заводах и не из одинаковой глины. Дворец был монументальной постройкой [15] болгарского хринга; он появился, конечно, вслед за деревянными постройками, хотя тоже не позднее VIII в. Это — прямоугольник длиной в 52 м, шириной в 26. Он построен был греческими мастерами и вообще служил уже несомненным признаком культурного роста болгарской орды, начавшей проникаться разнообразными воздействиями со стороны Византии.

Особенно богатый и разнообразный для выводов материал найден был в церкви, находившейся близ дворца. Хотя она имела три нефа и три апсиды, но со временем подверглась страшной катастрофе, так что далеко не везде уцелел самый фундамент. Здесь были найдены гробницы и остатки погребений под полом. Что церковь была снабжена колоннами, доказывается несколькими фрагментами колонн с надписями имен городов. Обращает на себя внимание то, что в могилах оказываются признаки христианского погребения.

Очень любопытные находки сделаны при раскопке каменных стен, окружающих кремль, а также вводящих в крепость ворот. Открыто

несколько башен, служивших защитой для стен, и двое ворот. При очистке северных ворот найдены предметы из железа и меди и гончарного производства и несколько предметов церковного назначения: крест-складень, дискос и др. Здесь же найдено несколько ценных предметов, как перстень, монета, медный сосуд, наконечник стрелы. В восточных воротах оказались в четвертом ряду камней кладки рисунки, сделанные острым орудием и представляющие различные сюжеты: 1) всадник на коне с копьем, направленным против врага; 2) олень с ветвистыми рогами; 3) воин в высоком головном уборе; 4) колчан со стрелами. Башни были разных форм: пятиугольные, квадратные и круглые на поворотах.

В получасовом расстоянии от кремля по линии старой Римской дороги найдены основания обширной базилики, может быть, первой христианской церкви в Болгарии, современной обращению страны в христианство. Это была весьма обширных размеров церковь с двумя нарфиками, имевшая 57 м в длину и 28 м в ширину. Несмотря на многовековое истребление, не пощадившее даже камня в стенах и мраморных колонн, все же при очистке церкви можно было находить интересные предметы. Во многих местах сохранились мраморная настилка пола и базы колонн на месте их первоначальной постановки, всего 16 баз со множеством фрагментов цветного и штучного мрамора. В дальнейшем в той же церкви постепенно найдены карнизы, фронтоны и рельефы разных принадлежностей храмовой постройки, капители, кресты и в особенности обломки надписей большей частью на греческом языке. Обилие мелкого обделанного и шлифованного мрамора служит указанием, что церковные стены были облицованы мрамором. Найдено между другими предметами из стекла и железа множество сплава из свинца, из чего можно заключить, что церковь была разрушена от пожара и подверглась вместе с дворцовыми постройками страшному разорению от варварской руки. Следует думать, что это была рука весьма сурового истребителя: громадные мраморные колонны оказываются разбитыми на мелкие кусочки, от имевшихся на них надписей найдено десятка два и даже более обломков, на которых сохранились две или три буквы и в лучшем случае немногосложное слово.

Полученный вследствие раскопок материал имеет громадное значение для постановки вопроса о древностях болгарской жизни и о древнеславянской культуре. Не говоря об архитектуре и стиле построек, археологический материал распадается на следующие отделы.

1) В количественном и качественном отношении на первое место следует поставить надписи. Большинство их представляют фрагменты колонн с надписями весьма разнообразного содержания, захватывающего такие явления староболгарской жизни, которые не отмечены летописью. Сюда относятся надписи с именами византийских городов, постепенно подпадавших власти болгар, надписи в честь героев и государственных деятелей, надписи с фрагментами договоров между Болгарией и Византией. Эти надписи должны занять преимущественное положение как материал, современный отмечаемым в них фактам и отношениям и рисующий такие стороны жизни, о которых нет намека в исторических памятниках.

2) На строительном материале, из которого составлены башни и стены, обнаружены рисунки, сделанные резцом и представляющие или

отдельные сюжеты, или целые композиции. Сюда же нужно причислить знаки и рисунки на черепице и кирпиче с изображением человеческого тела, животных и растений. Эти знаки и рисунки местного происхождения и имеют бесспорно важный интерес для истории культуры страны.

3) Предметы искусства и украшения: перстни, браслеты, фрагменты сосудов найдены при раскопках в значительном количестве и могут свидетельствовать как о развитии вкуса, так и о торговых сношениях болгар с соседями. Золотые и медные монеты и свинцовые печати служат показателем хронологического термина, далее которого нельзя продолжать историческую жизнь открытого раскопками поселения.

Наиболее важными в настоящем случае представляются, однако, те данные, на основании которых можно судить о политическом и племенном устройстве болгарской орды и о постепенной смене древнего строя на местах нового обитания. В этом отношении надписи на колоннах тем более представляют цены, что они относятся еще к языческому времени и бросают свет на первоначальную эпоху организации болгарского княжества. Сюда относятся, главным образом, надписи в честь государственных деятелей и героев. Как бы ни был ограничен имеющийся в распоряжении науки материал этого рода, но он обладает неоцененными достоинствами по своей древности, т. к. относится к языческой эпохе, и по своей официальности, ибо представляет собой значение государственного акта. Надписи занимающего нас содержания касаются разных вопросов староболгарской истории и права. В них обыкновенно отмечаются: 1) титул хана, от имени которого ставится колонна; 2) наименование государственного деятеля или героя, в честь которого посвящен каменный монумент, со всеми его званиями и занимаемыми им должностями; 3) отношение его к хану с указанием военных и других заслуг; наконец, 4) происхождение лица, его род-племя.

По этим памятникам мы в первый раз знакомимся с национальным титулом болгарского властителя: Κανάς Υβηγη. Этот титул обозначает на кумано-тюркском языке: хан великий или славный[16]. Вследствие сношений с Византией и под влиянием христианской идеи власти в дальнейшем получается прибавка к титулу о εκ θεοῦ αρχών. Каким значением пользовалась власть хана по переходе болгар за Дунай, это вопрос весьма интересный, но трудно поддающийся выяснению [17]. Все заставляет думать, что народ-войско, каковым были болгаре, должен был иметь прочно организованную и опирающуюся на обычаи и учреждения высшую военную власть, которая и в мирное время удерживала за собой те права, каковыми располагала в походе. Правда, в VIII в. по утверждении на занятой территории наблюдается в болгарской жизни переворот, клонившийся к ограничению власти хана знатными родами или племенными старшинами, стоявшими во главе отдельных частей орды. Но это не может служить к ослаблению принципиального положения, ибо несомненным является тот факт, что болгаре внесли на полуостров в среду мало организованных славянских племен дисциплину и порядок, которых у них не было. Во внутренних смутах, объясняемых домогательствами отдельных племенных старшин ограничить власть хана, нет оснований, что касается VIII в., видеть ни национальных противоположностей между славянским и тюркским элементом, ни религиозной борьбы между христианскими и языческими верованиями.

Вслед за титулом в надписях следует наименование лица, в честь которого поставлена колонна. Здесь мы имеем несколько имен староболгарских вельмож, оказавших особые услуги. Ценность этого материала увеличивается тем, что он приближается по точности к официальным актам. Прежде всего указывается личное имя чествуемого вельможи или героя, затем приводится его титул или звание и, наконец, обозначаются его особенные отношения к хану. Не говоря здесь о личных именах, которые могут служить пополнением болгарского именослова, остановим внимание на чинах или титулах и званиях, которые бросают свет на боярское и служилое сословие у языческих болгар. Таковы титулы жупан, тархан; первый означает у славян племенного князя и с тем же значением должен быть принимаем у болгар; что же касается тархана, то это было высшее военное звание, даваемое заслуженным государственным мужам, занимавшим высшие места в администрации. Далее следуют звания: багатур или русское богатырь, вагаин, воила, соответствующие нашему термину боярин. Уже давно было замечено, что русское слово богатырь заимствовано из тюркских языков, где оно встречается в различных формах. У болгар богатыри встречаются в самой отдаленной древности; к русским это учреждение привилось от степных конных и кочевых народов, с которыми они находились в соседстве или в военном союзе в весьма отдаленные времена. Богатырь по своему существу и значению характеризует Восток с его формами быта и степь с ее опасностями от диких кочевников. «Слово «богатырь» обозначало степного удальца, непременно наездника на лихом коне, проезжающего огромные степные пространства, сроднившегося с конем и всеми условиями степной жизни. Между такими наездниками этим почетным титулом пользовались те, которые отличались неутомимостью, выносливостью, силой и храбростью, составляли гордость дружины какого-либо хана и посылались им на самые трудные и смелые предприятия»[18]. Нет сомнения, что в тех условиях жизни, которые характеризуются раскопками, хан был окружен военной дружиной, в которой храбрые багатуры составляли такое же украшение, как известные имена богатырей в дружине эпического князя Владимира.

Менее определенного можно сказать о терминах вагаин и воила. Этими терминами обозначаются члены военного сословия, представители высшего и низшего дворянства. Может быть, вагаин следует сблизить со словом «бег» и под этим термином подразумевать лиц, принадлежащих к сословию бегов[19]. Что касается «воила», это слово легко сближается с βολιάς, которое обозначает вообще боярское сословие. Во всяком случае, надписи характеризуют наличность многочисленного служилого сословия военных людей, которые окружают хана и занимают важные места в военной и гражданской администрации.

Особенно любопытны указания на особенные отношения служилых людей к вождю как предводителю дружины. Что дружинное начало было весьма обычным явлением в болгарском быту в VIII в., это мы видим в упоминаемых в надписях «ближних людях», как следует передавать термин οι δρεπτοῖ άνθρωποι. Прежде окончательного своего утверждения в Мизии болгаре по крайней мере 200 лет участвовали в важных военных событиях того времени. Чтобы быть в состоянии удержать свое место среди военных кочующих народов, болгаре должны

были обладать и военным искусством, и такими учреждениями, которыми бы поддерживалось и развивалось у них военное искусство. Смутная эпоха передвижения народов имела, между прочим, и то последствие, что часто соединяла чуждые народы в военное братство, стирала различия между ними и способствовала распространению одинаковых нравов и обычаев. Известно громадное значение конного строя, внесенного в Европу азиатскими народами и изменившего европейскую систему ведения войны. И болгаре не могли не позаимствоваться некоторыми обычаями от тех народов, с коими они сталкивались во время своих скитаний по Южной России до переселения за Дунай. Словом, дружинный быт болгаре [20] могли заимствовать, если уже вести речь о заимствовании чужих учреждений, от готов, с которыми они долгое время жили в соседстве в Южной России и места коих они заняли с конца V в.

Надо думать, что под именем οί θρεπτοΐ άνθρωποι хан воздает почет умершим членам своей дружины или своего комитата. Если дружинное начало входило в организацию болгарского государства, то в этом имеется объяснение таких особенностей староболгарской истории, которые иначе оставались бы совершенно изолированными. Древнеболгарский государственный строй был аристократический: после хана высшую власть имел совет шести знатных, затем следовали внешние и внутренние бояре.

Болгарский комитат, или дружинное начало, о котором дают сведения надписи на колоннах, характеризуется военными подвигами и походами, за которые и воздана была честь героям. Один прославлен за то, что умер в военном походе, другой сложил голову на войне с врагами, третий потонул в Днепре, четвертый — при переправе через р. Тиссу. Все эти подвиги характеризуют военный быт и, будучи увековечены на каменном столбе, поставленном близ дворца или на площади, служат свидетельством высшего почета, которым пользовалось военное искусство.

В конце каждой надписи обыкновенно обозначается род-племя умершего. Эта черта дает еще новую особенность к характеристике болгарского политического устройства. Разделение болгарского народа на γένη есть исконное учреждение; оно принесено было болгарами в Мизию из Восточной Европы как истинно национальное учреждение О разделении болгар на роды имеются весьма ранние известия. Хотя пятерное число отделов, на которые разделялась орда болгарская, не может быть доказано, но и в Аспаруховой орде уже по переселении ее за Дунай было несколько частей. Родовые имена указывают на существование, по крайней мере, пяти родов, засвидетельствованных надписями. Таковы роды Куригир, Ерми, Кувер, Кацагар. Кроме того, по древнему перечню ханов значатся родовые имена Дуло, Вокил, Укил, Угаин. На основании упоминания десяти комитатов в эпоху обращения Болгарии к христианству можно бы допускать существование десяти племен, но у писателей не находим подтверждения на это, хотя встречаем числа пять, семь, восемь.

Представляя собой организованную военную силу, болгаре, хотя по числу были и слабее семи славянских племен, с которыми им пришлось встретиться за Дунаем, но скоро получили над ними перевес, т. к. из своего укрепленного хринга могли безнаказанно делать конные наез-

ды на открытую страну, лишенную крепостей и городов. О первоначальных отношениях болгар к славянам известия очень скудны, и по ним трудно судить, как происходил процесс постепенного поглощения или ассимиляции славянского и тюркского элементов. Прежде всего следует считаться с тем, что Мизия была византийская область, и что империя держала там свои гарнизоны[21]; затем самый способ распространения болгарской власти первоначально выражался в наложении на славян дани и военной службы, как это засвидетельствовано по отношению к Мизии и Македонии[22]. По всей вероятности, это не было такое непосильное бремя, которое заставило бы славян жалеть о политической перемене, наступившей с пришествием болгар, и, во всяком случае, не лишало их возможности делать выбор между болгарами и византийцами. И нужно сказать, что болгарское вторжение содействовало большому движению среди славян и вызвало случаи многочисленной эмиграции славян в пределы империи, которая искусно направляла эту эмиграцию в Малую Азию. Были неоднократные случаи, когда славяне действительно обнаруживали свои симпатии к грекам и во время похода изменяли болгарскому хану. Так было раз в 762 г., когда правил Телец. При нем произошло громадное передвижение славян в Малую Азию, число переселившихся определяется в 208 тыс. душ, а при Юстиниане II из другой славянской колонии, поселенной в Опсикии, было организовано опричное войско в 30 тыс.[23] Все эти обстоятельства, конечно, ослабляли славянский элемент на Балканах и служили полезным подспорьем для болгарской орды в ее наступательном движении на юг и запад. Эти факты, с другой стороны, достаточно определенно ставят вопрос о том, что болгаре явились в Мизию завоевателями, что славяне должны были вступить к ним в подчиненные отношения [24].

Для характеристики болгар в занимающую нас эпоху, т. е. прежде чем они слились со славянами и обратились в христианство прекрасные данные почерпаются из арабских писагелей «Государство болгарское сильно и велико. Они сражаются с греками, славянами, хазарами и тюрками, но самые сильные их враги суть греки. От Константинополя до земли болгар 15 дней пути. Всякое укрепленное место у болгар окружено тыном и деревянным забором, что составляет защиту, подобную стене, которая возвышается за рвом. Кони, на которых они сражаются, всегда пасутся на свободе, и никто не садится на них, кроме военного времени. Когда они строятся в боевой порядок, то ставят впереди стрелков, а позади располагают своих жен и детей. Они не знают монетных знаков; все их сделки, а равно брачные договоры, составляются по цене овец и быков. Когда заключается мир между ними и греками, они посылают в Константинополь молодых рабов того и другого пола из славян или из другого народа. Когда умирает знатный болгарин, они собирают слуг умершего и его приближенных и сжигают их вместе с умершим или, выкопав глубокую яму, ставят в ней тело умершего и оставляют с ним его жену и близких, пока они умрут. У них в обычае оставлять большую долю наследства дочерям, чем мальчикам»[25].

Приведенная характеристика языческих болгар составляет самый ценный материал для освещения вопроса о нравах и верованиях этого народа. В высшей степени можно пожалеть, что раскопками первой болгарской столицы не открыты языческие погребения ханов и знатных лиц дружины, на основании коих представлялась бы возможность непосредственно судить о погребальных обычаях и бытовой обстановке древних болгар. Закончим этот очерк несколькими заимствованиями из другого, хотя и весьма важного, но мало еще изученного иностранного источника, разумеем «Ответы папы Николая на вопросы болгар»[26], которым и впоследствии придется еще воспользоваться. Этот документ, происходящий из папской канцелярии и относящийся к IX в., представляет обильный материал для характеристики староболгарской жизни. В нем есть несколько указаний на верования и обычное право болгар. Так, например, указывается, что болгаре, выходя на бой, совершают гадания и исполняют обрядовые действия с религиозными играми и пением; так, приводится мудрое рассуждение о том, что папа не находил уместным рекомендовать болгарам, как еще .весьма слабым (очевидно в христианской жизни), воздерживаться от военных упражнений. В смысле же старинных черт, вынесенных с далекого Востока, можно указать на магический камень, на священные книги, заимствованные у сарацин, на обычай давать клятву на оружии и т. п.

Болгарам выпала исключительная доля на Балканском полуострове. Смешавшись со славянами и дав им военную организацию и дисциплину, болгаре образовали сильное государство и чрез принятие христианства приобщились к европейской христианской культуре. По своему военному могуществу они стали играть важную роль в истории Византии и неоднократно ставили ее в крайне затруднительное положение. История средневековой Византии не была бы полна и не имела бы характерных признаков византинизма, если бы выделить из нее те факты, которые относятся к порядку взаимных отношений между империей и болгарами. В будущем государственной организации первого, второго и, скажем даже, третьего Болгарского царства многие из основных черт болгарского характера сгладились, переродились или даже совсем уничтожились, дав место славянским народным особенностям; но внимательный наблюдатель не может отказать и нынешним болгарам в таких национальных чертах, которые имеют себе объяснение не в славянском, а в тюркском национальном характере. Скажем даже более, что посредством длинного процесса ассимиляции этих двух чуждых взаимно национальных элементов вырос тот могучий организм, крепкий, сосредоточенный и хорошо самоопределяющийся, каким является болгарский государственный организм. В истории Византии ему суждено играть немаловажное значение.

Глава VII

Основания фемного устройства

При изложении военных событий второй половины VII в. в истории Византии все чаще и чаще входит в употребление термин фема, которым обозначается новое административное и военное устройство империи[1]. Т. к. фемное устройство составляет весьма оригинальную черту византинизма, которая не может быть объяснена ни заимствованием из греко-римской системы учреждений, ни из западноевропейского быта, то ясно, что эту особенность нельзя пропускать без внимания, а, напротив, необходимо рассмотреть ее по связи с другими переменами, постепенно происшедшими в империи. Фемное устройство, начавшееся быть применяемым на практике в VII в., делается господствующим при императорах иконоборцах и сопутствует империи как при полном развитии ее политического, духовного и материального могущества, так и при упадке ее.

Нет ничего удивительного, что давно уже и притом с разных сторон ученые пытаются выяснить особенности устройства фем и показать их важность в военной, административной и экономической истории[2].

Усматривая в фемном устройстве один из существенных признаков совершившегося преобразования Восточноримской империи в Византийскую и считая фему подлинной чертой византинизма, мы находим уместным здесь, в конце первого подготовительного к собственной истории Византии тома, дать подлежащую оценку этому новому учреждению и попытаться выяснить обстоятельства его происхождения.

Ссылаясь на изложенное выше о происхождении фемного устройства, переходим к основаниям, на которых это устройство имело свою силу и жизненность.

Существенный признак фемного устройства заключается в том, что оно преследовало главнейше военные цели, вызвано исключительно военными потребностями и представляло для правительства наилучший способ использовать живые силы населения для государственных целей. Для единства и усиления власти в феме во главе ее стоял военный чин с званием стратига, которому подчинены были все учреждения и все классы населения фемы. Нет сомнения, что это устройство выросло постепенно, что нельзя указать творца этой системы, которой, однако, по суждению всех исследователей, суждено было спасти империю от неминуемой гибели и снабдить правительство средствами для борьбы с внешними врагами. В X в. император Константин Порфирородный [3], собирая в государственном архиве материалы по занимающему нас вопросу, пришел к заключению, что начало системы устройства фем следует относить ко времени Ираклия, и что поводом к тому была настоятельная необходимость времени: «Ныне, когда Ромэйская империя утратила свои провинции на западе и востоке и урезана в своих

частях со времени царя Ираклия, его преемники, находясь в затруднении по отношению к способам и средствам управления государством, раздробили его на небольшие части». Как мотивы, так и хронология в общем обозначены точно, новейшими исследованиями несколько подробней указан разве процесс реформы, который продолжается и при иконоборцах, и частью при македонской династии.

Если не говорить здесь об экзархатах равеннском и африканском, в устройстве которых находятся общие черты с фемной организацией, то в течение VII в. постепенно образовались фемы: Арменнак, Анатолика, Опсикий, Кивиррэоты, Фракисийская, Фракия, Еллада, Сицилия. К крайнему сожалению, историк не может указать ни одного закона, ни одного акта, которым можно было бы выяснить цели любопытной и весьма важной реформы; напротив, все происходило, по-видимому, так естественно и спокойно, что введение в жизнь фемного устройства прошло совсем не отмеченным. Тем настоятельней потребность собрать хотя бы косвенные указания по занимающему нас вопросу.

Что касается собственно военного устройства фемы, то лучший и, можно сказать, единственный материал дает Константин Порфирородный, который, взяв за образец фемного устройства Анатолику, предоставляет по этому образцу судить о других. Вот в каком виде он представляет военно-административную организацию фемы. Во главе стоит стратиг Анатолика. За ним следуют чины, ему подчиненные: турмарх, мерарх, комит штаба (κόμης της κόρτης), хартуларий фемы, доместик фемы, друнгарий банд, комиты банд, кентарх спафариев, комит этерии, протоканкелларий, протомандатор. Всего 12 чинов вместе со стратигом. В последние годы привлечен был Гельцером новый материал к изучению фем, именно арабские известия географов Хордадбега и Кодамы, писавших в VIII в. о том же предмете. Сообщение их заключается в следующем: патрикий (т. е. стратиг) командует 10000 людей. Он имеет под начальством двух турмархов, у каждого из них под командой по 5000 человек. У турмарха находится в подчинении по 5 друнгариев, у каждого из коих в команде по 1000 человек. Каждый друнгарий имеет под своей командой по 5 комитов, имеющих под начальством по 200 человек. Каждый комит имеет в своей команде по 5 кентархов, из коих каждый начальствует отрядом в 40 человек. У каждого кентарха под командой четыре декарха, имеющие в начальстве по 10 человек[4].

При первом же взгляде на эти два свидетельства можно заметить, что они не вполне совпадают между собою, не находясь, однако, в противоречии. У Константина находим перечень всех чинов, подведомственных стратигу. У арабского географа приведены лишь чины, имеющие под собой военную команду. Известие первого важно с точки зрения фемного управления вообще; свидетельство второго — с точки зрения состава отдельных частей фемы. В частности — и в этом самое существенное—Хордадбег дает сведения о взаимной соподчиненности разных чинов и о числе команды в заведовании каждого офицера. Таким образом, десятитысячный состав анатолийской фемы под главным командованием стратига представляется разделенным на следующие отдельные команды:

1) две турмы с двумя турмархами во главе по 5 тыс. в команде у каждого;

2) десять банд по пяти в каждой турме с таковым же числом друнгариев во главе, по 1 тыс. человек в команде у каждого;

3) пятьдесят дружин по пяти в каждой банде с комитами во главе, из коих у каждого по 200 человек команды;

4) двести пятьдесят кентархий по пяти в дружине с кентархами во главе, имеющими под командой по 40 человек;

5) наконец, тысяча декархий по четыре в каждой кентархий, с де-кархами или десятскими во главе, имеющими по 10 человек в команде.

Все это, конечно, в высшей степени интересные сведения, которыми раскрывается загадочный смысл термина фема и определяется в круглых цифрах состав византийского военного округа или дивизии. Из сопоставления известий Константина с данными Хордадбега ясно, однако, что последний не вводит в администрацию фемы некоторых чинов, которым первый дает далеко не второстепенные роли. Независимо от того, разность в перечнях у того и другого на шесть чинов, ибо у арабского географа пропущены мерарх, комит штаба, хартуларий, доместик, протоканкелларий и протомандатор.

Этот пропуск половины чинов в составе фемы заслуживает серьезного внимания с точки зрения доброкачественности сообщений арабского географа, т. к. едва ли можно объяснить подобный пропуск предположением, что он имел в виду только строевые чины фемы. В действительности, Хордадбег не упоминает офицеров, заведомо стоявших во главе военных частей и имевших команду; таковы мерарх и доместик. Если же это нельзя назвать иначе, как недостатком, то и вопрос об общей ценности вновь открытого источника значительно изменяется. Может быть, и его круглые цифры о числе команды в разных частях фемы также не заслуживают доверия. Переходим к рассмотрению чинов фемы.

Стратиг (Στρατηγός). Все стратиги фем по византийской табели о рангах причислялись к первому классу чинов и носили титул патрикия или анфипата патрикия—звания, соединенного с высшими привилегиями и с титулом превосходительства. Уже в силу занимаемой должности стратига той или другой фемы такой офицер, хотя бы лично не имевший чина патрикия, в торжественных придворных церемониях, на царских приемах, а равно за царским столом занимал место, выше всех патрики-ев придворного и гражданского ведомства по рангу фемы, в которой он был стратигом. Но т. к. пожалование чином патрикия, а равно и назначение в стратиги зависело от личного усмотрения царя, то неоднократно бывали случаи, что в должности стратига стоял и протоспафарий и даже спафарий*. Что касается власти стратига в феме, то, по-видимому, ему принадлежало назначение всех подведомственных чинов, хотя, как увидим ниже, в феме были и такие чины, которые от него не зависели.

Турмарх, мерарх. Так назывались ближайшие за стратигом чины, начальники отдельных команд или турм, расположенных в определенной местности. Хотя до сих пор мы мало имеем географических названий для мест стоянки турм, но все же можно утверждать, что штаб

* Чтобы несколько приблизиться к современной чиновной иерархии, можем чин спафария принять за полковничий, протоспафария — за генерал-майорский, патрикия — за полный генеральский.

турмы располагался в более населенных пунктах, часто в городах. Сколько было турм в каждой феме, это трудно сказать с уверенностью, но свидетельство арабского географа насчет числа двух турм едва ли можно принимать за достоверное. В феме Анатолика знаем турму из семи банд, имевшую расположение в τα Κόμματα[5]; в феме Фракисийской упоминается несколько турм,— во всяком случае, не менее трех[6]; в феме Армениак упоминаются два турмарха, следовательно, две турмы [7]; в феме Македонии знаем турму, расположенную в городе Визе[8]. Что касается мерарха, то прежде всего нужно думать, что мерархия организована была точно так же, как турма. По крайней мере, та и другая составлялись из определенного числа банд или друнгов[9]. Затем, по всей вероятности уже в X в., мерархия была термином устарелым, вытесненным термином турма [10].

По отношению к вопросу о числе военных людей, находящихся в команде турмарха, известие арабского географа дает круглую и определенную цифру — 5000 человек. Признаемся, нам представляется это весьма сомнительным результатом кабинетных операций с цифрами. Приняв в каждой турме по 5 банд и находя, что командиры банд назывались друнгариями, арабский географ мог совершенно спокойно прийти к выводу о 1000 человек в банде и 5000 в турме. На самом же деле против этого могут быть серьезные возражения. Прежде всего Константин Порфирородный, ссылаясь притом на источник, определяет численный состав турмы только в 900 человек [11].

Что касается банды как военной единицы, то показание Хордад-бега о численном ее составе в 1000 человек тоже не оправдывается византийскими известиями. Правда, банда есть подразделение турмы, но вывод арабского географа о составе банды зависит от двух посылок, которые подлежат сомнению: 1) он считает по две турмы на фему, хотя могло быть и три турмы в феме; 2) он считает по пяти банд в турме, и отсюда получается его круглая цифра 10000. Но неверность этого расчета сама собой бросается в глаза, если недостаточно обоснована первая посылка. На самом деле, едва ли не следует отказаться от точных числовых данных в приложении к фемам, тагмам и их подразделениям. Может быть, и существовала схема для численного состава каждой военной части, но на практике приходилось считаться с наличным составом команды, и таковая редко обозначается круглыми цифрами; напомним хотя бы контингенты, выставленные тагмами и фемами в критскую экспедицию [12]. Но всего решительнее положение дела рисуется следующим рассуждением в одном специальном военном сочинении: следует организовать полки соответственно с наличностью имеющейся команды[13]. Т.к. банда есть термин кавалерийский, то мы можем для освещения вопроса сослаться на одно место из другого военного сочинения, которым утверждается число тридцати банд в кавалерийской тагме [14]. Не говоря о том, что банд в феме должно быть больше десяти, самый состав банд определяется византийскими источниками совершенно иначе — в каждой банде 50 всадников [15].

Комит штаба (Κόμης τήςκόρτης). По отношению к этому чину действительно мы не нашли ни одного места, которое указывало бы на подчинение ему команды военных людей. Напротив, все говорит, что главное назначение его было состоять при стратиге, исполняя в феме

роль начальника штаба военного округа [16]. Во время военного похода на его обязанности лежит провиантская часть, наблюдение за исполнением сторожевой службы и дежурство при царской палатке [17]. На этой должности служащие могли выдвигаться очень скоро. Царь Михаил Аморейский начал свою карьеру в этом звании[18]. Но все же следует здесь заметить, что перевод термина κόμης словом «граф» далеко не соответствует существу дела. Только один комит — Опсикия, носивший чин патрикия, имел титул превосходительства и может претендовать на графский титул; все же другие κομήτες числились то в 3-м, то в 4-м классе и носили небольшие чины, поэтому византийский термин κόμης было бы лучше передавать словом «комит». В латинских актах comites также не смешиваются с графами, а обозначают отдельные звания [19].

Хартуларий (Χαρτουλάριος του δέματος). Специальное назначение должности состояло в заведовании списками военных чинов в феме, так что хартулария можно бы отождествлять с начальником канцелярии фемы[20]. Но можно предполагать, что вместе с тем хартуларий фемы имел под собой и военную команду*.

Доместик фемы (Δομέστικος του δέματος). О значении должности можем судить на основании места в «Тактике» Льва Мудрого, где доместику фемы усвояется служба состоять при особе стратига[21]. По-видимому, это вполне соответствует нынешнему званию адъютанта.

Друнгарий банд, комиты (Δρουγγάριος των βάνδων, κομήτες). Эти два чина, подобно современным батальонным и ротным командирам, составляют воплощение строевой силы фемы. Тот и другой командовали отрядами военных людей и стояли в непосредственном подчинении к турмарху: друнгарий выше чином и командой, комит следовал за ним. У Константина иногда оба чина сливаются в одно звание друнгарокомиты[22]. Сколько было друнгов в каждой банде? По известию арабского географа, в каждой из 10 банд было по 5 друнг; следовательно, всего в каждой феме 50 комитов и 10 друнгариев; приведенное под чертой число 64 друнгарокомита, даваемое Константином Порфирородным, может служить подтверждением цифр Хордадбега. Каждая банда имела свое знамя с изображенным на нем числовым знаком[23].

Кентарх (Κένταρχος). Этот офицерский чин имел в команде по расчету Хордадбега по 40 человек. Но т. к. его круглые цифры далеко выше действительности, то нужно думать, что и команда кентарха должна быть значительно сокращена. Есть даже некоторые основания предполагать, что декархия не обозначает самостоятельной команды, а только первого воина в шеренге [24].

В самом конце лествицы чинов в феме стоят у Константина Порфирородного два чина, по всей вероятности, не принадлежащие к военному строю, это протоканкелларий и протомандатор. По поводу значения этих званий можно ограничиться несколькими замечаниями. Протоканкелларий есть фемный нотарий, на его обязанности лежала выдача и скрепа разных актов. По отношению к протоман-датору лучшее место имеем в «Тактике» Льва Мудрого; это был курьер

* Что хартуларий других военных частей был действительно строевым офицером, увидим ниже.

или рассыльный для передачи распоряжении стратига подчиненным ему чинам по феме[25]. Каждый турмарх обязан был иметь при стратиге своего курьера, который назывался мандатором, старший между ними или штабный носил имя протомандатора[26]. В общем перечне византийских чинов протоканкелляриям и протомандаторам отводится место в самом конце 6-го класса .

Рассмотрение подведомственных стратегу чинов приводит к заключению, что под фемой в военном отношении разумеется в тесном смысле кавалерийская часть, состоящая из определенного числа военных людей, разделенных на эскадроны и взводы, под командой стратига и подчиненных ему эскадронных и взводных командиров. При каждой феме есть штаб, канцелярия и чины для личных поручений главнокомандующего.

Как можно видеть, у Константина Порфирородного, как и у арабских географов, дан лишь образец военной организации фемы или взаимной соподчиненности разных военных чинов в феме, как в самостоятельном учреждении. По этим сведениям мы можем иметь представление о феме, как военном термине — корпус, дивизия,— но совершенно лишены средств понять положение фемы—корпуса или дивизии— в той обстановке, в какой ей приходилось жить на предоставленной для ее расположения территории и среди населения городов и деревень, которое также входило в состав фемы, составляя неотъемлемую часть ее Дополним эти сведения некоторыми частными подробностями. Сравнивая между собою различные известия о распоряжениях Юстиниана в Армении, имевших целью реорганизацию военного управления в этой области[28], мы находим, во-первых, что к отбыванию воинской повинности в этой области было привлечено местное население; во-вторых, что военная власть в области вручена одному лицу — стратилату, который заменил прежних дук и комитов; в-третьих, в военные списки, т. е. в военный состав администрации области, занесены гражданские чиновники; в-четвертых, состав военных частей области увеличен переселением в Армению четырех полков из Анатолики. В этих мероприятиях следует усматривать начало организации в фему провинции Армении.

Укажем еще одну маленькую подробность в мероприятиях Юстиниана по отношению к взятым им в плен болгарам пленных болгар послал царь в Армению и Лазику, где они были зачислены в «нумерные полки». Об организации обширной фемы Анатолики в конце VII в. сохранились следующие сведения: «Восток разделен на фемы, когда Римская империя начала подвергаться нападениям и завоеваниям арабов и постепенно сокращаться. До Юстиниана и Маврикия Анатолия была под одной военной властью, как видно на примере Велизария, который был единовластным на востоке. Когда же агаряне начали делать походы против ромэев и опустошать селения и города, цари принуждены были раздроблять одну власть на малые начальства» [29].

Что касается значения фемы как административного округа с гражданским населением, живущим в городах и селениях, в этом отношении у писателей встречаем обильный материал, который считаем излишним здесь указывать. Гражданское управление фемы зависело не от стратига и не от подведомственных ему военных чинов. Во главе

гражданского управления фемы, по-видимому, стоял протонотарий фе-мы. Он выступает на сцену тогда, когда фема-войско оказывается в соприкосновении с окружающей средой. На обязанности его лежала доставка продовольствия, поставка для войска почтовых и вьючных лошадей, вообще вся интендантская часть. Будучи таким важным и ответственным органом, протонотарий не подчинен, однако, ведомству стратига, а состоит в приказе хартулария сакеллы. Другие чины фемы — хартуларий, претор фемы или судья — ведали администрацией, судом и финансами[30].

Чтобы видеть, как ясно различаются в феме военный и гражданский элементы, достаточно сослаться на следующие места Феофана[31]. Царь Никифор I (802—811), усмирив движение в анатолийской феме, провозгласившей царем патрикия и стратига фемы Вардана, всех фем-ных архонтов и ктиторов полонил, а всему войску отказал в выдаче жалованья [32]. Приведенное место чрезвычайно ясно различает два элемента в феме: с одной стороны, архонты и ктиторы—элемент, имеющий в своих руках влияние на земельное владение, с другой—войско, военные люди. В числе девяти казней времени Никифора о первой Феофан говорит в таких выражениях: «Никифор, желая вконец разорить войско, сделал распоряжение, чтобы христиане изо всех фем переселены были в славянские земли, и чтобы имущество их было продано. И было дело горшее неприятельского пленения: одни в отчаянии богохульствовали и призывали врагов, другие оплакивали родительские могилы и завидовали умершим. Ибо не в состоянии были свое недвижимое имущество унести с собой и жалели о погибели состояния, приобретенного трудами предков» [33].

Следует припомнить при толковании приведенного места, что выше писатель рассказывал о сильном недовольстве Никифором среди войска, и что царь должен был употребить против военных людей энергичные меры. Теперь писатель излагает общую меру, направленную к тому, чтобы на будущее время искоренить среди фемного войска дух неповиновения с целью унизить или, еще лучше, разорить войско, ибо в дальнейшем особенно выставляется на вид потеря имущества. И что же? Эта радикальная мера заключается в том, что христианам из всех фем было приказано переселиться и распродать имущество. Едва ли здесь писатель имеет в виду исповедывающих христианскую веру в противоположность к нехристианам. Нужно думать, что «христиане» употреблено здесь в том же общем смысле, как у нас слово «крестьяне». Но тогда возникает вопрос: каким образом предпринятая против населения фем мера могла достигать той цели, ради которой объявлялись выселение и продажа имущества, словом, почему это могло унизить и разорить войско? Здесь мы находимся перед фактом тесной внутренней связи, скажем даже, зависимости фемы как военной организации от фемы — гражданского округа, дающего из себя контингент для образования военных частей. Разорением населения фем Никифор имел в виду достигнуть усмирения войска, набираемого среди этого населения [34]. Не может быть сомнения, что в словоупотреблении писателей никогда не забывалось, что фема обозначает собственно не военную организацию, не военный корпус, а гражданскую область, организованную таким образом, чтобы она могла нести военную службу со своего населения.

Из приведенных мест ясно, что фема, будучи военным округом с расположенным в нем корпусом военных людей, есть, вместе с тем, гражданская организация живущего на известной территории населения. Это последнее посредством системы земельного наделения постановлено было в такое положение, чтобы с наилучшим успехом быть в состоянии отбывать воинскую повинность. Нужно думать, что в этом и состояла заслуга византийского правительства, что оно поставило военную службу в зависимость от землевладения; равно как в этом же заключается причина устойчивости и живучести фемного устройства. Службой была обложена земля; обыватель служил в таком отделе войска, какому соответствовал находящийся в его владении земельный участок. Соответственно тому известная группа населения, подводимая под военно-податное состояние, наделяема была таким количеством земли, которое обеспечивало бы ее в ее необходимых потребностях и давало бы достаточный доход на содержание воина на действительной службе. В этом отношении фемное устройство сводится в своем происхождении к капитальному вопросу о формах землевладения в Византии.

Внешние обстоятельства, вызвавшие необходимость военных реформ и соединения гражданской и военной власти в одних руках, обозначены в сочинениях Константина Порфирородного. Он указывает, главным образом, на успехи арабского завоевания. Но пока на Востоке успехи арабов приобрели угрожающий характер, Запад в VI и VII вв. подвергался постоянной опасности от аварских и славянских набегов. Славяне потому в особенности обращали на себя внимание государственных деятелей Византии, что это был враг, настойчиво стремившийся заселять пограничные области империи, что в занятых областях он не оставался на долгое время, потому что новые волны народного движения увлекали его дальше, на новые места. В течение VI—VII вв. для империи предстоял к разрешению высокой государственной важности вопрос: как организовать громадное движение славян в пределы империи, как быть с теми славянами, которые по праву войны занимали целые области на Балканском полуострове, и с теми, которые поселялись на указанных им местах по взаимному соглашению и договору. Следует заметить, что в VII в. правительство, по-видимому, успешно разрешило вопрос о славянской иммиграции и притом в либеральном смысле. Так, сербам и хорватам предоставлены были для заселения Босния, Герцеговина, часть Далмации, Славония и Старая Сербия; так, со славянами Фракии и Македонии оказалось возможным вступить в некоторые соглашения и изменить состояние враждебности в состояние мирного сожительства. Нельзя сомневаться, что в течение VII в. Балканский полуостров был насыщен славянскими колонистами, которые привыкали к оседлости и мирным земледельческим занятиям бок о бок с прежними поселенцами: греками, албанцами, фракийцами, румынами и другими.

Выше мы с достаточной подробностью останавливались на славянском вопросе и видели, как славянские вожди задавались широкими и честолюбивыми притязаниями захватить Балканский полуостров, овладеть большими городами и добраться до Архипелага и Мраморного моря. Многократные осады Солуни, движение по морю на собственных судах и высадки на островах обнаружили в достаточной мере

как военные и морские способности славян, так, в то же время, и сравнительную слабость их, в особенности их политическую неразвитость, вследствие которой им не суждено было соединить вообще довольно большие силы и организоваться под одной властью для нанесения Византии смертельного удара. Напротив, внешний блеск византийского образования, роскошь и богатства столицы, почести и отличия, какими император награждал наиболее видных и влиятельных из славянских князей,— все это пленяло ум лучших славянских деятелей VI—VII вв. и делало их послушными орудиями высшей политики Византийского государства.

Как можно догадываться на основании многочисленных указаний, империя в VI—VII вв. была слабо населена, в Азии и Европе лежало множество пустопорожних, незанятых мест, вследствие чего ослабела численность национального войска, и явилась потребность в наемных иноземных отрядах. Теперь выясняется, что правительство в обширных размерах организовало систему колонизации славянами свободных земель в Европе и в Азии, что для этого существовали особые приемы приглашения и записи охочих людей. Устроителями колоний выбирались известные между славянами родовые старшины или племенные князья, затронутые уже византийской культурой и образованием; правительство обыкновенно предоставляло устроителям колоний привилегию устраивать колонистов на отведенном месте и производить между ними суд и расправу по обычаям племени. Из жития св. Димитрия Солунского почерпаются точные сведения, что в Солуни существовала особая контора для записи охотников на переход в подданство империи, что по исполнении требуемых формальностей правительство присылало в Солунь морские суда для посадки и перевозки переселенцев в отведенные им для жительства места [35].

Давно уже замечено, что в VIII и IX вв. империя характеризуется новыми бытовыми чертами, каких не заметно было раньше, и, между прочим, обращено внимание на то, что класс мелких землевладельцев получил сильное приращение, подобно тому, как это произошло на Западе после переселения народов. Не возвращаясь к бесспорному факту занятия славянами европейских областей империи, остановимся на известиях о трех больших поселениях славян в Малой Азии.

Система колонизации пустопорожних земель то своими же подданными, переводимыми казенным порядком с места на место, то инородцами, принимаемыми в подданство или вступавшими во временные обязательные отношения, практиковалась в империи с давних пор и притом в весьма широких размерах. По отношению к славянам известия о правительственных поселениях больших масс в Малую Азию в особенности привлекают к себе наше внимание по связи с устройством фем. У летописца Феофана под 664 г., следовательно, в царствование Константа, сообщается, что арабский вождь Абдеррахман вторгся в имперские области, перезимовал в них, опустошив страну на далекое пространство[36]. Славяне же, говорится далее, вошедши с ним в договор, в числе 5 тыс. ушли с ним в Сирию и были поселены в области Апамеи, в селении Скевоковоле[37]. Хотя мы лишены средств составить себе понятие о том, как оказалась в Малой Азии славянская колония, и в каком положении она была после своего перехода в Сирию, — словом, хотя

никаких дальнейших известий о росте и судьбе этой колонии нет, но, конечно, она не могла погибнуть без следа, и ясно, что переход славян к арабам означает то, что условия, в какие она была поставлена в империи, не отвечали ни ее потребностям, ни желаниям.

Под 687 г. у того же писателя читается известие о другом большом поселении славян в Малой Азии[38]. Именно, говоря о походе Юстиниана II Ринотмита в Македонию против славян и болгар, летописец сообщает, что некоторых из них он победил и понудил насильственными мерами, а других по соглашению побудил переселиться в Малую Азию. Переправив их на ту сторону у Абидоса, император дал им для поселения область Опсикий. О судьбах этой колонии имеются и дальнейшие известия. Через четыре года, именно после срока, который мог рассмат риваться как льготный, правительство потребовало от колонистов обя зательной военной службы и притом таким образом, что из них набран был отряд в 30 тыс воинов, названный опричным ополчением (Λαός περιούσιος). Этот отряд был подчинен одному из старейшин славянских по имени Невул.

Как можно догадываться, данная славянам организация несколько напоминает военное положение и земельное устроение наших казаков. Обязательная поставка тридцатитысячного отряда была, очевидно, условием поселения славян на свободных землях. Предполагается, что в колонии было вдвое, если не втрое большее количество крестьянских дворов, и численный состав всей колонии должен был заключать в себе никак не менее 250 тыс. душ. Частные указания, какими летописец снабдил известие об этой колонии, могут быть здесь особенно отмечены: Юстиниан отобрал из переселенцев и перевел на военное положение 30 тыс., дал им вооружение и поставил их под власть их собственного старшины. Все эти черты характеризуют устройство, даваемое славянским колонистам, и не может быть сомнения, что подобным образом устроенная колония должна была иметь заметное влияние в судьбах провинции Опсикия. Проследить ее судьбы в подробностях мы не можем, но находим несколько определенных указаний и, кроме того, косвенные намеки. Оказывается, что предводитель славянского отряда изменил императору во время войны с арабами и с 20 тыс. своих людей предался на сторону врага, и что будто бы Юстиниан приказал перебить всех оставшихся на месте славян. Что касается первого, то арабы в своих походах на имперские области пользовались услугами славян и, весьма вероятно, переманивали их к себе на службу; что же касается поголовного избиения всех колонистов, то это не только не согласуется с политикой Юстиниана по отношению к славянам, но и противоречит дальнейшим известиям о славянском элементе в Опсикий. Известно, что в 710—711 гг. Юстиниан для своего утверждения на престоле находил опору в болгарском славянском элементе и в войске Опсикия,

Наконец, третье большое поселение славян в Малой Азии последовало в 754 г. в царствование Константина Копронима. По словам летописца Феофана, это было добровольное переселение, происшедшее вследствие смут на Балканском полуострове. Славяне в громадном количестве переходят в подданство Византии, число их определяется в 208 тыс , место поселения указывается р. Артана. Положение этой реки определяется на современных картах в Вифинии, она впадает

в Черное море. Таким образом, новая славянская колония выведена также в области Опсикий, как и вторая, потому что византийская фема этого имени находилась в Вифинии. Предполагая, что и эта колония была организована по системе наделения землей с обязательством отбывания военной повинности, мы можем определять численный состав выставляемого ею отряда в 20 тыс. Если славянские колонисты не были предоставлены на жертву случайности, если с них мог набираться для военной службы такой большой контингент, как 30 или 20 тыс., то, конечно, славяне не могли не играть значительной роли как в войнах, веденных империей на Востоке, так и во внутренних переворотах, в военных движениях и смутах. О том, что обязательные отношения военно-податной службы лежали на славянах, поселенных в Опсикий, и в позднейшее время, прекрасное доказательство имеется в известии о критском походе в 949 г., в который славяне Опсикия выставили 250 мужей [39].

Известия о трех больших колониях славян в Малой Азии, относящиеся к VII и VIII вв., дают нам возможность ознакомиться с основным условием устройства фем. Правда, в этих известиях недостает подробностей, поэтому нужно довольствоваться частью аналогиями, частью догадками. Аналогии дают те случаи, когда империя принимала к себе на службу военнопленных сарацин, поселяемых в фемы с условием принятия христианства. Таким поселенцам выдавалось денежное жалованье на обзаведение хозяйством и скотом для обработки участка земли, также определенное количество зерна на пропитание и на посев [40]; кроме того, новые поселенцы освобождались на три года от взноса податей. Точно так же аналогии представляют те условия, на каких поселены были при императоре Феофиле в начале IX в. персы в числе 14 тыс. Они удержали национальную организацию, получили право управляться собственным вождем, который принял христианскую веру, и, наконец, переведены в военно-податное состояние.

Наиболее существенным признаком нужно признать, конечно, тот, что колонисты записывались в военные списки и подводились под военно-податное состояние. Что касается прочих привилегий, как выдача денежных сумм на хозяйство и обзаведение инвентарем или выдача хлебных запасов на прокормление и посев,— это были весьма обыкновенные условия, не возбуждавшие трудностей при исполнении и не затрагивавшие политического положения колонии. По отношению к государственно-правовому состоянию славянских колонистов имеется в настоящее время совершенно новый и оригинальный памятник, бросающий новый свет на этот вопрос. В коллекциях Русского археологического института в Константинополе есть печать славянской военной колонии в Вифинии, относящаяся к VII в. Она дает на одной стороне изображение императора с обозначением индикта, а на другой — надпись на греческом языке, свидетельствующую, что это печать славян из Вифинии, выставивших военный отряд[41]. Нужно думать, что печать относится к 650 г. и представляет изображение императора Константа, ко времени которого, как мы видели выше, относится первое известие о славянах в Малой Азии. Этот единственный в своем роде памятник закрепляет как официальный акт все те данные, которые были указаны выше, о колонизации славянами Малой Азии. Но основное значение этого

памятника заключается в том, что им подтверждается политическая организация славянских колоний. Они были организованы с целью отбывания военной службы, и их положение характеризуется именно военно-податным качеством их. Отличие славянской колонии состояло в том, что она не только участвовала в несении военной службы, но обязана была выставлять определенный контингент, определенное число военных людей на службу империи. Это число на печати не обозначено, но печать свидетельствует, что повинность исполнена, контингент поставлен. На обратной стороне печати читается титул старшины, стоявшего во главе колонии; он носил почетное служебное звание, каким награждались состоящие на службе империи лица IV класса (από υπάτων). Хотя можно пожалеть, что имя славянского старшины стерлось, но не в этом сущность вопроса. Ясно, что славянская колония была одарена некоторыми привилегиями, что она прежде всего управлялась своей властью, а не византийским чиновником, что в административном и судебном отношениях она зависела от договорного начала с византийским правительством и не становилась в бесконтрольное подчинение административному произволу местной византийской власти.

Переходим теперь к выяснению вопроса об организации славянских колоний, или, что то же, об организации фемы. Каким образом правительство обеспечивало себе исправное отбывание славянами военно-податной повинности? По отношению к организации военно-податных участков ограничимся пока общими указаниями. Организация военной службы[42] на системе пожалования небольших земельных наделов или поместий не есть явление совершенно новое. Отвод казенных земель для добровольных и подневольных поселенцев, а также объявление военно-податными уже земель населенных — это была весьма обычная практика в Византии, применявшаяся одинаково в западных и восточных провинциях. В первом случае на заранее отведенные земли приглашались охотники или военнопленные, во втором — крестьянское население облагалось военной повинностью, натуральной и денежною. В том и другом случае обязанность военной службы переходила по наследству от отца к сыну, который поэтому становился и наследником военного участка.

Рассмотрим одно место [из] Константина Порфирородного, которое не только ставит в тесную связь такие на первый взгляд отдаленные учреждения, как военное устройство и землевладение, но и вводит в самую сущность подлежащего изучению вопроса. «Следует знать, что кавалерист нижнего чина должен иметь недвижимое имущество, т. е. земельный надел, в пять литр или, по крайней мере, в четыре литры, что царский матрос должен иметь недвижимое имущество, или земельный надел, в три литры. Должно знать, что существовало правило, по которому призывным ратникам в случае объявления набора не позволялось, если они зажиточны, давать складчиков, но чтобы они несли службу сами за себя; если же они небогаты, то им даются складчики, дабы при помощи их могли нести свою службу. Если же они вполне обеднели и даже при содействии складчиков не в состоянии отбывать военной службы, то лишаются военного

звания. Земельные же участки таковых воинов неотчуждаемы и переходят в казенное ведомство на тот случай, что, если бы кто из лишенных военного состояния снова поправился, то мог бы получить свой участок и снова быть зачисленным в свой отряд»[43].

Приведенное место прекрасно дополняется и иллюстрируется законодательными памятниками X в., касающимися организации военно-податной земли [44]. Военные участки, будучи организованы по аналогии с крестьянскими земельными наделами, имеют известное отношение к гражданским земледельческим и податным группам, иначе говоря, не порывают связи с организацией сельской общины. Это усматривается из целого ряда мер, которыми цари македонской династии старались предупредить поглощение военных участков системой крупного землевладения.

Новеллы, во-первых, обеспечивают условия перехода военных участков из рук в руки. Преимущественное право на владение военным участком в случае освобождения его обеспечивается за следующими группами: 1) за ближайшими родственниками бывшего владельца; 2) за родственниками в дальних степенях; 3) за теми из односельчан или соседей, которые подведены под один разряд по отбыванию воинской повинности, т. е. за складчиками и сокопейщиками; 4) за членами группы военно-податных, причисленных к одной податной общине; наконец, 5) если бы не оказалось в предыдущих группах желающего принять воинский участок, то право на него переходит на крестьянскую волость, иначе говоря, военная организация растворяется, в конце концов, в крестьянской.

Во-вторых, новеллами устанавливаются частные правила о военных участках, на основании которых можно составить некоторое понятие об организации их. И прежде всего весьма важны указания на экономическую квалификацию военных участков. Ценность участка, с которого идет военная служба на коне, определяется в 4 литры; для морской службы недвижимая собственность оценивается в 4 или в 2 литры по месту службы моряка. Определяя ценность золотой литры суммой от 300 до 400 руб., мы можем до некоторой степени подойти к решению вопроса о реальной величине земельного участка, оцениваемого в 1, 2 и т. д. литр[45].

Литра золотая состояла из 72 номисм, или по обыкновенному в Византии словоупотреблению перперов; каждый перпер стоил от 4 до 5 руб. на наши деньги. Следовательно, конный участок в четыре литры представляет меновую ценность в 288 перперов, или от 1152 до 1440 руб. Далее, принимая в соображение некоторые указания на доходность земли при отдаче ее в аренду, можно заключать, что обыкновенный крестьянский участок в 60 модиев, т. е. около 15 десятин, давал аренды *5* перперов; цена же подобного участка в продаже определяется приблизительно 60 перперами (модий несколько меньше 1 перпера). Таким образом, реальная величина конного участка должна быть около 280 модиев, или приблизительно 70 десятин под культурой. Сумма дохода с подобного участка может быть рассчитана или по аналогии с обычной арендой (один перпер на 12 модиев или 3 десятины), или соответственно с обычной податью на пахотную землю, в том и другом

случае доход с конного участка определяется в 24—25 перперов. Такова, по-видимому, средняя сумма, потребная на исполнение военной службы в кавалерии.

Частные постановления в новеллах по отношению к военным участкам заключаются в следующем:

1. Стратиотам воспрещается продавать имущество, с которого они несут военную службу. Военный участок обязательно переходит от отца к сыну с одинаковым обязательством военной службы. В случае дележа участка между несколькими сонаследниками они обязаны вскладчину нести с него службу.

2. Частная собственность стратиота, внесенная в военные писцовые книги, разделяет судьбу военно-податного надела, т. е. не подлежит отчуждению.

3. От покупки военных участков и права наследования в них устраняются знатные или чиновные лица, митрополит, епископ, монастырь, богоугодные учреждения и т. д.

4. Признается, однако, право сорокалетней давности. Военный участок теряет свой военно-податной характер, если кто докажет, что владел им 40 лет по частному праву. В таком виде организованы были военно-податные участки в фемах, и эта организация поддерживалась обычаем и законом до конца XI в. Для изучающего вопрос о военном устройстве в Византии особенное значение должно иметь то наблюдение, что правительство одинаковыми мерами защищает крестьянское и военное землевладение, в том и другом случае на страже целости и неотчуждаемости участков ставя само сельское население и его хозяйственные интересы. Не менее важным моментом оказывается и тот, что военное дело поставлено было в тесную зависимость от владения землей, и что средства к защите государства черпались из экономической организации крестьянского хозяйства. Путем продолжительных опытов и смены различных систем византийское правительство пришло к разрешению одного из капитальных вопросов государственной жизни. Что та система, которая нашла себе применение в фемном устройстве, была наилучшая для своего времени, это доказывается как живучестью ее, так и военным могуществом Византии и успехами в борьбе с арабами и болгарами в VII, VIII и IX вв.

Перейти от системы найма иностранных отрядов к национальному войску не удалось византийскому правительству ни в V, ни в VI в. господствующей в отмеченный период системой были федераты. Последний случай найма в военную службу большого чужеземного отряда относится к царствованию Тиверия II (578—582). Этот отряд в 15000 человек[46] поставлен был под начальство Маврикия, комита федератов, впоследствии провозглашенного царем. Но уже к тому времени признаки новых взглядов обнаруживаются в единичных попытках реформировать военное дело у Юстиниана I. По крайней мере, к подобному заключению приводит рассмотрение мероприятий его по организации Армении, в которых есть два пункта, несомненно подготовлявшие фем-ную организацию: привлечение к военной службе туземцев и устранение существовавшего доселе строя[47]. Введение фемного устройства зависело от обстоятельств; как мы видели выше, для этого нужны были свободные.земли и рабочие руки. Земель несомненно было много, но население

весьма редко. Система колонизации пустопорожних земель была, по-видимому, одним из главных ресурсов при проведении фемного устройства. Армяне и славяне значительно усилили население восточных провинций и способствовали утверждению новой организации военного дела.

Раскрыть историю фемного устройства в Византии — значит выяснить меры правительства по отношению к землевладению и к устройству крестьянского населения. И в дальнейших стадиях своего развития судьба этого устройства зависела от финансовых и экономических воззрений византийского правительства.

Первое официальное упоминание о фемах имеется от 687 г. в письме Юстиниана II к папе Иоанну[48], причем как старшие по происхождению фемы названы: Опсикий, Анатолика, Фракисийская, Арменiак (ранее 665 г.), Кивиррэот. С течением времени количество фем возрастает, причем старые фемы, в особенности Опсикий и Анатолика, раздробляются на меньшие подразделения и возникают новые. В пору полного развития фемного устройства в Азии было 14, в Европе— 12 фем. Чтобы выяснить первоначальный смысл фемы и мотивы происхождения фемного устройства, необходимо держаться тех известий, которые касаются первых фем и не относятся к фемам позднейшего образования при императорах-иконоборцах и далее. Замечено прежде всего исследователями, что первые фемы имеют не географические наименования, каковы фемы образования позднейших периодов; не говорится о феме Армения, Анатолия, Кивира и проч., но Арменiак, Анатолика, Кивиррэот, Опсикий и проч., т. е. основной мотив названия не в географической номенклатуре, а в характере населения[49]. Точно так же на основании официальных актов конца VII в., именно подписей на актах шестого и пято-шестого собора, утверждается, что вначале фема была исключительно военной организацией, и что при первоначальном введении этой организации гражданское управление провинций оставалось неизменным, лишь со времени Льва Исавра происходит крутой поворот в сторону усиления власти стратига фемы на счет гражданской администрации провинций.

Различая в феме два элемента: военный, как место расположения дивизии или корпуса, и гражданский, как административный округ, в который входят жители городов и деревень, управляемые своими гражданскими чинами, мы не должны, однако, терять из виду, что оба эти элемента уже в VIII в. сливаются, т. е. что фема-гражданский округ поглощает фему-дивизию, что вторая растворяется в первой. Таким образом, если в период своего полного развития фемное устройство является характерным выражением административного, земельного и финансового устройства Византийского государства, то мы неизбежно возвратимся к нему еще не раз, в особенности когда будем говорить о внутреннем устройстве империи.

Приведенные выше факты и сделанные из них выводы позволяют приходить к заключению, что не усиление власти начальствующих военными отрядами в провинциях составляет цель и содержание фемного устройства. С одной стороны, система фем спасла империю от неминуемой гибели и дала ей возможность выдержать сильный натиск со стороны внешних врагов; с другой — в смысле эволюции военных учреждений она заменяет систему наемных отрядов и национализирует имперское войско.

Глава VIII

Арабы, Магомет

Во все время существования империи ни одному народу не пришлось играть такой роли в истории Византии, как арабам. Не только как носители военного и завоевательного принципа, но и как основатели нового культа, арабы слишком глубоко затронули самые основы Византийской империи, поколебали ее устои и не раз угрожали самому существованию государства.

Как религия, выросшая на почве исторической эволюции и отвечавшая религиозным и культурным потребностям своего времени, мусульманство имело громадное влияние на судьбу самого православного христианского мира, т к. распространилось по тем областям, которые искони были христианскими и составляли достояние патриархатов Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского. Усилившись главным образом на счет областей, отнятых от империи, арабы составили громадную политическую и военную силу, которая приобрела мировое значение посредством развития флота, торговли и широкого распространения научных и художественных занятий. Византийская империя, и без того заявлявшая определенно выраженное стремление ограничивать местные провинциальные тяготения и все направлять в пользу Константинополя и пришедшая уже к возвышению кафедры константинопольского патриарха над другими восточными патриархатами, с потерей обширных провинций на Востоке быстро приближается к полному осуществлению заложенного в ней принципа византинизма, который направляется к преобладанию эллинской народности над всеми другими.

Никому, конечно, не могло казаться возможным, чтобы за пределами империи в VII в. образовалась новая культурная сила, которая обладала бы таким избытком духовных и материальных средств, каким заявило себя мусульманство уже в первой половине VIII в. По-видимому, византийские государственные люди более считались с тем народом, который в VII в. занял почти весь Балканский полуостров и большими массами колонизовал Малую Азию. В самом деле, славянам, которые заняли культурные области в Европе и распространились до Адриатического моря и Архипелага, открывалась в VII в. безграничная историческая перспектива. Отдельные колонии их выдвигаются в соседство с германцами, итальянцами, греками и на Востоке в значительных массах поселяются в Малой Азии; местные элементы, встреченные в занятых ими местах, не были так плотны, чтобы угрожать их благополучию. Но славянам не удалось создать политического и этнографического центра; не оказалось у них такого вождя, который соединил бы разрозненные племена, находившиеся в подчинении своих родовых старшин, в одно целое и дал бы им определенную задачу как цель их деятельности. Вследствие этого историческое воспитание славянского племени значи-

тельно замедлилось и в дальнейшем встретило такие препятствия, каких не было в VII в

Трудно, конечно, разрешить вопрос о психологических мотивах, дающих тот или иной характер историческим деятелям. Одно не может подвергаться сомнению, что народы и царства создаются под воздействием сложных причин, которые действуют постепенно и в своей эволюции представляют множество разнообразий. Нужно отказаться от мысли, что мусульманство является творческим произведением одного лица, и что Магомет может быть понят вне физической и культурной обстановки, в которой он воспитался и вырос.

Площадь, занимаемая Аравией, составляет громадное пространство в 2500 км длины и около 1000 ширины. На этом пространстве и ныне едва ли можно считать более 5 миллионов жителей. Весьма важно установить, что население Аравии не только с самых древних времен, но и после разделяется на оседлое и кочевое, и что Аравия только в некоторых частях, в особенности по берегу Красного моря, где находятся плодородные области Геджас и Йемен и еще в самом центре (Неджед), способна к культуре, а в большинстве представляет песчаную пустыню, доступную кочующим племенам. По сторонам от Неджеда частью вследствие влияния морских сношений и частью соседства с двумя культурными странами — Персией и Византией обнаруживаются начатки политической организации и культурной оседлой жизни задолго еще до Магомета. В точности определить, какая цивилизация была в Аравии до появления Магомета, пока еще не удалось, но на основании многочисленных указаний следует принимать, что цивилизация была, и притом в весьма отдаленные времена. Достаточно указать на сношения Соломона с царством Сабейским (в Йемене) и на данные, сообщаемые ассирийскими и южноарабскими памятниками[1], из которых усматривается, что Аравия находилась в оживленных культурных сношениях с восточными империями.

В византийскую эпоху пограничные арабские области были вовлечены в историческую жизнь и подверглись разнообразным влияниям, шедшим из Византии и из Персии, т. к обе империи в целях обороны от бедуинов находили полезным поддерживать то или другое пограничное племя и платить жалованье его шейху, чтобы он оберегал границу против других кочевых племен. Так образовались два арабских владения: одно на Евфрате, где господствовали лахмиды, другое — на границе Сирии под управлением гассанидов. В византийских летописях представители того и другого дома нередко упоминаются под именем филархов, которые то стоят в дружественных отношениях с империей, то изменяют ей и поступают на жалованье к Персии. Оба эти пограничные владения служили посредствующим органом в сношениях между вольными бедуинами и культурными империями. Почти беспрерывные войны между Персией и Византией в VI в., в которых арабы принимали деятельное участие, дали возможность этим последним не только жить войной и грабежом, но и постепенно приходить к мысли о слабости сил империи и о возможности начать с ней самостоятельную борьбу за преобладание на Востоке.

Из гассанидов наибольшей известностью пользуется Гариф или Арефа византийской летописи, современник Юстиниана, носивший сан

патрикия и владевший арабами с титулом короля. Наиболее знаменитым в королевстве лахмидов был Эль-Мундир, или Аламундар (V в.). Уже в середине V в. в Центральной Аравии обнаруживается попытка соединения нескольких племен в одно политическое целое и стремление направить соединенные силы арабов на север, где соплеменники их— гассаниды и лахмиды — постоянно обогащались добычей во время войн Персии и Византии. Таково было соединение арабских племен под главенством племени Кинда; этот союз был чрезвычайно опасен потому, что мог соединиться с гассанидами или лахмидами, и императору Анастасию в 503 г. с большим трудом удалось усмирить воинственного шейха Гарифа и направить его против государства лахмидов. Таким образом, движение между арабскими племенами обнаруживалось в разных местах. Византийское правительство, следуя всегдашней своей политике, выработанной в сношениях с варварами, старалось держать равновесие между вассальными арабскими владетелями; но должна была наступить пора, когда арабы поймут свои выгоды и перестанут служить орудием чужой политики. Это случилось после того, как войны между греками и персами окончились в VII в. полным разгромом Персии, и когда византийское правительство попустило персам и арабам разрушить пограничное княжество лахмидов и тем лишить свои владения в Месопотамии естественной защиты.

Не менее значительны были другие влияния, постепенно действовавшие на приморские области Аравии и приготовлявшие здесь почву для национального подъема. Противоположность между Севером и Югом хорошо определена в Библии: беспокойные бедуины Севера, сыны Измаила, и оседлое и затронутое издавна культурой население Юга, жители государства Сабейского, или Савского. Провинции по берегу Красного моря, Геджас и Йемен, с весьма отдаленных времен отличались иным характером жизни, чем другие части Аравии, что обусловливалось торговым значением упомянутых областей. Таково описание Йемена у Масуди: «Там можно видеть прекрасные здания, великолепные деревья, каналы и реки, прорезывающие страну во всех направлениях [2]. Путешественник мог пройти эту страну от одного конца до другого, не испытав солнечного зноя, на всем пути он находил достаточную тень, ибо деревья покрывали всю эту страну. Обитатели пользовались всеми удобствами жизни и в обилии имели все необходимое. Плодородная земля, чистый воздух, ясное небо, многочисленные источники, сильное государство, твердое правительство — все способствовало тому, чтобы сделать из этой страны обетованную землю. Жители отличались благородством характера и благорасположенностью к иностранцам и к путешественникам». Благоприятные условия жизни этой части Йемена зависели от знаменитых водяных заграждений Мареба, построенных тою царицей, которая посетила Соломона. От этих заграждений зависело плодородие страны, благополучию которой положен был конец прорывом заграждений, последовавшим около первого столетия христианской эры.

Красное море имело громадное значение в мировой торговле как в древнее время, так и в средние века. В Южной Аравии рано создались промышленные и торговые общества. На юго-востоке Аравии в провинции Гадрамаут находится местность, производившая во всем мире зна-

менитый и дорогой ладан, а на юго-западе была добыча золота. Значение Аравии во всемирной торговле усилилось во время Юстиниана, т. к. постоянные войны с Персией закрыли обычные пути, которыми сирийское и египетское население и побережья Средиземного моря поддерживало свои сношения с Персией и Индией. Эта торговля пошла теперь двумя путями в обход владений персидского царя: один — северней Каспия, другой — Красным морем. Таким образом через Аравию шли вина греческих островов, шерстяные ткани Милета, пурпур тирский, манускрипты Египта и Пергама, товары Индии, слоновая кость и черепаховые изделия Африки, рабы, китайский шелк, обезьяны, павлины. Часть товаров направлялась водой, часть шла транзитом, караванами через Аравию.

При трудностях плавания на Красном море с древних времен сделался известным сухопутный караванный путь между Йеменом и Сирией. Он шел через область знаменитого ладана (Гадрамаут) в страну Сабейскую, затем береговой плодородной полосой через Мекку и Медину к Синайскому полуострову на Петру и Газу, где был главный склад товаров, привозимых в Европу и вывозимых на Восток. Эта страна была разделена на несколько самостоятельных государств, между которыми Сабейское занимало первое место. Чтобы понять, почему, однако, в событиях VII в. историческая роль выпала не на долю Йемена, а более северной провинции Геджаса, нам нужно коснуться религиозного движения Аравии.

Гёджас составляет плодородную долину между двумя горными кряжами, из коих один идет вдоль моря, другой — к области Неджед. Эта долина самой природой была указана как главный караванный путь между Сирией и Южной Аравией. На этом пути лежали два места, получившие громадную известность в истории: Мекка и Медина, в древности Макораба и Ясриб. Здесь были главные станции караванной дороги, и уже в древнее время эти два города получили довольно большое значение. Население их было смешанное, особенно было много северных колонистов. Известно, что во время Магомета в Северном Гёджасе было много еврейского населения; это обстоятельство следует принимать в соображение, когда встречаемся с указанием, что основание святилища в Мекке и начала арабской религии относятся к Аврааму. Не подлежит сомнению, что это смешанное население с течением времени усвоило арабский язык и нравы и в Мекке имело свое религиозное и политическое средоточие в поклонении Каабе. Зарождение в Мекке культа, которому суждено было получить громадное историческое значение, объясняется именно торговым значением Мекки.

Процесс религиозного и политического возвышения Мекки толкуется следующим образом. Т. к. город находился на границе между старым Сабейским царством и пустыней, населенной свободными и дикими племенами, для которых торговые караваны были всегда привлекательной целью ради хищнических нападений, то для жителей Мекки и ее окрестностей было в высшей степени важно принять меры к защите идущих на север караванов, и самым лучшим средством было поставить торговлю под защиту чуждых и для местных бедуинов страшных богов. Возник союз из племен Геджаса, которые жили от караванной торговли; он имел средоточие в поклонении Каабе и получил с течением времени

большое значение между дикими арабскими племенами. В Мекке ежегодно совершались весенние религиозные празднества, на которые стекались отвсюду поклонники, и на которых устраивались ярмарки. Уже с давних пор время подобных праздников и обмена произведений между культурными обитателями Геджаса и дикими сынами пустыни наблюдалось как совершенно исключительный период в году, когда нельзя было посягать на чужую жизнь и собственность. Таким образом, еще задолго до Магомета было священным обычаем не только в Геджасе, но и между арабами пустыни наблюдать мир в течение четырех месяцев, и во все это время каждый спокойно мог идти в Мекку, устроить там свои дела и возвратиться домой.

Культ Каабы не был исключительным для определенного числа племен; напротив, сделаны были все облегчения для приобщения к нему самых отдаленных арабов пустыни. Каждое племя, примкнувшее к политическому союзу, имевшему центр в Мекке, получало право поставить в храме своего собственного идола, так что всего в нем было до 360 идолов. Терпимость простиралась так далеко, что в Каабе были изображения Авраама и девы Марии с Иисусом, а равно идолы разных чуждых народов. Каждый араб мог видеть в Каабе свое собственное божество и обращаться к нему в случае нужды за помощью и советом. Но более других чтимым идолом был агатовый истукан, принадлежавший племени Корейш, а выше его был Черный камень, который составляет главную святыню мусульман и до настоящего времени. По свидетельству европейских путешественников, которым удалось его видеть, это кусок базальта красно-коричневого, почти черного цвета, вулканического происхождения. В настоящее время он состоит из дюжины кусков.

К VI в. в религиозном настроении арабов произошли большие перемены. Живая вера в богов из камня и дерева подверглась сомнению и критике. Хотя над народными божествами возвышался Ил или Аллах, но он стоял далеко от сознания арабов, у него не было ни храмов, ни богослужения, чтобы приблизить его к народу; необходимо было облечь почитание его в определенные обряды и создать религиозную догматику и церковную иерархию. Давно уже высказывалась мысль, что по своим воззрениям на божество арабы могли без особенных затруднений принять или иудейство, или христианство. Иудеев было в Аравии значительное количество, некоторые арабские племена усвоили себе еврейский закон, а в Йемене иудейство было даже государственной религией. Но Магомет нашел иудейство не совсем пригодной для своего народа верой. Что касается христианства, оно имело в Аравии многих приверженцев и входило в Аравию двумя потоками· из Абиссинии и из Сирии. В Йемене на Синае между арабами Сирии было много христиан, но получить христианскому догмату влияние над арабским народом не пришлось, потому что его отвлеченные логические построения и умозрения слишком далеки были от психики араба и не отвечали на его реальные запросы. Из еврейских и христианских воззрений в VI в. выработалось монотеистическое направление, в котором нашло многих приверженцев учение об едином Боге и о воздаянии за дела, содеянные в настоящей жизни. Те, которые примыкали к этому направлению, носили имя ханифов; они одинаково отрицали как иудейство, так и хрис-

тианство и стояли на пути к образованию особого религиозного учения, которое наиболее отвечало бы потребностям арабов.

Происхождение Магомета и годы его детства разукрашены преданием и вымыслом. Выпавшая ему на долю историческая роль была так велика, что современникам и ближайшим потомкам естественно было видеть в нем провиденциальное существо, самым рождением и обстоятельствами жизни предназначенное к исключительной сверхчеловеческой роли. По преданию, он родился в Мекке в 571 г., но настаивать на этой дате нет твердых оснований, как и на другой дате — 570 г Происхождением своим он обязан не очень значительной семье, которая, хотя имела отношение к святилищу, но не отличалась ни богатством, ни связями. Отец его Абдуллах занимался торговым делом, но умер в молодых годах, оставив жену свою Амину беременною. Магомет родился по смерти отца и получил очень небольшое состояние, которое едва было достаточно для скромной жизни. По смерти матери мальчик поступил на попечение деда своего, а затем дяди Абу-Талиба, который также жил в бедности и не мог доставить племяннику обеспеченной жизни и воспитания. Вследствие этого детские годы Магомет, или Мохаммед, провел в чужих людях, нанимаясь пасти стада у состоятельных обывателей Мекки. Это было занятие унизительное, за которое брались люди весьма скромного происхождения, женщины и рабы.

Юные годы жизни пророка разукрашены вымыслом и не представляют реальных фактов, которые могли бы служить к характеристике его. На 24 году жизни с ним случилась важная перемена, имевшая большое влияние на дальнейшую его судьбу. Он познакомился с богатой вдовой, ведшей караванную торговлю, и поступил к ней на службу приказчиком. Путешествие с караваном не только расширило его кругозор и дало случай завязать новые знакомства, но позволило ему войти в доверенность своей госпожи, которая оценила его и предложила ему обручиться с ней. Это и была известная Хадиджа, которую так уважал и любил Мохаммед, несмотря на разность лет (ей было 40 лет), что никогда не забывал ее и после ее смерти и имел привычку ставить ее качества и добродетели в пример другим своим женам. Весьма вероятно, что во время торговых путешествий на север он мог войти в сношения с христианами и беседовать с ними о вере.

Нет сомнения, что до своего выступления на общественную деятельность в качестве проповедника новой религии Мохаммед разделял верования своих единоплеменников. Когда и вследствие каких причин он вступил на новый путь мышления и открытого исповедания оригинальных взглядов на Бога и обязанности человека по отношению к Высочайшему Существу, это остается до сих пор загадкой. Здесь перед нами выступают психологические мотивы, которых происхождение и первые обнаружения едва ли удастся когда-нибудь уловить и объяснить. Нельзя останавливаться на мысли, что Мохаммед был ловкий обманщик: он и сам верил в получаемые им внушения свыше, и верили в его искренность те лица, которые ближайше могли наблюдать за ним. Более основания в том предположении, что он получил от своей матери в наследство нервную болезнь, которую доктор Шпренгер называет мускульной истерией. С Мохаммедом часто случались приступы нервной болезни, которые имели большое значение в его видениях, предска-

заниях и повелениях, непосредственно получаемых им от архангела Гавриила. Будучи по своей природе мечтателем, Мохаммед любил задаваться теоретическими вопросами и беседовал *с* христианами и иудеями об их вере. Выше мы указывали, что всего ближе рисует нравственное и религиозное состояние Мохаммеда религиозная арабская секта ханифов; по всей вероятности, первая стадия религиозного развития пророка шла именно в этом направлении. Если далее допустить, что в период от женитьбы на Хадидже до выступления на проповедь новой религии Мохаммед продолжал делать торговые путешествия, которые необходимо ставили его в сношения с людьми разных вер, то нет оснований отрицать и непосредственных влияний на него со стороны иудеев и христиан, которых было много и в Южной и Северной Аравии[3]. Независимо от того среди самих арабов Мекки, даже между близкими к Мохаммеду людьми, замечалось уже колебание относительно веры в принятую от предков религию. Многие уже решили этот вопрос про себя, прежде чем Мохаммед решился открыто начать борьбу с суеверием.

Это произошло, когда ему исполнилось 40 лет. Он жил с семьей в недалеком расстоянии от Мекки, на горе Хыре, в пустынной и скалистой местности, ища уединения и избегая общества людей. Здесь в одной пещере он впал в тревожное забытье, и ему было видение. По собственным словам Мохаммеда, к нему приблизилось необыкновенное существо—в последующих видениях это обыкновенно был архангел Гавриил—и заявило к нему требование, которое новейшие ученые понимают различно. «Ыкра»,— сказало ему видение, что значит «читай» или «проповедуй», по другому толкованию. Мохаммед два раза отказывался исполнить это требование, наконец, после троекратного повторения подчинился, и тогда видение исчезло, и он пробудился от сна, и «слова видения как бы были написаны у него в сердце». Как бы ни толковать эти слова, которые потом включены были в Коран*, это первое видение нужно рассматривать как начало его общественного служения. С тех пор он часто подвергался воздействию таинственной силы, которая внушала ему действия и слова, легшие в основание преподанного им учения. Основой учения Мохаммеда были единобожие и нравственные отношения человека к божеству. Эта идея вносила совершенно иные понятия в религиозные представления арабов Мекки, чем то было до сих пор, и хотя старые верования подверглись колебанию и сомнениям, но с ними предстояло Мохаммеду выдержать продолжительную и упорную борьбу.

Первыми и самыми искренними приверженцами Мохаммеда были его домашние. Это была преданная ему жена Хадиджа, которая искренне веровала в его пророческое призвание и всеми мерами защищала его против насмешек и нападений и поддерживала своим влиянием и преданностью. За ней следовали ее дочери и приемный сын Али, младший сын Абу-Талиба, дяди пророка, равно как Зейд, единственный раб в семье Мохаммеда. Таково было первоначальное зерно новой религиоз-

* Это пять первых стихов 96 суры: «Читай во имя Господа твоего, Который создал человека из комочка крови, читай, Господь твой преблагий, Который даровал знание посредством пера, научил человека тому, чего раньше не знал».

ной общины. Для распространения учения Мохаммеда имело большое значение то обстоятельство, что к нему присоединился богатый купец Абу-Бекр, человек положительного характера и влиятельного положения. Он с энергией и убеждением принялся за распространение нового учения и оказал ему большую поддержку и своими материальными средствами. В ближайшем родственном кругу Мохаммеда также последовали обращения; таковы Зобейр, Ваккас, в особенности Отман из влиятельного рода Омайя, вместе с принятием нового учения женившийся на Рокайе, дочери пророка. В пятый год откровения (ок. 615 г.) присоединился к новой вере Омар, юноша 26 лет, необыкновенного роста и большой физической силы. Ему суждено было играть весьма важную роль в религиозной общине, складывавшейся вокруг Мохаммеда. Он отличался трезвым взглядом на вещи, не останавливался перед препятствиями для достижения задуманной цели и для торжества нового учения был незаменимый человек. Есть мнение, что без Абу-Бекра и Омара ислам никогда бы не получил распространения. Мохаммеду всегда недоставало практического смысла и такта. Абу-Бекр и Омар дополняли его, доводя до необходимого заключения его идеи и часто давая им практическое направление. Мохаммед думал, Абу-Бекр говорил, Омар действовал — такова роль каждого в этой удивительно стройно и гармонично составленной троице.

Хотя между последователями Мохаммеда были люди с характером и наделенные способностями, но следует признать, что они происходили большей частью из среднего класса и не были многочисленны. На первых порах учение Мохаммеда распространялось медленно и мало затронуло жителей Мекки. Мало того, большинство отнеслось с насмешками к его притязанию объявить себя божественным посланником и издевалось над его сношениями с небесными существами, которые дают ему обязательные для людей повеления. Что касается влиятельных и богатых людей, которым принадлежала власть в Мекке, то они к новому учению отнеслись с подозрительностью и опасением. Это были представители родов Омейяды, Махзумы и др., которые видели в учении Магомета не только подрыв веры, но угрозу их авторитету и влиянию в Мекке. Шейх Омейядов, Абу-Софиан, в особенности был весьма серьезным противником, потому что пользовался уважением среди местных арабов и относился с большим презрением к пророку. Омейяды будут играть религиозно-политическую роль в истории мусульманства как дамасские халифы, и с Абу-Софианом мы встретимся в дальнейшем изложении истории Магомета. Другой род, Махзумы, в лице своего представителя Ибн-Могиры пытался оспаривать авторитет пророка, уличая его в самозванстве и противоречиях.

Первые годы положение пророка было весьма мало обеспечено и в смысле личной безопасности, и в смысле приобретения новых приверженцев. Как принадлежащий к роду Хашима, Магомет мог найти защиту и покровительство в лице своего дяди Абу-Талиба, который был и представителем рода. Когда к нему обращались противники учения Магомета с требованием, чтобы он заставил молчать Магомета или лишил его своего покровительства, то Абу-Талиб с достоинством указывал на то, что нельзя воспретить каждому свободно выражать свое мнение. Но если Магомет как член рода Хашима мог находить защиту

у своего шейха, то этот последний не мог отстоять его авторитета как пророка и посланника Божия. Насмешками и издевательством Магомет доводим был до крайнего раздражения, так что с трудом мог показываться в народных сборищах. Те из приверженцев пророка, которые не имели влиятельных защитников, в особенности женщины и рабы, подвергались явным оскорблениям и насилию, некоторые даже поплатились жизнью. Тогда часть верующих отправлена была в Абиссинию, которую Магомет считал почти вполне разделяющею его воззрения. К этому же времени (ок. 615 г.) относится очень важный факт в истории развития учения Магомета, именно попытка приблизиться к религиозным воззрениям жителей Мекки и представителей враждебных ему родов. Ему предстояло сделать небольшую уступку в практике единобожия и ввести в свой культ некоторых богов соседних арабских племен. На этом очень настаивали его враги, обещая ему сделать с своей стороны значительную уступку, признав в нем пророка Божия и прекратив таким образом уже обострившуюся вражду между жителями Мекки. Сделанная Магометом уступка, нашедшая выражение в 53 суре Корана, считается признаком крайнего ослабления и ставится Магомету в большой упрек. Именно он удовлетворил желание враждебной партии, объявив, что богини Лат, Оза и Манат заслуживают поклонения, но скоро понял, что этим наносил удар своему религиозному принципу, и публично отказался от приведенных выше слов, назвав их внушением сатаны.

Таким образом, эта временная уступка больше повредила Магомету, поколебав его авторитет между его приверженцами, чем принесла пользы. Что же касается враждебной партии, то она еще более ожесточилась против всего рода Хашима и подвергла его отлучению, прекратив с ним браки и всякие житейские сношения. К этому присоединилось новое несчастие. В 619 г. умер представитель рода Хашима и защитник Магомета Абу-Талиб, а через несколько месяцев его постиг другой удар, именно смерть преданной ему жены Хадиджи, которая была самым верным его союзником.

Под влиянием личных огорчений и неудач, которые преследовали Магомета, в его душе постоянно складывалось и с течением времени получало более и более резкую форму то настроение, которому дано такое господствующее положение в нравственном учении ислама о предопределении и в фанатизме. Только избранным и предопределенным суждено принять истинную веру, прочие от века осуждены на погибель. Бог ведет к вере кого хочет и оставляет в заблуждении кого заблагорассудит. Неумолимая судьба и строгий догмат предопределения отнимают у человека всякую возможность направлять свою деятельность посредством усилий воли к познанию истины и веры. «Известно,— говорит Мюллер,— что это воззрение, которое сначала в Коране не было строго проведено, а выступило на первый план лишь с течением времени, переработано было в магометанской догматике в учение о безусловном фанатизме, которое и доныне неразрывными цепями сковывает духовную жизнь магометанского Востока. Сам Магомет никогда не доходил в этом отношении до конечных выводов. Логическая последовательность его не занимала»[4].

Отчаявшись в успехе своей проповеди в Мекке, где число его приверженцев не выходило из небольшого круга людей среднего состоя-

ния, Магомет сделал попытку найти точку опоры в соседнем городке Таифе, но там встретили его злыми насмешками и надругательствами. «Если бы Аллах,— говорили ему,— хотел послать пророка, то неужели он не мог найти кого получше тебя». Но, хотя попытка в Таифе была весьма неудачна, тем не менее выход из затруднительного положения оказывался именно в сношениях с арабскими племенами соседних с Меккой городов. Мы приходим к громадной важности факту в жизни Магомета и в истории ислама — к бегству пророка из Мекки в Медину в 622 г.

Сношения с жителями Ясриба, получившего имя Медины после бегства Магомета, были столько вопросом крайней необходимости, сколько политического сознания взаимной пользы задуманного соглашения. Прежде всего между арабскими племенами этих городов были постоянные распри и взаимная ненависть, утихавшая лишь в священные месяцы путешествия в Мекку; приняв на себя защиту Магомета и проповедуемого им учения, мединцы надеялись не только свести счеты с мекканцами, но и приблизиться к обладанию святилищем Каабы. Независимо от того в Медине происходили раздоры между двумя родами, которые грозили довести город до полного ослабления, а еврейское население города громко говорило о близком пришествии Мессии и обещало вместе с этим явлением полный переворот в социальной жизни города. Т. к. проповедь Магомета о новом политическом и социальном строе могла быть многими отождествляема с учением ожидаемого Мессии, то в Медине для Магомета была приготовлена весьма благоприятная почва, о которой он имел ясное представление. В 622 г., в марте дядя Магомета Аббас заключил соглашение с представителями Медины, прибывшими в Мекку на поклонение, причем определены были условия, на которых приверженцы Магомета принимались в Медину, и обязательства мединцев следовать учению, провозглашенному пророком. Вследствие этого соглашения большинство приверженцев Магомета небольшими группами в числе 150 человек переправилось в Ясриб, а корейшиты, не успевшие принять мер против этого переселения, решились наложить руку на Магомета, Абу-Бекра и Алия, которые еще оставались в Мекке. Было составлено постановление, по которому все роды корейшитского племени должны избрать по одному представителю о г каждого рода и сообща убить Магомета. Благодаря осторожно принятым мерам Магомету удалось обмануть бдительность корейшитов и тайно пробраться в Ясрибу, которая с того времени получила наименование Медины, или Города Пророка. Этот факт считается эрой летосчисления мусульман и относится к 16 июля 622 г. Пророку было тогда 52 года от роду.

Во многих отношениях с этого времени меняется характер деятельности Магомета, и самые расположенные к пророку исследователи не скрывают, что первый период жизни его гораздо более внушает к нему чувства уважения, чем последующий, открывающийся с 622 г. Но в смысле развития магометанской доктрины теперь открывается главнейшая эпоха жизни Магомета. В Мекке он был едва терпим, влияние его ограничивалось небольшим кругом малозначительных людей, о религиозной и политической организации своих учеников и приверженцев он не мог и помышлять. Не то в Медине. Здесь он признан был главой

большой городской общины, которая подчинялась его религиозному учению и обязалась следовать его приказаниям. Здесь необходимо было приступить к практическому осуществлению теоретических положений об условиях общественной жизни и богопочитания в новой среде, отложившейся от старой веры и от исконных традиций арабского народа. Магомет начинает делать опыты и устанавливает прецеденты для будущих поколений. Прежде всего весьма важно отметить тот прием, которым Магомет учреждает род синикизма (συνοικισμός) в своем новом государстве. «Ансары», как названы мединцы в религиозной общине, получили право принимать к себе в духовное родство пришлых членов из Мекки и других мест, которые под именем мохаджиров вступали таким образом в политический и религиозный состав медицинской общины. Племенная и родовая рознь с этим вместе уступала перед религиозной идеей. В то же время начинается организация общественного богослужения: построена мечеть, входит в жизнь требование обычных собраний на молитву, возвещаемых возглашениями моэззина, устанавливается подать «зекат» на потребности культа.

Находясь во главе общины верующих, Магомет должен был принять участие в урегулировании гражданских отношений ее членов, в решении возникающих между ними споров и недоразумений. Так нарождались основы мусульманского права на основании отдельных мнений и решений пророка, которые, в свою очередь, основывались на арабском обычном праве и частью на еврейском законе. Но скоро он должен был порвать с евреями, т. к. последние стали обличать его в неправильном применении библейских текстов, и т. к. магометанство не могло идти рядом с иудейством. Так, в 623 г. он приказал обращаться на молитве не к Иерусалиму, а к Мекке; оставил еврейский пост и назначил мусульманский Рамазан; вместо субботы праздничный мусульманский день переведен на пятницу.

Вследствие установления дисциплины в религиозной общине Медины не могло не обнаружиться недовольства против Магомета. Партия недовольных вступила в сношения с мекканцами, так что между двумя городами начались недоразумения. Необходимо было определить отношения мединской общины к Мекке, где был религиозный центр всей Аравии. Путешествия на поклонение в Мекку составляют одну из главных обязанностей правоверного, и на этой почве невыясненных пока отношений к Мекке должны были возникнуть серьезные недоразумения, которые подготовлялись, кроме того, разбойническими нападениями мединцев на торговые караваны, принадлежавшие мекканским купцам. Но что наиболее заслуживает внимания, это военная организация религиозной общины и ее предприятия с целью насильственного распространения нравственных и религиозных идей магометанства. Уже в 643 г. было сделано нападение на караван, шедший из Мекки в Сирию, и притом в дни священного месяца, посвященные поклонению. В связи с этим нужно объяснять появление в Коране статьи, по которой война с неверными признается богоугодным делом, в какое бы время она ни была начата.

В следующем году предпринято более смелое дело — нападение на караван, во главе которого стоял богатый мекканский купец Абу-Софи-ан, охраняемый вооруженной силой в 600 человек. Магомет напал на

этот отряд при Бедре, имея при себе только 314 человек, т. е. с небольшим половину против неприятеля. Но на этот раз предприятие было вполне удачно. Мекканцы были разбиты и обращены в бегство, и богатый караван достался Магомету. Значение этой победы для распространения идей мусульманства было чрезвычайно велико: теперь и сомневавшиеся в божественном посланничестве пророка убедились, что он большая сила, с которой нужно считаться, и идти против которой, во всяком случае было небезопасно. С тех пор и в самом характере пророка замечается резкая перемена. Он стал проявлять слишком большую жестокость и мстительность по отношению к тем, кто имел несчастие оказаться ему на дороге, не стеснялся выдавать за божественное откровение и такие собственные решения, которыми преследовалась его личная польза. Магомет присуждал к смертной казни пленников, лишал жизни неугодных ему поэтов и писателей, осмелившихся осмеивать его деятельность, наконец, начал беспощадно преследовать евреев, присуждая их к изгнанию и конфискации имущества.

Отношения Медины к Мекке продолжали быть враждебными. В 625 г. Абу-Софиан во главе корейшитов в числе 3000 человек решился напасть на Медину. Магомет мог собрать не больше 1000 человек и потерпел полное поражение при горе Оходе. Это сильно подорвало авторитет пророка, но он не потерялся и объяснил неудачу гневом Аллаха за непослушание. В 627 г. против Магомета составлялось громадное ополчение в 10000 воинов, в числе коих больше половины состояло из кочевых арабских племен. Во главе этого ополчения стоял Абу-Софиан из Мекки. Магомет предпринял ряд укреплений вокруг Медины и сделал город настолько защищенным, чго неприятельский отряд не решился брать его силой. Между тем среди осаждающих начались раздоры, заставившие их отступить от Медины. С тех пор имя Магомета стало пользоваться известностью между независимыми бедуинскими племенами, которые постепенно присоединялись к нему и тем побуждали его выступить с более широкими политическими и властительными задачами. Но для этого существенным препятствием была Мекка, которая в качестве религиозного арабского центра оставалась для Магомета недоступной. В 628 г. он решился, однако, в дни священного месяца совершить установленный хадж и с 1500 приверженцев отправился смиренным пилигримом в Мекку. Хотя на этот раз ему не дано было разрешения поклониться святыне, но было заключено соглашение, которым устранялись недоразумения между Меккой и новым учением, утвердившимся в Медине. В силу договора, заключенного на 10 лет, магометанам предоставлялось право каждый год в течение трех дней быть в Мекке для поклонения святыне. Но что в особенности в этом соглашении было важно для мусульман, это разрешение для всех арабов свободного перехода в общину Магомета. Теперь мусульманство вышло из состояния секты, не пользовавшейся правами гражданства и имевшей местное значение, и до известной степени уравнялось в правах с народной религией. Так и понял сам Магомет значение совершившегося акта, что показывают дальнейшие его действия. Разумеем весьма странные, притязательные и труднообъяснимые послания его к царям византийскому, персидскому и абиссинскому с предложением подчиниться вере Магомета. Конечно,

эти послания не сопровождались никакими последствиями, но они достаточно рисуют настроение Магомета и его взгляды на политическую роль мусульманства.

В том же году покорен был еврейский торговый город Хейбер, причем досталась победителям богатая добыча, из которой пятая часть выделена на долю пророка. В 629 г. совершено было торжественное путешествие в сопровождении 2000 поклонников, которые в случае нужды могли бы обратиться в воинов, в священный город, где совершены были установленные обряды хаджа, ставшие, в свою очередь, обязательным примером для мусульман последующего времени. Но как широкая политическая и религиозная миссия, открывавшаяся перед Магометом, не могла свободно развиваться без обладания Меккой, где были сосредоточены и материальные средства для культа и благотворительности, то в начале 630 г. пророк решился силой завладеть священным городом, лишив корейшитов привилегий, соединенных с владением ключами Каабы. Со всею осторожностью, не подавая вида о своих действительных намерениях, Магомет собрал значительное войско в 10 000 человек из мединцев и соседних бедуинов и, только уже выступив в поход, сообщил о цели его. Остававшийся в Мекке Аббас, дядя Магомета, вступил в переговоры с Абу-Софианом и убедил его принять учение Магомета. Вследствие этого и в силу абсолютного авторитета, которым начало пользоваться новое учение, Мекка сдалась без сопротивления и занята была Магометом, сделавшись с тех пор центральным пунктом мусульманства, приобретшего мировое и религиозно-политическое значение. Мероприятия Магомета в Мекке обличают в нем большой смысл и понимание совершившихся событий. Уничтожив языческих идолов, он окружил величайшим почтением храм Каабы и Черный в нем камень.

Гуманным отношением к жителям Мекки он привлек их на сторону мусульманства и имел в них ревностных защитников нового порядка вещей. Мекка нисколько не проиграла с переменой культа, т. к. осталась главным религиозным местом всей Аравии, и мекканцы сделались ревностными распространителями мусульманства. В политическом отношении обладание Меккой придало делу Магомета необычайно быстрый и неожиданно счастливый оборот. Подчинение независимой Аравии теперь стало вопросом времени, т. к. мелкие независимые племена не могли устоять против соединенных сил бодро и смело пошедшего вперед воинственного мусульманства. Воинственные предприятия Магомета против сирийских арабов в 630 г. сосредоточивали под его властью отряд в 30000 пехоты и 10000 конницы. Таковы были силы мусульманства в последние годы жизни Магомета.

Магомет умер в Медине в июне 632 г., дав твердые основания новой религии, которой суждено было утвердиться среди культурных стран Азии, Африки и Европы, и которая нанесла страшный вред и неоднократные поражения христианским народам. Нам остается еще сказать несколько слов к характеристике откровений пророка. Раз шли переговоры между жителями города Таифа и Магометом насчет условий подчинения первых исламу. Представители города соглашались принять ислам под условием, если им предоставлена будет на три года льгота не платить десятины и отправлять богослужение по старым обычаям. Когда же Магомет стал указывать, что это произведет неблагоприятное

впечатление среди других правоверных, то послы заметили: «А ты скажи, что так повелел поступить Аллах». Магомет уже готов был уступить, но тогда вмешался Омар: «Вы испортили сердце пророка, да сожжет 1Ъсподь ваше». Это замечание дало иное направление переговорам, так что Магомет отказался от всяких уступок. Сделанное выше указание, как легко могла применяться воля Аллаха для придания авторитета мнениям и распоряжениям Магомета, иллюстрируется многими аналогичными случаями. Когда Магомету необходимо было прекратить соблазнительные разговоры по поводу женитьбы его на жене своего приемного сына Зейда, он сослался на откровение, разрешавшее на будущее время подобные браки. Точно так же он несколько раз должен был объяснять полученным откровением свои отношения к христианке Мариате, возбуждавшие ревность и смуту среди прочих его жен.

После смерти Магомета мусульманство выступает на историческую арену как военная и политическая сила и приходит в непосредственные сношения с Византийской империей. Прежде чем следить за этими отношениями, в которых мусульманство почти всегда одерживало верх над империей и отняло из-под власти Византии значительные провинции, мы должны остановиться на основных положениях, проповедуемых Кораном, и на главных принципах ислама.

Религиозное учение Магомета выражено в священной книге мусульман, называемой Кораном. В этот сборник включены как откровения, данные Магомету чрез архангела Гавриила или другого служебного духа, так и поучения, повествования и законы, идущие непосредственно от самого пророка. Часть изречений пророка записывалась его слушателями, часть оставалась в памяти и передавалась устно. Это на первых порах не представляло особых затруднений, т. к. откровения были довольно кратки и сообщались в виде стихов, которые легко воспринимались и удерживались в памяти. При жизни Магомета не было попыток собрать и привести в порядок отдельные сообщения и изречения пророка, по смерти же его это встретило большие затруднения. Калиф Абу-Бекр озаботился собранием хранившихся в памяти отдельных изречений Магомета, поручив это дело Зейду, секретарю пророка. Первая редакция Корана, составленная из многочисленных отрывков, частью записанных на кости, на камне, на пергаменте или на пальмовых листьях, частью же со слов учеников и очевидцев пророка, оставалась в частном пользовании ближайших потомков и родственников Магомета. Рядом с этой редакцией в среде мусульман образовались постепенно другие частные редакции и списки, представлявшие некоторые отличия от первой. При калифе Османе (644—654) введена была общая и одинаковая для всех редакция, причем упомянутый выше Зейд разделил Коран на суры, или главы, и составил исправленный Коран в четырех копиях для всеобщего пользования. Дабы на будущее время вновь не считаться с вопросом о разночтениях, сделано было распоряжение об уничтожении всех списков, которые к тому времени могли бы оказаться в частных руках. Таким образом редакция Османа считается наиболее авторитетной и правильной, хотя помимо этой официальной были в обращении и другие, отличающиеся от нее копии Корана.

Из предыдущего можно понять, что расположение всего материала, содержащегося в Коране, было делом личного усмотрения Зейда,

Османа и других редакторов. Имея в своем распоряжении отдельные краткие изречения, редакторы должны были прежде всего озаботиться приведением их в порядок. Но т.к. нельзя было принять ни хронологической системы по отсутствию данных о том, в какое время дано то или другое изречение, ни предметной, т. к. в каждом изречении трактовалось о предметах смешанного содержания, то принята была чисто внешняя и формальная система: изречения, или суры, распределены по длине и краткости, сначала длинная, а затем краткая сура. Таким образом, Коран представляет полное отсутствие системы, в нем изречения следуют без всякой внутренней связи и порядка, со множеством утомительных повторений одинаковых фраз и оборотов. Старания мусульманских и европейских ученых внести порядок и систему в Коран в общем оказались безуспешны. Единственно, что оказалось достижимым, это установление различия в языке и стиле различных сур, а по этим особенностям сделана попытка отделить суры наиболее древние, произнесенные в Мекке, от более поздних, относящихся к последним годам жизни пророка, суры исключительно религиозного характера от других, с преобладающим политическим элементом, суры, имеющие в виду небольшую общину верующих от таких, которые внушены гордым сознанием торжества мусульманского учения и распространения его по всей Аравии. Но этот процесс изучения еще не окончен; в него притом же введено много субъективизма со стороны отдельных исследователей.

Всего в Коране 114 сур, или глав, делящихся на стихи. По воззрению мусульман, Коран существовал в настоящем его виде от века, поэтому совершенства его не подвергаются сомнению. С точки зрения европейской науки за ним признаются достоинства и недостатки, свойственные творению человека. Даже в лучшей своей части—в серии рассказов— Коран отличается бледностью и сухостью изложения, и притом эти рассказы частью заимствованы из Библии и из Талмуда. В начале пророческой деятельности Магомет произносил откровения, дышавшие силой и страстностью, описания величия Божия и картины неба и ада у него высокохудожественны, но затем воображение ослабевает, проявляются бледность и растянутость. Для ознакомления с характером изложения в Коране сообщаем содержание фатихе, имеющей значение христианской молитвы Господней: «Хвала Богу, Господу миров, милосердому, милостивому, владыке дня суда. Воистину Тебе мы поклоняемся и у Тебя просим защиты. Наставь нас на путь правый, на путь тех, к кому Ты был милостив, на кого нет гнева, и кто не заблуждается». Что касается поучительных сур, они слишком монотонны и скучны, хотя в распространении ислама они-то и играли важную роль.

Коран издавна сделался предметом ученой обработки мусульманских богословов. Комментарии имели целью или истолковать аллегорический смысл некоторых сур, или объяснить и примирить встречающиеся противоречия. Комментаторы внесли в Коран много искажений и подделок как с целью применить некоторые изречения Корана к изменившимся условиям жизни, так и для того, чтобы оправдать появившиеся с течением времени разности вероучения и секты. Изложенное Магометом учение как религиозный, нравственный и политический принцип сделалось жизненным правилом его учеников и последователей и с необычной энергией проявилось в истории в качестве всемирного

деятеля под наименованием мусульманства, или ислама. Прежде чем говорить о необычайно быстром распространении ислама как религиозной и политической системы, попытаемся бросить взгляд на внутреннюю, так сказать, философскую сторону этой новой системы.

Никому в VII в. не могло прийти в голову, что в ближайшем соседстве с тогдашним культурным миром, но уже за пределами его готова образоваться новая религиозная система, которая окажет могущественное и во многих отношениях роковое влияние на судьбы старых мировых империй — Персидской и Византийской. И не только трудно было это предположить с точки зрения мировой истории, но и до сих пор не удалось с достаточной убедительностью выяснить психологические мотивы общественной деятельности основателя мусульманской религии. Точно так же трудно объяснить причины успешного распространения мусульманства, которому нужно было пробивать путь в среде, где действовали уже давно зрелые религиозные системы. При оценке ислама как общеисторического явления следует отдавать себе отчет и в том, что он распространялся, по крайней мере в первые столетия гиджры, без помощи религиозной миссии, какая была организована в христианстве, и что даже в настоящее время пропаганда мусульманства идет гораздо успешней, чем распространение христианства. В общем число последователей Магомета можно полагать больше 200 миллионов, и притом не подлежит сомнению то обстоятельство, что скорей и естественней делается переход от язычества и фетишизма именно к более простой мусульманской системе монотеизма, чем к сложному и умозрительному христианскому вероучению о троичности лиц в божестве. Посмотрим же, в чем состоят основные положения ислама.

Как исповедание возвещенной Магометом религии ислам отличается большой простотой. Он основан на чистом монотеизме, т. е. на вере в единое всемогущее существо (Аллах) и в пророческое избрание Магомета: «Нет другого бога, кроме Бога, и Магомет есть пророк Его». Единый Бог и равенство пред ним всех людей; обещание рая правоверным и исполняющим закон и наказания адскими мучениями для тех, кто является ослушником закона. Самый же закон ограничивается несложными обрядовыми требованиями: 1) пятикратное совершение в течение дня установленного богослужения; б) пост в продолжение месяца Рамазана; в) паломничество в Мекку. Эта удивительная простота и ясность религиозной системы в соединении с духом справедливости по отношению к ближним должна быть признана главной причиной распространения мусульманства среди народов, бывших в соседстве с Аравией. Правда, в числе обязанностей, налагаемых на правоверного, есть боевой призыв, давший мусульманам военный и завоевательный характер. Борьба с неверными и насильственное распространение ислама есть один из существенных признаков мусульманства, и для обращения язычников Магомет советовал прибегать к самым крайним мерам. К этому следует присоединить учение о предопределенной каждому судьбе, придавшее мусульманству свойственный ему характер фатализма.

Что касается христиан, иудеев и персов-огнепоклонников, к ним могла быть допущена терпимость, если они платят определенный налог. Но успехи быстрого распространения ислама не могут быть объяснены указанной чертой, т. к. религиозные верования и нравственные убеждения

не навязываются силой. Изучая историю арабских завоеваний, мы должны признать, что не военная сила обеспечивала за ними успех, и что суровые меры по отношению к побежденным не есть характеристическая черта мусульманской истории: стоит вспомнить об обширных привилегиях, данных мусульманскими вождями-завоевателями христианам Иерусалима, Египта и Константинополя. Если многие христиане обращались к мусульманской вере и усвояли язык завоевателей, то это объясняется тем, что арабы относились к ним с большей справедливостью, чем византийские императоры и греческие чиновники, и что религия ислама была слишком несложна и сильно действовала на чувство. В настоящее время считается уже вполне выясненным, что Магомет принял основой своего учения иудейские и христианские воззрения, о которых осведомился чрез устные рассказы живших в Аравии христиан и иудеев.

Переходим к истории распространения ислама при ближайших преемниках Магомета. Смерть пророка, последовавшая в 632 г., возбудила прежде всего вопрос о наследстве в созданном им религиозном сообществе. Магомет не назначил себе преемника, а между тем мужского потомства у него не было, и, следовательно, разрешение вопроса о преемстве духовной и гражданской власти могло встретить некоторые затруднения. Благоприятное разрешение этих затруднений обусловливало существенным образом ближайшую судьбу ислама, т. к. объединение различных племен, населявших Аравию, зависело от общепризнанного авторитета пророка и держалось его именем. Правда, около него образовался кружок лиц, которые принимали участие в общественных делах и при жизни пророка и которые были с ним связаны узами родства. Таковы были Али, сын Абу-Талиба, т. е. двоюродный брат Магомета, женатый на дочери пророка Фатьме; Абу-Бекр, на дочери которого Аише был женат сам Магомет, и, наконец, Омар — правая рука пророка в делах, требовавших решительности и силы. Известно, что ислам обязан своими успехами, главным образом, этим двум лицам, ближайшим преемникам Магомета: Абу-Бекру и Омару; пророк успел дать теорию ислама, истолкователем ее был Абу-Бекр, а Омар осуществил эту теорию на деле, дав ей практическое приложение военными походами и завоеваниями.

Избрание Абу-Бекра калифом (632—634) прекратило споры из-за власти и расстроило замыслы тех племен, которые надеялись воспользоваться благоприятным моментом и присвоить себе главенство в мусульманском обществе. Абу-Бекр и по личным отношениям к Магомету, и по вполне признанному авторитету считался естественным представителем власти и преемником пророка. Когда по предложению Омара дать клятву на верность Абу-Бекру, товарищу посланника Божия, все собравшиеся в мечети изъявили согласие, Абу-Бекр принял звание калифа, с которым соединяются светская и духовная власть и судебные полномочия. Только Али, всех больше имевший прав на калифат, оставался некоторое время в стороне и дал клятву на верность спустя полгода.

Непродолжительное правление Абу-Бекра было сопряжено с чрезвычайными опасностями. Далеко еще не сплотившиеся под властью Магомета арабские племена начали волноваться, появился ряд пророков и политических деятелей, возникли недоразумения между старыми му-

сульманами и новыми, между верующими Мекки и Медины, племенная вражда и соперничество родов готово было нанести существенный удар всему предприятию Магомета. Но калиф победил противников народившегося порядка, нанося им поражения и принуждая их к покорности и повиновению. В этом отношении громадную услугу оказали ему полководцы Халид и Омар.

Чтобы потушить внутреннее брожение и отвлечь умы арабов от домашней смуты, Абу-Бекр указал им достойную для привыкших к военному делу номадов цель во внешних предприятиях, имевших задачей распространение ислама. Коран заповедует вести войну с неверными, пока не прекратится всякое сопротивление, и пока вера в Аллаха не будет единственной религией. Страх смерти, по учению ислама, не может останавливать верующего, ибо в предопределенный час смерть должна постигнуть человека, где бы он ни находился, хотя бы за стенами укреплений. Так воинствующий ислам начал свои наступательные действия против Византийской империи сейчас же по смерти Магомета.

Глава IX

Мусульманство и Византия

В высшей степени важно выяснить начало сношений и враждебных столкновений между арабами и христианской империей. Еще в 629 г. будто бы Магомет обращался с посланием к царю, предлагая ему подчиниться новому вероучению. Если это предание и не имеет под собой реальной почвы, то, во всяком случае, характеризует настроение первоначальных деятелей и политическую миссию мусульманства. Следует припомнить, что в Византии в это время царствовал Ираклий, военный гений высокого качества, нанесший неизлечимую рану Персидскому царству и умевший прекрасно использовать материальные средства, какие могла дать Византия. Понял ли Ираклий все значение организовавшейся в его время политической силы в Аравии, или нет? Из тех мероприятий, какие он принял для защиты Сирии от арабских вторжений, можно скорей заключить, что византийский император не распознал в арабах серьезного врага и поэтому не считал нужным выступить против него со всеми средствами, какими империя могла бы располагать в последние годы его жизни после победоносной войны с персами.

К сожалению, известия о первых столкновениях арабов и греков в Сирии до такой степени скудны или переполнены фантастическими измышлениями торжествовавшего победителя, что по ним трудно судить о реальной действительности и о причинах, обусловливавших успех арабов и поражения византийцев. Правда, в нескольких случаях положительно отмечаются измена со стороны начальников греческих гарнизонов и добровольный переход на сторону мусульман осажденных крепостей. Подобные явления находят себе объяснение в дурной системе византийского управления, в религиозных притеснениях и в суровых денежных поборах, которые побуждали искать лучших условий жизни под арабским господством. С другой стороны, материальные выгоды войны в странах с богатой и старой культурой, военная добыча из взятых городов, в значительной части поступавшая в распоряжение воинов, наконец, воинственный характер арабского населения, привыкшего к постоянной войне,— все это были весьма благоприятные условия для объяснения невероятных успехов арабских завоеваний в Сирии, Палестине и Месопотамии.

Выше было говорено, что на границе империи с независимыми арабскими племенами постепенно возникали полузависимые от Византии вассальные княжения, правители которых обязывались оберегать границы и служить империи за определенные денежные выдачи. Таково было княжество гассанидов на северо-востоке Аравии, в соседстве с Сирией; таково же было княжество лахмидов на северо-западе Аравии по течению Тигра, служившее разделом между Персией и Аравией. Население этих владений принадлежало к арабскому племени, но вследствие

продолжительных культурных влияний из соседних империй вело уже оседлый род жизни и скорей примыкало к персам и грекам, чем к бедуинам, по своим склонностям и роду жизни. Первые попытки привлечения этих полукультурных племен в новый религиозный и политический союз, основанный Магометом, привели арабов к военным столкновениям с Византией, которая не могла быть холодной зрительницей того, как вассальному княжеству гассанидов начали угрожать арабские завоевания. Первые попытки проникнуть в Сирию относятся еще ко времени Магомета. В 628 г. арабы неосторожно прошли до Мертвого моря, где при Муте трехтысячному отряду их нанесено было сильное поражение. Абу-Бекр движением на Сирию хотел занять умы сильно волновавшихся арабов и отвлечь их внимание от внутренних споров о наследстве по случаю смерти Магомета.

В начале 634 г.[1] по усмирении повстанцев Абу-Бекр послал Халида ибн Сайда с 7-тысячным отрядом в Сирию против греков и союзных с ними арабов. Этот поход пользовался такой большой популярностью, что скоро составилось еще несколько отрядов охотников идти в Сирию, чтобы вести войну с неверными и отомстить за поражение при Муте. С течением времени посланы были таким образом еще три отряда в помощь первому. Но разделение власти между многими вождями было препятствием к успешным военным действиям, хотя Абу-Бекр в надежде на легкую победу назначил для каждого отряда особенную цель. Так, Абу-Убейда долго оставался под Босрой, на границе пустыни и Палестины, ввиду энергичного сопротивления, оказанного ему жителями города, между тем как Халид ибн Сайд прошел до Дамаска и потерпел здесь полное поражение. Чтобы придать больше единства мусульманским предприятиям и быть в состоянии выступить против неприятеля большими массами, Абу-Бекр отказался от ранее составленного плана и приказал отдельным вождям идти на соединение и, кроме того, потребовал от военачальника Халида ибн Мелида, который вел самостоятельные военные действия в Персии, помощи сирийским войскам. Следствием подобных мер было то, что арабам сдалась Босра, и что они могли сосредоточить свои силы на осаде главного города Сирии, богатого и торгового Дамаска.

Император Ираклий собрал значительное войско для защиты Сирии, но оно было разбито арабами летом 633 г. близ Дамаска; новое войско, состоявшее из 80 тыс., встретилось с арабами на р. Ярмук, в небольшом расстоянии от Тивериадского оз. Здесь арабам в первый раз предстояло сразиться с многочисленной и организованной армией, и здесь в особенности могло иметь гибельные последствия соперничество между вождями. Халид ибн Сайд, превосходя других умом и храбростью и понимая важное значение предстоящих событий, убеждал своих товарищей пожертвовать личным самолюбием и подчиниться начальству того, кто будет избран на то общим голосом. Вожди согласились избрать эмиром Халида и выполнили тот план сражения, какой им был предложен. Битва при Ярмуке была одной из самых кровопролитных в истории арабских войн. Три раза мусульмане должны были отступать перед натиском византийской конницы и снова вступать в бой, т к. стоявшие сзади жены не допускали их до беспорядочного бегства. Наконец Халиду удалось отрезать неприятельскую конницу от пехоты

и ударить всеми силами на византийский лагерь, расположенный между рекой и близлежащими горами. Поражение христиан было полное, ибо часть потонула в реке, другая часть погибла от меча мусульман. Одержанной при Ярмуке победой арабы обеспечили за собой успех последующего завоевания Сирии.

Дальнейший ход событий падает на время калифа Омара (634—644), который приказал сирийским отрядам осаждать Дамаск. Абу-Убейда, стоявший во главе осаждавшего отряда, выделил небольшие части из него, чтобы наблюдать за греческим войском, посланным на выручку Дамаску, и поставил город в отчаянное положение. Начальник дамасского гарнизона, родственник царской семьи Фома, пытался воодушевить жителей города на борьбу с мусульманами, обнадеживая Их скорой помощью извне. В течение 70 дней происходили ожесточенные стычки под стенами города; но как помощь не приходила, то жители Дамаска принуждены были сдаться. Они вступили с Абу-Убейдой в переговоры об условиях сдачи, стараясь выговорить для желающих право выйти из города; взяв с собой свое имущество. В это время другой вождь, Халид, ворвался в город и начал беспощадно опустошать его, пока Абу-Убейда не потребовал от него соблюдать выговоренные жителями условия сдачи. Таким образом главный город Сирии был потерян для Византии, причем со стороны Ираклия не было принято чрезвычайных мер к защите этой важной провинции.

Правда, император следил за ходом военных дел из Едессы, но нельзя не видеть, что Босра, Дамаск и другие города оборонялись лишь своими силами или теми незначительными гарнизонами, какие в них содержались, и что главный вождь византийской армии, брат царя Феодор, после нанесенного ему поражения при Ярмуке не принимал более участия в войне с арабами. Следует еще заметить, что арабы оказались весьма снисходительны к христианскому населению завоеванных городов; так, в Дамаске они оставили за духовенством несколько христианских церквей, ограничившись небольшим налогом на жителей в пользу мусульманских благотворительных учреждений. Судьба Сирии и Палестины казалась решенной бесповоротно; император Ираклий, удаляясь с Востока в свою столицу, озаботился тем, чтобы главная святыня Иерусалима, Животворящее древо креста Господня, не попалась в руки мусульман, и перенес его в Константинополь.

Успехам арабов в Сирии и Палестине после падения Дамаска не было никаких преград. Вскоре были завоеваны Гомс, древняя Эмеса, Баальбек, или древний Илиополь; очередь доходила до Иерусалима. Прежде чем приступить к военным действиям, арабы вступали в переговоры с городскими управлениями, предлагая им обсудить нижеследующую формулу, образец которой сохранился по случаю переговоров с Газой: «Наш повелитель приказал начать с вами войну, если вы не согласитесь принять нашего закона. Присоединяйтесь к нам, будьте нам братьями, и мы не сделаем вам зла. Если не захотите этого, платите нам дань, а мы будем защищать вас от тех, кто будет вредить вам. Если же и на это не согласны, то знайте, что мы будем вести с вами войну до тех пор, пока не исполнится воля Божия». Арабы

сдерживали обещание и давали весьма щедрые милости тем городам, которые сдавались им без сопротивления. И любопытно отметить, что в Месопотамии на почве персидской державы арабы не имели таких легких побед, как в областях Византийской империи. С другой стороны, не бывало случая, по крайней мере, в первые годы арабских завоеваний, чтобы персы, перешедши под власть арабов, непосредственно обращались в мусульманство, между тем как во владениях византийского императора эти случаи были не редки. «В религиозном отношении,— говорит по этому случаю Вейль,— христиане, переходя под власть мусульман, только выигрывали в свободе, ибо магометане не вмешивались в их духовные дела, а что касается политической стороны, то верные раз данному слову калифы довольствовались очень умеренной данью, вследствие чего мусульманское господство было гораздо мягче, чем власть императора, который в истинном смысле слова высасывал кровь из отдаленных провинций. Это обстоятельство объясняет ту баснословную легкость, с какой завоеван был мусульманами Египет»[2].

Возвращаемся к победоносному шествию по Сирии. За подчинением Дамаска в 636 г. последовала сдача других городов Сирии. Главное начальство над арабскими войсками имел Абу-Убейда, который из Гомса шел на север Сирии и взял Антиохию и Алеппо. В то же время другие арабские отряды имели задачей подчинение Палестины и занимали приморские города от Лаодикеи до Газы. Несколько более затруднений доставила осада Кесарии и Иерусалима в 638 г. Иерусалим и по своему укрепленному положению, и по своему исключительному значению в христианском мире составлял предмет особенного внимания со стороны арабов и потому, что как место Гроба Господня он имеет священное значение и для мусульман. Но жители города с успехом выдерживали осаду, пока голод не заставил их вступить в переговоры. Главная роль здесь принадлежала патриарху Софронию, который известен своей борьбой против монофелитства.

Сдача города последовала на весьма выгодных условиях для христиан, но понять подробности весьма не легко, т. к. известный акт, излагающий привилегии, предоставленные Омаром Иерусалиму, не может считаться подлинным актом Омара. Во всяком случае, не подлежит сомнению то, что сам Омар присутствовал при заключении договора с христианами. Предание говорит, что патриарх Софроний поставил непременным условием сдачи Иерусалима личное присутствие наместника пророка, и что Омар согласился исполнить это желание патриарха Софрония. Простота в обращении и суровый образ жизни произвели сильное впечатление на христиан, когда они увидели, как Омар — повелитель сильного государства — путешествует на верблюде, довольствуясь самым необходимым для удовлетворения своих потребностей: мешок с рисом и финиками и сосуд с водой. Заключив договор, Омар посетил Иерусалим и сделал распоряжение о постройке знаменитой мечети на месте прежнего храма Соломонова.

Теперь, что касается привилегий, которыми и доселе пользуется патриархат и которые в большинстве основываются на грамоте Омара, то вкратце они заключаются в следующем. Христиане сохраняют жизнь

и имущества, храмы их неприкосновенны, они пользуются свободой исповедания своей веры, но не препятствуют желающим из их среды переходить в мусульманство. Как подданные калифа они должны платить наложенную на них подать. В сущности это весьма важные привилегии, гарантирующие жизнь и свободу вероисповедания, на основании которых впоследствии христиане могли приобрести себе и некоторые гражданские права.

Почти в то же время, как шли завоевания в Сирии и Палестине, с не меньшим успехом мусульмане распространялись в Месопотамии и Персии. Полузависимое от Персии арабское владение под управлением династии Лахмидов прежде всего должно было испытать на себе подъем арабской силы, причем Персия, только что окончившая войну с Византией, не в состоянии была оказать вассальному государству достаточной поддержки. Еще при Абу-Бекре подчинены были Гира и некоторые другие города и уничтожено полунезависимое существование Лахмидов. При Омаре военные действия в Месопотамии поручены были тому же Абу-Убейде, которого военные подвиги мы отметили при изложении событий в Сирии и Палестине. В 634 г., вскоре после победы над греками при Ярмуке, мусульмане потерпели от персов поражение в Месопотамии в битве, называемой «битва у моста». Персы не сумели воспользоваться этим обстоятельством вследствие кровавых переворотов и придворных интриг, которые надолго отвлекли внимание их от государственных задач. Наконец власть получил Иездегерд, случайно спасшийся от общей гибели царского дома Сасанидов, которому удалось вновь собрать значительное войско для отражения арабов.

Омар назначил в персидский поход заслуженного и авторитетного вождя, бывшего в родстве с Магометом, Саада ибн Аби-Ваккаса, который явился на персидскую границу с 30-тысячным войском. Произошла большая битва при Кадесии в 636 г., которая окончилась полным поражением персов, и вследствие которой арабы сделались обладателями Месопотамии. Эта битва имеет громадное значение в истории мусульманства, и арабская поэзия разукрасила сражение у Кадесии разнообразными вымыслами. Для укрепления за собой важной в военном и торговом отношении области, имевшей ключ к Персидскому заливу и передававшей в руки завоевателей один из торговых путей в Индию, арабы построили недалеко от слияния рек Тигра и Евфрата крепость, из которой вырос богатый и торговый город Босра, владевший морскими судами и командовавший Персидским заливом.

Следствия утверждения арабов в Месопотамии были громадного значения. Для персов оставалось мало надежды спасти провинции, лежавшие на восток от Тигра со столицей Мадаин (Ктесифон), куда теперь направились замыслы арабских вождей. Хотя Иездегерд держался некоторое время в своей столице, но, когда арабское войско за Евфратом доведено было до 60000, и когда персидские города стали сдаваться арабам без большого сопротивления, Иездегерд принужден был оставить Мадаин и ночью, забрав небольшую часть сокровищ, ушел в провинцию Мидию и заперся в крепости Гольван на большой торговой дороге, ведущей в Багдад. Мусульманский вождь, вступив в огромный и богатый город, почти покинутый своими жителями, припомнил слова Корана, относящиеся к египтянам, утонувшим в Черном море: «Как

много садов покинули они и ручьев и нив, как много чудных и восхитительных мест, которыми наслаждались».

Приказав снести все оставленные сокровища в Белый дворец, Аби-Ваккас отделил пятую часть в казну на церковные и благотворительные учреждения, а остальное разделил между воинами. Добыча оказалась так велика и такой цены, что на долю каждого простого воина, принимавшего участие в войне, досталось около 3 тыс. рублей. Из сокровищ, найденных в Ктесифоне, особенно поразили победителей золотой конь, серебряный верблюд с золотым верблюжонком и в особенности драгоценный ковер, украшенный дорогими камнями и представлявший рисунок из цветов, фруктов и деревьев. Арабы так мало понимали в то время значение произведений искусства, что разрезали удивительный ковер на куски и разделили его между начальными людьми[3]. Взятием Мадаина нанесен был окончательный удар Персидскому царству; на всем пространстве от Ниневии до Сузы арабам не было оказано значительного сопротивления, так что Персия с 637 г. могла считаться арабской провинцией На развалинах Ктесифона основан был арабами город Куфа, сделавшийся административным центром мусульманской провинции

Уже в эти первые годы неимоверных успехов арабского оружия над византийскими и персидскими военными силами появилось новое слово, обозначавшее совершенно новое явление — переход христиан в мусульманство. Таковые переходы были весьма обычны в первое время арабских завоеваний, особенно в Сирии, где и вошел в употребление термин μαγαρίτης, μαγαρίζω для обратившихся в мусульманство христиан

Арабы готовились перенести свои военные предприятия в Египет, где их ожидали не менее блестящие успехи, чем в Сирии и Месопотамии. Представляется неразрешимой загадкой вопрос о том, почему исконные владетели так легко подпадавших арабскому господству богатых и населенных областей не приняли надлежащих мер к защите и не оказали арабам серьезного сопротивления. Если принять в соображение, что занимающие нас события относятся к царствованию Ираклия, который обнаружил беспримерные таланты искусного полководца в войнах с персами и в защите столицы от нападений аваров и славян, то слабость византийского военного напряжения, обнаруженная в столкновениях с арабами, должна казаться еще более загадочной. Как будто у Ираклия не стало более ни людей, ни денег для отражения гораздо более важного врага, чем персы; как будто в Константинополе иссякло религиозное одушевление ввиду неимоверных поражений, испытанных империей одинаково как на поле брани, так и в области религиозных убеждений. Мусульмане выступали не только против политической власти византийских императоров, но и против христианской империи, совместное существование мусульманства и христианства казалось бы невозможным, т. к. та и другая религии имеют притязание на мировластительство. Выяснить с достаточной рельефностью роль царя Ираклия в событиях последнего десятилетия его царствования далеко еще не удалось историкам, т. к. нельзя же успехи арабов объяснять истощением империи после персидских походов. Напротив, арабы обогащались, делая завоевания

в богатых и культурных областях, т. к. находили везде большую добычу в деньгах и дорогих предметах. Попытаемся рассмотреть некоторые подробности первых столкновений между мусульманами и христианами.

Прежде всего успеху мусульман в византийских областях содействовали во многих случаях иудеи, подвергавшиеся крайнему преследованию в Византии и искавшие защиты и покровительства у мусульман. В Иерусалиме и Эдессе происходили страшные сцены убийства и насилия над иудеями, которые охотно служили арабам против греков, надеясь под господством первых на лучшее устройство судьбы. В рядах арабских отрядов поэтому было всегда значительное число иудеев, прекрасно знавших страну и местные условия и оказавших громадные услуги завоевателям. Следует, далее, взвесить то обстоятельство, что сам Ираклий ни разу не становился во главе войска, назначенного действовать против арабов. Хотя, начиная с 632 г., т. е. с первых мусульманских походов в Сирию, Ираклий находился поблизости от театра военных действий, именно в Эдессе и Дамаске, но поручил войско полководцу Сергию, который при Газе был разбит и взят в плен. Начальник Босры Роман, напуганный предложением сдать город, убеждает своих подчиненных согласиться на требование платить небольшую дань и во время сражения изменнически предает город врагам. Во время начавшейся осады Дамаска Ираклий отступил на север и следил за ходом дел из Эдессы; при этом значительную роль играли стенобитные машины, приготовленные для арабов перебежчиками из византийского лагеря. Посланный на помощь Дамаску брат царя Феодор был разбит арабами, между тем арабы вступили в переговоры с осажденными и обещали им в случае сдачи значительные привилегии, какими и воспользовался сдавшийся арабам Дамаск. После сдачи этого города Ираклий перешел в Антиохию и назначил начальником своих отрядов перса Ваана.

После потери Дамаска Ираклий, видимо, потерял надежду на благоприятный исход дел в Сирии и Палестине. Трусость, измена и предательство были почти обычными явлениями в истории арабско-грече-ской войны. У Ираклия недостало энергии вооружиться против крайней деморализации, какая овладела большинством его подданных, да и сам он становился жертвой болезненных предчувствий. Постигшее Палестину страшное землетрясение и появление кометы в виде копья, обращенного на Константинополь, тревожило умы и лишало последних надежд на благоприятный исход событий. К этому присоединились неприятности в собственной семье Ираклия и угрызения совести за незаконный брак с Мартиной, в котором многие хотели видеть причину всех несчастий, постигших империю. Находясь в крайне удрученном состоянии, Ираклий собрал в антиохийском храме духовенство и народ и советовался с ними насчет переживаемых событий. Раздался голос одного старца, присутствовавшего в собрании: «Мы терпим справедливое воздаяние за наше забвение Евангелия, за беспорядки, ссоры, насилия и за отдачу денег в рост». Император принял эти слова сказанными на свой счет, склонил голову и подумал, что своим присутствием он вредит делу веры Христовой. В этих расположениях, свидетельствующих о крайнем нравственном ослаблении, Ираклий решился возвратиться в Констан-

тинополь. Что он считал положение дел вполне безнадежным, видно из того, что, принимая это решение, он отправился предварительно в Иерусалим и взял с собой драгоценную христианскую святыню, недавно им же освобожденную из персидского пленения, Честное древо креста Господня. Говорят, что, оставляя Сирию, Ираклий несколько раз повторил с глубоким горем: «Прощай, Сирия, прощай навсегда!»

Но в ближайшем будущем предстояли новые потрясения. Западная граница империи опиралась на завоевания в Африке, сделанные еще при Юстиниане ровно за сто лет перед теми событиями, к изложению которых здесь мы приступаем. После легких побед над Гелимером Юстиниан в 534 г. торжественно заявил, что по милосердию Божию присоединены к империи Африка, Ливия и все тамошние провинции. Фактически это не соответствовало действительному положению дел, т.к. власть императора простиралась лишь до Нумидии, а западные провинции до Гибралтара (три Мавритании) оставались, за исключением нескольких приморских мест, вне влияния империи. Кроме того, предстояло удовлетворить разнообразные притязания африканского населения. Известно, что с вандалами византийское правительство мало церемонилось: они частью были перебиты, частью выселены в азиатские провинции, образовав там особые полки, частью, наконец, лишены имущественных и гражданских прав[4]. Что касается романского населения и интересов католической Церкви, в этом отношении Юстиниан расточал щедрые милости, о которых громко свидетельствуют признания епископов, собравшихся на соборе в Карфагене и выражавших свою радость по случаю восстановления императорской власти в Африке.

Но при всем том в завоеванной провинции дела обстояли не совсем благополучно. Туземцы Нумидии и Мавритании, различные колена берберийского происхождения хранили выжидательное положение и, приняв подданство императора и дав ему заложников, группировались около своих племенных князей и выжидали удобного случая, чтобы показать свою самостоятельность и напасть на города и селения, принадлежавшие культурному романскому элементу. Означенные колена имели уже довольно прочную организацию, составляя значительные союзы колен под одною военною властью и будучи в состоянии выставить в случае нужды до 30 тыс. конных воинов. Местные кочевые и полузависимые племена были в состоянии свергнуть византийское господство, если бы между ними было больше согласия и сознания общих интересов. Только благодаря взаимной вражде племен и кровавой мести византийскому главнокомандующему удавалось иметь дело не с целым народом, а с отдельными коленами, и в каждом частном случае получать перевес над врагом. Вследствие назначения в Африку опытных и энергичных генералов, патрикиев Соломона и Германа, которым вручалась гражданская и военная власть, Юстиниану удалось потушить восстание берберийских племен, к которым присоединилась и часть войска, и после решительных побед, одержанных над повстанцами в 539 г., дать вновь завоеванной провинции сравнительное спокойствие, безопасность и благосостояние.

После Юстиниана значение африканских владений приобретало большее и большее значение вследствие естественных богатств, мира

и высокой культуры, какою пользовалась эта страна, находившаяся далеко от центра, а равно вследствие экономической зависимости Константинополя от подвоза хлеба из африканских портов. Ввиду признания исключительной важности западных владений империи правительство императора Маврикия решило ввести в администрации Африки важные реформы, подчинив ее одному лицу, в руках которого соединена была гражданская и военная власть, с титулом экзарха. Таким образом на западе рядом с Равеннским экзархатом возник Африканский, к которому были причислены следующие области: проконсульская провинция, Бизацена, Нумидия и Мавритания, острова Сардиния и Корсика[5].

В начале VII в. Африканский экзархат имел во главе патрикия и экзарха Ираклия, который достиг в Африке почти неограниченной власти во время правления Фоки, и которого сын, освободив империю от тирании Фоки, вступил на престол в 610 г. В этих событиях с особенной ясностью выступила чрезвычайно важная роль провинции Африки и стоявшей во главе провинции фамилии Ираклиев. Т. к. в движении против Фоки участвовали не только регулярные африканские войска, но и контингенты от полузависимых мавританских и берберийских племен, то понятно, что успех революционного движения, выдвинувший Ираклия, тесней скрепил Африканский экзархат с империей и объединил в общей идее подчинения потомкам Ираклия разноплеменный состав экзархата. Нельзя здесь не вспомнить того обстоятельства, что раз, находясь в отчаянном положении вследствие угрожающего положения от персов, Ираклий принял решение в 619 г. оставить Константинополь и перенести столицу империи в Карфаген. Только настоятельные увещания патриарха Сергия и просьбы населения удержали царя от принятого решения. Особенное внимание Ираклия к Африканскому экзархату видно и в том, что управление им доверялось царким родственникам, пользовавшимся исключительным доверием Ираклия. Таков экзарх Никита, двоюродный брат царя, сын его дяди Григория. Впоследствии во главе экзархата был сын упомянутого Никиты.

До какой степени непрочно было положение столицы империи ввиду постоянных угроз со стороны персов и аваро-славян и как в этом отношении Запад, где уже прекратились волнения и передвижения народов, представлял более безопасности и спокойствия сравнительно с Востоком, видно на примере императора Константа II, который в 662 г. пытался перенести столицу в Рим и в течение шести лет жил в Сицилии, управляя отсюда восточными делами. Под мудрым управлением экзархов провинция Африка достигла в VII в. высокого благосостояния и богатства. Христианская проповедь имела большой успех между язычниками и приобщила к культурным областям многочисленные языческие племена Бизацены и Мавритании, епископы новообращенных стран принимали участие в соборах, собиравшихся в Карфагене. Торговля и промышленность африканских областей, сношения с Египтом и с Сицилией обогащали страну и создавали из нее непрерывающуюся цепь цветущих селений и городов [6]. Первые впечатления арабов при ознакомлении с Египтом и Африкой полны энтузиазма и изумления перед богатством городов, роскошной природой и множеством добычи, какая доставалась завоевателям.

Первые попытки арабов проникнуть в Египет относятся к 634 г., когда еще не было окончено завоевание Персии, Сирии и Палестины. Но

на сей раз опасность миновала. Ираклий сосредоточил все силы, какими располагала Африка, и приказал стратигу Пентаполя идти навстречу врагу. Может быть, сделаны были некоторые послабления в пользу берберов, которым предоставлены незащищенные области. По свидетельству арабских источников, к тому времени византийцы постепенно отступали перед туземцами, переводя свои гарнизоны в большие города и оставляя туземному населению равнины и открытые места и довольствуясь более или менее призрачной властью над прежними подданными, почти достигшими независимости[7]. Существенными недостатками византийского господства, подтачивавшими в самом основании авторитет власти христианского императора, была финансовая система, в особенности же упорная церковная политика, стремившаяся к проведению единства в религиозных воззрениях. Большинство египетского населения принадлежало к монофизитскому толку, в особенности в Верхнем и Среднем Египте. Император как исповедник учения о двух естествах во Христе всеми мерами стремился провести на Востоке идею религиозного единства и для этого издал известную формулу «экфесис», которою имел в виду сблизить враждующие партии. К несчастью, его религиозная политика встретила большое недовольство в Африке, где учение о двух естествах и волях сделалось символом господствующей византийской политической и народной партий, а монофизитизм и монофелитство слились с освободительными притязаниями местного африканского населения, в особенности коптов.

Ко времени арабского вторжения в Египет вражда между коптами и греками в особенности получила большое напряжение на почве религиозных несогласий. Т. к. мусульманам было хорошо известно положение дел в византийских владениях Египта, то понятно желание Омара воспользоваться возгоревшейся с новой силой борьбой для торжества религии пророка. Считая, однако, это предприятие весьма серьезным, Омар не сразу уступил настоятельным требованиям лучшего тогдашнего полководца, уже получившего известность завоеваниями в Палестине, Амру ибн Аасу, который считал нужным предпринять поход в Египет. Говорят, что Омар послал арабскому вождю следующее письмо касательно похода: «Если это письмо попадет в твои руки прежде, чем вступишь в Египетскую землю, то воротись назад; а если уже ты перешел границу, то продолжай поход». Амру прочитал это письмо уже по переходе за границу и на собственный страх пошел к столице фараонов Мемфису. Первый укрепленный пункт, в котором находился гарнизон, оказавший сопротивление арабам, был в Фарме (Пелузий), поблизости нынешнего Порт-Саида. Здесь Амру простоял 30 дней и взял город при помощи коптов. Затем через Бильбейс арабский вождь направился к Вавилону, на левом берегу Нила, где получил из Аравии значительные подкрепления. Эта местность находится поблизости от нынешнего Каира и получила важное значение в истории мусульманского господства в Египте как столица арабских завоевателей.

Вскоре по завоевании Вавилона арабы получили прочные основания для своей власти в расположении местного населения, которое под предводительством влиятельного и богатого Мукавка вошло с завоевателями в соглашение насчет условий подчинения коптов арабам.

Требования арабского вождя были умеренны, ибо, не посягая на свободу верования коптов, Амру ограничился назначением умеренной поголовной подати, собираемой только с взрослого мужского населения. Полагают, что число обложенного этой податью населения доходило до 6 миллионов[8]. Греческое и романизованное пришлое население принуждено было спасаться в укрепленные места и, главным образом, Александрию, куда направился Амру, пользуясь услугами и всяческим содействием со стороны местных жителей.

Осада Александрии потребовала со стороны арабов много времени и больших усилий. Город был хорошо защищен и имел достаточно гарнизона и съестных припасов; кроме того, пользуясь морским положением, он мог всегда получать подкрепления и продовольствие со стороны моря. Поэтому осада Александрии продолжалась больше года (640—641), и взятие ее последовало уже по смерти Ираклия, который некоторое время лично принимал участие в защите города. Не один раз арабы врывались в город, но были с большим уроном отражены, раз даже сам Амру будто бы попался вдглен и спасся только благодаря особенным обстоятельствам. Окончательная сдача Александрии последовала в конце 641 г., когда город не только перестал получать подкрепления из Константинополя, но даже должен был поступиться частью своего гарнизона по требованию нового правительства в Константинополе, которое для собственной безопасности стало нуждаться в египетских войсках. Т.к. город взят военной силой, то по отношению к жителям и имуществу их не имели места никакие предварительные соглашения, поэтому арабы потребовали у Амру разрешения разграбить город и поделить добычу между воинами. Но калиф Омар отдал приказание поступить относительно Александрии с тою же мягкостью, как арабы относились тогда вообще к населению во вновь завоеванных землях, т. е. ограничиться поголовной и поземельной податью.

Александрия была самым большим и богатым городом, какой только находился во власти арабов; это был город с 4 тыс. дворцов, с таким же числом бань, с 400 театров и со множеством торговых людей. Арабский вождь заявил желание основать в Александрии свое пребывание, но Омар предпочитал лишить Александрию ее первостепенного в Египте значения и приказал основать новый город на том месте, где стоял арабский лагерь во время осады Вавилона. Так возник Фостат, слившийся потом с Вавилоном и давший начало знаменитому в летописи мусульманской истории Каиру. Благословенная долина Нила не только доставляла обильное пропитание находившемуся при Амру войску, но стала житницей бесплодной Аравии. Еще до завоевания Александрии, когда Амру стоял под Вавилоном, Омар потребовал у него хлебных запасов для Медины, и тогда же были отправлены в Аравию караваны с хлебом. Хотя эти караваны, по арабским рассказам, были так велики, что первый верблюд был уже в Медине, когда последний выходил из Египта, тем не менее чувствовалась необходимость соединить Египет и Аравию более удобными и легкими путями сообщения. Собрав сведения о существовавшем прежде канале между Египтом и Красным морем, Омар приказал расчистить его и сделать судоходным Известно, что этот канал был вырыт фараонами в VII в. до Р. Хр.,

поддерживаем был персами и римлянами и в последнее время, во время византийского господства, оказался запущенным. Без особенно больших затруднений Амру в два года удалось достигнуть того, что египетские корабли стали привозить запасы хлеба прямо в Аравию.

В то же время Амру постепенно распространял границы арабского господства на западе. Берберы — обитатели Ливии и Пентаполя — легко мирились с мусульманским господством. Таким образом Амру и подчиненные ему вожди покорили Барку, Триполь и Сабру. Дальнейшему движению на запад воспротивился Омар, который находил небезопасным столь быстрое распространение арабов, особенно ввиду попыток со стороны Византии возвратить снова Александрию. Вследствие этого завоевание Африки последовало несколько позже. Выразительной чертой характера Омара нужно признать крайне суровые меры, принятые им для увеличения доходов, получаемых с завоеванных провинций. Сколько ни доставлялось ему сокровищ и продовольственных средств, он все находил мало и требовал от своего наместника новых взносов. Известно, что он погиб от руки Фируза, которого жалобу на несправедливые вымогательства наместника он не захотел удовлетворить.

При калифах Османе и Али в арабских владениях Азии и Африки начались большие смуты вследствие междоусобий, возникших между преемниками Магомета из-за власти. Но, тем не менее, движение арабов из Нильской долины на запад постепенно продолжалось вместе с отливом христианского населения, по преимуществу духовенства и монахов, бежавшего в Африку из Сирии и Египта как в страну, обещавшую до известной степени религиозную свободу и безопасность. В Карфагене представителем власти императора был тогда патрикий Григорий, христианские доблести которого и покровительство, оказываемое благотворительным учреждениям и искавшим в них приюта беглецам из занятых мусульманами земель, ставятся ему в особую заслугу в современных жизнеописаниях святых [9]. Но случилось так, что между беглецами оказалось много монофизитов, которые начали распространять свои неправославные воззрения между африканскими христианами. Положение дел еще ухудшилось с тех пор, когда царица-регентша Мартина, управлявшая империей по смерти Константина III, дала значительное преобладание партии монофелитов, вследствие чего в Константинополе и в провинциях еретики подняли голову и стали занимать епископские кафедры. Главным борцом за торжество православия против монофизитских и монофелитских учений выступил в Африке известный Максим Исповедник, нашедший большого ценителя и почитателя его богословского образования в лице тогдашнего правителя провинции Африки. Религиозная проповедь Максима и громадное влияние, каким пользовался он, были причиной возбуждения антидинастического направления, ибо он открыто говорил, что Господь не будет милостив к ромэйской державе, пока во главе ее находится потомство Ираклия. Подобные слова падали на весьма восприимчивую почву, т. к. недовольство правительственным деспотизмом и вымогательствами никогда не утихало в этой провинции.

В 645 г. в Карфагене происходило публичное состязание между бывшим константинопольским патриархом Пирром, сосланным

в Африку, и исповедником Максимом по поводу вопросов вероучения. На состязании присутствовали экзарх, епископы и светские представители высшего общества. Монофелитское учение подверглось беспощадной критике со стороны Максима, и патриарх Пирр признал себя побежденным. Это сопровождалось важными последствиями, возбудившими православное население провинции. Духовенство Нумидии, Биза-цены и Мавритании составило собор, на котором единогласно высказалось против новшеств, проводимых в Константинополе, и анафематствовало всех тех, кто сделал бы попытку коснуться догматов, установленных соборами и святыми отцами. Результаты соборных деяний сообщены были патриарху и императору Константу II с просьбой прекратить соблазн и восстановить религиозное единство. К сожалению, византийское правительство имело другую точку зрения на основании теории церковного единства в империи.

При таких условиях и при непрочности положения на престоле потомков Ираклия для патрикия Григория, правившего отдаленной и богатой провинцией, пропитанной освободительным от империи движением, выступил во всей обаятельности вопрос о независимости. Экзарх не мог оказаться безучастен и к придворным событиям, к слухам об интригах царицы Мартины, низвержению ее и вступлению на престол Константа П. И внутреннее состояние провинции Африки, и слабость власти в столице — все внушало патрикию надежду на успех смелого предприятия, и он провозгласил себя императором. Хотя в управляемом им экзархате это революционное движение встречено было с большим сочувствием не только со стороны романизованных классов, но также и в массе местного берберийского населения, тем не менее экзарх понимал громадную важность настоящего момента и предпочел встретить предстоящие события не в Карфагене, а внутри страны, в укрепленном городе Суфетуле.

Ближайшая опасность угрожала, впрочем, не со стороны Константинополя, а из соседнего Египта. Мы видели, что Омар приостановил движение на запад своего полководца Амру; преемник Омара, калиф Осман, в 647 г. дал приказание Абдаллах ибн Сайду, наместнику Египта, идти на Африку. Легкая мусульманская кавалерия, в которой арабы не имели себе соперника в то время, набросилась на незащищенные места провинции Бизацены и наносила громадный вред крестьянскому населению. Патрикий Григорий, собрав большое войско из византийских гарнизонов и из местных племен, выступил против неприятеля в сопровождении своей дочери, которая сражалась с арабами с редким мужеством и храбростью. В равнине Сбейтлы произошла кровавая битва, в которой византийцы потерпели страшное поражение, потеряв своего предводителя экзарха и его дочь, попавшуюся в плен. После одержанной победы арабы приступили к осаде города Суфетулы (Сбейтла), который взяли на щит и подвергли страшному опустошению. Дальнейшие успехи арабов были, однако, приостановлены в крепких северных городах, занятых греками, которых они за слабым развитием осадного искусства не могли еще с успехом осаждать. Вследствие этого Абдаллах охотно согласился на мирные переговоры и очистил на этот раз занятую страну, получив за это громадную выкупную сумму.

После изложенных событий арабы не делали попыток завладеть Африкой в течение значительного периода времени. Внутренние раздоры в калифате и переход власти к племени Омейядов в потомстве Абу-Суфиана отвлекли внимание арабов от внешних предприятий почти на 20 лет. Новое серьезное движение из Египта обнаруживается в первый раз только в 659 г., когда калиф Моавия для похода в Африку назначил старого и испытанного в битвах полководца Амру, который раз уже совершил удачный поход в эти земли, но был приостановлен осторожным Омаром. Политическое положение провинции после возмущения экзарха Григория, по-видимому, далеко не улучшилось, и вообще половина VII в. в истории Византийской империи представляет эпоху крайнего ослабления и упадка материальной силы и власти. Император Констант пытался изданием своей формулы под именем «Типа» примирить религиозные партии, но возбудил против себя недовольство и в особенности в римском епископе, к которому тесно примыкала по своим воззрениям Африканская Церковь.

И тем более можно пожалеть о горячности, с которой обсуждались церковные споры, что Констант II сознавал всю важность переживаемых событий и с целью противодействия арабам и удержания западных областей в связи с империей решился на экстренные средства, перенеся на некоторое время свое пребывание в Сицилию и приняв меры к укреплению Карфагена и к усилению средств защиты в Африке. К сожалению, все это требовало новых материальных средств и вызвало увеличение повинностей, которые ложились тяжелым бременем на Африканский экзархат и усилили раздражение против власти императора. Когда в 665 г. арабы готовили большую экспедицию в Африку, эта страна находилась в полном брожении: экзарх был изгнан из Карфагена и заменен самовольно избранным начальником, туземные берберийские племена находились в анархии и готовы были охотней подчиниться мусульманам, чем сносить тяжелую зависимость от императора. Прочные завоевания в Африке начались после 665 г., когда арабское войско вторглось в византийскую область и начало опустошать во всех направлениях Бизацену. Император послал из Сицилии отряд в 30 тыс. под предводительством патрикия Никифора, который, однако, не остановил арабов, но потерпел от них поражение. Богатая добыча, взятая арабами в этом походе, и легкость, с которою удалось им выгнать греков даже из некоторых укрепленных мест, внушили им уверенность, что византийская Африка может быть ими занята без особенных трудностей.

Исполнителем воли калифа на этот раз явился Окба ибн Нафи, который с 10-тысячным отрядом проник в византийскую область. Для ясности изложения следует сказать, что провинция Африка, или арабский термин «Ифрикия», обнимала главным образом приморские области, начиная от Египта: частью Пентаполь с городом Барка, далее провинцию Триполь, затем Бизацену, Нумидию, Африку с Карфагеном и Мавританию, или Магриб. Пентаполь и Триполь были присоединены к арабским владениям вслед за подчинением Египта; следовательно, к экзархату Африки в занимающее нас время относились области, начиная с Бизацены. Таким образом, все географические термины, которые далее встретятся в изложении арабских походов,

относятся к пограничным местам между Триполи и Бизаценой. Во время похода Окбы ибн Нафи в 667—668 гг. провинция Триполь до острова Джербы перешла уже под власть арабов, равно как и внутренняя полоса земли с оазисами Уаддан и Феццан. Это была эпоха наибольшего потрясения империи: насильственная смерть царя Константа II в Сиракузах и появление двух бунтовщиков, объявивших себя императорами в Сицилии и в Малой Азии, побудили Константина Погоната собрать все силы, какими располагала империя, для борьбы с самозванцами. Это дало возможность арабам не только без помехи распорядиться с приобретенными областями, но и обеспечить на будущее время обладание значительной частью экзархата.

С этой целью Моавия приказал Окбе утвердиться в завоеванной области и основать на границах Бизацены укрепленный лагерь. Арабский полководец увеличил свой отряд свежими силами из берберов, завоевал новые области на юг от Триполи и двинулся далее на северо-запад к Бизацене, заняв Кастилию и Гафсу. Но самым смелым и важным в стратегическом отношении было то, что он пришел к мысли основать город Кайруан (670) поблизости от морского берега, избрав его опорным местом для господства в Африке и для будущих военных предприятий против империи. Этот город возник на обширной болотистой равнине, в небольшом расстоянии от Гадрумета и при подошве гор, которые защищали византийскую область. Не обращая внимания на неблагоприятные условия почвы и на возражения военных людей, он в течение пяти лет с настойчивостью занимался устройством города и приготовил в нем опорный пункт для новых завоеваний и убежище на случай поражения. Впоследствии здесь образовался прекрасный юрод со множеством роскошных мечетей и частных зданий и, вместе с тем, важный торговый пункт.

Что не может не поражать историка, это полное отсутствие данных для суждения о том, как отнеслись византийцы к постройке Кайруана и предпринимали ли какие попытки, чтобы выбить арабов из занятой ими позиции. «Основание Кайруана,— говорит Диль,— имело неисчислимые последствия для будущих судеб Африки. Прежде, когда мусульманские экспедиции направлялись из Египта или из Барки, соединенные с ними опустошения при всей их беспощадности были всегда ограничены по времени, и между византийскими владениями и арабами образовали заслон берберийские племена Триполи и Бизация, которые до известной степени ослабляли напор врагов. Теперь, на границах самой Проконсульской провинции возвышалась цитадель, занятая сильным гарнизоном, откуда будут беспрестанные вылазки против крепостей, защищающих пограничную область (limes), постоянные опустошения, нарушающие покой провинции. Каждая новая экспедиция здесь найдет безопасное место для склада добычи; здесь в случае неудачи она имеет возможность запастись свежими силами. И, между тем как византийская провинция под этим постоянным напором будет постепенно приближаться к погибели, мусульманство победоносно будет расширяться

из Кайруана по всей Африке, и религиозная пропаганда, идя рядом с завоеваниями, укрепиг эти последние. Конечно, еще около 30 лет византийцы будут с мужеством и по временам с успехом вести борьбу; тем не менее, основание Кайруана обозначает решительный поворот к падению Африканского экзархата» [10].

Окба скоро был отозван из Африки, и на его место назначен Абу-Могаджир. Но это не имело существенного значения для экзархата, т. к. разжалованный генерал снова вошел в милость калифа и получил в управление Африку. В 683 г., оставив в Кайруане небольшой гарнизон, он бросился на запад, чтобы докончить подчинение византийской Африки, и, не приняв никаких мер к защите отступления на случай возможной неудачи, неосторожно дошел до Мавритании, хотя в тылу у него составился значительный отряд из берберов и остатков византийских гарнизонов, имевший целью отрезать ему отступление. Действительно, когда Окба считал кампанию оконченной, дошедши, по арабским, преувеличенным конечно, известиям, до берегов Атлантического океана или до нынешнего Танжера, на возвратном пути к Кайру-ану он был окружен восставшими племенами в своей стоянке близ Тегуды, где пал геройской смертью. Ближайшим следствием этого поражения было то, что опорный пункт арабов в Кайруане был утрачен, и еще на десять лет продолжено было в Африке господство императора.

Наступательное движение против византийских приморских владений в Африке вновь обнаруживается в 693 г., когда калиф Абд ель-Мелик отдал распоряжение о начатии действий против Карфагена. Наместником калифа в Африке был Гассан ибн Номан, занятый в то время подготовлением средств для борьбы с обширным союзом берберийских племен, стоявшим под управлением храброй царицы, извест-j ной под именем Кагены, или Волшебницы, которая имела среди воин-^ственных горных племен громадный авторитет. Мусульманский вождь эткрыл кампанию смелым и решительным движением против главных лозиций, остававшихся во власти Византии на морском берегу, в 695 г. осадил столицу экзархата Карфаген. После битвы под стенали города, в которой экзарх потерпел поражение, Карфаген взят Рприступом и занят мусульманами. Остатки войска и часть романизованного населения искали спасения в Сицилии и на островах; большинство же населения взято в плен и обращено в рабство. Но это не был еще заключительный акт истории Африканского экзархата под византийской властью.

Гассан, оставив гарнизон в Карфагене, поспешил против царицы Кагены, которая, спустившись с горных вершин Нумидии, расположилась лагерем в долине Багайя. Около царицы собрались не только берберийские племена, но и значительная часть местного культурного и христианского населения—все те, для кого нежелательно было усиление мусульманской власти. Произошла битва на берегах речки Уэд-Нини, в которой арабам нанесено было страшное поражение. Вот почему грекам снова могло улыбнуться счастье в Африке. В то время, как Гассан испытал поражение от союза берберийских племен и, не имея средств держаться в завоеванной стране, отступил в Пентаполь,

к Карфагену прибыл греческий флот под предводительством патрикия Иоанна и без труда овладел городом, восстановив в приморских частях экзархата византийскую власть (697). Но это продолжалось один лишь год, потому что в 698 г. греческий флот должен был отступить из Карфагена под угрозой мусульманских морских судов.

С тех пор экзархат, за исключением нескольких городов в Мавритании и Проконсульской провинции, окончательно подчинился мусульманам. Конечно, арабам не даром досталось утверждение в этой прекрасной и весьма обработанной стране, о которой современники занимающих нас событий говорили: от Триполи до Танжера вся страна была похожа на сад. Но с конца VII в. они научились уже под руководством греков строить суда и имели в распоряжении морской флот, которым пользовались для перевозки людей и военных материалов во все приморские места, находившиеся в их владении. В особенности серьезное сопротивление нашли арабы в союзе независимых племен, во главе которого стояла царица Кагена. Чтобы отстоять свою свободу, эти племена вполне опустошили страну и уничтожили города и крепости, дабы не оставить арабам средств держаться в разоренной стране. Героическая легенда о последней борьбе берберов с арабами соединена с именем царицы Кагены, которая не раз нанесла поражение арабам и славно погибла в одной из битв с Гассаном.

Преемник Гассана в управлении Кайруаном и новой провинцией с Карфагеном во главе, Муса ибн Носейр (704), довершил покорение Африки смелым движением на запад и подчинением приморской страны до крепости Септем (Танжер). Последним правителем этой самой крайней на западе византийской области был комит Юлиан. Овладев африканской береговой полосой от Египта до Танжера, арабы нанесли громадный ущерб благосостоянию страны, управляемой экзархом. Походы Гассана и Мусы истребили до основания культуру, уничтожили города и погубили сельское население Африки. Последние берберийские племена, потеряв в постоянных битвах с арабами своих вождей, должны были подчиниться завоевателям, принять мусульманство и сделаться ревностными приверженцами ислама. С арабским завоеванием Северная Африка, бывшая христианской и высококультурной страной, утратила большую часть своего населения, обращенного в рабство и распроданного на базарах Востока, и обратилась в пустыню, которую населяют бедуины. «Большинство городов Ифрикии,—говорит арабский историк,— опустошены вследствие сопротивления, оказанного берберами; селения покинуты жителями, хозяйственные заведения сожжены, оросительные работы запущены»[11]. Что касается христианской Церкви, то хотя арабы допустили свободу отправления религиозных обрядов под условием платы определенной дани, тем не менее с первых же лет арабского завоевания обращение в мусульманство сделалось весьма обыкновенным явлением, и множество церквей обращено было в мечети. Впрочем, веротерпимость не была последовательной и неизменной политикой калифов. Так, Омар II в 717 г. лишил христиан их привилегий, и они были обязаны или оставить страну, или принять мусульманство. Часть христиан переселилась в Италию и Францию, большинство же обратилось в ислам. Таким образом, вскоре после завоевания цветущая прежде Африканская Церковь доведена была до крайнего оскудения.

В заключение нам остается ознакомиться с завоевательными притязаниями ислама, обращенными на малоазийские владения и на самую столицу Византийской империи.

Уже первоначальная история победоносного расширения мусульманства представляет ясное доказательство того основного положения, которое проникает самое существо мусульманства как религии и как политической системы, что его живой нерв заключается в военном деле, и что самый мудрый калиф всегда умел направлять на новые военные предприятия мусульманский народ-войско. Движение арабов в Сирию и Месопотамию, завоевания их в Средней Азии до Индии сделали из них, по преимуществу из легкой кавалерии арабской армии, первое в свете сухопутное войско, которое не знало себе соперника. Осадное искусство, сначала совсем им не известное, система обороны и укрепления стана, где необходимы были знания техники земельных сооружений, скоро усвоены ими были от сирийцев, греков и армян и стали быть применяемы в войнах с Византией. Но завоевания, сделанные в Египте и в Африке, вызвали у арабов появление морских судов и постепенно приготовили их к господству на Средиземном море. В самом деле, владение морским берегом Африки с морскими торговыми гаванями нельзя было обеспечить за собой без достаточного флота, равно как почти невозможно было поддерживать сухопутные сношения из Египта с Баркой, Карфагеном, Танжером и еще более снабжать эти места гарнизонами, военными запасами и разным продовольствием. А затем впереди были Кипр, Крит, Родос и Сицилия и, наконец, Константинополь, куда направились жадные взоры калифов, начиная с конца VII в.

Начало знакомства с морским делом относится к половине VII в. К648—649). Это было смелое для арабов предприятие, на которое они не сразу решились. Говорят, что осторожный Омар никак не соглашался вверить судьбу правоверных неверной стихии, и только при его преемнике наместник Сирии Моавия воспользовался прекрасным строитель-яым материалом, какой представляли финикийские леса, и изготовил значительный флот. Первыми строителями и матросами были, конечно, сирийские христиане, и первое предприятие имело целью поход на Кипр. На 1700 судах арабы подплыли к Кипру, взяли главный город Констанцию и опустошили весь остров. На этот раз Моавия не утвердил за арабами первое морское завоевание, т. к. император Констант послал на Кипр отряд морских судов, которым удалось прогнать арабов. Но, начиная с 650 г., морское господство Византии на Средиземном море начинает подвергаться ограничениям со стороны арабов, которые своими набегами на малоазийские берега причиняли империи немалый вред. В 653 и 654 гг. занят арабами Кипр, и в то же время неприятельские корабли показались в виду Халкидона, угрожая столице.

По поводу этих событий, которые должны были сильно затронуть современников, у писателя Феофана есть несколько любопытных известий. В 654 г. Моавия, захватив Родос, низверг статую Солнца, знаменитый родосский колосс, и продал ее одному торговцу еврейского происхождения из города Эдессы, который навьючил на 900 верблюдов материал, полученный из обломков статуи. В следующем году Моавия сделал большие приготовления судов и занялся снаряжением их для

замышляемого им похода против Константинополя. Заготовка судов производилась в Триполи на финикийском берегу. Два местных жителя, родные братья, пылая ревностью по Боге, неожиданно напали на три-польскую темницу, в которой содержалось много пленных ромэев, взломали ворота и освободили заключенных. Затем они убили правителя города и его арабский гарнизон и предали огню весь приготовленный для похода запас; сами же спаслись бегством в византийские области. Но арабы не оставили своего намерения. Моавия, отправившись походом на Кесарию Каппадокийскую, поручил выполнение морского предприятия Авулафару, назначив его адмиралом флота. Он пошел по берегам Ликии, где находился в то время царь Констант, и вступил с ним в сражение. Несмотря на дурной сон, предвещавший поражение, император вступил с арабами в сражение и потерпел сильное поражение Он неминуемо попался бы в плен, если бы не надел одежду простого матроса и не перешел в другой корабль.

Таковы были первые столкновения с арабами на море. Дальнейшие успехи их приостановлены были последовавшими в калифате смутами по смерти Османа и борьбой из-за власти. В 659/60 г. Констант заключил с арабами мир, причем калиф обязался платить дань [12].

С переходом власти калифа к Моавии (661) притязания на обладание морем и опустошительные набеги на приморские области Византии снова входят в систему арабской политики. Сухопутные набеги на внутренние города и опустошения приморских мест ставили империю в чрезвычайно тяжелое положение, т. к. лишали культурные области Малой Азии постоянного оседлого населения, с которого собирались подати и шла воинская повинность. С этого времени входит в политику императоров обычай заселять пустопорожние места на Востоке славянскими колонистами, переводимыми из областей Балканского полуострова, и частью переселенцами из Армении, чем придана была малоазийским провинциям новая сила, поднявшая экономические средства и военную силу империи. В 668 г. со вступлением на престол Константина IV Погоната Моавия возложил на своего сына Иезида осуществление главных своих планов насчет империи. За скудостью данных трудно проследить в подробностях хорошо согласованные арабские предприятия против Константинополя с суши и с моря. В течение семи лет арабы угрожали столице постоянной опасностью нападения и осадой с моря.

Предводитель арабских сухопутных сил Суфиан ибн Ауф пришел к Халкидону с сухопутным войском, а флот вошел в Дарданеллы и высадил значительный отряд на европейском берегу близ Эвдома, или в нынешнем Макрикей, за стенами города. Этому отряду предстояло осаждать город со стороны суши, от Мраморного моря до Золотого Рога. Во все времена одновременное обложение Константинополя с суши и с моря представляло для города большую опасность, несмотря на крепкие его стены и искусную систему защиты. Почему на этот раз не удалось предприятие, трудно сказать. По всем данным, флот под начальством Абд-Еррахмана прибыл весной 672 г. От апреля до сентября арабы находились в непрерывных стычках с гарнизоном константинопольским, но, по-видимому, не имели успеха. С наступлением осенних непогод арабский флот снимал осаду и уходил зимовать в Кизик,

которым овладели арабы в первый год осады и которым пользовались затем как морской зимней стоянкой. Нет сомнения, что это давало императору возможность сделать новую заготовку припасов и исправить причиненные врагом повреждения стен и таким образом свести на нет и то немногое, что успевали сделать арабы летом. Главным успехом греки обязаны новому военному средству, если не изобретенному в это время, то впервые примененному в защите Константинополя от арабов в 672—679 гг. Это средство, известное под именем жидкого, водяного или морского огня и чаще под именем греческого огня, приписывается сирийскому химику или архитектору по имени Каллиник, сообщившему свой секрет византийскому правительству, которое сделало из него государственный секрет и долго пользовалось им с большим успехом против своих врагов. Константин IV построил для применения этого изобретения особые суда больших размеров с устроенными на них трубами или сифонами для выбрасывания горючего вещества. Эти суда назывались сифонофорными, и приближение их к неприятельскому флоту внушало последнему чрезвычайный страх, т. к. выбрасываемый огонь горел и на воде и беспощадно уничтожал все, к чему прикасался [13].

Хотя секрет состава знаменитого греческого огня остался неизвестным, не раз было высказано мнение, что по существу это был состав, подобный пороху, хотя в нем были и другие отличные от пороха свойства, если придавать значение описаниям поразительного действия состава даже на воде. Состав выбрасывался на неприятельские корабли, а равно с высоты стен на осаждающего город неприятеля из особо устроенных глиняных и наглухо закрытых сосудов, которые в нужное время раскрывались посредством механического приспособления вверху сосуда и с силой на значительное расстояние выбрасывали горючий материал. Что это не был вполне пороховой состав, видно уже из того, что содержался в глиняных сосудах, которые, по-видимому, не разрушались и после употребления состава в дело, как это видно из множества подобных сосудов, находимых еще и по настоящее время. Действие состава, во всяком случае, было решительное и чрезвычайно губительное для неприятеля. Не только в деле под Константинополем с арабами в 672 и следующих годах, но и во все средние века до изобретения пороха знаменитый греческий огонь играл важную роль в войнах Византии и не раз спасал империю в крайней опасности.

Возвращаясь к арабским походам, повторяемым каждую весну движением на Константинополь из Кизика, мы должны признать их вполне неудавшимися и соединенными для арабов с громадными потерями. Сознав бесполезность семилетних усилий, арабы должны были отказаться от продолжения борьбы и на возвратном пути у берегов Памфилии близ Силея испытали сильную бурю, которая истребила часть флота, тогда как остатки подверглись нападению со стороны стратига кивиррэотской фемы. Наконец, и сухопутное войско на обратном пути от Константинополя сделалось легкой добычей византийских вождей Флора, Петроны и Киприана, которые убили 30 тыс. арабов. Можно думать, что Византии осталось воспользоваться благоприятным положением дел и поправить свои дела на границах Сирии, где арабы достигли значительного преобладания. Ослабление арабов

скоро отразилось на состоянии взаимных отношений в Сирии. Христианское население Ливана — жители гор, недоступных для арабов, известные под именем мардаитов,— начало делать нападения на Сирию и Палестину; со стороны же Малой Азии заслоном против арабских нападений начинают быть обширные славянские колонии, организованные в фемы. Таковы были основания, побудившие калифа Моавию искать соглашения с Константином Погонатом и заключить с ним мир на 30 лет. Между условиями этого мира следует в особенности отметить уплату ежегодной дани в пользу империи.

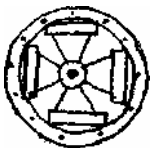
Это был первый успех христианской империи над арабами. Царь Константин Погонат первый в длинной серии византийских царей оказал важную услугу христианству и европейской культуре, задержав победоносное движение арабов и поставив им серьезную преграду в укреплениях Константинополя. Услуга его была сознана и современниками, что видно из слов летописца, сказавшего в повышенном настроении· «Узнав об этих событиях, жители западных стран, как каган аварский и выше его владеющие короли, экзархи и кастальды и самые сильные из западных народов, послали к царю послов с дарами и просили утвердить и любовь с ними Уступая их просьбам, царь утвердил и с ними мир, как верховный владыка. И была великая тишина на Востоке и Западе»[14] Под несколькими замысловатыми выражениями, под которыми подразумеваются европейские государи VII в., несомненно следует читать и франкского короля, и лангобардских герцогов Италии, и, может быть, вестготских властителей Испании. Все эти государи до известной степени были в сфере влияния империи

Этими событиями, сулившими мир и спокойствие тогдашнему историческому миру, мы заканчиваем первый том истории Византии. Летописец помышлял о всеобщей тишине при рассказе о событиях конца VII в, между тем сколь далеко было человечество от этой вожделенной тишины, о которой оно мечтает, но к которой нимало не приближается на протяжении целых тысячелетий, доступных нашему изучению И сколько ударов готовил еще мусульманский мир как христианской столице империи, так и западноевропейскому человечеству! Тем не менее

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Иконоборческий Период
(717-867гг)

Глава I

Характеристика периода. Лев Исавр. Отражение арабского нашествия

Почти все VIII столетие и первая половина IX характеризуются общим термином «иконоборческого периода». Этот период не только носит во главе имя Льва Исавра, но и тесно связан с этим именем главными течениями, берущими начало в царствование этого императора, и теми реформами в законодательстве, которые падают на его время, обнимая военное дело и гражданские отношения по преимуществу земледельческого класса. Не потому, однако, занимающему нас периоду усвоено наименование иконоборческого, чтобы вопросом о борьбе за почитание икон исчерпывались все интересы, но потому, что умственная, нравственная и политическая жизнь общества в это время более или менее зависела от иконопочитания и направлялась стоявшими в борьбе партиями почитателей икон и противников почитания икон (иконокласты — иконоборцы). Но если, выясняя значение термина, мы стали бы отправляться от одного лишь внешнего представления о почитании икон или гонении против иконопочитателей, то наше понимание периода было бы и односторонне, и весьма недостаточно. Уже давно и многими было отмечено, что иконоборческие цари вооружались, главным образом, против суеверий современного общества, и что предпринятые ими реформы направлялись ко благу подданных, в интересах государства. Нельзя, кроме того, оставлять без внимания, что и тесно понимаемый вопрос о почитании икон не ими поставлен на очередь, а занимал умы многих христианских деятелей и ранее VIII в.

Кроме почитания икон, иконоборческим движением были затронуты самые существенные вопросы христианского вероучения: о воплощении Бога-Слова, о Богородице, а также подвергались колебанию обряды и формы богослужения. Независимо от сего иконоборческий период нанес большой удар монастырям и монастырскому роду жизни, возбудив сомнение в правильности и целесообразности того явления, что множество здоровых и могущих приносить пользу обществу людей оставляет гражданские обязанности и идет в монастыри, что на монастыри затрачивается значительная часть труда, и что монастырям и богоугодным учреждениям принадлежала чуть ли не треть всей государственной земли. Отсюда видно, что иконоборческий период есть период реформ, глубоких и разнообразных перемен во всех условиях религиозной, гражданской и политической жизни Византийского государства и потому заслуживает особенного внимания.

Если нужно было бы назвать в истории Византии наиболее рельефный период, которым резко характеризуется византинизм и который дает тон всему дальнейшему историческому развитию, то, конечно,

таким следовало бы признать именно период, начинающийся со Льва Исавра и продолжающийся до Василия Македонянина. Иконоборческая эпоха задела за живое самые чувствительные струны человеческого существа; тогда люди боролись не на живот, а на смерть из-за отвлеченного принципа, живо интересуясь ходом религиозной борьбы и жертвуя для торжества идеи самыми дорогими интересами. Как выше сказано, иконоборческие цари не только боролись против поклонения иконам, но выступали с реформами, и в этом состоит основной факт, по которому иконоборческой эпохе принадлежит глубоковажное значение в истории Византии.

Усвояя иконоборческому периоду капительное значение в истории и считая его наиболее выразительным проявлением византинизма, мы должны отметить еще, что самый исторический материал, составляющий содержание истории VIII и IX столетий, т. е. самая этнографическая основа, к началу этого периода получает разнообразные примеси от иммиграции новых элементов. Повторились, правда в меньшем объеме, те явления, какие имели место в эпоху переселения народов и которые вызвали падение Западной империи. В течение VII в. славянами окончательно была занята значительная часть Балканского полуострова, что не могло не придать совершенно нового характера дальнейшему развитию истории стран, заселенных новыми обитателями. В желании обезопасить себя со стороны Балканского полуострова и ослабить волны движения славян, византийское правительство принимает ряд мер к заселению ими Малой Азии; с этой целью практиковалась система правительственной колонизации славянами тех областей, которым угрожало арабское завоевание. Но эта мера, в свою очередь, создавала ряд непредвиденных затруднений на Востоке. Существенным мотивом, который до известной степени объясняет судебную реформу и земледельческий закон исаврийских царей, должны быть признаны славянская иммиграция и колонизация византийских областей новыми подданными. Исаврийские цари должны были посредством нового законодательства, частью опиравшегося на обычное право славян, определить условия жизни мелкого земледельческого класса и согласовать его гражданское положение с существовавшими в империи законами.

В такой же мере административная и законодательная деятельность Льва зависела от славянской колонизации Балканского полуострова и некоторых частей Малой Азии, как его религиозная политика до известной степени была обусловлена и частью подготовлена мусульманскими завоеваниями и влиянием магометанства. Ислам вырос на почве исторических и культурных условий, какие представляли в то время две империи на Востоке: Персия и Византия. Отторгнув от Византийской империи Сирию, Палестину, Египет, Африку и некоторые острова, мусульманство своими военными успехами ограничило пределы империи, лишило ее большинства инородческих элементов и содействовало большему сцеплению родственных этнографических групп. Как в нынешней Турции освобождение находившихся под властью ее чуждых народов способствовало сцеплению и национальному возрождению турок, так и в прежней Византии потеря областей с инородческим населением сопровождалась усилением эллинского национального самосознания, выразившегося в выработке идеи ортодоксальности. Хотя

|изантийское православие с отпадением названных выше областей утра-яло в своем объеме, но взамен того оно выиграло в цельности и крепости. Реакционные элементы на периферии группируются в усилившихся елигиозных сектах; православное же византийское царство, опираясь на эллинское национальное начало, приобретает тот характер исключительности и филетизма, с которым Византия вступает в средние века и который отличает византинизм как исторический принцип.

В числе других признаков, характеризующих период, следует указать еще на то, что византийский престол был занимаем в это время двумя инородческими династиями: исаврийской и армянской. Обе династии, выставившие ряд весьма способных и даровитых правителей, старались придать эллинизму то место в империи, какое ему могло принадлежать по праву, причем иконоборческая система служила обычным орудием административного и законодательного воздействия. Весьма любопытно, что в провинциях возникают попытки к организации независимых княжений. Среди узурпаторов выделяются смелостью и талантливостью самозванцы славянского происхождения.

Каким образом среди полной дезорганизации и общего расстройства государственного порядка, какое замечается в конце VII в., могла образоваться такая способная и энергичная сила, какую представляет собой Лев Исавр,— это остается неразрешимой загадкой. С 695 г., когда был низвергнут последний представитель дома Ираклия, Юстиниан II, наступил двадцатилетний период анархии, во время которого власть переходит в руки бунтовщиков и авантюристов, поддерживаемых своевольными военными частями. Порядок до известной степени сохранялся еще в столице и больших городах, сельское же население провинций находилось в брожении и часто не знало, на чьей стороне держаться; армии, посылаемые против внешних и внутренних врагов, бунтовали; славяне и арабы — одни со стороны Европы, другие из Азии — угрожали самому существованию империи. В это время шесть императоров лишились престола насильственным образом, из них четыре погибли от руки палача. Было бы излишне упоминать о нравственных и культурных условиях среды, в которой вырос Лев Исавр, тем более что известия о происхождении и ранних годах его жизни крайне скудны и разноречивы.

Попытаемся, однако, собрать сведения об условиях, в которых образовался характер такого важного исторического лица, которым обозначается определенная эпоха в истории. По одним известиям, Лев происходил из Германикии, что в Северной Сирии; по другим—из горной Исаврии, что в южной части Малой Азии, против острова Кипра. Основываясь на том, что в Исаврии есть город 1ерманикополь, и что исаврийское происхождение Льва подтверждается как традицией, так и эпитетом «исавр», сросшимся с его именем, мы можем географический термин «Германикия» вполне отождествить с городом Исаврии Германикополем. Установить происхождение Льва из этой горной области важно и в том отношении, что здесь же он имел одного из главных помощников в подготовке иконоборческого движения.

В горных областях Тавра, составлявших в конце VII в. границу византийских и арабских владений, происходило усиленное брожение умов на религиозной почве, вызванное успехами мусульманства

и направлявшееся к подрыву православия. В юные годы Льва последовало переселение части его соплеменников и сородичей во Фракию, в первое царствование Юстиниана II. Первые шаги политической карьеры Льва сделаны были во Фракии, где он оказал содействие царю Юстиниану II, когда тот с помощью болгар шел против Византии, за что был обласкан и принят на военную службу с офицерским чином спафария. Несмотря на крайнюю жестокость этого царствования и на систематические преследования против личных врагов Юстиниана, Льву удалось избежать опасностей и даже особенно выдвинуться на служебной лестнице. На него было возложено важное поручение отправиться на Кавказ и попытаться воздействовать на Грузию и Колхиду в том смысле, чтобы подготовить здесь союз против арабов, замышлявших движение на Кавказ. Эта миссия, полная всяких приключений и неожиданностей, исполнена была Львом с успехом и дала ему возможность запастись опытом и знанием для предстоявшей ему впереди деятельности. В 713г. по возвращении в Константинополь он нашел на престоле Анастасия, т. к. Юстиниан и его преемник Филиппик были уже убиты, который вознаградил заслуги Льва тем, что назначил его стратигом фемы Анатолика. Уже это назначение главнокомандующим самой важной и обширной фемы ставило Льва в число первых государственных людей Византии, а личные его связи со стратигом соседней фемы Армениак Артаваздом, за которого он скоро затем выдал дочь свою Анну, передавали в его руки главный нерв, приводивший в движение политику империи, именно военные силы страны. Эти два вождя держали в своих руках судьбы империи, в то время находившиеся в крайней опасности вследствие сухопутного и морского движения на Константинополь арабов.

Никогда магометанский мир не представлялся столь грозным и могучим, даже в XV и XVI вв., как в период, к которому мы приступаем. В начале VIII в. арабы угрожали христианской Европе с двух сторон: с крайнего Востока — нападением на Константинополь и Фракию, с отдаленного Запада — предприятиями против Испании и Южной Франции. С горячим пылом и рвением, не знавшим препон, и с сознанием превосходства перед всеми христианскими народами, которые везде уступали победоносно наступавшему мусульманству, арабские вожди и повелитель правоверных, казалось, приближались к осуществлению заветной и столь часто выражаемой мысли о подчинении калифу всего известного тогда мира. Особенно важно отметить, что положение дел в империи было тогда крайне опасно и благоприятствовало враждебным против нее замыслам.

С 695 г., со времени изгнания из Константинополя Юстиниана II, продолжался целых 20 лет период анархии, когда престол переходил из рук в руки, от одного авантюриста или избираемого бунтующей армией честолюбца к другому. Калиф Сулейман, с 715 г. ставший во главе мусульманского мира, находил все основания воспользоваться этими обстоятельствами для движения на Константинополь и приказал готовить флот на берегах Сирии. Предшественник Льва на престоле византийской империи Анастасий (713—716) секретно отправил небольшую эскадру, чтобы уничтожить приготовленный арабами материал для

постройки кораблей. На суда был посажен отряд из фемы Опсикий под начальством логофета Иоанна. Но эта эскадра взбунтовалась против своего вождя, провозгласила царем некоего Феодосия и вместо выполнения данного ей поручения предпочла движение на Родос, а потом к столице, чтобы свергнуть Анастасия и возвести своего избранника Феодосия. Анастасий отказался от власти и с согласия своего более счастливого соперника стал жить в Солуни частным лицом. Но правление Феодосия продолжалось недолго.

О вступлении Льва Исавра на престол любопытные сведения находятся у писателя Феофана. Хотя это скорей народное предание, занесенное без достаточной критической оценки в летопись, но в нем сохранилось настроение современности и непосредственное отношение к совершившимся событиям. Лев Исавр как стратиг обширной фемы непосредственно был заинтересован арабскими военными планами и наблюдал за движениями их и приготовлениями к походу. Но и то, что происходило в столице вследствие возмущения фемы Опсикий и избрания в цари Феодосия, не могло не занимать его внимания. Именно фема Опсикий вместе с «готогреками» заняла силой столицу, прогнала из нее партию низверженного императора и, вместе с тем, произвела в городе страшную резню. Успех фемы Опсикий возбудил зависть той фемы, которою командовал Лев Исавр; она провозгласила императором своего стратига, не признав Феодосия, заодно с фемой Анатолика была фёма Арменiак.

Лев Исавр, как сказано выше, тщательно наблюдал за арабским движением; арабский полководец Сулейман вступил с ним в переписку: «Зная, что власть над ромеями должна перейти к тебе, я прошу тебя придти к нам, чтобы переговорить о мире»[1]. Сарацины, подступив к городу Аморию, провозглашают Льва царем и убеждают жителей последовать их примеру. Между тем Лев в ответ на полученное письмо спрашивал: если сарацины желают мира, то зачем они осаждают Аморий? «Приходи только,— отвечал Сулейман,—и я отступлю». После трехдневного пребывания у сарацин и после продолжительных переговоров Лев понял, что они не намереваются отступить. Тогда, пригласив их на пир, он пытался выведать их намерения. Во время пира ему донесли, что сарацинские всадники окружили место стоянки; но один сарацинский воин объяснил, что это сделано ради поимки вора, убежавшего из лагеря с большой суммой денег. «Не беспокойтесь,— сказал стратиг,—куда бы он ни скрылся, от нас он не уйдет».

Вступив в сношения с жителями Амория, Лев внушает им бодрость и советует крепко держаться. В это время пришел для свидания со Львом епископ Амория, сарацины же потребовали выдачи его. Стратиг скрыл у себя епископа и приказал своему служителю: «Переодень его в другую одежду и пусть под видом дровосека или водоноса уйдет он в горы!» А затем, желая освободиться от сарацин, он говорит им: «Пойдемте к эмиру, там переговорим обо всем». Взяв с собой свиту из 200 человек и как бы желая охотиться, он поехал влево, а сопровождавшие его сарацины спрашивают: «Куда идешь?» «А вот хочу расположиться станом на этой поляне». «Нехорошо поступаешь,—сказали арабы,— мы не идем с тобой». На другой день стратиг посылает в арабский лагерь своего доместика гвардии к Сулейману и приказывает сказать: «Я

положился на ваше слово, а вы коварно хотели задержать меня, вот почему я ушел». Между тем в сарацинском лагере обнаружилось недовольство действиями Сулеймана: «Что держишь нас под стенами, а не позволяешь делать наезды?» И войско, собрав палатки, отступило от Амория.

Обезопасив Аморий от сарацин и поставив в нем гарнизон под начальством турмарха с 800 воинов, сам Лев отступил в Писидию. Арабский же вождь Мослема, зная, что между стратигом и царем Феодосием существует вражда, и желая подкупить стратига лаской и иметь с ним мир, приказал не подвергать опустошению подчиненные ему области. Тогда стратиг дает знать Мослеме: «Хотел бы видеть тебя, но я раз положился на слово Сулеймана, а он хотел захватить меня, теперь я боюсь». «Вижу,— говорит посланному Мослема,— что твой господин шутит, потому что я совсем не делал нападений на его область». Тогда Мослема написал стратегу: «Приходи ко мне, будем в мире, и я все исполню, чего желаешь». Лев, видя, однако, постоянное приближение Мослемы, хотя и в обход фемы Анатолики, сам отступил на запад, прибыл в Никомидию и после одержанной победы над сыном царя Феодосия весной 717 г. был избран царем в Константинополе. Избрание происходило с соблюдением установленных форм, т. к. Лев имел в свою пользу и голос патриарха и согласие Феодосия, за него же были сенат и народ. Получив через патриарха обещание со стороны Льва, что его жизнь не подвергнется опасности, Феодосии сложил с себя власть и принял пострижение, проводя остаток жизни в Ефесе.

Рассказанные здесь события, почти дословно заимствованные из летописи Феофана, ставят Льва Исавра в особенно близкие отношения с арабскими вождями Сулейманом и Мослемой, которые вступили уже на византийскую территорию и приготовляли согласованное нападение на Константинополь. Для выяснения характера политической и религиозной деятельности царя Льва в высшей степени важно установить те основания, по которым ему усвоено было наименование арабофила, или зараженного сарацинскими воззрениями, и помимо его религиозных взглядов, которые современникам казались близкими к мусульманским, выделить в летописных известиях серию повествований о непосредственных его сношениях с арабскими вождями. Реальность и правдоподобность этих повествований может быть подтверждена, между прочим, географической обстановкой и упоминанием мест и городов, около которых арабы проходили и где останавливались, имея в виду не подвергать опустошению фему Анатолику[2].

Возвращаясь к изложению похода арабов на Константинополь, мы можем смело утверждать, что если бы высшая военная власть не попала благовременно в такие искусные руки, то, конечно, империя не могла бы устоять против напора арабов. Стоит лишь принять в соображение, что против Византии стоял теперь враг, далеко превосходивший Восточную империю по силе и военным средствам. Не в том было главное преимущество мусульманского мира, что в начале VIII в. он простирался от Инда до Атлантического океана, что, не довольствуясь обширными азиатскими и африканскими приобретениями, он перебросился в Европу и завладел Испанией и Южной Францией; существенная опасность была в неимоверной самонадеянности арабов, в том настрое-

нии всего мусульманства, что для правоверных нет более такого врага, с которым можно было бы серьезно считаться, и что, следовательно, нет более непреодолимых препятствий к распространению ислама. Калиф Сулейман посылал в Европу своего брата, дав ему лучшую армию, какую когда-либо выставляли арабы. Заранее уверенный в успехе своего предприятия, он дал обещание лично прибыть на театр военных действий, если того потребуют обстоятельства. Предварительные сношения Мослемы со стратигом фемы Анатолики, по-видимому, имели целью установление такого рода соглашения, в котором нашли бы примирение интересы Льва и арабов. Во всяком случае, по арабским преданиям, был заключен договор у Льва Исавра с арабским вождем[3].

Военные действия Мослемы после отступления от Амория заключались в том, что он, захватив Пергам, подступил к Абидосу, где вошел в сношения с арабским флотом, состоявшим из 1800 кораблей, и переправил сухопутное войско на европейскую сторону Еллиспонта, в провинцию Фракию. Заняв некоторые фракийские города, он прошел берегом Мраморного моря до столицы, куда прибыл 15 августа с тем, чтобы начать правильную осаду Константинополя с суши и с моря. Между прочим, известно, что вокруг сухопутных стен он приказал вырыть ров и сделать высокий вал, поверх которого вывел каменное заграждение. К первому сентября прибыл и флот из больших военных кораблей, который должен был отрезать столицу от сношений с европейскими и азиатскими ее провинциями, а главное — пресечь сношения с Черным морем и с черноморскими городами Херсонисом и Трапезундом.

Осада Константинополя продолжалась целый год. Теперь является вопрос: каким образом город оказался в таком состоянии защиты, что все усилия арабов оказались безуспешными, и они потерпели под Константинополем громадные потери? Прежде всего, по воззрению историка Феофана, Лев Исавр одержал над арабским вождем большую дипломатическую победу[4]. Это нужно понимать в том смысле, что Лев затягивал дело переговорами и личными объяснениями, желая выиграть время. От венчания на царство в марте 717 г. прошло 5 месяцев до обложения столицы врагами. Этим временем и воспользовался, сколько мог, новый царь для защиты. Правда, сухопутные и морские стены находились в хорошем состоянии; для флота была защищенная стоянка в Золотом Роге. Необходимые запасы были заготовлены своевременной доставкой их в казенные магазины. Кроме того, сделано соглашение с болгарами, чтобы они тревожили своими нападениями арабский стан. Обыкновенно приписывают заслугу в этом отношении Льву, но, конечно, часть следует приписать его предшественнику Анастасию. В общем нужно сказать, что грекам нельзя было меряться количеством сил с врагами, но у них было преимущество искусства и техники; они умело воспользовались теми сравнительно небольшими средствами, какие были в их распоряжении.

Главную роль должен был играть в осаде флот. Он был разделен на две части в видах более тесного обложения: одна часть поставлена была у азиатского берега между Халкидоном и нынешней Модой, другая расположена у европейского берега от Галаты по Босфору. «Благочестивый царь», как здесь случайно назван царь Лев, вообще не пользующийся расположением дошедших до нас писателей, выждал

время, когда течением из Босфора и ветром большие военные суда выведены были из надлежащего положения, направил на неприятельский флот свои суда с страшным «морским» огнем и произвел в нем громадные опустошения: «Одни суда, объятые огнем, отнесены к городским стенам, другие утонули в глубине; наконец, некоторые отнесены были к островам Оксии и Платии». Неприятели, хотя и сильно пострадавшие от действия огня, решились, однако, немедленно поправить дело и вместе с тем отомстить за поражение. Именно: Сулейман посадил на суда отборных воинов в полном вооружении и, приблизившись к стенам города, сделал попытку взять стены с моря. Но и это предприятие оказалось безуспешным, т. к. константинопольский гарнизон не допустил арабов к стенам и снова нанес им поражение своим огнем, бросаемым вниз на неприятеля. Хотя царь приказал снять цепь, которая запирала вход в Золотой Рог, но неприятель не посмел воспользоваться этим, боясь ловушки, а отступил в Босфор, к Стении.

Между тем умер калиф Сулейман, так энергично относившийся к войне с Византией, не успев ни послать нужных подкреплений, ни дать распоряжений относительно продолжения войны. Но принятым мусульманами обычаям в прежнее время, военные действия против Константинополя продолжались только весной и летом, а на зиму флот отходил в более безопасное место. На этот раз осада продолжалась без перерыва и принесла арабам много разочарований, к каким они далеко не были приготовлены. Мы видели, что сухопутное войско стояло лагерем под стенами города. За расстройством флота надежды арабов могли еще основываться на действиях с суши. Но до глубокой осени не слышим ни об одном серьезном деле с этой стороны: в инженерном искусстве и в защитительных сооружениях византийцы были учителями средневековых народов и не позволили арабам придвинуться к стенам города. Но главное бедствие для арабов было в условиях климата. Зима оказалась необычайно суровой, окрестности Константинополя в продолжение трех с лишком месяцев были покрыты обледенелым покровом, так что в лагере Мослемы погибла от бескормицы большая часть верблюдов и лошадей, а равно и воины, привыкшие к теплым зимам родины, не вынесли суровости фракийских холодов. В этом была причина крушения всего мусульманского предприятия против Царяграда. Неудача похода ясно определилась уже в конце 717 г. Но в наступившем 718 г. новые неблагоприятные для арабов обстоятельства приготовили им небывалое поражение и непоправимые бедствия, от которых нельзя было скоро оправиться.

Весной прибыли две новые эскадры с подкреплениями: одна из Александрии в 400 судов, она стала якорем в Босфоре; другая из 360 судов шла из Африки с военными запасами и продовольствием и остановилась, не доходя до Константинополя из опасения греческого огня, в гаванях Вифинии. Между тем, арабские моряки, набранные из египетских христиан, ввиду сомнительного исхода войны решились бежать на сторону христиан и ночью прибыли в Константинополь и сообщили императору точные сведения о двух эскадрах: «От дворца Иерии до города море покрыто судами». Эти сведения побудили императора принять немедленное решение— «послать против неприятельского флота огненосные корабли с сифонами». «Нападение сопровождалось пол-

ным успехом: одни корабли сделались жертвой пламени, другие посажены на мель, иные захвачены в плен. Взяв добычу и запасы, наши с радостью возвратились»,— говорит Феофан, у которого заимствуем все относящиеся сюда подробности[5].

Сухопутная армия старалась еще держаться во Фракии. Но ей приходилось бороться с страшными лишениями по недостатку съестных припасов и фуража для скота. Высылаемые отряды для отыскания продовольствия один за другим были отрезываемы и не привозили ожидаемых припасов; в этом отношении большую услугу Византии оказали болгары, погубившие значительное число врагов. Вследствие указанных обстоятельств в лагере обнаружились голод и болезни, погубившие огромное число воинов. «И многие настигли их бедствия в это время, так что самим опытом познали они, что Бог и Пречистая Дева и Богоматерь блюдут сей город и христианское царство».

Все указанные обстоятельства не могли не поднять дух населения в столице и ее окрестностях. Стали происходить из города вылазки на судах; море очистилось до такой степени, что рыбачьи лодки появились у островов и городских стен, и никто не препятствовал им заниматься ловлей рыбы. В Малой Азии шел на выручку осаждавшей столицу армии отряд под начальством Мордасаха. Но, когда этот отряд был поблизости Никеи и Никомидии, царские мужи, скрываясь в засадах с военными людьми, неожиданными нападениями и наносимыми поражениями не допустили его до соединения с армией Мослемы и заставили спасаться бегством. Таким образом, для предводителя мусульманского войска не оставалось другого выбора, как снять осаду и начать отступление. Велика была радость в Константинополе 15 августа 718 г., когда жители города узнали, что остатки арабского войска посажены были на суда, и что город освобожден от осады. В самом деле, это была одна из лучших армий, какую только выставлял мусульманский мир против христиан, и она погибла почти без остатка.

До какой степени чувствительны были потери арабов, видно из подсчета, сделанного писателем по отношению к возвратившимся к сирийским берегам кораблям. После страшной бури, испытанной вновь при выходе из Дарданелл, и после разных потерь в Архипелаге возвратилось к берегам Сирии только пять судов. Что касается остатков сухопутной армии, то она высадилась в одной из гаваней Мраморного моря и возвратилась в Дамаск сухим путем; но она потеряла под Константинополем более 100 тыс. и возвратилась в весьма жалком состоянии. Так окончилось это военное предприятие арабов, в сущности в первый раз испытавших такую серьезную неудачу, которая считается событием мировой важности. Греческий историк Ламприс[6] сравнивает эти события с греко-персидской войной и называет Льва Мильтиадом средневекового эллинизма.

Несомненно, что имя Льва Исавра должно занимать выдающееся место в истории. Конечно, это был весьма талантливый воин и редкий по способностям государственный человек. В оценке его заслуг нужно, однако, отправляться не из отвлеченных теорий об «эллинизме» или о «цивилизации», как бы ни были сами по себе высоки и ценны эти теории [7], а из реальных потребностей той эпохи и из понимания живых задач, предъявляемых потребностями социальных и духовных течений.

Нам кажется поэтому, что отношение Льва к мусульманскому миру заслуживает более тщательного и глубокого изучения, ибо отсюда до известной степени объясняются и его реформы, и его меры против суеверного почитания икон. И прежде всего следует взвесить громадное развитие политического и военного могущества мусульманства в начале VIII в. Для этого мы должны, прежде чем продолжать знакомиться с политикой Льва Исавра, возвратиться назад и посмотреть на историю калифата после окончательного изгнания греков из Карфагена в 698 г.

В начале VIII в. все африканские владения Византии находились уже под властью калифа. Местное африканское население без особенных колебаний приняло ислам и охотно вступило в военную службу под знаменем пророка. Лишь на самом западном конце провинции Мавритании небольшая область под защитой укрепления Севта (Septa — Ceuta) и островов Сардинии, Майорки и Минорки сохраняла еще имя провинции или фемы, по обычаю того времени. Весьма вероятно, что начальник этой крепости носил еще некоторое время громкий титул экзарха, но, не владея ни флотом, ни достаточным войском, мог опираться исключительно только на последнюю, находящуюся за проливом в Южной Испании христианскую власть в лице вестготских владетелей. Правителем африканских владений был Муса ибн Носаир, византийскую же власть представлял начальник крепости Севта на Гибралтаре комит Юлиан. В первые годы VIII в. Муса успел подчинить самые западные части Африки до океана, именно область Тингитану, и в 706 г. начал осаду последней крепости, в которой засел византийский гарнизон под начальством комита Юлиана. Встретив отчаянное сопротивление и находя, что гарнизон Севты защищается совсем иначе, чем племена, с которыми он имел дело в этой области, арабский вождь снял осаду и удалился с большой добычей в Кайруан. Участь византийских владений была решена в 709 г. Названный комит, находясь в тесных сношениях с вестготами Испании и принимая непосредственное и живое участие в междоусобиях, терзавших это германское королевство, оказался приверженцем сыновей короля Витицы против узурпатора Родриха. Чтобы доставить преобладание лишенным власти сыновьям Витицы, он задумал воспользоваться военными силами арабов и указал им на Испанию как на легкую добычу.

История завоевания Испании арабами далеко не может считаться выясненной за недостатком источников[8], в особенности роль византийского комита Юлиана возбуждает разнообразные недоразумения. Не подлежит сомнению лишь то, что крепость Севта была сдана арабам, и что наместник Африки Муса, с разрешения калифа Валида, приказал сделать высадку в Испанию сначала с небольшим отрядом с целью собирания справок. Один из подчиненных Мусе арабских вождей, Тарик ибн Сияд, переправился в Испанию с небольшим отрядом в 500 человек, разграбил местность около города Алжесирас и возвратился назад с богатой добычей. В следующем 711 г. повторена была военная экспедиция с большими силами, причем предводитель отряда Тарик завладел неприступной скалой, которая с тех пор носит его имя Гебель-Тарик, т.е. Гибралтар. Отсюда начались дальнейшие предприятия арабов в Испании. Получая постоянно подкрепления из Африки, Тарик собрал у себя значительные силы и, пользуясь смутным положением Испании и неудо-

вольствиями местного населения против вестготов, начал делать в стране быстрые завоевания. Вестготы и африканские берберы, первые под предводительством короля Родриха, вторые — под вождем Тариком, встретились близ нынешнего Кадикса в 711 г. Известной битвой при Херес-дела-Фронтера решена была судьба Пиренейского полуострова. Готы были разбиты, сам король исчез с поля сражения, и никто не знал, что с ним случилось. Но в Испании никто не жалел о падении готского господства, кроме разве духовенства и дворянства. Низшие классы населения, утесненные поборами, ждали лучших условий жизни под арабским господством и, во всяком случае, были равнодушны к происходящим событиям. Евреи, в особенности терпевшие большие притеснения при вестготском господстве, охотно помогали утверждению арабов на полуострове.

Как яркий выразитель того героического периода, когда ислам победоносно шел вперед, не встречая нигде равного силами и религиозным воодушевлением врага, Тарик весьма умело воспользовался легкой победой, быстро пошел вперед к главному городу в стране, Толедо, который сдался ему вследствие измены. Вестготское владычество приходило к концу, духовенство и высшее общество потеряли голову и покорно подчинялись победителю, который обогащал добычей своих сподвижников и приобретал громадный авторитет в Испании. Но его слава и собранные им громадные богатства возбудили зависть в наместнике калифа Мусе, который из Кайруана следил за событиями в Испании и был крайне недоволен тем, что вся слава досталась подчиненному ему вождю. Летом 712 г. он вступил в Испанию с отборным войском и начал завоевание тех городов, которые оставлены были Тариком. Через год, взяв Севилью и Мериду, он имел торжественное вступление в Толедо, где встретил его Тарик. Здесь произошла унизительная сцена, Муса нанес оскорбление Тарику и приказал заковать его в цепи и заключить в темницу. Сокровища вестготских королей и другая богатая добыча захвачена была Мусой, которому не стоило большого труда окончательное подчинение всего полуострова. Через год, т. е. к осени 713 г., вся Северо-Восточная Испания до Пиренеев была под властью арабов. Только горсть храбрецов под предводительством Пелагия отстаивала свою независимость на недоступных высотах Сиерры. Никто, конечно, не мог думать, что эта горсть храбрецов скоро положит основание будущему христианскому свободному королевству в Испании.

Подвигам Мусы положен был предел в Дамаске. Подозревая его в честолюбивых замыслах, калиф Велид поставил ему в вину жестокое отношение к Тарику и приказал ему сдать команду в Испании другому лицу и явиться в Дамаск для оправданий. Муса назначил правителями отдельных частей своей обширной области собственных сыновей и с огромными богатствами Африки и Испании отправился сухим путем через Африку в Дамаск. Здесь он нашел уже преемника Велида, Сулеймана, который обошелся с ним весьма строго, обвинив в неправильном распределении добычи и присудив к уплате громадного штрафа. Муса умер в 716 г. частным человеком; сделанные им в Африке и Испании распоряжения отменены, и сыновья его по приказанию калифа были убиты.

Чрезвычайно опасным было движение арабов за Пиренейские горы. Назначенный правителем Испании Эльхор ибн Абдеррахман

в первый раз перешел горы в 717 г. Это было как раз время, когда калиф Сулейман организовал нападение на империю и приказал осаждать Константинополь с суши и с моря. Весьма может быть, что Мослема, с одной стороны, и Эльхор — с другой, выполняли план, очень широко задуманный и имевший определенную цель: подчинение исламу всех земель, входивших в прежнюю Римскую империю, т. е. всего известного тогда мира. Вновь открывавшаяся перед арабами страна представляла еще не совсем завершившуюся политическую и национальную организацию, в особенности в Южной Франции соперничество между германским и кельтским элементами подавало надежду на успех военных предприятий со стороны арабов. Герцог Аквитании Эвдон и майордом Меровингов Карл Мартелл, которым принадлежало политическое влияние в стране, далеко не были между собой в согласии. В то время как арабы начали правильное движение в Аквитании против герцога Эвдона, франки оставались спокойны и не приняли участия в защите страны. В 720 г. была завоевана Нарбонна, которая после этого сильно укреплена и долгое время служила для мусульман военной опорой во всех их предприятиях против Меровингов. Когда в следующем 721 г. арабы понесли тяжкое поражение под стенами Тулузы, это не имело для них рокового значения только потому, что Абдеррахман ибн Абдулла успел спастись с остатками войска в Нарбонне, и уже через несколько лет арабы снова начали наступательное движение в Аквитании.

Назначенный в 730 г. главным предводителем испанских войск Абдеррахман вновь дал громадное напряжение военной деятельности и в 732 г. предпринял шаг, который сопровождался столько же роковыми последствиями для мусульманства на Западе, как неудачная попытка взять Константинополь (717—718) на Востоке. Уничтожив войско герцога Эвдона в битве при Дордоне, арабы дошли до Луары, где встретил их Карл Мартелл и между Туром и Пуатье нанес им страшное поражение. Оба эти поражения, хотя не сломили силу мусульманства, но в достаточной степени поколебали веру в его непобедимость и дали подчиненным народам возможность бунтами и восстаниями ослаблять сковавшую их цепь. Мы считали необходимым изложить приведенные обстоятельства для оценки всемирно-исторического значения борьбы Льва Исавра с арабами.

Из предыдущего следует вывести заключение, что мусульманство в начале ҮГГГ в. развило такую силу, и калиф правоверных замышлял такие широкие планы против всей Европы, что оказанное громадным мусульманским силам сопротивление под Константинополем как первый сильный и решительный удар, нанесенный на суше и на море, совершенно изменило ход событий на Востоке и дало царствованию Льва Исавра новое направление.

Прежде всего мусульмане ни разу до XV в. не повторяли таких походов на Константинополь, хотя и продолжали как народ воинственный и привыкший к постоянным войнам делать наезды на слабо защищенные области империи. Так, при калифе Гишаме с 726 г. вновь начинаются наезды и опустошения арабской конницы, которые повторяются почти каждый год в царствование Льва. Эти наезды имели целью не только села и деревни, но даже города: так, раз была взята Кесария Каппадокийская, раз подверглась осаде Никея. В особенности в 739 г.

была предпринята арабами очень большая экспедиция, но и она, впрочем, не имела строго определенной цели. Четыре вождя, между которыми встречаем Сулеймана, участвовавшего в походе 717 г., командовавшие четырьмя отрядами, делали наезды на разные области. Один из отрядов вступил в фему Анатолику и здесь при городе Акроин, на юг от Дорилея, уничтожен был византийцами под личным предводительством царя Льва и его сына Константина. Таким образом, это не было военное предприятие, похожее на движение 717г.

Войны с арабами, составлявшие главную и наиболее трудную задачу царствования Льва, к сожалению, недостаточно освещены за недостатком источников. Тем более значения в глазах историка представляет сохранившийся в Никее памятник, говорящий о мусульманском походе, относящемся именно к занимающему нас времени. Это надпись на мраморной плите, вделанной в стену, состоящая из 5 строк и сохранившая память о событии, о котором в современной летописи имеем краткое указание. Надпись свидетельствует о том, что на этом месте при помощи Божией посрамлена дерзость врагов, и что христолюбивые цари Лев и Константин в память своей победы воздвигли эту башню. По всей вероятности, упоминаемый в надписи факт относится к 726/27 г., и о нем у летописца Феофана, говорящего о нападении арабов на Никею, присоединено, что арабы разрушили в некоторых частях стены города и едва не взяли храма в честь отцов первого Вселенского собора, в котором изображены честные лики их [9]. Сопоставляя данные надписи и летописи, можно заключить, что храм в память первого Вселенского собора находился близ той башни, на которой сохранилась указанная выше надпись.

Возвращаясь к деятельности Льва Исавра в первые годы его правления, нужно присоединить, что внешняя война составляла не единственную заботу его. Счастливая война с арабами, без сомнения, укрепила его положение на престоле и заставила примириться с введенным им новым порядком, но это было достигнуто далеко не сразу и не легко. Продолжительный период анархии выдвинул на историческую сцену несколько лиц с большим честолюбием, которые думали воспользоваться наступившими смутами для укрепления своего личного положения. Так, стратиг Сицилии Сергий ввиду осады Константинополя арабами задумал отделиться от империи и основать в Сицилии независимое княжение. Находившийся под его властью гарнизон провозгласил царем некоего Василия Ономигула, принявшего имя Тиверия. Когда об этом получены были известия в Константинополе, арабский флот начал уже осаду столицы. Император поручил доверенному лицу, хартуларию Павлу, весьма важное поручение — отправиться в Сицилию и попытаться возвратить к долгу и послушанию сицилийского стратига и подвластное ему войско. Со всеми необходимыми предосторожностями вновь назначенный стратиг Павел тайно вышел из Константинополя и неожиданно явился в Сицилию. Сергий убежал тогда в Калабрию и тем предоставил прибывшему вновь стратигу свободу действия. Когда в Сицилии стало известно о мерах, принятых Львом Исавром для борьбы с арабами, и о положении дел в Константинополе, неожиданно изменилось настроение военных людей, и приверженцы отделения от империи оказались в значительном меньшинстве. При этих условиях

стратигу Павлу удалось захватить самозванца Тиверия и его приверженцев, предать их казни и сохранить Сицилию в подчинении власти Льва.

В Солуни находился один из царей эпохи анархии, Анастасий. Это был далеко не дюжинный человек, ему, по всей вероятности, следует приписать заблаговременное приведение Константинополя в такое состояние, при котором он мог выдержать осаду со стороны арабов. Он имел в столице свою партию приверженцев, которые составили заговор с целью низвержения Льва и возведения на престол Анастасия. Во главе движения стояли высшие лица. Таков был патрикий Сисиний Рендакий, магистр Никита Ксилинит и архиепископ города Солуни. Что придавало особенно серьезное значение этому заговору, это сношение заговорщиков с ханом болгарским Тервелем и обращенное к нему приглашение помочь своими силами произвести политический переворот в пользу Анастасия. Как происходила подготовка к этому заговору, до некоторой степени видно из сообщения летописцев Феофана и Никифора. Анастасий известил хана болгарского о возможности переворота и обещал ему большую денежную выдачу, если он приготовит экспедицию на Константинополь. Сборное место было назначено в Ираклии на Мраморном море, куда уже собрались заговорщики и где был болгарский отряд. Но Лев предупредил заговорщиков и прежде всего наложил руку на сторонников Анастасия в Константинополе, приказав захватить и казнить главнейших между ними: патрикия Исоя, комита Опсикия, прота-сикрита Феоктиста, Никиту Анфрака, архонта городских укреплений и других. Между тем и в стане заговорщиков в Ираклии произошли колебания. Болгаре были отвлечены от сомнительного предприятия самим Львом, который удовлетворил их дарами и заставил выдать сообщников. Так были частью выданы, частью убиты Никита Ксилинит, патрикий Сисиний, Анастасий и, наконец, архиепископ Солуни.

Льву удалось в первые годы правления и отразить нападение внешнего врага, сделав его на все последующее время далеко не столь опасным для империи, и утвердить на престоле Византии династию Исавров успешным потушением двух мятежей.

Глава II
Иконоборческий эдикт

На Льве Исавре лежит ответственность за довольно грубый способ, с каким тонкий вопрос веры и богопочитания предоставлен был правительством военной и полицейской власти, оскорбившей религиозное чувство народа и сделавшей из местного вопроса событие государственной важности[1]. В предыдущей главе мы могли оценить талантливые распоряжения Льва, касающиеся общественного блага, и должны сказать, что ему не чуждо было понимание современных государственных потребностей, к удовлетворению коих он шел прямо и открыто и которые для него имели высокое значение. И административные, и судебные, и социальные реформы отвечали назревшим потребностям и вносили в жизнь новые либеральные начала, которые легли в основание дальнейшей эволюции византийского общества. Приступая к оценке самой важной стороны деятельности основателя исаврийской династии, мы встречаемся с фактом, который, по-видимому, не соответствует характеру его либеральной и крайне благожелательной государственной деятельности. Чтобы выяснить происхождение первого акта, которым открывается иконоборство, чтобы понять значение иконоборческого эдикта, мы должны последовательно и методически раскрыть мотивы, вызвавшие этот акт, и попытаться представить обстановку, в которой он созрел и выступил на сцену.

И прежде всего следует снова отдать отчет в том, что мусульманство составляло для Льва Исавра и его современников страшную угрозу и такого противника, который колебал самые устои христианской империи не только тем, что выставил против нее громадные материальные средства, но и тем, что начал систематическую литературную и словесную пропаганду на почве вероучения

Первые меры против иконопочитателей должны объясняться исторической обстановкой, они являются мерой государственной необходимости. Весьма можно пожалеть, что иконоборческая партия не выдвинула из своей среды ни одного крупного имени, что обличительная литература имеет дело с общими принципами, не останавливаясь на конкретных фактах, которые для историка представляли бы большую ценность. Но едва ли не напрасно оставлен был без надлежащей оценки факт, сообщаемый летописцем по отношению к Омару II, что, желая убедить Льва к принятию мусульманства, он послал ему догматическое послание[2]. Весьма важно заметить, что писатель несколько ниже тем же именем обозначает письмо папы Григория в ответ на эдикт Льва против поклонения иконам. Итак, в царской канцелярии был акт, составленный или арабскими, или христианскими богословами и направленный против христианской веры. Содержания этого акта мы не знаем, но думаем, что в начавшейся борьбе с иконопочитанием некоторые мотивы против икон могли быть взяты и из этого акта. Во всяком

случае прозвание «мусульманствующего» σαρακηνοφρων усвоенное Льву Исавру современниками, должно иметь себе объяснение не в его внешней политике, котррая, как мы видели выше, именно нанесла мусульманству самый чувствительный удар, а в его настроении и в складе его убеждений. В актах VII Вселенского собора есть доклад монаха Иоанна, по словам которого Лев воспринял мысль о гонении на иконы от калифа Иезида (720—724), и что посредником в этом деле был епископ наколийский Константин. Сам Иезид, издавая свой акт или послание к Льву против иконопочитания, руководился будто бы также внушениями лаодикейских иудеев. Эта традиция о значительной доле участия мусульман и евреев в вопросе об иконопочитании, как он развивался в VIII и IX вв., и воспринятая, между прочим, в летописи[3], в свое время будет нами рассмотрена и проверена. Как бы ни смотреть на сложившуюся легенду об отношениях Льва к магометанам и к евреям, основной мотив иконоборческого движения ведет нас во всяком случае к Востоку, именно Лев Исавр своим иконоборческим эдиктом отвечал на резкие нападки против христиан со стороны евреев, магометан и разных восточных сект, возникших в среде самого христианства. Кроме того, Лев Исавр своим эдиктом делал уступку значительной части малоазийского духовенства, которое уже и с своей стороны формулировало в определенную систему возражения против иконопочитания. Здесь, конечно, следует принять во внимание и известия о военной карьере Льва до его вступления на царство. В этом отношении очень любопытны известия летописца Феофана, обличающие часто не литературный источник, а заимствование из легенды или из народных рассказов. Все эти мотивы, могущие объяснять иконоборческое движение, должны быть нами взвешены и каждому из них дано надлежащее место. Но следует твердо помнить, что иконоборческая борьба, начавшись в определенное время и в известной обстановке, подвергалась исторической эволюции и постепенно выдвигала новые и новые вопросы, которые не входили в расчет иконоборческой политики Льва, но выступили постепенно в соответствии с характером и образованием лиц, которые приняли участие в этом движении.

Т. к. военная карьера Льва Исавра сделана была на Востоке, и т. к. восточные войска поддерживают его в возмущении против законной власти, то, несомненно, в этом следует искать разгадки тому направлению, которое приняла политика Льва Исавра. Но здесь обращают также на себя внимание следующие факты. Все литературные указания локализуют очаг иконоборческого движения во Фригии: епископ Константин наколийский считается главой и руководителем иконоборческой партии. Оказывается, что те части Малой Азии, где зародилось иконоборческое движение VIII в., были гнездом противоцерковных движений и религиозных сект: таковы монтанисты и в особенности павликиане. Первые составляли религиозную секту во Фригии, усилившуюся в VIII в. вследствие связей с павликианством. Что касается павликиан, то участие их в иконоборческом движении хорошо доказывается, между прочим, письмом к царю Феофилу, последнему в серии иконоборцев, составленным восточными епископами, где епископ Антоний силейский, принадлежавший к партии иконоборцев, назван разделяющим павликианскую ересь[4]. Павликианство — это болгарское богомильство, характер-

ным отличием его является крайний дуализм. Единый Бог господствует над высшим надземным миром, но мир земной есть создание другого бога, враждебного первому, по имени сатанаил. Многие положения и выводы из них, сделанные со временем в иконоборческой системе, являются общими и павликианству-богомильству. В свое время мы увидим, что первым правительственным актом вслед за утверждением православия в 843 г. было избиение павликиан. В особенности внутренняя связь богомильства и системы иконоборческой обнаруживается в Синодике в неделю православия и «Беседе» пресвитера Косьмы [5]. Переходим к эдикту против икон. К 726 г. относится известие Феофана: «В этом году начал нечестивый царь Лев дело о низвержении святых и честных икон»[6]. Что здесь разумеется именно официальный правительственный акт, видно из последующих слов того же автора: «И узнав об этом, папа Григорий составил против Льва догматическое послание, доказывая, что не подобает царю вмешиваться в дела веры и изменять древние церковные догматы, установленные святыми отцами». Первый и самый важный результат этого правительственного акта, до нас, однако, не дошедшего, а погибшего во время жаркой начавшейся затем борьбы, как и большинство других материалов иконоборческого движения, и было это самое письмо папы Григория, представлявшее собой возражение на эдикт Льва. Понятна отсюда капитальная важность того папского письма для восстановления содержания утраченного эдикта [7]. Упомянув о прежних письменных актах, в которых Лев, как и подобает христианскому царю, оставался верным святоотеческим правилам, папа приступает к иконоборческому эдикту и продолжает в следующих выражениях: «Кто оглушил твои уши и развратил сердце, как искривленный лук, и ты устремил взоры назад? Десять лет по милости Божией ты поступал правильно и не занимался вопросом о святых иконах. Ныне же* говоришь, что «иконы занимают место идолов» и что «поклоняющиеся иконам суть идолослужители», и сделал распоряжение об уничтожении их и об окончательном истреблении. Ты написал, что не должно воздавать поклонения тому, что создано руками, ни всякому изображению небесному или земному, и присоединяешь: скажи мне, кто нам внушил почитать и воздавать поклонение рукотворным предметам, и я признаю, что это божественный закон».

Здесь папа сделал Льву упрек, что он напрасно не спросил об этом прежде сведущих и опытных людей, намекая этим на патриарха Германа, и потом, снова возвращаясь к тексту эдикта, дает церковное толкование 2-й заповеди. «Ты говоришь: «поклоняемся камням, стенам и доскам; мучеников называем богами»; ты написал, что «как царь иудейский Осия после 800 лет устранил из храма медного змия,

* Здесь начинается, по-видимому, самый текст эдикта Для наглядности мы ставим в кавычках заимствования из эдикта

так и я после 800 лет очистил церкви от идолов». Святые отцы одели и украсили Церковь, а ты обнажил ее и преследуешь, хотя ты имеешь в лице епископа Германа, нашего сослужителя, такого отца и учителя, с которым тебе следовало бы посоветоваться как с человеком старым и имеющим опыт в церковных и светских делах. Он имеет 95 лет и служил многим патриархам. Ты же к нему не обратился, а воспользовался советами преступного дурака епископа ефесского* и подобных ему. Да будет тебе известно, что догматы святой Церкви не царское дело, а архиерейское, и что епископам приличествует решать подобные вопросы. Потому-то архиереи приставлены к церквам и стоят вдали от общественных дел, подобным образом и цари должны стоять вне церковных дел и заниматься тем, что им поручено. Ты написал, что нужно собрать Вселенский собор. Мне кажется, это излишне. Ты гонишь иконы, преследуешь и разрушаешь; остановись, подари нам молчание, и в мир возвратится покой, и прекратится соблазн. Западные короли приняли твои изображения с честью, пока еще не знали о твоем враждебном действии против икон; когда же осведомились, что ты послал спафарокандидата Иовина в Халкопратию, чтобы низвергнуть и разломать известный образ Спасителя-Антифонита, от которого совершались многие чудеса, и что хотя оказавшиеся там благочестивые жены просили спафарокандидата не делать этого, а он, приставив лестницу, поднялся вверх и трижды поразил секирой лик Спасителя, то означенные жены, не перенося вида такого беззакония, отняли лестницу и убили его на месте, и что ты отправил туда воинов и приказал убить, не могу сказать, скольких женщин в присутствии многих знатных мужей из Рима, Франции, из земли вандалов, из Мавритании, Готфии; но, когда они поведали каждый в своей земле о твоих детских выходках, то бросили на землю твои изображения и исцарапали твое лицо и отвергли власть твою. Ты хочешь нас застращать и говоришь: пошлю в Рим военную силу и изображение святого Петра уничтожу и связанного возьму тамошнего епископа, подобно тому, как это сделал Константин II с папой Мартином». Эту последнюю угрозу папа не оставил без внимания, ответив намеком на политический союз, который в Константинополе должны были понять весьма легко: «Римскому епископу стоит только удалиться в Кампанию на 24 стадии, а там ищи ветра», т е. там лангобарды дадут ему защиту!

Оставляя в стороне некоторые сомнения относительно времени составления этого акта[8], мы должны остановить внимание на двух заключениях, необходимо вытекающих из этого письма и точно определяющих сущность содержания эдикта Льва Исавра. Напрасно высказывается

* Архиепископ ефесский Феодосии, сын царя Апсимара или Тиверия II

мнение, что первоначально не имелось в виду принятие решительных мер против икон, а только будто бы преследовалась цель затруднить доступ толпе к священным изображениям, подняв их выше или сняв те, которые были предметом слишком материального почитания. Это мнение не соответствует положению дела, ибо, как видно из сохранившихся по настоящее время древних храмов с мозаичными изображениями, последние совсем не находятся так низко, чтобы быть предметом того обожания, против которого боролись иконоборцы. Кроме того, следует хорошо оценить то обстоятельство, что тот случай, которым открывается история гонения против икон, имеет совершенно особенное значение. Образ Христа-Антифонита был на большой площади, где было всегда громадное движение народа, и он находился над воротами Халки, не будучи доступен для толпы, разве только при помощи лесаницы. Решение правительства начать дело с образа Спасителя, и притом находящегося на самом бойком месте в городе, обозначает не робкий шаг с его стороны, а зрело обдуманный поступок.

Нужно согласиться еще с тем, что те места из эдикта, которые мы отметили в письме папы Григория, как бы они ни были отрывочны и мало последовательны в сохранившемся изложении, категорически и бесповоротно сводят основной вопрос к разбору оснований для культа икон. Как в эдикте, так и в последующей литературе, которая выяснится в дальнейшем изложении вопроса и которая найдет себе окончательное выражение в так называемом Синодике в неделю православия, основные положения, против которых ратуют иконоборцы и которые отстаивают византийские православные богословы, сосредоточиваются на законодательстве Моисея (Исх. XX, 4) о непоклонении рукотворным изображениям и на догмате о телесном домостроительстве Бога-Слова. Отсюда следует заключить, что, выступив прямо против изображения Спасителя, Лев наносил удар не только горячему религиозному чувству всех христиан, но — что еще важней — колебал догматическую основу христианской религии, идя в этом отношении рука в руку с самыми враждебными течениями против христианства — с мусульманством и иудейством.

Прежде чем говорить о ближайших следствиях, вызванных этим актом в империи, необходимо остановиться еще на выяснении наличности бытовой обстановки, из которой может получить себе объяснение этот акт.

Выше было говорено о довольно настойчивой традиции, приписывающей иконоборческое движение мусульманскому влиянию. Это нужно, конечно, понимать в том смысле, что доведенное до крайней простоты мусульманское учение об едином Боге, противопоставляемое христианскому философскому воззрению на троичность, нередко подкупало простых людей, которые без особенного колебания принимали мусульманство в завоеванных арабами областях; но этому можно дать и более широкое толкование, т. к. мусульманство как политическая и религиозная сила делало открытый вызов христианству и ставило при вступлении Льва на царство вопрос о том, за кем останется действительная победа: мусульманству с иудейством или христианству принадлежит будущее? Рядом с магометанскими влияниями —оттого и прозвание Льва мусульманствующий, или

саракинофил,— в обличительной литературе выдвигается еще та черта, что иконоборцы заражены иудейскими воззрениями на божество, что они действовали под влиянием евреев.

Весьма любопытно отметить, что с конца VI в. начинается весьма распространенный в Византии род литературы: состязания с иудеями — disputatio ad versus ludaeos. В этом отделе литературы ведется жаркая полемика против посылаемого христианству упрека в поклонении рукотворным изображениям божества. В догматическом смысле иконоборческое движение наносило христианству новый удар с точки зрения Ветхого Завета, иначе говоря, со стороны иудаизма. Леонтий, епископ неапольский из Кипра, живший в начале VII в., в своем сочинении против иудеев указывает, что они заявляли себя особенно жестокими врагами христианского культа[9]. Полемика иудеев против христиан и обратно— христианская полемика против иудеев, как хорошо известно, начинается весьма рано и продолжается с особенной страстностью в период иконоборчества[10]. Известный диалог Паписка и Филона представляет роль иудея именно в нападках на христианский обычай поклонения иконам и тем характеризует эпоху происхождения этого произведения. Т. к. Ветхий Завет составляет общую книгу для христиан и евреев, где те и другие должны были заимствовать основания для всей тайны новозаветного домостроительства, то понятно в полемике значение ветхозаветных мест, из которых, однако, иудеи и христиане вычитывали неодинаковый смысл.

В сущности эдикт Льва мог иметь для себя оправдание в обстоятельствах времени и частью в церковной практике. Магометане, завоевывая христианские земли, обратили внимание на бесчисленные изображения святых и, чтобы привлечь христианское население к поклонению своему пророку, злобно осмеивали поклонение иконам, как идолослужение. Христиане, говорили они, под предлогом почитания истинного Бога наполнили мир богами еще более, чем их было в языческих храмах. Римский мир снова стал языческим, и христианство обратилось в культ идолов. С другой стороны, и в самой христианской Церкви обнаружились сомнения и колебания относительно поклонения иконам. Некоторые греческие епископы, сравнивая культ первых веков христианства с современным им, не могли не заметить существенных отличий. Тогда язычники упрекали христиан, что их бедная плебейская вера не имеет ни храмов, ни алтарей, ни прекрасных статуй, на что христиане с полною искренностью и справедливостью могли отвечать: зачем мне изображение Бога, когда и сам человек есть образ Божий; на что мне строить храм Богу, когда и весь этот мир, дело рук Его, не может вместить в себе Бога; не лучше ли, если мы приготовим вместилище Богу в нашем уме и в глубине нашего сердца? Нельзя думать, что эдикт против иконопочитания не имел себе поддержки в современных воззрениях; нет, с Львом Исавром стояла значительная партия, разделявшая его взгляды и поддерживавшая его в начавшейся борьбе. Тем не менее, редко византийские императоры платились такими потерями и смутами, взволновавшими империю до самых отдаленных окраин, как в VIII в. по случаю иконоборческих эдиктов.

Нужно представлять себе дело так, что и ранее Льва существовала партия духовенства, не разделявшая господствующих воззрений на по-

клонение иконам, и что эта партия частью заражена была павликианскими воззрениями на божество и церковную обрядность. Эта партия вступила в сношения с светской властью, которая под влиянием мотивов политического свойства склонна была подать руку партии духовенства и выступить против иконопочитания. И по своему характеру, и по наклонностям Лев едва ли был способен входить в существо отвлеченных религиозных вопросов; поэтому весьма возможно, что в эдикте им употребляемы действительно те неизысканные и несогласные с литературными требованиями высшего образованного круга выражения, которые так оскорбляли папу и представителей греческого клира. Как результат предыдущих сопоставлений и соображений мы считаем нужным выставить следующие положения: а) иконоборческий эдикт резко и бесповоротно поставил вопрос не только о почитании икон, но и о догмате тайны искупления; б) иконоборческое движение было делом церковной партии и светской власти; в) применение принципов иконоборчества проходило разнообразные стадии развития и едва ли имелось в виду первыми руководителями и виновниками начавшегося движения.

По господствовавшему в империи обычаю, акты, подобные занимающему нас, препровождались для всеобщего сведения ко всем представителям светской и духовной власти. К сожалению, мы не можем составить себе представления о ближайших последствиях эдикта, ибо сохранился только ответ на этот эдикт папы Григория с опровержениями. Одно место из письма Германа епископу клавдиопольскому Фоме, в котором указывается, что целые города и множество народа находятся в волнении из-за вопроса об иконах, едва ли может служить основанием к характеристике общего положения. Оно может относиться только к тем епархиям, где эдикт приводился в исполнение. Все заставляет думать, что правительство в первые годы по издании эдикта не принимало никаких мер к насильственному проведению закона о святых иконах, а потому в провинциях империи не замечаем протеста. Почти современник этих событий Феофан замечает, что население столицы было весьма опечалено эдиктом и замышляло поднять возмущение, но ограничилось тем, что сделало нападение на царских мужей, которые исполняли распоряжение царя по отношению к иконе Христа над воротами Халки[11]. Правительство, однако, не оставило без наказания виновников и подвергло многих наказаниям «за благочестие»: усечению членов, бичам, ссылке и лишению имущества. Но это едва ли были исключительные меры. Серьезней было другое движение, начавшееся в Греции и на островах.

Редко упоминаемая в средние века Греция в начале VIII в. начинает обращать на себя внимание в качестве фемы Еллады. В VI—VII вв. положение Греции характеризуется крайней скудостью известий и слабостью населения, вследствие чего Северная Еллада подверглась значительной иммиграции со стороны славян. В церковном отношении митрополия Еллады подчинена была, как Иллирик и Македония, епископу Рима. Начавшееся в Греции антидинастическое движение, правда, падающее на 727 г., едва ли может быть объясняемо как протест против иконоборческой системы. Это скорей военный бунт, организованный турмархом Агаллианом, сопровождаемый обычным провозглашением царем некоего Косьмы. Любопытно, что вместе с турмархом

Агаллианом приняли участие в движении военные люди Кикладских островов или фемы Эгейского моря. Имея при себе провозглашенного ими царя, греки Еллады и островов прибыли на кораблях к Константинополю, но Лев нанес им поражение 18 апреля 727 г. и затем казнил главных виновников. Имело ли это движение политический или религиозный мотив — решить трудно. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что эдикт не имел в самой Византии важных последствий.

Папа, от которого, как сейчас увидим, исходил самый решительный и серьезный протест против эдикта, между прочим, как было сказано, упрекал Льва, что он не посоветовался с патриархом Германом. Действительно, роль патриарха, правда, престарелого и не отличавшегося силой воли и настойчивостью, позволяет усомниться в том, принял ли он все меры к тому, чтобы остановить царя в его церковном новшестве. Правда, Герман, несмотря на просьбы царя, не присоединился к его взглядам и не подтвердил царского распоряжения об иконах; напротив, напоминал царю обещание, данное в присяге при вступлении на царство,—не нарушать апостольских и святоотеческих преданий. Но патриарх все же оставался во главе Церкви три или четыре года по издании эдикта, и только в 730 г., когда царь в собрании сената поставил вопрос об иконах и требовал его разрешения, патриарх со всем авторитетом выступил против царской воли, требуя созвания для этого вопроса Вселенского собора, и, когда его мнение не было принято, сложил с себя омофор и удалился в частный дом. Царь же с полной свободой провел дело о святых иконах и приказал избрать на место Германа патриаршего синкелла Анастасия, который вполне разделял церковную его политику. Патриарх Герман пережил первый период иконоборческого движения и умер в 740 г., будучи погребен в монастыре Хора.

Посмотрим теперь, как развивалась иконоборческая система. Как уже мы видели, вопрос с самого начала вступил на политическую почву, первые стадии его развития могут быть изучаемы на переписке с папой. В 730 г. папа отвечал или на второй эдикт по вопросу об иконопочитании, или на личное письмо, написанное в ответ на первый эдикт. «Послание вашего богохранимого царства и во Христе братства,— писал папа,— мы получили чрез посла вашего Руфина, и я так был поражен твоей настойчивостью и решимостью оставаться в прежних расположениях, что мне жизнь стала невыносима». Выбирая из этого письма лишь те места, которыми характеризуются мысли и воззрения Льва Исавра, приведем следующие выражения: «Ты написал: я царь и вместе с тем иерей. Да, таковыми действительно были твои предшественники, которые создавали церкви и вместе с архиереями заботились ревностно и прилежно об исследовании истины православия. Ты же, приняв царскую власть, не соблюл заветы отцов, но, нашедши церкви Божий блистающие золотыми украшениями, опустошил их и обнажил. Ибо что такое наши церкви? Это рукотворные здания из камня, дерева, глины, извести; но они украшены живописью и изображениями чудес святых и страданий Господа и пречистой Его матери и святых апостолов.

По этим изображениям люди составляют понятие о существе изображенных предметов. Мужи и жены, держа на своих руках новокрещенных малых детей или поучая юношей или иноземцев, указывая пальцем на изображения, таким образом образуют их ум и сердце и направляют к Богу. Ты же, лишив этого бедный народ, стал занимать его празднословием, баснями, музыкальными инструментами, играми и скоморохами. Ты написал: почему ничего не сказано об иконах на шести Вселенских соборах? Но и о хлебе и о воде ничего не сказано, это заповедано искони и установлено обычаем; так и об иконах установлено издавна, и сами архиереи с иконами приходили на соборы, и ни один христолюбивый человек без иконы не пойдет в дорогу...» Таким образом и в этом письме, насколько оно воспроизводит официальные акты, характеризующие первые годы иконоборческой эпохи, затронут исключительно вопрос в тесном смысле иконоборческий, т. е. папа оппонирует, главным образом, против того, что распоряжением императора церкви Божий обнажены и лишены своей красоты и что вместо прежних святых изображений стали народ занимать пустяками. Мы не останавливаемся здесь на возражениях папы и на приводимых им доказательствах в пользу установившегося в Церкви обычая поклонения иконам. Церковная точка зрения на иконы будет развита с особенной тонкостью и обстоятельностью в обширной обличительной литературе и в деяниях VII Вселенского собора, где подобрана и святоотеческая литература и разобраны главные положения иконоборцев.

Но для того, чтобы точно обозначить роль Льва Исавра в иконоборческом движении и чтобы выделить все наслоения, которые впоследствии привзошли к первоначальному и основному положению, когда иконоборческое движение сделается политическим, национальным и социальным принципом, мы должны остановить внимание на возражениях против иконоборцев современника этой эпохи и знаменитого отца Церкви Иоанна Дамаскина.

Дамаскин, как показывает прозвание, был уроженец Дамаска, в то время уже мусульманского города и даже столицы Омейадов. Он был сын мусульманского чиновника по имени Мансур и представляет собой замечательный образец широкого распространения христианской культуры под господством арабов. Рассказывают, что он получил образование от одного пленного грека, уроженца Калабрии, который дал ему как обширное философское, так и христианско-церковное образование. В высшей степени любопытно, что первые и самые сильные научные возражения против иконоборческой системы идут из мусульманского центра, из Дамаска. Ему принадлежат три трактата или три слова «Против клевещущих на святые иконы». Попытаемся воспользоваться некоторыми заключениями Дамаскина.

Писатель не скрывает, что речь направлена прямо против царя, только сознание бесспорного преимущества истины пред царским величием дает ему достаточную смелость. Дамаскин начинает с разбора основного положения иконоборцев, заимствуемого из Ветхого Завета, и в частности 2-й заповеди, т. е. вместе с тем и главного места еврейских возражений. Нельзя, говорит он, понимать эти слова в буквальном

смысле, нужно их понять и объяснить по смыслу, ибо буква убивает, дух животворит. Икона есть напоминание (υπόμνημα), внешний знак, имеющий для безграмотных то же значение, что книга для умеющих читать: что слово для слуха, то же икона для зрения. Притом же следует различать между служебным поклонением и поклонением относительным—из почтения к заслугам святого мужа, первое принадлежит божеству, второе святым. Аргументация Дамаскина в пользу святых икон заимствуется частью из психологических мотивов. Церковь обязана руководить духом верующих, заботиться о религиозном настроении присутствующих на богослужении, а может она этого достигать лишь посредством того, что в ней есть видимого. Это та же мысль, которую я недавно слышал от одного умного афонского монаха, когда я стал указывать ему на слишком большие затраты на украшение церквей. «У вас в миру,— сказал он,— есть разные развлечения: театры, собрания и разные увеселения, а у нас только церковь, в ней все наши средства развлечения, в ней мы ищем успокоения и всего, что возвышает и настраивает на добро дух».

Ветхий Завет, говорит Дамаскин, не знал Бога вцчеловечившегося и телесного, потому и не нуждался в изображениях. И как ныне Бог во плоти явился и с людьми обращался, то мы имеем право изображать видимого Бога. Но как некоторые высказывали мнение, что можно допустить икону Христа и на этом остановиться, то Дамаскин авторитетно замечает: мы изображаем Христа, царя и Господа, но не имеем права лишать Его воинства, воинство же Господа это Его святые. Может ли земной царь иметь значение без воинства? Дамаскин заключает первое слово следующим выводом: не следует повиноваться царскому повелению, если оно пытается изменить святоотеческие предания. «Как касаться раскаленного железа я боюсь не ради природы железа, а ради огненного вещества, соединенного с железом, так я поклоняюсь Твоей плоти, Господи, не ради природы этой плоти, но ради ипостасно соединенного с ней Божества».

Второй и третий трактаты написаны по желанию верующих, т. к. оказались неясности, которые нуждались в дополнительных объяснениях. По отношению к библейским текстам, воспрещающим поклонение рукотворным изображениям, Дамаскин дает следующее толкование. Как в каждом вопросе, так и относительно икон нужно различать цель, с какою воздается поклонение. «Поклоняюсь не веществу, но творцу вещества—тому, кто сделался творением для меня и кто в веществе положил себе обитание». Третье слово составляет часто не что иное, как повторение сказанного в предыдущих словах. В частности, различается ἡ λατρεία, т. е. непосредственное поклонение божеству, и σχετική προσκύνησις, причем философски обозначается разность поклонения, приличествующего Богу и Богородице и святым, последние суть боги не по природе, а по причастию к божественной природе [14].

Заключение ближайшего свидетеля событий этой эпохи утверждает также мысль, что в первых распоряжениях Льва преследовалась исключительно церковнобогословская идея [15]. В Константинополе, говорит он, процветал тот священный и дивный Герман, защитник православных догматов, ведя жестокую борьбу с львоименным царем и его сподвижниками, а в древнем Риме — Григорий, священнейший апостоль-

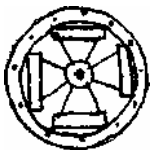
ский муж и сопрестольник верховного Петра, блистающий словом и делом. Он изъял Рим и Италию и все западные области из политического и церковного повиновения Льву и подчиненной ему империи. А в Дамаске, сирийском городе, блистал жизнью и словом Иоанн златоструйный, пресвитер и монах, сын Мансура, знаменитый учитель. Лев низвергает с трона Германа как подчиненного ему человека, папа же Григорий мужественно обличает его в своих письмах, пользующихся большой известностью. Иоанн же Дамаскин на соборе восточных епископов подвергает нечестивого анафеме... Что касается фактического преследования при Льве против почитателей святых икон, то следует свести его мероприятия в сущности к немногим случаям. В IX в. по восстановлении православия составлен был список мучеников за иконы. Из числа их только 40 человек должны быть отнесены ко времени Льва, но и между ними большинство пострадало на площади Халки во время поругания, нанесенного изображению Христа.

Таким образом, в первые годы по объявлении эдикта Константинополь и империя, за исключением Востока, хранили выжидательное положение. Тревога поднята была на Западе, где иконоборческий вопрос приобретает политическую окраску и более широкий смысл. Отношения между Римом и Константинополем не ограничивались пересылкой довольно резких писем. Италия формально была подвластная империи провинция, здесь власть императора сосредоточивалась в руках его наместника, экзарха, который получил приказание в 726 г. лично наблюсти над исполнением иконоборческого эдикта в Риме. Но здесь давно уже было глухое недовольство против Византии, и начальник римского гарнизона, дука Василий, был изгнан из города. Тревожное и частью революционное движение в византийской Италии еще более усилилось, когда экзарх Павел был убит в Равенне в 727 г. Лев немедленно отправил в Италию флот и нового экзарха в лице Евтихия. Но положение становилось все более и более серьезным столько же от противодействия папы, как и от нового и неожиданного усиления притязаний со стороны лангобардов. Король Лиутпранд стал теснить самую Равенну, взяв ее гавань, и поставил свои гарнизоны в городах Пентаполя.

Папа Григорий, понимая, что ослабление Византии ведет за собой усиление лангобардской власти в Италии, должен был приостановиться перед решительными мерами и предпочел до времени поддерживать византийское влияние. При его преемнике Григории III (730) обстоятельства круто изменились. Из Константинополя отвечали на это посылкой флота, который, однако, потерпел крушение и не восстановил нарушенного в Италии авторитета императора. Столько же явный протест, выразившийся в соборном римском постановлении, как и безуспешность принятых доселе мер к возвращению папы в должные границы повиновения вывели Льва из терпения, и он принял против папы экстренные меры, на которые едва ли решился бы при хладнокровном обсуждении дела. Он наложил руку на церковные доходы римского престола, идущие от церковных имуществ, бывших в пределах имперских владений, и передал их в государственную казну. Еще решительней была другая мера, касавшаяся подчиненных Риму митрополий на Балканском полуострове. Он включил в константинопольский патриархат Елладу, Иллирик и Македонию, бывшие прежде в подчинении Рима, а равно остров Сицилию

и Калабрию. Этим проведено было строгое разделение между Римской и Константинопольской Церковью, так что первая стала в собственном смысле Римской и Романо-Германской, а вторая — Греческой и Греко-Славянской.

Приведенные факты не были, конечно, прямым следствием иконоборческого движения, т. к. они неизбежно должны были совершиться вследствие других — и гораздо более могущественных — влияний, но крутые меры Льва ускорили эти явления и придали им более резкий характер. Итальянские события получили первостепенное значение не только в судьбах империи, но и в судьбах европейской истории, поэтому необходимо рассмотреть их в особой главе.

Глава III

Следствия иконоборческой политики Льва Исавра в Италии

Из рассмотрения событий времени Льва Исавра следует вывести заключение, что в Константинополе и вообще на Востоке иконоборческая его политика не вызвала резкого народного протеста, что можно объяснять, с одной стороны, осторожным применением эдикта, с другой—потаканием провинциальных властей, которые не настаивали на исполнении эдикта на местах. Так или иначе, в восточных провинциях в царствование Льва не замечается никакого движения в смысле протеста. Зато на отдаленном Западе, особенно в Италии и в областях, зависевших в церковном отношении от папы, с этого времени начинается громадное политическое движение, имевшее ближайшим своим последствием события мирового значения. Нам предстоит остановиться на них с особым вниманием.

Независимо от иконоборческой политики византийских царей в Италии подготовлялось революционное движение против императоров, и во главе этого движения стояло не меньшее лицо, как римский папа. Византийские владения в Италии сосредоточивались в двух центральных областях: в Равенне с протяжением на север до Истрии и в Риме. Обе области соединялись небольшой полосой, защищенной гарнизонами и идущей через Апеннины, а сношения с Константинополем на севере шли морем через Равенну, а на юге — через Неаполь. В военном смысле обе области имели отдельную военную организацию, т. к. в каждой упоминается особый военный гарнизон. Во главе отдельных военных отделов находим военные чины с титулом magister militum, а под его властью duces. Но рядом с теми военными силами, которые держала в Италии империя, в конце VII в. обнаруживается действие нового военного элемента — городской милиции, которая организуется из городских сословий и торговых и ремесленных классов и заявляет о себе в первый раз в Риме в 685 г., и скоро затем (692—694) в Равенне и дукате Пентаполя*, в первый раз возникшем в это время. Эта новая военная организация, ставшая на защиту папы и национальных итальянских интересов против притязаний экзарха и греческой администрации, начинает играть важную роль всякий раз, как нарушалось доброе согласие между императором и римским папой. При вступлении на престол Льва и в ближайшие затем годы не было недостатка в поводах к серьезным недоразумениям. В Равенне признание власти нового царя прошло без заметных потрясений, зато на юге, в Сицилии, поднялся бунт, и явился самозванец под именем Тиверия. Хотя волнение скоро потухло благодаря умным мерам, принятым

* Это союз городов Ancona, Smigagha, Fano, Pesaro и Rimini

со стороны Льва, но в Италии в это время во главе церковной политики стоял папа Григорий II, римлянин по происхождению и патриот, каких не часто видел папский престол. При нем папство выступает с самостоятельной национальной политикой, причем в выборе средств для проведения полезных для Италии, и в частности для церковных интересов, мероприятий папа не стеснялся никакими соображениями. Если требовала польза, он склонялся к миру с лангобардами, если становилась опасной близость лангобардов, он искал покровительства у императора. В начале VIII в. лангобардские короли как будто с целью наверстать потерянное время с особенной энергией стремились к объединению Италии под своей властью. До известной степени интересы папы и короля могли в этом отношении совпадать, на сколько для того и другого важно было освободиться от императорского вмешательства в итальянские дела: и папа, и король Лиутпранд могли назваться носителями принципа «Италия для итальянцев». Но когда лангобарды с целью использовать этот принцип в интересах национальных делали значительные территориальные приобретения и становились опасны для политических вожделений римского папы, последний выставлял новый принцип — единства империи — и искал поставить лангобардам препоны в союзе с экзархом и в помощи имперских войск. Для папы осуществление лангобардской идеи было равносильно полному крушению честолюбивых замыслов; это значило бы обратиться к скромному положению лангобардского епископа. Ближайшая опасность была от беневентского герцога, который был почти независим от короля и пользовался всяческими средствами стеснить Рим и лишить его сношений с Неаполем и Южной Италией. При этих условиях для папы было весьма важно удержаться в благоприятных отношениях с императором. С точки зрения Льва Исавра, было необходимо не только поддержать, но и еще усилить авторитет власти в Италии, значительно пошатнувшийся в период смут в империи. Самый капитальный вопрос состоял в восстановлении правильного взноса повинностей в государственную казну с итальянских владений, и на этой почве должны были возникнуть серьезные недоразумения.

Стоявшие во главе императорской партии в Риме дука Василий и спафарий Марин составили будто бы заговор на жизнь папы; хотя заговор не удалось осуществить, но это характеризует отношения в Риме между приверженцами папы и императора. Экзарх Павел, которому было приказано провести в Италии распоряжение о сборе податей, нашел препятствие к тому в папе и, когда сделал попытку принудить его к исполнению царской воли силой, то встретил в Риме такие затруднения, каких никак не мог предвидеть. Прежде всего посланный им из Равенны отряд встретил сопротивление в милиции города Рима, которая выступила на защиту своего епископа. Но что всего удивительней, так это было появление лангобардов на стороне римского епископа: герцоги Сполето и Беневента поставили свои отряды на границах римских владений, чтобы оберегать папу от экзарха. События складывались слишком неблагоприятно для империи, ей приходилось отстаивать свои права в Италии против папы и лангобардов, которые в случае соглашения могли угрожать полным и окончательным освобождением Италии от чуждого господства. Ход событий направлялся, впрочем, не путем соглашения папы с лангобардским королем: итальянские дела с полови-

ны VIII в. получают всемирно-исторический интерес вследствие осложнения борьбы новыми элементами.

Папа Григорий II приносил с собою на римский престол дар широких политических комбинаций, который позволял ему частью предугадывать направление событий. Италия в то время готовилась к таким переменам, которые могли оказать весьма важное влияние на судьбы римского престола. Молодой король Лиутпранд, любимый всем народом, отличавшийся редкою честностью в сношениях с людьми, имел намерение обеспечить состояние лангобардов в Италии распространением владычества их если не на весь полуостров, то, по крайней мере, на экзархат. Мы знаем, что византийское господство в Италии, особенно в экзархате, нередко подвергалось колебаниям и поддерживалось слабыми военными силами. Симпатии местного населения, после того как лангобарды приняли католичество и сделались менее исключительными в отрицании римского права, не могли не склоняться в пользу лангобардов. Лиутпранд и хотел казаться, и действительно был христиански-католическим королем, защитником Церкви и почитателем духовенства. Со стороны вероисповедной и национальной интересы римского населения и лангобардские в начале VIII в. близки были к совершенному совпадению. И король, и папа ко взаимной пользе и выгодам могли желать одного: уничтожения греческого господства в Италии. Императорская иконоборческая политика может быть сравниваема с искрой, брошенной в горючий материал. Она оживила политическую и экономическую борьбу между императором и папой религиозными мотивами.

Мы видели выше, что папа отвечал полным несогласием привести в исполнение эдикт Льва против икон. Когда император повторил требование и присоединил угрозу низложения с престола, то папа созвал в Риме собор, на котором отвергнуты были императорские распоряжения, вследствие чего началась открытая вражда между императором и папой. Уведомляя императора о постановлении Римского собора, папа объяснял, что императору не следует вмешиваться в вопросы веры и подрывать установленные Церковью обычаи, и особенно энергично настаивал на отделении светской и духовной власти, реагируя против выражения царя: «Я царь и первосвященник, в котором действительно нельзя не видеть намека на римское языческое первосвященничество, соединенное с титулом императора». Здесь в первый раз выражены в определенной формуле отношения между светской и духовной властью. Первая разрешает мечом мирские дела и казнит тело человека заключением в темницу и смертью. Вторая же — без оружия и без средств к защите — властна над грешной душой и может подвергнуть ее церковному отлучению, но не с тем, чтобы беспощадно погубить, а чтобы обратить к божественной жизни. Так начинает заявлять о себе новый принцип деления двух величайших властей на земле, принцип, господствовавший в средние века. Решительный и строгий тон папы может быть объясняем новым положением, в каком оказалось теперь папство. Действительно, за ним стояли теперь национальные милиции Рима, Пентаполя и Истрии, готовые положить за него жизнь. На место византийских отрядов появляются местные войска под начальством своих дук (duces). В самой Равенне поднялась война между приверженцами папы и сторонниками экзарха, стоившая жизни представителю императора.

Итальянские города прогнали греческих чиновников и избрали своих национальных вождей, была мысль об избрании своего императора. Стоило папе захотеть, и византийской власти теперь же наступил бы конец. Но Григорий очень хорошо понимал, что при тогдашних обстоятельствах в этом перевороте весь выигрыш был бы на стороне короля лангобардов. Он не мог не сознавать, что своим возвышением папство обязано именно отдаленности центральной власти. Поэтому, находя еще не своевременным окончательный разрыв с империей, он желал легальными мерами подействовать на императора и успокоить движение в Италии. Соображения папы были весьма основательны, ибо лангобардский король Лиутпранд также внимательно присматривался к событиям и готов был немедленно воспользоваться ослаблением византийского влияния в интересах лангобардской национальности. Король Лиутпранд был противник, каким папа не мог пренебрегать. Романизованные и обратившиеся к католичеству лангобарды уже не были враждебно настроены к итальянскому населению и мало отличались от итальянцев по обычаям. Для Лиутпранда, так же как для папы, представлялось невозможным не воспользоваться возбужденным состоянием греческой Италии, в которое она была приведена эдиктом против иконопочитания. Экзархат и Пентаполь служили постоянным укором неблагоразумной уступчивости предшественников Лиутпранда; он не только был рад изгнанию греческих чиновников, но, без сомнения, и поддерживал восстание. В 727 г., когда в Равенне убили экзарха Павла, Лиутпранд явился с войском перед городом и взял его. В некоторых городах экзархата и Пентаполя также посадил он свои гарнизоны и затем двинулся к Риму. Тогда Григорий II понял, что власти римского епископа более угрожает не византийский император, а король, что для папы выгоднее придерживаться Византии, чтобы достигнуть исполнения своих широких планов. И вот с Григорием II начинается особая дипломатическая наука, которая служила недостижимым идеалом для политиков европейских стран. Лиутпранд был весьма честный и искренно верующий человек; именем св. Петра и Церкви на него можно было действовать весьма убедительно. Григорий не только уговорил его оставить намерение завоевать Рим, но еще получил в дар св. Петру город Сутри, в 40 верстах от Рима,— первый дар Церкви целого города, основание и первое приобретение для будущей церковной области, крепость на дороге между Равенной и Римом.

Лиутпранд, однако, скоро должен был пожалеть о своем добродушии, когда папа вооружил против него венецианцев; чтобы лишить Лиутпранда новых завоеваний, папа помирился даже с греками*. Греческий и венецианский флот, по его настоянию, явился под Равенной, прогнал из нее лангобардов и восстановил греческое господство в экзархате. Король лангобардов, оскорбленный таким вероломством, вступил в союз с новым экзархом, патрикием Евтихием, и решился наказать папу. В 729 г. мы видим его под стенами Рима — момент чрезвычайно знаменательный для папы и судеб лангобардского народа. Григорий не защищался, хотя никто так ясно не сознавал важности события. Он

* В письме к дожу Венеции (Labbe, Cone. VIII. 177) лангобардов папа называет nec dicenda gens Longobardorum, императора—своим господином.

отправился в лагерь Лиутпранда, обратился к нему с горячею речью, и король падает перед ним на колени. Так искусно затронул папа чувствительнейшие струны души его. Григорий не дает ему времени прийти в себя, ведет послушного короля к гробу св. апостола, и здесь Лиутпранд отрекся от своих замыслов на политические завоевания, пожертвовал интересами народа в угоду наместника св. Петра. Взаимные отношения Григория II и Лиутпранда обусловливали уступчивость папы императору и не позволяли ему прервать сношения с Византией.

В конце концов, по крайней мере внешним образом, перевес остался на стороне империи, и революция в Италии была потушена частью военной силой, частью подкупом и дипломатическими переговорами. Теперь император снова начал приводить в исполнение свои планы по отношению к реорганизации податной системы в Италии и подведению ее устройства к однообразию, принятому для всей империи. Но, главным образом, имелось в виду нанести удар церковному могуществу и ослабить материальные средства папы, заключавшиеся в церковных имуществах, рассеянных по всей Италии, по преимуществу же на юге.

Ход событий продолжался в том же направлении и при преемнике Григория II, сирийце по происхождению Григории III (731—741). Он послал в Константинополь обычное посольство с извещением об избрании на престол и с ходатайством об утверждении избрания. Но при этом папа не преминул коснуться и вопроса об иконах. Посол не решился показаться на глаза императору и возвратился назад. Хотя Римский собор епископов простил его, но обязал вновь принять на себя ту же миссию. Но на сей раз он задержан был в Сицилии и сослан в изгнание на один год. В Риме составился собор, произведший отлучение против иконоборцев; косвенно это отлучение задевало и императора, который принял вызов и отвечал на него энергичной мерой. Дабы лишить папу средств воздействовать на западные провинции и вместе с тем наказать его за враждебные действия, выразившиеся в восстании сицилийском и в общем революционном движении Италии, император сделал распоряжение об отделении от римского престола всех епископий, лежащих на восток от Адриатического моря, равно как Сицилии и Калабрии, и о подчинении их константинопольскому патриарху. Вследствие этой меры константинопольский патриарх сделался действительным главой всей Церкви в империи, а римский папа низводился на степень провинциального епископа, так что его противодействие принимаемым в империи догматическим и церковным мерам могло теперь считаться совершенно неопасным. Этот шаг со стороны Льва Исавра имел громадное историческое значение, послужив начальным мотивом к отделению Востока и Запада и к обособленному развитию церковно-политических отношений в Риме и в Византии. Не довольствуясь указанной мерой, император наложил руку на материальные средства римского престола, подвергнув секвестру церковные владения (патримонии св. Петра) в Сицилии, Бруттии и Калабрии, приносившие в папскую казну до $3^1/_2$ талантов золота[1]. Этой мерой нанесен был большой удар Римской Церкви и, с другой стороны, уничтожено было влияние папы в Южной Италии. В административном отношении Италия разделена была тогда на три самостоятельные управления, подобно византийским фемам: Сицилия с Южной Италией, Рим и Равенна.

Герцоги Сполето и Беневента были естественными союзниками папы в его борьбе с королем Лиутпрандом. Ослабление византийского влияния, сопровождавшееся освободительным движением в Италии, открывало герцогам честолюбивые перспективы на расширение политической самостоятельности и увеличение своих владений. Григорий построил на этом план своих отношений к лангобардскому королю, под рукой оказывая поддержку непокорным герцогам. В то же время король Лиутпранд старался ослабить влияние папы и ограничить притязания герцогов тесным сближением с экзархом. К 728 г. Лиутпранд начал ряд решительных предприятий в Средней Италии, к которым подал повод герцог Сполето Траземунд, захвативший укрепление Галлезе и тем прервавший сношения Рима с экзархатом. Для папы было чрезвычайно важно иметь в своей власти эту крепость, и он достиг возвращения ее уплатой большой суммы герцогу, причем вошел с ним в соглашение насчет будущей совместной политики. Король, видя в этом угрозу для себя, напал на Пентаполь и занял Сполето (739), а герцог бежал в Рим и нашел защиту у своего союзника папы. Лиутпранд вторгся в римский дукат, опустошил римскую область и занял четыре города, владение которыми открывало ему на будущее время свободный путь к стенам Рима. В следующем году король опустошил экзархат и приказал подвергнуть грабежу и разорению владения церкви св. Перта в Кампании. Для папы наступал очень тяжелый период. Он видел, что при том состоянии, в какое приведены ходом событий итальянские дела, ему неоткуда ждать помощи и волей-неволей придется уступить Лиутпранду. Поэтому он послал к королю посольство с просьбой уступить Церкви те четыре города, владение которыми делало его господином Рима*, и в то же время увещевал епископов Тусции отправиться к королю и поддержать просьбу папы. В крайнем случае он предполагал сам отправиться в лагерь лангобардов и своим личным авторитетом попытаться умилостивить короля. В то же самое время папа обратился за помощью к франкским майордомам. Это был чрезвычайно дальновидный и смелый шаг, и хотя два письма папы к Карлу Мартеллу остались без ответа, тем не менее, это обращение Григория III к франкам было богато важными последствиями, которые мы выясним несколько ниже. В 741 г. сошли со сцены главные деятели эпохи: ранее всех византийский император, затем Карл Мартелл, а в конце года папа. Судьбы Церкви, а вместе и разрешение назревших задач переходило в руки папы Заха-рия I, грека по происхождению и уроженца из Южной Италии.

С этого времени замечается решительная перемена в политических отношениях. Папа Захарий, равно как его предшественники Григорий II и Григорий III, а равно и не менее знаменитые преемники Стефан III (753—757), Павел I (757—767) и Адриан I (772—795) были носителями скорей светского принципа, чем представителями духовного идеала. Они также стремятся к образованию государства и подготовляют почву для светской власти папства, как Клодвиги, как Гогенцоллерны или русские собиратели Олеги и Калиты. Политические союзы, в которых выигрывает тот, кто хитрей и дальновидней, холодное и сознательное нарушение под клятвой данного слова, искусное подтасовывание исторических фак-

* Это суть Ameria, Orte, Bomarzo и Bieda

тов и намеренная подделка документов — эта политика была в духе времени, ее разделяли и многие другие исторические деятели. Но в руках римских пап были еще другие средства к достижению преследуемых целей: они безгранично злоупотребляли религиозным чувством современников и насильно вымогали у них уступки посредством легенд и вымыслов, где главные роли распределялись между Христом, Богородицей, апостолом Петром и другими чтимыми у христиан именами.

Захарий I, десять лет управлявший Римскою Церковью и итальянскими делами (741—752), нашел возможным замириться с лангобард-ским королем и без посредничества франков. Но он пожертвовал для того союзниками, не только предоставив Лиутпранду наказать герцогов Сполето и Беневента, но и подкрепив его силы римскими войсками. При этом пострадала, конечно, честь политики папы, но зато сберегался римский дукат и обеспечивалось возвращение 4 городов, занятых Лиутпрандом. Герцог Траземунд был пострижен в монахи, и место его занял подручник Лиутпранда, подчинился также и герцог Беневента; таким образом лангобардский король, по-видимому, достиг своей цели, у него не было врагов в Италии, власть его беспрекословно исполнялась во всей области, занятой лангобардами; такою властью далеко не пользовались его предшественники. Тем не менее, союз лангобардского короля с римским папою имел роковое значение для первого. Папа решился посетить короля в его лагере в Терни, чтобы окончательно установить вопрос о римском дукате. В торжественной процессии как наместник Христа на земле папа отправился к королю, производя на пути большое впечатление в народе.

Как только Лиутпранд получил известие о вступлении папы на лангобардскую территорию, он послал ему навстречу своих людей, а в Нарни ожидал высокого путешественника военный эскорт. Пред воротами базилики в Терни встретил папу и сам король, окруженный своими вельможами и войском. Переговоры начались на следующий день. Мягкими речами папа так подействовал на короля, что он удовлетворил все желания своего гостя. И, между прочим, Лиутпранд составил акт, которым передал папе упомянутые выше четыре города вместе с их жителями. Это был важный реальный акт к основанию светской власти римского епископа. Кроме того, заключен был уже сРимским дукатом как отдельным и самостоятельным политическим телом 20-летний мир и выданы папе захваченные в плен итальянцы. Наконец, любезность короля простиралась до того, что он возвратил папе патримонии св. Петра, захваченные в период последних войн. Угощая папу и удовлетворяя его просьбы и желания, король пришел в такое веселое настроение, что выразился: «Я не помню, чтобы когда имел такое приятное общество за столом».

В 742 г. король Лиутпранд предпринял последнее дело, чтобы увенчать свою политику в Италии, именно движение на экзархат и Пен-таполь. В самом деле, не было ничего легче, как положить конец византийскому господству, выгнав слабые гарнизоны из греческих городов. Но папа и на этот раз вмешался в дело: когда его увещания не возымели действия и Лиутпранд продолжал осаждать Равенну, Захарий снова отправился к нему на свидание. Несмотря на явное желание уклониться от личных переговоров, папа достиг, однако, свидания с Ли-

утпрандом и убедил его отказаться от завоеваний в греческой части Италии. Так, при всех сочувственных качествах, при значительных способностях и понимании нужд своего народа Лиутпранд терял твердость и уступал всякий раз, как папа вступал с ним в личные переговоры и объяснения. Лангобарды по смерти Лиутпранда не имели такого способного короля и потому, не став при нем твердою ногою в Италии, после него должны были постепенно терять и свои области, и влияние и мало-помалу утрачивать независимость и национальность.

Когда в 744 г. умер король Лиутпранд, политическое положение Италии оказалось далеко не определившимся; нельзя еще было предвидеть, кому принадлежит будущее: лангобардскому ли королю, или римскому папе. Наиболее ясной представлялась роль империи, которая при Льве Исавре утратила в Италии свое влияние и не могла содержать достаточных военных сил, чтобы защищать свои притязания. Вместе с тем и для лангобардского короля, и для папы не оставалось больше сомнения, что в предстоящей борьбе за национальную свободу в Италии последнее и решительное слово будет принадлежать не византийскому царю.

По смерти Лиутпранда некоторое время во главе королевства был его племянник Гильдебранд. При нем началась реакция, выразившаяся в движении против королевской власти, вследствие чего в Сполето восстановлен был низверженный Лиутпрандом Траземунд, а на севере герцог фриульский Рачис провозгласил себя королем. Переворот встретил большое сочувствие со стороны папы, и новый король подарил Римскую Церковь двадцатилетним миром. Женившись на римлянке по имени Тассиа, Рачис оказывал покровительство итальянцам и тем возбудил против себя нерасположение среди лангобардов. Раз Рачис напал на Пентаполь и осадил Перуджию, но в дело вмешался папа, лично посетил короля в его лагере и убедил его отступить от осажденного города. Это переполнило чашу терпения лангобардов, усматривавших в уступке короля папе измену национальным требованиям. В 749 г. вместо Рачиса избран в короли брат его Айстульф, в котором национальная лангобардская идея получила могущественного выразителя. Прежде всего он напал на северные части греческих владений в Италии. Он захватил важный торговый город на устье р. По Комачио, затем Феррару, составлявшую ключ к Равенне, и прошел до Истрии. Не прошло и двух лет после его вступления на престол, как Равенна очутилась в его руках, будучи сдана ему последним экзархом Евтихием в 751 г.

Правда, в руках императора оставались еще Венеция и Истрия, Неаполь и Южная Италия. Но Айстульф принимал решительные меры, чтобы покончить с чуждым господством в Италии. Он ввел новый закон о военной службе и обязал крупных земельных собственников являться на войну в панцире и на коне и поставлять определенное число всадников в зависимости от размеров находящегося в его владении участка. Далее в законах Айстульфа проходит слишком резкая черта обособленности между лангобардами и итальянцами. Торговые и другие сношения между лангобардами и итальянцами наказывались конфискацией имущества, если они происходили без специального разрешения короля . Можно догадываться, что Айстульф питал твердое намерение

достигнуть объединения Италии. С национальными герцогами затруднения могли считаться покончеными; это обнаружилось по случаю смерти герцога Сполето, которому король не назначил преемника, а принял герцогство в непосредственную свою власть. За подчинением Равенны и уничтожением экзархата лангобардский король мог не считаться с Византией, оставался Рим с его политическими притязаниями. Айс-тульф пошел против папы и стал угрожать Риму. Как видно, Айстульф не желал останавливаться на изгнании греков из Италии, а имел целью подчинение себе всего полуострова со включением и римского дуката. Происшедшая в это время смерть Захария и обычные в Риме смуты, соединенные с выбором нового папы, благоприятствовали Айстульфу. Вступив в римскую область, он выразил волю подчинить Рим и окружающие его крепости (т. е. римский дукат) своей власти и брать определенную дань с каждого жителя.

Выбранный в 752 г. в папы Стефан III засылал посольства к королю и большими подарками старался расположить его к миру. Но Айстульф предъявлял такие требования, какие папе казались насмешкой и издевательством. Находясь в отчаянном положении, папа отправил жалобу и просьбу о помощи в Константинополь в надежде, что новый император найдет возможным поддержать вооруженной силой свои интересы в Италии. Между тем, как разгневанный упорством папы король посылал в Рим страшные угрозы и обещал ничего не пощадить, если его требования не будут исполнены, римское население совершало религиозные процессии по церквам и, посыпав головы пеплом, молилось Богу об освобождении от страшной опасности. В это же время папа, устраивая процессии и принимая в них личное участие, нашел возможным тайно отправить письмо во Францию к королю Пипину, в котором просил его принять меры для безопасного путешествия наместника св. Петра в его столицу. Так начались сношения пап с Каролингами, совершенно изменившие ход событий в Италии и имевшие, вместе с тем, громадное значение для истории Византии.

Изложение истории сношений пап с Каролингами отвлекло бы нас слишком далеко от времени Льва Исавра, и потому мы возвратимся к этому вопросу в одной из последующих глав. Здесь же уместно будет ι бросить взгляд на любопытное явление движения греческого православного населения из восточных областей в Италию, имевшее громадное культурное значение в средние века. Было бы не совсем справедливо утверждать, что это движение началось с VIII в. и вызвано иконоборческой политикой.

Со времени мусульманских завоеваний в Сирии и Палестине православное население спасалось большими массами в Египет и Африку, пока здесь не угрожало арабское нашествие. Но с тех пор, как арабы утвердились в Африке и в конце VII в. окончательно лишили греков их африканских владений, Сицилия и Южная Италия сделались естественным приютом для гонимых христиан, в особенности из монашествующего духовенства, которые начали сильно колонизовать Южную Италию. Мы заметили уже, что хотя иконоборческая политика наиболее встречала сопротивления среди греческого населения, но сирийский и арабский Восток и инородческие элементы Малой Азии не были так враждебно настроены против иконоборческих эдиктов, как христианский

Запад и в особенности Италия, в которой национальное освободительное движение против греческого господства нашло в иконоборческой политике императоров прекрасное средство для оживления и поддержания этой борьбы. Здесь иконоборческий вопрос перешел слишком скоро на политическую почву. С одной стороны, Рим поощряет антивизантийское движение в греческой Италии, с другой — император отвечает актом отделения от римского престола значительной части его владений и отчуждением церковных имуществ в пользу государства. В VIII в, в особенности с тех пор, как началось преследование монахов и ограничение монастырских привилегий, Южная Италия сделалась прибежищем гонимых и недовольных. Полагают, что число переселившихся в Калабрию и Отранто доходило до 50 тыс. человек[3]. В одной только Калабрии насчитывается до 97 монастырей ордена св. Василия, основанных в это время, в Россаыо было 10 монастырей с 600 монахов.

В Южной Италии сохранились от иконоборческой эпохи значительные христианские памятники—рукописи, иконы и другие произведения христианского искусства,— подвергавшиеся опасности уничтожения в городах и монастырях империи. Италия сделалась почти недоступна для иконоборцев, так что здесь в течение VIII в. возникла живая и непрерывная религиозная струя, соединявшая греческий Восток с Западом. Греческие монастыри, образовавшиеся в Италии, будучи враждебно настроены против религиозных увлечений иконоборческих императоров, вместе с тем служили их политическим целям, поддерживая в Италии греческий культ, язык и содействуя эллинизации страны. В то время, как постепенное отделение Италии от империи становится бесповоротно совершившимся фактом, греческая Италия — Калабрия, Отранто и Бари— в той же степени укрепляет свои связи с империей и под наименованием византийской фемы сохраняет совершенно чуждый латинству характер. Особенности церковной жизни, развившиеся в греческой Италии, обнаружат свое действие в последующие века и в свое время будут отмечены.

Глава IV

Внутренняя деятельность Льва Исавра. Административные и судебные реформы. Законодательство

Оценка внутренней деятельности Льва во всей ее совокупности встречает и до сих пор значительные трудности, которые далеко еще не превзойдены. Причина тому столько же заключается в недостатке, а частью и намеренном искажении источников, сколько в общем несочувственном отношении к Льву как виновнику иконоборческого движения, которое разделяла вся церковная партия, возобладавшая после иконоборческих царей и наложившая печать ненависти или презрительного молчания на память об его деяниях. Нужно отдать себе отчет в том, что в иконоборческий вопрос было внесено много страстности и раздражения и что в связи с эдиктами Льва шло вперед развитие умственной, нравственной и общественной жизни.

При выяснении термина «иконоборчество» нельзя отправляться из тех положений, которые нами выведены на основании содержания эдиктов, притом же не сохранившихся в оригинале, а следует всмотреться в силу отражения, с какой царское слово против святых икон отозвалось в монастырях, в селах и деревнях, и как общим чувством религиозного раздражения могли воспользоваться лица и сословия, видевшие в Исаврах личных врагов, которые притом не имели связей с придворными и служилыми слоями империи. Иконоборческое движение направлялось к тому, чтобы захватить самые существенные вопросы христианского вероучения. В связи с догматическими церковными верованиями о божественном домостроительстве, о воплощении, о культе Богородицы иконоборческое движение вскоре должно было затронуть практические вопросы, именно обряды или формы, в коих выразилась церковная жизнь в Византии: о монашестве, о церковных имуществах, о переустройстве всей церковной жизни. Таким образом, то движение, которое связано с именем Льва Исавра, затронуло весьма глубоко самые тайники жизни общества и имело тенденцию поколебать устои, на коих покоился религиозный и социальный строй империи. С течением времени к иконоборческому движению присоединяются мотивы политические; наконец, оно осложняется борьбой национальностей, в которой угрожала опасность греческому элементу, служившему основой того порядка вещей, который выражается в термине византинизм. Все эти обстоятельства, привнесшие большие осложнения в развитие иконоборческого движения, не могли не повлиять на оценку деятельности родоначальника исаврийского дома, придав неправильное освещение и таким фактам, которые не имели иных целей, как достижение общего блага и исправление очевидных недостатков.

В предыдущих главах мы пытались выяснить содержание иконоборческого эдикта и ближайшие следствия, которыми он сопровождался.

Нужно признать, что Лев не пошел так далеко, как его сын, в принудительных мерах по отношению к иконопочитателям: его отношения к римскому папе объясняются не религиозными мотивами, а политическими, в которых и следует видеть причину той страстности, с которой велась борьба. Едва ли можно составить правильное понятие о характере Льва на основании его иконоборческого эдикта, который при нем не был проведен во всей последовательности. Есть другие государственные акты, принадлежащие этому царю, по которым лучше можно судить о задачах и целях, преследуемых его правлением.

И прежде всего Лев не только провел далее начавшуюся еще до него административную реформу империи, с которым она остается почти все время существования, но и ввел в ней существенные изменения, обусловленные потребностями времени. Говорим об организации фем, с начала VIII в. составляющих характерную особенность административного устройства империи. С свойственною ему энергией и последовательностью в проведении раз принятых мер он не остановился перед затруднениями, возникавшими из-за соперничества и^пререканий между светской и военной властью в провинциальном управлении, и сосредоточил в руках военных чинов главные ветви гражданского управления. Это был совершенно правильный и необходимый выход из положения, в котором оказались провинции империи ввиду опасности со стороны арабов на востоке и западе и болгар на севере. Как мы видели выше, фемное устройство развивается постепенно и в начале VIII в. не дошло еще до своей полной организации. В VIII в. было три или лучше две фемы в Европе и одиннадцать в Азии; кроме того, были специально морские фемы для флотской службы. При исаврийских императорах происходила дальнейшая организация азиатских фем. Так, громадная фема Анатолика, в которой был стратигом сам Лев, была разделена таким образом, что из нее выделена была значительная часть в отдельное управление, названное фема Фракисийская; главным городом в ней был Ефес. Обе фемы по особенным отношениям к основателю династии— в Анатолике он был стратигом, а во Фригии, входившей в Фраки-сийскую фему, он родился—питали к его дому непоколебимую верность. Стратиги Ланкин и Сисинний по смерти Льва оказали незаменимую услугу исаврийцам, поддержав Константина Копронима против Артавазда .

Первое упоминание о стратиге фракисийском относится к 740 г., хотя, конечно, фема существовала раньше; приблизительно в то же время (742) в первый раз упомянут стратиг фемы Фракия на Балканском полуострове. При Льве получила особенное значение фема Опсикий, находившаяся под командой зятя его Артавазда. Вероятно, с целью ослабить значение стратига этой фемы с титулом комита Константин Копроним выделил из области Опсикия обширную часть с городом Анкирой в самостоятельную фему Вукелляриев; она упоминается в первый раз в 767 г. Кроме сухопутных фем или военных округов с кавалерийскими и пехотными частями, к началу VIII в. была уже известна морская организация. Вся приморская часть Малой Азии от Галикарнас-са до Фригии, где была родина исаврийского дома, составляла особое управление морского ведомства под именем фемы Кивиррэотов. Стратиг флота с титулом друнгария упоминается в 697 г.[2] Другая флотская

организация была из жителей островов Эгейского моря — фема 12 островов, или Эгейская. В таком виде является новая административная организация империи при исаврийских царях.

Эта организация вполне отвечала потребностям времени и имела ту особенность, что привлекала к участию в военной службе все элементы населения местностей, включенных в фему, не обременяя государственную казну чрезвычайными расходами. На основании арабских данных, которые достаточно разъясняют военную организацию фемы, мы можем видеть, что кавалерия составляла самую главную часть византийского войска, в особенности в войнах с арабами. Действительно, когда предстоял набор новобранцев, снаряжение конем составляло наиболее серьезную задачу воина; самый поход назначался в зависимости от состояния кормовых трав и от фуража. Но, конечно, кавалерией не ограничивались военные силы империи. Кроме флота и артиллерии, в военном деле играли важное значение пехотные полки.

В настоящее время не может подлежать сомнению, что фема в смысле военного корпуса или дивизии никогда не теряла первоначального своего значения как гражданский административный округ, в который входят жители городов и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбывающие определенные повинности, в числе коих на первом месте была военно-податная повинность.

Вследствие крайне скудной населенности европейских и азиатских провинций императоры должны были разрешить в больших размерах переселение в империю славян. Поселения славян, как можно судить по немногочисленным данным, организованы были таким образом, чтобы колонисты за предоставленные им земельные участки несли государственные повинности и отбывали военную службу. Для этой цели служила система выделения так называемых военных участков, владение которыми обязывало или к личной военной службе, или к участию в снаряжении одного ратника в качестве складчика наряду с другими лицами, владеющими равными военными участками. Система выделения в феме свободных земель или объявления свободными бывших казенными земель, которые делились на участки, достаточные для прокормления крестьянской семьи и для снаряжения, в случае объявления набора, рекрута, практиковалась в империи в больших размерах и составляла громадный ресурс для удовлетворения военных и финансовых потребностей. Наблюдая частности и подробности организации земельных наделов, мы замечаем в них некоторое сходство с организацией казацкой службы на началах земельного владения, как она практикуется в России. Во всяком случае, в фемном устройстве Византия нашла лучший способ применить к государственным потребностям славянскую иммиграцию.

Крупные заслуги Льва Исавра относятся к законодательству. При нем изданы два кодекса: устав крестьянский и гражданское уложение, последнее известно под именем «Эклога». С изучением законодательства иконоборцев получает важное значение вопрос о новых принципах права, введенных в византийскую жизнь со времени Исаврийской династии. Господствующее ныне по этому предмету воззрение основывается на авторитете фон Лингенталя[3], известного составителя «Истории греко-римского права», который дал всестороннюю оценку исаврийскому

законодательству. На русском языке превосходные исследования «Эклоги» принадлежат академику Васильевскому и Павлову [4]. В рукописях «Эклога» носит следующее оглавление: «Издание законов вкратце, учиненное Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми царями, из институтов, дигест, кодекса и новелл великого Юстиниана и исправленное в более гуманном смысле*».

Вот что говорится в предисловии к этому памятнику: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа императоры Лев и Константин. Господь и Творец всего, Бог наш, создавший человека и отличивший его свободою самоопределения, дал ему закон на помощь, посредством коего сделал известным, что следует делать и чего избегать, чтобы одно было избираемо как спасительное, а другое отметаемо как заслуживающее наказание. Поелику же Он, вручив нам державу царствия, дал тем свидетельство нашей к Нему любви, повелев нам пасти верное Его стадо, то мы убеждены, что нет ничего, чем мы могли бы более возблагодарить Его, как тем, чтобы управлять в суде и правде вверенными нам людьми. Занятые такими заботами а, устремив неусыпно разум к изысканию угодного Богу и полезного обществу, мы поставили впереди всего земного справедливость, как посредницу с небесным, острейшую всякого меча в борьбе с врагами. Зная, что законоположения, изданные прежними царями, содержатся во многих книгах, и что заключающийся в них разум для одних труднопостижим, а для других, особенно же обитающих вне сего богохранимого града, и совершенно недоступен, мы созвали главнейших наших патрикиев, славнейшего квестора и славнейших ипатов и прочих имеющих страх Божий и повелели собрать все их книги к нам, и, рассмотрев все с усердным вниманием, мы сочли приличным, чтобы в этой книге были более ясно и кратко изложены решения относительно дел, чаще всего встречающихся, и разных договорных соглашений, а также и наказания соответственно обвинениям. Тех, которые поставлены исполнять закон, мы убеждаем воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла износить решения истинной справедливости, не презирать нищего, не оставлять без обличения сильного, неправду содеявшего, чтобы не наружно и на словах превозносить правду и справедливость, а на деле предпочитать несправедливость и лихоимство, но, напротив, когда тя-жутся две стороны — чтобы обе были поставлены в совершенно равное одна к другой отношение, и чтобы столько именно было отнято у оби-дящаго, сколько окажется пострадавшим обидимый».

Очень важны заключительные слова предисловия: «Всячески желая положить предел мздоимству на суде, мы решили давать жалованье из нашего казначейства славнейшему квестору и секретарям, и всем служащим по судебным делам на тот конец, чтобы они уже ничего не брали с какого бы то ни было лица, у них судимого, дабы не исполнилось на нас сказанное пророком: продаша на сребре праведного». Нельзя не обратить здесь внимания на черты реальности, какие можно находить в предисловии. Хотя весьма вероятно, что многие выражения составляют обычную риторику и не имеют в себе особенного значения, но нельзя

* Или в либеральном, как можно толковать выражение εις το φιλανβρωπότερον.

считать таковою заключительную часть, в которой выражается намерение сделать суд общедоступным и даровым. Если иконоборческим царям удалось провести это намерение, на что нет, впрочем, других указаний, то, конечно, подобным распоряжением они опередили бы свой век. Но, как известно, законодательные меры иконоборцев были отменены царями македонской династии. Очень любопытно также и то место предисловия, где идет речь об условиях, при которых появился новый кодекс: собраны рукописи и изучены известными тогда законоведами. Эти последние названы по имени во многих рукописях: патрикий и квестор Никита, патрикий и ипаты Марин и Нонн. В высшей степени следует пожалеть о том, что предисловие к «Эклоге» не дает других черт современности, по которым можно было бы хотя до некоторой степени воссоздать настроение законодателя и окружавшую его действительность. В этом отношении остались лишь намеки и следы. Восстановить то человечное и гуманное, которое поставил Лев Исавр своей целью в законодательстве, остается задачей, которая едва ли достижима при нынешнем состоянии источников.

Как по своему отношению к древнему русскому законодательному памятнику «Русской Правде», так и по точному воспроизведению жизни крестьянского сословия, жившего в империи в век происхождения «Эклоги» и дополнительных к ней статей, Крестьянский закон обращает на себя серьезное внимание со стороны византийско-русских учений и, как естественно предполагать, рассматривается далеко не с одинаковой точки зрения. Между тем как, по мнению большинства исследователей, в Крестьянском законе ярко отразилась новая струя, влившаяся в империю вместе с славянской иммиграцией, которая принесла и новые правовые воззрения и чуждые греко-римскому обществу формы земельного владения[5], в последнее время стали высказываться мнения, которыми отрицается за этим законом то значение, какое усвояли за ним прежние исследователи[6]. Между прочим, новые данные в вопрос привносятся из критики текста Крестьянского закона. Прежде всего, по мнению представителей второй категории, Крестьянский закон не может быть рассматриваем ни по своему назначению и происхождению, ни по своей редакции как закон, который можно было бы поставить рядом с «Эклогой». Если в нем выделить древнейший состав от привносных статей, то окажется, что он не имеет никаких точек соприкосновения с Юстиниановым правом. Далее, в сохранившихся оригинальных и переводных на русский и сербский языки редакциях Крестьянского закона наблюдается такая свобода в расположении материала и такие отличия по смыслу, которые позволяют сомневаться в том, чтобы оригинал этого закона имел когда-либо официальное значение, т. е. чтобы он имел правительственное происхождение. Независимо от того, как по своему составу, обнимающему далеко не совокупность крестьянских отношений, а лишь немногие стороны быта, так и по происхождению и плану, т. к. закон нигде не носит имени иконоборческих императоров, так называемый Крестьянский закон должен быть признан скорей частным юридическим руководством, похожим на германские правды или на записи обычного народного права, чем на закон официального характера. Он имеет не только специальное содержание, для которого нельзя указать источника в имперском законодательстве, но не представляет

внешних признаков единого устава для землевладельцев,— это есть запись нескольких бытовых черт из жизни свободных крестьян. Но в какой обстановке находятся крестьяне, кто над ними стоит, каково их отношение к другим классам общества и к государственной власти, об этом, за исключением случайных и мимоходных намеков, в памятнике нет указаний. Таковы заключения о занимающем нас памятнике, выведенные на основании изучения его текста по различным редакциям.

Несмотря на неполноту содержания и указанные выше недостатки редакции, наш закон не может не представлять исключительного интереса для истории крестьянского сословия и земельного хозяйства в империи. Если, как показывает критика текста, это не был официальный закон, подобный «Эклоге», то, во всяком случае, не подлежит сомнению его значение в смысле записанной редакции обычного права новых этнографических элементов, которые вошли в империю в VI— VII вв. Кроме того, многочисленные списки крестьянского закона на славянском языке, равно как включение его в древние русские юридические сборники, придают этому памятнику важное значение в вопросе культурного обмена между Византией и славянами и обратно. Напомним, что Крестьянский закон превратился в русской Кормчей в устав о земских делах Ярослава, т. е. этот закон усвоен русскому законодателю. Принимая во внимание, что земледельческий устав, приписываемый Ярославу, был применим к быту древнерусского крестьянства, мы естественно приходим к заключению, что оригинальная его редакция на греческом языке появилась на византийской почве тогда, когда славянские колонии, образовавшиеся по правительственному почину на Балканском полуострове и в Малой Азии, стали получать организацию и административное устроение применительно к новым формам быта. Сравнительное изучение греческих списков и славянских переводов Крестьянского закона может приводить к выводу, что греческие и славянские редакции не только представляют известного рода эволюцию земельного и финансового хозяйства, но также выражают особенности в земельной и податной системе в различных областях действия этого устава.

В культурном отношении против Льва и его преемников высказываются иконопочитателями крайне резкие обвинения. Как Лев, так и его советник ренегат Висир, о котором, впрочем, ничего не известно из источников, рисуются людьми невежественными и грубыми. В частности, Льву посылается упрек в том, что он закрыл воспитательные и учебные заведения и положил конец благочестивой системе образования, установленной при Константине Великом и державшейся до его времени [7]. Кроме того, на Льве тяготеет обвинение не меньше того, что лежит на Омаре, истребившем будто бы знаменитое собрание рукописей в Александрийской библиотеке. Есть известие[8], что на площади Халкопратии находилось высшее ученое и учебное заведение, в котором преподавались науки 12 избранными профессорами под наблюдением вселенского учителя. Это учреждение, содержимое на казенные средства, имело задачей столько же учить богословию и наукам молодых людей, сколько заниматься изучением древних рукописей и перепиской оных. Библиотека этой высшей школы была богата древними рукописями, из которых профессора заимствовали важные сведения и делились ими с царями.

Будто бы Лев желал привлечь на свою сторону профессоров школы и тем обеспечить успех задуманных им реформ, но не имел успеха. Тогда он закрыл школу, изгнал вселенского учителя и профессоров и запретил пользование книгами, если не уничтожил их посредством злостного и намеренного поджога.

Эта легенда, которой в средние века придавали полную веру, также должна быть отвергнута, как и рассказ об Омаре и Александрийской библиотеке. По всей вероятности, речь идет здесь о том учреждении, которое возникло при Феодосии и о котором на своем месте была у нас речь. Сказание об уничтожении этой школы и потому должно быть отвергнуто, что о нем не сохранилось упоминания у Феофана, ближайшего писателя ко времени Льва и тщательно собравшего все слухи и рассказы, на основании которых можно было низвести Льва Исавра на уровень зверя. Что касается предполагаемого закрытия учебных заведений, и в этом отношении в высшей степени сомнительно утверждение Феофана. Какие учебные учреждения разумеет оно? Школы при монастырях продолжали существовать и прежде, и после Льва, частные лица занимались преподаванием и в VIII в. Стоит ознакомиться с жизнеописаниями Никифора, патриарха, и Феодора Студита, чтобы вывести заключение о пристрастности и неверности высказываемых здесь суждений. Эпоха VIII в., конечно, не была творческой эпохой, созидательная работа нашла непреодолимые препятствия в иконоборческом движении; тем не менее, и умственное движение, и школьное образование не останавливались в это время, и если при иконоборцах не замечаем больших культурных предприятий, то, с другой стороны, никогда в Византии не было такой внутренней борьбы, никогда не ставилось на карту столько важных и дорогих интересов, как в это время.

В связи с рассматриваемым здесь вопросом позволим себе остановить внимание на памятниках искусства. Конечно, нельзя ожидать церковного строительства или развития фресковой живописи и мозаики за время иконоборцев: это вполне противоречит духу их реформы. Но позволительно обратить внимание на довольно неожиданный факт, обнаруженный в Солуни в 1908 г. При переделках в мечети Касимиэ, бывшей церкви Димитрия Солунского, обнаружены мозаики весьма хорошей сохранности и высокой техники по выполнению. Мозаики изображают св. Димитрия, патрона Солуни, в различных его отношениях к покровительствуемому им городу и по происхождению своему должны принадлежать к VII—VIII вв. Независимо от всего прочего, высокая техника искусства, разнообразие сюжетов, свобода творчества и проч. придают этой находке большое значение в общей истории византийского искусства. В частности, несколько раздвигается традиционный взгляд на скудость производительности VII—VIII вв. На одной картине есть надпись: «Во время Льва ты видишь в цветущем состоянии церковь св. Димитрия, которая ранее была добычей огня». Весьма может статься, что первоначальная мысль о Льве Исавре окажется несостоятельной, как скоро будет доказано, что с именем Льва был в Салониках префект или митрополит, хотя вообще весьма необычно обозначать хронологию памятника или события именем административного лица, кроме консула [9]. Но т. к. теперь может считаться установленным, что пожар, от которого пострадала церковь, был в VII в., именно в 629—

634 гг., то не подлежит сомнению и то заключение, что восстановление происшедших от пожара повреждений произошло вслед за пожаром. Хотя в технике мозаик замечается разность, происходящая от разновременных поправок и переделок различных мастеров, но это ведет к предположению о продолжении мозаических работ в византийских церквах даже и в глухой иконоборческий период. Да иначе и нельзя представлять себе ход дела. Явления культурного порядка нуждаются, конечно, для успешного своего развития в поощрениях со стороны правительства и могут подлежать упадку или подъему, но было бы наивно думать, что можно одним почерком пера прекратить культурное движение, которому был дан надлежащий толчок в предыдущем развитии народа.

Глава V

Константин Копроним. Восточная граница-арабы. Западная граница-болгары

Исаврийская династия достигла власти не по праву наследства; вступлению Льва на престол предшествовал длинный период анархии, во время которой провинциальные войска не раз провозглашали царями излюбленных своих вождей. Заботы об утверждении власти за своим потомством поэтому должны были занимать основателя династии. В качестве опоры династии рассматривался товарищ Льва по командованию военным округом на востоке, содействовавший ему при свержении Феодосия, стратиг фемы Армениак Артавазд. Он тесно сблизился с царским домом, породнившись с царем вследствие брака с его дочерью Анной и получив в командование ближайшую к Константинополю фему Опсикий — назначение, не препятствовавшее ему оставаться в столице и носить придворное звание куропалата. Происшедшие от этого брака два сына, Никифор и Никита, получили должности стратигов в двух важнейших фемах, один в Европе, другой в Азии. Не лишено значения в том же смысле укрепления династии и то обстоятельство, что в 732 г. за 14-летнего Константина сосватана была дочь хазарского хана, принявшая по крещении весьма популярное имя Ирина. Родственным союзом с хазарским ханом нельзя было не дорожить из-за того, чтобы иметь в хазарах союзников против арабов. Этим же соображением, вероятно, руководился в свое время и Юстиниан II, женившись на хазарской принцессе.

Соединенная с обстоятельствами крещения Константина легенда, которою и объясняется усвоенное ему прозвание Копронима, имеет свое происхождение в религиозной и политической борьбе и в нравах тогдашней партийной полемики. Сохранившиеся до нашего времени сведения о царях иконоборческого периода исходят из партии ожесточенных их врагов, которые не щадили в особенности Константина и густыми темными красками изобразили его жизнь и деятельность. Нужно думать, что в VIII в. существовала и благорасположенная литература об иконоборческих императорах, но она тщательно истреблена иконопочи-тателями, когда им посчастливилось получить перевес над иконоборцами. Об этом мы найдем случай говорить ниже, в настоящем же случае достаточно будет сослаться на следующий факт двойственного воззрения на Льва, сохранившийся в основном нашем источнике, именно в летописи Феофана под 718 г.: «В сем году у нечестивого царя Льва родился нечестивейший сын его Константин, предтеча антихриста»[1]. Но тот же писатель несколько выше два раза усвояет царю Льву наименование благочестивого царя[2]. Эта двойственная точка зрения на царя Льва в произведении одного и того же писателя может служить указанием на

то, что и сам Феофан имел под рукой образцы сочувственной к Льву Исавру литературы, которые он не успел вполне редактировать согласно воззрениям иконопочитателей.

По смерти Льва в 740 г. царская власть естественно должна была перейти к сыну его, который имел тогда 22 года и был в состоянии править самостоятельно. Воспитанный в качестве будущего наследника престола и с детских лет сопричисленный к власти, Константин не скрывал своего сочувствия к реформам своего отца и вследствие того не пользовался расположением иконопочитателей. Нет сомнения, что и в среде старой аристократии, устраненной от высшей власти и влияния Исаврами и их приверженцами, могли оказаться такие, для которых смена царствования представляла благоприятный случай для возвращения утраченного влияния. Но трудно было ожидать, чтобы во главе движения против сына Льва оказался комит и стратиг Опсикия Артавазд, не принадлежавший к византийской аристократии и получивший первое место в империи благодаря тесным связям с новой династией. Опираясь на войско и давая духовенству и ревнителям иконопочитания надежду на отмену распоряжений предыдущего царствования, Артавазд приготовил в Константинополе революцию против Константина. Как происходило движение и где были сосредоточены нити заговора, об этом трудно составить себе понятие. Интрига подготовлялась довольно медленно, и в течение целого года Константин, по-видимому, не подозревал опасности. В июне 741 г. Константин отправился в Малую Азию, имея в виду поход против арабов. Расположившись лагерем во Фригии в местности Крас, он начал организовать войско для похода. Это время признано было заговорщиками благоприятным для их предприятия, которое осуществлено было без особенных потрясений.

Стратиг Опсикия Артавазд находился в то время в Дорилее, и император предложил ему явиться в лагерь. Но Артавазд успел к тому времени поднять возмущение в своей феме, принял титул императора и пошел против Константина. В первой же стычке был убит патрикий Висир, имевший, как говорят, огромное влияние на Льва Исавра в под-готовлении иконоборческого движения, и Константин оказался так мало подготовлен к сопротивлению и защите, что счел за лучшее бежать в Аморий, главный город соседней большой фемы Анатолика, где было больше приверженцев исаврийской династии, и где он мог организовать для себя оборону при содействии преданного ему стратига Ланкина. Между тем Артавазд, предоставив своему сопернику полную свободу действий, немедленно вступил в сношения с представителями своей партии в Константинополе. Здесь на его стороне был временный правитель за отсутствием императора, патрикий и магистр Феофан, а также патриарх Анастасий. Они распустили слух, что царь умер, и что восточные фемы провозгласили императором Артавазда, и легко достигли того, что народ в церкви святой Софии провозгласил Артавазда царем как «мужа православного и защитника божественных догматов». Но как в Константинополе было мало войска, правитель дает знать стратигу Фракисийской фемы Никифору, собственному сыну, чтобы он поспешил занять Константинополь своими войсками. Когда Фракисийская фема заняла город, заперла городские ворота и поставила на стенах гарнизоны, партия Артавазда могла считать свое положение упроченным и очистила город от приверженцев Константина.

Тогда Артавазд вступил в Константинополь, и первым его делом была отмена постановлений предыдущего царствования против святых икон. Нужно принять во внимание, что при тогдашних обстоятельствах эта мера могла касаться только столицы; притом же было весьма естественно новому императору заручиться расположением столичного населения*. Но и Константин далеко не был беззащитен и не думал складывать оружия. За него стояли две азиатские фемы, Анатолика и Фракисийская, и, кроме того, с ним была флотская фема Кивиррэоты, т. е. почти вся Малая Азия. Здесь весьма отчетливо обнаружились политические симпатии в связи с национальными: европейские области были за Артавазда и за принцип иконопочитания, азиатские — за законного представителя власти и за иконоборческий принцип. С войсками, собранными в верных ему фемах, Константин подошел к Босфору и остановился в Хрисополе. Казалось бы, что он теперь же мог осадить столицу и принудить своего соперника к сдаче, но вследствие непонятных для нас причин на этот раз он отступил назад и провел зиму 741/42 г. в Амории. Таким образом объясняется то обстоятельство, что несколько официальных актов этого времени носят имя Артавазда, который признан был в императорском достоинстве папой, венчал на царство сына своего Никифора, а другого сына, Никиту, назначил стратигом фемы Арменiак, где он имел приверженцев, будучи сам армянского происхождения.

Но весной 742 г. наступила развязка запутанного положения, которая может считаться неожиданной, т. к. здесь в первый раз обнаружились военные дарования и вообще далеко не обычные административные способности законного наследника престола. Артавазд в мае 742 г. выступил в Вифинию в фему Опсикий и начал производить в ней работы, прибегая к слишком крутым мерам. Для Константина было весьма важно, что и фема Опсикий не оказалась преданной Артавазду, а между тем вся борьба между соперниками решалась на азиатской территории. Находясь во главе фемы Анатолика, Константин нанес, прежде всего, поражение Артавазду при Сардах и заставил его после потери армии и военных запасов спасаться в Кизик и отсюда в Константинополь. Но в Азии оставался еще сын Артавазда Никита, находившийся во главе фемы армянской и поздно выступивший в поход, когда уже главная часть драмы была разыграна. В августе того же года отряд Никиты был разбит наголову при Модрине в феме Вукеллариев, причем погиб патри-кий Тиридат, двоюродный брат Артавазда, и значительная часть начальствующих лиц. «В этой битве,—замечает летописец,—где сражались армяне и фема Арменiак с войском фем Анатолика и Фракисийская, пало немало жертв с той и другой стороны. Исконный сеятель зла диавол возбудил такую злобу и усобицу между христианами, что без сожаления губили дети отцов и братья братьев и без пощады предавали огню имущество и жилища друг друга» .

Этим делом решена была судьба Артавазда, т. к. ничто теперь не препятствовало Константину идти на самый Константинополь. В сентябре того же года он переправился на европейский берег и начал осаду столицы со стороны суши; в то же время стратиг Фракисийской фемы

* Lib. Pontif. (219) говорит о щедрых раздачах денег.

Сисинний прибыл с флотом из Абидоса и запер для Константинополя все выходы к морю. Столица оказалась в отчаянном положении, она была окружена со всех сторон — от Харсийских ворот до св. Маманта, где был лагерь Константина,— враждебными силами, а между тем большой и многочисленный город оказался без необходимых для жизни средств. Дороговизна припасов возросла до крайней степени: за меру ячменя (около 20 ф.) платили около 40р.; в той же степени поднялись цены на все продукты[4].

Артавазд пытался поправить беду экстренными мерами. Он отправил морем своих уполномоченных для покупки хлеба на юге, но около Абидоса хлебная партия захвачена была судами кивиррэотского флота и доставлена Константину, который употребил хлебные запасы на продовольствие своей армии. Сделана была попытка произвести вылазку и напасть на осаждавшую армию, но попытка оказалась неудачной и — самое важное — лишила Артавазда его правой руки, магистра Феофана Монета. Точно так же не имели успеха огненосные суда, снабженные греческим огнем, обыкновенно наводившие ужас на неприятельский флот. Ввиду отчаянного положения, вследствие голода и начавшейся смертности Артавазд предоставил оставить город тем, которые не участвовали в гарнизонной службе. Тогда началось настоящее выселение и потребовалось принять серьезные меры, чтобы не выпускать из города молодых людей, переодетых в женское или монашеское платье. Все вышедшие были принимаемы в лагере Константина, получали продовольствие и увеличивали число его приверженцев. Наконец, Артавазда ожидал еще сильнейший удар. Сын его Никита после поражения при Модрине собрал часть войска и подошел к Хрисополю, имея намерение помочь осажденной столице. Но Константин, не снимая осады, поспешил переправиться через пролив и погнался за Никитой, который стал отступать на Никомидию. Здесь он был застигнут войском Константина и взят в плен вместе с бывшим епископом Гангр Маркеллином, служившим теперь в армии в качестве куратора. Обоих пленников ожидала горькая участь: Маркеллин был казнен, а Никита закован в цепи и в таком виде выставлен под стенами Константинополя «на показ» горожанам и отцу его.

При всем том город не сдавался. Наконец 2 ноября Константин ворвался в Константинополь через сухопутную стену и таким образом положил конец этому несчастному междоусобию, стоившему много крови. Хотя Артавазд успел выйти из Константинополя с патрикием Вахтангом, очевидно, тоже армянского происхождения, но был захвачен и приведен в оковах в Константинополь, где были уже во власти его более счастливого соперника и оба его сына. Артавазд был присужден вместе с сыновьями к ослеплению, а патрикий Вахтанг обезглавлен на площади Кинигия.

Потушив восстание и сделав безвредными Артавазда и его сыновей, Константин праздновал свое торжество цирковыми играми, на которых побежденные противники, а равно и главный их помощник патриарх Анастасий, должны были исполнять данные им роли: первые были проведены по цирку, обремененные цепями, а последний подвергнут публичному бичеванию и, посаженный на осла задом наперед, торжественно проведен по цирку. Весьма любопытно отметить, что

позорное наказание, испытанное патриархом, не послужило препятствием остаться ему на патриаршем престоле и быть во главе Церкви до 754 г. Что касается других мер, принятых против приверженцев Артавазда, являющихся под пером летописца Феофана весьма жестокими, то нужно вспомнить о том, что до нас дошла только враждебная иконоборцам литература, слишком сгустившая темные краски. Есть одна черта в известиях Феофана, которою отмечен, вероятно, реальный факт[5]. Константин привел с собой в Константинополь новых людей, не доверяя прежним придворным и административным чинам, и обогащал своих новых слуг имуществами, конфискованными у чинов византийского служилого дворянства.

Для второго, как и для первого, представителя исаврийского дома самым капитальным вопросом внешней политики были отношения к арабам. Арабско-мусульманский вопрос занимает в истории Византии такое крупное, скажем даже, роковое значение, что историку необходимо с ним обходиться с большим вниманием и обращаться к нему весьма часто. После знаменитой осады Константинополя в 717г. они, правда, перестали быть для Льва Исавра так страшны, как в первый год его царствования, и не предпринимали против империи обширного и хорошо комбинированного наступления, но все же византийский царь никогда не забывал, что мусульмане самые опасные враги восточного христианского царства. В царствование Льва арабы несколько раз делали вторжения в империю; в особенности следует вспомнить поход 726 г., когда они дошли до Никеи, где им было, однако, нанесено поражение, память о котором сохранилась в Никее на башне Артавазда[6]. В 737 г. повторился новый поход, наконец, в 739 г. арабы вторглись в фему Анатолика и соседние области тремя армиями. Одна из них под предводительством Ал-Баштала дошла до местности Акроин в Анатолике, где была встречена двумя императорами, Львом и Константином, и где произошло сражение, окончившееся большим поражением арабов.

Это было последним военным делом Льва, которым он еще раз обуздал напор арабов и побудил их сократить конные наезды и быть внимательней по отношению к государственной границе между калифатом и империей. Правда, обозначить эту границу к половине VIII в. было бы чрезвычайно трудно. То, что искони было границей империи на востоке, стало уже давно арабским достоянием. Сирия и Палестина, Армения до Кавказских гор и р. Риона на севере были завоеваны еще первыми преемниками Магомета. В конце VII и в начале VIII в. восточная граница империи еще отодвинулась далее на запад, причем к арабам отошла значительная область от Антиохии и Алеппо до гор Тавра. Пограничными городами, подвергавшимися наибольшей опасности от арабских наездов, здесь были Тиана и Кесария. Самые важные фемы, выдерживавшие напор арабов, почти ежегодно вторгавшихся в не защищенные крепостями и сторожевыми отрядами открытые места, были Анатолика на юге и Армениак на севере. Военные потребности вызывали здесь необходимость образования новых военных округов, и, действительно, с течением времени появляются на этой границе новые фемы.

Мы видели выше, что заговор против Константина обнаружился именно во время приготовлений его к походу на Восток. Вообще

можно заметить, что со времени иконоборческой династии дальнейшему наступательному движению арабов в Малой Азии поставлен был предел. Это весьма наглядно свидетельствуется, между прочим, и тем, что во время междоусобной борьбы в 741—742 гг. арабы не повторяли значительных набегов, хотя происходившая смута могла сулить им легкий успех и добычу, тем более, что оба соперника, боровшиеся за власть, искали союза у Валида II, преемника Ишама. Наступившая в калифате смута вследствие начавшейся борьбы между Омейядами и Аббасидами сопровождалась такими последствиями, которые позволили Константину V начать наступательное движение против мусульман и отбросить их на восток от намеченной выше границы. Так, в 745 г. он вступил в область за Тавром и сделал некоторые приобретения в Северной Сирии. В особенности имело большое значение то обстоятельство, что ему удалось отнять у арабов родину исаврийского дома Германикию и перевести в Византию родственников своих по матери, которые оставались там под арабской властью.

В следующем году произошла морская битва с арабами, причем византийский флот нанес сильное поражение арабим при острове Кипре, возвратив этот остров, отнятый при Юстиниане II. Наступательное движение против ислама особенно выразительно доказывается походами 751 г., когда Константин вступил в Северную Месопотамию и затем в Южную Армению. Прежде всего он осадил Мелитену и принудил город к сдаче. Христианское население выведено было в империю и получило земли во Фракии, мусульманам предоставлено было избрать другие места для поселения, т. к. город был уничтожен и его стены и укрепления срыты. В дальнейшем движении подобная же участь постигла армянский город Эрзерум, или Феодосиополь, Малатию, затем Самосат. Ясное дело, что в этом направлении Константин приближался к старой границе, отделявшей Византию от Персии, однако он не обманывался насчет своих средств, не укреплял взятые города, а срывал их до основания, чтобы лишить арабов возможности снова найти в них точку опоры против Византии. В Армении он имел приверженцев, которые оказывали ему содействие, таков патрикий Кушан. Чтобы понять значительные успехи Константина на восточной границе, следует принять в соображение междоусобную войну в калифате, предшествовавшую падению дома Омейядов[8].

Восстание наместника Армении и Месопотамии Мервала сопровождалось смутами по всему калифату и вызвало падение династии в 750 г. Главное движение направлялось из Персии и Средней Азии, в основе его было национальное начало. Вообще к этому времени замечается в калифате ослабление религиозного пыла, местные народные элементы берут перевес над арабами и начинается история раздробления калифата. Отлагается Испания, в которой возникает отдельный калифат; заявляет притязания на независимость Африка. С началом правления Аббасидов, перенесших столицу из Дамаска в Багдад, арабская национальность перестает иметь главное значение в судьбах мусульманства, багдадские калифы начинают вербовать охранную для себя стражу из персов, берберов и турок. Вместе с тем в религиозной политике калифата произошла перемена в смысле нетерпимости и исключительной враждебности к христианству, вследствие чего значитель-

ные партии христиан стремились к переселению или в византийские области Малой Азии, или в Сицилию и Южную Италию

Усобицы и убийства, сопровождавшие происшедший переворот, продолжались шесть лет. Именно на этот период (750—756) падают успехи византийского оружия на восточной границе. По смерти Абдул-Аббаса калифат перешел к брату его Абу-Джафар-Мансуру, знаменитому основателю Багдада и непримиримому врагу христиан. Но с этих пор война с арабами утратила тот острый характер, какой она имела в первой половине VIII в.; хотя почти каждый год имеются известия о пограничных столкновениях, но это не война, а наезды на пограничные области военной вольницы, которые сопровождались уводом в плен людей и домашних животных — так называемый сарацинский полон,— но не изменяли политической границы между Византией и арабским калифатом. Лишь для точности и полноты изложения можно указать на некоторые отдельные факты В 768 и последующих годах упоминается о нападениях Ал-Аббаса на Армению, причем осаде подвергся город Камаха; затем Ибн-Вакка опустошил Северную Сирию и занял Германи-кию. Но и византийцы с своей стороны крепко держались в Армении, в области Диарбекира. Когда в 770 г. арабы хотели проникнуть в Малую Азию со стороны моря, то стратиги трех фем, Анатолики, Армениака и Вукеллариев, выступили против них с суши, а флот фемы Кивиррэотов отрезал им отступление морем. Хотя арабы прорвали окружавшую их цепь византийской конницы, но в общем не имели успеха и должны были отступить. Таким образом, со стороны Востока положение казалось вполне обеспеченным. Арабские нападения не требовали уже напряжения всех сил империи, т. к. местные войска фем считались достаточными, чтобы оберегать от них границу.

Ко времени царствования Константина V относится весьма важное внутреннее событие — страшная чума, поразившая империю и сопровождавшаяся крупными социальными и экономическими последствиями. Чума перенесена была из Средней Азии в Сирию, где свирепствовала в 744 г., обошла Египет, Африку, Сицилию, перебросилась в Грецию и на острова Архипелага и поразила Константинополь, где ее страшные опустошения относятся к 748 г. Постигшая империю, и в частности греческий полуостров, катастрофа превосходила все, что сохранила память людей о народных бедствиях, и унесла столько жертв, что правительству предстояла трудноосуществимая и весьма деликатная задача — как пополнить образовавшуюся во многих областях убыль населения.

Что происходило в это время в столице, об этом сообщает весьма картинные сведения писатель Феофан: «Заразительная болезнь, начавшись в Сицилии и Калабрии, подобно всепожирающему пламени, распространилась в Монемва-зию и Елладу и ближайшие острова в течение 14-го индикта (744—745 гг.) В Константинополе эта зараза обнаружилась так. Неожиданно и невидимо стали появляться на одеждах людей и на священных облачениях в церквах масленые крестики. Неизвестность того, что сулит это знамение, породила в людях печаль и большое смущение. Гнев Божий беспощадно поражал не только городских жителей, но и всю столич-

ную округу. Многим стали казаться привидения, им виделось, что будто бы они идут вместе с какими-то неизвестными страшными людьми, которые при встрече приветствуют их и дружески разговаривают, смысл же их слов никоим образом не передавали. Замечали, что они входят в дома и что одних из домочадцев убивают, других ранят копьем. Большинство из того, что они говорили, случилось на самом деле. Весной 1-го индикта (747) моровая язва достигла наибольшего напряжения, а летом так усилилась, что целые дома совершенно запирались и не оставалось кому погребать мертвецов. По требованию крайней нужды придумали прилаживать на оседланных животных доски и на них класть мертвецов и таким образом вывозить их, точно так же как и в телегах, складывая трупы в кучу, одного над другим. Таким образом переполнены были все городские и подгородние кладбища, равно как все пересохшие цистерны и пруды, и, когда не хватило их, стали копать виноградники и огороды, находившиеся внутри древних стен, так как смертность так увеличивалась, что едва можно было найти место для погребения трупов»[9].

Следствия этого черного года были ужасны. Население столицы сильно поредело, нужно было озаботиться экстренными мерами, чтобы привлечь в город новых поселенцев. Император призвал в столицу множество семей из всех провинций, а главным образом из Греции и с островов.

Моровая язва вместе с другими обстоятельствами произвела громадное передвижение в населении империи и имела чрезвычайно важные последствия. Если в столицу переселились многочисленные семьи из Пелопонниса, то в самой Греции оказалось чрезвычайно скудно греческое население. Успех славянской колонизации, проникшей до Пелопонниса, несомненно, объясняется в значительной степени вымиранием населения от чумы и правительственным выселением части оставшегося населения в Константинополь. Несколько славянских племен, дошедших в это время до самого Тайгета, в течение многих столетий оставались независимыми и сохраняли особенности славянского быта. Что касается самой столицы, то и здесь наплыв новых элементов во многом изменил первоначальный характер населения и, по всей вероятности, немало содействовал успехам церковной и административной реформы, проводимой исаврийцами. Между прочим, следует обратить внимание на особенные меры, принятые царем Константином для обмена населения в некоторых провинциях, имевшие последствием полную отмену старых исторических и этнографических традиций древности и вводившие в подлинный средневековый византинизм. Всячески содействуя колонизации Малой Азии славянами и давая им такое земельное и административное устройство, при котором они могли бы успешно выполнять возложенную на них в фемах военную службу, Константин, с другой стороны, принял чрезвычайные меры к переселению павликиан из Сирии и Армении во Фракию.

Павликианство как церковное еретическое учение играет весьма важное значение в истории Византии. Основатель ереси Константин

происходил из местечка Мананали близ Самосата. Из исключительного уважения к имени апостола Павла он усвоил себе прозвание Сильвана и в 660 г. основал религиозную общину в Армении. В основе его учения лежал дуализм, и потому вначале павликианство смешивалось с древним еретическим учением манихеев. В 687 г. Сильван был казнен. Но его ученик и преемник Симеон, принявший имя Тита, дал этой секте большое распространение и перенес ее в Малую Азию. Павликиане считали себя преимущественными христианами и усвояли своему учению апостольскую древность. Видимый мир есть произведение злого начала, Демиурга, которому принадлежит и создание человеческого тела, почему они оказались в противоречии с христианской догматикой прежде всего в отрицании человеческой природы во Христе. Принимая учение о Троице, совершенно в противоположность православному учению развили догмат о Богородице. Не придавая чести и почитания Деве Марии, павликиане смотрели на Богородицу как на простой орган, которым воспользовалось божественное тело Спасителя. И в этом отношении они далеко уклонились от православного воззрения, приблизившись к ереси монофизитов. Уклоняясь от внешних обрядов богослужения, они не признавали поклонения иконам, отрицали посты, молитву и не принимали монашества. В смысле церковной обрядности держались простых обычаев апостольской Церкви, а из священных книг принимали Новый Завет за некоторыми ограничениями и отрицали книги Ветхого Завета, самым же высшим почетом у них пользовались послания апостола Павла. Отрицание церковного авторитета, стремление к простым формам апостольской Церкви и другие черты сближают павликиан с церковными учениями либерального характера, развившимися в средние века и подготовившими Реформацию, как богомилы, альбигойцы, гусситы.

Нельзя не видеть, что в религиозном и обрядовом учении павликиан были черты сходства в некоторых отношениях с системой иконоборческих императоров, но было бы трудно в настоящее время ставить вопрос о том, какими побуждениями руководился царь Константин — политическими или экономическими,— когда он пришел к мысли переселить во Фракию значительное число павликиан. Но за устранением вопроса о целях и побуждениях остаются перед нами во всей силе последствия этой меры. Прежде всего таким путем во Фракии усиливался народный элемент, какого там недоставало после обширной славянской иммиграции: крепкий и воинственный народ, имевший задачей противостоять болгарско-славянскому напору. Нельзя, с другой стороны, не считаться и с тем обстоятельством, что в европейских областях до сих пор не замечалось склонности к усвоению иконоборческих принципов, напротив, греческий элемент всемерно отстаивал иконопочитание и защищал эллинизм и православие. То обстоятельство, что с павлики-анами введен был в европейские провинции новый элемент, весьма благорасположенный к усвоению религиозной реформы, значительно ослабляло противодействие и приготовляло торжество новых идей и на Балканском полуострове — так, по крайней мере, могло думать правительство Константина V. Чтобы судить о том, сколько было жизненной силы и энергии у павликиан, достаточно указать на то, что эта религиозная секта дала начало славянскому богомильству, имевшему гнездо

в Филиппополе и распространившемуся по Балканскому полуострову в средние века, и что византийские императоры нашли в павликианах надежное военное средство в своей политике во Фракии и Македонии к ослаблению притязаний болгар и славян.

Независимо от вышеуказанного следует здесь отметить в заключение, что со второй половины VIII в. обнаруживается во всей своей силе то начало, которому предстояла весьма важная роль в истории византинизма. Уже из предшествующего можно было заметить, что с вступлением на престол исаврийской династии в Константинополе получает преобладание восточный национальный элемент и восточное политическое влияние. Цари иконоборческого периода, может быть, не всегда сознательно предпринимали реакцию против исключительно эллинских притязаний, которые сказывались в тогдашнем направлении византийской внутренней политики. Не может быть сомнения, что не рационалистические мотивы руководили иконоборческими царям в их реформах, как бы ни были способны подкупать в этом смысле некоторые их действия, а могущественно подействовавший Восток, вдохнувший жизнь и бодрую силу в арабов и давший религиозную систему павликианам. Иконоборчество держалось главнейше на Востоке, в европейских провинциях господствовали римско-эллинские предания и идеалы, которые под давлением победоносного мусульманского движения вместе с духовенством, монашеством и греческим народом передвигались все далее и далее на Запад.

Лев Исавр, дав физический отпор арабам под Константинополем, не был в состоянии противостоять тому духовному влиянию, которое шло с Востока без шума и без звона оружия. Эллинизация Вселенской Церкви была уже совершившимся фактом в VII в. и Вселенская патриархия, благодаря своей эллинской исключительности, уже выбросила из своих недр громадные области, населенные христианами. С иконоборческими царями ставился на очередь громадной важности вопрос для всего последующего культурного развития: возобладает ли в империи эллинизм или же нет, ограничится ли византинизм осуществлением эллинских политических и национальных притязаний, как они выражались в церковной политике, или же воспримет к общению восточные народные начала и тем даст более широкую постановку делу дальнейшего развития. Колебание правительства в смысле отношения к этим двум основным программам характеризует эпоху иконоборческого движения и свидетельствует об ожесточенной борьбе людей того и другого направления. В царствование Константина V правительство бесповоротно шло к утверждению азиатских элементов. Переселение павликиан во Фракию было весьма искусной мерой к распространению воззрений, подрывавших господствующую религиозную систему. В этом же смысле следует объяснять и выселение греков из Пелопонниса и с островов. Ослабление эллинизма в Греции шло рядом с усилением здесь славянской иммиграции; привлечение в столицу новых элементов населения, и притом отовсюду, также содействовало тому, чтобы в Константинополе образовались космополитические тенденции, чтобы на место римских традиций привились восточноазиатские и чтобы эллинизм утратил в империи то значение, которым доселе пользовался. Таким путем приготовлялась почва к тому, чтобы на патриаршем престоле появился

славянин, и чтобы верхи служилого дворянства сильно окрасились наплывом восточных элементов.

Значение мусульманского вопроса для империи до известной степени разрешено было политикой Льва Исавра. В царствование Константина с арабами продолжались, правда, столкновения и были даже войны, но, в конце концов, успех чаще был на стороне Византии и — что касается Северной Сирии и Месопотамии — здесь границы империи вследствие побед, одержанных над арабами Константином V, приближались к Даре и Нисиби, пограничным крепостям лучшего времени политического и военного могущества Византии. Гораздо серьезней было положение дел в Европе. Занявшая провинцию Мизию болгарская орда, по-видимому, обнаруживала большую склонность к расширению по Балканскому полуострову и к усвоению византийского военного искусства и культуры. В этом отношении болгаре весьма выгодно отличались от своих соплеменников, не раз приходивших в Европу и занимавших культурные области, как авары, гунны, половцы и др. Нужно думать, что к половине VIII в. они уже перешли от Дуная на юг и утвердились на том месте, где открыта их столица недавними раскопками Р.А. института. Хотя формально владения их продолжались до Балканских проходов, которые империя удерживала за собой в качестве естественных укреплений, не нуждавшихся в больших гарнизонах для своей охраны, но фактически уже во время Льва Исавра болгаре свободно проходили горные клизуры и неожиданно являлись на юг от Балканов, внося опустошения и грабеж в малозащищенные открытые места. Чтобы обезопасить себя от подобных неожиданных нападений, империя вносила ежегодную дань для удовлетворения хана и его дружины. Вместе с тем, находя проходы, частью уже находившиеся во власти болгар, недостаточной защитой границы, император начал строить на южном склоне Балканских проходов κάστρα, или укрепления, защищавшие пограничную линию; кроме того, стали организоваться новые поселения из переселенцев Сирии и Месопотамии.

После хана Тервела, современника Льва, значительный период, соответствующий царствованию Константина, отмечается правлением хана Кормисоша, основателя новой династии ханов, по отношению к которому имеются точные известия в византийской летописи. Именно: под 755 г. сообщено, что во Фракии поселены сирийцы и армяне, от которых распространилась ересь павликиан, и что в то же время болгаре потребовали дани за построенные укрепления[10]. Когда Константин отказал им в требовании, болгаре сделали на империю набег и опустошили всю Фракию, дошедши до Длинных стен, проведенных еще Анастасием в 504 г. от Силиврии до Деркона для защиты столицы и ее окрестностей. Что последовало за этим походом, трудно решить, т. к. известия писателей не согласны между собой. Если отдать предпочтение известию патриарха Никифора, то за этот поход болгаре поплатились весьма дорого, т.к. царь Константин погнался за ними, обремененными добычей, и нанес им сильное поражение. Не ограничиваясь этим, он собрал морскую силу и сухопутное войско и, высадившись у Дуная, опустошил болгарские селения и взял многих в плен. Сухопутное же войско напало на болгар близ укрепления Маркеллы, поблизости от границы, и обратило болгар в бегство. Тогда болгаре стали просить

мира и дали в заложники своих детей[11]. По словам историка Феофана, события происходили не так счастливо для Византии, ибо болгаре благополучно возвратились домой, а через четыре года нанесли Константину, сделавшему на них поход, сильное поражение в Берегавском проходе [12]. Хотя положение укрепления Маркеллы не может быть с точностью определено, но для нас имеет значение то обстоятельство, что Маркеллы и проход Берегава у наших писателей стоят одно вместо другого. Есть полное основание думать, что тогда болгаре не распространяли еще свою власть далее Балканских ущелий, и что граница находилась в это время на южном склоне Балкан, будучи отмечена рвом и валом (эркесия) и рядом укреплений [13].

В ближайшее затем время в Болгарии начались внутренние смуты, сопровождавшиеся насильственным низвержением ханов и возведением на их место представителей отдельных племен. Этот период борьбы племенных старшин, составлявших совет хана и стремившихся к ограничению его власти, продолжался значительное время и, конечно, имел важные последствия для болгар. Племенная аристократия, стремившаяся к ограничению власти ханов, должна была нередко искать помощи у соседней империи, а отдельные представители власти, или изгнанные, или притесняемые боярами, спасались целыми семьями в Константинополь и искали содействия и помощи у императора. Вместе с этим началось заметное влияние на жизнь и нравы болгар со стороны Византии. В 762 г. «болгаре подняли бунт и перебили властителей своих, преемственно занимавших у них власть хана, и избрали себе мужа злонамеренного по имени Телец, которому было 30 лет от роду»[14]. То обстоятельство, что хану Телецу византийский писатель придает неодобрительную характеристику, должно быть объясняемо в том смысле, что он наделал немало неприятного Византии. И, действительно, в это время наблюдаем сильное движение на болгарско-византийской границе. Прежде всего Телец сделал нападение на пограничную область и начал сильно угрожать византийским укреплениям, устроенным для защиты славянского населения Фракии.

В связи с этим движением находится факт громадного переселения славян в Малую Азию. Можно весьма пожалеть, что не сохранилось указаний на ближайшие обстоятельства, при которых происходило это переселение, но связь его с болгарским походом на Фракию не может быть отрицаема. Говорят, что громадная масса славян числом в 208 тыс. переправлена была Черным морем и поселена в Вифинии на р. Артане . Чтобы понять значение того переселения славян, следует принять в соображение следующие обстоятельства. Колонизацией славянами Малой Азии византийское правительство, конечно, достигало важных результатов в политическом, экономическом и военном отношении. Поставленные в совершенно новые условия и отделенные от общения со своими соплеменниками, переселенцы должны были с течением времени утратить свои племенные особенности и поступиться привилегиями, какие на первых порах давало им правительство. С другой стороны, переход такой большой массы народа из Фракии или Македонии необходимо должен был оставить на месте значительную пустоту, которая, правда, пополнялась новыми пришельцами, но во всяком случае не могла не вызывать значительного нарушения экономического и админи-

стративного строя. Если переселение происходило из пограничных с болгарами областей, то оно имело целью предупредить завоевание и усиление болгар новыми подданными. Если рассматривать переселение как акт добровольный, то он показывает, как неспокойно было положение на Балканском полуострове и как мало было у славян желания менять византийское господство на болгарское. Некоторым объяснением к этому служит то, что последовало в ближайшее время.

Император приготовил большой поход на болгар из морских и сухопутных сил. На судах была отправлена конница, 800 хеландий по 12 всадников на каждой, имевшая назначением Анхиал; сухопутное войско пошло через Фракию на соединение с конницей. Это было в июне 762 г. Хан Телец со своей стороны сделал нужные приготовления, именно собрал с подчиненных и соседних с болгарами славянских племен |20-тысячное войско и выступил против императора. Но в анхиальской долине болгарскому войску нанесено было окончательное поражение, множество неприятелей было перебито, часть взята в плен, а иные сдались добровольно. Константин с блестящей добычей и пленниками возвратился в Константинополь, где устроил триумфальное шествие, а пленников отдал в ипподроме цирковым партиям и народу. Поражение при Анхиале может считаться одним из важнейших военных дел царствования Константина. Победа над болгарами возбудила в Константинополе чувство удовлетворения и сильно подняла авторитет императора. Нужно думать, что была взята и значительная добыча. Очень любопытный факт передан у писателя Никифора, что в числе военной добычи были два больших золотых сосуда, каждый весом до 800 литр, отлитых в Сицилии[16]. Для хана болгарского это поражение имело роковые последствия, т. к. оно было причиной новой революции. Болгаре не хотели более оставаться под таким неудачливым предводителем, подняли против него движение и убили его и вместо Телеца поставили Савина, зятя прежнего хана Кормесия[17]. Последовавшие затем события весьма характерны для занимающей нас эпохи болгарской истории.

Новый хан искал сближения с Константинополем частью для того, чтобы возобновить мирные отношения, нарушенные неудачной войной, частью и для foro, чтобы найти опору в Византии против туземных партий. Сношения хана с императором, действительно, были истолкованы в весьма неблагоприятном смысле. «Ты хочешь поработить Болгарию ромэям?» — резко бросали болгаре обвинение своему хану[18]. И болгаре были до известной степени правы в своих подозрениях. Ход событий направлялся к тому, что при дворе ханов составилась уже византийская партия, и что византийское влияние чувствовалось уже на болгарах. Произошел вновь бунт среди болгарской служилой аристократии. Савин бежал в город Месимврию и искал покровительства у императора, а на его место провозглашен новый хан в лице Пагана*. Между тем, император принял меры к тому, чтобы жены хана и приверженцы его не потерпели обид в Болгарии, и приказал всех их выдать посланным для этого людям.

* Здесь староболгарский именник дает другие имена сравнительно с византийскими источниками. В первом за Телецом следует Винсх, потом Умар.— Byz. Zeitschr XIX. S. 143.

Таким образом, в Константинополе оказалась теперь вся семья хана и его приверженцы.

Все заставляет думать, что после 762 г. болгаре находились в весьма удрученном состоянии, частью происходившем от внутренней смуты, частью вследствие утраты военного значения. В Константинополь были отправлены послы с предложением заключить мир, но здесь не приняли предложений и угрожали новым походом. Тогда хан Паган лично явился в Константинополь для переговоров о мире. Это было уже полное торжество для Византии; в столице воспользовались прибытием хана, чтобы произвести впечатление на варваров блеском и богатством двора и преимуществами культурной жизни. На торжественном приеме, оказанном болгарам, царь сидел на троне, окруженный свитой, рядом с ним на другом троне сидел бывший хан Савин. Все заставляет предполагать, что император не хотел признать нового хана и требовал восстановления в правах своего подручника, нашедшего в Константинополе защиту и поддержку. Этим можно объяснять выраженное им неудовольствие против болгар за их смуты и вражду к Савину. Если на этот раз он согласился заключить мир, то неясно, на каких условиях.

В то время как Савин оставался в Константинополе, в Болгарии, по-видимому, управлял Умар, но его положение было весьма ненадежно, т.к. он был посаженик императора. Кроме того, для характеристики взаимных отношений Византии и Болгарии того времени весьма любопытны следующие данные, далеко не получившие надлежащего освещения в источниках[19]. Именно: император в это время (ок. 764г.) мог, по-видимому, с полной свободой распоряжаться в Болгарии, где уже у него были тайные приверженцы, в особенности же важно было то, что он лишил болгар той поддержки, какую они всегда находили в славянах. Князь племени северян Склавун, который служил во Фракии орудием враждебной политики ханов и производил большие опустошения, принужден был стать в зависимые отношения к империи; точно так же старшина племени скамаров, перешедший в мусульманство и носивший имя Христиан, был приведен в Константинополь пленным и подвергся мучительной казни. Весьма любопытно здесь мимоходом брошенное замечание писателя, что этого несчастного отдали после отсечения рук и ног врачам для «исследования строения человеческого тела».

Трудно выяснить обстоятельства, которыми сопровождался внутренний переворот в Болгарии. После Умара, который был посаженником Константина Копронима и заместил Савина-Винеха, мы видим на ханском престоле Токту. Этот последний переворот вызвал решительные меры против Болгарии. В начале 765 г. император неожиданно двинулся походом в Болгарию и без всякого сопротивления прошел Балканскими проходами. Здесь на северной стороне гор была уже болгарская область, на которой во многих местах располагались хринги, или аулы. Константин напал на один из таких аулов на р. Тыче, или нынешней Большой Камчии, где впоследствии возникла Преслава, и поджег его[22]. На следующий год предпринят был новый поход в Болгарию и притом с чрезвычайными силами. Прежде всего была снаряжена громадная флотилия в 2600 судов, на которую были посажены войска из фем, кроме того,

значительное сухопутное войско пошло Фракией к Балканским проходам. Что касается флота, он должен был высадить войска в Месимврии и Анхиале и, очевидно, действовать затем в связи с пешими отрядами. Но все предприятие на этот раз окончилось большой неудачей. У берегов Болгарии флот был застигнут сильной бурей, которая разбросала и разбила суда и погубила множество войска, так что император «приказал сетями вылавливать из воды трупы и предавать их погребению». Это было в июле 766 г. На несколько лет затем совершенно прекращаются известия о византийско-болгарских отношениях.

К 772 г. в Болгарии мы находим вновь избранного хана в лице Телерига. Можно догадываться, что это не был посаженик императора, т. к. с этого времени вновь усиливается наступательная политика против болгар. И на этот раз предполагалось вести войну на два фронта. По этому поводу у Феофана есть пикантное известие, немало смущавшее славянских исследователей: «В этом году в месяце мае, 12-го индикта*, двинул Константин флот в 2 тысячи судов против Болгарии и сам, сев на красные хеландии, направился в поход с целью вступить в реку Дунай. Стратиги конных фем должны были подступить к проходам, чтобы сделать попытку ворваться в Болгарию, пользуясь замешательством, вызванным движением флота». Подчеркнутое выражение «красные» по-гречески передано словом ρούσια, а это слово долго объясняли в смысле «русские» и видели здесь самое древнее упоминание о народе русском. Но то, что последовало, далеко не соответствовало задуманному плану. Ни с той, ни с другой стороны не было желания воевать, и на мирные предложения со стороны Болгарии последовало полное согласие заключить прочный мир. В тех выражениях, которые употребляет писатель для обозначения условий мира, можно видеть указание на то, что он сам читал мирный договор, заключенный в то время[23]. Но все заставляет думать, что искреннего желания мира не могло быть ни у болгар, ни у греков. Раз граница между теми и другими не могла быть твердо установлена, т. к. она была уже за Балканами в так называемой Восточной Румелии, то взаимное обязательство не переступать границы не могло быть исполнено, даже если бы на то было желание. Кроме того, в это время сфера политического влияния болгар распространилась уже далеко на юг и запад между славянскими племенами, так что недоразумения и столкновения интересов могли происходить и не на границе. Таков именно характер дальнейших отношений между обеими сторонами.

В Константинополе было получено известие «от тайных друзей» из Болгарии, что там подготовляется поход в Македонию против славянского племени велесичей с целью переселить их в Болгарию. Слух пришел как раз в такое время, когда в столице были болгарские послы, которые, конечно, свидетельствовали о мирных расположениях своего хана. Чтобы обмануть их внимание и вместе не пропустить времени для своевременного воздействия на болгар, Константин оповестил о предстоящем походе против арабов и приказал переправлять через пролив военные запасы. Но как только вышли болгарские послы, он собрал большой отряд из фракийских тагм и Фракисийской фемы и поспешно

* Индикт указывает на 774 г., но здесь хронология неверна.

двинулся к болгарской границе Сражение произошло в местности Лифосорий и окончилось большим поражением болгар*. Но Византия была не в состоянии нанести болгарам решительного удара. Даже наиболее успешные военные походы ограничивались небольшим исправлением границы и постройкой новых пограничных укреплений, которые, однако, не достигали своей цели — оберегать пределы империи от враждебных наездов.

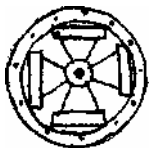
В 774 г. состоялся новый поход. И снова видим огромный флот и кавалерийский отряд, направляющийся к границам Болгарии. Корабли дошли до Месимврии и здесь рассеяны были бурей, поход оказался не достигшим цели. До какой степени переплетались отношения между Болгарией и империей и как сильно было влияние Византии в ханстве, видно, между прочим, из следующего. Телериг не мог привести в исполнение ни одного замысла против Византии без того, чтобы об нем не было предварительно доведено до сведения императора. Понимая, что ему изменяют его же собственные подданные, он придумал следующую хитрость, чтобы узнать имена их. Уведомляя императора, что политические обстоятельства заставляют его искать прибежища в Константинополе, он просил его сообщить ему, кто в Болгарии приверженцы императора, чтобы ему можно было открыться перед ними и вместе с ними бежать из Болгарии. Будто бы император выдал ему имена своих приверженцев, и Телериг приказал казнить их.

В 775 г., в год смерти своей, Константин вновь сделал поход в Болгарию. О результатах сего девятого по счету похода трудно судить, т.к. император в походе заболел и не мог принимать личного участия в этом предприятии. С большим трудом перенесли его на носилках в Силиврию, а на пути домой он умер в сильных мучениях. При его преемнике, царе Льве IV, хан болгарский Телериг бежал в Константинополь и был здесь дружественно принят и обласкан. В первый раз теперь получаем известие о реальном влиянии византийской христианской культуры на языческих болгар Телериг был обращен в христианство и крещен, получил сан патрикия и женился на византийской принцессе. После того на несколько лет прекращаются известия о Болгарии.

Бросая общий взгляд на болгарско-византийские отношения при Константине V, мы должны признать, что и здесь, подобно как на восточной границе, империя постепенно перешла из оборонительного в наступательное положение, и что постройкой линии укреплений на юг от Балкан император пытался положить пределы распространению болгарской власти. По-видимому, не так успешны были попытки Константина задержать движение болгар по направлению к Македонии. Здесь среди южных славянских племен болгаре в течение VIII в. приобрели себе значительное влияние, которое сказалось совершенно ясно в начале следующего века. Успех Константина V объясняется не только его смелыми и большей частью хорошо организованными походами внутрь враждебной страны, но и системой укреплений на севере Фракии и военным устройством, данным пограничным областям, почему болгарская конница не осмеливалась делать наезды по Фракии и опустошать окре-

* Несомненно, нужно искать у Балканских гор близ Сливена—Известия X.

стности Константинополя В высшей степени важно, конечно, и то, что болгарские ханы стали посещать Константинополь и испытывать те могущественные влияния и глубокие впечатления высокой сравнительно культуры, роскоши и искушений блеска и почестей придворных, на которые всегда и все народы шли так охотно и которыми Византия умела приобретать себе приверженцев. Весьма может быть, что указанный порядок вещей сулил Болгарии в близком будущем большие политические и национальные утраты, как это происходило со многими славянскими племенами, старшины и князья которых подпадали влиянию византийской политики. Но к счастью для болгар период внутренних смут скоро завершился, и в начале IX в. они вступили в новый период национальной политики.

Глава VI

Иконоборческое движение при Константине Копрониме

И чтобы дать более или менее точное представление об иконоборческом движении, мы предполагаем провести историю этого движения при сыне Льва Исавра, не касаясь внешних событий. Царь Константин, не считавшийся вообще с препятствиями во внешней политике, не менее страстности и прямолинейности внес и в церковный вопрос, который, впрочем, не им был поставлен на очередь и не им доведен до окончательного решения. В высшей степени трудно выяснить мотивы, руководившие Константином в его церковной политике. Можно думать, что он не вполне оценил последствия иконоборческой политики и не понял, что она заведет его так далеко. Следует считаться с тем все более и определенней выясняющимся обстоятельством, что само иконоборческое движение получило свое направление далеко не сразу, а постепенно и вследствие сложных условий, вызванных временем и личными характерами исторических деятелей. Нельзя забывать и того, что применение принципа иконоборчества было делом политической и церковной партии, с одной стороны, и исаврийской династии—с другой. И подразумеваемая партия, вербовавшая приверженцев всюду, и сама новая династия, принявшая под свою защиту иконоборческую политику, постепенно привнесли в историю этого движения такие новые элементы, которые не следуют логически из богословских и философских оснований, как они были поставлены в начавшейся борьбе.

По всей вероятности, при Льве Исавре не были строго проведены постановления относительно поклонения иконам. После изданных им эдиктов в 726 и 730 гг., о которых, впрочем, мы очень недостаточно осведомлены, не было предпринято никаких новых распоряжений. Короткое правление Артавазда едва ли могло изменить положение дела, кроме того, его церковная политика, если даже она была искренняя, а не показная, не сопровождалась внутренними реформами. Восток при нем был в брожении и в значительной степени держал сторону Константина, а на Западе эдикты против икон и вообще не имели применения. Таким образом, со времени воцарения Константина V для церковной политики представлялись несколько новые требования, вызываемые изменившимися обстоятельствами. И прежде всего в течение 11 лет по вступлении на престол Константин не решался затронуть церковных вопросов. Правда и то, что это были годы беспрерывных почти войн на восточной и западной границе, годы напряженной деятельности к удержанию внешних врагов на почтительном расстоянии от границы империи. Первые известия о возвращении Константина к иконоборческой политике своего отца относятся к 752 или 753 г. К этому времени переселены были во Фракию павликиане, которые ближе всего стояли к церковным воззре-

ниям иконоборчества, к этому времени также приобретены были значительные успехи над арабами в Северной Сирии.

При оценке мероприятий Константина по отношению к церковной политике следует принимать в соображение, что он не прежде приступил к решительным действиям, как собрав церковный собор, на чем настаивал еще патриарх Терман и ревнители иконопочитания при Льве. Само собой разумеется, это было довольно опасное средство, т. к. собор мог прийти к другим решениям, чем какие имел в виду император, но раз он решился подвергнуть столь важный вопрос обсуждению епископов, собранных от всего христианского мира, то мы должны верить, по крайней мере, что он искренне относился к предпринятому делу и готов был предоставить его обсуждению широких церковных кругов. Во всяком случае, здесь мы можем руководиться довольно точными данными и войти в некоторые подробности бесспорно одного из самых любопытных вопросов в истории Византии.

Принимая во внимание, что созванию собора в Константинополе предшествовало обсуждение догматической и церковной стороны вопроса об иконопочитании на частных собраниях, можно допускать, что предварительные меры к привлечению на свою сторону приверженцев император начал употреблять с 752 г.[2] В высшей степени важно прежде всего определить личную роль Константина V в официальной постановке дела и отношение к нему византийского духовенства. В жизнеописании св. Никиты игумена есть весьма любопытное место в этом отношении. «Некоторые полагают,—говорит жизнеописатель,— что эта ересь не имеет большого значения, и потому легко склоняются к ней, а другие даже не усвояют ей наименования ереси, а просто рассматривают как несогласие во мнениях. По моему же мнению, эта ересь чрезвычайно важная, и думаю, что со мной согласится всякий благомыслящий: она ниспровергает все домостроительство Христа. И о том следует подумать, что основателями других ересей были епископы либо священники, эта же ересь произошла от самих императоров; прочие ереси развивались и усиливались мало-помалу через распространение и опровержение, эта же в самом начале была могущественна, так как опиралась на императорский авторитет»[3]. Личное участие императора Константина в распространении иконоборческих идей засвидетельствовано еще в следующих словах того же писателя: «Я забыл и это сообщить вам, что сам читал 13 поучений Константина, которые сказаны были в течение двух недель, но которые не имеют важности»[4].

Другие литературные произведения, касающиеся начала иконоборческого движения при Константине, точно так же частию были направлены лично против императора и в опровержение им самим изложенных богословских воззрений. Таковы главнейше обличительные слова, принадлежащие патриарху Никифору, составленные приблизительно в 810—820 гг. и дающие множество драгоценных материалов для выяснения личной точки зрения Константина V[5]. Возражая на сочинение неизвестного писателя, которого он называет Мамоном и под которым разумеется Константин Копроним, Никифор определенно указывает главные мнения «изобретателя и отца» нового догмата, так что мы имеем твердую почву под ногами для определения той стадии, на которой стоял иконоборческий вопрос накануне созвания собора, и того

положения, которое занимал в этом вопросе сам император. И есть полная вероятность в предположении, что патриарх Никифор находил для себя материал для возражений и спора именно в тех письменных поучениях, о которых говорено выше, хотя в его время иконоборческая система была уже изложена в официальных соборных актах. Обличительные слова Никифора показывают, что к половине VIII в. иконоборческий вопрос получил такое развитие, какого он еще не имел при Льве Исавре. Что всего важней, дело далеко не ограничивалось отрицанием поклонения иконам, а перешло в христологическую полемику и в отрицание культа Богоматери[6].

Чтобы приготовить умы к указанным вопросам, император воспользовался предвыборными собраниями, устроенными в различных местах, и до известной степени создал себе партию среди высшего духовенства. В течение 752 г. разосланы были приглашения на собор, который должен был состояться в начале следующего года и быть открытым во дворце Иерии, на азиатской стороне Мраморного моря, между Хрисополем и Халкидоном (ныне Мода). Перед открытием собора умер константинопольский патриарх Анастасий, но император не спешил с замещением вакантного престола, хотя присутствие даже и одного патриарха могло придать собору больше авторитета. Это тот самый патриарх, который перешел на сторону Артавазда из-за принципа иконопочитания, а потом перекинулся к Константину V и, по-видимому, разделял его церковные и догматические воззрения. Февраля 10-го 753 г.[7] собралось многочисленное собрание епископов, числом 338. Нужно принять в соображение, что Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархаты, как находившиеся под властью мусульман, не могли участвовать в деятельности собора; что касается римского епископа, то хотя его уполномоченные были как раз в это время в Константинополе, но на соборе не присутствовали. Ниже мы будем иметь случай рассказать, какие важные задачи разрешались тогда в Риме и как важно было папе Стефану быть в стороне от движения, затевавшегося на Босфоре. Председателем собора был назначен ефесский епископ Феодосии, сын императора Тиверия III (698—705), помощниками его были Сисинний, епископ Перги Памфилийской, и Василий, епископ Антиохии Писидийской. Деяния собора продолжались от 10 февраля до 8 августа во дворце Иерии, а от 8 до 27 августа во Влахернской церкви Богоматери, где происходило назначение нового патриарха в лице Константина, епископа силейского, и где объявлены были окончательные постановления, скрепленные подписями членов и утвержденные императором, по господствовавшему в практике обычаю.

Деяний этого собора не сохранилось, и мы не имеем возможности восстановить то, что происходило на его заседаниях. Но самое существенное, т. е. соборное определение, так называемое δρος, и введение к нему, помещено в деяниях или протоколах VII Вселенского собора, имевшего место в 786/87 г. и которого главным назначением было лишить канонической важности постановления собора, бывшего при Константине V. В 6-м заседании этого собора Лев Асикрит сделал предложение рассмотреть акты занимающего нас иконоборческого собора и выслушать приготовленное уже в предварительной комиссии опровержение сделанных на нем постановлений. Доклад был разделен между

епископом неокесарийским Григорием и диаконами Иоанном и Епифа-нием. Первый прочитывал статью за статьей определения иконоборческого собора, последние докладывали опровержения на каждую статью[8]. Чтобы составить себе некоторое представление о происходившем на соборе, мы должны обратиться к тому документу, который был прочитан на соборе диаконом-сакелларием Иоанном. Но прежде приведем несколько справок, рисующих нравы той эпохи.

Вся та часть соборных протоколов, где предъявлялись документы и излагались положения противной стороны, имеет большой литературный и исторический интерес, т. к. делались ссылки на сочинения, которые теперь безвозвратно утрачены. Несколько мест здесь не будут излишни в буквальной передаче для характеристики того возбуждения и страстности, какими сопровождалась иконоборческая борьба[9]. Так, диакон и скевофилак Димитрий заявил: «Осматривая святую и великую церковь, я нашел там утраченными две книги, которые были снабжены серебряными изображениями. При расследовании оказалось, что еретики бросили книги в огонь и сожгли их. Еще я нашел книгу Константина Хартофилака, в которой говорилось об иконах, но злонамеренные люди вырезали листы, где было место об иконах, и вот теперь эта книга у меня в руках, и я заявляю ее святому синоду». Лев, епископ фокейский, сказал: «В представленной книге пропало несколько листов, а вот в моем городе предано сожжению больше 30 книг». Диакон Косьма сказал: «Вот эта книга, найденная мной в патриархии, содержит Ветхий Завет, к ней были присоединены схолии, и, между прочим, одна в защиту святых икон, но наветники истины выскоблили эту схолию. Посмотрите это место, тут немного можно еще разобрать». Он же показал другую книгу, повествующую о подвигах мучеников и о нерукотворной иконе Камулианской, но в ней вырезаны листы об иконах. Патриарх Тарасий указал на книгу Лимонарь, в которой оказались вырезанными листы о святых иконах.

Можно было бы ожидать, что сами отцы собора, ввиду представления стольких случаев безжалостного истребления книг, с большей осторожностью отнесутся к вещественным доказательствам противной партии, но на том же соборе торжествующей партией был подан голос против всех сочинений, написанных против икон, этот голос требовал уничтожения их огнем и анафематствования их авторов. До какой степени варварства дошло в эту эпоху обращение с так называемыми историческими справками, видим из полного недоверия к так называемым цитатам, из подозрения везде плагиата. Известный Феофан Начертанный в личном споре с императором Феофилом привел одно место из Исайи. Феофил возразил, что это место не так читается в его книге, и подтвердил справедливость сказанного чтением места по раскрытой сейчас же книге. Феофан стал горячиться и кричать, обвиняя императора, что он портит всякую книгу, к которой прикоснется. «Пусть, присовокупил он,— принесут ту книгу, которая находится в патриархии и лежит в библиотеке на таком-то месте, тогда я поверю». Послали за этой книгой. Феофан протянул руку со словами: «Нужно перевернуть три листа, и там найдешь искомое место».

Но возвратимся к собору и его постановлениям, прочитанным в 6-м заседании VII Вселенского собора. Прежде всего, оказывается, что собор 753г. называл себя «святым Вселенским седьмым собором», это

место возбудило строгую отповедь со стороны диакона Иоанна, который совершенно отрицает за ним законное право на имя Вселенского. Затем во вступительной части, из коей приведены наиболее важные положения, заключается следующее. Хотя Моисей и пророки осудили поклонение твари паче создавшего, но люди впали в этот тяжкий грех; дабы спасти человечество, Бог послал на землю Своего Сына. Но диавол с течением времени снова ввел идолопоклонство под личиной христианства. Водимые Духом Святым благочестивые императоры созвали собор епископов, чтобы исследовать вопрос о ложном влиянии икон, отвлекающих дух людей от почитания, приличествующего Богу, к постыдному и материальному поклонению творению. Мы пришли к убеждению, что искусство живописи составляет хулу на основной догмат нашего спасения, т. е. на воплощение, и противоречит мнению шести вселенских соборов. Все святые отцы и вселенские соборы единогласно учили, что никто не может допускать соединения или смешения на место неисповедимого, неизреченного и необъяснимого соединения двух природ в одной ипостаси. Что же делает невежественный живописец, который, руководясь прибылью, изображает то, что не должно быть изображено, и хочет своими грязными руками дать форму тому, что воспринимается лишь сердцем и исповедуется устами? Сделав изображение, называет его Христом. Имя же Христа обозначает Бога и человека. Следовательно, здесь имеем образ Бога и человека, т. е. художник без рассуждения изобразил божество, которое не может быть изображено, и смешал в своем изображении божество с сотворенной плотию, т. е. допустил такое смешение, которое никогда не должно иметь места. Кто почитает этот образ, так же виноват, как и живописец. И автор, и почитатель находятся в том же заблуждении, как Арий, Диоскор и Евтихий. Итак, кто делает изображение Христа — изображает божество, которое не может быть изображаемо, и смешивает его с человечеством (как монофизиты) или еще описывает тело Христа как бы не обожествленное, как бы отдельное и как бы различное, как думают несториане. Что касается изображений Марии, пророков и мучеников, то, говорится в протоколах, и эти изображения должны быть отвергнуты.

Христианство вконец истребило язычество и, следовательно, не только языческие жертвы, но и языческие изображения. «Основываясь на Священном Писании и на творениях святых отцов, мы объявляем единогласно именем св. Троицы, что мы осуждаем и изгоняем из христианской церкви всякое изображение, сделанное при помощи живописи. Кто на будущее время позволит себе сделать подобное изображение, или кланяться ему, или поставить его в церковь или в частный дом, или даже тайно иметь у себя подобное изображение, он подлежит извержению из сана, если он епископ, священник или диакон, или анафематствованию, если он монах или мирянин; он подвергнется, кроме того, ответственности по гражданским законам, как противник Бога и враг догматов, заповеданных святыми отцами».

В заключение указано еще несколько общих правил, характеризующих положение иконопочитания до созыва собора: «Запрещаем под предлогом борьбы с заблуждением писанных изображений налагать руку на священные сосуды и на одежды ради переделки тех частей, которые имеют изображения, равно как и на покровы и на предметы культа. Прежде чем предпринимать в Церкви какие изменения, надобно

спрашивать разрешения у патриарха или у императора. Никто из архонтов и лиц гражданского чина не имеет права под предлогом икон врываться в св. церкви и совершать в них насилия, как это случалось уже»[10]. Затем следовали специальные постановления против иконопочитания, причем за каждой статьей произносилось анафематствование.

При обсуждении постановлений иконоборческого собора мы должны помнить, что самых протоколов его заседаний не сохранилось, а что в соборные деяния иконопочитателей внесены лишь окончательные постановления — с целью опровержения их. Между этими постановлениями нужно различать догматическую часть и, если позволительно так выразиться, прикладную — применительно к тогдашнему положению вопроса об иконопочитании. Что касается догматической части, то давно уже выяснено, что она вполне совпадает с учением Церкви, утвержденным на вселенских соборах, и признана православною на VII Вселенском соборе. Когда докладчик, епископ неокесарийский, прочитал на соборе догматическую часть иконоборческого определения[11], то диакон Епифаний так формулировал отношение к ней собора: «До сих пор мыслят согласно с творениями святых отцов, или лучше, усвоив себе отеческие мнения, приписали их себе». Но вслед за тем были прочитаны следующие постановления против иконопочитания, которые представляли собой как бы вывод из догматических положений:

1) кто пытается представить вещественными красками божественный образ Бога-Слова по воплощении, а не поклоняется Ему всем сердцем, умственными очами — анафема;

2) кто пытается человекообразно описать вещественными красками неописуемое естество и ипостась Бога-Слова в воплощении и не признает, что и по воплощении оно остается неописуемым,— анафема;

3) кто пытается изобразить на иконе нераздельное по ипостаси единство природы и плоти Бога-Слова и называет этот образ Христом, допуская, таким образом, смешение двух природ — анафема;

4) кто разделяет соединенную в ипостаси Бога-Слова плоть и пытается изобразить ее на иконе — анафема;

5) кто разделяет на две ипостаси одного Христа, отдельно полагая Сына Божия и отдельно сына Марии, и признает между ними относительное единение, а не тождество,— анафема;

6) кто изображает на иконе обожествленную чрез единение с Богом-Словом плоть, как бы отделяя ее от воспринявшего и обожествившего божества,— анафема;

7) кто пытается изобразить вещественными красками Бога-Слова, принявшего в своей ипостаси образ раба и во всем нам уподобившегося, кроме греха, и отделяет Его от неотделимого и неизменяемого божества и вводит как бы четверицу в Святую и Животворящую Троицу — анафема;

8) кто не исповедует Приснодеву Марию истинной Богородицей, превысшей всей видимой и невидимой твари, и с чистой верой не испрашивает Ее ходатайства пред рожденным от нее Богом нашим — анафема;

9) кто пытается вещественными красками изобразить на иконах лики святых, а не вдохновляется, напротив, доблестями их, изображенными в их жизнеописаниях; кто не почитает их святости и не испрашивает их молитв как имеющих по священному преданию дерзновение ходатайствовать за мир — анафема.

Это, конечно, такие постановления, которые стояли уже в большом противоречии с церковной практикой. Но и по отношению к некоторым, по крайней мере, статьям можно сказать, что они не вполне обозначают положение вопроса. Вообще, в особенности статьи 8 и 9 о Богородице и о святых далеко не соответствовали официальным правительственным воззрениям на существо дела, что, впрочем, выражено и в протоколах VII Вселенского собора. Так, докладчик полемической части, диакон Епифаний, когда доложена была статья о почитании святых, прочитал: «Если ссылаются (члены собора 753 г.) на церковное предание, то должны бы исповедать и следующее: кто не принимает иконные изображения, да будет проклят. Ибо таково предание кафолической Церкви, весьма хорошо соответствующее цели дать нам напоминание в прототипах. Но бесстыдно уклонившись от этого таинственного поучения, они обращаются к кафолической Церкви с этим гибельным возгласом: не хотим знать твоих путей. Посему уже после оглашения настоящего их постановления они отвергли благоприятную приемлемость Богом ходатайств святых и выскоблили эту статью в своем постановлении»[12].

Следует отметить еще одно обстоятельство по отношению к занимающему нас собору. Хотя он был закончен обычными возглашениями и славословиями царям Константину и Льву, и хотя полное согласие между собором и царем, по-видимому, не нарушалось[13], но сохранились в литературе вопроса указания на то, что царь выступал в иконоборческом вопросе с более радикальными мнениями, чем принятые на соборе. Выше уже было говорено, что весьма интересные разъяснения к положению вопроса заимствуются из обличительных речей патриарха Никифора. Так, между прочим, патриарх говорил об отношении царя к епископам: «Изложив в присутствии епископов свое мнение и суждение об этом догмате и выразив согласие принять то, что ими постановлено, немного спустя, обдумав притворно сказанные слова, объявляет свое исповедание с учительским и судебным авторитетом» [14]. Далее следуют собственные слова Константина в передаче патриарха. «„Если мы убедили вас, что правильно рассуждаем относительно этого одного изображения (речь идет об образе Христа), то теперь побеседуем о других иконах, чтобы и об них вы составили себе понятие. И я охотно соглашусь с вашим определением, если оно будет согласно с мнением других епископов и если будет опираться на благовидные свидетельства". Таковы его выражения,— продолжает Никифор,— которые мы привели дословно, дабы показать его отчуждение от Бога и обличить его клятвопреступление и лицемерие. Что же это такое, что он предполагает говорить о других иконах, и какие он имеет цели? Наговорив много странных и нелепых вещей по поводу воплощения Бога-Слова, он нечестиво устремился к своему заблуждению относительно священных памятей святых и, прежде всего, против первейшей

между святыми и высочайшей из всех созданных существ, против Пречистой Владычицы нашей Богородицы, дабы и Ее подвергнуть хуле, как и рожденного от Нее».

Трудно было бы утверждать, заимствованы ли приведенные слова из собственных сочинений императора, или, напротив, они были произнесены им на соборе или в одной из соборных комиссий, но не подлежит сомнению самое существенное, что соборные определения были гораздо консервативней, чем собственные воззрения царя, и что с подписавшими соборные определения епископами государствующая Церковь могла еще впоследствии вступить в соглашение и принять их к общению. Принадлежащая Константину точка зрения определенно выясняется в дальнейшей речи патриарха Никифора. «Какие же цели преследовала его богоненавистная душа? И здесь не сослался ли он снова на неопису-мость, или не сказал ли, что святые состоят из двоякой природы, божественной и человеческой? Или, может быть, принял мнение тех, которые утверждают, что святые, по ипостаси двоякой природы состоя из души и тела, так что если их изображают, то по необходимости вместе с душой. Те же рассуждения, какие он применял к ипостаси Христа, суесловно употребил и относительно святых. Но поелику нет ничего нечестивого и гнусного, что он не измыслил бы против славы Бога и святых, и не было такой нелепости, какой бы он не предпринял для этого, то он прежде всего имел дерзость устранить слово Богородица и совсем изъять его из христианского словообращения. Ибо он не выносил этого имени и досадовал на него. Далее он устранил и отменил все соединяемые с этим именем молитвы и песнопения, с коими мы обращаемся к Рожденному от Нее, веруя в Ее ходатайство и предстательство непреложное. Наконец, вполне запретил молитвы и прошения под страхом наказания. Что и продолжать более о почитании других святых? Он не удовлетворился тем, что постыдно издевался над ними богохульными словами, но самые священные и честные останки их приказывал бросить в огонь и уничтожить»[15].

Весьма может быть, что у патриарха Никифора встречаются преувеличения и обобщения и что он сгущает краски, т. к. писал свои обличительные слова в то время, когда иконоборческая система дошла до своих последних выводов и легла всей невыносимой тяжестью на православную Церковь. Но и в других весьма близких по времени источниках сохранились указания на слишком прямолинейные мнения и весьма грубые по своей непосредственной простоте выражения Константина насчет священных предметов. Мы привыкли к выражениям, говорится в одном современном произведении: иду к Св. Марии, или к святым апостолам, или к св. Стефану, но тиран не терпит этих выражений и отнял у святых их титул. У писателя Феофана под 762/63 г. приводится следующий рассказ. Пригласив к себе патриарха, царь говорит ему: «А что будет, если назовем Богородицу Христороди-цей?» Патриарх же, бросившись ему на шею, говорит: «Помилуй, влады-ко, пусть и на мысль не приходит тебе такое слово. Разве не видишь, как позорится и проклинается всей Церковью Несторий»[17]. Царь сказал ему в ответ: «Я хотел только узнать твое мнение, а остальное уж твое дело!»

Теперь посмотрим на ближайшие последствия собора. Несомненно, самое важное состояло в том, что ослушникам соборных

определений угрожал гражданский закон, и что началось применение закона к отдельным лицам. После того как определения собора разосланы были по отдельным церквам, новый патриарх, провозглашенный на одном из последних соборных заседаний во Влахернской церкви, бывший силейский епископ Константин, должен был, прежде всего, привести в исполнение ту часть постановлений, которая касалась святых икон. Но первые годы Константин Копроним не производил вопиющих насилий. Может быть, основательно предположение, что войны с болгарами и другие дела отвлекали царя от церковной политики. Жизнеописание св. Стефана указывает на жалкую участь знаменитых церквей, которые лишались своих украшений, мозаик и фресковой живописи. Так, Влахернская церковь Богоматери, стены которой были покрыты картинами, изображавшими земную жизнь Спасителя, вместо беспощадно уничтоженных христианских сюжетов" снабжена была изображениями в новом вкусе: картинами природы, деревьями, птицами; в некоторых случаях заменяли церковные изображения сценами охоты, театральными представлениями и т. п. Но настоящее гонение на иконопочитателей начинается с 761 г., когда, в особенности в окрестных монастырях близ Константинополя, пострадало несколько истинных ревнителей святых икон. Тогда именно пострадали Петр Каливит, Андрей Критский и др. Но самым страшным периодом применения законов против иконопочитателей было последнее десятилетие жизни Константина. Под 764/65 г. у летописца замечено: в этом году нечестивый и безбожный царь ожесточился против всех боящихся Бога.

В особенности сильное впечатление произвело на современников жестокое распоряжение по отношению к одному из популярнейших подвижников — святому Стефану, жившему в монастыре св. Авксентия, против Константинополя. Патриарх Никифор, приступая к описанию мучений св. Стефана, предпосылает следующую характеристику положения. «Уже нечестие царя явно обнаружилось, и всякий путь благочестия подвергался порицанию, и жизнь благочестивых и богоугодных людей стала предметом хулы и издевательства, в особенности ужасному гонению подпало священное сословие монашествующих. Из них тех, которые блюли свой обет и оставались в своем чине и восставали против безбожного догмата иконоборцев, предавали разнообразным мучениям и истязаниям: у одних беспощадно выжигали бороду, у других выщипывали волосы на голове, иным пробивали головы досками, на коих были священные изображения, наконец, у некоторых вырывали глаза или бесчеловечно отсекали иные члены тела Как будто снова возродилось язычество, и пущено было в оборот всяческое средство, чтобы ослаблять и наносить вред ведущим богоугодную жизнь. Уже некоторых они увлекли в бездну погибели, уже есть такие, которые уступили их нечестивому повелению или принужденные насилием, или подкупленные ласкательством, или прельщенные деньгами, служебными преимуществами, или другими многообразными способами, поддаваясь обману,

отвергли свои обеты и, сняв почтенное одеяние, вместо постриженных оказались волосатыми и преобразились в мирское состояние, стали сноситься с женщинами и вступили с ними в сожитие» [18].

Против св. Стефана выставлено было обвинение, что он обольщает многих учением о призрачности житейской славы, что проповедует об отвращении от дома и родных, о презрении к царскому дворцу и о преимуществах уединенной жизни. За это он был подвергнут ударам и присужден к темничному заключению; наконец, связав веревками его по ногам, тащили его по городу и бросили его тело в предместье Пелагия, где погребались преступники[19]. Открылась в это время широкая дорога для доносов; кто желал выслужиться перед правительством, обвинял своих близких и знакомых в поклонении иконам. Многие из служилого сословия подверглись вследствие того различным наказаниям. Чтобы придать своей церковной политике абсолютное значение, император потребовал всеобщей присяги, чтобы каждый поклялся в верности иконоборческим постановлениям[20]. Говорят, что сам патриарх Константин позволил себе с амвона Великой церкви, положив руку на Животворящее древо, торжественно заявить, что он не принадлежит к иконопочитателям.

Эти радикальные меры, конечно, принадлежат светскому правительству, которое, по всей вероятности, имело главную опору в военном сословии. Уничтожение мозаичной и фресковой живописи в церквах и монастырях шло постепенно, в зависимости от обстоятельств. Так, живопись во Влахернах была уничтожена еще до собора, а в патриаршей церкви изображения оставались до времени патриарха Никиты (766— 780), при котором они были сняты или заменены светскими сюжетами. Не встречая протеста ни среди духовенства, ни среди светского общества, император наложил руку на церкви и монастыри и без стеснения обращал их на светские надобности. Общежительный монастырь Далмата обращен в казармы, монастыри Каллистрата, Дня и Максимина разрушены до основания[21]. В особенности пострадали церкви и монастыри с мощами. Так, мощи св. Евфимии были брошены в море, а храм обращен в склад военных предметов и в конюшни.

Понять психологию Константина V при оценке его церковной политики едва ли возможно при сравнительном недостатке известий, в особенности со стороны иконоборческой партии. Во всяком случае, историк должен считаться с бесспорным фактом, что на стороне иконоборческой политики императора было значительное большинство — и это не только среди военного и служилого сословия, но и вообще среди городского населения. Конечно, столица давала тон всему; конечно, по тому, как относились к императорским мерам в Константинополе, Константин мог судить о возможности применения тех же мер в провинции. Можно сказать, что интересы иконопочитания отстаивало одно сословие— это монахи. Эта сторона вопроса нуждается в особенно внимательном и подробном выяснении, т. к. в ней заключается объяснение реальной силы иконоборческого периода. Борьба с монахами составляет особый эпизод трагической истории Константина Копронима. Она начинается с 765 г и в течение пяти лет ведется с упорством и энергией. Силы были далеко не равные, и победа должна была оказаться на стороне

правительства, вооруженного и законом, и мечом. Напрасно было бы объяснять оказанное иконоборческому правительству сопротивление со стороны монахов исключительно материальными выгодами. В свое время мы попытаемся вникнуть в психологические мотивы знаменитого борца за иконы в первой половине IX в., игумена Студийского монастыря в Константинополе Феодора, и надеемся показать, какими могущественными средствами воздействия обладало и само монашество, почему оно в конце концов и могло удержать за собой оспариваемое у него поле.

Борьба против монашества, по-видимому, открылась громким делом против св. Стефана и сопровождалась целым рядом подобных же насильственных действий. Эта «ненавистная» раса, по выражению Константина, носящая одеяние тьмы, обречена была на окончательное истребление. Под страхом наказаний и темничных заключений множество монахов искало прибежища на Востоке, в патриархатах, подчиненных мусульманам, особенно же в Сицилии и Южной Италии, но значительная масса попалась в руки правительства. Св. Стефан в темнице Фиалы в Константинополе нашел 340 монахов, из них многие без глаз и с вырванным носом, с отрубленными руками и ушами[22]. Трудно было бы останавливаться на отдельных случаях, упомянутых в житийной литературе. Приведем более драматические рассказы.

В 766 г. император отправил в азиатские фемы своих верных стратигов: в Анатолику — Михаила Мелиссина, в Фракисийскую — Михаила Лаханодракона и в фему Вукеллариев — Манеса — с поручением принять энергичные меры против ненавистной «расы». В особенности распоряжения Лаханодракона изображены живыми красками у писателя Феофана[23]. Этот стратиг согнал всех монахов и монахинь своей фемы в главный город области, в Ефес, и, собрав их в равнине, объявил им: «Кто не хочет быть ослушником царской воли, пусть снимет темное одеяние и немедленно возьмет себе жену, в противном случае будет ослеплен и сослан на остров Кипр». Многие в этот день получили мученический венец, но много было и таких, которые изменили своим обетам и погибли.

Дабы предупредить возможность возникновения в своей феме новых монашеских общин, Лаханодракон привел в исполнение радикальную меру, именно, конфисковал монастырские имущества и распродал мужские и женские монастыри, священные сосуды, и книги, и домашний скот, и все монастырское достояние, и вырученные деньги внес царю. Монастырские и святоотеческие книги предал огню и, где находил останки святых, бросал в огонь и подвергал наказанию того, кто хранил у себя святыню. Словом, он не знал границы в своей жестокости, так что, по словам писателя, в этой феме не осталось ни одного носящего монашескую одежду. Насильственное обращение фракисийских монахов к брачной жизни было лишь воспроизведением того, что происходило в Константинополе. В разгар суровых мероприятий против константинопольского монашества (765) Константин устроил в августе месяце редкое зрелище в ипподроме. Здесь происходило шествие монахов и монахинь попарно, с каждым мужчиной шла женщина, а зрители плевались и издевались над участниками забавной процессии [24]. И, когда император громко выражался, что противные монахи не дают ему покоя, народ кричал: больше уж нет этого отродья[25].

Нельзя отрицать, что в конце царствования Константина иконоборческая борьба приняла совершенно иной вид, чем это было при Льве Исавре. Каждый период давал церковной политике иконоборцев новую окраску. Константин перенес все внимание на монашеское сословие, в котором нашел сильную оппозицию против принимаемых им мер относительно св. икон, и с течением времени за этой борьбой вопрос об иконах отошел на второй план. Насколько были необходимы эти меры, отвечали ли они назревшей государственной потребности и сулили ли империи возрождение и исцеление от экономических и социальных бед, это вопрос чрезвычайно деликатный, который неоднократно ставился в положительном и отрицательном смысле[26]. Нельзя переносить на время иконоборцев наши воззрения и создавать для людей VIII в. едва ли возможные для них планы. Прежде всего нужно заметить, что, как ни энергично велась борьба против монашеского чина, она не велась систематически и последовательно и потому не имела того результата, какой мог быть в виду.

Правительство располагало всеми доступными для него средствами, чтобы секуляризовать государство от преобладания Церкви. Но оно приступило к осуществлению той церковной политики, какая ему казалась наилучшей и по времени наиболее необходимой, без хорошо обдуманного плана и начало действовать не теми средствами, какие всегда находятся в распоряжении просвещенных правительств. Мы не находим у царей иконоборческого периода ни законодательных актов к организации социальных условий на новых началах, ни попыток распространить среди населения образование, ни новых административных мер к утверждению замышляемых реформ. Ни Константин V, ни те из его преемников, которые считали нужным вновь обратиться к тем же приемам борьбы, не считались с расположениями и настроениями своих подданных и главнейше той части населения, которой суждено было стать во главе византинизма и из которой — может быть, даже к большому несчастию империи — на все будущее время правительство черпало свои главные культурные и административные силы. По нашему мнению, церковная политика исаврийской династии обречена была на полный провал потому, что она была внушена потребностями, родившимися на Востоке, и не считалась с настроениями европейских подданных.

Известно, что в заключительном собрании собора 753 г. на вакантную патриаршую кафедру торжественно назначен был силейский епископ Константин. Нельзя ни минуты сомневаться, что это был сторонник иконоборческой системы, и что император не без основания возвел его на высшее место в церковной иерархии. Хотя вся церковная политика в это время была личным делом императора, тем не менее, в судьбе патриарха Константина есть некоторые обстоятельства, которые обращают на себя внимание с точки зрения истории религиозной борьбы. Прежде всего патриарх, по-видимому, находился в наилучших отношениях с императором, это видно столько же из того, чго он принимал участие в семейных царских радостях, воспринимая от купели сыновей его, но и, главным образом, из того, как энергично он поддерживал иконоборческую систему царя. Только один раз он не согласился пойти за царем, когда этот делал попытку убедить его признать Богородицу

Христородицей[27]. Но вот в 765 г., следовательно, в самый разгар суровых мер и беспощадных казней, открыт был широкий заговор, в котором оказался замешанным и патриарх. Это был заговор 19 сановников против царя, хотя цель заговорщиков точно не определяется[28]. Во главе заговора стояли: Константин, патрикий и логофет дрома; Стратигий, спафарий и доместик экскувитов; Антиох, стратиг Сицилии и бывший логофет дрома; Давид, спафарий и комит Опсикия; Феофилакт, спафарий и стратиг Фракии, и др. Виновников постигло страшное наказание. Первые двое были публично обезглавлены, а остальные ослеплены и сосланы в ссылку. Стоял ли в каком соотношении этот заговор с делом св. Стефана[29], сказать трудно; но спустя несколько дней после казни страшная кара постигла патриарха. Его схватили по наветам некоторых клириков и монахов, доносивших, будто он произносил против императора порицательные слова в разговоре с упомянутым выше патри-кием Константином.

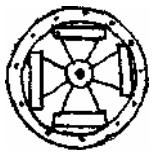
Патриарх был заточен сначала в Иерию, а потом на Принкипо. На освободившуюся кафедру возведен был 16 ноября того же года священник церкви свв. Апостолов, славянин происхождением, евнух Никита. Это первый случай, отмеченный византийской летописью, проникновения славянского элемента в самые высокие слои греческой иерархии. Он оставался на престоле до 780 г. и как иностранец не пользовался хорошей славой среди греков. Но мы должны думать, что в нем император желал иметь сторонника своей политики, который притом же, не имея связей среди византийского общества, легче мог поступиться в угоду царю теми церковными обычаями и теми привилегиями, которые для него, как для недавно приобщившегося христианской культуре, не могли представляться особенно дорогими.

Ссыльного патриарха ожидали еще новые мучения. Год он содержался на Принкипо, как против него вновь началось дело, которое ведено было при необычайной обстановке. По-видимому, добыты были новые данные по тому же делу о Девятнадцати вельможах, или, может быть, раскрыты новые преступные с точки зрения правительства действия бывшего патриарха — это не совсем ясно. Но все дело получило чрезвычайно неожиданный оборот. Драматический рассказ Феофана состоит в следующем: «В 766 г., в месяце октябре, доставлен был с Принкипо лжеименный патриарх Константин и подвергнут был такому тяжелому телесному наказанию, что не мог после того идти, и его принесли на носилках в церковь св. Софии. Был при этом царский асикрит, или чин императорского приказа, имевший письменное изложение его проступков . По царскому приказу собрано было в храме население столицы и вслух всех собравшихся прочтено было определение о винах его. По прочтении каждой отдельной статьи асикрит наносил бывшему патриарху удар в лицо, а тогдашний патриарх Никита восседал на своем троне и смотрел на это. Когда окончена была эта церемония, ввели Константина на амвон и поставили прямо, а патриарх Никита, окруженный епископами, взял в руки обвинительную грамоту и, возложив на себя омофор, произнес отлучение на Константина. Затем его вывели из церкви, не поворачивая его лица к выходу, и дали ему название Невидящего. На следующий день были цирковые игры. Константина обрили, остригли на голове волосы и брови, одели в шутов-

скую короткую одежду без рукавов и посадили на осла, оседланного задом наперед, дав в руки всадника хвост осла. В таком виде провели его по ипподрому, причем народ и димы издевались и плевали на него. Осла вел в поводу племянник Константина, у которого были вырваны ноздри. Когда он проходил мимо димов, народ сходил вниз, плевал на него и бросал грязью. Против царского места стащили его с осла и попирали ногами его шею, а затем до конца представления он оставался против димов, которые издевались над ним, посылая ругательные слова. Через несколько дней Константин был обезглавлен, и голова его три дня висела на площади Милия на показ народу. Тело же его брошено было в ров на площади Пелагия, где погребают преступников».

Нужно вдуматься в эти исключительные меры по отношению к попавшему в немилость патриарху, чтобы задаться вопросом о причинах, какими можно было бы оправдать изысканную жестокость царя. Историк Бэри высказал предположение, что Константин не соглашался с мерами императора против монахов и тем возбудил против себя непримиримую вражду[31]. К сожалению, современные источники оставляют нас в полном недоумении по этому вопросу и не дают никаких данных к раскрытию загадки. Если придавать значение настроению историка Феофана, то в связи с приведенным местом он ставит следующее: «С этого времени он еще с большим бешенством буйствовал против святых церквей».

Успех церковной политики Константина был далеко не окончательный. Он истреблял иконопочитателей и монахов, но в его же царствование и помимо его воли в самом же Константинополе нарождались и воспитывались новые борцы против его системы. Таковы были монахи Студийского монастыря как Платон и знаменитый Феодор Студит, такова была в особенности супруга его сына, августа Ирина, которая с 770 г. вошла в царскую семью и принесла с собой чуждые иконоборческой политике церковные воззрения.

Глава VII

Юго-западная окраина. Потеря экзархата. Революционное движение в Риме. Каролинги. Сицилия и Калабрия

В истории иконоборческого периода совсем отдельное место принадлежит вопросу, который нам предстоит развить в настоящей главе. Итальянские отношения при Константине V шли по тому направлению, какое им было дано иконоборческой политикой отца его Льва. В политическом смысле нигде иконоборческая система не принесла таких роковых для империи последствий, как на юго-западной окраине. Здесь греко-византийский мир стоял лицом к лицу с совершенно чуждым ему латино-германским миром, который заключал в себе более живучести, гибкости и приспособляемости к настоятельным жизненным запросам и успел воспользоваться прямолинейностью восточных императоров с таким искусством и дальновидностью, что произвел мировой переворот в истории в пользу романо-германского элемента и решил в пользу этого последнего спор о политическом и церковном преобладании.

Иконоборческие эдикты, конечно, не могли сами по себе произвести те исторические последствия, которые здесь подразумеваются. Они были непосредственным поводом, давшим содержание резкой переписке и подогревшим обнаружившиеся к тому времени недоразумения между Востоком и Западом. Главная причина споров лежала в политических, религиозных и национальных требованиях, которые неизбежно должны были привести к взаимному столкновению. Император стоял на стороне старых прав империи и держался обеими руками за свои итальянские владения, которые ускользали из его рук.

По смерти Льва III и двух пап, носивших имя Григорий и преследовавших одинаковую по отношению к империи политику (740—741), итальянские дела оставались в неопределенном положении, и ежечасно готовы были вспыхнуть вооруженные столкновения на границах с лангобардами. В Италии за империей оставались небольшие клочки и узкие полосы: Апулия и область Отранто, или прежняя Калабрия, Бруттия, Неаполь, Рим под именем дуката, Равенна с городским округом, пять приморских городов под наименованием Пентаполя и, наконец, Венеция[1]. Несколько раз в различных частях Италии составлялись соглашения между различными городами против византийского господства, в иных местах объявлялись самозванцы, принимавшие звание императора. Авторитет наместника или экзарха постепенно падал, и римский дукат приобретал с каждым годом более самостоятельности. Григорий III, по свидетельству местной папской хроники, занимается возобновлением римских укреплений, ведет переговоры с лангобардскими

герцогами по политическим делам, заботится о путях сообщения между Римом и Равенной. Весьма вероятно, что к тому времени римский дукат уже вышел из-под непосредственной власти экзарха и получил самостоятельную организацию. Римский епископ начинает чувствовать себя государем, и Рим находится в периоде образования светского государства. Политический такт и опытность руководили наместником святого престола в его слишком смелом и до известной степени революционном решении — порвать связи с империей и искать союза· и поддержки у христианнейшего народа франков[2]. Этот момент в истории имеет обширную литературу и разработан весьма подробно.

Союз Каролингов с папами дал новое направление европейской истории. Этим союзом, с одной стороны, положено начало объединения римско-германского мира в Священной Римской империи, с другой — в нем кроется основание духовного могущества папства и светской власти римского престола. В половине VIII в. франкские майордомы из дома Каролингов решились захватить королевскую власть и нуждались для того в содействии со стороны представителя церковной власти; с другой стороны, и римские папы, находясь в борьбе с лангобардами, искали себе военной поддержки вне Италии. Обстоятельства сблизили эти самые могущественные тогда силы, которые в тесном союзе произвели величайшую в мире революцию. Римский папа нашел возможным освятить церковным авторитетом замышляемую Пипином узурпацию, дав известный ответ на вопрос Пипина о том, кому называться королем, и фактически разрешив франков от присяги королю Хильдерику III[3]. Услуга, оказанная Римом Каролингам, обязывала этих последних принять участие в итальянских делах, которые без франкских походов в Италию складывались для папы весьма неблагоприятно.

Незадолго до венчания Пипина королевским венцом лангобард-ский король Айстульф занял Равенну и овладел Пентаполем. Смерть папы Захария, который дал Пипину знаменитый совет, и обычные при выборе нового папы смуты были благоприятным обстоятельством для Айстульфа, который вступил в римский дукат и в июне 752 г. начал угрожать Риму. Выбранный на престол св. Петра Стефан III сначала стал засылать посольства к Айстульфу с богатыми дарами и с просьбой дать мир Церкви, на которые лангобардский король или мало обращал внимания, или отвечал такими требованиями, какие не могли быть исполнены. Сношения с императором тоже не давали положительного результата, из Константинополя тоже получались уклончивые письма и предложения, как будто дело шло о самых обыкновенных и легко устранимых недоразумениях, а не о политической судьбе Италии и римского престола. Папа очень хорошо понимал серьезность положения, назначал в Риме религиозные процессии, в которых принимал сам участие, неся на руках икону Христа. Народ с посыпанными пеплом головами сопровождал церковную процессию. В этих трудных обстоятельствах Стефан III нашел случай тайно с одним пилигримом переслать письмо к Пипину, в котором просил оказать ему помощь, послав своих уполномоченных, которые проводили бы его во Францию, т. к. он желает видеться с королем франков.

Пипин одобрил желание папы и принял меры для безопасного путешествия наместника св. Петра. Это было в 753 г., через год после

низвержения последнего Меровинга и перенесения королевской власти на Каррлингов. Историк города Рима Грегоровиус говорит по этому поводу: «Узурпатор трона Хильдерика находил нужным успокоить смущение франков торжественным актом помазания от руки самого папы. Здесь и там сцеплялись отношения и разнообразные потребности людей. Папа, восставший против императора, и Пипин, похитивший корону у своего короля, устроили дальнейший ход истории народов. Из взаимных потребностей Рима, который нуждался во внешней помощи, и юной династии Каролингов выросла германо-римская империя. Постепенное происхождение этой церковно-политической системы из таких малых начатков и временных потребностей образует одну из поучительнейших глав всеобщей истории»[4].

Нельзя сомневаться в том, что сношения папы с Пипином составляли тайну для императора, иначе в Константинополе не могли бы так безразлично относиться к происходящим в Италии событиям. Во всяком случае, Византия могла еще войти в соглашение с Айстульфом и сразу уничтожить поводы к вмешательству франков, но там-4ыли заняты в это время приготовлениями к иконоборческому собору! Из Рима нельзя было попасть во Францию, минуя лангобардские владения, поэтому папа, воспользовавшись приказанием императора вести с королем переговоры, отправился в Павию, сопровождаемый епископом Хродегангом и герцогом Отхаром, посланными к нему из Франции. Деловые переговоры в Павии не привели ни к какому результату. Айстульф не тронулся ни слезами папы, ни письмом императора и не соглашался уступить завоеванных областей. Что касается путешествия во Францию, король очень хорошо понимал могущие возникнуть из этого последствия, поэтому старался удержать папу от этого предприятия. Но когда Стефан III, поддерживаемый франкскими посланцами, не уступал королю, то 15 ноября, наконец, ему дано было разрешение, которым он поспешно воспользовался и в конце года благополучно миновал границу. Франкский король вполне оценил значение факта. Это было необычное посещение, это еще в первый раз глава Западной Церкви ступал на почву франкского государства, и притом с этим посещением соединялись весьма важные политические цели.

За сто миль до замка Понтиона, где находился тогда двор, папу встретил старший сын Пипина Карл, тогда еще мальчик. 6 января 754 г. была торжественная встреча в Понтионе. Король со всем семейством выехал ему навстречу, пал перед папой на колени и потом некоторое время шел пешком возле коня папы, исполняя должность маршала. С пением гимнов и псалмов приняли папу в королевском дворце. Зиму 754 г. папа провел в монастыре С.-Дени, который был ему назначен для пребывания. Здесь и должны были происходить переговоры между двумя гениальными заговорщиками. К сожалению, переговоры велись так, что до нас не сохранилось никаких письменных актов. Лишь на основании вероятных предположений и последующих событий, в особенности же на основании последующей переписки папы Стефана с королем Пипином, можно делать догадки о последовавших между ними соглашениях и взаимных обязательствах.

Предпринимая путешествие к франкам, папа должен был тщательно обдумать формальную сторону дела. Если он вступал в союз с фран-

кским королем, то с этим вместе, в силу тогдашних государственно-правовых воззрений, ему необходимо было перенести на чужеземного государя звание патриция, с которым соединялись верховные права над Италией, воплощавшиеся в наместнике императора экзархе Равенны. Но папа не мог располагать правом, которое ему не принадлежало, а между тем это право нужно было создать, потому что иначе король и сам мог встретить непреодолимые затруднения для осуществления вмешательства в итальянские дела[5]. Прежде всего предстояло выяснить вопрос об империи и о правах императора в Италии; его нельзя было совершенно игнорировать, но и поставить прямо не решались ни папа, ни король. Затем нужно было придать удобную форму военному вмешательству в итальянские дела. Это был громадной важности вопрос, и Пипин должен был решить его с согласия чинов франкского государства. Такое значение и имеет собрание государственных чинов в Кьерси, имевшее место весной 754 г.

В Кьерси решен был главный вопрос о походе в Италию, также был, по всей вероятности, составлен проект передачи Пипину экзархата и Пентаполя. Знаменитый дар церкви св. Петра, т. е. начало светской власти пап, относится также к этому времени. По словам жизнеописания папы Стефана, «когда в Кьерси собрались чины государства, Пипин сообщил им о желаниях папы и получил их согласие исполнить то, о чем он предварительно договорился со святейшим отцом»[6], т. е. сейм дал согласие исполнить договор с папой — идти в Италию *с* целью войны с Айстульфом из-за экзархата. Но прежде чем была исполнена эта статья соглашения, папа с своей стороны оказал громадную услугу новой династии: 28 июля 754 г. в церкви С.-Дени совершено было миропомазание над Пипином и его сыновьями Карлом и Карломаном. При этом папа под страхом отлучения заповедал вельможам и народу избирать себе королей только из этой освященной Церковью фамилии Каролингов. С другой стороны, Пипин дал торжественную клятву за себя и за свое потомство заботиться о Церкви и блюсти ее интересы. Таким образом, один папа три года тому назад разрешил Пипина и франкский народ от присяги Меровингу — законному государю, теперь другой папа закреплял духовным авторитетом своим светскую власть над франками за наследниками Пипина.

Подлинный документ дара Пипина утрачен, но содержание его до известной степени можно восстановить на основании переписки ближайших к этому времени пап, т. к. все притязания Римской Церкви к франкскому королю основывались в этом даре. Прежде всего, в этом знаменитом акте шла речь о вознаграждении убытков, понесенных Церковью вследствие лангобардских завоеваний. Т. к. патримонии Римской Церкви рассеяны были по всей Италии, то лангобардские нападения, в особенности же завоевание экзархата, нанесли большой ущерб папскому хозяйству. Эти именно земли и поместья, составлявшие действительную собственность Римской Церкви, нужно понимать там, где говорится об Justitia S. Petri. Пипин обещался возвратить эти имущества из благоговейного почтения к св. Петру, «реституировать блаженному Петру и святой Римской республике отнятые у нее владения». В этом смысле папа поручал Пипину все дела св. Петра, и Пипин давал обещание защищать права Церкви[7].

Далее в разбираемом памятнике шла речь о римском населении и о жителях городов, непосредственно или посредственно зависевших от папы. Здесь нужно, конечно, понимать население Римского дуката, которое, по преимуществу, папа мог называть своим народом. Пипин давал обещание защищать не только Церковь, но и всех римлян дуката. Дар Пипина мог простираться только на Римский дукат, т. е. он обещал восстановить за Церковью ближайшую к Риму область, занятую лангобардами. Несколько труднее восстановить значение тех выражений, которыми обозначается возвышение, прирост церковной области (exaltatio, augmentum). Сюда, без сомнения, относятся спорные права на некоторые патримонии, находившиеся в лангобардском королевстве уже с первых лет поселения их в Италии. Ближайше определить такие местности было невозможно в предварительном проекте, исполнение коего зависело от успеха войны с лангобардами; можно было сказать лишь в неопределенном смысле: обещаемся уступить Церкви все, что предоставит нам военное счастье. Поэтому несправедлива мысль, что Карл В. в 774 г. только подтвердил за папой дар Пипина. Дар Карла В. сохранился в биографии папы Адриана, но он никак не может быть подтверждением договора в Кьерси, потому что Пипин не мог дарить и обещать того, что еще не было в его власти.

До половины VIII в. при всем богатстве и влиянии папы были только богатыми землевладельцами; новое пожалованье Пипина закрепляло за ними верховные политические права над Римским дукатом[8]. С тех пор римское население должно было давать присягу на верность папам как своим государям. В спорах своих подданных с лангобардами папа посылает уполномоченных к лангобардскому королю для совместного разбора дел; назначает судей и других чиновников для управления городами. Римское войско повинуется папе; когда угрожает Риму опасность, он стягивает военные отряды из Тусции и Кампании, Перуджии и Пентаполя. В случае нужды направляет военную силу и для внешней войны, например, против герцога Беневента. На папской службе появляются герцоги (duces) и др. светские и духовные чины, составляющие его совет (optimates)*. Судебные приговоры папы имели значение высшей инстанции, его чиновники имели власть судить, лишать свободы и наказывать преступников.

Ограничение верховных прав папы состояло в особых отношениях папской области к франкскому королевству. Отнятые у лангобардов земли переходили сначала к франкским королям, а от них уже к папе; вновь образующееся государство нуждалось в постоянной защите против неожиданных нападений. Таким образом, папская область должна была встать в некоторые зависимые отношения к франкскому королю. Римляне приносили присягу на верность папе и королю, составляли как бы одно с франками государство, видимым выражением чего было то, что Пипин и его сыновья назывались королями франков и патрициями Рима. В перенесении патрициата на франкских королей выражалась дань

* Una cum nostns optimatibus, различаются optimates militiae и primates или proceres ecclesiae Вместе с военною властью первые имели и судебную: duces, cartularu, comites, tnbum, consules См . O e 1 s η e r Jahrb. d Frank Reiches. S 141 Anm 7

традиции: во все время греческого господства в Италии принцип императорской власти воплощался в равеннском патриции или экзархе. И теперь папа обязан был доносить королю, новому патрицию, о важнейших событиях в своем государстве; политические сношения с лан-гобардским королем и другие внешние дела папа не мог вести без согласия короля франков. И тем не менее, существование папской области было обеспечено*.

Возвращаясь к изложению ближайших событий, последовавших за переговорами папы с Пипином, мы должны сказать, что об уничтожении лангобардского королевства тогда еще не было мысли. Уже франкское войско, среди которого находился и папа, шло походом в Италию, когда Пипин еще раз отправил посольство к Айстульфу, предлагал ему без пролития крови отказаться от занятых областей. И сам папа просил о том же лангобардского короля, обещая выдать ему сумму в 12 тыс. солидов за возвращение занятых мест. Но Айстульф не хотел и слышать об отступлении. Предпринятый в Италию поход окончился скоро. После одной битвы, проигранной лангобардами, Айстульф был заперт в Павии и должен был согласиться на предложенные ему требования. По заключенному с Пипином договору он обязался уступить Равенну и другие недавно занятые города, сделать удовлетворение церкви св. Петра и признать свою зависимость от франкского короля. Он дал клятву в исполнении заключенного договора, выдал заложников и, наконец, выплатил Пипину и его приближенным значительные суммы Пипин удалился из Италии, а папа с торжеством вступил в Рим

По удалении короля Пипина папа Стефан III стал ждать уполномоченных от лангобардского короля, с которыми он должен был договориться о передаче городов. Но Айстульф в начале 755 г. со всем своим народом вторгся в Римский дукат и оцепил самый Рим. Если и не давать полной цены описанию бесчеловечных поступков лангобардов по отношению к осажденным, потому что это описание принадлежит самому папе, то все же можно предполагать, что коварная политика папы возбудила в Айстульфе и лангобардах самое сильное раздражение. К этому времени относятся любопытнейшие письма папы Стефана к Пипину, которыми уже мы частью пользовались, говоря о даре Пипина. Как скоро узнал папа, что лангобардский король не хочет исполнить договора, сейчас же известил об этом Пипина и потом, во время осады Рима, пользовался всяким удобным случаем, чтобы напомнить франкскому королю о принятых им на себя обязательствах относительно престола св. Петра. «Заклинаю вас Господом Богом и Девой Марией и Петром, верховным апостолом, который помазал вас на царство — порадейте за св. Церковь и постарайтесь исполнить обещание, которое вы дали св. Петру, поспешите воздать ему, что обещали по записи, скрепленной вашей рукой, на пользу души своей. Мы поручили вам все дела св. Церкви, и вы отдадите Богу и блаженному Петру в день страшного суда отчет в том, как вы старались о пользе его и что предпринимали для возвращения ему мест и городов. Вам предоставлено такое высокое счастье — способствовать приращению Церкви и ратовать о восстановлении прав верховного апостола. Ни один

* S Dei ecclesiae reipubhcae Romanorum

из ваших предков не заслужил такого блистательного поручения, но вас предъизбрал и предопределил Бог в вечные времена».

Пипин почему-то медлил ответом и не предпринимал решительных мер. Папа снова обращается с отчаянным воплем к патрициям римским. «Спаситель наш мог и иными путями, по своему изволению, защитить св. свою Церковь и восстановить права верховного апостола. Но, одобрив для этого ум и совесть вашу, побудил нас отправиться к вам. Имея к вам сильное доверие и побужденные волею Божией, мы вверили трудному и отдаленному путешествию наше тело и душу, отягощенную скорбями, терпели от снега и холода, от жару и разлива рек, подвергались крайним опасностям при переправе через реки и при переходе через горы [9]. Умоляю вас, порадейте за св. Церковь и за дело св. Петра; что обещано вами св. Петру, должны передать ему во владение. Помните и никогда не выпускайте из вашей памяти, какой обет дали вы привратнику небесного царствия, знайте, что он строго блюдет свои права, и сообразите это. Спешите возвратить ему, что обещали в форме дара, да не преследует вас вечное раскаяние и не угрожает осуждение, в будущей жизни. Ибо знайте, верховный апостол крепко держит вашу дарственную запись[10]... на страшном суде он предъявит ее Праведному Судье, и тогда вам трудно будет вести с Ним счеты». От страшных угроз переходя к ласкательству, напоминает папа и о заслуге св. Петра по отношению к Пипину, т. е. что Пипин помазан в короли, будучи возлюблен верховным апостолом и превознесен над всеми другими. 55 дней продолжалась тесная осада Рима; окрестности были опустошены, сношения осажденных прерваны. Крепкие стены еще защищали город, но Айстульф готовился на приступ, если римляне не выдадут ему своего епископа.

От 24 февраля 756 г. сохранилось три письма папы, отправленных во Францию морским путем. В особенности любопытно одно из них; в нем поражает крайняя бесцеремонность, с которой папа отожествляет свои личные интересы с волей св. Петра, и та фамильярность, с какой он обращается с божеством для подкрепления своих далеко не благочестивых пожеланий[11]. Письмо, о котором идет речь, представляет собою в своем роде неподражаемый образец самого постыдного злоупотребления высшими принципами веры и насилия немощной совести. Уже несколько писем отправил Стефан III к Пипину; все, что могла подсказать ему угрожающая опасность, чувство самосохранения, политическая опасность, все это было красноречиво высказано с авторитетом наместника св. Петра и с указанием на награду или наказание от самого ключедержца небесного царства.

Но Стефану казалось, что Пипина не трогают его письма, что он не спешит на помощь. Он сочиняет письмо от апостола Петра и отправляет его вместе с двумя своими. «Я, апостол Петр, предъизбранный по милости Божией просветитель всего мира, получил от Бога власть вязать и разрешать людей. Посему все повинующиеся мне да будут совершенно уверены в разрешении их грехов. Я, апостол Божий Петр, взываю к вам, как к моим сыновьям, защитите от руки врагов Рим и народ, Богом мне вверенный, и не допустите до осквернения дом, в котором покоится мое

тело... Будьте уверены, я стою перед вами как живой и мое воззвание подкрепляю сильными обязательствами... И госпожа наша, Матерь Божия, Приснодева Мария, вместе со мною увещевает вас и повелевает вам, также и престолы, и господства, и все небесное воинство, и мученики, и исповедники, и все угодники Божий... Защитите и освободите со всею поспешностью св. Церковь от руки лангобардов... тогда и я в сей жизни и в день воздаяния буду вам покровительствовать и приготовлю вам в царстве Божием светлые и прекрасные обители, где вас ожидает награда вечного воздаяния и бесконечные райские увеселения... Заклинаю вас, возлюбленные, Богом живым: не дозволяйте лангобардам терзать мой Рим и обитающий в нем народ, иначе ваши души и тела будут мучиться и терзаться в вечном тартаре вместе с дьяволом и его слугами; не допускайте расхищать божественное стадо, Богом мне вверенное, да и вас не рассеет и не попустит расхитить Господь. Известно уже, что изо всех народов под небом франки по преимуществу любезны мне, апостолу Божию Петру. И потому я руками наместника моего поручил вам освободить из рук неверных Церковь Божию. Твердо держите в памяти, сколько я, раб Божий, званный апостол, помогал вам, когда вы просили меня: я давал вам победы над врагами, верьте, что и впредь буду помогать, если со всею поспешностью вы пойдете для освобождения моего Рима... Если же вы умедлите и не так скоро соберетесь исполнить мою волю, то да будет вам известно: властию святой и нераздельной Троицы по благодати апостольства, данной мне Христом, я отчуждаю вас от царства Божия и вечной жизни».

Приведенное письмо получено было Пипином во второй половине марта, 1 мая состоялось собрание государственных чинов, и непосредственно затем Пипин предпринял в Италию второй поход. Между тем Айстульф снял осаду с Рима и в начале апреля был уже в Павии. Узнав о приближении франков, он вышел им навстречу к Альпам, но не устоял против сильного натиска и снова поспешил к Павии. Находясь в тесной осаде, он обратился к Пипину с просьбой о мирных переговорах и заявил согласие принести полное удовлетворение как за нарушение договора, так и за ущерб, нанесенный Церкви. Само собой разумеется, на него возложено было обязательство в точности исполнить прежний договор и, кроме того, выдать Пипину и его воинам треть всех сокровищ, собранных в Павии. Лангобардское королевство признало зависимость от Пипина и обязалось выплачивать ежегодную дань. Нарни, Комачио и другие города экзархата, которые Айстульф занял и которые должен был возвратить уже после первого похода Пипина, были теперь с соблюдением всех форм переданы папе[12]. Ключи этих городов вместе с заложниками от каждого из них представлены были в Рим, и здесь акт передачи вместе с ключами положен у арки св. Петра. Это было началом территориального владения, фундаментом папской области. Чрезвычайно важные события происходили в Италии, устанавливался в стране новый политический порядок, и делились области, находившиеся во

власти империи. Как же относился ко всему этому император Константин V, так ревниво оберегавший восточную и западную границы?

По отношению к своим итальянским владениям Константин не обнаружил той энергии и предусмотрительности, какая его отличала в сношениях с арабами и болгарами. Весьма вероятно, что как Лев III, так и Константин V, слишком убаюканные достигнутыми ими успехами в борьбе с арабами и вследствие перенесения центра политической силы мусульманства из Сирии и Египта в Месопотамию, перестали обращать внимание на поддержание военного флота, которым должны были оберегаться заморские владения. Не имея же в достаточном количестве морских судов [13], Византия не могла с успехом отстаивать свой интерес в Италии. Так, по крайней мере, можно объяснять себе те события, которые развивались в Италии в занимающее нас время. Во время второго похода Пипина Византия обнаружила некоторое беспокойство. В это время в Рим прибыл императорский протасикрит Тёоргий и силен-циарий Иоанн, имевшие поручение устроить итальянские отношения. Но из того, что они встретили здесь, было ясно, что в Константинополе не были хорошо осведомлены об истинном положении дел. Прежде всего, для послов было совершенной новостью, что Пипин предпринял уже второй поход. По-видимому, не имея сведений о тайном договоре между папой и Пипином и надеясь еще уладить дело личными переговорами с Пипином и объявлением ему воли императора, они поспешили морским путем в Марсель в сопровождении доверенного лица папы, который должен был следить за действиями императорского посольства. Здесь только осведомились греческие послы о действительной цели похода Пипина.

Оставив в Марселе своего товарища вместе с папским уполномоченным, протасикрит 1еоргий поспешил на встречу Пипина и нашел его уже близ Павии. Здесь произошло свидание его с королем франков, причем разъяснилось совершенно неожиданное обстоятельство. Когда посол стал именем императора требовать восстановления нарушенных прав Византии и возвращения под руку императора городов экзархата, обещая за это большие денежные выдачи в виде удовлетворения, то франкский король весьма решительно отклонил требования посла, причем в последующих объяснениях указал свою точку зрения. «Никогда,— говорил он,— я не соглашусь —и ни в чью пользу — располагать землями и городами, предоставленными св. Петру и Римской Церкви; не ради какого-либо лица, но единственно из любви к св. Петру и ради прощения моих грехов предпринимал я походы в Италию». Послу не оставалось ничего более, как донести императору о положении дел в Италии, сложившихся весьма неблагоприятно.

Айстульф недолго пережил постигшие его политические неудачи. Он умер в 756 г. после несчастного падения с лошади на охоте. Еще не разрешен был окончательно лангобардский вопрос, еще не совсем выяснились дальнейшие стадии образования папской области; но нельзя было сомневаться в том, что дальнейшая роль в мировых событиях Западной империи будет принадлежать не Византии, а другим политическим силам. Извещая Пипина о неожиданной смерти короля лангобардов, которая так кстати развязывала затянувшийся узел, папа писал: «Божественным ударом поражен и низвержен в глубину ада этот тиран,

последователь дьявола, пожиравший христианскую кровь и истреблявший христианские церкви». Но в начале следующего года умер и папа, столько сделавший для возвеличения престола св. Петра.

Айстульф не оставил наследника. Вопрос о престолонаследии и в спокойное время у лангобардов всегда вызывал внутреннюю смуту, теперь же в особенности он представлял затруднения. Большинство склонялось к избранию в короли герцога Тусции Дезидерия, который имел опору и в преданном ему ополчении Тусции, и в высших церковных кругах. Папа заблаговременно заручился важными обещаниями со стороны Дезидерия. С него взята торжественная клятва, что он не замедлит выдать папе остающиеся еще за лангобардами города и что будет жить в мире с Церковью и в верности королю франков. Такими обещаниями Дезидерий обеспечил себе поддержку со стороны папы и Пипина. В марте 757 г. он объявлен королем. Предстояло прежде всего выдать папе те города, от которых лангобарды отказались по договору с Пипином. Если бы действительно договор вступил в силу, то лангобардское королевство возвратилось бы к тем границам, в каких оно было до Лиутпранда*. Но папа получил только Фаенцу и Феррару.

Смерть папы Стефана III в апреле того же года и избрание нового папы Павла I вызвали некоторую перемену в политических отношениях. Чувствуя свое положение на престоле упроченным, Дезидерий не спешил более с выражениями своей преданности Церкви и не заявлял желания выдать папе те города, о которых шла выше речь. Напротив, он желал воспользоваться наступившим роздыхом для приведения в порядок нарушенных военным временем дел. Так, герцогства Сполето и Беневент во время смуты перешли в зависимость «патриция», или франкского короля. С точки зрения лангобардского короля, это был акт возмущения, и он спешил наказать герцога Альбоина. Еще более поводов к беспокойству представляли тайные сношения Дезидерия с византийским императорским послом Георгием. Как можно судить на основании донесений папы Павла I королю Пипину, речь шла ни более ни менее как о восстановлении византийской власти в экзархате и о взаимном военном союзе между лангобардами и империей для совместных действий против папы. Трудно, конечно, предполагать, чтобы император Константин был тогда в состоянии сделать поход в Италию, но папа верил в возможность этого и передавал свои опасения Пипину. Последний, однако, не придал большой цены сообщениям из Рима и предоставил папе добиваться уступок со стороны Дезидерия мирными переговорами и соглашениями. Король франков был отвлечен от внешней политики внутренними делами, и в течение целых десяти лет лангобардский король Дезидерий мог укреплять свое положение, не опасаясь нападений ни с севера, ни с востока. Ход событий даже открывал ему широкие виды по отношению к ближайшему сопернику, папе.

Итальянские дела, казалось, начали устраиваться без посредства франкских королей. Дезидерий, оказывая услуги папскому престолу, не терял из виду и собственных выгод и постепенно усиливал свое влияние в стране. В особенности важны были завязавшиеся у него сношения

* Шла речь о городах Faenza, Imola, Ferrara, Osimo, Ancona, Gumana и Bologna.

с семейством Карла. В 770 г. мать королей Берта была проездом из Рима в Павии и заключила проект родственного союза между домом Дезидерия и Каролингами. Предполагалось, что сын лангобардского короля Адельхис вступит в брак с сестрой Карла Гйзелой, а один из молодых королей женится на лангобар декой принцессе. Этот союз мог изменить в самом корне франко-итальянские отношения и совершенно ниспровергнуть так искусно построенное папами здание. Понятно поэтому, как встревожен был папа этим союзом и как желал он помешать осуществлению проекта.

Вот что писал Стефан IV к Карлу: «До нашего слуха дошло нечто такое, о чем мы не можем говорить без душевного сокрушения: будто бы Дезидерий убедил ваше величество вступить в брак с его дочерью. Если так, я почитаю это за дьявольское наваждение, ибо это не будет супружеское соединение, но самое позорное сожительство. Мы знаем из истории и Божественного Писания, как тяжко грешат те, которые вступают в брак с иностранками. Я не могу допустить, чтобы такое дело могло совершиться без участия дьявола. Как знаменитый народ франков, превосходящий славою все другие, блестящий и знаменитейший род вашего величества... смешивается с вероломным и паршивым племенем лангобардов! Да лангобардов никогда и не считали народом, от них происходит ка-кое-го прокаженное отродье! У кого есть здравый смысл в голове, тот и помыслить не может, чтобы такие именитейшие короли позволили себе столь отвратительное и ужасное смешение. Ибо какое общение света с тьмой и какая часть у верного с неверным? Вы уже имели жен из вашего почтенного племени, следует любить их, а не искать чужеземных связей. И то следует помнить вам, что вы обещались блаженному Петру и его наместнику быть друзьями друзей и врагами врагов наших. Как же теперь замышляете погибель душам вашим, вступая в союз с нашими врагами: клятвопреступный народ лангобардов продолжает притеснять Церковь Божию и нашу римскую провинцию». Очень длинное письмо, в котором ласкательства сменяются угрозами, заканчивается следующим: «Эту нашу просьбу и увещание мы возложили на раку св. Петра и совершили над ней бескровную жертву и со слезами посылаем ее прямо из церкви. И если кто, чего да не будет, преступит это увещание, да будет ему известно, что силою власти господина моего, блаженного Петра, ему угрожает отсуждение от царства Божия и вечные муки вместе с диаволом» [14].

Известно, что папские угрозы не подействовали на Карла: он развелся со своей женой и взял за себя дочь Дезидерия (Дезидерату). Этот брак имел, однако, роковое значение для лангобардского королевства. Не прошло и года после женитьбы Карла, как он отверг Дезидерату и отослал ее назад к своему отцу. Причины расторжения супружества неизвестны, но несомненно, что Карл действовал по внушениям папы[15]. Король Дезидерий был весьма оскорблен таким поступком Карла и пере-

стал следовать осторожности и уступчивости в сношениях с ним. Обстоятельства дали ему в руки весьма сильное оружие против Карла. В 772 г. к нему прибыла вдова Карломана Гельберта с детьми; она искала у лангобардов защиты, потому что Карл присвоил себе удел своего умершего брата и лишил прав наследства племянников. Принимая у себя вдову-королеву, Дезидерий имел основания ожидать смуты во франкском государстве и надеялся выставить соперников Карлу.

В событиях 773/74 г., имевших последствием падение лангобард-ского королевства, принимают участие, с одной стороны, Дезидерий с вдовой и сыновьями Карломана, с другой — Карл и папа Адриан I (772—795). Адриан сразу изменил колеблющуюся между лангобардами и франками политику римского двора, направив все свои силы на усиление связей с Карлом. Дезидерий же стал его принуждать помазать на царство детей Карломана и угрожал нападением на римскую область, если папа не согласится исполнить его желание. Так началась последняя ссора лангобардов с папой, вызвавшая в третий раз вмешательство Каролингов. Чтобы замедлить наступательное к Риму движение Дезидерия, Адриан не делал решительного отказа помазать франкских королевичей и обменивался посольствами с лангобардским королем. Но в то же время под тем или другим предлогом удалял из Рима влиятельнейших лангобардов, лишая тем Дезидерия последней опоры. Дезидерий, не сомневаясь более в обманных действиях папы, направился к Риму, опустошая папские патримонии. Адриан отправляет посольство к Карлу, просит у него защиты и особенно резко выставляет то обстоятельство, что Церковь терпит притеснения именно вследствие соблюдения интересов Карла. В ожидании помощи папа собирает в Рим милицию верных ему городов дуката и Пентаполя и посылает навстречу лангобардам посольство — уже не мирного и не уступчивого свойства. Послы должны были передать лангобардскому королю, что папа уже заготовил церковное отлучение на лангобардов, которое возымеет свою силу, как только король вступит в папскую область, т. е. в Римский дукат. Угроза ли подействовала, или, что вероятнее, опасность со стороны франков, только Дезидерий прекратил движение к Риму и возвратился на север. Карлу заметно не хотелось идти в Италию, он предлагал даже Дезидерию значительную отступную сумму, если он откажется покровительствовать его племянникам и уладит отношения с папой. Но эти предложения были отвергнуты Дезидерием.

Третий поход франков в Италию состоялся в сентябре 773 г. Рассматривая обстоятельства этого похода, нельзя не удивляться той легкости, с которой совершено завоевание Италии. Дезидерий со всеми силами лангобардов направляется к Альпам, чтобы запереть горные проходы; и, несмотря на это, Карл не только без урона провел войска, но одним появлением своим произвел общее замешательство в лан-гобардском войске и бегство сына короля Дезидерия Адельхиза. Есть указание, что папа успел посеять измену как в войске короля лангобардов, так и в его владениях, что именно это обстоятельство и было причиной весьма слабого сопротивления [16]. С частью верных ему лангобардов Дезидерий заперся в Павии, сын его со вдовой и детьми Карломана — в Вероне. Сам Карл приступил к осаде Павии, другой отряд расположился под стенами Вероны. Столица лангобардов не

сдавалась более 8 месяцев, Верона же скоро была взята, и Карл имел удовольствие овладеть племянниками, которыми так пугал его Дезидерий. Летом 774 г. сдался на всю волю Карла и Дезидерий. Так пало королевство лангобардов, последний король их отведен был пленником во Францию, сын его бежал к визаш ийскому императору, чтобы оттуда предъявлять свои притязания на Италию. Приняв титул лангобардского короля, Карл начинает вводить в Италии франкское устройство и соединяет Францию и Италию в одно государство.

Продолжительным пребыванием в Италии Карл воспользовался и для того, чтобы определить свои отношения к папе, который питал самые широкие надежды на увеличение своей власти и влияния в Италии с падением лангобардского королевства. Затянувшаяся осада Павии позволила Карлу удалиться из лагеря и отправиться в Рим на Пасху 774 г. Жизнеописатель Адриана подробно описывает приготовленную в Риме встречу Карла[17]. Уже самая подробность рассказа свидетельствует, сколько значения приписывали в Риме этому посещению. Карл должен был высказать папе, как он понимал свои обязанности патриция по отношению к Риму и какие права соединялись в его представлении с этим званием. С своей стороны Адриан, напомнив о даре Пипина и правах св. Петра, хлопочет о подтверждении за римскою областью поземельных владений (по дару Пипина). С этой целью был вновь составлен список городов, подаренных Пипином за 20 лет назад. Карл подтвердил его своей подписью. Немецкие ученые защищают подлинность акта, записанного в биографии Адриана, и говорят, что Карл мог подписать его, но не имел намерения приводить в исполнение и только, уступая усиленной настойчивости папы, время от времени исполнял некоторые его части. До нас не сохранился акт дара Карла,— в биографии Адриана он составлен на память и притом назван не даром, а Promissio donationis. Между тем, как в Риме льстили себя надеждой, что Карл передаст престолу св. Петра экзархат, Венецию, Истрию, Сполето и Беневент, Парму, Региум, Мантую, Корсику и еще некоторые места, ибо в таких размерах понималось там Promissio donationis[18]; сам Карл занялся введением в Италии франкского устройства. Именно, назначил своих графов для управления, поставил по городам гарнизоны и послал своих уполномоченных (missi) для принятия под франкскую власть лангобардских городов. Хотя папа жаловался на королевских миссов, «которые передавали ему только епископии и монастыри, да ключи от городов, не передавая власти над населением», но Карл, совершенно иначе понимая свои задачи относительно Италии, не обращал внимания на домогательства папы. По его взглядам, он стал наследником лангобардских королей и светским властителем Италии, между тем как его отец считал себя лишь защитником Церкви и предпринимал походы в Италию в интересах папы.

Дальнейший ход событий направлялся здесь по такому пути, какой не был предусматриваем ни королем Пипином, ни папами. После пленения Дезидерия и принятия на себя титула лангобардского короля Карл (774) на некоторое время оставляет итальянские дела и сосредоточивает свое внимание на Германии, где, между прочим, вел 30-летнюю войну с саксами. Между тем как Рим и часть Италии, фактически освободившись из-под власти византийского императора, начали жить

самостоятельными интересами и сознавать себя как нечто отдельное от империи и не находящееся с ней в неразрывной связи*, широкий размах внешней политики Карла и его завоевания в Восточной Европе привели его к мысли о высочайшей в мире узурпации — о перенесении титула императора, носителем которого были византийские цари, на короля франкского. Это событие, подготовленное тайными переговорами и сношениями с Римом, совершилось в 800 г. и будет изложено в своем месте.

Походы Каролингов в Италию сопровождались громадными последствиями, которые должны оцениваться не только с точки зрения местной итальянской, но и общеевропейской истории. Пробудив освободительное движение и вызвав в городах и в Церкви стремление к организации местных сил и к борьбе с чуждыми элементами, эти походы вместе с тем должны были вызвать реакцию в тех провинциях, которые подверглись к тому времени уже значительной эллинизации. Господству Византии в Италии нанесен был сильный удар в половине VIII в., но сфера ее политического и культурного влияния в Южной Италии нисколько не ослабела и в IX в. византийские императоры снова выступают с притязаниями на господство в Средней и Северной Италии. Таким образом, с потерей экзархата Византия далеко не утрачивала своих владений в Италии, а, напротив, продолжала владеть на юге двумя территориями, организованными в фемы по образцу других провинций, и, кроме того, на севере удерживала за собой береговую область с городом Венецией. Отношение императора Константина V к тем событиям, с которыми мы ознакомились, было бы совсем не понятно, если бы мы не обратили внимания на те области, на которые после потери экзархата усилилось политическое и культурное влияние Византии.

После похода Карла Италия представляла собой, за исключением областей франкских и церковных, еще две лангобардские области: герцогства Сполето и Беневент. Первое, правда, скоро подчинилось Каро-лингам, но Беневент, защищенный горами Абруццо с севера, мог долее удерживать самостоятельность. Собственно византийские владения после 754 г. представляли собой две группы земель: береговая полоса с Неаполем в центре и две южные оконечности полуострова, Калабрия и Отранто, или герцогство Калабрия. Последнее, несмотря ни на какие политические превратности, остается верным Византии и сохраняет свою особность по языку и обряду, как принадлежащее к Восточной империи и к Церкви. Хотя беневентские герцоги, расширяя свои владения к югу, в конце VII в. отняли у Византии Бриндизи, Тарент и Отранто, но за империей оставался еще город Галлиполи, которым и ограничивались здесь ее владения. Но зато в нынешней Калабрии они владели всей гористой местностью у Мессинского пролива. Стоит заметить здесь, что именно с этого времени имя Калабрии стало употребляться в новом значении, будучи перенесено с восточной оконечности полуострова на западную и заменив прежнее имя Бруттии. Византийская фема Калабрия обозначала, таким образом, совокупность владений империи у Тарентского залива. В административном отношении византийское герцогство, или дукат Калабрия, было в зависимости от фемы Сицилия. После падения экзархата главным представителем византийской власти

* С 781 г. в Риме перестали обозначать хронологию годами императора.

на Западе был стратиг Сицилии, и Сиракузы рассматривались как столица всех южноитальянских владений Византии Со времени Константа II, который сам прожил в Сиракузах шесть лет с целью организовать администрацию и защиту Южной Италии, Сицилия и Калабрия составляли одно неразрывное целое в административном и финансовом отношении. Во время иконоборческой борьбы Калабрия присоединяется к Сицилии и не разделяет оппозиции против иконоборческих императоров остальной Италии. В административном «церковном» отношении она введена в зависимость Константинопольского патриархата, будучи по языку и богослужению страной греческой.

В Средней Италии влияние греческого языка было далеко не так сильно. Хотя в VIII в. произошла большая эмиграция в Италию греческих монахов, но в большинстве это были люди, стоявшие во вражде к византийскому светскому и духовному правительству, и потому влияние их не могло быть продолжительным и устойчивым. Между тем южноитальянское и сицилийское духовенство сохраняет все связи с Константинополем и играет в этом отношении деятельную роль на соборе 787 г. Твердое положение, занимаемое в Сицилии и Калабрии, позволяло императору не покидать надежды на возвращение экзархата и на завоевание церковных владений. Пока не наступила пора начать серьезную войну на юго-западной окраине, защита этих отдаленных владений лежала на стратиге Сицилии. Нужно думать, что в его распоряжении были значительные военные силы. Патрикий и стратиг Сицилии не раз объявлял себя императором, таков Сергий в 718г., таков Елпидий в 781 г.

В истории борьбы за итальянские владения важное значение принадлежит также дукам Неаполя. Под властью их была береговая полоса от Палермо до Террачины. После падения экзархата в Неаполе находим дуку Григория в чине спафария, который управляет своей областью в зависимости от патрикия — стратига Сицилии. Неаполитанское духовенство то стояло на стороне папы и под его духовной властью, то склонялось к константинопольскому патриарху. К концу VIII в. Неаполь стремится к независимости, первым автономным дукой был Стефан, соединивший потом в своих руках и церковную власть. По его смерти власть над Неаполем перешла к его сыну, а потом к зятю. Номинально признавая власть императора, неаполитанский дука, тем не менее, преследует задачи политического отделения от Византии. Так постепенно исчезает на монетах изображение императора и заменяется патроном города св. Ианнуарием. Политическая судьба Неаполя зависит от его северного соседа, беневентского герцога; в борьбе с Беневентом выработался у неаполитанцев местный патриотизм. Ввиду постоянной опасности с севера беневентские дуки дорожили своими отношениями к Византии и нередко искали союза и помощи у сицилийского стратига. Такие отношения продолжались здесь до начала IX в., когда арабы начали делать высадки и завоевания в Сицилии и Южной Италии.

Падение лангобардского королевства в 774 г. не сопровождалось непосредственными последствиями для Южной Италии, хотя она находилась под властью лангобардов. Главнейше здесь господствовал герцог Беневента, владения которого после каролингских походов нисколько не сократились, и сам герцог, приняв титул князя, продолжал быть пред-

ставителем лангобардского независимого народа в Италии. На северо-западе это княжество граничило с Римским дукатом, причем лангобарды господствовали долиной р. Лирис и владели городами Сора, Арпино и Арче; к северо-востоку, к Адриатике, граница поднималась еще более к северу и шла несколько выше Ортоны по р. Пескара, соприкасаясь здесь с герцогством Сполето. Обнимая собой владения Неаполитанского дуката в Кампании, Беневентское герцогство на юге граничило с византийским дукатом Калабрия и с фемой Сицилия[19]. Здесь граница между византийскими и лангобардскими владениями от В. к З. шла немного северней Amantea и затем по Тарентскому заливу до Бриндизи. Положение Беневента и всегда было несколько исключительное, т. к. Беневент был почти недоступен для лангобардского короля, пока пути сообщения между Равенной и Римом были во власти Византии. Вследствие этого герцогская власть была в Беневенте наследственная в одной семье, между тем как на севере герцоги назначались королем, в Беневенте все административные чины зависели от герцога, между тем как на севере они назначались королем и ему давали отчет в своей деятельности. Политическая борьба из-за преобладания, начавшаяся между римским престолом и империей, давала герцогу Беневента полную возможность воспользоваться этой борьбой в интересах своего герцогства.

Неаполитанский дукат и княжество Беневент имели важное значение в истории византийского господства в Италии как области, на которые империя могла обнаруживать непосредственное влияние. Как известно, герцог Беневента Арихис имел в замужестве дочь короля Дезидерия и поэтому считал себя единственным наследственным представителем прав лангобардов. В особенности с тех пор, как королевич Адельхис, сын Дезидерия, нашел себе прием в Константинополе и получил здесь сан патрикия, сношения Беневента с империей и образование здесь византийской партии были весьма естественными. Стоит обратить внимание на то, что после падения Павии Арихис принимает ряд особенных мер, чтобы возвысить свое положение. Не только он принял новый титул князя, но и короновался, и был помазан от руки своих епископов, и вообще придал своему герцогству такое положение, которое как будто равнялось королевскому. Издаваемые им акты стали помечаться как королевские: «Издан в нашем священном дворце».

Выяснить политическую роль беневентского князя Арихиса, который в течение 30 лет был почти неограниченным властелином Южной Италии, столько же важно с точки зрения местной итальянской истории, сколько и со стороны политических притязаний Византии. По свидетельству местной хроники, Арихис был далеко недюжинный человек[20]. Он отличался приверженностью к Церкви и старался украсить Беневент новыми церковными зданиями и мощами мучеников и святых, которые он разыскивал по всей Южной Италии. Главным его сооружением был храм св.Софии, сделавшийся национальным святилищем. Уже одного наименования храма достаточно, чтобы судить, под какими влияниями происходила строительная деятельность Арихиса. Желая иметь в своем княжестве более защищенное место на случай борьбы с франками, Арихис построил укрепления в Салерно и сделал из этого маленького селения свою вторую столицу, укрепив ее стенами и перенеся сюда свои сокровища. Салерно впоследствии будет играть большую роль в судьбах

Южной Италии. Двор беневентского князя отличался необыкновенным блеском и роскошью. В торжественных выходах и церемониях князь был окружен своими вельможами и военными людьми, носившими пышные звания; иностранных послов он принимал, сидя на золотом троне.

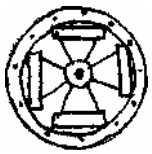
Можно понять, до какой степени трудно было Арихису сохранить независимое положение после того переворота в Северной Италии, который был произведен походами Каролингов. Самым непримиримым для него врагом был папа, который пользовался всяким случаем, чтобы возбуждать против него подозрения у Карла; по словам папы Адриана I, Арихис замышлял присоединить к своим владениям римскую Кампанию и имел тайные сношения с константинопольским двором[21]. Очень любопытны те известия, которые касаются союза между беневентским князем и императором с целью возвращения экзархата и восстановления нарушенного политического строя в Средней Италии. Самого высокого напряжения положение дела достигло к 781 г., когда Карл считал полезным войти в прямые сношения с Константинополем, чтобы предупредить вмешательство империи в итальянские дела. Под влиянием настойчивых донесений папы Адриана, что Арихис находится в постоянных сношениях с патрикием сицилийским и замышляет поход на Италию, Карл сам прибыл в Рим, чтобы на месте выяснить, насколько серьезна опасность. В действительности положение дел не было тревожно. Напротив, весной 781 г. происходили в Риме переговоры о брачном союзе между Каролингами и императорским домом, и вообще с этого времени до 787 г. установились доверчивые отношения между франками и Византией. Кризис наступил в 787 г., когда Карл вновь по настояниям папы явился в Италию. На этот раз жалобы Адриана I имели основание, т. к. действительно Арихис не только сносился с Константинополем, но и подготовил высадку византийских войск в Южную Италию. Заметим кстати, что сношения Арихиса с византийским двором засвидетельствованы, между прочим, в недавно изданном житии Филарета Милостивого [22], где идет речь о проекте брака Арихиса с сестрой императрицы Марии, супруги Константина VI.

Прибыв в Капую, Карл пригласил к себе для переговоров беневентского князя, который между тем заперся в укрепленном Салерно и отправил к Карлу своего сына Ромуальда. На вторичное приглашение явиться лично Арихис отправил с знатным посольством второго своего сына, Гримоальда. Карл, очевидно, не желал резкими мерами возбуждать Арихиса и ограничился тем, что удержал у себя заложником одного из беневентских принцев. В это же время произошел разрыв между Карлом и царицей Ириной по делу о брачном союзе Константина VI с дочерью Карла Ротрудой. Вследствие каких причин прерваны были переговоры о браке, в настоящее время судить трудно, но важно то, что непосредственно затем обнаружены были секретные переговоры Арихиса с царицей Ириной. Именно: из донесения папы Адриана Карлу[23] видим, что Арихис хлопотал перед византийским двором о пожаловании ему сана патрикия и права на управление Неаполитанским дукатом. С своей стороны он готов был признать над собой верховную власть императора и—что в особенности любопытно — принять у себя византийские обычаи в стрижке волос и в одежде. Предполагалось, кроме того, что шурин его, Адельхис, выступит на помощь ему со вспомога-

тельным византийским отрядом. Из того же письма папы видно, что из Константинополя отправлены были два спафария, которым было поручено доставить Арихису пожалованные знаки его достоинства: расшитые золотом одежды, шпагу и грамоту на звание патрикия[24]

Нужно согласиться, что Арихис ставил большую ставку: он становился с пожалованьем ему патрикийского звания представителем политических интересов Византии в Южной Италии и достигал посредством соглашения с Византией того, чего не удавалось достигнуть в союзе с Каролингами. Что же касается Византии, то в беневентском князе и вместе римском патриции она приобретала прекрасное средство вновь поставить вопрос об экзархате и об утраченных владениях в Средней Италии. Так, по крайней мере, рисуется положение дел в глазах папы, который передает похвальбу Адельхиса, что он двинется с войском в Равенну. Фактически греко-лангобардский союз не имел положительных результатов. Арихис умер в августе 787 г., не дождавшись прибытия византийского посольства. Что же касается военной высадки, то она, не будучи поддержана со стороны Беневента, окончилась постыдным поражением Адельхиса и бывших с ним греческих вождей

Немного выступив из границ занимающего нас царствования, мы надеемся найти для себя оправдание в чрезвычайной важности событий, которые предстояло нам выяснить. Было бы трудно понять, как мог Константин V Копроним и его ближайшие преемники помириться с потерей экзархата и с утратой влияния в Италии. Рассмотрение положения дел в Неаполитанском дукате и в Беневенте убеждает, что Византия не теряла надежды на восстановление утраченного влияния, и что в самой Южной Италии были такие элементы, на которые она в нужное время могла опереться.

Глава VIII

Семейство Константина V. Лев IV. Ирина и Константин

Давно уже замечено, что при довольно частой смене царствующих династий нередко случалось, что императорская власть попадала в руки людей совершенно скромного происхождения и не получивших достаточного образования. Но такова была обстановка придворной жизни и таковы были традиции при константинопольском дворе, что уже во втором поколении являлись члены царской семьи, вооруженные всеми знаниями, какие могла давать тогдашняя школа. Хотя об иконоборческой эпохе сложилось одностороннее представление, будто тогда совершенно погасло образование, но в действительности при исаврийских царях школьное образование не переставало быть предметом забот правительства и различных учреждений, как это будет видно ниже. Что касается царской семьи, следует думать, что здесь в особенности крепко держались раз установившиеся порядки, по которым царские дети получали наилучшее для того времени образование.

В семье иконоборческих императоров по странному сочетанию случайностей жили традиции старого времени даже по отношению к иконопочитанию. Первая жена Константина происходила из семьи хазарского кагана. Обращенная в христианство еще до замужества и получив имя Ирины, она, с 731 г. живя в Константинополе, была свидетельницей борьбы Льва III против иконопочитателей и осталась до конца жизни верной последовательницей почитания святых икон. Самым лучшим выражением царившего в царской семье направления, которое, конечно, исходило от царицы Ирины, служат обычаи и характер дочери Ирины и Константина, царевны Анфусы. Она представляла в себе редкое сочетание глубокого благочестия, доходившего до аскетических подвигов, с делами благотворительности. Она отказалась от брака и окончила свою жизнь в монастыре; все свое состояние употребила на устройство приюта для сирых детей и на помощь страждущему человечеству. Таково было направление воспитания при дворе Константина. От этого же брака родился в 750 г. сын Лев, впоследствии занявший царский престол.

По смерти Ирины Константин женился второй раз на Марии, о которой почти ничего не известно и которая, по-видимому, скоро умерла. Наконец, третья его супруга была Евдокия, происходившая из фамилии Мелиссинов. От нее родилось пять сыновей: Христофор, Никифор, Никита, Анфим и Евдоким. В 768 г. члены царской семьи возведены были при торжественной церемонии в придворные ранги. Царица Евдокия провозглашена августой, следующие за Львом сыновья возведены в сан кесарей, а Никита получил сан нобилиссима. Старший сын Лев был соправителем отца с юных лет, будучи коронован еще в 750 г. Большое

значение в истории как царского семейства, так и вообще в направлении дальнейшей внутренней политики исаврийского дома имел брак наследника престола с афинянкой Ириной, который совершен был в 768/79 г. Греческие патриоты любят выставлять этот факт в доказательство значительного культурного положения Афин в VIII в. и вместе с тем в опровержение тех историков, которые указывают на крайнее ослабление эллинского элемента в это время вследствие иммиграции славян.

По нашему мнению, ввиду известных обычаев византийского двора, наблюдаемых при выборе невест царям и наследникам престола посредством оповещения по всему государству о том, чтобы более известные красавицы были представлены ко двору, едва ли может говорить в пользу или против Афин то обстоятельство, что невеста будущего императора Льва IV избрана была из этого города. К сожалению, историк Феофан не сообщает подробностей ни о происхождении Ирины, ни о ближайших обстоятельствах, при которых последовало приглашение ее в Константинополь, хотя из данного им описания сделанной ей встречи можно видеть, что это было действительно большое торжество. «1 ноября 8 индикта прибыла афинянка Ирина из дворца Иерии в Константинополь в сопровождении больших и малых судов, украшенных шелковыми тканями. Ей устроена была встреча высшими лицами города, которые приветствовали ее вместе со своими женами» [1]. Через день патриарх совершил ее обручение с царем Львом в церкви Фара, а 17 декабря она была коронована августой в триклине Августеона.

Вместе с царицей Ириной, женщиной твердого характера и воли, в царский двор вошел такой элемент, какого в нем до сих пор не было. Иконоборческие императоры, несомненно, имели сильную поддержку относительно своей церковной политики в восточных элементах, и весь период, который мы теперь изучаем, представляет колебание между эллинскими и восточными традициями. Привлечение гречанки — и притом весьма энергичной и умной — ко двору было уже большим завоеванием со стороны партии иконопочитателеи. На долю Ирины выпала редкая судьба для обыкновенной женщины, родившейся в скромной обстановке. Через пять лет после ее вступления во дворец умер император Константин, и престол перешел к супругу ее Льву IV, который вполне подчинился влиянию своей жены. Можно сказать, что со времени смерти Константина в течение почти 30 лет Византийская империя направляема была властной рукой царицы Ирины, с именем которой соединяются весьма крупные события, и которая, вместе с тем, столько же обрисовывает эпоху иконоборческого периода, как и свекор ее, царь Константин V.

Сначала в качестве влиятельной супруги Льва IV, потом с 780 г. в качестве правительницы за своего малолетнего сына Константина VI, наконец, как самостоятельная и самодержавная распорядительница империи Ирина оставила глубокий след в истории. В характере ее деятельности, правда, остаются не совсем выясненные обстоятельства, именно в том отношении — что следует отнести к ее личному почину и что приписать влиянию ближайшей среды. Приняв на себя задачу осуществить надежды иконопочитателеи и реагировать против церковной политики иконоборческих императоров, Ирина вошла в самое русло тогдаш-

него исторического течения и сделалась предметом восхваления—с одной стороны и жестоких порицаний — с другой. Но весьма вероятно, что честолюбие и властолюбие были главными качествами Ирины, достигшей престола благодаря своей красоте. Вся история ее отношений к сыну не может быть оправдана ни требованиями политики, ни государственной необходимостью, что до известной степени могло бы быть принимаемо в соображение при других подобных же возмущающих душу отношениях[2*].

Наследник престола Лев по прозванию Хазар, как родившийся от матери хазарского происхождения, имел 26 лет от роду, когда умер Константин V в сентябре 775 г. Скоро обнаружилось, что новый царь далеко не обладал нужными по обстоятельствам времени качествами, чтобы держать грозным на границах имя империи. И на западной, и на восточной границе почувствовалось отсутствие твердой руки и определенной системы. Но в особенности вредно было колебание во внутренней, т. е. главнейше церковной политике. Будучи искренним приверженцем иконоборческой системы, Лев, однако, отступал от практики, принятой в предыдущие царствования по отношению к монашеству, равно как не делал подбора лиц при назначении на высшие церковные должности и провел много из черного духовенства на митрополичьи кафедры, чем, естественно, поднял надежды иконопочитателей[3].

Лучшая страница к характеристике Льва принадлежит писателю Феофану, и мы приведем здесь его рассказ. «Царь Лев начал брать полной рукой из сбережений, оставленных его отцом, и тем расположил к себе войско и народ. Некоторое время казался благочестивым и другом Святой Богоматери и монахов, почему назначал на важнейшие митрополичьи кафедры лиц из черного духовенства. Производил большие военные наборы в фемах и увеличил полки. Вследствие этого представители гражданского населения фем вместе с большим количеством войска обратились к Льву с просьбой принять в соимператоры сына его Константина. Он же отвечал им: сын у меня один, и я боюсь исполнить ваше желание, так как в случае, если мне приключится смерть во время его малолетства, вы убьете его и изберете в цари другого. Но они с клятвой удостоверяли его, что не допустят никого в цари, кроме его сына, если бы Бог и послал по его душу. Так народ надоедал от Вербного воскресенья до Великого четверга, собираясь в ипподроме и заявляя просьбы. Наконец, в Святую пятницу он приказал им дать клятву, и поклялось все войско на Честном и Животворящем древе, как представители фем и сената, так и городские тагмы и все горожане и представители ремесленных цехов в том, что не допустят на царство никого, кроме Льва и Константина и потомства их, и дали собственноручную запись в этой клятве. И на следующий день, в Великую субботу, вышел царь в трибунал 19 аккубитов и возвел в сан новелиссима брата своего Евдокима, так как следующего за ним по

* Например, отношение Петра Великого к сыну.

старшинству Анфима возвел в тот же сан сам отец их, Константин. И проследовал царь в Великую церковь с двумя кесарями и тремя новелиссимами и с малолетним Константином и, переменив одежду, вошел на амвон с сыном своим и патриархом. И народ, вошедши в церковь, положил свои записи на святую трапезу. Царь же держал такую речь: вот, братья, я исполняю вашу просьбу и возвожу сына моего в цари, вы принимаете его от Церкви и от руки Христа. И все воскликнули: Сын Божий, будь поручителем, что от Твоей руки принимаем кира Константина, царя, и что будем защищать его и умрем за него. На следующий день, который был Великое воскресенье Пасхи, 24 апреля, индикта 14, на рассвете царь вышел с патриархом в ипподром, и там на переносном алтаре в присутствии всего народа патриарх сотворил обычную молитву, и затем царь короновал своего сына. И затем в процессии проследовали в Великую церковь два царя с двумя кесарями и тремя новелиссимами. После того, как проследовали цари, прошла и царица Ирина в сопровождении школ, несущих знамена, и вошла чрез подъем Халки в катихумении Великой церкви. В мае того же индикта раскрыт был заговор Никифора, кесаря и брата царя, в котором принимали участие некоторые спафарии и страторы, и другие царские мужи. И царь, собрав силенций в Магнавре, сообщил народу о том, что против него было говорено. Они единогласно потребовали предать смерти того и другого*, хотя забыли клятвопреступники, в чем давали присягу отцу их: не допускать по смерти его насилий по отношению к его детям. Царь же, наказав заговорщиков и постригши их, сослал их в заточение и под стражу в Херсон и окрестные места».

Эта прекрасная страничка, выхваченная прямо из придворного журнала и напоминающая по своей документальной точности официальный акт, бросает некоторый свет на внутреннюю политику при Льве IV. Здесь прежде всего обращает на себя внимание участие фем во внутренней политике и заявленное представителями фем требование приобщить к царской власти малолетнего сына Льва Константина, которому тогда было не больше пяти лет. Исаврийская династия по смерти Константина V уже была хорошо обеспечена в смысле престолонаследия, т. к. у Льва IV было пять братьев, из коих два носили сан кесаря, а остальные— нобилиссима, не говоря о том, что и в прямом потомстве Льва уже был наследник в лице Константина. Приобщение этого последнего к власти и коронование было весьма обычным в византийской практике, так что во все времена можно находить правительственные акты, выходящие от двух царей. Почин в смысле кооптации обыкновенно принадлежал верховной власти, домогательство же фем, выставленное в приведенном месте Феофана, представляется довольно странным и неожиданным. Оно может иметь себе объяснение в последующих сценах жестокой борьбы из-за власти между Ириной и ее сыном и в исключительной

* В заговоре замешаны оба кесаря, Никифор и Христофор.

роли, какую играют в это время военные отряды как в церковной политике, так и в борьбе между матерью и сыном.

Исаврийская династия, как по своему происхождению, так и по коренной политике, тянет к Востоку. Малоазийские провинции пользуются особенным вниманием иконоборцев, точно так же малоазийские фемы платят приверженностью к династии. Итак, нужно думать, что под представительством фем здесь следует подразумевать азиатские фемы. В царствование Льва упоминаются следующие фемы в Азии: Анатолика, Арменiак, Опсикий, Фракисийская и Вукелларий; последние две образованы уже при Исаврийцах[4]. Весьма может быть, что и некоторые из других фем, относимых к позднейшему времени, на самом деле существовали уже в это время, как можно объяснять выражение: «Умножил полки, сделал большие наборы по фемам». Но сущность вопроса сводится к тому, что умножение полков и наборы не могут быть поставлены в причинную связь с требованием фем короновать Константина. В приобщении к власти малолетнего царевича был прямой и необходимый интерес самого Льва, и, следовательно, вся сцена разыгранная на Страстной неделе 776 г., была искусно подготовлена и поставлена правительством Льва на тот конец, чтобы принять от войска и сената, и городских сословий публичную присягу на верность наследнику престола Константину. Что для этого потребовалась чрезвычайная мера подстрекательства фем к настойчивому выступлению в ипподроме, достаточным тому объяснением служит непосредственно затем раскрытый политический заговор, в котором были замешаны два старшие члена царской семьи, братья царя — Никифор и Христофор, имевшие целью, как можно догадываться, поставить вопрос о престолонаследии иначе, чем этого желал император. В дальнейшем увидим, что честолюбивая императрица Ирина, имевшая влияние на дела и при жизни своего мужа, должна была в качестве регентши принять решительные меры против притязаний на власть со стороны кесарей — братьев своего мужа.

С точки зрения внешней политики, главное внимание привлекали к себе болгарские дела, как это было и в царствование Константина. Но для Льва IV не представлялось возможным продолжать здесь наступательную политику, тем более, что внутренние смуты, происходившие в Болгарии, давали Византии возможность поддерживать и увеличивать своих приверженцев даже при дворе хана. Весьма вероятно, что к соперничеству отдельных племен и родовых старшин из-за власти присоединилась и борьба славянского и болгарского элементов, которым предстояло пережить значительный период, прежде чем слиться в одно политическое и национальное тело. Немаловажным успехом для Византии считалось то обстоятельство, что в 777 г. хан Телериг бежал в Константинополь и здесь принят был с особенным почетом. Очень важно отметить, что империя относится к болгарскому владетелю как к государю, ему пожалован был сан патрикия, и, кроме того, он введен был в царскую семью посредством брака с родственницей царицы Ирины. Первый также раз летопись отметила тот факт, что бывший хан принял в Константинополе христианство и вступил в условия культурной жизни. Оказывая покровительство хану Телеригу, империя заручилась действительным средством влиять на болгарские партии и в случае нужды угрожать непосредственным вмешательством. Т.к. на несколько лет

прекращаются затем известия о воинах на западной границе, то вполне основательно заключать, что здесь взаимные отношения основывались на прежних мирных договорах и имели мирный характер.

Несколько иначе представляется дело на восточной границе. В 778 г. предпринят был поход в Сирию, в нем приняли участие страти-ги: Фракисийской фемы Михаил Лаханодракон, Анатолики — Артавазд, Вукеллариев — Тачати, Армениака — Каристероци и Григорий — Опсикия; здесь перечислены все тогдашние фемы, поставившие 100 тыс. войска. Целью похода были пограничные с арабами области в Сирии, дело завязалось у Терманикии, которая могла бы быть легко взята, если бы Лаханодракон, подкупленный неприятелем, не отступил от города и не начал опустошать страну. В последовавшей затем битве императорские войска одержали победу над арабами, следствием которой было окончание похода. Но в следующем году арабы вступили в Малую Азию и осаждали Дорилей, главный город Анатолики. Византийцы не приняли на себя труда вести с арабами формальную войну, и то, что предпринято было в настоящем случае, входит в обычную практику на будущее время. Войско расположено было малыми отрядами по отдельным укреплениям и имело задачей, не вступая в сражение с главными силами, предупреждать конные наезды с целями опустошения и грабежа и уничтожать пастбища и фураж. Это немедленно принесло добрые плоды. После того, как арабская кавалерия продержалась 15 дней под Дорилеем и уничтожила пастбища и запасы в ближайших местах, за недостатком продовольствия ей необходимо было отступать назад, потому что кони стали гибнуть от бескормицы. На возвратном пути арабы продержались один день под Аморием, но, найдя его хорошо защищенным, должны были отказаться на этот год от дальнейших действий. Но в 780 г. снова повторился арабский наезд в фему Армениак; стратиг Лаханодракон нанес этому отряду арабов полное поражение, причем погиб Осман, сын калифа Мади.

В сентябре 780 г. последовала смерть императора. Летопись отмечает, что он позволил себе взять одну драгоценную корону из церкви св. Софии, прельстившись украшавшими ее каменьями, и что его постигло наказание за это безбожное дело. С другой стороны, ходил слух, что Льва отравила супруга его, Ирина. Сыну Льва, Константину, было 10 лет, когда умер отец его. Хотя вопроса о престолонаследии не могло существовать, потому что Константин уже 5 лет был коронован, тем не менее, «неисповедимыми судьбами промысла», по выражению летописца, за малолетством сына царскую власть делит с ним его мать, благочестивейшая царица Ирина. Двадцать с лишком лет потом дела Византийской империи направляются женской рукой, и большинство событий внутренней и внешней политики конца VIII в. носит печать ожесточенной борьбы между разными партиями, тонкой интриги и страстности.

Если принять во внимание живые силы, бодрость и победоносное движение к Востоку со стороны Каролингов, если оценить благовремен-ность искусно поставленных ими на очередь важных исторических, цер-ковно-политических и национальных задач, то, конечно, сцены мелкой интриги, заговоры, членовредительство, ссылки и позорные наказания, которыми наполнена современная история Византии, весьма определенно решали бы вопрос о сравнительной ценности восточной и западной

истории в занимающую нас эпоху, если бы в этой борьбе, питающейся низменной интригой и мелкими честолюбиями, не обнаруживались иногда высокие идейные стремления, самоотверженная преданность отеческим преданиям и верованиям, наконец, если бы в истории Византии мы пренебрегли созидательными этнографическими элементами, которые имеют постоянную тенденцию эмансипироваться от эллинизма в церковном и политическом отношении, пытаясь создавать самостоятельные политические организации.

Хотя роль царицы Ирины подле своего десятилетнего сына и царя определялась совершенно ясно обычаем и законом, но скоро по смерти Льва IV, «прошло лишь 40 дней», как обнаружен был политический заговор, имевший целью государственный переворот в пользу кесаря Никифора. Эти пять дядей малолетнего царя, носившие титулы кесарей и нобилиссимов, хотя сами не отличались ни талантами, ни характером, постоянно были орудием в руках других честолюбцев, составляя враждебную Ирине партию. На этот раз во главе заговора стояли лица высокого административного положения, приверженцы иконоборческой династии, подозревавшие, быть может, в Ирине будущую восстановительницу православия. Это были логофет дрома Григорий, бывший стратиг фемы Арменiак Варда, доместик экскувиторов Константин, друнгарий 12 островов Феофилакт и другие, т. е. самые крупные представители военной и морской администрации. Но царица Ирина на этом первом важном деле своего царствования обнаружила в достаточной степени и свою жестокость, и настойчивость. Все замешанные в заговор были подвергнуты телесным наказаниям, пострижены в монахи и сосланы в заточение; что же касается членов царской семьи, с ними посту-плено было гораздо проще. Кесарей и нобилиссимов царица приказала постричь в духовный сан, и в ближайший праздник Рождества эти подневольные священники должны были служить в церкви св. Софии и в довершение всего «раздавать народу св. причастие»[5]. Таково было выступление Ирины против своих ближайших родичей и первых чинов в государстве.

Но это не внушило осторожности Никифору и его братьям, они еще будут участвовать в новых интригах, равно как царица Ирина будет с новой и более изысканной жестокостью отстаивать свою власть. Можно догадываться, что мысль о возведении на царство старшего из кесарей была разделяема не только перечисленными выше лицами, но что она была распространена даже в провинциях. В начале 781 г. был назначен на военный пост стратига Сицилии патрикий Елпидий, который, по-видимому, занимал этот пост и ранее. В апреле дошел слух до столицы, что Елпидий стоит на стороне кесарей, т. е. что он возмутился против правительства Ирины. Ввиду неспокойного положения дел в Южной Италии и неопределившихся отношений к папе, Ирине не могло не внушать серьезных опасений возмущение Елпидия. Она послала в Сицилию спафария Феофила, поручив ему захватить патрикия и представить в Константинополь, но оказалось, что Елпидий имеет в Сицилии преданную ему партию и войско и что взять его не так легко. Императрица, однако, воспользовалась тем обстоятельством, что в Константинополе оставалась жена Елпидия с детьми. Она подвергла несчастную женщину телесному наказанию, постригла и заперла в госу-

дарственную темницу, а между тем подготовлялась к решительным действиям и против мужа ее.

В следующем году изготовлен был флот, а из фем набран был отборный экипаж; зо главе назначенной в Сицилию экспедиции поставлен патрикий Феодор, которому и удалось сломить сопротивление Ел-пидия. Весьма любопытно, что, потеряв надежду на успех своего дела, Елпидий вместе с дукой Никифором ушел к арабам в Африку, которые приняли его с царскими почестями, хотя и не воспользовались его именем для открытого движения против Византии. Чтобы не возвращаться другой раз к трагической судьбе царских дядей, упомянем теперь же, что в 792 г. снова было раскрыто движение в пользу провозглашения Никифора царем; на этот раз во главе движения стояли константинопольские войска. Тогда старших членов царской семьи постигла роковая судьба: Никифор был ослеплен, а остальные братья поплатились усечением языков. Наконец, в 797 г., когда и сам Константин VI был уже ослеплен по приказанию своей матери, вновь составился заговор, имевший целью государственный переворот в пользу одного из представителей исаврийской династии, хотя теперь все они были изувечены и сделаны негодными для деятельности. Нет сомнения, что теперь Никифор с братьями, искалеченные и содержавшиеся в заключении на Босфоре в Ферапии, были жалкими орудиями чужой интриги, чего, впрочем, не скрывает историк Феофан[6]. Им помогли освободиться из заключения и заставили спастись затем в церковь св. Софии, где обещали провозгласить одного из них царем. Но преданный императрице евнух Аэций захватил их в церкви, причем никто не оказал сопротивления в защиту несчастных царевичей, и сослал их в заточение в Афины, где как в отечественном городе Ирины они были под верной охраной и не могли более внушать опасности.

В рассуждении характера Ирины и в смысле оценки ее непомерного честолюбия и властолюбия следует вникнуть в отношения ее к собственному сыну, которому она соцарствовала. Прежде всего в высшей степени важно отметить, что в 781 г., когда Константину было 11 лет, она затеяла чрезвычайно умный с точки зрения общей политики шаг: соединить брачными узами первый на западе царственный дом Каролингов с императорским домом. В связи с этим проектом, который для своего осуществления нуждался в посредничестве папы, несомненно тогда уже назревала мысль о соединении Восточной и Западной Церквей посредством отмены иконоборческих эдиктов. С этой целью в 781 г. Ирина снарядила торжественное посольство из сакеллария Константа и примикирия Мамала и поручила им просить дочь короля франков Карла по имени Ротруда за сына ее Константина. Стороны пришли к соглашению, и переговоры сопровождались обручением. До совершения брака послан был ко двору Карла евнух и нотарий Елисей, чтобы обучать франкскую принцессу греческому языку и литературе и знакомить с обычаями Византийской империи .

Какие обстоятельства заставили императрицу через шесть лет изменить намерение по отношению к родственному союзу с Карлом и искать невесты сыну между красивыми девицами империи, это трудно выяснить[8]. Если есть основание предполагать, что Ирина после VII Вселенского собора почувствовала себя гораздо ближе к неограниченной

власти, чем это было раньше, и стала опасаться, чтобы знаменитый и тогда уже франкский король не сделался неудобным для нее советником ее сына, и чтобы, с другой стороны, франкская принцесса не внесла нежелательных для нее новшеств, то, конечно, разрыв брачных переговоров после сделанного уже обручения и по капризу Ирины остается фактом, характеризующим холодность и бессердечность царицы.

В 788 г. для Константина была найдена невеста в лице Марии из фемы Арменiак. Справедливо ли мнение, что Константин против желания согласился на этот брак, это трудно решить; но хорошо известно, что это супружество было не из счастливых. Независимо от того отношения между матерью и сыном становились тем более натянуты и недоверчивы, чем более подрастал Константин и чем отчетливей он стал судить об окружающей его действительности. Мать держала его в удалении от дел, он не пользовался ни влиянием, ни почетом. Все склонялось перед тогдашним временщиком, патрикием и логофетом дрома, т. е. министром путей сообщения, Ставракием, который давал чувствовать и молодому царю свое над ним превосходство. Очень легко понять, что подобными натянутыми отношениями спешили воспользоваться как те, которые были на стороне Ирины и ее религиозной политики, так и те, которые стояли за права теперь уже почти устраненной от власти исаврийской династии и были приверженцами церковной политики иконоборцев.

В 790 г. созрел заговор, имевший целью низвержение Ставракия и ссылку его в Сицилию. 9 февраля было в Константинополе землетрясение, вследствие которого жители вышли из своих домов и проводили время в садах, на площадях или вообще старались держаться под открытым небом. Сама царица с сыном удалилась в загородный квартал св. Маманта. Пользуясь общим перепугом и смятением, заговорщики думали воспользоваться этим временем для выполнения своего плана, но Ставракию донесли заблаговременно о готовящемся покушении, и он принял свои меры. Жестокая расправа постигла сообщников Константина. Это были магистр Петр, патрикий Феодор Камулиан и Дамиан, протоспафарий Иоанн Пикридий. Их наказали, и постригли, и сослаяи в заточение по разным местам. Раскрыто было и участие царя Константина в этом заговоре; хотя его не судили и не подвергали публичному наказанию, но Ирина, говорят, жестоко разбранила его, нанесла ему удары и подвергла его на несколько дней домашнему заключению[9]. Это был критический момент в отношениях между матерью и сыном. Ирина еще ревнивей стала оберегать свою власть и приказала в публичных актах свое имя ставить впереди имени сына. С этого же времени под влиянием злых советников она начала придумывать благовидные поводы, чтобы устранить сына от власти. Уже ей нашептывали близкие люди, что в судьбах Промысла решено не допускать до царствования ее сына, и что ей чрезвычайно легко будет получить согласие на то от войска и сената.

Ирина решилась на чрезвычайную меру, потребовав присяги от войска: «Пока ты живешь, не допустим, чтобы был у власти твой сын». Все шло по желанию царицы, пока присяга принималась в европейских фемах, но дело приняло иной оборот, когда стали снимать присягу в Азии. Здесь мы находим столько реальной правды и дипломатической

точности у писателя Феофана, что берем страницу у него в дословной передаче . «Снимавшие присягу явились в фему Армениак. Но фема не изъявила согласия присягать в том смысле, что не допустим к власти твоего сына, пока ты живешь, равно как фема не желала, чтобы имя Ирины провозглашалось ранее Константина, но чтобы было по-старому». Из дальнейшего оказывается, что правительство, до известной степени предвидя нежелательный оборот дела в азиатских фемах, где династия исаврийцев имела исконных и искренних приверженцев, заблаговременно поставило верных людей во главе каждой фемы в той надежде, что им удастся оказать давление на народ и войско. Когда же в Армениаке обнаружилось движение в пользу Константина, то туда был послан с особенными полномочиями начальник царской стражи, спафарий Алексей Мусулем, человек популярный в этой феме и, может быть, сам по происхождению армянин. При этом произошло следующее: «Спафария Алексея задержали в феме и поставили над собой стратигом, а собственного стратига, патрикия Никифора, взяли под стражу и провозгласили царем одного Константина. Когда слух об этом прошел по стране, то войска прочих фем, прогнавших своих стратигов, тоже провозгласили одного Константина». Это уже было военное возмущение, неожиданный для царицы политический переворот.

Движение шло, усиливаясь, и «в октябре того же года выборные от фем в местности Атроа провозгласили единогласно Константина своим царем». Тогда Ирине пришлось поневоле уступить. Она отказалась от захваченной власти и пожертвовала преданными ей людьми. Ставракий после учиненного над ним телесного наказания был пострижен и сослан в фему Армениак, другой любимец ее, евнух Аэций, лишен должностей и сослан, та же участь постигла и других приближенных к ней лиц. К власти были призваны новые лица, которые были удалены от дел при Ирине. Главнейшими из них были Михаил Лаханодракон и протоспафарий Иоанн Пикридий. Самой царице предоставлено было жить в выстроенном ею дворце Елевфериевом при заливе того же имени, между Псаматией и Ени-капу. Константин, однако, не питал вражды к своей матери, а через год, уступая ее просьбам, возвратил ей титул августы и предоставил ей участие в государственных делах. Но полученный ранее урок дал Ирине больше опытности в интриге и научил ее осторожности и сдержанности. Желая во что бы то ни стало достичь неограниченной власти и отметить тем лицам, которые помешали ей в 790г., Ирина начала действовать систематически и с большой выдержкой.

Константину нельзя отказать во многих добрых качествах: он был деятелен и благорасположен к людям, не позволял себе резких выходок против Церкви и духовенства, пользовался популярностью в народе и особенно любим был в военных кругах. Царица мать успела, однако, пользуясь его легкомыслием и слабоволием, расстроить его добрые отношения к преданным ему людям и постепенно возбудить против него народ и войско. Уже то обстоятельство, что он так скоро сам нарушил данную фемами клятву о верности ему одному и приказал вновь провозглашать рядом со своим имя своей матери, должно было сильно повредить ему в азиатских фемах. Но этим дело не ограничилось. Он нанес большое огорчение феме Армениак, которая так самоотверженно была

к нему привязана. Упомянутый выше Алексей Мусулем, оказавший Константину в качестве стратига Армениака громадную услугу, как и следовало ожидать, был вознагражден саном патрикия и отозван в Константинополь. Но здесь против него подготовлена была интрига, получившая некоторый вид правдоподобия в том, что фема Армениак, заявившая несогласие на новое приглашение принести присягу и царице Ирине, выразила настойчивое требование иметь у себя прежнего стратига Алексея. Царю Константину было донесено, что Алексей питает честолюбивые замыслы и что его следует остерегаться. Поверив наговорам, царь подверг его обычному в то время и столь часто упоминаемому нами роду наказания: битье розгами, пострижение, ослепление и заключение в темницу. Это было в 792 г.

В то же время Константин подорвал свой авторитет—и также в военной партии, расположенной к исаврийцам,— другим, столько же неосторожным, как жестоким поступком. Ему сделан был донос, по всем вероятиям исходивший от партии его матери, что расположенные в Константинополе войска замышляют провозгласить царем одного из его дядей, именно бывшего кесаря Никифора, теперь же опозоренного постриженца в монахи. Тогда именно допустил он себе вопиющее и отвратительное злодеяние, приказав ослепить старшего дядю и урезать языки остальным четверым. Между тем, в малоазийской феме Армениак начался бунт, который разгорелся в междоусобную войну фем. Прежде всего фема в отмщение за своего бывшего популярного стратига Алексея Мусулема захватила царского посаженика, стратига и патрикия Феодора Камулиана. Чтобы потушить бунт, царь послал протоспафария Константина, приказав присоединиться к нему стратигу Вукеллариев, но повстанцы так искусно повели дело, что захватили в плен обоих царских людей и ослепили их. Движение разрасталось, и необходимо было принимать серьезные меры. После Пасхи в 793 г. Константин сам должен был отправиться в поход, взяв отряды от прочих фем. Огромная фема Армениак, обнимавшая все южное побережье Черного моря от Синопа до нынешнего Поти, была подвергнута крайнему разорению и опустошению. Можно догадываться, что в движении принимали участие не только военные элементы, но и население фемы. Казни, жестокие наказания, конфискация имущества и ссылка постигли множество обитателей этой фемы. Любопытно, что казни подвергся епископ Синопа, а 1000 человек в оковах приведены были в Константинополь и проведены по городу с надписаниями на лицах «армянский заговорщик». Нет сомнения, что подобные действия Константина сильно подорвали его авторитет и ослабили в военных кругах уважение к династии Исаврийцев.

Царица Ирина имела большой авторитет в церковных сферах, как восстановившая поклонение свв. иконам и начавшая вновь правильные сношения с Римской Церковью. Ей было весьма легко вооружить против сына патриарха и монашество, и она достигла этого с большим искусством. Константин не любил свою супругу Марию, хотя и имел от нее двух дочерей, Евфросинью и Ирину. Около 795 г. он развелся с женой и постриг ее в монахини. Это окончательно испортило его положение в тех именно слоях общества, где был особенно значителен авторитет Ирины. Семейные добродетели не были в обычаях тогдашнего константинопольского общества, и нельзя настаивать на том, что царь имел

связи на стороне. Но для него имело роковые последствия увлечение его одной девицей, состоявшей в свите ею матери, по имени Феодота. Ни для кого, впрочем, не было секретом, что сношения царя были поощряемы Ириной, которая желала вызвать публичный скандал и уронить своего сына в глазах церковных людей. Феодота происходила из хорошей семьи и имела большие связи, так что сношения с ней предстояло узаконить браком. В это именно время и поднят был вопрос о разводе с первой женой. Т.к. законных причин для развода не имелось, то Константин выставил предлог, что жена приготовила ему отраву. Но патриарх Тарасий, понимая очень хорошо отношения царской семьи, не принял на себя ответственности по этому делу и устранился от расторжения этого брака с Марией и равно не дал разрешения на новый брак с Феодотой. Как сказано выше, царь не посмотрел на патриарха, постриг свою жену и нашел священника, который обвенчал его с Феодотой. Хотя этот брак был совершен вопреки церковных правил, но царь придал ему большую торжественность: сорок дней продолжались празднества во дворце св. Маманта, поднявшие на ноги ревнителей церковного чина и вооружившие против царя духовенство.

В этом новом легкомысленном поступке царя было одно обстоятельство, слишком обострившее и без того довольно напряженное состояние дел. Феодота приходилась родственницей влиятельному тогда лицу среди черного духовенства, игумену монастыря Саккудион на Олимпе близ Бруссы Платону, мнением которого не могли пренебрегать самые высшие лица в администрации. Тогда же начиналась известность племянника его, знаменитого впоследствии игумена Студийского монастыря Феодора, который по своему высокому образованию и необычайной энергии был самым крупным выразителем православного направления мыслей. Нужно еще присовокупить, что постриженная в монахини царица Мария тоже имела большие связи в среде помещичьей в Паф-лагонии, а равно в монашеских кругах, т. к. приходилась внучкой Филарету Милостивому. Находясь в монастыре, она занималась перепиской священных книг, и, между прочим, сохранилось Евангелие, написанное ее рукой[11].

Таким образом по поводу нового брака Константина началось сильное движение. Благочестивые старцы монастыря Саккудион во главе со своим игуменом стали громко протестовать против нарушения канонов и незаконного брака царя. Платон отказал в общении с патриархом Тарасием, обвиняя его в попустительстве по отношению к царю и в непринятии церковных мер против игумена Иосифа, который решился венчать Константина и Феодоту. Раздраженный систематическим противодействием монашеского чина Константин решился принять решительные меры. Он послал в монастырь военный отряд и приказал захватить игумена Платона и заключить его в монастырь в Константинополе, а сочувствовавших ему монахов подверг телесному наказанию и сослал в заточение в Солунь. Вместе с другими подвергся наказанию и ссылке и племянник игумена Феодор. Летописец, рассказав об этом, замечает: «Их подстрекала царица мать, как людей противодействующих ее сыну и позорящих его».

Указанные меры, действительно, вооружили против царя все слои общества и имели последствием то, что последний представитель

исаврийской династии, потеряв расположение приближенных лиц и вооружив против себя духовенство и военное сословие, безвременно и трагически потерял власть. Катастрофа была подготовлена царицей Ириной и произошла вполне спокойно. В 796 г. Константин провел лето вместе с матерью в Бруссе, пользуясь тамошними теплыми ваннами. В это время Ирина подготовила уже партию преданных ей лиц, на которых вполне могла рассчитывать в нужное время. Она выжидала лишь благоприятных обстоятельств. В октябре того же года императрица Феодота разрешилась от бремени сыном, которого назвали Львом. Т.к. по случаю родин Феодота находилась в столице, то царь поспешил из Бруссы во дворец, чтобы быть подле супруги. Это было для Ирины весьма удобное время организовать заговор. Вступив в переговоры с начальниками военных отрядов и найдя их расположенными действовать вместе с ней и приступить к низвержению Константина, она заручилась их согласием на то, чтобы провозгласить ее единодержавной. Конечно, и она со своей стороны не жалела обещаний, убеждений и подарков в пользу своих приверженцев, причем Ставракий, испытанный друг Ирины и опытный государственный деятель, руководил заговором и сношениями с военными людьми.

Константин был далек от мысли, что его положение колеблется, и что против него готовится восстание. Весной 797 г. он предпринял поход против арабов. В его свите были друзья Ирины, которым было весьма важно, чтобы поход не удался; они сделали с своей стороны все возможное, не останавливаясь даже перед изменой, чтобы унизить царя и сделать его смешным в глазах войска. Наконец, летом 797 г. наступил кризис. Июня 17 царь возвращался из ипподрома в свой любимый дворец св. Маманта, и как раз в этот день должны были захватить его военные люди из константинопольских гвардейских полков, преданных царице Ирине. Но Константин был предуведомлен о покушении и успел сесть на морское судно, чтобы переправиться на восток и искать защиты в феме Анатолика. Это было очень благоразумное решение, которое поставило Ирину в крайнее затруднение. Опасаясь, что сын успеет найти в азиатских фемах приверженцев и поднимет движение, она уже готова была вступить с ним в переговоры и послать к нему епископов, которые бы поручились за безопасность ее, как сверх ожидания дело приняло благоприятный для заговорщиков оборот. Т. к. между лицами, бывшими теперь с царем, оказались и такие, которые состояли в заговоре, то она уведомила их, что если они не употребят крайних мер для исполнения задуманного дела, то участь их решена, она выдаст их Константину. Тогда Константин был насильственно посажен на корабль и доставлен в Константинополь. 15 августа его заключили в порфировую залу, в которой он родился, «и там же в 9 часу он был страшно и бесчеловечно ослеплен с ведома матери и ее советников».

Хотя трагическая судьба Константина VI представляется исключительной по бесчеловечности даже по нравам того же времени, но Ирина слишком угодила представителям церковной партии своими мерами к восстановлению иконопочитания и устройством VII Вселенского собора, так что современники не произнесли над ней справедливого суда. Но в летописи Феофана остался след оскорбленного нравственного чувства: «Померкло солнце на 17 дней и не посылало лучей своих, так что суда

теряли свое направление и носились по течению; все говорили и признавали, что солнце отказало в своих лучах по случаю ослепления царя. Так достигла власти Ирина, мать его» [12]. Константин пережил постигшее его несчастье, он жил еще несколько лет без друзей и без почета, только супруга его Феодота осталась ему верна до конца и несколько скрашивала его тяжкую долю.

В октябре 802 г. и сама Ирина сделалась жертвой военного заговора, но мы возвратимся еще ко времени ее единодержавия.

Глава IX

Церковная политика при преемниках Константина, Вселенский собор

Не может быть сомнения, что церковный вопрос — и именно вопрос иконоборческий — по своему громадному влиянию на все слои общества, по своей чрезвычайной для всех доступности и непосредственному ко всем отношению имел первостепенное место в настроениях и расположениях мыслящих людей занимающего нас периода. Почти все литературные памятники эпохи находятся под ^известным влиянием этого настроения, почти все деятели, оставившиё~какой-либо исторический след по себе, отдали посильную дань этому вопросу. В рассуждении событий VIII и IX вв. кажется несовместным и нецелесообразным занимать внимание внешними делами более необходимого и надолго отвлекаться от эволюции церковной политики, так резко и грубо выдвинутой царем Константином V.

Было бы, однако, ошибочно думать, что мы не в состоянии сделать анализ психологии того общества, которое пережило гонителя церковного и монашеского чина и видело воцарение сына его, Льва IV. Что не может не остановить внимания, это устойчивость прежних обычаев и нравов в тех слоях общества и в тех семьях, о которых сохранились до нас воспоминания; это продолжающаяся вереница тех же имен и характеров на церковных и гражданских должностях как при ревностных иконоборцах, так и при иконопочитателях. Все заставляет думать, что, несмотря на жестокие мероприятия последних лет жизни Константина V, иконоборческая система мало проникла в сознание общества и не сопровождалась теми результатами, которыми хвалился император: «Теперь у нас нет больше этих отвратительных». Вообще, жизнь шла своим чередом. Это в высшей степени ясно доказывается многочисленными примерами из жизни среднего класса общества и притом как столичного, так и провинциального. В ту самую эпоху, до которой мы дошли в настоящее время, начинают выступать с деятельной ролью как в общественной, так и в литературной области лица, родившиеся и получившие образование во время иконоборческого режима.

Стоит ознакомиться с житьем Филарета Милостивого, написанным в IX в., чтобы убедиться, что в Пафлагонии помещичье сословие не испытывало неудобств от иконоборческой церковной политики; внучка благочестивого Филарета, сделавшаяся супругой Константина VI, была не только благочестива, но и грамотна, т. к. занималась в монастыре перепиской рукописей. Какой затем богатый и обильный материал для характеристики психологии среднего класса представляет семья Фотина и Феоктисты, живущая в столице и имеющая довольно обширные и влиятельные связи? Игумен монастыря Саккудион на Олимпе Платон,

дядя знаменитого Феодора Студита, выступивший со всей энергией против незаконного брака царя с Феодотой; молодой монах Феодор, родившийся ок. 760 г. и в ту же эпоху бракоразводного дела Константина начинающий уже обращать на себя внимание и своими учено-литературными знаниями, и своим дисциплинированным умом, и настойчивым характером; наконец, брат его Иосиф, впоследствии архиепископ Солунский. Откуда Феодор Студит мог запастись литературным образованием, если не было школы, именно государственной школы, хотя в этом думают разуверить нас иконопочитатели? Возможно ли было бы такое явление, как наблюдаемое в семье, из которой вышел Феодор Студит, что отец и мать, и дети, и даже родственники избирают монашескую жизнь и постригаются свободно в монахи, если бы иконоборческая система достигла таких результатов, о которых говорят летописные известия? Есть все вероятия, что даже в первый период своего развития, т. е. до VII Вселенского собора, иконоборческая система не имела на своей стороне таких преданных и убежденных людей, как система иконопочитания, и что реакцию против эдиктов и распоряжений Льва III и Константина Копронима провести было не так трудно.

Уже сын Константина в краткий период своего правления показал, что он не расположен продолжать преследование монахов, и что в борьбе с иконопочитателями он также склонен делать важные уступки. В 780 г. произошло, однако, обстоятельство, доказавшее, что преследования против иконопочитателей не прекратились. В феврале умер патриарх Никита, о котором, к сожалению, летопись не сохранила других известий, кроме его славянского происхождения. Через две недели, именно во второе воскресенье Великого поста, избран на его место анагност Павел (780—784), уроженец с острова Кипра, который неохотно согласился на это избрание, т. к., по-видимому, был из партии иконопочитателей. Но правительство настояло на его избрании, хотя не могло не знать о церковных взглядах кандидата на патриаршую кафедру. В середине поста сделан был донос на важных лиц дворцового ведомства, вследствие чего они подверглись обычным в то время за религиозные и политические дела жестоким наказаниям: телесное бичевание, пострижение и заключение в государственную темницу. Это были протос-пафарий Иаков, кувикуларии и паракимомены Папия, Стратигий, Феофан, Лев и Фома. Все эти лица, кроме Феофана, который сподобился мученического венца, по освобождении из темницы вступили в монастырь и, по словам Феофана, сделались опытными старцами. Во всяком случае, в царствование Льва IV это был единичный случай преследования иконопочитателей, а затем более 20 лет церковная политика находится в руках благорасположенного к реакции в пользу иконопочитания светского и духовного правительства. Поэтому можно было ожидать определенных попыток к реорганизации церковных дел. Царица Ирина, на которую расположенная к реформе партия могла возлагать все упования как на преданную поклонницу свв. икон и как на тайную защитницу иконопочитателей, фактически стояла теперь во главе империи за малолетством сына своего Константина.

Мы уже имели случай заметить выше, что Ирина в первые годы царствования пришла к мысли о восстановлении сношений с Римской Церковью, и что с этой целью она не только вступила в сношения

с папой, но чрез его посредство — с франкским королем. Следствием этих сношений был, во-первых, договор о брачном союзе между дочерью Карла семилетней Ротрудой и Константином VI, во-вторых, тогда же выступили на первую очередь церковные дела, весьма пострадавшие со времени иконоборческих эдиктов Льва III. О ближайших обстоятельствах, вызвавших царицу Ирину открыто поставить вопрос об отмене иконоборческих постановлений, мы не можем сказать чего-либо определенного. Нужно думать, что реакция была делом вполне назревшим, и что Ирина находила для себя в этом отношении поддержку и, во всяком случае, сочувствие как в империи, так и в Италии у папы. Может быть, некоторые затруднения угрожали со стороны высших церковных представителей, из коих многие связаны были постановлениями иконоборческого собора 753 г., в котором сами принимали личное участие, другие же приняли пострижение и посвящение от иконоборческих епископов. Но и в этом отношении завязавшиеся оживленные сношения с Италией открывали царице возможность опереться в крайнем случае на греческое духовенство, нашедшее приют в Южной Италии, равно как на сицилийских и южноитальянских епископов. Кроме того, Ирина нашла себе весьма деятельных помощников в среде высшего духовенства Константинополя и искусно воспользовалась наступившим в 784 г. отречением патриарха Павла. «С тех пор,—говорит Феофан,— начали все открыто держать речь как в пользу, так и против поклонения святым иконам»[1].

Старый патриарх, добровольно сложивший власть и ушедший в монастырь, посоветовал, говорят, царице решить церковный вопрос на Вселенском соборе. Назначенный на вакантную кафедру в 785 г., царский асикрит, или статс-секретарь, Ирины Тарасий поставил необходимым условием своего согласия также созвание собора. Во всяком случае с избранием Тарасия, близкого ко двору человека и весьма осведомленного на счет желаний императрицы, вполне выясняются ближайшие стадии движения церковного вопроса. Теперь ясно, что Ирина нашла в патриархе Тарасий именно такого человека, какой был нужен для проведения затруднительного и столь тревожного для Церкви дела, как предстоявший собор. Была лишь одна слабая сторона в деле избрания нового патриарха, это слишком поспешное проведение его из светского звания в высший духовный сан, и с этим формальным недостатком нужно было Тарасию серьезно считаться.

Первая забота духовного и светского правительства заключалась теперь в рассылке оповещений насчет собора, а для Тарасия, в частности, предстояло отправить известительные послания к патриархам о вступлении его на кафедру Константинопольского патриархата. Хотя это было обычным делом между Церквами, но при настоящем случае имелись и некоторые затруднения, вытекающие как из не совсем обычного возведения Тарасия прямо из светского звания, так и из ненормального положения восточных патриархатов под арабским господством. Тем не менее, все необходимые в этом случае акты были выполнены, как это видно из протоколов VII Вселенского собора, сохранившихся со всеми приложениями и большинством оправдательных статей[2]. Можно видеть, что светское и церковное правительство не хотело терять времени и вместе с извещением об избрании патриарха ставило вопрос о созва-нии Вселенского собора и о назначении депутатов [3].

В циркулярном послании, отправленном на Восток архиереям и иереям Антиохии, Александрии и Иерусалима, патриарх Тарасий открыто заявляет, что он ранее проходил гражданскую службу и что ныне из светского звания прямо возведен в епископский сан по настоянию «защитников истины благочестивейших царей, архиереев и народа» Прося отеческой и братской помощи у восточных собратьев, он излагает затем обычное исповедание веры и предлагает послать доверенных лиц для участия в соборе. В свое время восточные патриархи отозвались на послание Тарасия и, как увидим, доверенные от них лица участвовали в деятельности собора. Но для правительства еще важней было заручиться благорасположением в этом вопросе со стороны Римской Церкви. Поэтому как царица Ирина, так и патриарх [4] просили папу принять в соображение церковный вопрос, разделяющий Восток и Запад, и прибыть самому в Константинополь, где ему будет оказан почет и внимание. Из письма царицы видим, кроме того, что сношения с папой велись чрез сицилийского епископа Константина и что другой итальянский епископ, именно епископ Неаполя, должен был прибыть с Константином в столицу империи. Следует принять во внимание, что число членов собора, имевших прибыть из западных провинций, в интересах правительства желательно было по возможности увеличить, и, действительно, сицилийское и южноитальянское духовенство представлено было на этом соборе в значительном числе. Хотя епископ Константин на соборе не присутствовал, но его заменял Феодор, епископ Катанеи, сопутствовавший, между прочим, послу Тарасия Льву, который представил папе извести тельное послание патриарха.

Папа Адриан отвечал на императорское послание обширным письмом 27 октября 785 г., точно так же и на послание патриарха Тарасия. Оба эти акта были прочитаны на соборе и изложены в протоколах II заседания. Самая существенная сторона этих документов, которые не могли быть прочитаны на соборе во всей полноте, заключается: а) в притязании папы на возвращение церковных владений, отнятых царями-иконоборцами; Ь) в упреках, посылаемых Тарасию за усвоение титула вселенский; с) в выражении неудовольствия по случаю прямого возведения Тарасия в епископский сан из светского звания. Этим правонарушениям не придается важного значения лишь под тем условием, что на очереди стоит весьма важный вопрос о восстановлении иконопочита-ния и о примирении Церквей, и что от Тарасия ожидается в этом смысле важная услуга для Церкви. Поэтому папа Адриан, не давая резкого тона своим замечаниям, заканчивает послание согласием отправить на собор своих легатов, каковыми назначал пресвитера Римской Церкви Петра и настоятеля монастыря св. Саввы Петра. Этим лицам и принадлежало первое право голоса и места на соборе. Что касается восточных патриархов, то заместителями их были на соборе Иоанн и Фома, пресвитеры и монахи, имевшие право голоса и места вслед за патриархом Тарасием.

С формальной стороны все предварительные мероприятия удались, ибо после прибытия ответных грамот от представителей Церквей Запада и Востока можно было приступить к соборным деяниям. Предполагалось открыть заседание собора в церкви свв. Апостолов 17 августа 786 г.; к этому времени собрались в Константинополе епископы и митрополиты провинциальных Церквей и множеств

черного духовенства, для которого в особенности представляли живой интерес предстоявшие деяния этого собора. При этом перед самым открытием собора произошли прискорбные события, о которых трудно высказаться, были ли они неизбежны, или же можно было их предвидеть и предупредить. Оказалось, что среди прибывших на собор епископов были такие, которые не сочувствовали деятельности царицы и патриарха и находили, что иконоборческая церковная политика имеет на своей стороне значительные выгоды. С другой стороны, высказывалось опасение, что весьма многим епископам, принимавшим участие и подписавшим деяние 753 г., в настоящее время может угрожать отлучение или, по крайней мере, удаление с кафедры. Все это производило брожение умов и не могло не разразиться в бурное волнение. Хотя патриарх Тарасий в своей речи к членам собора и говорит, что таких епископов было не много и что лучше не называть их по именам, но ясно, что и среди самих духовных лиц был шумный беспорядок, помешавший правильному делопроизводству. Но противодействие синоду обнаружилось еще с другой стороны и до такой степени серьезное - что поставило не только членов собора, но и само правительство в отчаянное положение.

Обнаружилось движение против собора среди гвардейских полков, квартировавших в столице. Хотя военный бунт в истории Византии не есть явление редкое и не может представлять собой ничего неожиданного, тем не менее, находим уместным выяснить особенный характер занимающего нас волнения. Константинопольский гарнизон, состоявший из кавалерийских тагм, или полков— схоларии, экскувиторы, арифмы и иканаты, — имел в своем составе крупных помещиков-землевладельцев и отличался большим влиянием и материальными средствами. Ирина в своей дальнейшей внутренней политике, в особенности в ее ожесточенной борьбе с сыном, обыкновенно опиралась на тагмы, а фемы держали сторону Исаврийца Константина. В этом смысле для нас имеют большой интерес и малейшие намеки на роль военных частей в рассматриваемых событиях. Что касается епископов, враждебно настроенных против собора, которые, составляя частные собрания, волновали народ и поддерживали смуту в войске, то патриарх пытался действовать авторитетом церковной власти; но с военным движением правительство не могло справиться. Когда члены собора стали собираться в храм свв. Апостолов, некоторые части церковных зданий оказались заняты войском, которое шумело и выражало неудовольствие против собора. Когда, тем не менее, собор открылся в присутствии царицы Ирины и Константина и под председательством патриарха, то бывшие вне отряды с шумом ворвались в храм и набросились на архиереев с угрозами оказать насилие. Ни личное вмешательство царей, пославших своих приближенных успокоить воинов, ни слова патриарха не могли образумить бунтовщиков. Тогда собрание разошлось, а враждебная собору партия громко торжествовала победу. Часть епископов возвратилась к местам своего служения, часть задержалась, вероятно, в столице, потому что правительство решилось сломить упорство непокорных и во что бы то ни стало составить собор.

Принятые Ириной меры к тому, чтобы обуздать своеволие константинопольского гарнизона и вместе с тем не лишить столицу обык-

новенных сторожевых военных частей, весьма интересны столько же для характеристики военной системы в империи, как и для правительства Ирины. Оказывается, что стоявшие тогда в столице тагмы были старого набора и суровой военной школы Константина V; что это войско не только питало преданность к Исаврийскому дому по воспоминаниям о военной славе и победах, но и потому, что в большинстве оно было набрано из азиатских провинций и разделяло церковные воззрения Исаврийцев и было на стороне иконоборческой политики. Царица Ирина выступает представительницей чисто эллинских народных элементов и в вопросе церковной политики является ревностной почитательницей свв. икон. Редко с такой ясностью и очевидностью обнаруживаются в истории Византии этнографические противоположности, как в настоящем случае, хотя, с другой стороны, на пространстве нескольких веков нельзя обнаружить более чувствительного показателя настроений общества, как вопрос об иконопочитании.

Итак, имея целью освободить столицу от войск восточного происхождения, преданных Исаврийской династии и иконоборческой идее, Ирина, однако, должна была тщательно скрывать свои намерения из боязни вызвать в Константинополе бунт. Расчет царицы заключался в том, чтобы побудить тагмы к добровольному выступлению из столицы. Для этого с большим искусством проведена была следующая двойная игра. С одной стороны, появилось объявление о предстоящем походе на Восток против арабов. Т. к. с арабами была почти непрекращавшаяся война, выражавшаяся в ежегодных наездах арабской кавалерии на пограничные области, то в реальной необходимости подобного похода никому нельзя было сомневаться. Вместе с царской палаткой и с обозом выступили в поход и гвардейские полки и сделали остановку в Малагине, первой большой сборной станции близ Никеи. В это же время сделано было распоряжение о занятии столицы стоявшими во Фракии фемами, т. е. туземными европейскими войсками местного набора, которые не имели ни особенного расположения к Исаврийцам, ни к поддерживаемой ими церковной политике. Когда столица была занята фемами и городские стены перешли во власть нового гарнизона, тогда правительство, не находя более нужды скрывать свои намерения, распустило по домам бывшие константинопольские тагмы, отобрав у них вооружение. Писатель, у которого мы берем эти любопытные подробности, делает еще следующее добавление: т. к. в столице оставались жены и дети служивших в гвардейских полках, только что распущенных, то сделано было распоряжение о препровождении всех оставшихся на азиатский берег с указанием каждому отправиться на место родины [б].

Вся произведенная царицей Ириной сложная реформа в устройстве военной защиты Константинополя имела целью располагать «преданным войском и послушными начальниками военных частей», и эта цель была достигнута к лету 787 г. В мае указанного года отправлены были приглашения ко всем епископам вновь собраться для участия в соборе, на этот раз, однако, не в Константинополе, а в Никее, где имели место заседания 1-го Вселенского собора. Заседания собора открылись 24 сентября. Царица не принимала личного участия в деятельности собора, со стороны светской власти представителями были патрикий и комит Опсикия Петрона и царский остиарий и логофет военного министерства

Иоанн. Во главе собора как первые и почетные члены его были папские легаты, оба носившие имя Петр, и затем представители восточных патриархов Иоанн и Фома, которые, очевидно, провели весь год в столице в ожидании открытия нового собора. Но практически как председательство, так и направление деятельности собора находилось у патриарха Тарасия. Что касается числа соборных членов, то оно колеблется в показаниях источников между 330 и 367. По самым подписям соборных актов число членов определяется количеством 308.

Собор имел восемь заседаний. Первые заседания посвящены были частию организационным вопросам, между прочим, предстояло решить весьма занимавшее всех дело о тех епископах, которые сорвали первое заседание в прошедшем году и которые вообще не сочувствовали идее собора для обсуждения вопроса о поклонении свв. иконам. С трогательным единодушием собор дал прощение двум партиям заведомо иконоборческих епископов и принял их в общение с Церковью. После единогласного выражения мнения собора в пользу прегрешивших эти последние заняли места по их рангу между членами собора. Всего было допущено к общению 10 епископов. Когда была прочитана записка Феодосия, епископа амморийского, в которой он выражал сердечное сокрушение в своем еретическом образе мыслей, некоторые епископы растрошны были до слез [7]. Несколько раз восточные епископы среди обсуждения дел восклицали: «Мы все грешны, все нуждаемся в прощении», а епископ Ипатий выразил такое признание, которое могло поставить собор в немалое затруднение. Он сказал: «Нас никто не принуждал и не совращал, но мы в этой ереси родились, воспитались и выросли» [8]. В третьем заседании, происходившем 28 сентября, собор главнейше занимался чтением официальных актов· синодика патриарха Тарасия к восточным патриархам, ответа на этот акт и др. Но, между прочим, в этом же заседании обсуждалось дело епископа неокесарийского Григория; он не только принимал деятельное участие в деяниях иконоборческого собора 753 г., но и руководил им и, по свидетельству некоторых лиц, позволял себе прежде насилия и притеснения по отношению к тем, кто не соглашался с ним. Дело Григория давало повод к принятию некоторых ограничений на его счет, и председательствующий выдвигал против него некоторые отягчающие обстоятельства, но в конце концов и по отношению к этому епископу, после того как была прочитана его записка, было даровано прощение.

В деловом отношении обилен важными заключениями четвертый день заседаний, приходившийся на 1 октября. В этом заседании были читаны места Священного Писания и святоотеческих творений, подтверждающие обязательность поклонения святым иконам. После того как все заранее подобранные места выслушаны были отцами, патриарх Тарасий в кратких словах сделал следующее заключение: «Святые отцы, стражи кафолической Церкви, всегда бодрствующие на верху мысленных ее укреплений, изрекли свое слово, отсекли повод к состязанию и всякому суесловию и, сохранив Церковь в целости, прогнали всяческий строй противников и духовным мечом поразили вместе с старыми ересями и нынешнее заблуждение злых клеветников на христианство [9]. Итак, воскликнем все единогласно вместе с нашим учителем, божественным апостолом Павлом: Христос есть мир наш, соединивший оба в одно, Ему подобает слава, честь и поклонение...»

Собор подтвердил слова председателя в следующих выражениях: «Учения богозвучных отцов нас исправили; черпая из них, мы напоены истиной; следуя им, мы отогнали ложь, наученные ими, мы целуем святые иконы. Веруя в единого Бога, в Троице прославляемого, целуем честные иконы. Кто не следует этому, да будет анафема». Затем прочитан был акт, составленный епископом Евфимием сардским, следующего содержания: «Святые отцы, исполняя божественное повеление Бога и Спаса нашего И. Христа, данный им светильник божественного знания не скрыли под сосудом, но возложили на свещник полезнейшего научения, дабы светил всем, находящимся в доме, т. е. рожденным в кафолической Церкви, и дабы никто из благочестиво исповедующих Господа не споткнулся о камень еретического зловерия, ибо они всякое заблуждение еретиков отдаляют и загнивший член отсекают,— посему святой и Вселенский сей собор благоволением Божиим и соизволением благочестивейших и верных наших царей, Ирины — новой Елены, и нового Константина, собравшийся вторично в Никее, приняв в соображение мнения блаженных отцов, воздает хвалу Богу, давшему им слово к нашему научению и к устроению кафолической и апостольской Церкви. Мы же, во всем содержа мнения и повеления богоносных отцов наших, проповедуем едиными устами и единодушно, ничего не прилагая и ничего не отнимая от предания, но на нем утверждаемые, так исповедуем и учим, как определили святые шесть Вселенских соборов»*. В конце этого акта заключается сущность догматического определения: «Не собор, не царская держава, не богопротивные соглашения освободили Церковь от идольского заблуждения, как пустословил иудейский синедрион, издевавшийся над святыми иконами, но как спас, так и освободил от идольской лести Сам Господь славы и вочеловечившийся Бог. Он Сам в нас наполнил чрез телесное Его строительство предвозвещенные чрез пророков Его речения, живя и обращаясь с нами и изгладив на земле имена идолов. Почитаем господские и апостольские, и пророческие слова, которыми мы поучаемся чтить и величать прежде всего Пречистую Богородицу, высшую всех небесных сил, святые и ангельские силы, блаженных и всехвальных апостолов, славных пророков и за Христа пострадавших мучеников и святых, и богоносных учителей, и всех преподобных мужей; испрашиваем их ходатайств, как могущих нас сделать угодными царю всяческих Богу. Воздаем почтение и изображению Честного и Животворящего креста и святым мощам, принимаем и святые иконы и почитаем их по древнему преданию кафолической Церкви. Почитая сии святые иконы, воздаем им почтительное поклонение... дабы чрез созерцание изображений приходить к воспоминанию и представлению прототипа и быть участниками в некотором освящении»

Это первое официальное догматическое определение со времени обнаружения иконоборческой борьбы, принятое в четвертом заседании VII Вселенского собора, имеет большой интерес и с точки зрения развития вопроса как определенной философской и догматической системы. Нельзя не обратить внимания, что в данном определении много места занимает такой пункт, которому не было места ни в иконоборческом эдикте Льва, ни в современных ему опровержениях, но о котором дает

* Далее следует символ

уже знать определение собора 753 г. И действительно, на соборе было выражено, что иконоборческая система подрывает тайну божественного домостроительства, т. е. догмат вочеловечения и искупления. Когда нам удастся рассмотреть весь период, отмеченный наименованием иконоборческого, то будем в состоянии выделить и другие стадии развития, осложнявшие и разнообразившие первоначальную проблему: быть или не быть иконам в церквах.

Одно заседание вслед за другим шло через короткие промежутки; можно догадываться, что материал был обработан и приготовлен в Константинопольской патриархии. Пятое заседание происходило 4 октября и имело предметом своим чтение и обсуждение таких мест из отцов Церкви, которыми иконоборцы пользовались против поклонения свв. иконам. Материал, сообщенный на этом заседании, весьма важен; здесь, между прочим, делались ссылки на такие сочинения, которые теперь уже утрачены, здесь выяснилось, кроме того, как варварски относились иконоборцы и иконопочитатели к историческим справкам и так называемым источникам. Делались ссылки-на апокрифы, на испорченные или на уничтоженные впоследствии сочинения. Хотя на соборе было представлено несколько случаев безжалостной порчи книг еретиками, но нельзя скрыть, что и православные с своей стороны поступали не лучше, и на том же соборе некоторые члены потребовали уничтожения огнем всех книг против поклонения свв. иконам[10].

На шестом заседании, происходившем 6 октября, по предложению асикрита Леонтия заслушано было определение иконоборческого собора 753 г. и в то же самое время опровержение его положений. Важность материала, здесь заключающегося, мы уже оценили выше при изложении деяний иконоборческого собора при Константине Копрониме. Не говоря о догматической части, которая здесь рассмотрена и опровергнута со всем искусством и со всей силой тогдашней византийской учености, собор с особенным напряжением отстраняет притязание иконоборческого собора на наименование «Вселенский» и устанавливает твердую почву для церковной практики почитания свв. икон и мощей, что представлялось тем более важным и требовавшим много искусства и учености, что это был обычай Церкви, а не верование, которое утверждалось бы на символе.

На седьмом заседании, имевшем место 13 октября, прочитано было соборное определение. Этот акт имеет большое значение в истории Восточной Церкви как последний, в сущности, акт соборной Вселенской Церкви, как основной документ, на который ссылались и могут ссылаться Западная и Восточная Церкви в своих сношениях. Уже и то имеет значение, что заключительное определение было прочитано южноитальянским епископом Феодором и что в нем нашли себе применение дальнейшие стадии догматического учения после составления символа; кроме того, в нем в окончательной полноте и подробности обосновано учение Церкви о поклонении святым иконам. По всем этим соображениям следует остановиться вниманием на некоторых положениях этого соборного определения, которое, конечно, требовало предварительной обработки и обсуждения и вообще делает честь редакторскому искусству составителя. Определение начинается Никейским и Константинопольским символом, в изложении которого весьма любопытно отметить

особенность 8-го члена. В греческом тексте читается без прибавления, а в латинском переводе — с добавлением Filioque[11]. Выразив далее полное согласие с учением всех шести Вселенских соборов, соборное определение переходит к вопросу, составлявшему камень преткновения[12], в следующих выражениях: «Кратко сказать, неизменно принимаем все церковные устные и письменные предания, из коих первое есть иконное изображение, как согласное с историей евангельской проповеди к удостоверению в истинном, а не воображаемом вочеловечении Бога-Слова. Определяем, чтобы с тем же тщанием и вниманием, как изображение Честного и Животворящего креста, выставлялись честные и святые иконы в Божиих церквах, приготовленные красками, мозаикой или другим способом на священных сосудах и одеждах, на стенах, на досках, на домах и на путях: иконы Господа и Спаса нашего И. Христа, Пречистой Владычицы нашей и Богородицы, ангелов и всех святых и преподобных мужей. Чем чаще зритель всматривается в иконные изображения, тем более настраивается к памяти и желанию первообразов и к воздванию им целования и почтительного поклонения, не воздавая, однако, им истинной латрии, или поклонения по вере, приличествующего только божественной природе, но тем же способом, как изображению Животворящего креста и святому Евангелию и другим священным предметам, он принесет в честь их курение ладана и свечи, как это установлено из древности. Ибо воздаваемая иконе честь переходит на прототип, и кланяющийся иконе покланяется ипостаси изображенного на ней» [13].

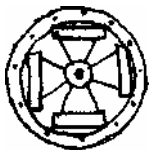
Всеми членами собора было одобрено и подписано это определение и произнесено торжественное отлучение на тех, кто отрицает поклонение свв. иконам и кто был причастен к иконоборческой ереси. В том же заседании доложен был особый акт, именно, составленный от имени председателя собора патриарха Тарасия доклад царице Ирине и царю о том, что произошло на соборе и к каким пришли определениям. Т. к. здесь повторены основные положения приведенного выше определения, то нет нужды подробно останавливаться на нем; любопытно лишь отметить филологический экскурс для объяснения термина поклонения, приличествующего Богу и святым иконам[14]. Выражение προσκυνεῖν значит приветствовать и целовать, т. е. ἀσπάζεσδοα и φιλεῖν, и имеет отношение к взаимным чувствам между людьми. Но оно имеет отношение и к священным предметам, как у Григория Богослова: «Почти Вифлеем и поклонись яслям». Λατρεία же обозначает поклонение служебное, приличествующее высочайшему существу — Богу. Хотя нередко προσκύνησις употребляется и в смысле латрии, но этим выражается лишь один признак заключающегося в нем смысла, ибо может быть поклонение из чести, из благодарности, из страха, как и по латрии. Священное Писание говорит: «Господу Богу твоему поклонишься и ему одному воздашь поклонение» (λατρεύσεις). Если же так, то должно считать богоугодными и приемлемыми иконные изображения божественного домостроительства Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Богородицы Марии и честных ангелов и всех святых и воздавать им поклонение и целование.

Деяния УП Вселенского собора могли считаться законченными уже подписанием того определения, о котором сейчас была речь. Но

правительство в настоящее время чувствовало себя, после принятия мер к перемене всего состава константинопольского гарнизона, настолько крепким и безопасным по отношению к церковной политике, что решилось дать в самой столице торжественное зрелище одержанной им победы над иконоборцами. После седьмого заседания последовало царское распоряжение явиться членам собора в столицу, где им оказан был во дворце ласковый прием, после которого на 23 октября назначено было последнее и заключительное собрание во дворце Магнавры. На этом собрании присутствовали царь и царица, представители народа и войска. Патриарх открыл собрание речью, в которой изложил основания, побудившие собор назначить свое последнее заседание в Константинополе. Затем, после обычных приветствий царице и царю, Ирина отдала следующий приказ: «Да будет прочтено составленное на соборе определение, дабы мы и предстоящее христолюбивое воинство выслушали его». Тогда соборный акт (ορός) был прочтен диаконом и кувуклйси-ем Косьмой, а после прочтения царица просила. «Пусть объявит святый Вселенский собор, все ли согласны с прочитанным определением». Тогда последовал возглас: «Так веруем, все гак мыслим, все подписали по доброй воле, сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера утвердила вселенную». По просьбе епископов царь и царица скрепили деяния собора своими подписями при громких восклицаниях присутствующих. Заключительное заседание было, таким образом, торжественным и публичным актом, дававшим характер твердости и неизменности важным решениям, принятым правительством царицы Ирины. Одним из первых распоряжений царицы было затем восстановление над воротами Халки того образа Спасителя, который был разрушен по распоряжению Льва III. Люди умеренного направления радовались происшедшей перемене. «Наступил мир в Церкви Божией,—говорит Феофан,— хотя враг не перестает сеять сорные травы через своих делателей, но Церковь Божия побеждает всегда, находясь в осадном положении» [15].

Собственно говоря, церковная политика не ограждена была на последующее время от новых потрясений. Уже мы неоднократно имели случай отметить, что успехом своим Ирина была обязана, главным образом, передвижению военных частей с одного места на другое, назначениям новых главнокомандующих по фемам, или военным округам, кроме того, содействию епископов сицилийских, южноитальянских и, наконец, папе, для которого имел большое значение вопрос о соединении Церквей. Пока Ирина держала власть в своих руках, система иконо-почитания могла считаться обеспеченной, но, с одной стороны, исав-рийские предания, с другой — иконоборческие идеи, так крепко засевшие в азиатских провинциях, постоянно держали в напряжении церковную партию, получившую после VII Вселенского собора господство. В борьбе, не прекращавшейся во все царствование Ирины, соперничество между сыном и матерью подогревало постоянно церковный вопрос, который, несомненно, продолжал играть свою роль и принимать политическую окраску в зависимости от времени и обстоятельств. Весьма любопытно в этом отношении оброненное писателем Кедриным замечание под 795 г. по поводу проекта незаконного брака Константина с Феодотой и уклончивости патриарха Тарасия дать церковное согласие на

этот брак: «Если не будет этого согласия, то я возвращусь к иконоборческой системе»[16]. Независимо от того, неприятности стали угрожать и с той стороны, где, казалось, все было предусмотрено и подготовлено. Так, когда настало время сноситься с Римской Церковью об утверждении соборных актов, то начали выясняться некоторые формальные упущения при организации собора. Стали, например, высказывать мнение, что представители восточных патриархов были самозванцы, или, во всяком случае, лица, не имевшие легальных полномочий, и что, следовательно, собор, восстановивший иконопочитание, в сущности не выше того собора, который отменил почитание икон. С другой стороны, что касается папских представителей, то говорилось, что на соборе заставили присутствовать двух римских священников, бывших в то время в Константинополе по другим церковным делам, что эти лица, не понимая по-гречески, плохо ориентировались в том, что тогда кругом их происходило. Впоследствии нам придется вновь возвратиться к этому вопросу, когда будем излагать реакцию против собора и против системы иконопочитания; теперь же на 20 с лишком лет можем оставить византийские церковные партии, пока они собираются с силами для нового ожесточенного столкновения в начале IX в.

Глава X

Царица Ирина и Карл Великий. Две империи

Византийская империя, поглощенная религиозными вопросами и борьбой партий, не могла уделить достаточного внимания внешней политике, за исключением ближайших своих окраин, угрожаемых арабами и болгарами. Т. к. усиление этих врагов затрагивало самые существенные и живые интересы государства, то византийское правительство не могло задаваться более отдаленными задачами и целями, кроме тех, которыми удовлетворялись насущные потребности. Между тем империи предстояло осуществление мировых задач. Мировое значение империи обусловливалось тем, что ее владения находились в Европе и Азии, т. е. охватывали весь известный тогда культурный мир и включали множество племен и народов. Могущество императора, кроме войска и флота, заключалось в том, что под его рукой были и восточные патриархи, и римский папа. Но со времени иконоборческой борьбы, когда император отлучен был Римской Церковью и объявлен схизматиком, римский папа стремится к тому, чтобы стряхнуть с себя власть императора. Достигнув этого при помощи лангобардского оружия, папа, однако, скоро понял, что лангобардский король гораздо опасней для Рима, чем отдаленный от Италии обширными пространствами император.

В половине VIII в., хорошо взвесив и обдумав предпринимаемый политический акт, папа заключил секретно от императора союз с Каро-лингом Пипином Коротким. В основе этого союза лежала взаимная услуга и выгода: папа разрешил Пипину низвергнуть своего короля Хильдерика III и самому стать на его место, а Пипин дал Римской Церкви политические права и земельные владения в Италии и положил начало Папской области или светской власти папы. Следствием этого было, с одной стороны, уничтожение лангобардской власти в Италии и присоединение отвоеванных у лангобардов земель к Франкскому государству, с другой же стороны — распространение власти франкских королей на Италию и Юго-Восточную Европу и зарождение идеи Западной империи. Намеченные здесь события имеют европейское, если не всемирно-историческое значение и делают перелом в истории. Нам предстоит в этой главе попытаться дать оценку одной из важнейших страниц византийской истории. Роковой смысл происшедших в небольшой период времени событий состоит в том, что на одной стороне стоял всемирный исторический деятель и гений в лице Карла Великого, а на другой — обыкновенная женщина, к тому же поставленная в крайнее затруднение религиозной смутой и дворцовой интригой.

В 781 г., когда Карл находился в Риме, празднуя Пасху с папой Адрианом, к нему явились послы из Константинополя с предложением от имени царицы Ирины союза и брачного проекта. Именно: пред-

полагалось сосватать франкскую принцессу Ротруду, восьмилетнюю дочь Карла, за византийского царя Константина VI. В летописях можно было указать уже пример подобных, хотя и не осуществившихся, переговоров о браке: это переписка Константина Копронима с Пипином по вопросу о браке между Гизелой и Львом IV[1]. Карлу этот союз казался желательным во многих отношениях и, между прочим, потому, что для представителя новой еще династии было весьма большой честью породниться с императорским домом, с которым не мог равняться никто в мире. Этим соглашением он надеялся, кроме того, разом покончить с притязаниями и угрозами лангобардского королевича Адельгиза, нашедшего прием в Константинополе и не переставшего предъявлять права на лангобардскую корону. Как можно догадываться, и папа Стефан III не имел ничего против этого брака, т. к. обручение произошло в Риме со всею торжественностью при тех же самых поручителях-послах[2].

Следует думать, что ближайшие затем события, имеющие отношение к переговорам о соборе и к восстановлению добрых отношений между Восточной и Западной Церковью, были естественным последствием указанных переговоров. Но затем, после окончания Вселенского собора, неожиданно складывается новая политическая комбинация и обнаруживается разрыв сношений по вопросу о брачном союзе и поспешное заключение брака Константина с девицей армянского происхождения по имени Мария. Этот поворот взглядов на взаимные отношения Франкской державы к Византийской империи, и обратно, сопровождавшийся нарушением брачного соглашения, должен быть здесь обстоятельно объяснен как факт несомненной исторической важности. Если нам удастся понять создавшуюся после 787 г. политическую обстановку, тогда легко будет видеть, кто был виновником разрыва, Карл или Ирина. Действительно, после сближения в 781 г. и заключенного на основе этого сближения соглашения политические обстоятельства через шесть лет значительно переменились. Прежде всего после своего второго похода в Рим Карл, слишком поглощенный делами на севере и северо-востоке, мало заботился об итальянских отношениях, достаточно, впрочем, организованных во время предыдущего продолжительного пребывания в Италии. Хотя за это время продолжалась правильная переписка между папой и Карлом, но она ограничивалась довольно обычными приветствиями и извещениями о победах и совсем не касалась ни южноитальянских, ни византийских дел. Весьма любопытно, что около 786 г. находилось в Константинополе посольство Карла, состоявшее из капеллана Витбода и Иоанна; можно думать, что это посольство должно было, между прочим, устроить дело о переезде франкской принцессы в Константинополь в следующем году, и что тогда же оказались для этого некоторые затруднения, о которых, однако, не говорят ни франкские, ни византийские летописи.

После восстановления мира между Восточной и Западной Церковью страх перед греками и лангобардами перестал быть руководящим основанием политики римского папы, и для него не было необходимости слишком тесно примыкать к франкскому королю, в покровительстве которого была известная доля стеснения. С другой стороны, царица Ирина в изменившихся отношениях к Риму нашла руководящие

указания для своих дальнейших отношений к Каролингской династии. Для выяснения роли Ирины нам даже нет нужды вдаваться в политические комбинации. Царица Ирина сама привыкла к обаянию власти и не рассчитывала поступиться ею в пользу сына, притом она и сама была орудием в руках партии, которая не хотела перемен и всеми мерами старалась укрепить царицу в мысли, что верховная и безраздельная власть должна принадлежать ей одной, и что предполагаемый брачный союз с франкской принцессой нанесет большой ущерб ее влиянию и, во всяком случае, не принесет той пользы, какая от него ожидалась, т. к. в настоящее время Ирина не нуждалась в союзнике для утверждения своего господства, которому если и была опасность, то лишь от партии, державшейся за ее сына[3].

Таким образом, когда итальянские дела вновь потребовали личного участия Карла в 787 г., он имел свидание с константинопольскими царскими послами в Капуе, и тогда именно имел место разрыв брачного соглашения, о котором слишком глухо сказано у Феофана: «Ирина разрушила заключенное с франками соглашение». Нельзя, конечно, останавливаться на той мысли, что Карл не пожелал расстаться с дочерью или что партия казалась не блестящей*, нет, разгадка вопроса кроется в расположениях царицы Ирины и иллюстрируется военными событиями, имевшими место в том же году.

Герцог Беневента Арихис, за которым была дочь Дезидерия, находился тогда в сношениях с Ириной и получил от нее звание патрикия; сын Дезидерия Адельхиз делал в то же время высадку в Италию и имел целью захватить Равенну. Словом, во время заседаний VII Вселенского собора Византия находилась уже в полном разрыве с франками. Высланный царицей флот под предводительством логофета Иоанна и патрикия Феодора, высадив военные отряды в Калабрии, завязал упорную войну с приверженцами франкской партии. Греки были разбиты и потеряли своего предводителя[4]. О понесенном поражении можно судить по тому, что 4000 было убито и 1000 взято в плен. С тех пор на продолжительное время Византия отказалась от деятельной роли в Южной Италии.

В связи с рассмотренными обстоятельствами, указывающими на резкую перемену отношений между империей и франкским королем из-за Южной Италии, возник ряд других споров и недоразумений по поводу постановлений VII Вселенского собора. Как было всегда в обычае, греческий текст соборных актов препровожден в Рим, где по приказанию папы Адриана I с него был сделан перевод на латинский, который, впрочем, был исполнен так неумело и обиловал столь грубыми ошибками, что известный писатель IX в. библиотекарь Анастасий счел нужным вновь сделать латинский перевод с актов VII Вселенского собора. Но первый перевод, сделанный по приказанию Адриана I, получил на Западе большое распространение и громадное политическое и литературное значение вследствие того, что немедленно был передан во Францию и вошел в знаменитый сборник «Libri Carolini». Весьма любопытно, кроме того, отметить, что оживленная и прежде и после переписка между папой и Карлом совершенно обрывается в ближайший период за событиями 787 г., из чего нельзя не заключить о временном охлаждении

* Как говорят франкские писатели Einhardus и грамматик Saxo.

между франкским королем и его верным другом и союзником на папском престоле. Этими данными мы должны воспользоваться для оценки фактов всемирно-исторической важности, обнаружившихся в происхождении упомянутого литературного памятника «Каролингские книги» и в постановлениях франкского собора во Франкфурте-на-Майне, бывшего в 794 г.

Первое упоминание о «Каролингских книгах» встречается в IX в. и принадлежит архиепископу Гйнкмару; по его словам, он в юности читал во дворце довольно значительную книжку, направленную к опровержению VII Вселенского собора[5]. Памятник составлен по приказанию Карла одним из приближенных к нему ученых, по всей вероятности, Алкуином, в сочинениях которого встречаются сходства с некоторыми местами занимающего нас произведения[6]. Некоторые места, впрочем, указывают, что речь ведется от имени самого Карла, например: «Мы предприняли этот труд с согласия духовенства вверенного нам от Бога царства», а из одного места в 1-й книге «Libri Carolini» можно заключить, что сочинение появилось в 790 г., спустя три года после VII Вселенского собора. Существенное значение этого памятника заключается в том, что он знаменует резкий и бесповоротный разрыв между Западом и Востоком. И не в том его сила и назначение, чтобы догматическим методом опровергнуть положения Никейского собора посредством подбора мест из Священного Писания и отцов Церкви, а в намерении унизить Греческую Церковь и излить яд злобы и ненависти против царствующих в Константинополе Ирины и Константина; с этой именно целью автор произносит беспощадную критику на царей, равно как на нравы и обычаи, господствовавшие при дворе.

Цель книги хорошо выражена в I главе. «Неизмеримое честолюбие и ненасытная жажда славы овладели на Востоке не только царями, но и епископами. В пренебрежении святого и спасительного учения апостольского, преступая заповеди отцов, они посредством своих позорных и нелепейших соборов пытались ввести новые верования, каких не знали ни Спаситель, ни апостолы. И дабы слава их распространилась до отдаленного потомства, они не задумались разорвать узы единства Церкви. Несколько лет назад в Вифинии происходил собор, который имел дерзость объявить отмену икон. Слова Спасителя в приложении к языческим идолам этот собор применил ко всем изображениям, не принимая в соображение, что образ есть род, а идол — вид, и что нельзя делать заключения от вида к роду и наоборот. Около трех лет тому назад, в той же местности был составлен второй собор, на котором председательствовали преемники прежних царей и где присутствовали, между прочим, члены, бывшие на предыдущем соборе, и этот собор впал в ошибку, как и первый. Первый собор запретил даже смотреть на иконы, второй повелел их обожать и молиться им (aborare). Эти два собора осквернили невесту Христову и отвергли учение отцов, которые не повелевают воздавать божеское поклонение иконам, но употреблять их лишь для украшения церквей». И это еще

не самое резкое, что находится в рассматриваемом сочинении. Раздражение автора не знает пределов, когда он переходит к Ирине и Константину. Они позволили себе в письме к папе выразиться: «Бог соцарствующий нам»; «Бог избрал нас, и мы ищем Его славу в истине»; «Они называют божественными свои слова и действия». Эти и подобные выражения, перешедшие из языческого римского государства в христианскую империю Константина и вошедшие в практику в Византии, конечно, не заслуживали тех упреков и порицаний, какие высказываются в указанном сочинении, тем более, что и сам Карл после принятия императорского титула и коронования в Риме не преминул воспользоваться обычаями и терминами, воспринятыми от языческой империи, и самая Западная империя удержала наименование Священной Римской империи германской нации. Тем не менее, автор делает следующую вылазку против царей: «Древнее языческое заблуждение, рассеянное пришествием Христа, оставило следы в душе этих властителей, которые тщеславятся мыслию, что в них святилище веры, и которые дерзают навязывать Церкви новшества и нелепые повеления и не "стыдятся называть себя божественными и свои действия священными». Мы не будем останавливаться на том отделе, который посвящен полемике против деяний Никей-ского собора, опровержению приведенных восточными епископами мест из Священного Писания и отцов Церкви, но не можем не отметить, что здесь и тени нет того обычного у западных богословов смирения и скромного признания превосходства греческого богословского образования; напротив, с гордым сознанием своей верности древней апостольской и Римской Церкви, франкский богослов издевается над догматическими заблуждениями греков, над отсутствием у них критического смысла и в наивном самомнении посылает им такие упреки, которые совсем не обоснованы[7]. Такое же значение имеет собор во Франкфурте*. Составление полемического сочинения против Восточной Церкви и деяния Франкфуртского собора должны быть рассматриваемы под

* Знаменитый Франкфуртский собор, созванный Карлом в 794 г., имел непосредственной задачей разрешение западных церковных вопросов, главным образом, христологического вопроса, возбужденного в Испании учением епископов Елипанда и Феликса обадопцианизме. На этом соборе присутствовали легаты папы и представители почти всей Западной романо-германской Церкви, председательствовал на соборе Карл. Вообще, это было одно из самых величественных собраний, какие только видела Западная Церковь со времени Каролингов, почему западные писатели обыкновенно усвояют ему имя Вселенского (Universalis); и если принять в соображение, что осуждение деяний Никейского собора составляло после решения христологического вопроса самое важное дело Франкфуртского собора, то станет понятным притязание западных писателей придать ему имя Вселенского. В числе 56 глав (capitula), постановленных для руководства Церкви на соборе во Франкфурте, вторая глава предает анафеме тех, кто будет воздавать иконам поклонение и обожание (servitmm и adoratio), свойственные божеству. Хотя по существу Никейский собор тщательно различает поклонение, воздаваемое иконам, от служения, приличествующего божеству, тем не менее, франкфуртские отцы поставили ему в обвинение ими самими измышленное учение, не по злому, впрочем, умыслу, а вследствие неправильного перевода надлежащего места в греческом тексте.

одним углом зрения: ими подготовлялся созревший уже у Карла план полного разрыва с Восточной империей и перенесения империи с Востока на Запад. Окружавшие его ученые богословы и канонисты издалека изучали этот вопрос и старались придать ему исторические и канонические основания. Как иногда непрочны и грубоваты эти основания, видно, между прочим, из следующей выходки против Ирины как женщины. Для западных государственных деятелей была недопустима мысль, чтобы женщина могла председательствовать на соборе епископов и тем более, чтобы она позволила себе публично говорить в поучение представителей Церкви. «Немощность женского пола и непостоянство духа не позволяют женщине выступать с авторитетом учительным; легко склонная к ошибкам женщина нуждается в руководстве мущины. В священных книгах читается, что женщина дана мущине для размножения рода, для помощи, но не сказано, чтобы она была назначена для учительства». В заключение приводятся исторические примеры, что женщины, получавшие в свое управление государства, приводили их к погибели. Ниже мы увидим, что то обстоятельство, что во главе Восточной империи стояла женщина, послужило для западных юристов основанием рассматривать империю как вакантную и возложение императорской короны на Карла как акт вполне легальный.

Здесь мы подходим к выяснению капитальной части предстоящей к разрешению в этой главе задачи. Венчание Карла императорской короной в 800 г. не было таким неожиданным для него событием, как это представляет франкская летопись. Напротив, это не только было заранее обдумано и предусмотрено, но — поскольку можно оценить факты и отношения времени Карла Великого — это было логическим выводом из целого ряда событий, которые подготовляли и методологически приводили к возложению императорской короны на Карла. В праздник Рождества в 800 г. нанесен был роковой удар Восточной империи, ибо рядом с Византией выросла новая политическая сила, обладавшая более живыми способностями и энергией юности, которая нашла в себе достаточно смелости и приспособляемости к новым условиям средневековой жизни, чтобы с большим успехом, чем Византия, осуществлять задачи империи в Европе. Олицетворением этой новой силы был Карл Великий и объединенные им германо-романские народы[8].

Карл вступил на престол (786) 26 лет. В таком возрасте едва ли доставляется определенный план на всю жизнь даже у гениального человека. Широкая политическая программа Карла созревает не вдруг и выполняется постепенно; большая часть внутренних преобразований падает на вторую половину его 46-летнего царствования и не во всех подробностях им выполнена. Но есть одна черта, которую можно считать весьма характерной у Карла и которая наблюдается у него постоянно: он не терпел полумер и неуклонно проводил задуманные им планы, невзирая ни на какие препятствия. Политика Карла была в строгом смысле национальная: в своих выводах и подробностях она опиралась на германские элементы. Соединенная из различных романо-германских народностей, его империя поставлена была лицом к лицу со славянским, турецко-татарским и другими этнографическими элементами Европы. Как ни кратковременна была империя, руководимая

Карлом, но именно тогда германский мир сделал самый смелый шаг в государственном, национальном и культурном отношении. Объединившись в империю Карла, германский мир имел уже естественное тяготение к обособлению при широком развитии чувства национального самосознания, которое приводило частию к порабощению соседних европейских народов, частию к распространению на них религиозного и культурного влияния.

В деятельности Карла выделяются, таким образом, два ряда фактов: 1) внешнее и внутреннее объединение всего германского мира; сюда относятся войны с саксами и лангобардами, подчинение Аквитании и Баварии; 2) наступательное движение объединенного германского мира на Восток, распространение политического влияния и христианского просвещения на славянские народности по Эльбе, равно как на аваров и славян на Дунае и Тиссе. Своими походами Карл обезопасил германцев от напора арабов и норманнов и возможного порабощения ими Европы. Более опасные пункты соприкосновения с инородными и враждебными элементами были им усилены устройством особой системы пограничных областей (марка) и сосредоточением гражданской и военной власти в руках одного лица*. С походами Карла на отдаленный северо- и юго-восток начинается история северо-западных и частию юго-восточных славян; в своем победоносном движении на юго-восток Карл раздвинул границы своей власти до пределов Византийской империи, так что с конца VIII в. последняя непосредственно соприкасалась с монархией Карла Великого. Для понимания последующей истории Восточной Европы в высшей степени важно дать надлежащую оценку тому положению, которое создалось к началу IV в.

На мировом театре теперь уже не господствует христианская греко-восточная империя под властию императора, рядом с ней возникла огромная европейская держава, обнимавшая народы от Дуная до Пиренеев и от Северного моря до Адриатики и даже до Рима, имевшая притом то значительное перед старой империей преимущество, что вошедшие в состав ее народы были скованы не только огнем и железным кольцом, но единством церковного и административного устройства и сознанием общности интересов. При таких условиях заранее можно было предвидеть, что победа в борьбе за существование обеспечена была за германским элементом, и что славянам предстояло испытать потери и важные поражения. Ввиду первостепенного значения затронутого вопроса для всей последующей истории Византии и, в частности, для славянской истории необходимо бросить здесь хотя бы беглый взгляд на пройденный Карлом Великим путь, который привел его к решению задачи о перенесении империи на Запад.

Первое двадцатилетие правления Карла (с 768 г.) занято было беспрерывными войнами. Удача сопровождала самые труднейшие предприятия его, поощряя к новым замыслам и более сложным задачам. Но нельзя не признать, что до 788 г. Карл лишь с лучшим успехом и большим напряжением преследовал политические задачи своих предшественников. И саксонские, и итальянские войны, не им начатые, составляли

* До некоторой степени марковое устройство напоминает фемное в Византии.

жизненный вопрос для существования Франкского государства. Рядом с австразийцами, турингами и алеманнами, составившими одно политическое целое, саксонская вольность, язычество и первобытная свобода пограничных отношений внушали постоянные опасения за спокойствие северо-восточных границ государства. Саксония была приютом крамольников и убежищем врагов государственных и церковных порядков. Начав с саксами войну, Карл волей-неволей должен был предпринимать постоянные походы в их землю, пока не дошел до Эльбы и не обезопасил спокойствие всей страны линией укреплений.

Удача в войнах с саксами и успешная дипломатия в деле присоединения Баварии открыли Карлу новый, доселе, может быть, неведомый кругозор. Соединенному романо-германскому миру предстояла задача для ограждения единства и безопасности границ вступить на чуждую почву, занятую многочисленным славянским миром. В этом направлении Карл уже не имел себе предшественников; напротив, он полагает начало новым завоевательным тенденциям, выдвинув германский мир на политическую и религиозную борьбу со славянскими народами. В сфере политической им проведена резкая грань между западноевропейским и восточноевропейским миром, т. е. первому указаны пути к преобладанию и порабощению последнего. Завоевательные стремления прикрываются высокими побуждениями: миссией христианства, защитой проповедников.

К 803 г. относятся последние распоряжения Карла относительно замирения саксов. Он расположился лагерем на левом берегу Эльбы, где были еще вспышки неудовольствия на франков. Тут явился к нему с дарами бодричский князь Дражко, князь колена издавна союзного. Карл решился тогда совсем разорить гнездо саксонской свободы, т. е. разогнать или насильно вывести население при устьях Эльбы и заменить его новыми верноподданными колонистами. Устья Эльбы предоставлены были бодричам; для безопасности границ против датчан и славян возведено немецкое укрепление на правом берегу реки — Эзесфельдт, в котором посажен многочисленный гарнизон и поблизости поселены немецкие колонисты. Эта колония должна была мирным путем производить давление на бодричей; союзнические отношения этого колена еще при жизни Карла должны были перейти в даннические. Результатом деятельности Карла между полабскими славянами было то, что, возведши несколько укреплений в славянских землях и усилив немецкую колонизацию на Эльбе, он дал возможность распространению немецкого элемента между славянами[9]. Перешагнув Эльбу и основав на правом берегу ее немецкие поселения, Карл и его преемники стали непосредственно влиять на раздробленные и враждующие между собой славянские колена. Этим указан был верный путь к политическому и духовному порабощению славян полабских. Последующая история этой народности если не исчерпывается, то может характеризоваться девизом: беспрерывная неравная борьба с немцами.

Не менее важное значение для всей последующей славянской истории имело распространение франкского господства на юго-востоке. С подчинением Баварии границы Карловой державы на юю-востоке соприкасались с Аварским царством. Бавария отделялась от Аварского царства р. Инном (Энжа), за которою начиналась Авария, или Гунния;

зерно этого некогда страшного азиатского народа жило в пределах старых римских провинций Норика и Паннонии, но подвластные аварам земли простирались к востоку за р. Тиссу. Заняв дунайскую и тисскую равнину со второй половины VI в., авары в течение двух веков почти не имели себе соперников. От Византийской империи они получали ежегодные поминки, славянские подданные возделывали для них землю и доставляли им продовольствие. Для борьбы с аварами образовался и первый политический союз славян в VII в.* К концу VIII в. сила этих хищников ослабела: часть славян освободилась из-под их власти, предводители отдельных орд стремились к независимости и спорили за достоинство кагана.

Авары согласились подать помощь баварскому герцогу Тассило, когда он нашелся вынужденным обратиться к ним. Но известно, что эти-то сношения и послужили главным обвинением против Тассило - в Ингельгейме; уже баварский герцог был под стражей, когда авары появились в Баварии и Фриуле. Отряды аварские были разбиты в 788 г., и Карл готовился внести оружие в собственные их владения. В 791 г. состоялся поход в аварскую землю: два войска шли по берегам Дуная, в середине флот с военными снарядами и съестными припасами. В сражениях с аварами отличались новые подданные Карла: лангобарды и дука Истрии Иоанн**. Кстати заметить, что одна часть войска, участвовавшего в аварском походе, держала обратный путь через Чехию [10].

Окончательное подчинение аварской земли от Инна до впадения Дравы в Дунай (Паннония) последовало в 795—796 гг.; оно сопровождалось разграблением главных мест обитания авар (хринги) и оттеснением аварского населения к Тиссе. На места, освобожденные аварами (они долго носили название аварской пустыни), устремились славяне и скоро заняли всю местность между Дунаем и Дравой, Дунаем и Тиссой (паннонские славяне). В 811 г. славяне имели уже перевес над остатками аварского населения и потом поглотили их без следа. Продолжительное сожительство авар и славян оставило глубокую память в сознании этих последних.

У Нестора[11] находим следующее место: «Си же Обре воеваху на словены и примучиша дулебы и насилие творяху женам дулебским. Аще поехати будяше Обрину, не дадяше въпрячи ни коня, ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли жен в телегу и повезти Обрина... Быша бо Обре телом велици и умом горды, и Бог потреби я, помроша вси, и не остася ни един Обрин. Есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обре, их же несть племени, ни наследка» [12]. Завоевание Истрии и Фриула, с одной стороны, Аварского царства — с другой, поставило франков в непосредственное соседство со славянами. На Эльбе, среди полабских славян Карл успел только возвести укрепления и начать колонизацию немцев; о других распоряжениях мы не имеем известий. Тем с большим интересом можем проследить его мероприятия

* Само и его держава.

** Фриул и Истрия подчинились в одно время с Беневентом в 787 г. после неудачной высадки Адалхиза во главе греческого войска.

среди славян придунайских и хорутанских. Здесь обращает на себя внимание деятельность зальцбургского архиепископа Арно. Он получил епископскую кафедру еще при Тассило, пользовался доверием герцога, хотя нельзя сказать, чтобы слишком радел об его интересах[13]. После переворота, лишившего Баварию независимости, Арно сделался близким лицом Карла и вел самую деятельную пропаганду в пользу франкского господства[14]. Алкуин давал Арно полезные советы и посылал в помощь ему своих учеников. Сделавшись архиепископом по воле Карла, Арно начал христианскую миссию между славянами приальпийскими и паннонскими*. Первые еще в VII в. подчинены были баварцами, вторые — с конца VIII в. после падения Аварского царства. Устройство архиепископий в то время было делом очень редким, папы нелегко уступали местному духовенству церковные права над целою областью. Только в исключительных случаях и то под внешним давлением соглашались папы на устройство архиепископий с подчинением им местных епископов страны.

В IX в. упоминаются только три архиепископий: Майнц, Кельн и Зальцбург, все на восточных окраинах государства**. Весной 798 г. Арно был в Риме и получил от папы знаки архиепископского достоинства (паллий) и право высшего духовного надзора над всей Баварией***. Когда он возвращался из Италии, к нему пришло письмо от Карла с поручением — идти к хорутанам и проповедовать у них христианство. Посетив славянские земли и устроив в некоторых местах церкви, Арно поставил затем епископа, которого права простирались на всю область до впадения Дравы в Дунай. Этим вводилось церковное устройство в славянских землях, начался сбор десятины и других податей в пользу Церкви. Весьма любопытны некоторые письма Алкуина к Арно по поводу введения церковного устройства. «Будь проповедником благочестия, а не вымогателем десятины,— писал Алкуин.— Зачем возлагать тяжелое ярмо на непривычные к нему выи, когда ни мы, ни наши братья не могли бы нести его». В том же духе пишет Алкуин Карлу: «И мы, рожденные и воспитанные в христианской вере, нелегко даем десятину: гораздо тяжелее эта дань слабой вере, детскому духу и материальному чувству». На окраинах славянских земель возводились колонии церковные, монастыри; под них подписывались окрестные населенные земли. Монастыри, может быть, имели большее влияние на проповедь христианства, чем епархиальное духовенство; в особенности монастыри несли с собой колонизацию немецкого элемента на славянские земли****. Введение церковных учреждений в завоеванных землях, сбор десятины, синоды не были делом мирной пропаганды, но поддерживались

* Ближайшие к Баварии были хорутане (словенцы Штирии, Каринтии и Крайни), по северо-восточному берегу Адриатического моря — хорваты, в Паннонии — мораво-словаки.

** Позднее Гамбург с специальной задачей миссии между прибалтийскими и полабскими славянами.

*** Пять епископских кафедр было ему подчинено: Регенсбург, Пассау, Фрейзинген, Нейбург и Себен.

**** Проповедь зальцбургского духовенства в славянских землях может быть подробно восстановлена на основании официального сочинения IX в.: Conversio Quarantanorum anonymi Salisburgensis. P e r t z. S. XI, 11.

военными мерами. Каждая земля, добытая силой оружия, становилась собственностью короля; часть ее предоставлялась вольным колонистам, другая жертвовалась военным людям и монастырям. Для постоянного наблюдения за безопасностью границы, также для защиты духовенства и устройства земли Карл облекал обширными полномочиями доверенных лиц. Это так называемые пограничные графы — маркграфы. Они возводили укрепления на границах неприятельской земли, снабжали их гарнизонами и имели в своих руках силу и власть действовать к замирению неприятельской земли и к предупреждению враждебных нападений. Епископы должны опираться на графов, говорил Карл, а графы — на епископов, чтобы тому и другому в совершенстве исполнять свои обязанности[15]. Первым наместником Баварии и организатором церковного и гражданского устройства в славянских землях был граф Герольд, брат жены Карла. Затем после его смерти (799) образуется марка восточная, или аварская (княжество Рагузское-Австрийское), и хорутанская, или славянская (княжество Фриульское).

Относительно народов славянского происхождения франки допустили ту уступку, что оставляли за ними на первых порах свободу внутреннего управления: в Паннонии, Далмации и Хорутании упоминаются туземные славянские князья, стоявшие под верховной зависимостью франкских графов. С течением времени, когда между славянским населением появились значительные колонии немцев, мало-помалу туземные имена славянских правителей сменяются немецкими Вопрос о первоначальных отношениях славян к немцам на Эльбе и на Дунае — весьма важный в славянской истории. Правильной постановке его не благоприятствует совершенное отсутствие славянских источников; сухие летописные заметки каролингского времени — единственный доступный нам материал. Но латинская летопись не занимается и не знает внутренних отношений, в каких находились славяне, столкнувшиеся в конце VIII в. с немцами. Славянскому историку при изложении этих отдаленных событий первоначальной исторической жизни славян естественно останавливать свое внимание на окраинах; здесь он все-таки может найти некоторую руководящую нить для составления суждений и выводов. Мировое значение политики Карла получает особенное освещение со стороны рассмотрения его распоряжений на юго-востоке, где вследствие окончательного удара, нанесенного аварам, открылась для него новая сфера административной деятельности и церковной миссии между языческими народами. Не менее того это выясняется из его сношений с мусульманским калифом в Багдаде, знаменитым Гарун-аль-Рашидом, в которых можно усматривать начало протектората над христианами в мусульманских владениях [16].

Возвращаемся к вопросу о короновании Карла императорской короной.

По смерти папы Адриана, которая случилась в ночь на Рождество 795 г., был избран на римский престол Лев III. С Византийской империей более не церемонились, так что римское избрание не нуждалось в утверждении, во всяком случае, на этот раз не происходило обычных пересылок посольствами Уведомление об избрании нового папы послано было не на Восток, а на Запад, причем папа Лев III, отправляя «защитнику Церкви» ключи от гроба св. Петра, вместе с тем послал

и знамя города Рима. Это уже был необычный шаг, и едва ли можно истолковать его в символическом смысле, как посылку ключей. Посылка знамени обозначала передачу гражданской и военной власти над Римской областью. Это хорошо подтверждается установившимся с того времени обычаем в Риме — обозначать издаваемые в папской канцелярии документы по годам правления Карла. В ответе Карла не находим, однако, намека на решение внести какие-либо существенные изменения в отношения его к Риму. Он лишь подтвердил, что сохраняет с папой те же условия мира, какие были наблюдаемы при Адриане, и особенно выдвинул свою роль защитника Христовой Церкви от нападений и опустошений язычников и неверных и охранителя чистоты и целости католической веры. Легко понять, что это уже весьма широкая задача, далеко не совместимая со скромной ролью франкского короля, и что, следовательно, тогда уже пред умом Карла носилась идея универсальной власти. Придворные поэты иллюстрировали эту идею, придавая Карлу название «отца Европы, светоча Европы и августа»[17].

Осенью 798 г. пришедшие из Константинополя послы должны были уведомить Карла о перевороте в столице империи, вследствие которого Константин VI был устранен от власти и ослеплен, и Ирина сделалась единодержавной правительницей. Несомненно, в Ахене имели об этом и неофициальные известия, рисовавшие все это исключительное по своей жестокости дело в настоящем свете. Но особенно приближали Карла к прямой постановке вопроса об империи и о возложении на себя императорской короны итальянские дела. Хотя современные известия мало освещают положение партий в Риме при вступлении на престол Льва, но нельзя сомневаться в том, чтобы приверженцы Адриана I, пользовавшиеся влиянием и доходными местами при прежнем папе, не пытались сохранить свое положение при новом правительстве. Высказывается догадка, что именно это опасение смут побудило папу Льва сделать рискованный шаг при вступлении на престол посылкой Карлу знамен городских. Действительно, в 799 г. в Риме началось революционное движение против папы, во главе которого стояли примикирий Пасхалис и сакелларий Кампул — оба из близких людей к папе Адриану. Воспользовавшись торжественной процессией, совершавшейся 25 апреля, вооруженная толпа напала на папу, сбила его с ног и нанесла сильные побои. Оскорбленный и униженный Лев III, спасение которого приписано было впоследствии чудесной помощи св. Петра, нашел защиту и покровительство в короле франков, который пригласил его к себе для личных переговоров.

Франки не в первый раз принимали у себя римского первосвященника, и церемониал приема был уже готов. На этот раз главе Церкви оказаны были царские почести. От границы его сопровождали архиепископ кельнский Гйльдибальд и граф Аскарих, а навстречу был послан сын Карла Пипин, подобно тому как на встречу папы Стефана в свое время вышел Карл по приказанию своего отца. Карл ожидал папу в Падерборне, где приготовлена была торжественная встреча с военным парадом и церковной церемонией[18]. Но решение по делу папы Льва III представляло значительные затруднения, тем более, что из Рима стали приходить жалобы на него со стороны враждебной ему партии. Положение Карла было в высшей степени затруднительно и в том отношении,

что ему предстояло выступить судьей в деле главы Церкви, и что это был первый случай в истории отношений церковной власти к светской на западе. В одном из писем к Карлу, относящихся к занимающему нас времени, ученый друг его Алкуин так выражается по поводу современных церковных затруднений: «По отношению к святой Церкви Христовой, которая возмущена многообразной развращенностью бесчестных и осквернена преступными деяниями скверных людей не только в низших слоях, но даже в самых высших, нужно принять самые серьезные меры предосторожности. Ибо в мире существовали доселе три высочайшие существа: апостольская верховная власть, представляемая викарием блаженного Петра, князя апостолов, хотя ваше милостивое послание дало мне понять, что сталось с этой властью и кто был на этой кафедре; затем следует императорское достоинство, т. е. гражданская власть второго Рима, но как безбожно низвергнут правитель этой империи и притом не чужими, а своими ближними, это стало известно всему свету; наконец, следует королевская власть, в каковой промышлением Господа нашего Иисуса Христа вы поставлены главой христианского народа: могуществом вы выше упомянутых властей, мудростью славней, достоинством царства превосходней. В тебе одном почиет спасение христианской Церкви, ты мстишь злодеям, ты исправляешь заблудших, утешаешь печальных, поощряешь добрых» [19].

Как бы ни был осторожен Карл в переговорах с папой и в установлении своей новой роли посредника и судьи между папой и враждебной ему в Риме партией, тем не менее ясно, что в приведенном письме Алкуина определенно намечалась главенствующая роль в тогдашней Европе и в католической Церкви для франкского короля, и не может быть сомнения, что Карл разделял мысли Алкуина и охотно шел на ту роль, которая приготовляема была для него.

Первоначальное намерение идти в Рим вместе с папой было потом отложено, и осенью 799 г. Лев III с военной охраной отправлен в Рим, где ему оказана была торжественная встреча народом и духовенством. В начале декабря сопровождавшая папу франкская свита, во главе которой были кельнский архиепископ Гильдибальд и зальцбургский Арно, с пятью епископами и тремя графами приступила к следствию по делу о восстании против папы. Есть некоторые данные, из которых можно выводить, что Арно не совсем был на стороне папы и не считал его безвинным в прискорбных происшествиях; но официальным решением судебного следствия было установлено, что против Льва не было представлено серьезных обвинений, вследствие чего главные виновники движения против папы, Пасхалис и Кампул, были отправлены в изгнание, делу же о претензиях римлян против Льва не было дано дальнейшего движения.

Между тем, в то же время при дворе Карла, в ближайшем кружке его ученых друзей, где он носил прозвание Давида, а Алкуин — Флакка, вопрос о перенесении императорской короны должен был обсуждаться во всех подробностях. Теоретические основания для этого предприятия были выработаны частию Алкуином, как показывают его письма, подробности же и самая обстановка приготовлены были на месте по соглашению с папой. Одно случайное обстоятельство могло расширить перспективы приверженцев Карла, посвященных в проект. Из Иерусали-

ма прибыл монах с подарками и святынями от Гроба Господня, который именем патриарха просил помощи у могущественного государя Запада и защитника Церкви. Для Карла в этом могло представляться новое доказательство, что Византийское царство оскудело и не в состоянии более оказывать защиту Церкви. Насколько можно доверять известию, будто из Константинополя недовольные царицей Ириной приглашали Карла идти на Восток и захватить империю, это трудно решить[20], но настроение приближенных Карла было такое приподнятое, что они могли искренно верить в возможность подобного расположения умов в Константинополе. В кругу влиятельнейших друзей Карла, говорит Гартман, который состоял из Алкуина, Ангильберта, Арно зальцбургского и Павлина аквилейского, уже давно была речь о возможности и необходимости мировой политики для Франкского государства[21]. Не напрасно у них встречается сравнение с империей и не без умысла прилагаются королю Карлу, хотя бы в поэтическом тоне, атрибуты императора. Здесь уместно выяснить мировое значение идеи империи.

Империя составляла единственную политическую идею, свойственную одинаково северным германцам и римлянам; хотя она в сознании потомков римских провинциалов Галлии и Германии несколько помрачилась, но влияние Римской Церкви и ее проповедников вновь пробудило и укрепило эту идею, т. к. Римская империя являлась лишь гражданской формой католической Церкви. По воззрениям современников, Карл исполнил долг, который лежал на Римской империи по отношению к Западу. Т. к. власть его переросла значение обыкновенного варварского королевства, то естественно, что только в Риме, средоточии мира, он мог проявить свою фактическую власть. Казалось, что взаимно не покрывают себя содержание и форма его верховного владычества, как будто повторилось такое же внутреннее противоречие, какое наблюдалось тогда, когда майордом Пипин царствовал именем Меровинга. Это выяснилось, когда в августе 800 г. в Майнце собрание чинов королевства решило поход в Италию.

Идея империи наряду с другими историческими факторами имела в средние века громадное значение как на Востоке, так и на Западе. Эта идея развивалась и вырабатывалась в двух совершенно различных направлениях: на Востоке она нашла полное выражение в императорстве, подчинившем своей власти и самую Церковь — т. е. в цезаро-папизме; на Западе совершенно обратно: папа, благодаря известным обстоятельствам, сосредоточил в своих руках не только духовную власть, но и светскую, следовательно, идея империи выразилась здесь в папском цезаризме. С V в. как на Востоке, так и на Западе является ряд ученых, которые нашли возможность не только развить эту идею империи в литературе, но и провести ее в жизнь, воспитать в ней целое поколение и сделать ее лозунгом политических стремлений его. Вот почему многие факты средневековой истории не могут быть объяснены иначе, как только выяснением этой идеи империи, безусловно господствовавшей в умах передовых политических деятелей, как на Востоке до самого покорения Восточной империи османскими турками, так и на Западе в продолжение VIII и последующих столетий. Но эта идея империи, перенесенная на Запад на франкских королей, даже в те времена, когда еще продолжала жить Восточная империя, неизбежно должна была вступить с цезаризмом

папства в открытую борьбу, продолжавшуюся с Генриха IV до конца ХГП в. Мало этого. Даже после падения Восточной империи эта идея императорства находила поклонников в лице московских князей, считавших себя прямыми наследниками восточных императоров.

Основателем цезаро-папизма на Востоке нужно признать Константина В. Доставив торжество христианству, Константин В. придал ему характер монархической общины, во главе которой стоял сам император, главные стремления Константина В. можно формулировать в трех положениях: 1) сосредоточить в своих руках управление всею Церковью; 2) быть признанным высочайшею главою верных — первосвященником Иисуса Христа; 3) введенный им порядок рассматривать как образ небесного строя, как нечто совершенное и безукоризненное. После Константина В., сделавшего первый шаг к обладанию духовною властию, преемники его, как, например, сын его Константин II, открыто заявляют свои притязания быть решителями споров не только в светских, но и в духовных делах. В 335 г. на соборе в Милане Константин II сказал: «Не канон, а моя воля должна быть законом для Церкви. Восток не противится моим приказаниям, пусть и Запад следует его примеру, иначе я сумею наказать непослушного»; а в V в. мы уже видим полное благоговение перед особою императора; даже епископы в протоколах соборных постановлений (Халкидонский собор 451) выражаются обыкновенно так: «Тогда сказал божественный всеблагочестивый наш повелитель». Тогда же произнесено было многолетие «царю первосвященнику, учителю веры».

Таким образом, уже в V в. личность императора в глазах представителей Церкви и епископов была окружена ореолом святости. Самые обстоятельства падения Западной Римской империи много способствовали распространению и укреплению в умах этого взгляда на императора. Стоит проследить последние годы Западной Римской империи, когда власть находилась всецело в руках варваров, представителей военных сил империи, как, например, Стилихон, Рицимер, Орест, и, тем не менее, ни один из них не решился возложить на себя императорскую корону, а довольствовался званиями консула, патриция, союзника и друга римского народа. Сами императоры последних годов Западно-Римской империи, хотя бессильные и не больше как только креатуры варварских предводителей, все же назначались из римских фамилий — так велико было уважение варваров к сану императоров; наконец, частые свержения императоров на Западе еще больше усиливали значение восточного как единого законного императора.

Немало также способствовали возвышению восточных императоров их вмешательства в дела Западной империи по случаю назначения императоров. Так, Зинон назначил Юлия Непота, а раньше еще Анфимия, и хотя их судьба была печальна, но уже эти факты в связи с другими, например походом против Гензериха, короля вандалов, имели значение, как примеры исторические, на которые могли ссылаться восточные императоры в своих дальнейших притязаниях на обладание Италией и на преимущественное уважение со стороны западных государей. Требовался ряд особенно благоприятных обстоятельств, чтобы теория Римской империи, разработанная и нашедшая историческое приложение в Константинополе, могла быть перенесена на Запад и вновь

найти себе применение в империи Каролингов. Эти обстоятельства заключались, с одной стороны, в иконоборческих эдиктах императоров Исаврийской династии, во-вторых, в постепенном освобождении римского епископа из-под влияния Восточной империи. Папы Григорий I и Григорий II, один в начале VII, другой в первой половине VIII в, должны считаться главными представителями этого освободительного движения. Последний в 731 г. произнес отлучение против восточного императора, открыто порвал всякие связи с империей и сделал вакантным для Запада императорский титул.

Из предыдущего видно, что идея перенесения императорского титула на представителя Каролингов находила себе оправдание как в исторических событиях, роковым образом разобщавших Восток от Запада, так и в настроениях умов культурных представителей тогдашнего западного общества. С точки зрения истории Византии, это была узурпация, или восхищение чужих прав, т. к. константинопольские цари фактически были представителями империи и законными носителями императорского титула, но, с точки зрения всемирного исторического развития, это был неизбежный ход событий, вследствие которого живая отзывчивость и приспособляемость к потребностям данного времени берет перевес над вялостью, косностью и формализмом.

По прибытии в Рим Карлу предстояло заняться на месте разбором дела о римской революции. Для этой цели под его председательством образована была комиссия из духовных и светских лиц. Хотя свидетельские показания давали повод к спорам и сомнениям, но часть франкского духовенства держала сторону папы, и король выразил мнение, что обвинения против Льва не имеют значения и продиктованы злобными чувствами. Но был еще весьма щекотливый вопрос в этом деле: о неподсудности папы какому бы то ни было суду на земле; эта точка зрения высказана прежде всего в письмах Алкуина, и затем она повторена в торжественном собрании римского и франкского духовенства и светских чинов, происходившем в церкви св. Петра. Тогда Лев III изъявил согласие по собственному почину принести оправдание в тех обвинениях, которые против него высказывались, и с кафедры св. Петра он сделал следующее заявление: «Я, Лев, епископ святой Римской Церкви, заявляю в свое оправдание, никем не осужденный и не вынуждаемый, но по личному и свободному моему решению перед вами и перед лицом Божиим, и перед Его ангелами, и блаженным князем апостолов Петром, в храме которого находимся, что я ни сам не повинен в исполнении, и не подстрекал других к исполнению тех преступных и злодейских поступков, в которых меня обвиняют, свидетельствуюсь Богом, на суд которого мы явимся и пред лицом которого стоим теперь. Это заявление делаю я по моему собственному свободному изволению и не потому, что подобное действие основывалось на канонах, и не с тем, чтобы вводить такой обычай в практику святой Церкви, в обременение моих преемников или моих братьев и соепископов».

Таким образом, был разрешен в одной части тот вопрос, ради которого было предпринято Карлом путешествие в Рим. Если можно здесь думать о предварительном соглашении между папой и королем, то этим торжественным очищением Льва III от обвинений, имевшим место 23 декабря 800 г., исполнена была одна сторона соглашения, зависевшая

от короля. От папы же зависело то, что происходило 25 декабря. В праздник Рождества при большом стечении народа в храме св. Петра папа возложил корону на голову Карла. При этом зрелище присутствующие в церкви начали громко произносить обычные в Риме и Константинополе восклицания: «Многие лета и победы над врагами Карлу, благочестивейшему и Богом венчанному августу, великому и миролюбивому императору». При этом папа по старому римскому церемониалу пал ниц перед новым императором.

Биограф Карла, описывая церемонию возложения на Карла императорской короны, желал уверить современников и потомство, что для Карла это был вполне неожиданный акт, «что если бы только он подозревал намерение папы, то не пошел бы в церковь». Само собой разумеется, нельзя ни минуты сомневаться, что весь церемониал установлен был заранее, и что Карл знал об нем и дал свое согласие. Весьма вероятно, что еще перед церемонией состоялось предварительное постановление, или род акта избрания, по которому франкский король принимал на себя императорское достоинство по» тем мотивам, которые мы пытались объяснить выше. В самом деле, как иначе понять, что и корона оказалась готова, и установленный обряд с восклицаниями и приветствиями был известен собравшимся в церкви, и все, наконец, произошло без нарушения строя и порядка. Ясное дело, что коронование Карла было заранее предрешенным и подготовленным актом, в котором выразился неизбежный результат исторического развития.

Историки пытаются объяснить неудовольствие Карла совершенно иными мотивами. То, что могло взволновать Карла[22], это скорей обстановка, в которой происходило провозглашение новой империи, т. к. двойная церемония возведения и освящения на самом деле слилась в один акт, и папе принадлежала инициатива в том и другом случае. Ничем не различалась политическая сторона акта от церковного, одобрение народа непосредственно следовало за коронованием и санкционировало совершившийся факт. Последующие византийские писатели выдвигали эту разницу в короновании восточных и западных императоров и доказывали, что императорское величие унижено подчинением его папской власти... Подобные мысли, говорит Гаске, могли приходить в голову Карла во время церемонии венчания. При всей преданности святому престолу Карл все же мог находить чрезмерным быть обязанным империей первому своему подданному, почему впоследствии, когда он короновал при своей жизни Людовика, он приказал ему самому взять корону и возложить на свою голову.

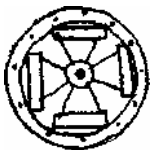
Тем не менее, и Карл, и его ближайшие сотрудники должны были считаться с тем реальным фактом, который имел выражение на Восточной империи в Константинополе. На Западе не думали создавать второй империи, почему и выставили фикцию о вакантности императорского престола, т. к. по той же фикции женщина не могла быть императором. Может быть, в связи с той же фикцией об оскудении императорского достоинства в Константинополе преобладало некоторое время намерение разом покончить с греческим господством в Италии и предпринять поход в Сицилию [23]. Но т. к. в случае даже благоприятного исхода этого предприятия оставалась невыясненной дальнейшая перспектива—господство Византии на Востоке и обладание Константинополем и зависев-

шими от империи землями на Балканском полуострове,— то Карл имел достаточно политического опыта, чтобы не вдаться в авантюру, и скоро оставил завоевательные намерения. С другой стороны, и царица Ирина, занятая в это время войнами со славянами и арабами и будучи озабочена мерами к охране собственного положения, не была склонна выступить с протестом против состоявшегося в Риме незаконного, с точки зрения империи, акта. Через год после того, в начале 802 г., в Ахен прибыли послы от Ирины «для утверждения мира», которые, как можно заключить из последующих событий, не выступали перед Карлом с неприятными речами. Весьма любопытно, что в ответ на это посольство Карл отправил к Ирине епископа амиенского Иессея, который вместе с апокрисиарием папы Льва III предложил в Константинополе проект брачного союза между Ириной и Карлом с целью соединить таким образом Восток и Запад[24].

Западные послы должны были прибыть в Константинополь осенью 802 г., и есть основания думать, что, с точки зрения Ирины, в предлагаемом проекте было наиболее благоприятное разрешение создавшегося затруднения. Но в ту же осень 21 октября, когда западное посольство было еще в столице, в Константинополе произошел придворный переворот, лишивший Ирину власти. Во главе движения был Аеций, который, составив заговор против Ирины, выдвинул своего брата, логофета Никифора. Таким образом, начавшиеся между Карлом и восточной императрицей переговоры на этот раз не привели ни к какому результату. Весьма может быть, что успех предприятия Аеция частию зависел от хода начатых переговоров, если только допустить, что Ирина изъявляла согласие на предложение Карла. В этом случае Аеций мог прикрываться национальной идеей[25].

Понимали ли современники значение совершившегося события? Мы можем оценивать образование Западной Римской империи по его последствиям, имевшим сильное влияние на ход событий средневековой истории и обусловившим в весьма значительной степени дальнейшую историю Византийской империи. В этом смысле современники не могли понять изложенных сейчас событий. Империя Карла Великого выдвинула в европейской истории германскую идею, придав ей широкое всемирное значение. Романо-германский мир, объединенный в политическом отношении империей и в церковном—главенством Римской Церкви, получил гражданскую и военную организацию, какой недоставало его соседям Юго-Восточной Европы, и воспользовался своим преимущественным положением с той целью, чтобы занять в Европе такое главенствующее место, какое обеспечивали за ним его военная сила и государственная организация. Таковы те преимущества, которые возникали для романо-германского мира со времени объединения его Карлом Великим. На северо-восточной и юго-восточной границах империя Карла соприкасалась с открытой, незащищенной и слабонаселенной страной, занятой многочисленными славянскими племенами. Слабые, разъединенные, управляемые племенными старшинами и коленными князьями, находившимися часто в раздоре, славяне оказались далеко ниже своих хорошо вооруженных и дисциплинированных соседей и должны были, несмотря на отчаянное сопротивление, постепенно отступать перед германцами по всей линии как на Эльбе, так и на Дунае.

Еще с конца VIII в. часть славян была порабощена германцами и вошла в великий романо-германский союз народов, поступившись в его пользу славянскими областями. Первые попытки государственной организации у северо-западных славян относятся именно к этому времени и были вызваны, по всей вероятности, настоятельной нуждой выработать необходимые средства для успешной борьбы с грозными соседями. Но до какой степени была велика разница исторического развития между германскими и славянскими политическими и военными организациями, достаточно видно из того, что славянская эпоха образования государств относится к IX в., тогда как германские государства начинают складываться в V в. Следовательно, организованный в империи Карла германский мир в занимающую нас эпоху имел уже большой опыт государственной жизни и значительную культуру, т. е. такие преимущества, которые славянам нужно было еще приобретать усиленным трудом и заимствованиями от соседей. Непосредственным же путем образование империи Карла Великого содействовало тому, что начал рассеиваться туман, покрывавший историю Юго-Восточной Европы, и что латинские летописи стали касаться быта и истории тех народов, к которым доходили латинские миссионеры и которые стали постепенно входить в сферу влияния Западной империи и Римской Церкви.

Глава XI

Славянские поселения в Греции. Эллинизм в истории Византии

Бросая общий взгляд на время царствования Ирины, мы должны признать, что ему придают определенный характер и важное историческое значение два факта: созвание собора для решения иконоборческого вопроса и провозглашение Западной империи, имевшее последствием конечное устранение старых традиций Римской империи и переход к новым формам средневековья. Хотя не в таком же широком смысле, как приведенные факты, останавливают на себе наше внимание падающие на время царицы Ирины упоминания о славянских поселениях в Греции. Уже было говорено, что Ирина происходила из Афин, и с конца VIII в. начинает, таким образом, несколько выясняться история Греции, о которой в VI столетии имеются весьма скудные известия, а затем почти на сто лет нет и помина в летописи. Между тем, при переходе к IX в., находясь в периоде полного развития византинизма, в котором эллинскому элементу принадлежит выдающееся место и организаторское значение, мы должны дать себе отчет в том состоянии, в каком Греция выступает к занимающему нас периоду после всех потрясений, произведенных в ней славянской иммиграцией. И прежде всего необходимо осветить этот вопрос с литературной стороны.

В 1830 г., когда дипломатические переговоры об освобождении Греции из-под турецкого владычества, на направление которых значительное влияние имели статьи и речи, распространявшиеся о заслугах эллинского народа для европейской цивилизации, появилась в Штут-тгардте первая часть сочинения профессора Фальмерайера: «История полуострова Морей в средние века». Вооруженный неподражаемым остроумием и массою неизвестного другим документального материала Фальмерайер доказывал в своем сочинении, что греков теперь нет, что эллинское племя исчезло с лица земли. Заманчивость сюжета и оригинальность доказательств обеспечили за книгой Фальмерайера весьма широкое распространение, и теория его вскоре сделалась общеизвестною и популярною, особенно в Германии.

Не уничижение только Греции имелось в виду у Фальмерайера, он желал обратить внимание европейских правительств на восточный вопрос вообще и в частности расшевелить чувства недоверия немцев к славянам. «Разнообразная смесь народностей с сильным преобладанием славянского элемента,— говорил он,— нынешняя якобы греческая национальность не имеет ни собственных исторических задач, ни внутренних духовных сил, но питается светом и духом, исходящим из центра всего славянского мира. Бессмертные произведения духа эллинов и некоторые развалины теперь остаются единственными свидетелями, что когда-то существовал этот народ. И если бы не эти руины, курганы и мавзолеи,

если бы не плачевная судьба нынешнего населения, о которой европейцы нашего времени сострадательно выражают свои нежные чувства и удивление, льют слезы и потоки красноречья, то все эти глубокие чувства оказались бы потраченными на пустое привидение, на бездушный образ, которому нет ничего соответствующего в действительности. Ибо не найдется даже капли чистой и несмешанной эллинской крови в жилах христианского населения нынешней Греции. Скифские славяне, иллир-ские арнауты, потомки северных народов, соплеменники сербов и болгар, далматинцев и московитов — вот кто те народы, которых мы называем ныне эллинами и которых, к собственному их изумлению, вводим в родословную Перикла. На нынешнем греческом материке не найдется ни одной семьи, предки которой не происходили бы от скифов или арнаутов, франков или огреченных азиатов Фригии, Киликии, Каппадокии и Лидии. И если эллинофилы думают находить себе утешение в мысли, что греческий язык и при совершенном исчезновении старого населения Эллады непрерывно удержался и господствовал у новых поселенцев, то мы должны, к несчастью, лишить их и этого утешения, так как на равнинах Аркадии и Эллады, Мессении и Лаконии, Виотии, Фокиды и Акарнании в течение многих поколений господствовала славянская речь»[1]. Теория Фальмерайера возбудила весьма жаркие прения и породила богатую литературу на немецком и греческом языках.

Но против этой ереси, как называл Папарригопуло теорию Фальмерайера, вошедшей в учебники и книги, написанные для публики, долго не находилось борца, который выступил бы с таким же знанием дела и остроумными приемами, какими обладал Фальмерайер. Лучшие из них, Цинкейзен и Копитар, справедливо указали на недостаточные сведения Фальмерайера в славянском языке и опровергли некоторые из его выводов. Но он не только не уступил им, но и написал еще ряд статей и сочинений, в которых доказывал ославянение не только Пелопонниса, но и Аттики, и Фессалии[2]. Единственным серьезным противником мог быть тогда француз Бюшон, много занимавшийся средневековой историей Греции, но он уклонился от спора с Фальмерайером. На греческом лучшее сочинение в опровержение этой теории написано Папарригопулом: «Славянские поселения в греческих странах»[3]. Наконец, в 1867 г. ученый немец Гопф сделал весьма старательный обзор литературы предмета и подверг критике те источники, на основании которых Фальмерайер построил свою разрушительную теорию[4]. Филологическая сторона дела, именно вопрос о влиянии славянского языка на образование новогреческого, разработана преимущественно трудами знаменитого слависта Франца Миклошича.

Мы имели уже случай... привести места писателей, свидетельствующие о сильных опустошениях, каким подвергался греческий полуостров со стороны славян со второй половины VI столетия.

Если оставаться на почве летописных данных, которые от VI в. представляют почти непрерывный ряд вторжений, опустошений и последовательных осадков славян на греческом материке, то теория Фальмерайера не может не заключать в себе весьма сильных и подкупающих в ее пользу оснований. Прежде, чем перейти к указаниям слабой стороны этой теории, находим уместным привести здесь соображение французского ученого Роже де Беллогэ по отношению к скрещиванию рас[5]

Беллогэ доказывает, что никогда не встречалось в истории, чтобы завоеватели, вступавшие в чужую землю, имели целью общее истребление; уничтожалось то, что могло представлять опасность, т. е. та часть населения, которая могла носить оружие, что же касается стариков, женщин и детей, этот элемент не подвергается истреблению. Кроме того, варвары, нападая на культурное население, каковым в нашем случае были греки по отношению к славянам, не могли истреблять его и в том соображении, чтобы не лишиться средств пропитания и иметь в подчиненном населении даровых работников. Таким образом, никогда не бывает полного уничтожения побежденной нации, а случается чаще наоборот, что побежденная нация с течением времени получает расовый перевес над победителями, т. е ассимилирует их вследствие скрещивания пород. Победители могут получить перевес над побежденными в том случае, если они совершенно отделяются от последних, организовавшись в касту или составив в занятой стране военный лагерь*. В настоящее время теория Фальмерайера имеет лишь литературное значение, т. к. вполне доказана и выяснена слабость оснований, на которых она построена[6]. Не останавливаясь более на этой теории, которая вызвала немало возражений и стоила больших огорчений греческим патриотам, мы все же должны сделать надлежащую оценку хорошо засвидетельствованной и бесспорно значительной по числу славянской иммиграции в Пелопоннес.

В первой половине VII в. славяне владели уже морскими судами и делали нападения на Крит и другие острова. Не может быть сомнения, что в то время они уже владели некоторыми частями в Средней и Южной Греции. По всей вероятности, эти славяне участвовали со своими далматинскими собратьями в нападениях на Южную Италию около половины VII в.[7] Трудно, конечно, гадать, что происходило в этих местах за тот период, от которого мы не имеем известий, и насколько глубоко внутрь страны вдавалось движение славян. Но вот любопытное известие, относящееся к половине VIII в. и свидетельствующее о том, что происходило в Южной Греции в первой четверти того же века Епископ Виллибольд, плывя из Сиракуз на поклонение святым местам, пристал к городу Монемвасии, который, по словам жизнеописателя, находился в славянской стране[8]. Со времени Льва Исавра получаются более точные данные о положении Греции и о симпатиях господствующего в ней населения. Оказывается, что население Греции, именуемое у византийского писателя новым и доселе неупотребительным термином элладики, возмутилось по случаю издания иконоборческого эдикта и, снарядив флот, двинулось на Константинополь. Хотя это движение не имело серьезных последствий, т. к. Лев Исавр нанес повстанцам поражение и казнил зачинщиков бунта [9], но вся обстановка, в которой произошло событие, достаточно показывает, что Греция этого времени не только была населена оседлым элементом, но и представляла известного рода организацию в качестве области, подчиненной культурному государству. Об этом говорит и военный флот, и религиозный мотив движения, и то обстоятельство, что во

* Автор ссылается из древней истории Греции на Гераклидов. Лучше было бы указать на нынешних турок

главе военной организации стоит турмарх Агаллиан. Весьма может быть, что Греция начала тогда получать устройство фемы и имела во главе стратига, и что самое имя элладики применяется к новому населению, вошедшему в состав Греции[10].

Ослаблению Греции в этнографическом отношении в особенности содействовали несчастные события, имевшие место в 746—747 гг. В Греции и на островах в 746 г. распространилась моровая язва, занесенная из Сицилии. От этой язвы пострадали многие города, и в числе их Монемвасия. Летом 747 г. моровая язва свирепствовала в Константинополе и произвела в нем страшные опустошения, которые правительство Константина V нашлось в необходимости вознаградить путем обязательной колонизации столицы из всех провинций империи. Может быть, этот именно период, когда правительство переводило колонистов из Греции, и без того достаточно ослабленной славянскими поселениями, имеет в виду Константин Порфирородный в своем знаменитом месте из «Фемы»: «Ославянилась вся страна и сделалась варварской, когда моровая язва захватила всю вселенную, и Константин Копроним управлял ро-мэйским скипетром[11]. Громадная смертность, постигшая столицу, сопровождалась разнообразными последствиями. Между прочим, вследствие принятых правительством мер[12] из Фессалии под давлением болгар должны были двинуться на юг те славяне, которых мы видели там у Пагасейского залива уже в оседлом состоянии и занятых культурой хлеба и фруктов. Кроме того, некоторые известия заставляют предполагать, что между утвердившимися в Пелопоннисе славянскими племенами в конце VIII в. происходило движение в пользу образования княжеской власти.

Из времени Ирины сохранилось упоминание о двух походах в Грецию, вызванных происходившими там событиями. В 783 г. самый могущественный при Ирине государственный муж Византии, влияние которого отражалось даже на судьбе сына Ирины Константина, патрикий и логофет дрома Ставракий, получил поручение устроить дела на Балканском полуострове и в Греции, находившиеся, как можно заключить по некоторым намекам, в большом расстройстве. Поход его «с большой военной силой» имел целью славянские племена, которые не признавали византийской власти и не платили податей. Хотя писатель и говорит при этом, что Ставракий сначала был в Солуни, а потом в Греции, но, по всей вероятности, слава этого похода, доставившего любимцу Ирины триумф в столице, заслужена военными действиями в Пелопоннисе, куда давно не ходили имперские войска. Можно весьма пожалеть, что писатель Феофан так сух в этом случае и дает мало подробностей [13]. Но употребленный им способ изложения «подчинил все славянские племена и заставил их платить дань империи», равно как отдельное указание на то, что из Пелопонниса получена «большая добыча и выведен многочисленный полон», который в следующем году и выставлен был в ипподроме на показ народу, могут свидетельствовать, что этот поход действительно сопровождался важными последствиями. Ясно, что шла речь о некоторых славянских коленах, осевших в Средней Греции и в Пелопоннисе, о которых история сохранила память и в позднейшие столетия и которые по своей сравнительной малокультурности и численной слабости, не будучи в состоянии дать преобладание славянскому элементу

в занятой области, тем не менее, требовали исключительных мер со стороны правительства, чтобы подвести их под состояние подданных императора.

Нужно поставить в связь с походом Ставракия исключительное по своей обстановке и не менее важное по значению военное движение Ирины по Фракии «с большой военной силой и с музыкальными инструментами», предпринятое в 784г.[14] Летописец выдвигает в своем рассказе об этом событии то, что Ирина прошла Балканский полуостров от Верии до Филиппополя и отсюда до Анхиала без всяких военных столкновений, занималась строительством городов и в мире возвратилась. Для оценки этого известия следует принять в соображение, что под Верней нужно понимать пограничный с Болгарией город, и что эта мирная военная прогулка по Фракии должна обозначать известного рода общую уверенность в спокойствии на этой стороне Балканского полуострова.

Для характеристики положения дел в Северной Греции имеется еще известие от 799г. о событиях, последовавших вскоре после устранения от власти и ослепления царя Константина. Как известно, в Афинах Ирина держала в заключении представителей Исаврийской династии, ослепленных сыновей Константина Копронима. Несмотря на то, что она имела все основания полагаться на верность греческого населения Афин, тем не менее, здесь обнаружилось движение в пользу ослепленных царевичей, и составился заговор с целью провозглашения царем одного из них. Само по себе это обстоятельство мало интересно, но останавливают внимание некоторые подробности. Сторону несчастных царевичей поддерживает славянский князь Акамир, начальствовавший племенем велесичей, поселившихся в Фессалии[15], а его подстрекали к тому местные люди, которых писатель называет элладики — новый термин, уже встречавшийся нам выше. Имея в виду, что Афины, где содержались царевичи, были тогда в управлении патрикия Константина Сарантапиха, приходившегося даже родственником царицы, легко поставить себе ряд вопросов к объяснению участия в этом заговоре славянского князя и элладиков.

В самом деле, общая политическая обстановка того времени совершенно ясна. Эллинизм константинопольский, греческий и островной стоит на стороне иконопочитания и поддерживает реакцию против Исаврийцев, положение Ирины опирается главнейше на эллинские элементы. Реакционное движение в пользу ослепленных Исаврийцев питается в Греции, конечно, не эллинскими элементами. Таким образом, славянский князь Акамир и элладики должны представлять собой родственную политическую группу; из этого получается весьма вероятное предположение, что под элладиками нужно разуметь не греков, а смешанное и, главным образом, славянское население полуострова. Ирина легко справилась с заговором, послав в Афины спафария Феофилакта, который указал виновников и, захватив, ослепил их. Хотя движение в пользу Исаврийцев оказалось потушенным на этот раз, но в разных местах греческого полуострова уже в начале IX в. обнаруживается присутствие чуждых этнографических элементов, от которых византийское правительство не стремится вполне освободить Грецию, но только желает поставить их в служебное положение. Чтобы не возвращаться вновь

к этому вопросу, считаем нужным войти здесь в дальнейшие подробности относительно славянского элемента в Греции. Собственно о трех славянских племенах сохранились известия: велесичи у Пагасейского залива, о которых упоминают сказания о св. Димитрии; милинги и езе-риты по склонам Тайгетского хребта, об них сохраняются известия во весь период средних веков; наконец, встречаются отдельные поселения в других местах, между прочим, у Коринфского залива близ города Патр и, может быть, близ Афин. Чтобы судить о политической роли этих племен, осевших в Греции, достаточно остановиться на выяснении нижеследующих данных, касающихся славян у Коринфского залива и у Тайгета.

В северном Пелопоннисе на Коринфском заливе есть город Патры, который в занимающую нас эпоху имел важное значение в торговом и промышленном отношении и едва ли не превосходил самые Афины. В самом начале ГХ в. (805 или 807 г.), в царствование Никифора, Патры подвергались нападению и осаде со стороны славян и были спасены от грозившей им опасности, благодаря заступничеству апостола Андрея, патрона города, который здесь был замучен и мощи которого хранятся в городском соборе. Т. к. событие, о котором предстоит здесь говорить, не занесено в летопись, то имеем основание заключить, что оно не выходило из обычных явлений, происходивших в той отдаленной провинции; в сочинение Константина Порфирородного[16] известие об этом событии попало, вероятно, из местных сказаний о чудесах св. апостола Андрея. При царе Никифоре, говорится в этом сказании, славяне, замыслив восстание, стали опустошать соседние греческие селения, а потом разграбили окружающую Патры равнину и осадили город. По прошествии некоторого времени голод и жажда заставили жителей города вступить в переговоры с осаждающими и условиться насчет сдачи города. Именно в это время и оказана была Патрам чудесная помощь. Оказывается, что стратиг фемы находился тогда в крепости Коринфе, и осажденные, естественно, ожидали, что он прибудет на выручку и освободит их от славян. Ожидая стратига, жители Патр нашли возможным послать на горы дозорщика, чтобы он условленным знаком дал им знать, приближается из Коринфа войско или нет. В случае приближения он должен был склонить вперед данное ему с этой целью знамя; в случае отрицательном знамя нужно было держать прямо. Т. к. ожидаемой выручки не было, то сигнальщик стоял на виду у горожан, держа прямо знамя, случилось, однако, что конь его споткнулся, вследствие чего знамя склонилось вперед, из чего осажденные вывели заключение, что из Коринфа приближается стратиг с войском. В надежде на близкую помощь, они открыли ворота и бросились на врагов; их изумленным взорам ясно представился апостол Андрей, преследующий и побивающий врагов. Следствием этого было то, что варвары, охваченные страхом и удостоверившись собственными глазами, как святой апостол помогает жителям города Патр, сами прибегли с молитвами в честной храм его. Когда же императору донесено было коринфским стратегом о происшедшем, то он сделал распоряжение, чтобы славяне со всеми их семьями, родством и со всем имуществом записаны были за храм апостола в митрополии Патры. С тех пор записанные за митрополию славяне приняли обязательство содержать стратигов, царских посланцев

и иностранных послов, когда они останавливаются в Патрах. Для этого они имеют своих трапезарей и поваров и доставляют все потребное на изготовление стола, т. к. митрополия ни о чем не заботится, а сами славяне по разверстке и складчине всей общины вносят все необходимое по этой статье [17].

Вся обстановка, в которой происходит рассказанное событие, обличает современный событиям рассказ и, в свою очередь, служит оправданием того факта, который и в X и XI столетиях мог быть наблюдаем и исторически засвидетельствовал зависимость славянских крестьян от митрополии Патр. Официальное подтверждение тому находится в синодальном послании патриарха Николая II (1084— 1111) к царю Алексею I Комнину, в котором патриарх защищает привилегии митрополии Па-тры, дарованные ей царем Никифором по случаю чудесного избавления города от варваров, как названы в этом акте славяне.

Что касается славянских поселений в других местах Греции, наиболее данных сохранилось о милингах и езеритах, живших в горных ущельях по склонам горы Таигета. Они неоднократно доставляли много хлопот византийскому правительству набегами на населенные греческие места и восстаниями. Хотя большинство их обращено было в христианство духовенством митрополии Патр, но все же исключительность положения их и известная внутренняя самостоятельность удерживается весьма продолжительное время [18].

В начале XIII в., по завоевании Греции крестоносцами IV крестового похода для подчинения милингов франки должны были построить две крепости, Мистру и Майну. Рифмованная французская хроника, известная под именем Морейской, дает весьма любопытные сведения не только о политической роли этого свободолюбивого славянского племени, но и об особенностях его быта и административного устройства[19]. Когда милинги принуждены были сдаться франкам, то они поставили условием, чтобы за ними была сохранена их свобода, чтобы на них не было наложено податей, и чтобы вассальные отношения их были понимаемы в том смысле, как в прежнее время господства империи[20]. Автор хроники вполне понимает, что франки в этом случае имели дело со славянами [21].

Не останавливаясь более на вопросе о славянских поселениях в Греции, который в половине прошедшего столетия слишком занимал умы греческих и славянских ученых и который, будучи приведен к его реальному значению, не может в настоящее время служить камнем преткновения и соблазна даже для греческих патриотов, сверх меры чувствительных к вопросу о чистоте своей расы, переходим к заключительной оценке поднятого Фальмерайером горячего спора[22]. Несмотря на увлечение и сознательное нежелание признаться в ошибках, которые были ясно доказаны, несмотря на то что, как теперь можно считать несомненным, он всем пожертвовал эффекту чрезвычайного открытия и заведомо несостоятельного обобщения, Фальмерайер оказал бесспорную и притом весьма ценную услугу науке. Прежде всего он побудил греков и славян глубже заняться исследованием источников и точней определить область распространения славян по Греции. Особенно важными результатами сопровождались исследования, направленные к выяснению географических терминов и местных имен на

греческом полуострове, а равно элементов славянского языка в новогреческом. Что касается местных имен, в этом отношении остается значительная разность в выводах между греческими и славянскими учеными. Гопф допускал на 40 географических имен одно славянское. Папарригопуло считал возможным полагать одно славянское имя на десять греческих. Славянские и русские ученые держатся мнения, что три четверти географических имен в Греции славянского корня. Греческий национальный взгляд особенно резко выражен у Сафы[23], но нужно признать, что он стоит на неверной дороге. Он отрицает славянство за такими, например, словами, как Елова, Соха, Пескова, Старова. Он даже утверждает, что чуждые поселения в Греции были совсем не славянские, и доказательство на то приводит в том, что у писателей, поселившихся в Греции, этнографический элемент именуется Σ9λάβοι, а не Σλάβοι. Выводы о влиянии славянского языка на новогреческий можно находить у Крека и у Миклошича.

Борьбой с теорией Фальмерайера открывается пробуждение интереса к средневековой греческой истории, которою греки пренебрегали более, чем это следовало. С тех особенно пор начали изучать древних писателей, стали искать свежего материала в полузабытых архивных делах, в актах патриархата и различных монастырей, в библиотеках и архивах тех стран, с которыми средневековая Греция имела политические или торговые сношения и связи. Вследствие этого пробуждения появились на свет вновь открытые писатели и памятники литературы духовного и светского содержания, которыми бесспорно доказывается как непрерывность греческой истории, так и принадлежность нынешней греческой нации к тому корню, от которого хотела оторвать греков смело пущенная в оборот теория немецкого ученого. Успехи изучения греческой истории имеют влияние на судьбы изучения славянства, т. к. вновь поступившие в обращение материалы осветили некоторые стороны ранней славянской истории, выдвинув в особенности тот факт, что Византийская империя, приняв в свои пределы много славянского населения и не успев поглотить или ассимилировать его, не может быть понимаема и изучаема в смысле прямого и естественного продолжения эллинской истории, подобно тому как империя Карла Великого не есть продолжение Римской империи.

Значение греческого и многообразных инородческих элементов в судьбах истории Византии остается до сих пор далеко еще не выясненным в существенных подробностях вопросом.

В полемике, возникшей по поводу выраженных Фальмерайером мнений об уничтожении греческой национальности в Греции, между прочим, обращено было внимание на следствия моровой язвы, свирепствовавшей в 746/47 г., которая истребила громадное количество населения на Балканском полуострове, на островах и в столице империи. Чтобы несколько восполнить образовавшуюся вследствие того редкость населения, правительство прибегало к разнообразным мероприятиям колонизации. Во Фракию двинута была волна поселений из Сирии и Армении, чем достигались столько же экономические цели, как и политические — введение восточных этнографических элементов в занятую славянами область. Что же касается Константинополя, сюда колонизация направлялась из Греции и с островов, т. е. здесь правительство также

преследовало политические цели, усиливая в столице эллинский элемент[24]. И это тем более заслуживает внимания, что между Исаврийцами Константин был самый сознательный представитель иконоборческой политики и самый энергичный борец за представительство восточных этнографических элементов. Конечно, следствием его распоряжений могло быть усиление славянского движения на греческом полуострове, и без того потерявшем значительную часть населения от моровой язвы; но это не имело такого значения, как если бы сама столица империи не предохранена была от неизбежного и значительного наплыва со стороны армянских, сирийских и славянских колонистов.

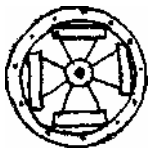
Константин, принимая в столицу греческое население, подчинялся господствовавшей в Византийской империи политической тенденции держать сторону эллинизма и оставить за эллинским народом господствующее положение в Церкви и в администрации. Если только исаврийские императоры в иконоборческой своей системе проводили антиэллинскую политику, то усилением греческого населения столицы они наносили непоправимый удар своим планам. Английский историк Бэри близко подходил к оценке намеченного нами факта в следующих словах по поводу моровой язвы и ближайших последствий: «С одной стороны, громадное число обитателей Греции, державшихся эллинских традиций, или погибло, или было переселено на новые места, где оно подвергалось новым влияниям. С другой стороны, огромная часть населения Константинополя, среди которой сохранились римский обычай и римская традиция, будучи сметена с лица земли громадной смертностью, была заменена чистыми греками, которые не испытывали римского влияния, но подверглись некоторым воздействиям чрез сношения с славянами. Совершался постепенно двойной процесс в Константинополе: новые греческие поселенцы подверглись влиянию византинизма, и в то же время Константинополь стал эллинизироваться в большей степени, чем прежде. Это был важный шаг на пути к образованию эллинской национальности, к каковой цели неуклонно стремилась Византийская империя. Следует особенно подчеркнуть тот факт, что эти перемены отмечают конечное отделение империи от древнего мира и усвоение ею вполне средневекового характера»*.

Несомненно, в этих словах кроется важный смысл и глубокое понимание истории Византии, хотя автор и удержал старый термин «поздняя Римская империя». Роковым несчастьем для этой империи была именно тенденция дать преобладание эллинизму, хотя инородческие элементы врывались в него со всех сторон и громко заявляли о своих правах на признание. Не подлежит сомнению, что вследствие исключительной по нетерпимости церковной политики константинопольского патриарха в V и VI вв. отторглись от церковного единения с Греческой Церковью Сирия, Палестина и Египет Какие печальные политические последствия имело это отпадение, мы отметили выше при изложении истории первых арабских завоеваний. Теперь, в период иконоборческой смуты, в связи с религиозными спорами о поклонении иконам выступают на первый план национальные идеи. Восток вооружается против Запада, и наоборот, и правительство прибегает к мерам искусственной

* Вышеуказанное место

колонизации и размещения народов, чтобы уравновесить эту борьбу и овладеть движением, хотя бы на короткое время. Официальный правительственный тон всегда одинаков: эллинская ли династия на престоле или инородческая — она необходимо находится под влиянием эллинской культуры и разделяет воззрения православной Церкви, господствующей в империи и неразрывной с византинизмом.

Давно уже отмечен любопытный факт: от почти неграмотных или малограмотных родителей во втором уже поколении идет линия высокообразованных и вполне посвященных в тогдашнюю школу людей. В течение иконоборческого периода основная задача византинизма концентрировать все эллинское и давать ему полное преобладание в Церкви и администрации, отсекая чуждые эллинизму элементы, по-видимому, была достигнута. Девятый век и утверждение Македонской династии представляют больше единства в церковной политике и, безусловно, больше последовательности и метода во внешних сношениях с соседями, чем предыдущие эпохи. Но присущая византинизму односторонность, проистекающая из указанной выше роли в нем эллинизма, лишила его податливости и приспособляемости к постоянно нарождавшимся новым историческим условиям, без чего он не оказался способным к эволюции.

Глава XII

Царь Никифор I. Споры двух империй из-за Венеции. Внутренняя деятельность. Преподобный Феодор Студит

Царица Ирина была единодержавной владычицей в течение пяти лет, с 797 по 802 г. Часть этого времени главное влияние на дела имел евнух Ставракий, а после его смерти в 800 г.— его соперник, евнух Аеций. Тот и другой временщики нашли себе при дворе своих приверженцев, и влияние политических партий отражалось на внешних и внутренних делах, не говоря уже о постоянном раздоре церковных партий. Трудно при таких условиях стать на сторону Ирины и говорить о твердости ее характера и последовательности в системе управления. Напротив, нередко собственное ее положение подвергалось опасности вследствие излишней слабости ее и доверия к любимцам. Ирина, устранив сына от власти, открывала дорогу честолюбивым притязаниям вождей придворных партий и предводителей военных отрядов. Ей необходимо было принять во внимание вопрос о преемнике и разрешить династическое затруднение, неизбежно имеющее возникнуть, или кооптацией, или браком, но она об этом не думала, или ей не позволили отнестись самостоятельно к этому делу ее советники и любимцы.

Перед самой смертью Ставракий имел намерение произвести переворот и даже подготовил в столице заговор, подкупив деньгами стоявшие в Константинополе полки. Но за ним следил Аеций, и царица приняла своевременные меры к обузданию Ставракия и ограничению его власти среди войска [1]. По смерти Ставракия все влияние перешло к Аецию, но и этот последний, оставляя царице весь внешний блеск власти и обаяние всеобщего поклонения, под рукой принимал меры к тому, чтобы отыскать преемника Ирины, который основал бы новую династию. Последние годы Ирина была наверху счастья, ей удалось осуществить неслыханные доселе притязания. В законодательных актах, изданных в ее царствование, она обозначала: «Ирина, великий царь и автократор ромэев». Во всем блеске она сделала необычно торжественную процессию в Пасху 799 г., которая так описана в тогдашней летописи: «Из церкви свв. Апостолов она проследовала в позлащенной колеснице, в которую были впряжены четыре коня белой масти; по четырем углам колесницы были четыре патрикия: Вардан, стратиг фракисийский, Сисинний, стратиг Фракии, Никита, доместик схол, и Константин Вои-ла; при этом царица бросала народу щедрые подачки»[2]. В Константинополе она пользовалась большой популярностью, обласканные ею монахи и духовенство оказывали ей всюду почет и внимание. По от-

ношению к столичному населению царица издала ряд законодательных, в высшей степени либеральных мер; так, сняты были с городских жителей повинности, облегчены были таможенные пошлины для ввозимых в город товаров. Этими мерами она приобрела себе имя большой благотворительницы.

И тем не менее, под Ирину подкапывались окружавшие ее царедворцы. Аецию предоставлено было слишком много власти. Он командовал двумя фемами на востоке: Анатоликой и Опсикием; брат же его Лев имел под своим начальством фемы Фракию и Македонию. Когда, таким образом, значительная часть военных сил была во власти всесильного временщика, Ирина оказалась игрушкой в руках партий. В 802 г. явившееся в Константинополь посольство от Карла Великого с предложением Ирине брачного союза могло бы разрешить назревший вопрос о наследстве, но тогда уже был готов заговор в пользу насильственного переворота [3], которым воспользовались, однако, не те, кто его подготовил. В то время как франкские послы были еще в Константинополе, когда обсуждался вопрос «о соединении Востока и Запада», 31 октября произошел совершенно неожиданный переворот. Аеций и стоявшая вместе с ним заодно военная партия, считая почти выполненной свою политическую программу, мало церемонились с партией служилой византийской аристократии, которая в это время успела сплотиться.

Современный событиям летописец так описывает наступивший переворот: «Октября 31-го, индикта II, в 4 часа ночи с воскресенья на понедельник патрикий и главный логофет Никифор свергнул с престола благочестивейшую Ирину попущением Божиим, неисповедимыми судьбами по множеству грехов наших. На стороне его были патрикий и доместик схол Никита и брат его патрикий (и стратиг Фракии) Сисинний из рода Трифиллиев, злых клятвопреступников. К той же партии принадлежали патрикий Лев Серандапих, патрикий Григорий Мусулакий, патрикий и квестор Феоктист и патрикий Петр, привлекший на свою сторону некоторых начальствующих лиц из стоявших в столице полков».

Как видно, во главе движения стояли высшие лица гражданского и военного управления, а Серандапих находился даже в родстве с Ириной— это, конечно, содействовало успешному выполнению переворота, а кроме того, ночное время и недомогание царицы, бывшей в то время в своем любимом дворце Елевферия. Заговорщики обманули стражу около Большого дворца и были свободно пропущены через ворота Халки. Они выдавали себя за исполнителей воли Ирины, которая будто бы под давлением Аеция, желавшего провозгласить царем своего брата, предпочитает возвести на престол логофета Никифора. Таким образом, в ту же ночь совершилось во дворце провозглашение Никифора, а утром коронование в церкви св. Софии. Находившаяся уже под крепкой охраной Ирина принуждена была принять совершившийся переворот и признать Никифора в царском достоинстве. Вынудив у нее признание, где спрятаны ее сокровища, Никифор сначала назначил ей пребывание на острове Принкипо, но через несколько дней заключил под крепкую стражу на острове Лесбосе, где она и умерла в августе 803 г.

Непродолжительное царствование Никифора от 802 по 811г., представляя значительный интерес с точки зрения падающих на это

время событий, не может быть понято и изложено в надлежащем освещении за скудостию и односторонностью летописных известий. В особенности трудно отделить то, что принадлежит личной инициативе и самостоятельному почину Никифора, от унаследованного из предыдущего времени и обязательного для него как члена партии, произведшей политический переворот. Весьма понятно, что Никифора выдвинула враждебная Ирине и ее церковной политике партия: самое его происхождение из провинции Писидии может указывать на его иконоборческие симпатии; к тому же заключению по отношению к его политическим взглядам приводит и то обстоятельство, что константинопольские полки оказались на его стороне, и что войска малоазийских фем, за исключением движения в пользу Вардана, не обнаружили недовольства по случаю переворота. Если вспомнить, как при Ирине чувствительны были военные части ко всякой перемене в политике, то должны будем согласиться, что за Никифором была военная сила, которою Аеций, несмотря на командование главными фемами, далеко не мог распоряжаться. Но нужно отдать справедливость царю Никифору, что он не заявляет себя на престоле человеком партии, но старается действовать в государственных пользах. Так следует понимать то, что сына своего Ставракия, коронованного патриархом Тарасием в 803 г., он женил на афинянке Феофано, родственнице царицы Ирины, как будто желая этим подать добрые надежды приверженцам прежнего правительства.

Предыдущая деятельность Никифора прошла в финансовых ведомствах, вопросы о налогах, податях и таможенных пошлинах составляли его специальную область занятий; и в этой столь важной для государственного хозяйства сфере сделаны им важные улучшения и преобразования, которые не были поняты современниками, подверглись порицанию и осмеянию и сравнены по тяжести с египетскими казнями. Не будучи подготовлен к военным делам, он тем не менее лично участвует в главных походах, от которых зависели судьбы империи, и, как увидим, на войне в трагической обстановке потерял жизнь. Во внутренних и внешних делах в первые годы IX в. назрели вопросы первостепенной важности, с которыми необходимо было считаться и которые нужно было решать так, чтобы не слишком пострадали существенные интересы империи. И нужно признать, что царь Никифор оказался не ниже предъявленных к нему потребностями империи задач. По важности для всего последующего времени и по исключительному значению для занимающего нас периода первое место следует отдать сношениям с новообразованной Западной империей. В то время как в Константинополе происходили описанные события, послы Карла Великого как раз были очевидцами сего происшедшего и должны были оставить столицу Восточной империи, не достигнув той цели, ради которой начаты были переговоры с Ириной. Новое правительство, во всяком случае, не могло продолжать этих переговоров и потому, что держалось других воззрений на предстоящие империи задачи в Италии. Но, отпуская франкское посольство, Никифор присоединил к нему своих уполномоченных, которые имели передать Карлу сведения о восшествии на престол Никифора и, может быть, предложения по поводу вновь народившегося вопроса о двух империях. С точки зрения Восточной империи притязания Карла на титул императора стали еще более спорными, с тех

пор как на Востоке оказался носителем императорской короны законн избранный сенатом и народом и коронованный патриархом мужчина* а не женщина, как это было. Вследствие этого сделанные Карлом предположения насчет заключения мира не встретили в Константинополе сочувствия и оставлены без ответа .

Предстояло прийти к соглашению не только по отношению к границам, т. к. две империи пришли в соприкосновение вследствие завоеваний Карла, но и выяснить сферу политического и церковного влияния обеих империй. Равеннский экзархат, обнимавший сделанные Юстинианом завоевания в Италии, включал в себя Венецию и Истрию, управляемые, впрочем, отдельным дукой. В Истрии было несколько значительных городов, дававших империи дань. С течением времени итальянские владения утрачены были, за исключением Неаполя и некоторых других приморских городов, вследствие лангобардских завоеваний, а после присоединения лангобардских областей к Франкскому государству своими остатками территориальных владений в Южной Италии и несколькими приморскими городами в Средней, Восточная империя вошда в непосредственное соседство с Западной. В одной из предыдущих глав мы достаточно останавливались на возникавших из-за этого соседства затруднениях, которые постоянно держали в напряженном состоянии византийского стратига. Но южноитальянские владения, которыми византийское правительство дорожило больше ради традиции и из самолюбия, до известной степени были обеспечены тем, что Византия владела флотом и постоянно могла доставить в Сицилию военные средства, между тем у Карла военного флота не было. По отношению к южноитальянским владениям, кроме того, Византия выработала уже определенную систему и успела составить в Италии свою партию, которая и поддерживала ее притязания.

Не то в Северной Италии: здесь распространение франкской власти наносило непоправимый ущерб остаткам византийских владений в Венеции и Истрии, т. к. недоставало в этих областях ни греческого населения, ни церковного влияния, исходящего из Константинопольского патриархата, и т. к. образование фриульской марки и имело своей целью поглощение этих византийских владений. Независимо от всего остального, здесь образовалось прочное церковное устройство под главенством Аквилейской епископии, которая распространяет свою церковную власть на Норик и Паннонию. В этих областях суждено было в IX в. разыграться ожесточенной борьбе политических и церковных притязаний, начало которых относится еще к концу IV в., когда 8 местных епископов жаловались императору Маврикию, что франки насильственно вторгаются в их церковные области с миссионерскими целями. Нам необходимо войти здесь в некоторые подробности с целью выяснения политической и церковной миссии, предстоявшей Западной империи на ее восточной окраине.

Начало христианской просветительной деятельности в гористо местности между верховьями Дуная, Адриатическим морем и Боде ским озером падает на время самостоятельности Баварского герцогств. В конце VII в. прибыл в Баварию св. Руперт, епископ Вормса, которому и принадлежит как просвещение герцога истинным христианство, так и основание главного в стране христианского учреждения, монасты-

ря св. Петра в Зальцбурге, который сделался рассадником христианства по всей окрестной стране. Второй проповедник был св. Еммерам, епископ Пуатье. Он пошел с проповедью христианства за границы Баварии в землю славян и аваров, которые при виде его «завыли, как волки». Память его деятельности сохранилась в основанном им монастыре в Регенсбурге. В 739 г. по приглашению герцога Одило прибыл в Баварию св. Бонифаций и положил основание церковному устройству Баварии. Основаны были четыре епископии: в Пассове, Зальцбурге, Фрейзингене и Регенсбурге; все эти епископии принимали участие в распространении христианства у соседних славян. С тех пор как Бавария вошла в состав монархии Карла Великого, как герцог Тассило III был обвинен (787) в государственной измене за союз с аварами против франков и заключен в монастырь, границы Франкского государства доходили на восток до р.Энжи (Enns), впадающей в Дунай. Эта река составляла границу между Баварией и Аварией, или Гуннией, т. е. аварской землей, здесь была пограничная линия затронутой христианской культурой страны и огромных областей, занятых частию народом тюрко-татарского происхождения, частию славянами.

Ближайший славянский народ, живший на юге от Энжи, назывался хорутане, самое крайнее, вдавшееся на юго-запад славянское племя, всего ранее подвергавшееся воздействию западной культуры и христианского просвещения. Судьба авар была решена Карлом уже в то время, как они позволили себе стать на сторону баварцев. Хотя они отправили к Карлу посольство для переговоров о границах, но в 791 г. против них был предпринят первый поход, сопровождавшийся страшными опустошениями аварской страны и имевший последствием уничтожение аварских крепостей до р.Рааба. С не меньшим успехом подобные походы построены были в 795 и 796 гг. Каролингская летопись дает подробное описание этих походов, в которых франкским вождям, маркграфу Эриху Фриульскому и Герольду, шурину Карла, имевшим на своей стороне хорутанского князя Звонимира, удалось почти уничтожить страшное доселе по силе Аварское царство. Громадные сокровища, найденные в главном аварском хринге на р. Тиссе и в каганском дворце, были так разнообразны и многоценны, что их обращение во Франкском государстве временно произвело падение цены драгоценного металла и сильное вздорожание жизненных средств[6].

Непосредственная германизация этой самой западной альпийской ветви славянства начинается в обширных размерах с конца VIII в. С точки зрения восточноевропейской истории, не лишено значения точней обозначить пределы распространения славянства в альпийских ооластях, т. е. в нынешней Австрии. Конечно, результаты исследования будут далеко не лестны для славян, они отступают здесь весьма далеко против первоначальных поселений. Можно полагать границей древнего Расселения славян на юго-западе линию от Аквилеи на Фриуль, к верховьям Дравы, Зальцбургу и Чешским горам[7]. Со времени распространения франкского могущества эта линия стала постепенно отступать на восток. Германизация направляется здесь двумя путями. Прежде всего на восток от Баварии, в области распространения древних альпинийских славян и словинцев. К выяснению этой стороны дела важные свидетельства имеются в дарственных грамотах баварских герцогов

и немецких королей, преемников Карла, в пользу местных монастырей. Так, в 770 г. герцог Тассило жертвует церкви св. Петра местность между Иннихеном и Линцем «даже до пределов славянских», каковая местность была издавна необитаема по причине «неверного славянского народа», который предстояло привести к познанию истины. В 777 г. тот же герцог дарит вновь основанному им монастырю на р. Кремже несколько участков, заселенных славянами, которые занимались земледелием и добыванием соли. В грамоте есть намеки на устройство и форму жизни этих славян, причем названы их старшины, Талиуб и Спаруна, и указаны как такие земли, которые заняты с согласия правительства, так и по самовольной заимке[8]. В одной грамоте Людовика Немецкого читаем: «Наш дед Карл дал своим верным позволение для увеличения церковных владений занимать свободные земли в Паннонии». Таким образом, по окончании походов в Аварию, сопровождавшихся разгромом Аварской державы, открылась широкая волна немецкой колонизации, т. к. свободные земли щедро раздавались военным людям и монастырям.

Не менее того германизация шла на юго-восточном направлении, в страну славян хорутанских. В этой области культурная и просветительная деятельность 1ерманской империи и латинской Церкви шла из Зальцбурга. Еще в 796 г. сын Карла Пипин поручил пастырскому попечению зальцбургского епископа Арно новоприобретенные земли в Хору-тании и Паннонии. В 798 г. Карл подтвердил распоряжение сына и приказал Арно отправиться к славянам, чтобы расположить и приготовить их к принятию христианства. Этот деятельный исполнитель воли германского короля несколько времени пробыл в Хорутании и Паннонии и лично положил начатки церковной организации в этих странах, которая скоро, впрочем, встретилась с противоположной волной христианской миссии, направлявшейся из Константинополя и связанной с именем славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Уже указанное обстоятельство придает рассматриваемому вопросу широкий исторический интерес и побуждает выяснить основания, на которые опирались в конце IX в. в своем церковном споре Восточная и Западная Церковь. Для освещения этого вопроса весьма важное значение имеет полуофициальный памятник, составленный в 871 г. от лица Зальцбургской архиеписко-пии и защищающий ее права на церковную власть у хорутан . Составитель этой замечательной записки начинает историю обращения Хорутании со времени Само и, между прочим, высказывает мысль, которая и доселе еще не может считаться окончательно опровергнутой, что зерно державы Само было именно в Хорутании[10], и что он был князем хорутан. Чем ближе подходит составитель к своему времени, тем больше имеет он под рукой исторического материала, который служит ему для обоснования той мысли, что со времени подчинения этой страны Зальцбургу втечение 75 истекших лет ни один епископ, откуда бы он ни пришел, не имел духовной власти в этой пограничной земле и ни один чужеземный пресвитер не смел более трех месяцев исполнять там церковные требы...

Хотя записка эта имеет полемическую цель — доказать исконное право зальцбургского духовенства на спорную область, но исторические справки в ней получены из хорошего источника и незаменимы для истории страны. Немного спустя после Само авары стали делать жесто-

кие насилия хорутанам. Тогдашний князь их, Борута, вступил в соглашение с баварцами и при помощи их победил авар, но должен был вместе с тем признать над собой и над соседними славянами (в Крайне) власть франкских королей; в обеспечение же своей верности дал в заложники своего сына, который был воспитан в франкских обычаях и в христианской вере.

По смерти Боруты правил хорутанами уже воспитанный в иноземных обычаях Горазд, а после него—Хотимир. Таким образом, уже в VIII в. до времени Тассило хорутанские славяне начали подвергаться влиянию германцев. В записке Зальцбургской архиепископии с особенной настойчивостью выставляется то обстоятельство, что первые проповедники и духовные руководители христианских князей в Хорутании происходили именно из Зальцбурга. Так было до франкского господства, во время управления Зальцбургской Церковью епископа Виргилия; так продолжалось и после, со времени распоряжения Карла Великого, подчинившего вновь завоеванные страны на восток и юг от Баварии пастырскому попечению архиепископа Арно, который посвящал священников и посылал их в славянские земли к князьям и вельможам.

С течением времени сочтено было полезным дать славянам своего епископа; для этого достойным лицом оказался Феодорик, которого послали в славянские земли — к хорутанам и их соседям за р. Дравой. Занимающая нас записка зальцбургского анонима продолжает и далее описывать заслуги преемников архиепископа Арно в распространении христианства у славян. Как можно видеть, подчиненное ему духовенство не ограничилось ближайшими к Баварии областями, но имело притязание на Паннонию, куда с конца IX в. направлена была деятельность греческого духовенства. С начала IX в. области на восток от Баварии, открывшиеся для германизации и латинского церковного влияния, составляли род заслона для обеих империй; некоторое время Византия не обращала внимания на свои восточные окраины, заслоненные аварскими и славянскими поселениями; в конце IX в. среди самих славян обнаружилось политическое и церковное движение, которое не без влияния, конечно, со стороны Константинополя обратило их от Запада на Восток и сопровождалось важными последствиями в истории Византии. Для ближайшего времени интересы империй сталкивались, однако, не здесь, а на побережье Адриатики.

Прежде всего обращает на себя внимание важный процесс, постепенно подготовляющийся в дукате Венеция, которая и после падения экзархата (756), и после подчинения Лангобардского королевства (774) продолжала оставаться под властью империи, хотя утверждение господства Каролингов в Италии ставило ее в весьма затруднительное положение. Находясь под управлением византийской военной власти magister militum, который имел в подчинении и Истрию, дукат, или герцогство, Венеция, под которым следует понимать целый ряд городов и торговых поселений, начиная от Аквилеи и Градо и продолжая до устьев Бренты, в занимающее нас время еще только вступал на путь политического обособления и с большим искусством воспользовался для этого своим положением между сферами влияния двух империй[11]. Без сомнения, Венеции было бы невозможно достигнуть блестящего материального положения и политической самостоятельности, если бы ее не оберегала

взаимная боязнь и соревнование двух сильных соседей. Уже в конце VIII в. здесь заметна попытка избирать наследственных дук, которые притом при своей жизни назначали себе в соправители сыновей или родственников. Византийское правительство смотрело сквозь пальцы на это отступление, лишь бы дука признавал себя в зависимости от империи. Дальнейший шаг к обособлению состоял в учреждении своей епископии в Оливоло, чем ослаблялась связь с Истрией и с патриархатом Градо. Покровительствуемая за свою верность императорским флотом и имея торговые привилегии для своих купцов, которые плавали по всем морям империи и вели прибыльную торговлю с восточными приморскими городами, Венеция очень ясно понимала свои выгоды и хорошо определяла свои отношения к западному и восточному императорам. Организуя итальянское управление, Карл Великий не мог не уступить Венеции некоторых торговых преимуществ в Италии, но, когда прекратились сношения с Византией, он сделал распоряжение о том, чтобы венецианским купцам был запрещен доступ в области прежнего экзархата. Скоро обнаружилась в Венеции борьба духовной и светской партий, первая тянула на сторону франкского, вторая — греческого влияния. Для патриарха Градо это был неизбежный исход, когда Истрия вошла в пределы Франкской монархии. Около 798 г. дука Венеции Маврикий умертвил патриарха Иоанна, на место которого был возведен его родственник Фортунат. Этот последний пользовался личным расположением Карла и сумел благорасположить его к церковной партии и охладить к светской власти в Венеции. В связи с этим по случаю раздоров, в правительственных светских кругах несколько трибунов и нобилей приняли сторону Фортуната и, переселившись во франкскую часть Северной Италии, выбрали дукой одного из трибунов по имени Обелерий. Это было в 803 г. и совпадало с первыми, далеко не удовлетворившими Карла сношениями его и переговорами с царем Никифором. По установившемуся обычаю, дука Обелерий выбрал себе в соправители брата своего Беата и хотел, по-видимому, начать новую эру в истории Венеции, переселившись в Маламокко и Риальто вместе с правительственными учреждениями и знатными фамилиями, и поставить на место епископа в Оливоло диакона Иоанна из своих приверженцев.

Как смотреть на происшедшие в Венеции в 803—804 гг. события? Не может быть сомнения, что это обозначало преобладание в стране императорско-германскои партии, т. к. ясно, что новый дука вступил на место дук, назначенных византийским правительством. Что в особенности заслуживает внимания: Обелерий снарядил флот и направил его в Далмацию, где к нему присоединились византийский дука Павел и епископ Зары. Таково было положение дел, обозначавшее антивизантийское движение по всей Истрии и Далмации. В начале 805 г. оба венецианские дуки и приставшие к ним далматинские уполномоченные, дука Павел и епископ Донат, явились к Карлу с подарками и дали ему ленную присягу на те владения, которые принадлежали Восточной империи. Чтобы оценить всю важность этих событий, которые, впрочем, имели слишком эфемерное значение по своей непродолжительности, достаточно сказать, что это давало бы, прежде всего, Карлу в руки венецианский и далматинский флот, без которого он не мог считать себя в спокойном обладании Италией, затем он приобрел бы этим несравнен-

ные преимущества для осуществления своих политических и церковных панов в соседних с Далмацией славянских землях. Словом, Западная империя без борьбы и без потери одним ударом наносила Восточной империи такое чувствительное поражение, которое лишало бы ее политической роли на Балканском полуострове.

Но и в Византии понимали значение Венеции и Далматинского побережья. Император Никифор весной 806 г. отправил флот под командой патрикия Никиты с целью возвращения к повиновению отложив-тиеся области. По-видимому, не было оказано сопротивления ни в Ве-аеции, ни в Далмации. Венецианский дука Обелерий получил от византийского правительства титул спафария, а его соправитель Беат взят в Константинополь и там удержан под разными предлогами, точно так же и епископ Оливола Христофор. Весьма любопытно, что указанный поворот в положении дел совершался на глазах короля Пипина, которому по акту раздела 6 февраля 806 г. достались Венеция, Истрия и Далмация; присутствие на месте императорского патрикия Никиты и внушительный флот без особенных затруднений восстановили в этих областях власть восточного императора. В 807 г. заключено было перемирие на условиях сохранения произведенного в пользу Византии переворота. По истечении срока перемирия в следующем году снова появился здесь императорский флот под командой патрикия Павла, который имел целью не только защиту византийской провинции, но даже, как показали события, и наступление. Именно, весной 809 г. греческий флот сделал нападение на соперничествовавший с Венецией город Комаккио в долине р. По. Хотя предприятие не было из удачных, тем не менее, из него видим, что царь Никифор далеко не считал потерянным положение дел в Северной Италии. Но вслед за тем произошли события, давшие неожиданный поворот отношениям между империями.

Только что патрикий Павел удалился со своим флотом, как на Венецию сделал нападение король Пипин и в течение шестимесячной осады поставил правительство и богатых венецианских купцов в необходимость переходить из Риальто в Маламокко и другие города, представлявшие трудный доступ для франкской армии. Но в конце концов Пипин одержал верх, принудив к сдаче последний оплот венецианцев и захватив в плен дуку Обелерия и его соправителя. Это была полная победа Западной империи, Венеция должна была признать свою зависимость от Карла и обязаться к ежегодной дани. Многие знатные венецианцы уведены были пленными во Францию. Король Пипин замышлял уже поход в Далмацию, но его остановило приближение византийского флота под командой патрикия Павла. Так сложились обстоятельства на границе между двумя империями в 810 г. Для Византии, несомненно, это была весьма чувствительная потеря, трагический смысл которой усматривается из того, что царь Никифор оказался в то время не в состоянии сделать еще напряжение для борьбы с франками, потому что Восточной империи угрожала гораздо более серьезная и непосредственная опасность со стороны Болгарии. Нужно оценить положение, в котором находился в это время царь Никифор, чтобы понять принятое им решение — начать с франками переговоры на тех условиях, на каких они были прерваны им семь лет тому назад. Весной 810 г. отправлен был им спафарий Арсафий

к королю итальянскому Пипину для начатия переговоров о мире. Но т. к. Пипин умер летом этого года, то Карл пригласил его к себе в Ахен, где происходил обмен мнениями насчет самого существенного вопроса, решения которого Карл домогался,— о Западной империи.

Весной 811 г. Арсафий прибыл с письмом Карла в Константинополь, в котором Карл приветствовал Никифора как брата, давал понять, что Венеция, Истрия и Далмация могут быть снова уступлены Византии, если только за ним будет признан титул императора, титул βασιλεύς, каковым доселе пользовался только император византийский, и, наконец, уведомлял, что для установления точных условий договора прибудет специальное посольство. Когда франкское посольство, состоявшее из базельского епископа Геито, графа Гуго Турского и др. лиц, прибыло в Константинополь, оно не нашло в живых Никифора, погибшего в войне с болгарами. Вновь избранный на царство Михаил Рангави дал согласие на установленные предварительными переговорами условия и отпустил франкское посольство, присоединив к нему своих уполномоченных—митрополита Михаила, протоспафария Арсафия и Феогноста—с богатыми подарками для Карла и с поручением обменяться мирными грамотами. В 812 г. Карл подписал договор об уступке Византии спорных областей на севере Италии и Далматинского побережья и, в свою очередь, торжественно приветствован был со стороны византийского посольства титулом императора. На возвратном пути через Рим посольство виделось с папой Львом, который вручил ему подписанный им акт церковного мира между Римом и Константинополем. В свою очередь, константинопольский патриарх не замедлил отправить в Рим синодик, которым покрывались любовью и братским общением все предшествовавшие недоразумения и раздоры. Таким образом, восстановился мир и доброе согласие между старой и новой империей.

Бросая взгляд на взаимное положение империй и взвешивая громадное политическое и торговое значение спорных областей, мы должны признать, что Карл щедро платил восточному императору за благоприятное для него решение вопроса об императорском титуле. В самом деле, вопрос шел не только об отказе от добытых оружием областей, но вместе с тем западный император оставлял за Византией все выгоды морского преобладания и жертвовал до некоторой степени раскрывшейся перед ним на Дунае и в Далмации сферой влияния на новые народы, которые оставались еще чужды христианству и культурной жизни. Эти уступки были оценены византийскими государственными деятелями, которые на этот раз оказались сговорчивей, чем семь лет назад, и решились пожертвовать дорогой фикцией единой империи на земле в пользу непосредственной и реальной выгоды. Но самый большой выигрыш выпал на долю третьих лиц: Ахенский мир особенной статьей гарантировал границы и торговые права Венеции. Эта статья впоследствии постоянно повторялась в договорах с римскими императорами германской нации, она касалась Истрии и Фриуля и берегов Адриатики от Равенны и Комаккио до Анконы, где венецианцам предоставлялось право свободного передвижения с торговыми целями под условием платы незначительной пошлины. Очень любопытно отметить тот пункт договора, которым венецианцы обязывались давать императору помощь морскими силами в том случае, если он идет войной на славян[12].

В самой Венеции Ахейский договор сопровождался полным переворотом: дука Обелерий отставлен от должности и препровожден в Константинополь, его соправитель Беат бежал в Далмацию. Дукой избран византийский ставленник Агнелл и в помощь ему два трибуна. Центр управления перенесен в Риальто, где новый дука начал постройку дворца для будущих дожей. Находясь в формальной зависимости от Восточной империи и имея определенные договором отношения к Западной, Венеция достигла теперь почти полной самостоятельности во внутреннем управлении и начала приобретать громадное значение как единственный посредник в торговых делах между отдаленным Востоком и Западом. Скоро затем для политического и церковного роста Венеции оказало немаловажное значение совершенно исключительное обстоятельство, именно, перенесение мощей евангелиста Марка из Александрии в Венецию. Во время управления дожа Юстиниана в 819 г. венецианское торговое судно, находившееся в Александрии, прибыло к берегам Венеции с упомянутыми мощами, и со всею осторожностью это ценное приобретение было перенесено в дом правительственных учреждений. На площади Венеции рядом с дворцом дожей по завещанию того же Юстиниана начата постройкой знаменитая базилика св.Марка, патрона Венеции, которая стала национальным памятником и палладиумом Венеции.

Характеристика Никифора наиболее определяется его внутренней деятельностью. Как ни темны краски, наложенные на Никифора современным ему летописцем, все же можно легко видеть, что это был человек большого практического ума, который правильно определил самые слабые места государственного управления и пытался уврачевать их по мере своего уменья. Т. к., главным образом, дело шло о правильном распределении государственных повинностей и податей и т.к. в этом отношении император был суров, не давая пощады ни лицам, ни учреждениям, то понятно, что его финансовая система встретила большое неудовольствие среди современного общества и оставила весьма недобрую о нем память. Попытаемся бросить взгляд на административную деятельность Никифора. Прежде всего он желал обеспечить преемство власти за своим сыном, т. к. иначе та же случайность, благодаря которой он получил царство, могла легко и лишить его приобретенного положения. Хотя сын его Ставракий был мало пригоден к царствованию, тем не менее, он был коронован патриархом Тарасием императорской короной, и его имя стало упоминаться в актах и провозглашениях рядом с именем отца. Династический вопрос и потому занимал царя, что его вступление на престол не обошлось без обычных в Византии военных беспорядков. В феме Анатолика провозглашен был царем стратиг этой фемы патрикий Вардан, военное возмущение сообщилось и другим анатолийским фемам, кроме Армениака. Правда, Никифору удалось разъединить восставших и сделать безопасным Вардана, который сдался на милость царя и постригся в монахи в построенной им обители на острове Проти, но никак нельзя думать, что положение дел на Востоке не внушало серьезных опасений и после того, как восстание было усмирено.

Весьма нелегко представить в надлежащем освещении финансовые мероприятия царя Никифора и вызванное ими раздражение, т. к. неясна

цель, какая преследовалась этими мерами, и т. к. нельзя всего объяснить алчностью, коварством и злой волей, как это делает большинство историков. Между тем, у самого главного нашего руководителя для истории этого времени, у писателя Феофана, встречаем чрезвычайно важные указания, взятые частью из действительной жизни, частью из официальных актов, по которым можно заключать, что финансовые меры Никифора вытекали из реальных потребностей того времени и имели целью не интересы частных лиц, а общее благо. Возьмем самый настоятельный вопрос, составлявший жизненный смысл всего иконоборческого периода, от более или менее правильной организации которого зависело существование Восточной империи; разумеется вопрос о военной повинности, о способах набора и содержания военных людей. Чтобы несколько объяснить представляющиеся здесь затруднения, рассмотрим хотя бы одно место, где говорится о принятых Никифором мерах по усмирению мятежа восточных фем[13]. Сказав, что царь конфисковал имущество Вардана, писатель продолжает: «Воспользовавшись этим случаем, он захватил в фемах всех архонтов и земельных собственников и задержал выдачу жалованья военным людям. Да какое слово в состоянии по достоинству изобразить совершенные им в те дни по Божию попущению и по нашим грехам дела?» Легко понять, что писатель в этом случае судит пристрастно и не хочет войти в положение дела: восточные фемы подверглись наказанию за бунт, и царь имел право наложить подобные наказания. Таким образом, предстоящая нам задача может быть понимаема в том смысле, что принятые царем Никифором меры, возбуждающие негодование писателя Феофана, должны быть объяснены с точки зрения их происхождения и преследуемой ими цели. В истории Никифора у Феофана есть исключительная по своему содержанию глава[14], в которой он собрал в один венок все злодейства царя и, приравняв их к египетским казням, изложил в десяти положениях. Нам всегда казалось, что подразумеваемая глава имеет принципиальный смысл и что объяснение ее заслуживало бы отдельного исследования. Остановимся вниманием прежде всего на тех положениях, которые затрагивают военную систему и земельный вопрос—два жизненные явления, слишком тесно между собой связанные в Византии и составлявшие центральное место в ее осуществлении. Отдельно рассматриваемые места Феофана дают мало для понимания, но, будучи сопоставлены между собой и введены в надлежащую историческую обстановку, они получают значительный интерес. Первое обвинение против императора заключается в следующем: «Безбожными приемами ища всячески унизить войска, Никифор выселил христиан из всех фем и определил устроить их в славянских областях, владения же их назначил на продажу. И стало положение хуже неприятельского пленения: многие в отчаянии богохульствовали и накликали неприятельское нашествие, другие же оплакивали родительские могилы и завидовали счастью умерших, были и такие, что надевали на себя петлю, лишь бы освободиться от мучительной жизни. Ибо благоприобретенную недвижимость не в состоянии были взять с собой, и родительскими трудами нажитое добро пропадало даром. И все были в безвыходном затруднении: бедные — по указанным и другим причинам, о которых скажу ниже; богатые же—из сострадания к ним и по бессилию оказать им какую-либо помощь, так

как и сами ожидали тяжких бедствий. Это началось в месяце сентябре и окончилось к святой Пасхе. Второе вместе с этим бедствие заключалось в том, что он сделал распоряжение об отбывании воинской повинности бобылями и об вооружении их на счет соседей*, обязав их доставлять в казну по $18^1/_2$ номисм в качестве круговой поруки перед государством».

К земельным мерам относятся еще следующие два бедствия, помеченные у Феофана номерами 3 и 4: это, во-первых, распоряжение о проверке земельных участков и о повышении с них податей; во-вторых, отмена сделанных прежде облегчений в уплате повинностей. Между прочим, в вину императору поставлено и то, что введена плата в 2 кератия на письменные акты**, может быть, напоминающая наши гербовые пошлины. Итак, мы рассмотрели четыре казни из десяти, относящиеся более или менее к однородной сфере, и, конечно, не имеем никакого основания признать меры Никифора исключительными или особенно жестокими. В частности, что касается выселения военных людей из некоторых фем в славянские области, эта мера так была обычна в империи во все времена, что следует удивляться той картине бедствия, какая нарисована автором. Весьма вероятно, что здесь нужно видеть один из случаев обмена населения Малой Азии и Балканского полуострова, вызванный на сей раз непокорным духом азиатских фем, выразившимся, между прочим, и в возмущении патрикия Вардана и имеющий скоро затем сказаться в бунте Фомы. Но правительство организовало систему переселений на началах наделения землей на новых местах поселения и, конечно, не допускало такого разорения, о каком свидетельствует текст Феофана. Можно заметить, что заключительные слова писателя: «Началось с сентября, а окончилось к Пасхе» — позволяют предполагать здесь применение правительственной системы перевода крестьянского населения из одной местности в другую. Что касается той местности, куда именно направлялась колонизация, это не так легко определить. «Славиния» — это термин часто употребляемый у Феофана и притом для различных славянских областей в Македонии и Фессалии. Нам бы казалось наиболее вероятным думать здесь о Паннонии как стране, освободившейся для колонизации вследствие распадения Аварского царства. Приведенные места возбуждают ряд других вопросов. Почему предпринятая правительством колонизация должна была неблагоприятно отразиться на военных людях? Не потому ли, что переселенцы— «христиане» — были именно часть войска и наоборот? Здесь писатель двумя-тремя штрихами дает указание на существо фемного устройства, в котором военная служба шла с земельных участков, так что часть государственных земель в каждой феме была отделена под военные участки, владельцы коих записаны были в военное звание.

После данных объяснений становится понятным то, что принятая мера должна была лечь тяжким бременем на фемное войско. Военная служба и повинности разлагались на оставшихся на местах крестьян вследствие закона о круговой поруке, о которой речь идет во втором обвинении против Никифора. Как второе его злодеяние писатель

* Προσέταξε στρατεύεσδαι πτωχούς και έξοπλίζεσται παρά των όμοχώρων.
** Παρέχοντας καί χαρτιατικών ένεκα ανά κερατίων β'.

указывает именно увеличение тягостей военной службы, т. к. с привлечением к отбыванию воинской повинности бобылей или лиц, не имевших за собой достаточных наделов, доходами с которых могли бы содержаться пешие или конные воины, обязанность вооружить и содержать такого воина возлагалась на соседей. Такая повинность, переложенная на монетную единицу, выражалась в сумме 18 1/2 номисм, т. е. приблизительно от 60 до 70 р. на наши деньги. Принимая в соображение акты, касающиеся организации военно-податных участков в Византии в X в., к рассмотрению которых мы придем ниже, нужно признать, что при Никифоре I ценой в 18 $^1/_2$ номисм определяются расходы по содержанию на войне пехотинца. Кроме того, следует здесь отметить, что упоминание о круговой поруке и об обязанности соседей (όμοχώροι) содержать на свой счет неимущего воина вводит нас в такую организацию военно-податных и земельных отношений, которая свойственна славянам. Наконец, в третьем и-чет-вертом пунктах обвинений против Никифора ставятся ему в вину увеличение податей и отмена сделанных прежде послаблений. Может быть, что здесь имеются в виду специально те изъятия, которые сделаны были в последние годы Ирины, именно уменьшение таможенных пошлин с товаров, ввозимых в Дарданеллы и Босфор[15], равно как облегчение от других повинностей, а может быть, и общая мера, распространенная на землевладение, промышленность, торговлю и проч. В частности, обложение письменных актов податью в 2 кератия, напоминающее наш гербовый сбор, едва ли может быть предметом для серьезных упреков, тем более что керат составляет мелкую единицу ценностью от 15 до 20 коп. на наши деньги.

Едва ли следует придавать серьезное значение и пятому обвинению· «С первого года вступления на царство он обложил подымной податью крестьян, приписанных к богоугодным заведениям: сиропи-тательный дом, странноприимный, для престарелых, равно как церковных и монастырских крестьян. Кроме того, приказав взять в царское заведование наиболее доходные имущества, лежавшие на них подати возложить на оставшихся за богоугодными домами крестьян, так что податные сборы возросли вдвое, а хозяйства и усадьбы уменьшились». Оценка этой меры Никифора зависит, конечно, от общего взгляда на привилегии, какими пользовались монастырские и богоугодные учреждения, равно как от свойства самой подати, называемой подымной. Нет нужды доказывать ту мысль, что в интересах государства привилегии в пользу одного класса или учреждения должны уравновешиваться услугами, приносимыми государству. Что же касается характера подымной подати, в этом отношении определенного заключения еще не установлено. По одним мнениям, она соответствует поголовной подати. По другим же — представляет особый ряд обложения. Не может быть сомнения, что это подать с дыма или с огня; есть данные для определения величины этой подати — от 40 до 50к. на наши деньги. Отяготительность ее основывалась не на величине, а на тех обстоятельствах, на которые указано у писателя, т. е. на том, что подать собиралась не с действительного числа дымов, а с фиктивного, вследствие чего она могла возрастать соразмерно с уменьшением населения в данной местности [16]. В нашем случае тяжесть этой подати основывалась на том, что

Никифор обратил некоторые имения в царское заведование или попечение. Куратория, как обозначен этот род заведования, обозначает обращение той или другой недвижимости на потребности царского хозяйства. Вместе с этим экономическое и административное распоряжение данным имуществом поступало в особое учреждение, зависящее от дворцового ведомства. Таким образом, и эта мера, как бы она ни была обременительна, не составляет чего-либо исключительного, напротив, была применяема и в других государствах и держалась до новейших времен. Значение ее получает объяснение в связи с некоторыми мерами, принятыми Никифором против монастырских привилегий.

Пропуская затем совершенно не имеющие значения обвинения в мероприятиях против искателей кладов и в обложении податями живого товара — рабов, если они были куплены в Кикладских островах, переходим к девятой и десятой вине Никифора, которые изложены следующим образом: «Он принудил приморских жителей, занимающихся мореплаванием, преимущественно малоазиатских обитателей, никогда не живших земледелием, покупать присвоенные им себе земельные участки». В особенности следует отметить десятую вину: «Собрав более значительных торговых людей Константинополя, он возложил на них обязательство взять двенадцать литр золота с выплатой процентов по четыре керата на номисму и с несением обычных торговых пошлин».

Оба приведенные акта, если только они проведены были чрез законодательство, представляли бы весьма большой интерес, но в том виде, как они изложены у Феофана, возбуждают некоторые сомнения. Если император стремился к поощрению торговли, то странно было бы отвлекать мореплавателей к занятиям земледелием. Некоторый свет бросает на этот вопрос система военной морской службы, основанная на землевладении. Как служба на коне, так морская служба и пешая построены были в Византии на системе владения земельной собственностью. Доселе принято было думать, что окончательная организация военной службы на системе землевладения относится к X в. и вообще принадлежит царям Македонской династии. Если только мы правильно понимаем место Феофана, девятая вина Никифора именно и заключается в первом опыте обязательной приписки к земельному участку тех лиц, которые должны нести военно-морскую службу.

Наконец, что касается десятой вины, она представляет весьма любопытную финансовую операцию, заключенную на выгодных условиях для той и другой стороны. В данном случае нужно подразумевать на одной стороне казну, на другой — торговых людей столицы Государство делает ссуду в 12 литр золотом за проценты в четыре керата с номисмы. Принимая в соображение, что золотая литра составляла 72 номисмы или перпера, а в каждой номисме следует полагать от 4 до 5 р. на наши деньги, мы можем принять, что данная в ссуду сумма достигает 20 000 р. и что процент в четыре керата на номисму составит 6—70коп. на 4р. или ок. 16 процентов на 100. Легко понять, что это составляло бы даже в наше время далеко не чрезвычайно высокий рост, а в начале IX в. нечасто можно было найти ростовщика, который бы согласился дать ссуду за 16%. Как же понять упрек, посылаемый царю Никифору за эту финансовую сделку с константинопольскими купцами? Весьма вероятно, что имелась какая-либо

государственная надобность, для удовлетворения которой Никифор обратился к общественной предприимчивости. В этом отношении можно присоединиться к мнению профессора Ламброса, который говорит: этим распоряжением имелось в виду вызвать содействие к постройке больших судов, которыми можно было бы воспользоваться в случае необходимости и для военных целей[17]. К подобным мерам и в другое время византийское правительство прибегало для постройки торгового флота, который служит и для военных целей, пока при Василии Македонянине не был организован государственный военный флот.

Из предыдущего можно вывести заключение, до какой степени пристрастна оценка деятельности Никифора у того писателя, по сообщениям которого мы должны писать его историю. В особенности в той области, которая касается церковной политики или, еще ближе, системы иконопочитания — наш источник отличается крайней односторонностью и пристрастием. Никифор не принадлежал к приверженцам иконопочи-тателей и не разделял взглядов царицы Ирины на положение Церкви и духовенства в государстве, но следует отдать ему ту справедливость, что в этом отношении он поступал довольно осторожно. Со смертию патриарха Тарасия в 806 г. и с избранием в патриаршее достоинство Никифора, бывшего до того на государственной службе в должности секретаря (асикрит) и возведенного в высший церковный сан из светского звания, определенно выступает на сцену церковная политика. Здесь нам предстоит говорить о столкновении царя с игуменом Студийского монастыря, знаменитым в церковной истории Феодором Студитом.

Еще до решения вопроса об избрании нового патриарха царь обратился с запросом по этому делу к игумену Феодору и дяде его, старцу Платону. В ответе на царское приглашение высказаться о кандидате на патриаршество Феодор, между прочим, выразил следующую мысль по общему вопросу об отношении светской власти к духовной: «Бог даровал христианам два дара — священство и царство, ими устро-яется земное и небесное. Если хотите доставить вашему царству величайшие блага, то да получит Церковь себе представителя, равного вашей царской доблести» [18]. По всей вероятности, царю был достаточно понятен намек, что Церковь нуждается, с точки зрения студийского игумена, в большей самостоятельности и независимости от светской власти, но он едва ли мог разделять это мнение. Во всяком случае, при избрании патриарха восторжествовала воля царя, и выбор остановился на асик-рите Никифоре, который в Пасху 12 апреля возведен в патриархи вопреки желанию Платона и Феодора, не одобрявших хиротонии нового патриарха и замышлявших из-за этого схизму[19]. Так резко выраженное положение игумена Феодора против царской воли побуждает нас остановить внимание на этом церковном деятеле и ознакомиться с его ролью. Уже и то обстоятельство, что в самой почти середине иконоборческого периода мог образоваться такой крупный характер с определенным православием церковным направлением и высоким богословским образованием, составляет такое любопытное явление, мимо которого нельзя пройти историку.

В кратких чертах вот та обстановка, в которой вырос Феодор Студит. Родившись в Константинополе ок. 759 г. в служилом классе византийского дворянства, он вынес из детства православные религиоз-

ные представления и получил достаточное первоначальное образование в доме отца своего, квестора Фотина. Возвышенными качествами своего характера он обязан был своей матери Феоктисте, также происходившей из среднего столичного общества и представляющей собой симпатичный тип матери. Семейство Фотина и Феоктисты состояло из троих сыновей— Феодора, Иосифа и Евфимия—и одной дочери; в близкой, не только родственной, но и духовной связи с этой семьей стоял брат Феоктисты Платон. Весьма существенной чертой, выражающей нравственное направление тогдашнего общества, служит то, что в царствование Ирины и Константина VI вся эта семья покинула мирскую обстановку и избрала монашеский род жизни. Семи лет Феодор начал обучаться грамоте под руководством особого учителя и в дальнейшем прошел обычный в средние века курс грамматики, риторики и философии, перейдя в заключение к изучению Священного Писания и святоотеческой литературы. Вместе с отцом и матерью и братьями Феодор вступил в монастырь 22 лет от роду, когда перед ним начала открываться общественная деятельность. Это было в 781 г. Было ли это влияние игумена монастыря Символов в Вифинии, т. е. брата Феоктисты Платона, который тогда уже пользовался влиянием в высших кругах общества, или же объясняется это религиозным подъемом, наступившим со времени принятия государственного управления Ириной, не беремся решать, но дальнейшая судьба этой семьи и роль Платона и Феодора в истории начала IX в. служат лучшим выражением изучаемого периода. Первоначальные аскетические подвиги семьи Фотина относятся к местности, весьма известной монашескими колониями в пределах Олимпа, на ма-лоазийском берегу. Здесь, в местности, составлявшей владение семьи, основан был монастырь Саккудион, управление коим принял на себя игумен Платон. Феоктиста с дочерью была пострижена в одном из женских монастырей.

В 788 г. Феодор был посвящен патриархом Тарасием в пресвитерский сан. Это было сейчас же после VII Вселенского собора. Феодор имел тогда около 30 лет от роду, и хотя не принимал участия в соборе, но имел случай высказать свое неодобрение действиями патриарха. Именно: он стоял на стороне применения строгих мер против нарушителей церковных канонов и не находил целесообразным слишком снисходительное отношение собора к иконоборческим епископам, которые так легко были прощаемы и оставляемы на своих кафедрах. В оценке значения самого собора он скорей приближался к латинской точке зрения[20], т. е. высказывал мысль, что на нем не было действительных уполномоченных от восточных патриархов, и что римские послы совершенно случайно попали на собор, будучи в то время в Константинополе по другим делам. В 794 г. Феодор был избран в игумены монастыря на место Платона.

Первый случай к открытому выступлению Феодора на широкий путь общественной деятельности, доставивший ему большую известность и влияние в церковных и общественных консервативных кругах, подал брак царя Константина с Феодотой, которому предшествовал насильственный развод с Марией. Как известно, этот брак был совершен с нарушением церковных правил; патриарх, уклонившись сам от венчания царя с Феодотой, как того требовал обычай, допустил, чтобы

бракосочетание совершено было игуменом монастыря Кафары Иосифом [21]. Вокруг игумена монастыря Саккудион Платона и его племянника Феодора образовалась тогда значительная партия церковных людей, поставивших целью выразить протест против церковной власти, допустившей неканонический брак императора. Что придало острый характер начавшемуся тогда церковному раздору, это то обстоятельство, что новая царица состояла в родстве с семьей Платона и Феодора. Правительство употребило ряд мер, чтобы смягчить недовольство монашеской партии, но игумен Саккудиона оставался непреклонен и, ссылаясь на Священное Писание и творения свв. отцов, утверждал, что как член Церкви он обязан охранять чистоту церковных канонов даже вопреки мнению высшей духовной власти. Царица думала тронуть Феодора подарками, император решился даже лично посетить монастырь, но все попытки оказались безуспешны и не тронули Феодора. Тогда, по приказанию царя, отправлена была в монастырь военная команда; игумены и монахи подвергнуты бичеванию, Платон отведен под стражей в столицу, а Феодора с 11 товарищами отправили в заточение в Солунь. Но узники на пути к месту ссылки были предметов особенного внимания местных властей и торжественно были встречаемы на местах остановок окрестными поселянами[22]. И в самой Солуни, куда Феодор прибыл 25 марта 796 г., ссыльным оказано было внимание светской и духовной властью. Феодору предоставлена была свобода заниматься его любимым делом, из Солуни написано им несколько писем.

Когда в июле 797 г. Константин был лишен власти по происками своей матери и жестоко ослеплен, Феодор и его товарищи немедленно вызваны были в Константинополь, где им устроена торжественная встреча, и поводы к дальнейшей их оппозиции, казалось, были окончательно устранены распоряжением патриарха Тарасия, запретившего священнослужение тому пресвитеру Иосифу, который венчал Константина и Феодоту. Около 2 лет затем Феодор оставался в своем монастыре, пока нашествие арабов в 799 г. не побудило его бежать в столицу, где, впрочем, его ожидала более широкая общественная и церковная деятельность в новом почетном звании, предложенном ему царицей Ириной,— игумена монастыря Студия, откуда и удержалось за ним наименование Студита. Здесь в этом монастыре вместе с трудами по устроению монашеской жизни вырос церковный и общественный авторитет Феодора, с которым едва ли может идти в сравнение какой-либо другой авторитет, не облеченный никакими официальными полномочиями. Имя Феодора, постепенно получившее широкую известность и почет как в высших кругах, так среди черного духовенства и простого народа, привлекало в монастырь Студия общественную и частную благотворительность и возвышало значение этого учреждения, которое в небольшой период времени сделалось первоклассным монастырем столицы и заключало в себе до 1000 монахов. В таком состоянии находился монастырь, его игумен считался одним из первых авторитетов по вопросам монастырского устройства и церковной дисциплины, когда в начале 806 г. поднят был вопрос о канонических нарушениях при избрании патриарха Никифора.

Трудно высказаться определенно, имели ли Платон и Феодор своих кандидатов на патриаршую кафедру, и питал ли игумен Студий-

ского монастыря намерение быть патриархом[23]. Во всяком случае, для императора не мог быть желательным такой настойчивый характер на кафедре патриарха и такой прямолинейный выразитель независимости духовной власти, каким неоднократно уже заявлял себя Феодор Студит. Избрание Никифора, человека высокого образования и хорошего общества, имело с точки зрения студитов тот важный недостаток, что избранный на эту высшую церковную должность не проходил последовательно духовных степеней и взят прямо из светского звания, а этот не раз уже и прежде допускавшийся обычай много повредил Церкви. Царь ввиду открытого сопротивления студийских старцев готов был изгнать их из города, но приближенные объяснили ему, что это может повести к большим неприятностям, почему царь удовлетворился временным заключением под стражу игуменов Платона и Феодора. Но ближайшие распоряжения нового патриарха вызвали новый протест со стороны студитов. По настоянию императора патриарх снял запрещение с игумена Иосифа, бывшего под эпитимией по делу о венчании Константина VI. Из этого, однако, возникла серьезная церковная смута. Чтобы разрешить вопрос об Иосифе, составлен в Константинополе поместный собор, на который получил приглашение и студийский игумен. Собор стал на сторону патриарха и признал правильным его решение об Иосифе вопреки горячо защищаемому Феодором противоположному мнению. По этому делу, поднявшему горячие споры между высшим духовенством и монашескими кругами, примкнувшими к студитам, между прочим, был пущен в обращение принцип «спасительной экономии» или принятия таких решений, которые, хотя и не соответствуют абсолютной справедливости, но предупреждают обнаружение еще большего зла. Во имя такой экономии, чтобы не раздражать царя и не наносить обиды патриарху, собор простил Иосифа и находил справедливым разрешение ему священнодействия, между тем студийский игумен, держась другого принципа и стоя на канонической почве, требовал обвинения Иосифа и запрещения ему священнодействия и, в противном случае, угрожал великим расколом в Церкви. Студиты прекратили общение с патриархом и в течение 2 лет держались в стороне от официальной Церкви.

В 808 г. по случаю заговора на жизнь императора начались розыски и допросы среди духовных лиц и, между прочим, следователь допрашивал брата игумена Феодора, архиепископа солунского Иосифа, «почему он не имел общения с двором и патриархом». Этот ответил: «Я не имею ничего ни против благочестивых императоров, ни против патриарха, но я против эконома Иосифа, который повенчал прелюбодея и за это низложен по священным канонам». Следователь, тогдашний логофет дрома, сказал ему: «И наши благочестивые цари не нуждаются в твоих услугах ни в Солуни, ни в другом месте». Тем не менее, ненормальные отношения между правительством и студитами продолжались без перемены; Феодор в письмах к патриарху и к своим приверженцам упорно защищал принятую им точку зрения и не соглашался на уступки в смысле «спасительной экономии». В этом отношении он шел весьма далеко, подрывая авторитет собора и право патриарха принимать окончательные решения в делах Церкви. «Собор,— говорил он,— не есть простое собрание епископов и священников, хотя бы их было и много, но собрание во имя господа в мире и верности канонам. Власть

иерархам дается ни в каком случае не для нарушения правил, в противном случае каждый епископ может стать новым евангелистом». Это, конечно, весьма либеральные идеи, которые никак не могли быть приняты официальной Церковью. Современники хорошо понимали, что уступка Феодору в деле Иосифа могла повести к новым требованиям с его стороны; было известно, что он переписывался со своими приверженцами в Риме и обращался к папе с просьбой, чтобы он выступил в качестве верховного судьи в делах Константинопольской Церкви.

В 809 г. против студитов были приняты административные меры: игумены Платон и Феодор и солунский архиепископ Иосиф были взяты под стражу и заключены в монастырь Сергия и Вакха, и для разбора всего дела созван собор. Хотя деяний этого собора не сохранилось, но есть полная возможность составить понятие о постановлениях его по письмам Ф. Студита. Признав, что действия патриархов Тарасия и Ники-фора в деле о браке царя Константина с Феодотой вызваны были «спасительной экономией», собор постановил подвергнуть отлучению тех, кто не принимает принципа экономии Обвиняемые были приглашены в заседание собора и выслушали произнесенное на них осуждение, затем они были заключены в разные монастыри на Принцевых островах. Феодор Студит продолжал, однако, пользоваться известной свободой и продолжал вести оживленную переписку с приверженцами и почитателями, разъясняя свою точку зрения и опровергая постановления собора. В особенности отличаются необычным для восточного православия духом полные ласкательства письма к папе Льву III: «Так как Петру Христос даровал вместе с ключами царства небесного и достоинство пастыреначальника, то к Петру или его преемнику необходимо относиться по всем новшествам, вводимым в кафолической Церкви отступниками от истины». Внушая папе мысль опровергнуть составленным в Риме собором постановления Константинопольского собора, он говорит: «Если они не побоялись составить еретический собор, хотя не властны составлять и православного собора без вашего ведома, то тем более справедливо было бы твоему божественному первоначальству составить законный собор и православным учением отразить еретическое»[25].

При довольно натянутых отношениях в это время между Римом и Константинополем, когда еще только подготовлялся мирный договор между империями, сношения Феодора с папой слишком сильно затрагивали императора и патриарха, но против него не было принято никаких репрессивных мер царем Никифором. Это должно служить достаточным аргументом против обвинений его в жестокости и несправедливости. Дело студитов закончилось по смерти императора Никифора в войне с болгарами в 811 г., когда на престол вступил зять его, куропалат Михаил Рангави. По его желанию патриарх Никифор вновь наложил запрещение на эконома Иосифа и таким образом уничтожил повод к церковному соблазну. Студиты примирились с Церковью и снова возвратились в монастырь. Но церковно-политическая роль игумена Феодора только начиналась: через три года ему суждено было вновь выступить против светского и духовного правительства в более важном вопросе.

Рассматривая известия о внутренней деятельности Никифора, переданные в слишком неблагоприятном освещении современной хрони-

кой, мы должны прийти к выводу, что в мероприятиях его не видно случайности и страстности, какая часто может быть отмечена у Константина V, и что, напротив, в церковной политике Никифора заметна скорей нерешительность, бывшая причиной, между прочим, так долго волновавшего умы спора о законности венчания Константина VI и Феодоты. Что касается финансовых мероприятий, то Феофан, по всей вероятности, не входил в их оценку и передал лишь народный взгляд на тяготу податей и пошлин. «Никифор, усиливая притеснения христиан, установил систему безбожных дозоров при покупке всякого рода домашнего скота и плодов, несправедливые конфискации и поборы с имущественных лиц, назначил рост на постройку судов — он, который законом установил отмену роста и ввел другие бесчисленные вредные измышления, исчислением коих можно бы сделать обременительною нашу историю»[26]. Как приведенное место, так и то, что читается у нашего историка несколько ниже, обличает или непонимание, или пристрастие: «Сделал распоряжение, чтобы военные люди имели в рабском подчинении епископов и клириков, чтобы распоряжались на владельческом праве епи-скопиями и монастырями и злоупотребляли имуществами Церкви; золотые и серебряные сосуды, искони посвященные Богу, употреблял на частную потребность и позволил себе объявить догму, что священные церковные предметы могут быть обращены на общественную надобность, подобно тому, как Иуда говорил о мире Господнем». Легко видеть, что здесь весьма слабо выставлены обвинения, они выражены в слишком общих чертах и не могут характеризовать деятельность царя Никифора.

По нашему крайнему разумению, все приведенные места относятся к начаткам системы обращения обширных церковных владений на государственную службу. Выше мы упоминали об обращении церковных владений в государственную кураторию, теперь очевидно писатель имеет в виду то же самое явление. Через сто лет государство придет на этой почве к учреждению прении — условной отдаче монастырских земель светским людям с обязательством отбывания воинской службы. Таким образом, и в этом случае мероприятия Никифора не имеют того характера личной наживы, святотатства или алчности, как они представлены у Феофана. У того же писателя есть очень выразительное место, лучше характеризующее Никифора, чем многое другое, сказанное в обвинение ему «Он относился с неодобрением ко всем своим предшественникам за то, что они не умели управлять государственным кораблем. Всецело отрицая Промысел, он утверждал, что ничто не может противостоять державному государю, если только он сумеет воспользоваться находящеюся у него властью»[27].

Глава XIII

Болгаре в первой половине IXв. Крум и Омортаг. Тридцатилетний мир

В занимающий нас период[1] обнаруживается значительный подъем в пограничной с Византией стране, воинственные правители которой своими опустошительными набегами на фракийские равнины и города постоянно держали империю в опасности. Тем с большим вниманием следует отнестись к происходившему тогда культурному перелому в Болгарии, что он совершался под влиянием многоразличных соседских сношений с Византией. Уже и прежде было замечено, что не раз целые семьи болгарских ханов и их ближайших бояр переходили в Византию и оставались здесь на более или менее продолжительное жительство.

В самом конце VIII в. при Ирине и Константине заметно стремление болгарских владетелей распространить свою власть на македонских славян, но Константин VI в 791 г. предпринял поход в Болгарию с целью отвлечь Кар дама от участия в движении македонских славян[2]. Упомянутый хан был весьма серьезный соперник: в следующем году это испытал царь Константин, потерпевший от болгар страшное поражение близ крепости Маркеллы. По ходу дела ясно, что это укрепление было на границе и что там находился земляной вал, возведенный болгарами против империи[3]. Испытанное здесь унижение и громадные потери возбудили в столице такое сильное недовольство, которое угрожало избранием нового царя. Константин предупредил, однако, опасность актом крайней жестокости, приказав старшего дядю ослепить, а прочим четверым отсечь языки. Можно думать, что после этой победы болгаре выговорили себе ежегодную денежную выдачу со стороны империи; по крайней мере, об этом говорят притязания Кардама, предъявленные в 796 г.: «Или уплати мне договорное, или я дойду до Золотых ворот и опустошу Фракию», на что получился ответ: «Ты стар, зачем беспокоиться и идти сюда, лучше я приду в Маркеллы, выходи туда, а там — что судит Бог». Военные отряды с той и другой стороны сошлись неподалеку от Адрианополя, где простояли 17 дней, не вступая в сражение[4].

Сообщенными фактами исчерпываются наши сведения о Болгарии до конца VIII в. Новое направление внешней и внутренней политике этого государства, постепенно приобретавшего первостепенное значение для империи, дали ханы Крум и затем Омортаг. Чтобы понять усиление Болгарии в начале IX в., мы должны, между прочим, принять в соображение и происшедшие на западе события, т е. ослабление Аварского царства и открывшуюся вместе с тем свободу для славян колонизовать новые земли по Дунаю и Тиссе. Вместе с тем, во главе Болгарии становится далеко не заурядная личность, хорошо оценившая положение

вещей и перенесшая центр тяготения болгарских политических притязаний с Юга на Запад. Крума нужно считать современником Никифора по вступлению на престол, и вместе с тем это был такой соперник, какого Византия еще не знала между болгарскими вождями. Он не только владел в совершенстве военным искусством, но не лишен был дара больших политических комбинаций, дав новое направление внешней политике Болгарии и хорошо выбрав наиболее уязвимые места империи, на которые можно было с успехом сделать нападение. До сих пор главная цель болгар сосредоточивалась в установлении более или менее твердой границы к югу от Балканов во Фракии, западные области менее подвергались опасности, и Византия оберегала себя здесь рядом укрепленных городов, между которыми Среден, или София, занимал важное место. Наиболее серьезные столкновения в области Стримона на юго-западной границе Болгарии начинаются к 809 г. Можно думать, что здесь была довольно хорошая военная организация, и едва ли страна не была уже подведена под фемное устройство ввиду пограничного ее положения с болгарами. Во всяком случае, при изложении событий, относящихся к 809 г. и сопровождавшихся для Византии громадными потерями, современная летопись отмечает такие подробности, которые дают подтверждение высказанному соображению.

В то время как правительство прислало в Стримонскую область жалованье военным людям и приступило к раздаче его, неожиданно напали болгаре и произвели сильное побоище. «Убит был стратиг и с ним много войска и именитых военных людей, как из Стримонской области, так и из других фем, разграблен и увезен весь военный снаряд»[5]. И обозначенная точно сумма, подлежавшая раздаче,—1100 литр золота, или 11 талантов, т. е. около 320000 рублей на наши деньги,— достаточно показывает, что имеем здесь дело с большой военной организацией*. Но это было лишь началом тех унижений, какие пришлось испытать Византии от Крума. Перед Пасхой того же года он осадил Софию, или Сердику по тогдашнему произношению, и взял город, разбив византийское войско, доходившее до 6 тыс. По-видимому, удар был совсем неожиданный, но переход Софии под власть болгар так затронул интересы Византии, что царь Никифор поспешил предпринять поход во вторник на Страстной неделе, объявив столичному населению, что он надеется праздновать Пасху в ауле Крума. Но оказалось, что в лице этого хана Никифор имел такого соперника, какого еще не было между ханами, предшественниками Крума. Поход на этот раз был безуспешен, т. к. в войске обнаружилось враждебное к царю движение.

Но самое важное, что отмечено и у Феофана и что давало болгарам неоднократно перевес в борьбе с Византией, это были перебежчики. На этот раз на сторону болгар перешел спафарий Евмафий — специалист по инженерной науке, каких в Болгарии еще не было, а если и были, то из греков. Как бы то ни было, Никифор не мог оставить Софию во власти Крума, т. к. этим завоеванием открывались для болгар неограниченные перспективы на западе, расширявшие их власть над разъединенными славянскими коленами. Никифор принял все меры, чтобы

* Любопытно сравнить выдачу феме Армениак в 13 талантов (Theoph 489, 21)

приостановить усиление Болгарии, и два года готовился к походу. В 811 г., имея в своем распоряжении громадные военные силы, набранные во Фракии и азиатских фемах, царь Никифор подступил к границе Болгарии. Крум послал к нему в Маркеллы предложение о мире, но на этот раз царь решился нанести удар в самое сердце Болгарии, для чего не побоялся опасных балканских проходов и счастливо миновал их 20 июля.

Есть основание предполагать, что между окружающими царя лицами готовилась измена: оказывается, что некто из приближенных к нему рабов по имени Византии бежал к Круму, захватив царскую одежду и десять талантов золота. Но первые сшибки с врагами были благоприятны для царя. Не только он миновал балканские проходы, но, нанеся поражение болгарам, захватил ханскую столицу, которая находилась в то время в Плиске, или нынешней Абобе, собрал богатую добычу и предал огню аул Крума[6]. Но весь этот успех не обеспечивал за Никифором победы. В начале IX в. болгаре имели уже свои укрепления на юг от Балканских гор — земляной вал, или эркесию; кроме того, в их распоряжении могли оставаться балканские горные проходы, если только Никифор не оставил достаточных сил для охраны их. Скоро обнаружилось, что победоносное войско оказалось запертым: впереди был Крум с войском, отрезавший движение на север, в тылу горные проходы, укрепленные по приказанию хана деревянными сооружениями. Византийский отряд оказался в отчаянном положении: «Нельзя избежать погибели, разве обратившись в птицу»,— говорили между собой люди. Два дня войско было в томительном ожидании, в ночь на третий день в лагере послышался шум приближавшихся вооруженных врагов, и утром следующего дня, 26 июля, индикта 4, произведено было нападение на византийский лагерь.

В схватке был убит царь Никифор и с ним множество знатных лиц, патрикиев и стратигов, протоспафариев и спафариев, стратигов восточных и западных фем вместе с огромным числом войска. По выражению летописца, «погибла вся христианская красота», захвачено все вооружение и запасы, и царская ставка. Такого мрачного дня не запомнит история византийского военного дела. Отрубленная голова Никифора долго висела на дереве «на показ приходивших к нему племен и в наше посрамление», добавляет патриот грек. Затем она была высушена, и очищена, и обложена серебром и в таком виде служила для Крума чашей, из которой он «в похвальбе заставлял пить славянских племенных старшин»[7].

В походе принимал участие сын Никифора Ставракий, который был ранен и едва спасся бегством в Адрианополь. Хотя он имел значительную партию и был поддержан патриархом Никифором, но уже в начале октября того же года составился заговор в пользу зятя умершего царя, куропалата Михаила Гангави, женатого на принцессе Проко-пии. Слабый и больной Ставракий отказался от престола, а Михаил провозглашен был царем ромэев в ипподроме избранием сената и военных частей, стоявших в Константинополе. Царствование его продолжалось менее двух лет, но не на нем сосредоточивается интерес времени, а на Круме. Важная победа, одержанная над царем Никифором, должна была дать в руки Крума громадные средства для усиления его автори-

тета среди славянских племен на Балканском полуострове. Это сказалось в ближайшее время в обширных завоеваниях, сделанных им во Фракии и Македонии. Прежде всего Крум напал на пограничные укрепления, составлявшие преграду для распространения болгарской власти во Фракии; таков был Девельт, взятый посредством осады. Весьма любопытно при этом отметить, что между жителями города, которые сдались Круму и перешли к нему в подданство, был и епископ. Все заставляет думать, что тогда уже болгаре начали изменять свои обычаи и входить в разнообразные соседские сношения с греками и славянами.

На полуострове отмечается сильное движение, поднятое военными успехами Крума. Многочисленные города теряют свое население, искавшее безопасности в более южных местностях: бегут жители из Анхиала, Веррии, Провата и Филиппополя. В 812 г. Михаил вышел в поход против Крума, причем августа Прокопия сопровождала его до Чорлу, но его поход не имел положительных результатов. Самым важным предприятием Крума было нападение на приморский город Месимврию, который считался опорой власти империи на этом берегу Черного моря. «Если не поспешишь заключить мир,— писал Крум царю,— то я возьму Месимврию». И действительно, в середине октября Крум начал осаду этого важного города, который кроме крепких стен имел еще защиту и во флоте. Но у болгар уже были в распоряжении военные средства, приобретенные наукой и опытом. Оказывается, что осадное искусство и приготовление стенобитных машин болгаре усвоили от одного арабского инженера, который перешел из византийской службы в болгарскую. При помощи этого техника Крум после месячной осады взял город. Что в особенности было чувствительно для византийской гордости, это то обстоятельство, что в Месимврии как важном и хорошо защищенном морском городе» служившем складом военных запасов и продовольствия, были сложены и те снаряды, которые составляли тщательно охраняемый государственный секрет. Именно там найдено болгарами 36 медных сифонов для бросания так называемого греческого огня, значительный склад этого драгоценного состава и запасы золота и серебра, не говоря уже о складах всякого продовольствия. Поэтому дошедшее в столицу 5 ноября известие о взятии города повергло всех в крайнее сокрушение.

Можно удивляться, что правительство не предприняло в это время никаких мер, чтобы отвлечь внимание Крума от важнейших византийских позиций в Восточной Фракии, как Девельм и Месимврия, но современный и осведомленный источник разъясняет дело: «Был же Михаил ко всем милостив и снисходителен, только в государственных делах без царя в голове*, во всем подчиняясь магистру Феоктисту и другим вельможам»[8]. Таким образом, с весной следующего 813г. Крум начал спешно готовиться к походу на Фракию, как об этом доносили императору бежавшие из Болгарии христиане. Чтобы предупредить это движение, царь Михаил тоже выступил в поход и действительно побудил этим Крума вернуться обратно.

И перед осадой Месимврии, и по взятии города Крум не раз предлагал заключить мир, но в Константинополе неохотно шли на его предложения по причинам, о которых будет речь несколько ниже.

* Позволим себе этот вольный перевод выражения ακυβέρνητος

Напротив, весной 813 г. в столице шли обширные приготовления к войне, для чего набор был объявлен даже по малоазийским фемам, или военным округам, что вызвало, впрочем, большое раздражение, в особенности в Каппадокии и в Арменияке. В мае начался поход, но он, по-видимому, не имел определенной цели, т. к., по свидетельству Феофана, войско занималось грабежом и наносило фракийским городам и селениям большой вред. Но вот появился на театре военных действий и Крум и остановился в небольшом расстоянии от царского войска. Место расположения войск и состоявшейся 22 июня битвы называлось Версиникия и находилось неподалеку от Адрианополя[9], где раз уже сходились Константин V и Кардам.

Уже одно это обстоятельство показывает, как умело воспользовался болгарский хан своей победой, и как смелы были его предприятия. Начальники византийских отрядов, патрикий и стратиг Анатолики Лев, которого ожидала царская власть после этой битвы, и патрикий и стратиг Македонии Иоанн Аплаки, горели желанием напасть на болгар, но у царя были свои советники. Что момент был весьма серьезный — это чувствовалось всеми, в особенности в столице. Патриарх совершал молебствия *в* церкви свв. Апостолов о победе над врагами, а в народе происходило брожение на все еще живой основе иконопочитания. С Михаилом для последних открылась широкая перспектива на возвращение утраченного в царствование Никифора положения, но за то отчаянное состояние военных дел возбудило энергию в партии иконоборцев. Для них с именем Константина Копронима соединялось представление о золотой поре военного и политического могущества Византии. Разломав вход в царские гробницы и открыв саркофаг своего героя, они обращались к нему с воплем: «Встань и помоги государству, оно погибает!» В народе распространилась молва, что Константин сел на коня и отправился воевать с болгарами. Против этого движения напрасно боролся епарх города, подвергая виновников наказанию.

Новые и неожиданные известия из-под Адрианополя ухудшили положение дел в столице. 22 июня Крум одержал над царем решительную победу, византийское войско обратилось в поспешное бегство, так мало оказав сопротивления, что Крум даже опасался — не военная ли это хитрость; но когда выяснился ход дела, захватил царский стан и военные снаряды и побил великое множество врагов. Побежденный и бежавший царь желал сложить власть, но его отговаривали августа Прокопия и ближайшие советники. Но ввиду сильного военного движения против него и очень определенно выступившей кандидатуры страти-га Анатолики Льва Михаил должен был сложить с себя власть. Провозглашение Льва происходило 11 июля, а на следующий день патриарх венчал его царской короной. Михаил с супругой и детьми без всякой борьбы отказался от власти и постригся в монахи. Следует отметить, что сын его, царевич Никита, получивший в монашестве имя Игнатий, впоследствии был патриархом. Время было чрезвычайно опасное, потому что Крум, опьяненный победой, оставив под Адрианополем часть войска, поспешно шел на Константинополь, не встречая более во Фракии сопротивления. Едва новый царь принял необходимые меры к защите стен, через 6 дней после вступления его на царство столица была окружена болгарскими силами от Влахерн до Золотых ворот. Констан-

тинополь должен был испытать в это время немало тревожных дней; отголоски сильного впечатления остались в летописи.

Мы приведем здесь несколько строк из Феофана, которого незаменимые известия как раз и покидают нас на этом событии: «Этот новый Сеннахерим окружил город пешими и конными силами, хвалясь своей силой, совершал скверные и демонские жертвы на равнине у Золотых ворот и моря и желал вонзить свое копье в эти самые ворота. Видя неприступность городских стен и осведомившись о готовности царского войска, он не решился приступить к осаде и заговорил о мире, делая царю лестные предложения. Воспользовавшись этим, царь пытался устроить ему засаду, но по грехам нашим и по оплошности исполнителей, которые ранили Крума, а не нанесли ему смертельного удара, попытка не увенчалась успехом. Разгневанный этим злодей выслал конный отряд в квартал св. Маманта и предал сожжению тамошний дворец. Украшавшие же ипподром статуи медного льва, медведя и дракона с мраморными украшениями нагрузил на телеги и отправил в Болгарию, сам же осадил Адрианополь и взял его». Упомянутые здесь трофеи были употреблены впоследствии на украшение моста через Камчию преемником Крума Омортагом в 822 г.

Приведенное место Феофана, который бесспорно был хорошо осведомлен в событиях, но судил об них односторонне, дополняется другими писателями, так называемыми «продолжателями Феофана» Весьма вероятно, что у них в распоряжении были даже такие записи современников, которые были недоступны самому Феофану [10]. Между прочим, у Семеона Магистра находим следующие дополнения: «По обычаю своему Крум принес в жертву за Золотыми воротами людей и много животных. Обмочив ноги на морском берегу и вымывшись, он окропил войско и был от него приветствуем возглашениями, затем проходил среди своих жен, принимая от них поклонение и славословия. С городских стен на это смотрели толпы народа, и никто не посмел нарушить эту церемонию или пустить в него стрелу. И, исполнив все по желанию своему, окружил город валом. Через несколько дней, пограбив окрестные места, стал делать предложения насчет денежного выкупа и выдачи большого количества одежд и определенного числа отборных девиц. И царь Лев дал знать Круму: «Выйди на берег моря с немногими из своих без оружия, и мы прибудем к этому месту также без оружия на лодке, поговорим и исполним все по твоему желанию» Условившись так, ночью вывели трех вооруженных людей и скрыли их в усадьбе некоей Галлы за Влахернскими воротами и приказали им по условному знаку выйти из засады и убить Крума, когда он прибудет на свидание. На следующий день прибыл Крум на берег моря по условию с тремя спутниками: с логофетом своим и с Константином по прозванию Пацик, бежавшим в Болгарию за несколько

лет перед тем, и с его сыном, рожденным от брака с сестрой Крума; все четверо, отделившись безоружные от войска, подошли к морю согласно условию, не подозревая засады. В то же время приближались из города те, которым было назначено вести с Крумом переговоры. Когда они вышли из лодки, Крум сошел с коня и сел на землю, а коня его, оседланного и взнузданного, держал сын Константина. И когда начались переговоры, один из прибывших из города Ексавул сделал условный знак, сняв рукой головной убор. Крум понял опасность и тотчас вскочил на коня, который был перед ним в готовности. Крум со спутниками направился к лагерю, а со стен кричали: «Крест победил». Скрытые заранее три воина преследовали Крума и выпустили на него свои стрелы, но он достиг своего лагеря, а его спутники захвачены были теми, что прибыли из города на лодке. Логофет был убит на месте, а Константин с сыном захвачены в плен живые» [и]. Это картинное описание, несомненно, происходившего у всех на виду события весьма характерно и для ознакомления с Крумом и обычаями болгар, и для нравов тогдашних византийских греков. Можно понять, как мало после того могло быть доверия у болгар в сношениях с христианской империей.

Ответ Крума был жестокий. На следующий день он приказал беспощадно опустошать предместья и окрестности города. Так подверглись опустошению многие церкви и дворцы, в особенности сильно пострадало предместье св. Маманта, о чем было говорено выше. Т. к. им нигде не представлялось сопротивления, болгаре прошли по Босфору, разграбив находившиеся здесь торговые заведения и затем все приморские местности по Мраморному морю; Силиврия, Ираклия, Родосто, Паний, Аспро — вся местность до течения р. Марицы испытала страшное нашествие раздраженного Крума. Все, что можно было взять, болгаре брали и отправляли за Балканы, а остальное жгли и истребляли. По Марице повернули к Адрианополю, который уже в осаде. Через некоторое время город доведен был до крайности голодом и лишениями и сдался на волю победителя. Множество пленников и, между прочим, епископ Михаил и будущий византийский император Василий отведены были в Задунайскую Болгарию[12]. Когда происходили эти события, Лев оставался в столице, не принимая никаких мер к отражению болгар; заботы об утверждении своей власти, по-видимому, всего больше занимали его в это время. Так, он приобщил к власти и венчал на царство сына своего Симватия и сделал распоряжение, чтобы собранные в столице войска провозглашали его и сына под именем популярных царей Исаврийской династии Льва и Константина.

Весной 814 г. со стороны Болгарии опять начались угрожающие приготовления. Крум снова пошел на Фракию с громадными силами и дошел до Аркадиополя, ныне Люле-Бургас, на большой дороге к столице империи, захватив здесь большую добычу. Кроме того, по доходившим в Константинополь слухам, готовилась другая военная сила, в которую вошли авары и славяне и которая была снабжена всеми приспособлениями и машинами для осады Константинополя, т. к. Крум

не мог забыть нанесенного ему оскорбления и покушения на его жизнь. Царь Лев начал поспешно укреплять влахернские стены и строить новые укрепления с внешней стороны стен, но не успели их закончить, т. к. весной же последовала неожиданная смерть Крума, освободившая империю от грозящей беды. У одного из продолжателей Феофана[13] сообщен несколько иной взгляд на военные отношения этого времени. Именно, будто Лев обращался к Круму с просьбой о мире, не получив же благоприятного ответа, занимался укреплением стен и предпринял поход к Месимврии. Здесь посредством военной хитрости он едва не взял в плен Крума и овладел всем болгарским станом. Но мы находим этот рассказ весьма подозрительным.

Хотя византийская летопись достаточно выясняет отношения Болгарии к Византии при Круме, но очень мало в ней затронута северная и, в особенности, западная граница Крумовой державы. Все заставляет предполагать, что он не удовлетворился на западе движением к Софии и взятием этого города, но воспользовался ослаблением Аварского царства и дал основы для расширения болгарских пределов в западном направлении. Этот любопытный вопрос мы пока оставим до обозрения деятельности Омортага, теперь же коснемся его мимоходом по связи с легендарны ми известиями о законодательстве Крума. У византийского писателя X в. лексикографа Свиды[14] под словом «болгаре» заключаются глубокой важности сведения, которые и до сих пор еще мало оценены. Прежде всего, в начале и в конце статьи с особенной настойчивостью выражена мысль, что это те самые болгаре, которые до основания уничтожили Аварское царство. Мысль об уничтожении болгарами всех аваров выражена с такой же силой, как и в русской летописи: «Погибоша, их же несть ни племени, ни избытка». После того идет статья о законах, изложенная в такой форме: «Спрашивал Крум аварских пленников· как думаете, отчего погиб и хан ваш и весь народ? Они же ответили: умножились взводимые друг на друга обвинения, погибли те, у кого было больше храбрости и ума; затем бесчестные и воры получили влияние в судах; далее, пьянство, когда стали заниматься виноделием, все начали упиваться вином. Наконец, взяточничество и торговля. Все сделались торговцами и начали обманывать друг друга. От этого и постигла нас бедственная участь. Крум же, выслушав это, созвал болгар и объявил следующие законодательные постановления:

1) если кто взведет на другого обвинение, не прежде давать ему веру, как взяв его и подвергнув допросу; если окажется, что он оклеветал, то убить его,

2) запрещается кормить вора; у преступившего отнимается имущество, у вора перебить голени;

3) приказал уничтожить все виноградники,

4) просящему помогать не без рассуждения, а согласно состоянию, чтобы он снова не оказался бедным; в противном случае имущество его отбирается в казну».

Как ни кратки указания на законодательство Крума, но они вскрывают чрезвычайно важную сторону жизни тогдашней Болгарии и дают до некоторой степени меру для оценки того культурного переворота, который произошел среди болгар к началу IX в. Крум выступает здесь уже

государственным устроителем, подготовляющим созданное им из болгар и славян государство к культурной жизни. Место этого законодательства в науке должно определяться, конечно, сравнением с древними законодательствами: с германскими правдами и с Русской Правдой. Любопытно, что император Домитиан также требовал уничтожения виноградных лоз, как средство против пьянства, и что, по учению болгарских богомилов, лоза создана злым началом — Сатаниилом.

В характере Крума в общих чертах намечается уже созидательная деятельность. Он уже является не предводителем кочевой орды, которая делает быстрые набеги на культурные соседние области, берет жителей в плен и поспешно отступает, но стремится к прочным завоеваниям и делает походы с большим обозом, со стенобитными машинами и осадным инструментом. В борьбе с врагами он пользуется всеми средствами, какие давала тогдашняя военная наука. Для этого он находил возможным привлекать к себе на службу иностранцев и пользовался их услугами в обширных размерах. Осада и взятие Месимврии, Адрианополя и Софии — это весьма серьезные военные дела, которые нельзя было предпринимать без помощи техники. Не без основания Крум захватывал в плен большие массы греков и славян: услугами военнопленных он пользовался в высшей степени умело и целесообразно. Теперь не может подлежать сомнению, что изумительные военные сооружения в Абобе и обширные дворцовые постройки, исполненные с соблюдением планов и пропорций греческими мастерами, относятся или ко времени Крума, или его сына Омортага. Но самым импозантным памятником эпохи Крума и его далеко не заурядной деятельности, стремящейся к прочным сооружениям на память потомству, служит единственный на Балканском полуострове замечательный рельеф на скале, изображающий Крума на коне. Это так называемый Мадарский всадник на скале, господствующей над обширным плато, высеченный на расстоянии 23 метров от подножия скалы и снабженный большой надписью на греческом языке, которая, хотя и очень выветрилась, но сохранила в нескольких местах имя Крума[15].

Продолжительное соседство болгар с империей должно было выразиться в разного рода актах, регулирующих взаимные отношения. После длинного ряда войн наступали десятки лет мира. Война нарушала права пограничных жителей, сопровождалась уводом полона, иногда и добровольным переходом с одной стороны на другую. После войны настояла необходимость восстановить добрые соседские отношения, а для этого требовалось назначение нейтральной полосы, на которой и велись переговоры. В летописи сохранились многократные указания не только на мирные соглашения, но даже на письменные акты, а в самой Болгарии существует несколько фрагментов подобных договоров с Византией, иссеченных на камне[16]. Таким образом, здесь историк попадает на твердую почву и может с некоторыми подробностями выяснить основания, на коих покоились мирные отношения между болгарской ордой и культурным государством. Что составляет существенный интерес этих мирных соглашений, это постепенное проникновение к болгарам культурных обычаев и потребностей, вызываемых оседлой жизнью. Таково известие Феофана о переговорах Крума с царем Михаилом I (811—813) насчет мира[17]. При этом сообщены в главных чертах

и статьи договора. В этом акте говорилось 1) о границах; 2) о выдаче парадных шелковых одежд и тонкой красной кожи; 3) об обмене перебежчиками— военнопленными и политическими. Наконец, в особенности любопытна статья, которою обусловливается, чтобы торговые люди с той и другой стороны снабжались грамотами, скрепленными печатями, а у тех, которые оказались бы без грамот, конфискуется товар. Ясное дело, что и с Болгарией Крума можно было уже вступать в такие сношения, которые характеризуют культурные нации.

Ближайшие годы за смертию Крума остаются малоизвестными, прежде чем не появляется во главе Болгарии еще более импозантная фигура в лице хана Омортага, или Мортагона. Омортаг — это одна из самых выразительных фигур древней болгарской истории. С этим именем соединяется эпоха закрепления болгар на полуострове, закладка прочных устоев для дальнейшего государственного бытия болгар и завершение процесса слияния завоевателей с побежденными славянскими племенами. К его времени относятся памятники внутренней организации, расширение государственных границ в северо-западном направлении и постройка новой столицы в Преславе, у подошвы Балканских гор. Чтобы иметь средства для проведения важных и широких мероприятий как внутри государства, так и вне, в особенности на северо-западном фронте, где только начальные попытки сделаны были при Круме, этот умный и энергичный государь должен был прежде всего обеспечить себя со стороны Византии, по отношению к которой достаточно были намечены границы Болгарии победами Крума. Одно из первых важных его дел было заключение тридцатилетнего мира с империей, который принес большую пользу той и другой стране и дал Омортагу полную возможность направить все силы на осуществление своих планов на северо-западе.

Вообще, в занимающее нас время вопрос о мире с болгарами заботил не только правительство, но и общественное мнение[18]. Но, по-видимому, заключение мира с болгарами в Константинополе не находило поддержки в народе и в некоторой части духовенства. «Первого ноября,— говорит Феофан,— царь призвал патриарха и советовался с ним о мире; присутствовали митрополиты Никеи и Кизика, и вместе были тут и злые советники с Феодором, игуменом студийским. Патриарх и митрополиты с царем были за мир, Феодор и его приверженцы говорили против мира. «В нарушение Господней заповеди, не нужно,— говорили они,— заключать мира, ибо грядущего ко Мне не изгоню вон, сказал Господь», не понимая ни того, что говорят, ни того, на чем основываются, «ибо со стороны болгар нет у нас перебежчиков, а мы выдали внутренних бояр, хотя могли бы спасти их, если бы заключили мир. Если же и есть несколько бежавших к нам, то следовало иметь в виду пользу громадного числа наших соплеменников, ибо приятней Богу спасать многих, чем немногих, жертвовать же многим для малой прибыли есть дело большего безумия». Из приведенного места можно вывести, что вопрос о выдаче пленных и перебежчиков составлял в деле мирного соглашения с болгарами самое важное затруднение; несмотря на принятие этой статьи царем и митрополитами, против нее высказался Федор Студит. Точка зрения этого последнего может быть понята разве только со стороны религиозных интересов, узко, впрочем, понимаемых.

Студиты не хотели выдавать болгар, как могущих обратиться в христианство, и пренебрегали тысячами пленных греков, отведенных в Болгарию[20]. Правда, у продолжателя Феофана оппозиция против соглашения с болгарами переведена на сенат. Так или иначе, летопись сохранила ясные следы попыток мирного соглашения еще при Круме, но в Константинополе этот проект встретил оппозицию среди духовенства. Но т.к. настоятельная необходимость мира сознаваема была той и другой стороной, то в конце концов после длинных переговоров преемники Крума и царя Михаила пришли к соглашению.

Относительно тридцатилетнего мира между Львом IV и Омортагом существуют некоторые сомнения хронологического свойства. Известно, что Крум умер в 814 г. весной в приготовлениях к походу против Византии; из этого уже видно, что его старания о мире не увенчались успехом. Царь Лев IV, вступивший на престол при трудных обстоятельствах, заключил этот столь желанный мир с преемником Крума, как об этом говорит летопись[21]. Но о хронологическом приурочении этого важного акта высказываются различные мнения. В самое последнее время этот вопрос получил живой интерес вследствие -новых фактов, открытых раскопками в Болгарии, произведенными Русским археологическим институтом, которые бросили новый свет на время Крума и Омо-ртага. Между прочим, вновь подвергнут был тщательному изучению фрагмент надписи на колонне, найденной поблизости от древней болгарской столицы, в Сулейман-кей, в которой начертан был занимающий нас договор Болгарии с Византией[22] По новым исследованиям, с разных сторон направленным к раскрытию хронологии древней болгарской истории, следует прийти к выводу, что тридцатилетний мир с Византией был чрезвычайно важной эпохой, и что он заключен при Омортаге, а не при его предшественнике[23]. Этим договором, относительно подлинной даты которого все же остаются сомнения, разрешались давние споры между империей и Болгарией, и на продолжительное время устанавливались добрососедские отношения, продолжавшиеся почти до обращения Болгарии в христианство [24].

Насколько можно судить по фрагментарному тексту, сохранившемуся в надписи на колонне, договор заключал следующие статьи: 1-я — пограничная полоса между договаривающимися сторонами, которая шла от Девельта на запад до Констанции на Марице, проходя через Агафоники и Макри-Ливада, по линии между Адрианополем и Филип-пополем[25]. Далее во 2-й статье трактуется о населении на той полосе, которая по миру отходила к Болгарии,— это население остается за болгарами, а те славяне, которые не были под византийской властью и участвовали в войне, возвращаются (на места их прежнего обитания). По статье 3-й определяются условия обмена военнопленными, причем за лиц чиновных военного звания назначается определенная цена в 1 и 2 но-мисмы, а простой народ обменивается «душа за душу». Недостающая часть на конце, по всей вероятности, заключала в себе статью о торговых сношениях, т. е. о требовании с торговых людей грамот, скрепленных печатями.

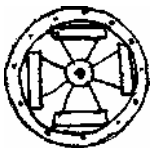
Оценить деятельность Омортага, который стоял во главе Болгарии до 831/32 г., препятствует недостаток летописных известий. Обеспечив себя соглашением со стороны Византии и стараясь не нарушать

мирных отношений на юге, Омортаг, естественно, выступал из поля зрения византийских летописцев, которые на некоторое время совсем оставляют без внимания Болгарию. Тем важней национальная болгарская летопись, сохранившая память о деятельности Омортага в надписях, начертанных на каменных колоннах. В большинстве это надписи в честь государственных деятелей и героев, первоначально находившиеся на месте расположения древнего становища, или аула, а потом перенесенные на другие места. Первостепенная важность этого материала, не говоря об его историко-политическом значении, усматривается из того, что в нем находятся единственные следы староболгарского права и древних учреждений, которым нанесен был смертельный удар принятием христианства и последовавшим затем государственным переворотом. В этих надписях, весьма сходных по форме и общему смыслу, исходящих от государственной власти, обыкновенно указывается имя вельможи с принадлежащими ему званиями и должностями и с определением его отношения к хану, точно характеризуются его военные или государственные заслуги и, наконец, дается его родословная. Здесь мы знакомимся с тюркскими титулами воила, жупан, тархан, багатур и др.; отсюда получаем представление о дружинном начале, господствовавшем в древней Болгарии, и, может быть, о начатках феодальной системы. В числе заслуг, оказанных этими лицами, приводятся такие, которые вскрывают память об забытых исторических событиях. Одна надпись говорит: «Он потонул во время похода в реке Тиссе»; другая упоминает о герое, «утонувшем во время похода в реке Днепре», наконец, иные говорят о смерти на войне или просто в походе. Эти последние сообщения позволяют судить о военных предприятиях Омортага совершенно в другом направлении, чем это было доселе, именно на севере и северо-западе.

В политическом отношении поворот военной деятельности Омортага от юга на запад свидетельствует о больших способностях тогдашнего вождя Болгарии. Уже было говорено о громадном перевороте на Дунае и Саве, вызванном движением германцев на восток и империей Карла Великого. Омортагу принадлежит крупная заслуга в том отношении, что, прекратив распри с Византией, он мог обратить свое внимание на западную окраину славянского мира, где его завоевания шли на счет ослабевшего Аварского царства и, по всей вероятности, направлялись против распространения франкского господства по Дунаю и Саве. Надпись, говорящая о походе за Тиссу, подтверждает важный факт широкого распространения власти болгар в западном направлении. Не менее того неожиданно, но вместе с тем подтверждено надписью на колонне движение болгар на севере от Дуная. Ясно, что в сферу влияния Омортага входили здесь Молдавия, Валахия и Южная Россия, куда он предпринимал военное движение, и где при переправе через Днепр утонул один из его героев[26]. Можно пожалеть, что до сих пор нельзя с уверенностью говорить о том, что происходило в первой четверти IX в. в землях, лежавших западней Сердики, или Софии, по Тимоку и Мораве, куда, очевидно, была теперь направлена деятельность Омортага, и где подготовлялась уже славянская политическая организация. В то время массы мораван и словаков переходили в Паннонию, освобожденную от аваров вследствие побед полководцев Карла Великого[27].

По всем данным, однако, здесь не было достигнуто полного замирения при жизни Карла. В 817 г. к Людовику Благочестивому является греческое посольство по делам далматинского побережья. В следующем году пришли к франкам послы хорутанского князя Борны и другого князя, Людевита, принесшего жалобу на маркграфа фриуль-ского Кадолая. В 819 г. началось в Паннонии движение Людевита, причем славянами было нанесено поражение маркграфу Кадолаю. Вследствие этого брожение передалось далее на восток к Тимоку, где уже начиналось болгарское политическое влияние. Может быть, имея поддержку в Болгарии, Людевит долго держал в значительном напряжении силы маркграфа, который в 820 г. снарядил большое войско из баварцев, алеманнов и саксов против Людевита и страшно опустошил его страну. Но в 822г. снова был предпринят против Людевита поход, на этот раз окончившийся счастливо для франков. Людевит был разбит, изгнан из своего княжества и в следующем году убит в Далмации. Так потушено было начинавшееся в этих местах стремление к политической организации славян[28].

Самые последние годы дали новый материал для оценки государственной деятельности Омортага,— это известная Чаталарская надпись[29]. Она сделана после 822 г. и свидетельствует о построении Омо-ртагом новой столицы на р. Камчии, получившей впоследствии имя Преславы (821—822). Весьма любопытно, что в надписи упоминается об украшении новой столицы четырьмя колоннами и поставленными на них медными львами. Перенося столицу на юг, к самой подошве Балканских гор, откуда легче можно было следить за горными проходами, Омортаг не оставил в пренебрежении старый аул, называемый Плиска. Что эта последняя не потеряла своего значения и после постройки нового укрепленного стана, свидетельствуется тем, что в начале X в. в Плиске — Абобе построен был обширный христианский храм, превосходящий все существующие в Болгарии церковные сооружения. Хотя в надписи Омортаг говорит о себе δ εκ θεοῦ άρχων, но это не должно вводить нас в заблуждение: он был предан языческому культу, соблюдал языческие обряды при заключении договора с Византией и преследовал болгар за переход в христианскую веру.

Глава XIV

Иконоборцы и иконопочитатели в первой половине IXв. Завоевание арабами Крита и Сицилии

В первые годы IX в., со времени возведения в патриархи бывшего гражданского чиновника Никифора, Студийский монастырь занял вместе со своими игуменами Платоном и Феодором несколько оппозиционное положение по отношению к высшей церковной власти. Чтобы сломить упорство монахов, император тогда же думал разогнать студитов и закрыть монастырь, но его остановило то соображение, что закрытие такого значительного монастыря может вызвать неудовольствие и повредить авторитету нового патриарха. В ближайшие затем годы студиты должны были испытать ряд притеснений и неприятностей, и в течение двух лет Феодор и Платон (809—811) находились в ссылке. Хотя при Михаиле Рангави им сделано было удовлетворение по делу об Иосифе, но с вступлением на престол Льва V, человека с определенным направлением в церковных вопросах, студитам вновь предстояло выступить в качестве бойцов в защиту церковных интересов.

Лев V вступил на престол избранием войска и одобрением этого избрания со стороны сената. Он был перед тем стратигом фемы Анато-лики и по происхождению армянин. По церковным убеждениям Лев принадлежал к приверженцам иконоборческой системы и весьма может быть, что самым избранием на царство был обязан сильной в войске и в восточных провинциях партии иконоборцев. Во всяком случае, стоявшая тогда во главе церковного управления партия с патриархом Никифором во главе имела основания не доверять новому избраннику войска и пыталась, хотя безуспешно, связать Льва письменным обязательством сохранить без изменения церковный строй[1]. Император уклонился от предложения подписать заготовленный ему патриархом акт, так что с первых же дней обнаружились недоразумения между светской и духовной властью, которые не предвещали ничего хорошего. Что у царя Льва при самом вступлении на престол уже имелось намерение произвести иконоборческую реакцию, это доказывается весьма определенными летописными известиями, а равно обстоятельствами дела, к изложению которых сейчас переходим.

Едва утвердившись на престоле и не останавливаясь перед страхом болгарского нашествия и осады Константинополя, царь Лев уже весной 814 г. окружает себя доверенными людьми иконоборческого направления, которым делает поручение заняться подготовкой вопроса о церковной реформе в смысле желаний иконоборческой партии. К этому же времени выясняются состав и силы того и другого лагеря. Говоря в предыдущей главе о переговорах по вопросу о заключении мира с болгарами, мы видели, что политический смысл и важное значение

этого договора совершенно устранялись так называемыми дурными советниками, во главе коих был игумен Студийского монастыря. Не говоря о прочем, здесь важно отметить политическую роль Феодора Студита, в какой ему удалось выступить в эту эпоху замышляемых правительством церковных реформ. Более видным лицом со стороны иконоборческой партии тогда же начинает выдвигаться Иоанн Грамматик, анатолиец по происхождению, занимавший в Константинополе скромную церковную должность анагноста. По своим способностям и высокому образованию выгодно отличаясь среди тогдашнего духовенства, Иоанн поставлен был во главе комиссии, которой было поручено рассмотреть все дело о взаимном отношении систем иконоборчества и иконопочитания и приготовить об этом материал для предполагаемого к созванию собора. В высшей степени можно пожалеть, что как о самом Иоанне Грамматике, так и об его сотрудниках и об их работах сохранилось слишком неблагорасположенное известие со стороны писателя, явно к ним враждебного: «Иоанн в сообществе с некоторыми грубыми невеждами уполномочен был царем пересмотреть старые книги, скрывающиеся в монастырях и церквах. Собрав множество книг, они старательно исследовали их, но не нашли ничего из того, чего злостно добивались, пока не напали на синодик Константина Исавра. Найдя в нем для себя точку опоры, начали искать и в других книгах для себя нужные места, отмечая знаками те, которые, по их мнению, могли убедить неразумную толпу, что в древних книгах можно находить запрещение поклоняться святым иконам. Когда Лев спросил одного из них, можно ли подтвердить книгами поклонение иконам, тот отвечал: об этом нигде не написано, но говорят, что таково древнее предание. И они боролись против истины, начав с Пятидесятницы собирать книги, в июле привлекли на свою сторону Антония, епископа силейского, и до декабря держали дело в тайне»[2]. Можно думать, что упомянутая комиссия должна была представить царю записку о тех основаниях, которыми руководились отцы УГГ Вселенского собора в своем определении по отношению к святым иконам. О подготовительных работах комиссии не могло не распространиться слухов, но на вопросы любопытствовавших Иоанн держал уклончивый ответ: «Царь поручил разобрать по старым книгам один вопрос».

В декабре 814 г. дело начинает получать гласность. Патриарх стал тревожиться и принимать меры предосторожности. Т. к. личные объяснения между царем и патриархом не привели к соглашению, то последнему было предложено войти в непосредственные сношения с Иоанном Грамматиком, но от этого в патриархии нашли справедливым отказаться. Переговоры между иконопочитателями и иконоборцами сделались предметом широкой гласности. Об этом стали разговаривать среди народа и в войске; как в первый период иконоборческого движения, так и теперь произошла манифестация перед воротами Халки, причем противники иконопочитания бросали камнями в чудотворный образ Спасителя. Патриарх Никифор озаботился собранием поместного собора из бывших в Константинополе епископов и игуменов монастырей для обсуждения мер к сохранению церковного строя и совершил в Церкви св. Софии торжественное молебствие о мире Церкви и о смягчении царя. С своей стороны император, не желая разрывать сношений с господству-

ющей Церковью, предложил патриарху прибыть во дворец для новых объяснений. Т. к. с патриархом прибыли и члены бывшего в патриархии собора и остановились перед воротами дворца, то царь согласился допустить во дворец сопровождавшее патриарха духовенство и устроить род совещания по вопросу об иконах. Явившиеся сюда епископы смело отстаивали то положение, что иконопочитателям нет оснований входить в пререкания с противниками поклонения свв. иконам; эту мысль с особенной настойчивостью выразил в своем обращении к царю Феодор Студит. В его речи, между прочим, было следующее место: «Дела Церкви принадлежат ведению пастырей и учителей, царю же принадлежит управление внешними делами, ибо и апостол сказал, что Бог поставил одних в Церкви апостолами, других пророками, третьих учителями, и нигде не упомянул о царях. Цари обязаны подчиняться и исполнять заповеди апостольские и учительские, законодательствовать же в Церкви и утверждать ее постановления — это отнюдь не царское дело»[3].

Это, конечно, было выражение довольно необычного для Византии воззрения на разделение духовной и светской власти; император был смущен словами Студита и сказал: «Смелый монах заслуживал бы казни за дерзкие слова, но этой чести пока ему не будет предоставлено». С тех пор, т. е. с конца декабря, началась упорная борьба между защитниками церковной свободы и партией иконоборцев. Полиция начала разгонять собрания и обязывала подпиской не принимать участия в обсуждении религиозных вопросов. Студийский игумен разослал окружное послание ко всем верным сынам Церкви, в котором доказывал, что молчание и уклончивость в сфере церковных дел есть измена Церкви и православию. Как, однако, царь Лев осторожно приступал к задуманной реформе, видно из того, что в праздник Рождества он счел нужным приложиться к праздничной иконе в церкви св. Софии. Но с началом 815 г. борьба принимает весьма определенный и резкий характер. Иконоборческая партия прежде всего озаботилась собрать свои силы и низвергнуть патриарха Никифора. Для этого он постепенно лишен был административной власти и потом подвергнут домашнему заключению; наконец, в марте созван был в Константинополе поместный собор из представителей иконоборческой партии, который должен был рассмотреть взведенные против патриарха Никифора обвинения и постановил лишить его власти. С соблюдением предосторожностей в глухую ночь он был отправлен в заточение в построенный им на Босфоре монастырь Агафа, а на его место избран иконоборец Феодот Касситера из рода Мелисинов, которые при Константине Копрониме вошли в родство с императорами и были приверженцами иконоборческой системы. Но и со стороны студийского игумена последовал резкий протест: 25 марта в день Благовещения он устроил крестный ход вокруг своей обители с пением и несением честных икон. Тогда правительство решилось действовать настойчивее.

Иконоборческий собор, состоявшийся после избрания нового патриарха в апреле 815 г., имел прямой своей задачей, выражавшей волю царя, возвращение к системе иконоборчества, а следовательно, восстановление авторитета собора 753 г. Весьма может быть, что царя серьезно занимала мысль, что иконоборческая эпоха была гораздо счастливей для

империи, чем последующее время. Он не раз указывал, что Лев Исавр и Константин одерживали победы над язычниками и варварами, между тем как иконопочитатели терпели от них поражение, и что, вероятно, почитание икон есть преступление, за которое христиане терпят от язычников. При таких распложениях, которые разделяли с царем большинство его единомышленников, легко было достигнуть предположенной цели. Хотя к участию на соборе были приглашены и иконопочитатели, но игумен студийский не счел возможным явиться, сославшись на то, что без согласия своего епископа, от которого он принял посвящение, он не может участвовать на соборе. Смысл отказа заключается в том, что Феодор не признавал ни законности избрания нового патриарха, ни каноничности в действиях его собора. Деяний этого собора не сохранилось, и о составленных им определениях мы можем судить на основании посторонних упоминаний[4].

Собранные здесь отцы весьма скоро покончили с решением главного вопроса: отвергли постановления 787 г. и восстановили иконоборческий собор 753г. Несколько трудней было заручиться согласием прибывших на собор православных членов, но на этом не останавливались. Окончательное определение составлено было в смысле возвращения к иконоборческой системе и сопровождалось отлучением на всех иконо-почитателей. Следствием этого было, с одной стороны, ограничение прав и лишение мест для тех, которые не давали согласия подчиниться определениям собора, с другой — резкие и открытые обличения правительства со стороны иконопочитателей. Многие в это время стали спасаться бегством в Италию под защиту Рима; между последними был и монах Мефодий, о котором нам придется много говорить ниже; сам Феодор Студит не раз обращал свои взоры к римскому папе.

Когда протест Студийского монастыря стал слишком обращать на себя нимание, император решился удалить из Константинополя игумена Феодора и дал указ о ссылке его в заключение в Малую Азию и о закрытии его монастыря. Это была весьма смелая и решительная мера столько же ввиду большой популярности самого игумена, сколько значения в столице обширного и богатого монастыря, считавшего тогда не менее 1000 братии[5]. Ученики и почитатели Студита, рассеявшись по разным городам империи и частью переселившись в Рим и Южную Италию, сделались громкими глашатаями славы своего учителя и ревностными защитниками православия. Своим гонением на студитов правительство действительно подготовляло в них громадную нравственную силу, которая равномерно распределялась по провинциям империи. Что же касается самого игумена, то в течение десяти лет до самой своей смерти в 826 г. он принял на себя задачу будить между своими многочисленными приверженцами и учениками религиозное чувство и стоял на страже православия во главе воинствующей Церкви. Своими письмами, речами и беседами он постоянно держал в напряжении партию иконоборцев и поддерживал надежды на лучшее будущее в тех, которые слабели под гнетом преследования. С духовным и светским правительством он вел открытую борьбу, апеллируя к суду римского папы и признавая в нем верховного судью в церковных делах[6]. Из византийского монашества он желал сделать полное жизненной энергии учреждение, т. к. отдавал предпочтение тем, которые подвизаются в условиях обще-

ственной жизни, перед другими, пустынножительствующими и спасающимися в горах. Слова и речи игумена Студийского монастыря были событием и быстро разносились с одного конца империи на другой. Есть у него, между прочим, такое место: «Недавно я говорил нечто о таинственном, и сейчас же распространилось мое слово отсюда до Константинополя, оттуда до Бруссы — итесно мне и говорящему, и молчащему».

Настоятельные требования правительства, чтобы Феодор не писал и не отсылал своих сочинений к друзьям, не достигали своей цели; даже угрозы телесным наказанием не приводили его в смущение. Своему ближайшему ученику Навкаратию он писал раз: «Если император вздумает совершенно лишить меня языка, и тогда я найду способы взывать, окрыляемый духом. Я буду писать всем находящимся в изгнании отцам, это приносит пользу как пишущему, так и получающему,— я готов взывать даже до последних пределов вселенной». Царь приказал перехватывать письма и доставлять ему, но у Феодора было достаточно преданных слуг, которые охотно исполняли его поручения и служили ему письмоносцами. До какой степени последовательности проводимы были правительственные распоряжения против непокорных, трудно составить себе понятие; по сообщениям Феодора Студита, правительство наложило руку на воспитание молодого поколения и заставило детей учиться по новым учебникам. Несмотря на строгость мер, студийский игумен, пользуясь общепризнанным авторитетом, ввел строгую дисциплину в преследуемой Церкви и всеми мерами настаивал, чтобы иконопо-читатели не входили в общение с иконоборцами. Когда почувствовался недостаток в священниках, он разрешил принимать получивших посвящение на Западе: в Риме, Неаполе и Сицилии.

Правительство почувствовало крайние неудобства церковной смуты. Империя разделилась в церковном отношении надвое, появилась паства патриаршая и паства студийского игумена. С последним были и некоторые епископы: солунский Иосиф, никомидийский Феофилакт, ефесский Феофил, никейский Петр; но вместе с ним стояла громадная масса городского и сельского населения, которое поддерживало и доставляло приют гонимой Церкви. Ведя упорную борьбу с правительством, Феодор не терял надежды на авторитетное вмешательство папы в дела Константинопольской Церкви и посредством своих почитателей и друзей, во множестве бежавших в Италию, старался расположить Римскую Церковь в пользу иконопочитателей. Чтобы до некоторой степени противодействовать влиянию студийского игумена, патриарх Федот посылал к папе Пасхалису I своих апокрисиариев, но они не были выслушаны. Что же касается преследуемых иконоборческим правительством и посылаемых Студитом лиц, то в них папа принимал близкое участие и предоставил для них монастырь св. Пракседы, в котором церковная служба совершалась на греческом языке. Независимо от этого папа послал в Константинополь нарочитое посольство с ходатайством в пользу гонимых. Феодор выражал по этому случаю мысль, что Римской Церковью действительно правит преемник князя апостолов, и что Бог не оставит без помощи Византийскую Церковь. Из обширной переписки Феодора узнаем, между прочим, что он посылал в Рим преданного ему Епифания, которому вручено было письмо для монаха

Мефодия, того самого, которому затем предстояло стоять во главе Церкви в Константинополе. Весьма вероятно, что в это время Мефодий и возвратился из Рима в Константинополь (ок. 820 г.). Некоторые письма Студита попадались в руки царских приставников и, доставленные царю, прочитывались; раз Лев «рассвирепел» от такого письма и отдал приказ дать преподобному сто ударов ремнем; это было в 819 г. незадолго до насильственной смерти Льва (25 дек. 820 г.). Феодор был переведен в Смирну, где местный иконоборческий митрополит заключил его в темницу.

С новым царствованием представителя аморийской династии в лице Михаила II (820—829) в положении иконопочитателей не произошло перемены. Хотя подвергшиеся гонению и ссылке при Льве V получили свободу и могли возвратиться на места первоначального своего обитания, но система продолжалась та же и господствующее положение оставалось за иконоборцами. Попытка со стороны бывшего патриарха Никифора и Феодора Студита побудить императора приступить к отмене иконоборческой системы не имела успеха. Точка зрения Михаила II на церковный вопрос ясно выражена в данном им ответе на докладную записку патриарха Никифора. «Кто раньше нас занимался исследованием церковных догматов, те и дадут перед Богом ответ, хорошо или худо они узаконили. Мы же в каком положении нашли Церковь, в том и заблагорассудили оставить ее. Посему мы определяем, чтобы никто не дерзал принимать слово ни против икон, ни за иконы, но да не будет и слуху — как будто их никогда не бывало — о соборах Тарасия, Константина и Льва, и да будет соблюдаемо глубокое молчание по отношению к иконам»[7]. Но само собой разумеется, обнаруженное здесь Михаилом Травлом безразличие в этом деле не могло быть выдержано при ближайшем соприкосновении с действительностью.

Первые заботы Феодора Студита при новом царствовании заключались в осуществлении мысли о созвании собора, на котором вновь был бы поставлен вопрос об иконах, правительство же соглашалось лишь на частное собеседование между представителями того и другого направления. В письмах и ходатайствах по этому вопросу студийский игумен выставлял соборный авторитет Церкви или «пятиглавую» ее власть как единственно компетентное учреждение для решения тогдашнего церковного дела, между тем царь не доверял слишком сделавшимся обычными ссылкам на примат Римской Церкви и видел в отговорках Студита упорство и сопротивление, а в сношениях с папой — политическую измену. Таким образом, соглашение между иконоборцами и иконопочитателями не могло состояться. Вскоре затем по приказанию императора Феодор и преданный его ученик Николай, разделявший с ним заключение в Смирне, вызваны были в Константинополь (821), где и оставались около двух лет, пока продолжалось громадное народное движение, поднятое самозванцем Фомой. Последние годы жизни (823—826) Феодор провел в одном из монастырей на азиатском берегу, поблизости от столицы, и по смерти погребен на острове Принкипо.

С вступлением Михаила II на престол совпадает обширное народное движение, начавшееся в Малой Азии и перебросившееся в европейские провинции. Это движение исходило от самозванца Фомы, прикрывавшегося именем царя Константина VI, и представляет собой своеоб-

разное проявление иконоборческого движения, глубоко затронувшего народные массы и захватившего вместе с религиозными политические и социальные интересы государства. Ввиду громадного значения поднятых восстанием Фомы вопросов, а равно принимая в соображение, что в деле Фомы иконоборческое движение доходит до своего кульминационного пункта, мы находим полезным рассмотреть его со всеми подробностями.

Какое значение приписывалось современниками этому движению, видно уже из особенного внимания, уделенного ему в летописи. Правда, первоначальная история Фомы, в особенности его происхождение и юные годы сделались уже в IX в. предметом народных сказаний и окрашены вымыслом, но его похождения на Восток и его на широких основаниях задуманное возмущение против основателя новой династии нашли себе достаточное освещение у летописца Генесия, которым пользовались писатели X и XI вв.[8] И что в особенности важно, не далее как в 824 г., т. е. сейчас же по усмирении этого восстания, император Михаил II сделал подробное изложение всего дела в письме к императору Людовику Благочестивому[9]. Т. к. это письмо дает новые и интересные сообщения о положении иконоборческою вопроса в империи, то мы обращаемся сначала к нему. В официальном акте, конечно, не могло заключаться всего того, что передавалось о Фоме в народе, зато в нем есть такие данные, которые отличаются характером деловой точности.

Во время императрицы Ирины Фома бежал из Константинополя к персам, избегая наказания за преступление. Здесь он отрекся от христианской веры и получил большое влияние у неверных. С течением времени он распустил слух, что его настоящее имя есть Константин, и что он сын царицы Ирины, избегнувший ослепления и спасшийся невредимым от козней своей матери. Вследствие чего к нему примкнули многие из тамошних жителей, и он начал производить разбойнические нападения на соседей, одних привлекая к себе силою, других — раздачей денег, иных — обещанием почестей и должностей. Имея под рукою преданных ему персов, агарян, армян, авазгов и других, во время царствования Льва Армянина он начал военные действия и захватил всю Армению, Халдею на Кавказе и Арменіак. При таком положении дел царь Лев был убит заговорщиками и возведен на престол Михаил II. Последний должен был бороться с крайними затруднениями, вызванными возмущением Фомы, т. к. значительная часть империи разделяла веру в самозванца, признавая в нем сына Ирины. Самозванец же искусно воспользовался шатанием умов, продолжал увеличивать число своих приверженцев и, захватив царский флот, переправился на европейский берег во Фракию и Македонию. Таким образом силы бунтовщика осадили столицу и лишили ее сношений с провинциями в месяце декабре, 15 индикта (822).

Несмотря на незначительность сил, бывших в распоряжении Михаила, он пытался прорвать образовавшееся вокруг Константинополя кольцо, но Фома, нашедши сильную поддержку в славянских народах Фракии, Македонии и Солуни, с успехом продолжал наступление и осаду Константинополя в течение целого года. Наконец император решился напасть на лагерь самозванца, расположенный в тридцати милях от столицы, и нанес Фоме поражение, причем часть его приверженцев

разбежалась, часть спаслась по городам. Пять месяцев после того Фома упорно держался против царских воевод, наконец захвачен был в одном городе со всеми своими приверженцами, попался в плен и подвергся казни. Два его сына потерпели ту же участь. Так потушено было по официальному изложению возмущение Фомы, которое поддерживаемо было столько же политическими, как религиозными и национальными мотивами, в чем и заключается главный его интерес.

Царь Михаил не имел основания выяснять указанные мотивы движения, хотя письмо его позволяет делать о них догадки. За изложением дела Фомы в письме следует главная часть, объясняющая посольство. Это посольство возложено было на протоспафария и стратига Феодора, митрополита мирликийского Никиту, архиепископа Венеции Фортуната, диакона и эконома Софийской церкви в Константинополе Феодора и кандидата Льва. «Многие из церковных людей и мирян,— говорится далее,— отверглись апостольских преданий и отеческих постановлений, сделались виновниками злых новшеств: изгнали честные и животворящие кресты из святых храмов и на место их поставили иконы с возженными перед ними свечами и стали оказывать им такое же поклонение, как честному и Животворящему древу, пением псалмов и молитвами просили у икон помощи, многие возлагали на эти иконы полотенца и делали из икон восприемников своих детей при святом крещении. Желая принять монашеский чин, многие предпочитали отдавать свои волосы не духовным лицам, как это было в обычае, а складывать при иконах. Некоторые из священников и клириков скоблят краски с икон, смешивают их с причастием и дают эту смесь желающим вместо причащения. Другие возлагали тело Христово на образа и отсюда приобщались святых тайн. Некоторые, презрев храмы Божий, устраивали в частных домах алтари из икон и на них совершали священные таинства и многое другое, непозволительное и противное нашей вере, допускали в церквах. Чтобы устранить эти заблуждения, православные императоры составили поместный собор, на котором определено было снять иконы с низких мест в храмах и оставить те, которые были на высоких местах, дабы невежественные и слабые люди не воздавали им божеского поклонения и не зажигали перед ними свечей. Это постановление мы доселе соблюдаем, отлучая от Церкви тех, которые оказывают приверженность к подобным новшествам. Есть, кроме того, такие, которые, не признавая поместных соборов, бежали из нашей империи в Рим и там распространяют поношение и клевету на Церковь. Оставляя без внимания их гнусные изветы и богохульства, извещаем вас, что мы исповедуем и нерушимо держим в сердце символ святых и Вселенских шести соборов, соблюдаемый всеми православными христианами». В заключение, извещая о дарах, предназначенных для римского папы, царь Михаил просит Людовика дать послам свободный про-

пуск в Италию и содействовать к удовлетворению желаний византийского царя, чтобы были изгнаны из Рима находящиеся там «изменники христианской веры».

Приведенное письмо свидетельствует о двух важных фактах, касающихся борьбы православной и иконоборческой партий в Константинополе: а) что эта борьба выражалась в политической смуте, направляемой самозванцем Фомой; б) что православные искали поддержки в Риме против иконоборческих царей и усиливали тем притязания римского папы на главенство в Церкви. Нет сомнения, что в числе тех сеятелей крамолы и изобретателей злых новшеств, о которых говорит письмо Михаила II, нужно разуметь и будущего патриарха Мефодия, бежавшего после низвержения патриарха Никифора в Рим и пытавшегося вместе с Феодором Студитом возбудить вмешательство папы в церковные дела Византии.

Рассказанные в письме Михаила обстоятельства имеют весьма важное значение для истории иконоборческого движения. Уже независимо от всего прочего любопытно то, что царь Михаил почел нужным изложить со всеми необходимыми подробностями дело, по-видимому, мало относящееся к цели посольства к западному императору и не стоящее в связи с церковным вопросом, о котором, главным образом, должна была идти речь в сношениях с императором и с папой. По всей вероятности, возмущение Фомы затрагивало и церковный вопрос, но царь Михаил не нашел удобным говорить об этом с надлежащей откровенностью, ограничившись приведенным нами в своем месте намеком.

Понятна поэтому важность задачи при помощи византийских памятников раскрыть мотивы в движении самозванца Фомы. Оставляя в стороне рассказ Амартола как весьма бледный фактическими чертами и не могущий идти в сравнение даже с официальным письмом Михаила, обращаемся к Генесию, который и в настоящем вопросе оказывается основным писателем и которым, главным образом, воспользовались другие. Сравнивая его изложение с историей продолжателя Феофана, нельзя не приходить к заключению, что последний черпал полной рукою из хроники Генесия. Но и Генесий писал о возмущении Фомы больше по устному преданию, чем основываясь на письменных изложениях. До него дошло об этом несколько преданий. По одному — Фома и Михаил давно уже питали взаимное нерасположение, с тех пор как Михаил был стратигом анатолийской фемы, а Фома или был подчиненным ему офицером, или же занимал нижний военный чин. Согласно этому преданию, Фома, хотя и происходивший из скифского племени, ко времени вступления Михаила на царство пользовался на Востоке большой популярностью и начал против царя возмущение, заручившись расположением войска. Он скоро нашел средство привлечь на свою сторону и симпатии восточного населения, возбудив в нем надежды на улучшение экономического его положения. Об этой мере Фомы 1енесий выражается следующим образом: «Задержав всех сборщиков податей, он формально отменил установленные законом сборы и раздачей народу денег приготовил против Михаила значительную военную силу». По другому преданию, которое писателю кажется вероятнейшим, Фома происходил из незнатного рода и, прибыв в Константинополь для приискания

средств к жизни, вступил на службу к одному патрикию именем Вардан и скоро, заподозренный в связи с его женою, должен был бежать из Константинополя. Нашедши убежище в сарацинской земле, Фома переходит в магометанство и начинает делать набеги на греческие земли с помощью сарацин. Такова традиция, записанная у Генесия.

Несомненно, здесь видим два предания, которые в своей основе не могут быть примирены. Продолжатель Феофана, приступая к изложению этой смуты, «наполнившей бедствиями вселенную и вооружившей отцов против детей и братьев на братьев» [10], указывает тоже два литературные течения, в которых не одинаково передается о судьбе самозванца. По одному литературному преданию, к которому склоняется и сам писатель, Фома происходит от незнатных и бедных родителей славянского племени, поселенных на Востоке. Ради отыскания средств к жизни Фома прибыл в Константинополь и здесь поступил на службу к одному из вельмож, с женою которого вступил в связь. Когда узнал об этом господин его, Фома бежал на Восток к агарянам, отрекся от христианской веры и сделался ожесточенным врагом империи, нападая на границы ее с толпой приверженцев; сила его 'стала увеличиваться, и в Ромэйской империи, когда он распустил слух, что он царевич Константин, сын Ирины.

По другому преданию, Фома был при Льве V начальником отряда федератов — стражи, набираемой из иноземцев; он начал бунт против Михаила II, мстя ему за убийство своего благодетеля Льва. В этом предании успех возмущения Фомы объясняется двумя причинами: во-первых, еретическим образом мыслей царствующего Михаила II, во-вторых, экономическими и социальными причинами. Именно: Фома облегчил повинности, идущие в казну, и обуздал своеволие сборщиков податей. Так, ему удалось поднять Восток, вооружив рабов против господ, простых воинов против своих начальников. В дальнейшем изложении обстоятельств бунта наши источники не представляют противоречий. Верными царю Михаилу остались только фема Опсикий, благодаря стратигу Катакиле, и фема Армениак, командуемая Олвианом.

Нельзя не придавать особенной важности социальному мотиву движения, который подтверждается еще тем обстоятельством, что Михаил II, по представлению означенных стратигов, счел полезным сделать скидку податей специально для фем Опсикий и Армениак.

В рассматриваемом нами движении следует выдвинуть еще одну сторону, которая выясняется, главным образом, на основании сирийских и арабских известий[11]. Оказывается, что во время царствования Ирины Фома нашел у арабского калифа Гарун-аль-Рашида ласковый прием; выдавая себя за сына Ирины Константина, он приобрел себе расположение среди мусульман переходом в их вероисповедание. В качестве претендента на престол византийского императора он был всегда полезным средством в руках арабов, чтобы держать в страхе империю. В правление Мамуна, подготовляя восстание против императора, Фома несомненно имел за собой если не формальный союз с арабами, то пользовался открытой поддержкой и вспомогательными силами калифа. Слишком краткое и оброненное как бы мимоходом замечание, что бунтовщик венчался императорским венцом от руки антиохийского патриарха Иа-

кова, должно быть оценено с точки зрения тогдашних обстоятельств и введено в надлежащие рамки. Антиохийский патриарх не мог вступить в сношения с Фомой без воли калифа, и самая церемония венчания на царство обличает уже широкий размах политики, причем участие Церкви должно было получить громадное значение среди приверженцев Фомы и в населении Малой Азии. Кроме того, чрезвычайно смелый план самозванца — идти на Константинополь и одновременно с этим движением нападение на острова и приморские города — свидетельствует о настоящем военном плане и организации задуманного Фомой предприятия. В составе собранного Фомой войска действительно участвовали разнообразные инородческие элементы, для которых с идеей империи соединялись совсем иные представления, чем для византийского правительства.

Овладев морскими берегами, самозванец получил в свое распоряжение и морские суда, и опытных моряков, но он озаботился постройкой и новых судов, сосредоточив стоянку морских сил у острова Лесбоса. В дальнейшем осуществлении плана нападения на столицу произошла значительная ошибка. Предполагалось комбинированное движение с моря и с суши. Сухопутное войско поручено было названному сыну Фомы Константину, который не выдержал нападения со стороны оставшихся верными Михаилу стратегов Армениака и Опсикия, попался в плен, и отрубленная его голова была отослана в Константинополь. Что касается морских сил, Фома сосредоточил их в проливе у Абидоса и, отрезав таким образом Константинополь от всяких сношений с морем, начал вести переговоры с населением европейского берега, предполагая сделать высадку во Фракии. Воспользовавшись темной ночью, он выбросил на фракийский берег часть своего войска и нашел здесь вполне подготовленную почву, т. к. обаяние его имени приготовило ему между славянским населением Балканского полуострова много приверженцев[13]. Царь Михаил находился в отчаянном положении и не был в состоянии оказать Фоме сопротивления. В Константинополе успели только снабдить царские суда греческим огнем и запереть железной цепью вход в Золотой Рог, как у города появился неприятельский флот, и началась тесная осада окруженного с моря и с суши города. Это происходило осенью 821 г. Неприятельский флот прорвал заграждавшую вход в Золотой Рог цепь и поднялся к нынешнему Эюбу, где произошло соединение морского и сухопутного войска. Можно полагать, что в декабре 821 г. началась правильная осада Константинополя.

Михаил II имел в своем распоряжении обыкновенный гарнизон столицы и гвардейские полки. Кроме того, верные ему стратиги фем Армениак и Опсикий, Ольбиан и Катакила успели доставить в Константинополь значительные подкрепления из Малой Азии и несколько поднять дух столичного населения Скоро обнаружилось, что надежды самозванца на сдачу города были обманчивы. Осаждавшее войско расположилось в местности Космидий, где был загородный монастырь Косьмы и Дамиана за стенами города, построенный в V в. патрикием Павлином. Весь Босфор находился в руках неприятельских отрядов, которые проникали до берегов Черного моря. Осадный инструмент и стенобитные машины были у Фомы в достаточном количестве, и он надеялся взять город со стороны храма Влахернской Богоматери.

С своей стороны царь Михаил сосредоточил защиту на этой части стен, утвердив свое знамя на крыше Влахернской церкви. В городе сознавали страшную опасность, как во время аваро-славянского или арабского нашествий, и обратились к усердной молитве о заступничестве «непобедимого воеводы», который не раз помогал городу в трудные минуты. Весьма любопытно читать, что иконоборческий по своим настроениям император «приказал своему сыну Феофилу взять победоносное древо Креста и честную одежду Богоматери и обойти стены города со священным клиром и гражданами и молиться о божественной помощи» [14]. Крепкие стены города и наступивший холод поставили Фому в весьма затруднительное положение, осадные работы не достигали цели, флот же не мог действовать по причине противного ветра. С наступлением весны 822 г. Фома вновь приступил к осаде города. Но тогда уже среди собранных им людей не было более твердой надежды на успех, часть войска начала колебаться. И когда Михаил решился сделать вылазку, то одержал перевес над самозванцем; в то же время и флот неприятельский частию перешел на сторону императора, частию сделался негодным для войны вследствие действия греческого огня. Дальнейшие дела под Константинополем шли скорей в пользу императора, чем повстанца. Большим выигрышем для Михаила было то, что теперь с ним опытные вожди, прибывшие из Малой Азии, Ольбиан и Катакила, которые не уступали Фоме в военном искусстве. Во всю зиму 821/22 г. столица была под страхом со стороны осаждавшего ее неприятельского войска, как об этом сказано в письме царя к Людовику.

Восстание Фомы не получило гибельного для Михаила результата лишь вследствие того, что в это дело вмешался болгарский вождь Мортагон. Об этом вмешательстве совсем умалчивает царь Михаил в своем письме, византийская же летопись сообщает противоречивые показания. Георгий Амартол говорит, что Михаил просил у болгар помощи против Фомы, и когда последний узнал об этом, то поспешил им навстречу, нанес им поражение и с значительно ослабленными силами должен был потом защищаться против царских войск, которые действовали в соглашении с болгарами. Генесий, свидетельство которого в других отношениях отличается фактическою достоверностью, в настоящем случае передает несколько подозрительную версию, будто Мортагон, услыхав о событиях в Византийской империи, сам предложил царю Михаилу симмахию, но что этот отказался от союза, и тогда Мортагон вторгся в имперские области и нанес поражение Фоме. Версия невероятная уже потому, что при том положении дела, какое рисует Генесий, Фома и Мортагон были бы союзники, а не враги: при общности интересов они должны были бы совместно действовать против столицы и, без сомнения, взяли бы ее, если бы и на этот раз Византия не нашла средств разъединить интересы врагов.

Как Генесей, так и Михаил находили оскорбительным для национального самолюбия объяснять победу над Фомой союзом с болгарами, а между тем Византия действительно состояла в союзе с Болгарией— отсюда умолчания и неверности относительно этого эпизода как у Генесия, так и у продолжателя Феофана, во многом сходного с ним. Ясно, что силы Фомы благовременно были отвлечены от столицы, и что Михаил воспользовался этим моментом, дабы собрать войско и дви-

нуться на него из столицы. Ослабленный делами с болгарами, Фома заперся в одной крепости, а царь стал осаждать его, употребляя выражение продолжателя Феофана, не машинами и другими орудиями, дабы не выдать тем, которые населяют Скифию, тайны византийского военного искусства, но голодом и лишением жизненных средств.

Неудачи должны были ослабить средства самозванца. После первых неблагоприятных для него военных дел он потерял доверие окружающих и должен был заботиться не о расширении своих операций, а, напротив, о постепенном отступлении. С остатками сил он заперся на берегу Мраморного моря в местности Диавас, откуда посылал разъезды в окрестности с целью грабежа. Но когда византийские вожди Ольбиан и Катакила выступили против него с достаточной силой, то окружающие Фому сподвижники его, утомленные продолжительным и безнадежным сопротивлением царским войскам, решились покинуть Фому и предаться на сторону Михаила. Последний акт драмы разыгрался в Аркадиополе, ныне Люле-Бургас, куда укрылся Фома с несколькими из преданных ему людей; здесь он в течение 5 месяцев еще держался против царского войска. Но голод и лишения вооружили против него население города и его гарнизон, так что в середине октября 823 г. Фома был схвачен и выдан царю Михаилу. Торжествующий победитель хотел было узнать от Фомы, не назовет ли он кого из преданных ему людей между приближенными к царю. Он мог бы, говорит наш историк, назвать многих, если бы «некто Иоанн Эксавулий не заметил, что было бы нелепо давать веру изветам врагов против друзей. И этим словом он спас многих несчастных граждан и друзей Фомы от казни»[16]. Это признание очень важно в том отношении, что обнаруживает множество тайных приверженцев Фомы в столице и среди приближенных царя.

Нет сомнения, мы недостаточно оценили бы причины популярности Фомы, если ограничились бы теми фактами, которые отмечены летописью. В летописи до некоторой степени выяснены мотивы успеха Фомы, лежавшие в его славянском происхождении, и это уже весьма важное обстоятельство, которым нельзя пренебрегать в истории Византии. Но еще любопытнее, что успех движения Фомы лежит в том, что он является орудием православной партии, задумавшей реагировать против иконоборческого правительства. Религиозный мотив, слегка намеченный в письме к Людовику, служил объяснением, почему Михаил решился изложить возмущение Фомы в письме к папе, которое трактует о церковной политике вообще.

В литературной традиции о возмущении. Фомы обращает на себя внимание отношение летописцев к этому самозванцу. Все сохранившиеся сведения исходят от писателей православной партии, и всеми писателями руководит одно и то же чувство по отношению к самозванцу. На это обратил внимание Гирш в своих «Византийских этюдах». «Замечательна,— говорит он,— страстность, с которой составитель летописи высказывается против Фомы; принимая во внимание, что царь Михаил был враг иконопочитания и к тому же узурпатор, нельзя понять, почему православный писатель так беспощадно бичует противника его»[17]. Едва ли, впрочем, уместны здесь какие бы то ни было недоразумения. Наши сведения о возмущении Фомы дошли

до нас в редакции X в. Представителям торжествующего православия неудобно было особенно останавливаться на том обстоятельстве, что самозванец Фома пытался поднять знамя православия против иконоборцев, как не находили они удобным в X в. ссылаться на попытки православных найти помощь в Риме у папы.

Очень определенные указания на религиозный мотив в движении Фомы находим в жизнеописании Феодора Студита[18]. Жизнеописатель сообщает, что Феодор Студит около того времени жил в монастыре Кресцентия на Востоке. Когда же тирания Фомы захватила Азию, вышло царское повеление, приказывающее ему и патриарху Никифору возвратиться в Константинополь. «Не ради сожаления к ним сделано это распоряжение, а из боязни, чтобы православные не присоединились к партии Фомы, ибо ходила молва, что он принимает святые иконы и поклоняется им».

Приведенное место не оставляет более сомнения, что успех возмущения Фомы столько же зависел от социальных мотивов, возбуждая надежды на более благоприятное экономическое положение, сколько от религиозных, т.к. Фома являлся выразителем протеста против иконоборческого направления. С этой точки зрения сам по себе незначительный эпизод вмешательства болгарского князя во внутреннюю смуту Византии приобретает большой исторический интерес, ибо Мортагон своим вмешательством еще на 20 лет поддержал иконоборческую партию и нанес сильное поражение инородческим элементам империи, стремившимся возобладать над эллинизмом. Словом, восстание Фомы приобретает важный исторический смысл, между прочим, в истории славяновизантийских отношений. В частности, для истории Византии оно сопровождалось усилением арабского элемента на западной границе, где испанские и африканские арабы, пользуясь трехгодичными смутами в империи, овладели Критом и Сицилией. К этим обстоятельствам мы обратимся в следующей главе.

Опасное для государства движение, о котором была речь, должно было на время отвлечь внимание от религиозной борьбы. С человеком такого характера, как царь Михаил II, иконопочитатели еще могли бы заключить некоторого рода соглашение, к которому правительство не раз подавало случай. Но руководитель православной стороны отличался большой прямолинейностью и не хотел пойти на путь уступок и приспособлений, на какой приглашали его и сами иконопочитатели. Об этом можно судить на основании собственных слов Феодора в письме к епископу никейскому Петру: «Мы поклонились блаженнейшему архиерею нашему—и по милости Божией рассеяли клеветы и обвинения, которые взвели на нас ревнители мира. Они изображали нас отщепенцами, отделившимися от священного нашего архиерея, самовольно назначающими епитимий, обличенными в общении с еретиками»[19]. О положении иконоборческого вопроса и взаимном отношении иконопочитателей и иконоборцев в 824 г. лучшие сведения дает тот официальный документ, которым мы пользовались выше. Православные настаивали на созвании Вселенского собора и выдвигали авторитет римского папы, иконоборцы же с императором считали это дело подлежащим компетенции местной власти. При жизни Феодора Студита, пользовавшегося общепризнанным авторитетом и твердо державшего бразды правления среди иконо-

почитателей, иконоборческое правительство не переступало границ терпимости и не увеличивало раздражения в народе новым мероприятием. По смерти Феодора 11 ноября 826г. иконоборческая система поддерживалась лицами, начавшими заявлять о себе с 814г. Как иконоборцы, так и иконопочитатели не думали складывать оружия, напротив, готовились к борьбе с новыми силами. Период, отмеченный влиянием студийского игумена Феодора, принес православной партии большую пользу в двояком отношении: 1) в богословских творениях Феодора религиозная сторона системы иконопочитания нашла себе окончательное выражение; 2) своей жизнью и примером и своими письмами и поучениями он дал православной партии внутреннюю организацию и нравственную силу, которая помогла ей выдержать последний натиск иконоборческой системы; что касается, в частности, монашества, то уставом общежительного монастыря он обновил монашескую жизнь и сообщил ей новое содержание. Этими заслугами и до сих пор высоко держится в православной Церкви имя преподобного Феодора Студита.

За капитальными общегосударственного значения вопросами внутренней политики отступала до некоторой степени на второй план упорная и давняя и чуть не каждый год возобновлявшаяся война с арабами. Перестав быть той стихийной силой, которая нигде не встречала преграды, арабы в IX в. после испытанных поражений и разделения калифата обратились в чрезвычайно беспокойных и надоедливых соседей, которые делали наезды на пограничные области империи, грабили страну и уводили в плен население, чем наносили громадный ущерб благосостоянию византийского государства.

В самом калифате произошли перемены, изменившие дальнейшую историю мусульманства в смысле перемещения центра тяжести и перехода главного влияния от арабской народности к персам, а от них - к туркам-сельджукам и затем османским. В политическом отношении это было устранение с исторической сцены Омейядов и победа над ними Аббасидов, победа, искусно и осторожно подготовленная в Центральной Азии, вследствие чего административный и религиозный центр мусульманства передвинулся из сирийского Дамаска в иранский Багдад.

В то же время в центре мусульманства получают широкое развитие наука, литература и искусство; в развитии мусульманской культуры играют роль, впрочем, не арабы, а принявшие ислам иностранцы, и, главным образом, персы и арамеи: чрез посредство последних мусульмане усвоили плоды эллинистической культуры. Высокий культурный подъем в калифате нашел отражение, между прочим, в пространных и окрашенных вымыслами фантазии повествованиях о посольствах, отправляемых из Константинополя в Багдад и обратно от калифа к византийскому царю. Таковы посольства Иоанна Грамматика, геометра и астронома Льва, с другой стороны—путешествие арабского ученого Мухаммеда ибн Мусы в империю[20]. Весьма вероятно, что эти сношения сопровождались значительными заимствованиями в Константинополе арабской архитектуры и искусства.

Во всяком случае, сферы влияния калифата и империи часто до такой степени совпадают между собой, что периоды упадка и подъема мусульманства неизменно совпадают со слабостью или усилением империи. Занимающий нас теперь период, с точки зрения Византийской

империи, представляет собой подготовку духовных и материальных сил к широкой и разнообразной деятельности; с точки зрения калифата — начало ослабления и действия разрушительных элементов; со второй половины IX в. это взаимодействие сил двух обширных миров чрезвычайно рельефно обнаруживается в истории калифата и империи. Для Византийской империи больше значения имела восточная граница, чем юго-западная, отделенная морем и защищаемая флотом. Но все попытки мусульман прорвать восточную границу и прочно утвердиться в Малой Азии разбились об упорное сопротивление царей Аморийской династии.

Наиболее важным в общегосударственном смысле вопросом времени Михаила II следует признать беспрерывные войны с мусульманами и наступательное движение арабов на западные и восточные окраины империи и на острова. Расширение калифата по Азии, Африке и Европе сопровождалось важными затруднениями в смысле управления обширными подчиненными арабами землями и далеко не было благоприятно для распространения мусульманства как религиозного принципа. Нужно также принять в соображение и то обстоятельство, что. в смысле мировой державы распространившееся на три части света мусульманство и само не могло остаться верным первоначальным своим принципам. Так, чтобы иметь финансовые средства, пришлось пожертвовать основным правилом государственного права, по которому вновь присоединившиеся к магометанской вере народы приравнивались к природным арабам и освобождались от повинностей. Немало розни вносили племенные счеты в недрах самого арабского народа и образовавшиеся вследствие того притязания на господство некоторых родов.

В Африке обнаружилась этнографическая противоположность в среде мусульманства, местные берберы стали стремиться к первенству над пришлыми завоевателями. Вследствие этого, пользуясь временными затруднениями калифата, часть африканских мусульман отделилась от династии Омейядов и образовала самостоятельное княжение, или эмират. В 800 г. аглабит Ибрагим, став во главе нового движения, принудил калифа Гарун-аль-Рашида признать его законным и вассальным эмиром, обязавшись платить ему установленную дань и признавать его своим сюзереном. Происходившие в Африке события во все времена имели отражение в Сицилии столько же потому, что здесь был центр византийского господства на Западе и опорный пункт для всех притязаний на возвращение утраченных заморских владений, сколько и потому, что утверждение мусульманской власти в Африке было постоянной угрозой для византийской Сицилии. Около 700 г. арабы захватили остров Кос-суру, находящийся почти на половине пути между Сицилией и Африкой, и поставили себя, таким образом, в ближайшее соседство с островом. С тех пор морские набеги африканских корсаров на острова и Южную Италию сделались бичом для прибрежных стран Средиземного моря, страх сарацинского нашествия и полона является весьма обычным в современных жизнеописаниях святых и в летописях; христианская Европа в 8 и 9 вв. платила дорогую дань мусульманам многочисленным полоном, накопленными в культурных странах сокровищами и неимоверными бедствиями.

Постепенное завоевание Сицилии арабами началось при императоре Михаиле II Травле (820—829) и вызвано было вмешательством

третьего эмира из династии Аглабитов Сиадет-Аллаха (817—838) во внутренние дела острова. В то время как император Михаил находился в первые годы по вступлении на престол в борьбе за власть с самозванцем Фомой, не только мусульманский элемент поднял голову на Востоке и на Западе, но и отдаленные провинции империи пытались порвать свою связь с непопулярным и эгоистичным константинопольским правительством. Освободительное движение начал турмах Евфимий; это был второй военный чин в администрации фемы, который, по-видимому, возвысился еще до прибытия сюда стратига Фотина в 826 г. Теперь, когда Фотин принял меры к восстановлению на острове императорской власти, турмарх Евфимий, принявший уже титул императора, выступил против него со своими местными военными силами и нанес ему полное поражение, взял в плен и предал смерти. Но вскоре начались раздоры между Евфимием и подчиненными ему чинами; один из назначенных им правителей, называемый в арабских известиях Балатом, или Палатом, и находившийся с ним в родстве Михаил Палермский перешли на сторону законной власти и стали теснить его. Находясь в затруднительном положении, Евфимий посадил на корабли оставшуюся верною ему партию и отправился в Африку с намерением предложить эмиру Сиадет-Аллаху верховную власть над островом. Находясь в гавани Сузы, он вступил в переговоры с правительством эмира, которому предстояло решить важную проблему о военном походе в Сицилию и вместе с тем об открытой войне с Византийской империей.

Решение этого вопроса было предложено на обсуждение совета знатных в Кайруане. Главное затруднение заключалось в том, чтобы установить точку зрения на заключенный с Сицилией договор в 813 г.: можно ли считать его уже нарушенным, или нет. Против умеренной партии, которая советовала предварительно собрать точные данные о положении дел в Сицилии, выступил с решительным мнением кади города Абу-Абдаллах Асад, указавший, между прочим, на то, что в сицилийских тюрьмах и доселе томятся мусульманские пленники, что пророк завещал правоверным войну с неверными; его призыв к войне победил осторожных и колеблющихся. Означенный кади и ранее пользовался большим влиянием на эмира и имел известность первого знатока церковного и гражданского закона; по своему же званию кади Кайруана владел судебной и полицейской властью над мусульманами и пользовался влиянием во всех государственных делах. Общее мнение склонилось также в пользу того решения, чтобы военная экспедиция против Сицилии поручена была начальству кади Асада, и хотя соединение военного звания несовместимо было с положением кади, тем не менее, встретившееся затруднение было разрешено авторитетом Сиадет-Аллаха.

Таким образом, в гавани Сузы, где стояли суда византийского самозванца Евфимия, начала подготовляться морская экспедиция, подогреваемая высоким религиозным одушевлением. Собралось около 10 тыс. пехотинцев и 700 всадников — лучшая военная сила африканских арабов,— для посадки которых было заготовлено 100 морских судов. 14 июня 827 г. африканский флот отправился в Сицилию, на этот раз не с целью грабежа и наживы, а с намерением приобщить к исламу новую страну. Через три дня мусульманский флот пристал к Сицилии в гавани

Мазара, к югу от Лилибея, где самозванец имел встретиться со своими сторонниками. Немедленно обнаружилась полная невозможность примирить интересы мусульманской и христианской партий. Предводитель арабского флота, охотно пользуясь услугами Евфимия и его приверженцев для выяснения своих ближайших задач в Сицилии, не мог, однако, предоставить ему самостоятельности и не соединял своего отряда с повстанцами против императорской власти. Вследствие чего скоро произошли недоразумения между Асадом и Евфимием. Против африканцев и их союзников на острове едва ли могла организоваться большая сила, которую должны были составить оставшиеся верными законному правительству гарнизоны городов и незначительная часть туземного ополчения под предводительством упомянутого выше Балата. Хотя арабские источники чрезмерно преувеличивают количество выступавших против Асада неприятелей и восхваляют его личную доблесть, но в сущности первое сражение Асада с христианами, окончившееся поражением последних, было столкновением с небольшим отрядом; все ведет к заключению, что Сицилия была в то время лишена военной защиты.

В самом деле, после одержанной над Балатом победы арабский-вождь почти без всякого сопротивления прошел поперек острова к главному городу Сицилии — Сиракузам, опустошая окрестности и забирая на пути пленников и заложников. Но здесь Асаду начало изменять счастье, тем более, чго его союзник Евфимий, обманувшись в возлагаемых на арабов надеждах, стал подстрекать сицилийцев к сопротивлению. Прежде всего важно было задержать неприятеля и дать время прибыть из Константинополя подкреплениям. С этой целью к Асаду явились из Сиракуз послы и начали с ним переговоры об условиях, на каких город может сдаться арабам, хотя в то же время происходили поспешный подвоз припасов к угрожаемому неприятелями городу и восстановление стен. Когда для арабского предводителя выяснилось, что приостановка военных действий выгодна сицилийцам и нисколько не приближает к сдаче Сиракуз, он решился немедленно приступить к осаде города, хотя это и представлялось безумием ввиду сравнительно слабых сил и недостатка в осадных средствах. Но Асад имел основания ожидать помощи от Африки, кроме того, к нему прибывали охотники из Испании и из Крита, который также сделался добычей мусульман в 825 г. И действительно, на первых порах казался возможным успех: императорский флот не приближался к острову, а посланный из Палермо небольшой отряд, не оказав осажденным никакой пользы, был рассеян арабами. Но т.к. страна была опустошена вследствие неприятельского нашествия, и осада затянулась на продолжительное время, то в арабском лагере обнаружился недостаток съестных припасов, вызвавший голод и появление эпидемии, жертвой которой сделался и сам предводитель арабского войска (осенью 828 г.).

Хотя в арабском лагере не теряли надежды на благоприятный оборот дел и избрали вождем Мухаммеда ибн ель-Джевари, но на самом деле положение осаждающих становилось весьма опасным. К острову стали прибывать подкрепления из Константинополя и морские суда из Венеции, посланные дожем Джустиниани; тогда арабам не осталось иного выхода, как сесть на суда и поспешить в Африку. Но т. к. выход из гавани был оберегаем прибывшим флотом из Венеции, то арабы

сожгли свои суда и решились углубиться внутрь страны. В расстоянии небольшого перехода от Сиракуз они захватили сначала укрепление Минео, а потом восстановили сношения с морем посредством занятых ими городов Жирженти и Енна, или Кастроджованни. Т. к. обе крепости находились на противоположных концах острова, и арабы не могли вступить между собой в сношения, то казалось, что к концу 829 г. предприятие их в Сицилии должно было окончиться неизбежной катастрофой.

Прежде чем продолжать, однако, изложение дальнейшей борьбы христиан с мусульманами в Сицилии, которая тянулась с переменным успехом до периода Македонской династии, находим уместным бросить здесь взгляд на успехи, одержанные мусульманами на других пунктах западной границы империи. Весьма важным в этом отношении событием было завоевание Крита, лишившее Византию морского преобладания на Средиземном море и ограничившее для нее свободное распоряжение ее морскими силами. Напор на Сицилию шел из Африки, завоевание Крита направляемо было из другого мусульманского центра. В испанском калифате под управлением Ал-Хакима происходили сильные внутренние смуты, вследствие которых часть жителей Кордовы должна была искать спасения в бегстве и нашла приют в Александрии. Через три года по переселении в Египет (818—819) испанские арабы захватили Александрию и объявили себя независимыми от калифа Ал-Мамуна из Аббасидов, имевшего столицу в Багдаде и сильно занятого тогда усмирением смут в Персии.

В 825 г. после утверждения своей власти Ал-Мамун послал в Египет своего полководца привести к повиновению египетского наместника, отложившегося от калифата, а равно отнять Александрию у испанских бунтовщиков. При таких условиях бежавшие из Кордовы арабы решились искать счастья в новой авантюре и избрали для этого остров Крит. Очень большая осведомленность арабов насчет беззащитного положения острова объясняется как прежними их походами и набегами на острова и прибрежные местности, так и точным знанием условий, в которых империя находилась именно в данное время. Под начальством избранного ими вождя Абу-Хафса и с согласия калифа испанские арабы пристали в 825 г. к Криту в бухте Суда и, не встречая почти никакого сопротивления, начали занимать критские города и производить набеги и опустошения в незащищенных местах. Чтобы отнять у арабов всякую мысль о возможности возвращения на родину, Абу-Хафс, по преданию, приказал уничтожить корабли и указал им строить укрепленный лагерь, который под именем Хандака и дал потом арабское наименование Кандии самому острову. Когда все укрепленные места перешли во власть арабов, местное население было обращено в рабство, и ислам стал насильственно вводиться между населением Крита. Со стороны империи предпринят был ряд мер к возвращению острова, но все меры оказались безуспешны, так что более 100 лет, именно до 961 г., Крит оставался под властью арабов. Стоит отметить, что в 826 г. явился на Крит стратиг анатолийской фемы протоспафарий Фотин и пытался возвратить остров под власть императора, но ему нанесено было сильное поражение, так что он едва мог спастись от плена. Другая попытка спасти Крит была сделана в 827 г. под начальством стратига Кратира.

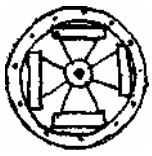
Хотя этому вождю и удалось одержать над арабами победу, но он вследствие беспечности и самоуверенности не только потерял все свое войско, но и сам попался в плен и был казнен арабами. С тех пор в течение 135 лет Византия не могла восстановить своей власти на этом острове.

Возвращаемся к истории сицилийских дел. Смелые искатели приключений, казалось, были оставлены здесь на произвол судьбы и ко времени вступления на престол царя Феофила (829) едва могли держаться в укреплении Мазара, первом опорном пункте, с которого и начались их завоевания в Сицилии. Но в 830 г. к арабам явилась помощь с двух сторон, так что скоро они сделались господами положения. С одной стороны, к Сицилии пристала испанская флотилия корсаров под начальством бербера Асбаг-ибн-Вакила по прозванию Фаргал, которая, впрочем, не имела цели оказать помощь стесненным единоверцам, руководясь исключительно желанием добычи. К тому же времени прибыл к Сицилии отряд судов, посланных Сиадет-Аллахом. Находившиеся в Сицилии арабы вошли с ними в переговоры насчет совместных действий против императорских гарнизонов в Сицилии, согласившись признать над собой высшую власть Асбаг-ибн-Вакила. Последний, имея· в своих руках значительные военные средства, начал ряд довольно успешных предприятий на острове. Прежде всего он пошел на крепость Минео, где стоял присланный императором стратиг Феодот.

В августе 830 г. арабы напали на греков и совершенно победили их, причем в битве пал и патрикий Феодот, а остатки греческого отряда заперлись в Кастроджованни. Но скоро затем разразившаяся в лагере победителей повальная болезнь, от которой погиб и сам начальник экспедиции, изменила взаимное отношение сторон. Греки снова стали стеснять арабов, и последние теряли постепенно занятые ими местности. В конце концов им не осталось другого исхода, как сесть на суда и возвратиться в Испанию. Из участников того отряда, который прибыл в Сицилию три года тому назад вместе с Асадом, осталась небольшая горсть воинов, которая заперлась теперь снова в Мазаре. Между тем, та часть африканских арабов, которая прибыла в Сицилию по поручению Сиадет-Аллаха, перенесла театр военных действий на север острова, пристав ко второму по значению городу Сицилии Палермо.

Осада Палермо продолжалась целый год, от июля 830 до августа 831 г. Густонаселенный город, в котором было не менее 70 000 жителей, сильно пострадал от неприятелей и от моровой язвы. Наконец, спафарий Симеон, бывший, вероятно, начальником гарнизона, вступил с арабами в переговоры об условиях сдачи города. Выговорив безопасность для себя и своей семьи, для епископа и немногих граждан, он принужден был сдать город на волю арабского предводителя и сам спасся в Константинополь. С тех пор положение арабов в Сицилии могло считаться вполне утвердившимся. Палермо составлял весьма важное приобретение и надежную точку опоры для дальнейших предприятий как на острове Сицилии, так и в Южной Италии. Независимо от этого, удобства культурного города, богатства, в нем найденные, и множество пленников — все это было хорошей наградой за испытанные прежде лишения и неудачи. Приобретенные арабами в Сицилии успехи и мировое значение Палермской гавани стали привлекать сюда массу новых искателей приключений со всех концов мусульманского мира.

Капитальное значение происходивших в Сицилии событий с точки зрения византийских интересов заключалось в том, что Сицилия была мостом, соединявшим Африку с Южной Италией, и что переход влияния в Сицилии на сторону арабов серьезно затронул положение греков в Южной Италии. Сицилийские арабы начали делать набеги на итальянские прибрежные области, которые сначала ограничивались грабежами и собиранием добычи, а со временем стали сопровождаться организацией поселений на важнейших местах. Весьма любопытным и имевшим громадное значение обстоятельством были тесные'дружественные отношения, возникшие между арабами и Неаполем. Находясь в постоянной борьбе с Беневентом, неаполитанский дука, который был под властью сицилийского стратига, не пренебрегал никакими союзниками, откуда они ни появлялись бы. В 836 г. арабы оказали Неаполю помощь в борьбе с Беневентом, и, в свою очередь, в 843 г. неаполитанцы пришли на помощь арабам со своими кораблями и помогали им осаждать Мессину. Переход этого города во власть арабов обеспечивал за ними не только обладание северо-восточной частью Сицилии, но давал возможность запереть пролив для византийского флота и сделаться полновластными распорядителями в западной части Средиземного моря, но они не так скоро воспользовались своими выгодами. Хотя арабы ограничивались лишь небольшими приобретениями в Сицилии, опустошениями незащищенных мест, тем не менее, так стеснили императорские гарнизоны, что они не выходили из укрепленных городов, еще остававшихся в их власти: Енна, Сиракузы, Катана, Таормина. Все давало арабам решительные преимущества и делало вопросом незначительного времени окончательную потерю для греков господства в Сицилии. Усилия арабов направлены были на центральный и более укрепленный пункт византийской власти — на Енну, где греки чувствовали себя под защитой крепких стен в полной безопасности. Но в начале 859 г. крепость была взята арабами вследствие измены одного пленника, указавшего на запущенный водопровод, которым можно было проникнуть в город. Окончательное утверждение арабов в Сицилии в 878 г. открывало для них широкие завоевательные и честолюбивые притязания на мировом театре, где должны были в это время вступить в состязание Восточная и Западная империи.

Глава XV

Восточная граница империи. Потеря Амория

Сын Михаила II Феофил, вступивший на престол по естественному преемству власти от отца к сыну, которое казалось окончательно забытым в Константинополе, далеко оставляет позади себя ближайших предшественников как по благородству характера, так и по сознанию высокой ответственности, которая лежала на нем как на государе. Хотя основатель аморийской династии ничем не выдавался из среды обыкновенных военных людей, но в Большом дворце императоров накопилось достаточно культурных преданий, которые легко возобладали над Михаилом II и побудили его дать своему сыну и наследнику престола самое лучшее по тому времени образование, приставив к нему в качестве воспитателя известнейшего ученого и ритора Иоанна Грамматика, о котором было говорено в начале предыдущей главы.

Наследник престола был сопричислен к власти своим отцом с первых лет его правления и имел возможность вполне ознакомиться с правительственными делами еще до смерти своего отца. Его склонность к литературным занятиям и к поэзии и покровительство науке и искусству выразились в многочисленных новых предприятиях его времени и в деятельности современных ему ученых и художников. В особенности источники отмечают любовь Феофила к правосудию, во имя которой он не допускал никаких изъятий даже по отношению к самым близким лицам. Женившись на девице пафлагонского происхождения по имени Феодора, которая вместе с другими красавицами, собранными со всей империи, представлена была ему во дворце и остановила на себе его внимание, Феофил едва ли, однако, нашел в своей супруге друга и товарища, который разделял бы его взгляды. Рассказывается несколько анекдотов о том, как царь и царица различно относились к принципиальному вопросу времени — к иконопочитанию и как вследствие этого женская половина дворца, состоявшая из родни царицы и дочерей ее от Феофила, составляла совершенно обособленное общество. Однажды царь заметил из дворцового сада входящий в гавань заморский корабль, нагруженный товаром. Узнав, что этот корабль с сирийскими товарами принадлежит царице Феодоре, царь приказал уничтожить его и порицал супругу за то, что, занимаясь торговлей, она унижает свое звание.

Т.к. деятельность Феофила главнейше была направлена на Восток, то нам необходимо здесь подробней ознакомиться с состоянием дел Багдадского калифата и выяснить причины столкновений между Аб-басидами и империей. В занимающее нас время Византия подвергалась опасности постоянных нападений и со стороны моря, и со стороны суши.

Остров Крит, сделавшись арабским владением, стал высылать во всякое время корсаров к берегам Малой Азии. Самая морская фема Кивиррэотов подвергалась опустошениям, что служит указанием на то, как Византия слаба была морскими силами. Остатки византийского флота здесь были разбиты в 829 г., и арабы после того почти без сопротивления делали набеги на Кикладские острова, на Афон и на прибрежные места Азии. Еще хуже было положение со стороны сухопутной границы. Прежняя пограничная линия укреплений на персидской границе была уничтожена вследствие завоевания Персии арабами, и самое значение прежних крепостей Дара и Нисибис было утрачено с тех пор, как арабы завоевали Палестину и Сирию. Теперь арабы хозяйничали, так сказать, в пределах империи. Когда с разрешения калифа Ал-Мамуна в Антиохии православный патриарх короновал императорским венцом самозванца Фому, то в этом выразилось крайнее падение авторитета православного царя, которое чувствительно отозвалось в Константинополе. Не менее того слабость империи по отношению к калифату свидетельствуется и смелыми предприятиями на море со стороны критских и сицилийских арабов, против которых Византия не могла предпринять ничего серьезного.

В IX в. арабы умели и воевать, и защищать завоеванные места. Пограничная с Византией линия арабских укреплений опиралась главным образом на Антиохию и Самосат, где арабы имели свои военные запасы и откуда организовались военные предприятия против империи. Арабские владения шли, однако, далее означенных городов, простираясь до гор Тавра. Важнейшим пограничным укреплением был здесь Таре, лежащий недалеко от киликийского горного прохода. Он был окружен двойной стеной и снабжен продовольствием, военными запасами и сильным гарнизоном, представляя собою во всякое время достаточную силу и для нападений, и для защиты. Пограничная укрепленная линия от Тарса шла на север на Адану и Мопсуестию, затем на Аназарб, Мараш и Малатию, или Мелитену. Вся эта линия была сильно укреплена и имела в непосредственном соседстве византийскую оборонительную линию в фемах Анатолика, Каппадокия и Харсины. Т. к. не проходило ни одного лета и весны без того, чтобы сарацинская легкая кавалерия не врывалась в названные фемы, то легко судить о постоянном напряжении, в каком находились пограничные области, и о важности службы граничар, или акритов, обязанных оберегать горные проходы Тавра.

В царствование Михаила II калифат не был в состоянии обнаружить весь свой воинственный пыл на границе с Византией, благодаря случайному обстоятельству, отвлекшему внимание Ал-Мамуна к внутренней войне, вызванной появлением религиозно-социальной секты хуррамитов, распространяемой неким Бабеком персидского происхождения. Гнездом нового учения была горная страна на юго-западе Каспийского моря, между Арменией и Адербиджаном; многие племена, принявшие учение Бабека, подняли восстание против калифа и более 20 лет вели с его правительством войну, разбивая высылаемые против них отряды и приобретая себе новых приверженцев. В особенности в 829— 830 гг. повстанцы уничтожили все высланное против них войско, нанеся сильный удар самолюбию Мамуна. Независимо от всего прочего, повстанцы состояли в сношениях с империей и, вероятно, находили в ней

для себя поддержку. Разобраться в подробностях здесь в высшей степени трудно, но заслуживает внимание легенда о генерале Феофове, сложившаяся в это время и проливающая некоторый свет на занимающий нас вопрос. Это был выходец из мест, находившихся в то время в политическом и религиозном движении. Об нем ходили слухи, что он происходит из персидского царского рода, но на самом деле даже ближайшие к этому времени писатели 1енесий и продолжатель Феофана не могли сказать об нем ничего точного и определенного. Он перешел на сторону Византии с 14 тыс. своих соотечественников, которые зачислены были на военную службу и получили привилегированное положение. Что же касается самого Феофова, то он сделал в Византии отличную карьеру, достиг важных военных отличий и вошел в царскую семью в качестве зятя Феофила по браку с Еленой, сестрой царя.

Независимо от вполне заслуженного почета за свои военные заслуги, в которых мог тогда равняться с ним разве один магистр Мануил, дядя царицы, Феофов выставляется в летописном предании человеком в высшей степени популярным как в столице, так и в провинциях, где были расположены военные колонии персидского происхождения. Все писатели,— что бывает очень редко,— отзываются об нем с чувством глубокого уважения, восхваляя его ум, образование и православный образ мыслей. Широкая популярность Феофова под конец навлекла даже на него подозрение со стороны императора и была причиной больших для него неприятностей, о чем будет речь впоследствии. В настоящем случае следует отметить, что восточные провинции, дававшие в первую половину иконоборческой эпохи самых энергичных борцов против ико-нопочитания, в занимающее нас теперь время выставляют ревностных почитателей святых икон и сторонников перемены в церковной политике. Это обстоятельство и должно объяснять легкость, с которою произведен был в 843 г. переворот в пользу восстановления православия.

Военные столкновения между калифатом и империей начались на восточной границе вслед за вступлением на престол Феофила и продолжались в течение трех лет до смерти Ал-Мамуна, умершего в 833 г. в Тарсе во время похода против Византии. Выступив из Багдада в 830 г., Мамун прибыл в Таре и в половине июля вместе с сыном своим Аббасом вступил в пределы империи. Военные действия происходили близ укрепленной линии, о которой была речь выше, именно в феме Анатолика, где арабов встретил сам Феофил с двумя лучшими своими полководцами Мануилом и Феофовом. Арабы имели в этом походе решительный успех и овладели несколькими византийскими укреплениями. На следующий год возобновилась война с новой силой. На этот раз нападающей стороной был царь Феофил, который неожиданно перешел теснины Тавра и напал на арабскую крепость Таре, в которой погубил значительное число населения. Другие отряды двинулись на северо-запад, где в феме Харсианы арабам было нанесено сильное поражение и, по свидетельству византийской летописи, захвачено в плен до 25 тыс. человек. После этой победы Феофил держал торжественный триумфальный въезд в столицу, описание которого сохранилось у Константина Порфирородного[1]. Мы приведем из этого памятника некоторые места. «Когда Феофил прибыл во дворец Иерию (что в нынешнем Фанараки на азиатском берегу), навстречу ему прибыла августа и регент с магистром и епархом города и сената,

возложив охрану города на гвардейские полки. Сенат приветствовал царя земным поклоном в некотором расстоянии от входа во дворец, а царица (Феодора) вошла за решетку нижней залы и приветствовала его целованием. Феофил приказал сенату оставаться с ним в Иерии в течение семи дней как бы в консистории с целью выждать, пока доставят сюда пленных агарян. По истечении семи дней отплыл из Иерии к святому Маманту и пробыл там три дня, и отсюда прибыл во Влахерны, где вышел из корабля и, сев на коня, держал путь за внешние стены в палатки, которые были раскинуты на долине. Тогда же были доставлены к месту стоянки царя и военнопленные. Городской же епарх занялся украшением города, убрав его наподобие брачной комнаты. Разнообразные ткани и шелковые материи, и серебряные светильники, и цветы, и разных цветов розы украшали главную улицу города от Золотых ворот до Халки. В триумфальном шествии принимали участие разделенные отрядами войск на отдельные группы пленники, добыча и оружие. Затем ехал император на белом коне, покрытом драгоценной попоной, держа в руке скипетр. На нем была одета вытканная золотом широкая одежда (хитон, или хламида) с лороном в розовых и виноградных узорах, опоясанный шпагой и имея на голове тиару. Вместе с ним ехал кесарь (это был Алексей Муселе), одетый в золотой панцирь с наручниками и наколенниками из золота, нося на голове кесарскую повязку с золотым обручем, опоясанный шпагой и сидя на белом коне в драгоценной попоне, в руке у него было золотое копье. При вступлении царя в великие Золотые ворота магистр, регент и епарх города поднесли ему золотой венец, украшенный драгоценными камнями и дорогим жемчугом, который царь принял и держал на правом плече. Тут устроили ему торжественный прием, обычный для праздничной процессии, городские димы, приветствуя его возглашениями. Оттуда шествие направлялось через Сигму мимо св. Мокия до Миля. Здесь сошли с коней члены сената и пошли впереди царя до колодца св. Софии. Перед входом в Халки находится возвышение, на нем с одной стороны стоял золотой орган, известный под названием «Несравненного чуда», с другой — золотой и украшенный драгоценными камнями трон, а посреди большой золотой крест. Когда царь сел на трон, началось представление городских сословий и поднесение даров. Царь принимал подношения, благодарил и держал речь об удачах окончившейся войны. Присутствовавшие славословили его восклицаниями. Затем, встав с трона, сел на коня и, проследовав чрез портики Ахилла мимо бань Зевксиппа, вступил в некрытый ипподром и, пройдя под кафисмой через Дафну, спустился в крытый ипподром и отсюда, сошед с коня, вошел во дворец. На следующий день происходили приемы и пожалование чинов и наград, давались представления в цирке, причем вновь в торжественной процессии показывались народу пленники и военная добыча»[1].

Можно думать, что оценка удачного лишь до некоторой степени похода была слишком преувеличена. Едва ли не в том же году Ал-Мамун предпринял вновь наступление в византийские пределы. Царь Феофил предлагал калифу возвратить часть пленников, лишь бы достигнуть мира на Востоке, но по всем данным следует заключить, что летом 831 г. война велась на восточной границе, именно в феме Каппадокия. Здесь арабы взяли город Ираклию — Кивистру, захватили много пленников в городе Тиане и нанесли поражение византийскому отряду, во главе которого стоял сам Феофил.

В следующем году (832) снова начались военные действия, хотя калифу предстояло принять личный поход в Египет, чтобы усмирить тамошнее восстание. По окончании египетского похода Мамун осадил византийское укрепление Лулу, которое защищало киликииски проход и находилось на пути от Тарса в Тиану. В течение ста дней арабы не могли взять этой крепости, пока не выстроили сами двух башен, при помощи которых могли наносить вред византийскому гарнизону. Хотя Феофил спешил прийти на выручку осажденной .крепости, но был на пути разбит арабами, захватившими богатую добычу. Тогда крепость сдалась арабам и была ими обращена в опорный пункт при наступлении против Византии. Ввиду этого Феофил вступил в сношения с калифом насчет заключения мира и обмена пленными. Но со стороны повелителя правоверных последовал такой высокомерный ответ, который не оставлял места для мирного соглашения [2].

На следующий год арабы вступили в Каппадокию. Можно заметить, что с каждым годом они делали новые завоевания внутри страны. На этот раз сын Мамуна Аббас занялся возобновлением и укреплением Тианы, которая составляла прежде византийскую пограничную крепость, а теперь пришла в полное разрушение. Между тем сам калиф приготовлял большие военные средства для наступления против империи. Может быть, тогда уже осуществилось бы предприятие против Амория, важного города фемы Анатолика и отечества царствовавшей в Византии в это время династии, но среди приготовлений к походу Ал-Мамун умер в августе 833 г. и погребен в Тарсе.

Ближайшие затем годы при преемнике Мамуна, калифе Ал-Мута-симе, нет известий о военных действиях на восточной границе, хотя и попытки Феофила заключить мир с арабами не увенчались успехом. В 837 г. сам Феофил начал военные действия на восточной границе. Два обстоятельства должны быть приняты в соображение для объяснения этого решения: во-первых, возвращение к нему из Багдада магистра Мануила, который мог сообщить царю важные сведения о положении дел в калифате; во-вторых, начавшиеся сношения с Бабеком, вследствие которых для Византии открылась возможность нанести арабам чувствительный удар, в то время как силы их заняты были усмирением движения в провинции Адербиджан. Поход был предпринят при самых благоприятных условиях. Редко империя располагала такими громадными силами, как на этот раз — в войске было до 100 тыс., в состав его входили славяне и перешедшие к Феофилу персы из приверженцев Бабека. Феофил открыл поход в направлении к Месопотамии, где в то время не могло быть значительного сопротивления. Ему удалось взять без труда арабские крепости Малатию и Самосат, составлявшие ключ

арабских укреплений на северо-западной границе калифата, и затем приступил к важному городу Запетре, или Созопетре, который, между прочим, пользовался, по византийским известиям, особым для Мутаси-ма значением как его отечественный город. И этот город был взят и подвергся беспощадному опустошению: победители жестоко издевались над пленниками, выкалывая им глаза и отрезывая уши. Это была вторая победа Феофила, которую он отпраздновал в столице новым триумфом. В память этой победы начат был постройкой загородный дворец на малоазийском берегу в нынешней местности Мальтепе, известный под именем дворца Врия*. Но эта последняя победа весьма затронула калифа Мутасима, и он решился немедленно мстить за нее.

В 838 г. военные действия между калифатом и империей достигают своего высшего напряжения. Арабы не ограничиваются кавалерийскими наездами и опустошением страны, они проникают в середину Малой Азии и почти одновременно берут две важные византийские крепости, Аморий и Анкиру. Мутасим мог располагать теперь большими военными силами после удавшегося наконец усмирения Бабека. По словам арабского летописца Табари, ни один калиф до того времени не имел с собой в походе такого числа войск, оружия, снарядов, мулов, кожаных мехов, мехов для молока, железных орудий, нефти[3]. Дабы для всех была ясна цель движения, было сделано распоряжение обозначить имя Аморий на знаменах и щитах арабского войска. Хотя подготовлявшееся событие — осада и взятие Амория — имело для империи весьма важное значение, т. к. дело касалось родины царствующего дома, но о ходе событий не сохранилось достоверных известий, и нам приходится довольствоваться весьма незначительными и сухими данными,- по которым трудно восстановить систему и план действий арабской и византийской стороны. Независимо от упомянутых условий, Аморий имел в то время важное церковное и политическое значение, будучи возведен в метрополию и пользуясь обширным влиянием в феме Анатолика. Ввиду своего политического и географического положения этот город представлял собой сильную крепость, стены его были защищены 44 башнями. Арабское войско было разделено на две большие части, из коих одна шла с юга от крепости Тарса по направлению к Аморию, другая—с северо-восточной стороны через Армению на Анкиру.

Ближайшие и непосредственные распоряжения к защите Амория сделаны были из Дорилея, где император имел свою главную квартиру. Защита была вверена стратигу Анатолика патрикию Аэцию, причем гарнизон был усилен новыми частями под начальством протоспафария Федора Кратира. Из других начальственных лиц упоминаются патрикий Феофил Вавуцик, турмарх Каллист, друнгарий Константин и некто Мелиссин. Со стороны арабов главным вождем был Афшин-Хайдар ибн Каус, которому и предоставлена была задача отвлечь внимание Феофила от Амория движением на северо-востоке; во главе же отряда, направлявшегося от Тарса к Аморию, стоял Ашнас турецкого происхождения. Первое и решительное действие, решившее и судьбу Амория, происходило далеко от того театра, который, казалось бы, был намечен самым

* Прямо против острова Проти

расположением главных войск — Дорилей, Аморий и Таре. Из спутанных и противоречивых известий арабских писателей следует выводить заключение, что царь Феофил сначала имел целью встретить ту часть арабского войска, которая стояла на р.Ламус недалеко от Тарса и которая должна была идти на Аморий. Но вследствие полученных слухов о движении неприятелей на фему Арменияк он признал возможным отделить часть из своего отряда и лично направиться с ней в Арменияк, чтобы остановить движение Афшина, — это, собственно, и было, по-видимому, причиной неудачного для Феофила исхода всего предстоявшего предприятия. Недалеко от Команы в феме Арменияк византийское войско, предводимое двумя лучшими генералами Мануилом и Феофовом, сошлось с арабским отрядом, во главе которого стоял Афшин. Здесь произошла известная по своим гибельным последствиям для империи битва на равнине Дазимон. Она началась утром 22 июля и сначала шла удачно для греков, но со вступлением в дело арабской конницы счастие повернуло на сторону мусульман. Когда началось беспорядочное бегство византийского войска, царь подвергался неминуемой опасности быть окруженным врагами и попасться в плен, но ему помог выбраться из опасного места Мануил, проводив его до Амасии, где сосредоточивались остатки потерпевшей поражение армии. За этим несчастием следовало другое. Наступавшее с северо-востока арабское войско стало угрожать Анкире, и, прежде чем была послана помощь этому городу, он был уже взят неприятелем. После этого все арабские силы стали сосредоточиваться у Амория.

Для царя Феофила, который снова приблизился к Дорилею, не оставалось надежды на успешный исход войны, и он поспешил обратиться к Мутасиму с письмом, в котором объяснял последовавшие при взятии Запетры жестокости и предлагал калифу выдачу пленников и всяческое удовлетворение, если он оставит продолжение похода. Но Мутасим отдал уже приказ своим военачальникам Афшину и Ашнасу приступить к осаде Амория и сам стал лагерем среди осаждавшей город армии. Осада началась 1 августа 838 г.; она потребовала значительных земляных работ и возведения укреплений вокруг стен, чтобы получить возможность пользоваться стенобитными машинами и таранами. Но и аморийский гарнизон под начальством патрикия Аэция честно исполнял свое дело и наносил большой урон осаждающим. Обе стороны имели значительные потери, и пока нельзя было предвидеть, на чьей стороне окажется перевес. В высшей степени трудно понять, что в это время делал Феофил: был ли он в Дорилее или отозван был в Константинополь неблагоприятными оттуда вестями. Легенда объясняет взятие города Амория изменой со стороны одного мусульманина, который содержался в Аморий в плену. Он будто бы выдал калифу секрет военной обороны города и указал часть стены, которая не могла выдержать действия стенобитных машин.

С тех пор как неприятель начал бить стену в указанном ему месте, для защитников города не оставалось никакой надежды на спасение, т. к. скоро обрушилась часть стены, и все усилия гарнизона заделать обвалившееся место бревнами и посредством наложения войлока уменьшить силу удара машин не могли спасти город. В самых последних и решительных делах принимал участие сам Мутасим. Прежде всего был

заполнен в некоторых местах глубокий ров перед городскими стенами, затем придвинуты были подвижные башни с достаточным числом военных людей. В то же время продолжала постепенно увеличиваться вследствие действия стенобитных машин упомянутая выше брешь в стене, которую уже невозможно было своевременно заделывать. Тогда защитник этой части стены, не получая помощи от стратига Аэция, вступил в переговоры с арабами насчет условий сдачи крепости. По словам предания, и на этот раз хитрость и измена помогли арабам. Они ворвались в город во время прекращения военных действий, когда завязались переговоры об условиях сдачи. Так или иначе, Аморий взят был на щит после упорного сопротивления, продолжавшегося почти два месяца и стоившего осаждавшим огромных жертв, измеряемых десятками тысяч погибших.

Победители не дали пощады завоеванному городу. Множество беззащитных жителей было убито, множество взято военнопленными. Город предан огню, грабежу и страшному опустошению. По приказанию калифа пленники были поделены на два разряда — знатные и простые люди,— и все были разделены между главными вождями. Собранная военная добыча продавалась в течение пяти дней, что не успели продать— сожгли. Женщин, детей и рабов продавали по дешевой цене и целыми группами — по пяти и десяти. Блестящий успех, каким сопровождался поход 838 г., мог бы поощрить Мутасима к дальнейшему движению против царя Феофила, до такой степени удрученного постигшими его неудачами, что он впал в тяжкую болезнь, от которой долго не мог поправиться. Но Мутасим возвратился назад с громадным обозом добычи и со множеством пленных, в числе коих были высшие сановники и между ними патрикий Аэций и протоспафарий Феодор Кратир. Все пленники приведены были в Багдад и поселены в построенном Мутасимом городе Самра на р. Тигр, где они томились в заключении и приняли мученическую смерть в 846 г.

Следствием поражения, испытанного летом 838 г., Феофил пришел к мысли составить род европейской коалиции против мусульман. С этой целью он вступил в сношения с западным императором Людовиком Благочестивым, с дожем Венеции и, наконец, с испанским калифом Абдаррахманом II из династии Омейядов. Прежде всего византийское посольство в конце 838 г. появилось в Венеции у дожа Петра Тран-донико. Во главе этого посольства был патрикий Феодосии, который побудил Венецию снарядить флот и послать его против сицилийских арабов, начавших делать завоевания в Южной Италии. Но экспедиция не имела успеха, ибо венецианский флот был разбит арабами. Пробыв в Венеции около года, патрикий Феодосии 17 июня 839 г. был принят германским императором в Ингельгейме, причем вел переговоры о диверсии против мусульман направлением флота в Африку с целью раздробить силы Мутасима и занять его неожиданными для него затруднениями на африканском театре. Хотя и это посольство не сопровождалось никакими последствиями в смысле создания коалиции против мусульман, но в связи с появлением в Германии византийских послов находится один эпизод, о котором нельзя не упомянуть уже по одному тому, что он имеет отношение к имени «русь». Именно в Ингельгейме явились люди, называющие себя именем «русь», за

которых ходатайствовал пред Людовиком царь Феофил, прося облегчить им путь на их родину, т.к. та дорога, какою они пришли в Константинополь, оказалась занята варварскими народами. Ниже нам придется снова возвратиться к этому известию, почерпаемому из латинской хроники[4], имеющему особенное значение в русской истории и возбудившему разнообразные объяснения, теперь же достаточно упомянуть об нем в его реальной обстановке и обозначить, что здесь в первый раз мы встречаемся в истории с русским племенем. Что касается посольства в Испанию, оно сопровождалось ответным посольством, которое было принято в Константинополе и давало обещания снарядить флот, как только в Испании восстановлено будет спокойствие.

Несмотря на сделанные попытки произвести диверсию против Багдадского калифата со стороны Западной Европы, положение дел на восточной границе осталось весьма неудовлетворительным. Можно вообще утверждать, что внешняя политика Феофила, выразившаяся в отношениях империи с арабами, была одинаково неудачна и на Западе, и на Востоке; там и здесь в конце изучаемого периода мусульманство получало перевес и стесняло империю в ее исконных владениях. Проникновение же арабов в самый центр малоазийских владений империи совершенно расстроило систему военной обороны, уничтожив значение фемы Анатолика. Поэтому Феофил не пожалел громадной суммы в 2400ф. золота, или около миллиона рублей, чтобы получить от арабов почетный мир и выкупить всех пленников, но калиф поставил такие оскорбительные условия, на которые Феофил не мог изъявить согласия. Таким образом, мир не был заключен и война продолжалась, хотя не с таким, как прежде, напряжением. Некоторым удовлетворением для самолюбия греков было то, что византийский флот сделал удачное нападение на Антиохию на Оронте, что сухопутное войско опустошило арабские владения от Мелитины до Мараша. Наконец, хотя и пришли к соглашению относительно мира, но не договорились насчет обмена пленными.

Совершенно исключительное значение как в истории искусства, так и в культурном отношении имеют постройки времени Феофила. Главнейший Большой дворец украшен и расширен громадными и дорогими сооружениями, служившими предметом удивления для современников и иностранцев, посещавших Константинополь в X и XIвв. Как можно догадываться, между двумя главными частями дворца, из коих одна принадлежала ко времени Константина Великого и была поблизости от ипподрома, а другая лежала к юго-востоку и возникла в позднейшее время (хрисотриклик), находилось не занятое постройками место, на котором и были предприняты Феофилом замечательные постройки в восточном стиле: Триконх, Сигма и ряд портиков; между ними особенной известностью пользовалась мистическая фиала по своим чудесам акустики. В ближайшем расстоянии от Триконха был дворец из карийского мрамора для дочерей Феофила и знаменитый илиак — площадка, или балкон. Все эти здания отличались изысканной роскошью, украшены были мраморными колоннами, мозаикой и золотом. Затейливые неожиданности, встречавшие посетителя в тронном зале Магнавры, т. е. золотой трон с развесистым золотым деревом, с грифонами и льва-

ми и золотым органом,— все это характеризует вкусы царя Феофила, как и заново построенный им на азиатском берегу дворец Врийский [5].

Но Феофил был представителем старого, уже пережитого периода, кругом него подготовлялась религиозная реформа, о чем он, по-видимому, не имел надлежащего представления. Его предсмертные распоряжения о регентстве, в которое были введены ревностные иконопочитатели, и приказание умертвить Феофова ввиду его приверженности к иконопочитанию — могут служить ясным указанием, что царь Феофил не отдавал себе ясного отчета в происходившем тогда в империи внутреннем перевороте.

Глава XVI

Царица Феодора. Восстановление православия. Михаил III

Смерть Феофила не была полной неожиданностью и не застала правительство в неготовности. Можно думать, что регентство за малолетством наследника престола Михаила III назначено было самим императором. Оно состояло из царицы Феодоры, ее дочери Феклы, патрикия Феоктиста и протомагистра Мануила, дяди царицы[1]. Довольно влиятельное значение имел и брат царицы, патрикий Варда, который с течением времени становится самым важным государственным мужем в империи. Вообще, следует сказать, что в это время первые роли принадлежали лицам армянского происхождения, прибывшим вместе с Феодорой. Кроме ее матери Феоктисты и трех незамужних сестер, сделавших потом хорошие партии посредством браков с лицами из знатных фамилий, важным значением пользовались дядя ее Мануил и братья Варда и Петрова. Пять дочерей Феофила и Феодоры избрали монашескую жизнь, за исключением Марии, вышедшей замуж за Алексея Муселе, тоже армянского происхождения.

Итак, люди восточного происхождения держали в своих руках правительство в малолетство Михаила III, и тем любопытней, что это правительство прежде всего считало для себя обязательным изменить церковную политику и восстановить православие, которое в первый период иконоборчества имело на Востоке самых ожесточенных врагов. Посмотрим на политику регентства и на внешние отношения империи в малолетство Михаила, оставшегося по смерти отца 4-летним ребенком.

Первым лицом в регентстве был логофет Феоктист. Ему доверяла Феодора не потому, что он отличался большими способностями государственного мужа, но более потому, что он был хорошим исполнителем ее предначертаний и верным истолкователем ее воли. Не имея удачи во внешних войнах и потерпев неоднократно поражение от врагов, Феоктист, тем не менее, постоянно находил защиту в Феодоре и платил ей преданностью и верностью. Положительным его качеством было то, что он держал в порядке государственное хозяйство и обогащал казну сбережениями. Дядя царицы Мануил имел больше значения при Феофиле, чем во время регентства. Прежде он заставлял о себе говорить как о способном генерале, ведшем удачные войны с мусульманами, во время регентства Мануил мало принимал участия в государственных делах и вел частную жизнь в своем удаленном от центра дворце.

Самая важная роль в регентстве с течением времени перешла к Варде, брату царицы, вошедшему в расположение наследника престо-

ла. Как способный и образованный человек Варда прекрасно мог направлять политику государства и принимать меры к успокоению внутренних смут, имея подле себя верного и надежного человека для военных предприятий в лице брата своего Петровы и впоследствии сына Антигона. Но Варда весьма неудачно справлялся со своими обязанностями по отношению к наследнику, потакая дурным наклонностям Михаила и мало заботясь об его нравственном развитии. Вся его цель заключалась в том, чтобы сделать царевича неспособным к серьезным занятиям и по возможности на продолжительное время остаться для него необходимым, окружив его своими приверженцами и удовлетворяя его капризы и страсти. По-видимому, наиболее искусства в оценке положения дел и в управлении обширным государством оказывала сама царица, хотя ближайшие ее помощники, и в особенности полномочный министр ее Феоктист, далеко не были на высоте своего положения. И в деле восстановления православия, и в организации государственного управления, и в особенности в наблюдаемом ею порядке расходования государственных средств — везде видна умная и практичная женщина, умевшая оценить ближайшие пользы и потребности данного времени. При оценке ее отношений к Михаилу часто делают сравнение ее с царицей Ириной, но при этом забывают, что Феодора ни разу не прибегала к интриге и к жестоким мерам и спокойно уступила свое место в управлении государством недостойному сыну, когда поняла, что обстоятельства сложились не в ее пользу.

Между тем и внешнее, и внутреннее положение империи требовало от регентства внимания и постоянных оборонительных мер, в особенности со стороны мусульман. Хотя к половине IX в. силы мусульман раздробились и не могли уже с прежней энергией быть направлены к одной цели и на одно предприятие, тем не менее, Багдадский калифат и сам по себе был довольно опасным соперником, как показало дело при Амории в 838 г., которое, по мнению тогдашних летописцев, свело в могилу царя Феофила. Вероятно, под влиянием одержанной над Византией победы в Малой Азии арабы неоднократно снаряжали морские экспедиции против империи, и в самом начале правления регентства арабский адмирал Аподинар предпринял демонстрацию против самого Константинополя. Но на этот раз буря нанесла большой ущерб арабскому флоту у мыса Хелидонии, у берегов древней Памфилии.

Хотя наступательные действия против арабов на суше и на море под начальством канцлера Феоктиста не сопровождались удачей и не содействовали славе этого члена регентства, но все они показывают общее направление политики правительства, желающего не отступать перед напором арабов. Так, Феоктист предпринял поход на Кавказ с целью покорения авазгов в древней Колхиде; затем он снарядил экспедицию на остров Крит с целью изгнания арабов, недавно захвативших этот остров. Можно заключать из сохранившихся известий, что составлен был внушительный флот, который благополучно пристал к Криту и мог бы поставить арабов в весьма затруднительное положение, если бы не была допущена непростительная ошибка и небрежность со стороны Феоктиста. На основании дошедших до него ложных и с намерением пущенных слухов, что в столице готовится переворот, угрожающий регентству, он оставил командование флотом

и поспешно возвратился в Константинополь. Покинутое в Крите войско не могло предпринять никакого действия против арабов и само сделалось добычей неприятеля. Наконец, тот же Феоктист, назначенный во главе сухопутного войска против арабов Сирии и Палестины, потерпел от них большое поражение на границе империи у горы Тавра, причем многие из его войска были убиты и взяты в плен, а часть добровольно перешла к арабам*.

Несмотря на успехи на стороне мусульман, вследствие которых множество военнопленных было уведено из Византии, ежегодные столкновения, по-видимому, наскучили тем и другим, вследствие чего в 845 г. начались переговоры об обмене пленными и о мире. Это каждый раз составляло немаловажную задачу в сношениях между арабами и византийцами. Нужно было точно установить количество пленников на той и другой стороне и способ доставки их на нейтральное место. На этот раз после наведенных справок выяснилось, что мусульманских пленников содержалось в Византии 3500 человек. Надлежало доставить их на обычное место размена пленными на р. Ламус на расстоянии однодневного перехода от Тарса. Со стороны мусульман распоряжался обменом евнух Хакан, со стороны греков — два представителя византийского правительства. Дело происходило 16 сентября 855 г. Когда стали договариваться об условиях размена, возникли недоразумения, породившие горячий спор. Греки в обмен на пленных арабов желали выменивать сильных и здоровых, а не стариков или слабых; наконец, согласились менять «душа на душу». Для передачи пленных со стороны на другую на Ламусе построено было два моста — греками и арабами. Когда греки выпускали по своему мосту мусульманского пленника, арабы посылали грека по своему мосту. Дело происходило весьма медленно и потребовало четырех дней; по сообщениям арабских писателей, выпущено было тогда свыше 4000 мусульман. Присоединим еще любопытную подробность: в это время получили свободу те пленники, которые захвачены были Феофилом в 837 г. в городе Запетре, а равно и христианские пленники, уведенные в Багдад при взятии Амория в 838 г.

С именем царицы Феодоры соединяется громадного значения акт завершения иконоборческой смуты. Нам предстоит выяснить условия, вследствие которых иконоборческая система должна была, в конце концов, уступить место иконопочитателям. Для чего следует здесь предварительно ознакомиться с положением церковных партий в предшествующий период.

Иконоборческая партия выдвинула при Михаиле II и Феофиле образованного и энергичного монаха в лице Иоанна Грамматика. Он появляется в первый раз в истории в 814 г., когда царь Лев V поручил ему заняться подготовкой литературного и архивного материала по вопросу о предположенной им отмене постановлений УГГ Вселенского собора. Тогда он выступает в скромной должности анагноста еще молодым человеком, но с тех пор, пользуясь расположением царей армянской и аморийской династий, ровным и твердым шагом делает служебную

* Это сражение имело место у Черной реки, как обозначено и местонахождение царя в 860 г. во время нападения на Константинополь русских под предводительством Аскольда и Дира.

карьеру и достигает самых верхов церковной администрации. Византийские летописцы дают весьма несочувственный отзыв об Иоанне, иначе, впрочем, и не могли к нему относиться люди, видевшие в нем причину всех бедствий, какие Церковь испытала в IX в. Он был главным виновником того, что Восточная Церковь в 814 г. вновь потеряла свои устои, с таким трудом приобретенные в постановлениях VII Вселенского собора; он снова внес в империю смуту и брожение умов, и поэтому православные по церковным воззрениям писатели не могли хладнокровно говорить об этом лице. Незаметно, чтобы он слишком быстро поднимался по служебной лестнице. При царе Михаиле II он состоял настоятелем дворцовой церкви Сергия и Вакха, но вместе с тем пользовался уже значительным влиянием вследствие личного расположения императора, доверившего Иоанну воспитание сына своего Феофила, наследника престола и будущего царя. К нему посылали на исправление и собеседование более влиятельных исповедников православия. Литературное и ученое имя, каковое признают за ним и недоброжелатели, было приобретено им в этот ранний период деятельности. Значительным шагом вперед было для него получение звания патриаршего синкелла при патриархе Антонии, бывшем епископе силейском, с которым вместе они работали по подготовке материала к иконоборческому собору. В звании синкелла Иоанн получил возможность принимать участие в высшей церковной политике и влиять на светские дела. Кроме того, настоящая его должность ставила его в постоянные сношения с гражданским правительством и открывала ему дорогу к высшим церковным степеням.

Прежде всего при царе Феофиле ему поручается важная миссия к калифу Мотасиму, кроме того, значение его сказывается в его роли примирителя между царем Феофилом и одним из известнейших его государственных деятелей, патрикием Мануилом. По отношению к посольству, которое падает на осень 831 г., известно, что с ним соединялось формальное недоразумение. Царь Феофил поставил во главе письма свое имя, а между тем тогдашний обычай в сношениях с калифом требовал, чтобы на первом месте стояло имя повелителя правоверных. Вследствие этого нужно было написать другое письмо[2]. В летописях и литературе житий Иоанну усвояется характер необыкновенного человека, ему приписываются сношения с нечистой силой, занятия чернокнижием, чародейством и т. п., вообще он поражал современников необычными знаниями и, подобно Фотию и не менее знаменитому папе Сильвестру II, окружен сверхъестественными чертами, выделяющими его из обыкновенных людей .

Об необычайной демонической силе Иоанна сложились сказания, имеющие глубокий интерес с точки зрения полузабытых русско-византийских отношений — с этим волшебным именем едва ли не связана повесть о нападениях Руси на Константинополь. «Раз дикое языческое племя с тремя предводителями во главе опустошало и грабило ромэйскую землю. Царь и народ были в отчаянии. Тогда Иоанн успокаивает царя, советуя не терять присутствия духа и исполнить одно его предложение, которое состояло в следующем. Между медными статуями, поставленными в ипподроме, была одна с тремя головами, которую он по своей тайной науке относил к вождям того племени.

Итак, приказав приготовить три железных молота и вручив их трем сильным людям, в ночной час, в светской одежде, он приходит с этими людьми к той статуе. Произнеся чародейственные слова, посредством которых перевел силу тех вождей в статую, или, лучше, овладел посредством чар присущею статуе силой, приказал каждому сильно бить молотом. Двое из людей сильным размахом молота отбили у статуи две головы, третий же только повредил голову, не отделив ее от статуи. Соответственное тому случилось с вождями. Произошла между ними жестокая усобица, в которой один одержал перевес, отрубив головы двум другим. Итак, спасся один, но и то не вполне благополучно, а племя это, будучи ослаблено, в позорном бегстве удалилось на свои места» [4].

Но самым любопытным свидетельством общественной роли Иоанна служит указанное выше посольство его в Багдаде. Продолжатель Феофана, сказав об отличном расположении, которым Феофил отличал Иоанна, продолжает: «Царь снарядил его послом к архонту Сирии, снабдив его и другими роскошными предметами, которыми славится Ромэйское царство и которые приводят в изумление иноземцев, и вручив золотой казны больше четырех кентинариев. Дорогие предметы назначены в подарок эмиру, золото же — в личное распоряжение Иоанна, на приемы и представительство: ибо посол должен был сорить золотом, как песком, по своему усмотрению, дабы внушить мысль, что казна пославшего неистощима. Послу даны были два сосуда из золота и драгоценных камней — в просторечии называют их умывальными чашами,— чтобы всячески возвеличить и облечь его в блеск. Он же, прибыв в Багдад, произвел величественное впечатление и своим острым умом, и пророчественным даром, и своим богатством, и роскошью. Посланцам калифа и другим посетителям он щедро раздавал подарки, какие мог только дарить царь ромэев. Вследствие чего имя его сделалось почетным и знаменитым. Еще только достигнув варварских пределов, он поразил всех, которые посланы были для встречи его и для осведомления о здоровье царя, наградив их царскими дарами. Прибыв же к калифу и представившись ему, передал ему царскую грамоту и после приема отправился в отведенное ему помещение. Горя желанием более и более возвысить ромэйское влияние, всем к нему приходящим по какой бы то ни было причине дарил по серебряной чаше, наполненной золотом. Раз, угощая у себя варваров, он внушил слуге объявить о пропаже одной из тех умывальных чаш, которые были выданы ему для стола на этот случай. Когда же началось сильное смятение, и варвары, жалея о пропаже такой прекрасной и дорогой чаши, стали в беспокойстве разыскивать ее и употребляли все старания обнаружить вора, тогда Иоанн приказал подать другую чашу и прекратил поиски и смятение следующими словами, приведшими в изумление сарацин: «Пусть пропадает и эта!» Вследствие этого и эмир, платя тою же щедростью и не желая уступить в великодушии, честил его с своей стороны дарами, на которые он, впрочем, мало обращал внимания, и освободил из темницы до сотни пленных, которых, разодев в великолепные одежды, препроводил к Иоанну. Этот же очень похвалил и одобрил великодушие предлагающего дар, но отказался принять его, объяснив: пусть они живут спокойно и на свободе, пока не будет произведен размен пленными и пока содержащие-

ся в плену сарацины не будут возвращены взамен этих. Такой поступок привел в изумление калифа. С этих пор он относился к послу не как к чужестранцу, но приблизил его к себе и часто приглашал для беседы, показал ему свои сокровища, и прекрасные здания, и придворные церемонии и так честил его до почетного отправления его назад. Прибыв к Феофилу и сделав ему донесение о своем посольстве, он убедил его построить по сарацинскому образцу дворец Врийский, который по форме и архитектурным украшениям вполне воспроизводит сарацинский стиль. Архитектор этого дворца, построенного по плану Иоанна, был некто Патраки, носивший сан патрикия. Только в том отступил он от первоначального плана, что около царского покоя устроил храм во имя Владычицы нашей Богородицы, а в притворе дворца — трехпридельный храм, превосходный по красоте и изяществу: средний придел в честь Архистратига, а боковые—во имя жен мучениц».

В приведенной выдержке из греческого писателя сохранились любопытные данные о сильном влиянии, проникавшем в Византию с Востока. Известно из других источников, как много заботился царь Феофил о придворном этикете, как по его имени назывался знаменитый трон, на котором восседали цари X в. при торжественных приемах иностранцев. Есть основания думать, что постройки времени Феофила и нововведения в придворном церемониале произведены не без влияния патриарха Иоанна, который вывез с Востока разнообразные наблюдения и о постройках которого, поражавших современников, сохранилась память в X столетии.

Вскоре по возвращении из посольства Иоанн был возведен в патриархи. Определение хронологии занятия им патриаршей кафедры соединяется с значительными трудностями[5]. Полагая, что наиболее вероятная дата будет 832 г., мы должны целое десятилетие иконоборческого периода отнести на время этого патриарха, при котором непопулярная система рухнула окончательно и бесповоротно.

Несмотря на большие способности нового патриарха и на бесспорное влияние, каким он пользовался при дворе в качестве воспитателя царя Феофила, иконоборческая система не только не утверждалась в империи, но заметно теряла и ранее приобретенное положение. Следует приписать в этом отношении весьма значительное влияние женской половины царской семьи. Хотя сам Михаил II своим браком в 824 г. с Евфросинией, дочерью ослепленного Константина VI, преследовал скорей династические, чем вероисповедные, цели, но по отношению к бракосочетанию сына своего Феофила с Феодорой, пафлагонского происхождения, он обнаружил крайнюю неосторожность. Весьма вероятно, что еще со времени Исаврийской династии двор и высшая администрация были наводнены людьми восточного происхождения, и что влияние высших правительственных кругов сказалось и в выборе невесты для Феофила. У нее не было отца, когда на нее пал счастливый жребий переменить скромную провинциальную обстановку на царский дворец, но ее дядя и братья имели уже положение в придворной службе. За Феодорой прибыли ко двору мать ее Феоктиста, получившая патрицианское достоинство и высший придворный сан зосты, и вместе с ней три незамужние сестры — Каломария, София и Ирина. С течением времени сестры царицы Феодоры сделали хорошие партии: первая вышла за

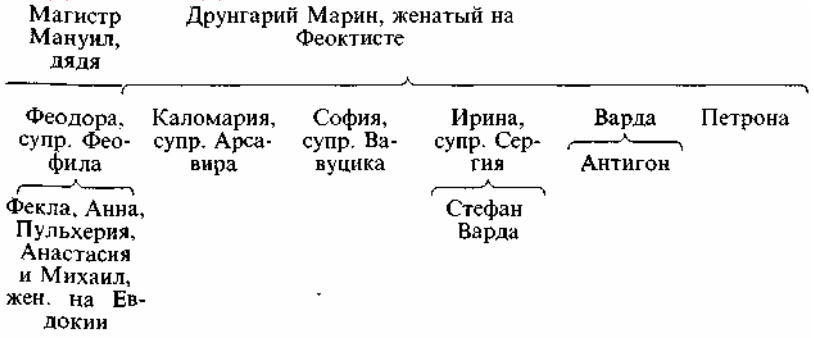
брата патриарха Иоанна магистра и патрикия Арсавира, София — за Константина Вавуцика, наконец, Ирина была замужем за Сергием, братом патриарха Фотия. Дядя Феодоры Мануил и братья Варда и Пет-рона уже ранее были на значительных местах и проложили ей дорогу к трону*. И эти последние, со своей стороны, соединились браками с именитыми родами и образовали довольно сомкнутый круг, в который трудно было попасть постороннему человеку. Дочери царицы Феодоры, числом пять, все поступили в монашество, за исключением Марии, выданной за Алексея Муселе, тоже армянского происхождения.

Итак, можно положительно сказать, что люди восточного происхождения, главным образом армяне и другие инородцы, держали в своих руках влияние и власть в царствование Феофила. Как известно, иконоборческая система в VIII в. вербовала наиболее верных себе приверженцев именно с Востока, теперь же при дворе Феофила именно выходцы из малоазийских фем приносили с собой новые веяния, враждебные господствовавшей системе. При жизни Феофила еще сдерживались скрытые иконопочитатели при дворе и в царской семье, но для серьезного наблюдателя становилось ясно, что искусственными средствами нельзя более бороться против движения, сделавшегося довольно общим даже в восточных провинциях.

Императрица Феодора и вся ее довольно многочисленная семья тайно сочувствовала православию и ходатайствовала перед царем в пользу смягчения суровых мер против иконопочитателей. Все заставляет думать, что поддерживаемая царями армянской династии система не имела корней даже в высших классах. Царская дума, сенат и весь служебный штат официально стояли на стороне правительственной веры, но вне службы, в домашней жизни те же люди руководились противоположными настроениями и были ревностными иконопочита-телями.

При всем несочувствии к православным царь Феофил должен был мириться с очень хорошо ему известным положением вещей, что в его дворце самые близкие люди — жена и дети — кланяются иконам и что его теща, зоста Феоктиста, хотя и жившая в отдельном дворце, часто приглашала к себе его дочерей, своих внучек, и внушала им любовь

* РОДСТВО ФЕОДОРЫ

и благоговение к иконам. Таким образом, хотя Феофил до конца жизни не изменил принятой системе и не хотел делать послаблений иконопочитателям, но он должен был видеть, как ненадежно положение иконоборческого правительства и как трудно ослабить со всех сторон обнаруживающееся недовольство. Самым ярким доказательством того, как деликатно было положение правительства, служит странная роль, которую должен был во время Феофила играть наиболее видный представитель антиправительственной церковной политики по смерти Феодора Студита монах Мефодий. Он в глазах правительства был опасен не столько как иконопочитатель, т. е. представитель противоположных взглядов на церковную политику, но более как политический деятель, виновник смуты и скандала. Ввиду этого в царствование Феофила монах Мефодий содержался при дворце и был всегда на глазах царя, который до такой степени мало доверял ему, что всякий раз брал его с собой, если нужно было на продолжительное время оставить столицу.

В последние годы Феофила, по-видимому, замечалось в провинции новое движение, напоминавшее то, которое доставило много хлопот и с громадными трудностями было потушено при царе Михаиле II. Именно: между военными людьми того времени возвышается некто Феофов, лицо иноземного происхождения, о котором ходили темные и разноречивые рассказы, в которых не могли разобраться самые осведомленные и близкие к тому времени писатели. Но так или иначе, он пользовался большой военной славой и при дворе был принят, как потомок персидской царской династии. Это был вообще весьма популярный человек не только в столице, но и в провинциях, и в особенности среди военных отрядов восточного происхождения. Все писатели отзываются об нем с чувством глубокого уважения, восхваляя его ум, образование иправославный образ мыслей. С течением времени против него созрела злая интрига, питаемая завистью и имевшая некоторое основание в том, что раз Феофов был провозглашен в лагере царем. Хотя этот случай не имел для него дурных последствий, т. к. царь убедился из его объяснений и последующего образа действий, что провозглашение произошло без его ведома, тем не менее, этого не могли забыть недоброжелатели Феофова и напомнили царю в последние дни его жизни. Говорят, что будто бы одним из предсмертных распоряжений царя Феофила было приказание убить Феофова. Правда, все происходило при такой обстановке, что никто не мог проверить ходивших по городу слухов. Во всем этом ясно одно, что царь Феофил перед смертью имел причины опасаться переворота со стороны популярного полководца Феофова, которого предание выставляет, как сказано, и преданным православию человеком[6]. Если это так, то как состав регентства по смерти Феофила ввиду малолетства сына его, так и самые первые мероприятия регентства в политическом и церковном отношении должны быть рассматриваемы с точки зрения вынуждаемых обстоятельствами уступок общественным требованиям.

Приступая к рассмотрению вопроса о наступившем вслед за смер-тию Феофила перевороте в церковной политике правительства, мы должны прежде всего высказаться в пользу мысли, что политический, а частию и этнографический элементы имели первостепенное значение в побуждениях, руководивших регентством, немедленно приступить

к изменению церковной политики. Взглянем на события, последовавшие за смертию царя Феофила. Едва ли можно доверять известию, что члены регентства для управления империей назначены были еще самим Феофилом. Т. к. в выборе патрикия и канцлера Феоктиста и протомагистра Мануила в члены регентства весьма ясно заметно влияние иконопочита-телей, ибо это преданные идее православия правительственные лица, то является предположение, что царица Феодора, стоявшая во главе регентства, сама влияла на выбор лиц. Если назначение произведено было бы Феофилом, то он дал бы место в управлении патриарху Иоанну: это избавило бы его притом от забот о судьбе поддерживаемой им системы, тогда ему не нужно было бы прибегать к тем средствам, к каким, по словам летописцев, он должен был прибегнуть, именно: обязать клятвой Феодору и членов регентства, что они не восстановят православия и не удалят патриарха Иоанна.

Известно, что современных известий не сохранилось о времени после царя Феофила. Хотя летописец Георгий Амартол пережил это время, но его летопись закончена 842 г., и притом конец ее дошел до нас в весьма испорченном виде. Вся традиция о событиях с 84-2 г. черпается из летописцев X и XIвв. Т.к. в настоящее время вопрос о развитии летописной традиции IX и X вв. довольно уже выяснился благодаря прекрасным, частию немецким, частию русским исследованиям, то я могу прямо объяснить, что у летописцев второй половины X в. большинство известий о времени после царя Феофила, не почерпнутых из продолжателя Георгия, заимствовано у Генесия. Таким образом, летописная традиция о событиях 842 и ближайших лет сводится, в сущности, к изучению сейчас названного писателя.

Генесий писал историю по предложению Константина Порфирородного и, как говорит в предисловии, писал на основании свидетельства очевидцев и устного предания. Главное отличие его от других и вместе громадное преимущество заключается в том, что он поставлен был в благоприятные условия сообщить хорошие сведения о занимающем нас периоде по фамильным преданиям. Автор летописи, известный под именем Генесия, был сыном того Константина армянина, который играл выдающуюся роль в событиях, стоящих в связи с низвержением патриарха Иоанна. Таким образом, Генесий мог сообщить очень хорошие известия об этом времени на основании наблюдений и личного опыта своего отца. Важность Генесия для истории летописной традиции о событиях 842 г. видна еще из того, что он есть старший по времени летописец, закрепивший письменное и устное предание и давший первый материал для следовавших за ним опытов легописи того же времени. О судьбе Иоанна по смерти Феофила Генесий сообщает следующее: «Когда члены регентства согласились между собой относительно восстановления православия, царица Феодора позволила православным собираться во дворце канцлера для предварительного обсуждения вопроса и подготовки материала к предположенному собору». Нет никакого сомнения, что в этих собраниях не принимал участия патриарх. Таким образом, когда предварительная комиссия пришла к решению возвратиться к постановлениям VII Вселенского собора, неминуемо должен был выступить на очередь

вопрос о главе Церкви, о председателе будущего собора. «Итак,— продолжает историк,— посылают к нему знатных людей, начальствующих царскою стражей, чтобы удалить его из патриархии, но он не сдавался. Хотя они пытались (силой?) низвести его, но он коварно заставил их уступить и оставить его. Дают об этом знать пославшим и возбуждают большое против него раздражение. Итак, отправляется к нему патрикий Варда спросить, почему он не оставляет патриархию. А он, измыслив оправдание, показал свой живот, исколотый оружием, и объяснил, что эти раны нанесли ему посланные язычники. „Чувствуя сильную боль, я,— продолжал он,— просил извинения, что не могу сейчас же оставить патриархию, пострадал же я особенно от Константина армянина, начальника тагмы экскувитов"». Сказав далее несколько теплых слов в защиту своего отца, Генесий продолжает: «Когда было раскрыто, что эта театральная сцена измышлена с злым намерением, остроумный расследователь возгорел гневом, почему он по заслугам лишился церковной власти, а тому, кого он оклеветал, способствовал получить торжественно похвалу».

Процесс против патриарха Иоанна в приведенном свидетельстве Генесия возбуждает против себя важные сомнения. Очевидно, писатель желает оправдать начальника тагмы экскувитов и потому передает все дело с некоторыми умолчаниями. Из предыдущего легко понять, что желательно было скрыть Генесию. Очевидно, ему неприятно было констатировать факт, что отец его очень сурово обошелся с патриархом и нанес ему раны. Было ли что подобное, и получил ли Константин инструкции, которые его уполномочивали силой взять патриарха и употребить против него оружие, если бы он стал сопротивляться, конечно, трудно высказаться об этом со всею решительностью. Но в источниках есть достаточный намек, позволяющий восстановить этот эпизод в неблагоприятном смысле для отца нашего писателя.

Ближайшим к Генесию летописцем нужно считать продолжателя Феофана, четвертая книга истории которого («Михаил и Феодора») также написана при Константине VII и по его предложению. Фактически рассказ его мало отличается от вышеприведенного, но благодаря некоторым подробностям, в особенности отсутствию того деликатного сыновнего чувства, которое должно было руководить пером Генесия, мы находим позволительным бросить на процесс патриарха Иоанна более обильный свет. Призвав друнгария стражи Константина, царица поручает ему отправиться к патриарху и известить его, что по просьбе благочестивых людей правительство намерено приступить к восстановлению икон. Вследствие этого патриарху предлагается или дать согласие на это решение правительства, или, в случае несогласия, оставить патриарший престол и удалиться из города. Константин был принят в Фессальской палате патриаршего дворца. Пораженный словами Константина, патриарх ничего другого не сказал ему, как только, что ему нужно обдумать хорошенько это дело, и с этими словами отпустил его. Но в то же мгновение схватил нож и нанес себе раны в живот с таким расчетом, чтобы, не причиняя себе опасности для жизни, пустить достаточно крови

и тем возбудить к себе сострадание в толпе. Смятение и шум распространились по патриархии и достигли царского слуха, предупредив возвращение друнгария: молва гласила, что патриарх убит по личному приказанию царицы. Отправленный для производства следствия патрикий Варда без труда обнаружил, что раны сделаны умышленно, и все происшедшее было восстановлено по показаниям слуг, причем представлено и орудие, при помощи которого произведено поранение. Почему Иоанн, обвиненный в покушении на свою жизнь, лишен престола и сослан в поместье Психа.

Из сличения известий Генесия и продолжателя Феофана получается возможность восстановить с довольно приблизительною точностью то, что происходило в патриархии. Друнгарий Константин явился к патриарху с отрядом царской стражи, которая состояла из язычников, по всей вероятности, из варягов. Что здесь не обошлось без грубой расправы, можно заключать из следующего. Продолжатель Феофана дает весьма живое наблюдение, заимствованное или из дела о патриархе Иоанне, или из описания очевидца. Из его описания следует, что около патриархии собралась толпа народу, которую, очевидно, привлекла свита друнгария Константина, что о происшествии в патриархии толпа узнала еще прежде, чем удалился Константин. Из этого легко заключить, что в патриархии происходили довольно шумные сцены и, может быть, вооруженная схватка между патриаршими служителями и варягами. Весьма вероятно, что царица не желала прибегать к насилию и не предвидела кровавых последствий. Спешили замять дело и назначили для производства следствия брата царицы, патрикия Варду. Что следствие произведено было небеспристрастно, и что нашлись такие свидетели, которые показали, как патриарх схватил нож и нанес себе раны с расчетом, это уже не требует особенных объяснений.

После низложения он спокойно проживал в одном монастыре, отказавшись от борьбы, но не изменив своих убеждений. Есть, впрочем, известие, в верности которого трудно сомневаться, что на него был сделан донос, будто он в своем монастыре приказал выскоблить глаза на одной иконе. Ревностная защитница иконопочитания царица Феофила приняла было суровое решение наказать его лишением зрения, но по ходатайству некоторых приближенных заменила этот приговор телесным наказанием. Он был жив еще в 846 г., как можно заключить из одного места письма патриарха Мефодия к иерусалимскому патриарху, но не выражал никакого желания вступить в соглашение с иконопочитателями[7].

Переходим к рассмотрению обстоятельств, при которых произошла отмена иконоборческой политики. Царь Феофил умер 20 января 842 г. По господствующему мнению, которое до сих пор держится в науке, уже в марте того же года, в первую неделю Великого поста, последовало провозглашение торжества православия после того, как новое правительство созвало церковный собор, сменило одного патриарха и избрало нового и приняло множество других мер с целью полного изменения церковной политики. Ясное дело, что в один месяц нельзя было произвести всех указанных перемен, и что византийская летопись в этом отношении не дает нам надежных указаний. Лучший летописец, переживший эпоху торжества православия, Георгий Амартол, остановился в своей хронике на 842 г. и сообщил о событиях, имевших

место в это время, очень скудные и весьма сбивчивые сведения[8]. В самом деле, заключительная страница, посвященная Михаилу и Феодоре, представляет жалкое упражнение, из которого ничего нельзя построить в историческом отношении. Поэтому весьма важно выяснить вопрос, каким путем сохранились известия о соборе 842 г. и об утверждении православия, читаемые в хрониках, составленных в X и последующих веках? Мимоходом заметим, что ответ на этот вопрос имеет для нас — именно для объяснения первых страниц русской летописи—принципиальное значение. Не только по отношению к тем событиям, о которых идет речь, но и вообще о времени Михаила III попадаются в литературе X в. такие указания, которые возбуждают научное любопытство, но и источник которых до сих пор не удается определить. Выше было указано, что особенно крупное значение имеет для этого времени летопись Генесия, составленная по фамильным преданиям. Находимые у него данные о последовавших за смертию Феофила событиях заключаются в следующем. За малолетством Михаила III во главе управления стояло регентство из царицы Феодоры, патрикия и канцлера Феоктиста, протомагистра Мануила, к ним присоединяется еще Варда, брат царицы Феодоры. Все эти лица принадлежали, несомненно, к приверженцам Феодоры и в религиозном отношении разделяли ее воззрения.

Итак, для православных, находившихся при Феофиле в принижении, наступила пора поднять голову. Члены регентства, Феоктист и Мануил, вступают в переговоры с царицей Феодорой по отношению к ближайшим мерам к отмене иконоборческих постановлений, и т. к. не предвиделось особенных противодействий со стороны иконоборцев, то правительство смело вступило на путь реформ. Решительными мерами по отношению к патриарху Иоанну регентство освободило себя от главного соперника, который мог бы еще, опираясь на высшее духовенство, поставить некоторые затруднения правительству, но, как мы видели, Иоанн VII не нашел нужным вступать в борьбу и удалился в назначенный ему монастырь. Затем предстояло решить вопрос об избрании патриарха. Ни при иконоборческом заместителе патриаршей кафедры, ни при вакантности ее нельзя представлять себе осуществления задуманных регентством реформ, следовательно, избрание в патриархи монаха Мефодия, известного уже борца за православие и давно бывшего в сношениях с царицей Феодорой, должно было последовать непосредственно за низвержением Иоанна VII. Все дальнейшие мероприятия по отношению к подготовке собора, на котором был окончательно решен вопрос о восстановлении почитания святых икон, равно как председательство на соборе и приведение в исполнение соборных постановлений, затрагивавших существенные интересы многочисленного духовенства, получившего посвящение от иконоборческих епископов, все это должно быть отнесено к деятельности патриарха Мефодия. Но следует сказать, что рассмотрение летописной традиции оставляет нас в крайнем смущении: она не знакомит с событиями с достаточной полнотой, мало характеризует главных деятелей и вообще не дает ответа на многие существенные запросы. Но что всего печальней, в летописной традиции не нашлось указаний на два факта: 1) когда и как происходил собор, чем он занимался и какие результаты его деяний; 2) совпадает ли происходивший в Константинополе собор с торжеством православия.

Прежде всего нужно признать неподлежащим сомнению вывод, что собор должен был происходить в 843 г. Это столько же вызывается сложностью и разнообразием предварительных административных распоряжений, какие должны были предшествовать сознанию собора, сколько подтверждается заключениями из греческих текстов, появившихся в печати в недавнее время [9]. Оказывается, что избрание Мефодия в патриархи, равно как и собор для восстановления православия, происходило во втором году правления Михаила и Феодоры, и что дата восстановления православия должна падать на 11 марта 843 г.

Благополучно совершившаяся и не вызвавшая внутренних потрясений церковная реформа 842—843 гг. до такой степени соответствовала желаниям большинства населения империи и так горячо была поддержана самым влиятельным и популярным сословием—монашествующим духовенством, что она скоро сделалась предметом монастырской и народной легенды и в разукрашенном фантазией виде вошла в жизнеописания деятелей и героев, имевших соотношение к этому важному перевороту. Но живая действительность с последовательным ходом постепенно развивавшихся событий утрачена бесповоротно, т. к. ни официальных актов, ни современных записей не сохранилось, а ближайшие потомки тех лиц, которые участвовали в событиях, доверчиво относились к дошедшим до них повествованиям. Таким образом, историку необходимо ограничиться самыми общими указаниями и скорей истолковывать факты, чем излагать их. Мало того, что нет современных известий, утрачены самые протоколы деяний собора со всеми литературными материалами и местами из Священного Писания и отцов церкви, которыми подтверждались принятые на соборе постановления. Совершенно одиноко стоит церковное слово, сказанное по случаю перенесения останков патриарха Никифора и относящееся еще к патриаршеству Мефодия (f847), в котором сохранились живые черты современности. «Понимая, — говорит оратор,— что ничто так не будет способствовать безопасности империи, как окончание церковной смуты, царица Феодо-ра, переговорив с высшими сановниками государства, призвала наиболее влиятельных между монахами и предложила им на обсуждение вопрос о восстановлении иконопочитания. Когда же нашла, что все они согласны и ежедневно горят одним желанием и болят сердцем о перемене религии, потребовала от них, чтобы они выбрали места из святоотеческих книг в подтверждение истины, указала место во дворце, куда предполагалось созвать собор, и обратилась с манифестом к народу. Собралось такое множество, что нельзя было перечесть, ибо прибыли не только те, которые сохранили чистый ум во время нечестия, но очень многие из тех, что разделяли еретические мнения и были назначены на церковные должности иконоборцами. Переменив свои мысли, и они предали проклятию врагов святых икон»[10].

Созванному регентством собору предстояло возвратиться к постановлениям VII Вселенского собора. Утвердив своим авторитетом и вновь придав каноническую важность определениям собора 787 г., отцы собора, созванного Феодорой, должны были и в своих действиях сообразоваться с практикой того же собора. Не имея актов собора, восстановившего православие, мы имеем то, что до некоторой степени заменяет их,— первую часть Синодика в неделю православия[11]. Этот

замечательный памятник церковной литературы по своему существу есть ряд кратких положений, которые были результатом деятельности собора 843 г. Если отцы собора отправлялись в своих решениях от упомянутых соборных деяний, то очевидно, что в той части, которая касалась учения о святых иконах, утраченные деяния занимающего нас собора должны были совпадать с протоколами VII Вселенского собора. Из предыдущего можно выводить заключение, что Синодик может быть рассматриваем как документальное свидетельство о том, что происходило на соборе 843 г.

Принимая во внимание обычную практику делопроизводства на соборах, мы должны допустить, что последними его распоряжениями были те статьи сохранившегося Синодика, которые касаются вопроса об иконах. Как известно, эти статьи были торжественно прочитаны в церкви св. Софии в неделю православия, и по настоящее время с некоторыми сокращениями они читаются в кафедральных соборах раз в год, в первое воскресенье Великого поста. Кроме отлучения от Церкви иконоборцев и провозглашения похвал и вечной памяти подвижникам и ревнителям православия, здесь обращают на себя внимание статьи христологического содержания, в которых приводятся ветхозаветные пророчества и обетования о Христе и Богородице. Этим прежде всего определяется богословский и философский смысл иконоборческого вопроса, волновавшего Церковь и Византийское государство более ста лет. Затем из рассмотрения этой части Синодика вытекает, что иконоборческое движение само подвергалось с течением времени известному процессу развития в зависимости от внешних условий. Так, к борьбе из-за церковного обряда присоединились не только мотивы государственных реформ, но и этнографические и социальные особенности и притязания эллинизма и восточных народов, входивших в империю. Нет сомнения, что победой над иконоборчеством нанесен был удар и тем либеральным тенденциям, которые были выдвинуты в рассматриваемый период. Но было бы также односторонним заключение, что иконоборческая борьба дала только отрицательные результаты. В течение этого периода выдвинулись многие культурные и политические вопросы, вытекавшие как из поступательного движения византинизма, так и из громадного успеха, сделанного в это время германским миром на западе и мусульманским — на востоке и юго-западе империи. Уже самая элементарная справедливость требует признать, что если бы иконоборческий период не заключал в себе никаких прогрессирующих элементов, то византинизм не был бы в состоянии ни сохранить в себе жизненных сил для дальнейшей эволюции, ни уделить достаточно духовных сил славянам, которые именно в конце IX в. пробуждаются к исторической жизни.

Главная заслуга в устроении Церкви после отмены иконоборческой системы должна быть приписана патриарху Мефодию. Соединившись в тесный союз для ниспровержения патриарха Иоанна, православные, однако, не остались в согласии между собой. О церковных настроениях при Мефодии мы также очень скудно осведомлены тогдашней летописью, как и относительно соборных данных. Не подлежит, однако, сомнению тот факт, что часть духовенства стояла с патриархом, другая против него. Некоторый свет на эти отношения бросает снова

жизнеописание св. Иоанникия, которым мы уже пользовались выше: «Когда Мефодий, получив священный трон, утишил волнения и успокоил дела, поднимается среди православных другая смута, и Церковь делится снова надвое и образует противоположные партии. Одна полагала, что нет никакого нарушения благочестия в том, чтобы рассматривать получивших священный сан от иконоборцев, как имеющих правильное рукоположение; другая же держалась того воззрения, что было бы вполне нечестиво и богопротивно и невозможно допускать их к священнослужению, как получивших дар из нечистых рук. В это время боголюбезный Иоанникий, то лично, то посредством писем, старался привлечь отторгшуюся часть стада и соединить ее с единым Богом и с единым добрым пастырем, а не наемником»[12]. Приведенные места дают понять, что Мефодию приходилось бороться с двоякого рода затруднениями, из коих одни касались церковной администрации, другие — вероучения. Что касается вопроса о духовных лицах, получивших рукоположение при иконоборцах, или хотя бы рукоположенных и православными епископами, но разделявших иконоборческие мнения, то Церковь имела уже на этот счет практику, которая действовала издавна и не могла вызывать особенно жаркой борьбы. Согласно этой практике, раскаявшиеся в заблуждении и принявшие постановления VII Вселенского собора оставляемы были на прежних местах. Есть еще любопытная черта в житии, ведущая к предположению, что религиозная смута прекращена была или посредством собора, или публичного обличения; эти последние данные свидетельствуют, что затруднения Мефодия были гораздо серьезнее, чем можно полагать с первого взгляда.

Кратковременный период управления Церковью Мефодием получает некоторое освещение из письма его к иерусалимскому патриарху. В этом письме нужно различать две части. Первая излагает содержание грамоты, полученной от иерусалимского патриарха на более раннее письмо Мефодия, написанное после возведения его в патриархи. Вторая часть, из которой видим, что письмо составлено в четвертый год патриаршества Мефодия, рисует яркими красками тяжелое его положение. Оказывается, что никто из тех лиц (т. е. епископов и священников, принятых в общение с православною Церковью) не показал плодов раскаяния, никто не смирился и не устыдился, и не удалился от святого места, поругаемого им: «Они дошли до такого бесстыдства, что при встрече с кем-либо из наших относятся к нему свысока, чрезмерно гордо осматривают его с ног до головы, бросают ему резкую укоризну» [13]. Эта часть письма имеет интерес с точки зрения взаимного положения партий, бывшей иконоборческой и господствующей православной. Как можно видеть, Мефодию приходилось болеть сердцем и мучиться не потому, что он заместил вакантные церковные должности своими неспособными людьми, а потому, что имел слабость оставить на местах многих лиц из иконоборческой партии.

Но что всего замечательнее в истории церковных настроений при Мефодий, это упорный протест против него со стороны монахов Студийского монастыря. Эта обитель составляла сама по себе весьма внушительную нравственную силу, значение которой хорошо понимало даже светское правительство. Касающиеся смуты в Студийском мона-

стыре материалы свидетельствуют, что против студитов составлен был Мефодием собор, подвергший их отлучению [14]. В завещании Мефодия есть статья о студитах, которою разрешается принимать их в общение с Церковью под тем условием, если они предадут анафеме написанное против Тарасия и Никифора.

Как завершение церковной политики, выразившейся в восстановлении православия и в стремлении к установлению в империи церковного единства, можно рассматривать систематическое гонение на павликиан, которое стоило будто бы сотни тысяч жертв. Павликианство как противоцерковное учение зародилось в Малой Азии и распространилось первоначально в Армении и Сирии. Это было рационалистическое религиозное движение, стремившееся к очищению современной Церкви от внешних форм и обрядностей и к устройству ее на началах апостольского времени. Легко видеть, что эта секта коренится в законных стремлениях духа человеческого к самоопределению в вопросах веры, но понятно также и то, что она не могла быть терпима в государстве, как ниспровергающая установленные веками формы церковного быта и вводящая иной, чуждый христианской Церкви авторитет в вероучении и определении религиозности. Чтобы в нескольких словах выяснить живучесть этого направления, достаточно указать, что, несмотря на суровые преследования, оно никогда не умирало и вновь давало о себе знать в распространеннейших сектах богомилов, альбигойцев, анабаптистов, квакеров и, может быть, нынешних молокан, штундистов и даже толстовцев. Имя павликиан эта секта, зародившаяся в конце VII в., получила потому, что она приняла послания апостола Павла за основное руководство в деятельности членов своих и в устройстве основанной ею христианской общины. Самые известные руководители секты усвоили себе имена ближайших сотрудников и учеников Павла. Так, Константин принял имя Силуяна, Симеон—Тита, Сергий, живший уже в VII в.,— Тихика. Учрежденные павликианами религиозные общины носили имена основанных Павлом церквей: Ахэя, Македония, Коринф, Ефес и т. п. Устройство павликианских общин приближалось, насколько это было возможно, к простоте жизни и несложности форм первоначальной христианской общины, которая видела апостола Павла и пользовалась его наставлениями.

Вождь павликианской секты Сергий, прозванный Тихиком, особенно содействовал распространению ее; занимаясь мастерством плотника, он обошел те страны и города, которые в свое время посетил апостол Павел, передавая своим приверженцам глубокий религиозный пыл и укрепляя их в вере, что он и есть тот Утешитель и дух, которого ожидают верующие. В течение многолетней кипучей деятельности, в период от царицы Ирины до Феофила, Сергий собственным примером и личным убеждением скрепил членов павликианской общины и дал ей громадную внутреннюю силу и распространение. Он имел основание сказать о себе в одном из своих писем: «От Востока до Запада и от Севера до Юга обошел я все страны с проповедью Евангелия Христова, и все пешком на своих ногах». Под влиянием большого организаторского таланта Тихика павликиане в занимающее нас время совершенно выделились из состава господствующей Церкви и приняли вид самостоятельной и самодовлеющей общины, которая шла вразрез с уставами

Церкви. Составить точное представление о вероучении павликиан, впрочем, не так легко, т. к. собственные произведения павликианских учителей уничтожены во время борьбы Церкви с этой сектой, а произведения греческих писателе[15] слишком пристрастны и пропитаны раздражением, так что не могут служить достоверным материалом для ознакомления с сектой.

Уже основная постановка вопроса о близости манихейства и пав-ликиансгва может возбуждать сомнения и пущена в оборот Петром Сицилийским с целью вооружить против павликианства церковную и гражданскую власть. Между тем нельзя не признать, что основные пункты учения павликиан, касающиеся отрицания церковной иерархии, непризнания Церкви и ее таинств и понимания в символическом смысле установительных слов причащения, в особенности же отрицание поклонения Богородице и Честному кресту, не имеют необходимой связи с манихейством и скорей сближаются с иконоборческой системой. В сущности, существенной чертой павликианства нужно считать отрицание в ней епископской и священнической власти; этим качеством пав-ликианство вооружило против себя церкбвную и навлекло на себя мщение светской власти. Освободившись от церковного авторитета, присвоив себе право истолковывать по субъективному усмотрению Священное Писание, павликиане необходимо должны были с течением времени стать не только в противоречие, но и во враждебное отношение с Церковью[16].

Судьба павликианства в Византии была весьма печальна. Основатель секты Силуян был побит камнями, Симеон-Тит сожжен, Сергий-Тихик был убит в 835 г. Но времена иконоборчества были еще лучшей порой, худшая эпоха началась после восстановления православия. Правда и то, что, когда правительство начало преследовать сектантов, павликиане присоединились к исконным врагам империи, мусульманам, и вместе с ними стали делать нападения на византийские области. Царица Феодора не остановилась пред самыми крайними мерами по отношению к павликианам и потому, между прочим, что в них она видела приверженцев системы иконоборчества, которой она нанесла окончательный удар. Она отправила против павликиан своих «доверенных»: Аргира, Дуку и Судали, дав им высшие полномочия на тот конец, чтобы или обратить их к Церкви, или нещадно истреблять[17]. Т.к. сектанты не соглашались отступить от своей веры, то их сажали на кол, убивали и топили в море. Число погибших доходило до ста тысяч, имущество их отписывалось в казну.

Казалось бы, сектантам угрожало окончательное уничтожение, но они организовались в военную дружину и нашли возможность долго отстаивать свою жизнь, нанеся империи немало горя. Во главе их встал военный муж, служивший протомандатором у стратига фемы Анатолика, по имени Карвей. Его судьба полна приключений. С 5 тыс. павликиан, своих единоверцев, он удалился к арабам и чрез посредство эмира Мелитины был представлен калифу, который принял павликиан в свои владения и предоставил им для заселения два города. Терпевшие в империи притеснения павликиане переселялись к своим единоверцам, увеличивая число их. С течением времени они построили собственный город Тефрику в области Севастии и получили большое военное значение

в постоянных войнах с империей эмиров Мелитины и Тарса, с которыми павликиане воевали против христиан. Защита империи против этих врагов была поручена Петрове, на которого как стратига Фракисийской фемы, тогдашний доместик схол и член регентства Варда возложил эту серьезную и ответственную задачу. Но Феодоре не удалось ни истребить павликиан, ни обратить к господствующей Церкви. Первое серьезное поражение нанесено было павликианам в 871 г., когда был убит вождь их Хрисохир, а через 100 лет огромная масса павликиан выведена была во Фракию и поселена близ Филиппополя, где она встретится нам снова под именем богомилов [18].

Славянские поселения в Пелопоннисе составляли также немалую заботу для правительства Феодоры, которое не могло хладнокровно переносить, что несколько отдельных племен, живших в гористых местах Южной Греции, продолжали охранять свои племенные особенности внутреннего управления и быта. Те мелкие племена, которые со всех сторон были окружены эллинским населением, как славяне у Пагасейского залива близ Димитриады, постепенно теряли свои народные особенности, сливаясь с местными жителями; другие племена, как жившие у Патр, потеряли даже свою свободу и перешли в состояние церковных крестьян [19]. В том и другом случае над славянами получали преобладание высшая культура и христианская Церковь. Весьма вероятно, что в великом движении, которое сопровождалось возмущением самозванца Фомы, греческие славяне также имели долю участия. Царица Феодора, при которой Средняя и Южная Греция уже организована была как фемы Эллада и Пелопоннис, поручила, как и естественно, устройство фемы стратигу протоспафарию Феоктисту Вриеннию. С помощью военных отрядов, приведенных из Фракии и Македонии, Феоктист мог начать окончательное подчинение славян и подведение их под византийскую административную систему. После усмирения северных ахейских славян при Никифоре I в начале IX в. в занимающее нас время могли обращать на себя внимание два племени, которые долго еще и впоследствии напоминают о себе в Пелопоннисе, это милинги и езериты, жившие по склонам Тайгетского хребта и сохранившие свое имя и известного рода внутреннюю самобытность до самого турецкого завоевания. Не столь многочисленные, как у Тайгета, были еще славянские поселения в Пелопоннисе близ древней Олимпии.

Победы протоспафария Феоктиста нанесли славянам большой удар, и самые воинственные между ними и защищенные горами Тайгета племена принуждены были платить дань империи, именно: на милингов возложено было 60 номисм, а на езеритов — 300. Уже из незначительности дани можно заключать, что или племена эти были весьма немногочисленны, или зависимость их была слишком слабая*. Т. к. обращение в христианство милингов и езеритов последовало позднее, именно в царствование Василия I (867—886), то следует полагать, что при царице Феодоре было достигнуто лишь внешнее их подчинение.

Как мы видели выше, условия воспитания наследника престола поставлены были царицей Феодорой весьма неудовлетворительно.

* Шестьдесят номисм составляет около 240—300 рублей, а триста номисм— около 1200—1500 рублей

Царевич лишен был доброго влияния и предоставлен в юном возрасте своим натуральным склонностям, развитие которых с годами сделало его весьма неспособным государем и слишком дурным человеком. Если кто заслуживает в этом упрека в небрежности и невнимании к своим прямым обязанностям, то это, конечно, мать. С юношеских лет Михаил получил вкус к веселому обществу сверстников, к охоте, к веселым пирушкам и пьянству. Он стал страстным любителем цирковых представлений, в которых принимал личное участие в качестве наездника, более всего дорожил популярностью между цирковыми партиями и наездниками, на которых тратил большие суммы. В происходивших со стороны регентства вмешательствах в жизнь Михаила Барда всегда принимал сторону этого последнего и этим становился еще ближе к своему воспитаннику. В молодые годы он позволял себе связи с женщинами, и одна из его любовниц, Евдокия Ингерина, так завладела его чувствами, что царица Феодора с целью отвлечь его от этой связи женила его в семнадцатилетнем возрасте на девице знатного рода Декаполитов по имени Евдокия. Но вынужденный брак не изменил отношений Михаила к его незаконной привязанности. Явным следствием были придворные интриги, начавшиеся между членами регентства.

Видя в канцлере Феоктисте виновника принятых против царевича мер и желая устранить его с дороги, Варда воспользовался городскими слухами о близких отношениях между царицей Феодорой и канцлером — логофетом и побудил царевича взять Феоктиста под стражу и предать смерти (ок. 855 г.). Это служило предвестием приближавшегося переворота, т. к. царица в Феоктисте действительно лишилась своей главной опоры. Прежде всего дочери Феодоры — Фекла, Анастасия, Анна и Пульхерия — выведены были из Большого дворца и пострижены в монахини; затем все влияние Феоктиста и занимаемое им в регентстве положение перешло к Варде. Хотя царица оставалась еще формально во главе правительства, но на деле власть уходила от нее, и она, верно оценив положение дел, сочла более благоразумным уступить власть сыну и обратиться к частной жизни. Можно, впрочем, думать, что Феодора питала надежду на возвращение к власти, если только ей удастся поколебать влияние Варды, но сделанные в этом направлении попытки только ухудшили ее положение, т. к. ей с дочерьми указано было жить в монастыре Гастрии, куда обыкновенно ссылались царицы и принцессы, присутствие которых при дворе считалось нежелательным или опасным.

Для характеристики времени Феодоры в хозяйственном отношении заслуживает внимания следующая подробность. В конце января 856 г. она собрала членов сената в заседание и дала отчет о состоянии денежных сумм в казне. Оказалось, что правительство владело громадными запасами в золоте и серебре: 1090 кентинариев золотом и 3000 кентинариев серебром, что по расчету равняется приблизительно 35 миллионам р. Это, конечно, была громадная сумма, которая до известной степени может служить показателем и экономических средств империи и правильной системы в расходовании государственных средств в период малолетства Михаила III.

С 856 г. начинается самостоятельное правление Михаила. Он принес на престол все пороки, в которых воспитали его, и не унаследовал

ни одного царского качества. В характеристике Михаила как человека безнадежно испорченного и утратившего благородные качества души не может быть двоякого мнения, все писатели порицают этого царя-пьяницу. После отмены регентства объявленный сенатом и имперскими чинами царем он прежде всего отличает высшими наградами Варду, пожаловав его саном магистра и назначив доместиком схол. Когда же раскрыт был заговор на жизнь его, то Варда получил высший сан куропалата и при своем безнравственном и слабовольном воспитаннике-царе стал пользоваться неограниченными полномочиями.

Чтобы хотя до некоторой степени ознакомить с обычными занятиями молодого царя, приведем страницу из летописи Симеона магистра. «Предавшись всякому распутству, Михаил растратил огромные суммы, которые сберегла его мать. Принимая от святого крещения и усыновляя детей наездников цирка, он дарил им то по 100, то по 50 номисм. За столом в пьяной компании товарищи его пиршеств состязались в бесчинствах, а царь любовался этим и выдавал в награду до 100 номисм самому грязному развратнику, который умел выпускать газы с такой силой, что мог потушить свечу на столе. Раз он стоял на колеснице, готовый начать бег, в это время пришло известие, что арабы опустошают Фракисийскую фему и Опсикий и приближаются к Малангинам, и протонотарий в смущении и страхе передал ему донесение доместика схол. «Как ты смеешь,— закричал на него император,— беспокоить меня своими разговорами в такой важный момент, когда все мое внимание сосредоточено на том, чтобы тот средний не перегнал левого, из-за чего я и веду это состязание!»»[20] Но самое худшее — это было сообщество, в котором он любил вращаться: сатиры и бесстыдники, способные на самые грязные выходки. Он одевал их в священные и золототканые одежды, возлагал на них омофоры и бесстыдно и неприлично заставлял совершать священные действия. Начальника их по имени Феодосии, или Грилл, называл патриархом, а прочим 11 присвоил имена митрополитов знаменитейших кафедр. Участвовать с ними в этой забаве он считал высшим благом, чем самое царствование. Он считался первопрестольным колонийским и двенадцатым по порядку. Под игру на кифарах они исполняли священные песни и, подражая таинственным песнопениям, то понижали голос, то произносили слова громким и пронзительным звуком. В золотые и украшенные жемчугом сосуды вливали уксус и горчицу и давали желающим пить, издеваясь таким образом над таинством причащения. Иногда этот Грилл, сидя на белом осле, совершал процессии по улицам в сопровождении своей ряженой ватаги и, бывало, попадался навстречу блаженному патриарху Игнатию во время совершения им литии. Тогда Грилл и его приспешники, подняв фелони, начинали сильней бить в свои инструменты и поносить клир бесчисленными ругательствами, оставляя без внимания увещания благочестивого мужа, он разве немного сходил с дороги. Нарисованная выше картина ночных попоек, цирковых забав и скоморошеских процессий должна бы предрасположить нас к тому, чтобы не искать в царе Михаиле никаких положительных качеств. Но уже то обстоятельство, что между его современниками и даже имевшими к нему близкое отношение людьми встречаем высокие характеры и просвещенные умы, может дать повод не без пользы присмотреться

к нему со стороны его правительственной деятельности. Конечно, на первом плане нужно поставить военное дело.

Оказывается, Михаил не пренебрегал военной честью империи и старался лично вести войска на опасные места на границе с мусульманами. Здесь важным значением пользовались по своим враждебным к империи расположениям занятые павликианами места Сивас и Тефрика[21], откуда почти ежегодно происходили наезды на византийские области. Эмир мелитенский и правитель Тарса руководил павликианскими отрядами, подкрепляя их арабскими конниками. Отношения с арабами составляли в это время самую важную сторону внешней политики; почти постоянно в столице были мусульманские послы, и, с другой стороны, из империи снаряжались посольства к калифу. Вот почему значительной долей и притом важнейших известий мы обязаны за это время арабским писателям. Между прочим, у Табари встречаем такое место, характеризующее влияние Петровы[22]. Между представителями империи и калифата шла речь об обмене пленными, обе стороны подтвердили клятвой свои обещания. Т.к. со стороны Византии принес клятву именем императора Петрона, то арабский посол спросил царя, обязательна ли для него данная его дядей клятва, император отвечал на это утвердительно кивком головы. «И не слышал я от него,— говорится далее,— ни одного слова с тех пор, как вступил в греческую землю до моего ухода. Говорил один переводчик, император только слушал и головой говорил, да или нет. Сам же император никогда не говорил, и его делами распоряжался дядя».

Несмотря на перемирие и обмен пленными, произведенный, как было в обычае, на р.Ламус, в 860 г. между империей и калифатом снова происходили военные дела. Поход этого года, предпринятый также лично царем Михаилом, падает на то время, когда под Константинополем появилась русь, которая произвела опустошение окрестностей и начала угрожать самому городу, очевидно, лишенному в то время своего гарнизона. Никита Орифа, адмирал, или друнгарий флота, не имел в своем распоряжении достаточных средств для отражения русских и поспешно дал знать царю, находившемуся тогда у Черной реки, чтобы он возвратился в столицу. Когда русские были прогнаны от столицы, Михаил вновь отправился в поход на восточную границу. На границе калифата и империи в округе Сивас, у Дазимона, произошло сражение, окончившееся поражением Михаила, после которого он едва спасся от плена. Для характеристики положения, в котором находилась столица летом 860 г., т. е. во время русского нашествия, важно еще отметить, что критские арабы тогда же сделали набег на Киклады и доходили до Проконниса.

В 863 г. снова возобновились военные действия. На этот раз мелитинский эмир Омар сделал поход на север в фему Арменияк, где взял важный приморский город Амис, ныне Самсун. Этот город издавна имел большое торговое значение на южном побережье Черного моря, и, кроме того, появление арабского войска внутри византийских владений должно было немало обеспокоить правительство. Не полагаясь на местные войска фем, император послал против Омара стратига Фракисийской фемы Петрову, который с помощью вспомогательных отрядов из разных малоазийских округов нанес арабам сильное поражение

в местности, положение которой недостаточно определено, между фема-ми Пафлагония и Арменіак. В этой битве погиб эмир, и уничтожено было его войско. После этого дела Петроне было дано звание магистра. Фактически, однако, положение дел на восточной границе нимало не изменилось до самой смерти Михаила III. В общем, это была постоянная война, сопровождавшаяся опустошением незащищенных местностей и захватом пленников и прерывавшаяся на время переговорами о перемирии и разменом пленными, причем с той и другой стороны нередко оказывались отступники от веры отцов. Сильного напряжения не достигали эти столкновения лишь потому, что само положение калифата далеко не было обеспечено от смут и анархии. Арабский элемент встретил сильное соперничество в турецких отрядах, окруживших трон падишаха, и подготовил опасный разрыв между калифом и турками.

Со стороны моря империи наносили много вреда арабы, занявшие Крит и развившие у себя морское дело и пиратство. В 866 г. снаряжен был флот против критских корсаров, но в это время произошли неожиданные обстоятельства, вследствие которых поход был отменен. Именно: в апреле месяце у берегов Малой Азии главный вдохновитель этого похода кесарь Варда был убит на глазах императора Василием Македонянином, который около того времени вошел уже в расположение императора и с тех пор сделался первым после царя человеком в империи.

Нам остается еще коснуться церковных отношений времени Михаила. Это тем более следует отметить, что как Михаил, так и кесарь Варда в религиозных убеждениях скорей придерживались отрицательных взглядов, император по крайней индифферентности, а дядя его — по рационалистическим воззрениям. Известно выражение императора, передаваемое в жизнеописании патриарха Игнатия: «Мой патриарх—это Феофил, кесарев — Фотий, а у народа патриарх Игнатий»[23]. Кесарь Варда с первых же лет самостоятельного правления Михаила получил громадное влияние на политические и церковные дела. Придворные интриги и борьба мелких честолюбий, увеселения и пьяные пирушки были предоставлены царю и его ближайшим товарищам, Варда же оставил за собой правительственную деятельность. Мы видели, что военное дело вел брат его Петрона, внутренняя же администрация всецело лежала на его ответственности. В особую заслугу ему ставили то, что он лично наблюдал за отправлением правосудия и оживил изучение права. Несомненным подъемом обязаны ему школы, хотя, конечно, нужно признать неправильным мнение, что он впервые открыл совершенно запущенные в эпоху иконоборства учебные заведения. Что касается высшего учебного заведения в Магнаврском дворце, оно обязано Варде своим переустройством, новыми материальными средствами и хорошими профессорами. Во главе этого учебного заведения стоял знаменитый философ Лев, бывший архиепископ солунский. Личным поощрением учеников и вниманием к их нуждам Варда много содействовал поднятию учебного дела в империи и утверждению его на продолжительное время[24]. Занимавший после патриарха Мефодия вселенский престол Игнатий (846—857) был иерарх высокого происхождения, сын царя Михаила Рангави, низвергнутого с престола Львом Армянином в 813 г. После несчастия, постигшего семью Рангави,

четырнадцатилетний сын Михаила Никита был оскоплен и заключен в монастырь, где под именем Игнатия провел 33 года в строгом монашеском уединении и утратив надежду на возвращение лучших дней. В 846 г. по смерти Мефодия царица Феодора вспомнила об нем и поручила ему управление Церковью, которая далеко еще не нашла себе после восстановления православия твердого водительства.

Легко понять, что добросовестный отшельник, всю жизнь проведший вдали от людей и не могший питать к ним добрых чувств, едва ли был таким духовным вождем, который отвечал бы потребностям времени. Он не обладал ни авторитетом, ни достаточным уменьем, чтобы повлиять на придворные сферы, и не пользовался расположением ни царя, ни кесаря Варды. Благочестивый пастырь ввиду ходивших в городе слухов, что Варда находился в преступной связи с своей невесткой, женой его сына, публично отлучил его от св. причастия, чем возбудил против себя его ненависть. Вследствие этого выступления против всесильного временщика патриарх Игнатий поплатился своим положением вселенского патриарха. На место его был избран и посвящен Фотий, а низверженный Игнатий заключен в монастыре на· острове Теревинфе, где и оставался десять лет, до вступления на престол Василия Македонянина, который, желая на время порвать с церковной политикой Фотия, решился в удовлетворение консервативной, по преимуществу монашеской партии снова призвать к управлению Церковью Игнатия (867).

С устранением Игнатия в положении церковных дел наступила значительная перемена, приведшая к разрыву отношений между Восточной и Западной Церковью. Кесарь Варда, которому легко было бы оценить мировое значение подготовлявшихся событий, более, по-видимому, занят был мерами к укреплению своего личного положения, чем задачами мировой политики. Когда с падением Феодоры и убийством Феоктиста все влияние перешло к нему, он несознательно допустил, что около царя образовались такие влияния, которые могли быть для него вредны. Уже и то обстоятельство, что с именем Варды стала соединяться идея о судебном правосудии, школьном образовании, церковном строительстве и т. п., могло подать повод к подозрительности царя Михаила. В ближайшем к нему кружке стали говорить о замыслах Варды и об опасных для царя планах, его занимающих. Около 862 г. приближенным к царю лицом становится Василий, которому мало-помалу удалось занять из небольшого чина царской конюшни высшее звание в империи. Это был любимец счастья, вышедший из самой скромной доли и давший империи самую славную династию, какая только бывала во главе Византийской империи. Сделавшись первым человеком при Михаиле, Василий должен был возбудить к себе соревнование со стороны Варды, и между ними возникли недоразумения. Василий успел уверить императора, что Варда замышляет заговор и имеет в виду царский трон, и убедил его в необходимости принять средства к защите. Во время упомянутого похода, когда флот остановился у берегов Малой Азии, Варда был убит на глазах царя, и предпринятый поход отменен. Это было причиной сильного недовольства против царя, который подвергался укоризнам и порицанию за то, что погубил лучшего государственного человека и не исполнил популярного предприятия. Затем события, сопровождавшиеся насильственной смертью царя, следовали весьма быстро. Мая 26 867 г.

Василий был объявлен кесарем и императором, а 23 сентября того же года Михаил был умерщвлен по приказанию Василия.

Как ни ничтожен характер Михаила и как ни глубоко пали при нем нравственные требования и общественные запросы, мы должны признать, что краткий период его царствования открывает в истории империи совершенно новые перспективы и в десятилетие от 856 до 867 г. появляются на исторической сцене новые, хорошо подготовленные для деятельности люди, которые оказываются совершенно приспособленными и воспитанием, и обучением к предстоявшим широким задачам как в политической и церковной сфере, так и в культурно-просветительной деятельности. В этом отношении новый период истории следовало бы открывать не с Василия Македонянина, который является исполнителем уже намеченного и приготовленного ранее, а именно со времени Михаила III, при котором историка встречают вполне «новые люди и новые песни». Мне кажется, что эти новые явления в жизни византийского общества составляют вывод из пройденной эпохи и должны быть поставлены в связь с иконоборческим движением. Ни патриарх Фотий, ни Константин и Мефодий, ни сам Василий Македонянин не могут быть рассматриваемы вне условий среды, которая их воспитала, а эта среда, несомненно, была иконоборческая. Царствование Михаила III, таким образом, следует рассматривать с двоякой точки зрения: с одной стороны, в это время доживают и заявляют право на существование старые представители иконоборческой эпохи, с другой — начинают действовать новые люди, воспитавшиеся под влиянием политических и церковных событий нового времени, т. е. начала IX в. С одной стороны, византинизм сдерживал государство и Церковь в цепях узкого филетизма и отвлеченного принципа, в котором преобладающим элементом было послушание букве, а не духу и требованиям жизни, с другой — возникшая на Западе Каролингская империя и усилившаяся столько же вследствие образования церковной области в Риме, как и просветительной деятельности св. Бонифация между германцами, Римская Церковь поставила перед гордым своим старым и теперь падающим могуществом восточным византинизмом новые задачи, побудив его к обеспечению своего пошатнувшегося положения. Случилось так, что с началом второй половины IX в. для государственных деятелей Восточной империи представлялась полная возможность наверстать потерянное и дать империи новый блеск, несмотря на сделанные уступки в пользу Каролингской империи.

Не подлежит сомнению, что иконоборческий период характеризуется борьбой за идеи, и что эпоха процветания византинизма, как называют македонский период, во многом ему обязана.

К сожалению, иконоборческий период остается во многих подробностях маловыясненным и по основным его выводам довольно спорным. Руководившая движением и задававшая тон партия не осталась у дел, а была насильственно отстранена, и все основания, которыми она руководилась в жизни (акты, записи, сочинения), подверглись или уничтожению, или порче, так что цели и стремления иконоборческих императоров и их сотрудников в сущности для нас неизвестны. Торжество православия сопровождалось не только восстановлением почитания святых икон и вообще церковной реакцией, но и отменой многих других

новшеств, которые рассматривались как результат той же системы. Известно, что самые законы, изданные иконоборцами, признаны были в X в. негодными и отменены. Конечно, нужно считать увлечением мысль, что иконоборческий период заслуживает сравнения с освободительным движением XVI в., но и в VIII в. в Византии подвергнуты были колебанию многие из устоев жизни. Борьба шла не из-за икон только, икона служила лишь символическим выражением противоположных воззрений на предметы поклонения; икона как вещественный предмет послужила материалом для проверки мировоззрения враждовавших партий. То обстоятельство, что была выяснена разность между λατρεία и τιμητική προσκύνησις, не могло занимать массу верующих, это было дело богословов и образованных классов. Но вместе с тем христианству нужно было отстоять свои принципы и поклонение иконам против мусульманства и иудейства и против бросаемых ему упреков в идолопоклонстве. С богословской и философской точки зрения выяснен принцип поклонения иконам в сочинениях Ф. Студита, т. е. уже в IX в.

Идейные завоевания совершаются весьма медленно. В течение ста с лишком лет теоретический вопрос церковности приковывает к себе напряженное внимание всех классов общества, возбуждает страсти и поглощает материальные и духовные силы страны. А между тем в это время на отдаленных окраинах происходят, не останавливая на себе должного внимания, события первостепенной важности. Не будем здесь приводить на память возрастающие успехи мусульман и болгар, с которыми Византия еще могла справиться и движение которых вперед угрожало самому существованию Византийского государства. Но то, что произошло в IX и X вв. в Италии,— образование Папской области и великая узурпация Каролингов — наносило невознаградимый ущерб престижу и мировой политике Византийской империи. Вместе с началом действия иконоборческого эдикта совпадает отлучение от общения с Западной Церковью Востока; с тех пор Запад эмансипируется и начинает самостоятельное развитие. Римская Церковь, порвав с империей, ищет себе защиты и покровительства в возрастающем Франкском государстве, которое создает и смело ставит в это время свои мировые притязания. Каролинги выработали и привели к осуществлению идею перенесения императорской власти на короля франков и нашли церковное освящение этой революционной мысли в авторитете папы. Мировластительные притязания Рима находили поддержку у самих греков; крупнейший писатель IX в. Феодор Студит признавал за Римской Церковью верховный авторитет в делах веры. Немаловажным ударом для империи было и то, что в течение иконоборческого периода гонимые православные, в большинстве из черного духовенства, во множестве колонизовали Южную Италию, придав на долгое время стране наименование Греции.

После восстановления православия Византия должна была вернуться к тем устоям, на которых покоилось ее существование в начале VIII в. Но вернуться к старому было нельзя, да это и не могло соответствовать ее интересам. Принципы иконоборчества, несомненно, были навязаны с Востока, в основе их лежат мусульманские и иудейские воззрения, торжество иконоборческих идей необходимо приводило к преобразованию Византии в особое государство с преобладанием

восточных этнографических и культурных элементов. Между тем, не только по значению эллинского этнографического состава в империи, но и по господствующим культурным особенностям и по историческим тенденциям Византия не могла мириться со скромной ролью восточного государства в средневековой Европе. Уже в конце VIII в. с достаточной ясностью можно было видеть, что европейские народы начинают давать европейской истории совершенно новое значение, что местные истории франков, саксов, лангобардов, баварцев и др. начинают придавать истории Западной империи особый блеск, силу и величие. Разве не ясно было для государственных деятелей Византии, что болгаре, мораване, русские, вообще восточные и южные славяне должны были и до известной степени уже приготовлены были войти в подчинение Константинопольского патриархата и вместе с тем содействовать воскрешению имени империи, блеск которого потускнел вследствие новых завоеваний Каролингов и увеличения пределов Римской Церкви присоединением к ней вновь обращенных германских народов. По-видимому, намечаемый здесь исторический момент хорошо был сознан при переходе власти от Михаила III к Василию Македонянину, т. к. при новой династии империя вступает на новый путь, на котором развивает громадные духовные и материальные силы.

Из вышеизложенного уже ясно, что иконоборческих императоров современный историк обязан защищать против многочисленных и разнообразных взведенных на них обвинений. Наиболее несправедливо обвинение в систематическом гонении на школы и на просвещение. Главное обвинение в этом отношении высказано против Константина Копронима как сознательного и злонамеренного гасильника просвещения. Но никаким доказательством нельзя подтвердить этого. Все обстоятельства, касающиеся Феодора Студита и его семьи и распространения в среднем классе грамотности, отмеченные нами в своем месте, свидетельствуют о том, что в конце VIII в. ни школы не были закрыты, ни домашнему обучению не поставлено препятствий. Что касается начальных годов IX в., то появление на исторической сцене таких научно образованных людей, как Иоанн Грамматик, подготовивший иконоборческую реакцию в 814 г., профессор и математик Лев, выдающийся по своим знаниям, знаменитый патриарх Фотий, поражающий своим обширным литературным образованием, свидетельствует о высокой постановке школы. А грандиозная и беспримерная в средневековом эллинском мире личность Константина Философа, имеющая себе двойника разве в Оригене, не менее импозантная фигура паннонского архиепископа Мефодия и многие современники их, родившиеся и получившие воспитание в конце VIII и начале IX в., не обязаны ли своей школьной образованностью и научной подготовкой современной им общественной среде и высшей школе, в которой они получили образование и любовь к научным занятиям? Подобная общественная среда, несомненно, была при иконоборческих царях; об ней, например, говорит следующее прекрасное место из письма Фотия[25]. Уже будучи патриархом, он рисует такую картину радостей и наслаждений, какие он получал в скромной доле профессора высшей школы в Константинополе. «Могу ли без слез,— пишет он папе Николаю,—говорить о том времени, когда мои друзья собирались около меня и приводили ко мне других, горевших

желанием учиться? Мне доставляло высочайшее наслаждение видеть, с какой ревностью они занимались наукой, с каким вниманием расспрашивали меня, как изощряли свой ум математическими вычислениями и с каким рвением стремились к постижению истины посредством изучения философии и Священного Писания, венца всех знаний. Это было обыкновенное общество, в котором я вращался. Бывало, иду во дворец, меня сопровождает толпа слушателей до самого входа и уговаривает не засиживаться там долго и скорей вернуться. В этой привязанности учеников я видел для себя высшую и невыразимую награду и оставался во дворце не более, как того требовало дело. Возвращаясь домой, я встречаем был у дверей моим ученым обществом. Те из учеников, которые своими превосходными качествами снискали некоторое право на короткое со мною обращение, замечали, что заждались меня, другие просто приветствовали. Отношения наши были просты и искренни, их не нарушали козни, не омрачала зависть. И всего этого я теперь лишен и горько оплакиваю перемену».

Чтобы отстоять предвзятую мысль о густом-мраке невежества, господствовавшего при иконоборцах, указывают на известия о просветительной деятельности кесаря Варды, брата царицы Феодоры, с именем которого соединяют открытие византийского школьного образования. Но в открытых Вардой школах не могли получать образование люди, которым обязан своим подъемом византинизм при Македонской династии, следовательно, ему нужно приписывать реформу в этом важном деле, а отнюдь не открытие школ. Варде принадлежит, по свидетельству летописцев[26], главным образом преобразование и обеспечение материальными средствами школы при дворце Магнаврском, в которой, как можно догадываться по перечислению наук, преподавались известные в средневековой школе trivium и quadrivium[27], где после грамматики и риторики следовали геометрия, астрономия, философия и наука всех наук — богословие.

К подобным же заключениям, которые пока еще не могут быть так утвердительно выражены, как первые, приводит изучение памятников искусства. Иконоборческая эпоха не влияла так разрушительно на художественную производительность, как это утверждалось до сих пор. Гонение было не на искусство вообще, а на почитание изображений святых и воздавание им божеских почестей. В настоящее время начинают становиться известными такие памятники высокого художественного выполнения, происходящие, по всей вероятности, из эпохи иконоборцев, которые должны совершенно ослабить ту точку зрения, что искусство заглохло в IX в. и неожиданно вновь ожило при Македонской династии. В самое последнее время открыты мозаики в церкви св. Димитрия в древней Солуни, которые подали повод к новым выводам по вопросу о состоянии искусства в эпоху VI — IX вв.[28] Изучение этого памятника не закончено еще, но, по всем вероятиям, он должен пролить новый свет на историю византийского искусства.

Важным также обвинением против царей иконоборческого периода выставляется жестокость, с какой они преследовали своих противников— иконопочитателей. Хотя историку не следовало бы считаться с этим обвинением, которое не может быть рассматриваемо как знамение эпохи, а скорей служит обычным явлением всякой религиозной

борьбы и обнаруживается с одинаковой жестокостью во все времена, но и в этом отношении нельзя не обратить внимания на то, что деятельность иконоборческих царей без меры и слишком густо окрашена пристрастными и нетерпимыми писателями. Достаточно напомнить, что жестокость, проявлявшаяся в членовредительстве, в мучениях, в продолжительном заключении и в казнях, засвидетельствована одинаково и в отношении иконопочитателей, и иконоборцев. Если произвести подсчет, то сомнительно, на чьей стороне подымется вверх чаша гуманности и справедливости, на стороне первых или последних. Во всяком случае, жестокость царицы Ирины по отношению к своему сыну или принесение в жертву чистоте православия сотен тысяч павликиан при царице Феодоре может выдержать сравнение с любым преступным распоряжением Константина Копронима или последнего иконоборца Феофила.

В высшей степени любопытно для оценки иконоборческого движения следующее обстоятельство, на которое доселе не было обращено внимания. В первый период движения видим на Востоке, в особенности в военных частях, горячих защитников иконоборческой идеи, которые готовы жертвовать жизнью ради торжества Исаврийской династии и выдвинутого ею религиозного принципа. Во втором периоде одушевление иконоборческой идеей совершенно падает: ни в Анатолике, ни в Фракисийской феме не встречаем более бунтов из-за иконоборческой идеи. Напротив, самозванец Фома привлекает на свою сторону массы народа в Малой Азии, хотя он слыл за славянина по происхождению и хотя выдавал себя защитником иконопочитания.

Источники и литература

Сноски к Введению

[1] See bo m. Village Community. В «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1911 г. (март и апрель) помещена статья по этому вопросу профессора П.Г. Виноградова.

[2] Monum. Germaniae Historica. Capitularia ed. Boretius (Capitul. de villis и Capit. Aquisgranense).

[3] Λάμπρος Μιχαήλ Ακομινάτου τα σωζόμενα. II. P. 207—208; моя книга «Образование второго Болгарского царства». Прилож., с. 65—66.

[4] Nicetas Acominatus. P. 391, 537, 761.

ПЕРИОД I

Сноски к главе II

[1] *Herodoti,* I. V. C. 923. Русский перев. Ф. Г. Мищенко. 11.18—49.

[2] Cod. Theod. IX. 14, 3.

[3] *Polybii* Hist. lib. XXXVI. C. 4 (V. IV. P. 106 sq. ed. Dindorf).

[4] Annal. XII. 63.

[5] Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Берлин, 1895—1909. 3 тт.; Bury. A History of the later Roman Empire. T. I. Introduction; Schurtze. Geschichte des Untergangs des griechisch-romischen Heidentums. Иена, 1887—1892. 2 тт.; Корелин. Падение античного миросозерцания. СПб·., 1895; Boissier. La fin du paganisme. Париж; есть рус. перев. 1892—1894. Москва.

Сноски к главе III

[1] Описание Тацита. Annales. XV. 38—45. Литература обширная. Назовем: Baur. Das Christenthum der drei ersten Jahrhunderten; Hausrath. Neutes-tamentliche Zeitgeschichte; Renan. Ongines du christianisme, и др.

[2] Suetonius. Nero. C. 38.

[3] Dio Cassius. 62, 16.

[4] Priamum felicem vocabat, quod superstes omnium suorum extitisset.

[5] Annales. XV. 44.

[6] Schiller. Nero. S. 433. Anm. 4.

[7] Suetonius. Tib. 36.

[8] Plinii epist. X, XCVI.

[9] Acta S. Maximiliani: «Mihi non licet militare quia christianus sum»; «Non possum militare, non possum malefacere».

[10] Burckhardt. Die Zeit Constantins des Grossen. 3. Aufl. S. 308—309.

[11] Burckhardt, 157; Wietersheim. Geschichte der Volkerwanderung. B. III. S. 223.

[12] Vita Constantini. C. 28.

[13] Panegyr. Nazarii. C. 14.

[14] Lactantii. C. 48; Eusebii. Historia ecclesiastica. X. 5.

[15] Vita Constantini. II. 24—42, манифест к язычникам; II. 48—60 — к восточным народам.

[16] Burckhardt. Die Zeit Constantins des Grossen. S. 340—341.

[17] Объяснения рельефов: Huelsen. Das Forum Romanum. Rom, 1904. S. 64, 86—88.

[18] Athanasii. Oratio contra gentes, ap. Migne. Pair. gr. T. XXV. Col. 4 (составлено приблизительно в 347 г.).

[19] О нем: Clausse. Basiliques et mosaiques chretiennes. T. I. Paris, 1893. P. 117—120.

[20] О положении базилики: Huelsen. S. 194—195.

[21] Cod. Theod. XVI. 2.

[22] Hefele-Leclercq. Histoire des conciles. I. Paris, 1907. P. 357.

[23] Из письма к александрийскому епископу Александру (Vita Const. II. C. 64; Migne. P. gr.). XX. Col. 1038.

[24] Loeschcke. Das Syntagma des Gelasius (Rheinisches Mus. T. LX. 1905) приходит к выводу о существовании протоколов.

[25] Vita Constant. Lib. III. C. 10.

[26] Histoire des conciles. I. P. 431.

[27] Burckhardt. Die Zeit Constantins des Grossen. S. 389—390.

[28] Ibid., 392.

[29] Ammiani Marcellini. XXI. 15, 18.

[30] Ibid. 10, 8.

Сноски к главе IV

[1] Firmicus Maternus, de errore profanarum religionum. О нем: Ebert. Allgem. Geschichte der Literatur des Mittelalters. Leipzig, 1889. I. S. 130—134; Teuffel. Gesch. der rom. Literatur. 3. Aufl. S. 953.

[2] Schiller. Geschichte d. romisch. Kaiserzeit. II. S. 290—292.

[3] C. Th. 16, 10, 2—3.

[4] C. Th. 16, 10, 4.

[5] C. Th. 12, 1, 46.

[6] Ammiani Marcellini. 20, 4, 1: «Constantium urebant Juliani virtutes».

[7] Дата провозглашения, по новым данным, относится ко второй половине мая. Morey. The date of the election of Julian (Supplem. Papers of the Amer. School in Rome. Vol. I. P. 192—194).

[8] Для образца приведем следующие слова (ep. 680. Libanii R. I. 421): «Σώμα μεν ανθρώπου, ψυχή δε 9εοϋ... των δεών τω μεν σΐτον έσ9ίειν διέστηκεν, εν δε τη της αρετής ασκήσει καί τη της ψυχής έπιμελείία πλησίον αυτών εστίν». То есть: «По телу он был человек, а[1] по духу бог... от богов только тем отличался, что вкушал пищу, а по упражнениям в добродетели и по душевным свойствам он к ним приближался».

[9] Ammiani Marcellini. XXI, 10, 7.

[10] XXXII. 4, 3.

[11] Cedreni. I. P. 532. Bonn.

[12] Ibid.: Εεπατε τω βασιλεΐ' χαμαί πέσε δαίδαλος αύλά' ουκέτι Φοίβος έχει καλύβαν, ου μάντιδα δάφνην, ου παγάν λαλέουσαν' άπέσβετο και λάλον ύδωρ.

[13] Juliani Imp. Ep. 78 (И. 603, ed. Teubn.).

[14] Juliani. Ep. 38.

[15] Superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator. A mm. Marc. XXV. 4, 17.

[16] Epist. 49.

[17] Epist. 63.

[18] Epist. 4.

[19] Epist. 52.
[20] Epist. 6.
[21] Epist. 26.
[22] Epist. 42.
[23] Cod. Theod. XIII. 3, 5. Magistros studiorum doctoresque excellere oportet moribus primum, deinde facundia: sed quia singulis civitatibus adesse ipse non possum, jubeo quisque docere vult non repente nee temere prosiliat ad hoc munus, sed judicio ordinis probatus decretum curialium mereatur, optimorum conspirante consensu: hoc emm decretum ad me tractandum refertur ut altiore quodam honore nostro judicio studiis ci vita turn accedat.
[24] Migne. Patrol, gr. 76. Col. 510. На него делал возражение Кирилл александрийский: Προς τα του εν άΟέοις Ιουλιανού.
[25] Ibid. Col. 708.
[26] Cedreni. I. P. 535. Ed. Bonn.
[27] Amm. Marc. XXV. 4.

Сноски к главе V

[1] Cod. Theod. XVI. 5, 6, a. 381 Jan. 10 (ed. Mommsen-Meyer. I. 856).
[2] Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. II. P. 24—25.
[3] Superstitio, insania [Cod. Theod. XVI. 10, 2; 10, 3 (a. 341, 346)].
[4] Monum. Germ. Historica Auctor. antiquiss. VI pars. I. P. 280.
[5] Sozom. VII. 15. Athanasiades. Die Begriindung des orthodoxen Staates durch Kaiser Theodosius den Grossen. Leipzig, 1902. S. 13—15.
[6] Cod. Theod. XVI. l,2;Sozomeni. VII, 4.[7] Sozom. VII, 9.
[8] Waitz. Leben und Lehre des Ulfila. 1840; BesseL.Leben des Ulfila. 1860.
[9] Григорьев. Журн. мин. нар. проев. Март. 1875.
[10] Guldenpenning. Geschichte des ostromischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885. S. 91; Kaufmann. Deutsche Geschichte. Leipzig, 1880. I. 289.
[11] Getica. P. 86—87. Ed. Mommsen; Mon. Germ, historica Auctor. antiquiss. Tomi V. Pars I. Berol. 1882.
[12] Mommsen. Das romische Militarwesen seit Diocletian//Hermes. XXIV. 1889. S. 195.
[13] Procopii. De bello Persico. II, 15: ξύμβολα της αρχής; Theoph. Chro-nogr. Ed. Boor. P. 240: об Арефе, филархе арабском.
[14] Agathiae. V. C. 13; Zocimi. P. 206, 12.
[15] Иоанн Антиохийский. P. 611.
[16] Моя статья «Константинополь в последние годы IV века»//Известия Русского археологического института в Константинополе. IV. 159.
[17] Migne. T. LXVI. Col. 1089. C. 14, 15.
[18] Grosvenor. Constantinople. T. 1. 377—380.

Сноски к главе VII

[1] Ludwich. Eudociae augustae carmina graeca//Bibl. Teubneriana. Lipsiae, 1897; Diehl. Figures byzantines. Paris, 1906.
[2] Teuffel. Gesch. der Rom. Lit. S. 1134.[3] Hefele. II. S. 149.[4] M an si. Concilia. VI. 716.
[5] M a n s i. VI. Col. 736: Δια το τύν θεύν λό^Όν σαρκώδη ναι και ένανδρωπήσαι

και εξ αυτής της συλλήψεως ένώσαι έαυτω τον εξ αυτής ληφ9έντα ναόν.

Сноски к главе VIII

[1] Епарху посвящены две страницы в сочинении: Zachariaev. Lingen-thal. Geschichte des griechisch-romischen Rechts. S. 365—367. 3-e Auflage. Berlin, 1892. Специальная работа напечатана в «Известиях археологич. института». Т. IV. Вып. 2 и принадлежит автору этой книги.

[2] Mommsen. Romisches Staatsrecht. II. S. 1117 (3. Aufl.).

[3] Ο της πόλεως έπαρχος εν τй πόλει μείζων πάντων εστί μετά τον βασιλέα. Eclogae Leonis et Constantini. IV. 11, ap. Migne. Patrol, gr. T. CXIII. Col. 468; cp.: Σάεα. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη. IV. P. 28: Το του έπαρχου αξίωμα... βασίλειος δε αυτή αρχή ει μη όσον άπόρφυρος.

[4] Ulpianus (Mosaicarum et rom. legum. Coll. 14, 3, 2): Fam eo perventum est constitutionibus, ut Romae quidem praefectus urbis solus super ea re (лишение свободы) cognoscat, si intra milliarium centesimum sit in via commissa, ap. Mommsen. O. c. II. S. 969.

[5] Mommsen. S. 1059, 1063, 1067.

[6] Как видно из приведенного выше места Εκλογή των νόμων, ap. Migne. T. CXIII. Col. 468.

[7] Constantini de Cerimoniis. P. 503.10: Κα9ώς το παλαιό ν έκράτει τοις βασιλεΰσιν εσός εξερχόμενου του βασιλέως έπΐ φοσσάτου τον πραιπόσιτον παρεαν την εαυτού αρχής έπικράτειαν, καϊ τω μαγίστρω και τω έπάρχω την της πολιτείας καϊ του κοινού την διοίκησιν. Приведенное место служит превосходным комментарием известия Начальной Русской летописи под 6374 г. «Цесарю же отшедшю на Огаряны (Орифонта в Константине граде остави)... весть епарх посла к нему, яко Русь идет на Царьгород». Тогдашний епарх Никита Орифа, хорошо известный в Византийской летописи, был временным заместителем царя по случаю похода на агарян, в котором царь принял личное участие.

[8] Ecloga. 1Ж I—X. Basil. VII, 5: Ο έπαρχος τοις συγκλητικοΐς απρόσφορος δικαστής άνευ διορισμού βασιλέως.

[9] De Cerimoniis. P. 246, 6.

[10] Ibid. P. 263.

[11] Ibid. P. 264.

[12] Theophanis chronogr. Ed. de Boor. P. 239, 8: Εξερχσμένου αυτού... καθήμενου εν τω όχήματι ηρξαντο αυτόν υβρίξειν και λιβανίξειν...

[13] Chron! paschale I. P. 588. Κύρος προεβλήΟη έπαρχος πραιτωρίων καϊ Επαρχος πόλεως, και προήει μεν ως έπαρχος πραιτωρίων είς την καροΰχαν των έπαρχων' άνεχώρει δε καθήμενος είς την καροΰχαν του έπαρχου ,τής πόλεως' εκρατησεν γαρ τάς δύο αρχάς επί χρόνους τεσσάρας, διότι καθαρός ην πάνυ; cp.: P. 571, 5; Theoph. P. 239.

[14] Cedreni. 1. P. 681—682.

[15] Chron. paschale. P. 595—596; Theoph. P. 115 10.

[16] Theoph. P. 150, 2: Τον επάρχον εν ταΐς συνάξεσι καϊ εν ταΐς λιταΐς τότε έπενόησεν άκολου9εΐν ό βασιλεύς... καϊ έγένετο είς ε9ος.

[17] Ibid., 184.

[18] Ibid., 230, 20: Καϊ άγανακτήσας ό βασιλεύς κελεύει Μουσωνίω τω έπάρχω κράτη σαι τους τοϋτο ποιήσαντας, καϊ έκολάσΟησαν.

[19] Chronic, paschale. P. 608, 3: Άπολυ3ήναί τινας συσχε9έντας από του έπαρχου

της πόλεως λι9οβόλους.

[20] Ibid. P. 571, 5: Έκάη το πραιτώριον Μοναξίου έπαρχου πόλεως από του δήμου — δια την ενδειαν του άρτου και έσύρη ή καροϋχα αΰτοϋ...

[21] Nicole. Le Livre du prefet ou I'edit de I'empereur Leon le Sage sur les corporations de Constantinople. Geneve, 1900. Memoires de 1'Institut Genevois. T. XVIII; G e h r i g. Das Zunftwesen Constantinopels im zehnten Jahrhundert. Hilder-brands. Jahrbucher fur Nationalokonomie. Band 38. 1909; Stockle. Spatromische und byzantinische Zunfte. Leipzig, 1911.

[22] Этому вопросу посвящена глава в книге: Stockle. S. 135. Zussammen-hang der spatromischen und byzantinischen Zunfte.

[23] Theoph. Chronogr. Ed. de Boor. 232: "Е9νος Άβάρων είχον τάς κόμας 6πισ9εν μακράς πάνυ δεδεμένας πρανδίοις.

[24] P. 30, § 3: Πασά η κοινότης του συστήματος εν καιρώ αγοράς καταβαλλέσ9ω, κα9ώς εΰπορεΐ τις. καϊ ούτως αναλόγως τη εκάστου καταβολή καϊ ή διανομή παρά του έξάρχου γινέσΟω. Эта же статья встречается в уставах других двух корпораций (VI, § 8 и IX, § 3). Дословный перевод этой статьи: «Вся община в ярмарочное время облагается сбором согласно имуществу каждого, и сообразно с внесенной каждым долей производится екзархом раздел» — не дает ясного смысла.

[25] Stockle. S. 27—28.

[26] loannis Lydi, de magistratib. P. 200. Μάγκιπες οί του δημώδους και άνδραποδώδους άρτου δημιουργοί.

[27] Basil. I. VI. Tit. 4, 13: Πάντα τα εν Κωνσταντινουπόλει σωματεία καϊ οΐ πολΐται και οί από του δήμου παντός τω έπάρχω της πόλεως ΰποκείσΟωσαν.

[28] Leonis et Constantini. Delectus legum. Ap. Migne. Patrol, gr. T. CXIII. Col. 465—468.

[29] Chron. pasch. 589, 3; Theoph. Chronogr. P. 97, 13. Ed. de Boor.

[30] Malalas. P. 361, 15; Chron. pasch., Theophanes, Cedrenus. 1. 598, 22.

[31] A. Marcellini. Lib. XIV. 1, 9. Ed. Teubneriana.

[32] Cedreni. 1. P. 648, 16: "ωχετο τοίνυν συν τούτοις και ό εκ των φώτων των κατά τάς εσπέρας λαμπτήρων επικαλούμενος οίκος, εν ω αί περιουσίαι των εμπορευομένων τα τε σηρικά και πολυτελή καϊ χρυσόπαστα.

[33] Codinus, de Signis. P. 36, 16: Ό δε Ζεύξιππος το λουτρόν υπό Σεβήρου κατεσκευάσδη και έστοιχειώ$η μετά κανδήλας απτεσΦαι υαλίνης, το δε ύδωρ ζέειν σφοδρώς και τον αέρα του λουτρού' αλόγιστοι δε τίνες έλ^όντες τοΰιο κατέστρεψαν.

[34] De Cerimoniis. 499, 10.

[35] De Cerim. 505, 5: Δίκην νυμφικών παστάδων.

[36] О нем: Mordtmann. Esquisse topographique. P. 68; Woodward. Some notes on the Monument of Porphyrios // The annual of the British School at Athenes. N XVII. Session 1910—1911.

[37] Getica. Ed. Mommsen, Monumenta Germaniae. V. 1. P. 95. C. CXXVIII.

Сноски к главе IX

[1] M an si. Concilia. VI. Col. 563.

[2] Mansi. Concilia. VI. Col. 147; Hefele. II. 421—423.

[3] Mansi. Sacrorum conciliorum nova collectio. VII. Col. 116.

[4] Mansi. VII. 148—155.

[5] Odobesco. Le tresor de Petrossa. I. Paris, 1900. P. 160, 493.

[6] Специальная монография: Mortroye. Genseric. La conquete vandale en Afrique. Paris, 1907; Diehl. L'Afrique Byzantine. Paris, 1896.

Сноски к главе X

[1] Παπαρρηγοπουλου. Ιστορία του Ελληνικού ε9νους. II. 483, 484.

[2] Ibid. II. 579.

[3] Ibid. II. 607.

[4] Ibid. II. 703.

[5] Предисловие к III т., σελ. δ.

[6] Krumbacher. Geschichte der byzantin. Literatur. S. 919.

[7] Mommsen et Meyer. Theodosiani Libri XVI. Cum constitutionibus Sirmondianis. Berolini, 1905. 1—2, 5—6.

[8] Cod. Theod. XVI. P. 878—879.

[9] Гидулянов. Митрополиты в первые три века христианства. Москва, 1905. С. 200 и ел.; Он же. Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов. С. 360 и ел.

[10] Письмо 92 (русск. пер. VI. 198—199).

[11] Письмо Юстиниана II к папе Иоанну от 687 г. Ap. Mansi. XI. Col. 737.

[12] Гидулянов. Вост. патриархи, 481.

[13] Деяния вселенских соборов Изд. Казанской духовной акад. I. 265.

[14] Гидулянов. Восточные патриархи, 551.

[15] Gregorii Theologi. Ep. 147, 202; Patrologia Craeca. T. XXXVII.

[16] Marin. Les moines de Constantinople. Paris, 1897.

[17] Моя статья: Археологические памятники Сирии//Известия. VII.

[18] Tillemont. Memoires pour servir a Fhistoire eccles. XV. P. 347: «II n'y a guere de saints dans I'eglise dont le nom soit aussi celebre qu'est celui de S. Symeon Stylite. Cependant 1'honneur que nous luy rendons aujourdhui n'est qu'un reste de celuy que les Fideles luy ont rendu de son vivant mesme»; см. еще p. 462.

[19] De Vogue. Syne Centrale. I. P. 142; ср.: Ф. Успенский. Памятники Сирии//Известия Русского археологического института в Константинополе. VII. Моя статья: О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия// Известия. Т. XIV.

Сноски к главе XI

[1] Krumbacher. Geschichte der Byzantin. Literatur. S. 919 (2-te Ausgabe).

[2] Для внутренних отношений см.: Sievers. Studien zur Geschichte der romischen Kaisern. S. 489.

[3] Mommsen. Ostgothische Studien. S. 245. Neue Archif der Gesellsch. 14 B. 1889.

[4] Malchi Fragm. II ed. Dindorf. P. 397.

[5] Malchi Fragm. 18; Comes Marcell. A. 479.

[6] О числе шедшего в Италию войска см. соображение: Dahn. Die Konige.

[7] Hartmann. Gesch. Italiens. I. 73.

[8] Monumenta Germ. Histor. Auctorum antiquissimorum. 1—2; Eugippii. Vita s. Severini. C. I, IV—VI; X, XXVIII, XLIV. Эти места сохранились и поныне под названием: Klosterneuburg, Tulln, Mauer.

Сноски к главе XII

[1] Rose. Kaiser Anastasius. Halle, 1882. S. 16.

[2] Comes Marcellinus. P. 94//M. G. Histor. Chron. minora. Vol. XI.

[3] Ζωναράς (XIV. 4) прямо говорит: Δια τάς εφόδους Βουλγάρων και των ΣκυΟών.

[4] Лучшие известия у Иоанна Антиохийского // Fragmenta. Hist. Graecorum. V. Ap. Muller Landolfi Sagacis Additamenta. P. 365, 366. Auctor. antiquissim. 1 — 11.

[5] Главный источник — Иисус Стилит: Chromque de Josue le Stylite ecrite vers Pan 515 — par P. Martin. Leipzig, 1876. Важно исследование: Мег ten. De bello Persico ab Anastasio gesto. Jena, 1905.

[6] Sachau. Reise in Syrien und Mesopotamien. Leipzig, 1883. S. 396—398.

[7] "Αγιος ό θεός, άγιος ισχυρός, άγιος αθάνατος, όσταυρωβεϊς δι' ημάς, έλέησον ημάς.

[8] Herzog. Real-Encyclopadie. Sub. ν. χρυσάργυρον.

[9] Подробности: Панченко Б. А. О «Тайной истории» Прокопия//Ви-зант. Временник. III. С. 496—501, 486—487.

[10] Anon. Valesii 12, 57. Ap. Mommsen. Chronica minora. Vol. I. P. 322.

[11] Cassiodori Variae. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum. XII.

[12] Orosii VII. C. 43.

[13] Cassiodori Variae. I. 1 (написано ок. 508 г.).

[14] Variae. IX. 25.

[15] D a h n. Die Konige der Germanen. Ill (die Edicte der Konige... und das goth.

[16] Cassiod. II. Ep. 16; III. 43

[17] Variae. II. 27.

[18] Bury. A History of the later Roman Empire. I. 382

[19] Theod. Lector. II. 18; Dahn. III. S. 188, n. 4.

[20] Gregorovius. Gesch. d. Stadt. Rom. 1869. I. 310.

Сноски к главе XIII

[1] Новое научное сочинение: Niederle. Slovanske Starozitnosti. Praha, 1903.

[2] «La table de Peutinger, d'apres lOriginal conserve a Vienne» — par Desjar-dino. Paris, 1879—1884.

[3] Claudii Ptolemaei. Geographiae edid. Wi 1 berg. P. 200. Карта Птолемея у Niederle. I. 11. С. 376; его вывод о славянских именах на карте I, II. С. 431.

[4] Дринов М. С. Заселение Балканского полуострова славянами. Москва, 1873; Иловайский Д. И. 1) Разыскания о начале Руси. Москва, 1876, 2) Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. Москва, 1886; 3) Вторая дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. Москва, 1902.

[5] lordanis. Getica. C. *\//Ed.* Mommsen. Auctor. antiquiss. V. 1. P. 62—63.

[6] Acta SS. Oct. C. V. § 194—207; Tougard. § 110—123.

[7] Theoph. Chronogr. Ed. Boor. I. 348, 364, 365, 432; Известия Русского археологического института. Т. VIII. 32 и ел.

[8] Hum a n n. Ueber die Etnologie Klemasiens. Verhandl. der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin. B. VII. 240—254.

[9] Подробности в моей статье, помещенной в «Известиях Русского археологического института». Т. XIV. С. 48, 57.

ПЕРИОД II

Сноски к главе I

[1] Dahn. Procopius v. Caesarea. Berlin, 1865; Die hi. Justinien et la civilisation Byzantine au VI siecle. Paris, 1901; Панченко Б. А. О Тайной истории Прокопия. СПб., 1897; Holmes. The age of Justinian and Theodora. II. P. 605.

[2] Dahn. Procopius v. Caesarea. Emleitung. S. 10.

Сноски к главе II

[1] Cod. Just. 1, 27; I. I.

[2] Cassiodori Variae VIII, I; Auctorum antiquissimorum. XII. 231.

[3] Cod. Justin. I. Tit. 27.

[4] Diehl. L'Afrique Byzantine. 10—11.

[5] De bello Goth. 2. P. 13.

[6] De bello Gothico. 1. C. 8. P. 39.

[7] De bello Goth 11. 6. P. 168.

[8] De bello Goth. 11. 6. P. 171: Ημείς,, δε Γότ3οις Βρεταννίν δλην συγχωροϋμεν εχειν, μείζω το παρά πολύ Σικελίας ούσαν και 'Ρωμαίων κατήκοον το ανέκαθεν γεγενημένην.

[9] Главный источник: Procopius. De bello Goth. 11, 28; Hartmann. Gesch. Italiens im Mittelalter. Gotha., 1897. I. S. 286. В примечаниях к тексту — подробные указания литературы.

[10] De bellp Goth. 11, 29. P. 266: Επειδή τε οι πρέσβεις εκ 'Ραβέννης προς αυτόν ΐκοντο, γράμμασιν οικείοις έπιρρώσαι τάς ξυνδήκας ήκιστα ηδελεν.

[11] De bello Goth. 11, 29. P. 268: βασιλέα της εσπερίας Βελισάριον ανειπεΐν έγνωσαν.

[12] De bello Goth. I, 24. P. 114.

[13] Procopii. De bello Goth. III. 12. P. 325.

[14] Procop. III. 6, 9—13. P. 301, 312, 327.

[15] Hartmann. I. S. 405. Anm. 4; ср.: Прокопий. De bello Gothico. II. C. 20.

[16] Hist. Arc. 18. P. 106.

[17] Pauli Diaconi. II. C. 5; жалоба обращена к имп. Юстину II и его супруге Софии.

[18] Zachariae a Lingenthal. lustiniani novellae Constitutiones; Bibl. Teu-bneriana. CLXIV. P. 354. A. 554.

[19] Pragmat. C. XI: «lura vel leges Codicibus nostris insertas, quas in Italiam dudum misimus, obtinere sancimus... ut una deo volente facta republica legum etiam nostrarum ubique prolatetur auctoritas».

[20] Hartmann. Untersuchungen zur Gesch. der byzantin. Verwaltung. Leipzig, 1889. S. 46, 150.

[21] Nov. 128., C. 16.

[22] Diehl. Etudes sur 1'administr. byzantine dans l'Exarchat de Ravenne. P. 43—46.

[23] Hartmann. Untersuchungen zur Gesch. der byzantin. Verwaltung in Italien. S. 86, 87, 169.

[24] Vita Constant. 1. 8. II. 19; De laud. Const. C. 16.

[25] Diehl. lustinien et la civilisation Byzantine. P. 131.

Сноски к главе III

[1] О немецких народностях на Дунае: Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstamme; Mullenhof. Deutsche Altertumskunde. 2-er Band. Berlin, 1887. S. 101 —

103. Сочинение снабжено древними картами.

[2] lordanis. Getica. Ed. Mommsen; Monum. Germaniae. V. P. 63: «Sclaveni a civitate Novictunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur—Antes vero — a Danastro extenduntur usque ad Danaprum»; Zeuss. Die Deutschen. S. 594; Mtillenhof. 11, 94.

[3] Niederle. Slovanske Starozitnosti. I. Praha, 1903. 192—193.

[4] Mtillenhof. Deutsche Altertumskunde. II. S. 379—384; Radonic. Глас. 1901. С. 204.

[5] De B. G. III. 40. P. 450.

[6] Ibid. P. 451.

[7] Niederle. III. 192—193.

[8] Hist. arc. C. 18.

[9] Procopii. De B. Gothico. III. C. 35. P. 430, 15.Ibid. C. 38. P. 441.

[11] De Bello Goth. Ill, 38. P. 442: "Η πρώτη μεν θρακών των παραλίων εστί, του δε Βυζαντίου διέχει όδόν ημερών δυοκαίδεκα.

[12] Между прочим, моя книга «Первые славянские монархии». С. 8—9.

[13] Известия. Т. X. С. 558.

[14] Обзор источников и литературы в моей статье: О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солу ни//Известия. XIV.

[15] Acta SS. T. LII. Octobris IV. P. 50—209.

[16] Tafel. De Thessalonica eiusque agro. Berolini, 1839.

[17] Tougard. De I'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Paris, 1874. 26 2382

[18] Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899.

[19] Стано]евип. Византща и Срби. Кн. прва, 1903; Кн. друга, 1906; Niederle. Slovanscke starozitnosti. II. Svaz. I. Praha, 1906.

[20] Schonfelder. Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus. Munchen, 1862.

[21] Есть немецкий перевод Иоанна Ефесского, принадлежащий Schonfelder, и английский: Smith. The third Parth of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus. Oxford, 1860.

[22] Dindorfius. Historici grasci minores. II: Menandri fragm. 47. P. 98: Κατά δέ·τό τέταρτον έτος Τιβερίου Κωνσταντίνου Καίσαρος βασιλείας εν τη θράκτι ξυνενέχ&η το Σκλαβηνόν Ε&νος μέχρι που χιλιάδων εκατόν θράκην και αλλά πολλά ληΐσασ9αι.

[23] Chronique de Jean eveque de Nikiou. Texte ethiopien trad. Par Zotenberg. Paris, 1883 (первоначально в «Notices et Extraits». Vol. XXIV).

[24] Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199). Par. Chabot. T. I. Paris, 1899; сравн. места у Нидерле. II. 1. С. 204—205.

[25] Chronique de Jean. P. 430: «On rapporte, au sujet de 1'empire remain, que les rois de ce temps, avec des barbares, des peuples etrangers et des Illyriens, ravageaient les villes des chretiens et emmenaient les habitants captifs. Seule la ville de Thessalonique fut epargnee, car ses murs etaient solides et, grace a la protection de Dieu, les peuples etrangers ne reussirent pas a s'en emparer; mais toute la province fut depeuplee».

[26] Chabot. Chronique de Michel le Syrien. I. 361. 1. X. Ch. XXI: «La cruelle inimitie entre les Romains et les Perses s'etait prolongee pendant vingt ans. Les Remains furent attaques de nouveau par les peuples des maudits barbares a chevelure inculte, qu'on appelle Avares, qui s'ebranlerent et s'avancerent des extremites de 1'Orient et aussi par le

peuple occidental des Esclavons...»

[27] Erben. Regesta. N. 1; сравн. место из письма папы Григория I. Migne. Patrol. Lat. LXXVII. Col. 1092: «De Sclavorum gente, quas vobis valde imminet, affigor vehementer et conturbor; affligor in his, quae iam in vobis patior, conturbor quia per Istriae aditum iam Italiam intrare coeperunt».

Сноски к главе IV

[1] Bury. History of the later Roman Empire. I. P. 372, 418; Noldeke. Geschichte der Perser und Araber. S. 455; Diehl. Justinien et la civilisation Byzantine. P. 209—218; Holmes. The age of Justinian and Theodora. II. P. 367, 585.

[2] Дестунис. Прокопия История войны с персами. I. X1II. С. 161.

[3] De B. P. I. XVII (рус. пер. с. 225).

[4] «Персидская война» в рус. пер. с. 226.

[5] Proccpii de B. P. II. 2 (рус. пер. П. С. 14—15).

[6] De B. P. II, 3 (рус. пер. II. С. 22—23).

[7] Diehl. Justinien. P. 380, 390.

[8] Duchesne. Les missions chretiennes au sud de rempire//Melanges d'Archeologie et d'histoire. 1896; Diehl. Justinien. P. 393 squ.

[9] Justiniani Novellae (ed. Zachariae a Lin gen thai. Const. XCVI, a. 538).

[10] De B. P. I. 19 (рус. пер. с. 254, 260 и ел.).

[11] Надписи, между прочим, изданы в «Corpus Inscr. Graecarum», 8647— 8649.

Сноски к главе V

[1] Ги б б о н. История упадка и разрушения Римской империи (рус. пер.). IV. С. 321 и сл.

[2] Ср.: Friedlander. II. P. 64.

[3] Прекрасный комментарий к этому сочинению дает Д. Ф. Беляев: Byzantina. Очерки, материалы и заметки по визант. древностям. Кн. I и II.

[4] Источники, литература и подробности в моей статье: Партии цирка и димы в Константинополе//Визант. Временник. Т. I.

[5] DeB. Pers. I. 119—120.

[6] Έπήρχοντο γαρ και τοις κατά πάλιν αρχουσι, άρξάμενοι από του Βυζαντίου (Malal. 416, 5; Theoph. 166, 28).

[7] Malal. 416, 10; 393, 5.

[8] Theoph. 254, 7; 279, 20; 287, 23.

[9] Ibid. 233,11: Ό βασιλεύς εδημότευσε πολλούς καϊ επεμψεν εις το Μακρόν τείχος.

[10] Procopii. De B. Persico. 1, 24. P. 125: рус. пер. Дестуниса. 1, 324.

[11] Malal. LXVIII. P. 451.

[12] Procopii. De Bello Persico. I, 24, 25.

[13] Malalae. Lib. XLIII. P. 451: Κελεύσας μηδένα διδάσκειν φιλοσοφίαν μήτε νόμους έξηγεΐσ9οα.

[14] Teophanis. I. P. 276: Έποίησεν 6 βασιλεύς διωγμό ν μέγαν κατά των Ελλήνων και πάσης αίρέσεως.

[15] Diehl. Justinien. P. 564.

[16] Ibid. P. 564—565.

[17] loannis ep. Ephesii. Commentarii de beatis orientalibus. P. 225 (ed. van Douwen et Land).

[18] loannis episc. Ephesii. Commentarii. P. 217.[19] Ibid. P. 221.

[20] Моя статья в «Известиях института». VII. С. 93—212.

[21] Известия института в Константинополе. VII. С. 178.

Сноски к главе VI

[1] Procopii. De B. P. 1, 24. P. 121.[2] Agathiae. Hist. V. 7. P. 291.

[3] Choisy. Histoire de Γ architecture. Paris, 1899. II. P. 51.

[4] Diehl. Justinien. P. 478—479.

[5] Савваитов. Путешествие новг. архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872. С. 73 и след.

[6] Там же. С. 57—58.

[7] Византийские церкви. С. 113//Труды VI археол. съезда в Одессе. III.

[8] Кондаков Н. П. Византийские церкви. С. 116—117.

[9] Lethaby et Swainson. Sancta Sophia. P. 244—245.

[10] Более подробные данные в книге: Lethaby et Swainson. P. 273, 287.

[11] Ebersolt. Sainte-Sophie de Constantinople. Paris, 1910. P. 25.

[12] Const. A. 535. XIV. P. 71.

[13] Вульф. Семь чудес Византии и храм свв. Апостолов//Известия института. I. С. 35.

[14] Strzygowski. Die byzantinische Wasserbehalter von K-pel. S. 215.

[15] De aedifi. iis. P. 268.

[16] Diehl. Justinien. P. 234—5; он же. L'Afrique Byzant. 139.

Сноски к главе VII

[1] Главные пособия: H e y d. Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age. Edition fran9aise par Turcy Raynaud. I, II. Leipzig, 1885—1886; Zachariae von Lingenthal. Eine Verordnung Justinian's uber den Seidenhandel aus den Jahren 540—547//Memoires de 1'Academie Imperiale de St.-Petersbourg. VII serie. T. IX. N. VI, 1865; Gelzer. Byzantinische Kulturgeschichte. Tubingen, 1909.

[2] В первый раз Пальмирский тариф открыт и издан князем Абамелек-Лазаревым: Пальмира, археологическое исследование. С.-Петербург, 1884. В Россию тариф перевезен с разрешения султана Абдул-Гамида по ходатайству императорского российского посла в Константинополе и при участии института. См. в моей статье: Археологические памятники Сирии. С. 123//Известия. Т. VII.

[3] Amm. Marcellini. XIV, 3; XXIII, 3; Cod. Justinianus IV. 63, de commerciis. «Mercatores tarn imperio nostro quam persarum regi subjectos ultra ea loca, in quibus foederis tempore cum memorata natione nobis convenit, nundinas exercere minime oportet, ne alieni regni scrutentur arcana. Nullus igitur imperto nostro subiectus ultra Nisibin, Callinicum et Artaxata emendi sive vendendi species causa proficisci audeat...»

[4] Procopii. Hist. Arcana. C. 25. P. 141: Αίτιώμενοι μείζον μεν ή πρότερον εν χρόνω τω παρόντι υπέρ αυτής καταβάλλεσ9αι το τίμημα Πέρσαις, πλείω δε νυν τα δεκατευτηρια είναι εν γη τη 'Ρωμαίων.

[5] Procopii. Histona Arcana. C. 25. P. 138.

[6] Migne. Patrologia Graeca. T. LXXXVIII. Col. 72.

[7] Ibid., col. 445, 449 и др.

[8] Cosimo Stornajolo. Le miniature della topografia Christiana di Cosma Indicopleuste. Milano, 1908. P. 6.

[9] Migne. Col. 448.

[10] Ibid. Col. 73: Δια της ζώσης φωνής παραλαβών υπό του 8ειοτάτου ανδρός και

μεγάλου διδασκάλου Πατρικίου...

[11] Stornajolo. Le miniature della topografia cristiana. P. 10—11.

[12] Migne. Col. 397.

[13] Gelzer. Byzantmische Kulturgesch. Tubingen, 1909. S. 109.

[14] Migne. T. 88. Col. 448—449. Это описание знаменитого острова Тапро-вана, который у Косьмы назван ή Σιελεδίβα.

[15] Migne. Col. 441.

[16] Ibid. Col. 449: Ot δε κατά τόπον βασιλείς της Ινδικής.

[17] Gelzer. Bysant. Kulturgeschichte. S. 120.

[18] Πρόλογος ά. Col. 53.

[19] Cosimo Stornajolo. Le miniature. P. 16—17.

[20] "Οθεν ακριβώς κατέγραψα (Migne. Col. 441, 444).

[21] Migne. Col. 88: Ταύτα δε παραλαβών εκ τοδ 9είου ανδρός, ήτοι καί αυτής της πείρας, έσήμανα.

[22] Ibid. Col. 400.

[23] Kondacoff. Histoire de 1'art byzantin. P. 139—140.

Сноски к главе VIII

[1] Codex Gregorianus, Hermogenianus, Theodosianus.

[2] Krueger. Hist, des sources du droit romain. P. 448; Diehl. Justinien. P. 248—267.

[3] lustiniani Novellae. Ed. Zachariae a Lingenthal//Bibl. Teubner. Nov. XVI. P. 93.

[4] Ουκ αυτό δίδωσι μόνον όσον προφάσει των καλουμένων έπενοήΟη σουφφραγίων. Const., XVI. P. 95.

[5] Ibid. P. 102: Και ούτως άρχοντες των υπηκόων ως αν πατέρες των υιών, άγατώντες μεν αυτούς ανεύθυνους οντάς...

[6] Ibid. P. 106.

[7] Nov. XXIII (24). P. 152.

[8] Ibid. P. 153: Έπιτρέψαντές τε αύτοΐς καί τα πολιτικά διοικεϊν καί τα περί των νόμων γράφειν.

[9] Ibid.: Τάξει δε χρήσ9αι μια ταξεωτών εκατόν.

[10] Ibid. P. 157: Καί πάντα εξει τα της αρχής παράσημα.

[11] Ibid. P. 158: Και μήτε τάς πόλεις στασιάζεσΟαι συγχωρεϊν, μήτε τους κωμήτας άπαυ9αδιάζεσ9αι προς το δημόσιον.

[12] Nov. XXXI (28). P. 191.

[13] Ibid. P. 192.

[14] Nov. XXXIII. P. 206.

[15] Nov. XLV(31). P. 277.

[16] Ibid. P. 200.

[17] Nov. XCVI. A. 538. P. 529.

[18] Diehl. L'Afrique byzantine. P. 117, 453.

[19] Nov. XCVI. P. 529: Oi παγάρχοι.

[20] Nov. XCVI. P. 545: Εν r) πυκττί άπεγράψατο τον του έξαγωγίου τίτλον εκφέροντα διαφόροις αίτίαις χίλιους χρυσούς ούτως. Точная цифра восстановляется на основании дальнейшего текста.

Сноски к главе IX

[1] Boecking. Dom. Ulpiani Fragmenta. Lipsiae, 1855.

[2] Savigny. Vermischte Schriften. II, 205 и след.; Mommsen. Syrisches

Provinzialmass und Romischer Reichskadaster//В журнале «Hermes». Berlin, 1869. Ill, 429.

[3] Vermischte Schriften. 70. Обращение Сидония к Майориану: «Geryones nos esse puta, monstruumque tributum. Hie capita, ut vivam, tu mihi tolle tria».

[4] Ibid., 212—213. Моммсен (в «Hermes». III. 431) со всею решительностью стоит за идеальную гуфу: «Das iugum ist kein Flachenmass, sondern — die fur die Grundsteuer verwendete Einheit einer zu 1000 Goldstucken abgeschatzten Bodenflache, auf welche je nach den verschiedenen Bonitirungsclassen 5, 20, 40, 60 Jugera an Flachenraum entfielen».

[5] Bruns und Sachau. Syrisch-Romisches Rechtsbuch. Leipzig, 1880; Sachau. Syrische Rechtsbucher. Berlin, 1907—1908. I, 11.

[6] Первоначальный перевод и толкование этого места в издании Brunns und Sachau (§ 121. S. 37) подверглись некоторым дополнительным объяснениям в новом издании: Sachau. Syrische Rechtsbucher. S. 135.

[7] Marquardt. Romische Staatsverwaltung. II. S. 237.

[8] Подробности в моей статье: Следы писцовых книг в Византии//В «Журн. Мин. Нар. Просвещения». Янв. 1884.

[9] Novella CLI1 (128). P. 276.

[10] Υπέρ εκάστου ίούγου, ή ίουλίων η κεντουρίων — чтение второго термина весьма сомнительно.

[11] Nov. XXI (17). P. 137.

[12] Nov. XXI. A. 535. P. 145: άπαν όσον απορον της επαρχίας έστϊ, τοϋτο ταΐς εκείνων κτήσεσιν επιζήσεις — это место допускает разные толкования. Очевидно, речь идет об επιβολή.

[13] Zachariae a Lingenthal. Geschichte des griechisch-romischen Rechts. III. Aufl. S. 229 squ.

[14] Выражения όμόκηνσα и όμόδουλα не могут считаться разъясненными. Nov. CLII. P. 279.

[15] Панченко Б. А. О «Тайной истории» Прокопия. С. 140—143.

[16] Zachariae. Op. cit. S. 232.

[17] Общее значение вопроса оценено, между прочим, в статье г. Бороздина, помещенной в журнале «Термес», № 4 и 5 за 1909 г.

[18] Самое капитальное сочинение: Mitteis. Zur Geschichte der Erb-Pacht im Alterthum//Abhandl. Sachs. Ges. der Wissensch. XX. Leipzig, 1901; Pauly. Real-Ekcyclop. V, 2. S. 2514; Энциклопедич. словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 80. Ст. 785.

[19] Novella XV (7). P. 75.

[20] Ibid. P. 85: Επί τούτοις έμφυτευτικήν συγγραφήν εις αυτόν γίνεσ&αι κατά το σχτ\μα...

[21] Nov. CXLVI1I (120). P. 246.

[22] Ibid. P. 247: Επί τινι ποσότητε ταΰτα εις έμφύτευσιν διδόναι.

Сноски к главе X

[1] Gfrorer. Byzantinische Geschichten. II. S. 361—362.

[2] Acta Sanctorum. Octobris. T. IV. Miracula.

[3] § 166: Ό των αυτών Σκλαβίνων εξαρχος, τοΰνομα Χάτζων. Acta SS. § 169; Tougard. § 46. Acta SS., § 177; Tougard. Acta SS., § 180; Tougard § 52. §35.

Acta SS. Oct. IV. § 185. P. 173; Tougard. § 65. P. 148. Tougard. §76.

[9] Ibid. § 110.

[10] Erben. Regesta. № 1; Migne. Patrol. Lat., LXXVII. Col. 1092: **De** Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor; affligor in his, quae iam in vobis patior, conturbor quia per Istriae aditum iam Italiam intrare coeperunt.

[11] Theophanes. Ed. de Boor. P. 300: Ηράκλειος δε ό βασιλεύς ευ ρε παραλελυμένα τα της πολιτείας 'Ρωμαίων πράγματα' την γαρ Εύρώπην οι "Αβαρες ήρήμωσαν και την Άσίαν οι Πέρσαι.— Общественный факт, что авары воевали вместе со славянами.

[12] Pauli Diac. IV. 40: Hoc anno Sclavi Histriam interfectis militibus la-crimabiliter depraedati sunt.

[13] Isidori Hispalensis episcopi Chronicon//Migne. Patr. Lat. LXXXIII. Col. 1056: Heraclius quintum agit imperii annum. Cuius initio Sclavi Graeciam Romanis tulerunt, Persae Syfiam et Aegyptum.

[14] Eand. Anecdota Syriaca, Thomas presbyter. Vol. I. Eugduni Bat. 1862. P. 115: Slavi Cretam ceterasque insulas invasere.

[15] Pauli Diaconi. Hist Eongobard. IV. P. 44//Mon. Germ. Hist., Scriptores rerum Eangob, et Ital., ed. Bethmann et Waitz. Hannov., 1878. P. 135: Venientes Sclavi cum multitudine navium non longe a civitate Seponto castra posuerunt.

[16] В высшей степени пикантное место дают «Acta SS.», § 190: Τους 9αλαττίους πλοτήρας τους έπΐ παρακρμιδη καρπών εν τη βασιλευούσή άνιόντας πόλει πάμπολλους έκπορΟήσαντες, από τε των νήσων καί της στενής δαλάττης και των έπΐ το Πάριον και Προκόννησον τόπους και αυτούς τους είς το τελωνείον άμα των πλοείμων αΐχμαλωτίσαντες...

[17] Schlumberger. Sigillographie de ['empire byzantin. P. 197—198.

[18] Miracula. Eib. IE § 158.

[19] Ibid.: "Ασπερ κατεσκεύασαν εκ μονοδένδρων γλυπτάς νήας, απείρους τον αριθμόν υπάρχουσας, κατά το προς 9άλατταν κατεστρατοπέδευσαν μέρος... Ясно, что упомянутым в житии славянским племенам принадлежал морской берег в Македонии!

[20] Tougard. §86. P. 166.

[21] Ραλλη-Ποτλη. Σύνταγμα των 9είων καί ιερών κανύνων. V. P. 72.

[22] T he o ph. Chronogr. P. 561.

[23] Echos d'Orient. № 77. Juillet 1909; Vailhe. Projet d'alliance turcobyzantine au VI s.

Сноски к главе XI

[1] Finlay. History of Greece. I. 298.

[2] Acta Sanct. Octobris. IV. P. 132.

[3] Theophilacti Simocattae. Ed. Bonnae. P. 36.

[4] Finlay. I. 298.

[5] Theophanis. Chronogr. 251, 25: Αγοράσας σώματα εθνικών κατέστησε στράτευμα είς δομα ίδιον, άμφιάσας καί καΟοπλίσας αυτούς χιλιάδας ιέ.

[6] Theoph P. 267, 32: Ειρήνης δε βαρείας την άνατολήν καταλαβούσης άβαρικός επί την Εύρώπην έκύμαινε πόλεμος'δια τούτο ό Μαυρίκιος τάς δυνάμεις από ανατολής επί την θράκην μετήγαγεν.

[7] Ibid., 233: Εύρόντες^ δε του τείχους του Άναστασικοϋ τόπους τινάς πεπτωκότας εκ των σεισμών, είσελ9όντες ήχμαλώτευσαν...

[8] Ibid.: Ό βασιλεύς έδημότευσε πολλούς και Ιπεμψεν είς το μακρόν τείχος.

[9] Ibid., 254, 5.

[10] Ibid., 254, 6: Ό δε βασιλεύς τα του παλατιού στρατεύματα έξαγαγών της πόλεως και τους δήμους φυλάττειν τα μακρά τείχη έκέλευσεν.

[11] Ibid., 279, 17.

[12] Ibid., 279, 18—19.

[13] Ibid., 278, 33: Φασϊ δε τίνες τον Μαυρίκιον υποδέσ9αι τω Κομεντιόλω όπως το ρωμαϊκό ν στράτευμα παραδώση πολέμοις δια τάς αταξίας αυτών.

[14] Ibid., 280, 7.

[15] Theoph. Ed. de Boor. P. 282—288.

[16] Theophyl. Hist. VIII, 7. P. 327, 15.

[17] Theophyl. VIII. 7. P. 327, 12: Και τους δημάρχους είσκαλεσάμενος προς τα βασίλεια έπυνδάνετο των δημοτεύοντων επί λεπτού τον άρι9μόν.

[18] Fin1ay. History of Greece 1 , 302; B u r y . A History of later roman empire. 1 1, 86.

[19] Ed. de Boor. P. 280.

[20] Theoph. 287, 7: Και έπϊ άσπίδος τούτον (т. е. Фоку) ύψώυαντες εύφήμησαν εξαρχον.

[21] Ibid. VI, 2. P. 243—244.

[22] Chronicon paschale. P. 699: Αναφαίνονται πλοία ικανά κατά το στρογγυλοϋν καστέλλιν.

ПЕРИОД III

Сноски к главе I

[1] Theoph. Chron. 302 — 303; Ramsay. The Hist. Geography of the Asia Minor. 1, 187 и др.

[2] Migne. Patrologia graeca. T. LXVI. Col. 1050.

[3] Malalas. 429. 16; Theoph. 175, 7; Cedreni. 1, 643, 20.

[4] Το Αρμενίων δίστατον και πολυπλανές, ap. Zachariae a Lingenthal. lus III. 290.

[5] Edict. XIII. C. I.

[6] Лучшее об экзархате у Diehl: Etudes sur I'administration byzant. dans 1'exarchat de Ravenne. 568 — 751.

[7] Theoph. 287,7.

[8] De Thematibus. I. P.

[9] Ibid. P. 12.

[10] Diehl. L'origine du regime des Themes («Extrait des Etudes d'hist. Dediees a Monod»); Gelzer. Die Genesis der Byzantin. Themenverf. Leipzig, 1899.

[11] Этому вопросу посвящено нами исследование в «Известиях Русского археологического института». Т. VI: Военное устройство Визант. империи.

[12] De Cerim. 657—658. 18.

Сноски к главе II

[1] Nicephori arch. Const. Opuscula hist. Ed. de Boor. P. 24, 10: Έπανέοτη

Κοϋβρατος δ ανεψιός Όργανα δ των Ουνογουνδούρων κύριος τω των Άβάρων χαγάνω...

[2] Ibid. P. 33, причем назван Κοβράτος в достоинстве хана.

[3] Chronique de Jean eveque de Nikiou, texte ethiopien. Trad, par Zotenberg. Paris, 1883.

[4] Ibid. P. 400: «Koubratos .chef des Huns, neveu d'Organa».

[5] Thepphanes. Ed. de Boor. P. 357, 12: Κροβάτου του κυροΰ της λεχδείσης Βουλγαρίας τον βίον μεταλλάξαντος.

[6] Acta SS. § 185; Tougard. § 70.

[7] ActaSS. § 198; Tougard. § 113.

[8] Известия Русского археологического института. Т. X. С. 545.

[9] Theophan. 433; 497, 19. Следует принять в соображение и разночтения: Κομέρσιος Cormesus. За указание развалин этого имени приносим благодарность г. К. Шкорпилу.

[10] Tougard. § 121: Ό αυτός Μαύρος συν των μετ' αύτοΰ αποφυγών τα του 3εοστέπτου βασιλέως κατέλαβεν ϊχνη, έκεΐσε δεχθείς καϊ αρχών χρηματίσας.

[11] Erben. Regesta. I; Migne. Pair. lat. LXXVII. Col. 1092.

[12] Niederle. Slovanske Starozitn. II. 1. P. 223—224.

[13] Ibid. II. 1. 278.

[14] De admin, imperio. C. 29—30. Ed. Bonnae.

[15] Ibid., C. 29: Εύρον ε'9νη σκλαβενικά άοπλα οντά, ατινα και αβαροι έκαλοΰντο. И далее σκλάβοι οί και "Αβαροι.

[16] В первый раз эта мысль проведена у Racki, см.: Niederle. II. 1. S. 256, 261.

[17] Archiv fur Slavische Philol. XVII. S. 56, 85.

[18] Бартольд. Зап. Имп. Ак. Наук. I. П. 4 (1897); Туманский. Записки Восточн. отдел. Императ. Русского археол. общества. Т. X. 1897.

[19] Этому вопросу посвящена моя статья в «Известиях Русск. археол. института». Т. XIV. 1. С. 44—58.

[20] Хроника Фредегара изд. в «Mon. Germ. Hist.». Vol. II, и «Conversio Carantanorum». Ibid., XIII.

[21] Krusch. Neues Archiv der Cesellsch. fur altere deutsche Geschichtskunde. VII. 1882; Погодин. Из истории слав, передвижений. С. 152—154.

[22] Прокопий. De B. Goth. IV.

Сноски к главе III

[1] Gelzer. Leontios v. Neapolis. Leben des heil. Johannes der Barmherz. S. 23.

[2] Георгий Писида. Ираклиада. II. 109, 120.

[3] The o ph. 303, 9: Κατά τάς λεγομένας Πύλας.

[4] Gerland. Die persichen Feldzuge. 28—29//Byzant. Zeitschr. III. 2.

[5] Hilprecht. Die ausgrabungen in Assyrien und Babylonien. Leipzig, 1904; I Kapitel.

[6] Theoph. 318, 2.

[7] Кулаковский и С они и. Аммиан Марцеллин. Кн. XVIII. 7. Киев, 1906—1908. С. 223.

[8] Theoph. 322,20.

[9] Chron. pasch. I. P. 729, 15.

[10] Theoph. 324,20.

[11] Известия инст. VI. Hieria.

Сноски к главе IV

[1] Theoph. Ed. de Boor. P. 342, 10.

[2] Herzog. Realencyklop. XIII, 402: Monotheleten.

[3] Проф. Шестаков. Папа Мартин I в Херсоне//Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе. II. С. 136.

[4] Παπαρρηγοπουλος. Ιστορία. III. P. 357.

[5] Theoph. Chronogr. Ed. de Boor. P. 353: Ό δε προλεχθεΐς Κωνσταντίνος... διήρεις ευμεγέθεις κακκαυοπυρφόρους και δρόμωνας σιφωνοφόρους κατεσκεύασε. Ниже у Феофана читается важное место о положении дворца Евдома на берегу Мраморного моря.

[6] Theoph. P. 354, 14: Τότε Καλλίνικος αρχιτέκτων από Ηλιουπόλεως Συρίας προσφυγών τοϊς 'Ρωμαίοις πυρ 9αλάσσιον κατασκευάσας τα των Αράβων σκάφη ένέπρησε και σύμψυχα κατέκαυσεν.

[7] Mansi. Concilia. XI. Col. 195; Hefele. Conciliengesch. III. S. 249; Hartmann. Gesch. Italiens. II. S. 258.

[8] Λαμπρός. III. P. 752; Bury. II. 320.

[9] Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь // Изв. отд. русск. языка и слов. Имп. Ак. Наук. XIV. Кн. I; Шестаков. Памятники христианского Херсониса. III. С. 30 и след.

[10] Nicephori. Breviarium. 40.

[11] Nicephori. 41: Έκλιπαρών — εί ζώντα Ίουστινιανόν ή την κεφαλήν αΰτω έκπέμψαι.

[12] Раскопки Русского археологического института в Константинополе// Известия. Т. X.

[13] Псал. 91, 13.

[14] Theoph. 368, 16: Έκέλευσε Στεφάνω τω πατρικίω και στρατηγώ νυκτός άποκτεΐναι τον δήμον Κωνσταντινουπόλεως, αρ'ξασΟαι δε από του πατριάρχου.

[15] Theophanes. 376; Nicephori. 44.

[16] Nicephori. 44: 'Εκ τε των στρατιωτικών καταλόγων, έτι δε καϊ του γεωργικού και των βαναοσικών τεχνών, των τε εκ του συγκλήτου βουλής και του της πόλεως δήμου.

[17] Theoph. 379, 23: Δια του κριοΰ τον λεγόμενον Κεντηναρήσιον πϋργον καταβαλόντος. Ср. такого же наименования башню в Никее//Известия инст. III. 180.

[18] Gregorovius. II. 182—199.

Сноски к главе V

[1] Pauli Diaconi. 11, 32. Post cuius mortem Langobardi per annos decem regem non habentes sub dicibus fuerunt; Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelal-ter. 11; 1 Halfte. Gotha, 1900.

[2] Hartmann. Untersuchungen zur Geschichte der Byz. Verwaltung in Italien. S. 8; Diehl. Etudes sur l'administr. byzant. dans 1'Exarchat de Ravenne. P. 6—22.

[3] Migne. Patrol. Lat. LXXII. Col. 703.

[4] Diehl. L'exarchat de Ravenne. P. 174, 175.

[5] О папе Григории обширная литература. Укажем: Lau. Gregor I nach seinem Leben. 1845; Hartmann. Gesch. Italiens. II. I. S. 120. На русском: Успенский Ф. Церковно-полит. деят. папы Григория. Казань, 1901.

[6] Migne. Patr. lat. LXXIV, 1010. Lib. 11. Horn. VI; Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom. II. S. 42—45.

[7] Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom. II. S. 59—60.

[8] Epist. IV, 24. Так, папа поручает диакону Григорию: «Propterea experien-tiae tuae praecipimus ut de vita et actibus ipsius (речь идет об епископе) subtili indagatione studeat perscrutari... ad nos eum cum scriptis tuis de his, quae in veritate cognoveris, omni modo sub competenti cautela transmitte.»

[9] Разбор вопроса в книге Успенского: Церковно-политич. деятельность папы Григория. С. 208 и ел.

[10] Migne. LXXVn. Epistol. Lib. XIII. Epist. XXXI.

[11] Edictum Rotharis. Ed. Bluhme. Mon. Germ. Разбор эдикта: Hegel. Gesch. der Stadteverfassung in Italien. I. S. 386; B runner. Deutsche Rechtsgesch. I; Hartmann. Gesch. Italiens. II. 2, 1. Кар.

[12] Edictum. § 194. Si quis cum ancilla gentili fornicatus fuerit, componat domino elus solidus XX, et si cum Romana XII sol.

[13] Gregorovius. II. S. 150 squ.

[14] Liber pontificalis ecclesiae Romanae. Ed. Duchesne. Paris, 1886.

Сноски к главе VI

[1] Bury. The Chronological Cycle of the Bulgarians//Byz. Z. B. XIX. S. 127; Marquardt. Известия Института. Т. XV.

[2] В игу. Byz. Z. XIX. I, 137.

[3] Theoph. P. 357.

[4] Ibid. P. 358: Τον "Ογλον καταλαβών βορειοτέρους του Δανουβίου ποταμούς μεταξύ τούτων κάκείνων ωκησεν.

[5] Проф. Златарский. Период, списание. Кн. 63. С. 326—327.

[6] Известия Русского археологич. института. Т. X. С. 517, 558.

[7] Там же. Абоба-Плиска с альбомом.

[8] Известия Русского археологич. института. Т. VIII. С. 28 и ел.

[9] Nicephori pair. P. 47. Ed. de Boor.

[10] Hamart. ed. Muralt. P. 622.

[11] Theoph. P. 382; Niceph. P. 48.

[12] Theoph. P. 497.

[13] Ibid. P. 497, 19: Αι (σπονδαϊ) τους ορούς περιεϊχον από Μηλεώνων της Θράκης.

[14] Известия. Т. X. С. 503 и ел.; Златарский. Период, списание. Кн. 63. С. 490; Иречек. Путеш. по Болгарии. С. 682.

[15] Известия. Т. X. С. 77.

[16] Там же. С. 193.

[17] В болгарском журнале «Ми на л о» [Кн. I] г. Баласчев дает исследование этого вопроса.

[18] Миллер В. Экскурсы. С. 222.

[19] Radloff. Die altturk. Inschr. II. 138.

[20] Известия. X. С. 206 и след.

[21] Theoph. 358, 15.

[22] Ibid. 359,17: Κυριευσάντων δε τάς λεγομένας επτά γενεάς υπό πάκτον *οντάς*. По отношению к македонским славянам места разобраны в «Известиях». Т. XIV. С. 54.

[23] Ibid. 366, 1.

[24] Болгарский журн. «Мина л о». Кн. 2. С. 205 и сл.

[25] Marquart. Osteurop. und ostasiatische Streifzuge. S. 204—205.

[26] Jaffe. Regesta pontif. Romanorum. I. P. 360; Migne. Pair. lat. T. 119. Col. 978.

Сноски к главе VII

[1] Theoph. 352, 368, 378, 380, 383 и др. (Ed. de Boor).

[2] Bury. A history of later Roman empire. II. P. 339; Diehl. LOrigine du regime des themes. Paris, 1896; Gelzer. Die Genesis der byzant. Themenverf. Lpz., 1899; Успенский. Известия Русского археол. инст. в Константинополе. VI. 154.

[3] De Thematibus. P. 12.

[4] Bibl. geohraphorum. Ed. de Goeje. Pars VI. Lugduni Batav., 1889. P. 196.

[5] De adm. imp. 225, 14. Место важно для доказательства территориального характера военных терминов. О местности Κόμματα см.: Ramsay. The Histor. Geography of Asia Minor. P. 216, 227.

[6] De Cerim. 663, 3.

[7] Theoph. Chronogr. 469, 9.

[8] Известия. Т. IV. Ст. г. Баласчева.

[9] Лучшее место: De Cerim. 663, 15; у Генесия упоминается: Εν τω Χαρσιανοῦ 9έματι μεράρχης ό Μαχαίρας (P. 97).

[10] Ducange. Glossarium graecitatis. S. v.: Μεράρχαι, τουρμάρχης. Рукопись Московской Синод, библиотеки (архим. Владимира № 436). Fol. 271.

[11] De Thematibus. 17, 14.

[12] De Cerim. 666—667.

[13] Вена. Cod. philos.-philol. LV. Fol. 171.

[14] Ibid. XXIV. Fbl. 278.

[15] Моск. Синод, библ. Cod. 436. Fbl. 127 v. (по каталогу архим. Владимира): Των καβαλαρικών διατάξεων οι αρχηγοί έχέτωσαν βάνδα τα δε βάνδα αυτών είναι ανά άνδρας πεντήκοντα; Fol. 128 г.: φοῦλκον — βάνδα τρία ήτοι άνδρες 150: Fol. 129 г. 10 банд — 500 человек.

[16] Leo. Tactica. Q. 4, § 30: "Εστί δε ή του στρατηγού προέλευσις εις τινας άρχοντας διαιρούμενη οίον τον τε κομητα της κόρτης αύτοῦ κ3Ϊ τον του δέματος δομέστικον.

[17] De Cerim. 489. 3, 17. 20.

[18] Genesii. Regum. I. P. 10, 13.

[19] Lex Ripuariorum. Tit. 88.

[20] Zachariae v. Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Rom. Rechts. XIV: Ό χαρτουλάριος προς την του στρατού καταγραφήν; ср.: Ducange. Glossarium Latinit. S. v. chartularii (со ссылкой на «Тактику» Льва. С. 4, § 31).

[21] Ducange. Glossar. graecitatis. S. v.: Δομέστικος του δέματος ος μετά κόμητος κόρτης είς την προέλευσιν του στρατηγού τέτακται.

[22] De Cerim., 663, 6: Δρουγγαροκόμητες 64, έχοντες οι αυτοί δρουγγαροκύμητες οί μεν ανά στρατιωτών 2, οί δε ανά 3.

[23] Εν δε εκαστον βάνδος 'εχέτω το ίδιον φλάμουλον... 'έχειν δε καί τα φλάμουλα τα γνωρίσματα από στοιχείων.— Cod. Моск. Син. б. № 436. Fol. 129 v.

[24] Моск. Син. библ. Cod. 260. Fol. 269 v.: οί κένταρχοι εφεξής δε οί δέκαρχοι, ήγουν οί πρώτοι των λεγομένων άκιών.

[25] Ducange. Glossar. graecitatis. S. v.

[26] Leonis. Tactica: "Εκαστος τουρμάρχης άφοριζέτω ίδιον μανδάτορα προς το μη παραμένειν αυτόν είς την κόρτην του στρατηγού; Clossar. S. v. Μανδάτωρες.

[27] De Cerim. 738, 5. Протомандаторы в тексте Константина пропущены, их место должно быть там, где стоят протомандаторы экскувиторов, т.е. р. 738, 10.

[28] Malalas. 429; Theoph. 175; Cedreni. 643.

[29] Упоминается в 669 г. и в письме Юстиниана II к папе: Mansi. XI. 737; Gelzer. Die Genesis. 10, 20 и др.

[30] Пока лучшее место о гражданской администрации фемы находится yZachariae. Geschichte des griechisch-romischen Rechts. 2-e Aufl. S. XIV.

[31] Theoph. Ed. de Boor. P. 480, 1; 486, 10.

[32] Theoph. 480, 1.

[33] Theoph. 486, 10.

[34] Что таково было потом войско, об этом у Феофана (490, 5).

[35] Моя статья о вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия//Известия института. XIV. 57—58.

[36] Theoph. 348.

[37] Sachau. Reise in Syrien und Mesopotamien. S. 70; Известия института. VIII. 28 (ст. Б. А. Панченко).

[38] Theoph. P. 364.

[39] Constantini. De Cerimoniis. 666, 669.

[40] Constantini. De Cerimoniis. II. C. 49; Панченко Б. А. в «Известиях института». VIII, 51 и сл.

[41] Памятники славян в Вифинии VII в.//Ст. Панченко Б. А. в «Известиях». VIII. 25: Των άνδρας δόντων Σκλαβόων της Βιδυνών επαρχίας.

[42] Zachariae. Geschichte des griechisch-romischen Rechts. 2. Aufl. S. 525; Καλλιγά. Μελέται καί λόγοι. 183—304; Васильевский. Журн. минист. народного просвещения. Март, 1879; Успенский, в том же журнале, август, 1885.

[43] De Cerimoniis. 695, 14.

[44] Новеллы изданы: Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum. III. В русском переводе они читаются в статье Васильевского: Ж. М.Н. просв. Март, 1879.

[45] За подробностями отсылаем к указанной выше литературе вопроса.

[46] Theoph. Chronogr. 251,25: Ό δε βασιλεύς Τιβέριος άγοράσας σώματα έ9νικών κατέστησε στράτευμα εις όνομα ίδιον άμφιάσας και κα9οπλίσας αυτούς χιλιάδας 15.

[47] Malala. Chronogr. 429, 16: Theoph. 175, 7.

[48] Mansi. Concilia. XI. Col. 737.

[49] Diehl. LOrigine des themes. P. 55.

[50] Gelzer. Die Genesis der Themenverfassung. S. 65—67.

Сноски к главе VIII

[1] Sprengel. Das Leben u. die Lehre d. M.; Mu 11 er. Der Islam im Morgemmd Abendlande. I. S. 23—24; Lebon Gustav. La civilisation des Arabes. Chap. Ill; Крымский. История мусульманства. Ч. I, II.

[2] Lebon G. La civilisation des Arabes. P. 67.

[3] Miiller. S. 50—51.

[4] Der Islam. S. 71.

Сноски к главе IX

[1] Weil. Geschichte der Chalifen. Mannheim, 1846. I. S. 37.

[2] Gesch. der Chalifen. I. S. 104.

[3] Bury. I. 268—269.

[4] Diehl. L'Afrique Byzantine. I. Paris, 1896. P. 36 squ.

[5] Ibid. P. 469.

[6] Ibid. P. 529—530.

[7] Ibid. P. 540.

[8] Weil. Geschichte der Chalifen. S. 110.

[9] Имеется в виду, главным образом, жизнеописание св. Максима; Migne. Patrologia. T. XC и XCI. P. 459 и след.

[10] Diehl. L'Afrique Byzantine. P. 574.

[11] Ibid. P. 590—591.

[12] Theoph. Chron. P. 347; B u r y (p. 292) толкует это место, но неубедительно.

[13] Theoph. Chronogr. 354.

[14] Theophanis. P. 356,2.

ИКОНОБОРЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Сноски к главе I

[1] Theoph. P. 387: Έλ9έ ούν προς αμας καϊ δις λαλήσωμεν τα προς είρήνην.

[2] T he o ph. Chron. P. 390. Таковы места поблизости Амория: Μασαλαιός, θεοδοσιανά, Άκροϊνός. См.: Ramsay. The Historical Geogr. of Asia Minor. Index.

[3] Weil. Gesch. der Chalifen. 1. S. 567.

[4] T he o ph. P. 395, 14: Μηδέν δε παρά Λέοντος δεξάμενος καϊ γνούς ότι ένεπαίχ9η υπ' αύτοΰ.

[5] Theoph. P. 397, 14.

[6] Λαμπρός. Ιστορία της Ελλάδος. III. 729.

[7] См.: Bury. A. History of the later Roman Empire. I. 405.

[8] Dahn. Die Konige der Germanen. VI. 2-e Aufl. S. 686; Fournel. Les Berberes. Etude sur la conquete de i'Afrique. I. 238; Muller. Der Islam. I. 424 и ел.; Leclercq. L'Espagne chretienne. Paris, 1906. P. 360; Huart. Histoire des arabes. Paris, 1913. Vol. II. P. 134 squ.

[9] Theoph. 405—406.

Сноски к главе II

[1] Для иконоборческого вопроса укажем: Gfrorer. Byzantinische Geschich-ten. II; Schwarzlose. Der Bilderstreit. Gotha, 1890; Успенский Ф. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. Прекрасный обзор литературы и фактический материал у Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. T. III. Paris, 1910. P. 601.

[2] Theoph. P. 399, 25: Έποίησε δε και επιστολή ν δογματνκήν προς Λέοντα τον βασιλέα.

[3] Theophanes. P. 399, 401—402.

[4] Migne. Patrol. T. 95. Col. 373, 376, где между прочим упомянуты монтанисты.

[5] Успенский Ф. Очерки по истории визант. образованности. С. 205—211. Он же. Синодик в неделю православия (отд. отт. С. 41—43); Попруженко М. Г. Козма пресвитер//Известия Р. А. института. Т. XV. С. 124.

[6] Theoph. P. 404.

[7] Mansi. Concilia. XII. P. 959; Hefele. Conciliengesch. III. 376—404 (франц. пер. Leclercq. III. P. 632).

[8] Hartmann. Gesch. Italiens. II. 2-e Halfte. S. 118, и в другом соч.— Unter-

suchungen. S. 131—отрицает подлинность письма.

[9] Migne. Patrol. Lat. T. 94. P. 1271.

[10] Siffert Me. Dialogue between a Christian and lew. Marburg, 1889. Перечень антииудейских сочинений: 1, 12—27.

[11] Theoph. P. 405.

[12] Migne. Patrol. T. 94. Col. 1231 и ел.

[13] Ibid. Col. 1281.

[14] Ibid. Col. 1352: последние 9εοΐ λέγονται αληθώς ου φύσει, άλλα 9έσει... "Ωσπερ τοίνυν άληδώς είσϊ ου φύσει αλλ' ως του φύσει 9εοϋ μέτοχοι.

[15] Theophanis. P. 408.

Сноски к главе III

[1] Theoph. Ed. de Boor. P. 410. 14.

[2] Hartmann. Gesch. Italiens. II. S. 150—151.

[3] Lenormant. La Grande Grece. II. 387 squ.

Сноски к главе IV

[1] Theoph. P. 414.

[2] Ibid. P. 370, 23.

[3] ZachariaevonLingenthal. Geschichte des griechisch-romisch. Rechts. Berlin, 1892 (3-e Aufl.).

[4] Законодательство иконоборцев//Журн. М. Н. проев. Ч. 199—200; Павлов. Книги законные. С.-Петербург, 1887.

[5] Начиная с Zachariae a LingenthalH продолжая Paparrigopoulo, «Histoire de la civilisation hellenque», Васильевским, Павловым, Успен-ским/уЖурн. М. Н. проев. Ч. 225 (1883) и др.

[6] Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии//Известия Р. А. института в Константинополе. Т. IX.

[7] Theoph. 405. П.

[8] Zonaras. IV. P. 340; HamartoliG. P. 634.

[9] Успенский. Известия Р. А. института в Константинополе. Т. XIV; T af-г a 1 i. Sur les reparations faites au VII S. a Feglise de S. Demetrius // Revue Archeologique. 1909. II. P. 381; Tafrali. Topographie de Thessalonique. Paris, 1913. P. 172—173.

Сноски к главе V

[1] Theoph P 399—400

[2] Ibid 396, 8, 19

[3] Ibid 418

[4] Ibid 419 (сообщает цифры)

[5] Ibid 420, 25

[6] Известия Р А института Т III 180

[7] Lombard Constantm V Pans, 1902 P 34—35

[8] Well Gesch der Ghahfen I S 666—680

[9] Theoph P 422

[10] Ibid P 429, 26

[11] Nicephon P 66—67

[12] Theoph 429,431,7

[13] Известия X С 514, 564 Карнобадский Гиссар и Бакаджик

[14] Theoph P 432 25 Οί δε Βούλγαροι έπανασταντες έφονευσαν τους κοριούς αυτών

τους άπο σειράς καταγόμενους

[15] Nicephon 69, Theoph 432, 28, cp Известия VIII 34

[16] Nicephon P 69 Και δυο χρυσοί λουτήρες, οι εν τη νήσω κατεσκευασ9ησαν Σικελια, δημοσιεύονται

[17] Ibid P 70 το δυστυχές Τελεσσιου $εασαμενοι

[18] Theoph 433, 18 Прекрасное место Хомвентон ποιησαντες οί Βούλγαροι άντεστησαν στερρώς τω Σαβινω λέγοντες, ότι δια σου ή Βουλγαρία μέλλει δουλουσ&αι τοις ρωμαιοις

[19] Theoph 436, 14

[20] Ibid Άποστειλας δε ό βασιλεύς λα9ρα είς Βουλγαριαν

[21] Σκαμαρεις Основное место у M e n a n d e r Fragm 35, Bury II P 117

[22] Theoph 436, 23 Места писателей разобраны в «Известиях» T X C 547 Чаталарская надпись вполне разъясняет известие Феоф^ана

[23] Theoph 447 Και εποίησαν έγγραφα και ώμοσαν άλληλοις.

Сноски к главе VI

[1] Hefele-Leclercq Histoire des Conciles III 694 n

[2] Theoph 427, 20 Σιλεντια καθ' έκαστη ν ποιών τον λαον έπεισε προς το Ίδιον αυτού φρόνημα δολιω έπεσδαι

[3] Acta SS apr 1 P 260, Ibid XXX C 27, приложения

[4] Ibid XXX C 29

[5] Это знаменитые «Возражения» патр Никифора См Migne Patrol T 100 Col 206 и ел

[6] Migne Patrol 100 P 342, Lombard Constantm V, Empereur des Romains V P 114—115

[7] Новые хронологические разыскания — см Hubert Chronologic de Theophane Byz Z 1097 T V P 491—доказали необходимость исправить хронологию на 1 год.

[8] Mansi Concilia XIII Col 205 Но здесь сохранились не деяния собора, а лишь окончательные постановления

[9] Русский перевод «Деяния вселенских соборов» T VII Казань, 1873 C 408.

[10] Hefele-Leclercq III 698 n

[11] Mansi XIII Col 336.

[12] Ibid Col 348—349.

[13] Ibid Col 353.

[14] Migne Pair 100 Col 340.

[15] Ibid Col 341.

[16] Oгайо contra Caballmum Ap Migne Vol. 95.

[17] Theoph P 435,14. Другие места у Hefele-Leclercq III P 795η

[18] Nicephori P 71.

[19] Nicephon P 72, 73, Theoph P 437.

[20] Niceph P 73 Εφ' οίς δρκοις βεβαιούν έβουλευσαντο άπαν αύτοΐς το ύπηκοον ως το λοιπόν είκονι μη προσκυνεΐν αγίων τίνα

[21] Theoph 443, Mann Les momes de Constantinople Pans, 1897.

[22] Lombard Constantm V P 152 squ.

[23] Theoph P 455.

[24] Ibid P 437, 26.

[25] Жизнь ев Стефана. См. Lombard P 159, 165.

[26] В защиту и оправдание политики Константина следует назвать главней-ше Paparrigopoulo Histoire de la civilisation hellenique Pans, 1878, Lombard Constantm V Paris, 1902.

[27] Theoph 435, n

[28] Ως κατά του βαοιλεως πσνηρα βουλευσαμενοι (Theoph 438).

[29] Как настаивает L o m b a r d Const P 147.

[30] Theoph 441, 10 Και άσηκρητης ην συν αύτω βαστάζων τομον χάρτου εν ώ ην γεγραμμενα τα τούτου αίτια .

[31] Bury History II P 469.

Сноски к главе VII

[1] Duchesne Liber Pontificahs T 1 P 202 Hefele-Leclercq III P 711

[2] В основе лежит знаменитый «Cod Carolmus» Ed Gimdlach, Mon Germ Epistolarum T III P 469, Langen Gesch der rom Kirche Bonn, 1895, Greg-o r o v ι u s Gesch. des Stadt Rom, Hartmann Geschichte Itahens im Mittelatter II Band, Кудрявцев Судьбы Италии Москва 1850

[3] Основное место в «Annal Launssenses» ap Pertz SS I Burghardus episcopus et Fordradus capellanus missi fuerunt ad Zachanam papam mterrogando de regibus in Francia qui ilhs temporibus non habentes regalem potestatem, si bene fuissent an non Et Zachanas papa mandavit Pippmo, ut mehus esset ilium regem vocan qui potestatem haberet, quam ilium qui sine regah potestate manebat Theoph P 403, 13 λυσαντος αυτόν της έπιορκιας της προς τον ρήγα του αΰτοϋ Στεφανου.

[4] Gesch. des Stadt Rom II S 270.

[5] Hartmann Gesch Itahens II S 181 squ Leipzig.

[6] Liber Pontific Vita Steph II C 27squ,Jaffe Regesta P 191 № 1771. Подробный разбор вопроса Oelsner Jahib des Frankisch Reiches 1871 S 130 squ Vos beato Petro polhciti estis ems justitiam exigere et defensionem S ecclesiae procurare

[8] Cod Carolin epist P 37 quod semel b Petro obruhstis nulla deberet ratione ab ems mre et potestate separari

[9] Ep 7 Далее обязательства Пипина Et vos b Petro polhciti estis ius lustitiam exigere eu defensionem s ecclesiae procurare Не человеческое дело пору чаю вам, non emm gladius hommis sed gladms Dei est, qui pugnat

[10] Ibid P 492 Sciatis enim, quia sicut cyrographum, vestram donationem prmceps apostolorum firmiter tenet.

[11] Cod Carolin NO Ю

[12] Кудрявцев С. 541.

[13] Этому вопросу посвящена статья Bury The naval Policy of the Roman Empire//Centenario della nascita di Amari Vol II 1910.

[14] Jaffe IX P 158.

[15] Gregorovius II S 333.

[16] Такие указания собраны и оценены у Кудрявцева Судьбы Италии 661—662, Abel Jahrbucher der Frank Gesch S 115 120.

[17] Anastasii. Vita Hadr.; Abel. Jahrb. 128.

[18] Vita Hadriani. P. 186.

[19] Для вопроса об южно-итальянских владениях Византии см.: lules Gay. L'ltalie Meridionale et I'Empire Byzantin. Paris, 1904. P. 5—48. Там же географические карты Южной Италии; Spruner-Menke. Hand-Atlas. N. 21.

[20] Chron. Salernit. Pertz. SS. Ill; Leo Ost. 1—9.

[21] Cod. Carol. P. 581.

[22] Васильев А.//Изв. Р. А. института. V. С. 56, 77.

[23] Cod. Carolinus. Ep. 83. P. 617.

[24] Ibid.: Ferentes secum ve'stes auro textas simul et spatam... patncium eum constituendi.

Сноски к главе VIII

[1] Theoph. P. 444. 15.

[2] Diehl. Figures Byzantines. P. 78—109.

[3] Theoph. 449: Καί εδοξεν ευσεβής είναι και φίλος της αγίας 9εοτόκου και των μοναχών, ο9εν και μητροπολίτας εκ των άββάδων εν τοις πρωτίστοις δρόνοις προεβάλετο.

[4] Theoph. 451, 14; Gelzer. Die Genesis der Themenverf-.~S. 79.

[5] Theoph. 454, 21: Τους δε άνδραδέλφους αυτής άποκείρασα Ιερατεΰσαι καϊ μεταδουναι τω λαώ πεποίηκεν εν τη εορτή της χριστού γεννήσεως.

[6] Ibid.[l]474;i2.

[7] Ibid. 455, 19. Павел Диакон обучал греческому языку тех лиц, которые хотели сопровождать принцессу // Известия. V, 57.

[8] Ibid. 463, 21: Λύσασα δε ή βασίλισσα Ειρήνη την προς τους Φράγγους συναλλαγήν.

[9] Theoph. 465, *8:* Τύψασα δε καί τον υίόν και πολλά λοιδορήσασα άπρόϊτον εποίησεν επί ημέρας ίκανάς. Приведенные слова не оправдывают выражение Диля (Figures byz. P. 95): I'empereur lui-meme fut battu de verges comme un enfant rebelle.

[10] Theoph. 465—466.

[11] Λαμπρός, IV, 37.

[12] Theoph. 472, 19.

Сноски к главе IX

[1] Theoph. 258, 5. Почти в тех же выражениях говорит он о начале иконоборчества. P. 404, 4.

[2] M a n s i. Concilia Sacrosancta. T. XII, XIII.

[3] Такова Divalis sacra Ирины и Константина к папе: M a n s i. XII, 984.

[4] Theoph. 460, 25: Καί άποστείλας εν Ρώμη τα συνοδικά αυτοΰ... άποστείλασα δε καϊ ή βασίλισσα ήτήσατο πεμφ9ήναι γράμματα τε αΰτοΰ και ανθρώπους προς το εύρεΟήναι εν τη συνόδω.

[5] Mansi. XII, 999.

[6] Theoph. 462, τ.

[7] Mansi. XII. Col. 1015.

[8] Ibid. Col. 1031.

[9] Mansi. XIII. 128.

[10] Об этом см. мое сочинение: Очерки по истории визант. образованности. СПб., 1891. С. 36, 37.

[11] Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. III. 772, n. 3.

[12] Mansi. XIII. Col. 376.

[13] Ibid. Col. 376, 377.

[14] Ibid. 404, 405.

[15] Theoph. 463, 10.

[16] Cedreni. II. 26. 13: EI μη τοῦτο γένηται τους ναούς των ειδώλων ανοίγω. К толкованию места Hefele-Leclercq. III. 801.

Сноски к главе X

[1] Codex Carolinus. Ep. 48.

[2] Casquet. L'empire byzantin et la monarchic franque. P. 254—255, 253—275.

[3] Ibid. 263.

[4] Casquet. P. 265; Hartmann. Gesch. Italiens. III. S. 306—312.

[5] Hefele-Leclercq. III. P. 1062, n. 3; Gundlach. Mon. Germ. Epist. III. P. 449.

[6] Hefele-Leclercq. III. P. 1065.

[7] Hefele-Leclercq. III. P. 1071, squ.; Hartmann. Gesch. Ital. II, 321.

[8] Пшвнейше: Abel. Jahrbucher unter Karl dem Grossem: Sim son. Jahrbucher. Berlin, 1866—1883.

[9] Vita Caroli M. II: Omnes barbaras ac feras nationes, quae inter Renum a Visulam fluvias, oceanumque ac Danubium positae... ita perdomuit, ut eas tributarias efficeret. Inter quas fere praecipuae sunf Velatabi, Surabi, Abodriti, Boemanni.

[10] Einh. A. 791.

[11] П. С. Р. Л. 1. С. 5.

[12] Ср. также: Fredegar. C. 48.

[13] Budinger. Oesterreichische. Gesch. I. 148.

[14] Zeissberg. Sitzungsber d. K. A. d. W. In. Wien, 1863. 319.

[15] Monumenta Germaniae. Leges 1. P. 127.

[16] Васильев А. В. Карл В. и Харун-ар-Рашид//Виз. Временник. XX, 63. Размах мировой германской политики, с которым ждет сопоставления современная нам германская империя.

[17] Cabrol-Leclercq. Dictionnaire d'Archeologie chretienne. Fasc. XXV; Poetae Carol I. V. 366, 406. Ap. Hartmann. II. S. 354.

[18] Liber Pontificahs, Vita Leonis. C. 11 —16; Hartmann. II. 355.

[19] Alcuini. Epist. 95. Ap. Migne. 100.

[20] Anna 1. Lauriss. Einhardi. Anno. 799. Известие о приглашении находится в Ann. S. Petri Colon. Monum. Germ. S. XVI, 730; Hartmann. Gesch. Italiens. II. 355. Anm. 10, 11.

[21] Ibid. S. 343—344.

[22] Gasquet. L'empire byzant. P. 283.

[23] Theopan. 475, 12.

[24] Ibid. 475, 27: Εφθασαν δε καϊ οι άποσταλέντες παρά Καρούλου αποκρισιάριοι και του πάπα Λέοντος προς την ευσεβεστάτην Ειρήνην αιτούμενοι ζευχ9ήναι αυτήν τω Καρούλω προς γάμον, και ένώσαι τα εωα και τα εσπερία.

[25] Harnack O. Das karol. und das byz. Reic. Gottingen, 1880. S. 42, 43.

Сноски к главе XI

[1] Fallmerayer. Geschichte des Halbinsel Morea wahrend des Mittelalters. Stuttgart und Tubingen. 1830—1836.

[2] Fragmente aus dem Orient.

[3] Παπαρρηγοπουλου. Περί εποικήσεως σλαυικών τινών φυλών εις την Πελοπόννησον. В переработке эта статья вошла в «Ιστορικαΐ πραγματεΐαι». Афины, 1858.

[4] Hopf. Griechenland. S. 100//Энциклопедия Эрша и Грубера. Т. 85.

[5] De Belloguet. Types Gaulois. P. 51—53.

[6] Как на более новый опыт рассмотрения этого вопроса можно сослаться на статью проф. А. А. Васильева: Славяне в Греции//Визант. Временник. Т. 5. С. 410 и сл.

[7] Pauli Diaconi. Hist Longobard. IV, 44.

[8] Monum. Germ. S. XV, 93: Venerunt Saracusam — et inde navigants venerunt ultra mare Adriaticum ad urbem Manafasiam in Slawinia terrae.

[9] Nicephori. P. 57; Theoph. 405, 18.

[10] Таково мнение Bury: Hictory of the Later Roman Empire. Vol II. 437, 438.

[11] Constantini. De Thematibus. II. P. 53.

[12] Theoph. 429. 22: Εν τη πόλει δλιγωσδέντων των οικητόρων εκ του θανατικού, ήνεγκε συμφαμίλους εκ των νήσων και Ελλάδος.

[13] Theoph. 456, 27.

[14] Theoph. 457, 7: ΈξήλΟεν ή βασίλισσα Ειρήνη συν τω υίώ αυτής και δυνάμεως πολλής επί την θράκην έπιφερομένη δργανα και μουσικά.

[15] Theoph. 473, 33: 'Εβουλήθη Άκάμηρος, δ των Σκλαυινών της Βελζητίας δίρχων νυχΟεΐς ύπο των Ελλαδικών εξαγαγεΐν τους υιούς Κωνσταντίνου...

[16] Constantini. De administrando imp. P. 217. C. 49.

[17] Αυτοί οι Σκλαβηνοϊ από διανομής και συνδοσίας της ομάδος αυτών επισυνάγουσι τάς τοιαύτας χρείας.

[18] Васильев А. А. Славяне в Греции. С. 429, 434 // Виз. Врем. V.

[19] Первое издание хроники Вис ho n. Recherches historiques sur la princi-paute francaise. II. Paris, 1845; новое изд.: Schmitt. The Chronicle of Morea. London, 1904. Об этой хронике моя статья в «Журнале М. Н. проев.». 1883. Ч. 225. С. 30.

[20] Schmitt. P. 201—202. Vers^ ЗОЮ—3030.

[21] Έδούλωσε τα σκλαυικά κ' είχεν τα εις Οέλημάν του.

[22] Разбор теории у проф. В ас и лье в а//Визант. Врем. Т. V. С. 626.

[23] Σαθας. Documents inedits relatifs a Fhistoire de la Grece (в особенности в Т. IV).

[24] Theoph. 429, 22; Bury. History of the later roman Empire. IΓ. P. 455, 456.

Сноски к главе ХГГ

[1] Theoph. 474, 27: Ειρήνη δε — πάντα στρατευόμενον έκώλυσε προσπελάζειν Σταυρακίω.

[2] Ibid. P. 474, 6. [1]

[3] Ibid. 475, 30: Εί μη Άέτιος ούτος έκώλυσεν, παραδυναστεύων και το κράτος εις τον Ί'διον αδελφσν όφετεριζόμενος.

[4] Точных данных о предмете переговоров не имеется: Einhardi. Annales a. 803: Venerunt ad imperatorem in Germania — in loco qui dicitur Saltz et pactum faciendae pacis in scripto susceperunt.

[5] Acra SS. III. Martii. P. 705.

[6] Моя работа: Первые слав, монархии. С. 20 и сл.

[7] Niederle. Slovanske Starozitnosti. II, 2. S. 352 дает рисунок прежнего и нынешнего расселения славян.

[8] Erben. Regesta et Diplomata. I.; Niederle. II. 2. S. 349—51, где указана обширная местная литература для этого вопроса.

[9] Он озаглавлен так: «De conversione Bagoariorum et Carantanorum Li-bellus».

[10] Samo quidam nomine Sclavus manens in Quarantanis fuit dux gen-tis illius.

[11] Для ранней истории Венеции: Hodgson. The early history of Venice. London, 1901;Kretschmayr. Gesch. v. Venedig. Gotha, 1905.

[12] Hartmann. III. Г. S. 65.

[13] Theoph. 480, 2.

[14] Ibid. P. 486, 487.

[15] Ibid. P. 475, 16.

[16] Об этой подати: Theoph. P. 487; Theoph. Contin. P. 54; Zachariaea Lingenthal. Zur Kenntniss des romischen Steuerwesens. S. 13; Ва-сильевский. Материалы для истории византийского государства//Журн. мин. нар. проев. Август, 1879. С. 368 и ел. Само собой разумеется, для выяснения сущности вопроса требуются еще новые исследования. Очень хорошая статья помещена в «Bibl. de 1'Ecole des Charles»: XLIV annee. 1883. P. 452—488: «On sail (p. 457) que par f e u on entendait la reunion des habitants d'une meme maison, vivant sous la meme toit». Тяжесть подати выражалась в том, что известная область должна была платить с установленного числа дымов, хотя бы население уменьшилось в 10 раз. «Le feu (p. 459) devient une pure unite administrative; un diocese, une localite ont tant de feux, mais ce chiffre indique seulement la part contributive de ce diocese, de cette localite, dans les depences generates». Λαμπρός. Ιστορία της Ελλάδος. IV, 55.

[18] Epist. I, 16.

[19] Theoph. 481,22.

[20] Epistclae. 1, 38.

[21] Theoph. 470, 27.

[22] Epist. 1, 3.

[23] О Феодоре Студите: Schneider. Der HI. Theodor von Studion. Minister, i. W., 1900; Гроссу Н. Преподобный Ф. Студит. Киев, 1907.Только что появилась обширная и глубоко захватывающая эпоху диссертация А. П. Доброклонско-го: Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский. Ч. I. Одесса, 1913.

[24] Этому вопросу посвящена статья в «Analecta Bollandiana»: XXXII. Fascic. IV. Les relations de S. Theodore avec Rome.

[25] Epist. 1, 33.

[26] Theoph. 488, 9; 489, 9.

[27] Theoph. 489, 14. Это редкое по выразительности место читается: Τους προ αύτοΰ βασιλείς απαντάς ως ακυβέρνητους έμέμφετο, καθόλου την πρόνοιαν άναιρών και μηδένα λέγων γίνεσδαι του κρατούντος δυνατώτερον, εί βούλοιτο ό κρατών έντρεχώς αρχειν.

Сноски к главе XIII

[1] Для занимающего нас периода болгарской истории, кроме т. X «Известий института», отметим новейшие исследования: ЗлатарскийВ. Н. Су-лейманкейская надпись//Известия Болгарского археолог, дружества. III. 1913 г. 2; ряд статей Г. Д Баласчева в его издании «Минало»; наконец, главы о Круме и Омортаге в новой книге Bury: A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912.

[2] Theoph. 467, 8.

[3] Ibid.: Κωνσταντίνος έπεστράτευσε κατά Βουλγάρων και έκτισε το κάστρον Μαρκέλλων; а Кардам: Μετά πάσης της δυνάμεως αυτού Εστη εν τοις όχυρώμασιν.

[4] Проф. Златарский. Периодическо списание. Т. 63. С. 664.

[5] Theoph. 485, 2.

[6] Несколько важных подробностей у Theoph. 490.

[7] Theoph. 491.

[8] Ibid. 499, 32.

[9] Ibid. 501, 31,470, 17.

[10] Theoph. Continuatio. Ed. Bonnae, 1,15, замечает о несчастной битве с болгарами: Και ούτω μεν ταύτην γενέσθαι την μάχην τινές ήμῖν εγγράφως παραδεδώκασιν.

[11] Symeon Mag. De Leone. P. 612—614.

[12] Sym. Mag. P. 615, 19: Και λαβόντες οί Βούλγαροι την αίχμαλωσίαν πασαν μετώκισαν αυτούς εις Βουλγαρίαν εκείθεν του "Ιστρου πόταμου.

[13] Theoph. Cont. P. 24—25.

[14] Bekkeri. Suidae Lexicon. P. 225. Βούλγαροι; Бобчев. Крумово законодательство. Статья помещена в «Известия на Историческото дружество». 1906. Кн. 2.

[15] Известия Р. арх. института. Т. X. С. 401.

[16] Там же. С. 217 и сл. Theoph. P. 497, 16. Theoph. Contin. De Leone, 31, 10; Genesii. 11. P. 41.

[19] Theoph. 498—515.

[20] Theoph. Cont. P. 12—13.

[21] Ibid. P. 31: Καϊ γαρ τάς τριακοντούτας σπονδάς τοις Ουννοις δη τούτοις τοις καλουμένοις Βουλγάροις ένωμότως ποιών και είρηνικάς συμβάσεις καταπ ραττό μενος.

[22] Известия. X. Материалы для болгарских древностей. А б о б а-П лиска. С. 225 и ел.

[23] Bury. The Bulgarian Treaty of A. 814//The english histor. Review. April, 1910; The chronol. Cycle of the Bulgarians//Byz. Zeitschr. XIX. S. 427; Marquart. Известия. XV.

[24] Сомнения основываются на известии Ген ее и я. Regum. II. P. 41.

[25] Подробности в: Известия. X. 222.

[26] Там же. С 214.

[27] Прекрасное место в «Conversio» Anon. Salisburg: Coeperunt populi sive Sclavi vel Bavaril inhabitare terram unde illi ezpulsi sunt Hunni...

[28] Краткие известия у Ейнгарда. Annales. 817—822. Главное пособие: Dummler. Arcriv fur K. oesterr. Geschichtsquellen. X, 1853; Geschichte des ostfrank. Reiches. 1, 34; Hartmann. Geschichte Italiens. III. S. 106—108.

[29] Открыта раскопками Русского археол. института//Известия. X. 545 и ел.

Сноски к главе XIV

[1] Niceph. Opuscula. P. 163: Και δη τόμον συντάξας το της άμωμήτου λατρείας ημών περιέχοντα σύμβολον ύποσημήνασδαι χερσίν οικείαις τον βασιλέα προέτρεπεν.

[2] Incerti auctoris. Vita Leonic Armeni. Αρ. Migne. T. 108. Col. 1024.

[3] Vita Nicephori. P. 88, 15.

[4] M an si. Conoilia. T. XIV. Col. 135; Vita Niceph. P. 202; Melanges de Rome. P. 348 (1903) fascic. 4, статья Serruys.

[5] Главные сведения о жизни Феодора черпаются из его биографии и из его сочинений: Patr. Cursus completus. Ser. graeca. T. 99.

[6] Моя книга: Очерки по истории визант. образованности. С. 44 и ел.

[7] Vita Niceph. P. 209—210.

[8] Genesii. Regum. lib. II.; Theoph. Contin. P. 49—73; Cedreni. P. 74; Zonarae. Ed. Dind. III. P. 392.

[9] Этот важный документ напечатан: B a r o n i i. Annal. Ecclesiastic!. T. XIV. P. 62.

[10] Ed. Bonnae. P. 50.

[11] Васильев А. Византия и арабы. С. 27 и ел.

[12] Langlois. Chronique de Michel le Grand. P. 268: Maimoun loi fournit un contingent de troupes et le fit partir pour Constantinople.

[13] Baronii. Annales. XVI. P. 63.

[14] Genesii. II. P. 39, 16.

[15] Ed. Muralt. P. 698.

[16] Genessii. II. P. 44.

[17] Hirsch. Byzantin. Studien. S. 24—25.

[18] Подробности в моей книге: Очерки по истории визант. образованности. С. 79 и ел.

[19] Vita. P. 320; Epist. 11, 157.

[20] T he o ph. Contin. P. 185; Ibn-Chordadbeh. Ed. de Goeje. Bibi. Geogr. arabicorum. Vol. VI. P. 106. Подробности и литературные указания у проф. А. Васильева: Византия и арабы. Вступление.

Сноски к главе XV

[1] De Caerimoniis. I. P. 503. Прекрасный опыт объяснения богатого материала, заключающегося в «Церемониях», дает сочинение Беляева: Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. С.-Петербург, 1891 — 1906. В трех книгах.

[2] Васильев (Византия и арабы. С. 99) приводит по Табари содержание письма калифа, в котором высказывается предложение Феофилу принять мусульманство.

[3] Васильев. Прилож. С. 30.

[4] Annal. Prudentii. Monum. Germaniae Scriptores. I. P. 434.

[5] Беляев Д. Ф. Byzantina. 1. С. 90 и след.; Ebersolt. Le grand Palais de Constantinople et le livre des Ceremonies. Paris, 1910. P. 160; Bury. A History of the eastern Roman empire from the fall of Irene. London, 1912. P. 129—135.

Сноски к главе XVI

[1] Genesii. Lib. IV. P. 80.

[2] Васильев. Византия и арабы. 1, 95 и приложение 11.

[3] Все эти имена сближены в сочинении: Hergenrother. Photius Patriarch. I. S. 325.

[4] Contin. Theophanis. IV. C. 7.

[5] Вопрос разобран в соч. А. А. Васильева: Византия и арабы. Приложение II.

[6] Моя книга: Очерки по истории визант. образов. С. 59—60.

[7] Мюральт. 1еоргий Амартол. СПб., 1859. С. 718. Моя статья в «Ж. М. Н. проев.» Январь, 1890.

[8] Разбору источников о событиях занимающего нас времени посвящена первая глава в моей книге: Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.

[9] Имеется в виду жизнь св. Иоанникия: Acta SS. Novembris. II. P. 372; Васильев А. Виз. и арабы. I. Приложение III. С. 144.

[10] Asta SS. Martii. II. P. 318.

[11] Мои сочинения: Очерки по истории визант. образованности. С. 89 и ел.; Синодик в неделю православия//в Записках Ими. Новоросс. Унив. Т. 59.

[12] Migne. Pair. Craeca. T. 116; Vita S. Joann. C. 51 — 52, 57.

[13] Pitra. Juris eccles. Graecorum Hist. II. P. 355—357.

[14] Ibid. P. 361—363.

[15] Главный источник—современный Фотию писатель Петр Сицилийский: Petri Siculi. Historia haereseos manichaeorum qui et Pauliciani dicuntur; Ap. Migne. Patrol, graeca. T. 104. Col. 1240 и ел.

[16] Терновский. Грековосточная Церковь в период вселенск. соборов. Киев, 1883. С. 520, 525.

[17] Главное место: Theoph. Contin. Lib. IV. C. 16. P. 165 Bonn.

[18] Основное сочинение: Karapet ter-Mkttschian. Die Paulikaner im Byzant. Kaiserreiche. Leipzig, 1893.

[19] Васильев. Славяне в Греции//Виз. Врем. V, 420.

[20] Sym. Magister. De Michaele. C. 14. P. 659—662.

[21] Васильев. Византия и арабы. С. 182—183.

[22] Там же. С. 188.

[23] Vita Ignatii. P. 248: «Εμοΐ μεν ό πατριάρχης ό Θεόφιλος (это уже упомянутый выше скоморох Грилл) ό Φώτιος δε τω καίσαρι, καϊ τοις χριστιανοΐς ό Ιγνάτιος καΟέστηκεν».

[24] Основное место: Genesii. Lib. IV. P. 98; Hergenrother. Photius I. S. 470.

[25] Βαλεττα. Φωτίου επιστολαι. 146.

[26] Genesii. Lib. IV. P. 98.

[27] Hergenrother. Photius Patnarch. I, 471.

[28] Моя статья в «Известиях». Т. XIV; Tafrali. Thessalonique au XIV siecle. 1913; Diehl. Comptes rendus des seances de 1'Acad. des Inscr. et Belles-Lettres. 1911. P. 25; D i e h 1. Manuel d'art byzantin. P. 346.

Оглавление

Предисловие
5—7
ВВЕДЕНИЕ Сходства и различия в историческом развитии Запада и Востока
8 — 32
ПЕРИОД I (до 527 г.) Элементы образования византинизма
Глава I Византинизм и его культурное значение в истории
35—42
Глава II
Культурный и религиозный кризис в Римской империи. Иммиграция варваров. Перенесение столицы в Константинополь
43 — 52
Глава III
Образование христианской империи. Церковная политика Константина. Православие и арианство
53 — 71
Глава IV
Язычество и христианство в половине IV века. Юлиан Отступник. Характеристика его царствования
72 — 94
Глава V
Церковная и государственная политика в конце IV в.
Феодосии Великий. Дело о жертвеннике Победы.
Иммиграция варваров. Принятие их на службу империи
95 —1Г5
Глава VI
Великое передвижение народов. Падение Западной империи 116—127
Глава VII
Император Феодосии II. Августы Пульхерия и Афинаида-Евдокия.
Августин о граде Божием. Ефесский собор. Монофизиты
128 — 147
Глава VIII
Константинополь. Мировое значение столицы Восточной империи. Епарх города. Ремесленные сословия. Димы. Образовательные учреждения
148 — 175
Глава IX
Маркиан и Пульхерия. Халкидонский собор. Общеисторическое значение 28-го канона. Лев I. Федераты. Аспар и Ардавурий. Экспедиция в Африку
176—191
Глава X
Христианская культура и эллинизм. Константинопольский патриархат. Монашество. Местные святыни
192 — 206
Глава XI
Лев I и Зинон. Следствия Халкидонского собора. Основание остготского господства в Италии

207 — 219
Глава XII
Анастасий (491—518). Положение дел на дунайской границе. Виталиан. Персидская война
220 — 242
Глава XIII
Появление славян в пределах империи 243 — 256
ПЕРИОД II (518—610) От Юстиниана I до Ираклия
Глава I
Характеристика периода. Юстиниан и Феодора. Историк Прокопий
259 — 267
Глава II
Войны с германцами: вандалы и остготы. Поход в Испанию 268 — 290
Глава III
Северо-западная граница империи. Появление славян на Дунае. Утверждение авар в Паннонии и Венгрии
291—303
Глава IV
Юго-восточная и южная границы империи. Персидские войны. Сферы влияния в Аравии. Египет и христианская миссия на границах Абиссинии
304 — 314
Глава V
Внутренняя деятельность Юстиниана. Бунт «Ника». Религиозная политика в Сирии. Симеон Столпник и его монастырь
315 — 332
Глава VI
Постройка св. Софии и других зданий в столице. Линия пограничных укреплений
333 — 338
Глава VII
Торговля Шелковые изделия Таможенное ведомство. Косьма Индикоплов
339 — 347
Глава VIII
Законодательная и административная деятельность Юстиниана. Церковная политика
348 — 363
Глава IX
Обложение земли податями. Земельный кадастр при Юстиниане. Заключительные выводы
364 — 378
Глава X
Ближайшие преемники Юстиниана Славянская иммиграция в пределы империи. Война с Персией
379 — 393

Глава XI
Низвержение Маврикия и провозглашение Фоки.
Восстание экзарха Ираклия
394 — 402
ПЕРИОД III (610—716) Ираклий и его преемники
Глава I
Общая характеристика. Военные приготовления.
Происхождение фемного устройства
405 — 412
Глава II
Завершение славянской иммиграции. Легенда о поселениях хорватов-сербов.
Само. Общая схема древней истории славян
413 — 425
Глава III
Взятие Иерусалима персами. Вторжение в Персию в 623 г и ряд поражений,
нанесенных персидскому царю Осада Константинополя аварами и персами.
Всемирно-историческое значение персидской войны
426—443
Глава IV
Преемники Ираклия 444—461
Глава V
Западные границы империи. Лангобарды до конца VII в. 462—482
Глава VI
Славяне в VII и в начале VIII в. Утверждение болгар на Балканском
полуострове 483—496
Глава VII
Основания фемного устройства 497 — 511
Глава VIII
Арабы. Магомет
512 — 529
Глава IX
Мусульманство и Византия 530 — 550
ИКОНОБОРЧЕСКИЙ ПЕРИОД (717—867)
Глава I
Характеристика периода Лев Исавр. Отражение арабского нашествия
553 — 566
Глава II
Иконоборческий эдикт 567 — 578
Глава III
Следствия иконоборческой политики Льва Исавра в Италии
579 — 588
Глава IV
Внутренняя деятельность Льва Исавра. Административные
и судебные реформы. Законодательство
589 — 596
Глава V

Константин Копроним. Восточная граница — арабы.
Западная граница—болгаре
597 — 613
Глава VI
Иконоборческое движение при Константине Копрониме 614 — 627
Глава VII
Юго-западная окраина. Потеря экзархата. Революционное
движение в Риме. Каролинги. Сицилия и Калабрия
628 — 645
Глава VIII
Семейство Константина V. Лев IV. Ирина и Константин 646 — 659
Глава IX
Церковная политика при преемниках Константина.
Вселенский собор
660 — 671
Глава X
Царица Ирина и Карл Великий. Две империи 672 — 690
Глава XI
Славянские поселения в Греции. Эллинизм в истории Византии 691—700
Глава XII
Царь Никифор I. Споры двух империй из-за Венеции.
Внутренняя деятельность. Преподобный Феодор Студит
701—722
Глава XIII
Болгаре в первой половине IX в. Крум и Омортаг.
Тридцатилетний мир
722 — 734
Глава XIV
Иконоборцы и иконопочитатели в первой половине IX в. Завоевание арабами Крита и Сицилии
735 — 755
Глава XV
Царь Феофил. Восточная граница империи. Потеря Амория 756 — 765
Глава XVI
Царица Феодора. Восстановление православия. Михаил III 766—793
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА
794 — 822

Успенский Ф. И.

У-77 История Византийской империи / Сост. Т. В. Мальчикова.—М.: Мысль, 1996.—827, [1] с. ISBN 5-244-00838-2

Книга выдающегося русского византиниста Ф И Успенского охватывает страницы истории великой империи от перенесения столицы в Константинополь до времени правления Михаила III Этот огромный период включает деятельность Константина Великого, Магомета, Карла Великого, борьбу за светскую и духовную власть, наполненную интригами, предательством, убийствами

Книга представляет интерес для широких кругов читателей

ББК 63.3(0)4

Научная

История Византийской империи

VI-IX вв.

Редактор Т. В. Мальчикова
Оформление художника В. В. Красновского
Художественный редактор Е. М. Омельяновская
Технический редактор В. Н. Корнилова
Корректор З. Н. Смирнова
ЛР№ 010150 от 25.12.91.
Сдано в набор 28.05.96. Подписано в печать 18.11.96.
Формат 60x90$^{x}/_{16}$. Бумага типограф., № 2.
Гарнитура «Тайме». Офсетная печать.
Усл. печ. листов 52. Усл. кр.-отт. 52,88.
Учетно-издат. листов 65,92. Тираж 7000 экз.
Заказ № 2382.
Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.
Государственное ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московское предприятие
«Первая Образцовая типография» Комитета
Российской Федерации по печати. 113054, Москва,
Валовая, 28.